This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Hebrew 25/12

Verlag und Buchhandlung
«Wiek K...»
БИБЛИОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВО ...
«ВЭК КУЛЬТУРЫ»

Verlag
БИБЛИОТЕКА
ИЗДА
ТОРГОВЛЯ
ЛИТЕРАТУРЫ
Wiek

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

СЕНТЯБРЬ. 1893.

Редакторъ „Вѣстника Иностранной Литературы" принимаетъ по дѣламъ Редакціи одинъ разъ въ недѣлю, по Субботамъ, отъ 1 до 2 час. дня.

Редакція журнала «Вѣстникъ Иностранной Литературы» объявляетъ, что заказовъ постороннимъ переводчикамъ *не дѣлаетъ* и ни въ какіе предварительные переговоры и соглашенія, *ни письменные ни словесные, не входитъ*, а предлагаетъ желающимъ помѣстить въ журналѣ переводъ доставлять въ Редакцію рукописи на прочтеніе.

Непринятыя для «Вѣстника» рукописи сохраняются въ Редакціи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня пріема, а затѣмъ не взятыя обратно уничтожаются. Редакція же ни въ какомъ случаѣ не беретъ на себя обязательство возвращать рукописи по адресамъ переводчиковъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы" разсылается гг. городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ каждое 1-е число, почему Редакція покорнѣйше проситъ это замѣтить и въ случаѣ неполученія книгъ своевременно, немедленно увѣдомлять Редакцію.

За перемѣну адреса петербургскаго на иногородній и на оборотъ слѣдуетъ прилагать почтовыми марками 50 коп., а иногородняго на иногородній—28 коп. Необходимо сообщать старый адресъ и № бандероли.

Дозволено цензурою. Спб. 10 Августа 1898 г.

Редакторъ
Ф. И. Буганевъ.

Издатель
Г. Ф. Пантелеевъ.

ВѢСТНИКЪ
Иностранной Литературы.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ III. СЕНТЯБРЬ. 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Африканская ферма. Повѣсть Ральфа Айрона. Съ англійскаго. . . . . 5 — 108

Осень женщины. Марселя Прево. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть вторая. (Продолженіе) . . . . . 109 — 158

Шарль Деналь. Романъ братьевъ Гонкуръ. (Продолженіе). . . . . 159 — 197

Изъ Гейне. Стихотвореніе **М. Давидовой**. 198

Романъ роялиста временъ революціи. (По воспоминаніямъ графа де-Вирье). Маркиза Коста де-Ворегаръ. (Окончаніе) . . . . . 199 — 230

Историческіе очерки, разсказы и анекдоты. I. Смерть маршала Вирона.— II. Женщина-философъ. . . . . 231 — 247

Изъ общественной и литературной хроники Запада. Ѳ. Б. . . . . 249 — 272

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Свѣтопреставленіе. Астрономическій романъ (съ иллюстраціями) К. Фламмаріона. Переводъ **В. Ранцова** . . . . . 49 — 80

Бездѣлицы. (Изъ нравовъ испанской аристократіи). Романъ Луиса Колоны. . . . . 1 — 64

Объявленія: 1) В. Альтшвагеръ—дело часовъ; 2) Краусъ—дело биноклей; 3) Ювелира Э. К. Шуберта; 4) О продолженіи подписки на „Вѣстн. Иностр. Литер." въ 1893 г.; 5) О новомъ художеств.-иллюстр. изданіи Ѳ. И. Булгакова—П. А. Ѳедотовъ и его произведенія художественными и литературными; 6) Германъ и Гроссманъ—дело роялей и музыкальныхъ инструментовъ; 7) Провизора Г. Ф. Юргенса—борно-тимоловое мыло; 8) Стихотворенія Л. Шахъ-Парсіанца—„Впечатлѣнія жизни"; 9) Объ изданіяхъ редакціи „Вѣстника Иностранной Литературы"; 10) Эдуарда Бурхардъ—главное дело часовъ; 11) Альфонса Ралле—придв. поставщ. косметическ. произв.; 12) Балкирской Конторы Александра Кутузова; 13) Р. Нешель—художественныя принадлежности; 14) Косметикъ А. Эйглундъ; 15) С.-Петербургской техно-химической Лабораторіи; 16) А. Капицкаго — спеціальность мебельныхъ матерій и ковровъ; 17) О книгахъ: а) „Горькій Опытъ", романъ В. Фирсова; б) Его-же „Утопленница", комед. въ 3-хъ дѣйств.; в) Н. О. Осипова — новая книга „Обзоръ дѣятельности" ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита; 18) Торговаго дома Н Н. Фролова — спеціальность бѣлья; 19) Торговаго дома Ж. Блокъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская ул., № 16.

1893.

Nebrem 25/12

№ 1461

Verlag und Buchhandlung
« Wiek Kultury »
БИБЛІОТЕКА
ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИГОТОРГОВЛЯ
« ВѢК КУЛЬТУРЫ »

битныя хижины кафровъ, а за ними квадратное зданіе изъ краснаго кирпича съ тростниковою крышей. Лунный свѣтъ обдавалъ поэтическимъ блескомъ и его голыя бурыя стѣны, и деревянную лѣстницу, приставленную къ слуховому окну чердака, и низкую кирпичную стѣнку, выведенную вокругъ двора и не заключавшую ровно ничего кромѣ гладкой песчаной площадки и двухъ подсолнечниковъ, посаженныхъ по сторонамъ входной двери передъ домомъ. Особенно ярко блестѣла цинковая крыша большого открытаго сарая и окружавшихъ его пристроекъ: отражаясь въ каждой полосѣ металла лунный свѣтъ превращалъ ихъ въ потоки полированнаго серебра.

Все было погружено въ глубокій сонъ и въ жилыхъ помѣщеніяхъ было также тихо, какъ и на открытой равнинѣ.

Внутри дома на просторной деревянной кровати лежала тетка Санни, толстая голландка, и безпокойно ворочалась во снѣ. Она легла спать, по своему обыкновенію, не раздѣваясь; а такъ какъ ночь была теплая и въ комнатѣ очень душно, то ей и снились не хорошіе сны. Грезились ей не черти и домовые, которыхъ она и днемъ ужасно боялась; и не второй мужъ ея, чахоточный англичанинъ, похороненный тамъ, за страусовымъ полемъ; и не первый мужъ, молодой голландецъ, а просто снились ей тѣ самыя бараньи ножки, которыхъ она поѣла за ужиномъ. Ей чудилось, что одна такая ножка застряла у ней въ горлѣ, и потому она ворочалась съ боку на бокъ всей своей грузной особой и страшно храпѣла.

Въ смежной комнатѣ, гдѣ служанка позабыла закрыть ставни, луна врывалась бѣлымъ потокомъ и тамъ было свѣтло какъ днемъ. Двѣ кроватки стояли вдоль стѣны: на одной спала дѣвочка съ золотистыми волосами, низкимъ лбомъ и съ лицомъ, усѣяннымъ веснушками; но мягкій лунный свѣтъ скрадывалъ и этотъ недостатокъ, изобличая лишь невинное дѣтское личико, объятое крѣпкимъ сномъ.

За то на другой кровати покоилась дѣвочка, которую можно было принять за прямое послѣдствіе луннаго сіянія, такъ волшебна была ея красота. Ея покрывало свалилось на полъ и луна озаряла ея обнаженные, нѣжные члены. На минуту она широко раскрыла глаза, посмотрѣла на луну и окликнула свою подругу:—Эмма!

Отвѣта не послѣдовало. Тогда она подняла съ полу покрывало, перевернула свою подушку, закуталась съ головою въ простыню и опять уснула.

Только въ одной изъ пристроекъ за большимъ сараемъ

былъ человѣкъ, которому не спалось. Въ комнатѣ было темно: дверь и ставни крѣпко заперты, ни одинъ лучъ свѣта не проникалъ въ строеніе. Тутъ жилъ приказчикъ, нѣмецъ, который крѣпко спалъ въ своемъ углу, скрестивъ могучія руки, между тѣмъ какъ большая черная борода его съ просѣдью мѣрно колыхалась на широкой груди. Но не спалъ его сынъ. Раскрывъ свои большіе глаза, мальчикъ вглядывался въ темноту и обѣими маленькими руками машинально разглаживалъ свое одѣяло, сшитое изъ сборныхъ лоскутковъ. Постелью служилъ ему ящикъ, придвинутый къ стѣнѣ подъ окошкомъ, и мальчикъ только что проснулся послѣ перваго сна. Онъ натянулъ одѣяло вплоть до подбородка, такъ что если-бы и было свѣтло, то изъ его особы видна была-бы только курчавая голова съ шелковистыми черными кудрями, да пара черныхъ глазъ. Онъ пристально всматривался въ темноту, но ничего не могъ разсмотрѣть: ни источенной червями балки на потолкѣ, ни столика съ лежащей на немъ книгой Священнаго Писанія, которую отецъ читалъ передъ отходомъ ко сну; нельзя было разобрать даже гдѣ печка, и гдѣ шкафъ съ инструментами. Такая совершенная тьма производила на ребенка сильное впечатлѣніе.

Надъ изголовьемъ отцовской постели висѣли серебряные часы, и звонко тикали. Мальчикъ прислушивался и невольно сталъ считать удары: тикъ — такъ — тикъ! разъ, два, три, четыре... Онъ вскорѣ сбился со счета и сталъ только слушать: тикъ—тикъ—тикъ—тикъ!...

И все тикаютъ, ни на минуту не перестаютъ; а вѣдь при каждомъ ударѣ секундной стрѣлки какой-нибудь человѣкъ умираетъ? Приподнявшись на локтѣ мальчикъ все слушалъ, слушалъ, и ему захотѣлось, чтобы часы пріостановились хоть на минуту.

Сколько секундъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ домой и улегся спать? Пожалуй тысяча, а можетъ быть и милліонъ?

Онъ снова сталъ считать и чтобы лучше слышать сѣлъ на постели.

„Смерть, смерть, смерть!“ говорили часы „смерть, смерть!“

Это онъ разслышалъ очень ясно. И куда они дѣваются, всѣ, которые умираютъ?

Онъ быстро юркнулъ въ постель и съ головой зарылся въ одѣяло; потомъ черезъ нѣкоторое время шелковистые кудри опять выныр нули.

„Смерть, смерть, смерть!“ тикали часы: „смерть, смерть, смерть!“

Ему вспомнились слова, прочитанныя отцомъ въ этотъ вечеръ:

„Ибо просторны врата и широкъ путь, ведущій къ погибели, и многіе туда стремятся“.

„Многіе, многіе, многіе!“ вторили часы.

„Ибо узки врата и тѣсенъ путь ведущій ко спасенію и не многіе отыщутъ его“.

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!“ тикали часы.

Широко раскрывъ глаза, мальчикъ лежалъ въ темнотѣ. И чудилось ему, что онъ видитъ множество людей, громадную черную толпу, идущую все въ одну сторону; и когда они доходили до края свѣта, то исчезали тамъ. И все они идутъ, и нельзя ничѣмъ остановить ихъ. И думалось ему, что эти несмѣтныя толпы непрестаннымъ потокомъ шли во всѣ вѣка, съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ: такъ шли древніе греки и римляне, а теперь милліоны китайцевъ, индійцевъ идутъ все туда-же. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ спать, сколько-же ихъ прошло?

„Вѣчно, вѣчно, вѣчно!“ тикали часы.

— Стойте! стойте!—крикнулъ ребенокъ.

А часы все идутъ, не переставая. Такъ и воля Божія, никогда она не измѣнится, никогда не посторонится, что ни дѣлай.

Крупныя капли пота выступили на лбу мальчика. Онъ слѣзъ съ постели и распростерся на глиняномъ полу.

— О, Господи, Господи! Спаси ихъ! — шепталъ онъ въ мучительной тревогѣ.—Хоть нѣсколькихъ! Хоть сколько нибудь! Хоть по одному, вотъ каждый разъ какъ я буду молиться! Боже мой, Боже, спаси ихъ!

И сжимая свою голову руками онъ ползалъ по полу.

О, долгіе, долгіе вѣка прошедшаго, поглотившіе уже столько людей! О долгіе, долгіе вѣка будущаго, имѣющіе поглотить столько же! Боже, какъ долга эта вѣчность, которой не будетъ конца!

Мальчикъ припалъ лицомъ къ полу и плакалъ.

Жертвоприношеніе.

Ферма при дневномъ свѣтѣ производила совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ при лунномъ освѣщеніи. Равнина представляла днемъ плоское пространство сыпучаго краснаго песку, поросшаго рѣдкими кустиками тощаго карро, который тре-

щалъ подъ ногами какъ сухой трутъ и нигдѣ не прикрывалъ собою бурой почвы. Тамъ и сямъ попадались кусты молочайника съ торчащими блѣдными прутьями, а по горячему песку то и дѣло бѣгали во всѣ стороны муравьи и жуки. Солнце обдавало такимъ жгучимъ свѣтомъ и кирпичныя стѣны фермы, и цинковыя кровли хозяйственныхъ пристроекъ, и каменныя ограды „кралей", что больно было смотрѣть на нихъ и люди поневолѣ жмурились. Нигдѣ кругомъ не видать было ни одного тѣнистаго дерева, ни единаго зеленаго куста. Тѣ два подсолнечника, что росли передъ дверью дома, тоже не выдерживали нестерпимаго солнечнаго блеска и понуривъ свои громадные желтые цвѣты уставились въ песокъ. Только какія-то насѣкомыя въ родѣ цикады звонко трещали, прячась въ камняхъ большого кургана.

Наружность толстой голландки при дневномъ свѣтѣ тоже нисколько не выиграла: она была теперь, пожалуй, даже хуже чѣмъ ночью, когда такъ грузно возилась и храпѣла на своей кровати. Сидя на стулѣ среди большой передней горницы и упираясь ногами въ деревянную подставку, она утирала свое плоское потное лицо концомъ передника, пила кофе и ворчала на капскомъ нарѣчіи, что „погодку-то какую Богъ послалъ проклятую".

Не такъ миловидна была при дневномъ свѣтѣ и ея маленькая падчерица, дочь умершаго отъ чахотки англичанина: безпощадное африканское солнце выказало всѣ ея веснушки, а также и множество морщинокъ, на ея низкомъ лбу. Она сидѣла на полу вмѣстѣ со своей красивой кузиной, круглой сиротой, и обѣ низали бусы.

— Линдель,—сказала дѣвочка съ веснушками,—отчего это у тебя бусы никогда не падаютъ съ иголки?

— Стараюсь покрѣпче держать,—отвѣчала маленькая красавица,—оттого и не падаютъ!

Приказчикъ, при солнечномъ освѣщеніи оказывался дюжимъ нѣмцемъ, одѣтымъ въ очень старое поношенное платье. У него была ребяческая привычка потирать руками и энергично кивать головой каждый разъ какъ онъ былъ чѣмъ нибудь особенно доволенъ. Въ настоящую минуту онъ стоялъ на припекѣ у овечьей загородки и старался объяснить двумъ маленькимъ кафрамъ, что скоро долженъ придти конецъ свѣта. Юные кафры, которымъ задано было нарыть навозу, перемигивались между собою, работали кое-какъ, но нѣмецъ ничего этого не замѣчалъ.

Въ полѣ, за курганомъ, сынъ его Вальд опасъ овецъ. Стадо

было небольшое, пыльное и грязное; а мальчикъ, съ головы до ногъ запорошенный краснымъ пескомъ, въ изодранной курткѣ и башмакахъ изъ сыромятной кожи, сквозь дыры которыхъ торчали его голыя пятки. Шляпа была слишкомъ велика по его головѣ, надвинута до самыхъ глазъ и совершенно скрывала шелковистые черные кудри. Странную фигурку представлялъ онъ изъ себя. Стадо не доставляло ему никакихъ хлопотъ; благодаря жарѣ оно еле передвигало ноги, добиралось до молочайника въ тщетной надеждѣ найти тамъ хоть малѣйшую тѣнь и сбившись въ кучу вкругъ такого кустика нѣкоторое время стояло неподвижно. Самъ пастухъ подползъ подъ тѣнь большого камня, торчавшаго у подножія кургана, и растянувшись на животѣ болталъ въ воздухѣ своими маленькими ногами въ изодранныхъ башмакахъ.

Вскорѣ онъ вытащилъ синій холщевый мѣшокъ, въ которомъ держалъ свой обѣдъ, и вынулъ изъ него обломокъ аспидной доски, грифель и ариѳметику. Тотчасъ же очень серьезно и сосредоточенно принявшись за дѣло онъ написалъ рядъ цифръ и началъ вслухъ складывать ихъ: „Шесть да два—восемь, да еще четыре—двѣнадцать, да два—четырнадцать, и четыре—восемнадцать". Тутъ онъ пріостановился, потомъ повторилъ: „и четыре—восемнадцать; во-сем-над-цать." Послѣднее слово онъ протянулъ уже совсѣмъ разсѣянно. Грифель выпалъ изъ его руки, аспидная дощечка тоже соскользнула въ песокъ; онъ лежалъ неподвижно, потомъ началъ бормотать что-то себѣ подъ носъ, сложилъ руки, легъ на нихъ головою и можно бы подумать, что онъ заснулъ, если бы не бормотанье, которое по временамъ было очень явственно. Старая овца подошла къ нему и съ любопытствомъ стала его обнюхивать, но онъ не скоро поднялъ голову. Когда же онъ, наконецъ, привсталъ, то глаза его какъ-то тупо и печально устремились на дальніе холмы.

— Просите—и дастся вамъ, толцыте—и отверзется,—шепталъ онъ.

Онъ сѣлъ; мало по малу лицо его утрачивало выраженіе тупой печали и просіяло радостью. Между тѣмъ наступилъ полдень, солнечные лучи падали вертикально и знойный воздухъ струился надъ раскаленной землей.

Мальчикъ быстро вскочилъ, выбралъ мѣсто на пескѣ, очистилъ его отъ бурьяна; потомъ набралъ двѣнадцать камушковъ стараясь, чтобы они были одинаковой формы и размѣра, сталъ на колѣни и на расчищенномъ мѣстѣ сложилъ изъ нихъ подобіе маленькаго квадратнаго жертвенника. Затѣмъ онъ пошелъ

къ своему синему мѣшку съ провизіей: тамъ была всего одна баранья котлета и большой ломоть сѣраго хлѣба. Мальчикъ вынулъ то и другое, и вертя въ рукѣ хлѣбъ разсматривалъ его, соображая что-то очень важное. Наконецъ онъ отбросилъ хлѣбъ, взялъ кусокъ мяса и возвратясь къ жертвеннику возложилъ на него котлетку, а самъ сталъ на колѣни и благоговѣйно сложилъ руки. Навѣрное отъ начала міра еще не бывало такого маленькаго и оборваннаго священнослужителя. Онъ снялъ свою большую шляпу, торжественно положилъ ее на землю, закрылъ глаза и началъ молиться вслухъ.

„О, Боже, Отецъ мой, приношу тебѣ жертву. У меня денегъ только шесть копѣекъ и цѣлую овцу на это не купишь. Если бы овцы были мои, я-бы заклалъ Тебѣ одну; но у меня только и есть этотъ кусокъ мяса, данный мнѣ на обѣдъ. Господи, сошли огонь съ неба и сожги его. Ты сказалъ: кто повелитъ горѣ низринуться въ море и не усомнится въ томъ, сдвинется гора и сбудется по слову его. Молю Тебя именемъ Іисуса Христа. Аминь“.

Преклонивъ колѣни онъ припалъ къ землѣ лицомъ и сложилъ руки на своихъ кудряхъ. Солнце обдавало полуденнымъ зноемъ и голову его, и жертвенникъ. Онъ зналъ, что ему предстояло сейчасъ увидѣть славу Божію и отъ страха у него сердце замирало и дыханіе спиралось въ груди; онъ задыхался и не смѣлъ поднять глазъ. Наконецъ онъ приподнялся и взглянулъ: надъ нимъ было безоблачное небо, кругомъ бурая земля; по прежнему стояли кучками его овцы, и жертвенникъ оставался какъ былъ.

Онъ поднялъ глаза къ небу: ничто не нарушало глубокаго спокойствія небесной синевы; съ удивленіемъ оглянулся онъ вокругъ, потомъ снова простерся ницъ и оставался въ этомъ положеніи дольше, чѣмъ въ первый разъ.

Когда онъ поднялся, опять было все тоже; только солнце растопило бараній жиръ и онъ понемногу расплывался по камнямъ.

И въ третій разъ онъ палъ на землю; а когда всталъ, то увидѣлъ, что муравьи пробираются къ жертвеннику. Онъ отгонялъ ихъ отъ мяса, надѣлъ шляпу на свою разгоряченную голову и сѣлъ въ тѣни камней, крѣпко обхвативъ колѣни руками. Сидѣлъ и ждалъ, что будетъ. Легко сказать—Богъ всемогущій, грядущій въ славѣ своей! А вѣдь вотъ, сейчасъ онъ самъ все это увидитъ.

— Богъ-то испытуетъ меня!—думалъ мальчикъ и проси-

дѣлъ такъ весь день, отъ полудня до вечера. Солнце склонялось къ западу, онъ все ждалъ; вечерѣло и отъ овецъ пошли по землѣ длинныя тѣни, а онъ сидѣлъ на мѣстѣ. Надежда не покидала его до той минуты, когда послѣдніе лучи солнца потухли за дальними холмами. Тогда онъ собралъ стадо, разметалъ жертвенникъ и, схвативъ мясо, швырнулъ его какъ можно дальше въ поле.

Онъ шелъ домой вслѣдъ за овцами и тяжко было у него на сердцѣ. Онъ разсуждалъ самъ съ собою:—Богъ не можетъ-же сказать неправду; и вѣра у меня была; а огонь не сошелъ съ неба. Стало быть, я какъ Каинъ: Богъ отвергаетъ меня, не слыхалъ моей молитвы и не принялъ жертвы. Ненавистенъ я Богу.

Съ тяжелымъ сердцемъ шелъ онъ домой. У воротъ овечьей ограды обѣ дѣвочки поджидали его.

— Пойдемъ,—сказала бѣлокурая Эмма,—давай играть въ прятки. Еще не сейчасъ будетъ темно, успѣемъ поиграть. Ты, Вальдо, иди къ кургану и тамъ спрячься, а мы съ Линдель не будемъ подсматривать, закроемъ глаза.

Дѣвочки отвернулись и припали личиками къ каменной оградѣ, а мальчикъ полѣзъ на курганъ, юркнулъ между камней и крикнулъ: готово!—Въ эту минуту онъ увидѣлъ коровьяго пастуха, выходившаго изъ другой ограды съ двумя ведрами молока. Этотъ пастухъ былъ изъ кафровъ и видъ у него былъ дикій и злой.

— Охъ!—подумалъ мальчикъ:—если онъ умретъ сегодня ночью, вѣдь онъ пойдетъ прямо въ адъ? Надо поскорѣе молиться за него; помолюсь!

Но тутъ ему пришло въ голову: — А я куда пойду послѣ смерти?—И онъ отчаянно началъ молиться.

— Ну развѣ можно такъ играть!—сказала маленькая Эмма, заглядывая въ щель между камнями и заставъ его въ какой-то странной позѣ.—Что ты тамъ дѣлаешь, Вальдо? Это совсѣмъ не по правиламъ. Когда мы добѣжали до бѣлаго камня, ты долженъ ужь самъ выскочить. Такъ нельзя играть!

— Я... Я теперь буду играть какъ слѣдуетъ,—сказалъ мальчикъ выйдя изъ своей засады и сконфуженно переминаясь на мѣстѣ:—я было забылъ, а теперь... теперь я буду помнить.

— Ты вѣрно заснулъ?—сказала Эмма.

— Нѣтъ,—рѣшила хорошенькая Линдель, глядя на него съ интересомъ:—онъ не спалъ, а просто плакалъ.

Линдель никогда не ошибалась.

Исповѣдь.

Однажды ночью, года два спустя, мальчикъ сидѣлъ одинъ на вершинѣ кургана. Онъ потихоньку прокрался изъ комнаты, гдѣ спалъ его отецъ и пришелъ сюда. Онъ часто это дѣлалъ, потому что своими молитвами и рыданіями боялся разбудить отца и потревожить его. Никто не зналъ про его печали, никто не вѣдалъ его великаго горя: онъ держалъ ихъ про себя и хоронилъ въ глубинѣ своего сердца.

Сдвинувъ шляпу на затылокъ, онъ смотрѣлъ вверхъ на луну, но больше на листву колючей груши, росшей передъ нимъ: ея листья шевелились и блестѣли, блестѣли—такіе холодные, жесткіе, злые, точь въ точь какъ его сердце, которое такъ болѣзненно и тоскливо билось въ его груди. Ему казалось, что оно наполнено кусочками битаго стекла, которые задѣвали другъ за друга и кололи его. Онъ сидѣлъ тутъ уже съ полчаса и не смѣлъ воротиться домой, въ душную темную комнату.

Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ въ мірѣ, и зналъ притомъ, что хуже и грѣшнѣе его нѣтъ человѣка на свѣтѣ. Скрестивъ руки, онъ началъ плакать, но не громко: беззвучныя рыданія потрясали его тѣло, а слезы оставляли жгучій слѣдъ на щекахъ. Молиться онъ не могъ. Ужь сколько мѣсяцевъ онъ молился и днемъ, и ночью, и вотъ теперь больше не могъ. Когда слезы высохли, онъ обхватилъ загорѣлыми руками свою наболѣвшую голову. Еслибы хоть кто нибудь подошелъ къ нему, приласкалъ его, бѣднаго, неуклюжаго малютку! Сердце его разрывалось на части.

Съ опухшими отъ слезъ глазами онъ сидѣлъ на плоскомъ камнѣ, на вершинѣ кургана, а колючее дерево, блестя и перебирая своими жесткими листьями, кивало и подмигивало ему. Мальчикъ долго сидѣлъ смирно, потомъ всталъ на колѣни и поклонился въ землю. У него на душѣ была тайна и онъ носился съ нею цѣлый годъ. Онъ не рѣшался самъ себѣ признаться въ этой тайнѣ, не смѣлъ вдумываться въ нее, но весь годъ носилъ ее въ себѣ.—„Я ненавижу Бога!“ — промолвилъ онъ въ ужасѣ. Вѣтеръ подхватилъ эти слова, пронесся съ ними между камней, проскользнулъ среди листьевъ колючаго дерева, и замеръ не дойдя до подножія кургана.

Кончено! Теперь эти слова сказаны.

— Люблю Іисуса Христа, но Бога—ненавижу!

Вѣтеръ снова подхватилъ и унесъ эти звуки. Тогда маль-

чикъ всталъ, оправился и застегнулся плотнѣе въ свою старую куртку. Для него было несомнѣнно, что онъ теперь пропащій человѣкъ. Но это было ему все равно. Если половина человѣческаго рода пропащая, отчего же и ему не пропадать? Онъ больше не въ силахъ былъ умолять о милосердіи. Такъ лучше, по крайней мѣрѣ, навѣрное знаешь, что погибъ—и кончено. Да, лучше ужь такъ.

Онъ сталъ спускаться съ кургана, направляясь домой.

Такъ лучше! Да, но какое страшное одиночество, какая подавляющая тоска! И сколько еще такихъ ночей впереди! Цѣлый день носить на сердцѣ эту притупленную муку и знать, что ночью она проснется и будетъ глодать тебя!

Случается, что взрослый человѣкъ имѣетъ право торговаться съ судьбой въ такомъ родѣ: — Дѣлай со мною что хочешь, расточай мнѣ самые тяжкіе удары; только не давай мнѣ никогда такъ мучиться, какъ я мучился будучи ребенкомъ!

Дѣтское страданіе именно тѣмъ бываетъ ужасно, что душа ребенка такъ одинока, а невѣдѣніе его такъ полно.

ГЛАВА II.

Планы будущаго и живопись у бушменовъ.

Наступило лѣто тысяча восемьсотъ шестьдесятъ второго года и стояла жестокая засуха. Вся страна изъ конца въ конецъ страстно жаждала воды. И люди, и звѣри обращали глаза къ небу: но сводъ небесный въ ту пору уподобился гигантскому своду раскаленной печи. Со дня на день, съ мѣсяца на мѣсяцъ, на фермѣ вода въ запрудахъ убывала; овцы колѣли въ полѣ; рогатый скотъ еле держался на ногахъ, медленно бродя по равнинѣ въ поискахъ за кормомъ. Проходили недѣли и мѣсяцы, а солнце пекло все также пристально, взирая съ безоблачнаго неба; кусты карро превратились въ голый бурьянъ, разсыпавшійся мелкою пылью; и одни лишь молочайники, словно упрямыя изсохшія старухи, продолжали воздѣвать свои тощіе пальцы къ небу, тщетно моля о дождѣ.

* * *

Подъ вечеръ одного изъ длинныхъ дней этого знойнаго лѣта, на томъ склонѣ кургана, который былъ подальше отъ дома, сидѣли двѣ знакомыя намъ дѣвочки. Онѣ подросли съ той поры какъ играли тутъ въ прятки, но все еще были дѣтьми.

Одежда ихъ сшита была изъ грубой ткани темнаго цвѣта, синіе передники достигали почти до полу, обувь состояла изъ

башмаковъ домашней работы, стаченныхъ изъ сыромятной кожи.

Онѣ угнѣздились подъ навѣсомъ выдавшейся скалы, на поверхности которой еще можно было различить старинную бушменскую живопись: красная и черная краска вполнѣ сохранилась благодаря каменному навѣсу, служившему имъ защитою отъ вѣтра и дождя. Рисунокъ изображалъ — конечно въ каррикатурномъ видѣ—быковъ, слоновъ, носороговъ и еще какого-то звѣря съ длиннымъ рогомъ, подобнаго которому никто никогда не видалъ въ натурѣ, да и не увидитъ.

Дѣвочки сидѣли спиной къ этой живописи. Въ передникахъ у нихъ были разложены нѣсколько листочковъ папоротника и хрустальника *), съ большимъ трудомъ разысканныхъ между камнями.

Эмма сняла свою широкополую коричневую шляпу и стала энергично обмахивать ею свое раскраснѣвшееся лицо. Ея товарка низко наклонила голову, разсматривая листья у себя на колѣняхъ, потомъ выбрала листокъ хрустальника и приколола его булавкою къ нагруднику своего синяго передника.

— Брильянты должно быть похожи на эти капельки,— сказала она, внимательно разглядывая листокъ и пробуя раздавить ноготкомъ одинъ изъ прозрачныхъ пузырьковъ.—Когда я выросту,—продолжала она,—я буду носить настоящіе брильянты, точно такіе, какъ эти, и стану пришпиливать ихъ къ волосамъ.

Собесѣдница ея вытаращила глаза и наморщила лобъ.

— Гдѣ же ты ихъ возьмешь, Линдель? Вѣдь эти камешки, что мы вчера собирали, не брильянты, а самые простые кристаллы. Такъ и Оттонъ говорилъ.

— Ты думаешь, что я на всю жизнь останусь здѣсь? — сказала Линдель и верхняя губка ея презрительно дрогнула.

— Н-нѣтъ,—отвѣчала Эмма,—когда нибудь, конечно мы куда нибудь уѣдемъ; но теперь намъ только двѣнадцать лѣтъ, а до семнадцати нельзя выходить замужъ. Значитъ, четыре года... да нѣтъ! пять лѣтъ еще ждать; а это очень долго. И когда выйдемъ замужъ, можетъ случиться, что у насъ не будетъ брильянтовъ.

— А ты думаешь, что я до тѣхъ поръ стану здѣсь дожидаться?

— Куда-же ты дѣнешься?—спросила Эмма.

---

*) Хрустальникъ—Mesembryanthemum cristallinum—растеніе съ мясистыми листьями, расположенными розеткой и усѣянными прозрачными пузырьками, похожими на льдинки или хрустальные шарики.

Линдель раздавила листокъ хрустальника между пальцами.

— Тетя Санни гадкая старуха!—сказала она.—Когда твой отецъ женился на ней, онъ былъ при смерти и думалъ, что она лучше англичанки управится съ хозяйствомъ, да и за нами присмотритъ. Онъ говорилъ ей, что насъ надо послать въ школу, дать намъ образованіе. А она что дѣлаетъ? Все только копитъ, копитъ для себя, а для насъ хоть-бы какую-нибудь старую книжонку купила. Она съ нами не дурно обращается, а почему? Потому, что боится призрака твоего отца. Сегодня утромъ она говорила своей готтентоткѣ, что хотѣла-бы тебя побить за то, что ты разбила тарелку, да дня три тому назадъ слышала въ кладовой за дверью какъ кто-то шуршитъ и ворочается, и знаетъ, что это твой отецъ приходилъ ее напугать. Она гадкая старуха! — прибавила дѣвочка, шмыгнувъ листокъ подальше,—а все таки я буду учиться въ школѣ.

— Какъ-же такъ, коли она не пускаетъ?

— Я ее заставлю пустить.

— Какъ-же ты заставишь?

Но дѣвочка не обратила вниманія на этотъ вопросъ и сложила ручки на колѣняхъ.

— А зачѣмъ-же тебѣ уѣзжать?—продолжала Эмма.

— Чтобы пробить себѣ дорогу—произнесла Линдель съ разстановкой,—ничего нѣтъ лучше какъ набраться побольше ума, все узнать и быть образованной.

— Мнѣ-бы не хотѣлось въ школу! —настойчиво сказала дѣвочка, подымъ свое веснушатое личико.

— Тебѣ и не нужно,—сказала Линдель,—когда тебѣ минетъ семнадцать лѣтъ, эта голландка уберется отсюда; и ферма, и все, что на ней есть, будетъ твое собственное. Ну, а я— другое дѣло. У меня ничего нѣтъ. Мнѣ надо учиться.

— О, Линдель! Я тебѣ отдамъ тогда часть овецъ!—сказала Эмма съ внезапнымъ порывомъ жалости и великодушія.

— Мнѣ не нужно твоихъ овецъ, — медленно проговорила Линдель, задумчиво наклонивъ голову, между тѣмъ какъ румянецъ все ярче выступалъ на ея нѣжномъ лицѣ.—Я хочу, чтобы у меня было все свое. Когда я выросту большая, я все, все узнаю. И я буду богатая, пребогатая. Не только по праздникамъ, но и въ будни буду одѣваться въ самыя лучшія бѣлыя шелковыя платья; и розовые бутончики стану носить, вотъ какъ у той дамы на картинкѣ, что въ спальнѣ у тетки Санни. И юбки у меня будутъ вышитыя, да не у подола только, а всѣ, всѣ сплошь...

Помянутая дама на картинкѣ была ничто иное какъ страница изъ моднаго журнала, которую тетка Санни откуда-то добыла и наклеила на спинку своей кровати, а дѣвочки благоговѣли передъ этимъ великолѣпнымъ видѣніемъ.

— Да, это было-бы хорошо!—молвила Эмма; но, по ея мнѣнію, то былъ чудный сонъ, которому, конечно, не суждено осуществиться.

Въ эту минуту у подножія кургана появились двѣ фигуры: одна, худая, бѣлая съ рыжими ушами принадлежала собакѣ, а другая ея хозяину, неуклюжему малому лѣтъ четырнадцати, съ тяжелой походкой въ развалку. Это и былъ Вальдо, овечій пастухъ. Собака проворно вскарабкалась на курганъ, хозяинъ послѣдовалъ за нею медлительно. По прежнему все его платье сидѣло на немъ мѣшкомъ, куртка была слишкомъ велика, рукава на половину засучены вверхъ, на ногахъ дырявые башмаки, на головѣ войлочная шляпа. Онъ остановился передъ дѣвочками.

— Что ты сегодня дѣлалъ?—спросила Линдель, поднявъ на него глаза.

— Пасъ овецъ и ягнятъ вонъ тамъ, за прудомъ. Вотъ!—прибавилъ онъ, неуклюже протягивая ей руку. — Это я для тебя принесъ.

Онъ подалъ ей пучокъ зеленой травы.

— Гдѣ это ты нашелъ?

— На плотинѣ, внизу.

Она тотчасъ пришпилила пучокъ къ своему синему нагруднику рядомъ съ листомъ хрустальника.

— Какъ красиво такъ-то?—сказалъ мальчикъ, неловко потирая одну объ другую свои большія ладони и не спуская глазъ съ Линдель.

— Да, но передникъ все дѣло портитъ: онъ-то ужь очень не хорошъ.

Онъ внимательно посмотрѣлъ на передникъ.

— Правда, клѣтки на немъ некрасивыя; но на тебѣ онъ кажется лучше, даже совсѣмъ хорошъ.

И онъ продолжалъ стоять передъ ними, не зная что дѣлать со своими большими руками.

— Сегодня къ намъ чужой пришелъ, — произнесъ онъ вдругъ, вспомнивъ этотъ фактъ.

— Кто такой?—спросили заразъ обѣ дѣвочки.

— Англичанинъ; пѣшкомъ.

— А на кого онъ похожъ?—спросила Эмма.

— Не замѣтилъ; знаю только что носъ у него очень большой,—отвѣчалъ мальчикъ медленно,—спрашивалъ какъ пройти на ферму.

— А не сказалъ, какъ его зовутъ?

— Какъ-же; Бонапарте Бленкинсъ.

— Бонапарте!—подхватила Эмма, — это какъ въ пѣснѣ, которую Гансъ готтентотъ играетъ на скрипкѣ, знаешь:

„Бонапарте, Бонапарте, у меня жена
Только въ праздникъ и здорова, а то все больна.
Я давалъ ужь ей и рису, и бобовый супъ...

Ужасно смѣшное имя!

— Былъ такой живой человѣкъ, котораго звали Бонапарте,—молвила большеглазая Линдель.

— Ахъ да, знаю!—сказала Эмма:—это тотъ бѣдный пророкъ, котораго львы заѣли. Мнѣ всегда жалко его.

Линдель взглянула на нее спокойно и сказала:—Нѣтъ, это былъ самый великій изъ всѣхъ людей, и самый мой любимый.

— Что-же онъ дѣлалъ?—спросила Эмма, догадавшись, что ошиблась и что это должно быть не тотъ пророкъ.

— Это былъ такой человѣкъ,—сказала ея подруга раздумчиво,—такой единственный человѣкъ, котораго всѣ остальные на свѣтѣ боялись. Онъ не родился царемъ, былъ сначала такой-же простой человѣкъ какъ и мы; а подъ конецъ весь міръ ему принадлежалъ. Прежде онъ былъ маленькимъ ребенкомъ, потомъ поручикомъ, потомъ генераломъ, потомъ императоромъ. Если онъ что нибудь задумывалъ сдѣлать, то ужь непремѣнно исполнялъ, не позабывалъ никогда. Ждетъ, ждетъ, ждетъ, да и сдѣлаетъ.

— Какой, должно быть, счастливый!—сказала Эмма.

— Ну не знаю!—сказала Линдель,—но только онъ добивался того, чего хотѣлъ, а это лучше счастья. Онъ былъ властелинъ надъ всѣми и люди блѣднѣли отъ страха передъ нимъ. Но они взяли да и соединились вмѣстѣ, чтобы его побѣдить. Онъ былъ одинъ, ихъ много, ну и одолѣли наконецъ. Они вцѣпились въ него... какъ дикія кошки впиваются зубами въ большую собаку... да, какъ подлыя дикія кошки вцѣпились и не пускали. Ихъ-то много было, а онъ одинъ. И они отвезли его на островъ среди океана, одинокій островъ, и тамъ держали крѣпко. Одинъ единый, а ихъ такое множество, и какъ они боялись его! Вѣдь это чудо какъ хорошо! — прибавила дѣвочка.

— А потомъ что-же?—спросила Эмма.

— А потомъ оставили его на этомъ острову, и приставили къ нему стражу, чтобы смотрѣть за нимъ,—разсказывала Линдель тихо и спокойно,—и въ долгія безсонныя ночи лежалъ онъ одинъ и вспоминалъ все то, что онъ дѣлалъ въ прежнее время, и думалъ о томъ, что еще-бы сталъ дѣлать, если-бы его пустили. А днемъ, когда онъ бродилъ у берега, ему казалось, что все море кругомъ—одна сплошная холодная цѣпь, которая впивается въ его тѣло и душитъ его!..

— А потомъ?—сказала Эмма, заинтересованная разсказомъ.

— Онъ такъ и умеръ на острову; не выпустили его.

— Хорошенькая исторія,—молвила Эмма,—только конецъ печальный.

— Ужасный, отвратительный конецъ!—сказала маленькая разсказчица, скрестивъ руки и опираясь на нихъ грудью.— И всего хуже то, что все это правда. Я ужь замѣтила—продолжала дѣвочка солидно,—что однѣ только выдуманныя исторіи хорошо кончаются; настоящія-же всегда такъ.

Пока она говорила, мальчикъ все время смотрѣлъ на нее тяжелымъ взглядомъ своихъ темныхъ глазъ.

— Ты тоже читалъ про это?—спросила она его.

Онъ кивнулъ головой и сказалъ:—Да; но въ коричневой книгѣ говорится только про то, что онъ дѣлалъ; а что думалъ, о томъ не сказано.

— Да и я въ коричневой книгѣ читала про него,—отвѣтила Линдель,—но я сама знаю, что онъ думалъ. Въ книгахъ вѣдь не все говорится.

— Еще-бы!—сказалъ мальчикъ, медленно подойдя къ ней, поближе и усаживаясь у ея ногъ.—Того, что хочется знать, никогда не найдешь въ книгахъ.

Дѣти задумались и долго сидѣли молча, пока Доссъ (собака) не соскучился и не сталъ тревожно обнюхивать ихъ. Какъ вдругъ его хозяинъ точно проснулся.

— Вотъ еслибъ все это могло говорить, сколько-бы мы узнали теперь!—воскликнулъ онъ, озираясь кругомъ и указывая рукою на окружающее.—Тогда въ самомъ дѣлѣ можно-бы узнать что-нибудь навѣрное. Вотъ, напримѣръ, этотъ курганъ, какъ онъ сюда попалъ? Въ физической географіи сказано,— заговорилъ мальчикъ быстро и застѣнчиво, — что нынѣшнія сухія мѣста были когда-то озерами; вотъ я и думаю: эти холмы, что тамъ виднѣются, были берегами озера, а курганъ образо-

вался изъ камней, которые лежали на днѣ и вода согнала ихъ въ одно мѣсто. Теперь спрашивается, какъ-же дѣйствовала вода, чтобы собрать такую высокую кучу, и при томъ именно посреди равнины?

Вопросъ былъ мудреный и никто не нашелъ отвѣта.

— Когда я былъ маленькій,—продолжалъ Вальдо—я всегда дивился, глядя на этотъ курганъ и воображалъ, что подъ нимъ схороненъ какой-нибудь великанъ. Теперь-то я знаю, что это вода сдѣлала, но какъ? Вотъ что удивительно. Одинъ что-ли камушекъ осѣлъ сначала, а остальные задѣвали за него и останавливались тутъ?—мальчикъ говорилъ уже очень тихо и раздумчиво, какъ будто разсуждалъ про себя.

— Ахъ, Вальдо, просто Богъ сдѣлалъ этотъ курганъ,—сказала Эмма торжественно.

— Да, но какъ Онъ его сдѣлалъ?

— Просто захотѣлъ.

— Да какъ-же это случилось-то?—добивался Вальдо.

— Случилось и все тутъ.

Эти слова были произнесены тономъ неопровержимаго доказательства. Удовлетворился-ли Вальдо такимъ объясненіемъ, неизвѣстно; онъ не отвѣчалъ, отвернулся отъ Эммы и подползая еще ближе къ ногамъ Линдель, съ минуту еще помолчалъ, а потомъ заговорилъ тихо и внятно:

— Линдель, тебѣ никогда не казалось, что камни говорятъ? Иногда,—продолжалъ онъ понижая голосъ до шопота,—когда я лежу тутъ со своими овцами, мнѣ кажется, что камни разговариваютъ со мной; разсказываютъ про старое время, о тѣхъ странныхъ рыбахъ и звѣряхъ, что превратились въ камни, и объ озерахъ, которыя тутъ были; о тѣхъ временахъ, когда здѣсь жили тѣ маленькіе бушмены—знаешь, такіе мелкіе, безобразные: они спали въ звѣриныхъ норахъ, въ руслахъ пересохшихъ ручьевъ, ѣли змѣй, охотились на дикихъ козъ и убивали ихъ ядовитыми стрѣлами. Вѣдь вотъ одинъ изъ такихъ дикарей, какой-нибудь древній Бушменъ нарисовалъ все это,—говорилъ Вальдо, кивая головой на росписанные камни,—и этотъ, должно быть, былъ не такой какъ всѣ остальные. Можетъ быть онъ и самъ этого не зналъ, но ему хотѣлось сдѣлать что-нибудь красивое, что-нибудь особенное, вотъ онъ и нарисовалъ. И ему большихъ трудовъ стоило отыскать такой сокъ, приготовить такую краску, чтобы можно было малевать ею; и вотъ онъ розыскалъ такое мѣсто, гдѣ камень выдается впередъ, образуетъ наклонный навѣсъ, и сталъ рисовать. На

нашъ глазъ эти картины только странныя, и даже смѣшныя; но ему онѣ казались такими красивыми!

Дѣти обернулись и смотрѣли на живопись.

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, голый, тщедушный, и рисовалъ, рисовалъ... И самъ дивился на свое произведеніе!—Вальдо всталъ и въ волненіи началъ даже размахивать руками. — А теперь Боэры перестрѣляли ихъ всѣхъ до единаго, такъ что никогда ужь ни одна желтая рожица не выглянетъ на насъ изъ-за этихъ камней.

Онъ помолчалъ, лицо его приняло мечтательное выраженіе. —И дикихъ козъ больше нѣтъ, и тѣ времена давно прошли, и вотъ теперь мы тутъ сидимъ. Но и мы скоро пройдемъ; и останутся эти самые камни, которые все также будутъ смотрѣть на то, что вокругъ. Я знаю, что это *я* такъ думаю,— продолжалъ онъ еще тише и задумчивѣе, — но мнѣ чудится будто это камни говорятъ. Тебѣ такъ не кажется, Линдель?

— Нѣтъ, мнѣ никогда такъ не казалось,—отвѣчала она.

Солнце зашло за холмы, стало темнѣть и мальчикъ вскочилъ на ноги, вспомнивъ объ овцахъ и ягнятахъ.

— Пойдемъ и мы домой, посмотримъ, кто тамъ пришелъ,— сказала Эмма, когда Вальдо, шаркая своими стоптанными башмаками, побрелъ за стадомъ, а Доссъ съ радостнымъ лаемъ бросился за нимъ, шутливо хватая зубами развѣвающіеся клочья его изорванныхъ панталонъ.

ГЛАВА III.

„Я былъ странникомъ, и ты пріютилъ меня".

Обогнувъ подошву кургана и подходя къ дому дѣвочки увидѣли необычайное зрѣлище. У заднихъ дверей фермы собралась толпа народу.

На порогѣ стояла голландка, раскраснѣвшаяся какъ ракъ: упершись руками въ бока, она неистово кивала головой и страшно сердилась. У ногъ ея сидѣла желтокожая готтентотка, ея любимая служанка и помощница, а кругомъ стояли чернокожія работницы изъ кафрскаго племени, полунагія, съ полотенцами, обернутыми вокругъ бедръ. Двѣ изъ нихъ, занятыя толченіемъ кукурузы въ деревянной колодѣ, поднявъ руки съ тяжелыми пестами, остановились въ этой позѣ и выпуча глаза смотрѣли на предметъ всеобщаго любопытства. Общее вниманіе было обращено, конечно, не на стараго нѣмца-приказчика, который стоялъ въ центрѣ собравшейся группы. Его

старая куртка цвѣта перца съ солью, черная борода съ просѣдью и добрые сѣрые глаза были также знакомы каждому младенцу на фермѣ, какъ и красная крыша съ остроконечными выступами. Но рядомъ съ нѣмцемъ стоялъ чужой человѣкъ и на немъ сосредоточивались всѣ взгляды. Отъ времени до времени новоприбывшій, у котораго былъ замѣчательныхъ размѣровъ красный носъ, скашивалъ глаза въ ту сторону, гдѣ стояла голландка и умильно улыбался.

— Я не малое дитя,—кричала голландка на самомъ вульгарномъ капскомъ нарѣчіи, — не вчера на свѣтъ родилась!.. Нѣтъ, слава Богу, не вчера!.. Небось меня не проведешь. Меня родимая матушка не въ понедѣльникъ отъ груди отымала. Мнѣ стоитъ разъ взглянуть, и я ужь насквозь все вижу. Не будетъ этого, чтобы у меня на фермѣ бродяги ночевали!— разразилась вдругъ тетка Санни. — Вотъ нѣтъ же, чортъ бы тебя дралъ, не пущу! Хоть-бы у тебя было шестьдесятъ шесть красныхъ носовъ!

Тутъ нѣмецъ приказчикъ попробовалъ кротко намекнуть, что пришелецъ вовсе не бродяга, а очень даже почтенный человѣкъ, у котораго три дня тому назадъ случайно лошадь пала.

— И слушать не хочу!—кричала голландка,—не родился еще тотъ человѣкъ, который съумѣлъ бы меня надуть! Кабы у него деньги были, онъ бы себѣ другую лошадь купилъ. А эти, что пѣшкомъ бродятъ, это все воры, обманщики, душегубцы, римскіе попы, соблазнители рода человѣческаго! У него въ носу дьяволъ сидитъ! — Тетка Санни при этихъ словахъ погрозила ему кулакомъ. А онъ туда же, явился пѣшечкомъ въ домъ боэрскаго дитяти, да и здоровается за руку, точно на лошади пріѣхалъ!.. Нѣтъ, нѣтъ... Этого не будетъ.

Тутъ странникъ снялъ шляпу (это былъ старый, высокій, очень поношенный цилиндръ), и обнаружилъ свою совершенно лысую голову, съ небольшой бахромой сѣдыхъ кудряшекъ на затылкѣ. Онъ снялъ шляпу и отвѣсилъ теткѣ Санни низкій поклонъ.

— Что именно она говоритъ, другъ мой?—освѣдомился онъ по-англійски, обращая свои косые глаза на стараго нѣмца.

Нѣмецъ въ большомъ затрудненіи потиралъ себѣ руки и сказалъ, запинаясь на каждомъ словѣ:

— Э... э... голландцы... знаете-ли, они... того... не очень-то долюбливаютъ, когда въ здѣшней сторонѣ ходятъ пѣшкомъ.

— Дорогой другъ мой,—сказалъ странникъ, дотрогиваясь

до руки приказчика,—повѣрьте, что я непремѣнно купилъ бы себѣ другую лошадь, если бы не другой несчастный случай:— пять дней тому назадъ, переѣзжая черезъ глубокую рѣку, я уронилъ въ нее мой кошелекъ; да, а въ кошелькѣ у меня было пятьсотъ фунтовъ. Пять дней я ходилъ по берегу рѣки, отыскивая его, но безуспѣшно. Заплатилъ девять фунтовъ одному кафру, за то чтобы онъ лазилъ въ рѣку и искалъ, и ничего не нашелъ.

Нѣмецъ попытался въ точности перевесть эти свѣдѣнія на голландскій языкъ, но тетка Санни и слушать не хотѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, пусть убирается отсюда сейчасъ же.—Вы посмотрите, какъ онъ на меня смотритъ... ой, батюшки! А я то, бѣдная, беззащитная женщина! Коли онъ меня обидитъ, у кого я пойду искать управы?—кричала голландка.

— Знаете что, — сказалъ нѣмецъ въ полголоса англичанину,—я бы вамъ посовѣтывалъ не глядѣть на нее такъ пристально; не то ей можетъ показаться, что она вамъ... слишкомъ нравится... да!.. слишкомъ... знаете, нравится...

— О, конечно, мой другъ, конечно, — подхватилъ странникъ,—я лучше совсѣмъ не буду на нее смотрѣть.

Съ этими словами онъ отвернулся отъ тетки Санни и уставился на двухлѣтняго мальчишку кафра. Но этотъ юный отпрыскъ Хама пришелъ въ такой ужасъ отъ его краснаго носа, что съ громкими воплями бросился къ своей матери и пытался укрыться подъ ея полотенце.

Тогда странникъ перевелъ глаза на колоду съ кукурузой и опершись на свою трость принялъ задумчивую позу. Сапоги у него были совсѣмъ худые, но трость истинно джентльменская.

— Ишь, бродяга, негодный англичанинъ! — сказала тетка Санни, глядя на него въ упоръ.

Но чужестранецъ разсѣяннымъ окомъ взиралъ на колоду и дѣлалъ видъ, что не подозрѣваетъ, какъ непріязненно къ нему относятся.

— Вы не шотландецъ-ли родомъ, или нѣтъ ли у васъ въ семьѣ какой нибудь иноземной примѣси? — сказалъ нѣмецъ: — Она, видите-ли, собственно англичанъ только терпѣть не можетъ.

— Дорогой мой другъ,—отвѣчалъ странникъ,—я ирландецъ съ головы до ногъ. У меня отецъ ирландецъ и мать ирландка. Ни капли англійской крови нѣтъ въ моихъ жилахъ.

— Да вы можетъ быть и женаты, а?—продолжалъ участливо разспрашивать нѣмецъ.—Вотъ бы хорошо, кабы оказалось, что

у васъ жена и дѣти есть, а? Голландцы, видите ли, холостыхъ-то не любятъ.

— О!—произнесъ странникъ съ чувствомъ, нѣжно глядя на колоду,—у меня милая жена и трое прелестныхъ малютокъ: двѣ дочки красавицы и сынъ молодецъ.

Всѣ эти свѣдѣнія нѣмецъ передалъ голландкѣ, потолковалъ еще съ нею и она стала смягчаться; однако, оставалась въ твердомъ убѣжденіи, что этотъ человѣкъ пришелъ съ недобрыми намѣреніями.

— Да, Господи Боже мой! — говорила она,—хоть я и знаю, что всѣ англичане уроды, но ужь такого носатаго, въ такихъ драныхъ сапогахъ, да еще съ такими косыми глазами, отродясь не видывала! Уберите его въ свою пристройку!—прибавила она обращаясь къ нѣмцу;—и что бы онъ ни творилъ, сами за него отвѣчайте.

Когда нѣмецъ передалъ ему, въ какомъ положеніи дѣла, странникъ отвѣсилъ теткѣ Санни нижайшій поклонъ и послѣдовалъ за своимъ путеводителемъ въ пристройку.

— Я такъ и зналъ, что она одумается и придетъ къ лучшимъ чувствамъ,—говорилъ нѣмецъ радостно. — Тетка Санни совсѣмъ не такъ ужь плоха, о! совсѣмъ нѣтъ!

Гость украдкой взглянулъ на него съ любопытствомъ, которое онъ принялъ за удивленіе по поводу своего фамильярнаго тона, и потому поспѣшилъ прибавить:

— О, вы удивляетесь, что я ее зову теткой?.. Чтожь, мы здѣсь народъ простой, безъ претензій, титуловъ не признаемъ; тетка да дядя, вотъ и всѣ наши титулы... А вотъ это моя комната,—сказалъ онъ растворяя дверь,—комната не важная, не Богъ знаетъ какой дворецъ; а все-же лучше нежели въ чистомъ полѣ; хоть немного, а все-же получше. Войдите, милости просимъ. И поѣсть кое-что найдется, кусокъ—другой; не то чтобы царскій столъ! Нѣтъ, а все таки что нибудь. Съ голоду не помремъ, Богъ дастъ!— И старый нѣмецъ, смущенно улыбаясь и потирая руки, съ удовольствіемъ оглянулся на свое жилье.

— Другъ мой, дорогой другъ!—сказалъ странникъ, схвативъ его за руку,—да благословитъ васъ Богъ, и да наградитъ Онъ васъ за то, что пріютили бездомнаго сироту. Если-бы не вы, провести-бы мнѣ эту ночь въ полѣ, съ холодной росой вмѣсто изголовья.

Поздно вечеромъ пришла въ пристройку Линдель и принесла нѣмцу его ужинъ. Еще подходя къ домику, она замѣ-

тила яркій свѣтъ въ небольшомъ квадратномъ окошкѣ; не постучавшись, она сама подняла щеколду и вошла въ хижину. Веселый огонь трещалъ въ каминѣ и обдавалъ красноватымъ блескомъ закопченную горницу, точеные брусья потолка, глинобитный полъ и стѣны, обмазанныя потрескавшеюся штукатуркой. Горница была биткомъ набита всякою всячиной и убранство ея было довольно странно. У самой печки стоялъ большой шкафъ съ инструментами; рядомъ съ нимъ помѣщалась полка, заставленная старыми, истрепанными книгами; въ углу подъ нею возвышалась цѣлая куча мѣшковъ, какъ пустыхъ, такъ и наполненныхъ различными сѣменами. Съ потолка свѣшивались прикрѣпленныя къ балкамъ веревки, кожаные ремни, уздечки, старые сапоги и нанизанныя на бичевку луковицы.

Въ противоположномъ углу стояла кровать, прикрытая стеганымъ одѣяломъ съ набивнымъ узоромъ изъ красныхъ львовъ, значительно полинявшимъ. Постель отдѣлялась отъ остальной комнаты синею занавѣской, которая въ настоящую минуту была отдернута. На каминной полкѣ помѣщалось безконечное количество какихъ-то камешковъ и мѣшечковъ, а на стѣнѣ висѣла карта южной Германіи, по которой извивалась красная черта, обозначавшая тѣ мѣста, гдѣ успѣлъ побывать старый нѣмецъ.

Таковъ былъ единственный „домашній очагъ", который знавали на своемъ вѣку обѣ дѣвочки. Домъ, гдѣ жила тетка Санни, имѣлъ для нихъ совсѣмъ иное значеніе: тамъ онѣ спали, ѣли, а тутъ были счастливы. Напрасно старалась она имъ внушить, что пора перестать туда бѣгать, что онѣ стали слишкомъ велики для этого: каждое утро, каждый вечеръ ихъ тянуло въ пристройку. И неудивительно: сколько пріятныхъ воспоминаній, сколько дѣтскихъ радостей соединялось у нихъ съ этой старой лачугой!

Долгіе зимніе вечера проводили онѣ тутъ у теплаго камина, пекли картофель, загадывали другъ другу загадки, или-же нѣмецъ разсказывалъ имъ про то, какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ самъ онъ, будучи мальчикомъ, игралъ въ снѣжки въ своей германской деревнѣ и таскалъ вязаные чулочки одной маленькой дѣвочкѣ, которая стала впослѣдствіи матерью Вальдо. Слушательницамъ казалось, что онѣ такъ и видятъ этихъ нѣмецкихъ крестьянокъ въ деревянныхъ башмакахъ, съ туго заплетенными свѣтлорусыми косами, и нѣмецкихъ ребятишекъ, которыхъ добродушныя матери скликаютъ по вечерамъ къ ужину и даютъ имъ молока въ деревянныхъ чашкахъ и вареннаго картофелю.

А бывало и еще веселѣе, когда, въ ясныя лунныя ночи, онѣ возились, и играли передъ дверью пристройки, и старый нѣмецъ игралъ и возился какъ малое дитя, и всѣ они сообща подымали такой шумъ и хохотъ, что отголоски ихъ возни отдавались даже подъ цинковой крышей большого сарая.

Но всего лучше бывало въ теплыя, темныя ночи, при свѣтѣ однѣхъ звѣздъ, когда всѣ они сидѣли на крылечкѣ и держась за руки распѣвали нѣмецкіе гимны. Голоса ихъ такъ чисто, такъ трогательно раздавались въ сумракѣ тихаго вечера, что старикъ нерѣдко смахивалъ рукою слезы, чтобы дѣти не видѣли, что онъ плачетъ. Сколько разъ они такъ сидѣли и смотрѣли на звѣзды, и разсуждали о нихъ, разсматривая созвѣздія: вотъ милый Южный Крестъ, вонъ пламенно красный Марсъ, вотъ Оріонъ съ его дивнымъ поясомъ, а тамъ семь таинственныхъ Сестеръ... Давно-ли онѣ зажглись на небѣ? Кто на нихъ обитаетъ? Старикъ выражалъ предположеніе, что тамъ живутъ души тѣхъ, кого мы любили: можетъ быть вонъ тамъ, на этой мерцающей искоркѣ живетъ теперь та самая дѣвочка, которой онъ относилъ чулочки? И дѣти, благоговѣйно глядя на эту искорку, звали ее „звѣздой дяди Оттона“.

Потомъ они переходили къ еще болѣе возвышеннымъ предметамъ и разсуждали о тѣхъ временахъ, когда сводъ небесный сольется подобно свитку пергамента, когда свѣтила въ безпорядкѣ упадутъ въ бездну какъ незрѣлые плоды смоковницы, когда не будетъ больше ни срока, ни времени, а „Сынъ человѣческій придетъ во славѣ своей и съ нимъ всѣ ангелы Его...“ Голоса ихъ становились все тише, задумчивѣе, понижались до шепота. Тихо вставали они съ крылечка и пожелавъ другъ другу спокойной ночи расходились на ночлегъ, умиленные и смиренные.

Когда Ландель сегодня вечеромъ заглянулъ въ пристройку, ей представилась такая картина: Бальдо сидѣлъ на полу передъ камелькомъ и наблюдалъ за вытяжкою, въ которой что-то варилось: по трафарету и заготовленныя доски были у него въ рукахъ. Его отецъ сидѣлъ у стола, погруженный въ чтеніе газеты, напечатанной по малой мѣрѣ при полѣтства тому назадъ; а старикъ лежалъ въ углу на кровати и крѣпко спалъ, ротъ его былъ открытъ, а крупное тѣло разбросалось на постели, изобличая сильную усталость. Дѣвочка протянула пропитанныя на столѣ, снова нагнулась со свѣчою и посмотрѣла на спящаго гостя.

— Дядя Оттонъ,—сказала она шепотомъ руки на грудь и заставила старика вздрогнуть на нее поверхъ очковъ.—Видно ли этотъ человѣкъ пѣшкомъ-то плачетъ?

— Съ самаго утра, бѣдняжка! Вѣдь онъ джентльменъ, ходить не привыкъ, и вдругъ... лошадь пала... Каково это? А?—И нѣмецъ, выпятивъ нижнюю губу, сострадательно взглянулъ на кровать, гдѣ лежалъ распростертый странникъ съ рыхлымъ двойнымъ подбородкомъ и въ изодранныхъ сапогахъ, сквозь щели которыхъ сквозили его голыя ноги.

— А ты ему вѣришь, дядя Оттонъ?

— Еще-бы, конечно, вѣрю! Онъ самъ, понимаешь? самъ разсказалъ мнѣ свою печальную исторію три раза кряду.

— Ну,—молвила дѣвочка съ разстановкой,—если-бы онъ только одинъ день шелъ пѣшкомъ, его сапоги не были-бы такъ отрепаны; если-бы...

— Чего тутъ „если-бы!"—прервалъ ее нѣмецъ вскакивая со стула и возмущаясь возможностью сомнѣнія при столь очевидныхъ доказательствахъ, — я-же тебѣ говорю, что онъ мнѣ самъ все разсказалъ. Ты посмотри какъ онъ лежитъ, бѣдняжка... Совсѣмъ измучился! Ну, мы тутъ кое-что для него приготовили,—прибавилъ онъ, кивая пальцемъ на котелокъ, стоявшій на огнѣ.—Хоть мы и не важные кухмистеры, да, не то чтобы французскіе повара, а все-таки нашу стряпню кушать можно. Все, я думаю, лучше, чѣмъ ничего, а? — И онъ радостно закивалъ головой, очевидно, крайне довольный своей выдумкой, да и тѣмъ, что варилось въ котелкѣ.

— Тише, тише, мой цыпленочекъ!—заговорилъ онъ тревожнымъ шепотомъ, когда Линдель начала расхаживать по комнатѣ, безъ церемоніи притопывая ножками,—осторожнѣе, цыпленочекъ, какъ-бы его не разбудить!

Онъ поставилъ свѣчку такъ, чтобы тѣнь отъ его собственной головы падала на лицо спящаго; потомъ разгладилъ свою газету, поправилъ очки на носу и приготовился продолжать чтеніе.

Темносѣрые глаза дѣвочки еще съ минуту остановились на фигурѣ спящаго гостя, потомъ она взглянула на нѣмца, опять перевела взоръ на странника и сказала тихо и раздѣльно:

— Я думаю, что онъ все вретъ. Прощай, дядя Оттонъ,— и повернулась къ двери.

Прошло довольно времени послѣ ея ухода, а старикъ все сидѣлъ съ газетой. Наконецъ онъ прочелъ ее, аккуратно сложилъ и спряталъ въ карманъ.

Гость такъ и не просыпался, чтобы раздѣлить съ нимъ похлебку, а Вальдо также уснулъ на полу. Старикъ пошелъ въ уголъ, гдѣ у него были свалены мѣшки со всякою всячиной,

вытащилъ двѣ бѣлыя овечьи шкурки, свернулъ ихъ и подсунулъ подъ голову сына, покоившуюся до тѣхъ поръ на аспидной доскѣ.

— Ахъ ты, ягненочекъ мой бѣдненькій!—шепталъ отецъ, нѣжно потрепавъ рукою эту голову, мохнатую и курчавую какъ у медвѣженка.—Тоже вѣдь усталъ какъ!

Онъ прикрылъ ноги мальчика плащемъ и снялъ съ огня котелокъ. Самому ему прилечь было негдѣ и потому онъ опять сѣлъ на стулъ. Раскрывъ застежки старой, сильно зачитанной библіи, онъ сталъ читать и вскорѣ его охватилъ цѣлый рой отрадныхъ думъ и видѣній.

„Я былъ странникомъ и ты пріютилъ меня...“—читалъ онъ.

Онъ обернулся къ своей кровати и взглянулъ на спящаго.

„Я былъ странникомъ...“

Съ какою нѣжностью смотрѣлъ на него старикъ! смотрѣлъ, и не видѣлъ ни одутловатыхъ членовъ, ни подозрительной физіономіи этого человѣка; нѣтъ, въ немъ чудился ему, подъ покровомъ глубокой тайны и человѣческой плоти, образъ Того, о Комъ онъ столько лѣтъ мечталъ и думалъ, и Кто сталъ такъ близокъ и такъ дорогъ ему.

— Іисусе, возлюбленный! И неужели воистину дано намъ, слабымъ, грѣшнымъ, заблуждающимся тварямъ Твоимъ, служить Тебѣ и принимать Тебя подъ кровъ свой!—шепталъ онъ въ неизреченномъ умиленіи, вставъ со стула и радостно шагая взадъ и впередъ по тѣсной коморкѣ. Отъ времени до времени онъ пѣлъ въ полголоса отрывки нѣмецкихъ гимновъ и бормоталъ слова молитвъ. Каминный огонь ярко освѣщалъ комнату и старику казалось, что Христосъ тутъ, очень близко отъ него, и что вотъ, вотъ можетъ случиться, что плотская завѣса спадетъ съ его глазъ и онъ увидитъ воочію то самое, что заставило тогда спутниковъ въ Эммаусѣ воскликнуть: „Смотри, вѣдь это Господь!“

Ночные часы тянулись одинъ за другимъ, а старикъ все ходилъ по комнатѣ, устремивъ глаза на закопченые брусья потолка и не видя ихъ. Грубое бородатое лицо его свѣтилось восторгомъ и онъ не замѣтилъ, какъ прошла эта ночь: пока другіе спали и грезили во снѣ, ему на яву чудилось, что небеса приблизились къ нему.

Такъ быстро миновала для него эта ночь, что въ четыре часа онъ съ удивленіемъ увидѣлъ первые проблески лѣтней зари, заглянувшей въ его окошко. Онъ взялъ каминную лопатку и сталъ сгребать въ кучу неостывшіе уголья, подернутые

пепломъ. Вальдо перевернулся съ боку на бокъ и соннымъ голосомъ спросилъ, не пора-ли вставать.

— Лежи, лежи, я только огонь хочу развести, — сказалъ старикъ.

— А ты всю ночь не ложился?—спросилъ мальчикъ.

— Да, но нынче ночь была короткая, очень короткая. Усни еще, мой цыпленочекъ. Рано еще вставать.

И онъ вышелъ изъ комнаты за топливомъ.

ГЛАВА IV.

Блаженны вѣрующіе.

Бонапарте Бленкинсъ сидѣлъ на краю постели. Онъ идувительно поправился со вчерашняго дня, держалъ голову высоко, говорилъ громогласно и очень охотно съѣдалъ все, что ему подавали. Передъ нимъ стояла миска съ похлебкой, которую онъ поглощалъ не торопясь и съ интересомъ поглядывая на пальцы стараго нѣмца, который, сидя на глиняномъ полу, аккуратно чинилъ переплетъ стараго стула.

Гость посмотрѣлъ въ растворенную дверь, за которой ясно виднѣлись молодые страусы, гулявшіе по равнинѣ, залитой блескомъ послѣ полуденнаго солнца; потомъ оглянулся вокругъ на штукатуренныя стѣны, потомъ взглянулъ на Линдель, сидѣвшую на порогѣ съ книгой на колѣняхъ. Затѣмъ онъ приподнялъ подбородокъ, какъ бы для того, чтобы поправить воображаемые воротнички; но ихъ не оказалось. Тогда онъ погладилъ сѣдые кудряшки на своемъ затылкѣ и повелъ такую рѣчь.

— Вы любитель исторіи, какъ я замѣчаю, другъ мой, судя по названію книгъ, которыя я вижу здѣсь разбросанными. Для меня это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

— Да... пожалуй... немножко...—отозвался нѣмецъ очень скромно.

— Ну такъ, въ качествѣ любителя исторіи,—началъ Бонапарте, выпрямляясь не безъ важности,—вы, конечно, слыхали о моемъ знаменитомъ, можно сказать, великомъ родственникѣ, Наполеонѣ Бонапарте?

—. Какъ-же, какъ-же,—сказалъ нѣмецъ, поднявъ на него глаза.

— Въ этотъ самый часъ дня, сэръ, въ одинъ апрѣльскій вечеръ пятьдесятъ три года тому назадъ, я родился. Сидѣлка, сэръ, —та самая, которая обыкновенно дежурила при родахъ

герцогини Сотерлендской,—сидѣлка принесла меня и показала моей матери. Этому мальчику, сказала моя матушка, прилично дать одно только имя, такъ какъ носъ у него ни дать ни взять такой-же какъ у его великаго родственника. Такъ меня и окрестили Бонапартомъ. Бонапарте Бленкинсъ. Н-да, сэръ; съ материнской стороны течетъ въ моихъ жилахъ та же кровь, которая течетъ и въ его жилахъ—съ материнской стороны.

Нѣмецъ испустилъ восклицаніе глубокаго изумленія.

— Это такое родство,—продолжалъ Бонапарте,—которое трудно понять человѣку, незнакомому съ изученіемъ аристократическихъ фамилій. Но родство несомнѣнное.

— Кто-бы могъ подумать!—сказалъ нѣмецъ переставая работать, сильно заинтересованный этимъ вопросомъ. — Наполеонъ-то ирландецъ!

— Да, по матери,—сказалъ Бонапарте,—оттого мы съ нимъ и родня. Вотъ былъ человѣкъ!—продолжалъ онъ, потягиваясь: — никто не могъ его побѣдить, никто... кромѣ герцога Веллингтона. И вотъ какое странное совпаденіе, онъ мнѣ тоже сродни приходится. То есть племянница его, племянница герцога Веллингтона, вышла замужъ за моего кузена. И что это была за великолѣпная женщина! Бывало, пріѣдетъ на балъ ко двору въ желтомъ атласѣ, на головѣ маргаритки, за сто миль пріѣзжали полюбоваться на нее! Частенько и самъ я видалъ ее тамъ, сэръ!

Нѣмецъ снова принялся переплетать свои кожаные ремешки и задумался о превратностяхъ судьбы человѣческой, которая привела въ его смиренное жилище этого потомка герцоговъ и императоровъ!

Бонапарте между тѣмъ предавался своимъ воспоминаніямъ.

— Ахъ, этотъ племянникъ Веллингтона!—вырвалось у него наконецъ.—Какія штуки мы съ нимъ выдѣлывали! Онъ часто бывалъ у меня въ замкѣ Бонапарте. У меня тогда все было на широкую ногу: паркъ, оранжереи, слуги... Однимъ только, однимъ онъ былъ нехорошъ, этотъ племянникъ герцога Веллингтона,—продолжалъ Бонапарте, примѣтивъ, что нѣмецъ ловитъ на лету каждое его слово, — онъ былъ трусъ, именно, что называется трусъ. Вы въ Россіи не бывали?— спросилъ онъ вдругъ, пристально наводя свои косые глаза на нѣмца.

— Нѣтъ, не бывалъ!—отвѣчалъ старикъ смиренно,—во Франціи, въ Англіи бывалъ, Германію знаю, и въ здѣшней сторонѣ тоже случалось странствовать; а больше нигдѣ.

— Ну а я, другъ мой, вездѣ былъ, изъѣздилъ всѣ части

свѣта и говорю на языкахъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ... только вотъ по нѣмецки и по голландски не знаю. Я написалъ книгу о моихъ путешествіяхъ, конечно, только самые примѣчательные случаи. Издатель съ руками оторвалъ... обманомъ выманилъ у меня эту книгу. Большіе мошенники эти издатели! Такъ вотъ, мы съ племянникомъ герцога Веллингтона отправились путешествовать по Россіи. Какъ вдругъ... Одна изъ лошадей—бухъ! И околѣла середи дороги. Какъ тутъ быть? Морозная ночь, снѣгу напало на четыре фута... Лѣсъ большущій... Одной лошади ни за что не стащить съ мѣста сани... А ужь темно... И волки кругомъ...

— Шпрее!—говоритъ племянникъ герцога Веллингтона.

— Шпрее? — говорю я, — нѣтъ, вы разсмотрите-ка, что тамъ торчитъ.

— А тамъ, подъ кустомъ, по маленьку просовывается ужь морда медвѣдя. Племянникъ Веллингтона вскочилъ и въ одно мгновеніе ока очутился на деревѣ. Я стою себѣ преспокойно, вотъ какъ теперь, заряжаю ружье и тоже залѣзаю на дерево. А вѣтка-то была всего только одна.

— Бонъ,—говоритъ мнѣ племянникъ Веллингтона, — ужь вы садитесь впереди.

— Ладно, — говорю,—только и вы свое ружье зарядите, потому что вонъ сколько ихъ тамъ еще подходитъ.—И слышу, что онъ уткнулся носомъ въ мою спину, и немного погодя спрашиваетъ:

— Много-ли ихъ подошло?

— Четыре,—говорю я.

— А теперь сколько?

— Восемь штукъ.

— А теперь сколько?

— Теперь уже девять.

— Десять, десять!—закричалъ онъ,—да и выронилъ ружье.

— Велли, — говорю я ему,—что вы надѣлали? Вѣдь теперь мы съ вами пропали.

— Бонъ, милый мой другъ,—говорилъ онъ,—ужь очень у меня руки дрожатъ, никакъ не могъ удержать ружье.

— Ну, Вель,—говорю я повернувшись къ нему и пожимая ему руки.—Прощайте, Велли, душа моя, не поминайте меня лихомъ. Я смерти не страшусь. Но у меня ноги очень длинны, видите, какъ онѣ низко висятъ? Значитъ, какъ подойдетъ первый медвѣдь, да я не попаду въ него, онъ схватитъ меня за ногу. Тогда я передамъ вамъ ружье и брошусь внизъ, а вы

еще можете спастись. Но ахъ... передайте Мери-Аннѣ, скажите ей, что я о ней думалъ до конца и молился за нее!

— Ну, прощайте, дружище!—говоритъ онъ.

— Прощайте, да хранитъ васъ Богъ!—сказалъ я.

— А медвѣди тѣмъ временемъ разсѣлись вокругъ дерева, образовавъ большой кругъ. И вообразите,—прибавилъ Бонапарте, пристально глядя въ глаза нѣмцу, — самый правильный точнѣйшій кругъ. Слѣды отъ ихъ хвостовъ остались на снѣгу, такъ я послѣ нарочно вымѣрялъ: и я васъ могу увѣрить, что ни одинъ учитель рисованія не начертилъ-бы болѣе аккуратно. Это меня и спасло! Если бы они всѣ заразъ на меня напали—тутъ бы мнѣ и карачунъ, вы бы никогда со мной не встрѣтились и никогда бы старый Бонъ не имѣлъ случая разсказать вамъ эту исторію. Но въ томъ то и штука, сэръ, что они подходили по порядку, по одному за разъ. Остальные въ это время смирно сидѣли на своихъ хвостахъ и ждали очереди. Вотъ, подошелъ одинъ, я—бацъ, убилъ его. Подходитъ другой—бацъ!—то же убилъ. Съ третьимъ—тоже самое и такъ далѣе, до десятаго. Наконецъ, подходитъ и десятый, самый крупный, матерой медвѣдь, въ родѣ какъ бы предводитель остальныхъ. Ну, тогда я говорю:

— Вель, дайте руку. Мои пальцы совсѣмъ окоченѣли отъ холода и у меня осталась только одна пуля. Я навѣрное промахнусь. Покуда онъ будетъ пожирать меня, слѣзайте съ дерева и доставайте свое ружье. Живите, другъ мой, живите и помните человѣка, который жизнь свою положилъ за васъ!—Медвѣдь между тѣмъ подошелъ ужь совсѣмъ близко: я чувствовалъ его лапу на своихъ штанахъ.

— О, Бонни, Бонни, — воскликнулъ племянникъ герцога Веллингтона... Но въ эту минуту я взялся за ружье, приложилъ дуло къ уху медвѣдя и положилъ его на мѣстѣ!

Бонапарте Бленкинсъ перевелъ духъ и ждалъ, какое впечатлѣніе произведетъ его разсказъ. Потомъ вынулъ изъ кармана грязный носовой платокъ, отеръ имъ свой лобъ и главное глаза.

— Не могу равнодушно вспоминать объ этомъ происшествіи,—замѣтилъ онъ, пряча платокъ въ карманъ,—тѣмъ болѣе, что оно напоминаетъ мнѣ о низкой, черной неблагодарности. Этотъ человѣкъ, который навѣрное пропалъ бы въ безпредѣльныхъ пустыняхъ дикой Россіи, если бы не я, этотъ человѣкъ покинулъ меня въ тотъ часъ, когда и меня постигло несчастіе!

Нѣмецъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на него сочувственно.

— Да, — продолжалъ Бонапарте, — были у меня деньги, были земли; но я сказалъ женѣ: „Поѣдемъ въ Африку; это страна дикая, необработанная; она нуждается въ капиталахъ, нуждается въ талантливыхъ людяхъ; особенно въ людяхъ, способныхъ разработывать мѣстныя богатства. Поѣдемъ!“ Я накупилъ на восемь тысячъ фунтовъ всякихъ машинъ, плуговъ, сѣялокъ, вѣялокъ, всего; цѣлый корабль нагрузилъ ими. На другомъ пароходѣ самъ отплылъ со всей семьей, съ женой, съ дѣтьми. Прибыли на Мысъ Доброй Надежды. А гдѣ же корабль съ нашимъ добромъ? Пошелъ ко дну, погибъ! А сундукъ съ деньгами?—пропалъ. Ничего не осталось.

— Жена моя вздумала написать письмо къ племяннику герцога Веллингтона. Я не желалъ этого; но она потихоньку отъ меня написала.

„И что-же сдѣлалъ человѣкъ, которому я спасъ жизнь? Прислалъ-ли онъ мнѣ хоть тридцать тысячъ фунтовъ? Написалъ-ли, напримѣръ: Бонапарте, другъ мой и братъ, прими отъ меня эту лепту?.. Нѣтъ. Онъ мнѣ ровно ничего не прислалъ.

„Жена стала меня уговаривать: „Напиши ему“. Я говорю: Нѣтъ, Мери-Анна. Покуда у меня есть руки, способныя къ труду—нѣтъ. Покуда тѣло мое способно переносить лишенія—нѣтъ. Пусть никто никогда не скажетъ, что Бонапарте Бленкинсъ у кого-либо просилъ милостыни!“

Такое благородство и самостоятельность совсѣмъ растрогали нѣмца.

— Тяжелое положеніе; да, ваше положеніе очень тяжелое,—сказалъ онъ, кивая головою.

Бонапарте хлебнулъ еще глотокъ похлебки, откинулся на подушки и глубоко вздохнулъ.

Полежавъ немного, онъ всталъ и сказалъ: — Я думаю пройтись немного, подышать свѣжимъ воздухомъ полей. Такъ пріятно воспользоваться вечернею прохладой. Я все еще чувствую нѣкоторую усталость: умѣренная прогулка принесетъ мнѣ пользу.

Онъ тщательно надвинулъ свою высокую шляпу на плѣшивую голову и направился къ двери. Когда онъ ушелъ, нѣмецъ съ тяжкимъ вздохомъ продолжалъ свою работу, бормоча себѣ подъ носъ:

— Ахъ Боже мой, Боже мой! Да, вотъ какія дѣла! Да! У него на умѣ была людская неблагодарность.

— Дядя Оттонъ,—сказала Линдель, сидѣвшая на порогѣ,— слыхалъ ты прежде о томъ, чтобы десять медвѣдей садились такимъ правильнымъ кругомъ?

— Н... не могу сказать, чтобы слышалъ именно о десяти; а что вообще медвѣди нападаютъ на путешественниковъ, это вѣрно. Это всякій день можетъ случиться,—сказалъ нѣмецъ.— А какова храбрость у этого человѣка? И чрезъ какія испытанія онъ прошелъ!

— Почемъ ты знаешь, можетъ это все неправда, дядя Оттонъ?

Нѣмецъ въ одну минуту вскипѣлъ негодованіемъ.

— Ахъ, вотъ чего я терпѣть не могу!—воскликнулъ онъ.— Почемъ знать? Да ты почему-же знаешь, что правда, а что неправда? Коли сказано, то и правда. Если такъ сомнѣваться въ каждомъ словѣ, да на все требовать доказательства, такъ чему-же вѣрить послѣ этого? Почему ты знаешь, что ангелъ отворилъ двери темницы апостолу Петру? Вѣдь только потому, что апостолъ Петръ это сказалъ? Почему ты знаешь, что Богъ разговаривалъ съ Моисеемъ? Только потому, что Моисей написалъ это? Ахъ, какъ я этого не люблю!

Дѣвочка нахмурилась. Нѣмцу и въ голову не приходило, какъ далеко она заходила въ своихъ умозаключеніяхъ. Вообще достойно замѣчанія, что старшіе очень рѣдко сознаютъ, насколько ихъ рѣчи и поступки подвергаются строгой критикѣ со стороны молодого поколѣнія. Нашимъ развитіемъ заправляетъ не то, чему насъ учатъ, а то, что мы сами видимъ и переживаемъ. Случается, что старый человѣкъ до конца жизни питается извѣстными понятіями, а его дѣти принимаютъ ихъ только къ свѣдѣнію, но не къ исполненію.

Когда старикъ черезъ минуту опять взглянулъ на дѣвочку, на ея лицѣ написано было такое искреннее удовольствіе и красивые глаза такъ сіяли, что онъ спросилъ:

— Что ты тамъ увидала, моя цыпочка?

Она не отвѣтила; вмѣсто того вечерній вѣтерокъ донесъ въ хижину отчаянный вопль.

— О Боже! Боже мой! Смерть моя!—раздавался голосъ Бонапарте и самъ онъ съ широко разинутымъ ртомъ, дрожа всѣмъ тѣломъ ввалился въ пристройку, преслѣдуемый молодымъ страусомъ, который только заглянулъ въ дверь, щелкнулъ на него клювомъ и ушелъ прочь.

— Заприте дверь! Запирайте дверь! Если вамъ моя жизнь дорога, затворите дверь!—визжалъ Бонапарте, падая на стулъ

съ блѣднымъ, помертвѣлымъ лицомъ и съ зеленоватыми пятнами вокругъ рта.

— О, другъ мой!—продолжалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—по истинѣ вѣчность заглянула мнѣ въ лицо... Моя жизнь висѣла на волоскѣ... Долина смерти пріяла меня въ свои нѣдра...—И Бонапарте съ чувствомъ схватилъ старика за руку.

— Ахъ, Господи, Боже мой!—говорилъ нѣмецъ, защелкнувъ нижнюю половину двери и съ сокрушеніемъ стоя передъ гостемъ.—Какъ же вы перепугались! Я никогда не видывалъ, чтобы такой молодой страусъ погнался за человѣкомъ; но у нихъ бываютъ такія странныя антипатіи къ нѣкоторымъ людямъ. Можете представить, я долженъ былъ отослать прочь одного малаго, потому что его птица не взлюбила. Да, вотъ подите-же!

— Оглядываюсь, а эта красная пасть разинута надъ моей головой,—разсказывалъ Бонапарте,—и скверная лапа ужь поднята, чтобы поразить меня... Мои нервы,—продолжалъ Бонапарте внезапно почувствовавъ дурноту, — мои нервы и такъ всегда очень нѣжны, а тутъ... такое напряженіе... Я совсѣмъ ослабъ, совсѣмъ! Нѣтъ-ли у васъ немножко вина, другъ мой, или водки?

Старикъ бросился къ книжной полкѣ, вытащилъ изъ-за книгъ небольшую бутылочку и половину содержимаго вылилъ въ рюмку. Бонапарте мигомъ осушилъ ее.

— Ну теперь, какъ вы себя чувствуете?—спросилъ старикъ тономъ искреннѣйшаго состраданія.

— Немного какъ будто получше.

Нѣмецъ пошелъ и поднялъ за дверью свалившуюся съ Бонапарте высокую шляпу.

— Ахъ, какъ мнѣ, право, жалко, что вы такъ напугались. Эти птицы плохая компанія, покуда не привыкнешь къ нимъ,—сказалъ онъ, внося шляпу и бережно кладя ее на столъ.

— Другъ мой,—сказалъ Бонапарте протягивая ему руку,—я васъ прощаю. Не тревожьтесь. Каковы-бы ни были послѣдствія этого случая... я на васъ не буду въ претензіи. Я знаю, я твердо вѣрю, что вы безъ дурного умысла допустили меня выйти въ одиночку. Дайте руку: я не злопамятенъ; о, нисколько!

— Вы очень добры, — проговорилъ нѣмецъ, пожимая ему руку и чувствуя, что гость очень великодушно прощаетъ ему какую-то кровную обиду,—вы очень добры.

— Не будемъ говорить объ этомъ,—сказалъ Бонапарте.

Онъ вышибъ дно своей измятой шляпы, поставилъ ее передъ

собою, облокотился обѣими руками на столъ и положивъ голову на руки сталъ смотрѣть на нее.

— Ахъ, старый другъ мой,—говорилъ онъ, торжественно обращаясь къ шляпѣ,—ты долго мнѣ служила, ты была мнѣ вѣрнымъ товарищемъ, но увы! насталъ послѣдній часъ. Никогда больше не украсишь ты голову своего хозяина. Никогда не будешь защищать его чела ни отъ лѣтняго зноя, ни отъ зимнихъ бурь. Отнынѣ твой хозяинъ съ непокрытою головою будетъ бродить по свѣту... Прощай, моя старая шляпа, прощай!

Къ концу этой трогательной рѣчи нѣмецъ всталъ, пошелъ къ сундуку, стоявшему въ ногахъ у кровати, и порывшись вынулъ оттуда черную шляпу, мало ношенную и тщательно сбереженную.

— Можетъ быть, это совсѣмъ не то, къ чему вы привыкли,— сказалъ онъ застѣнчиво, ставя свою шляпу рядомъ со злосчастнымъ цилиндромъ,—но все таки можетъ оказать кое-какую услугу... ну хоть такъ, для прикрытія головы, знаете...

— Мой другъ,— сказалъ Бонапарте, — зачѣмъ-же вы не послѣдовали моему совѣту? Я васъ просилъ не тревожиться изъ-за меня и ни въ чемъ себя не упрекать. Не дѣлайте-же себѣ изъ этого лишняго горя. Ничего; я буду ходить съ непокрытой головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—рѣшительно протестовалъ нѣмецъ.— Мнѣ вѣдь совсѣмъ не нужна эта шляпа: все равно въ сундукѣ лежитъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я ее возьму. Дѣйствительно, когда невольно обидишь кого нибудь, отрадно бываетъ вознаградить его за это. Мнѣ такъ знакомо это чувство! Правда, ваша шляпа не такъ фасониста, какъ была моя; но ничего, пригодится. Благодарю васъ! — говорилъ Бонапарте, примѣривъ шляпу и ставя ее снова на столъ. — А теперь я прилягу, отдохну немножко. Отдыхъ мнѣ необходимъ; иначе боюсь, что не буду въ состояніи поужинать какъ слѣдуетъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, надѣюсь, что будете въ состояніи!— сказалъ нѣмецъ, снова принимаясь за работу и съ безпокойствомъ поглядывая на Бонапарте, который растянулся на кровати и прикрылъ себѣ ноги концомъ стеганаго одѣяла.

— Вы пожалуйста не думайте уходить отъ насъ слишкомъ скоро: недѣльку, другую отдохните,—сказалъ старикъ;—тетка Санни уже изъявила на то свое согласіе, а я...

— Другъ мой,—сказалъ Бонапарте, печально моргая,—вы очень добры; но если-бы завтра было не воскресенье, я хотя

слабый и немощный все таки отправился-бы въ дальнѣйшій путь. Мнѣ нужно искать работы; для меня и однѣ сутки праздности невыносимы. Трудъ, работа—вотъ въ чемъ секретъ истиннаго благополучія.

Онъ подправилъ подушку себѣ подъ голову и сталъ слѣдить глазами за тѣмъ, какъ ремешки переплетались въ искусныхъ рукахъ нѣмца.

Черезъ нѣсколько минутъ Линдель встала, молча поставила книгу на полку и ушла домой, а нѣмецъ принесъ муки, воды и началъ приготовлять тѣсто для лепешекъ. Размѣшивая смѣсь въ квашнѣ, онъ сказалъ:—По субботамъ я всегда съ вечера ставлю тѣсто и стараюсь сразу наготовить на два дня. Все-же лучше имѣть и руки и мысли свободными къ празднику.

— Къ пресвѣтлому воскресенію!—молвилъ Бонапарте.

Наступило молчаніе. Бонапарте, не оборачивая головы, старался такъ скосить глаза, чтобы видѣть, точно ли готовится ужинъ.

— Въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ вы, вѣроятно, вотще жаждете проповѣди слова Божія? — продолжалъ Бонапарте и прибавилъ какъ бы про себя: — О, сколь возлюбилъ я домъ Твой и сколь мнѣ свято мѣсто, гдѣ пребываетъ слава Твоя.

— Да, пожалуй, что и такъ,—отвѣчалъ нѣмецъ:—однако стараемся по возможности возмѣстить... Да, собираемся тоже всѣ вмѣстѣ и... ну я, напримѣръ, обращаюсь къ остальнымъ съ небольшою рѣчью... Такъ, нѣсколько словъ! И даже, могу сказать, старанія мои не пропадаютъ даромъ, да, не совсѣмъ даромъ пропадаютъ.

— Вотъ странное совпаденіе! — сказалъ Бонапарте:—это именно то самое, что и я дѣлалъ. Какъ-то разъ... я жилъ тогда въ Вольной области... на уединенной фермѣ. Сосѣдъ—одинъ единый. Каждое воскресенье я всѣхъ созывалъ къ себѣ, друзей, сосѣдей, дѣтей, слугъ, и говорилъ имъ: — Возрадуемся, друзья мои, да послужимъ Господу! И затѣмъ произносилъ проповѣдь. Ахъ, какое это было блаженное время! Дай Богъ, чтобы оно опять когда нибудь настало!

Нѣмецъ усиленно размѣшивалъ муку въ квашнѣ, растиралъ, соскребалъ, мѣсилъ. Онъ охотно уступилъ страннику свою постель, отъ всего сердца подарилъ ему шляпу, съ готовностью отдалъ свою водку. Но уступить ему свою роль при богослуженіи?..

Помолчавъ нѣкоторое время, онъ сказалъ:

— Я могу поговорить объ этомъ съ теткой Санни. Это

можно устроить. Вы можете совершать богослуженіе вмѣсто меня, если это вамъ...

— Другъ мой!—подхватилъ Бонапарте,—это было бы для меня величайшимъ счастіемъ, неизреченнымъ наслажденіемъ; но въ столь поношенной одеждѣ, въ такихъ, можно сказать, лохмотьяхъ, возможно ли, мыслимо ли взяться за служеніе Тому, чьего имени я изъ почтенія произнесть не смѣю! Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ; я останусь здѣсь; и въ то время, какъ вы соберетесь во имя Его, я въ своемъ уединеніи смиренно буду думать и молиться о васъ. Нѣтъ, я лучше здѣсь останусь!

Какая трогательная картина: одинокій странникъ, возносящій молитвы за нихъ! Нѣмецъ очистилъ руки отъ муки и тѣста, подошелъ къ сундучку, изъ котораго вынималъ свою черную шляпу, опять заботливо порылся въ немъ, вытащилъ по порядку черный суконный сюртукъ, брюки и жилетъ, и съ хитрою улыбкой разложилъ все это на столѣ. Сукно было совсѣмъ новое, надѣванное не больше двухъ разъ въ годъ, когда онъ ѣздилъ въ городъ къ причастію на Страстной недѣлѣ. Онъ съ достоинствомъ развернулъ сюртукъ и, держа его на растопыренныхъ рукахъ, сказалъ:

— Фасонъ, можетъ быть, и не самый послѣдній, и работа не столичная, что и говорить. А всетаки годится, да; ради приличія. Вы примѣрьте, примѣрьте сейчасъ!—говорилъ онъ и добродушные сѣрые глаза его искрились радостною гордостью.

Бонапарте всталъ и примѣрилъ: сюртукъ сидѣлъ великолѣпно! жилетъ тоже удалось застегнуть, подпоровъ сзади складку, и брюки оказались впору; но изъ-подъ нихъ виднѣлись невозможные сапоги. Нѣмецъ нисколько не смутился этимъ: онъ снялъ съ крючка высокія ботинки, висѣвшія подъ потолкомъ, тщательно обдулъ и смелъ съ нихъ пыль и поставилъ ихъ передъ Бонапарте. Глаза старика такъ и сіяли неподдѣльнымъ восторгомъ.

— Эти сапоги я только разъ надѣвалъ. Они еще годятся, могутъ послужить: посмотрите, они не такъ плохи.

Бонапарте натянулъ ихъ на ноги и вытянулся во весь ростъ, почти касаясь головой до потолочныхъ перекладинъ. Нѣмецъ искренно любовался имъ. И точно: перемѣна костюма сдѣлала странника совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

ГЛАВА V.

Воскресное богослуженіе.

№ 1-й.

Мальчикъ Вальдо наклонился, поцѣловалъ страницы своей книги и взглянулъ на небо. Все было тихо на равнинѣ: вдали чуть замѣтнымъ пятномъ выдѣлялся курганъ, овцы мирно паслись, переходя отъ одного куста къ другому; спокойствіе ранняго воскреснаго утра проникало всю природу; въ воздухѣ еще чувствовалась прохлада.

Онъ снова опустилъ глаза на книгу. По страницѣ ползло насѣкомое чернаго цвѣта. Онъ поймалъ его на палецъ, оперся на локоть и сталъ съ улыбкою наблюдать маленькую тварь, съ ея трепетными крылышками и своеобразными движеніями.

— Даже и ты не умрешь,— шепталъ Вальдо,— даже и тебя Онъ любитъ. И тебя заключитъ въ свои объятія въ тотъ день, когда все и всѣхъ возьметъ къ себѣ и приведетъ къ высшему совершенству и счастію.

Насѣкомое улетѣло и Вальдо ласковымъ движеніемъ сталъ разглаживать страницы Евангелія. Не легко далось ему знакомство со Священнымъ Писаніемъ: оно изсушило въ немъ всю жизнерадостность его дѣтскихъ лѣтъ, вызвало въ его воображеніи такіе мучительные образы и представленія, отъ которыхъ онъ не могъ отвязаться ни днемъ, ни ночью, и не могъ спать по ночамъ. Жестокія мысли, какъ змѣи, высовывали свои головы, уязвляли его своими раздвоенными жалами и съ злобною насмѣшкой задавали ему простые, но коварные вопросы, на которые бѣдный мальчикъ не находилъ отвѣтовъ.

„Почему въ Евангеліи апостола Марка сказано, что женщины увидѣли одного ангела у гроба Господня, а у апостола Луки сказано, что ангеловъ было два? Возможно ли, чтобы событіе, разсказанное двумя различными манерами, въ обоихъ случаяхъ было передано въ точности. Возможно ли это? Мыслимо ли?“ Или еще: „Есть ли что нибудь на свѣтѣ абсолютно хорошее или абсолютно дурное, во всѣ времена? Какъ могла Іаиль, жена Хевера Кенеянина „взять въ лѣвую руку колъ, а въ правую молотъ рабочаго“ и вколачивать этотъ колъ въ спящаго человѣка, а духъ Господень въ это время могъ ли воспѣвать ей гимны, громко восхваляя ее за такое дѣло; и въ Писаніи не сказано, чтобы кто нибудь возвысилъ голосъ и закричалъ ей, что, напротивъ, подло и низко обманывать, да еще

изподтишка убивать спящаго человѣка, который довѣрялся ей? И какъ могло случиться, что другъ Божій взялъ себѣ въ жены свою родную сестру и Богъ не разлюбилъ его за это; а если кто нибудь теперь сдѣлаетъ тоже самое, то непремѣнно пойдетъ въ адъ, въ геенну огненную? Развѣ ничего нѣтъ на свѣтѣ разъ навсегда дурного, или разъ навсегда хорошаго!"

Да, кровавыхъ слезъ стоили ему эти страницы: тяжкимъ гнетомъ, ледяною глыбой ложились онѣ на его сердце; онѣ лишили его свѣтлыхъ радостей дѣтскаго возраста; но теперь онъ ласково проводилъ рукой по книгѣ, тихо приговаривая:

— Богу, Отцу нашему, все это извѣстно; мы не можемъ понять, но Онъ все знаетъ? — И помолчавъ немного, онъ съ улыбкой прибавилъ: — Я слышалъ Твой голосъ сегодня по-утру, еще не раскрывая глазъ слышалъ, Отецъ мой. И за что Ты такъ любишь меня?

Лице его сіяло восторгомъ.

— Вотъ уже четыре мѣсяца какъ прежнія мысли отошли отъ меня. Я знаю, что Ты благъ; знаю, что Ты всѣхъ любишь, знаю, знаю! Если бы не узналъ, я не могъ бы дольше выносить этого; да, не могъ бы!

Онъ тихо разсмѣялся. — Я то мучился и терзался, а Ты все время смотрѣлъ на меня и любилъ меня, Господи? А я и не зналъ. Но теперь я знаю, чувствую, о! такъ живо чувствую! — Вальдо опять тихо разсмѣялся, посидѣлъ молча и потомъ началъ пѣть отрывки изъ разныхъ псалмовъ и молитвъ, выражавшихъ его душевную радость. Онъ пѣлъ, а овцы обертывались и смотрѣли на него своими безсмысленными глазами.

Наконецъ онъ замолкъ, легъ на землю, уставился глазами на песокъ и кустарникъ и вотъ что онъ увидѣлъ. Ему представилось, что онъ перешелъ черезъ потокъ Смерти и идетъ по противуположному берегу, въ обѣтованной странѣ Господней. Ноги его ступаютъ по густому, темному дерну и онъ идетъ одинъ. Но вотъ онъ видитъ вдали, на томъ концѣ зеленаго поля, кого то идущаго ему на встрѣчу. Сначала онъ думаетъ, что это одинъ изъ ангеловъ, но по мѣрѣ того, какъ идущій приближается, Вальдо чувствуетъ, Кто это долженъ быть. Все ближе, ближе подходитъ Онъ; мальчикъ слышитъ Его голосъ: „Поди ко мнѣ!" И тогда для него больше нѣтъ сомнѣній: онъ навѣрное знаетъ Того, Кто передъ нимъ. Вальдо бѣжитъ, припадаетъ къ ногамъ возлюбленнаго, прикасается къ нимъ своими руками... Да, вотъ онъ чувствуетъ, что обнялъ

ихъ крѣпко и самъ легъ у ногъ Его... Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ и тѣ дивные глаза, съ любовью на него смотрящіе; и самъ смотрѣлъ, и зналъ, что онъ тутъ наединѣ съ Господомъ.

Онъ блаженно разсмѣялся... потомъ вдругъ очнулся и вскочилъ.

— О, Господи!—вскричалъ онъ:—Не могу я дольше ждать, не могу! Дай мнѣ умереть. Я хочу видѣть Его, хочу прикасаться къ Нему руками! Пошли мнѣ смерть!

Весь дрожа, онъ всплеснулъ руками.

— Неужели надо ждать, и еще можетъ быть долгіе, многіе годы? А я такъ хочу умереть, чтобы видѣть Его. Какой-бы ни было смертью, лишь-бы умереть. О, Господи, прибери меня!

Рыдая и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ припалъ къ землѣ и долго оставался распростертымъ. Потомъ поднялся и сказалъ:

— Хорошо, я подожду. Буду ждать; но лишь-бы недолго. Лишь бы не очень долго, Господи Іисусе! Я такъ стремлюсь къ Тебѣ... О, мнѣ Тебя такъ нужно... скорѣе, скорѣе!..

Мальчикъ затихъ и неподвижно сидя на пескѣ смотрѣлъ вдаль заплаканными глазами.

№ 2-й.

Въ большой комнатѣ на лицевой сторонѣ дома тетка Санни чинно сидѣла въ креслахъ. Она держала въ рукахъ большой молитвенникъ съ мѣдными застежками, на шеѣ у ней былъ повязанъ чистый бѣлый платокъ, а подъ ногами стояла деревянная скамейка. Эмма и Линдель сидѣли тутъ же, въ чистыхъ передникахъ и новыхъ башмакахъ; тутъ-же была и опрятная готтентотка въ туго-накрахмаленномъ бѣломъ чепцѣ, а по другую сторону двери ея мужъ: его волосы были густо намазаны масломъ и старательно расчесаны, и онъ съ удовольствіемъ разсматривалъ свои новые кожаные сапоги. Слуги кафрскаго племени не допускались сюда: тетка Санни разсудила, что они происходятъ отъ обезьянъ и потому души ихъ не подлежатъ спасенію. Присутствующіе собрались ради воскреснаго богослуженія и ждали проповѣдника.

Вошелъ Бонапарте подъ руку съ нѣмцемъ: на Бонапарте былъ полный костюмъ изъ чернаго сукна, бѣлоснѣжная рубашка и бѣлоснѣжные воротнички; на нѣмцѣ все та же потертая куртка цвѣта перца съ солью, и онъ съ застѣнчивымъ восхищеніемъ поглядывалъ на своего спутника.

У парадной двери Бонапарте съ большимъ достоинствомъ снялъ шляпу, поправилъ на себѣ воротничекъ и вошелъ. Подойдя къ столу, стоявшему середи комнаты, онъ торжественно поставилъ шляпу рядомъ съ толстой библіей, и въ безмолвной молитвѣ склонилъ надъ нею голову.

Голландка поглядѣла на готтентотку, а готтентотка поглядѣла на голландку.

Была на свѣтѣ одна вещь, передъ которой тетка Санни искренно благоговѣла, даже смирялась духомъ и до нѣкоторой степени становилась добрѣе. Такимъ чудодѣйственнымъ предметомъ было именно новое, блестящее черное сукно. Глядя на него, она всегда вспоминала о пасторахъ и проповѣдяхъ, о старшинахъ, возсѣдающихъ въ церкви по воскресеньямъ въ переднемъ ряду, въ черныхъ фракахъ съ узкими фалдами, съ припомаженными волосами, съ такими благочестивыми и почтенными лицами; и представлялись ей селенія горнія, гдѣ тоже все должно быть самое чинное и святое, гдѣ ни на комъ не увидишь небѣленаго холста, и самый малѣйшій изъ ангеловъ непремѣнно ходитъ въ черномъ фракѣ съ фалдочками... Она вдругъ почувствовала угрызеніе совѣсти: зачѣмъ она обозвала его тогда воромъ и римскимъ попомъ? Авось, впрочемъ, нѣмецъ не сказалъ ему этого. Да гдѣ-же у него было все это приличное платье, когда онъ явился тогда въ лохмотьяхъ? Да, теперь ясно, что онъ очень почтенный человѣкъ; настоящій джентльменъ.

Нѣмецъ сталъ читать гимны: при концѣ каждой строки Бонапарте испускалъ стонъ, а по окончаніи каждаго куплета стоналъ дважды.

Голландка и прежде слыхала, что на молитвѣ иные стонутъ вслухъ, какъ бы для большей выразительности и законченности исполненія; такъ, напримѣръ, старый Янъ Вандерлинде, братъ ея матери, послѣ своего обращенія въ лоно церкви всегда стоналъ во время молитвы, и тогда никто не удивлялся этому.

Но чтобы стонать за гимнами, этого она никогда не слыхивала и была поражена. Ей вспомнилось, что не далѣе какъ вчера она грозила ему кулакомъ, и ей хотѣлось, чтобы онъ позабылъ объ этомъ. По всему видно, что онъ человѣкъ благочестивый. Молящіеся преклонили колѣни. Голландка не могла этого сдѣлать, въ ней было двѣсти пятьдесятъ фунтовъ вѣсу и потому она сидѣла на мѣстѣ и закрывъ лицо руками смотрѣла сквозь пальцы на спину чужестранца. Что онъ говорилъ, было

непонятно ей, но она всетаки чувствовала, что онъ серьезно относится къ своему дѣлу: ухватившись за спинку стула, онъ такъ энергично потрясалъ имъ, что исцарапалъ глиняный полъ и поднялъ легкое облачко пыли.

Когда всѣ встали съ колѣнъ, Бонапарте торжественно усѣлся на стулъ и развернулъ Библію. Потомъ онъ высморкался, поправилъ воротнички, обдернулъ жилетъ, снова высморкался, важно обвелъ глазами комнату и началъ:

„Всѣ лжецы будутъ ввержены въ озеро, горящее пламенемъ и сѣрою, и это будетъ вторая смерть".

Прочитавъ эти слова священнаго писанія, Бонапарте пріостановился и вразумительно обозрѣлъ присутствующихъ.

— Я не намѣренъ,—сказалъ онъ,—задерживать васъ длинною проповѣдью, дорогіе друзья мои. Мы уже употребили часть драгоцѣннаго времени на благодарственные гимны и на восхваленіе имени Господня. Еще немного, очень немного словъ скажу я вамъ, и пусть они подѣйствуютъ на васъ подобно жезлу желѣзному, отрѣшающему плоть отъ костей и мозгъ отъ кости... Прежде всего спрошу васъ: что такое лжецъ?

Этотъ вопросъ заданъ былъ такъ выразительно и за нимъ послѣдовало такое продолжительное молчаніе, что даже готтентотъ у дверей пересталъ любоваться своими сапогами, и хотя ни слова не понялъ, но вытаращилъ глаза на проповѣдника.

„Повторю еще разъ: что есть лжецъ?—сказалъ Бонапарте.

Впечатлѣніе было поразительное: вниманіе присутствующихъ удвоилось.

„Кто нибудь изъ васъ, видалъ ли когда лжеца, дорогіе друзья мои?

Наступила пауза, еще болѣе продолжительная.

— Надѣюсь, что вы ихъ никогда не видывали?.. О, да, твердо надѣюсь. Но я вамъ сейчасъ скажу, что такое лжецъ. Я знавалъ одного: это былъ мальчикъ, и жилъ онъ въ Кэптоунѣ, на Малой Рыночной улицѣ. Однажды мы съ его матерью сидѣли и бесѣдовали о спасеніи своихъ душъ.

— Самсонъ,—сказала его мать,—вотъ тебѣ шесть пенсовъ, поди и купи пряниковъ у малайца, что торгуетъ тамъ за угломъ.

„Когда онъ возвратился, она спросила: сколько пряничковъ тебѣ дали на шесть пенсовъ?

— Пять, сказалъ онъ.

„Онъ побоялся, что если скажетъ шесть съ половиной, то мать попроситъ и себѣ пряничка. А онъ солгалъ, друзья мои.

Пол-пряника застряло у него въ горлѣ: онъ подавился и умеръ. Его похоронили. А куда-же дѣвалась душа этого маленькаго лжеца, друзья мои? Она попала въ озеро изъ пылающей сѣры. Перейдемъ теперь ко второй части нашего разсужденія.

„Что такое озеро, состоящее изъ огня и горючей сѣры? Сейчасъ я вамъ и это объясню, друзья мои,—снисходительно сказалъ Бонапарте;—трудно человѣку съ помощью одного воображенія представить себѣ, что это такое; но съ Божіею помощью я постараюсь такъ изложить предметъ, чтобы вы могли себѣ составить о немъ понятіе.

„Однажды я путешествовалъ по Италіи; пріѣхалъ я въ городъ именуемый Римъ, очень большой городъ, и около него огнедышащая гора. Ее называютъ — Этна. Въ этомъ городѣ Римѣ былъ такой человѣкъ, не имѣвшій страха Божія ежечасно передъ глазами; и полюбилъ онъ женщину; эта женщина умерла; и вотъ этотъ человѣкъ пошелъ на огнедышащую гору, взобрался на самую верхушку ея и оттуда бросился въ отверстіе, изъ котораго тамъ выходитъ огонь. На другой день пошелъ туда и я; мнѣ-то не было страшно, потому что Богъ охраняетъ вѣрныхъ слугъ своихъ. На рукахъ вознесутъ тебя обратно, если случится тебѣ упасть въ вулканъ. Была уже темная ночь, когда я дошелъ до вершины, но въ страхѣ Божіемъ приблизился къ самому краю бездны и заглянулъ въ нее. Что я тамъ увидѣлъ, друзья мои, было таково, что останется мнѣ памятнымъ на вѣки. Заглянувъ въ пламенную пропасть, я увидалъ море огня; шипящія волны бушевали, перекатываясь изъ стороны въ сторону, и на поверхности ихъ носился скелетъ самоубійцы. Отъ жара выгорѣло все мясо, вплоть до костей, и кости какъ легкая пробка плавали по раскаленной влагѣ. Одна рука скелета была поднята вверхъ, съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ, направленнымъ къ небу; другая рука, опущенная внизъ, указывала пальцемъ въ преисподнюю, какъ-бы желая сказать мнѣ: Я иду въ геену огненную, но ты, Бонапарте, можешь воспарить къ небесамъ!... Я смотрѣлъ. Я стоялъ какъ очарованный. Какъ вдругъ въ огненномъ озерѣ образовалась трещина: волны поднялись, заклокотали и поглотили самоубійцу, на вѣки сокрывъ его отъ глазъ человѣческихъ.

Тутъ Бонапарте перевелъ духъ, отдохнулъ; потомъ заговорилъ снова:—Между тѣмъ озеро изъ расплавленнаго камня поднималось все выше, выше, и стало выливаться черезъ края отверстія. Я не потерялъ присутствія духа: по близости былъ утесъ; я влѣзъ на него. Огненный потокъ, извергаясь наружу,

потекъ во всѣ стороны и окружилъ меня. И такъ я простоялъ одинъ на утесѣ цѣлую ночь, долгую и ужасную ночь; стоялъ, окруженный волнами пылающей лавы, изображая собою знаменіе божественнаго долготерпѣнія и милосердія, пощадившаго меня для того, чтобы я могъ сегодня возвѣстить передъ вами о Его всемогуществѣ.

„Теперь, дорогіе друзья мои, сообразимъ, какія поученія можемъ мы вывести изъ приведеннаго мною разсказа.

„Во первыхъ, никогда не должно прибѣгать къ самоу бійству. Надо быть дуракомъ, друзья мои, надо совсѣмъ съ ума сойти, чтобы добровольно разставаться съ этою жизнью, друзья мои. Жизнь доставляетъ намъ неисчислимыя радости, такія радости, которыхъ даже не постигаетъ человѣческое сердце. Намъ дана одежда, друзья мои; у насъ есть постели, друзья мои; мы имѣемъ вкусную пищу, друзья мои; намъ съ тѣмъ и даны драгоцѣнныя тѣла наши, чтобы мы ихъ любили, берегли и лелѣяли. О, будемъ-же дѣлать это! О, постараемся всячески ихъ соблюдать, ублажать и заботиться о нихъ!

Присутствующіе были тронуты. Бонапарте продолжалъ:

— Въ третьихъ, не слѣдуетъ любить слишкомъ сильно. Если-бы этотъ молодой человѣкъ не такъ любилъ ту молодую женщину, онъ-бы не бросился въ отверстіе горы Этны. Праведные праотцы наши никогда такъ не любили. Развѣ, напримѣръ, пророкъ Іеремія бывалъ влюбленъ? Или Эзекіиль, или Оссія, или хотя-бы кто изъ младшихъ пророковъ?

— Никогда этого не бывало. Такъ и намъ зачѣмъ-же влюбляться? Цѣлыя тысячи людей въ настоящую минуту кипятъ въ раскаленномъ озерѣ, и если-бы ихъ спросить, они бы сами сказали, что ихъ любовь довела до этого. О, будемъ всегда превыше всего заботиться о своихъ собственныхъ душахъ!

Заботу драгоцѣнную
Господь нашъ ввѣрилъ намъ:
Чтобъ душу мы нетлѣнную
Готовили къ небесамъ!

„О, возлюбленные друзья, вспомните мальчика съ пряниками! Помните молодого человѣка и молодую дѣвицу. Не забывайте озеро пылающее огнемъ и сѣрою; помните скелетъ самоубійцы, носимый смоляными волнами горы Этны; помните урокъ, преподанный вамъ сегодня; что я сказалъ, то и всѣмъ повторяю: берегитесь! Призываю на васъ благословеніе свыше!

Тутъ онъ громко захлопнулъ Библію. Тетка Санни развязала бѣлый платокъ съ шеи и утерла имъ глаза; видя это и

готтентотка принялась сморкаться. Онѣ ни слова не поняли изъ проповѣди, но тѣмъ болѣе были растроганы. Ничто такъ не плѣняетъ человѣческій умъ, какъ таинственное и непонятное. Когда пропѣли послѣдній гимнъ, нѣмецъ взялъ за руку проповѣдника и подвелъ его къ теткѣ Санни: она любезно протянула ему руку, предложила выпить кофе и сѣсть на диванъ. Видя, что дѣла приняли такой оборотъ, нѣмецъ оставилъ его тутъ, а самъ поспѣшилъ домой посмотрѣть, не готовъ-ли маленькій плумъ-пуддингъ, который онъ затѣялъ ради дорогого гостя. Тетка Санни выразила ту мысль, что сегодня очень жарко. Такъ какъ при этомъ она довольно энергично начала обмахиваться концомъ своего передника, Бонапарте понялъ и въ знакъ согласія низко поклонился ей. Наступило долгое молчаніе. Тетка Санни опять начала что-то говорить, но Бонапарте не слушалъ ее: онъ вперилъ взоръ въ миніатюрный портретъ, висѣвшій на противуположной стѣнѣ и изображавшій тетку Санни въ томъ видѣ, какъ она была наканунѣ своей конфирмаціи пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ зеленомъ кисейномъ платьѣ. Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста, подошелъ къ портрету, всталъ передъ нимъ и долго, жадно въ него всматривался, замѣтно было, что онъ сильно взволнованъ. Наконецъ, какъ-бы не въ силахъ больше совладѣть съ собой, онъ схватилъ портретъ, снялъ его съ гвоздика и поднесъ къ своимъ глазамъ; затѣмъ, обратясь къ голландкѣ, онъ произнесъ глубоко-потрясеннымъ голосомъ:

— Я надѣюсь, сударыня, что вы извините меня за такое невольное проявленіе чувства; это... эта картинка напомнила мнѣ мою первую, возлюбленную, безцѣнную жену, которая скончалась и теперь уже въ небесахъ!..

Тетка Санни не поняла; но ея горничная готтентотка, усѣвшаяся на полу у ея ногъ, кое-какъ постаралась перевести англійскую рѣчь Бленкинса на голландскій языкъ.

— О ты, моя первая любовь! Моя возлюбленная! — вздыхалъ Бонапарте, нѣжно созерцая портретъ.—О дорогія, прелестныя черты! Мой ангелъ, жена моя! Это вѣроятно портретъ вашей сестрицы, сударыня?—прибавилъ онъ, устремивъ глаза на тетку Санни.

Голландка покраснѣла, замотала головой и указала пальцемъ на себя.

Бонапарте внимательно, сосредоточенно сталъ сравнивать черты тетки Санни съ портретомъ, который держалъ въ рукѣ, попеременно глядя то на нее, то на него, мало по малу лицо

его прояснилось, въ глазахъ блеснуло сознаніе, онъ еще разъ взглянулъ на портретъ и блаженно разсмѣялся.

— О, да, теперь я вижу!—воскликнулъ онъ, восхищенными глазами смотря на голландку,—эти глаза... губы... носъ... подбородокъ... и наконецъ это выраженіе лица!.. Какъ могло случиться, что я до сихъ поръ этого не замѣтилъ?

— Выкушайте еще чашечку кофе,—сказала тетка Санни,—да положите сахару побольше.

Бонапарте нѣжно повѣсилъ портретъ обратно на гвоздикъ и только что хотѣлъ принять изъ рукъ тетки Санни чашку съ кофе, какъ вошелъ нѣмецъ и объявилъ, что пуддингъ готовъ, а мясо ужь на столъ подано.

— Онъ человѣкъ богобоязненный и держитъ себя совсѣмъ порядочно, — сказала голландка, какъ только онъ ушелъ.— Чѣмъ-же онъ виноватъ, что онъ такъ дуренъ собой? Вѣдь это ужь Богу такъ угодно было сдѣлать. А мы развѣ можемъ надсмѣхаться надъ твореніемъ Божіимъ? Ужь лучше быть некрасивымъ да праведнымъ, чѣмъ красивымъ и порочнымъ. Хотя, впрочемъ, конечно, лучше, если можно соединить то и другое,—прибавила тетка Санни, съ удовольствіемъ глядя на портретъ, висѣвшій на стѣнѣ.

Послѣ полудня нѣмецъ и Бонапарте сидѣли передъ дверью пристройки и оба курили молча. У Бонапарте въ рукахъ была книга и глаза его были полузакрыты; нѣмецъ энергично попыхивалъ изъ своей трубки и поглядывалъ на безоблачное голубое небо.

— Вы кажется говорили мнѣ,—началъ вдругъ нѣмецъ,— что... ну, словомъ, желали-бы пристроиться къ мѣсту?

Бонапарте раскрылъ ротъ и выпустилъ цѣлый столбъ дыма.

— Теперь положимъ, — продолжалъ нѣмецъ, — положимъ, что, напримѣръ, кто нибудь предложилъ-бы вамъ поступить на какую нибудь ферму, съ тѣмъ, чтобы учить дѣтей, напримѣръ двухъ дѣвочекъ, и за это получать вознагражденіе... скажемъ, сорокъ фунтовъ въ годъ; взяли-бы вы такое мѣсто? Это я только такъ, для примѣра.

— Вотъ видите ли, дорогой другъ мой, — сказалъ Бонапарте,—тутъ надо принять въ расчетъ обстоятельства. Деньгами я, собственно, не дорожу. Жену я обезпечилъ на цѣлый годъ впередъ. Но мое здоровье очень плохо. Если-бы нашлось такое мѣсто, гдѣ со мной обходились бы какъ съ джентльменомъ, я бы принялъ его, какъ-бы скудно оно ни оплачивалось, потому что, повторяю, деньгами я не дорожу.

— Ну,—сказалъ нѣмецъ, пыхнувъ еще раза два изъ своей трубки,—я теперь пойду потолкую немножко съ теткой Санни. По воскресеньямъ я частенько хожу къ ней подъ вечеръ, поболтать кое о чемъ, ну и такъ, посидѣть. Надо-же навѣщать ее иногда. Не за дѣломъ, конечно, а такъ.

Старикъ сунулъ свою книжку въ карманъ и пошелъ къ дому съ хитрымъ и радостнымъ выраженіемъ лица.

— Онъ и не подозрѣваетъ зачѣмъ я пошелъ,—бормоталъ онъ про себя,—ему и въ голову не приходитъ. Вотъ будетъ ему сюрпризъ!

А человѣкъ, котораго онъ оставилъ у своей двери, смотрѣлъ ему въ слѣдъ съ такой гримасой, которую и описать трудно.

ГЛАВА VI.

Бонапарте Бленкинсъ устраивается.

— Что съ тобой, что случилось?—спросилъ Вальдо, стоя на нижней ступенки лѣстницы и нагрузивъ себѣ на спину цѣлую кучу овчинъ, которыя онъ намѣренъ былъ стащить на чердакъ. Чрезъ растворенную дверь свѣтелки за кухней онъ увидѣлъ малютку Эмму, горько плакавшую и болтавшую ногами, сидя на высокой скамейкѣ. Эта комната прежде была амбаромъ, теперь-же ее перегородили пополамъ мѣшками съ сушеной шепталой и превратили заднюю половину въ спальню для Бонапарте, а переднюю—въ классную, гдѣ онъ училъ дѣтей.

— Линдель его разсердила,—отвѣчала дѣвочка, вся въ слезахъ,—а онъ за это задалъ мнѣ выучить четырнадцатую главу отъ Іоанна. Онъ говоритъ, что каждый разъ, когда Линдель нагрубитъ ему, онъ съ меня будетъ спрашивать.

— А она что-же сдѣлала?—спросилъ мальчикъ.

— Да видишь-ли,—сказала Эмма, безнадежно перебирая страницы своего урока,—какъ онъ начнетъ что нибудь разсказывать, такъ она отвернется и смотритъ въ дверь, какъ будто не слышитъ, что онъ говоритъ. А сегодня она сама у него спросила, какіе бываютъ знаки зодіака? онъ удивился и говоритъ,—никакъ не ожидалъ, что она у него спроситъ такую вещь, потому что маленькимъ дѣвочкамъ объ этомъ говорить не слѣдуетъ. Тогда она спросила, кто былъ Коперникъ? Онъ отвѣчалъ, что былъ такой римскій императоръ, который жегъ христіанъ, засунувъ ихъ въ золотую свинью, и за это его самого заживо съѣли черви. И тутъ,—прибавила Эмма жалобнымъ тономъ,—ужь я не знаю отчего, она собрала всѣ свои

книги подъ мышку и ушла; она сказала, что никогда больше не станетъ ходить къ нему учиться, а ужь она коли что скажетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ. И вотъ мнѣ придется теперь изо дня въ день сидѣть тутъ одной!—При этихъ словахъ изъ глазъ Эммы закапали крупныя слезы.

— Авось тетка Санни выгонитъ его вонъ,—сказалъ мальчикъ своимъ угрюмымъ шепотомъ, стараясь ее утѣшить.

— Ну нѣтъ!—сказала Эмма качая головой,—вчера вечеромъ, когда готтентотка мыла ей ноги, онъ стоитъ да и говоритъ: вотъ люблю такія ножки, по мнѣ полныя женщины лучше всего. И послѣ этого она мнѣ сказала, чтобы ему къ кофе подавать всегда чистыя сливки. Нѣтъ; онъ никогда не уйдетъ отсюда!—заключила Эмма безутѣшно.

Мальчикъ сложилъ овчины на землю, порылся у себя въ карманѣ и, вытащивъ оттуда нѣчто, завернутое въ обрывокъ бумаги, сунулъ ей въ руку.—На, возьми, это тебѣ!—сказалъ онъ, въ видѣ утѣшенія.

Эмма развернула свертокъ, нашла тамъ кусочекъ смолы, которую дѣти очень цѣнили; но крупныя слезы продолжали капать также часто.

Вальдо пришелъ въ смятеніе: онъ самъ въ теченіе своей не долгой жизни такъ много плакалъ, что не могъ равнодушно видѣть чужихъ слезъ.

— Вотъ что,—сказалъ онъ, неуклюже подходя къ столу,—если ты перестанешь плакать, я тебѣ скажу одну вещь; это секретъ.

— Что такое?—подхватила Эмма, мгновенно чувствуя облегченіе.

— Ты никому не скажешь, никому на свѣтѣ?

— Никому.

Онъ наклонился къ ней поближе и произнесъ торжественно:

— Я выдумалъ машину!

Эмма широко раскрыла глаза.

— Да, машину для стрижки овецъ. Она почти готова,—сказалъ мальчикъ,—есть тутъ одна штука, которую надо еще исправить; но это я скоро сдѣлаю. Если день и ночь, день и ночь все только и думать объ этомъ, непремѣнно догадаешься,—прибавилъ онъ таинственно.

— Гдѣ же она?

— Вотъ здѣсь. Я всегда ношу ее съ собою,—отвѣчалъ Вальдо, положивъ руку на куртку, которая замѣтно оттопырилась у него на груди.—Это модель; когда она будетъ совсѣмъ

готова, имъ придется построить точно такую штуку въ большомъ видѣ.

— Покажи!

Онъ замоталъ головой отрицательно.

— Нѣтъ, покуда не готова, не покажу. До тѣхъ поръ не надо, чтобы хоть одинъ человѣческій глазъ ее видѣлъ.

— Какой интересный секретъ!—сказала Эмма, и мальчикъ ушелъ подбирать свои овчины.

Вечеромъ отецъ съ сыномъ сидѣли и ужинали въ своей пристройкѣ. Отецъ по временамъ глубоко вздыхалъ: можетъ быть ему думалось о томъ, какъ давно уже Бонапарте не заглядывалъ къ нему въ гости; но сынъ его въ это время виталъ въ такихъ сферахъ, гдѣ нѣтъ мѣста печалямъ и воздыханіямъ. Спрашивается, что лучше: быть ли оборваннымъ безумцемъ и умѣть въ тоже время уноситься воображеніемъ въ міръ фантастическихъ грезъ, или быть мудрѣйшимъ изъ людей, но видѣть только то, что и другимъ видно, и ощущать только то, что можно осязать руками. Мальчикъ жевалъ сѣрый хлѣбъ и запивалъ его кофе, но на умѣ у него все время была только его машина и та недостающая къ ней штука, которую предстояло еще изобрѣсти, чтобы пустить ее въ ходъ. И ему ужь чудилось, что эта штука изобрѣтена и механизмъ работаетъ быстро и гладко; а еще, покуда онъ жевалъ свой хлѣбъ съ кофе, въ немъ жило блаженное сознаніе чего-то высшаго, что съ любовью взираетъ на него съ небесъ и блюдетъ его. И ему было такъ хорошо тутъ дома, за ужиномъ въ своей коморкѣ, что врядъ ли могло бы быть лучше въ горнихъ селеніяхъ, въ одной изъ тѣхъ аметистовыхъ залъ, выложенныхъ жемчугомъ, въ которыхъ представлялось ему обиталище Царя Славы.

Покуда они молча сидѣли за ужиномъ, послышался стукъ въ дверь. Нѣмецъ отперъ и изъ-за двери выглянула курчавая голова маленькой негритянки, которую тетка Санни прислала къ приказчику съ просьбой, чтобы онъ поскорѣе пришелъ на ферму. Онъ схватилъ шляпу, обѣими руками натянулъ ее на голову и побѣжалъ. Въ кухнѣ на фермѣ было темно и пусто, но въ кладовой виднѣлся свѣтъ и тамъ была тетка Санни со своими прислужницами.

Одна дѣвушка негритянка, растиравшая перецъ между двухъ камней, сидѣла на полу, другая—стройная готтентотка стояла держа въ рукѣ свѣчу въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, а сама тетка Санни, упершись руками въ бока и прислонившись къ

полкамъ у задней стѣны, къ чему-то внимательно прислушивалась.

— Что бы это могло быть?—воскликнулъ старый нѣмецъ въ удивленіи.

По ту сторону кладовой былъ амбаръ, обращенный въ свѣтелку. За тонкой досчатой перегородкой раздавался въ эту минуту отчаянный вой, какъ будто тамъ придавили какого-то звѣря, и отъ времени до времени сильный, мѣрный стукъ въ стѣну.

Нѣмецъ схватилъ съ полки мутовку, которой сбиваютъ масло, и хотѣлъ бѣжать вонъ, чтобы обойти домъ съ той стороны; но голландка положила руку ему на плечо и удержала его.

— Это онъ головой!—молвила тетка Санни,—головой вѣдь бьется.

— Да что же это такое?—спрашивалъ нѣмецъ держа мутовку наготовѣ и поочередно глядя то на ту, то на другую изъ женщинъ.

Въ отвѣтъ на его вопросы послышался новый жалобный вопль и голосъ Бонапарте завылъ:

— О, Мери-Анна! Мой ангелъ! Моя жена!

— Вотъ жалость-то!—сказала тетка Санни, прислушиваясь къ учащеннымъ ударамъ въ стѣну.— Онъ письмо получилъ, жена его умерла. Вы подите къ нему, утѣшьте,—рѣшила наконецъ голландка, — да и я съ вами пойду. Одной мнѣ идти къ нему теперь неловко, потому что мнѣ всего тридцать четвертый годъ пошелъ, а онъ опять холостой,—прибавила тетка Санни краснѣя и оправляя свой передникъ.

На основаніи такого рѣшенія вся компанія вышла изъ дому и отправилась за уголъ: готтентотка со свѣчой впереди, тетка Санни и нѣмецъ за нею, а негритянка сзади.

— Охъ, сказала тетка Санни, — теперь я вижу, что онъ не ради грѣха такъ надолго разставался со своей женой, а только по необходимости.

У входа въ свѣтелку она знакомъ пригласила нѣмца пройти впередъ и послѣдовала за нимъ тотчасъ-же. За перегородкой изъ мѣшковъ на постели лежалъ Бонапарте, лицомъ внизъ, уткнувшись головой въ подушку и слегка болтая ногами. Голландка сѣла на сундукъ въ ногахъ постели; нѣмецъ стоялъ сложа руки и смотрѣлъ.

— Всѣ мы смертны, всѣ умремъ, — сказала тетка Санни, помолчавъ.— Чтожь дѣлать. Такъ ужь Богу угодно.

Услыхавъ ея голосъ, Бонапарте привсталъ и перевернулся на спину.

— Да, это тяжкое испытаніе,—продолжала тетка Санни,—кому и знать про то, какъ не мнѣ: я двухъ мужей схоронила.

Бонапарте взглянулъ на нѣмца и сказалъ:

— О, что она говоритъ? Скажите мнѣ слово утѣшенія!

Нѣмецъ повторилъ ему изреченія тетки Санни.

— Ахъ, и я, и я тоже! Двухъ безцѣнныхъ женъ я лишился и никогда больше не увижу ихъ!—воскликнулъ Бонапарте, снова повалившись ничкомъ.

Онъ такъ громко завылъ, что тарантулы, гнѣздившіеся между балками цинковой крыши, поняли, что случилось нѣчто неладное и выглядывая изъ щелей таращили на него свои злые, блестящіе глаза.

Тетка Санни вздохнула, и готтентотка тоже стала вздыхать, а негритянка, стоя у двери, прикрыла ротъ рукой и произнесла:—Моууэ!

— Возложите надежду на Бога,—сказала тетка Санни:—Онъ можетъ даровать вамъ еще больше того, что вы потеряли.

— Ахъ, только на Бога я и надѣюсь!—заявилъ Бонапарте;—но ахъ! Я лишился жены! Нѣтъ у меня больше жены моей!

Тетка Санни совсѣмъ расчувствовалась и ставъ еще поближе къ постели сказала нѣмцу:

— Спросите, не хочетъ-ли онъ кашки поѣсть? У меня въ кухнѣ сейчасъ варится кашка, такая хорошая, бѣлая, нѣжная!

Нѣмецъ передалъ предложеніе, но вдовецъ замахалъ рукой.

— Нѣтъ, не могу ничего въ ротъ взять. Просто въ горло не пойдетъ. Нѣтъ, не хочу. И не говорите мнѣ объ ѣдѣ!

— Кашки-бы, а? И немножко водки влить въ нее?—уговаривала тетка Санни, самымъ заискивающимъ тономъ.

Бонапарте услыхалъ слово „водка“ и понялъ.

— Да, можетъ быть... можетъ быть хоть черезъ силу, а надо...—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ, глядя на нѣмца,—иначе я не въ состояніи буду исполнять моихъ обязанностей. Надо-же исполнять свой долгъ!

Тетка Санни тотчасъ распорядилась насчетъ кашки и отправила дѣвушку на кухню.

— Я знаю, каково это бываетъ,—говорила она;—когда умеръ мой первый мужъ, со мной никакого сладу не было, покуда не заставили меня поѣсть. А какъ поѣла бараньихъ ножекъ, да меду, да лепешки, и отлегло. Я знаю!

Бонапарте сѣлъ на постель, протянувъ ноги, положилъ обѣ руки на колѣни и началъ тихо всхлипывать.

— Охъ, какая это была женщина!—сказалъ онъ.—Вы очень добры, что такъ стараетесь меня утѣшить, но вѣдь надо помнить, что она была мнѣ жена. А для женщины, которая мнѣ жена, я готовъ и жизнь свою положить; для нея жить, для нея и умереть. Для женщины, которая мнѣ жена, я готовъ... Ахъ, ужь чего стоитъ одно слово — жена! Когда-то я опять буду имѣть право произносить его!

Поутихнувъ немного, онъ приподнялъ углы своего распухшаго рта и вялыхъ губъ и сказалъ нѣмцу:

— Какъ вы думаете, понимаетъ она меня? О, переведите ей хорошенько, чтобы она знала, какъ я ей признателенъ!

Въ эту минуту служанка возвратилась, неся миску горячей каши, отъ которой валилъ паръ, и черную бутылку.

Тетка Санни взяла бутылку, часть содержимаго вылила въ миску, размѣшала хорошенько и подошла къ постели.

— Охъ, не могу! Не могу, умру! Смерть моя! —говорилъ Бонапарте, хватаясь за бокъ.

— Ну, немножко!—уговаривала тетка Санни,—хоть капельку проглотите.

— Слишкомъ густа, боюсь подавиться!—сказалъ Бонапарте.

Тетка Санни еще разбавила кашку изъ бутыли, зачерпнула ложкой и поднесла ему. Бонапарте раскрылъ ротъ, какъ птичка, просящая червячка, и открывалъ его то и дѣло, пока она черпала изъ миски.

— Вотъ у васъ отъ сердца-то и отляжетъ, — говорила тетка Санни, въ умѣ которой дѣятельность сердца и желудка всегда какъ-то перепутывалась.

Когда миска опорожнилась, горе вдовца значительно смягчилось, онъ полными слезъ глазами смотрѣлъ на тетку Санни.

— Скажите ему,—попросила она нѣмца,—что я желаю ему спокойнаго сна и надѣюсь, что Богъ пошлетъ ему утѣшеніе, ибо одинъ Богъ можетъ облегчить такую скорбь.

— Благодарю васъ, дорогой другъ мой, благодарю!—сказалъ Бонапарте.

Когда дверь затворилась и нѣмецъ, и голландка, и готтентотка окончательно ушли, вдовецъ всталъ съ постели и тщательно сполоснулъ водою мыло, которымъ были намазаны его глаза.

— Ну, Бонъ!—сказалъ онъ, хлопая себя по колѣнкѣ,— ты такой умный парень, какихъ я и не видывалъ. Коли тебѣ

не удастся выжить отсюда стараго ханжу, да вытурить оборванца-пастуха, да прибрать къ рукамъ толстуху и надѣть ей на палецъ обручальное колечко, то какой-же ты будешь Бонапартъ? Но въ томъ-то и дѣло, что ты настоящій Бонапартъ, и слѣдовательно исполнишь все какъ по писанному. Молодецъ ты, Бонъ, и еще какой молодецъ-то!

Съ такими пріятными мыслями онъ снялъ штаны и превесело залегъ спать.

ГЛАВА VII.

Онъ разставляетъ ловушку.

— Можно войти? Надѣюсь, что я вамъ не помѣшаю, любезный другъ мой?—сказалъ Бонапарте, поздно вечеромъ подойдя къ пристройкѣ, гдѣ отецъ съ сыномъ ужинали, и заглядывая въ дверь.

Вотъ уже два мѣсяца какъ онъ поселился на фермѣ въ качествѣ учителя и съ каждымъ днемъ становился лицомъ все болѣе вліятельнымъ и могущественнымъ. Онъ давно пересталъ ходить въ гости къ приказчику, сидѣлъ все больше рядомъ съ теткой Санни и роспивалъ кофе, либо гулялъ, заложивъ руки подъ фалды нѣмцева чернаго сюртука и держалъ себя такъ важно, что не удостоивалъ отвѣтомъ какого-нибудь негра, который при встрѣчѣ съ нимъ самымъ почтительнымъ образомъ желалъ ему добраго утра. Поэтому можно себѣ представить, какъ удивился нѣмецъ, увидѣвъ у своей двери его красный носъ.

— Войдите, войдите, милости просимъ!—воскликнулъ онъ радостно.—Сынокъ, посмотри-ка, не осталось-ли кофе въ кофейникѣ? Нѣтъ, весь выпили. Ну, разведи огня поскорѣе. Мы, по правдѣ сказать, ужь поужинали, но всетаки...

— Дорогой другъ мой,—сказалъ Бонапарте, снявъ шляпу,—я не ужинать пришелъ, даже и не думалъ о ѣдѣ и питьѣ, а просто захотѣлось побесѣдовать по душѣ съ близкимъ человѣкомъ. За разными дѣлами, да за сложными соображеніями я въ послѣднее время не могъ, такъ часто, какъ мнѣ хотѣлось, изливать тайники души моей передъ тѣмъ, кому такъ глубоко сочувствую. Вы, можетъ быть, даже опасались, что я никогда не подумаю возвратить вамъ тѣ два фунта...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, что вы! Разводи огня живѣе сынокъ! Я вамъ мигомъ сварю кофе, горяченькаго,—суетился нѣмецъ, потирая руки, поминутно озираясь и придумывая, чѣмъ-бы еще выразить свое удовольствіе отъ такого неожиданнаго визита.

Вотъ уже три недѣли какъ нѣмецъ на свои робкія привѣтствія ничего не видалъ отъ Бонапарте кромѣ церемонныхъ поклоновъ; Бонапарте съ каждымъ днемъ держалъ голову все выше и выше, а въ пристройку не заглядывалъ съ того самаго дня, когда приходилъ занять упомянутые два фунта. Нѣмецъ подошелъ къ изголовью своей постели и снялъ со стѣны висѣвшій на гвоздѣ синій мѣшокъ. Такихъ синихъ мѣшковъ у него было множество: штукъ до пятидесяти съ разнымъ добромъ было навѣшано и насовано во всѣхъ углахъ комнаты. Въ однихъ онъ держалъ какіе-то интересные камушки, въ другихъ сѣмена, вывезенныя изъ Европы пятнадцать лѣтъ назадъ; въ иныхъ у него лежали старые гвозди, ржавыя пряжки, куски ремней и прочая дрянь; но онъ всѣмъ этимъ очень дорожилъ.

— Вотъ тутъ у насъ есть кое-что, нельзя сказать, чтобъ плохое,—сказалъ онъ, опустивъ руку въ мѣшокъ и вытаскивая оттуда пригоршнями миндальные орѣхи и изюмъ:—Я покупаю эти сласти для моихъ цыплятокъ: онѣ хоть и выросли ужь довольно большія, а все-таки имъ хочется сладенькаго. Отчего-жь старику и не полакомить ихъ, а?.. Да я, по правдѣ, и самъ люблю побаловаться!—прибавилъ онъ, насыпая тарелку верхомъ.—А вотъ и камушки, два камушка, чтобы разбивать орѣхи; механизмъ не важный, не то, чтобы усовершенствованная машинка, не патентованная... да; тотъ самый способъ, которымъ праотецъ Адамъ щелкалъ орѣшки, а? Ну, да годится; какъ-нибудь разобьемъ. Небось, неразбитыми не оставимъ, хоть и обойдемся безъ модныхъ инструментовъ.

И нѣмецъ, крайне довольный, усѣлся за столъ противъ Бонапарте, поставилъ тарелку посреди стола и взялъ себѣ тоже пару плоскихъ камней.

— Вы не бойтесь!..—сказалъ нѣмецъ гостю,—не бойтесь, я и сынка не забываю, разобью и для него орѣшковъ. Мѣшокъ-то у меня полный. Ай, какая странность... — перебилъ онъ вдругъ самъ себя, разбивъ крупный орѣхъ; — въ одной скорлупѣ три миндалины! Никогда еще не встрѣчалъ такого орѣха. Это надо спрятать. Очень любопытная штука.

Онъ пресерьезно завернулъ орѣхъ въ бумажку и заботливо спряталъ въ жилетный карманъ. — Рѣдкость, большая рѣдкость!— сказалъ онъ, озабоченно качая головою.

— Ахъ, другъ мой, — сказалъ Бонапарте,—какая радость для меня снова находиться въ вашемъ обществѣ!

Глаза нѣмца блеснули, Бонапарте схватилъ его руку и съ

горячностью пожалъ ее. Они принялись щелкать и поѣдать орѣхи. Бонапарте, усердно набивая себѣ ротъ изюмомъ, сказалъ:

— Какъ глубоко огорчила меня, мой дорогой другъ, эта легкая размолвка, происшедшая сегодня между вами и теткой Санни.

— О-о, это пустяки!—сказалъ нѣмецъ.—Что за бѣда! Пропало нѣсколько овецъ; ну, я самъ и отвѣчаю за это. Своихъ двѣнадцать овецъ отдамъ ей, а за восемь остальныхъ отработаю.

— Вотъ въ томъ-то и горе, что весь убытокъ на васъ падаетъ,—сказалъ Бонапарте,—вѣдь вы не виноваты въ пропажѣ овецъ.

— Вотъ видите, въ чемъ дѣло,—сказалъ нѣмецъ,—вчера вечеромъ сталъ я считать овецъ въ краалѣ—двадцати не хватаетъ. Спрашиваю пастуха, гдѣ онѣ? говоритъ, что тамъ, въ большомъ стадѣ остались; такъ и сказалъ, знаете-ли, этими самыми словами. Какъ же я могу подумать, что онъ солгалъ? Сегодня вечеромъ иду опять считать большое стадо: тамъ этихъ овецъ не оказывается. Возвращаюсь домой, узнаю, что и пастуха нѣтъ, и овецъ нѣтъ. Но не могу я... нѣтъ, даже не хочу думать, что онъ ихъ укралъ!—объявилъ нѣмецъ, сильно волнуясь,—кто нибудь другой, положимъ, укралъ; но только не онъ. Я этого малаго знаю, уже три года, какъ я его знаю. Онъ парень добрый. Я помню, какъ онъ глубоко сокрушался о своей душѣ... А она хотѣла за полиціей посылать. Нѣтъ, я рѣшилъ ужь взять все на свою отвѣтственность, а этого не допускать. Онъ бѣжалъ, конечно, со страху. Вѣдь я знаю его сердце... Надо вамъ сказать, — прибавилъ нѣмецъ, съ запинкой, — что онъ, собственно, подъ моимъ вліяніемъ впервые созналъ потребность позаботиться о своей душѣ, позналъ Христа!

Бонапарте, продолжая щелкать орѣхи, зѣвнулъ и спросилъ равнодушнымъ тономъ, какъ будто только для поддержанія разговора:

— А куда же дѣвалась жена пастуха?

Нѣмецъ въ одну минуту опять вспыхнулъ какъ порохъ.

— Да, жена его. У ней ребенокъ, которому отроду всего шесть дней, а тетка Санни хотѣла непремѣнно сегодня же выгнать ее вонъ, въ чистое поле. Это... это... — Старикъ вскочилъ съ мѣста.—Это жестоко, именно, что называется сатанинская жестокость. Вотъ чего душа моя не терпитъ. Когда

я вижу, что человѣкъ способенъ на такое дѣло, я готовъ своими руками пырнуть его ножемъ.

Сѣрые глаза нѣмца сверкали, густая борода тряслась и онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ свирѣпый видъ. Но вдругъ онъ затихъ, гнѣвъ его прошелъ и онъ сказалъ спокойно:—Но это все теперь уладилось; тетка Санни обѣщала мнѣ позволить пастуховой женѣ остаться еще нѣсколько дней. Завтра я поѣду къ дядѣ Миллеру, посмотрю, не тамъ ли наши овцы. Коли ихъ тамъ нѣтъ, все равно ворочусь домой. Нѣтъ, такъ и нѣтъ; что же дѣлать. Пусть я одинъ за это отвѣчаю.

— Странная женщина эта тетка Санни! — сказалъ Бонапарте, принимая изъ рукъ нѣмца кисетъ съ табакомъ.

— Странная? Да, пожалуй,—отвѣчалъ нѣмецъ,—но сердце у ней доброе. Я съ ней много лѣтъ прожилъ и могу сказать, не только самъ къ ней привязался, но и она ко мнѣ. Впрочемъ, говоря по совѣсти,—прибавилъ нѣмецъ съ горячностью,—у насъ на фермѣ нѣтъ ни одной души, къ которой я не былъ бы привязанъ.

— Ахъ, другъ мой,—сказалъ Бонапарте,—разъ, что въ сердцѣ нашемъ почіетъ благодать Господня, развѣ не тоже и съ каждымъ изъ насъ? Любишь даже червя, ползущаго подъ нашими ногами; наступаешь на него, а все таки любишь. Мы не разбираемъ ни племенъ, ни половъ; что бѣлый, что чернокожій, для насъ все равно. Да!

«Любовь божественна, священна.
Въ моей груди, въ душѣ зажженна...»

Помолчавъ немного, онъ перешелъ въ менѣе пламенный тонъ и сказалъ:

— Эта темнокожая особа, которая прислуживаетъ теткѣ Санни, кажется, довольно добропорядочнаго поведенія; она повидимому...

— Добропорядочна... о, да! — сказалъ нѣмецъ. — Я имѣю къ ней полнѣйшее довѣріе. Это душа чистая, благородная, да; возвышенная душа. Между сильными міра сего немного найдется такихъ, которые были бы ей подстать.

Тутъ нѣмецъ пошелъ достать съ очага горячій уголь, что бы раскурить трубку гостя. Они посидѣли еще нѣкоторое время, побесѣдовали; наконецъ Бонапарте сталъ выколачивать золу изъ своей трубки и сказалъ:

— Пора мнѣ разстаться съ вами, дорогой другъ мой; но послѣ такого пріятнаго вечера, исполненнаго для насъ брат-

ской любви и дружескаго обмѣна мыслей, не закончить-ли намъ его краткою молитвой? О, какъ сладко, какъ душеполезно для единомысленныхъ братій такое духовное общеніе! Оно какъ роса на горахъ Гермонскихъ, ибо тамъ Господь излилъ свою благодать и обѣщалъ жизнь вѣчную.

— Выпейте еще кофе, посидите, — сказалъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, другъ мой, благодарю васъ; у меня еще есть дѣло сегодня,— сказалъ Бонапарте.—А вашъ милый сыновъ ужь кажется уснулъ? Завтра утромъ ему придется ѣхать на мельницу. Совсѣмъ ужь взрослый онъ становится, и такой мужественный!

— Хорошій мальчикъ,—сказалъ отецъ.

Но хотя мальчикъ, что называется, клевалъ носомъ, сидя передъ печкой, онъ не спалъ и вмѣстѣ со старшими сталъ на молитву.

Когда колѣнопреклоненіе кончилось, Бонапарте протянулъ руку и потрепалъ Вальдо по головѣ.

— Покойной ночи, дитя мое,—сказалъ онъ,—такъ какъ завтра ты съ утра уѣдешь на мельницу, мы съ тобой нѣсколько дней не увидимся. Почивай спокойно! Прощай! Богъ да благословитъ тебя и да наставитъ на путяхъ своихъ; дай Богъ, чтобы ты возвратился цѣлъ и невредимъ и всѣхъ насъ засталъ въ томъ же видѣ, въ какомъ покидаешь! — послѣднія слова онъ произнесъ съ особою торжественностью. — А вы, дорогой другъ мой,—прибавилъ онъ обращаясь къ нѣмцу съ удвоенной горячностью,—знайте, что я долго, долго буду вспоминать объ этомъ вечерѣ, какъ о моментѣ истиннаго освѣженія души передъ лицомъ Господа, о часѣ блаженнаго общенія съ братомъ во Христѣ. Побольше бы такихъ часовъ въ будущемъ! Да наградитъ васъ Богъ, — прибавилъ онъ все горячѣе, — и да ниспошлетъ Онъ вамъ всякихъ, всякихъ благъ!

Онъ растворилъ дверь и исчезъ въ темнотѣ.

— Хи-хи-хи!—смѣялся Бонапарте, спотыкаясь о камни.— На этой фермѣ собралась такая рѣдкостная коллекція дураковъ, какой еще не бывало на свѣтѣ. О, Господи, вотъ смѣхъ-то! Коли черви сами выползаютъ, еще-бы птицѣ ихъ не клевать! Ха-ха-ха!

Онъ вдругъ выпрямился: даже наединѣ самъ съ собой онъ не могъ обойтись безъ величавыхъ позъ. Привычка — вторая натура.

Онъ заглянулъ на кухню. Готтентотка, служившая пере-

водчицей между нимъ и теткой Санни, ушла на покой, и сама тетка Санни уже залегла спать.

— Ничего, Бонъ; это, мой голубчикъ, не бѣда, успѣешь и завтра; хи-хи-хи! — бормоталъ онъ себѣ подъ носъ, огибая уголъ дома и отправляясь въ свое жилье.

ГЛАВА VIII.

Старикъ попадаетъ въ западню.

На другой день, часа въ четыре пополудни, нѣмецъ ѣхалъ верхомъ по равнинѣ, возвращаясь со своихъ поисковъ за пропавшими овцами. Онъ ѣхалъ тихо, потому что не сходилъ съ коня съ самаго разсвѣта и порядочно утомился; жара была сильная и лошадь его дремала, еле волоча ноги по песчаной тропинкѣ. По временамъ большіе красные пауки, выползая изъ кустовъ карро, перебѣгали черезъ дорогу; кромѣ ихъ ничто не нарушало однообразія пустыни. Какъ вдругъ въ тѣни одного изъ высокихъ молочайниковъ, попадавшихся вдоль дороги, нѣмецъ замѣтилъ чернокожую женщину, очевидно желавшую укрыться отъ палящаго солнца въ скудной тѣни этого растенія. Нѣмецъ тотчасъ повернулъ лошадь въ ту сторону. Проѣхать мимо человѣческаго существа, не сказавъ ему добраго слова, было не въ его натурѣ. Подъѣхавъ ближе, онъ узналъ въ этой женщинѣ жену бѣжавшаго пастуха. Новорожденный ребенокъ подвязанъ былъ къ ея спинѣ грязнымъ обрывкомъ краснаго одѣяла; другой обрывокъ, немногимъ пошире перваго, былъ обмотанъ вокругъ ея пояса и составлялъ всю ея одежду. Остальное тѣло было обнажено.

Это была угрюмая чернокожая женщина, съ сильно выпяченными губами и очень дурная собой.

Нѣмецъ началъ ее разспрашивать, зачѣмъ она сюда попала. Она объяснила на ломаномъ голландскомъ нарѣчіи, что ее выгнали съ фермы. Развѣ она провинилась?—Она отрицательно замотала головой.—А пищей ее снабдили? — Она проворчала, что нѣтъ, и стала отгонять мухъ отъ ребенка. Нѣмецъ велѣлъ ей подождать тутъ и, повернувъ лошадь, во весь опоръ поскакалъ домой.

— Какое жестокосердіе! Какая суровость! О, Боже мой! Развѣ такъ можно? Гдѣ-же тутъ милосердіе?—восклицалъ старикъ внѣ себя отъ волненія. Но мало по малу гнѣвъ его испарялся, лошадь замедлила шагъ и къ тому времени, какъ

онъ подъѣхалъ къ двери своей пристройки, онъ ужь улыбался, кивалъ головой и повторялъ:—Да, да, да!

Поспѣшно сойдя съ лошади, онъ бросился къ большому шкафу, гдѣ хранились его съѣстные припасы. Набравъ по немного муки, кукурузы и лепешекъ, онъ положилъ ихъ въ три синихъ платка, связалъ въ узлы, засунулъ ихъ въ холщевый мѣшокъ и перекинулъ себѣ за спину. Потомъ онъ осторожно выглянулъ за дверь и осмотрѣлся, нѣтъ-ли кого по близости, потому что не хорошо подавать милостыню при людяхъ. Одна мысль объ этомъ заставила его покраснѣть до самыхъ корней его сѣдѣющихъ волосъ. Но по счастью никого не было и онъ, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ обратно въ степь. Чернокожая женщина все еще сидѣла подъ кустомъ молочайника,—точно Агарь, подумалъ онъ,—Агарь прогнанная своей госпожей и осужденная умирать въ пустынѣ.—Онъ велѣлъ ей снять съ головы и разостлать на землю платокъ и высыпалъ въ него все, что привезъ въ мѣшкѣ. Женщина угрюмо и не говоря ни слова завязала углы своего платка.

— Ты постарайся сегодня-же дойти до сосѣдней фермы,— посовѣтовалъ нѣмецъ. Но она замотала головой: она проночуетъ тутъ, въ полѣ.

Нѣмецъ задумался. Правда, что туземныя женщины привыкли спать подъ открытымъ небомъ; но младенецъ такъ еще малъ, а послѣ жаркаго дня ночи бываютъ совсѣмъ холодныя. Въ простотѣ души ему и въ голову не пришло, что какъ только стемнѣетъ, женщина непремѣнно проберется обратно къ негритянскимъ хижинамъ на фермѣ и тамъ переночуетъ.

Онъ снялъ свою старую куртку и отдалъ ей.

Женщина молча приняла подарокъ и прикрыла имъ свои ноги.

— Ну, теперь имъ тепло будетъ спать; это не дурно, а? Ха-ха!—сказалъ нѣмецъ и поѣхалъ домой, кивая головой такъ энергично, что у другого на его мѣстѣ отъ этого потемнѣло-бы въ глазахъ.

— Ужь лучше-бы онъ сегодня не возвращался домой!— говорила между тѣмъ Эмма, заливаясь слезами.

— Не все-ли равно, сегодня или завтра?—сказала Линдель.

Дѣвочки сидѣли на порогѣ пристройки и ждали возвращенія нѣмца. Линдель заслоняла глаза рукою отъ лучей заходящаго солнца.

— Вонъ онъ; ѣдетъ,—сказала она,—и насвистываетъ: Ach, Jerusalem, du Schöne! Да такъ громко, что отсюда слышно.

— Можетъ быть овцы-то нашлись,—сказала Эмма.

— Нашлись? подхватила Линдель.—Нѣтъ, онъ-бы все равно насвистывалъ, хоть-бы зналъ, что сегодня ему умирать придется.

— Любуетесь на закатъ, э? мои цыпочки!—закричалъ нѣмецъ, лихо подъѣзжая къ пристройкѣ.—Да, красота какая!—прибавилъ онъ соскочивъ съ лошади, положивъ руку на сѣдло и съ минуту остановившись посмотрѣть на вечернее небо, перерѣзанное длинными пламенными лучами, поперекъ которыхъ тихо плыли легкія золотистыя облачка.—Да вы плачете? Что-же это такое! — воскликнулъ нѣмецъ, когда дѣвочки подбѣжали къ нему.

Но, прежде чѣмъ онѣ успѣли отвѣтить, раздался голосъ тетки Санни:

— Ну-ка ты, собака, собачій сынъ, иди сюда?

Нѣмецъ оглянулся, онъ подумалъ, что голландка вышла прогуляться на дворѣ и кричитъ на кого-нибудь изъ прислуги; старикъ осмотрѣлся кругомъ, чтобы узнать на кого она сердится.

— Что-же ты, старый нѣмецкій ханжа, оглохъ что-ли?

Тетка Санни стояла передъ крылечкомъ своего жилья; на нижней ступени сидѣла худощавая готтентотка, а на верхней стоялъ Бонапарте Бленкинсъ, заложивъ руки за фалды сюртука, онъ вперилъ взоръ на вечернее небо.

Нѣмецъ выпустилъ изъ рукъ сѣдло.

— Господи, Боже мой, что-бы это значило?—сказалъ онъ, направляясь къ дому.—Вотъ странности!

Дѣвочки пошли за нимъ, Эмма продолжала плакать, а Линдель только поблѣднѣла и глаза ея расширились.

— Такъ ты говоришь, что у меня чертовскій характеръ? Такъ ты собираешься пырнуть меня ножемъ, а? — закричала голландка.—Я только оттого не гнала пастухову жену, что тебя боялась, да? Ахъ, ты тряпка негодная! Да еще увѣряешь, будто я влюбилась въ тебя, и желала-бы выйти за тебя замужъ? Это я-то! Я? Ахъ ты кошачій хвостъ, собака поганая! Если завтра съ утра я увижу тебя гдѣ-нибудь поблизости отъ дому,—прибавила она, задыхаясь отъ ярости, — я велю своимъ кафрамъ выгнать тебя толчками! И они радехоньки будутъ поколотить тебя, даромъ что ты имъ всѣ уши прожужжалъ своими молитвами, продадутъ тебя за понюшку табаку!

— Вотъ удивительно,—сказалъ нѣмецъ, стоя передъ ней и хватаясь рукою за свой лобъ,—я такъ удивленъ, что... ничего не понимаю.

— У него спроси, онъ знаетъ! — кричала тетка Санни,

указывая на Бонапарте.—Ты думалъ, что онъ не съумѣетъ мнѣ передать какъ слѣдуетъ, а онъ разсказалъ, и я все поняла, старый ты дуракъ! На столько-то я знаю по англійски. Такъ если завтра, къ утреннему разсвѣту, ты еще не уйдешь, знай, что я прикажу кафрамъ вытолкать тебя вонъ и колотить до тѣхъ поръ, пока живаго мѣста въ тебѣ не останется и кости-то твои изотрутъ въ мелкіе кусочки, какъ фаршъ въ колбасу. Старый негодяй! Все твое добро ни гроша не стоитъ, только на то и годится, чтобы выбросить въ мусорную кучу, а вотъ я-же тебѣ и того не оставлю, все, все отниму въ уплату за своихъ овецъ. Не только кобылу твою старую, но и сломаной подковы съ нея не отдамъ! И кобылу отберу, и все, все, за тѣхъ овецъ, которыхъ ты запропастилъ, безбожный негодяй!

Тутъ голландка стерла ладонью пѣну со своего рта.

Нѣмецъ обратился къ Бонапарте, который, стоя на верхней ступени, продолжалъ любоваться закатомъ солнца.

— Ко мнѣ не обращайтесь; и не подходите ко мнѣ, погибшій человѣкъ! — сказалъ Бонапарте, не глядя на него и вздергивая свой подбородокъ кверху.—Бываютъ преступленія, отъ которыхъ содрогается вся природа; преступленія, самое названіе которыхъ ненавистно для человѣческаго слуха, и въ этомъ вы провинились. Имя этого преступленія—неблагодарность. Эта женщина—ваша благодѣтельница, на ея фермѣ вы жили, за ея овцами смотрѣли, она допускала васъ къ себѣ въ домъ, гдѣ вы справляли даже божественную службу, тогда какъ вы были вовсе недостойны такой чести. И за все это чѣмъ-же вы отплатили? Низостью, низостью!

— Да вѣдь это все вздоръ и вранье. Надо же, наконецъ... Я хочу оправдаться!—сказалъ нѣмецъ съ изумленіемъ озираясь вокругъ:—Не во снѣ ли я все это вижу? Или вы съ ума сошли? Что это значитъ?

— Вонъ, собака!..—крикнула голландка,—я ужь была бы теперь богатой женщиной, кабы не лѣность твоя проклятая... Знай себѣ распѣваетъ псалмы съ кафрами, забравшись за стѣну краалей!.. Убирайся вонъ негритянскій пёсъ.

— Но изъ чего же это все вышло? Что случилось-то, покуда меня дома не было?—добивался нѣмецъ и съ этими вопросами обратился къ готтентоткѣ, сидѣвшей на крыльцѣ.

Готтентотка-то ему другъ закадычный: она сейчасъ скажетъ ему всю правду. И вдругъ... Она захохотала ему въ лицо звонкимъ, обиднымъ смѣхомъ!

— Хорошенько его, миссисъ! Хорошенько его! — завизжала она.

Ей было любо посмотрѣть, какъ унижаютъ бѣлаго человѣка, который до сихъ поръ ими командовалъ. И она смѣялась, и шутливо забравъ въ ротъ нѣсколько зеренъ кукурузы стала жевать ее.

Гнѣвъ и возбужденіе старика сразу потухли. Онъ поднялъ плечи, отвернулся и сгорбленный, озадаченный, тихо пошелъ по тропинкѣ къ своей пристройкѣ. У него въ глазахъ потемнѣло; дойдя до своей двери, онъ запнулся и чуть не упалъ черезъ порогъ.

Эмма горько рыдая хотѣла идти за нимъ, но голландка остановила ее потокомъ такой ругани и такихъ низкихъ подозрѣній, что готтентотка отъ восхищенія извивалась на мѣстѣ.

— Пойдемъ Эмма,—сказала Линдель, выпрямляясь и подымая свою гордую головку:—уйдемъ отсюда. Намъ негодится слушать такія рѣчи.

Мимоходомъ она взглянула голландкѣ прямо въ глаза. Тетка Санни поняла смыслъ этого взгляда, хотя быть можетъ не поняла значенія ея словъ. Она погналась за дѣвочками и поймала Эмму за руку. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она ударила Линдель; но съ тѣхъ поръ ни разу не рѣшилась повторить этого удара; поэтому она и ухватилась теперь за Эмму.

— А-а, и ты туда же, противъ меня? Погоди же ты, англійская уродина! — воскликнула она, одной рукой пригибая дѣвочку къ землѣ и прижимая ея голову къ своей колѣнкѣ, а другой надѣляя ее пощечинами по обѣимъ щекамъ.

Линдель обернулась и охватила толстую руку голландки своими тонкими пальцами.

Тетка Санни была такъ сильна, что могла-бы однимъ новоротомъ руки отбросить дѣвочку на камни; и хотя пальчики Линдель такъ крѣпко впились въ ея руку, что и вечеромъ ложась спать голландка замѣтила ихъ слѣды на своемъ тѣлѣ, но не это заставило ее остановиться: взглянувъ на Линдель, она увидѣла ея блѣдныя, дрожащія губы, а въ ея ясныхъ глазахъ прочитала такое выраженіе, что сразу выпустила Эмму изъ рукъ и только изумленно выругалась.

Линдель взяла Эмму подъ руку и, обращаясь къ Бонапарте, все еще стоявшему въ дверяхъ, произнесла только,—посторонитесь!—И самъ Бонапарте, только что торжествовавшій побѣду, безпрекословно посторонился.

Готтентотка перестала хохотать и всѣ трое, оставшіеся на крыльцѣ, вдругъ притихли и замолчали.

Придя въ свою комнату, Эмма сѣла на полъ и съ горькими слезами начала причитать. Линдель блѣдная, спокойная, легла на кровать и заслонила глаза рукою.

— О-о-охъ!—жаловалась Эмма,—и сѣрой-то кобылы ему не дадутъ! Да и Вальдо уѣхалъ на мельницу. О-о! Еще, чего добраго, они и насъ-то не пустятъ проститься съ нимъ. О-о-охъ!

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты успокоилась,—сказала Линдель не шевелясь съ мѣста.—Неужели тебѣ такъ пріятно, чтобы Бонапарте зналъ, какъ онъ тебѣ насолилъ? Мы ни у кого и спрашиваться не станемъ. Скоро будутъ ужинать. Послушай-ка, какъ только мы услышимъ стукъ ножей и вилокъ, мы съ тобой уйдемъ отсюда, и прямо къ нему.

Эмма подавила свои рыданія и стоя на колѣнахъ у двери внимательно прислушивалась. Вдругъ съ наружной стороны дома кто-то подошелъ къ ихъ окну и заперъ его ставнемъ.

— Это кто?—спросила Линдель, вздрогнувъ.

— Готтентотка, вѣроятно, —сказала Эмма,—только отчего она сегодня вздумала такъ рано закрывать?

Линдель вскочила съ постели, бросилась къ двери и ухватившись за ручку изо всѣхъ силъ старалась отворить ее. Но дверь была заперта снаружи. Она стиснула зубы.

— Что такое?—спросила Эмма.

Въ комнатѣ между тѣмъ настала совершенная темнота.

— Ничего,—отвѣчала Линдель,—только насъ заперли кругомъ.

Она повернулась и направилась опять къ своей кровати. Однако, Эмма вскорѣ снова услышала какую-то возню. Линдель влѣзла на окно и внимательно ощупала деревянный переплетъ оконной рамы; потомъ слѣзла, отвинтила желѣзный наконечникъ съ одного изъ угловъ кровати, и ставъ опять на подоконникъ продавила этимъ наконечникомъ всѣ до одного стекла въ рамѣ, отъ верху до низу.

— Что ты дѣлаешь?—спросила Эмма, услыхавъ звонъ падавшаго стекла.

Дѣвочка не отвѣчала: она переломала поочередно каждую изъ перекладинъ оконной рамы, потомъ налегла на ставень и попыталась своею тяжестью открыть его. Она думала, что онъ прикрѣпленъ только на деревянныя защелки и ожидала, что онѣ соскочутъ отъ ея усилій. Но металлическій звукъ убѣдилъ ее, что ставень закрѣпленъ желѣзнымъ болтомъ. Линдель затихла

и нѣкоторое время сидѣла смирно. Потомъ опять слѣзла съ подоконника, отыскала на столѣ маленькій перочинный ножикъ и стала сверлить имъ твердое дерево ставня.

— А теперь ты что дѣлаешь?—спросила Эмма; она между тѣмъ перестала плакать и сильно заинтересованная подошла поближе къ окну.

— Попробую дырку провертѣть,—отвѣчала она отрывисто.

— И ты думаешь, что тебѣ удастся?

— Не знаю; попытаюсь.

Эмма съ замирающимъ сердцемъ ждала, что будетъ. Минутъ десять Линдель не переставая тыкала ножичкомъ въ одно мѣсто и успѣла пробить дерево на глубину почти въ полдюйма. Но тутъ ножикъ вдругъ сломался на нѣсколько частей.

— Ой, что опять случилось?—спросила Эмма, снова всхлипывая.

— Ничего,—сказала Линдель,—принеси сюда мой ночной капотъ, клочокъ бумаги и спички.

Эмма, дивясь и ничего не понимая, принялась шарить въ темнотѣ и, наконецъ, принесла все, что требовалось.

— Что же ты хочешь дѣлать съ этимъ?—прошептала она.

— Жечь ставень.

— А если и домъ загорится, и будетъ пожаръ, и все сгоритъ?

— Такъ и будетъ.

— Да развѣ это хорошо?

— Нѣтъ, нехорошо, только мнѣ это все равно.

Она очень заботливо разложила свой капотъ въ углу подоконника, а сверхъ его насыпала обломковъ отъ сломанной рамы. Въ коробочкѣ оказалась одна только спичка. Линдель осторожно шаркнула ею по каменной стѣнѣ и голубой огонекъ вспыхнулъ на минуту, освѣтилъ ея блѣдное личико и сверкавшіе глаза. Она тщательно поднесла спичку къ клочку бумаги: пламя вспыхнуло еще ярче и черезъ нѣсколько секундъ потухло; оставалась одна искра. Линдель всячески старалась раздуть ее, но искра погасла. Тогда дѣвочка бросила обгорѣлую бумагу на полъ, затоптала ее ногой, пошла къ своей постели и стала раздѣваться.

Эмма кинулась къ двери и стуча въ нее кулаками принялась кричать:

— О, тетя Санни! тетя Санни! Пустите насъ отсюда!.. О-о! Линдель, что намъ теперь дѣлать?

Линдель закусила себѣ губу до крови и выступившую каплю крови утерла рукой.

— Я легла спать,—сказала она.—Коли тебѣ нравится сидѣть на полу и выть, вой себѣ хоть вплоть до утра. Можетъ быть, тебѣ кажется, что отъ этого легче будетъ. Но я никогда не слыхала, чтобы отъ вытья кому нибудь бывало лучше.

Долго спустя, когда и Эмма улеглась въ постель и почти заснула, Линдель подошла къ ней.

— На, возьми,—сказала она, сунувъ ей въ руку баночку съ пудрой:—натри себѣ этимъ лицо. У тебя, я думаю, горитъ въ томъ мѣстѣ, куда она тебя ударила?

И Линдель опять легла на свою постель. И еще долго спустя, когда Эмма окончательно уснула, Линдель все еще лежала съ раскрытыми глазами, сложивъ руки на груди, и бормотала про себя:

— И когда придетъ такое время, и у меня будетъ власть, я возненавижу всѣхъ, кто силенъ, и буду помогать всѣмъ, кто слабъ...

И она снова прикусила себѣ губу.

* * *

Въ послѣдній разъ въ тотъ вечеръ нѣмецъ выглянулъ изъ двери пристройки; потомъ, тихо вздыхая, сталъ ходить взадъ и впередъ по своей каморкѣ. Доставъ листокъ бумаги и перо, онъ присѣлъ къ столу, отеръ глаза кулакомъ и началъ писать.

„Цыплятки мои!

„Вы такъ и не пришли проститься со старикомъ. Можетъ быть, нельзя было? Что дѣлать! Хорошо, что есть такая страна, гдѣ никогда не разстаются, и гдѣ царствуютъ безсмертные праведники.

„Сижу одинъ и думаю о васъ. Вы не забудете старика? Завтра утромъ, когда вы проснетесь, я ужь буду далеко. Старъ ужь я, измѣнился и ноги плохи; спасибо, что палка есть: опираясь на нее, буду ходить о трехъ ногахъ. А когда нибудь возвращусь и притащу съ собой золота и алмазовъ. Какъ-то вы тогда примете меня? Вотъ увидимъ. Я пойду на встрѣчу Вальдо. Онъ только воротится съ телѣгой и сейчасъ тоже уйдетъ ко мнѣ. Бѣдный мальчикъ. Но Богу все извѣстно! Есть такая страна, гдѣ царствуетъ справедливость, но эта страна не на землѣ.

„Дѣтки мои, служите Спасителю нашему; пока еще вы молоды, передайте въ Его руки ваши сердца. Жизнь коротка!

„Ничего тутъ моего нѣтъ, а то-бы я сказалъ: Линдель, возьми себѣ мои книги, а ты Эмма—мои камни. Но я ничего

не говорю, хоть это и мои вещи. Богъ видитъ, что несправедливо со мной поступили, но я молчу. Пускай такъ и будетъ. Но я это чувствую, очень чувствую!

„Вы не очень плачьте о своемъ старикѣ. Онъ идетъ искать счастья и,—какъ знать?—быть можетъ воротится съ полнымъ мѣшкомъ.

„Я люблю моихъ дѣточекъ. А онѣ, думаютъ-ли обо мнѣ? Я вашъ старый Оттонъ, иду искать счастья. О. Ф.“

Дописавъ это своеобразное посланіе и положивъ его на такое мѣсто, гдѣ дѣти на другой день непремѣнно должны были найти его, онъ приступилъ къ сборамъ въ дорогу. Ему и въ голову не пришло протестовать противъ захвата его собственности; какъ дитя, онъ только поплакалъ, но подчинился. Одиннадцать лѣтъ провелъ онъ на этой фермѣ и ему тяжело было уходить. Онъ разостлалъ на постели синій носовой платокъ и выложилъ на него все, что считалъ самымъ необходимымъ взять съ собою, а именно: пакетикъ какихъ то удивительныхъ сѣмянъ, которыя собирался когда нибудь посѣять, старый нѣмецкій молитвенникъ, три камешка странной формы, которыми очень дорожилъ, Библію, одну рубашку и два носовыхъ платка. Въ синемъ платкѣ больше ничего не укладывалось. Связавъ его какъ можно крѣпче узломъ, онъ положилъ его на стулъ у кровати.

— Я немного беру; они не могутъ сказать, что я взялъ слишкомъ много,—говорилъ онъ, глядя на свой узелокъ.

Тутъ же рядомъ онъ положилъ свою палку, синій кисетъ съ табакомъ, короткую трубку; потомъ принялся осматривать свое верхнее платье. Оказалось, что у него два костюма: теплое пальто, попорченное молью, и пиджакъ изъ чернаго люстрина съ продранными локтями. Онъ выбралъ пальто: правда, ему въ немъ будетъ слишкомъ жарко, но за то можно нести его черезъ руку и надѣвать только при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь на дорогѣ. Къ тому же пальто какъ-то приличнѣе люстриноваго пиджака. Онъ повѣсилъ пальто на спинку того же стула, потомъ засунулъ въ узелокъ еще кусокъ черствой лепешки и тѣмъ закончилъ свои приготовленія въ дальній путь. Нѣмецъ не безъ удовольствія поглядывалъ теперь на свои дорожные запасы: укладыванье доставило ему такое искреннее наслажденіе, что изъ за него онъ чуть не позабылъ о своемъ горѣ. Но вдругъ онъ дрогнулъ и выпрямился: на лицѣ его отразилось сильное страданіе. Быстро заложивъ за спину лѣвую руку, онъ крѣпко прижалъ правую къ груди.

— Что это, опять такая-же внезапная судорога? — проговорилъ онъ.

Онъ сильно поблѣднѣлъ, но вскорѣ лицо его приняло свой обычный цвѣтъ и старикъ принялся приводить свою комнату въ порядокъ.

— Надо, чтобы все чистенько было; пусть никто не скажетъ, что я все разбросалъ, какъ попало,—разсуждалъ нѣмецъ. Онъ отеръ пыль даже съ мѣшечковъ съ образцами сѣмянъ и разложилъ ихъ рядами на каменной полкѣ. Потомъ онъ раздѣлся и легъ спать. Подъ подушкой у него была книжка—какой-то романъ. Онъ вытащилъ его и сталъ читать. Для него романы были совсѣмъ не пустыя, вымышленныя исторіи: событія, въ нихъ изложенныя, онъ принималъ на вѣру и считалъ ихъ настолько-же важными, какъ если-бы онѣ случались съ нимъ самимъ. И ему не хотѣлось уйти изъ дому не узнавъ, по крайней мѣрѣ, смягчится-ли жестокій старый графъ и женится-ли баронъ на Эмиліи. Поэтому онъ надѣлъ очки и началъ читать. По временамъ, когда чтеніе уже слишкомъ сильно его волновало, онъ издавалъ отрывистыя восклицанія, напримѣръ:—Ага! я такъ и думалъ.—Вотъ негодяй-то!—Это можно было предвидѣть! и такъ далѣе. Прошло болѣе получаса; онъ взглянулъ на серебряные часы, висѣвшіе у его изголовья.

— Завтра предстоитъ длинный путь; нельзя такъ зачитываться!—сказалъ онъ, снимая очки и тщательно закладывая недочитанную страницу. — Хорошо будетъ заняться этимъ завтра, на ходу—прибавилъ онъ, засовывая книгу въ боковой карманъ пальто.—Очень интересная вещь!—И кивнувъ головой онъ снова легъ. Сначала онъ подумалъ немного о своихъ печальныхъ обстоятельствахъ, потомъ подольше о покидаемыхъ имъ дѣвочкахъ, наконецъ о жестокомъ графѣ, объ Эмиліи и о баронѣ; но вскорѣ все это смѣшалось и онъ уснулъ, такъ тихо и спокойно уснулъ, какъ малое дитя, невинная душа котораго неспособна на долго задерживать впечатлѣній горя и заботъ.

Въ комнатѣ настала тишина. Красные уголья на очагѣ подернулись пепломъ и тускло освѣщали красныхъ львовъ на ситцевомъ одѣялѣ. Одиннадцать часовъ пробило, и въ пристройкѣ было все также тихо. Въ часъ ночи послѣдняя искра въ печи потухла и стало совсѣмъ темно. Сѣрая мышь, жившая въ норѣ подъ шкафомъ, выбѣжала и взобралась на мѣшки, сложенные въ углу. Потомъ она стала смѣлѣе и подъ прикрытіемъ темноты влѣзла на стулъ у постели, погрызла лепешку,

торчавшую изъ узелка, быстро откусила кусочекъ сальной свѣчки и присѣвъ на заднія лапки начала прислушиваться: ей слышны были и ровное дыханіе спящаго старика, и спѣшные шаги голодной кафрской собаки, бѣгавшей вокругъ фермы въ поискахъ за какой-нибудь забытой шкуркой или костью; потомъ слышно было, какъ закудахтала бѣлая курица, когда дикая кошка утащила у ней цыпленка, и крикъ самого утащеннаго птенца. Сѣрая мышь пошла назадъ въ свою нору подъ шкафъ и въ комнатѣ стало еще тише. Два часа. На небѣ собрались тучи; дикая кошка ушла домой подъ курганъ; кафрская собака отыскала кость и лежа грызла ее.

Глубочайшее спокойствіе водворилось повсюду. Только голландка лежа на своей кровати металась по постели, вскидывая толстыя руки кверху: ей снилось, что надъ домомъ медленно летаетъ черный призракъ съ распростертыми крыльями, и отъ этого она стонала и содрогалась. А ночь была тиха.

Но какъ ни спокойно было повсюду, всего тише, всего спокойнѣе было въ комнатѣ стараго нѣмца. Какъ бы ни напрягали вы слухъ, его дыханія не было слышно.

Онъ не уходилъ, его старое пальто все еще виситъ на спинкѣ стула,—то самое пальто, которое онъ намѣренъ былъ нести на рукѣ и надѣвать только при встрѣчѣ съ кѣмъ нибудь по дорогѣ; вотъ и узелокъ его и палка, приготовленная на завтрашній долгій путь. И самъ старый нѣмецъ лежитъ тутъ же и его волнистые черные волосы съ просѣдью раскинулись на подушкѣ. Лицо старика, одиноко лежащаго въ темнотѣ, озарено совсѣмъ дѣтской улыбкой и Боже, какъ оно спокойно! Говорятъ, что есть странница, которая рано или поздно къ каждому изъ насъ приходитъ, но люди боятся ея, какъ худшаго изъ золъ и сторонятся отъ нея съ трепетомъ; но иногда она приходитъ такъ мирно, такъ нѣжно... Смерть какъ будто знала этого старика и любила его, такъ тихо она къ нему прикоснулась. И за что стала бы она мучить человѣка любящаго, простодушнаго и взиравшаго на міръ какъ дитя?

Она разгладила морщины на его челѣ, сложила уста его въ улыбку и наложила печать на его глаза, чтобы имъ никогда больше не плакать. И отъ временнаго земного сна онъ незамѣтно перешелъ въ долгій, долгій сонъ вѣчности.

— Отчего это онъ такъ помолодѣлъ въ одну ночь?—говорили люди, заставшіе его утромъ на постели.

Да, дорогой старикъ; такихъ какъ ты время не старитъ.

Невинность и чистота младенчества не покинули тебя и въ смертный часъ, хотя твои волосы подернулись сѣдиной.

ГЛАВА IX.

Бонапарте чудится призракъ.

Бонапарте стоялъ на мусорной кучѣ. Онъ смотрѣлъ вдаль, примѣтилъ на равнинѣ движущуюся точку и въ ожиданіи предстоящей сцены игриво подбрасывалъ руками фалды своего сюртука.

Телѣга медленно приближалась. Вальдо лежалъ между мѣшковъ съ мукой въ задней части телѣги и засунувъ руку себѣ за пазуху ощупывалъ спрятанную тамъ машину для стрижки овецъ. Модель была теперь совершенно готова, счастливая мысль пришла ему наканунѣ, въ то время какъ онъ сидѣлъ передъ мельницей и сонными глазами смотрѣлъ, какъ вода скатывалась съ мельничнаго колеса. Онъ лежалъ свернувшись клубкомъ, съ полузакрытыми глазами и бормоталъ себѣ подъ носъ.

— Завтра смажу зубцы, подвинчу винты и всѣмъ покажу.—Потомъ, помолчавъ немного: — По всему свѣту... вездѣ, по всей землѣ... моя выдумка... Самъ сдѣлалъ!—Онъ съ такой силой стиснулъ въ карманѣ маленькіе колеса и рычаги, что они затрещали. Онъ продолжалъ бормотать все громче и явственнѣе. — Пятьдесятъ фунтовъ дадутъ! Отцу черную шляпу куплю... а Линдель голубое платье... шелковое, самое легкое, а другое красное, какъ колокольчики... и бѣлые башмаки... А еще книги, много книгъ, цѣлый ящикъ. Изъ нихъ я все узнаю, все, все...—Онъ жадно перебиралъ пальцами въ воздухѣ.—Узнаю, какъ складываются кристаллы и отчего они принимаютъ такія прелестныя формы; отчего желѣзо притягиваетъ молнію, отчего у людей бываетъ черная кожа; отчего солнце такъ нагрѣваетъ... Буду читать, читать...—прошепталъ онъ медленнѣе и вдругъ ему показалось, что онъ опять чувствуетъ то, что онъ называлъ „близостью Бога“, какъ будто нѣчто великое, сильное, благостное обнимаетъ его. Онъ улыбнулся съ полузакрытыми глазами.—Ахъ, Отецъ, Отче мой, какъ сладко Тебя чувствовать, точно солнце проникло въ меня. Ни въ Священномъ Писаніи, ни въ какихъ книгахъ не объяснено про Тебя такъ, какъ я Тебя чувствую. Тамъ все слова человѣческія, а Ты...

Рѣчь его перешла въ безсвязное бормотаніе, что продолжалось до тѣхъ поръ, пока открывъ глаза онъ не увидѣлъ, что

ферма ужь совсѣмъ близко. Ужь полчаса они ѣхали по равнинѣ принадлежавшей къ ихъ фермѣ, а онъ и не замѣтилъ этого. Онъ окликнулъ погонщика, который, сидя съ ранняго утра на переднемъ сидѣньѣ, дремалъ на козлахъ. До строеній фермы оставалось всего полмили. Вальдо казалось, что онъ ужь цѣлый годъ тутъ не былъ, и ему почудилось, что Линдель поджидаетъ его, стоя на кирпичной стѣнѣ ограды, а отецъ переходя черезъ дворъ остановился посмотрѣть на дорогу.

Онъ прикрикнулъ на воловъ, медленно тащившихъ телѣгу. Для каждаго изъ домашнихъ онъ привезъ по гостинцу, для отца табаку, купленнаго въ лавочкѣ на мельницѣ, для Эммы наперстокъ, для Линдель очень красивое цвѣтущее растеніе, которое онъ вырылъ съ корнями въ томъ мѣстѣ, гдѣ они выпрягали воловъ; для тетки Санни платокъ. Подъѣзжая къ дому, онъ передалъ кнутъ погонщику-кафру, а самъ выпрыгнулъ изъ телѣги и бѣгомъ побѣжалъ къ фермѣ. Бонапарте окликнулъ его съ высоты мусорной кучи.

— Добраго утра, мой милый! Какія у тебя сегодня розовыя щеки! Куда ты такъ торопишься?

Мальчикъ взглянулъ на него веселыми глазами, онъ радъ былъ даже Бонапарте Бленкинсу.

— Бѣгу домой, въ пристройку,—сказалъ онъ задыхаясь.

— Тамъ должно быть никого нѣтъ теперь,—сказалъ Бонапарте.—По крайней мѣрѣ, нѣтъ твоего добраго старика отца.

— А гдѣ-же онъ?—спросилъ мальчикъ.

— Вонъ тамъ, за оградами, — сказалъ Бонапарте, махая рукою въ сторону страусовыхъ загородокъ, сложенныхъ изъ камней.

— Что онъ тамъ дѣлаетъ?—промолвилъ мальчикъ.

Бонапарте милостиво потрепалъ его по щекѣ.

— Да видишь-ли, дольше его нельзя было держать, слишкомъ жарко стало; мы его и похоронили, душа моя, —сказалъ Бонапарте, потрогивая Вальдо пальцемъ по щекѣ. — Нельзя было держать дольше... Хи-хи-хи!.. — разсмѣялся Бонапарте, между тѣмъ какъ Вальдо испуганно побѣжалъ вдоль низкой каменной стѣнки, какъ-бы спасаясь отъ чего-то.

* * *

Въ тотъ-же день въ пять часовъ пополудни Бонапарте стоялъ на колѣняхъ передъ сундукомъ въ комнатѣ приказчика и дѣятельно занимался его разборкою.

Онъ успѣлъ уже сговориться съ теткой Санни на счетъ своего будущаго положенія и они порѣшили, что отнынѣ Бона-

парте покидаетъ ремесло учителя и поступаетъ на мѣсто умершаго нѣмца, въ качествѣ управляющаго фермой. Въ видѣ вознагражденія за прежнія школьныя услуги онъ потребовалъ себѣ право поселиться въ пристройкѣ и забрать въ свою пользу всѣ вещи покойника. Теткѣ Санни не очень-то было по душѣ такое распоряженіе: она питала гораздо больше почтенія къ нѣмцу теперь, когда онъ умеръ, нежели тогда, когда онъ былъ живъ, и для нея было-бы гораздо спокойнѣе знать, что его имущество досталось попросту его законному наслѣднику. Голландка твердо вѣрила въ то, что съ того свѣта очень хорошо видно и слышно все, что дѣлается у насъ, здѣсь на землѣ; и такъ какъ она навѣрное не знала, какъ далеко можетъ простираться участіе духовъ въ нашей повседневной жизни, то и старалась на всякій случай вести себя такъ, чтобы невидимые жители загробнаго міра не имѣли поводовъ на нее гнѣваться. Именно по этой причинѣ она воздерживалась отъ дурного обращенія съ дочерью и племянницей своего умершаго мужа-англичанина, и по тѣмъ-же соображеніямъ предпочла-бы предоставить мальчику наслѣдіе его отца. Но трудно было отказать въ чемъ нибудь Бонапарте въ тотъ вечеръ, когда они сидя рядомъ такъ дружно попивали кофе, особенно когда Бонапарте, дѣлавшій быстрые успѣхи въ голландскомъ языкѣ, такъ краснорѣчиво объяснялъ ей свое пристрастіе къ дамской полнотѣ и свою удивительную опытность по части сельскаго хозяйства.

А потому и случилось, что въ 5 часовъ вечера Бонапарте стоялъ на колѣняхъ въ пристройкѣ и рылся въ сундукѣ стараго нѣмца.

— Гдѣ нибудь тутъ должны-же они быть,—говорилъ онъ, осторожно выкладывая изъ сундука старое платье и, ровно ничего не находя для себя интереснаго, укладывая его обратно въ сундукъ.

— Гдѣ нибудь въ этой самой комнатѣ найдутся,—повторялъ онъ, а ужь коли найдутся, то Бонапарте и прикарманитъ ихъ. Вѣдь не можетъ-же быть, голубчикъ, чтобы столько лѣтъ проживъ на мѣстѣ ты не набилъ себѣ порядочной мошны. Надѣюсь, что ты былъ не такъ ужь глупъ, какъ могло казаться со стороны. О, далеко не такъ глупъ!—разсуждалъ Бонапарте.

Онъ ходилъ по всей комнатѣ и то и дѣло засовывалъ свои пальцы въ разныя мѣста, ища поживы. То онъ шарилъ въ щеляхъ потрескавшихся стѣнъ, откуда съ испугомъ выползали длинноногіе пауки; то постукивалъ кулакомъ въ стѣну, такъ что штукатурка ломалась и сыпалась на полъ; то заглядывалъ

въ печную трубу и тревожилъ накопившуюся тамъ сажу, которая валилась на его лысую голову; перещупалъ всѣ синіе мѣшечки, пытался приподнять камень на очагѣ, перебралъ всѣ книги и каждую изъ нихъ такъ сильно встряхивалъ, что пожелтѣвшія страницы кучками падали на полъ.

Становилось темно и Бонапарте, прижавъ палецъ къ носу, остановился въ раздумьѣ. Потомъ пошелъ къ двери и снялъ со стѣны висѣвшее тамъ старое платье, брюки и жилетъ, которые покойникъ носилъ до послѣдняго дня своей жизни. Бонапарте ужь осматривалъ ихъ одинъ разъ наканунѣ, послѣ похоронъ, но недовольно внимательно; онъ рѣшился еще разъ ощупать ихъ хорошенько. Перебирая пальцами въ жилетныхъ карманахъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ дыру; засунувъ въ нее руку какъ можно дальше между сукномъ и подкладкой, онъ нащупалъ нѣчто твердое и, немедленно вытащивъ этотъ предметъ, увидѣлъ, что это небольшой четвероугольный свертокъ, зашитый въ кусокъ холста. Онъ жадно всматривался въ свертокъ, сжалъ его въ рукѣ: внутри что-то слегка потрескивало, какъ будто это были туго-свернутыя новенькія ассигнаціи. Поспѣшно сунувъ его въ карманъ, Бонапарте осторожно выглянулъ за дверь, верхняя половина которой стояла растворенной; но за дверью не видать было ничего опаснаго: послѣдніе лучи заходящаго солнца окрасили небо и кусты карро красноватымъ пламенемъ и озаряли верхушку мусорной кучи, на которой мирно рылись куры. Бонапарте успокоился, сѣлъ на ближайшій стулъ, и вынувъ свой перочинный ножикъ распоролъ свертокъ. Сначала оттуда повалились смятые листки пожелтѣвшей бумаги, мелко исписанной поблекшими чернилами. Бонапарте бралъ ихъ по одиночкѣ и тщательно расправлялъ, положивъ къ себѣ на колѣнку. Должно быть очень драгоцѣнный предметъ кроется въ этихъ оболочкахъ, думалось ему, коли такъ заботливо его увертывали! Жаль только, что онъ не могъ разобрать, что тутъ было писано, потому что все по нѣмецки. Дойдя до послѣдней оболочки, онъ почувствовалъ внутри ея что-то твердое.

— Наконецъ-то, Бонъ, другъ мой! Наконецъ-то добился!— воскликнулъ онъ, хлопая себя по ногѣ. Подойдя поближе къ двери, чтобы уловить остатокъ вечерняго свѣта, онъ осторожно развернулъ бумажку: въ ней было простое обручальное кольцо, гладкое и золотое.

— Что-жь, это лучше чѣмъ ничего!— молвилъ Бонапарте и попробовалъ надѣть кольцо на свой мизинецъ: однако оно и на мизинецъ ему не влѣзло.

Онъ снялъ его, положилъ передъ собой на столъ и, глядя на него вкось своими расходящимися глазами, сказалъ торжественно:

— Когда пробьетъ желанный часъ, о, Санни, и я при свѣтѣ гименеева факела поведу тебя, мою толстуху, къ брачному алтарю, вотъ тогда-то я и возложу это колечко на твой амарантовый пальчикъ, моя радость!

«Я обниму твой нѣжный станъ,
А денежный мѣшокъ
Припрячетъ въ собственный карманъ
Твой ловкій женишокъ!»

Разразившись этимъ потокомъ поэтическаго вдохновенія, онъ задумался, охваченный вихремъ веселыхъ мыслей.

— Да, таки припрячемъ, припрячемъ...—повторялъ онъ съ удовольствіемъ.

Въ эту самую минуту ему почудилось и Бонапарте впослѣдствіи клятвенно утверждалъ, что это дѣйствительно такъ было, что кто-то нѣсколько разъ сряду стукнулъ его въ плѣшивую макушку.

Бонапарте вскочилъ и взглянулъ вверхъ: но съ потолка не свѣшивалось ни ремней, ни веревокъ и ни одной человѣческой души не видно было у двери. Становилось совсѣмъ темно и ему стало жутко. Онъ началъ поспѣшно подбирать и складывать разбросанныя бумаги, потомъ протянулъ руку за кольцомъ, но оно исчезло. Да, исчезло, даромъ, что никто не входилъ въ комнату, ни одного посторонняго лица по близости не было. Такъ и пропало кольцо.

Ну нѣтъ, ночевать здѣсь Бонапарте не намѣренъ!

Онъ началъ совать бумаги въ свой карманъ и какъ разъ въ эту пору почувствовалъ еще три явственно раздѣльныхъ удара въ макушку. Отъ страха у него затряслись челюсти, ноги подкосились, онъ ослабъ, не въ силахъ былъ ни двинуться съ мѣста, ни выговорить ни одного слова.

— Бери все, все бери назадъ! — прохрипѣлъ онъ наконецъ:—мнѣ ничего не нужно... Бери...

Но тутъ кто-то схватилъ его за сѣдыя кудряшки на затылкѣ и такъ рѣшительно тряхнулъ, что онъ подскочилъ на мѣстѣ и завылъ отъ боли. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ, неужели сидѣть тутъ и покорно ждать, покуда придутъ черти и овладѣвъ грѣшнымъ тѣломъ такъ и оттащутъ его въ преисподнюю? Бонапарте съ отчаянными криками выскочилъ изъ пристройки и пустился бѣжать, не оглядываясь.

* * *

Было уже совсѣмъ темно и начала падать роса, когда на равнинѣ смутно показалась маленькая фигурка, гнавшая передъ собою большую птицу къ самой дальней калиткѣ страусовыхъ оградъ. Когда калитка была отворена, птица впущена въ ограду и дверь снова заперта, фигурка хотѣла было уходить, но вдругъ остановилась у каменной стѣны.

— Вальдо, это ты?—сказала Линдель, услыхавъ шорохъ.

Мальчикъ сидѣлъ на сырой землѣ, прислонившись къ стѣнѣ. Онъ ничего не отвѣтилъ на ея вопросъ.

— Пойдемъ,—сказала она нагнувшись къ нему,—я тебя весь день искала.

Онъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Ты совсѣмъ не ѣлъ сегодня,—продолжала она,—я приготовила тебѣ ужинъ въ пристройкѣ. Пойдемъ домой, Вальдо, пойдемъ со мной.

Она взяла его за руку и заставила встать. Онъ шевелился медленно и неохотно; но она просунула руку подъ его локоть и крѣпко переплела свои пальчики съ его пальцами.

— Ты постарайся забыть, — заговорила она шепотомъ, — съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, я все на ногахъ: хожу, вожусь, разговариваю, не сижу на мѣстѣ. Вѣдь сколько ни думай, мертваго не оживишь.—Она еще крѣпче сжала его руку.— Забыть лучше всего. Но онъ вѣдь не зналъ, что смерть идетъ,— продолжала она.—Всего ужаснѣе видѣть какъ она приходитъ...— Линдель содрогнулась.—Я бы желала, чтобы и со мной также было. А ты думаешь, отчего я птицу загоняла?—сказала вдругъ Линдель оживленно:—это Гансъ, знаешь, тотъ страусъ, который терпѣть не можетъ Бонапарта. Я его выпустила сегодня подъ вечеръ, надѣялась, что онъ за нимъ погонится и можетъ быть забьетъ его до смерти.

Но Вальдо оставался безучастенъ къ ея словамъ.

— Однако, нѣтъ, не погнался; только просунулъ голову черезъ верхнюю раму твоей двери и напугалъ его ужасно. Онъ вѣдь тамъ былъ у тебя въ комнатѣ, воровалъ твои вещи. Ну, теперь-то, я думаю, онъ оставитъ ихъ въ покоѣ. А все-таки жаль, что страусъ не затопталъ его.

Она замолчала и они тихо дошли до двери въ пристройку.

— Я поставила на столъ свѣчку и ужинъ твой; непремѣнно поѣшь,—сказала она повелительно,—мнѣ нельзя теперь оставаться съ тобой, потому что боюсь, какъ бы не догадались, что это я птицу выпускала.

Онъ схватилъ ее за руку и нагнувшись къ самому ея уху прошепталъ съ большимъ усиліемъ:—Бога нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ Бога. Нигдѣ!

Она вздрогнула.

— Нигдѣ нѣтъ!—повторилъ онъ стиснувъ зубы и она почувствовала на своей щекѣ его горячее дыханіе.

— Вальдо, ты съ ума сошелъ, — сказала она, невольно отшатнувшись отъ него.

Онъ выпустилъ ея руку и тоже отвернулся отъ нея.

Да, почти всегда такъ бываетъ въ жизни: каждый изъ насъ самъ по себѣ выдерживаетъ свои маленькія битвы; ни мнѣ до тебя, ни тебѣ до меня дѣла нѣтъ. Не ищи помощи и другихъ не выручай.

Тебѣ кажется, что ты додумался до истинной правды, а мнѣ кажется, что ты сошелъ съ ума; ты страдаешь, мучишься, а я смотрю на тебя и удивляюсь. Дружба хорошая вещь и годится для поддержки; но когда приходитъ такой горькій часъ, когда всего сильнѣе нужно на нее опереться, — она ускользаетъ. Въ худшія минуты жизни человѣческая душа всегда одинока.

Линдель стояла въ темнотѣ рядомъ съ Вальдо и дивилась, и жалѣла его. Онъ пошелъ къ двери и она за нимъ.

— Поужинай, тебѣ легче будетъ,—говорила она.

Она ласково потерлась щекой объ его плечо и убѣжала.

Въ передней комнатѣ на фермѣ чернокожая дѣвушка съ шерстяными волосами стояла на колѣняхъ передъ теткой Санни и мыла ей ноги въ маленькой шайкѣ. Рядомъ на деревянномъ диванѣ сидѣлъ Бонапарте и стаскивалъ съ себя башмаки и чулки, желая, чтобы и ему также мыли ноги. Три свѣчи горѣли на столѣ, Бонапарте и тетка Санни сидѣли близко одинъ около другого, да и готтентотка была тутъ же недалеко. Разъ, что въ домѣ завелись призраки, нужно, чтобы и освѣщеніе было по ярче, да и народу чтобы было по больше. Все не такъ страшно.

Бонапарте успѣлъ оправиться отъ испытаннаго потрясенія, впрочемъ, для окончательнаго приведенія его въ чувство понадобилось изрядное количество водки. Зато, вѣроятно, подъ вліяніемъ этого классическаго средства, онъ чувствовалъ себя особенно хорошо и былъ чрезвычайно любезенъ.

— Этотъ мальчишка Вальдо,—сказалъ Бонапарте почесывая себѣ пятку, — сегодня какъ пріѣхалъ съ телѣгой, такъ и ушелъ на весь день, и что называется палецъ о палецъ не

ударилъ. Я не намѣренъ ему позволять такъ бездѣльничать, разъ, что теперь я буду хозяйничать на фермѣ.

Готтентотка перевела эту рѣчь на голландскій языкъ.

— Ахъ, да вѣдь онъ вѣрно по отцѣ горюетъ, — сказала тетка Санни:—это, знаете ли, натурально. Я сама, когда умеръ мой отецъ, цѣлое утро проплакала. Мужа схоронишь, — другого наживешь, а ужь другого отца-то не наживешь, — прибавила тетка Санни, искоса поглядывая на Бонапарте.

Бонапарте выразилъ желаніе отдать Вальдо приказанія на завтрашній день и потому послалъ чернокожую дѣвушку позвать мальчика. Прошло довольно много времени прежде нежели Вальдо явился и сталъ у двери.

Еслибы они нарядили его во фракъ, намазали ему голову масломъ такъ густо, чтобы масло капало съ волосъ, и расчесали бы ему волосы также гладко, какъ у пастора передъ причастіемъ, Вальдо и то едва-ли могъ бы имѣть приличный видъ. Но при настоящихъ условіяхъ, въ своей странной истрепанной курткѣ, съ головой, всклоченной до послѣдней степени и какъ будто вываленной въ пескѣ, съ опухшими глазами, съ лицомъ, осѣненнымъ безпорядочно выбившимися прядями волосъ и выражавшимъ одну тупую угрюмость, мальчикъ былъ больше похожъ на дикаго буйволенка, чѣмъ на человѣка.

— Боже мой милостивый!—воскликнула тетка Санни.—Что съ нимъ сдѣлалось! Подойди поближе, парень. Что же ты не приходилъ со мной поздороваться? Хочешь ужинать?

Онъ отвѣчалъ, что ему ничего не надо, отвелъ отъ нея тяжелый взглядъ своихъ опухшихъ глазъ и отвернулся.

— У твоего отца въ комнатѣ привидѣніе было, — сказала тетка Санни, — коли боишься тамъ спать, приходи на кухню.

— Нѣтъ, я буду ночевать дома,—отвѣчалъ мальчикъ вяло.

— Ну такъ ступай домой,—сказала она,—но завтра вставай пораньше и паси овецъ. Пастухъ-то...

— Да, пораньше вставай, мой любезный,—вступился Бонапарте улыбаясь.—Съ этихъ поръ я буду хозяиномъ на фермѣ; мы съ тобой будемъ жить дружно, я надѣюсь; да, мы навѣрное поладимъ, лишь бы ты исполнялъ свои обязанности какъ слѣдуетъ.

Вальдо повернулся, чтобы уходить, а Бонапарте, благодушно вперивъ глаза на свѣчу, вытянулъ свою разутую ногу и подставилъ ее мальчику такъ, что тотъ, не обращавшій ни на что вниманія, повалился во весь ростъ на полъ.

— Ай-ай, что это! Надѣюсь, что ты не ушибся, мой милый?—сказалъ Бонапарте.—Бѣда не велика, впрочемъ, и въ жизни натерпишься чего нибудь и похуже,—прибавилъ онъ утѣшительно, покуда Вальдо вставалъ и отряхивался.

Худощавая готтентотка захохотала такъ, что раздавалось по всей комнатѣ, а тетка Санни, вся сотрясаясь отъ смѣха, держалась за бока.

Когда Вальдо ушелъ, чернокожая дѣвушка принялась мыть ноги Бонапарте.

— О, Господи, о, Боже мой, какъ же онъ повалился! Вспомнить не могу!—заливалась тетка Санни.—Я всегда думала, что у него въ головѣ не ладно, ну а сегодня ужь это, я думаю, всякій могъ видѣть,—прибавила она, утирая свои веселыя слезы,—и глаза у него такіе дикіе, точно въ нихъ самъ чортъ сидитъ. Онъ никогда не былъ похожъ на другихъ дѣтей: Ей-Богу, по цѣлымъ часамъ бродитъ одинъ и все самъ съ собой разговариваетъ. Коли сидишь съ нимъ въ одной комнатѣ, такъ и видишь, что у него все время губы шевелятся; а попробуй заговорить, хоть двадцать разъ спрашивай, онъ ничего не слышитъ. Должно быть сглазили его. Совсѣмъ безумный какой-то.

Бонапарте понялъ слово „безумный“ и тотчасъ подхватилъ его. Онъ пересталъ болтать ногами въ теплой водѣ и сказалъ:

— Безумный? Какой тамъ безумный! Знаю я эту болѣзнь, знаю и то, чѣмъ ее лѣчутъ: концемъ хлыста постегать хорошенько, и дѣло кончено. Отличное средство: какъ рукой снимаетъ!

Готтентотка разсмѣялась и перевела по голландски.

— Небось, не будетъ больше бродить, да самъ съ собой бесѣдовать,—говорилъ Бонапарте,—у насъ на фермѣ нельзя пасти овецъ и въ то же время книжки читать. Не велика штучка конецъ хлыста, а должно быть скоро придется ему ее отвѣдать.

Бонапарте, потирая себѣ руки, нѣжно скосилъ глаза на сторону, и всѣ трое опять злорадно разсмѣялись.

А Вальдо въ своей пристройкѣ, въ углу, въ темнотѣ сидѣлъ на корточкахъ, уткнувшись подбородкомъ въ свои колѣни.

ГЛАВА X.

Бонапарте скалитъ зубы.

Доссъ—пастушья собака—сидѣлъ среди кустовъ карро, приподнявъ одно рыжее ухо и скосивъ свои лукавые глазенки, въ ожиданіи той злополучной мухи, которая вздумала бы сѣсть ему на носъ. Кругомъ ходили овцы, освѣщенныя восходящимъ солнцемъ, а сзади собаки сидѣлъ ея хозяинъ, занятый отдѣлкою своей машины. Онъ находилъ теперь большое утѣшеніе въ этомъ занятіи. Никакія философскія разсужденія, никакія молитвенныя мелодіи, предназначенныя для утѣхи страждущей души, не сослужили-бы ему такой службы, не дали бы той отрады, какую онъ нашелъ въ своей машинѣ для стрижки овецъ.

Послѣ всѣхъ своихъ усилій постичь невидимое, обнять безконечное, видя тщету своихъ стремленій и мучительно сознавъ ихъ полную несостоятельность, онъ радъ былъ отдохнуть мыслію на чемъ нибудь простомъ, вещественномъ, доступномъ нашимъ чувствамъ; ему было пріятно имѣть дѣло съ предметами, у которыхъ есть цвѣтъ и запахъ, которые можно брать руками и повернуть какъ хочешь. Есть-ли будущая жизнь или нѣтъ ея; есть-ли смыслъ въ томъ, чтобы взывать къ невидимымъ силамъ, и есть-ли въ мірѣ такія силы; что такое наше „я", взывающее, и что такое окружающій насъ остальной міръ; какова сущность, каково значеніе нашего внутренняго бытія, и откуда оно взялось (а такіе вопросы неминуемо связываются въ нѣкоторыхъ умахъ съ понятіемъ о смерти и съ ощущеніемъ невозвратной потери, и производятъ въ душѣ бурные перевороты, хотя въ другое время намъ и дѣла нѣтъ до этихъ вопросовъ); словомъ, каковы-бы ни были свойства того міра, который отдѣленъ отъ человѣческаго ума нерушимой стѣной, но и по сю сторону этой стѣны все таки есть истинные и непреложные факты, какъ, напримѣръ, стальной ножикъ рѣжетъ дерево, одно зубчатое колесо задѣвая за другое вертитъ его. И это несомнѣнно.

Вальдо находилъ безграничное наслажденіе въ вознѣ со своею машиной; но Доссъ только моргалъ и чихалъ, находя это занятіе нестерпимо однообразнымъ; со скуки онъ даже уснулъ сидя.

Но вдругъ онъ широко раскрылъ глаза: со стороны фермы что-то приближалось къ нимъ. Поморгавъ немного и всмотрѣвшись пристальнѣе Доссъ убѣдился, что это ихъ сѣрая кобыла.

Надо знать, что съ нѣкотораго времени собака сильно недоумѣвала, куда дѣвался ея хозяинъ. Увидавъ теперь кобылу, на которой кто-то ѣхалъ верхомъ, Доссъ вывелъ свои заключенія и на основаніи ихъ принялся радостно махать хвостомъ. Вскорѣ, однако-же, онъ насторожилъ одно ухо, спустилъ другое, привелъ хвостъ въ совершенную неподвижность, а выраженіемъ морды постарался выказать явное неодобреніе, граничившее съ презрѣніемъ. Губы его сложились во множество мелкихъ морщинъ и приподнялись къ угламъ рта.

Сѣрая кобыла мягко ступала по глубокому песку и приблизилась такъ тихо, что Вальдо ничего не слыхалъ, покуда Бонапарте не слѣзъ съ лошади. Доссъ всталъ на четвереньки и отступилъ на одинъ шагъ; ему не нравилась наружность Бонапарте. Онъ былъ одѣтъ, надо сознаться, довольно оригинально, не то какъ горожанинъ, не то какъ деревенскій житель. Чтобы фалды чернаго сюртука не слишкомъ скоро износились, онъ подкололъ ихъ сзади булавками, на немъ были плисовые штаны и кожаные штиблеты, а въ рукахъ у него была крѣпкая ременная плетка.

Вальдо съ испугомъ оглянулся. Будь у него хоть минута времени, онъ-бы еще успѣлъ обѣими руками вырыть яму въ пескѣ и зарыть въ ней свое сокровище. Это была не болѣе какъ деревянная игрушка, но онъ ее любилъ, какъ человѣку всегда свойственно любить свое собственное созданіе, все равно будетъ-ли это тѣлесное или духовное его дѣтище. А когда на него холодно взглянутъ чужіе безучастные глаза, это все равно какъ если грубая рука сожметъ крылья бабочки: вся ея свѣжая красота пропадаетъ на вѣки.

— Что это у тебя такое, милый мальчикъ?—сказалъ Бонапарте подойдя къ нему и указывая концемъ плети на сложный механизмъ, представлявшій собою какую-то путаницу колесъ и крючковъ.

Мальчикъ пробормоталъ что-то невнятное и постарался заслонить рукою модель.

— Мнѣ кажется это какая-то очень хитрая машинка,— продолжалъ Бонапарте присаживаясь на муравьиную кочку и съ величайшимъ интересомъ наклоняясь къ машинѣ.—Это для чего-же тебѣ нужно, мой милый?

— Стричь овецъ.

— Преотличная штучка,—сказалъ Бонапарте.—Ну-ка, покажи мнѣ какъ она дѣйствуетъ. Я еще никогда не видалъ такихъ хитрыхъ механизмовъ.

Бываютъ-ли на свѣтѣ такіе родители, которые, слыша похвалы своему дѣтищу, способны догадаться, что ихъ дурачутъ? А Вальдо любилъ свое созданіе какъ родное дитя. Онъ все забылъ въ эту минуту и съ увлеченіемъ началъ показывать, какъ нужно направить ножницы, чтобы онѣ рѣзали, и какъ держать овцу, и куда будетъ падать остриженная шерсть. Лицо его зардѣлось румянцемъ, пока онъ разсказывалъ...

— Я тебѣ вотъ что скажу, паренекъ,—сказалъ Бонапарте съ важностью, когда всѣ объясненія были кончены,—тебѣ необходимо достать привилегію. Ты разбогатѣешь непремѣнно. Года черезъ три эта штука обойдетъ всѣ здѣшнія фермы и будетъ работать у всѣхъ колонистовъ. Ты просто геніальный изобрѣтатель, вотъ что!—добавилъ Бонапарте вставая.

— Если-бы построить модель побольше, она-бы еще лучше ходила,—сказалъ мальчикъ поднимая на него глаза.—Какъ вы думаете, въ здѣшней колоніи найдется такой мастеръ, который съумѣетъ ее сдѣлать?

— Вѣроятно, найдется,—сказалъ Бонапарте,—а коли нѣтъ, ужь ты не безпокойся, я похлопочу. Я ее въ Англію пошлю. Такъ или иначе, непремѣнно надо это сдѣлать. А долго-ли ты надъ нею трудился?

— Девять мѣсяцевъ,—сказалъ мальчикъ.

— О-о, и какая хорошенькая машинка, — сказалъ Бонапарте,—просто невозможно не заинтересоваться ею. Мнѣ-бы хотѣлось сдѣлать въ ней только одну перемѣну... одно маленькое улучшеніе. Вотъ!

И Бонапарте, поставивъ ногу на машинку, раздавилъ ее въ мельчайшіе дребезги. Мальчикъ поднялъ глаза и взглянулъ ему въ лицо.

— Такъ-то лучше, не правда ли?—молвилъ Бонапарте.—Коли въ Англію не удастся отправить, можно въ Америку послать, а? Ну, прощай. А впрочемъ геній-то ты геній, въ этомъ спору нѣтъ, и великій изобрѣтатель, это вѣрно.

Онъ сѣлъ на лошадь и поѣхалъ. Доссъ съ циническимъ удовольствіемъ провожалъ его глазами; хозяинъ его, положивъ голову на руки, лежалъ распростертый на землѣ, между тѣмъ какъ обломки колесъ и зубцовъ валялись кругомъ. Собака попробовала вскочить ему на спину и потеребить за черные кудри, но видя, что отъ него не будетъ никакого толку, она бросила его и обратила все свое вниманіе на чернаго жука. Жукъ въ это время былъ въ большихъ хлопотахъ: съ ранняго утра онъ скатывалъ изъ навоза шарикъ и успѣлъ уже скатать довольно

большую штуку, которую изо всѣхъ силъ старался протолкать къ себѣ въ ворот. Но Доссъ разбилъ и разметалъ жарикъ, потомъ отгусилъ у жука заднія лапки, и наконецъ оторвалъ ему и голову. И все это случилось нечаянно, и невѣдство, для чего онъ жилъ и трудился. Сколько усилій, сколько стараній, и все ни къ чему.

ГЛАВА XI.

Бонапарте отрывается.

Спустя недѣлю Вальдо безучастно раскладывалъ на стѣнкѣ крыши кучу прессованныхъ кирпичей для топлива.

— Знаешь-ли, что я нашла на чердакѣ, — сказала ему Эмма,—цѣлый ящикъ книгъ твоего отца. А мы еще думали, что тетка Салли ихъ сожгла!

Мальчикъ выпустилъ изъ рукъ кирпичъ, который уже подлялъ на стѣнку и вытянулъ на нее.

— Онѣ кажется не очень интересныя, тамъ сказокъ нѣтъ,—продолжала Эмма, — но ты все-таки пойди и выбирай тамъ, что хочешь.

Съ этими словами она взяла тарелку, въ которой приносила ему завтракъ, и пошла домой.

Мальчикъ принялся за работу гораздо проворнѣе. Черезъ полчаса вся куча топлива, которую поручилъ ему Бонапарте, была разложена по стѣнкѣ. Послѣ этого онъ вошелъ посмотрѣть сколько воды, которыя сушились на солнцѣ, и найдя горшокъ пустымъ отправился съ нимъ на чердакъ за водою.

Дверь той комнаты, гдѣ жилъ Бонапарте Блекмиръ, приходилась какъ разъ подъ лѣстницей на чердакъ. Онъ видѣлъ, какъ мальчикъ вошелъ туда и стоя у своей двери ждалъ, когда онъ опустится обратно. Ему нужно было вычистить сапоги. Доссъ, зная, что по крутымъ ступенькамъ ему ни за что не влѣзть наверхъ, сѣлъ у нижняго конца лѣстницы и терпѣливо поджидалъ своего хозяина. Черезъ нѣкоторое время онъ началъ тоскливо поглядывать вверхъ, вслѣдствіе чего и Бонапарте устремилъ взоръ туда же и сталъ звать Вальдо; но отвѣта не получилъ. Что онъ тамъ, пропалъ что-ли? Чердакъ былъ страной, совершенно незнакомой Бонапарте. Онъ уже не разъ интересовался узнать, что именно помѣщается на чердакѣ, потому что вообще хотѣлъ знать, гдѣ что лежитъ и совать свой носъ во всѣ потаенные углы и заверстья помѣщенія; но побоялся лазить по веревочной лѣстницѣ. И такъ

онъ стоялъ и смотрѣлъ вверхъ, съ досадой вопрошая, что за дѣла такія нашелъ тамъ этотъ мальчикъ? Онъ зналъ, что на чердакѣ сваленъ всякій хламъ; что-же за причина, что онъ тамъ остается столько времени?

Если-бы тетка Санни въ эту минуту увидѣла Вальдо, онабы окончательно утвердилась въ своемъ предположеніи, что онъ безумный. Набивъ горшокъ солью онъ тотчасъ-же сталъ искать ящикъ съ книгами и принялся перерывать кучи разнаго старья, которыми загроможденъ былъ чердакъ. Наконецъ подъ старыми мѣшками онъ нашелъ простой ящикъ, сколоченный изъ досокъ и забитый гвоздями; одна только боковая планка была слабо прикрѣплена и приподнявъ ее Вальдо увидѣлъ цѣлый рядъ книжныхъ корешковъ. Ставъ на колѣни передъ ящикомъ, онъ началъ ощупывать руками его шаршавую поверхность, какъ-бы желая убѣдиться, что это не сонъ. Онъ запустилъ руку въ ящикъ и вытащилъ двѣ книги. Онъ гладилъ ихъ ладонью, перебиралъ пальцами страницы, слегка мялъ ихъ, какъ влюбленный играетъ съ волосами любимой женщины. Бѣднякъ не могъ наглядѣться на свое сокровище. Во всю жизнь у него перебывало не больше дюжины книгъ, и вдругъ такое богатство сразу разверзлось у его ногъ! Немного погодя онъ сталъ разбирать надписи; читалъ названіе книги, открывалъ ее, ловилъ глазами какую-нибудь фразу, но отъ волненія ничего еще не понималъ. Наконецъ ему попалась большая старая книга въ темномъ переплетѣ; онъ прочелъ заголовокъ, развернулъ посрединѣ и началъ читать. То была глава „О собственности“ въ статьѣ о коммунизмѣ, фурьеризмѣ, сенсимонизмѣ, а вся книга называлась „Политическая Экономія“. Вальдо прочелъ одну страницу, потомъ другую, третью, и зачитался: не мѣняя положенія, стоя на колѣняхъ, съ полуоткрытымъ ртомъ, онъ все читалъ.

Далеко не все было ему вполнѣ понятно; всѣ выраженныя мысли были для него новы, но тѣмъ не менѣе мальчикъ съ радостнымъ изумленіемъ чувствовалъ, что это его мысли. И хотя онѣ прежде не приходили ему въ голову, все-таки онъ признавалъ ихъ за свои собственныя.

Онъ тихо и беззвучно разсмѣялся отъ полноты своего радостнаго и торжествующаго сердца.

Такъ, значитъ, не всѣ люди на свѣтѣ единогласно кричатъ: — „Какъ ты, Господи, создалъ все отъ вѣка, такъ все и остается, и пусть никогда не измѣнится во вѣки вѣковъ. И не наше дѣло разбирать какъ все въ мірѣ создалось. Аминь“.

Такъ, значитъ, есть-же люди, которые безпокоятся не только о томъ, откуда взялись камни и какъ образовались курганы, но и о томъ, какъ жили и относились другъ къ другу люди въ давно минувшія, древнія времена, каковы были ихъ обычаи, нравы, и чѣмъ они занимались?

Все неуклюжее тѣло мальчика дрожало отъ волненія. Такъ, значитъ, онъ не одинъ, не одинъ онъ на свѣтѣ такой? Онъ, конечно, не съумѣлъ бы передать словами, почему эта мысль такъ для него отрадна, почему она такъ согрѣваетъ его. Щеки его пылали. Неудивительно что Бонапарте тщетно звалъ его, неудивительно и то, что Доссъ чуть не цѣлый часъ тоскливо визжалъ, хватаясь лапами за перекладины лѣстницы. Наконецъ мальчикъ сунулъ книгу за пазуху и плотно застегнулъ куртку на всѣ пуговицы. Потомъ взялъ горшокъ съ солью и пошелъ къ лѣстницѣ. Какъ только онъ появился на верхней ступенькѣ, Бонапарте поднялъ глаза и окликнулъ его.

— Ты тамъ довольно долго замѣшкался, паренекъ,—сказалъ онъ, глядя, съ какимъ необычнымъ проворствомъ этотъ неповоротливый мальчикъ спускается съ лѣстницы.—Вѣроятно, ты не разслышалъ, что я тебя звалъ?

Бонапарте, заложивъ руки за спину и подбрасывая фалды своего сюртука, не спускалъ глазъ съ мальчика; а глаза у него были довольно зоркіе. Онъ пристально посмотрѣлъ на горшокъ съ солью: посудина была совсѣмъ не такъ велика, чтобы понадобилось три четверти часа для ея наполненія. Онъ взглянулъ на лицо мальчика: оно сильно разгорѣлось. Тетка Санни вина не держитъ; стало быть онъ раскраснѣлся не отъ вина; глаза его широко раскрыты и блестятъ, стало быть, онъ не спалъ на чердакѣ; и никакой дѣвушки тамъ нѣтъ, слѣдовательно онъ не забавлялся съ красоткой. Бонапарте проницательно взиралъ на него. Чѣмъ объяснить ту удивительную перемѣну, которая произошла въ этомъ мальчикѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ на чердакѣ? Только одно объясненіе онъ могъ придумать: не тамъ-ли тетка Санни держитъ сушеное мясо и тѣ вкусныя копченыя колбасы? Навѣрное тамъ наверху водится что нибудь очень вкусное. Ага, вотъ оно что!

Бонапарте такъ углубился въ эти логическія умозаключенія, что совсѣмъ позабылъ про свои нечищенные сапоги.

Онъ слѣдилъ глазами за Вальдо, покуда тотъ слѣзалъ съ лѣстницы съ горшкомъ подъ мышкой; потомъ, стоя въ дверяхъ и глядя на безоблачное голубое небо, онъ произнесъ вслухъ слѣдующую остроумную загадку:

— Какое отношеніе между обнаженной спиной нѣкоего мальчика, идущаго теперь въ старой курткѣ и съ горшкомъ соли подъ мышкой, и ременною плеткой? Отвѣтъ: покуда никакого отношенія еще не было, но вскорѣ будетъ.

Крайне довольный своимъ остроуміемъ, Бонапарте прищелкнулъ языкомъ, пошелъ въ свою комнату и прилегъ отдохнуть на постели.

Послѣ обѣда на фермѣ пекли хлѣбы; для этого въ особой печи, сложенной позади дома, разводили огонь, и тетка Санни рѣшилась покинуть большое кресло, въ которомъ проводила все время, чтобы самолично присмотрѣть за пекарней. Тутъ же по близости былъ и Вальдо: онъ только что вывалилъ цѣлое ведро корму въ свиное корыто и остановился посмотрѣть на поросятъ, опершись обѣими руками о глинобитную стѣнку свиного хлѣва. Внутри хлѣва одна половина пола была сухая, а другая, углубленная, представляла изъ себя грязную лужу, на краю которой лежала зажмурившись большая свинья, между тѣмъ какъ десять поросятъ сосали ее; въ лужѣ, по колѣна въ грязи, стоялъ боровъ и оживленно вертя своимъ завитымъ хвостикомъ съ наслажденіемъ рылся мордой въ полусгнившей тыквѣ.

Вальдо стоя у ограды любовался этой картиной и смутно раздумывалъ про себя, отчего на нихъ такъ пріятно смотрѣть? Если взять каждаго по одиночкѣ, они совсѣмъ не красивы, а всѣ вмѣстѣ производятъ хорошее впечатлѣніе. Не потому ли это, что между ними есть нѣкоторая гармонія? Старая свинья отлично приспособлена къ своимъ поросяткамъ, а поросятки идутъ къ ней; борову какъ разъ подъ стать гнилая тыква, и всѣ они какъ нельзя лучше приспособлены къ грязной лужѣ. Глядя на нихъ такъ и кажется, что все именно какъ слѣдуетъ, ничего ни прибавить, ни убавить не нужно. Но въ этомъ ли секретъ красоты вообще, и не это ли именно требуется для удовлетворенія нашего зрительнаго чувства?...

И Вальдо, залетѣвъ мыслями Богъ вѣсть куда, все дольше и дольше наклонялся надъ глиняной стѣнкой и любовался на поросятъ.

Тѣмъ временемъ Бонапарте Бленкинсъ вышелъ изъ дому и съ виду какъ будто разсѣянно бродилъ по усадьбѣ; но въ сущности онъ направлялся именно къ свиному хлѣву и ни на минуту не терялъ его изъ вида. Вальдо стоялъ какъ сонный и ничего не замѣчалъ, когда Бонапарте подошелъ къ нему тихими шагами.

Въ старые годы, когда Бонапарте еще мальчишкой игралъ

на улицѣ въ одномъ изъ городовъ Ирландіи, онъ былъ извѣстенъ среди своихъ товарищей подъ именемъ „Бенъ-Подножка". Это прозвище досталось ему вслѣдствіе необыкновеннаго искусства, съ которымъ онъ, однимъ движеніемъ ноги, умѣлъ заставить любаго изъ своихъ злополучныхъ сверстниковъ перевернуться внизъ головой. Прошли годы, Бенъ-Подножка успѣлъ превратиться въ Бонапарте, но онъ все еще не утратилъ своего искусства. Онъ вплотную подошелъ къ хлѣву, охваченный воспоминаніями давно минувшаго дѣтства, ловко просунулъ ногу между стѣнкой и Вальдо, въ одно мгновеніе ока перевернулъ его вверхъ ногами и мальчикъ внизъ головой полетѣлъ въ свиную лужу.

Поросята перепугались непрошеннаго гостя и бросились прятаться за мать, а свинья сердито хрюкнула на него. Тетка Санни всплеснула руками и разразилась хохотомъ; но Бонапарте и не думалъ смѣяться: онъ вперилъ задумчивый взоръ на отдаленный горизонтъ.

Неожиданный толчекъ вышибъ у Вальдо изъ-за пазухи книгу, засунутую подъ куртку. Бонапарте поднялъ ее и сталъ разсматривать, въ то время какъ мальчикъ медленно перелѣзалъ обратно черезъ ограду. Онъ-бы по обыкновенію угрюмо ушелъ прочь, не сказавъ ни слова, но ему хотѣлось получить свою книгу и онъ остановился въ ожиданіи, покуда ему ее отдадутъ.

— А?—произнесъ Бонапарте отрывая глаза отъ книги и взглядывая на Вальдо.—Надѣюсь, что твое платье не пострадало при паденіи, мой милый, а то было-бы жалко, оно такого изящнаго фасона. Ты, вѣроятно, получилъ его въ наслѣдство отъ дѣдушки, или отъ прадѣдушки? Теперь оно стало еще лучше.

— Охъ, Господи, охъ, Боже мой! — клохтала тетка Санни, держась за бока и покатываясь отъ смѣха:—да какъ-же онъ жалостно смотритъ-то! Какъ будто боится, что эту грязь ужь и отмыть нельзя! Ахъ, Господи, уморили вы меня совсѣмъ. Право же, Бонапарте, вы такой забавникъ, какихъ я сроду не видывала.

Бонапарте Бленкинсъ между тѣмъ внимательно разсматривалъ поднятую имъ книгу. Политическая Экономія не относилась къ числу предметовъ, которымъ его обучали въ молодости; поэтому онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, каково можетъ быть содержаніе этой книги. Имя автора—Джонъ Стюартъ Милль—тоже ничего не говорило его вообра-

женію; онъ даже подумалъ, что это, вѣроятно, какой нибудь почтенный членъ „Британскаго Общества Распространенія Священнаго Писанія", что, однако же, не давало никакихъ намековъ на то, о чемъ тутъ писано. Бонапарте смутно подозрѣвалъ, что Политическая Экономія трактуетъ о способѣ дешеваго обмундированія арміи и флота, что, пожалуй, имѣло бы отношеніе и къ политикѣ, и къ экономіи.

Но Бонапарте счелъ за лучшее примѣнить къ этой книгѣ совсѣмъ другую мѣрку. При этомъ онъ руководствовался такимъ правиломъ, которое въ высшей степени просто, удобно и всякому доступно, такъ что еслибы оно почаще примѣнялось, люди сберегли бы себѣ массу времени, безъ всякаго ущерба для своихъ мыслительныхъ способностей. Къ тому же это правило очень легко запомнить, а заключается оно въ слѣдующемъ:

„Когда вы сталкиваетесь съ книгой, или съ человѣкомъ, или хотя бы съ мнѣніемъ, смыслъ которыхъ вамъ недоступенъ, немедленно объявляйте эту книгу, или человѣка, или мнѣніе—безнравственными. Браните ихъ, разражайтесь негодованіемъ, утверждайте, что всякій, кто согласенъ съ этою книгой, или человѣкомъ, или мнѣніемъ—дуракъ, или подлецъ, или то и другое вмѣстѣ. Отнюдь не старайтесь изучить и уразумѣть то, о чемъ вы говорите; но употребите всѣ усилія, чтобы втоптать въ грязь все равно книгу ли, человѣка, или мнѣніе".

На основаніи такого правила, изумительнаго какъ широтою кругозора, такъ и простотою примѣненія, Бонапарте приблизился къ теткѣ Санни съ книгою въ рукахъ. Вальдо тоже подвинулся впередъ и глядѣлъ на нихъ такими глазами, какими собака смотритъ на недобраго человѣка, отымающаго у ней щенятъ.

— Эта книга,—молвилъ Бонапарте,—никуда негодится для молодого и незрѣлаго ума.

Тетка Санни не поняла ни словечка и сказала:

— Ну что?

— Эта книга,—продолжалъ Бонапарте, энергически ударяя пальцемъ по переплету,—эта книга вредная, вредная; бѣсъ, чортъ!

По выраженію его лица тетка Санни заключила, что должно быть дѣло нешуточное, а слова вредная, бѣсъ, поняла въ томъ смыслѣ, что это дѣло рукъ самого дьявола, наводящаго смуту на весь міръ.

— Гдѣ ты взялъ эту книгу?—спросила она, пристально

глядя на Вальдо своими маленькими, заплывшими глазами.— Отсохни мои ноги, коли она ему не отъ отца досталась! Этотъ старый грѣховодникъ былъ грѣшнѣе всякаго кафра, прости Господи, хоть и притворялся смиренникомъ, и жилъ столько лѣтъ безъ жены, потому, вотъ видите-ли, что не могъ забыть свою покойницу! Какъ-бы не такъ! Небось, цѣлый десятокъ умершихъ женъ не замѣнятъ одной живой, настоящей, у которой и ноги, и руки и все какъ слѣдуетъ!—заявила тетка Санни и при этомъ фыркнула.

— Нѣтъ, это не отцовская книга,—сказалъ мальчикъ запальчиво,—я ее у васъ на чердакѣ нашелъ.

— На чердакѣ? Такъ значитъ это моя книга! Какъ же ты смѣлъ?

— Нѣтъ не ваша, а Эмминаго отца. Эмма и позволила мнѣ,—проворчалъ онъ уже болѣе угрюмо и тихо.

— Подай сюда! Какъ она называется? О чемъ тутъ писано?—приставала тетка Санни, водя пальцемъ по заглавію.

Бонапарте понялъ, чего она хотѣла.

— „Политическая Экономія",—сказалъ онъ внятно.

— Охъ, Господи!—сказала тетка Санни,—ужь и по имени видно, что должна быть богопротивная книга. Даже названіято не выговоришь. Точно и безъ того у насъ мало всякихъ бѣдствій на фермѣ!—воскликнула она съ чувствомъ.—Самый лучшій племенной баранъ мериносовой породы околѣлъ неизвѣстно отчего; и корова съ короткими рогами двухъ мертвыхъ телятъ принесла, и засуха-то, и чесотка у овецъ... Такое-ли время теперь, чтобы заводить въ усадьбѣ нечестивыя книги и тѣмъ еще пуще прогнѣвить Всемогущаго Создателя и пожалуй накликать себѣ новое божеское наказаніе? Еще когда я конфирмовалась, мнѣ пасторъ говорилъ: не читайте вы ради Бога никакихъ книгъ, кромѣ Библіи и молитвенника, потому что всѣ другія книги отъ сатаны... И я никогда не читала другихъ книгъ,—прибавила тетка Санни въ полномъ сознаніи своей твердости и правоты,—не читала и не буду читать!

Вальдо понялъ, что на книгу наложено запрещеніе и угрюмо повернулся, чтобы уходить.

— Такъ-то ты слушаешь, что я тебѣ говорю!—закричала тетка Санни.—На, бери свою полити-колити-коминю, чортъ-бы ее взялъ!—заключила она, съ силой кидая ему книгой въ голову.

Но книга лишь слегка задѣла его по лбу и шлепнулась на землю.

— Ступай, ступай!—кричала она.—Я знаю, что ты теперь пойдешь самъ съ собой разговаривать. А ужь кто самъ съ собой разговариваетъ, тотъ навѣрное съ чортомъ бесѣдуетъ. Иди-ка, потолкуй съ нимъ объ этомъ. Ну, что-жь ты сталъ? Бѣги скорѣе!—кричала тетка Санни.

Но мальчикъ ни ускорилъ, ни замедлилъ шага, а шелъ своей обычной неуклюжей походкой и вскорѣ скрылся за угломъ большого сарая.

И прежде, и послѣ случалось, что въ людей швыряли книгами, и даже этимъ дѣломъ занимались ручки гораздо болѣе утонченныя и нѣжныя, чѣмъ у нашей голландки. Но какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, едва-ли результаты соотвѣтствовали намѣреніямъ дѣйствующихъ лицъ. Тѣ предметы, изъ-за которыхъ удалось намъ пострадать, становятся въ нашихъ глазахъ вдвое дороже и милѣе: мы относимся къ нимъ съ нѣжной заботой, бережемъ ихъ и лелѣемъ даже свыше ихъ дѣйствительной стоимости. Если эти предметы не таковы, чтобы можно было постоянно и всюду таскать ихъ съ собою, мы хранимъ ихъ въ сердцахъ своихъ и въ этомъ смыслѣ уже до конца не разстаемся съ ними.

Бонапарте Бленкинсъ пошелъ и опять поднялъ книгу, которая на этотъ разъ лишилась своего переплета. Тетка Санни между тѣмъ заталкивала дрова подальше въ хлѣбную печь. Бонапарте подошелъ къ ней, постучалъ рукой по книгѣ, кивнулъ головой на огонь, и лукаво подмигнулъ теткѣ Санни. Она поняла, взяла изъ его рукъ книгу и кинула ее въ глубину печки. Книга попала на слой раскаленныхъ углей, задымилась, вспыхнула и черезъ нѣсколько минутъ „Политической Экономіи“ не стало; подобно многимъ другимъ бѣднымъ еретикамъ, нашимъ братьямъ по плоти, она сгорѣла.

Бонапарте ухмылялся и, чтобы подольше насладиться зрѣлищемъ, такъ близко наклонился къ огню, что опалилъ свои сѣдыя брови. Онъ освѣдомился, нѣтъ-ли на чердакѣ еще книгъ?

Ему сказали, что еще есть много. Тогда онъ показалъ знаками, что надо-бы притащить цѣлыя охабки и кинуть ихъ въ печь. Но тетка Санни питала на этотъ счетъ большія сомнѣнія. Она знала, что покойный англичанинъ все свое личное имущество оставилъ въ наслѣдство своей дочери. Бонапарте горя мало! Легко ему говорить о томъ, чтобы сжечь всѣ книги, а не его-ли духи за волосы драли и по головѣ тукали? Нѣтъ, ей очень не хотѣлось испытать что нибудь въ этомъ родѣ. Она рѣшительно замотала головой.

Бонапарте былъ очень недоволенъ; но ему пришла въ голову счастливая мысль: онъ предложилъ, чтобы отнынѣ ключъ отъ чердака былъ отданъ ему на храненіе, такъ чтобы безъ его вѣдома и согласія никто не могъ туда проникнуть. На это тетка Санни охотно согласилась и нѣжная чета поплелась къ дому, чтобы не теряя времени отобрать ключъ.

ГЛАВА XII.

Онъ кусается.

Бонапарте Бленкинсъ ѣхалъ домой верхомъ на сѣрой кобылѣ. Онъ выѣхалъ въ тотъ день частью для моціона, но частью и для того, чтобы поддержать свою репутацію управляющаго хозяйствомъ. Подвигаясь впередъ почти шагомъ, онъ задумчиво помахивалъ плетью надъ ушами лошади и такъ разсуждалъ самъ съ собою:

— Нѣтъ, Бонъ, нѣтъ, мой дружокъ, не сватайся. Тебѣ еще четыре года нельзя жениться, по смыслу завѣщанія; такъ зачѣмъ-же свататься? Вздыхай, ухаживай, обхаживай, но руки и сердца не предлагай.—Тутъ Бонапарте глубокомысленно подперъ свой носъ пальцемъ и продолжалъ:—разъ что женщина прибрала тебя къ рукамъ, она изъ тебя что захочетъ, то и сдѣлаетъ; но покуда она еще не увѣрена въ тебѣ, самъ дѣлай съ ней все, что хочешь. Ну, а я...

Тутъ Бонапарте вдругъ осадилъ коня и оглянулся. Онъ былъ уже совсѣмъ близко отъ дому и увидѣлъ у свиного хлѣва Эмму, которая, перевѣсившись черезъ стѣнку, показывала поросятъ какой-то совсѣмъ посторонней особѣ женскаго пола. Съ тѣхъ поръ, какъ Бонапарте пришелъ на ферму, тутъ еще ни разу не бывало гостей и потому онъ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ новое лицо. Это была рослая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, вѣсомъ, однако-же, никакъ не меньше ста пятидесяти фунтовъ, съ толстыми, отвислыми щеками и загнутымъ кверху носомъ. И чертами лица, и фигурой она была очень похожа на тетку Санни, но въ ея добрыхъ, сонныхъ глазахъ не было того огонька, который сверкалъ въ маленькихъ глазахъ старшей голландки. На ней было ярко-зеленое ситцевое платье, въ ушахъ мѣдныя сережки, вкругъ шеи стеклянныя бусы; засунувъ въ ротъ кончикъ своего толстаго пальца, она сосала его, глядя на поросятъ.

— Кто это сегодня пріѣхалъ?—спросилъ Бонапарте, стоя съ чашкой кофе въ передней комнатѣ, спустя нѣкоторое время.

— Это племянница моя, Трана,—отвѣтила тетка Санни съ помощью переводчицы готтентотки,—единственная дочь моего единственнаго родного брата Павла; пріѣхала ко мнѣ погостить. Она будетъ лакомымъ кусочкомъ для того человѣка, которому удастся взять ее за себя. У ея отца до двухъ тысячъ фунтовъ чистыми денежками спрятано въ зеленомъ сундукѣ подъ кроватью, да ферма своя, да пять тысячъ овецъ и ужь одинъ Господь знаетъ, сколько еще козъ и лошадей. У нихъ десять дойныхъ коровъ среди зимы, такъ что женихи-то за ней увиваются все равно, что мухи за чашкой молока. Она говоритъ, что мѣсяца черезъ четыре выйдетъ замужъ. Только еще не рѣшила за кого идти. Точь-въ-точь также и со мной было, когда я была молоденькая,—прибавила тетка Санни,—разъ по пяти на недѣлѣ приходилось проводить вечера съ молодыми людьми. Да они еще опять пріѣдутъ. Небось, станутъ ѣздить, какъ узнаютъ, что миновалъ срокъ, до котораго мой покойникъ англичанинъ уговорилъ меня не выходить замужъ.

И тетка Санни самодовольно усмѣхнулась.

— Куда вы идете?—спросила она,—видя, что Бонапарте собрался уходить.

— Я-то? Мнѣ еще нужно обойти краали. Къ ужину ворочусь,—отвѣчалъ Бонапарте.

Тѣмъ не менѣе, поровнявшись со своею дверью, онъ вошелъ къ себѣ и вскорѣ красовался передъ зеркаломъ въ нарядной рубашкѣ съ мелкими складками и брилъ себѣ подбородокъ. Онъ надѣлъ свои лучшіе штаны и густо напомадилъ скудный запасъ кудряшекъ, украшавшихъ его затылокъ, хотя онѣ отъ этого все-таки не стали чернѣе. Но всего дольше онъ возился со своимъ носомъ, который приводилъ его въ отчаяніе; и въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень красенъ. Бонапарте попробовалъ потереть пальцами выбѣленную штукатурку стѣны и этимъ помазать себѣ носъ; но вышло еще хуже и онъ поскорѣе стеръ съ лица замазку. Потомъ онъ долго разсматривалъ въ зеркало свои глаза. Правда, что они были сильно поддернуты къ вискамъ, такъ что казалось, будто они косые; но зато какой цвѣтъ! Чисто голубой. Онъ надѣлъ лучшій сюртукъ, взялъ въ руки тросточку и очень довольный собою явился къ ужину.

— Тетя,—говорила Трана, когда обѣ онѣ съ теткой Санни залегли вечеромъ на ея просторную, деревянную кровать,—отчего этотъ англичанинъ все вздыхаетъ, на меня глядя?

— Ага!—отозвалась тетка Санни, которая ужь совсѣмъ

дремала, но тутъ вдругъ встрепенулась,—это оттого, что ему кажется, будто ты на меня похожа. Я тебѣ говорю, Трана, что онъ въ меня влюбленъ безъ памяти. На-дняхъ вечеромъ я какъ-то сказала ему, что мнѣ нельзя выйти замужъ, покуда Эммѣ не минетъ шестнадцать лѣтъ, не то я лишусь всѣхъ овецъ, которыхъ ея отецъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство. Такъ онъ сейчасъ сталъ говорить про Іакова, какъ онъ работалъ и дожидался своей невѣсты семь лѣтъ, а потомъ еще семь лѣтъ. Онъ, конечно, про меня думалъ,—прибавила тетка Санни съ достоинствомъ,—но не такъ-то легко я ему достанусь. Пускай сперва хорошенько попроситъ, да и не одинъ разъ.

— О-о!—сказала Трана, которая была дѣвушка тупая и неразговорчивая; однакожь спустя немного она опять спросила:—тетя, а для чего этотъ англичанинъ непремѣнно задѣваетъ меня каждый разъ, какъ проходитъ мимо?

— Должно быть ты ему подъ ноги попадаешься,—отвѣчала тетка Санни.

— А мнѣ кажется, тетя,—замѣтила Трана,—что онъ ужь очень дуренъ собой.

— Ухъ!—сказала тетка Санни,—это правда. Только намъ потому такъ кажется, что мы не привыкли въ нашей странѣ къ такимъ носамъ. Въ ихъ сторонѣ, онъ говоритъ, у всѣхъ такіе носы, да еще считается чѣмъ краснѣе, тѣмъ лучше. Онъ изъ одной семьи съ королевой Викторіей,—продолжала тетка Санни, оживляясь мало-по-малу и увлекаясь предметомъ разговора,—онъ, знаешь-ли, ни во что считаетъ губернаторовъ, или тамъ епископовъ какихъ-нибудь; это для него все неважныя птицы. И когда умретъ его богатая тетка, у которой теперь водяная болѣзнь, такъ у него будетъ такая куча денегъ, что онъ всѣ здѣшнія фермы можетъ скупить!

— О-о!—сказала Трана,—это дѣло другое.

— То-то-же и есть,—сказала тетка Санни.—И ему всего только сорокъ одинъ годъ, хоть и кажется, что ужь цѣлыхъ шестьдесятъ. А насчетъ своей лысины онъ вчера мнѣ объяснилъ, почему она случилась.

И тетка Санни разсказала, какъ Бонапарте, лѣтъ восемнадцати отроду, ухаживалъ за одной молодой красавицей, и какъ злой соперникъ, завидовавшій прелестнымъ золотымъ кудрямъ, падавшимъ на его плечи, нарочно и съ злымъ умысломъ подарилъ ему банку помады. Далѣе разсказывалось, какъ Бонапарте на ночь намазалъ себѣ волосы этимъ снадобьемъ, по утру замѣтилъ, что подушка его усыпана золотистыми локо-

нами, и взглянувъ въ зеркало увидалъ у себя блестящую лысину, которая съ тѣхъ поръ ужь и не заростала. Остальные волосы его въ туже ночь побѣлѣли, и молодая красавица вышла замужъ за его соперника.

— Да, вотъ какъ!—заключила тетка Санни съ нѣкоторой торжественностью,—и кабы не надежда на милость Божію и не привычка всякій день читать псалмы, онъ самъ говоритъ, что наложилъ бы на себя руки. Да, онъ говоритъ, что и такъ готовъ убиться коли влюбится, а та женщина не согласится выйти за него замужъ.

— Спокойной ночи,—сказала Трана. И обѣ уснули.

Вскорѣ все уснуло на фермѣ; только въ окнѣ пристройки виднѣлся яркій свѣтъ: тамъ Вальдо развелъ на очагѣ большой огонь и сидѣлъ передъ нимъ, думая свои думы. Проходили часы, а онъ все сидѣлъ и отъ времени до времени подкладывалъ въ огонь свѣжихъ кирпичей кизяка: пламя ярко вспыхивало, потомъ на очагѣ образовался слой красныхъ углей; они отражались въ глазахъ мальчика, а онъ все думалъ, думалъ... Наконецъ, когда огонь разгорѣлся особенно ярко, онъ всталъ и медленно подошелъ къ балкѣ, съ которой свѣшивался длинный ремень изъ воловьей кожи. Снявъ его съ гвоздя, онъ завязалъ на одномъ концѣ петлю и намоталъ ремень на руку.

— Мои, мои!.. Имѣю право!..—бормоталъ онъ и потомъ вдругъ произнесъ громче,—а коли упаду и убьюсь, тѣмъ лучше!

Онъ растворилъ дверь и вышелъ подъ сводъ звѣзднаго неба.

Шелъ онъ тихо, опустивъ голову, а надъ нимъ сіяла одна изъ тѣхъ южныхъ ночей, когда каждое мѣстечко на небѣ, каждый клочокъ, съ ладонь величиною, усѣянъ десятками холодныхъ серебряныхъ точекъ, а млечный путь представляется цѣлымъ серебрянымъ шарфомъ. Вальдо прошелъ мимо двери, за которой Бонапарте, лежа на кровати, мечталъ теперь о Транѣ и ея богатствѣ. Мальчикъ прошелъ мимо, влѣзъ по лѣстницѣ до запертаго чердака и оттуда не безъ труда взобрался на кровлю дома. Крыша была сложена изъ старыхъ, почернѣвшихъ дранокъ, окаймленныхъ когда-то бѣлою замазкой, которая лопалась и осыпалась на каждомъ шагу подъ его ногами. Онъ ступалъ тяжело и нисколько не остерегался этого. „Тѣмъ лучше коли упаду“, думалось ему. Онъ доползъ до крайняго выступа и началъ прикрѣплять ремень къ обломаннымъ кирпичамъ печной трубы. Подъ этимъ мѣстомъ приходилось слуховое окно чердака. Привязавъ одинъ конецъ ремня къ трубѣ, а другимъ захлестнувъ себя вокругъ пояса, ему казалось такъ

легко спуститься на этомъ ремнѣ до окошка, просунуть руку въ одно изъ выбитыхъ стеколъ, отворить окно, залѣзть на чердакъ, набрать цѣлую охапку книгъ и вылѣзть съ ними обратно. Они сожгли одну книгу, такъ вотъ-же, теперь, онъ возьметъ двадцать. Всѣ противъ него, и онъ пойдетъ противъ всѣхъ. Никто не хочетъ ему помогать, онъ самъ за себя постоитъ.

Онъ откинулъ съ своего нахмуреннаго лба влажныя пряди черныхъ волосъ и повелъ глазами вокругъ, поднявъ разгоряченное лицо чтобъ освѣжиться. Только тогда онъ увидѣлъ, какая это была чудная ночь. Онъ всталъ на колѣни и тихо, молча взглянулъ на небо. Тысячи глазъ взирали на него съ высоты яснымъ и холоднымъ взглядомъ. Ему показалось, что онѣ смѣются надъ нимъ.

— Ты разгоряченъ, озлобленъ, сердитъ? Бѣдный маленькій смертный!

Ему стало совѣстно. Онъ сложилъ руки и, сѣвъ на краю крыши, смотрѣлъ на нихъ.

— Какой разгоряченный! Какой озлобленный! Какой сердитый!

Точно холодной рукой провели по его горячей головѣ, а звѣзды одна за другой затуманились и померкли въ его глазахъ. Тетка Санни и сожженая книга, Бонапарте и сломанная машина, ящикъ на чердакѣ и самъ онъ, сидящій тутъ на крышѣ, какъ это все мелко, ничтожно! Даже могила, что тамъ за краалями... Эти звѣзды, такъ спокойно сіяющія, сколько тысячъ подобныхъ существъ онѣ видали, сколько тысячъ такихъ маленькихъ жизней при нихъ бились и боролись, страдали, вспыхивали и угасали; а онѣ, старыя далекія звѣзды, все также сіяютъ.

— Горячишься, сердишься, бѣдная человѣческая душа? — говорили онѣ.

Ремень выскользнулъ изъ его рукъ. Скрестивъ руки, онъ сидѣлъ и смотрѣлъ вверхъ.

— Мы видѣли землю, когда она только начиналась,—говорили звѣзды.—Мы видѣли, какъ на ея поверхность выползали маленькія твари, какъ онѣ молились, любили, плакали, стонали и снова исчезали въ нѣдрахъ земли. А мы, — говорили звѣзды,—мы также стары, какъ и невѣдомыя силы.

Онъ подперъ подбородокъ рукой и все смотрѣлъ на нихъ; и сидѣлъ онъ такъ долго, что нѣкоторыя блестящія звѣзды успѣли закатиться, другія взошли на горизонтъ, а онъ все сидѣлъ.

Наконецъ, онъ всталъ и началъ распутывать ремень, захлестнутый за трубу.

Ему теперь было все равно, будутъ ли у него книги или нѣтъ. Всякое стремленіе, всякая охота къ нимъ пропала. Коли не хотятъ давать ему книгъ, ну и пускай. Бѣда не велика. Это все мелочи. Къ чему сердиться, злобствовать, перечить? Пусть все идетъ своимъ чередомъ.

Онъ намоталъ ремень на руку и пошелъ по коньку обратно къ другому концу крыши.

Между тѣмъ Бонапарте Бленкинсъ пересталъ грезить во снѣ о Транѣ, перевернулся на другой бокъ и только что собрался опять уснуть, какъ услышалъ шаги человѣка, спускающагося по лѣстницѣ. Первымъ его побужденіемъ было залѣзть съ головой подъ простыню, поджать подъ себя ноги и заорать; но сообразивъ, что дверь его заперта изнутри, окно закрыто ставнемъ и плотно приперто задвижкой, онъ тихонько высунулъ голову изъ-подъ простыни и сталъ прислушиваться. Кто-бы ни лазилъ тамъ по лѣстницѣ, а ужь къ нему-то не залѣзетъ! Бонапарте расхрабрился, всталъ съ постели и на цыпочкахъ подойдя къ двери приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ; но тамъ ничего не было видно. Онъ пошелъ къ окну и прилѣпился къ нему лицомъ, на сколько допускалъ носъ. На дворѣ можно было смутно различить человѣческую фигуру.

Мальчикъ даже не старался ходить тише обыкновеннаго и тяжелое шлепанье его туфлей изъ сыромятной кожи ясно раздавалось по камнямъ мощенаго двора. Бонапарте прислушивался до тѣхъ поръ, пока шаги не замерли въ отдаленіи за угломъ большого сарая; тогда онъ почувствовалъ, что его босыя ноги озябли и прыгнувъ на кровать забился подъ одѣяло.

* * *

— Что вы держите на чердакѣ подъ крышей?—спрашивалъ Бонапарте у голландки на другой день вечеромъ. Такъ какъ готтентотки уже тутъ не было, она ушла домой, то онъ старался ввертывать въ свою рѣчь кое-какія голландскія слова, а остальное для большей вразумительности дополнялъ жестами. Такъ и теперь онъ выразительно указывалъ пальцемъ въ потолокъ.

— Сушеныя кожи,—отвѣчала голландка,—пустыя бутылки, мѣшки; а еще мыло.

— А не прячите вы туда провизію, припасы, вотъ, напримѣръ, сахаръ?—продолжалъ Бонапарте, тыкая пальцемъ сначала на сахаръ, потомъ на потолокъ.

Тетка Санни отрицательно замотала головой.

— Еще соль держимъ, сушеные персики,—сказала она.

— Сушеные персики? Ага!—молвилъ Бонапарте.—Затвори дверь, милое дитя, покрѣпче затвори!—обратился онъ къ Эммѣ, стоявшей въ столовой; потомъ перегнулся черезъ ручки дивана и наклонившись къ голландкѣ какъ можно ближе сталъ подносить руку ко рту, дѣлая знакъ, будто онъ ѣстъ. Видя, что она не понимаетъ того, что онъ при этомъ говоритъ, онъ произнесъ нѣсколько разъ:—Вальдо, Вальдо, Вальдо...—и опять указавъ рукой на чердакъ, сталъ показывать, какъ ѣдятъ.

Голландка начинала вникать въ смыслъ этихъ заявленій. Чтобы выяснить дѣло, Бонапарте всталъ и принялся выдѣлывать ногами такія движенія, какъ будто влѣзаетъ по лѣстницѣ, входитъ въ дверь, потомъ усердно жуетъ что-то, приговаривая,—персики, персики, персики—и снова лѣзетъ по лѣстницѣ внизъ.

Тетка Санни поняла теперь, что Вальдо былъ на чердакѣ и ѣлъ ея персики.

Чтобы показать ей, какимъ образомъ ему стало извѣстно это происшествіе, Бонапарте прилегъ на диванъ, зажмурился, сказалъ:—ночь, ночь, ночь!—потомъ вдругъ сѣлъ, точно будто испугавшись чего-то, и представилъ какъ онъ прислушивался; потомъ повторилъ жесты слѣзанія съ лѣстницы и взглянулъ на тетку Санни. Она поняла, что онъ проснулся ночью и былъ свидѣтелемъ воровства.

— Ужь значитъ глупъ, коли ему захотѣлось этихъ персиковъ,—сказала тетка Санни,—они жесткіе какъ камень, а моли въ нихъ не меньше, чѣмъ въ овечьихъ шкурахъ.

Бонапарте порылся у себя въ карманѣ, не обративъ никакого вниманія на ея слова, и вытащилъ аккуратно сложенную ременную плетку.

Онъ показалъ ей плетку, закивалъ головой на дверь и сказалъ:

— Позовемъ его сюда... Вальдо, Вальдо, а?

Тетка Санни захихикала и изъявила согласіе. Ей показалось ужасно смѣшно, что Бонапарте собирается бить мальчика, хотя она и считала, что изъ-за персиковъ не стоитъ драться. Когда чернокожая дѣвушка по обыкновенію пришла съ шайкой, ее послали позвать Вальдо, и Бонапарте свернувъ плетку опять положилъ ее въ карманъ. Потомъ онъ пріосанился и призвалъ на помощь всю свою важность, чтобы съ подобающимъ достоинствомъ сыграть свою роль.

Вальдо пришелъ, сталъ въ дверяхъ и снялъ шляпу.

— Войди сюда, войди, мой другъ,—сказалъ Бонапарте,—и притвори за собою дверь.

Мальчикъ переступилъ порогъ и остановился передъ ними.

— Чего-же ты испугался, малый,—сказала тетка Санни,—я сама была маленькая, знаю, какъ это бываетъ. Не велика бѣда, коли и стащилъ нѣсколько штукъ.

Но Бонапарте увидѣлъ, что она говоритъ что-то несообразное и клонитъ вовсе не туда, куда онъ мѣтилъ, чтобы разыграть драматическую сцену. Онъ поджалъ губы и протянувъ руку впередъ торжественно обратился къ мальчику.

— Вальдо, меня невыразимо огорчила необходимость призвать тебя ради такого печальнаго случая; но когда долгъ повелѣваетъ, я не смѣю иначе дѣйствовать. Не скажу, чтобы откровенное и чистосердечное признаніе повлекло за собою отмѣну наказанія, которое ты непремѣнно понесешь, если заслужилъ. Упомяну, однако-же, что если ты добровольно и смиренно покаешься, то можно будетъ смягчить наказаніе. Вальдо, отвѣчай мнѣ, какъ родному отцу, котораго я тебѣ замѣняю, скажи: бралъ-ли ты или не бралъ,ѣлъ или не ѣлъ сушеные персики на чердакѣ?

— Скажи, что бралъ, ну скажи-же, дитя, тогда онъ не такъ больно побьетъ тебя,—заговорила голландка добродушно, потому что ей становилось немного жалко его.

Мальчикъ медленно поднялъ глаза, разсѣянно посмотрѣлъ на нее и вдругъ яркая краска залила его загорѣлое лицо.

— Такъ ты не желаешь съ нами разговаривать, дружокъ?—молвилъ Бонапарте, позабывъ на время всякую торжественность и нагибаясь впередъ съ насмѣшливой гримасой.—А я разсуждаю вотъ какъ: если мальчику нужно три четверти часа на то, чтобы наложить соли въ горшокъ, и если онъ въ три часа ночи лазитъ на чердакъ и отбиваетъ тамъ дверь, то поневолѣ подумаешь, что онъ не за добромъ туда полѣзъ. Ясно что у тебя какая-то дурь въ головѣ; а когда заводится дурь, то ее вышибаютъ. Понимаешь?—прибавилъ Бонапарте заглядывая ему въ лицо и осклабляясь. Но спохватившись, что шутки въ такомъ торжественномъ случаѣ неумѣстны и что заводить трагедію безъ должной важности все равно, что затѣвать пуддингъ безъ пряностей, онъ выпрямился во весь ростъ и съ достоинствомъ произнесъ:

— Вальдо, признавайся сейчасъ же и безъ утайки, ты ѣлъ персики?

Краска сбѣжала съ лица мальчика. Онъ стоялъ блѣдный, съ опущенной головой, упрямо сложивъ руки.

— Что-же, будешь ты отвѣчать?

Мальчикъ только разъ взглянулъ на него изъ подлобья и снова уставилъ глаза въ полъ.

— Да что это какой онъ, точно всѣ черти въ него вселились,—воскликнула тетка Санни:—Ты скажи что бралъ, дитя. Что за бѣда? Извѣстно, ребята всегда будутъ дѣлать по ребячьи; я ужь постарше тебя была, когда, бывало, таскала сушеное мясо у матери изъ кладовой, да сваливала на негритянскихъ ребятишекъ; ну, ихъ и сѣкли за это. Скажи-же, что бралъ, скажи.

Но онъ молчалъ.

— Я полагаю, что одиночное заключеніе на нѣкоторое время можетъ быть полезно,—сказалъ Бонапарте,—будучи предоставленъ самому себѣ, Вальдо, ты можешь на досугѣ подумать о великомъ грѣхѣ, который ты совершилъ передъ Отцомъ нашимъ Небеснымъ. Подумай также и о повиновеніи, коимъ ты обязанъ тѣмъ, кто старше и умнѣе тебя и кто взялъ на себя долгъ исправлять и наказывать тебя.

Говоря такимъ образомъ, Бонапарте снялъ со стѣны ключъ отъ дровяного чулана, висѣвшій на гвоздѣ.

— Ступай впередъ, дружокъ мой,—сказалъ Бонапарте, показывая рукою на дверь. Когда мальчикъ повернулся уходить, Бонапарте скорчилъ лицо на сторону и вытащилъ изъ кармана самый кончикъ ремня на плеткѣ, такъ чтобы онъ болтался на ходу.

Теткѣ Санни чуть-чуть не стало совсѣмъ жалко мальчика, но она все-таки не могла удержаться отъ смѣха. Ей всегда было смѣшно, когда собирались кого-нибудь сѣчь; притомъ она думала, что это ему на пользу: какъ только заживетъ, такъ и онъ позабудетъ, что его сѣкли. Мало-ли били ее самое съ молоду, и вотъ какая она хорошая вышла.

Бонапарте взялъ зажженую свѣчу со стола въ кухнѣ и велѣлъ мальчику идти впередъ. Они пошли въ дровяной чуланъ. То было маленькое каменное строеніе, прислоненное къ одной изъ стѣнъ большого сарая, съ низкой кровлей и совсѣмъ безъ оконъ. Вмѣсто дровъ тамъ хранились кирпичи изъ сушенаго навоза, сложенные кучей въ одномъ углу; въ другомъ помѣщалась кофейная мельница, укрѣпленная на низкомъ столбѣ фута въ три вышиною.

Бонапарте снялъ замокъ съ наружной двери и сказалъ:

— Входи, дружокъ.

Вальдо угрюмо повиновался; ему было все равно, гдѣ ни

быть, и онъ ничего не имѣлъ противъ одиночнаго заключенія.

Бонапарте вошелъ за нимъ и плотно затворилъ дверь. Поставивъ свѣчу на кучу кирпичей онъ спокойно сунулъ руку въ задній карманъ, осторожно вытянулъ оттуда заранѣе приготовленную веревку и спряталъ ее за своей спиной.

— Какъ мнѣ жаль, Вальдо, какъ меня глубоко огорчаетъ, дружокъ, твое поведеніе. Очень, очень это грустно, — сказалъ Бонапарте.

Онъ обошелъ мальчика и сталъ сзади его. Онъ начиналъ побаиваться его мрачнаго взгляда, хотя Вальдо стоялъ совершенно смирно. А ну, какъ онъ прыгнетъ да сцѣпится съ нимъ?

Бонапарте тихонько вытащилъ веревку и обмоталъ ее вкругъ деревяннаго столба; потомъ сдѣлалъ на одномъ концѣ петлю и ловкимъ движеніемъ скрутивъ мальчику руки назадъ, затянулъ ихъ веревкой. Въ одну минуту онъ еще два раза обернулъ веревку вкругъ столба и успокоился.

Въ первую минуту Вальдо старался выпутаться; но тотчасъ понявъ, что это невозможно, онъ затихъ.

— Когда лошадь лягается, ей надо ноги связать,—сказалъ Бонапарте, пропуская веревку поперекъ колѣней Вальдо.—Ну, а теперь, милый мой,—прибавилъ онъ, вынимая изъ кармана плеть,—я буду бить тебя.

Онъ пріостановился на минуту и помолчалъ. Было такъ тихо, что оба могли слышать дыханіе другъ друга.

— Наказуй сына твоего, пока еще есть надежда на исправленіе,—сказалъ Бонапарте,—и да не смущается душа твоя его слезами. Таково велѣніе Божіе. И я поступлю съ тобою, какъ отецъ, Вальдо. Я думаю лучше обнажить твою спину.

Онъ вынулъ перочинный ножикъ и рѣзнулъ имъ рубашку Вальдо сверху до пояса.

— А теперь,—сказалъ Бонапарте,—молю Бога благословить и обратить тебѣ во благо то, что я съ тобой сдѣлаю.

Онъ размахнулся и ударилъ плетью отъ плеча до средины спины. Второй ударъ пришелся какъ разъ по тому же самому мѣсту. Мальчикъ содрогнулся всѣмъ тѣломъ.

— Хорошо, а?—сказалъ Бонапарте, заглядывая ему въ лицо съ боку и картавя, какъ говорятъ съ самыми маленькими дѣтьми: халасо?

Но глаза Вальдо потемнѣли и потухли, они какъ будто ничего не видѣли. Послѣ шестнадцатаго удара Бонапарте пріостановился отереть каплю крови, показавшуюся на концѣ ремня.

— Что, холодно? Съ чего это ты такъ вздрагиваешь? Можетъ быть тебѣ хочется рубашку натянуть? Погоди, я еще не кончилъ.

Покончивъ съ своимъ дѣломъ онъ опять обтеръ ремень, свернулъ плеть и спряталъ ее въ карманъ; потомъ ударомъ ножа перерѣзалъ веревки и взялъ свѣчу.

— Все еще языка не нашелъ? Позабылъ плакать-то?—сказалъ Бонапарте, потрепавъ его по щекѣ.

Мальчикъ взглянулъ на него—не угрюмо, не сердито, но съ какимъ-то дикимъ ужасомъ въ глазахъ. Бонапарте поспѣшилъ уйти, заперъ дверь и оставилъ его одного въ темномъ чуланѣ. Ему стало жутко отъ этого взгляда.

* * *

Занималось утро. Вальдо лежалъ припавъ лицомъ къ землѣ около кучи навознаго топлива. Въ верхней части двери была круглая дыра, черезъ которую началъ пробиваться сѣроватый свѣтъ.

Ахъ, неужели этому будетъ конецъ! Ничто не длится вѣчно, значитъ минуетъ и эта ужасная ночь. Какъ эта простая мысль ни разу не пришла ему въ голову? А вѣдь во всю долгую темную ночь онъ себя чувствовалъ такимъ крѣпкимъ, нисколько не усталъ, не ощущалъ никакой боли и только все бѣгалъ взадъ и впередъ, взадъ и впередъ... Онъ не смѣлъ останавливаться, боялся затихнуть и думалъ, что этому не будетъ конца. Онъ былъ такъ крѣпокъ, что когда изо всей силы ударился головой о каменную стѣну, это его не ошеломило, не причинило боли, а только заставило хохотать. То была страшная ночь. Когда онъ страстно сжавъ руки взмолился: — Господи, Богъ мой, возлюбленный, прекрасный, молю тебя, дай мнѣ хоть разъ, хоть на минуту почувствовать, что Ты со мной теперь! —онъ такъ и не ощутилъ близости Божества. Онъ молился вслухъ, громко, но отвѣта не было; прислушивался, но все было тихо. Такъ жрецы Ваала взывали когда-то къ своему богу: — О, Ваалъ, услышь насъ! Услышь насъ, Ваалъ! — А Ваалъ въ ту пору ушелъ на охоту.

Ночь была долгая, безумная; дикія мысли порождала она въ мозгу. И эти мысли на вѣкъ оставили по себѣ слѣдъ. Ибо если годы не могутъ миновать безслѣдно, то не могла безслѣдно пройти и такая ночь, которая вмѣстила въ себѣ мысли и страданія многихъ лѣтъ. И вотъ, наконецъ, занялась заря и онъ почувствовалъ большую усталость. Ему было холодно, онъ хотѣлъ натянуть на плечи рубашку и замѣтилъ, что плечи у

него окостенѣли. Онъ и не зналъ, какъ ихъ исполосовали ночью. Онъ взглянулъ на лучъ свѣта, струившійся сквозь круглую дыру въ двери, и вздрогнулъ. Потомъ снова приникъ лицомъ къ землѣ и заснулъ.

Черезъ нѣсколько часовъ Бонапарте пришелъ къ дровяному чулану съ кускомъ хлѣба въ рукахъ. Отперевъ дверь, онъ осторожно заглянулъ внутрь, потомъ вошелъ и концомъ сапога потрогалъ мальчика, который не шевельнулся. Увидавъ, однакоже, что онъ тяжело дышетъ, Бонапарте успокоился и положилъ хлѣбъ на землю. Живъ, чего-жь еще! Онъ нагнулся и старательно отколупнулъ ногтемъ запекшуюся кровь одного изъ шрамовъ на спинѣ, съ большимъ интересомъ разсматривая свою вчерашнюю работу. Мальчикъ былъ буквально исполосованъ. Нечего дѣлать, придется самому пересчитывать сегодня овецъ. Бонапарте снова заперъ дверь и ушелъ домой.

— О! Линдель,—говорила Эмма, вся въ слезахъ входя въ столовую подъ вечеръ того же дня:—какъ я ни просила Бонапарте выпустить Вальдо, онъ ни за что не хочетъ.

— Чѣмъ больше будешь просить, тѣмъ дольше онъ не выпуститъ,—сказала Линдель. Она въ это время занята была у стола кройкой передниковъ.

— Ахъ, да вѣдь ужь опять скоро ночь будетъ; они вѣрно уморить его хотятъ!—сказала Эмма, горько рыдая; и видя, что кузина не предлагаетъ никакихъ утѣшеній, она всхлипывая проговорила:—удивляюсь, какъ ты можешь преспокойно кроить передники, когда Вальдо сидитъ взаперти!

Она ушла и Линдель еще минутъ десять спокойно продолжала работать; потомъ она сложила скроенное полотно, скатала остатокъ и крѣпко стиснувъ руки остановилась передъ дверью передней комнаты. По лицу ея разлился румянецъ; она рѣшительно растворила дверь, вошла и твердыми шагами направилась къ гвоздю, на которомъ висѣлъ ключъ отъ дровяного сарая. Бонапарте и тетка Санни сидѣли тутъ же и все видѣли.

— Что тебѣ нужно?—спросили они оба.

— Ключъ,—отвѣчала она, показывая имъ взятый ею ключъ и глядя имъ прямо въ лицо.

— А вы позволите ей взять его?—спросила тетка Санни по голландски.

— Что-жь вы ее не остановили?—спросилъ Бонапарте по англійски.

— Что-же вы сами не отняли?—сказала тетка Санни.

И пока они глядя другъ на друга перекорялись такимъ образомъ, Линдель, закусивъ нижнюю губу, взяла ключъ и пошла въ дровяной сарай.

— Вальдо,—сказала она, помогая ему встать и поддерживая его подъ руку,—не всегда-же мы будемъ дѣтьми. Когда нибудь и на нашей сторонѣ будетъ сила.

И прикоснувшись своими нѣжными губками къ его обнаженному, истерзанному плечу, она поцѣловала его. Какое еще утѣшеніе могла ему дать эта юная душа?

ГЛАВА XIII.

Бонапарте нѣжничаетъ.

— Вотъ вѣдь, пятый годъ живу въ этомъ домѣ и ни разу не бывала на чердакѣ,—говорила тетка Санни своей наперсницѣ, готтентоткѣ. — Небось и потолще меня женщины лазятъ по лѣстницамъ. Мнѣ хочется сейчасъ слазить туда, посмотрѣть, гдѣ что лежитъ, да прибрать хорошенько. Ну-ка ты, принеси сюда короткую лѣстницу, да придержи ее снизу.

— А коли вы упадете, вотъ будетъ жалѣть-то одинъ человѣкъ!—сказала готтентотка, хитро подмигивая на кисетъ и трубку Бонапарте, лежавшіе на столѣ.

— Придержи языкъ, негодная,—сказала хозяйка, едва воздерживаясь отъ пріятной улыбки, — ступай лучше, принеси лѣстницу поскорѣе.

Въ одномъ углу передней комнаты въ потолкѣ была продѣлана подъемная дверь на чердакъ, которую никогда не отворяли. Готтентотка мигомъ отперла ее, подставила лѣстницу въ отверстіе и голландка съ превеликимъ трудомъ и опасностью залѣзла на чердакъ. Тогда готтентотка отняла лѣстницу и понесла ее на дворъ: ея мужъ дѣлалъ какія-то починки у большого сарая и ему нужна была лѣстница. Но подъемная дверь на чердакъ оставалась отворенною.

Тетка Санни нѣкоторое время походила по чердаку, перебирая старыя овчины и пустыя бутылки; навѣдалась также и въ мѣшокъ съ сушеными персиками, которые будто бы такъ понравились Вальдо; потомъ она нашла кадку соленой баранины, стоявшую у самаго отверстія въ потолкѣ, и присѣла около нея. Ей показалось, что баранина раздѣлена на слишкомъ крупные куски и вынувъ складной ножикъ она начала рѣзать ихъ помельче.

— Только положись на прислугу, всегда что-нибудь не

такъ сдѣлаютъ,—ворчала она про себя.—Ну, вотъ дай срокъ, выйду замужъ за Бонапарте, и тогда не очень-то я буду хлопотать изъ-за какой-нибудь баранины! Лишь бы тетка его поскорѣе умирала отъ водянки.

И она улыбаясь погрузила руку въ разсолъ.

Въ эту минуту въ переднюю комнату вошла ея племянница Трана и слѣдомъ за ней Бонапарте. Голова его нѣжно склонялась на бокъ, а губы складывались въ умильную улыбку. Если бы въ эту минуту теткѣ Санни вздумалось ихъ окликнуть, жизнь Бонапарте Бленкинса потекла бы инымъ путемъ; но случилось такъ, что она промолчала, и ни тотъ, ни другая не замѣтили отверстія въ потолкѣ.

— Сядьте вотъ тутъ, моя дорогая, — сказалъ Бонапарте, подводя Трану къ широкому креслу ея тетки и придвигая себѣ другое, въ которое онъ усѣлся какъ можно ближе къ ней. — Вотъ такъ, ноги поставьте на скамейку. Ваша тетка куда-то отлучилась. О, какъ давно я жду этого благопріятнаго момента!

Трана, ни слова не понимавшая по англійски, сѣла въ кресло и подумала: какіе странные обычаи у этихъ иноземцевъ! Должно быть у нихъ такъ принято, чтобы старые джентльмены садились такъ близко, и чтобы непремѣнно колѣнками притиснуть свою даму. Она уже пять дней жила подъ одною кровлей съ Бонапарте, немножко боялась этого старика и ей сильно не нравился его носъ.

— Давно я жду этого момента!—говорилъ Бонапарте:—но какъ нарочно, тѣнь твоей пожилой родственницы то и дѣло разлучаетъ насъ. Взгляни на меня твоими глазками, Трана!

Онъ очень хорошо зналъ, что она ни словечка не понимаетъ; но зналъ также и то, что можно затронуть нѣжную струнку въ сердцѣ дѣвушки одними взглядами, жестами, тономъ своего голоса, а совсѣмъ не разумностью своихъ рѣчей. Трана измѣнилась въ лицѣ.

— Всю ночь, — ворковалъ Бонапарте, — я провожу безъ сна: все мечтаю о твоемъ ангельскомъ личикѣ. Стремлюсь прижать тебя къ своей груди, раскрываю объятія... гдѣ ты, гдѣ? Ахъ, и нѣтъ тебя! — говорилъ Бонапарте подтверждая свои слова тѣлодвиженіями, сначала растопыривъ руки, потомъ прижимая ихъ къ груди.

— Охъ, пожалуйста, ничего я не понимаю, пустите меня,— говорила Трана.

— Да, да, — сказалъ Бонапарте откинувшись на спинку стула, къ ея великому облегченію, и приложивъ руки къ серд-

цу,—съ тѣхъ поръ какъ твой аметистовый образъ запечатлѣлся въ моей душѣ, чего не выстрадалъ я, чего не перечувствовалъ! О, несказанныя муки, раскаленнымъ углемъ жгущія мою пламенную и неповинную грудь!—продолжалъ Бонапарте, снова перегибаясь впередъ всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ, Господи, какая же я глупая! — подумала между тѣмъ Трана:—у старика-то, видно, животъ разболѣлся, а тети Санни дома нѣтъ, вотъ онъ ко мнѣ и пришелъ за лѣкарствомъ.

Она добродушно улыбнулась Бонапарте, встала, протиснулась мимо него, пошла въ теткину спальню и тотчасъ вернулась оттуда, неся въ рукѣ пузырекъ съ красною жидкостью.

— Вотъ эти капли отлично помогаютъ отъ живота, моя мамаша всегда ихъ принимаетъ,—сказала она, протягивая ему руку съ пузырькомъ.

Лицо, взиравшее на нихъ черезъ чердачное отверстіе, покрылось багровымъ румянцемъ. Тетка Санни сидѣла на корточкахъ у самаго края, держа въ рукѣ баранью лопатку. Бонапарте въ эту минуту стоялъ какъ разъ у ея ногъ. Она встала и обѣими мощными руками обхватила кадку съ солониной.

— О роза пустыни, соловей здѣшнихъ мѣстъ, филомела, оглашающая своимъ нѣжнымъ пѣніемъ тоску одинокихъ ночей! — восклицалъ Бонапарте, хватая руку, подававшую ему слабительное:—ахъ, не сопротивляйся, стремись какъ подстрѣленная лань въ объятія того, кто...

Но тутъ потокъ холоднаго разсола, вмѣстѣ съ бараньими ребрами и лопатками свалившійся ему на голову, прервалъ его страстную рѣчь. Пораженный и ослѣпленный Бонапарте пытался сквозь соленую воду, струившуюся по его лицу и висѣвшую на рѣсницахъ, разсмотрѣть, что такое случилось, и тутъ только увидѣлъ въ потолкѣ уставившееся на него багровое лицо. Съ громкимъ воплемъ онъ пустился въ бѣгство; но въ ту секунду, какъ онъ выбѣгалъ вонъ, ловко направленная баранья лопатка шлепнулась объ его спину и навѣки погубила щегольской черный сюртукъ.

— Лѣстницу подставь, лѣстницу! Вотъ я его догоню!— кричала разсвирѣпѣвшая голландка, между тѣмъ какъ Бонапарте Бленкинсъ въ дикомъ ужасѣ летѣлъ черезъ поля!

* * *

Въ тотъ же день поздно вечеромъ Вальдо стоялъ на колѣняхъ на полу своей хижины. Онъ обмывалъ ногу своей со-

баки, которая накололась на шипъ. Шрамы на его собственной спинѣ зажили дней въ пять и хотя въ движеніяхъ мальчика замѣчалась еще нѣкоторая неловкость и медлительность, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ велъ себя какъ обыкновенно.

Молодое горе скоро проходитъ, не оставляя внѣшнихъ слѣдовъ. Если надрубить стволъ молодого дерева, зарубка быстро затянется новой корой; но и впослѣдствіи, когда дерево совсѣмъ состарится, стоитъ только содрать кору на этомъ мѣстѣ и увидишь, что шрамъ отъ раны все таки остался. Не все то мертво, что схоронено.

Вальдо примачивалъ теплымъ молокомъ распухшую ногу собаки, и Доссъ лежалъ смирно, съ глазами полными слезъ. Раздался стукъ въ дверь. Въ одну секунду Доссъ насторожилъ уши, приподнялся и тряхнувъ головой сморгнулъ свои слезы.

— Войдите,—сказалъ Вальдо, не отрываясь отъ своего занятія; и дверь начала отворяться медленно, осторожно.

— Добраго вечера Вальдо, дружокъ мой,—сказалъ Бонапарте Бленкинсъ медовымъ голосомъ, не рѣшаясь просунуть въ дверь ничего кромѣ своего носа.—Какъ поживаешь, голубчикъ?

Доссъ зарычалъ и оскалилъ зубы, пытаясь вскочить; но лапка такъ болѣла, что онъ взвизгнулъ и снова легъ.

— Вальдо, дорогой мальчикъ, я такъ усталъ! — сказалъ Бонапарте жалобно.

Доссъ опять оскалилъ свои острые бѣлые зубы. Его хозяинъ не оглядываясь продолжалъ свое дѣло. Бываютъ люди, на которыхъ лучше не глядѣть. Однако, черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ:—войдите.

Бонапарте осторожно переступилъ порогъ и не затворяя за собою двери вошелъ въ пристройку. На столѣ онъ тотчасъ замѣтилъ ужинъ, принесенный для Вальдо.

— Ахъ, Вальдо, какъ я голоденъ; весь день ничего не ѣлъ,—сказалъ онъ.

— Ѣшьте! — сказалъ Вальдо, помолчавъ и еще ниже наклоняясь къ ногѣ своей собаки.

— Ты вѣдь не пойдешь, не скажешь ей, что я здѣсь, дружокъ мой?—говорилъ Бонапарте въ сильной тревогѣ.—Ты слышалъ, какъ она со мной обошлась, Вальдо? Да, она скверно поступила со мною. Ты самъ испытаешь нѣчто подобное, если когда нибудь будешь разговаривать съ молодой дѣвицей и тебя обольютъ разсоломъ, да еще солониной вымажутъ. Ты посмотри на меня, Вальдо, вѣдь я теперь совсѣмъ не похожъ на порядочнаго человѣка.

Но мальчикъ не обертывался, не отвѣчалъ, и Бонапарте начиналъ не на шутку трусить.

— Не ходи, голубчикъ, не говори ей, что я тутъ, а? — продолжалъ умолять Бонапарте писклывымъ голосомъ. — Не-то она Богъ знаетъ, что со мной сдѣлаетъ. А я на тебя такъ надѣюсь, Вальдо, такъ довѣряю тебѣ... Вѣдь я всегда считалъ тебя отличнымъ мальчикомъ, хотя ты, можетъ быть, и не зналъ этого, Вальдо...

— Ѣшьте; ничего не скажу,—сказалъ мальчикъ.

Бонапарте умѣлъ разбирать, когда другіе говорятъ правду. Онъ тщательно притворилъ дверь и заперъ ее на задвижку; потомъ посмотрѣлъ, плотно-ли спущена стора на окнѣ, и сѣвъ къ столу усердно принялся уничтожать хлѣбъ и холодное мясо. Вальдо сидя на полу продолжалъ прикладывать молочныя примочки, а собака благодарно лизала ему руки. Только разъ онъ мелькомъ взглянулъ на столъ и тотчасъ отвернулся.

— Ахъ, я не удивляюсь, что ты не можешь видѣть меня равнодушно, мой дружокъ!—сказалъ Бонапарте,—такое положеніе хоть кого растрогаетъ до глубины сердца. Разсолъ-то, видишь ли, очень жирный, по этому песокъ пристаетъ къ сукну. Даже волосы,—продолжалъ Бонапарте съ нѣжностью потрогивая жидкія кудряшки на своемъ затылкѣ,—даже волосы всѣ свалялись и торчатъ какъ войлокъ; не похоже совсѣмъ на человѣческіе волоса,—прибавилъ онъ жалобно.—Я все опасался, какъ-бы она меня не увидѣла, и потому держался какъ можно ближе къ каменнымъ стѣнкамъ; а на головѣ у меня только и былъ красный платокъ, подвязанный подъ подбородокъ. И знаешь, Вальдо, я цѣлый день прятался подъ берегомъ, въ руслѣ пересохшей рѣчки; и у меня во рту куска не было, Вальдо, какъ есть—цѣлый день. И какъ больно она меня ушибла, Вальдо, вотъ въ это мѣсто...

Онъ доѣлъ послѣдній кусокъ. Тогда Вальдо всталъ и пошелъ къ двери.

— О, Вальдо, мой дорогой мальчикъ, неужели ты пойдешь и нажалуешься ей!—воскликнулъ Бонапарте, въ смятеніи вставая изъ-за стола.

— Пойду ночевать въ сарай,—сказалъ мальчикъ, уходя вонъ.

— Ахъ, да развѣ намъ нельзя вмѣстѣ переночевать, на одной постели? Мѣста довольно. Ну, пожалуйста, мой милый, останься!

Но Вальдо ушелъ.

— Плетка была такая маленькая, Вальдо,—говорилъ Бонапарте, идя за нимъ по пятамъ,—я и не воображалъ, что ты будешь за это такъ сердиться. Совсѣмъ, совсѣмъ маленькая плетка. А персиковъ ты не бралъ, я увѣренъ въ этомъ. Неужели ты всетаки пойдешь и прозовешь ее? неужели, Вальдо?..

Но мальчикъ шелъ не оборачиваясь.

Бонапарте подождалъ, покуда онъ не скрылся за угломъ сарая и тогда украдкой пошелъ вслѣдъ за нимъ. Притаившись за сараемъ, онъ сталъ такъ, чтобы видѣть, если кто пойдетъ изъ большого дома. Онъ былъ увѣренъ, что Вальдо пошелъ на него жаловаться и звать тетку Санни. Зубы у него стучали и мурашки бѣгали по спинѣ, пока онъ всматривался въ темную ночь и воображалъ, какъ змѣя проползетъ и ужалитъ его, и еще какіе нибудь страшные звѣри придутъ и нападутъ, да еще мертвецы вылѣзутъ изъ могилъ, и все это можетъ случиться, если ему придется цѣлую ночь провести въ чистомъ полѣ. Но прошло болѣе часа, а ничьихъ шаговъ не было слышно.

Тогда Бонапарте направился обратно въ пристройку. Онъ заперъ дверь извнутри и поперекъ ея придвинулъ столъ для большей безопасности. Доссъ слегка пищалъ, когда боль въ ногѣ становилась слишкомъ чувствительна. Бонапарте далъ ему пинка, чтобы его успокоить и полѣзъ на кровать. Онъ не тушилъ свѣчи, боясь привидѣнія, но измученный горестными приключеніями этого дня, скоро уснулъ очень крѣпко.

Часа въ четыре утра Вальдо, лежавшій внутри большого фургона, былъ разбуженъ прикосновеніемъ чьей-то руки къ своей головѣ. Привставъ, онъ увидѣлъ у одного изъ оконъ Бонапарте, съ зажженной свѣчею въ рукѣ.

— Я собираюсь въ путь, дорогой мой мальчикъ, покуда еще не встали мои враги; но не хотѣлъ уйти, не простившись съ тобою,—сказалъ Бонапарте.

Вальдо взглянулъ на него.

— Всегда съ любовью буду вспоминать о тебѣ,—сказалъ Бонапарте,—тамъ твоя старая шляпа осталась, такъ если-бы ты далъ мнѣ ее на память...

— Возьмите,—сказалъ Вальдо.

— Я такъ и думалъ, что ты это скажешь, а потому ужь захватилъ ее съ собою,—сказалъ Бонапарте, напяливая шляпу на голову;—да благословитъ тебя Богъ, дружокъ мой. Не найдется-ли у тебя нѣсколькихъ шиллинговъ... лишней какой-нибудь мелочи, мнѣ на дорогу?..

— Тамъ есть два шиллинга, въ черепкѣ на полкѣ. Возьмите.

— Да наградитъ тебя Господь, милое дитя мое!—сказалъ Бонапарте,—да наставитъ Онъ тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ. Дай руку!

Вальдо плотно скрестилъ руки и легъ на дно фургона.

— Прощай, будь здоровъ!—сказалъ Бонапарте,—благословеніе Бога отцовъ моихъ пребудетъ надъ тобою отнынѣ и во вѣки.

Съ этими словами онъ убралъ изъ окошка свою голову, носъ, свѣчу и въ сараѣ опять стало темно и тихо.

Черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ, лежа въ фургонѣ, услышалъ осторожные шаги, пробиравшіеся мимо сарая къ большой дорогѣ. Вальдо прислушивался, какъ шаги все удалялись и, наконецъ, совсѣмъ замерли.

Съ тѣхъ поръ Бонапарте Бленкинсъ не показывался больше на старой фермѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОСЕНЬ ЖЕНЩИНЫ*).

Марсель Прево.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Курьерскій поѣздъ Сѣверной желѣзной дороги уносилъ Мориса; онъ лежалъ полураздѣтый подъ одѣялами на диванѣ купэ. Колыханье вагона убаюкивало его грусть, отъ которой какъ бы онѣмѣли его члены и мозгъ.

Несмотря на все это, мрачное, тяжелое бѣгство ночью было нѣкоторымъ облегченіемъ, освобожденіемъ.

„Я оставилъ позади себя то, что разрывало мнѣ сердце,— думалъ онъ. — Каково бы ни было будущее, оно все таки лучше, чѣмъ то, что я оставилъ".

Три дня и три ночи прошло съ той минуты, когда онъ рѣшилъ свой отъѣздъ. При воспоминаніи объ этомъ времени, о мукахъ медленнаго разставанія, онъ испытывалъ такую боль, точно снова переживалъ ихъ. Квартира въ улицѣ Chambiges стояла передъ его влажными отъ слезъ глазами. Электрическій звонокъ... онъ пошелъ отворить дверь: это была Жюли. Ихъ продолжительныя отношенія до такой степени сроднили ихъ души, что Жюли, сію же минуту, прочла въ глазахъ Мориса страшную угрозу,—она поняла, что разлетается въ прахъ дорогое ей зданіе, вся ея жизнь,—ихъ лю-

---

*) Продолженіе. См. „Вѣстн. Ин. Лит." № 8.

бовь. Энергичнымъ движеніемъ, такъ несвойственнымъ врожденной ей кротости, она отстранилась отъ его поцѣлуя.

— Что случилось?

Онъ попробовалъ отдалить признаніе.

— Да ничего!..

— Говори! говори сейчасъ же, это лучше...

И тогда на диванѣ, обложенномъ подушками,—на томъ самомъ диванѣ, гдѣ они въ хорошіе дни столько разъ ворковали, какъ голубки,—они слили свои слезы,—въ рыданьяхъ сдѣлали признаніе. Жюли первая рѣшилась произнести страшное слово:

— Ты уѣзжаешь?

Она отгадала этотъ отъѣздъ, она чувствовала его въ воздухѣ эти послѣдніе дни. Она прекрасно знала, изучивъ слабыя стороны сердца Мориса, что это будетъ прелюдіей ихъ окончательнаго разрыва; сначала онъ скажетъ, что ѣдетъ ненадолго, а потомъ продлитъ свое путешествіе. Она знала это, но тѣмъ не менѣе ударъ былъ слишкомъ мучителенъ, ей все еще хотѣлось сомнѣваться.

— Ты уѣзжаешь?

— Докторъ предписалъ мнѣ гомбургскія воды...

— Ты уѣзжаешь! Ты уѣзжаешь!

О, эти рыданія, это страшное горе любимаго существа!.. И быть причиной этого страданія!.. Она плакала, эта любимая женщина, у которой онъ отнялъ жизнь, которая жила только имъ однимъ! Она плакала, она страдала все изъ-за него! Одну минуту онъ колебался въ своемъ рѣшеніи.

— Если ты хочешь... Я не уѣду... И потомъ, вѣдь я же уѣзжаю не навсегда.. я не покидаю тебя... Клянусь тебѣ, что я скоро вернусь! Я тебя люблю... я тебя люблю! Только видишь ли... я переживаю одинъ изъ тѣхъ кризисовъ, которые, ты знаешь, помнишь, какъ передъ моей поѣздкой въ Авейронъ... Развѣ мы потомъ не горячѣе любили другъ друга?.. Парижъ выводитъ меня изъ терпѣнія... Мнѣ надо уѣхать. Но я тебя люблю, я тебя люблю!..

Въ эту минуту онъ искренно готовъ былъ на самопожертвованіе. Онъ видѣлъ, что препятствіе загородило ему путь, но онъ обрекалъ себя на эту узкую тропинку, рѣ-

шался не переступать за эту преграду жизни и ничего не ждать отъ будущаго...

— Я тебя люблю! Я тебя люблю!

Она его больше не слушала, она не хотѣла, не могла его больше слушать. Она встала и несмотря на его объятія, несмотря на поцѣлуи, которыми онъ осыпалъ ея блѣдныя щеки и пряди свѣтлыхъ волосъ, она высвободилась въ первый разъ съ возмущеніемъ и отчаяніемъ. Она отворила дверь, она убѣжала... Онъ остался одинъ...

На другой день, послѣ мучительной ночи, о которой Морисъ никогда ничего не узналъ, она снова пришла къ нему въ обычный часъ, если не спокойная, то покорившаяся. Она первая заговорила объ его отъѣздѣ, она занялась укладываніемъ его вещей, какъ прежде, когда онъ уѣзжалъ ненадолго. Какъ и наканунѣ, какъ и всегда вообще, между ними не было произнесено имя Клары.

Вечеромъ, передъ отъѣздомъ, они обѣдали въ отдаленномъ ресторанѣ, въ улицѣ Клиши. Это былъ обѣдъ людей, приговоренныхъ къ смерти; они сѣли въ общей залѣ, потому что боялись ослабѣть, оставшись наединѣ. Они машинально, почти съ отвращеніемъ ѣли подаваемыя имъ кушанья; время шло страшно медленно и вмѣстѣ слишкомъ быстро. Два раза Жюли готова была потерять сознаніе. Когда они вышли изъ ресторана, имъ оставалось провести вмѣстѣ больше сорока минутъ. Они сѣли въ карету и велѣли кучеру не торопясь ѣхать вдоль бульвара Rochechouart; они были увѣрены, что здѣсь ихъ никто не встрѣтитъ.

Грусть, пронизывающая какъ мелкій осенній дождикъ, овладѣла ими при видѣ этого мрачнаго пейзажа. Вокругъ нихъ подымался, словно тучи, густой дымъ пятисотъ парижскихъ фабрикъ и портилъ ясный лѣтній вечеръ.

Карета, проѣхавъ длинную, пустынную улицу, гдѣ фонари были зажжены только съ одной стороны тротуара, миновавъ бульвары, въѣхала, наконецъ, въ темный, оживленный кварталъ сѣверной и южной желѣзныхъ дорогъ. Морисъ за спущенной сторой не могъ видѣть лица своей любовницы; оно мелькало передъ нимъ только тогда, когда рефлекторъ или фонарь бросалъ бѣглый лучъ въ карету; онъ видѣлъ, что

по этимъ похудѣвшимъ щекамъ не переставая текли слезы. Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ; онъ дышалъ ея дыханіемъ, пилъ ея слезы. Но у него не хватало смѣлости произнести слова сожалѣнія, готовыя сорваться съ его языка:

— Не плачь; я остаюсь, я твой.

Его особенно ужасала мысль о томъ страшномъ отчаяніи, которое она испытаетъ, когда онъ ее оставитъ... Конечно, она упадетъ безъ чувствъ на платформѣ, какъ только тронется поѣздъ.

— Жюли... Не надо идти на дебаркадеръ со мною... Тебѣ надо вернуться до моего отъѣзда, дорогая... Это было бы слишкомъ тяжело!

Она была не болѣе, какъ плачущей вещью, безъ воли, безъ силъ; она повиновалась. Оба вышли изъ экипажа. Они только разъ поцѣловались; это былъ поцѣлуй разсѣянныхъ родственниковъ, разстающихся на одинъ день. Жюли пересѣла въ другой фіакръ и тотчасъ же уѣхала по улицѣ Дункернъ... А Морисъ, между тѣмъ, смотрѣлъ на эту карету, уносившую ту, которая была для него дороже всего на свѣтѣ. „Какъ, это кончено? Такъ скоро? Такъ скоро?..“ Уѣзжая она даже не сдѣлала ему прощальнаго привѣтствія. Тогда онъ почувствовалъ, что что-то, такое же рѣшительное какъ смерть, отдѣлило его отъ окружающей жизни. Надо было, чтобъ къ нему подошли кондуктора и напомнили, что необходимо сдѣлать послѣднія приготовленія къ отъѣзду. Въ немъ оставалось только одно сознательное желаніе, поскорѣе лечь, остаться одному въ своемъ купэ и тамъ, безъ свидѣтелей, отдаться своему страданію, плакать и страдать наединѣ съ самимъ собою.

И поѣздъ уносилъ его, качалъ всю ночь по обширнымъ долинамъ Фландріи и Прирейнскихъ провинцій; ни разу сонъ не смыкалъ его глазъ, чтобы облегчить его хотя бы временнымъ забвеніемъ.

Въ Кельнѣ ему пришлось пересѣсть на другой поѣздъ, такъ какъ онъ, положительно, не хотѣлъ остановиться. Наступало утро; погода стояла неопредѣленная, безъ солнца и безъ приближавшагося дождя. Это туманное небо было ему по душѣ; ликующая природа раздражила бы его. Вокругъ

него, въ новомъ вагонѣ, говорили на незнакомомъ ему языкѣ. Уединеніе также было пріятно ему...

Этотъ длинный путь вдоль береговъ Рейна, то веселыхъ, то грустныхъ, согласно тому, улыбается или хмурится имъ солнце, принесъ ему первое успокоеніе. Прислонясь къ окну, онъ смотрѣлъ на зеленыя воды рѣки, на долины, усѣянныя виноградниками, на узкія линіи деревень. Онъ не могъ бы сказать, нравятся ли ему цвѣтъ горизонта и пейзажи, но, во всякомъ случаѣ, эта картина успокоительно дѣйствовала на нервы. Онъ все еще страдалъ, но, измученный пережитымъ, онъ не зналъ, отчего именно страдаетъ... Что-то было рѣзко оторвано отъ него, вотъ и все. Онъ чувствовалъ горе отъ разлуки съ кѣмъ-то, но не съумѣлъ бы сказать, кого ему недостаетъ—Жюли или Клары. Скоро онъ долженъ былъ убѣдиться, что его изуродованной жизни недостаетъ ни Жюли и ни Клары, а женщины, дорогого женскаго присутствія, теплоты ея груди.

Около часу пополудни онъ вышелъ въ Франкфуртѣ. Онъ позавтракалъ въ кафе Казино. Новая страна начинала его развлекать. Ему казалось, что вчерашній Морисъ умеръ; онъ перешелъ въ кого-то другого, въ какого-то бездушнаго манекена, у котораго случайно оказалось что-то общее съ его собственной душой. Съ этимъ чувствомъ онъ ходилъ, смотрѣлъ, ѣлъ, посѣтилъ музеи, любовался монументами. Передъ вечеромъ онъ очутился на станціи желѣзной дороги; онъ увидалъ надъ одной изъ дверей надпись: „Гомбургъ", вскочилъ въ вагонъ, уѣхалъ... Поѣздъ былъ полонъ путешественниковъ; почти всѣ разговаривали по англійски. Морисъ понялъ нѣсколько словъ, и это вторженіе чужой мысли въ его собственныя мысли было ему непріятно. Онъ сдѣлался какой-то, въ высшей степени деликатной, чувствительной вещью.

Въ гостинницѣ, куда его привезли съ желѣзной дороги, онъ наскоро выпилъ чашку бульону и легъ. Его спутанныя мысли убаюкали звуки музыки, долетавшей изъ парка кургауза... Онъ уснулъ. Съ той минуты, когда онъ видѣлъ исчезающую передъ собой Жюли, онъ не выходилъ изъ состоянія какой-то тяжелой грезы, почти такой-же непробудной, какъ сонъ.

Онъ проснулся поздно, съ пустой головою. Онъ сталъ смотрѣть на эти четыре стѣны меблированной комнаты, съ кроватью оригинальной формы, со столомъ, шкафами и предписаніями на трехъ языкахъ, висѣвщими на двери. Все это была Германія, это была разлука, — это была добровольная рана, нанесенная имъ своему сердцу.

— Какъ! Я здѣсь... Въ Гомбургѣ... Я! Я!.. Да вѣдь это сумашествіе! Что я буду здѣсь дѣлать? Зачѣмъ я уѣхалъ? Это ужасно быть одному... Клара... Жюли... Я ихъ бросилъ, безсмысленно бросилъ! И зачѣмъ? Боже мой, зачѣмъ?

Онъ понялъ всю безполезность этого путешествія. Все, чего онъ боялся, все, что было для него хуже смерти, все это случится въ его отсутствіи. Клара, хоть бы и любила его, рѣшится выйти замужъ, разъ онъ уѣхалъ, между тѣмъ, какъ еслибъ онъ остался, то она быть можетъ отказала бы въ послѣднюю минуту... „И потомъ уѣхать на мѣсяцъ, на два мѣсяца, на годъ, это хорошо... А что же послѣ? Развѣ не придется когда-нибудь вернуться, увидѣть тѣхъ, кому я доставлялъ страданія и отъ кого самъ страдалъ?.. Развѣ тогда жизнь будетъ сноснѣе? Все будетъ опредѣлено... Я буду жить неопредѣленнымъ, неизбѣжнымъ... Не лучше-ли было бы остаться тамъ, подчиниться медленному теченію обстоятельствъ и въ тоже время дать имъ передѣлать себя такъ, какъ онѣ передѣлаютъ другихъ?“

Онъ старался разбить эти мысли, какъ непріятельскій редутъ. „Однако,—говорилъ онъ себѣ, — умно или глупо я поступилъ, но я пріѣхалъ сюда для того, чтобъ удалиться отъ присутствія тѣхъ, которые меня мучили. Надо пользоваться, по крайней мѣрѣ, хоть этимъ удаленіемъ и попробовать взять себя въ руки. Надо испытать курсъ забвенія“.

Онъ одѣвался, стараясь заинтересовать свой умъ новизной мѣстности. Онъ вспомнилъ свой пріѣздъ въ Парижъ, послѣ смерти матери.

„Тогда я также былъ грустенъ, я потерялъ все, что любилъ и не хотѣлъ больше жить. А однако же, я снова втянулся въ жизнь“.

Но какой-то голосъ отвѣчалъ ему:

„Тогда ты былъ на шесть лѣтъ моложе, тогда ты вѣ-

рилъ въ будущее, въ любовь, въ искусство... Теперь все это кончено".

Онъ не хотѣлъ слушать этотъ безнадежный голосъ.

„Гомбургъ веселое мѣстечко. Здѣсь есть блестящій кургаузъ, прогулки, театръ... Здѣсь можно лѣчиться. На это всегда можно убить часа четыре въ день".

Эти противорѣчивыя увѣщанія самого себя вызвали грустную улыбку на его губахъ. Онъ уже сознавалъ, что время здѣсь будетъ тянуться медленнѣе и безсодержательнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Въ такомъ случаѣ къ чему же это усиліе, мученія этого отъѣзда? Онъ снова представлялъ себѣ слезы Жюли, текущія по бѣдному, нѣжному лицу, трепетъ этого тѣла, когда-то обожаемаго и увы!—обожаемаго еще и теперь, несмотря на все.

„Ахъ, я несчастнѣйшій человѣкъ! Я умѣю только дѣлать зло вокругъ меня, особенно тѣмъ, кто меня любитъ!"

Онъ спустился въ столовую. Яркіе солнечные лучи играли на стѣнахъ, выкрашенныхъ въ свѣтлый цвѣтъ, на монументальной печкѣ изъ зеленыхъ изразцовъ, на бѣлоснѣжныхъ скатертяхъ и блестящемъ хрусталѣ. Нѣсколько одинокихъ путешественниковъ, нѣсколько англійскихъ или американскихъ семействъ завтракали съ спокойнымъ, довольнымъ видомъ. Морисъ, какъ и наканунѣ, чувствовалъ себя совсѣмъ чужимъ этимъ людямъ, пловцомъ, выброшеннымъ волною на берегъ невѣдомаго острова.

„Я одинъ! Совсѣмъ одинъ!"

Внутреннее рыданіе всколыхнуло его грудь. Теперь онъ навсегда останется одинъ въ жизни, какъ прежде до встрѣчи съ Жюли. Воспоминаніе о мучительныхъ мѣсяцахъ, предшествовавшихъ его встрѣчѣ съ этой женщиной, вновь возстало передъ нимъ, несмотря на то, что это было давно, это воспоминаніе было также тяжело, какъ теперешняя грусть. Онъ не хотѣлъ поддаваться ему.

„Эта тоска,—думалъ онъ,—овладѣла мною оттого, что я за границей, въ гостинницѣ, оттого, что я здѣсь проѣзжій... Еще два обѣда за табльд'отомъ и я познакомлюсь съ другими путешественниками, если захочу... познакомлюсь съ женщинами".

Но ему тотчасъ-же что-то кольнуло въ сердце.

„О, нѣтъ, никогда больше... Больше не будетъ ни одной женщины въ моей жизни!..“

Всѣ уже разошлись, когда онъ пришелъ въ себя. Онъ, не отдавая себѣ въ томъ отчета, выпилъ чашку чернаго кофе, позабывъ влить въ нее молока. Онъ покраснѣлъ подъ взглядомъ гарсона, какъ будто этотъ человѣкъ былъ ироническимъ зрителемъ его душевной борьбы. Онъ быстро всталъ, спросилъ адресъ мѣстнаго доктора, знающаго французскій языкъ. Ему дали адресъ. Не разспрашивая дороги, онъ вышелъ, пошелъ на авось, почти сейчасъ же очутился въ тѣнистой аллеѣ вязовъ и направился по ней.

Направо тянулся безконечный паркъ, поддерживаемый какъ садъ, съ группами деревьевъ, фонтанами, густымъ политымъ газономъ; сквозь чащу листвы виднѣлись башенки виллъ, солнечные лучи, отражаясь въ брызгахъ фонтановъ, напоминали собою бриллiантовый дождь. Поливальщики оканчивали свою работу и смоченная земля испускала на солнцѣ легкій паръ..

Налѣво отъ аллей тянулись красивые дома, отдѣленные другъ отъ друга маленькими площадками; они были построены въ стилѣ рококо, съ дугообразными окнами, верандами, балконами, террасами, гдѣ утренній вѣтерокъ колыхалъ полосатыя драпировки. Морисъ видѣлъ выходившихъ худенькихъ дѣвочекъ, босоногихъ розовыхъ, мускулистыхъ дѣтей, сильныхъ молодыхъ людей въ бѣлыхъ фланелевыхъ курткахъ и надвинутыхъ на глаза фуражкахъ. Ихъ веселое оживленіе было непріятно Морису.

„Сейчасъ видно,—думалъ онъ,—что эти люди счастливы или, по крайней мѣрѣ, равнодушны. Они идутъ по дорогѣ жизни, какъ я иду по этой аллеѣ; они увѣрены почти въ каждомъ своемъ шагѣ. Они будутъ завтракать, играть въ теннисъ, болтать съ этими хорошенькими женщинами. Молодые люди женятся на этихъ свѣженькихъ молодыхъ дѣвушкахъ, сдѣлаются, въ свою очередь, отцами здоровыхъ дѣтей, вотъ какъ эти; ихъ существованіе будетъ длиться изо дня въ день, безъ выдающихся фактовъ, не считая неизбѣжныхъ болѣзней, матеріальныхъ неудачъ, трауровъ... Неужели я,

такой страдающій человѣкъ, представляю исключеніе? Въ моей настоящей жизни нѣтъ даже ни траура, ни денежныхъ потерь, ни болѣзни. Ахъ, конечно, ихъ сердце не похоже на мое! Все мое страшное несчастіе заключается въ моемъ сердцѣ и старанія всего міра не могли бы сдѣлать меня похожимъ на нихъ!..“

Разсуждая такимъ образомъ онъ дошелъ до конца аллеи и города. Передъ нимъ, въ трехъ направленіяхъ, открывались дороги въ долину; надписи объясняли дорогу въ наиболѣе интересныя окрестности. На границахъ долины горизонтъ закрывался горами, поросшими сосновымъ и буковымъ лѣсомъ; вдали виднѣлось нѣсколько башенъ. Онъ вспомнилъ о путеводителѣ, который перелистывалъ на желѣзной дорогѣ: самая высокая вершина была Большой Фельдбергъ, а зданіе, виднѣвшееся на склонѣ горы, было гостинницей для путешественниковъ.

Что ему предпринять? Идти? Пуститься въ безполезное путешествіе, въ которомъ онъ сейчасъ же раскаится? У него не было на это храбрости.

„Я не знаю, куда идти и рѣшительно никому нѣтъ никакого дѣла до того, пойду ли я туда или сюда“.

А, однако, ему казалось, что онъ вышелъ изъ гостинницы съ какимъ-то намѣреніемъ. Ахъ, да! Докторъ! Поговорить съ какимъ нибудь живымъ существомъ было бы полезнымъ развлеченіемъ. Было только одиннадцать часовъ. Это, быть можетъ, заняло бы его до половины перваго, часа завтрака. Онъ вынулъ изъ кармана данный ему адресъ и сѣвъ въ карету, стоявшую у парка, отдалъ его кучеру. Эта поѣздка стоила ему три марки, хотя домъ доктора былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Это былъ хорошій домикъ, выходившій на площадку вблизи станціи. Двѣ молодыя дѣвушки, въ бѣлыхъ пикейныхъ платьяхъ, сидя подъ деревомъ играли съ собакой. Одна изъ нихъ привстала, увидя, что Морисъ направляется къ крыльцу и произнесла съ вопрошающей улыбкой:

— Сэръ?..

Онъ спросилъ:

— Докторъ Хефлихъ?

Она выказала удивленіе и недоумѣніе, что онъ не объясняется по англійски. Послѣ нѣкотораго колебанія она произнесла съ оригинальнымъ акцентомъ:

— Это для... консультаціи?

— Да, — отвѣтилъ онъ. — Но, по крайней мѣрѣ, докторъ-то говоритъ по французски?

— О, очень хорошо, очень хорошо!

Пройдя впередъ, она провела его въ небольшую гостинную съ необыкновенной меблировкой; каминъ былъ уставленъ различными раковинами, бамбуковая мебель, искусственные цвѣты, повсюду изящные букеты сухой травы. На самомъ видномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ принца Уэльскаго съ надписью: „To my dear D-r Haeflich.“ (Дорогому доктору Хефлиху).

— Присядьте, пожалуйста, m-sieur, — сказала молодая дѣвушка. — Папа (она произносила паапа) сейчасъ придетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ докторъ. Онъ имѣлъ видъ стараго капельмейстера; это былъ человѣкъ худой, съ выдвинутой впередъ головою, апостольскимъ лицомъ и длинными сѣдѣющими волосами. Онъ протянулъ руку паціенту.

— Здравствуйте, m-sieur, — произнесъ онъ съ любезной улыбкой. — Вы французъ?

— Да, докторъ.

— Я очень люблю французовъ. Они веселые, занимательные люди. Къ несчастію, эти политическія дѣла!.. Я помню время, m-sieur, когда на улицахъ Гомбурга вы услышали бы только французскій языкъ. Это было хорошее время для нашего города... Веселое время! А нынче во время сезона вы едва встрѣтите десять вашихъ соотечественниковъ. Политика, конечно! Все это очень грустно. Но во всякомъ случаѣ вы увидите, что Гомбургъ прелестенъ... А вы пріѣхали пить воды?

Морисъ колебался.

— О, я не боленъ, только... у меня немножко разстроены нервы. Случается безсонница... И вотъ мнѣ сказали, что для меня былъ бы полезенъ режимъ курорта.

— Ахъ! — воскликнулъ докторъ Хефлихъ, дружелюбно хлопнувъ по колѣнкѣ своего кліента. — Ахъ, это парижская

жизнь разстраиваетъ нервы. Я прожилъ четыре года въ Парижѣ... Съ 1860 до 1864... Вы знаете г-на Лекюе? Нѣтъ?.. Доктора Рудиля? Также нѣтъ? Это были мои друзья, превеселые люди! А женщины! M-me Шнейдеръ! M-lle Кора Пирль! Вотъ то были веселыя женщины! Что онѣ все еще въ Парижѣ?

Онъ спрашивалъ это съ такимъ живымъ любопытствомъ, какъ будто обѣщалъ себѣ непремѣнно навѣстить этихъ людей во время одной изъ своихъ скорыхъ поѣздокъ во Францію.

— Нѣтъ,—сухо отвѣтилъ Морисъ.—Онѣ умерли.

— Умерли! Серьезно! Эти молодыя, красивыя, веселыя женщины! Ахъ, это ясно доказываетъ, что не надо злоупотреблять жизнью и рисковать своимъ здоровьемъ... Я вижу причину вашей болѣзни, m-sieur. Вы злоупотребляли удовольствіями Парижа, то есть тѣми, которыя свойственны вашему возрасту, я хочу сказать: Mabille, la Grande-Chaumière, Frères-Provencaux...

Морисъ не могъ удержаться отъ улыбки. Это онъ-то, который всегда ложился спать до полуночи, не посѣщалъ даже театровъ, ѣлъ и пилъ, какъ женщина!

— Я предпишу вамъ воды источника „Елизаветы",—продолжалъ докторъ.—Онѣ дѣлаютъ чудеса. Вы довольно рано должны будете приходить туда, часамъ къ восьми утра. Вы услышите тамъ хорошую музыку... Тамъ играетъ театральная капелла. А потомъ надо ходить. Вы почувствуете легкія колики... Отправитесь куда слѣдуетъ... Сначала не надо пить помногу, нельзя ѣсть салата и сырыхъ овощей. Вотъ вамъ, между прочимъ, печатное предписаніе.

„Какой идіотъ,—думалъ Морисъ, уходя отъ доктора.—Если этотъ индивидуумъ имѣетъ дипломъ германскаго медицинскаго факультета, то университетъ не слишкомъ требователенъ. А, впрочемъ, и у насъ во Франціи найдутся подобные медики".

Отнынѣ онъ рѣшилъ не слѣдовать предписанію, хотя бы для того, чтобъ не встрѣчаться съ докторомъ Хефлихомъ. Развѣ нельзя убивать часы въ чтеніи, въ размышленіи, въ прогулкахъ?

„Да это часы моей жизни, цѣлой жизни! Напрасно успо-

коивать себя иллюзіями. Сегодняшній день опредѣляетъ мнѣ всю ожидающую меня жизнь. Она будетъ не изъ веселыхъ!..

Онъ вернулся въ гостинницу, сѣлъ за отдаленный столъ и сталъ завтракать, просматривая газеты. Мало по малу зала наполнялась. Молодые люди и молодыя дѣвушки, почти исключительно англичане или американцы, входили съ разрумянившимися отъ утренней прогулки щеками, продолжая начатый разговоръ. Они садились и съ аппетитомъ принимались за ѣду. Видъ этой веселой, энергичной, беззаботной молодежи снова привелъ въ грустное настроеніе молодого человѣка. Когда онъ увидалъ, послѣ завтрака, передъ гостинницей мѣсто, очищенное для крокета, и когда стали собираться играющіе въ свѣтлыхъ костюмахъ и со свѣтлыми зонтиками, онъ убѣжалъ въ свою комнату, заперся тамъ и сталъ мечтать.

Что дѣлаютъ въ эту минуту два любимыя имъ существа? Страдаютъ ли онѣ немножко за него отъ его отсутствія или жизнь ихъ уже приняла свое прежнее теченіе? Ахъ, одна изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, мучилась также какъ онъ. „Если она думаетъ, что я хочу ее оставить, то она умретъ. Дорогая Жюли! Какъ я могъ рисковать убить ее такимъ образомъ? Это сумасшествіе, это жестокость! А еслибъ я вернулся?

Вернуться! Едва зародилась въ немъ эта мысль, какъ онъ отогналъ ее. Если онъ вернется въ Парижъ, онъ будетъ въ силахъ только броситься къ ногамъ Клары и сказать ей: „Не выходи замужъ! Останься моей... Не покидай меня“. Такъ значитъ онъ ее любитъ? Значитъ, онъ любитъ ее больше, чѣмъ другую? Нѣтъ, потому что онъ пожертвовалъ Кларой для Жюли. Не нѣтъ, а да, потому что его главнымъ мученіемъ теперь была мысль, что молодая дѣвушка, освобожденная его отъѣздомъ, согласится на бракъ...

Часы проходили, наступилъ вечеръ. Морисъ обѣдалъ, гулялъ въ кургаузѣ, слушалъ музыку въ паркѣ, какъ загипнотизированный. Минутами ему казалось, что онъ грезитъ, какъ во снѣ, когда намъ кажется, что мы падаемъ въ пропасть. Онъ снова спускался въ дѣйствительности съ высоты своего туманнаго воображенія и дѣйствительность казалась ему не-

вѣроятной... Вдругъ онъ въ этомъ незнакомомъ паркѣ, среди этихъ американцевъ и длинныхъ американокъ. Что онъ здѣсь дѣлаетъ? Какой рокъ привелъ его въ эту чужую страну? Вокругъ него, разбитаго горемъ, суетилась равнодушная толпа, раздавались вальсы, доносились нѣжныя фразы, смѣялись, наслаждались жизнью.

„Неужели у этихъ людей нѣтъ сердца? Что же, они не страдаютъ, не любятъ? Неужели не найдется ни одного, который бы оставилъ милую любовницу? Нѣтъ! Это пошлыя души. Онѣ не знаютъ, что значитъ любить... Грустное знаніе!“

Вдругъ онъ замѣтилъ, что остался почти одинъ въ саду. Начали тушить иллюминацію. Ночь спускалась и ложилась темными тѣнями на группахъ деревьевъ. Одиночество испугало этого человѣка, которому еще минуту тому назадъ казалось, что его горе усиливается отъ оживленія этой равнодушной толпы. Онъ вернулся въ гостинницу и легъ спать, написавъ предварительно Жюли нѣсколько холодныхъ словъ, не выдававшихъ его волненія.

„Я только двадцать четыре часа провелъ въ Гомбургѣ, а мнѣ кажется, что я прожилъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ, какъ жить такимъ образомъ?“

Какъ онъ жилъ, онъ не съумѣлъ бы объяснить даже тогда, когда, дойдя до вершины своей Голгоѳы, онъ упалъ на землю, моля о милосердіи. Какъ могъ онъ, въ теченіе двухъ недѣль выносить мучительную агонію своего сердца? Тѣ, кто не испыталъ муки быть чужимъ въ толпѣ, съ нравственнымъ горемъ, которое скрываешь, тѣ не знаютъ, что такое значитъ страдать.

Онъ пробовалъ продолжительныя прогулки, которыя, утомляя мускулы, временно убиваютъ мысль въ истощеніи физической силы... Онъ шелъ все прямо, выходя на случайную дорогу и ему становилось немножко легче, когда онъ видѣлъ передъ собой только голую долину, лѣсъ или горы.

Тогда, какъ грѣшникъ, чувствующій себя покинутымъ Богомъ, не въ силахъ болѣе сопротивляться, умышленно поддается искушенію, такъ и онъ вызывалъ въ своей памяти образъ Клары, грезилъ, что она не покидаетъ его... Кроткая

тѣнь Жюли блѣднѣла, исчезала и только образъ молодой дѣвушки, какъ уколъ сприцомъ морфиномана, оживлялъ его.

„Мы женаты... Мы здѣсь, вдвоемъ, совсѣмъ, совсѣмъ одни!"

Онъ шелъ по бѣлой дорогѣ; онъ старался представить себѣ, что Клара здѣсь, около него, своей эластичной походкой она оставляетъ маленькіе слѣды на пыли, какъ когда то тамъ, на скалистыхъ берегахъ Средиземнаго моря. Онъ думалъ о счастьи прижать свои губы къ этимъ дорогимъ полуоткрытымъ губамъ, прислонить свою грудь къ этой молодой груди. Въ овладѣвавшей имъ лихорадкѣ его совѣсть допускала мысль объ измѣнѣ Жюли. „Жюли будетъ страдать... Ну, чтожь! это въ порядкѣ вещей. Развѣ я ее обманулъ? Развѣ я связалъ ее обѣщаніемъ быть вѣчно ей вѣрнымъ? Слѣдовательно я свободенъ".

Онъ увлекался этимъ безстыжимъ проектомъ. „Да... Клара будетъ моя. Ничто не можетъ этому помѣшать. Мнѣ остается хоть завтра же вернуться въ Парижъ и, если я захочу, она будетъ моей женой".

Въ теченіе четырехъ или пяти дней онъ жилъ этой мечтой; онъ соединялся съ молодой дѣвушкой и, дѣйствительно, забывалъ любовницу. Онъ любовался пейзажами съ тайной надеждой, что будетъ любоваться ими вмѣстѣ съ нею. Мало по малу въ него вселилась такая увѣренность, что онъ уже съ вѣрой начиналъ смотрѣть на будущее. За столомъ, въ кургаузѣ, во время прогулокъ, эта мысль, какъ вѣрный другъ, не покидала его.

Разъ, когда онъ отправился въ горы, одно селеніе своимъ живописнымъ видомъ привлекло его вниманіе. Это было у подножія Тонюса, вблизи Альткенига и Большого Фельдберга. Деревушка раскинулась на холмѣ у подножія горъ. Надъ ней возвышалась башня XIII столѣтія съ массою оконъ и круглой аспидной крышей. Дорога подымалась, вилась террасой вокругъ холма; по краямъ ея стояли виллы. Съ этой дороги, съ балконовъ виллъ открывался прелестный пейзажъ: маленькая долина въ формѣ зеленой раковины, нѣсколько прудовъ, лѣсъ загораживалъ горизонтъ по направленію къ

Гомбургу, а въ одномъ мѣстѣ открывался видъ на огромную, плоскую, желтую Франкфуртскую равнину.

„Еслибъ я пріѣхалъ въ Германію съ ней,—подумалъ Морисъ,—я остановился бы здѣсь... Я бы нанялъ одну изъ этихъ виллъ“.

Сколько разъ съ тѣхъ поръ, какъ Морисъ былъ одинъ въ этой незнакомой странѣ, онъ воображалъ, переживалъ эту свободную поѣздку съ Кларой, это ревнивое уединеніе вдвоемъ, всегда ненасытное въ первые дни!

„А между тѣмъ это возможно! Мнѣ остается только захотѣть. И я хочу... но я этого не сдѣлаю!“

У дверей виллы, около которой онъ остановился, прибита была записка: „Haus zu vermiethen“. Ему захотѣлось хоть слегка осуществить свою мечту. Онъ вошелъ въ садъ, позвонилъ. Старуха отворила ему.

— Вы говорите по французски?—спросилъ Морисъ.

Она отвѣтила:

— Nein!

Указавъ ей на записку, онъ старался объяснить ей, что желаетъ осмотрѣть домъ, чтобы его нанять. Женщина поняла его. Она заторопилась показать ему виллу.

Она состояла изъ двухъ этажей, каждый по три комнаты, меблированныя просто и чисто, какъ почти всѣ квартиры прирейнской Германіи. Передъ средней комнатой перваго этажа шла крытая терраса съ видомъ на цвѣтущую долину. Морисъ равнодушно осматривалъ комнаты и обстановку, въ то время какъ хозяйка мягкимъ голосомъ псаломщицы по нѣмецки излагала передъ нимъ преимущества помѣщенія. Но на террасѣ онъ остановился, какъ очарованный. Почти у самыхъ ногъ его разстилалась долина. Онъ любовался горизонтальными верхушками группы подстриженныхъ платановъ. Зеленый коверъ углублялся къ срединѣ, черезъ него вились тропинки, соединявшіяся съ сосѣдними дорогами. Прямо подымались небольшіе зеленые холмы; направо домики старинной деревеньки; налѣво могучая, косматая громада Альткенига.

Морисъ долго любовался этимъ пейзажемъ. Почему, въ виду этихъ улыбающихся горизонтовъ, въ немъ сильнѣе ста-

новилось предчувствіе, что когда нибудь Клара будетъ здѣсь съ нимъ и они вмѣстѣ увидятъ все это? Онъ спросилъ у старушки цѣну помѣщенія, она написала ему ее на клочкѣ бумаги; онъ попросилъ сказать ему имя владѣлицы и деревушки. „Г-жа Гансъ, вилла Тевтонія, Кронбергъ". Когда онъ шелъ пѣшкомъ по дорогѣ въ Гомбургъ, онъ испытывалъ какое-то удовольствіе, смѣшанное съ безпокойствомъ. Будущее сокрыто отъ глазъ человѣка; но какъ отрицать, что извѣстныя предчувствія зарождаются въ насъ съ увѣренностью настоящаго, реальнаго?

Отъ Кронберга до Гомбурга, черезъ Оберурсель, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, всего часъ съ четвертью пути. Вечерняя мгла уже окутала паркъ, когда Морисъ пришелъ въ городъ. По обыкновенію, онъ зашелъ въ кабинетъ для чтенія и купилъ „Temps", чтобы почитать передъ обѣдомъ.

Это былъ наименѣе невыносимый для него часъ дня. Принцъ Уэльскій въ то время лѣчился въ Гомбургѣ, обѣдалъ въ Казино; ему нравилось путешествовать, играть въ баккара и отдыхать отъ дѣлъ правленія. Въ честь его иллюминовали террасу, наполнявшуюся въ обѣденное время нарядными англичанами и англичанками. Бутылки шампанскаго опустошались наравнѣ съ желтыми бутылками рейнскаго вина и зелеными мозельвейна. Для больного сердца Мориса было даже своего рода развлеченіемъ наблюдать за суматохой этой суеты мірской.

Но въ этотъ вечеръ, благодаря воспоминаніямъ во время прогулки, предчувствію какого-то страннаго кризиса, который перевернетъ его жизнь, онъ испытывалъ какую-то особенную пылкость. Онъ усилилъ ее еще болѣе, спросивъ себѣ кружку хорошаго рейнскаго вина; она совсѣмъ опьянила его.

„А между тѣмъ,—думалъ онъ,—какъ хороша жизнь для тѣхъ, кто не имѣетъ, подобно мнѣ, тайной сердечной раны! Сколько вещей намъ дано для того, чтобъ ее развлечь, пополнить!.. Книги, пейзажи... женщины, — это дано всѣмъ людямъ, или, по крайней мѣрѣ, очень многимъ; но я не похожъ на другихъ людей: у меня больная душа".

Онъ оканчивалъ свой обѣдъ. Освободивъ столъ, чтобы подать кофе, гарсонъ положилъ ему на глаза номеръ „Temps",

который онъ даже и не развертывалъ. Онъ взялъ его разсѣянно, пробѣжалъ мрачныя политическія разсужденія, поучительные столбцы, взглянулъ на фельетонъ. Онъ хотѣлъ уже отложить газету, когда внизу четвертой страницы, между послѣдними новостями, онъ прочелъ:

„Ille-et-Vilaine.—Кантонъ Тинтеньякъ.

„Выборы въ земское собраніе.

Де-Ріё, монархистъ.... 721 голосъ. Выбранъ.

„Люро, республиканецъ... 485 голосовъ".

Прежде даже чѣмъ сообразить, какое значеніе могли имѣть для него выборы въ земскомъ собраніи Ille-et-Vilaine, онъ почувствовалъ, что шаткая надежда, поддерживавшая его жизнь, разлетѣлась, какъ дымъ. Все исчезло, освѣщеніе, цвѣтъ, форма предметовъ, все куда-то рухнуло.

Когда онъ понемногу сталъ приходить въ себя, онъ почувствовалъ, что не въ состояніи ни минуты больше усидѣть на этомъ мѣстѣ. Онъ бросилъ на скатерть золотую монету и торопливо ушелъ въ гостинницу. Сознаніе дѣйствительности медленно возвращалось къ нему. Онъ начиналъ отдавать себѣ отчетъ, почему рефлективнымъ движеніемъ своихъ нервовъ онъ тотчасъ же предугадалъ катастрофу. Въ его памяти звучали слова Ріё, повторенныя милымъ голосомъ Клары: „Я ѣду приготовиться къ выборамъ въ земское собраніе. Какъ только меня выберутъ, я вернусь въ Парижъ и попрошу у васъ окончательнаго отвѣта".

„И что же! это исполнилось. Онъ выбранъ. Онъ скоро выѣдетъ въ Парижъ. Что я говорю? Онъ уже тамъ! Онъ около Клары! Ахъ!..".

Онъ такъ жестоко страдалъ отъ этого представленія Ріё около молодой дѣвушки, что вскрикнулъ настоящимъ крикомъ раненаго, нарушившимъ тишину гостинницы и испугавшимъ его самого. Ему казалось, что въ эту минуту Ріё крадетъ у него его будущее. Какое безуміе! Это онъ самъ отказался отъ этого драгоцѣннаго будущаго, это онъ самъ связывалъ себя съ прошлымъ...

„Ну прекрасно; да я хочу жить, хочу жениться, хочу любить молодую дѣвушку, какъ любятъ другіе мужчины... Въ общемъ это зависитъ отъ меня одного. Ихъ свадьба еще

не состоялась. Если Клара меня любитъ, она откажетъ Ріё. А она меня любитъ".

Онъ всталъ, хотѣлъ бѣжать на телеграфную станцію. Но, нѣтъ! Онъ уже остановился, придумалъ какія-то матеріальныя препятствія. Онъ представлялъ себѣ изумленіе Эсвье и Ріё, когда въ Парижъ придетъ его телеграмма.

Лицо Жюли въ слезахъ стояло передъ его глазами.

Вся ночь прошла въ порывахъ отъ рѣшенія къ колебанію. Онъ написалъ два письма Кларѣ, униженно умоляя ее не давать слова, подождать... Но едва онъ написалъ ихъ, какъ уже разорвалъ. Подождать! Чего подождать? Только одна смерть можетъ разорвать такія узы, какими онъ связанъ съ Жюли. Все, что онъ могъ сдѣлать, это испортить жизнь Клары, какъ онъ испортилъ свою собственную. Создать несчастное сердце на подобіе своего? Къ чему это послужитъ?

„Мой долгъ ясенъ. Я связанъ съ Жюли, которая отдала мнѣ лучшую часть самое себя и если я ее оставлю, то у нея не останется даже утѣшенія быть любимой, какъ Клара, человѣкомъ, котораго она не любитъ... Бѣдная Жюли! Ахъ, хоть бы она, по крайней мѣрѣ, была около меня!"

Свѣтало; въ гостинницѣ послышалась первая утренняя возня... Мучительная ночь усилила утомленіе Мориса, ему страшно хотѣлось спать. Вдругъ ему пришла въ голову мысль; онъ съ безнадежностью ухватился за нее. Прежде всего необходимо не быть одному; ему нужна сидѣлка въ его любовной лихорадкѣ...

„Я пошлю Жюли депешу, буду умолять ее пріѣхать ко мнѣ. Сюржера нѣтъ дома; и потомъ, кому какое дѣло? Жюли свободна... Она пріѣдетъ".

Онъ тотчасъ же написалъ:

„Пріѣзжайте. Я страшно одинокъ и грустенъ. Вы мнѣ необходимы. Пріѣзжайте".

Какъ только въ корридорѣ послышались шаги, онъ отворилъ дверь и отдалъ телеграмму проходившему слугѣ.

Затворивъ дверь, онъ почувствовалъ сразу облегченіе и утомленіе. Онъ не сомнѣвался, что Жюли пріѣдетъ, хотя бы масса препятствій мѣшала ея отъѣзду. „Она пріѣдетъ... Она будетъ здѣсь, около меня". Онъ уже видѣлъ, какъ изъ отда-

ей ой отчизны, это материнское объятіе, эту дорогую грудь, на которой онъ не разъ отдыхалъ усталый и тревожный. Прелесть этой мечты разнѣжила его, лишила послѣднихъ силъ. Онъ бросился на кровать и тотчасъ же уснулъ тѣмъ крѣпкимъ, какъ смерть, сномъ, который не пробудятъ ни мысли, ни шумъ окружающей обстановки.

...Онъ проснулся только вечеромъ, смущенный этимъ позднимъ пробужденіемъ. Вечернее оживленіе царило въ корридорахъ и на лѣстницахъ гостинницы. Долетали звуки музыки изъ кургауза. Часы показывали половину десятаго. Онъ торопливо одѣлся, поправилъ свои волосы. Отвѣтъ Жюли долженъ уже былъ придти. Онъ поспѣшно вышелъ и увидалъ телеграмму за рѣшетчатымъ ящикомъ для писемъ. Прежде чѣмъ открыть ее, онъ уже зналъ, что въ ней говорилось: „Я выѣхала". И дѣйствительно, Жюли увѣдомляла, что выѣзжаетъ изъ Парижа въ этотъ же день и прибудетъ во Франкфуртъ завтра въ часъ пополудни.

Онъ сразу успокоился. Онъ началъ съ того, что пообѣдалъ съ большимъ аппетитомъ, отдавая въ тоже время приказаніе слугѣ приготовить его багажъ. Онъ рѣшилъ не дожидаться завтрашняго вечера. Послѣдній поѣздъ отходитъ въ Франкфуртъ въ двѣнадцать часовъ ночи. Въ Франкфуртѣ онъ пересядетъ на другой, идущій въ Кобленцъ и въ девять часовъ утра встрѣтится съ Жюли, которая къ этому времени съ курьерскимъ поѣздомъ пріѣдетъ на маленькую станцію Эмса, называемую Нидерланштейнъ. Этотъ проектъ плѣнялъ его; несмотря на утомительность пути, ему останется только нѣсколько часовъ пробыть въ одиночествѣ. Онъ чувствовалъ, что не въ состояніи еще провести ночь въ гостинницѣ. Нѣтъ, дѣйствительно, ни одной ночи, ни одного часа больше въ этомъ домѣ, въ этомъ проклятомъ городѣ, гдѣ онъ такъ страдалъ!

„Конечно, я сюда не вернусь, даже съ Жюли...".

Но куда отправиться? Гдѣ жить съ нею? На многочисленныхъ сосѣднихъ станціяхъ въ Эмсѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденѣ идетъ все та же ресторанная жизнь и тамъ тѣ же англичане, тѣ же гостинницы. Гдѣ помѣститься?

Вдругъ онъ вспомнилъ деревенскій пейзажъ, подымаю-

щуюся въ гору дорогу, террасу виллы. Пошаривъ въ своихъ карманахъ, онъ нашелъ адресъ: Г-жа Гансъ, вилла Тевтонія, Кронбергъ. Хозяинъ гостинницы возьметъ на себя трудъ послать депешу, чтобы нанять помѣщеніе. Морисъ даже не колебался помѣстить свою любовницу туда, куда мечталъ привезти молодую жену. Ему казалось даже наоборотъ, что этотъ поступокъ заврачуетъ его душевную рану. То, что было постоянно, вѣчно потребно его женственной натурѣ, развѣ то не было женщиной, жаромъ ея объятій, теплотой ея груди?

V.

О, это блѣдное августовское утро Германіи, невидимый Рейнъ, но угадываемый по туману, окутывающему его ложе, и эта линія устланнаго рельсами пути, на которомъ сейчасъ за поворотомъ покажется поѣздъ, привезшій Жюли!

Быть можетъ, иныя трагическія драмы разыгрывались въ сердцахъ людей, стоявшихъ вдоль станціонной платформы въ вопросительныхъ, ожидающихъ, нетерпѣливыхъ позахъ. „Но, — говорилъ себѣ Морисъ,—они навѣрное не переживаютъ такую трагическую драму, въ которой я играю мою роль". И дѣйствительно, не мало было трагизма въ встрѣчѣ этихъ этихъ двухъ душъ, которыя стремились одна къ другой съ увѣренностью въ близкой разлукѣ... Даже мѣсто встрѣчи этихъ любовниковъ на маленькомъ полустанкѣ, непониманіе языка, на которомъ говорили вокругъ нихъ, все доказывало что-то необъяснимое въ этой встрѣчѣ безъ любви, хотя любовь была узломъ всего, оправданіемъ для нихъ.

Но когда изъ-за поворота пути поѣздъ вытянулся черной лентой, когда онъ, минуту спустя, остановился передъ платформой, когда Морисъ увидѣлъ знакомую руку и высунувшееся тревожное лицо, когда онъ очутился около нея,— сразу, какимъ-то невольнымъ, необузданнымъ порывомъ все забылось, уничтожилось въ радости свиданія, онъ обнялъ ее и прижался къ ея груди... Поѣздъ уже катился вдоль береговъ Рейна, а они еще не находили словъ, едва обмѣнялись взглядами; они находились въ полной власти этого страстнаго

объятія, въ которомъ вылилась вся ихъ нѣжность, вся грусть, вся человѣчность.

Они были одни въ купе. Ихъ лица, какъ зеркало, показывали другъ другу все, что они вынесли въ эти дни агоніи. Прошло всего нѣсколько дней, но признаки этихъ мукъ были такъ очевидны, что ни тотъ ни другая не рѣшались заговорить объ этомъ.

Морисъ нашелъ въ себѣ силы только пролепетать:

— Прости! Прости!

Да, прости! Онъ хотѣлъ получить прощеніе въ томъ, что измучилъ, почти убилъ ее. Видя ее въ такомъ состояніи, онъ еще сильнѣе обожалъ ее: ему представлялась грустная участь женской любви, глубокой страсти, вполнѣ зависѣвшей отъ капризовъ любовника.

— Прости! Прости!

Поѣздъ катился вдоль легендарныхъ береговъ, мимо зубчатыхъ романическихъ скалъ, мимо старинныхъ замковъ, мимо пещеры, гдѣ поэтамъ слышались голоса сиренъ... Еще разъ влюбленная парочка соединилась, крѣпко, какъ прежде, сжимая другъ друга въ объятіяхъ. Конечно, въ первыя минуты это не была капризная, недолговѣчная любовь, воспѣваемая поэтами; они не искали глазами любимыхъ глазъ, губами — любимыхъ губъ. Ихъ неудержимо влекла другъ къ другу лишь потребность найти исходъ своей тоски. Ихъ встрѣча не устраняла ни огорченія, ни безпокойства, но она дала имъ такую глубокую нѣжность, что они чувствовали себя болѣе сильными, болѣе готовыми къ борьбѣ. Они, не переставая, обнимались.

Морисъ, протянувъ руку Жюли, сказалъ ей серьезно:

— Какъ мнѣ благодарить васъ за то, что вы пріѣхали? Вы меня спасаете. Если-бъ вы не пріѣхали, я сошелъ бы съ ума.

Она закрыла ему ротъ рукою.

— Это я должна благодарить тебя за то, что ты меня позвалъ. Я такъ страдала въ одиночествѣ, отъ сознанія, что ты страдаешь и что я не вижу, какъ ты страдаешь!

Онъ не разспрашивалъ ее о томъ, какъ она провела это время разлуки, но она поняла этотъ вопросъ въ его глазахъ. Она заговорила совсѣмъ тихо, голосомъ, прерывающимся отъ

волненія, глядя въ пространство, какъ будто передъ нею вставало пережитое.

— Да,—сказала она.—Это были ужасныя двѣ недѣли. Несомнѣнно, что нибудь въ насъ умираетъ, когда мы переживаемъ такія испытанія... О, когда я осталась одна въ фіакрѣ! Все, чего я такъ давно боялась, все исполнилось. Ты уѣхалъ, я очутилась одна на неопредѣленное время! А какъ мы разстались! Я видѣла тебя усталымъ, измученнымъ, нервнымъ, такимъ, какимъ ты былъ въ послѣднія минуты. Я думала: „Онъ доволенъ теперь, онъ освободился отъ меня, отъ своей Йю!..“ Увѣряю тебя, что я не могла себѣ представить, что все это правда. Я каждую минуту чувствовала себя какъ-то внѣ жизни, въ какой-то грезѣ... Потомъ, я вдругъ упала съ высоты въ страшную дѣйствительность... О, мой дорогой, это было ужасно!

Онъ ласково цѣловалъ ея руки.

Ея горе дѣйствовало на его сердце какъ цѣлительный бальзамъ. Клара отсутствовала, была изгнана изъ его мыслей. Онъ любилъ только эту чудную, страдающую изъ-за него душу, говорившую ему о своемъ страданіи.

Она продолжала:

— А между тѣмъ, я могла ждать, дѣйствовать, разговаривать съ этимъ отчаяніемъ въ груди. Какимъ образомъ? Богъ мой, какимъ образомъ? Я вернулась домой въ этомъ состояніи кошмара. Я пробовала молиться... Я пробовала тебѣ писать... Но все, что заставляло меня останавливаться мыслью на тебѣ, мнѣ причиняло такую боль, что я не могла, нѣтъ, я не могла... Когда я получила твое первое письмо, я зашаталась, я едва не упала безъ чувствъ... Въ ту минуту я ничего отъ тебя не ждала, ни писемъ, ни возврата, ничего... Это было очень холодное письмо (Морисъ крѣпко сжалъ руки Жюли), оно было такое же принужденное, какъ ты самъ, въ послѣднія минуты, которыя мы провели вмѣстѣ... и все-таки, увѣряю тебя, я его обожала, это бѣдное, такое холодное письмо, и я его цѣловала, какъ я цѣловала бы твои щеки и твои глаза, дорогой мой, и я уснула вечеромъ, прильнувъ губами къ бумагѣ, которой касалась твоя рука. Это былъ мой первый сонъ послѣ твоего отъѣзда!

Она умолкла, взглянувъ на пейзажъ Рейна, развернувшагося передъ окнами вагона.

Она прошептала:

— Какъ красиво... Я счастлива.

И Морисъ увидѣлъ, что она уже измѣнилась; тучи разсѣялись на ея лицѣ. Все, что было въ немъ хорошаго, добраго, пробудилось въ его душѣ, при сознаніи, что отъ одного его присутствія она уже успокоивается; увѣренность, что онъ составляетъ все для этой любимой женщины, дѣлала его лучше, выше. Что-то вродѣ самопожертвованія шевельнулось въ его душѣ.

„Моя роль въ жизни—это заботиться о ней, утѣшать ее, дѣлать ее счастливой. Никто на свѣтѣ, никто не будетъ любить меня такъ, какъ она".

И, какъ бы взглянувъ на стоявшій передъ нимъ призракъ и не видя передъ собой Жюли, онъ подумалъ:

„Никто... Даже Клара!"

Онъ придвинулся поближе къ ней и спросилъ:

— А когда ты получила мою телеграмму?

— О!—произнесла она окрѣпшимъ, почти веселымъ голосомъ;—это было передъ завтракомъ. Мы съ Эскье ждали Клару въ столовой. Іоакимъ вошелъ съ телеграммой. Повѣришь ли, что я не испугалась, я угадала хорошую новость!. Къ тому же, утромъ, я проснулась спокойнѣе, съ надеждой на что-то счастливое. Ты вѣдь знаешь, что у меня есть ясныя предчувствія, которыя почти всегда оправдываются? Но, все-таки, я слегка дрожала, распечатывая голубой листокъ. Но я нашла въ немъ то, чего ожидала,—средство очень скоро быть около тебя.

Она остановилась, она колебалась продолжать.

— А потомъ?—спросилъ Морисъ.

— Потомъ... нужно ли разсказывать?

— Конечно!

— Ну, хорошо, — продолжала она, бросивъ страстный поцѣлуй на черные волосы Мориса.—Тогда, видя смущеніе и недоумѣніе, Эскье подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Это отъ Мориса?" Мнѣ не пришло въ голову солгать, и потомъ, я не могла бы. Я ему сказала „да" и показала телеграмму.

— О!—воскликнулъ Морисъ.—Зачѣмъ ты это сдѣлала? Меньше, чѣмъ кому либо, онъ хотѣлъ бы признаться отцу Клары въ своей тоскѣ.

— Не сердись, мой любимый другъ,—сказала г-жа Сюржеръ.—Я сдѣлала это самовольно, и потомъ, когда я подумала объ этомъ, мнѣ показалось, что я хорошо сдѣлала. Какъ уѣхать, не предупредивъ Эскье? А, кромѣ того, мнѣ необходимъ былъ совѣтъ, ты понимаешь. И потомъ, Эскье такой добрый, онъ такъ меня любитъ, такъ любитъ! Къ кому я могла обратиться, какъ не къ нему? Не принимай этого сердитаго вида,—прервала она себя съ новымъ взрывомъ горя, видя, что Морисъ отодвинулся отъ нея.—Я сдѣлала это къ лучшему, увѣряю тебя.

Она готова была заплакать. Морисъ былъ тронутъ.

— Ты, можетъ быть, права,—сказалъ онъ.—Но я предпочелъ бы, чтобъ Эскье ничего не зналъ.

Она воскликнула:

— Можешь ли ты предполагать, что онъ ничего не знаетъ? Ахъ!.. Я очень хорошо его знаю! Онъ уже давно обо всемъ догадался; онъ самъ вчера сказалъ мнѣ это... А потомъ, видишь ли, если-бъ онъ даже ничего и не зналъ, то необходимо было имѣть повѣреннаго, друга, кого-нибудь, кто бы поддержалъ меня, посовѣтовалъ мнѣ, что я должна дѣлать... Ты вѣдь знаешь, что я одна ничего не умѣю... Зачѣмъ ты такъ далеко отодвинулся отъ меня?

Она прислонилась къ плечу Мориса; она поцѣловала его въ щеку.

— Что же сдѣлалъ Эскье?

— Онъ отнесся ко мнѣ превосходно, какъ всегда. Онъ меня успокоилъ, утѣшилъ. Онъ тотчасъ же высказалъ мнѣніе, что надо ѣхать къ тебѣ. Онъ почти такъ же тревожился, какъ я; мы оба думали объ одной и той же страшной вещи; не признаваясь въ этомъ другъ другу, мы оба боялись...

— Что я застрѣлюсь?—спросилъ улыбаясь Морисъ.

— Не произноси этого слова, никогда, никогда!.. Это меня колетъ, какъ ударъ кинжала... Мужъ писалъ мнѣ наканунѣ: въ Люксембургѣ все идетъ хорошо. Онъ не можетъ вернуться въ Парижъ, по крайней мѣрѣ, еще черезъ мѣсяцъ,

даже два... Для него, для слугъ, для свѣта я ѣду на нѣсколько дней въ Лорренъ, въ деревню, къ м-мъ Домье. Мы такъ условились съ докторомъ и Эскье... О, вся эта ложь мнѣ не мало стоила! Когда Клара взглянула мнѣ прямо въ лицо и спросила: „Вы ѣдете въ Лорренъ?..“ Я отвернула голову и не посмѣла отвѣтить ей ни да, ни нѣтъ. Сколько хитростей, сколько обмановъ! Какъ стыдно и отвратительно все это.

Она остановилась на минуту съ грустной тѣнью на лицѣ; но когда она замѣтила, что та же грусть отразилась и въ чертахъ Мориса, она постаралась улыбнуться и произнесла, побѣдивъ угрызенія совѣсти:

— Что-жь такое? Вѣдь это ради тебя я лгала. А я тебя обожаю. Теперь не будемъ больше говорить обо мнѣ. Ты знаешь, какъ страдала твоя Йю вдали отъ тебя. Скажи же мнѣ, страдалъ ли ты хоть немножко вдали отъ нея.

И съ граціозной безпомощностью, такъ плѣнявшей Мориса, она закрыла глаза и положила голову на грудь молодого человѣка. Онъ молча глядѣлъ на нее.

Солнечный день, наконецъ, поборовши туманъ, бросалъ яркіе лучи въ окна вагона. Они отражались розовымъ на красныхъ спинкахъ и сидѣньяхъ стеганыхъ дивановъ; тотъ же розоватый цвѣтъ лежалъ на лицѣ и волосахъ Жюли. Бѣдное лицо со слѣдами еще недавно пережитыхъ страданій!.. Морисъ съ тревогой, съ нѣжностью смотрѣлъ на него. Растрепавшіеся волоса вились вокругъ лба, прикрывали виски и уши, почти скрывали шею; это были чудные волнистые волоса, тонкіе, густые, тяжелые. Они напоминали собою рѣку, въ которую втекаетъ до двадцати разноцвѣтныхъ источниковъ; темные, свѣтлые, нѣкоторые совсѣмъ рыжіе, они имѣли свой особенный, раздражающій запахъ.

Помимо воли, безпокойный взглядъ Мориса искалъ въ нихъ блѣдныхъ серебристыхъ нитей... Но нѣтъ, ихъ тамъ не было. Все было жизнью въ этой роскошной растительности; густой, темный пушокъ подымался отъ самаго лба. Взглядъ Мориса спускался, слѣдилъ за линіями этого лба... Какъ нѣтъ морщинъ? Да... есть. Двѣ лучистыя линіи, одна болѣе глубока, другая едва замѣтная, какъ бы представляющая неловкое, неувѣренное продолженіе первой. Обыкновенно какъ та, такъ

и другая были едва замѣтны, но пыль во время дороги осѣла на кожу и они углублялись.

„Вотъ такими они будутъ черезъ нѣсколько лѣтъ", подумалъ Морисъ.

Движимый какой-то таинственной, спокойной и въ то же время повелительной силой, онъ продолжалъ разсматривать это дорогое лицо. Носъ былъ прелестныхъ очертаній, чисто римскій, правильный носъ, безъ малѣйшихъ недостатковъ. Ротъ рѣшительный и пунцовый. Но глаза, такіе молодые, такіе дѣтскіе, когда открыты вѣки, теперь дѣйствительно казались постарѣвшими. Вдоль вѣкъ, особенно по краямъ была масса мелкихъ морщинокъ. „Это слезы", сказалъ себѣ Морисъ, чтобъ утѣшить себя, потому что это открытіе дѣйствительно его мучило. Слезы идутъ черезъ вѣки, наполняютъ ихъ солью, измѣняютъ цвѣтъ и производятъ морщинки.

Увы! это было еще не все! Около самаго края глаза, несмотря на легкую прядь волосъ, спускавшуюся до вѣкъ, ясно былъ виденъ цѣлый снопъ морщинокъ на нѣжной кожѣ, онѣ старили это лицо... Эти мелкія, лучистыя линіи вздрагивали, когда вздрагивали вѣки и шли вокругъ всего глаза.

Почему Морисъ не могъ оторвать взгляда отъ этихъ почти незамѣтныхъ признаковъ старости на этомъ все еще красивомъ, обворожительномъ лицѣ? Почему, помимо воли, думалъ онъ о другихъ глазахъ, о свѣжести другой кожи? Онъ продолжалъ свое безпокойное изслѣдованіе. Шея слегка сливалась съ полными плечами; но овалъ щекъ, подбородка и ротъ остались восхитительны, совсѣмъ молодые. Сквозь полуоткрытыя во снѣ губы,—Жюли незамѣтно уснула, — виднѣлись два ряда нетронутыхъ зубовъ съ бѣлой эмалью и плотныхъ, какъ зубы дѣвочки.

Такою, какъ она была здѣсь, подъ его испытующими глазами, была-ли она молода или стара? Стара, конечно, нѣтъ; но и нельзя сказать, чтобъ молода. Это лицо, на которое онъ столько разъ смотрѣлъ, потеряло для него признаки красоты и возраста. Онъ былъ такъ помятъ жизнью, что чувствовалъ необыкновенную нѣжность къ этой женщинѣ, которую держалъ въ своихъ объятьяхъ и на лицѣ которой время оставило свои неизгладимые слѣды. Сильное

волненіе овладѣло имъ и потопило его мечты, безпокойство о завтрашнемъ днѣ, сожалѣнье о томъ, что не случилось, но что могло бы случиться. Онъ признался себѣ, наконецъ, что такъ глубоко любитъ эту женщину, преданную ему и душой и тѣломъ, какъ никогда не полюбитъ другую. Другіе посѣвы могли бы возобновить плодородіе его сердца и это сердце могло бы дать новыя жатвы нѣжности; но жатва, собранная Жюли, всегда останется единственною. Жюли первая открыла спрятанные въ немъ тайники страсти и первая воспользовалась ими. Теперь все для него было ясно и объяснимо. Его глаза, устремленные на спящее лицо любовницы, видѣли ее въ первый разъ такою, какою она есть на самомъ дѣлѣ.

„Да, она скоро состарится... А я ее люблю не меньше, я люблю ее даже больше, болѣе глубокой и трогательной нѣжностью".

Онъ не обращалъ вниманія на морщины этого лба, не обратилъ бы вниманія и на бѣлыя пряди въ этихъ густыхъ волосахъ. Онъ любилъ эти признаки времени, потому что они доказывали братское страданье. Эта мірская красота могла исчезнуть завтра-же. Онъ уже любилъ въ своей любовницѣ не черты лица, не цвѣтъ кожи, не оттѣнки волосъ, а ея преданную ему душу, это было повтореніе его личности, его собственной нѣжности, всего своего прошлаго, которое онъ вложилъ въ человѣческое существо. Онъ понялъ это; онъ почувствовалъ, что связанъ съ Жюли болѣе могучей силой, чѣмъ ихъ личная воля. Никогда ни одинъ изъ нихъ не измѣнитъ другому...

Его очищенное уединеніемъ сердце, его помятыя чувства, все его существо мирилось съ будущимъ, каково бы оно ни было; какой-то свѣтлый разумъ говорилъ ему, что это именно такъ, что это хорошо.

„Моя доля въ жизни еще была слишкомъ велика,— думалъ онъ,—навѣрное, гораздо больше, чѣмъ у другихъ".

Подъемомъ силы воли онъ разогналъ свои мечты и сталъ смотрѣть въ окно. Рейна уже не было видно, холмы скрылись; огромная, желтоватая долина, съ группами деревьевъ, съ остроконечными крышами деревенскихъ селеній

тянулась теперь до самаго горизонта, а на этомъ горизонтѣ рисовались какія-то неопредѣленныя формы: тучи-ли, цѣпи-ли горъ, очертанія-ли города,—неизвѣстно. Морисъ узналъ пейзажъ Франкфурта. Они подъѣзжали.

Въ первый разъ Жюли будетъ принадлежать ему одному; онъ будетъ руководителемъ ея жизни, какъ ея мужъ. Онъ воспламенился гордостью этой роли.

Онъ видѣлъ, какъ солнце заливало огромную, желтоватую равнину, какъ изъ дыма и тумана выступали окрестности стариннаго Ганса. Онъ взглянулъ на Жюли. Крѣпкій сонъ, въ который она мало по малу погрузилась, вызвалъ румянецъ на ея щекахъ; волоса казались свѣтлѣе при дневномъ свѣтѣ, во всей ея фигурѣ, съ полускрещенными ногами и выступившими бедрами было много молодой силы.

„Она молода,—подумалъ Морисъ,—совсѣмъ молода!"

Онъ приподнялъ тихонько ея талію, склонился надъ молодой женщиной и разбудилъ ее поцѣлуемъ.

Она ему улыбнулась.

...Можно подумать, что эта таинственная сила, въ которую невольно вѣрятъ даже самые закоренѣлые скептики и вольнодумцы, сила, которую мы, согласно нашей инстинктивной философіи, называемъ Случаемъ, Судьбой, Провидѣньемъ,—можно подумать, что этотъ высшій путеводитель иногда сжаливается надъ тѣми, кого онъ ведетъ и даетъ имъ временный отдыхъ.

Таковы были для Мориса и Жюли первые часы пребыванія въ Кронбергѣ. Никогда, въ самыя тяжелыя минуты ихъ жизни они не могли забыть ихъ пріѣзда въ Франкфуртъ, ихъ туалетъ въ умывальныхъ комнатахъ обширной станціи, ихъ завтракъ въ кафе Казино; ихъ быструю ѣзду въ каретѣ черезъ Зель вдоль тихихъ береговъ Майна, ни короткій переѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Франкфурта въ Кронбергъ, а главное этотъ подъемъ въ коляскѣ, запряженной парой лошадей, по дорогѣ, ведущей къ виллѣ Тевтоніи. Былъ пятый часъ... Небо было безоблачно; но береговой вѣтерокъ освѣжалъ теплоту этого дня. Зеленая раковина маленькой долины углублялась близъ горнаго хребта, утренняя роса обсохла, деревья медленно покачивались, ароматныя

травы распространяли вокругъ свое благоуханіе, какъ огромная, благовонная курильница. Вершины Таунуса рельефно вырисовывались на фонѣ неба. Достигнувъ горнаго хребта, лошади побѣжали рысью мимо виллъ съ звучными названіями: Арминій, Альткенигъ, Германія.

Тогда открылась вся франкфуртская равнина. Морисъ указывалъ на блестящія точки, на дымокъ, виднѣвшійся въ разныхъ направленіяхъ, и объяснялъ:

— Вотъ это Хехстъ... Вонъ Родельгеймъ, гдѣ мы были сегодня утромъ. Гомбургъ находится тамъ, за этимъ сосновымъ лѣсомъ, отсюда виднѣется только верхушка одной башни.

Жюли смотрѣла на золотистый горизонтъ, на улыбающагося Мориса; она прекрасно сознавала, что наступаетъ временной отдыхъ ея жизни. Ея душа была полна благодарности Богу, который даетъ ей, грѣшницѣ, хоть недолговѣчную минуту счастья. Войдя въ виллу, она положила руку на плечо Мориса и прислонилась щекой къ этой рукѣ

— Я счастлива,—сказала она.

Теперь, когда они были вдали отъ свѣта, вдвоемъ другъ съ другомъ и свободны, ими вновь овладѣла молодая любовь. Тѣ, кто этого не испыталъ, не могутъ даже представить себѣ, какое нравственное обновленіе заключается въ этомъ простомъ переѣздѣ черезъ границу двухсотъ или трехсотъ лье... Никакое воспоминаніе о вчерашнемъ днѣ не стояло между ними, они могли льстить себя неопредѣленной надеждой, что они навсегда останутся вмѣстѣ и будутъ свободны: развѣ это не зависитъ отъ нихъ однихъ? И потомъ, послѣ стольких дней, проведенныхъ вдали другъ отъ друга, быть можетъ, подъ этимъ влеченіемъ сердца, увлекавшимъ ихъ горячѣе чѣмъ когда-либо въ объятія другъ друга, скрывалось воспоминаніе о прежнемъ влеченіи тѣла? Страсть, охлажденная привычкой, просыпалась и давала имъ иллюзію новаго чувства.

Устройство ихъ уединенной жизни очень заняло ихъ. Они забавлялись видомъ этихъ двухъ одинаковыхъ кроватей, стоявшихъ рядомъ въ одной изъ комнатъ, простой и чистенькой мебелью, большихъ печей съ зелеными изразцами, ма-

ленькой, свѣженькой блондинкой Кэтъ, исполнявшей обязанности горничной. Прежде чѣмъ идти обѣдать, они осмотрѣли высокій городокъ, расположенный уступами по склону скалы.

Въ предмѣстьи имѣются три гостинницы, которыя гидъ рекомендуетъ одинаково. Они выбрали одну изъ наиболѣе окруженныхъ зеленью, съ широкимъ живописнымъ видомъ. Хозяинъ гостинницы зналъ нѣсколько французскихъ словъ; его позвали, чтобъ заказать меню обѣда. Простой, но полный парижской элегантности туалетъ Жюли, вызывалъ замѣчанія нѣкоторыхъ обѣдавшихъ, пріѣхавшихъ изъ Франкфурта. Морисъ замѣтилъ это. Онъ подумалъ, взглянувъ на свою любовницу:

„Она дѣйствительно очень красива. Ей нельзя дать и тридцати лѣтъ.... Гдѣ были у меня глаза сегодня утромъ?"

И въ его мысляхъ уже роились туманные проекты. Не вѣчно же Жюли будетъ замужемъ; рано или поздно болѣзнь должна унести въ могилу ея мужа... Тогда, развѣ онъ не могъ-бы?...

Онъ не посмѣлъ окончить своей мысли; а между тѣмъ онъ искалъ ужь аргументовъ, чтобъ убѣдить себя.

Они пѣшкомъ вернулись на виллу. Луны еще не было, но ея появленіе угадывалось по блѣднѣющему небу, тамъ, за сосновымъ лѣсомъ, въ сторонѣ Гомбурга. Они шли медленно; Морисъ просунулъ свою руку подъ руку Жюли. Когда они проходили по горному хребту, мимо отверстія, выходившаго на равнину Франкфурта, она показалась имъ совсѣмъ иною, побѣлѣвшей отъ невидимой луны, усѣянной огоньками.

— Посмотри...—сказала Жюли.—Море!...

Это была правда... Можно было подумать, что это безбрежное море, освѣщенное тамъ и сямъ корабельными фонарями. Вечернія тѣни перерождали пейзажъ и живописный горизонтъ превращали въ фантастическую декорацію.

Они долго любовались имъ, прижавшись другъ къ другу. Поэзія этой ночи очаровывала ихъ, молодила ихъ влюбленныя сердца, дѣлала ихъ готовыми отдаться другъ другу, какъ въ лучшіе дни ихъ любви... Дневной шумъ умолкалъ, но въ окнахъ сосѣднихъ виллъ еще свѣтились огоньки. Кому давали

пристанище эти дома, стоявшіе такъ близко къ ихъ дому? Равнодушнымъ къ нимъ людямъ, которыхъ они никогда не видѣли, людямъ, чьи нравы, мысли, даже языкъ были имъ чужды. Земля, по которой они ступали, не была ихъ землею; они были связаны съ этой почвой, съ этимъ небомъ, съ этимъ пейзажемъ случайными узами, которыя завтра же могутъ порваться. Они были здѣсь не болѣе, какъ одинокіе прохожіе, которыхъ никто не знаетъ; но они были одиноки вдвоемъ, каждый изъ нихъ чувствовалъ, что, несмотря на все, они любятъ одинъ другого больше всего на свѣтѣ. Будущее могло ихъ разлучить, доставить имъ страданье, — пусть, у нихъ всегда останется ихъ высокая нѣжность; они всегда будутъ помнить, что даже наканунѣ катастрофы, заглянувъ другъ другу въ сердца, они видѣли, что очень любятъ одинъ другого.

Теперь группы деревьевъ, становившіяся все болѣе и болѣе темными на свѣтлѣющемъ фонѣ неба, казались гигантскими мысами, завершавшимися фантастическими скалами. Словно волшебный океанъ раскинулся пологъ неба, съ блѣдными свѣтилами. Электрическіе фонари, виднѣвшіеся на горизонтѣ, казались далекими маяками. Морисъ и Жюли дошли до виллы. Да, они дѣйствительно были путешественниками по этому морю грезъ, случайность, какъ буря, выкинула ихъ на этотъ берегъ и, погибая, вмѣстѣ они видѣли другъ въ другѣ цѣлую родину. Трудно сказать, какая мысль навѣвала имъ серьезность въ этомъ уединеніи. Они раздѣлись, легли рядомъ въ настроеніи высокой, чистой нѣжности, и поцѣлуй, которымъ они обмѣнялись въ эту первую ночь на чужбинѣ, былъ самымъ чистымъ поцѣлуемъ въ ихъ жизни.

На другой день ихъ разбудило свѣжее, яркое утро. Солнечные лучи, пробившись сквозь пріоткрытыя жалузи, играли у подножья обѣихъ кроватей. Они улыбнулись другъ другу; ихъ руки встрѣтились: это спокойное пробужденіе удивляло и восхищало ихъ. Кто увидѣлъ-бы ихъ часъ спустя, пившихъ на террасѣ виллы утренній чай, и разговаривавшихъ какъ мужъ съ женой, тотъ не въ состояніи былъ-бы подозрѣвать, какія муки вытерпѣли эти два существа другъ изъ-за друга и безпокойство, не покидавшее ихъ даже теперь. Безпокойство? Да, несмотря на все, они чувствовали тайное безпо-

койство, какъ выздоравливающій, который боится возврата болѣзни. „Кто теперь отниметъ его у меня?“ думала Жюли, гордая и радостная тѣмъ, что она вновь завоевала его, но все еще неувѣренная въ будущемъ. И Морисъ, счастливый тѣмъ, что нашелъ въ ней защиту отъ своихъ дурныхъ желаній, также думалъ, хоть и съ меньшей вѣрой: „Отнимутъ-ли теперь меня у нея?“

А между тѣмъ это безпокойное сердце, не успѣвъ даже излить первую нѣжность свиданія, уже боялось пустоты наступающихъ часовъ. Нѣтъ, онъ не боялся той скуки, которая мучила его въ Гомбургѣ: онъ никогда не зналъ ее подлѣ Жюли; онъ могъ бы проводить цѣлые дни, молча, прижавшись головой къ этой дорогой груди. Увы! онъ страшился своихъ собственныхъ мыслей; даже объятія возлюбленной не спасали его отъ этихъ недодуманныхъ мыслей. Сколько разъ, обнимая ее, онъ измѣнялъ ей, относя свои страстныя ласки не къ ней, а къ другой женщинѣ, къ ея соперницѣ?

Онъ сказалъ Жюли:

— Кронбергъ не особенно веселое мѣсто, моя дорогая. Здѣсь нѣтъ ни казино, ни парка; живописный пейзажъ, вотъ и все. Но никто намъ не мѣшаетъ, когда мы захотимъ, хоть сегодня, напримѣръ, отправиться по желѣзной дорогѣ въ Франкфуртъ. Тамъ знаменитая опера. Мы можемъ также съѣздить въ Гомбургъ, гдѣ есть прекрасный кургаузъ.

Жюли взяла его руку:

— Нѣтъ, останемся здѣсь.

— Мнѣ также это больше по вкусу. Только вмѣсто всякаго иного препровожденія времени, намъ придется удовольствоваться прогулками.

Она перебила его:

— Развѣ мнѣ нужно иное препровожденіе времени когда я около васъ?

— Говорятъ, что окрестности очень красивы,—продолжалъ онъ, не отвѣчая на этотъ упрекъ.—Я съ ними не знакомъ, но я купилъ въ Гомбургѣ карту Таунуса. Вы можете много ходить?

— Съ вами я всюду пойду,—отвѣтила она:

Въ тотъ же день онъ подвергъ ее испытанію. Они по-

завтракали въ томъ же ресторанѣ, какъ наканунѣ, имъ хотѣлось вновь пережить чудное ощущеніе спокойствія и брачнаго единенія, какое они испытали вчера. Это былъ нѣмецкій трактиръ, похожій на всѣ рестораны въ такомъ родѣ въ этихъ живописныхъ селеніяхъ по берегу Рейна: большая зала съ фаянсовой печью, украшенная портретами императора и основателей германскаго союза, съ садикомъ, въ которомъ разставлены столы, покрытые чистыми бѣлыми и красными скатертями. Слуги были внимательны и приличны; кухня немножко тяжела, но показалась имъ здоровой; они даже забавлялись ея оригинальностью и съ удовольствіемъ пили превосходное вино, поданное въ узкихъ бутылкахъ. Ихъ смѣхъ, звучавшій иногда, удивлялъ ихъ самихъ. Время отъ времени Жюли протягивала руку Морису и говорила:

— О, мой дорогой, какое счастье быть здѣсь! Я все еще не могу повѣрить, что это правда!

И ея счастьемъ Морисъ дѣйствительно былъ счастливъ.

Вернувшись въ виллу Тевтонію, послѣ завтрака, они отдохнули нѣкоторое время, прежде чѣмъ предпринять свою прогулку. Склонясь надъ планомъ Таунусъ-Клубъ, они старались оріентироваться, размѣряли разстоянія. Наиболѣе выдающіяся мѣстности были помѣчены цвѣтными знаками. На дорогахъ встрѣчались такіе же знаки, прибитые къ деревьямъ или къ домамъ, чтобы путешественники не сбивались съ пути.

Морисъ рѣшилъ, что они на этотъ разъ пойдутъ въ Фалькенштейнъ: это маленькая, ближайшая къ Кронбергу деревня; въ красномъ гидѣ было сказано: „одна изъ красивѣйшихъ окрестныхъ мѣстностей“.

Они отправились. Морисъ облокотился на руку Жюли, какъ дѣлалъ это въ Парижѣ, когда они подымались на возвышенности Бельвиля или Монмартра. Сначала они шли медленно, какъ пѣшеходы, которые не заботятся о цѣли пути. Затѣмъ, поддаваясь желанію поскорѣе достичь назначеннаго мѣста и подъ впечатлѣніемъ живописной дороги, они пошли правильнѣе и скорѣе. Дорога постепенно подымалась къ косогору, закрытому отъ нихъ лѣсомъ съ правой стороны; налѣво, косогоръ спускался, превращаясь въ ярко-зеленую долину, поразительно зеленую для этого времени года; затѣмъ

снова возвышался косогоръ и снова оканчивался долиной. Скоро дорога съузилась, пошла лѣсомъ. Это была дорога Фалькенштейна.

Они шли рядомъ, держась за руки. Щеки Жюли раскраснѣлись, волосы выбились изъ подъ соломенной шляпы; нѣсколько капель пота выступило на лбу. Она улыбалась, слегка запыхавшись при подъемѣ. Еще разъ, глядя на нее, Морисъ подумалъ: „Какъ она хороша! Ей не больше двадцати пяти лѣтъ!“ Онъ любовался свѣжестью ея лица, силою ея членовъ, ея здоровымъ видомъ. Онъ протянулъ ей свои губы, приложивъ къ нимъ свои, она подмѣтила въ глазахъ друга ту искорку страсти, которой она такъ боялась въ первые мѣсяцы ихъ любви и которая давно ужь погасла, замѣнившись тихимъ мерцаніемъ нѣжности, и на этотъ разъ она сверкнула для нея, какъ искра надежды.

„Боже мой! Благодарю тебя, онъ меня любитъ!..“

Она обожала его за этотъ поцѣлуй любовника; ей стали дороги эта дорога, на которой его охватило это желаніе, этотъ лѣсъ, подымавшійся по сторонамъ, и эта улыбающаяся чуждая земля, въ которой ихъ любовь пускала новые корни.

Они обѣдали въ Фалькенштейнѣ. Когда они вернулись домой, уже наступила ночь. Чувствуя нѣкоторую усталость, Жюли тотчасъ же легла. Морисъ вышелъ на террасу.—Хочу выкурить папироску,—сказалъ онъ. Его мучила жажда уединенія послѣ этого дня, когда онъ, подъ нѣжнымъ взглядомъ своей любовницы, едва смѣлъ думать; имъ уже овладѣвала потребность запретныхъ мечтаній. Онъ не умѣлъ сладить съ самимъ собою. „Этотъ пейзажъ полонъ чуднаго романтизма“, говорилъ онъ себѣ, любуясь залитой луннымъ свѣтомъ мѣстностью, которою они наканунѣ любовались вмѣстѣ. Но какая-то частица этой мысли витала далеко отъ Кронберга и отъ Германіи. „Гдѣ Ріё въ эту минуту? Около Клары. Сдѣлалъ ли онъ предложеніе Эсвье? Что она ему отвѣтила?“

Всѣ эти вопросы онъ не смѣлъ предложить Жюли, а между тѣмъ онъ не могъ жить, не зная этого. Онъ представлялъ себѣ молодую дѣвушку сидящей послѣ обѣда, на диванѣ въ моховой гостиной, гдѣ къ ней обыкновенно присаживался Ріё. Онъ видѣлъ только ея темные глаза, широкія

брови, ея черные волосы, но видѣлъ это съ необыкновенной ясностью, гораздо яснѣе, чѣмъ видятъ въ дѣйствительности. И Ріё всегда говорилъ съ нею о бракѣ, о будущемъ.

„Такихъ бароновъ де-Ріё не любятъ,—думалъ Морисъ.—Ріё нѣчто въ родѣ духовнаго лица, свѣтскій проповѣдникъ, который дѣйствуетъ на женщинъ усыпительно. Она никогда не выйдетъ за этого неудавшагося священника".

Въ такомъ случаѣ каково же будущее? Прекрасно! оно послѣ этого мимолетнаго кризиса будетъ естественнымъ продолженіемъ настоящаго; онъ, Морисъ, будетъ единственнымъ полюсомъ для обѣихъ женщинъ; онъ будетъ жить среди нихъ обѣихъ, подогрѣваемый ихъ двойнымъ пыломъ.

„Зачѣмъ мѣнять образъ нашей жизни, Богъ мой? Почему не жить мирно? Я ничего не буду требовать отъ Жюли. Я ничего не буду ждать отъ Клары".

Но тотчасъ же черные глаза, черные волосы, слишкомъ красныя губы начинали манить его къ себѣ. Неужели онъ дастъ увянуть этому цвѣтку, не насладившись его ароматомъ?

„Нѣтъ, потому что она моя,—говорилъ онъ себѣ.—Клара меня любитъ, я знаю, что она меня любитъ".

Онъ до того поддался этимъ волнующимъ грезамъ, что ему стало страшно. Онъ торопливо оставилъ террасу, затворилъ окно, вошелъ въ спальню. Лампа еще горѣла въ комнатѣ. На одной изъ узкихъ, почти дѣтскихъ кроватей спала Жюли. Сорочка, обшитая валансьенскими кружевами, доходила почти до горла, оставляя открытой лишь блѣдную, полную шею до кисти рукъ. Одна изъ этихъ откинулась на простыню; Морисъ замѣтилъ на ея пальцѣ обручальное золотое кольцо.

„Увы!—подумалъ онъ.—Мнѣ никогда не удастся убѣдить себя. Даже здѣсь, свободные, вдвоемъ, мы не мужъ и жена. Неужели вся моя сердечная жизнь ограничится этой скучной связью? О, конечно, нѣтъ! Лучше жениться на этой женщинѣ, которая меня любитъ, которую я люблю! Это, по крайней мѣрѣ, будущее".

Онъ былъ полонъ грусти: „Ничего новаго не произошло со вчерашняго дня, а между тѣмъ, Боже мой, какъ мнѣ грустно!"

Онъ торопливо раздѣлся и, не пробуждая Жюли, легъ на другую кровать.

Слѣдующіе затѣмъ дни почти не различались отъ перваго дня. Морисъ и Жюли вставали поздно, завтракали въ гостинницѣ, затѣмъ немедленно отправлялись на какую-нибудь экскурсію, обдуманную утромъ. Каждый разъ вокругъ нихъ мѣнялись пейзажи: то зеленая долина, то каштановыя рощи, то дубовый или сосновый лѣсъ. Иногда на холмахъ возвышались зубчатыя развалины легендарныхъ замковъ, но повсюду взглядъ встрѣчалъ спокойный горизонтъ, улыбающуюся долину, тѣнистые уголки, пріятные для помятыхъ жизнью сердецъ.

Въ эти минуты они были настолько счастливы, насколько могли. Въ такомъ случаѣ откуда это безпокойство, все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшее ими съ каждымъ прожитымъ часомъ, эта тревога, въ которой они не смѣли себѣ признаться и которой даже не находили имени? Это былъ неувѣренный, безформенный страхъ двухъ путешественниковъ, идущихъ рядомъ другъ съ другомъ по сыпучимъ пескамъ; они чувствуютъ, что ноги ихъ съ каждымъ шагомъ углубляются все болѣе и боятся сказать себѣ это изъ страха, что товарищъ подтвердитъ отчаяніе, отвѣтивъ: „И я также". Имъ казалось, что, признавшись въ этой невральгіи души, они услышатъ другъ отъ друга успокоеніе; но какая-то сила, болѣе могущественная чѣмъ ихъ желаніе и умъ, сжимала ихъ губы и ни одинъ изъ нихъ не находилъ въ себѣ храбрости вскрикнуть съ отчаяніемъ: „Мнѣ страшно, успокой меня!" Чего они боялись? Той таинственной, непобѣдимой силы, которая подъ видомъ ихъ теперешняго сближенія неутомимо работала, стараясь ихъ разъединить. Да, они этого боялись. Эти два существа, которыя спали, просыпались на груди другъ у друга, которыя въ теченіе цѣлаго дня говорили вдвоемъ, эти двое любовниковъ, которыхъ принимали за супруговъ, томились предчувствіемъ неизбѣжной разлуки. Будетъ ли это зависѣть отъ нея или отъ него или не отъ нихъ самихъ, но они несомнѣнно разстанутся.

Они скрывали свое страданіе; но, порою, во время ихъ ежедневныхъ прогуловъ, подъ впечатлѣніемъ-ли какой нибудь

мѣстности или просто подъ вліяніемъ неудержимаго порыва, они бросались другъ другу въ объятія и безъ словъ понимали другъ друга. Они обнимались съ безнадежной страстью и слезы катились изъ ихъ глазъ... Они не спрашивали: „О чемъ ты плачешь?“ Обнимаясь такимъ образомъ, имъ казалось, что они на нѣкоторое время отдаляютъ призракъ, грозившій ихъ нѣжности.

Съ однимъ изъ самыхъ мучительныхъ подобныхъ порывовъ позднѣе у нихъ соединилось воспоминаніе объ уголкѣ одной окрестности между Кенигштейномъ и Шенхейномъ. Эта долина получила названіе Бильталь отъ ручейка, протекающаго по ней. Поднявшись къ Бильталю, съ сѣверной стороны Кенигштейна, вы тотчасъ же очутитесь въ лѣсу; ручеекъ съ легкой пѣной бѣжитъ вамъ на встрѣчу, отражая зеленыя вѣтви деревьевъ; сквозь его прозрачныя струи видны всѣ камешки дна. Дорога идетъ вдоль него; мѣстами древесные стволы, перекинутые черезъ ручей, представляютъ живые мостики. Лѣсная растительность, оживленная свѣжестью ручья, представляетъ зеленый коверъ, усѣянный цвѣтами, а вода то плавно струящаяся, то бѣшенно бѣгущая, подмывая скалы или лѣниво обходя кусты, наполняетъ воздухъ вибрирующими модуляціями, напоминающими человѣческій голосъ.

На полпути по этому длинному зеленому корридору правый берегъ расширяется, какъ бы огибая паперть капеллы, а подъ сводомъ, образованнымъ вѣтвями, возвышается небольшая колонна, стоящая на одинокой могилѣ. Венгерскій поэтъ, проходя однажды этимъ мѣстомъ, нашелъ его наиболѣе подходящимъ для того, чтобы вкусить здѣсь покой смерти. Позднѣе добрыя руки перенесли его на берегъ ручейка, который онъ любилъ, зарыли его, поставили памятникъ, а возлѣ него каменную скамейку, чтобы сонъ поэта убаюкивала не одна природа, а разговоръ пилигримовъ и шепотъ влюбленныхъ.

Тамъ на этой погребальной скамейкѣ сѣли Морисъ и Жюли, пройдя, держась за руки, по берегу Биля. Съ этого мѣста ручей, огибая закругленный уголъ скалы, производитъ впечатлѣніе маленькаго водопада или воды, отвѣсно падающей изъ урны. Это было послѣ полудня; солнце прорывалось сквозь густыя, почти сплетенныя вѣтви деревьевъ; тишину на-

рушало только рѣдкое чириканье птицъ, пролетавшихъ надъ ручьемъ.

Природа можетъ каждый сезонъ обнажать или молодить мѣстности, онѣ всегда сохранятъ неизмѣнную душу, которая говоритъ всѣмъ душамъ человѣческимъ однимъ и тѣмъ же голосомъ и навѣваетъ всѣмъ почти тѣ же грезы... На этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то венгерскій поэтъ почувствовалъ меланхолію къ жизни, желаніе непробуднаго вѣчнаго сна— эти двое любовниковъ прислонились головами другъ къ другу съ одинаковой усталостью отъ борьбы, съ общимъ желаніемъ покоя, забвенья. О, остановиться здѣсь и болѣе не двигаться, не идти впередъ навстрѣчу будущему. Разъ обстоятельства рвутъ связывающія ихъ цѣпи, разъ они предчувствуютъ разлуку, которая разъединитъ ихъ сердца, зачѣмъ жить, зачѣмъ дѣлать лишній шагъ впередъ?

Эти мысли, въ которыхъ они признавались самимъ себѣ, наложили такую грустную печать на лицо Жюли, что Морисъ попытался словами прервать это настроеніе:

— Почему ты мнѣ ничего не скажешь, моя любимая?— произнесъ онъ.—Неправда-ли, какъ хорошъ этотъ уголокъ долины?

Она отвѣтила:

— Да. Онъ прелестенъ. Но мнѣ очень грустно.

И онъ, не пытаясь болѣе искать напрасныхъ отговорокъ, сказалъ:

— Мнѣ также.

Они глядѣли нѣсколько времени другъ на друга, держась за руки. Одинаковая неувѣренность волновала ихъ обоихъ; не высказать ли тайну, которая ихъ тяготитъ, не порвать ли, не прекратить ли муки? Они прекрасно сознавали, что потомъ будутъ страдать, но это страданіе уже будетъ иное, оно не будетъ давить ихъ страшной тяжестью; можетъ быть, они въ силахъ будутъ говорить другъ съ другомъ о своемъ горѣ.

Морису стало стыдно, что онъ нарушаетъ спокойствіе этого тихаго уголка, но онъ сказалъ:

— Послушай. Я не хочу огорчать тебя. Я вполнѣ твой, вполнѣ твой! Я хочу забыть все, что не ты. Только... есть

одна вещь, которая меня мучитъ, вещь, которой я не знаю... А когда я ее узнаю, то увѣряю тебя, я уже не буду думать больше о томъ, что дѣлается тамъ, не буду никогда.

— Ну, что же... спроси меня!

Она произнесла это съ такой покорностью, какъ будто говорила: „Бей меня!"

— Это только одно слово...—торопливо продолжалъ Морисъ, слишкомъ думавшій о себѣ, чтобъ отказаться отъ ея жертвы.—А потомъ мы сейчасъ же забудемъ это, неправда-ли? Мы забудемъ, то, что я у тебя спросилъ и то, что ты мнѣ отвѣтила. Ты мнѣ обѣщаешь забыть?

— Я тебѣ обѣщаю.

— Ну, хорошо!.. я хочу только знать, когда ты уѣзжала изъ Парижа, Рiё вернулся изъ Бретани?

— Да.

— И онъ былъ у васъ?..

— Да.

Онъ хотѣлъ спросить еще „видѣлъ ли онъ Клару?", но выраженiе страшнаго горя на лицѣ Жюли остановило вопросъ на его губахъ. Онъ не предложилъ его, но тѣмъ не менѣе она его слышала, она его угадала. Крупныя слезы, несмотря на усилiе казаться спокойной, потекли по ея щекамъ.

Онъ не пилъ эти слезы прямо съ глазъ, какъ всегда это дѣлалъ. Онъ даже не склонился надъ ней, чтобъ ее успокоить. Онъ чувствовалъ, что она оттолкнула бы его, къ тому же онъ не находилъ словъ утѣшенiя. Они сидѣли такъ, рядомъ, молчаливые и серьезные, около этой могилы, въ этой живописной мѣстности, гдѣ прелесть романтизма уже не плѣняла ихъ.

Вдругъ свѣжiй вечернiй вѣтерокъ, пробившись сквозь вѣтви, всколыхнулъ свѣтлую воду ручейка, охватилъ ихъ и заставилъ ихъ вздрогнуть. Солнце уже заходило! Сколько же времени просидѣли они такъ, настолько отказавшись отъ надежды, что даже забыли самую жизнь? И какiя грезы преслѣдовали ихъ въ этой неподвижной молчаливости? Увы! одна и таже греза, въ которой они не хотѣли признаться: греза смерти любовниковъ, рядомъ другъ съ другомъ, послѣ того какъ

они оба поняли, что для ихъ любви нѣтъ больше мѣста въ жизни.

Съ этихъ поръ началось медленное восхожденіе вдвоемъ на Голгоѳу, теперь они знали, что, дойдя до ея вершины, они принесутъ въ жертву свою любовь. Жюли подстерегала движенія Мориса, его самыя незначительныя слова и старалась объяснить себѣ ими эту колеблющуюся душу. Вслѣдствіе этого она дѣлала много неловкостей, всегда связанныхъ съ безпокойной нѣжностью. Когда она заставала Мориса мечтающимъ, съ неопредѣленнымъ выраженіемъ глазъ, она думала: „Это онъ видитъ Клару, это онъ на нее смотритъ". И тогда, вполнѣ ясно отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что ея вопросъ расхолодитъ молодого человѣка, она не могла удержаться, чтобъ не спросить:

— О чемъ вы думаете, мой другъ?

И неопредѣленный отвѣтъ Мориса—„ни о чемъ..." или: „о васъ, моя дорогая"—усиливалъ ея подозрѣнія.

Въ то время какъ она дѣлала всевозможныя усилія, чтобы прослѣдить за Морисомъ и удержать его, онъ начиналъ смотрѣть на свою любовь къ ней, какъ на долгъ; извѣстно уже, что ничто такъ не убиваетъ любви, какъ подобное отношеніе. Онъ смотрѣлъ на нее для того, чтобъ убѣдиться, что она красива и обворожительна. Она дѣйствительно была такою; достаточно было взглянуть на нее, услышать шопотъ обѣдающихъ въ ресторанѣ, когда любовники проходили по большой залѣ. Морисъ, понимавшій теперь немножко нѣмецкій языкъ, безпрестанно слышалъ это восклицаніе. „Bildschön!.." (хороша, какъ картина!)

„Эти нѣмцы правы,—думалъ онъ.— Жюли красива, гораздо красивѣе Клары. Но, что мнѣ до этого? Я равнодушенъ теперь къ ея красотѣ, какъ къ изящному портрету. Во мнѣ уже нѣтъ страсти къ ней. Я люблю въ ней воспоминаніе и я ей благодаренъ, вотъ и все".

Въ этой мрачной жизни отреченія между ними уже вставалъ страшный признакъ приближающагося кризиса: это затишье, которое предвѣщаетъ близкую грозу. Имъ уже тяжело было оставаться вдвоемъ, подъискивать слова для разговора, помимо тѣхъ, которыя непрестанно занимали ихъ мысли, но

о которыхъ надо было молчать. Слова не выходили изъ судорожно сжатаго горла... Они стали избѣгать уединенія, уходили изъ дому. Внѣ дома на деревенскихъ дорогахъ, на лѣсныхъ тропинкахъ, они заняты были ходьбой и это устраняло разговоры. Они участили свои экскурсіи; они ходили, какъ приговоренные къ смерти; утромъ оставляли Кронбергъ и возвращались туда почти ночью.

Такимъ образомъ они ознакомились со всѣми хорошенькими уголками окрестностей, съ горными вершинами Таунуса. Это вовсе не крупныя горы, никакое препятствіе не затрудняетъ подъема на нихъ. Самая высокая Большой Фельдбергъ имѣетъ только тысячу метровъ высоты; она имѣетъ видъ огромнаго шара съ срѣзанной верхушкой, на которой выстроена гостинница для путешественниковъ, съ бельведеромъ, откуда разстилается прекрасный видъ почти на всю страну. Отъ Кронберга до этой вершины три часа ходьбы. Морисъ предложилъ отправиться въ каретѣ. Но Жюли отказалась; нѣсколько десятковъ километровъ не пугаютъ ее, говорила она. Дѣйствительно, она охотно соглашалась на утомительный день, около своего возлюбленнаго, въ лѣсной чащѣ или передъ этимъ необъятнымъ горизонтомъ, гдѣ, какъ ей казалось, ихъ груди дышатъ вольнѣе.

Когда они собрались уходить, въ это туманное утро, освѣженное ночнымъ дождемъ, пришелъ курьеръ и вмѣстѣ съ газетами принесъ письмо изъ Парижа для „M-me Морисъ Артуа". Это было короткое, холодное письмо отъ Эскье, безъ малѣйшаго намека на Мориса. Онъ предупреждалъ только Жюли, что изъ Люксембурга приходятъ плохія вѣсти. Доктора запретили всякую работу Антуану Сюржеръ и напрасно старались уговорить его вернуться въ Парижъ. Она должна быть готова пріѣхать по первой-же телеграммѣ.

„Наши друзья здоровы,—кончалъ Эскье.—Клара чувствуетъ себя нѣсколько утомленной; надѣюсь, что это скоро пройдетъ".

Это письмо обезпокоило ее. Въ то время, какъ они подымались, рядомъ другъ съ другомъ, по лѣсной тропинкѣ Кенигштейна, чтобы выйти на дорогу Фельдберга, Морисъ

думалъ: „Она скоро уѣдетъ. Я снова останусь одинъ". И онъ удивлялся, что никакое душевное движеніе не отвѣтило на эту мысль. Нѣтъ, онъ самъ не зналъ, чего желаетъ и тяжесть этого tête-à-tête была легче, чѣмъ страшное уединенье. А она, бѣдная Жюли, говорила себѣ: „это кончено, это кончено... Я скоро съ нимъ разстанусь... Прежняго я не вернула; онъ дальше отъ меня, чѣмъ прежде, и я должна съ нимъ разстаться!.." Горячее желаніе вновь завладѣть имъ въ эти послѣдніе часы охватило ее. Она чувствовала, что это невозможно и необходимо.

Дорога, ведущая изъ Кенигштейна въ Фельдбергъ, подымается сначала довольно круто; она углублена въ красноватой землѣ, усѣянной крупными каменьями, что затрудняетъ путь. Морисъ и Жюли подымались, держась за руки; они были довольны этимъ труднымъ подъемомъ, отъ котораго у нихъ занималось дыханіе, что служило предлогомъ не разговаривать.

Мало-по-малу пейзажъ горы измѣнялся. Вмѣсто темныхъ кустарниковъ и низкорослыхъ деревцевъ стали показываться высокія деревья и въ тоже время дорога расширилась, сдѣлалась легкой для ходьбы. Нѣсколько большихъ дубовъ виднѣлось среди стволовъ грабовъ и березъ; скоро показались гигантскія сосны съ остроконечными верхушками, подъ которыми царила трогательная тишина. Двое странниковъ шли, не слыша шума своихъ шаговъ, такъ какъ вся дорога была усыпана сосновыми иглами, накопившимися здѣсь цѣлыми годами.

Временами лѣсъ пересѣкался просѣкой; яркій свѣтъ врывался на дорогу, по краямъ которой стлался папоротникъ и нескончаемые кусты дикой малины, покрытые ягодами.

На полпути къ вершинѣ возвышается Фуксъ-танцхютте (хижина лисьяго танца). Это бесѣдка, построенная изъ древесныхъ стволовъ Таунусъ-Клубомъ, для отдыха путешественниковъ. Во время сезона здѣсь помѣщается небольшой буфетъ, гдѣ можно достать кофе съ молокомъ, водку и киршъ.

Морисъ и Жюли вошли туда. Имъ подали какой-то напитокъ безъ названья, сдѣланный изъ сладкихъ жареныхъ

желудей; эта черная жидкость подкрѣпила ихъ силы. Когда они уже оканчивали этотъ напитокъ, къ бесѣдкѣ подъѣхала карета и они съ удивленіемъ услышали, что выходившіе изъ нея путешественники говорили по французски. Это былъ бѣлокурый, элегантный мужчина лѣтъ подъ тридцать, молодая женщина брюнетка, очень недурная собой, затѣмъ маленькій мальчикъ, лѣтъ пяти и, наконецъ, гувернантка-нѣмка, блѣдная и увядшая, заказавшая кофе съ молокомъ. Морисъ Артуа наблюдалъ за ними. Всѣ были веселы, оживлены...

„Это мужъ и жена,—думалъ онъ.—Вотъ человѣкъ, который почти однихъ со мною лѣтъ, менѣе красивъ, чѣмъ я, и, вѣроятно, глупѣе меня, а между тѣмъ въ двадцать пять лѣтъ онъ уже устроилъ свою жизнь. И теперь, когда я бьюсь объ стѣну, онъ спокойно, шагъ за шагомъ, идетъ по большой дорогѣ...“

Въ эту минуту маленькому мальчику надоѣло сидѣть на мѣстѣ; онъ сначала робко, а потомъ уже рѣшительно подошелъ къ Жюли. Ставъ передъ ней на корточки, онъ сталъ смотрѣть на нее своими ярко голубыми, широко открытыми глазами.

Жюли улыбнулась ему. Онъ произнесъ серьезно:

— Красивая дама!

И, приложивъ къ губамъ всю ладонь своей рученки, онъ послалъ ей поцѣлуй. M-me Сюржеръ схватила его на руки въ пылу одного изъ тѣхъ горячихъ материнскихъ порывовъ, которые встрѣчаются въ женщинахъ, не имѣвшихъ счастья сдѣлаться матерями, и стала цѣловать его смуглыя щечки и шею, открытую матросскимъ воротникомъ.

Она поставила его на полъ.

— Мы уходимъ, Морисъ?—произнесла она взволнованнымъ голосомъ.

Они ушли; французы проводили ихъ нѣсколько удивленнымъ взглядомъ. Они не признавались, имъ не нужно было признаваться другъ другу въ страшной грусти, овладѣвшей ими при простой встрѣчѣ молодой четы и маленькаго ребенка...

Солнце свѣтило надъ лѣсомъ и разогнало туманъ, виднѣвшійся лишь кое-гдѣ на нижнихъ склонахъ горъ. Около

полудня, когда они уже ясно различали сквозь лѣсные просвѣты крыши гостинницы, солнце разсѣяло послѣднія тучки, позолотило сосны и клены и бросало на дорогу яркія полосы, пересѣченныя вѣтвями деревьевъ. Радостные лучи этого веселаго неба проникли въ сердца любовниковъ; свѣжесть воздуха освѣжала ихъ груди; они догадывались, что и для нихъ скоро откроется горизонтъ... Они съ улыбкой взглянули другъ на друга. Такъ много разъ произносимыя старыя слова сорвались съ губъ Жюли:

— Ты меня любишь?

— Да,—отвѣтилъ Морисъ и поцѣловалъ эти губы, молившія о поцѣлуѣ.

Они подходили: еще одинъ поворотъ, еще небольшой подъемъ и они очутились на площадкѣ, откуда открывался чудный видъ во всѣ стороны. Они стали осматриваться, узнавали знакомыя мѣста, гдѣ побывали въ теченіе этихъ трехъ недѣль, какъ-бы исполняя свой долгъ. Морисъ не водилъ свою любовницу только въ Гомбургъ, гдѣ онъ столько выстрадалъ, и теперь онъ въ первый разъ видѣлъ издали его башню и прекрасный паркъ. Жюли называла знакомыя мѣстности: Кенигштейнъ, Фалькенштейнъ, Соденъ, Кронталь и сосѣднія вершины Большого Фельдберга, Альткенига, Малаго Фельдберга. Вся страна, изрытая отрогами Таунуса, разстилаясь съ западной стороны, виднѣлась желтой равниной до туманнаго горизонта Франкфурта.

Жюли и Морисъ смотрѣли на эту землю изгнанья, залитую солнцемъ, улыбающуюся и ихъ бурныя мысли понемногу успокоивались. Какая душа, сродная нашимъ душамъ, вселилась въ неподвижныя очертанія пейзажей? Что за неуловимый для нашихъ ушей голосъ, но понятный нашимъ сердцамъ, зоветъ насъ изъ нѣдръ природы и шепчетъ намъ о подчиненіи судьбѣ или о возмущеніи? Глубокая жалость овладѣла Морисомъ къ этой женщинѣ, которую онъ любилъ и заставлялъ такъ много страдать.

— Ты сохранишь грустное воспоминаніе объ этой странѣ, дорогая моя,—прошепталъ онъ.

Она взглянула на него и въ ея глазахъ отразилась вся искренность ея отвѣта.

— Я хотѣла-бы всегда жить тутъ съ тобой, какъ я жила,—сказала она.—Если у меня и есть горе, то чтожь такое?.. Мы никогда не жили съ тобой такъ, какъ здѣсь. Увы, и это кончено!

Слуга гостинницы подошелъ къ нимъ, ожидая приказаній. Морисъ велѣлъ, чтобы завтракъ былъ сервированъ въ отдѣльной комнатѣ. Имъ могли отвести только спальню, съ небольшой нѣмецкой кроватью въ углу. Они завтракали тамъ, любуясь лѣсистыми склонами Альткенига; становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе; они скоро увидали передъ собою вершины Неккара и Кенигшпуля-Гейдельберга.

Жюли была полна только одной мыслью, въ которой она сейчасъ полу-призналась своему другу: тяжелое и дорогое время совмѣстной жизни кончилось. Сегодняшняя экскурсія, по всей вѣроятности, послѣдняя. Завтра же, быть можетъ, наступитъ разлука и насколько времени?.. Снова остаться одной, такъ далеко отъ него! Она любила эту агонію своего сердца въ теченіе послѣднихъ недѣль, потому что она, по крайней мѣрѣ, испытывалась около него.

„Еслибъ онъ теперь попросилъ меня остаться, то, что бы ни случилось, я осталась бы“.

Да. Она такъ ослабѣвала при одной мысли разстаться съ нимъ, что готова была пожертвовать теперь для него самымъ дорогимъ: своей репутаціей, своими обязанностями жены. Она мечтала остаться любовницей Мориса, даже если онъ будетъ ее презирать, обманывать, но всегда остаться съ нимъ, около него.

Какъ его удержать, какъ его сохранить? Очевидно, онъ еще не потерялъ потребности въ ея присутствіи, потому что не далѣе, какъ вчера онъ просилъ ее не оставлять его въ этомъ одиночествѣ. Развѣ она не чувствовала, что онъ вполнѣ принадлежитъ ей, когда въ рѣдкія и острыя минуты страсти, онъ лепеталъ эти прерывающіяся слова: „я хочу, я люблю только одну тебя?“

Послѣ завтрака Морисъ вышелъ на балконъ выкурить папироску. Жюли прилегла на маленькой кушеткѣ; она чувствовала себя усталой, щеки ея пылали, въ головѣ ощущалась тяжесть.

„Эта ходьба и острота воздуха опьянили меня“, говорила она себѣ.

Съ подушки, на которую она опустила голову, она наблюдала за своимъ другомъ; онъ стоялъ неподвижно, опершись на перила балкона. Она пристально смотрѣла на этотъ дорогой силуэтъ, стараясь привлечь его къ себѣ магнетизмомъ взгляда. Чего она хотѣла? Она не съумѣла бы этого объяснить. Она знала только, что желала бы имѣть его ближе къ себѣ, ближе къ своему сердцу.

И почти тотчасъ же Морисъ обернулся и подошелъ къ ней... Она почувствовала на себѣ взглядъ этихъ свѣтлыхъ глазъ и ей стало холодно оттого, что она прочла въ немъ такое полное равнодушіе, такую холодную разсѣянность. Какъ его вернуть, какъ его удержать? Какъ насиловать эту любовь и эту остывающую страсть? Безуміе овладѣло этой чистой душой, которая достигла любви только путемъ нѣжности и побѣжденная стыдливость которой возмущалась послѣ каждаго порыва страсти. Она приподнялась; ея руки искали руки Мориса, ея глаза и губы сказали ему: „Иди ко мнѣ...“ Этотъ призывъ длился всего секунду, а между тѣмъ Морисъ понялъ его; его лицо выразило такой безпокойный страхъ, какъ будто онъ видѣлъ, что Жюли сходитъ съ ума. Онъ отступилъ, и это мгновеніе, это выраженіе его лица сразу охладило бѣдную женщину. Она закрыла руками свои пылающія щеки и спрятала голову въ подушку.

Морисъ былъ растроганъ; онъ склонился надъ ней и, желая загладить ея униженіе, сталъ въ свою очередь просить ее... Она отстранила его, встала и произнесла съ быстрымъ жестомъ:

— О, нѣтъ!.. Не надо жалости, прошу тебя!

Потомъ, послѣ минутнаго молчанія, она сказала:

— Уйдемъ отсюда, прошу тебя, уйдемъ скорѣе.

Морисъ подумалъ объ утомительномъ пути пѣшкомъ; ему также захотѣлось быть скорѣе въ Кронбергѣ, кончить эту несчастную экскурсію. Онъ спросилъ:

— Еслибъ мы вернулись въ каретѣ?

— Хорошо. Это было бы лучше,—отвѣтила Жюли.—Я такъ устала!

Они нашли кабріолетъ въ гостинницѣ. Скоро карета уносила ихъ по зыбкой почвѣ. Листья деревьевъ были покрыты легкой влажностью и солнце уже не свѣтило такъ ярко. Никто изъ нихъ не произносилъ ни слова въ продолженіе всего пути, до тѣхъ поръ, пока они не вернулись въ Кронбергъ и дверь виллы Тевтоніи не затворилась за ними. Было только шесть часовъ, но сѣрыя тучи, надвинувшіяся надъ долиной, производили искусственную темноту, такъ что, несмотря на открытое окно, въ комнатѣ было почти темно.

Усталые, съ отвращеніемъ къ движенію и жизни, они бросились на стулья далеко другъ отъ друга. Теперь все было кончено, попытка сдѣлана; они больше не искали предлоговъ обманывать самихъ себя. Въ эту самую комнату, куда они вошли три недѣли тому назадъ дрожа отъ волненія, что они, наконецъ, соединились, они вернулись теперь измученные, безнадежные, утомленные борьбою съ судьбой.

Морисъ думалъ:

„Если Жюли останется, то у насъ не хватитъ больше силъ тянуть такіе дни, какъ сегодня. Но остаться одному, снова начать такую жизнь, какъ тѣ двѣ недѣли въ Гомбургѣ, да еще прибавить къ этому страданіе, что я оттолкнулъ ее отъ себя, потерялъ... О, не могу этого, я не буду въ силахъ!“

Онъ вернулся къ прошлому:

„Все это произошло по моей винѣ. Я думалъ, что можно обладать сердцами двухъ женщинъ, не заставляя ихъ страдать и не страдая самому. И вотъ наказаніе“.

Въ эту минуту, когда все казалось ему лучше, чѣмъ неувѣренность, какъ желалъ онъ уже быть связаннымъ неизбѣжнымъ! Почему письмо Эскье сегодня утромъ не принесло извѣстія, что Клара уже замужемъ? „Почему я до сихъ поръ не сказалъ Жюли, когда уже два раза мнѣ приходила въ голову эта мысль: я женюсь на тебѣ! Еслибъ я имѣлъ эту храбрость, я порвалъ бы заклятіе; будущее было бы тускло, но за то опредѣленно...“

Да, онъ мучился потребностью опредѣленнаго, чтобъ онъ могъ сказать себѣ: „Это сдѣлано, это непоправимо.“ Онъ поднялъ голову, взглянулъ въ сторону Жюли. Онъ различалъ только

смутныя очертанія силуэта. Плакала она? Ему показалось это; ему хотѣлось осушить ласками эти проливаемыя за него слезы.

Онъ подошелъ къ ней. Онъ приложилъ свою щеку къ мокрой щекѣ Жюли.

— Я заставляю тебя страдать,—прошепталъ онъ.—Прости меня!

Она отвѣтила ему:

— Это не по твоей винѣ. Ты больше не любишь меня. Вотъ и все.

Онъ тотчасъ же почувствовалъ, что она ошиблась, что онъ все еще любитъ ее. Ему хотѣлось бы не слышать этихъ безнадежныхъ словъ.

— Нѣтъ, я тебя люблю! Я тебя люблю!—сказалъ онъ съ торопливымъ заблужденіемъ, желая ускорить рѣшеніе.— О, зачѣмъ ты это сказала!

— Ты больше не любишь меня, — повторила она.—Къ чему мы будемъ продолжать обманывать другъ друга? Ты любишь другую женщину, а не меня. Я пробовала удержать тебя, я сдѣлала все, что могла. Теперь у меня нѣтъ больше силъ. Оставь меня.

Онъ пролепеталъ, стараясь коснуться ея губъ:

— Йю, дорогая моя!

— Нѣтъ, — грустно произнесла она.—Не надо больше нѣжностей, уйди, онѣ были бы насильственны... Это кончено, кончено. Ты меня больше не любишь.

Произнося эти слова, она отстраняла его отъ себя медленнымъ и твердымъ движеніемъ. Морисъ видѣлъ въ первый разъ, что эта кроткая душа возмущалась; въ ней не было больше вѣры ни въ него, ни въ будущее. Онъ представилъ себѣ это будущее, разлуку двухъ любящихъ душъ, и это показалось ему хуже смерти. Мысль, уже два раза приходившая ему въ голову, стала яснѣе, повелительнѣе; онъ не могъ бы себѣ отвѣтить, была ли она плодомъ его личнаго эгоизма или глубокой жалости къ этому бѣдному убитому созданію, плакавшему около него.

— Послушай, Жюли,—сказалъ онъ.—Я вижу, что ты не хочешь мнѣ вѣрить, когда я говорю тебѣ, что я тебя люблю больше всего на свѣтѣ... Ну, что-жь! Выслушай меня...

Она тревожно поднялась, удивленная тѣмъ, что онъ говоритъ такъ твердо и серьезно.

— Мы получили сегодня утромъ плохія вѣсти о твоемъ мужѣ, не правда-ли?.. Ты читала, что говоритъ Эскье: конецъ близокъ. Я, съ своей стороны, прежде чѣмъ оставить Парижъ, говорилъ съ Домье. Я знаю настоящее названіе болѣзни Антуана; она неизлѣчима... Ну, вотъ...

— Берегись, умоляю тебя!—прервала его Жюли.—Обдумай то, что ты хочешь сказать!

Она догадалась; она страшилась невѣроятнаго счастья, о которомъ догадывалась.

Морисъ продолжалъ:

— Я говорю хладнокровно, обдуманно и я знаю, что мнѣ скоро придется доказать мои слова на дѣлѣ. Если твой мужъ умретъ...

— Берегись!—еще разъ умоляла Жюли, протянувъ руку къ своему другу.

— Если онъ умретъ, то я буду просить тебя сдѣлаться моей женой. Клянусь тебѣ!

Она схватила его въ свои объятія, крѣпко прижала къ себѣ, душила поцѣлуями. Она пролепетала:

— Твоей женой! Твоей женой!

Это имя, которое она никогда не дерзала произносить даже про себя, даже въ лучшія времена, она слышитъ теперь отъ самого Мориса. Вся ея страданіе было забыто и она благословляла его, потому оно было оплачено такой дорогой цѣною.

— Я не принимаю твоего обязательства, — сказала она ему, когда немножко успокоилась;—но я благодарю тебя за эту дорогую мысль. Я вѣрю тебѣ. Прости мнѣ, что я сомнѣвалась. Такъ ты еще любишь меня?

— Клянусь тебѣ,—отвѣтилъ Морисъ,—что я сдержу свое обѣщаніе. Въ немъ все счастіе нашихъ обѣихъ жизней.

На другой день, когда они пили утренній чай на террасѣ, имъ подали депешу для m-me Артуа.

Жюли поблѣднѣла.

— Это изъ Парижа... — сказала она. — Мы совершили преступленіе.

Она протянула депешу Морису.

Онъ распечаталъ ее и прочелъ:

„Антуану хуже, его привезли въ Парижъ. Пока еще ничего опаснаго. Но возвращайтесь. Эскье“.

Жюли глядѣла на Мориса. Она съ тревогой наблюдала, какое впечатлѣніе произвела на него депеша.

Онъ въ свою очередь взглянулъ на нее; онъ протянулъ ей свои объятія. Она бросилась въ нихъ.

— Дорогая моя!..—прошепталъ онъ.—Жена моя!

Нѣсколько часовъ спустя они выѣхали изъ виллы. Жюли торопилась на поѣздъ въ Кельнъ и Морисъ провожалъ ее до Франкфурта. Они рѣшили, что онъ будетъ путешествовать по Германіи, пока Жюли не вызоветъ его къ себѣ.

Они спокойно разговаривали о будущемъ, въ надеждѣ, что оно дастъ имъ еще немножко счастья. Но, несмотря на все, въ Жюли таилась мучительная неувѣренность. Когда они уже сидѣли въ коляскѣ, нагруженной чемоданами и маленькая горничная Кэтъ вышла на крыльцо виллы проститься съ ними, Жюли наклонилась къ Морису и прошептала ему эти слова, мучительно отдавшіяся въ его сердцѣ, потому что въ нихъ вылилась вся нѣжная грусть и покорность ея души:

— Если ты вернешься когда нибудь сюда съ другой женщиной... и если маленькая Кэтъ спроситъ тебя, что сталось со мною, то... ты скажешь ей, что я умерла... Неправда-ли?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ШАРЛЬ ДЕМАЛЬИ.

Романъ братьевъ Гонкуръ *).

LVIII.

Въ гамакѣ, повѣшенномъ между двумя каштанами посреди аллеи, ведущей отъ крыльца къ Сенѣ, полулежала Марта, одной ногой касаясь земли, другою покачивая въ воздухѣ. Она слушала съ разсѣяннымъ и скучающимъ видомъ господина, говорившаго съ Шарлемъ на зеленой скамейкѣ. Это былъ молодой человѣкъ съ четырехугольнымъ лбомъ, спутанными волосами, широкимъ лицомъ, львиными глазами, толстыми руками, которыя упирались въ колѣнки самымъ неуклюжимъ и буржуазнымъ образомъ.

Послѣдніе лучи солнца играли на тысячѣ новыхъ отпрысковъ, выросшихъ на подрѣзанныхъ каштанахъ и на вѣтвяхъ нѣжно-зеленаго цвѣта, на этихъ воздушныхъ клѣткахъ, которыя солнце покидало какъ-бы съ сожалѣніемъ, опускаясь къ горизонту, и окрашивая ихъ всѣми своими переливами; во всѣхъ концахъ слышалось веселое чириканье птицъ, поющихъ на прощанье.

— Это совершенно вѣрно, сударыня,—тутъ нѣтъ ни одной кошки, совершенно вѣрно... Дирекція водъ все сдѣлала, чтобы привлечь публику, даже объявила, что публика уже есть; и несмотря ни на что, никто сюда не ѣдетъ, исключая этой голландской семьи, да четырехъ или пяти женщинъ изъ Труа, пріѣзжающихъ сюда въ хорошую погоду... Но вѣдь собственно говоря вашъ мужъ пріѣхалъ сюда, чтобы лѣчиться и самый несчастный здѣсь—это я, докторъ.

— Да, я понимаю, сказала Марта,—вы разсчитывали...

— Я разсчитывалъ, сударыня, на большое число боль-

---

*) Продолженіе. См. «Вѣстн. Ин. Лит.», кн. 8.

ныхъ... Я разсчитывалъ на обширное поле наблюденія и изслѣдованія. Я надѣялся найти здѣсь орудія для борьбы съ болѣзнью вѣка.

— Въ самомъ дѣлѣ, докторъ,—сказалъ Шарль,—съ болѣзнью вѣка.

— О, я отлично знаю, что медицина, взятая въ совокупности своихъ доктринъ, разсматриваетъ ее какъ индивидуальные случаи, которые надо лѣчить только тогда, когда организмъ глубоко пораженъ... Я, напротивъ, смотрю на нее, какъ на болѣзнь органическую, принадлежащую по своему характеру общности и чрезмѣрнаго развитія, племени девятнадцатаго вѣка. Я считаю ее болѣзнью всѣхъ жителей столицъ, въ различныхъ степеняхъ развитія, но поражающей болѣе или менѣе здоровье нарождающихся поколѣній, потому что только сильные порождаютъ сильныхъ... Посмотрите, все стремится къ централизаціи, къ образованію маленькихъ и большихъ столицъ. Современная жизнь стремится отъ чистаго воздуха, отъ земледѣльческой жизни къ сосредоточенной, сидячей жизни, къ жизни газа древеснаго угля, къ жизни газа лампъ, къ жизни, вскормленной на фальсифицированной, обманчивой, поддѣланной пищѣ, къ полному извращенію нормальныхъ условій физическаго бытія... Да вотъ, вы курите... еще одно видоизмѣненіе, противорѣчащее общей экономіи жизненности, благодаря излишеству опіума... И все же, что касается табака, я навѣрно не знаю; я вижу ослабленіе мозга попусту; но мнѣ трудно повѣрить, чтобы злоупотребленіе, сдѣлавшееся привычкой, не было закономъ, ниспосланнымъ провидѣньемъ, какимъ нибудь предохранительнымъ средствомъ, причинъ и дѣйствія котораго мы не знаемъ... Наконецъ, вѣдь мы должны найти какое-нибудь лѣкарство, какое-нибудь противоядіе отъ тысячи измѣненій нормы современной жизни, отъ тысячи ея отправленій. Наука должна быть готова къ борьбѣ съ этой новой болѣзнью. Надо найти, должно существовать что нибудь, что уравновѣшивало бы это извращеніе природныхъ законовъ гигіены и состоянія человѣческаго здоровья.

— И вы ищите это противоядіе, докторъ, вы вѣрите въ цѣлебность этихъ водъ?

— И да, и нѣтъ. Совершенно нѣтъ. Но, кромѣ введенія желѣза въ кровь, онѣ ведутъ къ двумъ великимъ лѣкарствамъ, которыя я очень чту, какъ единственно помогающія въ малокровіи: къ пищѣ и движенію, т. е. къ отдыху и дви-

женію крови... Все заключается въ этомъ по моему мнѣнію...

— А гидротерапія, докторъ?

— Это только толчекъ... ударъ хлыста... и ничего болѣе... Теперь, въ моей системѣ, какую дѣйствительную и обязательную трату силъ нужно предписать? Какая самая большая дѣятельность циркуляціи крови переносима этимъ усталымъ тѣломъ? Какая вѣрная доза питательныхъ элементовъ подойдетъ къ этому ослабѣвшему темпераменту? Сколько времени нужно для усвоенія этого лѣченія? Однимъ словомъ, сколько мѣсяцевъ понадобится для измѣненія, для того, чтобы лѣченіе произвело дѣйствіе, чтобы я сдѣлалъ изъ васъ человѣка, котораго съ головы до ногъ охватываетъ пріятная теплота, человѣка, аппетитъ котораго заявляетъ о часѣ обѣда, наконецъ, человѣка, умъ и сердце котораго охватываетъ дѣтская веселость? Потому что каждый здоровый человѣкъ—веселъ, знайте это... Сколько времени нужно, чтобы заставить преобладать въ васъ обращеніе артеріальное надъ венознымъ?.. Ахъ, сколько тутъ матеріала для шарлатана и за неимѣніемъ шарлатана—для человѣка добросовѣстнаго... А время спѣшитъ, милостивый государь, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Нервная система доведена въ настоящее время до послѣдней крайности. Стремленіе къ комфорту, требованія карьеры, положенія, денегъ, роскоши, конкурренція, неимѣющая границъ ни въ чемъ, породили расточительность силъ, воли, развитія, однимъ словомъ, полную растрату человѣческихъ способностей и страстей. Дѣятельность каждаго съ верхнихъ до нижнихъ ступеней была удвоена, утроена, учетверена. Всѣ мы возбуждены... даже наши дѣти, лепечущій умъ которыхъ мы взращиваемъ, какъ взращиваютъ растеніе въ горячей почвѣ. Это лихорадочное движеніе жизни, раздраженіе, почти кризисъ всего, что составляетъ нѣжную и какъ-бы нематеріальную сторону нашего существа... Однако, я осѣдлалъ моего конька; тѣмъ хуже для васъ.

— Совсѣмъ нѣтъ, докторъ,—отвѣчалъ Шарль,—вы видите, какъ я васъ слушаю; продолжайте-же, прошу васъ... Я никогда не слыхалъ, чтобы медицина говорила такъ.

— Пусть я преувеличиваю! Но возьмите всѣхъ тѣхъ, мозгъ которыхъ постоянно работаетъ, постоянно стремится къ богатству или славѣ; возьмите банкировъ, дѣловыхъ, государственныхъ людей; возьмите артистовъ, писателей, классъ, на который старый Цельзій въ свое время обращалъ вниманіе патологіи; эту толпу людей, живущихъ почти единственно впечатлѣніями, наслажденіями, обольщеніями, разочарованіями

нравственными пораженіями; этотъ міръ людей, для которыхъ тѣло есть лоскутъ, что-то прицѣпившееся къ ихъ уму, которое они тащутъ за собой; эта огромная семья, всѣ тѣ, внутри которыхъ чередуются счастливыя событія и благоденствіе то возвышается, то падаетъ, династіи, продолжающіяся десять лѣтъ, успѣхи и забвеніе этого вѣка, вѣка пожизненныхъ знаменитостей, вѣка, поѣдающаго людей, вещи, богатства, правительства, славы, надежды... Знаете-ли вы, что свирѣпствуетъ въ этомъ вѣкѣ, какъ диссентерія въ лагерѣ? Анемія, а въ концѣ анеміи—легочная чахотка, ракъ въ желудкѣ, сумасшествіе... И тутъ вы найдете противъ меня много моихъ собратьевъ, которые только съ большимъ трудомъ называютъ подобныя причины дѣйствительными. Они изучатъ, съ терпѣніемъ, со страстью проанализируютъ въ достохвальныхъ монографіяхъ всѣ видоизмѣненія вліянія злоупотребленія алкоголемъ, наслѣдственности, нищеты, вредныхъ для здоровья профессій; они не пропустятъ ни одного химическаго и физическаго дѣйствія матеріальныхъ причинъ. Но въ нравственныхъ причинахъ они потеряютъ почву: ни до чего болѣе не касаясь, ихъ скальпель будетъ отрицать. А какая пропасть между нервными приступами, на границѣ тѣла и души, въ ея изгибахъ, въ ея движеніяхъ, которыя происходятъ отъ причинъ, не имѣющихъ ни вѣса, ни специфической величины, или отъ нравственнаго вліянія на чувство! А сколько матеріала для изученія!.. И потомъ, нельзя быть только докторомъ: надо быть священникомъ и докторомъ, быть исповѣдникомъ вполнѣ, имѣть искреннее признаніе безъ оговорокъ, безъ умолчанія... И тогда только можно сдѣлать что-нибудь изъ этой великой идеи: „О вліяніи нравственныхъ фактовъ на физическіе факты человѣческаго организма“... Что я вамъ говорилъ? Я говорилъ вамъ о работѣ, о напряженіи умственныхъ способностей... Что такое усиленная, ускоренная мысль? Перегораніе крови, огонь, сжигающій тѣло и оставляющій одни уголья... Животное масло, идущее на мозгъ, есть самое существенное въ питаніи, въ крови. Человѣческій типъ вырождается. Это распространено въ родовитыхъ семьяхъ, въ падающихъ королевскихъ династіяхъ... Видѣли вы въ Луврѣ этихъ испанскихъ королей?.. Какая усталость старой крови! Можетъ быть, это было болѣзнью римской имперіи, нѣкоторые императоры которой обладаютъ какими-то оплывшими чертами лица, даже въ бронзѣ. Но тогда было хорошее средство. Когда общество истощалось съ психологической точки

зрѣнія, происходило нашествіе варваровъ, которые вливали въ него свою молодую кровь Геркулесовъ. Кто-же спасетъ міръ отъ анеміи въ XIX вѣкѣ? Можетъ, черезъ нѣсколько лѣтъ произойдетъ вторженіе рабочихъ въ общество?..

— О, докторъ!—сказала Марія,—какая мысль!

— Извините, сударыня, я крестьянинъ, сынъ крестьянина. Съ десятью су въ день, которые я имѣлъ въ Парижѣ на ѣду, мнѣ трудно было выучиться говорить фразы, которыя не шокировали-бы женщинъ. Я предпочиталъ, признаюсь вамъ, давать изъ нихъ два моему водовозу, чтобы тотъ будилъ меня въ три часа утра.

Докторъ всталъ.

— Останьтесь-же, докторъ,—сказалъ Шарль,—и садитесь... Какимъ образомъ вы не имѣли удачъ при такой сильной волѣ?

— Какимъ образомъ? Посмотрите на меня... Находите-ли вы меня похожимъ на салоннаго доктора? Нѣтъ. Ну, вотъ и причина... Однако, я еще долженъ ѣхать сегодня вечеромъ въ Виллантро. Вы знаете, кстати, моя лодка къ вашимъ услугамъ. Утомляйте себя. Двигайте какъ можно болѣе руками и ногами... Только избѣгайте на Сенѣ слишкомъ свѣжихъ вечеровъ и утренниковъ... Организмъ вашъ здоровъ, обѣщаю вамъ еще разъ крови совершенно новой, если вы захотите быть крестьяниномъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Особенно—никакой работы...

LIX.

— Шарль?

— Что?

— Куда мы пойдемъ гулять сегодня вечеромъ?

— Къ Четыремъ Дорогамъ хочешь.

— Ты находишь очень красивыми твои Четыре Дороги?

— О!.. Вѣдь это прогулка... Хочешь пойдемъ на ферму Пиго?

— Гдѣ мы были третьяго дня?

— Да.

— Не очень много здѣсь окрестностей... Что это за деревня... тамъ на верху?.. Ты не знаешь?

— Тамъ?.. нѣтъ... не знаю.

— Тамъ звонятъ въ колокола цѣлый день.

— Да.

— Покачай меня... Ай! Не такъ сильно, злой... вотъ такъ... чуть-чуть... Я нахожу, что гамакъ усыпляетъ. А ты?

— Меня онъ укачиваетъ.

— Знаешь, домъ, который насъ интриговалъ... съ закрытыми окнами... ты еще всегда мимо проходилъ... Софи сказала мнѣ, что тамъ живутъ старыя дѣвицы, стариннаго дворянскаго рода... Что, есть двѣнадцать часовъ?

— Уже прошло.

— Почтальонъ приходитъ въ одиннадцать часовъ?

— Въ одиннадцать... въ одиннадцать съ половиной... Ты ждала чего нибудь?

— О, я ждала не ожидая... Кто же мнѣ будетъ писать?.. Письмо отъ мамаши я получу черезъ два дня, я думаю... Ахъ, какъ ты думаешь, я найду шерсти въ Труа.

— Ты меня спрашиваешь? Я думаю, да.

— Тогда не стоитъ писать въ Парижъ...

— Ты развѣ не привезла своей работы?

— Нѣтъ, я думала... я забыла.

— У меня есть книги, хочешь почитать?

— Да... какъ-нибудь... завтра напомни мнѣ спросить ихъ у тебя.—Движеніе гамака то замедлялось, то ускорялось. Шарль молчалъ. Марта, лежа въ гамакѣ, закинувъ руки за голову, смотрѣла въ небо. Черезъ пять минутъ молчанія:

— Ахъ, туча,—промолвила Марта.

— Прости меня, моя кошечка,—сказалъ Шарль,—это моя вина, ты скучаешь.

— Я скучаю? Почему ты это думаешь?

— Потому что ты одна... потому что тутъ нѣтъ развлеченій, у тебя никого нѣтъ, кромѣ меня, довольно печальное общество, больной...

— О! Боже мой, общество... Вѣдь ты знаешь, какая я. Развѣ я тебя мучила когда нибудь съ тѣхъ поръ, какъ я замужемъ, желаніемъ идти куда нибудь на балъ, въ театръ, скажи? И если ты думаешь, что я хотѣла бы поѣхать въ такое мѣсто, какъ Трувиль, напримѣръ... я привезла съ собой только двѣ шляпки, такъ что...

— Но я сказалъ это, моя милая, не для того... Только, такъ какъ тутъ настоящая яма, я боюсь, повторяю, чтобы ты не соскучилась... и я упрекаю себя...

— Надо сперва тебѣ вылѣчиться, неправда-ли?—сказала Марта сухимъ тономъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Шарль произнесъ:

— Ужасная погода сегодня...

— Совсѣмъ нѣтъ, мой другъ, я не нахожу... Ты преувеличиваешь.

— Ты не находишь, что погода непріятная, раздражающая?

— Ты страдаешь мой другъ, это все твои нервы...

LX.

Съ этого дня Марта удвоила свой скучающій, угнетенный видъ, раздражающій особенно своимъ нѣжнымъ тономъ, своимъ упорнымъ терпѣніемъ, своей кажущейся ласковостью, своей аффектаціей снисходительности и прощенія къ состоянію болѣзни Шарля. Это было противорѣчіе, безропотное какъ скорбь, спокойно относившееся къ мнѣніямъ Шарля, какъ смерть равнодушная къ пыткѣ; ангельское противорѣчіе, такъ сказать, по поводу всего, по поводу вкуса водъ въ Сенъ-Совёрѣ, по поводу оттѣнка цвѣтка, качества говядины, высоты дерева, по поводу всего, что они видѣли, ѣли, пили, дѣлали, думали. Наконецъ, Марта, истощивъ предлоги, дошла до противорѣчія въ грамматикѣ, до споровъ объ орѳографіи и она мучила Шарля, предлагая биться объ закладъ по поводу трудностей причастій!.. Для человѣка больного болѣзнью Шарля трудно было найти болѣе успѣшную пытку.

— Марта, я взялъ для тебя на прокатъ піанино изъ Труа... Завтра утромъ его привезутъ,—сказалъ Шарль однажды вечеромъ.

— Пьянино?.. Но, мой другъ... Я отлично обходилась безъ него.

— Именно для того, чтобы ты не обходилась безъ него долѣе.

Разговоръ прекратился. Марта произнесла:

— Мы не видимъ болѣе доктора... между тѣмъ... Раньше всегда онъ къ завтраку, или обѣду...

— Ты видишь, милая, что онъ приходилъ не для этого, потому теперь его нѣтъ.

— Ты можешь находить его интереснымъ... но для женщины, согласись... онъ говоритъ только о медицинѣ... и объ ужасныхъ вещахъ...

— Докторъ, говорящій о медицинѣ... ты права, моя милая,—сказалъ Шарль.

Марта углубилась въ свое кресло, и сжала руки.

— Послушай, моя милая, — сказалъ Шарль, — у тебя на лицѣ написана такая скука, что... я къ твоимъ услу-

гамъ... Когда ты захочешь, тотчасъ-же мы уѣдемъ въ Парижъ.

— Нѣтъ, мой другъ... Мы не уѣдемъ. Я не хочу уѣзжать. Я останусь здѣсь на все время, сколько будетъ нужно... Твое здоровье прежде всего, мой другъ... Это долгъ для меня... Ахъ, я забыла тебѣ сказать, я получила письмо отъ матери, она велитъ мнѣ передать тебѣ тысячу поклоновъ... Бѣдная мать! Никогда мы такъ надолго не разставались!..

— Ты также очень хорошо знаешь, что я предоставилъ ей полную свободу пріѣхать сюда... Оказалось такъ, что это путешествіе не входило въ ея планы...

— Это потому что она боялась...

И Марта сдѣлала видъ, что колеблется.

— Ахъ, прошу тебя, я люблю, когда говорятъ прямо... Она боялась, чего?

— Просто напросто стѣснить тебя, мой другъ... Ты сейчасъ принимаешь такой тонъ... Я теперь не смѣю ничего сказать... Ты перетолковываешь каждое слово... Ты вѣрно плохо спалъ эту ночь... Ты не владѣешь собой, дорогой мой... Съ тѣхъ поръ какъ ты боленъ, твой характеръ...

— Потому что я страдаю, Марта.

И Шарль, вообразивъ на минуту, что онъ во всемъ виноватъ, поднялся, чтобы спросить прощенія въ поцѣлуѣ своей жены.

— Ахъ, я отлично знаю... Это сильнѣе тебя... Къ счастью, дорогой мой, я начинаю съ этимъ свыкаться.

Это слово остановило Шарля, который снова взялъ книгу. Марта сдѣлала тоже самое.

— Угадай... — сказалъ Марта, прерывая чтеніе внизу страницы,—угадай, въ которомъ часу мы легли вчера спать?

— Не знаю... Въ девять часовъ?

— Нѣтъ... Въ половину девятаго.

— О!

— Я посмотрѣла,—и она принялась за чтеніе. Черезъ минуту она возобновила разговоръ:

— Тебѣ не надоѣла эта книга?—произнесла она, оборачиваясь къ Шарлю.

— Она очень интересна,—сказалъ Шарль.

— А!—И она снова принялась за книгу; потомъ, оставивъ ее:

— Какой сегодня день?

— Сегодня?.. Суббота.

— Нѣтъ, какое число.

— Четырнадцатое сентября.

— Мы выѣхали изъ Парижа... Это составляетъ ровно двадцать одинъ день...—и послѣ нѣкотораго молчанія, Марта произнесла съ видомъ безнадежной покорности:

— Время еще движется.

Шарль взялся за ручку двери.

— Куда ты идешь, мой другъ?

— Я хочу выкурить сигару на воздухѣ.

LXI.

Наконецъ, они нашли развлеченіе: это была Сена. Въ полдень они садились въ одну изъ тѣхъ плоскихъ лодокъ, которыя Жюль Дюпре изображаетъ на своихъ пейзажахъ подъ тѣнью ольховыхъ деревьевъ Пикардіи; Марта садилась напередъ, склонившись надъ водой въ большой соломенной шляпѣ, которую она надвигала на глаза; Шарль, стоя сзади, упирался на длинный шестъ, и дѣлая усилія толкалъ лодку, плавно идущую по водѣ.

Такъ они проводили долгіе часы между деревьями, тѣнь отъ которыхъ издали, сосредоточиваясь около берега, открывала ихъ взгляду широкую сіяющую аллею, въ которой отражалось синее небо. Вокругъ нихъ рѣчныя волны несли по теченію свѣтящуюся отъ солнца рябь, водоросли и рыбокъ. Въ этотъ часъ Сена ослѣпительно сіяла; глаза щурились, взглядъ терялся въ этомъ пожарѣ, исполосованномъ свѣтящимися бороздами отъ барки, и видѣлъ только тутъ и тамъ молніи и отблески вдоль стволовъ ивъ и свай, огненную полосу, обозначавшую край челнока, и тростники, прямо ростущіе въ водѣ. Они спускались, подымались вверхъ и внизъ по теченію, избѣгая песчаныхъ мелей, въ ямахъ которыхъ стояла теплая, спящая вода; они проѣзжали сквозь волнующійся и сгибавшійся въ водѣ тростникъ, открывая въ чащѣ водяныхъ растеній таинственные проходы и впадины, гдѣ вода была синяго цвѣта, какъ синька.

Они проѣзжали по водорослямъ, которые оживали въ водѣ, подъ тѣнью деревьевъ влажныхъ, свѣжихъ, купающихся въ рѣкѣ; мимо старыхъ стволовъ деревьевъ, побѣлѣвшихъ и полированныхъ отъ теченія, по окаменѣвшимъ растеніямъ на половину затопленнымъ, которыя, когда лодка проходила, подымались и выплывали изъ воды какъ лебеди. Потомъ вдругъ русло рѣки исчезало изъ ихъ глазъ: небо

распростиралось на зыбкой водѣ точно песокъ на низменныхъ болотахъ и лодка казалось двигалась по синему небу.

— Повернись,—говорилъ Шарль, и показывалъ Мартѣ пройденную ими дорогу: тамъ, въ концѣ рѣки рядъ деревьевъ тонулъ въ туманѣ; съ каждой стороны деревья, расположившись какъ кулиссы, склонялись и надвигались другъ къ другу, облитыя свѣтомъ по краямъ; отъ этого фона до лодки тянулась скатерть темно-синей воды, на которой мѣстами сверкала и трепетала серебряная рябь; ближе къ лодкѣ темно-синій цвѣтъ дѣлался все свѣтлѣе и превращался въ лазурный, почти бѣлый, съ тысячью огненныхъ блестокъ, похожихъ на тысячу зеркальныхъ осколковъ, которые прыгали, исчезали и вновь появлялись, или уносились теченіемъ, остановленные на минуту тростникомъ, колеблемымъ вѣтромъ.

Вода журчала. Шелестъ деревьевъ, шумъ вѣтра, отрывающаго листья, несся по обоимъ берегамъ. Вдали съ каждой стороны русла Сены, на обоихъ розовыхъ холмахъ, какъ бы цвѣтущихъ верескомъ, происходилъ сборъ винограда, и радостные крики крестьянъ отвѣчали шепчущей гармоніи рѣки. Виноградники улыбались. Кругомъ все шелестило и пѣло, а эхо доносило удары молотковъ о пустыя бочки, раздавшіеся какъ припѣвъ.

Они подвигались впередъ и рѣка мѣняла свои берега. Они плыли мимо маленькихъ утесовъ, мимо отвѣсныхъ холмиковъ, покрытыхъ желтымъ пескомъ, съ которыхъ свѣшивались побѣлѣвшія высохшія вьющіяся растенія, напоминающія иловатые водоросли старыхъ рѣкъ. Затѣмъ шли пространства, покрытыя свѣтлой, прозрачной зеленью, гдѣ играло солнце, и откуда каждую минуту выпархивали лаписто-лазуревыя птицы, зимородки, вереницей перелетающія съ одного берега на другой. Онѣ плыли мимо живой изгороди изъ дикаго шиповника съ его коралловыми ягодами и спутанными вѣтвями; густые тростники, выпрямляя свои стволы, задѣвали за лодку, за которой по берегу тянулась длинная линія маленькихъ тополей съ жидкой листвой, позолоченой осенью, ольховыхъ деревьевъ съ блестящими листьями, ивъ, серебрящихся на вѣтру.

Рѣка съуживалась подъ ивами, погребенными въ крапивѣ, таинственныя сумерки уже разстилали у береговъ свой коверъ изъ тѣни, надъ которымъ веселый день бралъ свое, лугъ сіялъ, лиловые холмы освѣщались солнцемъ, даже сама тѣнь казалась туманомъ.

— Посмотри-ка,—говорила Марта, и показывала Шарлю устье ручья, чернаго и глубокаго, какъ горлышко опрокинутой урны наяды. Кругомъ все было залито свѣтомъ, начиная съ дерева, склонявшагося надъ ручейкомъ, и кончая полоской песка, которая пыталась заградить струю воды, пѣнящейся на своемъ каменистомъ днѣ.

Но Марта уже забыла о ручьѣ. Она совсѣмъ наклонилась къ водѣ. Взглядъ ея сосредоточивается на тысячѣ маленькихъ рыбокъ, похожихъ на тысячу черныхъ булавокъ, спасающихся во всѣ стороны. Онъ слѣдитъ за листкомъ тополя, листкомъ ивы, которые крутятся въ водоворотѣ, за ихъ тѣнью, идущую передъ ними въ глубинѣ воды, или за водянымъ паукомъ, скользящимъ посреди круговъ, которые все расширяются вкругъ него. Разсматривая дно рѣки, взглядъ ея теряется въ безпредѣльной глубинѣ, гдѣ сплетаются вѣтви и сучья, погребенные въ окаменѣвшей тинѣ. Взоръ ея устремляется въ камень или въ пестрое дно, гдѣ что-то точно бьется въ сѣти. Онъ скользитъ по этимъ водорослямъ, которые шевелитъ теченіе, онъ задумчиво останавливается на кучкахъ желтыхъ или почернѣвшихъ листьевъ, которые годами лежатъ такимъ образомъ...

— Берегись, сейчасъ будетъ толчекъ,—кричитъ Шарль.

— Ничего, опасности нѣтъ.

Это ободранная ива, подымающаяся надъ водою, прямая и бѣлая какъ кость.

Лодка повертываетъ и снова открывается лазурный коверъ и солнце сверкаетъ и трепещетъ въ водѣ точно витой огненный столбъ.

— Смотри!.. Смотри-же!

И оба наклонившись глядятъ, какъ дѣти погружаютъ въ воду разбитый графинъ, чтобы поймать маленькую рыбку. Солнце сверкаетъ на стеклѣ графина, и освѣщаетъ блѣднымъ свѣтомъ пробку изъ картофелины, а внутри то появляются, то исчезаютъ серебряныя нити: это маленькіе плѣнники стеклянной темницы.

Когда Марта и Шарль подымаютъ головы, имъ кажется, что они видятъ иллюминацію какого-нибудь сада въ гаремѣ, лампочки въ чашахъ съ цвѣтами: это блистающія отъ солнца желтыя и красныя георгины, брошенныя въ воду изъ городскаго сада. Они уже противъ большого чашковаго дерева, склонившагося надъ камнемъ для мытья бѣлья, и вотъ передъ ними городъ съ его колокольней, цинковыя крыши, уто-

павшія въ темной зелени садовъ, балконы съ зелеными перилами, выходящіе на Сену, рыбные садки, наполовину поднятые надъ водою, барки съ отраженіемъ, прыгающимъ вдоль нихъ, точно веревка, ударяющая по водѣ.

Лодка поворачиваетъ. Они возвращаются. Тѣнь подымается вдоль деревьевъ.

Зелень, отражающаяся въ водѣ, блѣднѣетъ и пропадаетъ. Тростники колеблются въ лиловатомъ туманѣ. Глубины рѣчныя зеленѣютъ и принимаютъ глухой оттѣнокъ. Вдоль по водѣ нѣтъ уже болѣе яркаго свѣта, только верхушки отдаленныхъ тростниковъ, да нѣкоторыхъ высокихъ тополей освѣщены еще, и глядятся въ потухнувшее зеркало рѣки. Проѣхавъ рядъ молодыхъ тополей, выдѣляющихъ свои бѣловатые стволы на розовыхъ тѣняхъ, подымающихся съ земли, лодка задѣваетъ изгородь ивъ, выросшихъ изъ обрѣзанныхъ стволовъ, и сгибаетъ ихъ низкія вѣтви, усѣянныя трясогузками, которыя улетаютъ парами, преслѣдуя другъ друга и задѣвая бѣлыми хвостами спящую воду. Ночь начинаетъ надвигаться. Шопотъ тополей и ивъ умолкаетъ. Шумъ воды затихаетъ, тогда какъ вдали, на дорогѣ, слышенъ скрипъ телѣги. Холмъ надъ городомъ имѣетъ теперь видъ темно-лиловой стѣны, надъ которой подымается голубоватый дымъ отъ испареній домовъ. Небо дѣлается блѣдно-зеленаго цвѣта, потомъ розоваго и постепенно переходитъ въ голубой цвѣтъ надъ головами Шарля и Марты. Тѣнь набрасываетъ на воду свинцовый покровъ, въ которомъ молодой мѣсяцъ отражаетъ свой серебряный серпъ.

LXII.

Но это развлеченіе скоро пріѣлось. Это было все одно и тоже, говорила Марта; и она принялась скучать, преувеличивать, драпироваться въ свою скуку съ тѣмъ умѣньемъ, которое составляетъ секретъ ея пола. Она то принимала неподвижныя позы, то углублялась въ молчаніе и впадала въ глухоту, неумолимую глухоту замѣчательно разыгранную, когда слухъ какъ-бы испуганно пробуждается при вторичномъ повтореніи вопроса. И вмѣстѣ съ тѣмъ она говорила, что очень довольна, очень счастлива, даже очень весела и рѣшительно отказывалась покинуть Сенъ-Совёръ раньше окончанія лѣченія Шарля. Шарлю становилось лучше. Уже два дня какъ онъ принялся немного работать, когда войдя днемъ къ Мартѣ онъ нашелъ ее въ пеньуарѣ.

— Вы значитъ не выходите сегодня, Марта?

— Нѣтъ.... сегодня скверная погода.

— Скверная погода, сегодня. Съ этимъ солнцемъ? — И такъ какъ Марта не глядѣла и казалось ничего не слышала, Шарль произнесъ:—Марта!

— Извини, мой другъ.... Ты говорилъ!...

— Я говорю, что день прекрасный.

— Видишь-ли, мнѣ грустно сегодня...

— Что съ вами?...

— О, тутъ умерла... Эта молодая англичанка, пріѣхавшая на воды.... ты знаешь.... умерла!

— Но, моя милая, я не вижу....

— Должно быть она страдала.... Въ страшной агоніи.... У меня не хватило рѣшимости выйти, понимаешь?.... И потомъ у тебя былъ такой нездоровый видъ вчера вечеромъ.... Я не хотѣла пускать тебя...

— Полно! Мнѣ еще далеко до этого....

— Нѣтъ, видишь-ли.... тебѣ нельзя ничего сказать. Я не знаю, гдѣ ты только не найдешь....

Шарль ушелъ.

LXIII.

„Сенъ-Совёръ“ 30 сентября.

„Какъ твоя пьеса?“ пишите вы мнѣ, дорогой мой Шаваннъ. Вы читали въ газетахъ, что ее готовятъ для открытія и вы спрашиваете меня: бытовая-ли это комедія, драма, или діалогъ для двухъ? Гдѣ это происходитъ? При какой обстановкѣ? Закованы-ли въ латы дѣйствующія лица, или они одѣты въ черное сукно? Въ Аѳинахъ-ли моя пьеса или въ Парижѣ? И вы браните меня за то, что я такъ мало разговорчивъ съ вами. Ахъ, мой другъ, будто дѣло въ моей пьесѣ? Я самъ не знаю, что съ ней и когда ее дадутъ.... да и пусть съ ней будетъ что угодно!... А между тѣмъ я думалъ, что я нашелъ вѣрную точку зрѣнія. Въ наше время, когда театръ не болѣе какъ дагеротипъ болѣе или менѣе удачный, подняться до истиннаго театра, театра фантазіи, невѣроятности, до поэзіи, до смѣха пляски и пѣнія поверхъ реальности, помѣстить пьесу между небомъ и землей,—это была моя идея, моя пьеса. Вы знаете, я наблюдалъ какъ и другіе, но хладнокровно, не увлекаясь, какъ-бы слѣдуя модѣ. Мой умъ имѣетъ другія симпатіи, все что проклинаютъ профессора логики, сказки фантазіи, случаи, приключенія мысли, одной ногой опирающіяся

на жизнь, другой — касаясь страны воздушнаго Меркурія. Можете-ли вы себѣ вообразить лучшую рамку для произведенія, которое хочетъ сдѣлать невозможное вѣроятнымъ, лучшую родину для живаго и фантастичнаго міра, чѣмъ современная Италія, этотъ уголокъ земли, гдѣ укрылся романъ? Италія XIX вѣка, ахъ, мой милый..... танцовщицы, создающія своими пуантами оппозицію существующей политикѣ; влюбленныя парочки, которыя послѣ десятилѣтней любви удаляются въ деревню, чтобы еще болѣе быть другъ съ другомъ; совѣты министровъ, собирающіеся для того, чтобы рѣшить, можетъ-ли наслѣдный принцъ ѣсть скоромное въ пятницу у англійскаго посланника; разбойники, захватывающіе полную зрительную залу, и продающіе свои заряды; принцессы съ милліоннымъ доходомъ, умоляющія на колѣняхъ какого нибудь тенора, чтобы онъ женился на нихъ; узкіе панталоны абрикосоваго цвѣта по послѣдней модѣ на ногахъ баритоновъ, — карнавалъ, который представляетъ — соціальное учрежденіе; — Stenterello, скрывающіе свободу печати подъ шутовскимъ колпакомъ; императрицы, упавшія съ королевства до префектуры; короли, удалившіеся на покой; рантье, съ пятью тысячами ливровъ дохода, которые имѣютъ экипажъ, не дѣлая долговъ; общества вспомоществованія, очень серьезныя для женщинъ съ погибшей честью; бѣлокурыя женщины, точно сошедшія съ картинъ Беноццо Гоццоли; постоянная надежда и лотерея... Можно составить цѣлый томъ подобныхъ перечисленій и я сдѣлалъ изъ нихъ мою пьесу: „Очарованная нота“...

„Но что такое пьеса, моя пьеса, сравнительно съ моей жизнью, моимъ счастьемъ!.. Ахъ! Послушайте, другъ мой, оставимъ это. Я несчастенъ, очень несчастенъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ былъ-бы другой, потому что у меня нѣтъ ни гнѣва, ни досады, ни даже раздраженія. Я болѣе не мужъ, я публика: я сужу. Я совершенно холодно анализирую мою жену, также холодно, какъ и жену всякаго другого. Я смотрю на нее и вижу, какъ будто-бы я имѣлъ передъ глазами нравственную чашу ея бытія. Моя жена не имѣетъ сердца ни на волосъ... Боже мой, отлично! Сердце въ жизни совсѣмъ не такое обыденное явленіе... Говоря прямо, это совсѣмъ не домашняя мебель. Можно отлично жить съ людьми безъ сердца; я знаю многихъ такихъ, интимность съ которыми очень пріятна. Я думалъ, что это должно составлять смыслъ жены: его нѣтъ и слѣда въ моей женѣ, вотъ и все;

это было-бы еще ничего... Но моя жена глупа, мой милый. Еще если-бы это была чистосердечная глупость безъ претензій, глупость низшей женщины, эта добрая естественная глупость, съ которой такъ много интеллигентныхъ людей связали свою жизнь... Увы! Нѣтъ, это не то: это глупость довольная собою, кокетливая глупость, манерная, которая разработываетъ себя и ломается, какъ вамъ сказать: это праздничная глупость. Умъ ея—это сборище банальностей, общихъ мыслей, буржуазныхъ суевѣрій, такъ сказать, перемолотыхъ идей, эпидемическихъ предразсудковъ; однимъ словомъ, ужасная глупость, выводящая изъ терпѣнія, выхоленная, дѣланная, благопріобрѣтенная. Напримѣръ, она не повѣритъ, что Людовикъ XVIII потребовалъ голову кофейнаго цвѣта лошадей изъ короны Наполеона, прежде чѣмъ возвратиться во Францію, или что всѣ тряпичники умираютъ съ пятьюдесятью тысячами франковъ золотомъ въ ихъ соломенныхъ тюфякахъ, или что комета предвѣщаетъ конецъ міра; она не повѣритъ гадальщицамъ на картахъ; но она повѣритъ газетамъ, она повѣритъ всему, что напечатано; она повѣритъ генію человѣка, который рекламируетъ себя, уму другого, у котораго есть друзья; она повѣритъ, что только богатые люди имѣютъ вкусъ; что во время царствованія Людовика XV французскіе офицеры не были храбры; что Луи-Филиппъ отправилъ милліоны въ Америку; что никогда такъ хорошо не дѣлали булевскую мебель, какъ теперь... У ней найдутся прилагательные ко всему эпитеты, всегда готовые, какъ коричневый или бѣлый соусъ въ ресторанахъ, и она ими вдоволь воспользуется. При этомъ дерзкій, всезнающій видъ, подъ которымъ нѣтъ ничего, ничего, какъ въ головѣ конопляники; если вы ее затронете слегка, тотчасъ-же является щекотливость, она вооружается и защищается, видя въ вашихъ словахъ намеки или желаніе дать урокъ; самолюбивое упрямство, холодное, но уязвленное, которое все болѣе стоитъ на своемъ по мѣрѣ того, какъ вы доказываете, что это не такъ, какъ она думаетъ.

„И вы можете сколько угодно доказывать ей, говорить, что она не права, прося вмѣстѣ съ тѣмъ извиненія за то, что вы правы, принимать любезный тонъ, который льститъ ея тщеславію... Ничто не поможетъ, повторится всегда одна и та-же сцена: обиженный видъ, сухой тонъ: „Очень хорошо; я не такъ умна, какъ вы...“ Затѣмъ недобросовѣстный разборъ по поводу спора; если-же вы отвѣчаете—угнетенный

видъ, молчаніе женщины, которымъ женщина такъ умѣетъ сказать: „Вы чудовище!..“ Чудовище потому, что вы хотѣли унизить ее, не объяснить, не посовѣтовать, не вывести ее изъ заблужденія,—она этого совершенно не допускаетъ,—но доставить себѣ удовольствіе пристыдить ее.

„Вы знаете, другъ мой, отвращеніе, которое питаетъ каждый мужчина съ умомъ и сердцемъ къ заученнымъ чувствамъ и стереотипнымъ фразамъ. А моя жена скажетъ, что бы вамъ привести въ примѣръ? Она скажетъ о плохомъ водевилѣ: „Въ этомъ произведеніи видны искренность и молодость...“ О картинѣ: „Въ ней есть стиль...“ У ней всегда готовы эти слова, эти фабрикованныя фразы, попадающіяся въ фельетонахъ, книгахъ, пьесахъ. Однимъ словомъ, она приводитъ въ отчаянье. Однажды я не могъ удержаться, выведенный изъ терпѣнья, чтобы не сказать ей: „Ты прочла это...“ Понимаете-ли, мой другъ? Повторенія, однѣ повторенія, ничего своего, ничего, что принадлежало бы лично ея сердцу и ея уму! Быть можетъ, вы меня сочтете за лунатика; вы скажете мнѣ, что я копаюсь въ своихъ ранахъ. Что вы хотите? Я такъ созданъ и я во сто разъ предпочту языкъ грубой крестьянки, мысль необработанную и простую, но искреннюю и свою, этому манерному образу мышленія.

„Но нѣтъ, мой другъ, я ничего не выдумываю, ничего не преувеличиваю. Я совсѣмъ не больной, создающій себѣ видѣнія и терзанія. Внутреннія качества моей жены таковы, какъ я вамъ говорю. Вы увидите у ней гримасы, мины, комедію брезгливости, желаніе казаться пресыщенной, капризной: она не понюхаетъ рыбы, если она не первой свѣжести, ни яйца, немного высохшаго, ни масла, простоявшаго три дня; это пустяки, но въ этомъ—вся моя жена. Она покажется вамъ задумчивой, замечтавшейся въ туманныхъ грезахъ; но я, я знаю, гдѣ она и въ рѣшеніе какой прозаической задачи она погружена: она думаетъ, какъ бы урѣзать у кухарки пятьдесятъ сантимовъ барыша отъ провизіи, или какъ-бы купить себѣ тряпку, которой нѣтъ у ея подруги... Ей не понравишься прекрасной душой, выражающейся на добромъ и честномъ лицѣ, ни даже громкимъ признаніемъ ея красоты, но скромнымъ ухаживаніемъ, больше даже чѣмъ ухаживаніемъ, раболѣпствомъ, ничтожной лестью лакея, который ухаживаетъ за принцессой.

„Моя жена одна изъ тѣхъ женскихъ натуръ, которыя

чувствуютъ себя хорошо только съ низшими. У ней является жалость, почти слезы, когда она видитъ воображаемыя страданія на театрѣ, или читаетъ въ хроникѣ о самоубійствахъ, о корабляхъ, погибшихъ на американскихъ озерахъ; но при видѣ окружающаго, при видѣ настоящихъ людей, встрѣчающихся ей въ жизни, она суха, жестока и неумолима; она отдаетъ ужасныя приказанія, которыя заставляютъ слугъ ронять изъ рукъ тарелки; она нисколько не заботится объ ихъ страданіяхъ, о томъ, что и они люди; послѣ выговора у ней никогда не найдется того слова, того прощенія, которымъ нѣжная душа женщины связываетъ то, что нарушила... Занятая самой собою, она ничѣмъ не отвлекается; и въ то же время скука, требующая возбуждающей веселости или скорѣе какого-нибудь шутовства, которое забавляетъ ее, какъ шумная игрушка; ея умъ прельщаетъ глупость и жестокость шутки, она будетъ смѣяться надъ смѣшнымъ въ уродствѣ и надъ комичнымъ—въ большомъ горѣ...

„И всегда въ фальшивомъ тонѣ, замѣтьте это, мой другъ! Говоритъ-ли она вамъ, ободряетъ-ли, ласкаетъ-ли васъ, или утѣшаетъ, всегда слышится у ней фальшивая нота, какъ въ фортепіано одного изъ моихъ друзей, такъ неизлѣчимо фальшивомъ, что онъ кончилъ тѣмъ, что напустилъ въ него красныхъ рыбокъ... И затѣмъ у ней нѣтъ вѣры, нѣтъ довѣрія при такой легковѣрности! Я не Магометъ, я не прошу ее вѣрить въ меня; но, по крайней мѣрѣ, въ ея искусство... Ея искусство, мой другъ! Она занимается имъ только какъ красивая женщина, не болѣе. Музыка? Она играетъ на рояли,— и это все. Ничто ее не возбуждаетъ, не трогаетъ, не волнуетъ, не обезоруживаетъ, исключая ея характера. Вотъ она тутъ, въ деревнѣ; она смотритъ на все какъ она смотрѣла-бы въ музеѣ пейзажей: она смотритъ такъ, какъ зѣваютъ. Вы знаете, однако, мой другъ, что я не требователенъ относительно этого; я не проповѣдую особеннаго восторга къ природѣ; но, чортъ возьми! Она вѣдь женщина! Она около меня. Я вижу ее отсюда, въ полуоткрытую дверь; она сидитъ въ залѣ за книгой, передъ зеркаломъ, послѣ каждой страницы глядится въ зеркало, и подавляя зѣвокъ снова возвращается къ книгѣ... Это все таже женщина, тѣ-же голубые мягкіе глаза, тотъ же маленькій ротикъ, тоже дѣтское личико; если я войду въ залу, этотъ лобъ сдѣлается мраморнымъ, этотъ ротикъ закроется, глаза сдѣлаются непроницаемыми, все ея лицо покроется облакомъ, приметъ выраженіе угрозы или

молчаливости; она съ головы до ногъ окутается холодностью, которая хуже чѣмъ гнѣвъ, глухимъ недоброжелательствомъ, какимъ-то скучающимъ отчаяньемъ, и все это съ такимъ несчастнымъ видомъ, котораго не передадутъ ни одна статуя, ни одна картина, ни одна фраза въ мірѣ! Женщинамъ, не имѣющимъ въ жизни, какъ мужчины, тщеславія, карьеры, борьбы, чтобы блистать и выказывать себя, всѣмъ женщинамъ необходимъ, я знаю, нѣкоторый исходъ, нѣкоторая трата нервной и борящейся дѣятельности. Это объясняетъ и извиняетъ то жгучее удовольствіе, которое онѣ испытываютъ при страданіяхъ тѣхъ, кого онѣ любятъ, своихъ личныхъ страданіяхъ, даже при слезахъ, изъ которыхъ онѣ выходятъ обновленными, съ добрымъ сердцемъ и хорошими инстинктами. Но эта, другъ мой, превзошла свой полъ. У ней положительно геній, настоящій геній для изобрѣтенія и пусканія въ ходъ ужасныхъ внутреннихъ дуэлей, на которыхъ бьются отравленными булавками. Особенно послѣ борьбы у ней является то молчаніе, о которомъ я вамъ говорилъ, молчаніе, выражающееся не только устами, но и всѣмъ взглядомъ, всѣмъ тѣломъ, покорность жертвы... Нѣтъ, нужно нечеловѣческое терпѣніе, чтобы выносить это! Кровь начинаетъ кипѣть, надо уходить, спасаться... Я у себя. Ее нѣтъ. Она приходитъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Она вертится около меня. Она что-то забыла въ моей комнатѣ, и ищетъ долго роясь, копаясь съ отчаяннымъ видомъ, выражающимъ страданіе и упрекъ... Наконецъ уставши, побѣжденный этой медленной пыткой, я спрашиваю: „Боже мой, что съ вами?“ Ей этого только и надо, для того, чтобы отвѣтить: „Со мной ничего“... Невозможно передать тонъ этой фразы, которую моя жена умѣетъ говорить какъ женщина. О! это: „со мной ничего!“

„Самое печальное то, что голова моя отъ этого страдаетъ. Я ничего не могу написать хорошаго. Я думаю, что мой мозгъ мѣшается... А что меня ждетъ въ будущемъ? У меня не осталось ни малѣйшей иллюзіи. Она меня не любитъ болѣе. Да и любила-ли она меня когда-нибудь? Въ началѣ это было просто удовольствіе избавиться отъ своей матери, благодарность за беззаботную и счастливую жизнь, за скромное обожаніе ея красоты. Она не любитъ другого... По крайней мѣрѣ теперь... Но по моему адюльтеръ существуетъ съ того дня, какъ женщина васъ разлюбитъ. Полюбитъ-ли она? Я не знаю. Ей нуженъ молодецъ, повинующійся ей во время ея

капризовъ, которымъ она могла бы вертѣть, какъ вѣтряной мельницей, и который проводилъ-бы свою жизнь, напѣвая ей романсы стоя на колѣняхъ на подушкѣ херувима. При этомъ она бахвалится тѣмъ, что она честная женщина въ своей сферѣ, что она добродѣтель, на которую смотрятъ въ лорнетки... Что мнѣ за дѣло. О! все кончено... Три-четыре дня тому назадъ наша семейная жизнь какъ будто скрасилась; мы ласкали ребенка здѣшней фермерши, которая носитъ намъ куръ и яйца; и въ то время, какъ онъ игралъ на нашихъ колѣняхъ, я вздумалъ написать книгу: Ребенокъ!—прекрасная книга, которая описывала-бы образованіе души въ ребенкѣ, первые дни его развитія, зачатки его совѣсти; книга основывалась-бы на мелкихъ подробныхъ наблюденіяхъ, высокихъ и поэтичныхъ, день за днемъ, шагъ за шагомъ надъ человѣкомъ, который ростетъ и развивается... Жена моя, бѣдная душа, ошиблась относительно моихъ ласкъ и моихъ мыслей; нѣтъ я не хочу теперь дѣтей!

„Но Шарль,—сказала мнѣ она,—пришлось-бы взять кормилицу, и намъ нельзя будетъ держать горничную...“ Да, мнѣ остается только работа, а я работаю дурно. Наконецъ, благодаря Ремонвилю, я увижу мою пьесу на открытіи сезона. Вы знаете, о чемъ я васъ просилъ. Вы мнѣ не откажете. Было-бы очень тяжело не имѣть въ этотъ вечеръ кого-нибудь, который любилъ-бы меня съ дѣтства, для того, чтобы похоронить пьесу или обнять ея автора.

Шарль Демальи“.

Когда Шарль сложилъ это письмо, когда онъ подумалъ о томъ, что онъ довѣрялъ другому, у него явились какъ-бы угрызенія совѣсти человѣка, который предаетъ женщину; и не запечатавъ письма, онъ вошелъ въ залу. Марта лежала въ гамакѣ.

Шарль, приблизившись къ ней, увидѣлъ этотъ взглядъ, который онъ такъ любилъ, этотъ взглядъ съ замирающей улыбкой, который зажигался нѣжнымъ огнемъ—ея взглядъ! Взволнованный, почерпая въ немъ воспоминанія и забвеніе, онъ погрузилъ въ него свой взглядъ, когда Марта сказала ему:—Ты думаешь, что эти глаза только для тебя? Какъ-же! Я ихъ также хорошо дѣлаю вонъ тѣмъ камешкамъ!..

LXIV.

Случилось, что нѣсколько дней спустя послѣ этого въ городѣ Труа открывалась статуя одного изъ великихъ людей: скульптора Жирардона. Открытіе послужило, какъ это бываетъ, предлогомъ къ празднеству; были устроены скачки,

концертъ, балъ, выставка картинъ; издали біографическій этюдъ о Жирардонѣ съ его портретомъ и факсимиле; произнесены были три рѣчи, въ которыхъ Труа называли alma parens за то, что онъ былъ родиной папы Урбэна IV, Ювенала изъ Урсинъ, Пассера, двухъ Питу, Грослея, Матье Моле и Миньяра. Труа также воспользовался этимъ открытіемъ, чтобы показать „столицѣ" свои церкви, колокольню Св. Петра, свой музей, деревянные дома, колбасныя и прогулку въ Майлѣ: Парижъ былъ приглашенъ посредствомъ афишъ, парижская пресса—особыми письмами.

Шарль рѣшилъ свезти Марту на эти праздники. Марта заставила себя просить, затѣмъ согласилась. Пріѣхавъ въ Труа и поворачивая къ площади Жирардона, они натолкнулись на кучку людей, которые, поднявъ головы кверху, осматривали городъ съ удивленіемъ и восклицаніями мореплавателей, открывшихъ новый кусокъ земли на картѣ свѣта; это были четыре представителя „Скандала": Монбальяръ, Молланде, Кутюра и Нашетъ, „которые считали долгомъ, какъ кричалъ по улицамъ Монбальяръ, отвѣтить на любезное приглашеніе Шампаньи". Недоразумѣнія забыты, парижане столкнулись между собою за столько километровъ отъ Парижа. Такъ путешественники, изгнанники обнимаютъ родину въ соотечественникѣ, котораго они встрѣчаютъ. Можетъ быть, перейдя заставу, нѣтъ болѣе литературныхъ враговъ. Нашетъ протянулъ руку Шарлю, который ее искренно пожалъ. Монбальяръ напѣвалъ, а Кутюра представилъ Молланде проходящему господину, какъ внука Жирардона. Всѣ засмѣялись, начали болтать. Марта была весела, Шарль забавлялся; Монбальяръ удивлялся Труа, Кутюра хотѣлъ устроить фейерверкъ, Молланде раскланивался съ пожарной командой. Гуляли, ѣли, пили, весь день провели вмѣстѣ. Обошли кругомъ статуи, меріи и Майля. Такъ какъ Шарль собирался уходить, редакторы „Скандала" сказали: „Мы навѣстимъ васъ".

— Да,—сказалъ Монбальяръ:—гдѣ вы живете? Подъ бамбуками?

— Въ Сенъ-Совёрѣ.

— Это мнѣ удобно... Я какъ разъ долженъ сладить одно дѣльце съ директоромъ водъ...

— Отлично,—сказалъ Шарль;—такъ приходите завтракать ко мнѣ. Послѣ завтрака вы пойдете по своимъ дѣламъ и воротитесь къ обѣду... Рѣшено?

— Право, это идея,—сказалъ Монбальяръ,—а какъ прочіе?.. Да?.. Отлично! Да!

Назначили день и разстались, какъ школьные друзья, которые не занимаютъ другъ у друга денегъ.

Три дня спустя, около девяти часовъ утра, компанія уже подходила къ замку. Монбальяръ въ жилеткѣ, съ сюртукомъ на рукахъ, подымая на тросточкѣ свою шляпу, открывалъ шествіе, напѣвая громовымъ охрипшимъ голосомъ:

«И увидятъ просвѣщеннаго буржуа,
Отдающаго свою дочь бѣглому каторжнику,
Бѣглому, бѣглому каторжнику!»

За нимъ слѣдовали Нашетъ и Кутюра. Позади всѣхъ шелъ Молланде и собиралъ ящерицъ со стѣнъ.

— Никого!—произнесъ Монбальяръ.—Позвонимъ погромче... Всѣ тутъ? Начинайте хоромъ, дѣти мои...

«Отдающаго свою дочь...»

— Разъ... Два!

«Отдающаго свою дочь бѣглому каторжнику!
Бѣглому...»

— Каторжнику!—продолжалъ Шарль, отворяя дверь.—Однако, вы рано поднялись... въ восемь часовъ? Тутъ встаютъ послѣ восхода солнца... Вы, должно быть, голодны?

Молланде исчезъ.

— Чортъ возьми!—сказалъ Монбальяръ, входя въ залу.—У васъ прекрасное помѣщеніе... даже возвышенное!.. Точно входишь въ книгу господина Кузена!

Спустилась Марта. Она извинилась передъ гостями въ томъ, что хозяйка запоздала и попросила позволенія посмотрѣть на кухнѣ, какъ подвигается дѣло съ завтракомъ. Но въ эту минуту появился Молланде и раздался взрывъ хохота: онъ устроилъ себѣ колпакъ изъ одной салфетки, изъ другой сдѣлалъ передникъ: настоящій торговецъ дичью, котораго Изабей помѣстилъ у входа знаменитой пѣсни объ Экю Франціи.

— Вотъ въ чемъ дѣло,—сказалъ онъ важно.—У кухарки видъ неисправной женщины... Она относится къ завтраку, какъ къ отдаленному будущему... Сударыня, дайте имъ всѣмъ салфетки! Вспомнимъ, господа, это ободряющее слово учителя: „Дѣлаешься поваромъ...“ и пусть, кто хочетъ, добровольно слѣдуетъ за мною!

— Всѣ! Всѣ!—закричала компанія съ ансамблемъ и ин-

тонаціей бульварной публики, напоминающей актеровъ въ драмѣ.

Черезъ пять минутъ всѣ стряпали на удивленіе. Посреди своей наводненной кухни кухаркѣ оставалось только смѣяться. Молланде очень аккуратно чистилъ куропатокъ. Нашетъ зажигалъ печь. Кутюра собирался дѣлать сложный соусъ. Монбальяръ, съ часами въ рукахъ, считалъ минуты, стоя надъ яйцами, приготовленіе которыхъ онъ взялъ на свою отвѣтственность. Даже Шарль, казалось, былъ занятъ чѣмъ-то: онъ смотрѣлъ на печку.

— Да ну-же, мой милый!—говорилъ ему Кутюра,—это стыдно... Дѣлай хоть что нибудь, по крайней мѣрѣ.

— Тише!—отвѣчалъ Шарль съ серьезнымъ видомъ,—быть можетъ, я сдѣлаю яичницу.

— А я-то?—сказала Марта, подколовъ свою юбку булавками,—или вы думаете, что я буду только смотрѣть на васъ?

— Ахъ, правда,—сказалъ Монбальяръ,—надо, чтобы хозяйка работала.

— Надо, чтобы хозяйка работала,—повторилъ Молланде, сдувая съ груди перья отъ третьей куропатки.—Она очиститъ персики для оладій.

— Ахъ, да,—сказала Марта, вытаскивая изъ кармана ножичекъ съ серебряной ручкой.

Къ досадѣ поваровъ, кончили тѣмъ, что принялись завтракать. Завтракъ былъ очень веселымъ. Утреннее настроеніе не прекращалось. Говорили остроты, смѣялись.

— Дѣти мои,—сказалъ Монбальяръ за дессертомъ,—могу вамъ сообщить, что „Скандалъ" отлично идетъ... Въ этотъ мѣсяцъ мы заработали сумашедшія деньги... такъ, что если это продолжится, я найму Одеонъ, чтобы помѣстить тамъ контору для подписки! Тамъ будутъ играть Сборъ, пьесу съ ящиками, каждый вечеръ!.. Теперь „Скандалъ" богатъ... и они могутъ издавать газеты... Маленькій Камиллъ издаетъ, Брендю тоже... Что касается меня, я желаю имъ успѣха... Что мнѣ за дѣло? А пока мы должны были на этотъ разъ сдѣлать двойное число экземпляровъ номера... И потомъ, если они мнѣ надоѣдятъ, знаете-ли, что я сдѣлаю? Я буду выпускать газету два раза въ недѣлю... и мы увидимъ... Кстати, вы возвратитесь сюда на будущій годъ, Демальи?

— Надѣюсь, что нѣтъ,—сказалъ Шарль,—я поправлюсь на будущій годъ.

— Дѣло въ томъ, что я былъ-бы вашимъ сосѣдомъ... Да... дѣло еще не кончено, но я приторговалъ маленькій павильонъ въ двухъ лье отсюда... Мнѣ понравилось здѣсь. Достаточно я глядѣлъ, какъ ростутъ подписчики... Мнѣ хочется пожить въ деревнѣ... всѣ удовольствія въ природѣ... и потомъ недвижимость—это почва! Я займусь чѣмъ нибудь... Я способенъ сдѣлаться даже меромъ... Ты видѣлъ домъ, Молланде, а садъ, не правда-ли какъ мило?—обратился онъ къ Молланде, чтобы уколоть его тайныя мечты.—Есть, гдѣ присѣсть, дѣти мои! Пять десятинъ!.. Деревня! она продлитъ мою жизнь на недѣлю, вы увидите! И если когда нибудь малый въ родѣ Нашета или Кутюра найдетъ средства, я продаю всю лавочку, умываю руки и женюсь, чтобы играть въ пикетъ послѣ обѣда.

— Будемъ пить кофе въ саду,—сказала Марта,—въ каштановой аллеѣ.

— Ахъ, сударыня,—сказалъ Молланде,—вотъ идея, за которую надо расцѣловать ручки!

— Что мы дѣлаемъ послѣ?—сказалъ Шарль.—Хотите, я поведу васъ на воды?

— Я съ удовольствіемъ,—сказалъ Монбальяръ.—У меня есть дѣло... Да существуютъ-ли эти воды?

— Честное слово!—сказалъ Шарль.

— А кто ихъ дѣлаетъ? Докторъ? Я увѣренъ, что этотъ шутникъ бросаетъ гвозди въ источникъ... Это какъ Виши, гдѣ кладутъ пастилки изъ Виши въ источникъ... Кто идетъ съ нами?

— О! Слишкомъ жарко,—сказала Марта, — я остаюсь.

— Мнѣ кажется, не очень вѣжливо покинуть хозяйку... и я не иду съ вами,—сказалъ Молланде.

Шарль, Монбальяръ, Нашетъ и Кутюра возвратились только къ обѣду. Отъ зданія водъ они сдѣлали длинную прогулку на Сену. Пообѣдали. Обѣдъ былъ менѣе веселымъ, чѣмъ завтракъ. Говорили меньше, больше пили и кончили тѣмъ, что разнѣжились. Выходя изъ-за стола, Нашетъ взялъ Шарля подъ руку, увлекъ его въ паркъ и съ смущеніемъ, которое тронуло Шарля, выразилъ ему сожалѣніе по поводу своихъ нападокъ.

— Но что ты хочешь?—сказалъ онъ, — у меня адская жизнь... Ты не можешь себѣ представить, сколько я перенощу ежедневно отъ матеріальныхъ затрудненій... Мнѣ бросаютъ въ лицо, что я заработываю нѣсколько су... Я живу

въ пятомъ этажѣ, обѣдаю за сорокъ су, курю сигары въ одинъ су... Что ты хочешь, чтобъ я дѣлалъ? Мнѣ надо бывать на первыхъ представленіяхъ, я долженъ быть чисто одѣтымъ... не могу же я быть всегда вымазаннымъ... портной, экипажи... Это расходы, необходимые въ моемъ положеніи... Я долженъ платить за обѣдъ, чтобы не упустить дѣло... и все выходитъ, что я рукопись... я сдѣлалъ только долгъ изъ-за моей рукописи, вотъ и все. Я разсчитывалъ на пьесу, которая принесла-бы мнѣ до тридцати тысячъ франковъ... тутъ нуженъ случай... успѣхъ... Моя пьеса? Она спитъ, мой милый... она таскалась повсюду... ни одинъ директоръ не рискуетъ ее поставить... Есть вещи, которыя сжимаютъ горло... и которыхъ ты не знаешь. Попробуй войти въ литературу съ десятью тысячами франковъ долгу, ты увидишь... Непріятности, которыя приходится изъ-за этого переносить!.. Я десять разъ думалъ избавиться отъ долгу: изъ него не выйдешь!.. Я платилъ его, погашалъ, и все же я долженъ!.. Сдѣлки, возобновленія, развѣ я знаю! Всѣ дьяволы и ихъ присные, которые васъ доятъ, высасываютъ, а долгъ вашъ растетъ!.. А на завтра что? На завтра то же, что и сегодня. Ничто меня не можетъ спасти, мой милый, развѣ что-нибудь сверхъестественное. Но для меня нарочно вѣдь чудо не сдѣлается, неправда-ли?.. Монбальяръ не хочетъ болѣе давать мнѣ авансовъ... Послушай Шарль, у меня предчувствіе, что долго это не будетъ такъ идти. И такъ какъ я думаю распрощаться съ тобой, то и приношу свои извиненія...

Въ голосѣ его слышалась такая искренность, такое жгучее горе, что Шарль былъ тронутъ.

— Полно, мой милый,—сказалъ онъ Нашету,—что за вздоръ! Долги! Долги! Это только деньги... Не слѣдуетъ уѣзжать такъ. Ничто тебя не зоветъ въ Парижъ... Перемѣни немного воздухъ. Оставайся здѣсь на нѣсколько дней. Мы поищемъ вмѣстѣ какого нибудь средства... Оставайся...

Нашетъ привелъ нѣкоторыя затрудненія.

— Нашетъ, сынъ мой! — кричалъ Монбальяръ, что ты тамъ дѣлаешь.—Идешь ты? Намъ добрый часъ ходьбы.

— Онъ останется съ нами нѣсколько дней... И пришлетъ вамъ статью отсюда,—сказалъ Шарль.

Парижанъ проводили до конца парка.

— Ба!—сказалъ Кутюра, приблизившись къ Нашету,—предупреждаю тебя, тебѣ не везетъ здѣсь: тебя называютъ противной обезьяной...

— Я знаю. Молланде уже былъ такъ любезенъ сообщить мнѣ это.

— Зачѣмъ-же ты остаешься тогда?

— Зачѣмъ?—возразилъ Нашетъ.

Онъ не отвѣчалъ.

LXV.

Нашетъ остался на недѣлю въ Сенъ-Совёрѣ. Все это время онъ былъ очарователенъ. Можно было сказать, что это гостепріимство, какъ добрая фея, лишило его той грубости и животности, которыя возбудили непріязненное чувство Марты. Онъ не выказывалъ ни подозрительности, ни дурного расположенія духа. Онъ сталъ ребенкомъ, весельчакомъ, готовый дѣлать безумства и смѣшить всѣхъ. Онъ только и занимался тѣмъ, что старался разсѣять Шарля отъ его нездоровья и Марту отъ деревенской скуки.

Вечеромъ онъ заставлялъ ихъ засиживаться, по утрамъ будилъ ихъ; онъ заставлялъ ихъ гулять, посѣщать окрестности; онъ затѣвалъ длинныя прогулки, увеселяя ихъ всю дорогу. Но на водахъ онъ превзошелъ себя; комикъ позавидовалъ бы гримасамъ, съ которыми онъ проглатывалъ стаканъ воды, и надо было видѣть, какія шутки онъ устраивалъ человѣку, который раздавалъ стаканы съ водой изъ источника. Онъ его звалъ „мой племянникъ“ и разсказывалъ ему дѣло Фюалдесъ, въ перемежку съ „Соломенной шляпой“ изъ Италіи, припутывая сюда роль госпожи Мансонъ.

Короче сказать, Нашетъ развеселилъ Марту и обезоружилъ Шарля, и въ добродушномъ пожатіи руки, которое онъ получалъ отъ нихъ уѣзжая, онъ унесъ право бывать у нихъ въ Парижѣ.

Нашетъ уѣхалъ, деревня показалась Мартѣ пустой и безжизненной, какъ домъ, изъ котораго только что уѣхалъ школьникъ, и Марта еще сильнѣе впала въ скуку. Она почувствовала отвращеніе къ какой-бы то ни было дѣятельности, отказалась отъ всѣхъ прогулокъ, и сказываясь больной, не желая видѣть доктора, она проводила дни, лежа на диванѣ, безпокоя сонъ своего тѣла и души только для того, чтобы написать матери письмо въ четыре страницы. И надобно было Шарлю выдерживать постоянныя битвы и борьбу, чтобы заставить ее согласиться сдѣлать туръ въ красивомъ саду водъ.

LXVI.

Монбальяръ устроилъ такъ, что салонъ водъ подписался на „Скандалъ". Видя, что Марта смѣется, читая только что вышедшій номеръ, Шарль взялъ его и прочелъ:

Ingénue во власти невропата.
Современная исторія.

1.

Турецкій султанъ въ Европѣ—это публика.

Только публика имѣетъ сераль. Сераль публики—идеальный сераль, спѣшу сказать это; но что это за идеальный сераль!—Всѣ женщины Корнейля, Мольера, Расина, Шекспира, Виктора Гюго, Альфреда де-Мюссе, Скриба, Сиродена! однѣ приходятъ изъ черкесской земли трагедіи, другія оторваны совсѣмъ молодыми отъ лона комедіи: женщины въ прозѣ, женщины въ стихахъ; брюнетки, блондинки,—и всѣ увеселительные таланты, какихъ только можно желать! Тутъ есть плясуньи по веревкѣ и знаменитыя гадитанскія мимистки! Есть и декламаторши, и кокетки! Есть и такія, которыя вызываютъ слезы безъ причины! И другія, которыхъ господинъ Самсонъ научилъ искусству естественно улыбаться; или тѣ, которыя поютъ каскадные куплеты! Другія, которыя, открывая ротъ, какъ будто открываютъ клѣтку и выпускаютъ оттуда соловьевъ! Но это еще ничего; тамъ есть даже ingénues! Когда одна изъ султаншъ великаго султана бывала ему невѣрна, султанъ просилъ ее зашить себя въ мѣшокъ и бросить въ Босфоръ: султанъ мстилъ за себя самъ.

Когда одна изъ любимицъ публики обманываетъ ее передъ господиномъ меромъ, когда актриса выходитъ замужъ,—тогда Богъ мститъ за насъ!

2.

Сцена представляетъ столовую въ замкѣ Людовика XIII,—какъ въ романахъ Жоржъ Занда. За столомъ молодой человѣкъ и молодая женщина. Молодая женщина кажется очаровательной молодой дѣвушкой. У молодого человѣка синее лицо, сильныя гусиныя лапки, двѣ глубокихъ складки въ углахъ рта. — Молодая женщина наливаетъ себѣ воды и не вдѣваетъ пробку въ графинъ.

Молодой человѣкъ. Розальба! Пробку!
Молодая женщина (тихо). Что, другъ мой?
Мол. чел. Пробку!

Мол. женщ. (тихо). Ахъ! Пробка... Не раздражайтесь... вотъ она, другъ мой. (Она вкладываетъ ее въ графинъ).

(Молчаніе. Движенія скулъ у молодого человѣка. — Молодая женщина снова наливаетъ себѣ воды и опять забываетъ о пробкѣ).

Молодой человѣкъ. Пробку, Розальба! Пробка сдѣлана для того, чтобы затыкать графины!

Молодая женщина (тихо). Ахъ, какая я разсѣянная!.. Я забыла...

Мол. чел., (внѣ себя). Пробку!.. Пробку! Сейчасъ-же.— Развѣ вы не знаете, что я невропатъ, невропатъ...патъ!

(Съ нимъ чуть не дѣлается нервный припадокъ).

3.

Сцена представляетъ старую аллею, какъ въ романахъ Октава Фелье. Молодая женщина лежитъ въ гамакѣ. Молодой человѣкъ сидитъ на скамейкѣ. Другой молодой человѣкъ разсказываетъ о послѣднемъ часѣ чахоточнаго и о его некропсіи.

Мол. человѣкъ.—Чѣмъ это такъ пахнетъ, Боже мой?

Мол. женщина (тихо). Ничѣмъ не пахнетъ, другъ мой!

Мол. чел. Вы хотите уморить меня своими духами!

Мол. женщ. (тихо). Но, другъ мой, вы знаете, что я употребляю только ирисъ для моего бѣлья, съ тѣхъ поръ какъ...

Мол. чел. Ахъ, Господи! Чѣмъ-же это пахнетъ?.. А, жасминомъ! Жасминомъ... Дайте сюда вашу голову!

Мол. женщ. (тихо). Но...

Мол. чел. Дайте мнѣ вашу голову!.. Жасминъ, сударыня, жасминъ!

Мол. женщ. (тихо). Но, другъ мой, не могу-же я не помадить...

Мол. чел. (внѣ себя). Развѣ вы не знаете, что я невропатъ? невропатъ!.. Развѣ я не невропатъ, скажите докторъ?

(Съ нимъ чуть не дѣлается нервный припадокъ).

4.

Сцена представляетъ омнибусъ, какъ въ романахъ Генриха Монье. Этотъ омнибусъ перевозитъ изъ Труа на воды въ Сенъ-Совёръ анемичныхъ больныхъ. Сидятъ ужасные дѣти, распухшіе, вздутые, какъ мячики. Женщина, сидящая напротивъ Розальбы, вся сморщена, бѣлая какъ воскъ, съ провалившимися глазами, съ двумя зубами, торчащими наружу, съ головой муміи, которую распеленали.

Молодой человѣкъ.—Розальба, вы смотрите внизъ. Почему вы смотрите внизъ.

Молодая женщина (тихо). Другъ мой, мнѣ дурно при видѣ этой женщины; право дурно!

Мол. чел. Это значитъ, что я вамъ противенъ.

Мол. женщ. (тихо). О, мой другъ!.. Благодаря Бога вы никогда не будете такимъ.

Мол. чел. Это значитъ, что я не дошелъ еще до этого!

Мол. женщ. Успокойтесь, прошу васъ... Для насъ самихъ... На насъ глядятъ.

Мол чел. (внѣ себя). Что мнѣ за дѣло до этого?.. Вы забываете, несчастная, что я невропатъ... патъ!..

(Съ нимъ чуть не дѣлается нервный припадокъ).

5.

Сцена представляетъ кіоскъ, источникъ и стараго человѣка, наполняющаго стаканы, какъ въ желѣзистыхъ романахъ.

Молодой человѣкъ. Розальба! Что же вы не пьете?

Молодая женщина (тихо). Зачѣмъ, мой другъ? Мнѣ не надо... Я здорова.

Мол. чел. А, вы здоровы, а я боленъ, не такъ-ли?

Мол. женщ. (тихо). О, Боже мой!

Мол. чел. Еще не такъ боленъ, какъ вы думаете, не такъ, слышите-ли вы?

Мол. женщ. Право, надо быть святой...

Мол. чел. (внѣ себя). Святой! Святой! Будьте же невропаткой... невропаткой... паткой... паткой...

(Съ нимъ дѣлается нервный припадокъ).

И вотъ какъ Господь мститъ за публику, и какъ Онъ наказываетъ ingénue, невѣрную долгу, ingénue, не исполнившую своей обязанности холостяка: мужемъ и невропатіей.

Молланде.

— Неправда-ли, смѣшная статья? — сказала Марта.

— Тебя, значитъ, я очень заставляю страдать, Марта? — спросилъ Шарль.

— Но вѣдь это не я... Я ничего не говорила, увѣряю тебя... Молланде сдѣлалъ все это такъ... Только относительно доктора... Ахъ, про доктора. Я не говорю... тутъ я дѣйствительно... но относительно тебя, клянусь тебѣ!.. я сказала только, что ты... немного нервенъ... вотъ и все, право такъ... Статья Молланде была слишкомъ въ шутовскомъ тонѣ, чтобы оскорбить Шарля. Но Шарль угадалъ по запирательству Марты, откуда она идетъ, и это оскорбило его.

LXVII.

Время ихъ пребыванія на водахъ кончалось. Наступалъ канунъ отъѣзда; наконецъ, пришелъ и день отъѣзда. Когда укладывали чемоданы, Марта вспомнила:

— А гамакъ? Я объ немъ и забыла.—Шарль пошелъ за нимъ въ каштановую аллею. Но когда онъ пришелъ туда, онъ забылъ на минуту, что его надо отвязать; положивъ въ него локти, онъ глядѣлъ передъ собою въ свѣтящійся туманъ осенняго утра. Онъ походилъ на зарю, плавающую въ облакахъ. Все было въ туманѣ. Тысяча лучей ласкали голубоватымъ свѣтомъ группы деревьевъ и серебристую рѣку. Тутъ и тамъ вѣтка, покрытая росою, блестѣла на солнцѣ, какъ хрусталь. И Шарль стоялъ такъ облокотившись, въ послѣдній разъ окидывая взоромъ и сердцемъ это небо, эту воду, эти оголенныя деревья, которыя видѣли послѣдніе счастливые дни его любви.

LXVIII.

— Смотри и критикуй, мой милый... У тебя есть вкусъ... Я, видишь-ли, хотѣлъ осуществить что-нибудь во вкусѣ обстановки, которую Бальзакъ описываетъ у молодыхъ людей, живущихъ по модѣ...

Такъ говорилъ Флориссакъ Шарлю, только что вернувшемуся изъ Сенъ-Совёра. Онъ его нагналъ на углу улицы и заставилъ войти къ нему, посмотрѣть его новую квартиру.

— Ну, что? — продолжалъ Флориссакъ, — они были въ туалетной комнатѣ,—что ты скажешь? Неправда-ли, здѣсь есть все, чтобы быть холостякомъ?

— И красивымъ, вдобавокъ,—прибавилъ Шарль, смѣясь.

— Ты понимаешь, сначала я хотѣлъ все устроить en grand... Я всегда мечталъ имѣть туалетную комнату въ порядочныхъ размѣрахъ... Ты мнѣ скажешь, что есть люди, которые моются въ шкафахъ, это правда, но я терпѣть не могу фокусовъ... Да, другъ мой, такимъ, какимъ ты меня видишь, я уже больше не пишу, я ничего не дѣлаю, даже долговъ... и живу своей рентой. Это не скучнѣе, чѣмъ жить случаемъ... Я нашелъ на своей дорогѣ банкировъ, которые мнѣ понравились... они кладутъ мои деньги въ ямы, гдѣ монеты во сто су толстѣютъ... Но оставимъ это. Нравится тебѣ моя уборная?

Стѣны комнаты и широкій диванъ были обиты темно-синей кожей, лакированной какъ кожа каретъ. Кромѣ гравюръ, изображающихъ лошадиныя головы, знаменитыя скачки въ лѣтописяхъ англійскаго спорта, вставленныя въ лаковыя рамы, во всей комнатѣ были только туалетныя вещи.

Губки, щетки, подпилочки, всѣ инструменты античныхъ alipili и elacolhesii, усовершенствованныя и приспособленныя къ теперешнему времени, тысяча блестящихъ орудій, свѣтлыхъ какъ готовальни хирурговъ, саше, мыла, рисовая пудра, уксусы, косметики, эссенціи украшали, наводняли стѣны и этажерки изъ лимоннаго дерева. На огромной мраморной подставкѣ лежали туалетныя принадлежности изъ розоваго богемскаго хрусталя, и двѣ огромныя хрустальныя чаши блестѣли рубинами, освѣщенныя послѣдними лучами солнца.

— Такъ ты находишь это порядочнымъ?

— Очень хорошо... Очень хорошо... Единственная уборная, какую я до сихъ поръ видѣлъ.

— Ну, я очень доволенъ... Я очень дорожу твоимъ мнѣніемъ...

— Но, скажи пожалуйста, Флориссакъ, должно быть это имѣетъ безумный успѣхъ у...

— У безумныхъ куртизанокъ?—сказалъ Флориссакъ, дѣлая себѣ проборъ передъ зеркаломъ,—и не говори! Онѣ хотятъ все унести... Я долженъ былъ имъ сказать, что это все фамильные предметы... Что эти зубныя щетки принадлежали моему дядѣ... и это память о немъ!

Въ эту минуту между портьерами полуоткрытой двери скромно высунулась голова человѣка.

— А, это вы,—сказалъ Флориссакъ.—Положите это тамъ!.. У меня теперь нѣтъ времени... Вы придите въ другой разъ.

— Но,—сказалъ Шарль,—я тебѣ не хочу мѣшать.

— Мѣшать мнѣ? Напротивъ, я въ восторгѣ... Представь себѣ, что тотъ, котораго ты только что увидѣлъ, портной... но портной... литературный! Да, онъ позволяетъ себѣ любить писателей... Я когда-то по слабости доставлялъ ему удовольствіе и писалъ мои фельетоны у него... Милый мой, это опьяняло его... Наконецъ, онъ позволяетъ себѣ читать меня и исправлять мои эпитеты!.. Портной! Несчастный, обреченный одѣвать себѣ подобныхъ!.. Я очень доволенъ поставить его теперь на свое мѣсто... Онъ хотѣлъ, чтобы я бывалъ на его вечерахъ...

— Какъ, онъ принимаетъ, твой портной?

— Конечно, онъ принимаетъ... Онъ принимаетъ всѣхъ, кто ему не платитъ: это отлично устроено... А твоя жена? Она здорова?

— Да... совершенно здорова.

— Кстати, мнѣ сказали... Знаешь-ли что, она жалуется на тебя?.. Ты долженъ былъ видѣть... О, это сплетни. Но въ этихъ вещахъ лучше...

— Боже мой! Это статья Молланде...

— Да, статья Молланде... Но все равно, на твоемъ мѣстѣ я-бы объяснился съ женой... А что, играютъ тебя?

— Идутъ репетиціи.

— А твоя жена играетъ въ пьесѣ?

— Конечно... А что?

— Нѣтъ, я хотѣлъ спросить тебя... Ну, вотъ я и обрѣзался... Однако, ихъ новое изобрѣтеніе для ногтей неудачно.

— У тебя есть Caprichos Гойя?—спросилъ, входя, Ремонвиль.

— Здравствуй Шарль... Я дѣлаю одну работу...

— Гойя? Чортъ возьми! Рембрандтъ въ странѣ апельсиновъ... Великолѣпный экземпляръ!.. Я тебѣ его отъищу,— сказалъ Флориссакъ, подымая портьеру своей комнаты.

— Ты занятъ въ воскресенье?—спросилъ Ремонвиль Шарля.

— Нѣтъ. А что?

— Ты долженъ-бы поѣхать съ нами въ Севръ, посѣтить Галлана, который дрался. Знаешь?.. Ты его знаешь, Галлана?

— Я видѣлъ его.

— Поѣдемъ... Ты ему кстати долженъ сдѣлать визитъ: онъ дрался за всѣхъ насъ. Онъ получилъ ударъ шпаги за романъ Мэнара.

— Вотъ,—сказалъ Флориссакъ, подавая Caprichos Ремонвилю.

— Ты участвуешь въ компаніи,—сказалъ ему Ремонвиль:—визитъ Галлану, въ будущее воскресенье... Мы пообѣдаемъ тамъ гдѣ-нибудь.

— Невозможно,—сказалъ Флориссакъ.

— Въ которомъ часу?—спросилъ Шарль Ремонвиля.

— Въ три съ половиной, на Сенъ-Лазарской желѣзной дорогѣ... Рѣшительно ты не ѣдешь?—обратился Ремонвиль къ Флориссаку.

— Я никогда не обѣдаю въ деревнѣ... Если-бы я былъ господиномъ Лаландомъ, который ѣлъ пауковъ... Но я не господинъ Лаландъ...

Шарль, на улицѣ, очутился позади мужчины и женщины; идя не подъ руку, они занимали весь тротуаръ.

— Ахъ, мой милый,—говорила женщина,—ревность! Ни-

когда онъ не приведетъ никого изъ знакомыхъ. Онъ даетъ мнѣ ѣсть въ клѣткѣ!.. А когда я выхожу, онъ преслѣдуетъ меня... даже когда это ему стоитъ пять франковъ.

— Настоящій мужъ!—отвѣчалъ Кутюра, это ничего не значитъ, женщины могутъ пройти сквозь игольное ушко, это извѣстно!... И я обѣщаю тебѣ...

Шарль больше ничего не слышалъ. Дойдя до конца улицы, онъ остановился передъ магазиномъ картинъ. На выставкѣ была большая акварель Жиру, представлявшая балъ Мабиль, прелестный рисунокъ, въ которомъ рисовальщикъ, минуя подражанія, вложилъ свои наблюденія въ этотъ парижскій міръ и не только представилъ его копію, но и нравственную физіономію порока 1850 г. Шарль стоялъ передъ окномъ, разсматривая и внутренно апплодируя этому произведенію, когда позади него раздался смѣхъ и онъ почувствовалъ сильный толчекъ. Это былъ опять Кутюра, но на этотъ разъ съ Нашетомъ, оба шли подъ руку, съ полной откровенностью, показывая Шарлю, который обернулся, двѣ спины самыхъ интимныхъ друзей въ Парижѣ.

LXIX.

Шарль, придя домой, сказалъ своей женѣ, что въ воскресенье онъ поѣдетъ съ друзьями навѣстить одного журналиста, который раненъ, и что онъ не будетъ обѣдать съ ней. Марта очень мило произнесла: „Правда?“ и поцѣловала его въ глаза, чтобы лучше заглянуть въ нихъ,—хорошо, я буду обѣдать у матери, сказала она безъ всякой досады.

Въ воскресенье Шарль встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ Ремонвиля, Брессоре, Ламперьера, Буароже, Франшемона и Грансэ, который привелъ Жиру. Поѣхали, побывали у Галлана, ему было лучше и завтра должны были перевезти его въ Парижъ, затѣмъ принялись за поиски обѣда.

— Однако, гдѣ мы обѣдаемъ?

— Пойдемте прямо.

— Это всего дальше.

— Пойдемте въ Севръ.

— Въ ресторанъ, гдѣ цвѣтные стаканы! Мерси.

— Тогда въ Сенъ-Клу.

— Да, гдѣ мы будемъ отравлены въ „Черной Головѣ“... Тамъ поваромъ тѣнь Кастинга.

— А въ Отейль?

— Это у чорта на куличкахъ!

— Тамъ напечатаны на тарелкахъ стихи Буало.

— Пообѣдаемъ въ первомъ заброшенномъ замкѣ.

— Такихъ нѣтъ болѣе.

— Господа,—сказалъ Шарль—во время моихъ прогулокъ на лодкѣ я зналъ здѣсь одинъ кабачекъ, въ которомъ была настоящая говядина, свѣжіе продукты, какъ въ Неаполѣ, и особенная рыба въ маслѣ.... гордость хозяина! Подходитъ вамъ это? Хотите идти за мной? Это недалеко отсюда: въ Ба-Медонѣ...

Всѣ послѣдовали за Шарлемъ. Дорога шла вдоль берега Сены, усѣяннаго кирпичами, почернѣвшими отъ угля.

— Дай мнѣ руку,—сказалъ вдругъ Жиру Шарлю, пройдя нѣсколько шаговъ. — Это камни, неправдали?... Я совсѣмъ дѣлаюсь слѣпымъ, мой милый.

— Ты?

— Я теряю глаза... я вижу плохо... на желѣзной дорогѣ я едва узналъ тебя... Плохъ я сталъ... У меня какая-то глазная болѣзнь... не знаю названія!... у нихъ есть названія!.. Кончить этимъ, а? Это жестоко!... Это со мной сдѣлалось за рисункомъ... за моимъ послѣднимъ рисункомъ... Вдругъ, какъ ударъ изъ пистолета... Демаресъ лѣчитъ меня; но, увы! Это кончено..... я готовъ!... Ты видѣлъ мой рисунокъ?

— Балъ Мабиль, неправда-ли? Да, я видѣлъ его, это очень сильно, мой милый.... Блондинка, стоящая посреди..... и другіе... это типы.... настоящая бытовая живопись.

— Да, я не кое-какъ работалъ... я начиналъ что-то дѣлать.... И ничего не оставить послѣ себя... ничего, кромѣ глупостей! Иллюстраціи пожрали меня... я ничего не сдѣлалъ... ничего... Вотъ уже три года я мечтаю о парижскихъ сценахъ; я собиралъ этюды.... Мазать двѣнадцать часовъ въ день, въ продолженіе десяти лѣтъ!... И когда я начиналъ принадлежать самому себѣ, показывать себя... Я ничего не сдѣлалъ, я знаю отлично.... Но ты-бы увидѣлъ.... Я проводилъ ночи для этихъ негодяевъ издателей, губилъ свои глаза вмѣсто того, чтобы.... Я добывалъ деньги, вотъ все, что я сдѣлалъ!... Въ тридцать два года, чортъ возьми, быть подкошеннымъ!.... Мой Мабиль еще что; ты-бы увидѣлъ!.... Ну что-же, неудача! что ты хочешь?.... Кажется шесть или семь мѣсяцевъ я буду видѣть такъ, какъ теперь... Въ этомъ нѣтъ роскоши, какъ видишь... а послѣ этого... послѣ этого, покойной ночи! Я буду видѣть руками...

Дошли до ресторана. Двери и окна были открыты, но

домъ казался мертвымъ: ни звука, ни души. На ставняхъ дверей, на которыхъ съ одной стороны были изображены карпы, а съ другой—жаркое, былъ приклеенъ кусочекъ бумаги, гдѣ было написано: Заведеніе закрыто по случаю болѣзни. Требуется пріемникъ.

— Вотъ хорошо! Закрыто! Чортъ возьми, Шарль! Да благословитъ тебя Богъ!

— Погодите, раньше чѣмъ кричать.

И Шарль вошелъ въ большую залу, гдѣ стояла маленькая дрянная печка. Онъ узналъ эстраду въ глубинѣ, гдѣ когда-то въ одно изъ воскресеній подъ шумный и веселый оркестръ прыгали танцующія пары. Толкнувъ дверь, онъ спустился въ кухню,—другіе слѣдовали за нимъ,—и увидѣлъ около огня бѣднаго человѣка съеженнаго, изнуреннаго, съ сморщеннымъ лицомъ, между нитянымъ колпакомъ и кашне изъ коричневой шерсти; на немъ былъ фланелевый жилетъ, поверхъ панталонъ. Обѣ его руки, вытянутыя и окоченѣлыя, опирались дрожа на палку.

— Ахъ, это вы господинъ Шарль,—произнесъ человѣкъ приподымаясь.—Я васъ хорошо помню. Вы приходили прежде съ этими господами изъ Лонгшана... Видите, я боленъ теперь... вотъ уже два мѣсяца моя болѣзнь не покидаетъ меня... Моя жена умерла вотъ уже годъ, тринадцатаго числа этого мѣсяца... Доктора все испробовали... Теперь они хотятъ послать меня на морскія купанья... Это ничего, сколько васъ человѣкъ? Я постарась приготовить вамъ что-нибудь... Я не могу сдѣлать хорошо, все же я умѣю кое-что, господинъ Шарль!.. И у насъ есть барвена... Жанна!

Этотъ мертвый домъ, этотъ больной человѣкъ, нагнали грусть на компанію. Голодный желудокъ, ожиданіе обѣда, затѣмъ плохое вино привели гостей въ нервное расположеніе духа. Умы были зло настроены, разговоры сердитые, Шарль сердился и сердилъ другихъ. Да и всѣ были раздражены и мрачны. Брессоре замѣтилъ, что теноръ, который пѣлъ въ его оперѣ на репетиціи, совершенно не имѣлъ голоса. Франшемона продернулъ утромъ на четырехъ столбцахъ въ республиканской газетѣ одинъ очень умный человѣкъ. Ламперьеръ думалъ о чемъ-то, что заставляло его хмурить лобъ. У Ремонвиля были новые сапоги, которые ему жали. Буароже поссорился наканунѣ съ своей любовницей. Жиру думалъ о томъ, что ему скажетъ завтра окулистъ. А Шарль,

видя все такъ измѣнившимся, думалъ, что было почти также глупо желать возвращаться въ красивыя мѣстности своей молодости, какъ и въ красивыя мѣста своего счастья.

— Ну что-же, дѣло идетъ на ладъ?—сказалъ Шарль за столомъ послѣ перваго куска.

— Гмъ!

— Хлѣбъ черствый!

— Это обѣщаетъ.

— Наконецъ!

— Ты возьмешь?

— Нѣтъ.

— Это что такое?

— Говядина... поддѣльная!

— Господа,—сказалъ Шарль наскучивъ слушать,—есть очень простой выходъ: заплатимъ и вернемся обѣдать въ Парижъ.

— Чтобы сѣсть за столъ въ половинѣ второго, не такъ-ли?

— Мы теперь здѣсь...

— Изъ чего это сдѣлано?

— Что?

— Бифштексъ?—сказалъ Брессоре,—они дѣлаютъ его изъ филе Сенъ-Клу.

Острота не заставила смѣяться.

— Брр!.. Тутъ сквознякъ...

— Печка чадитъ, какъ человѣкъ.

Разговоры замолкли. Никто болѣе не говорилъ. Всѣ озабоченно ѣли.

— Знаешь-ли ты, что ты насъ покинулъ?—сказалъ Брессоре Шарлю.

— Какъ покинулъ!—сказалъ Шарль, который не хотѣлъ говорить о своей женѣ и отвѣчалъ, что его счастье заняло его.

— Если это такъ... Ты понимаешь...

Вилки въ тишинѣ стукали о тарелки. Ламперьеръ глядѣлъ на Шарля. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ:

— Однако, Шарль, надо это высказать... Тѣмъ хуже! Это мутитъ у меня на сердцѣ... Къ тому же я старше тебя... и твой другъ... Ты не хорошо обращаешься съ своей женой...

— Я?

— Мы между своими, и что я говорю не выйдетъ отсюда... какже ты оставляешь ее безъ гроша... она должна была занять двадцать франковъ у жены Вудене...

— Чья это шутка?

— Она не моя... и я не шучу.

— И ты повѣрилъ?..

— Какой интересъ твоей женѣ говорить это?

— А! Это она...—Шарль постучалъ ножемъ по стакану.

— Дѣвушка! Пошлите въ Севръ... намъ нужна карета въ шесть мѣстъ... Вотъ за дорогу... сейчасъ-же, мы спѣшимъ... Будемъ продолжать обѣдъ... я отвѣчу тебѣ въ Парижѣ, Ламперьеръ... и всѣмъ вамъ.

Тогда на порогѣ двери показался бѣдный человѣкъ, принявшій ихъ.

— Довольны-ли, господа?—сказалъ онъ, скромно поворачивая свой колпакъ въ своихъ парализованныхъ рукахъ.

Никто не отвѣчалъ.

Человѣкъ подождалъ немного; потомъ онъ мрачно вышелъ.

Пріѣхала карета.

— Куда ты насъ везешь?

— Въ Парижъ, ко мнѣ.

Въ дорогѣ никто ничего не говорилъ. Шарль позвонилъ у себя. Антуанъ отперъ:

— Барыня дома?—спросилъ Шарль.

— Она еще не пріѣзжала, сударь.

— Подите за слесаремъ.

Антуанъ вернулся со слесаремъ.

— Надо открыть комодъ,—сказалъ ему Шарль, показывая на комодъ своей жены.

Замокъ соскочилъ.

— Смотрите,—сказалъ Шарль своимъ друзьямъ, выбрасывая оттуда кошелекъ, гдѣ лежало триста франковъ банковыми билетами, золотыми монетами, и монетами въ сто су.

— Извини,—сказалъ Ламперьеръ, пожимая ему руку.— Я жалѣю тебя... а твоя жена...

— Довольно! Она моя жена...

Шарль слышалъ, какъ заперлась дверь. Друзьи его уѣхали.

LXX.

Когда Марта вошла, она нашла своего мужа блѣднымъ и серьезнымъ.

— Что съ тобой? — спросила она и подошла поцѣловать его.

Шарль оттолкнулъ ее.

— Шарль!.. Боже мой! Но что случилось?

— Что случилось, Марта? Вы сказали...

— О! „Вы...“—прервала удивленная Марта.

— Позвольте мнѣ кончить... вы сказали, что я васъ оставляю безъ гроша... вы отлично знаете, что это неправда...

— О! какія сказки!.. Это Ремонвиль или Ламперьеръ...

— Это не сказка, Марта... и вы это отлично знаете. Зачѣмъ?

— Во-первыхъ, я этого не говорила.

— Вы заняли двадцать франковъ у жены Вудене, а у васъ триста франковъ въ комодѣ... Это правда?.. Но не лгите же теперь, по крайней мѣрѣ!

— Но... я совсѣмъ не такъ сказала... Я сказала, что мнѣ нужны деньги, чтобы купить что-то, чего ты не хотѣлъ... Нѣтъ, слушай! Я лучше во всемъ признаюсь: мнѣ пришла глупая мысль въ голову... тебѣ никогда не приходило глупыхъ мыслей? Я хотѣла представиться просто на-просто несчастной женщиной... клянусь тебѣ. Ну полно, Шарль, я больше не буду... Это кончено... Я виновата... я прошу у тебя извиненія.

— Вамъ хотѣлось представиться несчастной женщиной?.. Но поймите же... Такими вещами не шутятъ... Вы не ребенокъ... Вы говорите подругѣ, женщинѣ, женѣ Вудене, сплетницѣ, вы это знаете... Но вѣдь это подлость, моя милая!.. Вы компрометируете, безчестите меня...

— Я увѣрена, вамъ это наговорили... Ваши друзья меня не любятъ... Кстати Шарль, скажи, вы были только одни мужчины?—сказала Марта, стараясь улыбнуться.

— Какъ вы глупы!

— Потому что васъ никогда не узнаешь,—и Марта наклонилась поцѣловать его.

— Мы были...—сказалъ Шарль, отталкивая ее,—вы отлично знаете, кто былъ, Ремонвиль, Франшемонъ...

— Они говорили тебѣ о твоей пьесѣ?

— Они знаютъ ее по репетиціи... Они ждутъ первой... Что хочешь ты, чтобы они говорили о ней?

— Знаешь... Такъ, между прочимъ... Ты увѣренъ въ фельетонахъ Ремонвиля и Франшемона, неправда-ли.

— Увѣренъ... Увѣренъ, конечно, какъ можно быть увѣреннымъ, т. е. если я провалюсь, они мнѣ не помѣшаютъ падать... но они постелятъ мнѣ матрацы...

— О, полно, она отлично идетъ, твоя пьеса... Я вѣрю въ успѣхъ, въ большой успѣхъ... Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ завидно предоставить тебѣ одному всю славу...

— Я не понимаю...

— Это ясно... такъ какъ машина идетъ сама собой, ты болѣе не нуждаешься во мнѣ... Роль утомительна, и...

— Ты не будешь играть?.. Ты не будешь играть въ моей пьесѣ?.. Въ этой пьесѣ, гдѣ я хотѣлъ... Ты не будешь играть?—и голосъ Шарля прервался.

— Ну, пожалуйста, прошу тебя, не впадай въ такое настроеніе. Въ Gymnase довольно женщинъ... Что ты хочешь? Эти эфекты не по моимъ силамъ... Маленькая вещица, напримѣръ... Она пойдетъ очень хорошо... Я... я не чувствую этой роли... Я предпочитаю сказать тебѣ это сама... Ты бы могъ взять...

— Ты не хочешь играть въ моей пьесѣ, неправда-ли?

— Тебя это очень сердитъ, скажи?

— Очень хорошо, милая Марта.

На другой день послѣ завтрака:

— Куда ты идешь?—сказала Марта Шарлю, который выходилъ.

— Въ театръ.

— Ты не подождешь меня? Вмѣстѣ выйдемъ.

— Нѣтъ.

Когда Шарль вернулся, у Марты былъ Нашетъ.

Нашетъ сдѣлался другомъ дома, и онъ изо всѣхъ силъ старался трубить объ „Очарованной нотѣ" въ маленькихъ газетахъ.

— Здравствуй, Нашетъ,—сказалъШарль,—знаешь-ли послѣднія новости?.. Моя жена не играетъ въ моей пьесѣ.

— Ба!—сказалъ Нашетъ съ удивленнымъ видомъ; и повернувшись къ Мартѣ, спросилъ:—Это правда?.. Что за идея!

— Боже мой! Я говорила Шарлю... Пьеса не по моимъ силамъ, вотъ и все... Публика меня ошикала-бы, а я не хочу скомпрометироваться...

— Вы позволите вамъ сказать, что вы очень неправы,—сказалъ Нашетъ Мартѣ.—Когда узнаютъ, что вы отказались отъ роли, послѣ того какъ приняли ее, изучали, репетировали, это поведетъ къ сплетнямъ, къ исторіямъ... Публика захочетъ сунуть свой носъ въ вашъ семейный очагъ... Парижскія извѣстія будутъ жить на вашъ счетъ въ продолженіе недѣли... Еслибы дѣло касалось интересовъ пьесы! Но оно касается интересовъ вашей семьи!.. Это поведетъ ко всевозможнымъ непріятнымъ шуткамъ на вашъ счетъ и на счетъ

Шарля... Нѣтъ, право, не дѣлайте этой глупости... Я знаю, что я не могу убѣдить васъ послѣ того, какъ Шарль не могъ убѣдить... но...

— О! васъ, мой милый,—сказала Марта,—васъ я не послушаю... Вы всегда поддерживаете моего мужа... Ну что-жь, я дѣлаю глупость, большую глупость, будутъ сплетничать, все что вы хотите... Но я не вижу необходимости рисковать въ роли, которая не въ моихъ средствахъ... я не хочу играть, и не буду.

— Но,—сказалъ Нашетъ будто-бы затрудняясь,—я никого не знаю въ Gymnase, кто-бы замѣнилъ...

— Одиль,—сказалъ Шарль,—она согласилась...

— Одиль! Ахъ правда,—сказалъ Нашетъ,—мы спасены!.. Она будетъ очаровательна...

— Однако,—сказала Марта Шарлю,—недолго я васъ заставила жалѣть о себѣ, мой милый... О! вы прекрасно сдѣлали... Право, вы не теряли даромъ времени!

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ Гейне.

Тебя на крыльяхъ пѣснопѣнья
Я унесу въ страну чудесъ,
Гдѣ Ганга пышное теченье,
Гдѣ пальмъ таинственный навѣсъ.

***

Сверкаетъ алыми цвѣтами
Въ лучахъ луны волшебный садъ,
И лотосъ съ тихими мечтами
Тамъ ждетъ тебя, какъ нѣжный братъ.

***

Фіялки млѣютъ, полны ласки,
И къ небу поднимаютъ взоръ,
Чуть слышно розы шепчутъ сказки,
Ведутъ другъ съ другомъ разговоръ.

***

Газель ихъ слушаетъ съ вниманьемъ
И скачетъ, какъ мечта—легка,
Вдали съ таинственнымъ журчаньемъ
Течетъ священная рѣка.

***

Мы тамъ устроимъ пристань нашу
Вдвоемъ съ тобой, любви полны,
Мы будемъ пить блаженства чашу
И видѣть золотые сны.

М. Данцова.

РОМАНЪ РОЯЛИСТА ВРЕМЕНЪ РЕВОЛЮЦІИ.

(По воспоминаніямъ графа де-Вирье).

Маркиза Коста де-Ворегаръ *).

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Портретъ Анри.—Его первая размолвка съ Преси.—Его планы окончательно отвергнуты.—Г-жа Вирье и ея дочери во время бомбардированія. — Голодъ въ Ліонѣ.—Массонскіе призраки.—Эпизоды героизма во время осады.—Переписка Анри съ его женою.—Вещи становятся дорогими друзьями.—Мистическія витанья.—Блокада сдвигается.—Сраженія учащаются.—Маленькій Аймонъ-де-Вирье.—Прибытіе генерала Доппе.—Измѣны.—Битвы подъ Перашемъ, въ Братто, въ Saint-Just.—Кутонъ.

I.

При Вирье въ качествѣ адъютанта, въ Croix-Rousse, состоялъ молодой дофинецъ, по имени Шевалье.

Шевалье, по протекціи Анри, попалъ въ Версали въ пажи за нѣсколько мѣсяцевъ до октябрскихъ событій. Такъ какъ весь штатъ короля былъ распущенъ, былъ отпущенъ и онъ; печальный онъ отбылъ въ Гренобль и пришелъ въ себя только при осадѣ Ліона; какимъ образомъ онъ встрѣтился съ Вирье въ Croix-Rousse — трудно сказать. Но съ этихъ поръ онъ не разстается съ нимъ и благодаря ему можно воспроизвести здѣсь портретъ Вирье какъ живого:

„Во всякое время дня или ночи, едва раздавался пушечный выстрѣлъ, мы отправлялись на него, Вирье впереди, я за нимъ. Казалось, его притягивалъ къ огню какой-то неотразимый магнитъ. Могу сказать, что опасность придавала ему силы, лицо его сіяло во время сраженья. Я никогда не видалъ его ни при какихъ другихъ условіяхъ такимъ красивымъ, такимъ спокойнымъ. Среди стычки онъ не терялъ изъ виду самыхъ

---

*) Окончаніе. См. „Вѣстн. Ин. Лит.“ № 8.

мельчайшихъ подробностей. Онъ бывалъ также спокоенъ, какъ въ то время, когда чертилъ планъ сраженія въ нашемъ маленькомъ домикѣ...

„На это Вирье употреблялъ тѣ немногія минуты отдыха, которыя намъ оставляли патріоты. Онъ постоянно утверждалъ, что для насъ успѣхъ возможенъ только въ открытомъ полѣ. Лучше умереть отъ пули подъ открытымъ небомъ, чѣмъ съ голоду и лишеній за стѣной... Отчего не хотѣли ему вѣрить?..“

Въ этомъ послѣднемъ размышленіи есть точно упрекъ Преси. Въ немъ чувствуется то искреннее сожалѣніе, давно ставшее острымъ у Вирье, объ упорствѣ генерала не покидать стѣнъ.

Увѣренность въ томъ, что его взглядъ въ настоящее время раздѣляла вся армія, вѣроятно, побудила Анри согласиться взять на себя командованіе, которое ему завѣщалъ Гранваль и въ которомъ Преси поспѣшилъ его утвердить.

Быть можетъ, Вирье надѣялся, какъ генералъ, повліять на рѣшенія, которыя теперь надлежало принять. Быть можетъ, онъ думалъ, что насталъ моментъ развернуть его знамя.

Роялистское направленіе проявлялось въ Ліонѣ такъ энергично, что Преси могъ публично принимать въ городской ратушѣ посланнаго графа д'Артуа.

По этому поводу у Анри вышла съ его генераломъ ссора, изъ-за которой несогласіе превратилось въ печальное недоразумѣніе.

Преси пригласилъ посланнаго графа д'Артуа на одно военное совѣщаніе, въ которомъ должны были обсуждаться разные планы сраженія.

Ознакомившись съ положеніемъ вещей, этотъ посланный высказался за атаку, которая вынудила бы всѣхъ мятежниковъ оставить Ліонъ.

Чувствуя себя счастливымъ, что такимъ образомъ формулировался его собственный взглядъ, Анри сильно стоялъ за офицера-эмигранта *) и указалъ на горы Форезъ, какъ на самую желанную цѣль стремленій. Онъ мечталъ создать тамъ новую Вандею. У него это даже сорвалось съ языка.

На это Преси замѣтилъ съ презрѣніемъ, что Ліонъ ни въ чемъ не похожъ на Вандею, и что отнюдь не слѣдуетъ предоставлять несчастнаго города въ руки республиканской

*) Его звали Терассъ де-Тессоне.

мести разъ, что онъ даже не подъ защитою обыкновенныхъ военныхъ законовъ.

„Не все ли это равно?—воскликнулъ внѣ себя Анри.—У меня самого въ немъ все, что у меня есть самаго дорогого, тѣмъ не менѣе, я считаю дѣло, которое мы отстаиваемъ, выше всѣхъ другихъ личныхъ интересовъ“...

И Вирье защищалъ свое мнѣніе съ такимъ жаромъ, что генералъ заставилъ его замолчать.

Анри замолкъ. Но, возвращаясь въ Croix-Rousse по этимъ опустошеннымъ улицамъ, при видѣ этихъ разрушенныхъ домовъ, этого населенія въ безъисходномъ положеніи, въ постоянныхъ поискахъ себѣ пріюта, онъ проклиналъ упрямство того, который, изъ-за неумѣстнаго состраданія, заставлялъ свою армію крошиться за заставами и вынуждалъ геройскій народъ погибать подъ развалинами.

Быть можетъ, онъ имѣлъ въ виду своихъ дѣтей, которыхъ не зналъ гдѣ искать, такъ какъ подъ дождемъ пуль, который разразился надъ Ліономъ, на долго не было ни одного безопаснаго жилища.

„Мы перемѣнили семь или восемь разъ квартиру, вѣчно гонимые пулями, вѣчно гонимые бомбами,—разсказывала m-elle де-Вирье.

„Одна изъ нашихъ послѣднихъ квартиръ была въ четвертомъ этажѣ одного дома, довольно непрочно построеннаго, въ концѣ Chemin-Neuf. Въ нашей комнатѣ было набито всякаго народа, между прочимъ, была одна дѣвочка нашего возраста, съ которой мы отправлялись вмѣстѣ на прогулки, не заботясь о гранатахъ“.

Развѣ могли дѣти бояться гранатъ, если ихъ посылали даже въ самый огонь подбирать пули, годныя еще къ употребленію.

M-me Вирье не разъ говорила, что, зайдя навѣстить дочерей, она узнавала, что ихъ употребляли на такое дѣло.

„Хозяйкѣ нашей, однако, такъ надоѣла наша возня,—продолжаетъ m-elle Вирье,—что, однажды вечеромъ, въ 9 часовъ, она насъ выгнала отъ себя. Приставленная къ намъ бѣдная Шинаръ не знала просто, куда насъ дѣть.

„Мы стучались во многія двери. Намъ иногда отворяли, но не соглашались насъ пріютить.

„Наконецъ насъ приняли въ одномъ домѣ, въ „Maison Savy“ у подошвы холма Фурвьеръ. Можно сказать, что наше несчастье спасло намъ жизнь. Въ эту самую ночь бомба попала

въ домъ, который мы только что покинули, и разрушила всѣ этажи.

„Не знаю, что сталось съ нашею строгою хозяйкою. Что касается нашей матери, то мы ее видали весьма рѣдко.

„Она тоже переѣзжала каждый день, спасаясь отъ бомбъ и пуль"...

Ту же участь несли 25 или 30.000 ліонцевъ.

Еще не всѣ были такъ счастливы, какъ маленькіе Вирье.

„Черезъ два дня послѣ приключенія въ Chemin Neuf насъ перевели на набережную Saint-Vincent къ двумъ старымъ дѣвамъ, m-elles Фейлье и Пюбліе,—почтенныя особы, довольно болтливыя, но онѣ спасли много несчастныхъ.

„Мы съ сестрой проводили большую часть времени у окна, гдѣ старая Шинаръ закрывала рѣшетчатые ставни, чтобы спастись отъ осколковъ бомбъ, которые разрывало и которые разлетались по всѣмъ направленіямъ.

„Черезъ рѣшетки мы видѣли печальныя картины, то раненыхъ, то женщинъ, спасавшихся отъ летѣвшихъ бомбъ, о которыхъ ихъ предупреждали прохожіе криками: „Берегись—бомба!" Однажды, мы увидали великолѣпную лошадь со сломанной въ сраженіи ногой. Ее убили почти подъ нашими окнами. Въ одну минуту ее ободрали до костей. Это произвело на насъ страшное впечатлѣніе, что, однако, не помѣшало намъ съѣсть съ большимъ удовольствіемъ кусокъ, который удалось заполучить нашимъ хозяйкамъ"...

II.

Ко всѣмъ ужасамъ бомбардированія присоединился голодъ, усилившійся съ возвращеніемъ въ Ліонъ вѣрныхъ отрядовъ изъ Фореза, которые, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ сраженій, прибывали въ городъ.

Это подкрѣпленіе явилось поздно. На него тратились послѣднія средства, а настоящей помощи отъ него не было съ военной точки зрѣнія, такъ какъ каждый день, или вѣрнѣе каждую ночь, были сраженія.

Между аванпостами ліонцевъ и крансейцевъ было одно общее кладбище, на которомъ трупы подъ лучами сентябрскаго солнца угрожали присоединить чуму къ пожарамъ.

По временамъ, точно для полноты безобразія трагедіи, мюскадицы и крансеянцы, между двумя побоищами, вмѣстѣ пили и чокались, какъ объ этомъ мечталъ Гейне: „За смерть".

О, тутъ не было недостатка ни въ чемъ, ни даже въ шуткахъ надъ смертью!

Однажды, вечеромъ часовъ около одиннадцати, солдаты Крансе аттаковали редуты Бротто. Вдругъ, въ дыму, при свѣтѣ ружейныхъ выстрѣловъ передъ ними выростаетъ скелетъ съ огненнымъ мечемъ. Затѣмъ появляются мертвецы въ саванахъ, съ желѣзными и золотыми вѣнками на головахъ. Въ рукахъ у нихъ ружья. На ружьяхъ штыки. И вотъ эта компанія съ того свѣта, со скелетомъ въ главѣ, со страшнымъ воемъ бросается вонъ изъ редута *). Вообразивъ, что имъ приходится имѣть дѣло съ адомъ, республиканцы, растерянные, бѣгутъ, но затѣмъ возвращаются снова... Они должны справиться съ этими духами такъ-же, какъ революція справилась съ иллюзіями Вирье...

Какая встрѣча, какой для него урокъ!

Въ этомъ самомъ домѣ, изъ котораго появились всѣ эти ряженные, онъ былъ посвященъ въ тайны массонства.

Дѣйствительно, здѣсь была ложа Благотворительности. Быть можетъ, этотъ скелетъ, этотъ мечъ, вся эта мишура была въ употребленіи при пріемѣ Вирье?

И всѣ его надежды прежнихъ дней заканчивались этой осадой, этимъ побоищемъ...

Увы! его надежды убѣгали подъ этими лохмотьями въ крови... Танецъ Смерти, который осмѣивалъ горькимъ смѣхомъ остатокъ его жизни и бросалъ послѣдній камень въ его прошлое . . . . . .

. . . . . .

Какое значеніе имѣетъ теперь разсказъ о битвахъ, которыя слѣдовали одна за другой?

Всякій пилъ изъ жилъ Ліона его лучшую кровь, а съ нею отлетала и жизнь всѣхъ. На валахъ одинъ уцѣлѣвшій замѣнялъ собой двухъ или трехъ убитыхъ.

Случалось людямъ бывать на посту безсмѣнно по три недѣли.

Усталый, измученный заботами, Анри не покидалъ высотъ Croix-Rousse, гдѣ каждую минуту его присутствіе могло быть нужно. Такъ же какъ Преси, какъ всѣ начальники, онъ отдавалъ людямъ свой хлѣбъ изъ овса и рубленой соломы. Онъ питался только вареными травами съ жиромъ, вытопленнымъ изъ парикмахерскихъ помадъ.

---

*) Исторія Ліонскаго народа. Балейдье.

Но всѣ лишенія, опасности, страданія были ничто сравнительно съ тѣмъ безпокойствомъ, которое онъ испытывалъ изъ-за жены и дѣтей.

Цѣлыми днями не удавалось Кара, вѣрному слугѣ Анри, передать коротенькую записку графинѣ Вирье отъ ея мужа.

„Мой отецъ нашелъ такимъ образомъ единственное средство поддерживать бодрость духа моей матери,—пишетъ m-lle Вирье, говоря объ этихъ отрывкахъ писемъ, изъ которыхъ нѣкоторые сохранились,—конечно, не поддерживая въ ней надеждъ, которыхъ онъ самъ давно не имѣлъ... но внушая ей великое христіанское смиреніе...

„Зачѣмъ отчаяваться въ жизни, въ томъ, что для тебя всего дороже?—говорилось въ одномъ изъ такихъ писемъ...—Если Богъ велитъ, придетъ время, когда надо будетъ подумать, какъ пережить горе... Уповай на Того, для Кого смерть—пробужденіе... передъ Кѣмъ умершіе живѣе живущихъ... но молись... всегда молись...

„Анна, когда была не въ силахъ болѣе говорить, молилась только движеніемъ губъ. Она запиралась въ храмѣ... Ея молитва была услышана“ . . . . . .

. . . . . .

III.

Какими друзьями становятся для насъ вещи, которыя принадлежали дорогимъ намъ людямъ! Все теперь, когда графиня Вирье теряла почти надежду увидѣть мужа, превратилось для нея въ святыню. Записка, написанная имъ, кольцо, которое онъ носилъ, воскрешали мучительно живо часы счастливаго прошлаго. Да, любовь своими чарами превращаетъ всѣ предметы въ сокровища, на которыхъ радости и слезы навсегда сохранены.

Для графини Вирье это чувство обострялось до смертельной боли по мѣрѣ того, какъ записки Анри носили въ себѣ все болѣе и болѣе оттѣнокъ мистицизма. Горячность, съ какою Анри старался замѣнить видѣніями неба то счастье, которое до сихъ поръ она сама ему давала, говорила объ отрѣшеніи, связанномъ со смертію.

„Не поддерживай въ себѣ твоей печали, окружая себя всѣми этими реликвіями, кольцами, волосами; немощный духъ любитъ окружать себя всѣмъ тѣмъ, что поддерживаетъ его

печаль и усиливаетъ его мученіе... Но повѣрь мнѣ, ставъ выше всего этого, перестаешь терзать свое сердце...

„Какъ можно придавать жизни такую цѣну, чтобы погибать изъ-за страха возможности смерти для своихъ близкихъ?

„Что значитъ буря, когда съ кораблекрушеніемъ связана тихая пристань?..

„Развѣ мы на землѣ не жертвы, постоянно осужденныя на закланіе? Неужели же мы, въ минуту жертвоприношенія, испугаемся, мы, столько разъ приносящіе ее?

„Іисусъ Христосъ не такъ поступалъ... Пусть крещеніе крови уничтожитъ собою все... все... все...“

И чтобы подкрѣпить это отрѣшеніе въ той, которую онъ любилъ, онъ заканчиваетъ словами: — „Нѣтъ, не буду говорить тебѣ болѣе о моемъ чувствѣ къ тебѣ...“

Съ тѣхъ поръ онъ не писалъ до дня послѣдняго сраженія, когда онъ попросилъ жену прислать ему священника, который бы помогъ ему умереть...

Между тѣмъ республиканскія войска, все болѣе и болѣе многочисленныя, прибывали къ стѣнамъ Ліона. Скоро ихъ численность дошла до 80.000 человѣкъ.

17 сентября городъ былъ окончательно блокированъ. Теперь не оставалось никакихъ иллюзій. Слишкомъ поздно понялъ Преси свою ошибку.

Онъ думалъ разорвать кругъ, въ который попалъ, овладѣвъ позиціями Монтесюи, впереди Croix-Rousse. Но изъ-за измѣны одного офицера Рё, подкупленнаго Крансе, этотъ планъ потерпѣлъ неудачу.

Другое событіе печальное, но геройское, приключилось въ Дюшеръ *) 19 сентября. Пятьдесятъ мюскадинцевъ помѣшали дѣйствіямъ тысячи крансейцевъ. Когда, наконецъ, въ редутѣ рисковали остаться безъ провіанта, огонь прекратился. Каждый изъ оставшихся въ живыхъ зарядилъ ружье послѣднимъ патрономъ, сѣлъ въ засаду за обвалившіяся стѣны и, когда передъ каждымъ выросла непріятельская грудь, эти 10 оставшихся человѣкъ, выпалили. Затѣмъ, скрестивъ руки, они стали ожидать себѣ смерти взамѣнъ той, которую они причинили. Но сколько бы ни было героизма въ этомъ пораженіи, оно открывало непріятелю доступъ въ Ліонъ. Онъ могъ взять теперь съ фланга всѣ укрѣпленія Croix-Rousse и лишить ихъ всякой возможности обороны.

*) Дюшеръ былъ редутъ на правомъ берегу Соны, на сѣверо-западной сторонѣ Croix-Rousse.

По настоянію Вирье, Преси, наконецъ, рѣшился на вылазку для того, чтобы разрушить всѣ подготовленія непріятеля для нападенія, сдѣланныя имъ до самой Соны. Все было уже окончательно рѣшено, Анри долженъ былъ вести колонну, какъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, главнокомандующій генералъ внезапно отмѣнилъ приказаніе.

На этотъ разъ Вирье вышелъ окончательно изъ себя, онъ былъ взбѣшенъ словами генерала болѣе подходящими для филантропа, чѣмъ для военнаго человѣка.

„Я отступаю передъ вопросомъ пролитія крови... Кровь нашихъ солдатъ слишкомъ драгоцѣнна... Я обязанъ ее беречь"...

Если до сихъ поръ со стороны Преси было ошибкою щадить жизнь его людей, то теперь онъ былъ правъ, ихъ смерть являлась безполезною.

IV.

Фатальный исходъ былъ не только несомнѣненъ, но даже близокъ. Вирье видѣлъ, какъ непріятель занялъ всѣ позиціи обороны. Весь городской округъ былъ въ его рукахъ. Въ нѣсколькихъ лье отъ Croix-Rousse, деревня де-Фонтень, куда Лане отвезъ маленькаго Аймона Вирье, была, какъ это зналъ Вирье, главною квартирою одного республиканскаго главнокомандующаго. Что же сталось съ ребенкомъ? Былъ-ли онъ узнанъ? Служилъ-ли онъ залогомъ? Былъ-ли онъ убитъ?

Изъ всѣхъ печалей, это невѣдѣнье, въ какомъ Анри и его жена жили со времени осады Ліона, была, конечно, не самая меньшая. Анри суждено было умереть въ этомъ невѣдѣніи. Быть можетъ, это и была та послѣдняя жертва, которою онъ искупилъ своего сына.

Неизвѣстно кѣмъ извѣщенная, что маленькій Аймонъ въ Фонтенѣ, m-me Турне, вѣрная охранительница Пюпетьера, прибыла, чтобы взять ребенка, какъ разъ въ то время, когда его покинулъ человѣкъ, которому онъ былъ порученъ.

Доставить мальчика къ матери не было никакой возможности. M-me Турне повезла его въ Гренобль. Но вскорѣ она сама была арестована. Тогда она поручила ребенка одной своей пріятельницѣ, бѣдной работницѣ, которую бѣдность не могла долго оберегать. Когда и она была арестована, старый лакей графа дю-Бушажъ, по имени Эспри, взялъ на себя попеченіе о сынѣ Анри. Затѣмъ онъ, въ свою очередь, пере-

далъ его подъ прозваніемъ „маленькаго Симона“ его седьмому покровителю, торговцу сукномъ въ Греноблѣ, Рюбишону. Неслыханная вещь, ребенокъ не выдалъ себя и никто, кромѣ m-me Турне, не зналъ его настоящаго имени!..

Бомбардированіе, между тѣмъ, продолжалось особенно усиленно въ ночь съ 23-го на 24-е сентября. Это республиканцы справляли прибытіе въ Ліонъ новаго своего главнокомандующаго. Его звали Доппе.

„Эти м... мюскадинцы,—говорилъ Доппе, вступая въ свою должность, — повидимому заключили союзъ съ сатаною, иначе они не могли бы такъ долго противостоять дождю свинца и желѣза, которымъ кропятъ городъ...

Въ ночь съ 28-го на 29-е сентября, одинъ предатель продалъ новому главнокомандующему слово пропуска. Редуты, которые защищали деревню Сентъ-Фуа, на юго-западѣ Ліона, были такимъ образомъ взяты безъ боя. Преси въ это самое время отражалъ нападеніе по направленію къ Бротто, разсчитывая, что у него защищенъ тылъ съ юга и запада и вдругъ очутился между двухъ огней. Но скоро его и безъ того критическое положеніе, осложнилось еще новою измѣною.

Черезъ мостъ де-ла-Мюлатьеръ, несмотря на данное приказаніе его взорвать, былъ пропущенъ республиканскій генералъ Валеттъ.

По счастью, нѣсколько молодыхъ людей замѣтили опасность. Съ трудомъ имъ удалось выдвинуть въ батарею двѣ пушки и непрерывные залпы изъ нихъ смутили крансейцевъ и оповѣстили Преси.

Генералъ немедленно прибылъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ. При видѣ непріятеля дано было приказаніе палить. И, взявъ поводъ въ зубы, съ саблею въ рукахъ, его 150—200 человѣкъ бросились на отрядъ де-Валетта.

Тѣмъ временемъ подоспѣваетъ нѣсколько ротъ пѣхоты, онѣ вступаютъ въ рукопашный бой съ санкюлотами. Дерутся прикладами ружей, саблями. Подъ Преси было убито три лошади.

Идутъ по трупамъ. Два, три раза ліонцы были отбиты; они снова наступаютъ на врага, одолѣваютъ его и загоняютъ въ рѣку.

Никогда не было болѣе кровавой стычки. Два всадника изъ отряда Преси рѣшаютъ состязаться, кто дальше проникнетъ въ ряды республиканцевъ. Тотъ, который, повидимому долженъ былъ выиграть, падаетъ замертво отъ трехъ ударовъ саблею; это оказывается женщина...

Таковъ былъ послѣдній блескъ ліонскаго оружія. Въ Братто, въ Сенъ-Жюстъ, въ Перрашъ, вездѣ непріятель бѣжалъ.

Тѣмъ не менѣе послѣдующій день этой побѣды былъ такъ-же мраченъ для Ліона. Всякій понималъ, что подобное усиліе не могло болѣе повториться. У всякаго было сознаніе своего безсилія и измѣны, которая носилась въ воздухѣ.

Кутонъ, креатура Робеспьерра, долженъ былъ довершить дѣло, предпринятое Дюбуа Крансе.

Съ нимъ паденіе въ бездну ужаса становилось еще болѣе глубокимъ.

Съ нимъ всѣ плѣнные дѣлились достояніемъ палачей, а городъ—достояніемъ разрушителей. Полное истребленіе всего, не уцѣлѣютъ даже имена жертвъ.

„Не украшай ничѣмъ могилы тѣхъ, кто погибъ напрасно за отчизну".

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Послѣдняя записка Анри.—Призраки и пробужденіе.—Бѣдствіе Ліона.—Письмо одного патріота. — Мертвые, измѣнники, бунтъ. — Преси соединяетъ секціи.—Депутація къ Кутону.—Его отвѣтъ.—Послѣдняя измѣна.—Военный совѣтъ.—Рѣшительный исходъ.—Вирье проситъ о командованіи аріергардомъ.—Анри у своей жены.—Аббатъ Форестье.—Послѣдняя обѣдня въ лагерѣ.—Планъ Преси.—Армія покидаетъ Ліонъ.—Аріергардъ отрѣзанъ.—Отчаянная атака.—Вступленіе санкюлотовъ въ Ліонъ.—Бѣгство m-me Вирье и ея дочери.—Туанонъ Трико.—Первый этапъ.

I.

Вотъ послѣдняя записка, которую графиня де-Вирье получила отъ мужа.

Послѣ просьбы къ женѣ прислать ему священника, которому онъ довѣрялъ, онъ прибавляетъ:

„...Конечно, я страдаю, но душа моя переживаетъ особое наслажденіе... Непріятель можетъ излить всю свою ненависть на мой трупъ, но духъ мой, мыслящій, любящій тебя, я чувствую, вступаетъ побѣдителемъ въ жизнь вѣчную...

„Прости, что увлекаю тебя на такую высь. Но вся скорбь твоего отчаянія нуждается въ этомъ отвлеченномъ утѣшеніи. Чѣмъ болѣе у человѣка отнято, тѣмъ болѣе ему посылается утѣшенія. Отчего-бы тебѣ тоже не отдаться этимъ мыслямъ, не забыться въ нихъ?.. Зачѣмъ бояться, зачѣмъ смущаться передъ призывомъ твоего Отца Небеснаго и не отвѣтить Ему: „Я здѣсь..?"

Но развѣ могла она, подъ бременемъ своей нѣжности, унестись такъ высоко?.. Однако Анри желалъ дѣлить съ ней свое сердце даже въ тѣхъ свѣтлыхъ обителяхъ, которыя рисовались ему. Чтобы увлечь ее, въ его любви звучали нотки, присущія первымъ мученикамъ.

„О, вѣчное блаженство, неужели оно будетъ извѣдано ею такъ же, какъ мною?“ . . . . . .

. . . . . .

Въ звѣздную ночь, на вершинахъ Croix-Rousse, пропитанныхъ кровью, подъ звуки „Ça ira“ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, Анри писалъ эти строки. Передъ его внутренними очами промелькнула вся его жизнь. Какъ то поле битвы передъ нимъ, усѣянное трупами, такъ она была полна печали. Его душа покидала эти развалины. Она возносилась въ небесныя высоты и въ мечтахъ своихъ Анри слѣдилъ за ея полетомъ къ престолу Всевышняго, куда ее влекли ангелы и его добрыя намѣренія . . . . . .

Но съ первыми лучами зари что оставалось отъ этихъ призраковъ?

Было утро 7 октября; огни осаждающихъ усиливались. Все предвѣщало конецъ ужасной драмы.

Соломы и овса, изъ которыхъ дѣлался хлѣбъ, уже не было болѣе. Въ городѣ ничего не уцѣлѣло, кромѣ храбрости.

„Вчера,—писалъ одинъ солдатъ изъ отряда Крансе,—бомба попала въ редутъ, въ которомъ было около 500 мерзавцевъ съ ихъ шайкою... Подѣломъ вамъ, мюскадинцы!“...

Даже въ погребахъ было не безопасно. Случалось-ли какому нибудь несчастному умереть въ нихъ, его оставляли тамъ до перерыва огненнаго дождя, чтобы вернуться за нимъ и похоронить его. Можно было, какъ жирондисты, когда они провели послѣднюю ночь въ заперти съ трупомъ Валазе, пожавъ руки мертвецамъ, сказать: „До завтра!..“

„Что касается насъ,—пишетъ m-elle де-Вирье,—мы покинули домъ Фейлье и Пюбліе, когда онъ былъ разрушенъ бомбами, и вернулись въ домъ Сави или скорѣе въ его погребъ, гдѣ уже собралась порядочная компанія бѣглецовъ. Этотъ погребъ казался прочнымъ. Думали, что онъ не подвергается дождю бомбъ. Но насъ не пощадилъ голодъ. Намъ выдали тамъ по гарнцу овса на человѣка. Какой-то голодный котъ скралъ у насъ нашъ послѣдній картофель. Въ продолженіе двухъ дней мы питались развареннымъ въ водѣ овсомъ—и мы еще были изъ счастливыхъ“.

Она была права. Если нищета и голодъ были такъ же не милосердны, какъ санкюлоты, по крайней мѣрѣ, дѣти не испытывали тѣхъ мученій, которыя приходилось выносить изъ-за измѣны, теперь примѣшивавшейся ко всѣмъ бѣдствіямъ.

На всѣхъ стѣнахъ были вывѣшены заявленія противъ генерала Преси, противъ Вирье, противъ всѣхъ, кто руководилъ обороною.

Напрасно Преси приглашалъ прокламаціею... „добрыхъ гражданъ выдать мерзавцевъ, которые прячутся"... Они скоро перестали прятаться. Въ городѣ стали появляться все смѣлѣе якобинцы, у которыхъ, изъ состраданія, не была отнята жизнь. За ними сперва шли только предатели, но вскорѣ къ нимъ присоединились всѣ негодяи, а наконецъ и всѣ потерявшіе надежду.

Нѣсколько постовъ было оставлено. Мѣстами вспыхивали пожары и не отъ бомбъ Кутона. Начинался мятежъ, чтобы побѣдить послѣднее сопротивленіе.

Надежды больше не было, но таковъ былъ импульсъ, такъ сильна была пріобрѣтенная сила скорости, что никто не рѣшался произнести вслухъ слова „капитуляція", которое подавило бы всякую волю, всякую храбрость, всякое сожалѣніе.

Преси созвалъ всѣ части, и прежде чѣмъ было изложено положеніе вещей, совѣщаніе началось съ соревнованія въ жертвахъ.

Одинъ юрисконсультъ Ліона, Беро, предложилъ принести себя въ жертву Кутону, чтобы спасти городъ. Преси шелъ на то же. Затѣмъ обсуждалась отчаянная борьба, и было рѣшено взрывать дома, которые нельзя было бы защитить.

Это геройское рѣшеніе, вѣроятно, было бы принято, но тутъ оказались женщины, дѣти, раненые, о судьбѣ которыхъ слѣдовало позаботиться.

Остановились на крайней мѣрѣ: послать Кутону 32 коммиссара представителями 32 частей, съ предложеніемъ капитуляціи, но съ условіемъ, чтобы ни одинъ начальникъ не былъ преданъ Конвенту.

Было 10 часовъ вечера, когда коммиссары предстали предъ Кутономъ въ главной квартирѣ Сенъ-Фуа. Негодяй взбѣсился и отвѣтилъ имъ, „что нечего разговаривать объ условіяхъ и что Ліонцы подпадутъ подъ тѣ условія, которыя республикѣ будетъ угодно даровать мятежникамъ, недостойнымъ умереть отъ гильотины".

Коммиссары удалились, прекративъ всякіе переговоры. Но ихъ ожидало новое горе.

Въ то время, какъ велись переговоры, одинъ измѣнникъ открылъ солдатамъ Кутона ворота Сенъ-Клеръ, у подножія Croix-Rousse.

Ночью произошла одна изъ самыхъ ужасныхъ стычекъ со времени начала осады.

Мюскадинцы и санкюлотты въ общей свалкѣ падали въ Рону.

Съ открытіемъ воротъ Сенъ-Клеръ, Ліонъ былъ всецѣло преданъ, у него была отнята всякая возможность устоять хоть бы одинъ день противъ войска Конвента. Если оно не перешло Рону въ эту ночь, то было несомнѣнно, что съ первою зарею городъ будетъ за нимъ.

Преси созвалъ послѣдній военный совѣтъ. Всѣ обстоятельства были быстро взвѣшены... Послѣ лихорадочныхъ преній, было рѣшено, что единственная мѣра, представляющая нѣкоторые шансы благополучнаго исхода, это открыть себѣ выходъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Но и на этотъ разъ Анри не одобрилъ распоряженій генерала. Онъ стоялъ за нападеніе на непріятеля сплошною массою, вмѣсто попытки разорвать отдѣльными колоннами кругъ, въ который былъ заключенъ Ліонъ.

Споръ, какъ всегда, все усиливался между двумя генералами. Преси, который сознавалъ, что Вирье былъ правъ въ своихъ взглядахъ—къ сожалѣнію, все случившееся подтверждало это—вышелъ изъ себя и прекратилъ споръ словами, равносильными приговору смерти для Анри:

„Военный повинуется, а не разсуждаетъ“... На что отецъ мой отвѣтилъ, что „онъ проситъ разрѣшить ему командовать арьергардомъ, который онъ считалъ неминуемо пожертвованнымъ“...

Эти строки принадлежатъ m-lle де-Вирье.

II.

Возвращаясь въ Croix-Rousse, Вирье зашелъ къ женѣ, чтобы предупредить ее о сдѣланныхъ распоряженіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, не говоря того, чтобы проститься съ нею.

Что было между ними? Слова безсильны то передать. Какъ выразить то, что невыразимо? Иногда слова не соотвѣтствуютъ впечатлѣніямъ. Тогда умолкаютъ, какъ закрываютъ лицо, закрываютъ глаза, какъ перестаетъ биться сердце передъ нѣкоторыми слишкомъ сильными волненіями.

Объ этомъ послѣднемъ свиданіи Анри съ женою извѣстно только одно, что графиня Вирье приняла геройское рѣшеніе не слѣдовать за мужемъ.

„Отецъ и мать понимали, что, подвергаясь оба той же опасности, они рисковали оставить насъ безъ всякой опоры на землѣ и, что изъ любви къ намъ, надо было, чтобы одинъ изъ нихъ согласился пережить другого".

. . . . . .

Анри напрасно прождалъ священника, за которымъ послала жена. Послѣднія приказанія, которыя ему предстояло дать, заставили его поспѣшить въ Croix-Rousse. Онъ ушелъ, поручивъ передать аббату Форестье, что онъ ждетъ его въ главной квартирѣ.

Аббатъ Форестье, впослѣдствіи епископъ въ Троа, записалъ эти послѣднія минуты Анри, которыя дочь его сохранила, какъ драгоцѣннѣйшее наслѣдство.

„Отдавъ свои послѣднія приказанія, время до самаго часа выступленія онъ провелъ со своимъ духовникомъ. Затѣмъ онъ открылъ дверь и увидалъ въ комнатѣ, въ которую она вела, нѣсколькихъ офицеровъ, ожидавшихъ его.

„Господа,—обратился онъ къ нимъ,—пусть всѣ тѣ изъ васъ, которыхъ привязываютъ къ жизни слишкомъ дорогіе интересы, не слѣдуютъ за арміею. Быть можетъ, имъ удастся бѣжать въ первую минуту безпорядка. Что касается тѣхъ, которые рѣшили слѣдовать за мною, они не должны отъ себя скрывать, что только немногіе изъ нихъ избѣгнутъ смерти. Я совѣтую имъ сдѣлать тоже, что я сейчасъ сдѣлалъ. Вѣра христіанина не повредитъ храбрости солдата".

. . . . . .

Вотъ конецъ этой восхитительной сцены. Священникъ-воинъ устроилъ импровизованный аналой изъ барабановъ, снялъ свой военный мундиръ, чтобы отслужить обѣдню. Это была настоящая панихида! Моментъ возвышенія Даровъ былъ чрезвычайно торжественъ. Когда Анри всталъ съ колѣнъ, послѣ принятія Св. Даровъ, лицо его сіяло . . . . . Затѣмъ каждый вернулся къ своему посту.

Преси разсчитывалъ подняться по Сонѣ до Треву, перейти тамъ рѣку, затѣмъ двинуться на востокъ, чтобы добраться до горъ Юры.

Планъ былъ смѣлый, тѣмъ болѣе смѣлый, что войско, употребленное на блокаду, получило только что подкрѣпленіе.

Между тѣмъ рекогносцировки, сдѣланныя подъ наблюде-

ніемъ самого генерала на сѣверо-западѣ Ліона, заставляли его предполагать, что тамъ былъ именно слабый пунктъ непріятеля. По всему направленію этой мѣстности дорога была невредима. Принявъ все это въ соображеніе, Преси сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Первой колоннѣ было дано приказаніе подняться на правый берегъ Соны до встрѣчи съ аванпостами Кутона. Тамъ, не атакуя, она должна была ожидать прибытія двухъ другихъ колоннъ, которыя образовали бы центръ и аріергардъ маленькой Ліонской арміи; затѣмъ, соединившись, имъ предстояло попробовать прорвать линію обороны между деревнями Сенъ-Сиръ и Сенъ-Рамберъ.

Преси указалъ своему войску на предмѣстье Везъ, какъ на сборный пунктъ.

Къ несчастью, не захотѣли воспользоваться ночью для выступленія, какъ того требовалъ Анри. Было около шести часовъ утра, когда первыя двѣ колонны были готовы къ выступленію. Авангардъ, состоявшій изъ 50 егерей и около 120 конныхъ, подъ командою генерала Римберга, долженъ былъ подняться по Сонѣ. Вторая колонна, которою командовалъ самъ Преси, состояла всего изъ 300 человѣкъ. Это были дюжіе солдаты, съ которыми, какъ было сказано въ отчетѣ генерала, онъ бы прорвался, еслибы ходъ у него не былъ замедленъ пушками, а главное, еслибы въ рѣшающій моментъ подоспѣлъ аріергардъ, находившійся подъ командою Вирье.

Но съ первой же минуты злой рокъ сталъ преслѣдовать Анри. На его отрядѣ лежала забота о денежномъ ящикѣ, а также возня съ женщинами, дѣтьми, больными, которые примыкали къ его отряду при всякомъ поворотѣ улицы. Вслѣдствіе этого, Анри явился на сборный пунктъ только въ 8 часовъ утра. Какъ бы то ни было, въ своемъ рапортѣ Преси ставитъ ему въ большую заслугу этотъ трудный переходъ изъ Croix-Rousse въ Везъ.

Наконецъ, когда пробило 9 часовъ, генералъ далъ приказаніе выступать *). Авангардъ Римберга выступилъ церемоніальнымъ маршемъ. За ними слѣдовали главныя силы и аріергардъ тѣмъ же маршемъ въ условленномъ направленіи.

Но едва Преси, за которымъ слѣдовалъ Вирье, миновалъ послѣдніе дома въ Везъ, онъ попадаетъ подъ огонь пяти батарей, разставленныхъ слѣва отъ него на высотахъ Совгардъ и Дюшеръ.

---

*) 9 октября 1793.

Ліонцы не останавливаются, они овладѣваютъ всѣми постами, которые заграждаютъ имъ путь.

На минуту войска Преси въ нерѣшимости. Дорога, по которой они слѣдуютъ, насыпная. Полурота санкюлотовъ размѣщена на откосѣ и такъ и палитъ навѣсными выстрѣлами. Но вотъ съ ружьемъ въ рукѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей, генералъ внезапно появляется на противоположномъ откосѣ, онъ отбиваетъ удары въ упоръ и ему удается освободить такимъ образомъ свою колонну. Еще нѣсколько минутъ, и дѣло было бы непоправимо, такъ какъ со всѣхъ сторонъ набѣжали патріоты на выручку.

Также, какъ и двѣ переднія колонны, колонна, которую велъ Анри, шла въ полномъ порядкѣ.

Все это населеніе, которое спасалось подъ его крыломъ, храбро выносило пушечную пальбу, какъ вдругъ взрывъ порохового ящика произвелъ въ рядахъ такой безпорядокъ, что прошло нѣсколько минутъ прежде, чѣмъ Вирье могъ заставить свой отрядъ идти дальше.

Этихъ нѣсколькихъ минутъ было достаточно для того, чтобы пробоина, сдѣланная Преси, снова закрылась. Анри пришлось имѣть дѣло съ настоящей стѣной изъ желѣза и огня. Его положеніе казалось ему безнадежнымъ. Его люди и онъ, быть можетъ, и прошли бы, но какъ отдать на штыки все это стадо женщинъ, которыя вертятся около его солдатъ, обезумѣвъ отъ ужаса? Туманъ, окружавшій до сихъ поръ колонну, разсѣялся. Веселое солнце вдругъ освѣтило невообразимый безпорядокъ, среди котораго выдѣляется образъ равнодушнаго человѣка. Къ нему-то и тянутся эти руки умоляющихъ женщинъ и обращаются взоры этихъ солдатъ, молящихъ о послѣднемъ приказаніи.

Какое приказаніе можетъ онъ дать? Судьба сильнѣе его воли, его храбрости. Стоя на стременахъ, Анри движеніемъ руки указываетъ на санкюлотовъ, затѣмъ нагибается, пришпориваетъ лошадь и, въ порывѣ безумной отваги, исчезаетъ въ рядахъ непріятеля.

III.

Въ то время, какъ происходили эти ужасныя событія между Везъ и Сенъ-Рамберъ, Ліонъ былъ въ положеніи большого города послѣ землетрясенія.

Среди развалинъ бродили несчастные, вылѣзшіе изъ подваловъ. Ослѣпленные свѣтомъ, они едва узнавали другъ друга.

У воротъ города трещатъ республиканскіе барабаны... Многіе готовы бѣжать. Куда? Сами не знаютъ. Они бѣгутъ, снуютъ по улицамъ... Нѣсколько измѣнниковъ выдѣляются изъ этой запыхавшейся толпы. Они бросаются на встрѣчу республиканской арміи, которая, по ихъ мнѣнію, слишкомъ медлитъ. Да, дѣйствительно, она медлила, она, точно полная уваженія къ оборонѣ, не рѣшалась переступить за ворота Ліона.

Какъ Анри и предвидѣлъ, эта нерѣшительность должна была спасти многихъ несчастныхъ, а съ ними и его жену, и его дѣтей.

„Начинало свѣтать,—пишетъ m-lle де-Вирье,—со всѣхъ сторонъ раздавалась пушечная пальба, и мы съ сестрой раздѣляли всеобщій ужасъ. Въ это время къ намъ явилась Софи, горничная нашей матери; Софи велѣла намъ надѣть по двѣ пары чулокъ, по двѣ рубашки, по два платья одно на другое. На головы она намъ надѣла ситцевые чепчики и мы вышли безъ всякаго другого багажа. Всякій узелокъ обратилъ бы на себя вниманіе. Въ такомъ видѣ мы отправились къ нашей матери, въ Сенъ-Жюстъ, гдѣ, по словамъ Софи, она нашла себѣ пристанище въ крестьянскомъ домѣ.

„Поднимаясь по новой дорогѣ, мы шли вмѣстѣ съ отрядами революціонернаго войска, которые входили.

„Мы не видѣли регулярнаго войска, но просто толпу вооруженной черни, одѣтой не по военному, которая позволяла себѣ всякія неблаговидныя шутки съ прохожими, стремившимися, подобно намъ, бѣжать изъ города . . . . . .

„Если я буду жить сто лѣтъ, то и тогда не забуду выраженія глазъ матери при встрѣчѣ насъ. Въ этомъ выраженіи было столько скорби, что мы обѣ онѣмѣли и замерли, мы, которыя такъ радовались ее увидѣть. Она наканунѣ разсталась съ отцомъ. Ужасное предчувствіе заставляло ее сознавать, что она не увидитъ его болѣе.

„Въ ужасномъ безпорядкѣ, который царилъ повсюду, мы рѣшительно не знали, куда намъ дѣться. Сама мать наша не знала, на что рѣшиться, когда мы увидали служанку нашего доктора Эгони.

„Она направлялась въ Форезъ, въ свою семью, и пришла, чтобы помочь бѣжать намъ съ нею.

„Эта пожилая дѣвушка наводила ужасъ своимъ безобразіемъ. Черная, какъ сажа, и блѣдная, какъ смерть, вся изрытая оспою, съ рѣзко выдѣляющимися бѣлками, она была страшна когда сердилась, и въ состояніи была навести страхъ

на самихъ членовъ Конвента—и вотъ ей-то суждено было быть нашею избавительницею.

„Мать надѣла на себя, какъ могла, платье этой служанки и взяла съ собой только то, что могла надѣть на себя.

„Мы отправились всѣ пѣшкомъ: мать, Софи, Туанонъ, сестра и я.

„Ни у кого изъ насъ не было никакого пакета, чтобы не имѣть вида бѣгляновъ. Мать моя была такъ слаба, что мы не могли идти далеко и такъ печальна, что мы всѣ были подавлены ея грустью и смотрѣли на нее, ничего не рѣшаясь ей сказать. Тѣмъ не менѣе, мы были такъ довольны, что выбрались изъ подвала на свѣжій воздухъ, на солнышко, что, вѣроятно, разрывали сердце матери нашею радостью. Мы не видѣли ни одного солдата, но толпу мужиковъ въ большихъ шляпахъ, которые имѣли видъ людей, идущихъ на ярмарку".

Вѣроятно, это были тѣ самые мужики „auvergnats", о которыхъ упоминаетъ m-lle де-Эшероль, спѣшившіе въ Ліонъ верхомъ безъ сѣдла, съ огромными пустыми мѣшками черезъ плечо, на обѣщанный грабежъ, забавный авангардъ мрачныхъ побѣдителей!

„Первую ночь,—я продолжаю разсказъ m-lle де-Вирье,—мы провели у одного крестьянина. У него была всего одна маленькая комната и сѣнной сарай, гдѣ мы и размѣстились.

„Мать не могла уснуть отъ безпокойства; она сѣла во дворѣ и читала библію при свѣтѣ луны.

„Это обстоятельство чуть было не погубило насъ. Одинъ сосѣдъ замѣтилъ, что мать читаетъ и рѣшилъ, что разъ она умѣетъ читать, она, безъ сомнѣнія, аристократка. По счастью, нашъ хозяинъ успокоилъ его, что мать истая гражданка. Я думаю, что изъ милосердія одинъ солгалъ, а другой повѣрилъ, потому что мать не могла скрыть присущаго ей изящнаго вида, по которому было легко догадаться, что она была путешественница иного сорта, чѣмъ Туанонъ Трико.

„На слѣдующій день, несмотря на страшную усталость, пришлось идти дальше. На наше счастье, днемъ намъ повстрѣчался мужичекъ съ осломъ. Туанонъ подрядила его для моей сестры, которая, болѣе слабая чѣмъ я, очень изнурилась за время осады и едва тащила ноги. До этихъ поръ всѣ большіе несли ее по очереди на рукахъ, но она была слишкомъ тяжела для бѣдныхъ, измученныхъ женщинъ... Ее посадили на осла, а на другой вьюкъ положили кой-какіе пожитки, которые мы спасли и которые были для насъ настоящею обузою.

„Мы прибыли въ Дюэръ *), тамъ мы остановились въ трактирѣ, хозяинъ котораго велѣлъ намъ отправиться къ мэру.

„Мэръ этотъ получилъ строгое предписаніе относительно ліонскихъ бѣглыхъ и, чтобы не подпасть самому подъ подозрѣніе, исполнялъ это предписаніе съ трескомъ и шумомъ. А потому онъ повелительнымъ тономъ потребовалъ отъ матери ея паспортъ, угрожая ее арестовать. Туанонъ, замѣтя ея смущеніе, не дала ей времени отвѣчать и, принявъ на себя роль представительницы всей честной компаніи, отрапортовала, что она дѣйствительно изъ Ліона, отправляется же съ своими кузинами въ Сенъ-Жерменъ-Лаваль въ Форезѣ и что никто не имѣетъ права ее задерживать. Вотъ такимъ-то образомъ мы узнали, куда лежалъ нашъ путь...“ . . . . . .

. . . . . .

Всѣ эти препирательства Туанонъ казались безконечными бѣглянкамъ. Но, покуда она вела переговоры съ мэромъ, жена этого гражданина, казавшагося столь грознымъ, который въ сущности старался всячески быть полезнымъ изгнанникамъ, пробралась къ m-me Вирье и шепотомъ сказала ей нѣсколько словъ утѣшенія.

Были еще, значитъ, и въ то время люди съ сердцемъ, которые имѣли состраданіе...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Письмо Жавога Робеспьерру.—Встрѣча графини Вирье. — Имя Анри.—Прибытіе въ Сенъ-Жерменъ-Лаваль.—Жилище для торговцевъ свиньями.—Страхи и надежды.—Приключеніе съ ткачами.—Фуше въ Ліонѣ.—Онъ совершенствуетъ гильотину.—Гражданка Баленкуръ.—Уроки цивизма.—Письмо маркизы де-Піоланкъ.—Анри быть можетъ въ Швейцаріи.—Садовникъ изъ Пуденаса.—Отъѣздъ графини въ Лозаннъ.—Она застаетъ тамъ только аббата де-Вирье.—Съ горя не умираютъ. — Письмо къ графу де-Вирье Бовуаръ. — Маленькій Аймонъ у Рюбишона.—Онъ эмигрируетъ.—Онъ прекращаетъ свое incognito.—Рюбишонъ возвращаетъ ребенка матери.—Попытки розыскать Анри.—Еще „Воспоминанія“ m-lle де-Вирье.—Картина Ліона. — Эмиграціи маленькихъ дѣвочекъ въ Швейцарію.—Свѣдѣнія о послѣднемъ сраженіи.—Вдовья матерія.

I.

„Жавогъ, комиссаръ Конвента, Робеспьерру.

„Изъ главной квартиры 10 окт. 1793 г.

„Гражданинъ коллега!

„Осада Ліона, наконецъ, окончена... Мятежники, чувствуя давленіе съ одной стороны войска Республики, съ другой—

*) Мѣстечко по дорогѣ изъ Ліона въ Монбразонъ.

цѣлаго народа, питающагося овсомъ уже 18 дней... рѣшились сдѣлать вылазку...

„Они обогнули Монъ-Доръ черезъ Сенъ-Сиръ и направились въ горы, пройдя черезъ бывшій Бажоле. . . . . .

. . . . . .

„Едва они вышли изъ предмѣстья (Веза), какъ ихъ нагнали. Началась битва.

„Битва была ожесточенная. Мы потеряли массу людей, у непріятеля тоже легло триста человѣкъ.

„Остальные всѣ разбѣжались въ виноградники, въ ущелья, и въ горы.

„Нѣкоторые бросались въ Сону, кто на лошади, кто вплавь, лишь бы спастись отъ смерти. Другіе бѣгутъ въ Треву, тамъ все или убито, или разсѣяно...

„Въ числѣ нашихъ многочисленныхъ плѣнныхъ находятся нѣкоторыя замѣтныя личности, между прочимъ бывшій маркизъ де-Вирье, бывшій членъ конституціоннаго собранія...“ *).

Въ то самое время, какъ курьеръ везъ это посланіе Жавога Робеспьерру, отрядъ революціонерной арміи, который возвращался изъ Ліона, встрѣтилъ на берегахъ Линьона жену и дѣтей Анри. Во время выпивки, у крыльца трактира, въ которомъ пріютились бѣглянки, люди эти разсказывали о послѣднихъ сраженіяхъ и хвастались своими жестокостями...

Всѣ предводители возстанія были взяты... говорили, что они всѣ приговорены къ разстрѣлянію... Одинъ изъ этихъ людей, перечисляя всѣхъ выдающихся плѣнниковъ, назвалъ имя Вирье...

Вотъ какимъ образомъ до его жены дошла первая вѣсть о немъ.

Туанонъ, замѣтя, что у m-me де-Вирье подкашиваются ноги, подбѣжала къ ней и усадила ее на маленькую скамейку около дома, и въ то время, какъ побѣдители шли мимо, распѣвая „Marseillaise“, она наскоро расплела волосы дѣтямъ, чтобъ быть какъ будто при дѣлѣ, и стала расчесывать ихъ...

Герои прошли мимо этихъ двухъ женщинъ, подшучивая надъ ними, но наконецъ они прошли-таки. За ними вслѣдъ пошла и графиня Вирье, продолжая свой путь въ это тяжкое время,—было некогда останавливаться для своихъ печалей!

Ночи для бѣгляновъ были ночами бивуаковъ. Они избѣгали деревень боясь, чтобы ихъ видъ или какое неосторожное слово дѣвочекъ не выдали ихъ.

---

*) Lyon en 1793. Après le siège. Альберта Метцгера, стр. 60.

Наконецъ, на четвертый день, послѣ непомѣрной усталости, печальный караванъ добрался до Сенъ-Жерменъ-Лаваль.

Туанонъ пріютила графиню Вирье съ дочерьми у своего брата, мѣстнаго кузнеца.

Надъ кузницею было два помѣщенія и доски отъ двухъ старыхъ кроватей. Все это было грязно до отвращенія, такъ какъ въ дни ярмарки добрякъ-кузнецъ помѣщалъ въ этихъ канурахъ своихъ пріятелей, торговцевъ свиньями. Но какъ ни жалокъ былъ пріютъ, предложенный этимъ добрымъ человѣкомъ путешественницамъ, онъ былъ предложенъ имъ, по крайней мѣрѣ, отъ чистаго сердца.

Когда на кузницѣ было что поѣсть, кузнецъ дѣлилъ свои куски съ дѣвочками, а m-me Вирье вознаграждала его за это уцѣлѣвшими еще нѣсколькими ассигнаціями; что касается ее, она не могла ни ѣсть, ни спать.

Возбужденіе, которое поддерживало ее духъ, также, какъ та лихорадка, которая согрѣвала ея тѣло, пропало. Напрасно силилась она забыться сномъ на своемъ ужасномъ ложѣ.

Послѣ той встрѣчи съ солдатами-революціонерами она не имѣла никакихъ вѣстей изъ Ліона. Но развѣ можно было сомнѣваться, что тамъ не мстятъ самымъ ужаснымъ образомъ? Несмотря на розсказни этихъ людей, быть можетъ, Анри въ плѣну?..

Если онъ живъ, въ рукахъ ли онъ еще побѣдителей?

Или, быть можетъ, ему, какъ Преси, который, судя по слухамъ, спасся, удалось добраться до Швейцаріи или Фореза?

Быть можетъ, онъ тутъ... Тутъ, по близости, въ какой нибудь деревнѣ... Быть можетъ, она не сегодня, завтра, его увидитъ... Онъ проберется къ ней...

Въ своихъ воспоминаніяхъ ея дочь говоритъ, что нѣсколько разъ m-me Вирье получала косвенныя увѣдомленія, которыя превращали ея надежды почти въ увѣренность...

У пути печали есть тоже свои минуты отдыха, но какъ онѣ бываютъ коротки для несчастныхъ, которые его проходятъ!

Всякій разъ, какъ какой нибудь чужестранецъ появлялся въ деревнѣ, m-me Вирье посылала Туанонъ съ разспросами къ нему, и все это были все тѣ же ужасные разсказы о разстрѣливаніи и смертной казни. Къ этимъ страданіямъ присоединялся еще и наступающій голодъ.

Хлѣбъ становился все рѣже, все отвратительнѣе, все невозможнѣе. Чтобы существовать, приходилось шить толстыя рубашки.

Наконецъ настало время ярмарки; кузнецъ просилъ m-me де-Вирье уступить „ткачамъ“ двѣ кровати и половину комнаты.

Отказать, значило, заявить о своихъ аристократическихъ замашкахъ. Результатомъ явилось одно приключеніе, которое могло кончиться весьма трагично...

„Туанонъ и Софи, наша горничная,—разсказываетъ m-elle де-Вирье,—легли въ одну изъ оставшихся кроватей, въ другую легла, съ нами обѣими, наша мать. Мы, дѣти, уже спали, когда пришли наши гости. Прежде всего они обошли комнату и, увидавъ женское платье, подошли къ кровати, въ которой лежали Туанонъ съ Софи. И вотъ они уже раздвигаютъ люскутья, замѣняющіе пологъ кровати... Но тутъ имъ и былъ конецъ. Увидавъ на кровати сидящую женщину съ угрожающимъ взглядомъ выпученныхъ огненныхъ глазъ, окруженныхъ большими бѣлками, на зеленоватомъ лицѣ, они въ ужасѣ отскочили.

„То были точно стеклянные глаза мертвеца, вырытаго изъ земли черезъ четыре дня послѣ смерти.

„Вамъ что нужно, безстыжіе?.. — раздался замогильный голосъ. – Убирайтесь, и не смѣйте шелохнуться!

„Наглецы опустили пологъ и повиновались. Скоро ихъ маленькая лампочка была потушена. Утромъ они потихоньку исчезли... Туанонъ еще разъ была нашимъ провидѣніемъ“.

II.

Былъ ноябрь мѣсяцъ. Фуше и Колло д'Эрбуа прибыли въ Ліонъ, чтобы исправить умѣренность Кутона.

Разстрѣливаніе и гильотина дѣйствовали слишкомъ вяло, по мнѣнію этихъ живодеровъ, имъ нужна была подстилка изъ труповъ. Они рѣшили замѣнить гильотину картечью. Картечи предстояло раздать члены жертвъ зрителямъ, созваннымъ въ Бротто.

Тамъ все было готово къ невиданному гражданскому торжеству.

Были вырыты два параллельныхъ рва, чтобы принять въ себя трупы умершихъ и умирающихъ. По окраинѣ этихъ рвовъ, во всю ихъ длину, солдаты, съ саблями въ рукахъ, стояли заборомъ, чтобы вернуть на линію стрѣльбы того, кто бы вздумалъ уйти съ нея.

Линія эта была на горизонтальной плоскости около трехъ футовъ ширины, которая и раздѣляла собою эти рвы.

Приговоренные были связаны по двое въ рядъ, такъ что

первые соприкасались буквально съ пушкою, заряженною для казни.

Все еще оставаясь героями, несчастные, поставленные такимъ образомъ, грянули „Марсельезу". Имъ дали докончить первый куплетъ, но когда они подхватили припѣвъ:

«Къ оружію, граждане!

Страшный залпъ прервалъ ихъ...

Успѣхъ однако для изобрѣтателей не оправдалъ ихъ ожиданій. Всего третья часть этихъ несчастныхъ была убита наповалъ, остальные, страшно обезображенные, обливаясь кровью, рыча отъ боли, падали въ рвы направо и налѣво.

Солдаты сейчасъ же принялись ихъ приканчивать прикладами ружей и ударами сабель. Но такъ какъ имъ приходилось впервые заниматься подобнымъ избіеніемъ, они употребили на это болѣе двухъ часовъ. Процедура эта пришлась, очевидно, по вкусу Фуше и его сообщникамъ, такъ какъ подобныя казни, все совершенствуясь съ каждымъ разомъ, все ужаснѣе, повторялись въ теченіе нѣсколькихъ недѣль . . . . . .

. . . . . .

Быть можетъ, графиня де-Вирье была бы избавлена отъ этихъ ужасныхъ подробностей, если бы эпизодъ съ ткачами не принудилъ ее искать себѣ другого убѣжища.

Туанонъ не могла нигдѣ пріютить своихъ протеже, кромѣ только одной толстухи крестьянки, называвшейся гражданкой Баленкуръ.

Эта гражданка заподозрѣла, что мнимая кузина, которую поручили ея попеченью,—аристократка, съ снисхожденіемъ сообщала женѣ Анри всѣ самыя ужасныя извѣстія, какія получались изъ Ліона.

Какую пытку переживала тогда бѣдная графиня Вирье! Тогда она жалѣла, что мужъ ея не палъ на полѣ битвѣ. Онъ бы спасся отъ этого избіенія, отъ этихъ неслыханныхъ пытокъ...

...Но къ чему еще отчаяваться?

У Анри было столько друзей въ Ліонѣ! Можетъ быть, какой-нибудь вѣрный человѣкъ въ Croix-Rousse и спасъ его отъ палачей? Вѣдь не разъ уже онъ спасался точно чудомъ. Отчего не быть ему спасеннымъ и на этотъ разъ? Для кого же существуютъ чудеса, какъ не для вѣрующихъ?

Но чудеса не повторяются для всякаго горя. Весьма скоро жена Анри переходила отъ своихъ мечтаній къ дѣйстви-

тельности. Одно слово, одна какая нибудь улыбка гражданки Баленкуръ, пытливо слѣдившей за впечатлѣніемъ своихъ словъ, заставляли быстро исчезать эти утѣшительныя галлюцинаціи.

„Наша хозяйка—разсказываетъ m-lle де Вирье,—чуть не произвела на свѣтъ въ нашей комнатѣ новаго гражданина или гражданку республикѣ. Мать моя при этомъ оказала ей не малую услугу. Съ этого времени между толстухою Баленкуръ и нами установилась нѣкоторая близость. Она пожелала даже содѣйствовать нашему республиканскому образованію.

„Въ то время серьезно поговаривали объ одномъ законѣ, воспрещающемъ учить грамотѣ дѣтей. По словамъ нашей хозяйки, для воспитанія французскаго гражданина было достаточно знать права человѣка, такъ точно, какъ трехцвѣтная кокарда, положенная на сердцѣ, была достаточнымъ одѣяніемъ для истыхъ республиканцевъ и республиканокъ...

„Это одѣяніе въ сущности не отличалось отъ нашего!

„У меня, напримѣръ, несмотря на холодную зиму, было только ситцевое платье, все разорванное. Никогда я такъ не зябла.

„Пища наша тоже истощилась. Часто не было даже хлѣба. Однажды, когда мою сестру повели гулять, ей на прогулкѣ какая то добрая женщина дала большой кусокъ хлѣба и дюжину маленькихъ яблокъ. Это было для насъ настоящимъ лакомствомъ и хотя Эмили не разъ получала такія подачки, нужда все увеличивалась“...

Поразительно, какъ могли дѣти m-me Вирье умирать съ голоду въ то время, когда у нея было еще около ста золотыхъ.

Но дѣло въ томъ, что этихъ золотыхъ некуда было дѣть. Имѣть монету съ изображеніемъ тирана было преступленіемъ, достойнымъ смерти.

Но что были всѣ эти напасти, этотъ холодъ, голодъ, сравнительно съ тѣмъ отчаяніемъ, свидѣтельницею котораго пришлось быть этой хижинѣ въ Сентъ-Жерменъ-Лаваль, нѣсколько недѣль позже.

Нужда приковывала къ мѣсту m-me де-Вирье въ минуту, когда она получила письмо съ извѣстіемъ, что Анри живъ, что онъ въ Швейцаріи. Письмо это, написанное маркизою де-Піоланкъ, отдаленною родственницею Анри, было полно такихъ точныхъ подробностей, что ей нельзя было сомнѣваться въ счастьи.

Анри, доставленный съ плѣнными, бѣжалъ изъ Ліона...

Онъ добрался до Швейцаріи... и она увидитъ его въ Лозаннѣ, у аббата де-Вирье.

Внѣ себя отъ радости, m-me де-Вирье хотѣла сейчасъ же, немедленно, ѣхать къ нему. Но какъ было это сдѣлать при той крайности, въ которой она находилась? Вдругъ она вспомнила о своемъ братѣ. Гдѣ онъ?—уже шесть мѣсяцевъ она не имѣла извѣстій о немъ.

Тѣмъ не менѣе, она рѣшила написать Дюкорне, садовнику въ Пуденасъ, освѣдомляясь о „Филиппѣ"...

„Это было имя моего дяди,—пишетъ m-lle де Вирье,—и мать подписалась въ своемъ письмѣ „Моника Прадесъ"; на это имя она дала и свой адресъ, убѣжденная, что дядя, узнавъ, что его сестра жива, догадается, что она нуждается въ его помощи.

„Садовникъ же отнесся къ этому письму, какъ къ какой-то мистификаціи, и умолчалъ о немъ.

„Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько дней, при встрѣчѣ съ своимъ бариномъ, онъ воскликнулъ: „вѣдь какіе есть, право, злые люди! Какая-то Моника Прадесъ заставляетъ меня платить четырнадцать су пошлины за свое желаніе получить отъ меня извѣстіе о Филиппѣ".

„Мой дядя взялъ письмо,—продолжаетъ m-lle де-Вирье,—и можно себѣ представить его радость при видѣ почерка его сестры, которую онъ считалъ умершею.

„Онъ сейчасъ же выслалъ намъ 800 ливровъ ассигнаціями. Это было цѣлое состояніе, а для матери—возможность попасть въ Лозаннъ.

„Она уѣхала полная надеждъ . . . . . ". Сколько разъ, выражаясь словами поэта, потерпѣвшій кораблекрушеніе принималъ крыло алкіона за бѣлый парусъ.

III.

Уѣзжая, графиня де-Вирье оставила дѣтей на попеченіе горничной Софи и вѣрной Туанонъ.

„Мы были полны надежды увидѣть отца,—пишетъ m-lle де-Вирье,—и были безконечно счастливы при мысли, что настанетъ конецъ постояннымъ слезамъ матери.

„Несмотря на нашу молодость, мы очень хорошо понимали ея горе.

„Мать наша, тоже полная надеждъ, прибыла въ Лозаннъ. Тамъ она отправилась къ аббату де-Вирье.

„Но дядя былъ одинъ.—А Анри?—воскликнула она.

„Аббатъ не отвѣчалъ.

„— А Анри?—повторила она еще разъ.

. . . . . .

„Молчаніе дяди заставило ее понять, что не видали того, кого она надѣялась видѣть, что никто о немъ ничего не зналъ.

„Для нашей бѣдной матери эта обманутая надежда была такимъ же страданьемъ, какъ еслибы отецъ былъ убитъ на ея глазахъ послѣ того, какъ она надѣялась, что онъ спасенъ.

„— Не умираютъ съ горя,—говорила она позже.—Я помню мой пріѣздъ въ Лозаннъ“...

Между тѣмъ, какъ говорилъ аббатъ де-Вирье, не было новыхъ поводовъ отчаяваться. Въ то время жили подъ фальшивыми именами. Быть можетъ, самъ Анри разыскивалъ свою жену? Онъ могъ думать, что она скитается по Франціи, тогда какъ она была такъ близко отъ него.

Богъ, какъ послѣднюю милость, далъ несчастнымъ неизсякаемую надежду въ сердцѣ.

Разъ, что мужа ея не было въ Швейцаріи, m-me де-Вирье, въ силу слуховъ, дошедшихъ до нея въ Лозанну, надѣялась, что онъ въ Германіи, гдѣ постоянно находился виконтъ де-Вирье. 21 марта 1794 г. она написала ему въ Гейдельбергъ:

„Я жива, любезный виконтъ; но живъ ли тотъ, котораго вы любили, живъ ли мой Анри? Живъ ли онъ? Во Франціи говорятъ, что онъ въ Швейцаріи, въ Швейцаріи говорятъ. что онъ или въ Германіи, или во Франціи.

„Нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ несчастныхъ говорятъ, что онъ былъ убитъ въ ихъ рядахъ при выходѣ изъ Ліона, другіе разсказываютъ, что у него была оторвана нога; есть и такіе, которые говорятъ съ таинственнымъ видомъ, что имъ извѣстна та точка на земномъ шарѣ, гдѣ онъ находится, но что они не желаютъ ее открыть.

„Однимъ словомъ, милѣйшій виконтъ, съ 9 октября, когда я видѣла его въ послѣдній разъ, я не имѣю отъ него извѣстій.

„Несмотря на ужасное состояніе, въ какое меня приводитъ эта неизвѣстность, я покойна, покойна настолько, насколько это возможно для того, кто былъ зрителемъ столькихъ преступленій и ужасовъ“.

Бываютъ дѣйствительно минуты покоя. Но это минуты покоя-отчаянья.

Когда она не говорила о Анри, m-me Вирье говорила только о тѣхъ, кто его любилъ, о тѣхъ, кого онъ такъ любилъ.

„Разъ Анри не въ состояніи былъ спасти несчастныхъ ліонцевъ отъ тираніи, которая ихъ давила, не могъ избавить ихъ отъ тѣхъ потоковъ крови, которые текутъ, я молю васъ о вашемъ сочувствіи,—продолжаетъ она,—къ жертвамъ, уцѣлѣвшимъ отъ рѣзни. Если вамъ случится встрѣтить людей, служившихъ въ Croix-Rousse, они, безъ сомнѣнія, достойны вашего уваженія. Это самые достойнѣйшіе изъ ліонцевъ. Это былъ пунктъ, подвергавшійся болѣе всего нападенію, лучше всего защищавшійся; однимъ словомъ, Анри все время не покидалъ его, тамъ онъ служилъ сперва солдатомъ, потомъ генераломъ, даже когда не имѣлъ этого званія.

„Пусть же эти несчастные молодые люди, если вамъ случится съ ними встрѣтиться, найдутъ въ васъ покровителя и отца...

„Однимъ словомъ, все то, чѣмъ былъ бы для нихъ Анри"...

. . . . . .

И письмо, полное дивнаго смиренія, кончалось словами:

„Я не видала моего сына семь мѣсяцевъ, но я знаю, что онъ живъ".

Дѣйствительно, онъ былъ живъ, бѣдный ребенокъ. И уже говорилъ какъ его передавали изъ рукъ въ руки, какъ старый слуга виконта дю-Бушажъ передалъ торговцу сукномъ въ Греноблѣ, Рюбишону.

Нельзя представить себѣ болѣе нѣжнаго ухода, чѣмъ былъ уходъ за этимъ маленькимъ неизвѣстнымъ ребенкомъ. И подивитесь, что никто не разспрашивалъ Аймона о его происхожденіи. Знали, что онъ брошенъ. Всѣ удовлетворялись этимъ, за исключеніемъ старика-отца Рюбишона, который отъ старости лѣтъ не отдавалъ себѣ отчета въ событіяхъ и недоумѣвалъ, откуда взялся „маленькій Симонъ".

И старикъ, для удовлетворенія своего любопытства, рѣшилъ обратиться съ своими безконечными разспросами прямо къ маленькому Симону.

Но ребенокъ прекрасно сбивалъ съ толку своего собесѣдника и даже до того сбилъ его, что старикъ рѣшилъ, что маленькій Симонъ принадлежитъ къ его семьѣ, но при такихъ условіяхъ, о которыхъ не рѣшаются ему сказать.

Менѣе рискованно было мнѣніе супруговъ Рюбишонъ. Они были убѣждены, что Аймонъ сирота и собирались его усыновить, такъ какъ не имѣли своихъ дѣтей. Они уже заглядывали въ его будущее. Жена прочила его въ негоціанты, мужъ —въ инженеры.

Но ихъ милосердію было потруднѣе бороться съ любопыт-

ствомъ чужихъ, чѣмъ съ любопытствомъ старика-отца. Скоро разнесся слухъ, что Рюбишоны скрываютъ у себя аристократа, и пришлось имъ рѣшиться на эмиграцію.

Однажды магазинъ этихъ почтенныхъ людей на улицѣ Гренобль не открылся утромъ.

Перебрались уже за швейцарскую границу, какъ вдругъ Аймону показалось, что настала минута, — я уже говорилъ, что ему въ то время было шесть лѣтъ,—покончить съ тайною, которая, какъ видно, тяготила его.

Добрѣйшая Рюбишонъ вздумала его за что-то выбранить, на это маленькій Симонъ ей отвѣтилъ внезапно, „что у него есть теперь своя мама, чтобы бранить его и что маму эту зовутъ графинею де-Вирье...“.

Велико было удивленіе, а также огорченіе супруговъ Рюбишонъ, они разомъ лишались того, что было ихъ утѣшеніемъ на старости дней, того, что они считали себѣ наградою за ихъ доброе дѣло.

Тѣмъ не менѣе, съ этой минуты, не думая о себѣ, они задались мыслью разыскать мать ихъ пріемыша.

Во всѣхъ городахъ, гдѣ они знали, что были эмигранты, они справлялись о графинѣ де-Вирье... Наконецъ, они прибыли въ Лозаннъ... и вручили ей сына.

Семь мѣсяцевъ она его не видала! Семь вѣковъ для ея сердца, для ея воображенія, для ея нѣжности.

Тѣмъ не менѣе не все было для нея потеряно разъ, что Аймонъ былъ ей возвращенъ...

IV.

M-me де-Вирье не знала, какъ выразить ей свою благодарность спасителямъ ея сына, они же оба были проникнуты восхищеніемъ къ этой молодой еще женщинѣ, столь прекрасной, безропотно пережившей всѣ эти ужасныя катастрофы. Въ особенности же они были удручены ея горемъ вдовы въ женѣ, у которой мужъ, быть можетъ, былъ еще живъ. Для Рюбишона, какъ для всѣхъ жителей Гренобля, имя Вирье было хорошо знакомо—оно было отголоскомъ рыцарства. Вотъ отчего, спасши Аймона, онъ предложилъ m-me Вирье, что примется за поиски его отца.

Для него это было легче, чѣмъ для всякаго другого, потому что у него сохранились съ Ліономъ многочисленныя торговыя сношенія.

M-me де-Вирье приняла предложеніе, сдѣланное ей отъ добраго сердца.

Но какъ напасть на чей бы то ни было слѣдъ въ этихъ болотахъ крови, подъ этими развалинами, во что превратился Ліонъ?

Декретъ Конвента, данный по предложенію Баррера, обязывалъ Кутона раззорить городъ до основанія.

Чудовище, изъ страха за свою голову, сейчасъ же отвѣтило Комитету общественнаго благополучія, что если стѣны еще существуютъ, то онъ отвѣчаетъ, что злодѣи, когда-то защищавшіе ихъ, или взяты или перебиты...

„... Врядъ ли уцѣлѣло изъ нихъ десять человѣкъ; даже Вирье и Преси и тѣ погибли...“ *).

Это сообщеніе противорѣчило донесенію Жавога, которое, однако, подтверждалось рапортами Шато - Нёфъ Рандонъ, де-Мегре, де-Ла-Портъ; всѣ они утверждали, что Вирье былъ взятъ живымъ **).

Всѣ эти противорѣчія весьма смущали Рюбишона, развѣ не могло быть съ Вирье того же, что было съ Преси; про него говорили, что онъ убитъ, въ то время какъ его друзья знали, что онъ спасенъ и скрывается въ горахъ Фореза?

Для m-me Вирье радость, что она обрѣла сына, по счастью, не позволяла ей поддаваться горю отъ этихъ сбивчивыхъ извѣстій.

„Пріѣздъ моего брата,—пишетъ m-lle де-Вирье,—возвратилъ матери силу жить... и настолько придалъ ей храбрости, что она даже рѣшилась вызвать насъ къ себѣ... Послѣ шести мѣсяцевъ нашего пребыванія въ Сенъ-Жерменъ-Лаваль, она оповѣстила Софи, чтобы мы собирались въ путь, не подозрѣвая, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ Ліонъ въ то время, когда намъ придется его проѣзжать“...

Терроръ въ немъ дѣйствительно дошелъ до апогея.

„Грохотъ падающихъ стѣнъ,—свидѣтельствуютъ замѣтки „Воспоминаній“,—пыль отъ развалинъ, которая поднималась цѣлыми облаками къ небу, пальба пушекъ, ѣзда повозокъ, на которыхъ развозили обвиняемыхъ изъ пяти тюрьмъ въ судъ, а осужденныхъ на гильотину, были единственными признаками жизни въ этомъ городѣ, приговоренномъ къ истребленію, единственному въ исторіи...“

---

*) Письмо 12 окт. 1793 г., см. Гильонъ, Mémoires, т. II, стр. 282.

**) Рапортъ Конвенту 9 октября 1792 г. Дюбуа-Крансе и Готье въ своихъ рапортахъ отъ 10 окт. доносятъ, что Вирье взятъ въ плѣнъ (см. Гильонъ. Мемуары т. II, стр. 238).

„... Гильотина дѣйствовала на площади des Terreaux, подъ самыми окнами m-lles Фейлье и Пюбліе, гдѣ мы снова поселились,—пишетъ m-lle де-Вирье.

„... Вскорѣ мы увидали телѣжку, окруженную солдатами, на которой были навалены несчастные. Мы были такъ объяты ужасомъ, что буквально не рѣшались сдѣлать шагу ни назадъ, ни впередъ. Боясь, чтобы моментъ паденія ножа не былъ для дѣтей слишкомъ сильнымъ потрясеніемъ, Софи набросила старшей дѣвочкѣ платокъ на глаза, а сестру ее спрятала къ себѣ подъ передникъ...".

На другой день было еще хуже,—для того, чтобъ выйти изъ воротъ Ліона, дѣвочкамъ пришлось проходить мимо самой гильотины. Опять имъ закрыли также глаза и Софи провела ихъ за руку черезъ эту площадь, пропитанную кровью жертвъ, такъ что прохожіе съ ужасомъ отворачивались, когда имъ приходилось по ней проходить..."

Ужасное время и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно восхищаешься имъ—опьяненіе самоотверженіемъ соперничало, такъ сказать, съ опьяненіемъ преступленія.

Пріютившись снова у этихъ двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ m-lles Фейлье и Пюбліе, которыя ихъ уже спасли во время бомбардированія, дѣти и ихъ няньки нашли парикмахера Мерлъ, который занимался перевозкою черезъ границу, и взялся и ихъ переправить. Онъ же въ своемъ „Char de Comté" доставилъ m-me де-Вирье въ Лозанну.

На этотъ разъ бѣдный человѣкъ не рискнулъ забираться такъ далеко, онъ оставилъ маленькихъ путешественницъ въ Мейренъ, на границѣ Швейцаріи и поручилъ ихъ одному возницѣ изъ своихъ пріятелей. Къ несчастью, этому возницѣ не удалось перебраться черезъ границу.

„Насъ остановили въ Версуа, — продолжаетъ m-lle де-Вирье, — и тутъ намъ пришлось плохо.

„Догадались, что мы дѣти эмигрантовъ, которыхъ везутъ къ родителямъ. Насъ выдала наружность моей сестры, ея прелестные свѣтлые волосы.

„Насъ засадили подъ арестъ въ гостинницѣ „Золотого Льва" и приставили къ намъ въ сторожа маленькаго глухонѣмого, профессія котораго заключалась въ томъ, что онъ съ колокольчикомъ въ рукѣ бѣгалъ по улицамъ Версуа и созывалъ гражданъ въ клубъ.

„Не знаю, какъ бы мы оттуда выбрались, еслибы не содержательница нашей гостинницы, m-me Ріонде, которая вос-

пылала ко мнѣ нѣжною страстью за то, что я, по ея словамъ, походила на ея дочь.

Она свела Софи съ двумя добрыми малыми, которые занимались спасаньемъ несчастныхъ.

„Однажды, внушивъ намъ, что мы должны дѣлать (моей сестрѣ не было еще семи лѣтъ, а мнѣ едва восемь), Софи вышла съ вязаньемъ въ рукахъ, будто подышать свѣжимъ воздухомъ.

„Черезъ часъ послѣ ухода Софи, и по знаку m-me Ріонде, мы вышли на задній дворъ, заваленный старымъ хламомъ. Тамъ, къ невысокой стѣнѣ была приставлена старая бочка. Мы обѣ вскарабкались на бочку, а оттуда на стѣну. У стѣны была цѣлая куча навоза, мы спрыгнули на нее и очутились на свободѣ. Нашъ маленькій сторожъ, однако, замѣтилъ насъ и сталъ звонить въ колокольчикъ съ остервенѣніемъ; но, по счастью, состояніе его ногъ мѣшало ему слѣдовать за нами, какъ онъ ни звонилъ, а поспѣть за нами не могъ.

„Намъ было сказано идти спокойнымъ шагомъ, не торопясь, и пѣть „Марсельезу“.

„Черезъ четверть часа мы увидали передъ собою двухъ мужчинъ, какъ намъ это было заранѣе сказано. Они сдѣлали намъ знакъ перестать пѣть, боясь, чтобы насъ не узнали.

„Мы слѣдовали за ними немного поодаль. Наконецъ мы увидали Софи... Граница была перейдена... Мы были въ Швейцаріи и наши проводники молча покинули насъ“ . . .

. . . . . .

Неправда-ли, это прелестно? Наконецъ, для этихъ бѣдныхъ дѣвочекъ близился конецъ ихъ мытарствамъ. Мимо ѣхалъ ломовой, который согласился взять ихъ къ себѣ на возъ. Своими маленькими ручками онѣ уцѣпились за веревку, которой были перевязаны тюки на возу и вотъ такимъ-то образомъ онѣ совершили свой въѣздъ въ Лозанну, гдѣ прямо съ воза попали въ объятія матери и маленькаго брата.

„Мы плакали отъ радости навзрыдъ,— пишетъ m-lle де-Вирье,—чего со мной больше не было за цѣлую жизнь“.

V.

Но къ этимъ слезамъ радости дѣтей присоединялись съ каждымъ днемъ все болѣе горькія слезы ихъ матери, съ каждымъ днемъ отъ нея отлеталъ лучъ надежды...

Изъ Ліона не получалось вѣстей; напрасно Рюбишонъ исходилъ Croix-Rousse, предмѣстье де-Везъ, поле сраженія.

Что могъ знать случайно пришлый человѣкъ, иногда попадавшійся среди этихъ развалинъ?

...Или, напримѣръ, какой нибудь грабитель, явившійся за добычей... вотъ тотъ мужчина или женщина, глупо глядящіе вамъ вслѣдъ, что знаютъ они о Вирье?..

Ничего... Или въ эти ужасныя времена они боятся проронить слово?

Безмолвны были и тюремные списки. Безмолвны были и списки гильотины и растрѣливанія.

По мѣрѣ того, какъ усиливались поиски, пропасть разверзалась все глубже и глубже.

Откуда же, наконецъ, доносился до того, который съ опасностью личной жизни старался воскресить Анри, этотъ неопредѣленный глухой слухъ... Откуда несся онъ?..

Никто не зналъ.

Точно изъ какого-то прозрачнаго облачка, которое разсѣется и изъ него вдругъ выростали легенды.

На другой день сраженія, на полѣ битвы былъ найденъ на окраинѣ дороги трупъ офицера... Крестъ св. Людовика былъ на половину вбитъ пулею въ грудь. Лицо было точно живое. Большіе глаза были широко раскрыты. Только мертвецы умѣютъ такъ смотрѣть на солнце... Да еще мученики за справедливость Божью; по слухамъ, этотъ убитый былъ Анри.

. . . . . .

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, какъ Рюбишонъ покинулъ Лозаннъ, на имя графини Вирье былъ полученъ пакетъ.

Она раскрыла его, передъ ней лежалъ кусокъ траурной матеріи, извѣстной подъ названіемъ „вдовьяго сукна“.

Изъ него выпала записка со словами: „Отъ Рюбишона“.

. . . . . .

„Мать моя упала на колѣни,— пишетъ m-lle де-Вирье,—и обливала эту матерію слезами. Она поняла, что у нея не было болѣе надежды“.

КОНЕЦЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ и АНЕКДОТЫ.

I.

Смерть маршала Бирона.

1. Арестъ.

Въ началѣ іюля 1602 года дворъ находился въ Фонтенебло. Однажды утромъ Суврэ явился къ прогуливавшемуся по галлереѣ королю съ докладомъ, что въ Фонтенебло прибылъ герцогъ Биронъ прямо изъ Бургундіи. Генрихъ IV, казалось, удивился, что маршалъ, обвиняемый въ государственной измѣнѣ, такъ быстро явился на его зовъ, но удивленіе это длилось недолго и онъ приказалъ немедленно ввести прибывшаго. Маршалъ былъ еще въ дорожномъ костюмѣ и началъ свою рѣчь съ того, что сталъ извиняться предъ королемъ: онъ не хотѣлъ переодѣваться, онъ желалъ немедленно предстать предъ своимъ королемъ.

Беарнеецъ, знавшій гордый и самолюбивый нравъ Бирона, улыбнулся своей постоянной иронической улыбкой и сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ подозрительной вѣжливости герцога. Оба, король и маршалъ, прошлись раза два противъ свитской галлереи, въ которой собрались всѣ придворные кавалеры, узнавшіе о пріѣздѣ Бирона и хотѣвшіе, хотя издали, поглядѣть на сцену, которая разыгрывалась между Генрихомъ и Бирономъ.

Король тотчасъ же заговорилъ о дѣлѣ. Онъ очень радъ видѣть маршала и приказалъ ему пріѣхать съ цѣлью выслушать его объясненія, готовый простить его, если маршалъ во всемъ сознается.

Герцогъ Биронъ, несмотря на свою виновность, не зналъ еще о доносѣ своего единомышленника Лафэна. Кромѣ того, по свойственному высокомѣрію и гордости, онъ не хотѣлъ

унижаться и отвѣтилъ королю, что пріѣхалъ „не для оправданій и не для извиненій". Слова эти онъ сопровождалъ столь дерзкими движеніями и жестами, что гвардейскій капитанъ, стоявшій на часахъ и видѣвшій, какъ Биронъ прикладываетъ руку къ эфесу шпаги, бросился къ герцогу. Но король приказалъ капитану уйти, проговоривъ при этомъ:

— Моей руки достаточно! Если кто-нибудь осмѣлился бы подумать о нападеніи, я съумѣлъ бы самъ воткнуть ему часть моей шпаги въ животъ! Но господинъ маршалъ не имѣетъ такихъ намѣреній!

Затѣмъ Генрихъ покинулъ Бирона, сказавъ ему съ благосклонной улыбкой:

— До вечера, герцогъ. Мы увидимся во время игры у королевы.

Отойдя на нѣсколько шаговъ, король прибавилъ про себя:

— Ventre-saint-gris! Я его согну или придушу!..

Вечеромъ, когда послѣ обычной прогулки король вошелъ въ комнаты королевы, множество придворныхъ наполняли обширные покои королевы, обитые старинными лотарингскими коврами и освѣщенные восковыми свѣчами въ большой бронзовой люстрѣ.

Между кавалерами выдѣлялся, по красивой военной выправкѣ, герцогъ Овернь и особенно маршалъ Биронъ. Придворные какъ будто избѣгали обоихъ, потому что при дворѣ уже распространялись зловѣщіе слухи о ихъ измѣнническихъ сношеніяхъ съ эрцгерцогомъ австрійскимъ и съ испанскимъ графомъ Фуэнтесъ. Биронъ прохаживался по залѣ, высоко поднявъ голову и опираясь лѣвой рукой на эфесъ знаменитой шпаги, полученной въ подарокъ отъ испанскаго короля. Изрѣдка онъ бросалъ презрительные и гнѣвные взгляды на группы царедворцевъ, которые трусливо разступались при его приближеніи.

Король вошелъ, и когда всѣ поклонились, можно было замѣтить одну голову, которая не преклонилась предъ королевскимъ величествомъ.

Началась игра. Королева выбрала партнерами герцога Эпернона, графа Суассона и маршала Бирона. Король пригласилъ герцога Вандома и сѣлъ съ нимъ за отдѣльный шахматный столикъ. Проходя къ своему мѣсту, король оказался лицомъ къ лицу съ Бирономъ, который былъ вынужденъ поклониться. Онъ сдѣлалъ это съ такой почтительностью, что Генрихъ IV обратился къ нему съ мимолетными словами.

Дѣлая намекъ на осаду Амьена, во время которой Биронъ отличился и заслужилъ герцогскій титулъ, король сказалъ ему, указывая на конную статую свою, стоявшую на большомъ каминѣ:

— А что, маршалъ, сказалъ-бы испанскій король, еслибы увидѣлъ меня въ такой позѣ на лошади, какъ меня видѣлъ Эрнаншелло подъ стѣнами Амьена?

— Онъ бы васъ не испугался,—грубо отвѣчалъ Биронъ, только что продавшійся королю Филиппу II испанскому.

Но затѣмъ увидѣвъ, что король гнѣвно на него глядитъ, онъ прибавилъ:

— Я хочу сказать, государь, что онъ не испугался бы, если бы увидѣлъ ваше величество только въ изображеніи!..

Въ первый разъ этотъ грубый солдатъ хотѣлъ исправить оскорбленіе лестью и сдѣлалъ онъ это до такой степени неохотно, что король далеко не удовлетворился и подойдя къ шахматному столу пробормоталъ нѣсколько ругательствъ. Раздосадованный, озлобленный Генрихъ игралъ разсѣянно, и герцогъ Вандомскій, извѣстный при дворѣ какъ самый слабый игрокъ, съ едва скрываемой радостью обратился къ королю съ словами:

— Государь, королева взята и если ваше величество не остережетесь, то король будетъ убитъ. Вотъ два офицера, которые очень близко къ нему подступили.

Взволнованный доносами, сдѣланными ему на маршала Бирона и графа Овернскаго, полный всякихъ подозрѣній о заговорахъ и покушеніяхъ на его жизнь, Генрихъ IV принялъ эти простыя слова своего партнера за указаніе свыше. Онъ быстро всталъ со своего мѣста и отдалъ тихимъ голосомъ нѣсколько приказаній капитану гвардіи и Витри, которые тотчасъ же вышли изъ зала. Де-Вареннъ, лейтенантъ Бирона, слышалъ королевское приказаніе. Онъ подошелъ къ столу королевы и дѣлая видъ, что хочетъ оправить соскользнувшій плащъ маршала, сказалъ ему шепотомъ на ухо:

— Вы погибли!... Бѣгите!...

Слова эти такъ подѣйствовали на Бирона, что слѣдующій ходъ онъ сыгралъ совсѣмъ скверно.

Королева сдѣлала ему замѣчаніе насчетъ его разсѣянности. Герцогъ совсѣмъ смутился.

— Вотъ видите,—замѣтила Марія Медичи смѣясь и дѣлая рѣшительный ходъ,—вы погибли!..

Биронъ, какъ и Генрихъ, былъ пораженъ этимъ неволь-

нымъ намекомъ. Онъ всталъ и направился къ выходу. Но въ это время къ нему подошелъ камергеръ и сказалъ, что король требуетъ его къ себѣ въ кабинетъ. Добрый Генрихъ, несмотря на всѣ сдѣланные ему на герцога доносы, еще колебался. Ему не хотѣлось терять лучшаго солдата своего королевства. Несмотря на свой гнѣвъ, онъ помнилъ о всѣхъ побѣдахъ, одержанныхъ маршаломъ. Онъ не могъ забыть, что безъ содѣйствія Бирона Пикардія принадлежала-бы испанцамъ; и, подобно Ликургу, сдѣлавшему своимъ другомъ человѣка, который лишилъ его глаза, Генрихъ рѣшилъ вновь привязать къ себѣ герцога, посягавшаго на его королевскую власть. Когда Биронъ вошелъ въ кабинетъ, король принялъ его такъ, какъ нѣкогда Августъ принялъ Цинну. Но высокомѣрный маршалъ, считавшій униженіе величайшей подлостью, предпочелъ подвергнуть свою жизнь риску, чѣмъ просить прощенія. Онъ гордо заявилъ, что его напрасно допрашиваютъ и что онъ не отступитъ ни на шагъ отъ всего сказаннаго имъ и что онъ не можетъ рѣшительно ничего прибавить къ тому, что онъ уже доложилъ.

— Давай Богъ!—сказалъ король.—Вы ничего не имѣете сказать?.. Прощайте, съ Богомъ...—Маршалъ вышелъ изъ кабинета, поздравляя себя за свою стойкость. У выхода второй комнаты его остановилъ Витри. Онъ положилъ руку на шпагу маршала и съ низкимъ поклономъ именемъ короля потребовалъ ее у Бирона.

— У кого? У меня, сослужившаго королю такую службу, у меня требуютъ моей шпаги!... У меня, который побѣдой закончилъ войну и даровалъ Франціи миръ? У меня, овладѣвшаго Амьеномъ, Сенъ-Полемъ, Аррасомъ и Баномомъ?.. Мою шпагу, которую не могли у меня отнять мои враги, хотятъ отобрать мои друзья?..

Разгнѣванный, преисполненный негодованія Биронъ не переставалъ повторять:

— Чтобы я отдалъ шпагу, которая такъ вѣрно служила королю, которая заставляла дрожать враговъ! Нѣтъ, никогда... Скорѣе смерть!..

Затѣмъ, видя, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ стражей, онъ обратился къ герцогу Монбазону.

— Герцогъ,—сказалъ онъ,—подите къ королю и скажите, что я хочу передать свою шпагу ему въ руки!

— Исполняйте приказаніе,—отвѣтилъ Монбазонъ, обращаясь къ Витри.

Витри бросился къ Бирону и схватилъ его шпагу, но маршалъ въ свою очередь выдернулъ изъ ноженъ шпагу Монбазона и вѣроятно дорого бы продалъ свою свободу, если бы накинувшаяся на него стража не вырвала у него оружіе. Потъ градомъ катился съ маршала, на губахъ показалась пѣна; слезы ярости текли изъ глазъ; онъ неистово колотилъ себя въ грудь и рвалъ на куски орденъ, висѣвшій на шеѣ; полъ дрожалъ подъ его ногами; на него было страшно поглядѣть. Стража, несмотря на то, что онъ былъ безоруженъ, не рѣшалась къ нему приблизиться. Но наступила реакція и съ усталою покорностью онъ сказалъ:

— Хорошо!.. Пусть такъ!.. Чего отъ меня хотятъ?..

Герцогъ Монбазонъ отвѣтилъ ему, что его никто не хотѣлъ оскорбить и что ему приказано „отвести маршала спать".

— А! Я понялъ,—сказалъ Биронъ.—Вы должны быть моимъ лакеемъ, господинъ герцогъ. Вамъ поручено меня раздѣть и вы начали съ шпаги. Фи, милостивый государь... Впрочемъ, пусть!.. Вотъ какъ поступаютъ съ добрыми католиками въ этомъ домѣ гугенотовъ!..

Маршала отвели въ самую верхнюю комнату замка. Но онъ не легъ въ постель и всю ночь просидѣлъ, завернувшись въ плащъ, противъ камина.

Одновременно съ арестомъ герцога Бирона, арестовали герцога Овернскаго. Когда къ нему явился Пралэнъ и потребовалъ именемъ короля его шпагу, герцогъ отвѣтилъ:

— Вотъ, возьми!.. Она убивала только кабановъ и если бы ты меня предупредилъ раньше, я спокойно улегся бы въ постель и самъ...

На другой день Биронъ и д'Овернь, обвиняемые въ государственной измѣнѣ, были перевезены изъ Фонтенебло и заточены въ Бастилію.

2. Судъ.

Какъ только маршалъ Биронъ былъ заключенъ въ Бастилію, народъ и придворные рѣшили, что онъ погибъ. Всѣ отлично знали, что такихъ людей, какъ онъ, не запугиваютъ, а дѣйствительно караютъ. Да и самъ Биронъ предвидѣлъ грозившую ему участь и весело говорилъ своимъ тюремщикамъ, что „такихъ птицъ, какъ онъ, не выпускаютъ изъ клѣтки". Боялись, чтобы онъ не покончилъ съ собою. Его охраняла безоружная стража, потому что всѣ знали его горячность и знали, что онъ можетъ обезоружить своихъ стражниковъ и

ихъ же оружіемъ лишить себя жизни. Какъ-то разъ онъ обратилъ вниманіе, что къ обѣду ему подали тупой ножъ.

— Прекрасно! Это пахнетъ Гревской площадью; вы боитесь, чтобы я не избѣжалъ плахи.

Король, любившій Бирона, какъ сына, хотѣлъ бы его освободить. Но чувство жалости боролось съ необходимостью твердо и рѣшительно дѣйствовать противъ всякихъ покушеній. Это было время заговоровъ и тайныхъ сообществъ, когда каждый французъ съ громкимъ именемъ, какъ Биронъ или Гизъ, считалъ себя вправѣ умалять королевскую власть. Вотъ почему милосердіе Генриха должно было уступить мѣсто государственнымъ соображеніямъ. Онъ приказалъ, чтобы Бирону былъ назначенъ защитникъ. И въ такомъ назначеніи проявилась большая благосклонность короля къ маршалу, потому что въ ту эпоху существовало правило, которое запрещало преступникамъ, посягавшимъ на королевскую власть, имѣть защитниковъ. По закону, они должны были защищаться лично, „принимая во вниманіе, что невинный обвиняемый легко можетъ доказать свою невинность съ помощью Бога и Пресвятой Дѣвы (juvante Deo et domina Virgine)".

Парламентъ прежде всего воспротивился, чтобы Биронъ, герцогъ и пэръ со времени осады Амьена, т. е. съ 1567 г., былъ судимъ палатою пэровъ. Мотивъ приводился такой: „никто не долженъ быть судимъ своими". Напрасно защита протестовала, ссылаясь на прецеденты суда надъ герцогомъ бретаньскимъ при Карлѣ V и надъ королемъ наваррскимъ при Карлѣ VI, парламентъ былъ могуществен и одержалъ побѣду. Биронъ предсталъ предъ судомъ парламента, подъ предсѣдательствомъ мессира Ахилла де-Гарлэ, безъ защитника, согласно закону Филиппа Красиваго, „доказывать свою правоту лично" (ester à droit soi même). Пэры возстали, они доказывали, что право суда принадлежитъ исключительно имъ. Протестъ ихъ былъ составленъ, но не дошелъ до короля. Палата пэровъ заявила въ этомъ протестѣ, что судъ парламента не компетентенъ и что Биронъ долженъ быть судимъ не только пэрами, но и „пэрессами". Какъ ни странно это требованіе, но въ исторіи приводятся нѣсколько примѣровъ участія въ судѣ надъ пэрами женщинъ-пэрессъ. Графъ Робертъ д'Артуа судился палатою пэровъ и въ числѣ судей засѣдала графиня Матильда д'Артуа, его жена; герцогиня Орлеанская участвовала въ судѣ надъ герцогомъ Монфоромъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти прецеденты, Биронъ

предсталъ предъ судомъ парламента, который взялъ верхъ надъ палатой пэровъ.

Несмотря на всю свою храбрость, Биронъ долженъ былъ ужаснуться, когда предсталъ предъ этимъ торжественнымъ и неподкупнымъ ареопагомъ, въ которомъ засѣдали люди, считавшіе лучшимъ своимъ достояніемъ полное отсутствіе жажды къ почестямъ или славѣ. И когда онъ вошелъ въ залъ и занялъ мѣсто на небольшой скамьѣ, рядомъ съ коннетаблемъ Люксенбургскимъ, герцогомъ Немурскимъ и камергеромъ Пуайе, обвинявшимися, какъ и онъ, въ государственной измѣнѣ, присутствіе духа измѣнило ему. Онъ увидѣлъ предъ собою красныя мантіи судей, и эти мантіи заставили вздрогнуть того, который хладнокровно глядѣлъ на красные костюмы испанскихъ солдатъ.

Но мало по малу увѣренность къ нему вернулась, и всѣ старые столпы съ удивленіемъ и недовольствомъ глядѣли на то, какъ „Биронъ дерзко крутилъ свой усъ", отвѣчая на ихъ вопросы. Герцогъ совершилъ нѣчто болѣе скандальное: во время допроса онъ всталъ съ своего мѣста и, подойдя къ самому судейскому столу, грубо сказалъ канцлеру:

— Говорите громче, я васъ не слышу...

Такую фразу теперь никто не сказалъ бы даже мировому судьѣ, хотя бы тотъ и не особенно дорожилъ своимъ судейскимъ достоинствомъ.

Обвиненный въ государственной измѣнѣ и въ преступныхъ сношеніяхъ съ врагами короля, Биронъ былъ приговоренъ къ смертной казни, къ лишенію, со всѣмъ своимъ потомствомъ, герцогскаго титула и къ конфискаціи въ пользу казны всего его имущества. Маршалъ не слышалъ приговора; его отвели въ Бастилію послѣ судоговоренія. Защищался онъ самъ, съ такимъ талантомъ, что всѣ говорили про него: „онъ владѣетъ словомъ не хуже, чѣмъ шпагою". Его рѣчь, длившаяся три часа, — одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ эпохи. При чтеніи ея поражаешься и задаешься вопросомъ: какое же огромное впечатлѣніе долженъ былъ произвести этотъ увлекающійся воинъ на высокомѣрныхъ членовъ строгаго судилища, если они позволили ему бросать имъ въ лицо такія дерзкія рѣчи; онъ называетъ ихъ по именамъ, онъ кидаетъ въ нихъ обвиненія, разбираетъ ихъ дѣятельность, нападаетъ даже на короля, упрекаетъ ихъ въ массѣ несправедливостей и заканчиваетъ свое слово, угрожая Франціи мщеніемъ своихъ друзей, которые потребуютъ отчета въ его смерти, ссылаясь на помощь Бога и своихъ шпагъ.

Парламентъ терпѣливо выслушалъ Бирона: его боялись даже тогда, когда онъ уже былъ узникомъ. И когда онъ кончилъ, президентъ спросилъ его:

— Имѣете ли вы еще что-нибудь прибавить?

— Чортъ возьми!—отвѣтилъ маршалъ.—Вамъ этого развѣ мало?

Биронъ вернулся въ Бастилію очень довольный собою и своею рѣчью. Онъ полагалъ, что если парламентъ такъ спокойно выслушалъ его, то, очевидно, изъ сочувствія; изъ этого онъ дѣлалъ выводъ, что его оправдаютъ, установятъ его невинность. Онъ представлялъ себѣ, какъ онъ посмѣется надъ придворными, которые поторопились отстраниться отъ него, въ виду королевской немилости.

— Парламентскіе парики склонились предъ усами солдата!—вскричалъ онъ графу Оверяскому, который ждалъ его при входѣ въ тюрьму.

Роскошное пиршество, устроенное имъ послѣ суда, окончательно разсѣяло черныя тучи, которыя заползали въ его мозгъ. Но этотъ пиръ былъ пиромъ жирондистовъ. Онъ подошелъ къ окну своей кельи, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и услышалъ, что какая-то женщина произнесла его имя и заплакала. Въ то же время онъ увидѣлъ стараго канцлера, который, печально склонивъ голову, проходилъ чрезъ мрачный дворъ Бастиліи. При видѣ его, Биронъ сразу понялъ, что его ждетъ.

Чрезъ минуту маршала провели въ капеллу. Издали увидѣвъ тамъ канцлера, онъ ему закричалъ:

— Что, г. канцлеръ, неужели нѣтъ милосердія?

Канцлеръ поклонился и надѣлъ на голову шляпу. И въ эту минуту высокомѣрный нравъ маршала, нѣсколько смягчившійся было подъ вліяніемъ удара, вновь воспрянулъ съ прежней силой. Онъ надѣлъ шляпу, скрестилъ руки на груди и бросилъ на канцлера гнѣвный и презрительный взглядъ. Онъ не далъ ему сказать ни слова, онъ не выслушалъ даже приговора. Онъ схватилъ судью за руку и, потрясая ею, воскликнулъ:

— Вы меня осудили, но Богъ меня оправдаетъ. Господь укажетъ на гнусность тѣхъ, которые закрыли глаза, чтобы не видѣть моей невинности!.. Вы отвѣтите за несправедливость на судѣ Божьемъ, куда я васъ призываю! Я погибну раньше по суду людей, но виновные въ моей смерти погибнутъ по суду Божьему...

Этотъ призывъ къ страшному суду повергъ въ ужасъ канцлера, которому было больше семидесяти лѣтъ и который помнилъ Божій судъ надъ Фердинандомъ III, Климентомъ V и Филиппомъ Красивымъ.

Оправившись нѣсколько отъ страха, канцлеръ заявилъ Бирону, что король требуетъ возврата всѣхъ орденовъ. Маршалъ вытащилъ изъ кармана орденъ Золотого Руна и, бросивъ его на полъ, вскричалъ:

— Пусть подниметъ его тотъ, который чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы его на себя надѣть!..

Никто не тронулся съ мѣста.

Чрезъ нѣсколько минутъ въ капеллу явились Гарнье — духовникъ короля, и Маньянъ—настоятель церкви St. Nicolas des Champs, въ сопровожденіи студентовъ-богослововъ. Они пришли, чтобы приготовить Бирона къ смертному часу... И передъ ними маршалъ обнажилъ голову.

— Они,—сказалъ онъ,—посланцы неба!..

3. Казнь.

31-го іюля 1602 года все парижское населеніе—дворяне, буржуа и чернь—съ зарею начали собираться подлѣ Гревской площади. Улицы, набережныя, переулки, которыми можно было пройти къ этому лобному мѣсту, пропитанному кровью столькихъ жертвъ, были заполнены массами народа. При проѣздѣ мимо этой толпы всадника въ формѣ коорлевской стражи, изъ волнъ этой бурливой массы слышался грозный ропотъ и раздавалось постоянно одно и то же имя. Имя это, произносившееся во время всѣхъ народныхъ праздниковъ съ восторгомъ и уваженіемъ, теперь проклиналось тѣми же самыми непостоянными людьми, которые создаютъ и уничтожаютъ славу и знаменитость. Имя это было именемъ Бирона, а толпы эти состояли изъ прежнихъ поклонниковъ маршала, пришедшихъ еще до зари, чтобы взглянуть, какъ на гнусномъ эшафотѣ падетъ голова спасителя отечества...

Власти предвидѣли это сборище, и частью изъ уваженія къ прежней славѣ приговореннаго, частью же изъ страха какого-нибудь заговора въ пользу Бирона, было рѣшено совершить казнь въ стѣнахъ Бастиліи. Эшафотъ былъ поставленъ въ одномъ изъ угловъ двора, предъ воротами тюремнаго сада. Возвышеніе было сдѣлано въ шесть футъ высоты и ширины, съ пятью ступенями. Помостъ не былъ даже покрытъ ковромъ. Рѣшено было казнить герцога, какъ простого плебея.

По выходѣ изъ капеллы, Биронъ, увѣдомленный, что часъ смерти наступилъ, пошелъ къ эшафоту съ той смѣлостью, съ какой обыкновенно шелъ въ сраженіе. Онъ былъ одѣтъ въ костюмъ изъ сѣрой тафты, съ черной шляпой на головѣ. По дорогѣ къ нему подошелъ палачъ и маршалъ спросилъ:

— Кто этотъ человѣкъ?..

— Это исполнитель приговора,—отвѣтили ему.

— Прочь!—вскричалъ Биронъ.—Не дотрогивайся до меня раньше времени. Я самъ пойду на смерть! Никто не посмѣетъ сказать, что я былъ казненъ какъ воръ или рабъ!.. Если ты приблизишься ко мнѣ, палачъ, я тебя задушу.

Священники, стоявшіе подлѣ маршала, обратились къ нему со словами мира. Они напомнили ему, что Господь, идя на казнь, несъ съ покорностью свой крестъ.

— Да,—сказалъ Биронъ,—крестъ, но не веревки и цѣпи!..

Его оставили свободнымъ. Несмотря на то, что приказъ о казни былъ отданъ тайно, всѣ окна, выходившія во дворъ, были заполнены зрителями. Тутъ находились: купеческій старшина, представители цеховъ, сборщики податей, многіе военные и гражданскіе чины и королевскій прокуроръ.

Подойдя къ подножію эшафота, Биронъ сталъ на колѣни, сотворилъ краткую молитву и поднялся на помостъ твердою поступью. Затѣмъ, бросивъ гнѣвный взглядъ на палача, онъ сказалъ ему:

— Стой въ сторонѣ; ты подойдешь, когда я прикажу; я желаю умереть начальникомъ...

Онъ бросилъ шляпу на земь, снялъ камзолъ и отдалъ его одному изъ помощниковъ палача, который поднесъ ему платокъ для того, чтобы маршалъ завязалъ себѣ глаза.

— Если ты тронешь меня,—вскричалъ Биронъ,—я тебя задушу. Только сѣкирой!.. Неужели ты полагаешь, что мнѣ нужно завязать глаза. Я видѣлъ смерть въ сраженіяхъ такъ же близко, какъ сегодня!..

Затѣмъ, повернувшись къ солдатамъ, охранявшимъ ворота, онъ обнажилъ грудь.

— Не найдется ли между вами молодца, — вскричалъ онъ,—который подарилъ бы мнѣ хорошій зарядъ изъ мушкета. Я бы ему сказалъ большое спасибо!

— Какая гадость, — прибавилъ онъ. — Умереть позорно отъ постыднаго удара!..

Солдаты, услышавъ столь любимый голосъ своего полководца, заплакали. Биронъ тоже смягчился.

— Неужели нѣтъ прощенія,—сказалъ онъ.—Я приготовилъ свою душу, чтобы предстать предъ Богомъ, но я жалѣю короля, который несправедливо лишаетъ меня жизни!..

Ему сказали, что, по закону, надобно прочитать ему приговоръ. Маршалъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ сталъ кричать, что ему нарочно отягчаютъ послѣднія минуты, заставляютъ его дожидаться казни и мучаться. Онъ кричалъ такъ громко, что присутствующіе не могли разслышать ни одного слова изъ приговора. Священники начали уговаривать его предать свою душу Богу и покориться. Герцогъ самъ завязалъ себѣ глаза и спросилъ палача, гдѣ нужно стать.

— Здѣсь, господинъ маршалъ.

— Гдѣ здѣсь? Ты видишь, что у меня завязаны глаза! Показываешь мнѣ мѣсто, точно я изъ-подъ платка могу видѣть!..

Проговоривъ эти слова, онъ сорвалъ снова платокъ съ глазъ и крикнулъ палачу, чтобы тотъ „торопился". Палачъ попросилъ Бирона, чтобы онъ сталъ на колѣни, иначе онъ можетъ „промахнуться и заставить герцога страдать".

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ герцогъ.—Я хочу умереть на ногахъ. Если ты не можешь меня убить однимъ ударомъ—наноси хоть тридцать. Я не двинусь съ мѣста!..

Окружающіе стали его уговаривать и Биронъ согласился.

— Неужели нѣтъ милосердія,—сказалъ Биронъ, становясь на колѣни.

Ему хотѣли обрѣзать волосы и связать руки. Услышавъ это, герцогъ пришелъ въ такую свирѣпую ярость, что испуганный палачъ соскочилъ съ эшафота.

— Я не хочу, чтобы до меня дотрогивались,—закричалъ онъ.—Убейте меня скорѣе!.. Если вы меня разсердите, то я задушу половину всѣхъ тѣхъ, которые здѣсь стоятъ и заставлю другую половину убить меня!.. Я соскочу съ эшафота и тогда берегитесь!..

И голосъ его былъ такъ грозенъ, что всѣ находившіеся на эшафотѣ бѣжали. Биронъ остался одинъ, господствуя надъ всей толпой солдатъ, стражи и палачей. Скрестивъ руки на широкой груди своей и побѣдоносно глядя на всѣхъ, онъ походилъ на полководца, на оратора, а не на приговореннаго къ смерти. Казнь явилась для него своего рода тріумфомъ. Онъ былъ гордъ, безстрастенъ, несговорчивъ предъ сѣкирой палача, какимъ бывалъ предъ непріятельскими пушками...

Одинъ изъ священниковъ рискнулъ взойти на эшафотъ.

— Вы, отецъ мой,—сказалъ Биронъ,—хорошо... вы можете взойти...

Аббатъ успокоилъ его и проговорилъ разрѣшительную молитву. Съ этой минуты герцогъ преобразился. Онъ поднялъ свои длинные волосы, посѣдѣвшіе отъ утомленія, и привязалъ ихъ на лбу платкомъ. Потомъ онъ позвалъ палача и, наклонивъ голову, вскричалъ:

— Бей, бей, бей!..

Онъ умеръ полководцемъ.

Ударъ сѣкирой былъ нанесенъ такъ быстро, что немногіе успѣли замѣтить его. Голова отскочила и упала къ ногамъ лошадей всадниковъ, окружавшихъ эшафотъ. Когда подняли тѣло, къ которому палачъ со страхомъ рѣшился приблизиться, сердце продолжало биться съ страшной силою. Оно точно возмущалось противъ горячей и своенравной головы, которая увлекла Бирона по несчастному пути и привела его на эшафотъ.

Въ девять часовъ вечера трупъ былъ перевезенъ въ церковь св. Павла и похороненъ въ алтарѣ. На простой каменной плитѣ кто-то выгравировалъ насмѣшливое четверостишіе:

Биронъ такъ любилъ вооруженныхъ людей,
Что послѣ того, какъ ему перерѣзали шею,
Онъ отдалъ свое тѣло святому Павлу,
Потому что тотъ когда-то носилъ оружіе.
(„Byron ayma tant les gens d'armes,
„Qu'aprest qu'on eust coupé son col
„Il donna son corps à sainct Pol
„Parce qu'il a porté les armes").

Такъ закончилъ свое существованіе человѣкъ, слава котораго была извѣстна всей Европѣ XVII вѣка. Его горячая натура какъ нельзя болѣе подходила къ характеру беарнейца. Онъ много и долго служилъ отечеству, служилъ рыцарски, изъ-за одного честолюбія быть полезнымъ родинѣ. Не было ни одного сосуда въ его тѣлѣ, изъ котораго не была бы пролита кровь за Францію, и въ исторіи города Амьена, который такъ часто осаждался, навсегда сохранится славная память объ этомъ героѣ, возвратившемъ его Франціи и доказавшемъ, что испанцы овладѣли городомъ случайно.

— Пикардійцы были побѣждены случайно, — говоритъ онъ.—Чортъ возьми! Никогда непріятель не вошелъ бы въ городъ, если бы не употребилъ хитрости и гнуснаго маневра.

Пикардійцы шли на испанцевъ смѣло, съ ружьемъ на плечахъ. Испанцы же переодѣлись женщинами и погонщиками муловъ. Они вошли чрезъ открытыя ворота, потому что не могли войти чрезъ пробитую въ стѣнахъ брешь. Какая гадость! Испанія навсегда наложила на себя пятно!..

II.

Женщина-философъ.

Изданіе Стюпюи „Oeuvres philosophiques de Sophie Germain" оживляетъ воспоминаніе о француженкѣ Софіи Жерменъ, извѣстной своими математическими изслѣдованіями. Она была не только женщина-математикъ, но и женщина-философъ, что доказывается названнымъ изданіемъ, содержащимъ въ себѣ афоризмы ея, и сочиненіемъ, подъ названіемъ „Considérations génerales sur l'état des sciences et des lettres aux différentes époques de leur culture".

Софія Жерменъ родилась въ Парижѣ, 1 апрѣля 1776 г. Отецъ ея, бывшій золотыхъ дѣлъ мастеромъ и принадлежавшій къ сословію просвѣщенныхъ, образованныхъ гражданъ, прославился двумя рѣчами, произнесенными имъ въ конституціонномъ собраніи. Въ домашнемъ быту онъ также весьма охотно пускался въ разсужденія о политикѣ, такъ что юная Софія посвящена была во всѣ великія событія того времени, которыя крайне волновали ее. И вотъ, для возстановленія душевнаго своего мира, она прибѣгла къ научнымъ занятіямъ.

Штудируя съ этой цѣлью библіотеку своего отца, она нашла тамъ исторію математики Монтукласа. Исторія Архимеда, разсказанная въ этой книжкѣ, въ особенности же описаніе его смерти, внушили ей большую симпатію къ великому математику. Ей показалось, что она нашла такую науку, которая настолько поглощаетъ человѣка, что онъ вполнѣ можетъ позабыть объ угрожающихъ ему опасностяхъ. Это-то соображеніе и побудило ее рѣшиться посвятить себя изученію математики. Если принять во вниманіе, что Софіи Жерменъ въ то время было не болѣе 13-ти лѣтъ, слѣдовательно, она не могла еще представить себѣ тѣ размѣры, какіе могло принять революціонное движеніе, то фактъ этотъ заслуживаетъ истиннаго удивленія. Между тѣмъ этотъ фактъ подтверждается всѣми ея біографами, и потому нѣтъ основанія сомнѣваться въ его истинности.

И вотъ, безъ всякой посторонней помощи, Софія Жерменъ принялась за изученіе математики. Хотя родители ея не особенно были довольны этими занятіями и всячески старались отвлечь ее отъ нихъ, однако вскорѣ имъ пришлось убѣдиться, что всѣ ихъ старанія были напрасны. Съ основаніемъ политехнической школы въ Парижѣ, Софія съумѣла раздобыть себѣ лекціи, читавшіяся въ этомъ заведеніи. Въ то время было принято, чтобы въ концѣ лекцій слушатели представляли рефераты содержанія чтеній. Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы, подъ именемъ Лебланъ, завязать сношенія съ наиболѣе выдающимися математиками. Впрочемъ, научныя ея занятія не ограничились одной математикой. Она, также безъ посторонней помощи, изучила латинскій языкъ и серьезно занималась исторіей, литературой и философіей.

Къ первымъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ побудилъ ее слѣдующій фактъ. Въ 1808 году въ Парижъ пріѣхалъ физикъ Хладни, который производилъ тамъ свои опыты надъ колебаніями эластичныхъ пластинокъ. Парижская академія объявила конкурсъ на тэму объ изысканіи математической теоріи этихъ явленій. Софія Жерменъ немедленно принялась за разрѣшеніе этой задачи. И хотя академія дважды отвергала ея труды, тѣмъ не менѣе это не обезкуражило ее, и она добилась-таки, что третье ея сочиненіе было премировано. Это также служитъ доказательствомъ ея настойчивости и энергіи.

Несмотря на большой успѣхъ и всеобщее уваженіе, какимъ пользовалась Софія Жерменъ въ ученомъ мірѣ, — она всегда оставалась чужда какихъ бы то ни было претензій и преисполнена скромности. Она близко принимала къ сердцу интересы науки и потому никогда не сердилась, если кто-нибудь пользовался ея мнѣніями, случайно высказанными въ разговорѣ. Доброжелательность къ своимъ ближнимъ, вообще, была преобладающей чертой ея характера. Послѣдніе годы жизни изслѣдовательницы были омрачены тяжкими страданіями, что не помѣшало ей, однако, продолжать ученую свою дѣятельность, которой Софія осталась вѣрна почти что до самой своей смерти, послѣдовавшей 27-го іюня 1831 года.

Въ этотъ періодъ написано и вышеупомянутое философское ея сочиненіе. Хотя Стюартъ относитъ это сочиненіе къ болѣе раннему періоду, но вся форма даннаго труда говоритъ противъ такого предположенія. Нѣтъ сомнѣнія, что идеи этого сочиненія давнымъ давно занимали ученую, но сложность из-

ложенія, неудовлетворительная аргументація отдѣльныхъ идей свидѣтельствуетъ, что ей не хватило времени на его обработку. Трудъ этотъ оказывается собственно не философской системой, а лишь планомъ для нея.

Изъ выдающихся представителей новѣйшей философіи Софія Жерменъ была знакома съ сочиненіями Декарта и Бэкона; идеи Канта также были ей извѣстны. Но наибольшее вліяніе оказала на нее французская философія періода просвѣщенія. Исходнымъ пунктомъ ея идей служитъ стремленіе къ порядку и законосообразности какъ въ природѣ, такъ и въ духовной жизни человѣка. Въ послѣдней это стремленіе обнаруживается трояко: влеченіемъ къ научнымъ познаніямъ, въ видѣ нравственности и эстетическаго чувства.

Прежде всего Софія Жерменъ старается доказать соразмѣрность въ проявленіяхъ дѣятельности человѣческаго духа, возставая противъ раздѣленія ихъ въ творчествѣ ума и фантазіи. При этомъ творенія поэта она сравниваетъ съ сочиненіями ученаго изыскателя, въ особенности математика. Предметы, представляемые поэту фантазіей, регулируются умомъ, тогда какъ результаты изслѣдованій предчувствуются фантазіей, прежде чѣмъ они доказываются разумомъ.

Софія Жерменъ идетъ даже далѣе, утверждая, что стремленіе къ порядку и законосообразности во всѣ времена руководило человѣческимъ умомъ, и что принятый имъ методъ, по существу, всегда оставался тѣмъ же самымъ, а именно методомъ аналогіи. Методъ этотъ заключается въ томъ, что соотношеніе, существующее между двумя предметами, переносится въ другую область. Такъ создалось представленіе о богахъ, когда, по аналогіи съ человѣческой душой, и другимъ явленіямъ природы приписана была душа. Подобнаго рода способъ представленія встрѣчается у дѣтей, которые, ударившись о какой-нибудь предметъ, толкаютъ его, съ своей стороны, какъ бы въ отместку. Число боговъ постепенно сокращалось, по мѣрѣ того, какъ одному и тому же богу приписывали больше свойствъ. Наконецъ, познавъ полнѣе порядокъ и законосообразность вещей, перешли къ монотеизму.

Противоположность этому составляетъ метафизическій методъ объясненія вещей. Сущность его состоитъ въ томъ, что одна единичная правильная истина берется въ немъ за средоточіе цѣлой системы, необходимо подчиняющее себѣ все остальное, или, какъ выражается авторъ, аналогію хотѣли замѣнить тождественностью.

Въ періодъ этихъ двухъ стадій постоянно ставился вопросъ „почему"? Новое же время характеризуется тѣмъ, что теперь прежде всего спрашиваютъ: „какъ"? Задача этого вѣка, въ противоположность прошедшему, состоитъ не въ установленіи метафизической системы, а въ изысканіи законовъ бытія, практикуемомъ съ такимъ успѣхомъ въ новѣйшемъ естествознаніи. Но такой взглядъ долженъ постепенно распространиться и на другія науки, въ особенности же на мораль и политику. Когда послѣднія попадутъ въ разрядъ точныхъ наукъ, тогда, напримѣръ, можно было бы вычислить, что вліянія лжи и безчестности преходящи, и что революціи въ государствахъ вскорѣ уступятъ мѣсто порядку. Изъ такого міровоззрѣнія естественно вытекаетъ отрицаніе свободы воли, такъ какъ человѣческій умъ подчиненъ тѣмъ же законамъ, какъ и природа. При изысканіи закона всего совершающагося человѣкъ вновь примѣняетъ тотъ же методъ аналогіи.

Но хотя авторъ и отвергаетъ метафизику, тѣмъ не менѣе преимущество своей системы доказываетъ совершенно метафизически на основаніи единства бытія, выводя отсюда существованіе тѣхъ же законовъ въ самыхъ различныхъ областяхъ. Софія Жерменъ старается показать эту аналогію помощью сравненій, особенно обстоятельно проводитъ она эту аналогію между механикой и политикой. Такъ, въ государственной жизни она различаетъ состояніе устойчиваго и неустойчиваго равновѣсія. Первое имѣетъ мѣсто тогда, когда данная форма государства соотвѣтствуетъ склонностямъ народа, такъ что въ случаѣ нарушенія покоя прежнее состояніе вскорѣ возстанавливается вновь. Неустойчивость водворяется тогда, когда государственная форма устанавливается насильно, противъ воли народа. Если въ такомъ случаѣ является нарушеніе порядка, то колебаніе не устраняется до тѣхъ поръ, пока не создастся новое положеніе вещей, соотвѣтствующее тенденціямъ большинства.

Софія Жерменъ сравниваетъ воздѣйствіе толчка на какое-нибудь тѣло съ воздѣйствіемъ правительства на государство. Если ударъ попадаетъ въ центръ тяжести, если правительство дѣйствуетъ въ интересахъ народа,—въ такомъ случаѣ все цѣлое ненарушимо продолжаетъ двигаться впередъ. Если же никакая часть производящей силы не воздѣйствуетъ на центръ тяжести, если правительство постоянно дѣйствуетъ противно государственнымъ интересамъ,—въ такомъ случаѣ происходитъ ротативное движеніе, т. е. дви-

женіе, ведущее къ разъединенію и распаденію. Какъ въ политикѣ, такъ и въ механикѣ первыми отпадаютъ пограничныя области, тогда какъ въ центрѣ—столицѣ—подобныя силы значенія не имѣютъ.

Въ послѣдней части сочиненія женщина-философъ обращается къ изученію литературы и искусства, начиная съ нѣкоторыхъ историческихъ замѣчаній. Раннее развитіе литературы въ древности вполнѣ понятно, такъ какъ необходимыя для того свѣдѣнія можно было собрать безъ научныхъ вспомогательныхъ средствъ. Съ одной стороны это зависѣло отъ поэтовъ, подражавшихъ старымъ образцамъ, не обращая вниманія на современную воспріимчивость (конечно, дѣло идетъ тутъ о французской классической литературѣ). Съ другой стороны, вслѣдствіе развитія наукъ, интересъ къ поэзіи отступилъ на второй планъ. Но это переходное положеніе вскорѣ должно уступить мѣсто новому процвѣтанію литературы, обогащенной науками. Въ заключеніе, авторъ начинаетъ изыскивать аналогіи и между различными искусствами. Уныніе и печаль какъ въ музыкѣ, такъ и въ поэзіи выражаются медленнымъ темпомъ; сильное страданіе и отчаяніе—усиленнымъ движеніемъ и рѣзко подчеркнутыми фразами. Желая выразить настроеніе пріятное и веселое, поэтъ избираетъ для того простыя и удобопонятныя выраженія. Точно также композиторъ въ подобныхъ случаяхъ избѣгаетъ необычайныхъ созвучій. Для достиженія бо̀льшихъ эфектовъ поэзія вводитъ неожиданныя событія. Той же цѣли въ музыкѣ достигаютъ введеніемъ неожиданнаго созвучія.

Вотъ выдающіяся мысли женщины-философа. По нимъ Софію Жерменъ можно считать предшественницей великаго позитивиста Огюста Конта,—во-первыхъ, по ея пониманію историческаго развитія науки, во-вторыхъ, по отрицанію метафизики и по ограниченію задачъ наукъ изслѣдованіемъ законовъ бытія.

Банкирская Контора
АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА.
С.-Петербургъ, Невскій, 29 — 31, рядомъ съ Думой.
= ОТДѢЛЕНІЕ: Садовая, № 32. =
Продаетъ билеты всѣхъ выигрышныхъ займовъ и
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ СЪ ПРАВОМЪ ВЫКУПА ПО ЧАСТЯМЪ
Подъ билеты I-го займа . . . . . по 220 р.
» » II-го » . . . . . » 205 »
» » дворянскаго займа, сполна оплаченн. . . . » 180 »
Подъ другія процентныя бумаги 10 проц. ниже бирж. цѣны,
ВЗИМАЯ 6 ПРОЦЕНТОВЪ ГОДОВЫХЪ.
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ ДО ВОСТРЕБОВАНІЯ (ON CALL), ПОДЪ ПРОЦЕНТНЫЯ БУМАГИ
ПОКУПАЕТЪ и ПРОДАЕТЪ ПРОЦЕНТНЫЯ БУМАГИ, русское золото и серебро, иностранныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, золотѣ и серебрѣ.
ВПРЕДЬ ДО ИЗМѢНЕНІЯ ПЛАТИТЪ:
по вкладамъ на годъ и болѣе по соглашенію.
» » » 6 мѣсяцевъ . 5½% | по вкладамъ до востребованія 4½%
» » » 3 мѣсяца . . 5% | по текущему счету 4%
Принимаетъ страхованія билетовъ I и II займа по 75 коп.
Исполняетъ биржевыя и иногор. порученія въ точности.
Телефонъ № 1303.
Телефонъ № 1303.

АНГЛІЙСКІЙ МАГАЗИНЪ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
Р. НЕШЕЛЬ.
Спб. Вознесенскій пр., № 10, между Больш. и Мал. Морской.
КРАСКИ для всякаго рода живописи. Альбуминныя для фотографій, гобеленовыя, темпера-краски и проч. НОВОСТИ
Чернила ДІАМАНТЪ для мѣтки и гравированія по стеклу простымъ перомъ.
Большой выборъ рисунковъ, поздравительныхъ карточекъ и меню.—Переводныя картины обыкновенныя и для фарфора, рельефныя картины, фотографіи, олеографіи и проч.—Портреты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и Наслѣдника Цесаревича.
ТЕРРАКОТА новѣйшихъ рисунковъ для раскрашиванія эмалевыми красками.—Статуэтки, бюсты и проч. настоящей красной терракоты.
Стальныя перья и проч. Ф. ЗЕННЕКЕНА.—Рамы готовыя и на заказъ.
Полировка крашенныхъ и выжженныхъ деревянныхъ вещей.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
НА БЕРЕЗОВОМЪ СОКУ.
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
Для нѣжности лица. Цѣна 50 коп. Остерегаться поддѣлокъ. Требовать подпись А. Энглундъ *красными чернилами*. Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи.

Изъ общественной и литературной хроники Запада.

Луисъ Колома, авторъ романа „Бездѣлицъ“.—Его прошлое.—Колома въ качествѣ іезуитскаго проповѣдника въ Мадридѣ.—Его нравственно-обличительная литературная дѣятельность.—Покушеніе на его жизнь.—Объ авторѣ романа „Африканская ферма“.—Посѣщеніе Ибсена англійской миссъ Твиди.—Наружность и обходительность Ибсена.—„Языкъ—душа народа“.—Манія порядка и чистоты у Ибсена.—О любви его къ живописи.—Образъ жизни Ибсена.—Ибсенъ и Бьорнсонъ о наслѣдственности.—Любовь Бьорнсона къ музыкѣ.—Обычаи избирательной агитаціи во Франціи: плакаты, афиши и рекламы кандидатовъ; типическія черты людей, промышляющихъ выборами—расклеиватель рекламъ, журналистъ, секретарь кандидата, клакеръ, свистунъ, провожальщикъ, ораторы, библіотечная крыса, „ученый“, знатокъ бойкихъ фразъ; что печатаютъ кандидаты; роль надежнаго избирательнаго комитета въ Парижѣ; соціалистическая логика кулаковъ; „ремесленный союзъ цирульниковъ“ на парижскихъ выборахъ; соціалистическія насилія надъ Ивомъ Гюго, Можаномъ и Локруа.—Викторъ Гюго въ роли литературнаго папы.—Извощикъ-поэтъ Моръ и его месть.—Положеніе французскихъ кандидатовъ въ провинціи.—Кандидатъ въ депутаты и крестьяне-избиратели.—Подачки важнѣе рѣчей-программъ и избирательныхъ манифестовъ.—О переселеніи американскихъ милліонеровъ въ Европу.—Процессъ нью-іоркскаго банкира Седжа съ Лэдлоу, вслѣдствіе динамитнаго покушенія на его жизнь.—Архимилліонеръ Маккэй и покушеніе на него Рипея въ Санъ-Франциско.—Перемѣна фронта въ американской печати относительно наслѣдниковъ финансоваго пирата Джея Гуда.—Богатѣйшая въ свѣтѣ невѣста и американскіе панегирики по адресу миссъ Элленъ М. Гудъ.

Съ сентябрьской книжки „Вѣстника“ печатается романъ іезуитскаго патера Луиса Коломы подъ заглавіемъ „Бездѣлицы“. Это переводъ испанскаго романа „Pequeñeces“, который при появленіи своемъ въ Бильбао сперва въ іезуитскомъ журналѣ, потомъ отдѣльно въ двухъ томахъ, былъ признанъ испанцами настоящимъ литературнымъ событіемъ, тѣмъ болѣе любопытнымъ, что онъ ярко охарактеризовалъ темныя стороны испанской аристократіи въ періодъ правленія короля Амедея Савойскаго. Луисъ Колома уже не разъ интересовалъ своей персоной всю образованную Испанію. Біографія его полна приключеній. Онъ сынъ богатаго адвоката въ Ферецѣ (род. 1851 г.), учился сперва въ Севильѣ по юридической части. Тамъ же онъ свелъ близкое знакомство съ двумя писательницами Фернанъ Кабаллеро и Гертрудой Авелламедой, занимался немножко журналистикой, а всего больше политическими интригами въ пользу изгнан-

ныхъ изъ Испаніи Бурбоновъ. Это послѣднее обстоятельство навлекло на него подозрѣнія и со стороны короля Амедея, и въ лагерѣ республиканцевъ. Ему грозила опасность попасть въ изгнаніе. Къ счастью для него, обыски, производившіеся у него полиціей, остались безплодными.

Въ Севильѣ онъ слылъ за вивера и необузданнаго прожигателя жизни совершенно въ томъ же родѣ, какихъ онъ самъ выставляетъ въ своемъ романѣ „Бездѣлицы". Въ 1874 г. въ одно прекрасное утро его нашли на улицѣ тяжко раненымъ выстрѣломъ изъ револьвера. Была-ли то месть какого нибудь обиженнаго имъ супруга или соперника въ любовныхъ дѣлахъ, или же 23-хъ-лѣтнему молодому человѣку наскучила разгульная жизнь и онъ самъ пытался положить ей предѣлъ, все это такъ и осталось навсегда невыясненнымъ.

Раненый упорно отказался отвѣчать на распросы. Четыре недѣли онъ находился между жизнью и смертью, и въ это-то время съ молодымъ виверомъ совершилась нравственная метаморфоза. По выздоровленіи онъ вступилъ въ іезуитскій орденъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя Луисъ Колома опять заставилъ говорить о себѣ весь Мадридъ. Прошла молва, что въ іезуитскомъ орденѣ обрѣтается проповѣдникъ, пламенное краснорѣчіе котораго напоминало знаменитѣйшія имена по этой части прежнихъ временъ. Такимъ проповѣдникомъ оказался бывшій бонвиванъ Луисъ Колома. Изъ своего монастыря онъ былъ вызванъ въ Мадридъ. Но тамъ въ первой же проповѣди, которую держалъ онъ въ присутствіи именитыхъ дамъ, онъ наговорилъ своимъ слушательницамъ такихъ непріятныхъ вещей, что онѣ то краснѣли, то блѣднѣли, а многія не выдержали и съ негодованіемъ ушли изъ церкви. Нѣсколько часовъ спустя король, папскій нунцій и министры собрались на совѣщаніе, чтобъ принять какое либо рѣшеніе насчетъ необычайнаго проповѣдника. Постановили просто отправить его опять въ монастырь.

Но благочестивое рвеніе патера не улеглось. Тѣ горькія истины, которыхъ онъ не могъ возвѣщать съ церковной каѳедры, онъ сталъ излагать печатно. Его первыя литературныя работы предназначались преимущественно въ назиданіе дѣтямъ. Но онъ скоро сталъ обращаться и къ взрослымъ. Въ „Пыли и грязи", въ „Первомъ балу", въ „Горріонѣ"— все это названія его назидательныхъ повѣствованій—онъ безпощадно бичевалъ пороки испанской аристократіи, ея глупость, легкомысліе и развращенность. Новеллы этого рода,

изданныя отдѣльно подъ заглавіемъ „Lecturaz recreativas“, не прошли незамѣченными, но далеко не предвѣщали блестящаго успѣха романа „Бездѣлицы“. И въ этомъ романѣ авторъ не скрываетъ своихъ намѣреній наставительнаго свойства. „Не забывайте — говоритъ онъ читателямъ, — что подъ видомъ повѣствователя я ничто иное, какъ вѣстникъ вѣры. Какъ въ былое время иной нищенствующій монахъ на площади взбирался на столъ, чтобъ обратиться къ равнодушнымъ, которые не посѣщали храма, и высказать имъ непріятныя истины рѣзкимъ языкомъ, доступнымъ ихъ пониманію, такъ и я воздвигаю себѣ трибуну на страницахъ романа, съ которой проповѣдую тѣмъ, кто не сталъ бы слушать меня, если бы я заговорилъ съ ними иначе. Я поучаю ихъ на ихъ собственномъ языкѣ необходимымъ истинамъ, которыя никогда не могутъ быть излагаемы подъ сводами церквей“.

* * *

Испанской аристократіи едва-ли приходится радоваться, что у нея нашелся такой исторіографъ. Испанскихъ кавалеровъ онъ изображаетъ съ безпощадной откровенностью, даже славу рыцарской отваги, на которую Испанія претендуетъ такъ громко, онъ срываетъ съ нихъ, какъ лживую маску. Дамамъ въ романѣ іезуитскаго патера достается еще горше. И все это дѣлается членомъ іезуитскаго ордена, лицомъ, которое долгое время вращалось въ разоблачаемомъ имъ высшемъ кругу. Въ романѣ есть и политика. Луисъ Колома не можетъ простить роялистамъ, что они не оправдали его надеждъ и не сдѣлали католицизмъ государственной религіей. Но политика въ „Бездѣлицахъ“ занимаетъ второстепенное мѣсто. Вообще ей отводится мѣсто въ этомъ романѣ только потому, что она въ настоящее время составляетъ излюбленное занятіе и наиболѣе почитаемую профессію для испанской аристократіи. Въ глазахъ патера Коломы испанская аристократія—самый опасный поборникъ равнодушія и снисходительности въ дѣлахъ нравственныхъ, которыя она охотно считаетъ „Бездѣлицами“, что строгому моралисту кажется преступностью и порочностью, достойными бичеванія.

Неудивительно, что задѣтые этой сатирой, возмутились противъ автора „Бездѣлицъ“. Иныя изъ мадридскихъ газетъ потребовали, чтобъ противъ такого бичевателя пороковъ были приняты административныя мѣры. Луисъ Колома обвинялся въ томъ,что намѣренно и съ злымъ умысломъ отрицаетъ и унижаетъ всѣмъ свѣтомъ признанныя

благороднѣйшія и блистательнѣйшія качества испанцевъ. Появились памфлеты, направленные къ опозоренію столь „нечестивой книги". Но у патера Коломы нашлись поклонники и сторонники. И вотъ не успѣла еще прекратиться полемика по поводу „Бездѣлицъ", какъ Луисъ Колома опять сдѣлался предметомъ общественнаго вниманія въ Мадридѣ. Надняхъ на него произведено было покушеніе—по чьей иниціативѣ?—въ саду іезуитской коллегіи Деусто пьяными горнорабочими изъ Бильбао.

* * *

Подъ псевдонимомъ Ральфъ Айронъ, которому принадлежитъ печатаемый нами романъ „Африканская ферма", скрывается англійская писательница Олива Шрейнеръ, уже успѣвшая стяжать себѣ извѣстность въ средѣ англійскихъ романистокъ. Съ однимъ изъ позднѣйшихъ разсказовъ ея „Сонъ, навѣянный дикими пчелами" ознакомлены читатели „Вѣстника". Олива Шрейнеръ—дочь миссіонера изъ нѣмцевъ, который, женившись на англичанкѣ (дочери одного лондонскаго проповѣдника), въ 1836 г. отправился проповѣдывать христіанство въ Южную Африку, и она родилась и проживала въ Африкѣ до весьма недавняго времени. Стало быть, то, что она изображаетъ въ „Исторіи африканской фермы", пережито ею. Для характеристики автора этой „Исторіи" небезинтересно привести заявленіе Олива Шрейнеръ о происхожденіи ея романа. Одинъ англійскій критикъ по поводу „Story of an African Farm" замѣтилъ, что ему пріятнѣе была-бы книга, „которая разсказывала-бы о дикихъ приключеніяхъ, о стадахъ скота, загоняемыхъ бушменами въ непроходимыя пропасти, о схваткахъ съ хищными львами и объ удивительныхъ способахъ спасенія жизни отъ опасностей". На это Олива Шрейнеръ отвѣтила слѣдующее: „Такую книгу написать мнѣ невозможно. Такія книги всего лучше пишутся въ Лондонѣ. Тамъ можно предоставить просторъ творческой фантазіи, не стѣсняя себя прикосновенностью съ дѣйствительностью. Но если кто берется за изображеніе условій, въ которыхъ онъ выросъ, тому приходится убѣждаться, что факты сильнѣе, чѣмъ онъ. Тѣхъ блестящихъ образовъ, какіе фантазія ищетъ въ отдаленныхъ странахъ, онъ доставить не можетъ. Съ смущеніемъ онъ долженъ выдавливать пеструю краску изъ своей кисти и погружать послѣднюю въ темныя краски своей обстановки".

* * *

Къ писателямъ, извѣстность которыхъ теперь распростра-

няется всюду, принадлежатъ Ибсенъ и Бьорнсонъ, корифеи норвежской литературы. Объ образѣ жизни ихъ впервые обстоятельно повѣдала молодая англійская путешественница, миссъ Алекъ Твиди (Tweedie) въ журналѣ „Temple Bar". Беремъ изъ этого описанія наиболѣе характерныя и любопытныя показанія.

Было холодное и снѣжное утро, когда миссъ Твиди познакомилась съ Генрихомъ Ибсеномъ. По ея словамъ, стоялъ такой трескучій морозъ, что на улицѣ всѣ прохожіе позакутались въ шубы, причемъ валилъ такой сильный снѣгъ, что вагоны конно-желѣзныхъ дорогъ двигались посреди настоящихъ тоннелей, на нѣсколько футъ подъ замерзшей поверхностью. „Прибывъ къ цѣли нашей поѣздки, мы,—пишетъ Твиди,—увидѣли имя доктора Генриха Ибсена, золотыми буквами начертаннаго на стѣнѣ дома, съ указаніемъ этажа. Въ первомъ этажѣ мы позвонили. Намъ немедленно отворила дверь служанка въ норвежскомъ костюмѣ и пригласила насъ войти. Мы вошли въ большое зало безъ всякихъ украшеній, гдѣ оставили свои мѣховыя шубы. Служанка, однако, не покидала насъ, словно чего-то ожидая. Что-же ей было нужно? Наконецъ, по ея жестамъ, мы поняли, что она предлагала намъ свои услуги, чтобы помочь намъ снять наши галоши (snow-boots). Каково-же было ея удивленіе, когда она узнала, что мы ихъ не носимъ! Тогда она снова пригласила насъ къ дверямъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, еще разъ заставить насъ обтереть ноги о рогожку.

Наконецъ, мы были допущены до великаго человѣка. Мы застали его сидящимъ въ маленькой комнатѣ—его рабочемъ кабинетѣ. Онъ всталъ, пожалъ намъ руки, и затѣмъ вторично пожалъ ихъ, съ болѣе радушнымъ и увѣреннымъ видомъ, когда мы ему сказали, что понимаемъ и говоримъ по нѣмецки.

Докторъ Ибсенъ представляетъ собой маленькаго коренастаго человѣка, съ лицомъ, такъ сказать, обрамленнымъ густыми сѣдыми волосами. Онъ, дѣйствительно, обрамленъ ими, такъ какъ, помимо волосъ на головѣ, Ибсенъ носитъ усы и ожерелье изъ бороды, а подбородокъ и губы брѣетъ. Такимъ образомъ вполнѣ обнаруживается его ротъ, отличающійся большой странностью, такъ какъ верхняя губа у него такъ коротка, что едва замѣтна. Совсѣмъ круглые глаза, скрывающіеся за очень темными очками, прячутся подъ огромными бровями. Нельзя сказать, чтобы ансамбль лица былъ именно красивъ, но онъ весьма выразителенъ и свидѣтельствуетъ о большой смѣси силы и остроумія.

Онъ былъ одѣтъ весь въ черномъ, въ длинномъ двубортномъ сюртукѣ и въ бѣломъ вечернемъ галстухѣ.

У него крайне сдержанныя и спокойныя манеры, говоръ весьма медленный даже тогда, когда онъ говоритъ на норвежскомъ языкѣ. Видно, что онъ охотнѣе слушаетъ, чѣмъ говоритъ. Но при всемъ томъ онъ отличается образцовой обходительностью.

Мы сказали ему, какъ мы сожалѣли, что не видѣли его въ первый нашъ пріѣздъ въ Христіаніи.

— Это потому,—отвѣтилъ онъ намъ,—что я покинулъ Норвегію съ 1864 г. и вернулся сюда лишь въ прошломъ году. Въ промежуткѣ я жилъ главнымъ образомъ въ Мюнхенѣ, но также и въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Парижѣ и въ Римѣ.

— Отчего вы никогда не собрались въ Англію, разъ вы такъ много путешествовали?

— Потому, что я не знаю англійскаго языка, а это помѣшало бы мнѣ узнать душу народа. Тѣмъ не менѣе, мнѣ хотѣлось-бы поѣхать въ Англію, и именно для того, чтобы посмотрѣть вашихъ стариковъ. Во всѣхъ остальныхъ странахъ лучшая работа дѣлается людьми между сорока и пятидесятилѣтнимъ возрастомъ. Въ Англіи-же восьмидесятилѣтній старикъ нерѣдко располагаетъ еще всѣми своими силами. Мнѣ хотѣлось-бы познакомиться съ такими людьми, какъ Гладстонъ, Салисбюри, Гербертъ Спенсеръ.

Весь столъ у Ибсена былъ покрытъ осторожно распечатанными письмами.

— Это моя утренняя почта. Я самъ отвѣчаю на всѣ письма, такъ какъ совсѣмъ не держу секретаря: диктантъ меня утомляетъ.

У Ибсена настоящая манія порядка и чистоты. Все, что онъ дѣлаетъ,—дѣлаетъ медленно и основательно, съ необыкновенной пунктуальностью... Почеркъ его поражаетъ своей тщательностью и разборчивостью. Для написанія одной книги онъ употребляетъ, по крайней мѣрѣ, два года, неутомимо переписывая ее. Нерѣдко случалось ему уничтожать работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ и начинать съизнова. Въ то же время онъ такъ умѣетъ молчать на счетъ сюжета своего труда, что никто даже не знаетъ, чѣмъ именно онъ занимается, до того момента, пока трудъ его не попадетъ въ руки наборщика. Треволненія внѣшней жизни, повидимому, не оказываютъ на него никакого вліянія,—онъ наблюдаетъ и анализируетъ страсти, обуревающія другихъ, никогда, однако, не испытывая ихъ на себѣ.

На столѣ его, около его чернильницы мы замѣтили цѣлую коллекцію маленькихъ игрушекъ, а именно рѣзнаго деревяннаго медвѣдя, маленькаго чернаго чертика, двѣ-три мѣдныхъ кошки и кроликовъ, изъ которыхъ одинъ игралъ на скрипкѣ.

— Я не могъ-бы написать ни строки,—сообщилъ намъ Ибсенъ,—не имѣя передъ собою этихъ бездѣлушекъ. А для чего онѣ мнѣ служатъ,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—этого я вамъ не могу сказать,—это мой секретъ.

Мы были поражены почти полнымъ отсутствіемъ книгъ въ этомъ рабочемъ кабинетѣ.

— Я очень мало читаю,—сказалъ намъ Ибсенъ,—мнѣ едва удается изрѣдка прочесть одну какую-нибудь книгу. Я просматриваю журналы,—вотъ и все.

На стѣнѣ висѣлъ уже давнишній его портретъ. Мы спросили, считаетъ ли онъ его похожимъ.

— О, нѣтъ! Какимъ образомъ живопись могла бы представить живого человѣка? Я большой любитель живописи, но портреты меня не интересуютъ. Впрочемъ, у меня также есть хорошія картины.

Съ этими словами онъ повелъ насъ въ свою столовую, стѣны которой сплошь были завѣшаны старыми картинами нѣмецкой школы, изъ которыхъ нѣкоторыя были, дѣйствительно, очень хороши. Въ гостиной, кстати сказать, оклеенной старинными французскими обоями, мы увидѣли картины съ написанными цвѣтами и плодами,—большинство старинныя.

Ибсенъ такъ любитъ свои картины, что повсюду возитъ ихъ за собой. Впрочемъ, повидимому, къ живописи у него есть природная склонность. Въ воспоминаніяхъ о немъ, написанныхъ его сестрой, послѣдняя разсказываетъ, что все свое дѣтство онъ мечталъ быть живописцемъ. Сдержанность его всегда мѣшала ему говорить публично. Единственный разъ ему не удалось избѣжать этой чести. Это было въ прошломъ году, на одномъ банкетѣ, который давали ему студенты Христіаніи, празднуя возвращеніе его въ Норвегію. Тогда онъ прочелъ небольшую рѣчь, представлявшую собою родъ литературной біографіи. Между прочимъ, онъ сказалъ: „Поэзія явилась ко мнѣ, подобно молніи, въ лучшіе мои часы, она вдохнула въ меня живую силу. Она всегда поддерживала мой умъ болѣе чистымъ, болѣе свободнымъ, болѣе здоровымъ".

Ибсенъ любитъ заставлять актеровъ, исполняющихъ его пьесы, повторять свои роли. Но, помимо этого, онъ упорно отказывается давать имъ какія-бы то ни было поясненія насчетъ своихъ намѣреній и плановъ. Точно также избѣгаетъ онъ

политическихъ споровъ. Отъ прежняго его радикализма ничего болѣе не осталось.

По утрамъ, закончивъ работу, онъ отправляется гулять по городу. Затѣмъ, послѣ обѣда, неизмѣнно водворяется въ одномъ кафе, гдѣ въ теченіе часа читаетъ газеты.

Единственный его сынъ—Сигуръ Ибсенъ, большую часть жизни проведшій въ Германіи и переведшій на нѣмецкій языкъ послѣднюю драму своего отца, — какъ извѣстно, недавно женился на старшей дочери Бьорнсона, прелестной молодой женщинѣ съ чуднымъ голосомъ. Союзъ дѣтей снова сблизилъ, наконецъ, послѣ долгой разлуки, обоихъ великихъ норвежскихъ писателей. Но крѣпкая дружба, связывавшая ихъ двадцать лѣтъ тому назадъ, повидимому, порвана окончательно; они теперь лишь добрые пріятели, и не существуетъ ни единаго важнаго пункта, по поводу котораго бы они чувствовали и думали одинаково.

* * *

Впрочемъ, трудно и вообразить себѣ двухъ болѣе противоположныхъ темпераментовъ. Бьорнсонъ, глава радикальной партіи, въ настоящее время самый видный человѣкъ во всей Скандинавіи. Слава его, какъ политика, присоединяется къ его литературной извѣстности. Онъ отказался отъ парламентскаго кресла, желая сохранить за собою свободу, но интересы его страны изъ году въ годъ все болѣе и болѣе поглощаютъ его. Но вѣдь онъ всю жизнь былъ энтузіастомъ и вѣчно увлекался какой-нибудь идеей, къ услугамъ которой предоставлялъ свои писанія и дѣйствія.

Такъ, нѣкогда онъ увлекался доктриной наслѣдственности, на которую, впрочемъ, смотрѣлъ совсѣмъ иначе, чѣмъ Ибсенъ. Послѣдній видѣлъ въ наслѣдственности неизбѣжную и проклятую фатальность. Бьорнсонъ, напротивъ того, считалъ сознаніе наслѣдственности благодѣяніемъ, такъ какъ это сознаніе даетъ человѣку возможность измѣнить свой характеръ и руководить своей жизнью.

Бьорнсонъ человѣкъ высокаго роста и атлетическаго сложенія. Круглое лицо его, съ весьма выдающимися скулами, дѣлаетъ его типичнымъ норвежцемъ. Нѣкогда рыжая его шевелюра теперь почти совсѣмъ побѣлѣла; онъ всегда тщательно выбритъ, съ доброй улыбкой на устахъ, свидѣтельствующихъ о нѣжномъ и пылкомъ сердцѣ.

Бьорнсонъ питаетъ страсть къ музыкѣ. Онъ можетъ работать не иначе, какъ послушавъ музыку. Онъ не въ силахъ

простить графу Л. Н. Толстому его словъ, будто-бы музыка разслабляетъ душу.

Бьорнсонъ также очень гордится крестьянскимъ своимъ происхожденіемъ. На обитаемой имъ фермѣ онъ самъ воздѣлываетъ садъ и поля.

Отецъ его былъ пасторомъ и предназначалъ его на служеніе Церкви.

— Первыми моими произведеніями, — говоритъ онъ смѣясь, — были гимны. Теперь я больше ихъ не пишу, но остался прежнимъ крестьяниномъ. То, что называется обществомъ и цивилизаціей, есть не что иное, какъ искусственность и развращенность.

Бьорнсонъ во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ противоположность Ибсену. Въ немъ нѣтъ ни регулярности, ни акуратности послѣдняго. Онъ обдумываетъ во время прогулки не только смыслъ, но даже и самыя фразы того, что онъ собирается написать. Возвратившись домой, онъ съ такой быстротой заноситъ ихъ на бумагу, что рукописей его невозможно было-бы разобрать, если-бы г-жа Бьорнсонъ не брала на себя трудъ приводить ихъ въ порядокъ.

Бьорнсонъ родился въ 1832 г. и моложе Ибсена на 4 года. Въ настоящее время онъ является главой весьма многочисленнаго семейства, которое обожаетъ и о которомъ всегда говоритъ съ трогательной гордостью. Старшій сынъ его управляетъ Національнымъ театромъ въ Христіаніи. Это одинъ изъ лучшихъ скандинавскихъ актеровъ.

* * *

Изъ текущихъ событій общественной жизни въ прошломъ мѣсяцѣ большой интересъ во всей Европѣ возбуждали всеобщіе выборы во Франціи. Дѣло идетъ объ избраніи членовъ палаты депутатовъ на будущее четырехлѣтіе. Каждая страна имѣетъ свои характеристичные обычаи въ дѣлѣ выборовъ. Во Франціи первую роль играютъ афиша и плакатъ. На всѣхъ углахъ улицъ, на всѣхъ публичныхъ зданіяхъ и памятникахъ бросаются въ глаза эти плакаты всѣхъ цвѣтовъ радуги съ именами кандидатовъ и рекламами въ ихъ пользу. Съ этими плакатами творятся такія безчинства, что пришлось вмѣшаться въ дѣло законодательству. Закономъ 29 іюля 1881 г. опредѣлено, что только владѣлецъ или арендаторъ дома имѣетъ право обклеивать свои стѣны афишами. За нарушеніе такого постановленія виновный подвергается денежному штрафу. Но каждый хозяинъ дома, чтобъ не возиться съ судомъ, предпочитаетъ на свой счетъ

смывать наклеенныя на его домъ афиши. И помянутый законъ зачастую не соблюдается на практикѣ. Но за то стѣны всѣхъ общественныхъ или правительственныхъ зданій предоставляются въ полное распоряженіе кандидатскихъ рекламъ. Только церкви и памятники искусства оберегаются отъ обклейки ихъ афишами, но и они не всегда оказываются гарантированными отъ ярости расклеивателей плакатовъ. На „Площади Республики" въ Парижѣ есть исполинская статуя Республики. На цоколѣ суровый левъ своими лапами охраняетъ урну всеобщей подачи голосовъ. На этого бѣднаго льва особенно зарятся расклеиватели афишъ. И хотя памятникъ охраняется полицейскими, но ловкимъ расклеивателямъ все-таки удается налѣпить на царя звѣрей плакатъ, точно горчичникъ на тѣло.

Расклеиватель избирательныхъ рекламъ—настоящій король выборовъ. Онъ покрываетъ всѣ стѣны печатной бумагой и безконечно счастливъ, если можетъ сыграть злую шутку съ сосѣдомъ, заклеивъ ему окна афишами. Частенько онъ вступаетъ въ драку съ афишеромъ конкурента, который старается замазать его афиши. Въ самый день выборовъ онъ не ограничивается наклейкой афишъ на стѣны, а лѣпитъ ихъ всюду: на стволы деревьевъ, на кіоски, на садовыя ограды и даже на торцовую мостовую.

* * *

Кромѣ расклейщика, выборы во Франціи породили цѣлый рядъ промышленниковъ, которые живутъ спеціально выборной агитаціей. Эти господа являются къ кандидатамъ на депутатскія кресла и предлагаютъ услуги въ качествѣ всевозможныхъ избирательныхъ агентовъ. Вотъ краткія характеристики этихъ агентовъ.

Журналистъ. Это обыкновенно газетный труженикъ, оставшійся безъ работы. Ему предлагается быть главнымъ редакторомъ какого нибудь фантастическаго листка, который просуществуетъ всего одинъ мѣсяцъ въ теченіе избирательной кампаніи. Онъ принимаетъ это мѣсто и начинаетъ работать. Каждый день онъ пишетъ передовую статью въ сильныхъ выраженіяхъ, не щадя самыхъ густыхъ и яркихъ красокъ для того, чтобы дискредитировать противника своего патрона. Для заполненія остальныхъ столбцовъ газеты онъ прибѣгаетъ къ ножницамъ. Затѣмъ, „сдѣлавъ номеръ газеты", онъ ждетъ въ редакціи секундантовъ конкурента своего патрона, которые должны явиться съ требованіемъ удовлетворенія за статью, написанную наканунѣ. Послѣ выборовъ

журналистъ этотъ опять остается безъ дѣла больнымъ и разбитымъ тяжелой и неблагодарной работой.

Секретарь кандидата. Поселяется на мѣстѣ, гдѣ депутатъ намѣренъ поставить кандидатуру, за два мѣсяца до выборовъ. Цѣлые дни шатается по кафе и ресторанамъ, вербуетъ себѣ друзей, угощаетъ, играетъ съ ними въ домино, въ карты и старается какъ можно больше проиграть (кандидатъ заплатитъ). Когда наступаетъ избирательный періодъ, секретарь бѣгаетъ по всѣмъ комитетамъ, присутствуетъ на сходкахъ предлагаетъ благопріятныя для своего патрона постановленія, посылаетъ замѣтки въ мѣстныя газеты, сочиняетъ прокламаціи къ избирателямъ и проч. Въ обыкновенное время этотъ секретарь бываетъ поэтомъ-символистомъ, носитъ длинные волосы и пишетъ стихи въ декадентскіе журналы. Матеріально всегда нуждается страшно.

Клакеръ. Обязанъ всѣмъ своимъ существованіемъ замѣчательнымъ рукамъ, даже ручищамъ—необыкновенной величины и силы. Играетъ на избирательныхъ сходкахъ роль театральнаго клакера. Апплодируетъ своему кандидату послѣ каждой фразы. Оретъ: „браво!“ изо всей мочи и при вотированіи довѣрія своему кандидату поднимаетъ обѣ руки.

Свистунъ. Играетъ ту же роль, что и клакеръ, но, такъ сказать, съ другой стороны. Тотъ апплодируетъ, а этотъ свищетъ особымъ избирательнымъ свисткомъ конкуррентамъ своего кандидата. Если свистки недостаточны, то начинаетъ буянить, дерется и помощью скандала вынуждаетъ президента сходки закрыть собраніе.

Провожальщикъ. Такого слова нѣтъ по русски потому, что нѣтъ и такого ремесла. Это — своего рода прихвостень кандидата. Обязанность провожальщика состоитъ сопровождать своего кандидата изъ избирательнаго собранія до дому и кричать ему вслѣдъ „браво“. Когда кандидатъ вернулся домой, провожальщикъ продолжаетъ орать, заставляя кандидата выйти на балконъ и произнести рѣчь предъ собравшейся отъ криковъ толпой. На обязанности этого же лица лежитъ выкрикиваніе оскорбительныхъ эпитетовъ по адресу конкуррента.

Ораторы. У кандидатовъ иногда нѣтъ ораторскаго таланта и они нанимаютъ лицъ, предлагающихъ услуги по части произнесенія рѣчей во время избирательскихъ сходокъ. Они обладаютъ прекраснымъ голосомъ, знаютъ всѣ правила краснорѣчія и, стоя на трибунѣ, произносятъ заученныя громкія фразы, приводя въ восторгъ толпу. Обык-

новенно это оставшіеся безъ ангажемента актеры, играющіе роли первыхъ любовниковъ, героевъ или благородныхъ отцовъ.

Библіотечная крыса. Мѣсяцевъ за шесть до выборовъ начинаетъ уже работать, копается въ городскихъ архивахъ, отыскиваетъ разныя рукописи, перерываетъ старыя книги. Въ концѣ концовъ находитъ, что у кандидата отецъ былъ приговоренъ за подлогъ или дѣдъ судился за вымогательство. Вооруженный всѣми подобными доказательствами отправляется къ кандидату и предлагаетъ ему купить его молчаніе за извѣстную сумму денегъ. Если-же кандидатъ отказывается платить, то онъ продаетъ свои доказательства его конкурренту.

Свѣдущій человѣкъ или ученый. Бываетъ на всѣхъ публичныхъ собраніяхъ. Предлагаетъ кандидату вопросы въ такомъ родѣ:

— Что вы дѣлали 30 марта 1871 года?

Кандидатъ смущается; въ этотъ день онъ былъ скомпрометированъ тѣмъ, что видался съ бунтовщиками. Но этого никто не зналъ; откуда-же этотъ-то узналъ? Начинается діалогъ на трибунѣ. Кандидатъ храбро отвѣчаетъ, что онъ въ этотъ день спрятался въ погребъ, боясь попасться въ руки къ коммунарамъ. Говоря это, кандидатъ подаетъ знакъ своему секретарю, который шепчетъ что-то на ухо „ученому". Послѣдній тогда признаетъ себя удовлетвореннымъ... и вскорѣ получаетъ награду въ видѣ академическихъ пальмъ.

Знатокъ бойкихъ фразъ. Предлагаетъ свои услуги кандидату по редактированію прокламацій. Владѣетъ готовымъ репертуаромъ изреченій въ родѣ:

Избиратели!

Революція приближается, развѣвая свое знамя! Вы примете ее въ свои объятія, ибо она дастъ намъ равенство, братство и свободу.

Эти знатоки фразъ очень цѣнятся кандидатами, любящими пускать избирателямъ въ глаза пыль.

Есть еще цѣлый рядъ другихъ избирательныхъ промышленниковъ: секретарь мэріи, дающій кандидату списокъ именъ и адресовъ избирателей; преподаватель безъ мѣста, предлагающій свои услуги по части складыванія циркуляровъ и надписыванія на нихъ адресовъ; бѣднякъ, которому поручаютъ разносить циркуляры по домамъ; уличный пѣвецъ, сочиняющій и распѣвающій пѣсни, въ которыхъ расхваливается платящій кандидатъ и бранится его конкуррентъ; „раздаватель" избирательныхъ листковъ, стоящій у входовъ

въ помѣщеніе, гдѣ производятся выборы; надзиратель, который слѣдитъ за правильностью подачи голосовъ и сосчитываетъ избирательные бюллетени. Наконецъ, „тріумфальные люди", которые въ день выборовъ послѣ ихъ окончанія несутъ избраннаго депутата на рукахъ до ближайшаго кафе.

Что касается самого кандидата, то, кромѣ всѣхъ перечисленныхъ лицъ, онъ долженъ заплатить еще типографщику, владѣльцу зала, гдѣ происходили собранія, хозяину кафе, въ которомъ вліятельные избиратели были и пили. Всего депутатъ затрачиваетъ двухлѣтнее свое жалованье, около 15—18.000 франковъ. А избираютъ его на четыре года.

* * *

Всѣхъ больше можетъ радоваться типографщикъ. Заказовъ у него вдоволь отъ кандидатскихъ рекламъ. Хорошій кандидатъ заказываетъ расклеить отъ 10 до 15 тысячъ афишъ (60 сантиметровъ длины и 20 ширины). Эти афиши печатаются на цвѣтной бумагѣ и содержатъ въ себѣ только имя и названіе партіи, къ которой принадлежитъ кандидатъ. Когда этотъ первый зарядъ истраченъ, т. е. плакаты оказываются неудобочитаемыми и заклеенными чужой рекламой, то слѣдуетъ второе изданіе 10.000 новыхъ афишъ большаго размѣра (80×30 сант.). Затѣмъ заказываются приглашенія на посѣщеніе собраній, гдѣ кандидатъ держитъ рѣчи и до 5.000 большихъ аншлаговъ (60×80 сант.) съ изложеніемъ программы кандидата. Наконецъ, кандидату приходится печатать и отвѣты на „клеветы" своихъ конкуррентовъ. Если принять въ разсчетъ, что избирательный комитетъ дѣлаетъ отъ себя еще заказы типографіямъ, что каждому избирателю посылаются на домъ циркуляры и что на улицахъ раздаются въ руки прохожихъ рекламы, то можно себѣ представить, какую массу работы доставляютъ выборы типографіямъ.

Тѣмъ не менѣе въ Парижѣ кандидату агитація обходится дешевле, нежели въ провинціи. Для него самое важное заручиться содѣйствіемъ надежнаго избирательнаго комитета. Прежде всего вербуются въ пользу кандидата богатые торговцы даннаго округа, которые, по давнему обычаю, должны широко раскошеливаться. Если ихъ кандидатъ будетъ избранъ, то ихъ затраты очень скоро могутъ покрыться въ формѣ цвѣтной ленточки, которую жертвователи при ближайшей раздачѣ орденовъ могутъ себѣ нацѣпить въ петлицу. Страсть къ орденамъ нигдѣ въ мірѣ не процвѣтаетъ въ такихъ размѣрахъ, какъ въ демократической Франціи.

Надежный избирательный комитетъ обезпечиваетъ успѣхъ

выборовъ. Кандидатъ уже затѣмъ можетъ и не заботиться о своемъ дѣлѣ. Члены комитета все дѣлаютъ за него, хлопочатъ у кого слѣдуетъ, разсылаютъ приглашенія на „частныя“ собранія выборщиковъ, организуютъ „народныя собранія“, гдѣ ихъ протеже представляется своимъ избирателямъ. Отъ этихъ собраній особенно много зависитъ въ рабочихъ кварталахъ.

* * *

Однако, всѣ эти обычаи могутъ сильно измѣниться, если соціализмъ будетъ и дальше преуспѣвать въ Парижѣ такъ, какъ онъ заявлялъ себя въ нынѣшніе выборы. Соціалисты, какъ извѣстно, самые нетерпимые люди въ свѣтѣ. Они не могутъ выносить, когда кто-нибудь не клянется именемъ Карла Маркса или Фердинанда Ласаля, а также и тѣхъ, кто настолько легкомысленъ, что въ ихъ присутствіи выражаетъ мнѣнія, не согласныя съ ихъ мнѣніями. Такихъ смѣльчаковъ или освистываютъ или наставляютъ побоями. Именно у парижскихъ соціалистовъ логика кулаковъ достигла наивысшаго развитія. Самой революціонерной шайкой оказывается тамъ „ремесленный союзъ цирульниковъ“. Отъ ихъ тираніи по истинѣ страдаетъ Парижъ. Когда приходится публично говорить кому-нибудь, кто по соціальнымъ вопросамъ думаетъ иначе, чѣмъ эти герои бритвы и щипцовъ, то „союзъ“ отряжаетъ шайку, которая при выборѣ бюро криками проводитъ одного изъ своихъ. Затѣмъ кандидату дается слово только pro forma, но съ первыхъ же словъ его поднимается такой шумъ и гамъ, что собраніе должно прекратиться.

Кандидату остается радоваться, если ему удается уйти оттуда не избитымъ. Такъ, бывшій министръ Ивъ Гюйо, обратившій на себя особенное вниманіе цирульниковъ своей книгой о соціалистической тираніи, на нынѣшнихъ выборахъ былъ защищенъ отъ насилій надъ нимъ лишь заступничествомъ своихъ друзей. И это произошло въ „частномъ“ собраніи избирателей, куда допускались посѣтители по именнымъ пригласительнымъ билетамъ. Но и такое обстоятельство нисколько не стѣснило соціалистовъ-цирульниковъ. Ихъ компаньонъ Аллеманъ, предводитель одной изъ самыхъ крайнихъ группъ, владѣетъ типографіей и умѣетъ поддѣлывать какіе угодно пригласительные билеты. Крики „à mort! — à l'eau! à la lanterne!“ („убить, топить, повѣсить его!“) какими эти одичавшіе цирульники угрожали Гюйо, напоминали „лучшіе дни“ коммуны.

Черезъ нѣсколько дней повторилось такое же зрѣлище

уже въ публичномъ собраніи избирателей экс-депутата Можана. Можанъ, бывшій капитанъ и секретарь генерала Тибодэна, когда послѣдній былъ военнымъ министромъ, принадлежитъ къ разряду „соціалистовъ любителей". Онъ очень богатъ, не прочь служить Мамону, но съ прежнимъ генераломъ коммуны Грусе издаетъ „Germinal"—соціалистическую газету. Можанъ въ глазахъ цирульниковъ не можетъ считаться заправскимъ соціалистомъ, ибо онъ занимаетъ домъ въ Елисейскихъ поляхъ. Вотъ и его освистали, да вдобавокъ его ранили остріемъ желѣзной трости, такъ что друзья унесли его изъ залы собранія въ безсознательномъ состояніи.

Третье нападеніе, возбудившее большіе толки во время нынѣшнихъ выборовъ, было произведено на бывшаго министра Локруа, зятя Виктора Гюго, извощикомъ Моромъ. Тутъ не безъ грѣха оказывается и память самаго знаменитаго поэта.

* * *

Небезъизвѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Викторъ Гюго считался своего рода пророкомъ и первосвященникомъ. Онъ былъ окруженъ ореоломъ 20-лѣтней ссылки и политическаго мученичества. Этотъ литературный папа изрекалъ приговоры, по которымъ судили о дарованіяхъ другихъ поэтовъ. И неудивительно, что начинающіе стихокропатели приставали къ маститому поэту съ своимъ риѳмоплетствомъ. Съ непоколебимымъ спокойствіемъ и благодушіемъ старикъ самолично отвѣчалъ на письма недозрѣлыхъ юношей и сантиментальныхъ дѣвъ, осчастливливая ихъ такого рода записками: „вы—восходъ солнца, а я—закатъ. Мое умирающее свѣтило привѣтствуетъ утреннюю зарю вашего грядущаго таланта. Весь вашъ Викторъ Гюго".

Иные принимали эти фразы въ серьезъ и не переставали кропать стишки, другіе становились назойливѣе и добивались отъ маэстро совѣтовъ, поправокъ, даже того, чтобъ онъ нашелъ издателя для ихъ упражненій въ риѳмоплетствѣ. Къ этому послѣднему разряду „талантовъ" принадлежалъ и помянутый извощикъ Моръ, чуть не убившій зятя Гюго.

Извощикъ Моръ уже тридцать лѣтъ приноситъ свою дань музамъ и, какъ истый соціалистъ съ анархистской окраской, занимается поэзіей соціализма. Какова эта поэзія, видно изъ пробъ его „таланта", приведенныхъ въ парижскихъ газетахъ съ болѣе или менѣе ядовитыми комментаріями. „Всеобщая республика", „Гамбетта у позорнаго столба", „Древо свободы", „Одноглазый король Бурбонскаго дворца" (т. е. Гамбетта)—таковы заглавія этихъ стиховъ, въ каждой строкѣ

изобличающихъ нарушеніе метрики и риѳмы. И этотъ глупецъ былъ поощряемъ къ стихокропательству Викторомъ Гюго.

Поэтъ однажды сѣлъ въ экипажъ Мора и Моръ, польщенный тѣмъ, что свезъ такого важнаго сѣдока, отказался взять съ него плату, когда Гюго подалъ ему 2 франка. Впрочемъ, Моръ изъ почтенія возилъ даромъ и революціонерную ораторшу Луизу Мишель.

Когда Гюго умеръ, извощикъ поэта не преминулъ сказать нѣсколько словъ на могилѣ своего брата по Аполлону. Затѣмъ онъ опять усѣлся на козлы и занимался извозомъ до тѣхъ поръ, пока не остался безъ заработка со времени большой стачки парижскихъ извощиковъ 1891 г. Это-то, кажется, окончательно выбило изъ колеи 50-лѣтняго экзальтированнаго извощика. Съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ себя всецѣло поэзіи и сталъ надоѣдать Локруа, зятю Гюго, просьбами о помощи, объ издателѣ и т. п. Локруа, конечно, не отвѣчалъ на приставанія протеже своего тестя, и въ сердцѣ поэта-извощика накоплялась постепенно возроставшая злоба. И вотъ, въ самый разгаръ выборной агитаціи, эта злоба проявилась въ самомъ примитивномъ насиліи. На одной избирательной сходкѣ онъ ранилъ Локруа выстрѣломъ изъ револьвера и, когда его арестовали, хладнокровно объявилъ, что онъ хотѣлъ проучить Локруа лишь за его презрѣніе къ протеже великаго Гюго. Къ счастью, не всѣ „протеже" тестя Локруа доходятъ до такой дикости въ своей злобѣ.

* * *

Въ виду подобныхъ фактовъ избирательной агитаціи благомыслящія парижскія газеты небезосновательно задаются вопросомъ, подлинно ли можетъ быть рѣчь о свободѣ публичныхъ собраній въ странѣ такого равенства, свободы и братства. Ивъ Гюйо, послѣ покушенія на него, уже воздерживался отъ личныхъ свиданій съ своими избирателями. Онъ изложилъ свои воззрѣнія въ небольшой брошюрѣ, которую разсылалъ всѣмъ по почтѣ безплатно. Это, безъ сомнѣнія, удобнѣе, чѣмъ становиться лицомъ къ лицу съ „bête humaine" въ бурныхъ народныхъ собраніяхъ. Кандидату, ищущему покровительства отъ массъ, приходится теперь обладать очень толстой кожей, такъ какъ парламентское представительство отъ Парижа въ палатѣ депутатовъ все болѣе попадаетъ въ руки демагоговъ, поступающихъ далеко не по внушеніямъ голоса совѣсти и разсудка.

* * *

Въ провинціи, особенно на югѣ Франціи, положеніе кан-

дидата совершенно иное. Правда, какъ и въ Парижѣ, онъ долженъ создать себѣ вліятельный комитетъ, но тутъ ему непремѣнно надо еще запастись необходимыми „мелкими деньгами", чтобъ тратить ихъ изъ собственнаго кармана. „Безъ денегъ нѣтъ и комитета", гласитъ правило. Да и когда комитетъ составленъ, и „боевая касса" полна, кандидату все-таки предстоитъ усиленная работа. Онъ — рабъ своего комитета. Онъ долженъ приглашать избирателей на банкеты, лично посѣщать ихъ и женскому персоналу говорить всякаго рода комплименты, словомъ, разыгрывать передъ всѣми роль всепокорнѣйшаго слуги. Небезъизвѣстно, что французскій крестьянинъ столь же разсчетливъ и бережливъ, какъ хитеръ и лукавъ. На этотъ счетъ „Figaro" напечаталъ недавно забавную пародію.

Кандидатъ предсталъ передъ своими избирателями-крестьянами. Они привѣтствуютъ его намеками на Панамское дѣло:

— Небось и вы поживились изрядно отъ такого пирога?

Депутатъ негодуетъ: „У меня руки чисты! Я не измѣнилъ своимъ избирателямъ".

Крестьяне: Не прикидывайтесь святошей!

Депутатъ: Клянусь, что у меня руки чисты!

Крестьяне удивленно смотрятъ на своего кандидата.

Депутатъ: Да, это — правда. Я остался вѣренъ своему полномочію и потому надѣюсь, что вы и теперь окажете мнѣ свое довѣріе.

Крестьяне собираются уходить.—Нѣтъ, такого дуралея мы не станемъ опять выбирать. Быть у такого большого горшка и не понимать своей выгоды! Такой человѣкъ не можетъ хорошо вести дѣла страны!

Они уходятъ, а кандидатъ остается въ недоумѣніи. Въ заключеніе „Figaro" прибавляетъ ядовитое замѣчаніе. Депутатъ спохватившись сказалъ про себя: „не лучше ли было бы признаться во всемъ!"

Подъ этой пародіей кроется изрядная доля вѣрныхъ наблюденій. Республиканскій кандидатъ въ сельскихъ округахъ не можетъ оперировать съ помощью обычныхъ лозунговъ политическаго словаря. Онъ долженъ умѣть индивидуально обращаться съ своими избирателями. Объ одномъ врачѣ-депутатѣ, который нѣсколько четырехлѣтій баллотируется въ одной и той же мѣстности, молва гласитъ, что онъ своими выборными успѣхами обязанъ только тому, что раздаетъ даромъ лѣкарства. Во время новыхъ выборовъ его экипажъ превращается въ странствующую аптеку, и онъ разъѣзжаетъ

изъ двора въ дворъ, раздавая вездѣ лѣкарства, какія кому требуются, и все это даромъ! Это помогаетъ больше, чѣмъ всякія рѣчи-программы и избирательные манифесты.

* * *

Незавидна жизнь милліонеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ и вполнѣ понятно ихъ стремленіе въ Европу, чтобы тамъ пожить на свои милліоны, накопленные ими въ Новомъ Свѣтѣ. Многія обстоятельства оправдываютъ эти эмиграціи. Окруженные возбуждаемой ими ненавистью и корыстью, угрожаемые динамитомъ и револьверомъ, преслѣдуемые адвокатами и газетными репортерами, эти обладатели несмѣтныхъ богатствъ испытываютъ, повидимому, одно лишь затрудненіе въ выборѣ, избѣгая Харибды только для того, чтобы попасть въ Сциллу.

Таково именно положеніе нью-іоркскаго банкира Росселя Седжа, владѣльца почти 100 милліоновъ. Нѣкій Норкроссъ, страдающій галлюцинаціями, посягалъ на его жизнь, пустивъ въ него динамитной бомбой. Норкроссу удалось убить только себя съ шестью сотоварищами и довольно многихъ поранить, въ томъ числѣ и Росселя Седжа, отъ котораго одна изъ жертвъ покушенія—Вильямъ Р. Лэдлоу—требуетъ теперь 100.000 рублей за понесенные имъ протори и убытки. Процессъ любопытный. А вотъ что послужило поводомъ къ его возникновенію. 5 декабря 1891 г. въ 11½ часовъ утра Седжъ вошелъ въ свои бюро, находящіяся на углахъ улицъ Broadway и Rector. Тамъ его ожидалъ незнакомецъ, вручившій одному изъ комми свою карточку, и прибавилъ, что является отъ имени Рокфеллера, весьма извѣстнаго капиталиста въ Чикаго, для закупки у Седжа бумагъ. Предупрежденный о незнакомцѣ, послѣдній вышелъ изъ своего кабинета, сообщающагося съ форточками, открытыми для публики.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ банкиръ.

— Отсюда вы это сами узнаете,—отвѣчалъ Норкроссъ, передавая ему письмо и кладя на внѣшній край фортки сакъ, который онъ пріоткрылъ, какъ бы для того, чтобы вынуть оттуда бумаги. Но никакихъ бумагъ тамъ не было, а вмѣсто нихъ лежалъ какой-то предметъ цилиндрической формы, сперва не обратившій на себя вниманіе банкира, занявшагося распечатываніемъ письма.

Написанное на машинѣ, оно было кратко и ясно и заключало всего слѣдующія слова: „Будьте любезны немедленно вручить мнѣ 1.200.000 долларовъ. Если вы не испол-

ните этого безпрекословно, то я взорву на воздухъ вашъ домъ, васъ и себя и всѣхъ находящихся тутъ имѣющимися при мнѣ десятью фунтами динамита".

Былъ ли это безумецъ? Можетъ быть. Навѣрное, человѣкъ рѣшительный, заранѣе обрекшій свою жизнь на гибель. Свѣтлые и холодные его глаза впились въ лицо банкира и слѣдили за малѣйшимъ его жестомъ.

Много разъ приходилось Росселлю Седжу имѣть дѣло съ помѣшанными и злоумышленниками. Много разъ жизни его угрожала опасность.

— Милліонъ двѣсти тысячъ долларовъ,—произнесъ онъ тихимъ голосомъ, стараясь овладѣть своимъ волненіемъ.— Это большая сумма, и мнѣ необходимо время, чтобы собрать ее. Обождите минутку...

— Ни единой секунды... Здѣсь... сейчасъ или никогда.

— Но вѣдь мнѣ надо-же достать деньги! Онѣ тамъ въ моей кассѣ.

Говоря это, онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы укрыться позади только что вошедшаго Вильяма Лэдлоу, личнаго секретаря банкира Блудгуда,— невѣдавшаго, что тутъ творилось, и подходившаго къ Седжу, для передачи ему порученія, отъ своего хозяина.

— Не трогайтесь съ мѣста или все взлетитъ на воздухъ,— возразилъ Норкроссъ, вытаскивая изъ сака свою бомбу и сдѣлавъ жестъ, будто бросаетъ ее по направленію своего собесѣдника.

— Убійца!—крикнулъ испуганный банкиръ.

Крикъ его затерялся въ страшномъ взрывѣ бомбы, которая разорвалась и подняла цѣлый ураганъ пыли отъ дверецъ, кассовыхъ ящиковъ, золота, серебра, билетовъ, мебели, перегородокъ, убивая и нанося раны всѣмъ, кто только тамъ находился. Вслѣдъ за громовымъ ударомъ взрыва наступило гробовое молчаніе. Сквозь разбитыя окна разостлался удушливый и черный дымъ. Слышенъ былъ лишь отдаленный шумъ, звонъ кусковъ стекла, отрывавшихся отъ оконъ, отваливавшіеся куски штукатурки, глухіе стоны умирающихъ.

Когда нѣсколько минутъ спустя полицейскіе, прибѣжавшіе на шумъ взрыва, проникли въ бюро, они увидѣли, что куски труповъ устилали полъ, шестеро раненыхъ умирали на полу. За рѣшеткой изъ крученой и шлифованной оправы лежалъ самъ Росселль Седжъ съ опаленными волосами и бровями, съ окровавленной, неузнаваемой физіономіей, но еще живой, около чьей-то головы, отскочившей отъ туловища. Его перенесли въ его квартиру, гдѣ благодаря усерд-

ному уходу онъ ожилъ, а затѣмъ и поправился. То же самое удалось сдѣлать и относительно Р. Лэдлоу. Остальные раненые погибли. Что-же касается убійцы, то отъ его тѣла не нашли ни клочка. Единственно нетронутой, въ силу странной случайности, осталась его голова, та самая, которая скатилась въ Росселлю Седжу, отскочивъ отъ туловища. Она сохранила свои каштановые усы, короткіе волосы, остриженные подъ гребенку, и была покрыта шелковой шапкой, исковерканной и запачканной въ крови.

Несмотря на полугодовое лѣченіе, плохо поправившись отъ полученныхъ ранъ и испытаннаго потрясенія, Вильямъ Р. Лэдлоу, по совѣту своего адвоката, затѣялъ съ Седжемъ процессъ о вознагражденіи его за понесенные имъ протори и убытки. Согласно утвержденію его адвоката, безъ него банкиръ былъ-бы убитъ. Сознательно и нарочито спрятавшись позади Вильяма Р. Лэдлоу, Седжъ направилъ, такимъ образомъ, на него руку убійцы и причинилъ истцу большой вредъ, за который обязанъ вознаградить его. Онъ, дѣйствительно, утверждалъ, что въ тотъ моментъ, когда Лэдлоу подходилъ къ Седжу, тотъ,—угрожаемый Норкроссомъ,—противъ своего обыкновенія, протянулъ руку Лэдлоу, и такимъ образомъ заставилъ его помѣститься между убійцей и его жертвой. Доказать этотъ фактъ было невозможно. Единственное лицо, которое могло-бы быть свидѣтелемъ—Нортонъ, одинъ изъ служащихъ Седжа,—былъ обезглавленъ бомбой, и голова его оказалась выброшенной на улицу.

Адвокатъ Седжа, впрочемъ, и не оспаривалъ матеріальнаго факта; онъ ссылался только на слѣдующія обстоятельства: 1) движеніе его кліента было невольно и безсознательно; 2) онъ не употребилъ ни насилія, ни силы, чтобы поставить Лэдлоу между убійцей и собой; 3) отнюдь не былъ установленъ фактъ, якобы это невольное и безсознательное движеніе такъ или иначе увеличило шансы, какими рисковалъ Лэдлоу быть убитымъ, такъ какъ лица, присутствовавшія тогда въ бюро и стоявшія значительно дальше отъ Росселля Седжа, чѣмъ къ нему былъ Лэдлоу, были смертельно ранены, тогда какъ истецъ и отвѣтчикъ были единственные, пережившіе эту катастрофу.

Призванные для экспертизы доктора объявили, что Лэдлоу болѣлъ въ теченіе года и былъ лишенъ возможности работать, что нервная его система до сихъ поръ сильно потрясена и не столько вслѣдствіе его ранъ, которыя, повидимому, сравнительно, были не особенно тяжки, а главное

вслѣдствіе самаго факта взрыва. Онъ потерялъ пятнадцать фунтовъ въ вѣсѣ своего тѣла и много силъ. Онъ почти оглохъ, умственныя способности его ослабѣли. Истецъ по своимъ книгамъ доказывалъ, что прежде этого событія онъ получалъ около 10.000 рублей въ годъ, а съ тѣхъ поръ не въ состояніи былъ заработывать даже и половины. На этомъ основаніи, онъ требовалъ съ Росселля Седжа удовлетворенія, опредѣляя сумму его въ 100.000 рублей.

Судья и присяжные были въ затруднительномъ положеніи. Изъ собственнаго свидѣтельства Лэдлоу слѣдовало, что банкиръ не прибѣгалъ ни къ какому насилію, чтобы спрятаться позади него, что его привела туда въ злополучный моментъ несчастная его звѣзда и что въ фактѣ протянутой ему банкиромъ руки онъ видѣлъ тогда лишь проявленіе снисхожденія или любезности, на которыя банкиръ былъ не особенно тароватъ. Въ лѣтописяхъ суда подобныхъ прецедентовъ не существовало. Такого рода случай впервые предсталъ для оцѣнки суда и присяжныхъ. Вердиктъ былъ постановленъ на основаніи свидѣтельства докторовъ, которое имѣло большее значеніе, чѣмъ всѣ аргументы адвоката.

Присяжные признали, что неспособность работать и немощи Лэдлоу зависѣли главнымъ образомъ отъ потрясенія, вызваннаго въ его нервной системѣ взрывомъ, въ которомъ Росселль Седжъ, оказавшійся самъ его жертвой, не могъ быть признанъ отвѣтственнымъ, а, слѣдовательно, его нельзя было присуждать къ уплатѣ убытковъ. Лэдлоу аппелировалъ на это рѣшеніе, состоявшееся 6 іюня нынѣшняго года, и въ скоромъ времени предстоитъ слѣдующей инстанціи суда высказаться по поводу этого процесса.

* * *

Послѣ Росселля Седжа, ставшаго жертвой Норкросса, другой Крезъ, Маккэй, сдѣлался жертвой Риппея. 24 февраля нынѣшняго года, въ полдень, Маккэй вышелъ изъ Palace-Hôtel, въ Санъ-Франциско и пересѣкалъ Lick Place, маленькую узенькую улицу, соединяющую улицы Cutter и Post. Вдругъ нѣкій сѣдовласый старецъ,—слѣдовавшій за нимъ,—почти въ упоръ выстрѣлилъ ему въ спину изъ пистолета. Когда же Маккэй отъ перваго выстрѣла не упалъ, убійца сталъ вторично прицѣливаться въ него изъ своего револьвера. Но Маккэй спрятался за небольшую повозку, стоявшую у магазина. Это движеніе спасло ему жизнь. Вторая пуля только задѣла его, разбивъ стекло въ выставочномъ окнѣ, и едва не убила парикмахера, брившаго своего кліента. Увидѣвъ свой

промахъ и спасавшуюся отъ него жертву, убійца направилъ свое оружіе противъ самого себя и пустилъ себѣ пулю прямо въ грудь. Смертельно раненый, покачиваясь, пошелъ онъ оттуда и свалился посреди улицы.

На тройной выстрѣлъ сбѣжался народъ. Окружили Маккэя, который и не подозрѣвалъ, что онъ раненъ, и узналъ о томъ лишь тогда, когда, поднеся руку къ своей одеждѣ, отдернулъ ее всю окровавленную. Его немедленно перенесли въ его отель, гдѣ по изслѣдованіи врачей оказалось, что пуля находилась между шестымъ и седьмымъ ребромъ. Ее удалось вынуть, рану перевязали, и раненый былъ спасенъ.

Между тѣмъ подняли и убійцу. Маккэй не зналъ его. Оказалось нѣкоторое затрудненіе при удостовѣреніи его личности. То былъ семидесятичетырехлѣтній старикъ К. В. Риппей. Исторія его походила на исторію другихъ калифорнійцевъ. Высадившись въ Санъ-Франциско въ 1870 г. и имѣя при себѣ довольно крупную сумму въ сто тысячъ рублей, онъ бросился, очертя голову, въ спекуляціи Комстокской руды и на томъ раззорился. Маккэй же разбогатѣлъ на ней. Отсюда явилась ненависть и жажда мести Риппея. Когда его перенесли въ госпиталь, при немъ нашли клочокъ бумаги, на которомъ собственной его рукой написано было слѣдующее: „Предметъ для размышленія. Онъ заплатилъ 150.000 долларовъ за бриллiантъ для своей жены. Этой суммой онъ могъ бы спасти отъ отчаянія цѣлую массу своихъ жертвъ. Пускай же о томъ упомянутъ въ его эпитафіи“.

Не владѣя уже языкомъ, такъ какъ у него было прострѣлено правое легкое, передъ смертью, онъ собралъ послѣднія силы, чтобы написать письмо, обращенное къ печати, на столько-же безграмотное орѳографически, какъ и безсвязное, въ которомъ была единственная осмысленная фраза: „Все, что я имѣлъ, я оставилъ въ рукахъ биржевыхъ разбойниковъ Санъ-Франциско. Я посѣялъ мои деньги, а пожалъ чертополохъ. Если-же сѣятели чертополоха не пожинаютъ грозы, то это лишь потому, что у меня нѣтъ болѣе силъ владѣть пистолетомъ. Въ противномъ случаѣ я очистилъ-бы землю отъ этихъ разбойниковъ, причинившихъ столько раззореній и зла, и которыхъ Богъ, по неисповѣдимому Своему милосердію, попускаетъ жить и наслаждаться“.

* * *

Еще одинъ милліонеръ — Джей Гудъ, богатѣйшій человѣкъ въ Соединенныхъ Штатахъ, да, быть можетъ, и во всемъ мірѣ, самый смѣлый изъ финансовыхъ пиратовъ, когда

либо существовавшихъ на бѣломъ свѣтѣ,—недавно скончался въ своей резиденціи Irvington place. По поводу его смерти американская пресса разсказала исторію карьеры этого необыкновеннаго человѣка, заклеймивъ притомъ его дѣйствія и страшный ударъ, нанесенный имъ мартовской биржѣ 1869 г., сдѣлавшій изъ Джея Гуда могущественнѣйшаго финансиста въ Американскомъ Союзѣ, самаго страшнаго счетчика денегъ, существовавшаго когда-либо.

Теперь по смерти его въ этой самой прессѣ произошелъ удивительный поворотъ въ его пользу. Стараясь осудить нечистый источникъ всѣхъ этихъ накопленныхъ сотенъ милліоновъ, оправдать veto, налагавшееся для основателя этого колоссальнаго богатства на входъ во всѣ двери,—въ тоже время американская печать силится открыть эти двери и даже двери самаго избраннаго общества для наслѣдниковъ богатства Гуда. Въ глазахъ этого общества наслѣдники не отвѣтственны за грубый гнетъ своего родителя, а доставшіеся милліоны открываютъ имъ доступъ въ это общество. Ихъ приглашаютъ занять тамъ подобающее имъ мѣсто, и газеты, осуждавшія отца, возвѣщаютъ о появленіи будущей зимой въ большомъ свѣтѣ Нью-Іорка богатѣйшей наслѣдницы Соединенныхъ Штатовъ — миссъ Элленъ М. Гудъ. Въ этой средѣ, гдѣ царитъ эта молодая дѣвушка, соперничество громадное, дебютантки классифицированы и расцѣнены, и пресса не стѣсняется оспаривать ихъ права на первенство въ обществѣ, расхваливать ихъ привлекательность, составлять инвентарь ихъ милліонамъ.

Такимъ образомъ, миссъ Элленъ М. Гудъ, передъ которой, какъ и передъ ея матерью и братьями безжалостно закрывались всѣ двери при жизни ея отца,—въ настоящее время даетъ матеріалъ для многочисленныхъ и любопытныхъ статей, въ которыхъ передъ публикой, жадной до подробностей о жизни богатѣйшихъ невѣстъ въ свѣтѣ, гдѣ богатство играетъ видную роль, — расписываются ея возрастъ, личность, состояніе и послѣднее по преимуществу.

„Изъ всѣхъ дебютовъ, возвѣщенныхъ на будущій сезонъ, — пишетъ нѣкій свѣтскій хроникеръ, — вступленіе въ свѣтъ миссъ Элленъ М. Гудъ, дочери милліонера Джея Гудъ, — страшно возбуждаетъ общественное любопытство. Вступленіе ея въ свѣтъ совершается позднѣе, чѣмъ это принято обыкновенно. Въ строгомъ смыслѣ этого слова, она уже не молодая дѣвушка, хотя ей нѣтъ еще тридцати лѣтъ. Впрочемъ, она серьезнѣе и степеннѣе, чѣмъ обыкновенно бываютъ дѣвушки ея возраста. Не считая того, что она

должна получить впослѣдствіи, у нея чистыхъ, выгодно помѣщенныхъ 15 милліоновъ долларовъ, на которые ростутъ проценты. Кромѣ того, она является собственницей дворца, построеннаго ея отцомъ, и великолѣпной резиденціи Irvington place, гдѣ онъ скончался. Двѣ эти недвижимости составляютъ вмѣстѣ 1.300.000 долларовъ".

Красива ли она? На этотъ счетъ хроникеръ не такъ положителенъ въ своихъ показаніяхъ. „Не обладая замѣчательной красотой,—пишетъ онъ,—она граціозна, средняго роста шатенка или скорѣе брюнетка, съ нѣсколько рѣзкими чертами, очень хорошо сложенная и замѣчательно пропорціональная. Съ такимъ богатствомъ, какъ у нея, и съ такими физическими преимуществами, нѣтъ никакого сомнѣнія, что она явится предметомъ всеобщаго вниманія. Но,—прибавляетъ онъ,—искатели приданаго встрѣтятъ человѣка, который за себя постоитъ. Обладая граціей и прелестью своей матери, миссъ Гудъ унаслѣдовала отъ отца великую его проницательность. Это розовый бутонъ, который стоитъ сорвать. Но искателямъ приключеній лучше вооружиться благоразуміемъ, такъ какъ миссъ Гудъ не изъ тѣхъ, которыхъ легко провести".

Затѣмъ онъ распространяется о характерѣ, умѣ и добродѣтеляхъ своей героини и наконецъ такъ заканчиваетъ свой панегирикъ: „Никто не ожидаетъ какого нибудь блестящаго дебюта, выставки поразительныхъ туалетовъ и необычайныхъ драгоцѣнностей. Само собой разумѣется, что при своемъ богатствѣ, миссъ Гудъ могла бы окружить себя самымъ пышнымъ блескомъ, но она ничего этого не сдѣлаетъ. Тѣ, кто предстоящей зимой будутъ имѣть честь быть ей представленными, увидятъ передъ собой молодую женщину съ безупречными манерами и прекраснымъ вкусомъ. Чѣмъ чаще ее видишь, тѣмъ болѣе она нравится".

Впрочемъ, миссъ Эллеанъ М. Гудъ не единственная милліонерша, о вступленіи которой въ свѣтъ возвѣщаютъ такимъ манеромъ хроникеры американскихъ газетъ. Есть еще другія богачихи, надѣленныя милліонами. Но она самая богатая изъ нихъ, и въ силу этого ей отводится первое мѣсто озабоченными женихами и свѣтской хроникой. Для любителей большихъ приданыхъ предстоятъ еще славные дни. Эти любители какъ Стараго, такъ и Новаго Свѣта обязательно оповѣщаются репортерами. Пресса держитъ ихъ au courant, а въ Соединенныхъ Штатахъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, печать представляетъ собой довольно безцеремонное эхо весьма любопытнаго свѣта.

Ѳ. В.

639

ВѢСТНИКЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ОКТЯБРЬ. 1893.

Редакторъ „Вѣстника Иностранной Литературы" принимаетъ по дѣламъ Редакціи одинъ разъ въ недѣлю, по Субботамъ, отъ 1 до 2 час. дня.

Редакція журнала «Вѣстникъ Иностранной Литературы» объявляетъ, что заказовъ постороннимъ переводчикамъ *не дѣлаетъ* и ни въ какіе предварительные переговоры и соглашенія, *ни письменные ни словесные, не входитъ*, а предлагаетъ желающимъ помѣстить въ журналѣ переводъ доставлять въ Редакцію рукописи на прочтеніе.

Непринятыя для «Вѣстника» рукописи сохраняются въ Редакціи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со дня пріема, а затѣмъ не взятыя обратно уничтожаются. Редакція же ни въ какомъ случаѣ не беретъ на себя обязательство возвращать рукописи по адресамъ переводчиковъ.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы" разсылается гг. городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ каждое 1-е число, почему Редакція покорнѣйше проситъ это замѣтить и въ случаѣ неполученія книгъ своевременно, немедленно увѣдомлять Редакцію.

За перемѣну адреса петербургскаго на иногородній и на оборотъ слѣдуетъ прилагать почтовыми марками 50 коп., а иногородняго на иногородній—28 коп. Необходимо сообщать старый адресъ и № бандероли.

Дозволено цензурою. Спб. 10 Сентября 1898 г.

Редакторъ
Ѳ. И. Буслаевъ.

Издатель
Г. Ф. Пантелеевъ.

ВѢСТНИКЪ Иностранной Литературы.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Годъ III. ОКТЯБРЬ. 1893 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

Сцены изъ жизни парижской богемы. Анри Мюрже. Переводъ А. В. Арсеньева . . . . . 5 — 61

Всесвѣтное остроуміе. Анекдоты и изрѣченія. 62

Африканская ферма. Повѣсть Ральфа Айрона. Съ англійскаго. (Продолженіе) . . . . . 63 — 136

Осень женщины. Марселя Прево. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть третья. (Продолженіе) . . . . . 137 — 178

Карнозина. Драма Альфреда де-Мюссэ. . . . . 179 — 210

Шарль Демальи. Романъ братьевъ Гонкуръ. (Окончаніе). . . . . 211 — 264

Историческіе очерки, разсказы и анекдоты. Марія-Антуанетта и графъ Ферзенъ. Ѳ. Булгаковъ . . . . . 265 — 287

Изъ общественной и литературной хроники Запада. Ѳ. В. . . . . 289 — 324

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Свѣтопреставленіе. Астрономическій романъ (съ иллюстраціями) Е. Фламмаріона. Переводъ В. Ранцова . . . . . 81 — 104

Бездѣльницы. (Изъ нравовъ испанской аристократіи). Романъ Луиса Коломы. . . . . 65 — 96

Объявленія: 1) Б. Альтшвагеръ—дело чаевъ; 2) Краусъ—дело биноклей; 3) Ювелира Э. К. Шуберта; 4) О продолженіи подписки на „Вѣстн. Иностр. Литер." въ 1893 г.; 5) О новомъ художеств.-иллюстр. изданіи Ѳ. И. Булгакова—П. А. Ѳедотовъ и его произведенія художественныя и литературныя; 6) Германъ и Гроссманъ—дело роялей и музыкальныхъ инструментовъ; 7) Провизора Г. Ф. Юргенса—борно-тимоловое мыло; 8) Стихотворенія Л. Шахъ-Пароніацца—„Впечатлѣнія жизни"; 9) Объ изданіяхъ редакціи „Вѣстника Иностранной Литературы"; 10) Эдуарда Бурхардъ—главное дело чаевъ; 11) Альфонса Ранке—прикладн. постанц. косметиковъ; 12) Банкирской Конторы Александра Кутузова; 13) Косметикъ А. Энглундъ; 14) Р. Нешель—художественныя принадлежности; 15) С.-Петербургской техно-химической Лабораторіи; 16) А. Кашницева — спеціальность мебельныхъ матерій и ковровъ; 17) О книгахъ: а) „Горькій Опытъ", романъ В. Фирсова; б) Его-же „Утопленница", комед. въ 3-хъ дѣйств.; в) Н. О. Осипова — новая книга „Обзоръ дѣятельности" ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита; 18) Торговаго дома Н. Н. Фролова — спеціальность бѣлья; 19) Торговаго дома Ж. Блохъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Верейская ул., № 16.

1893.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

ЭДУАРДА БУРХАРДЪ.

Спб., Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.

ОТДѢЛЕНІЕ:

Вознесенскій просп., у Синяго моста, № 3.

Огромный выборъ всевозможныхъ часовъ лучшихъ женевскихъ и швейцарскихъ фабрикъ, а также извѣстныхъ американскихъ фабрикъ ВАЛЬТГАМЪ и ЭЛЬЖИНЪ, стѣнныхъ, столовыхъ часовъ и будильниковъ, цѣпочекъ, ключей и бреловоковъ золотыхъ, серебряныхъ и французской нетемнѣющей композиціи по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Поставляю призовые часы за отличную стрѣльбу.

Гг. иногороднымъ высылаю наложеннымъ платежомъ.

Иллюстр. прейсъ-куранты по требованію—безплатно.

НОВОСТЬ — МЫЛО МУЗМЕ.

НОВОСТЬ — ДУХИ РОКОКО.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ПАРИЖСКОЙ БОГЕМЫ.

Анри Мюрже.

Переводъ А. В. Арсеньева.

I.

Какъ возникло братство „Богемы".

Вотъ какъ случай, называемый скептиками «повѣреннымъ добраго Бога», соединилъ однажды людей, братскій союзъ которыхъ образовалъ впослѣдствіи общество «Богемы», о чемъ авторъ этой книги и сдѣлалъ попытку разсказать публикѣ.

Однажды утромъ (это было 8 апрѣля) Александръ Шонаръ, практиковавшій два свободныхъ искусства—живопись и музыку, грубо былъ разбуженъ крикомъ сосѣдняго пѣтуха, который служилъ ему вмѣсто часовъ.

— Чортъ возьми!—вскричалъ Шонаръ,—мои пернатые часы слишкомъ бѣгутъ; не можетъ быть, чтобы уже настало сегодня!..

Сказавши эти слова, онъ быстро выскочилъ изъ подобія мебели собственнаго остроумнаго изобрѣтенія, игравшаго роль кровати ночью (и, правду сказать, скверно игравшаго), а днемъ, отвѣчавшаго за всякую другую мебель, которая исчезла въ холодную предшествовавшую зиму; нѣчто въ родѣ мебели дяди Жака, какъ видятъ.

Чтобы спастись отъ утренняго холода, Шонаръ быстро надѣлъ розовую атласную юбку, украшенную блестящими звѣздочками и служившую ему домашнимъ платьемъ.

Эта мишурная тряпка была забыта у артиста ночью послѣ маскарада одною «Глупостью», которая оправдала свой костюмъ тѣмъ, что повѣрила коварнымъ обѣщаніямъ Шонара, наряженнаго Мондорскимъ маркизомъ, и соблазнительно звенѣвшаго въ карманѣ монетами, вырѣзанными изъ жести и заимствованными отъ театральнаго бутафора.

Когда онъ надѣлъ свой домашній туалетъ, артистъ отворилъ окно и ставню. Лучъ солнца ослѣпительной стрѣлою проникъ въ комнату и заставилъ артиста прищурить глаза, еще томные отъ сна; въ это-же время на ближней колокольнѣ пробило пять часовъ.

— Въ самомъ дѣлѣ утро,—пробормоталъ Шонаръ,—это странно! Но,—прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на висѣвшій на стѣнкѣ календарь,—это ошибка. Научныя изысканія увѣряютъ насъ, что въ это время года солнце не должно вставать раньше пяти часовъ съ половиной; теперь только пять,—а оно уже пошло въ обходъ. Преступное усердіе! это свѣтило сбилось съ толку, и я пожалуюсь на него въ астрономическое бюро.—Однако,—прибавилъ онъ, — надо-бы немножко побезпокоиться; наступило «сегодня», зав-

трашній день вчерашняго дня, а какъ вчера было 7-е, то, если Сатурнъ не пятится, сегодня должно быть 8-е апрѣля. И, если вѣрить словамъ этой бумаги,—продолжалъ Шонаръ, перечитывая повѣстку судебнаго пристава о выселеніи изъ квартиры,—то сегодня, ровно въ полдень я долженъ очистить это помѣщеніе и отсчитать въ руки г. Бернара, моего хозяина, цѣлую сумму въ семьдесятъ пять франковъ, за три прожитыхъ срока, каковую сумму онъ отъ меня требуетъ въ препротивно написанномъ письмѣ. Я надѣялся, какъ всегда, что случай позаботится устроить это дѣло, но кажется, что ему не было времени. Наконецъ, я имѣю еще шесть часовъ впереди и, употребивъ ихъ съ толкомъ, можетъ быть, что и... Впередъ!.. впередъ въ дорогу! — добавилъ Шонаръ.

Онъ приготовился было уже надѣть пальто, которое снова было очень пушисто, а теперь безнадежно оплѣшивѣло, какъ вдругъ, точно укушенный, началъ исполнять въ комнатѣ танецъ собственнаго изобрѣтенія, хореграфію, часто обращавшую на него вниманіе жандармовъ на публичныхъ балахъ.

— Вотъ, вотъ!—воскликнулъ онъ,— это удивительно, какъ утренній воздухъ возбуждаетъ мысли! Мнѣ кажется, что я напалъ наконецъ на слѣдъ моей аріи... Попробуемъ!

Полуодѣтый Шонаръ сѣлъ за піанино, разбудилъ заснувшій инструментъ бурными аккордами и началъ, подпѣвая, преслѣдовать на клавишахъ долго недававшуюся ему мелодическую фразу.

— *До, соль, ми, до, ля, си, до, ре*,— бумъ, бумъ! *Фа, ре, ми, ре*!.. Ай, ай! это *ре*, вретъ, какъ сивый меринъ!— воскликнулъ Шонаръ, жестоко колотя по сомнительной клавишѣ...

— Посмотримъ минорный тонъ... Онъ долженъ искусно выразить печаль молодой дѣвушки, обронившей бѣлую маргаритку въ голубое озеро. Вотъ идея, которая не можетъ назваться молоденькой! Но если это мода и если нельзя найти ни одного издателя, который осмѣлился-бы издать романсъ безъ голубого озера, то надо этому покориться... *До, соль, ми, до, ля, си, до, ре*... Я доволенъ этимъ, какъ будто выходитъ похоже на бѣленькіе цвѣточки, особенно для людей, сильныхъ въ ботаникѣ. *Ля, си, до, ре*... Ну, дурацкое *ре*!.. Теперь, чтобы лучше дать понять голубое озеро, надо-бы кое-что влажное, лазурное, немножко луннаго свѣта (ибо тутъ полагается и луна); хорошо, идетъ, не надо забыть еще лебедя... *Фа, ми, ля, соль*,—продолжалъ Шонаръ, извлекая кристаллическіе звуки изъ высокихъ октавъ.

— Остается еще прощаніе молодой дѣвушки, которая рѣшается броситься въ голубое озеро, чтобы соединиться со своимъ возлюбленнымъ, погребеннымъ подъ снѣгами.

— Эта развязка недовольно ясна,— бормоталъ Шонаръ,—но она интересна. Надо-бы что нибудь нѣжное меланхолическое... идетъ, идетъ! вотъ двѣнадцать тактовъ плачущихъ, какъ Магдалины,—это разрываетъ сердце...

— Брр! брр!—сдѣлалъ губами Шонаръ, дрожа въ своей усѣянной звѣздами юбкѣ,—если-бъ изъ этого можно было наколоть дровъ!.. Въ альковѣ у меня есть балка, которая меня очень стѣсняетъ, когда у меня бываютъ... обѣдать; такъ вотъ я разведу немножко огня изъ нея... *Ля, ля, ре, ми*... Я чувствую, что мое вдохновеніе сегодня пришло немножко съ насморкомъ... А! тѣмъ хуже! будемъ топить молодую дѣвицу окончательно!..

И тогда, какъ его пальцы терзали дрожащій инструментъ, Шонаръ съ разгорѣвшимися глазами, съ настороженнымъ ухомъ, преслѣдовалъ свою мелодію, а она, подобная неуловимому сильфу, порхала въ звучномъ туманѣ вибрацій инструмента и какъ-бы выяснялась.

— Посмотримъ теперь,—сказалъ Шонаръ,—какъ моя музыка согласуется со словами моего поэта.

И онъ началъ мурлыкать скверным голосомъ отрывокъ стихотворенія въ опереточномъ вкусѣ или во вкусѣ уличныхъ пѣвцовъ:

Бѣлокурая дѣвица,
Снявъ мантилію, сидитъ
И печальными глазами
Въ небо звѣздное глядитъ.
И въ *лазурной* глубинѣ,
Подъ *серебряной* волной...
. . . . . .

— Какъ? что?—вскричалъ Шонаръ, придя въ справедливое негодованіе,— лазурная глубина серебрянаго озера? Я раньше не замѣтилъ этого, это слишкомъ романтично; этотъ поэтъ просто идіотъ; онъ никогда не видалъ ни серебра, ни озера! Эта баллада совсѣмъ глупа, да наконецъ и размѣръ стиховъ все время стѣсняетъ меня въ музыкѣ. Впередъ я буду самъ сочинять стихи къ своей музыкѣ, и даже не позже, какъ сейчасъ. Такъ какъ я уже настроился на этотъ ладъ, то сейчасъ-же и сфабрикую образчикъ куплетовъ къ своей мелодіи.

И Шонаръ, сжавъ голову обѣими руками, принялъ глубокомысленный видъ смертнаго, вошедшаго въ сношенія съ музами.

Черезъ нѣсколько минутъ такого священнаго конкубината онъ произвелъ на свѣтъ нѣчто неопредѣленное, что сочинители либретто называютъ «уродцами» и что они легко импровизируютъ для композиторовъ, какъ канву для ихъ вдохновенія.

Однако «уродецъ» Шонара имѣлъ смыслъ, въ немъ ясно выразилось безпокойство, возбужденное въ его умѣ невѣжливымъ приходомъ этого числа—8-го апрѣля!

Вотъ этотъ куплетъ:

— Восемь и восемь—шестнадцать.
Ставлю шесть и беру одинъ;
Я былъ-бы очень доволенъ,
Что-бъ нашелся такой господинъ,
— Кто далъ-бы мнѣ франковъ сотъ восемь,—
Долги мы тогда всѣ уплатимъ
Коль время на то мы найдемъ.

Припѣвъ.

И когда на часахъ возвышенныхъ
Двѣнадцать безъ четверти бьетъ,—
Артистъ съ гордымъ видомъ блаженныхъ
Бернару свой долгъ отдаетъ!..

— Чортъ возьми! — сказалъ Шонаръ, перечитывая свое сочиненіе, *восемь* и *уплатимъ*, — вотъ рифмы, далекія отъ богатства, но мнѣ нѣтъ времени теперь ихъ обогатить. Попробуемъ теперь, какъ моя мелодія сочитается съ этими стихами.

И сквернѣйшимъ гнусавымъ голосомъ, какимъ онъ отличался, онъ началъ снова пѣть свой романсъ.

Удовлетворенный безъ сомнѣнія достигнутыми результатами, Шонаръ поздравилъ себя торжественной гримасой, которая сморщивала его носъ каждый разъ, какъ онъ былъ доволенъ самъ собою.

Но это гордо-блаженное состояніе было непродолжительно.

На сосѣдней колокольнѣ пробило одиннадцать часовъ; каждый ударъ колокола, врываясь въ комнату, казалось, насмѣшливо спрашивалъ Шонара:

— Готовъ-ли ты?..

Артистъ привскочилъ на стулѣ.

— Время летитъ, какъ птица, — сказалъ онъ, — мнѣ осталось только три четверти часа, чтобы найти семьдесятъ пять франковъ, и новую квартиру. Я никогда не приду къ цѣли,— это переходитъ уже въ область чудеснаго. Хорошо, я даю себѣ пять минутъ, чтобы найти средства; — и низко склонивъ голову къ колѣнямъ, онъ погрузился въ бездну глубокихъ размышленій.

Пять минутъ прошло, и Шонаръ поднялъ голову, не найдя ничего похожаго на семьдесятъ пять франковъ.

— Мнѣ осталось только одно, чтобы выбраться отсюда,—это уйти, какъ я есть! Погода прекрасная, и мой другъ случай прогуливается, можетъ быть, на солнышкѣ.

Непремѣнно надобно, чтобы онъ

меня пріютилъ какъ нибудь до тѣхъ поръ, пока я не найду средствъ раздѣлаться съ г. Бернаромъ.

Шонаръ началъ набивать глубочайшіе карманы своего пальто всевозможными вещами, завязалъ потомъ въ платочекъ кое-что изъ бѣлья и вышелъ изъ комнаты, не забывъ сказать нѣсколько теплыхъ прощальныхъ словъ своему обиталищу.

Когда артистъ переходилъ дворъ, привратникъ, который, казалось, подкарауливалъ, вдругъ остановилъ его.

— Эй, господинъ Шонаръ!—вскричалъ привратникъ, загораживая дорогу артисту,—развѣ вы объ этомъ не думаете? Вѣдь сегодня восьмое число!..

Восемь и восемь—шестнадцать.
Ставлю шесть и беру одинъ,

—напѣвалъ Шонаръ,—я только объ этомъ и думаю!

— Вы немножко запоздали съ вашимъ выселеніемъ,—сказалъ привратникъ,—уже половина двѣнадцатаго, и новый жилецъ, нанявшій вашу комнату, можетъ явиться съ минуты на минуту. Надо бы поторопиться!

— Ну такъ и пропустите меня,—отвѣчалъ Шонаръ, — я иду отыскать ломовую телѣгу, чтобы перевезти мебель.

— Конечно, но прежде, чѣмъ переѣхать, надо исполнить кое-какія формальности. Мнѣ приказано, чтобы вы не унесли ни волоска, пока не заплатите за три мѣсяца. Вы, вѣроятно, поняли?

— Ну, конечно!—сказалъ Шонаръ, дѣлая шагъ впередъ.

— Такъ вотъ,—снова началъ привратникъ,—если вы потрудитесь войти въ мою комнату, то я дамъ вамъ и квитанцію.

— Хорошо, я ихъ возьму, когда возвращусь.

— Отчего-жь не сейчасъ?—настаивалъ привратникъ.

— Я иду къ мѣнялѣ... у меня нѣтъ мелкихъ.

— Ага! у васъ и мелкихъ нѣтъ? Ну, такъ чтобы вамъ не безпокоиться, я поберегу пока у себя этотъ узелокъ, что вы держите, онъ васъ будетъ стѣснять.

— Господинъ привратникъ, — сказалъ Шонаръ съ достоинствомъ, — развѣ вы мнѣ не вѣрите? Не думаете-ли вы, что я уношу свою мебель въ этомъ платкѣ?

— Извините меня,—отвѣчалъ привратникъ тономъ ниже, — но это моя обязанность. Г. Бернаръ мнѣ строго-на-строго приказалъ не позволять вамъ вынести ни волоска, пока вы не заплатите.

— Ну, такъ посмотрите же,—сказалъ Шонаръ открывая узелокъ—тутъ нѣтъ ни одного волоска! Это рубашки, которыя я несу къ прачкѣ! Она живетъ рядомъ съ мѣняльной лавочкой, въ двадцати шагахъ отсюда.

— Вотъ это другое дѣло,—пробормоталъ привратникъ, увидавъ содержимое узелка.—Если это не покажется вамъ нескромнымъ, господинъ Шонаръ, могу я спросить вашъ новый адресъ?

— Я теперь живу въ улицѣ Риволи,—отвѣтилъ холодно артистъ и, выйдя на улицу, поспѣшно сталъ удаляться.

— Улица Риволи!—бормоталъ привратникъ, ковыряя въ носу,—это очень смѣшно, что ему отдали комнату въ улицѣ Риволи—и не справились прежде о немъ здѣсь, это очень смѣшно!.. Ну, да не всегда же онъ будетъ вывозить свою мебель, не заплативъ за квартиру. Только бы новый жилецъ не пріѣхалъ, какъ разъ въ то время, какъ этотъ будетъ выѣзжать! Вотъ-то будетъ шуму на моей лѣстницѣ!..

— Ахъ да вотъ,—воскликнулъ онъ, высовывая голову изъ форточки своей двери, — вотъ какъ разъ и новый жилецъ!...

Въ самомъ дѣлѣ къ лѣстницѣ приближался молодой человѣкъ въ бѣлой шляпѣ стиля Людовика XIII-го, въ сопровожденіи носильщика, который ничуть не гнулся подъ тяжестью своей ноши.

— Слушайте, — сказалъ молодой человѣкъ привратнику, шедшему къ нему на встрѣчу, — моя комната свободна?

— Не совсѣмъ еще, но скоро будетъ свободна. Прежній жилецъ пошелъ за ломовымъ, чтобы увезти мебель. А покуда вы можете поставить свою мебель на дворѣ.

— Я боюсь, чтобы не пошелъ дождь,— отвѣтилъ молодой человѣкъ, спокойно жуя буветикъ фіалокъ, который онъ держалъ въ зубахъ, — моя мебель можетъ испортиться.

— Носильщикъ!—обратился онъ къ человѣку, стоявшему позади него и за спиной котораго былъ видѣнъ предметъ, приводившій своимъ страннымъ видомъ привратника въ изумленіе,— поставьте это здѣсь въ прихожей, ступайте снова на мою старую квартиру и захватите всю остальную мебель и произведенія искусства.

Носильщикъ приставилъ къ стѣнѣ нѣсколько рамокъ высотою въ шесть или семь футовъ, сложенныхъ одна на другую, которыя, какъ казалось, могли раскладываться по желанію.

— Смотрите,—сказалъ молодой человѣкъ носильщику, полуоткрывъ одну изъ частей своего снаряда и показывая ему прорванное въ одномъ мѣстѣ полотно,—видите какое несчастіе: вы разбили мнѣ мое большое венеціанское зеркало. Будьте осторожнѣе въ другой разъ, особенно обращайте вниманіе на мою библіотеку.

— Что онъ такое тутъ говоритъ про венеціанское зеркало?—бормоталъ привратникъ, безпокойно вертясь около рамокъ, приставленныхъ къ стѣнѣ,— я не вижу никакого зеркала! Ну это, безъ сомнѣнія, шутка!... Я вижу здѣсь только ширмы; посмотримъ, что-то ему принесутъ въ другой разъ!

— Скоро-ли же вашъ жилецъ освободитъ мнѣ квартиру?—сказалъ молодой человѣкъ, — уже половина перваго, и я бы хотѣлъ установиться наконецъ!

— Я думаю, что онъ сейчасъ же будетъ,—отвѣчалъ привратникъ,—да, наконецъ, пока вамъ еще нечего безпокоиться, такъ какъ ваша мебель еще не прибыла, — прибавилъ онъ, упирая на послѣднія слова.

Молодой человѣкъ только что хотѣлъ отвѣчать, какъ драгунъ-разсыльный вошелъ во дворъ.

— Здѣсь г. Бернаръ? — спросилъ онъ, вытаскивая пакетъ изъ большой кожаной сумки, висѣвшей на боку.

— Здѣсь,—отвѣтилъ привратникъ.

— Вотъ письмо къ нему,—сказалъ драгунъ,—роспишитесь въ разсыльной книгѣ.—И онъ подалъ привратнику книгу, въ которой тотъ и роснисался.

— Извините, если я васъ оставлю одного, — сказалъ привратникъ молодому человѣку, прогуливавшемуся въ нетерпѣніи по двору,— но это письмо изъ министерства къ г. Бернару, моему хозяину, и я долженъ его снести ему.

Когда привратникъ входилъ къ г. Бернару, тотъ собирался бриться.

— Что тебѣ нужно отъ меня, Дюранъ?

— Monsieur, — отвѣчалъ привратникъ, снявъ фуражку,—вотъ разсыльный курьеръ принесъ изъ министерства пакетъ къ вамъ.

И онъ протянулъ г. Бернару пакетъ, запечатанный печатью военнаго департамента.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ г. Бернаръ такимъ голосомъ, какъ будтобы онъ обрѣзался бритвой,—изъ военнаго министерства!... Я увѣренъ, что это мое пожалованіе въ кавалеры ордена Почетнаго Легіона, чего я добиваюсь уже такъ давно! Наконецъ-то мнѣ воздаютъ по моимъ заслугамъ!... Вотъ, Дюранъ,—сказалъ онъ, шаря въ жилетномъ карманѣ, — вотъ тебѣ сто су на чай за мое здоровье... Ахъ, со мной не случилось кошелька! ну да ладно, я отдамъ тебѣ потомъ, подожди!

Привратникъ былъ такъ растроганъ этимъ внезапнымъ приливомъ велико-

душія, къ которому его хозяинъ совсѣмъ не былъ склоненъ, что даже снова надѣлъ фуражку на голову.

Но г. Бернаръ, въ другое время сдѣлавшій-бы строгій выговоръ за такое нарушеніе іерархическихъ правилъ, теперь и не замѣтилъ этого.

Онъ надѣлъ очки, вскрылъ пакетъ съ почтительностью визиря, получившаго фирманъ отъ султана, и сталъ читать.

При первыхъ-же строкахъ ужасная гримаса покрыла его толстыя щеки красными складками, и его маленькіе глазки начали метать искры, способныя зажечь спустившіяся прядки его спутаннаго парика.

Наконецъ всѣ его черты до того исказились, что можно было сказать, что вся его фигура представляла землетрясеніе.

Вотъ каково было содержаніе посланія, написаннаго на бланкѣ военнаго министерства, присланнаго по формѣ съ драгуномъ - курьеромъ и которое г. Бернаръ принялъ за правительственное извѣщеніе:

«Милостивый Государь г. хозяинъ!

«Политика, которая, если вѣрить миѳологіи, произвела на свѣтъ хорошія манеры, обязываетъ меня довести до вашего свѣдѣнія, что я нахожусь въ жестокой необходимости быть не въ состояніи исполнить общепринятый обычай платить за квартиру, особенно, когда задолжалъ. До сегодняшняго утра я все еще ласкался сладкою надеждою быть въ состояніи отпраздновать этотъ прекрасный день, когда я заплачу вамъ за три мѣсяца... Химера! иллюзія! идеалъ!.. Пока я дремалъ на подушкѣ увѣренности, несчастіе, греческое *ананке*, несчастіе развѣяло мои надежды. Денежныя поступленія, на которыя я разсчитывалъ, (Боже! какъ худо идетъ торговля!) еще не поступили, и даже съ самыхъ важныхъ людей, съ которыхъ имѣлъ получить, я успѣлъ стянуть только три франка, да и то въ долгъ; я не предлагаю ихъ вамъ. Но лучшіе дни придутъ для нашей прекрасной Франціи и для меня,— не сомнѣвайтесь въ этомъ, милостивый государь! Какъ только они придутъ, я на крыльяхъ прилечу предупредить васъ и взять отъ васъ мои драгоцѣнныя вещи, оставленныя у васъ и которыя я поручаю вашему покровительству и покровительству закона, запрещающаго вамъ продать ихъ раньше года, если-бы вы даже и попытались получить раньше этого срока суммы, записанныя на вашъ приходъ въ бухгалтерскихъ книгахъ моей честности.

«Особенно рекомендую вамъ мое піанино и большую рамку съ шестьюдесятью буклями волосъ, разный цвѣтъ которыхъ представляетъ полную гамму оттѣнковъ головного украшенія; они сняты съ чела Грацій ножницами Амура.

«Но вы можете, господинъ хозяинъ, распорядиться, какъ хотите, штукатуркой, подъ которой я жилъ, на что я и даю вамъ мое соизволеніе за подписомъ моей руки.

Александръ Шонаръ».

Когда г. Бернаръ окончилъ чтеніе письма, написаннаго артистомъ въ бюро своего пріятеля, чиновника военнаго министерства, онъ съ негодованіемъ скомкалъ его; тутъ взглядъ его упалъ на Дюрана, ожидавшаго обѣщанной награды, и онъ грубо спросилъ его, что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Я жду, monsieur.

— Чего?..

— А великодушіе ваше... по случаю хорошаго извѣстія...—смущенно забормоталъ привратникъ.

— Пошелъ вонъ! Какъ? ты смѣешь стоять передо мною въ шапкѣ?

— Но, monsieur...

— Пошелъ, не разговаривать!.. или стой, подожди... Мы пойдемъ въ комнату этого бездѣльника-артиста, который уѣхалъ, не расплатившись.

— Какъ? — удивился привратникъ, —господинъ Шонаръ?..

— Ну да, — продолжалъ хозяинъ,

раздраженіе котораго все увеличивалось,—и, если онъ успѣлъ унести хоть малѣйшую вещицу, я тебя прогоню! понимаешь ты: про-го-ню!..

— Но это невозможно,—бормоталъ бѣдный привратникъ,—господинъ Шонаръ не выѣхалъ еще; онъ пошелъ размѣнять деньги, чтобы расплатиться съ вами, и нанять ломового для перевозки мебели.

— Для перевозки мебели!—воскликнулъ г. Бернаръ,—идемъ скорѣе, я увѣренъ, что онъ уже перевозитъ. Онъ тебѣ устроилъ ловушку, чтобы удалить тебя съ лѣстницы, а самому увезти все!.. Настоящій ты дуракъ!..

— Ахъ, Боже мой! настоящій я дуракъ!—вопилъ Дюранъ, испуганный олимпійскимъ гнѣвомъ своего хозяина, который тащилъ его на лѣстницу.

Когда они вышли на дворъ, къ привратнику присталъ молодой человѣкъ въ бѣлой шляпѣ.

— А, вотъ и вы, привратникъ! Что же, пустятъ меня на квартиру? сегодня восьмое апрѣля, или нѣтъ? здѣсь я нанялъ помѣщеніе, или нѣтъ? вамъ я далъ задатокъ, или нѣтъ?

— Извините,—сказалъ хозяинъ,—я къ вашимъ услугамъ.

— Дюранъ! — повернулся онъ къ привратнику,—я самъ поговорю съ этимъ господиномъ. Бѣги на верхъ, этотъ бездѣльникъ Шонаръ навѣрное уже увязываетъ узлы! Ты запри его, если застанешь, и потомъ бѣги за полиціей.

Дюранъ скрылся на лѣстницѣ.

— Извините, — сказалъ, поклонившись, хозяинъ молодому человѣку, когда они остались одни,—съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

— Я вашъ новый жилецъ, я нанялъ въ этомъ домѣ комнату въ шестомъ этажѣ, и мнѣ начинаетъ уже надоѣдать, что она до сихъ поръ не свободна.

— Я въ совершенномъ отчаяніи,—сказалъ хозяинъ,—но у меня вышли непріятности съ жильцомъ, комнату котораго вы наняли.

— Monsieur, monsieur!—закричалъ изъ самаго верхняго окна Дюранъ,—господина Шонара здѣсь нѣтъ, но комната цѣла!.. То, бишь дуракъ я!—Я хотѣлъ сказать, что онъ ничего не унесъ, ни единаго волоска...

— Хорошо, ступай внизъ,—отвѣчалъ г. Бернаръ.—Ахъ, Боже мой!—обратился онъ къ молодому человѣку, — подождите немножко, я васъ прошу. Мой привратникъ снесетъ въ подвалъ вещи изъ комнаты незаплатившаго жильца, и черезъ полчаса вы можете въѣхать... Кстати же еще и ваша мебель не прибыла.

— Извините, monsieur, — спокойно отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Г. Бернаръ оглядѣлся и не увидалъ ничего, кромѣ большихъ ширмъ, уже возбуждавшихъ безпокойство его привратника.

— Какъ!.. Извините... какъ? бормоталъ хозяинъ,—но я ничего здѣсь не вижу.

— Вотъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, открывъ одну изъ половинокъ ширмы и показывая удивленному хозяину великолѣпную внутренность замка съ яшмовыми колоннами, барельефами и картинами великихъ мастеровъ.

— А гдѣ-же ваша мебель?—спросилъ г. Бернаръ.

— Да вотъ она, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, указывая роскошную обстановку, написанную въ его дворцѣ, купленномъ на аукціонѣ театральнаго имущества.

— Monsieur,—сказалъ хозяинъ,—мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ у васъ была мебель болѣе серьезная, чѣмъ эта.

— Но это же все настоящій буль!

— Вы понимаете, что мнѣ надо обезпеченіе за комнату.

— Какъ это? такого дворца вамъ мало въ обезпеченіе за комнату на чердакѣ?

— Мало, милостивый государь, я хочу мебель, настоящую мебель, изъ краснаго дерева!

— Увы, monsieur, ни золото, ни красное дерево не дѣлаютъ человѣка счастливымъ, сказалъ кто-то изъ древнихъ. Да, наконецъ, я терпѣть не могу краснаго дерева, глупое дерево, и у кого только его нѣтъ?

— Но, наконецъ, имѣете же вы хоть какую нибудь мебель?

— Нѣтъ, это занимаетъ слишкомъ много мѣста въ комнатахъ: наставишь этихъ стульевъ—и сѣсть негдѣ.

— Но, однако, есть ли у васъ хоть кровать? на чемъ же вы отдыхаете?

— Я отдыхаю въ надеждахъ на Провидѣніе.

— Извините, еще одинъ вопросъ,— сказалъ г. Бернаръ,—скажите пожалуйста, чѣмъ вы занимаетесь?

Въ этотъ моментъ носильщикъ молодого человѣка, возвратясь во второй разъ, вошелъ во дворъ. Между разными вещами за спиной его торчалъ мольбертъ.

— Ахъ, monsieur!—закричалъ Дюранъ въ ужасѣ, указывая хозяину на мольбертъ,—это художникъ!..

— Артистъ, это вѣрно!—воскликнулъ въ свою очередь г. Бернаръ, и волосы его парика поднялись отъ ужаса, — художникъ!.. Но ты развѣ не справился, кто онъ такой,—обратился хозяинъ къ привратнику,—ты не зналъ, чѣмъ онъ занимается?..

— Помилуйте,—отвѣчалъ привратникъ,—онъ далъ мнѣ *пять франковъ* задатку! могъ ли я сомнѣваться?..

— Когда вы кончите? — спросилъ въ свою очередь молодой человѣкъ.

— Monsieur, — сказалъ г. Бернаръ, для важности надѣвая очки на носъ,— такъ какъ у васъ нѣтъ никакой мебели, вы не можете ко мнѣ въѣхать. Законъ позволяетъ мнѣ отказать жильцу, который не представляетъ обезпеченія.

— А мое слово?—сказалъ артистъ съ достоинствомъ.

— Это дешевле мебели... вы можете искать себѣ квартиру въ другомъ мѣстѣ. Дюранъ возвратитъ вамъ вашъ задатокъ.

— Какъ?—сказалъ съ глупымъ видомъ привратникъ, — а я положилъ уже ихъ въ копилку!

— Но не могу же я, — возразилъ молодой человѣкъ,—сію минуту найти себѣ комнату. Позвольте мнѣ хоть день прожить у васъ.

— Можете остановиться въ гостинницѣ, — отвѣчалъ г. Бернаръ, — или вотъ, кстати,—прибавилъ онъ, быстро что-то неожиданно сообразивъ,—если вы желаете, я могу отдать вамъ эту комнату съ мебелью, которую оставилъ мой несостоятельный жилецъ. Но въ такомъ случаѣ, вы сами знаете, что за квартиру платится впередъ.

— Теперь надо бы узнать, что вы возьмете за этотъ чуланъ? — сказалъ артистъ, принужденный заговорить объ этомъ.

— Квартирка очень хорошенькая! наемъ будетъ стоить только двадцать пять франковъ въ мѣсяцъ, благодаря обстоятельствамъ. Платить надо впередъ.

— Вы это уже говорили; эта фраза не стоитъ повторенія,—сказалъ молодой человѣкъ, шаря въ карманѣ. — Есть у васъ сдачи съ пятисотъ франковъ?

— Какъ? — переспросилъ изумленный хозяинъ,—какъ вы сказали?

— Ну, съ полъ-тысячи, коли хотите! Развѣ вы никогда не видали такихъ денегъ? — прибавилъ артистъ, показывая хозяину и привратнику билетъ, причемъ оба они чуть не потеряли равновѣсія.

— Сію минуту я дамъ вамъ сдачи,— сказалъ почтительно г. Бернаръ,—съ васъ получить только двадцать франковъ, потому что Дюранъ вамъ возвратитъ задатокъ.

— Пускай онъ возьметъ ихъ себѣ,— сказалъ артистъ,—но за это онъ долженъ приходить ко мнѣ каждое утро сообщать, какой день и число мѣсяца, фазы луны, какая погода, и подъ какой формой правленія мы живемъ.

— Ахъ, monsieur! — воскликнулъ

Дюранъ, согнувшись въ кривую въ девяносто градусовъ.

— Хорошо, добрый человѣкъ, вы мнѣ будете служить календаремъ, а покуда помогите моему носильщику снести вещи на верхъ.

— Я вамъ сейчасъ пришлю росписку въ полученіи, — сказалъ хозяинъ.

Въ тотъ же вечеръ новый жилецъ г. Бернара, художникъ Марсель, устроился на квартирѣ сбѣжавшаго Шонара, превративъ ее во дворецъ.

Въ это время вышеупомянутый Шонаръ билъ, какъ говорится, сигналы къ сбору денегъ.

Шонаръ довелъ свое умѣнье занимать деньги до степени искусства: Предвидя случаи, когда можно бываетъ *прижать* иностранца, онъ изучилъ фразу о займѣ пяти франковъ на всѣхъ языкахъ земного шара. Онъ основательно зналъ весь репертуаръ уловокъ, посредствомъ которыхъ деньги достаются тому, кто за ними рыщетъ, и лучше всякаго мореходца зналъ время прилива и отлива, когда воды были низки или высоки, то есть дни, когда его друзья и знакомые бывали при деньгахъ.

Такимъ образомъ, были дома, гдѣ, видя его входящимъ, не говорили: «Вотъ и Шонаръ», а говорили: «вотъ и первое или пятнадцатое число!»

Чтобы облегчить и сдѣлать равномѣрнѣе для всѣхъ этотъ родъ подати, взимаемой имъ съ дохода, когда нужда заставляла его дѣлать это, Шонаръ распредѣлилъ въ порядкѣ кварталовъ и округовъ алфавитный списокъ именъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ. При каждомъ имени было написано: максимумъ суммы, какую можно было занять, согласно съ имущественнымъ положеніемъ записаннаго, время, въ какое это лицо было при деньгахъ, и часы обѣда съ обозначеніемъ кушаній, обыкновенно тамъ подаваемыхъ. Кромѣ этой таблицы Шонаръ велъ еще маленькую бухгалтерію, чрезвычайно точную и аккуратную, гдѣ онъ записывалъ занятыя имъ суммы, до самыхъ маленькихъ одолженій, потому что онъ не хотѣлъ забраться выше суммы, которую надѣялся получить въ наслѣдство отъ дядюшки въ Нормандіи. Какъ только сумма долга кому нибудь доходила до двадцати франковъ, Шонаръ заключалъ счетъ этого лица и расплачивался сразу, хотя бы для собранія этой суммы онъ и долженъ былъ занять у тѣхъ, кому былъ долженъ менѣе. Такимъ образомъ онъ постоянно поддерживалъ нѣкоторый кредитъ, который онъ называлъ своимъ «волнообразнымъ долгомъ»; и такъ какъ всѣ знали, что онъ имѣлъ обыкновеніе платить, когда его личныя средства позволяли это, то всѣ и давали ему охотно, когда могли.

Итакъ съ одиннадцати часовъ утра, когда онъ пошелъ собирать семьдесятъ пять франковъ, онъ собралъ очень немного отъ лицъ подъ буквами *M*, *V* и *R* своего знаменитаго списка; остальныя буквы, имѣя сами, какъ и онъ, платежи за квартиру, отказали ему.

Въ шесть часовъ желудокъ Шонара заворчалъ отъ жестокаго голода, напоминая объ обѣдѣ; онъ находился въ это время близъ Мэнской заставы, гдѣ жила буква *U*.

Шонаръ поднялся къ буквѣ *U*, гдѣ онъ могъ пообѣдать, если было что обѣдать.

— Куда вы идете?—спросилъ его привратникъ, останавливая на ходу.

— Къ господину U...—отвѣтилъ артистъ.

— Его нѣтъ дома.

— А госпожа U...?

— Ея тоже нѣтъ дома; они мнѣ поручили сказать одному изъ своихъ друзей, котораго ждали сегодня, что они ѣдутъ обѣдать въ городъ. Да вотъ, — продолжалъ, привратникъ,—если вы тотъ самый, кого они ждали, то вотъ они оставили адресъ.

И привратникъ передалъ Шонару

ключекъ бумаги, гдѣ его другъ U. написалъ:

«Мы уѣхали обѣдать къ Шонару, улица... №... приходи и найдешь насъ тамъ».

— Очень хорошо,—сказалъ Шонаръ, уходя,—когда вмѣшается случай, то онъ надѣлаетъ престранныхъ водевилей.

Шонаръ вспомнилъ тогда, что онъ находился въ двухъ шагахъ отъ небольшого кабачка, гдѣ онъ два или три раза ѣлъ за очень недорогую цѣну, и направился въ это учрежденіе, расположенное на Мэнскомъ шоссе и извѣстное среди мѣстныхъ бѣдняковъ подъ названіемъ «Тетушки Каде».

Это былъ кабачекъ, гдѣ подавались обѣды; обыкновенными его посѣтителями были извозчики дороги въ Орлеанъ, пѣвицы изъ Монпарнасса, актеры отъ Бобино. Въ лучшее время года ученики многочисленныхъ мастерскихъ близь Люксембурга, писатели никѣмъ неиздаваемыхъ сочиненій, продавцы таинственныхъ газетъ толпами ходили обѣдать къ «Тетушкѣ Каде», славившейся своимъ фрикасе изъ кроликовъ, настоящей кислой капустой и легкимъ бѣлымъ виномъ, отдававшимъ минеральнымъ букетомъ.

Шонаръ расположился въ «боскетѣ», такъ важно называли у «Тетушки Каде» жиденькую зелень двухъ или трехъ худосочныхъ деревцовъ, съ болѣзненною листвою.

— Ну что-жь, тѣмъ хуже для нихъ, —сказалъ про себя Шонаръ, —я полакомлюсь и попирую въ одиночку.

Онъ заказалъ себѣ супъ, полъ-порціи кислой капусты и двѣ полъ-порціи знаменитаго фрикасе изъ кроликовъ; изъ опыта онъ зналъ, что если дробить порціи, то выигрываешь по крайней мѣрѣ четверть порціи въ цѣлой.

Такое роскошное требованіе обратило на Шонара взгляды молодой особы, одѣтой въ бѣлое, съ флеръ д-оранжемъ на головѣ и обутой въ бальныя туфли; вуаль въ жанрѣ поддѣлка подражанія спускалась на ея плечи, которымъ лучше-бы сохранять инкогнито подъ прикрытіемъ.

Это была пѣвица изъ театра Монпарнасса, кулисы котораго были въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ кухней «Тетушки Каде». Она пришла закусить во время антракта «Лючіи» и доѣдала въ этотъ моментъ, полу-порціями, обѣдъ, состоявшій исключительно изъ артишоковъ въ маслѣ и уксуса.

— Два фрикасе изъ кроликовъ!— сказала она тихонько дѣвушкѣ, прислуживавшей за лакея,—вотъ молодой человѣкъ, который любитъ хорошо поѣсть!... Сколько съ меня, Адель?

— Четыре су за артишоки, четыре за полъ-чашки и одно су за хлѣбъ. Всего девять су.

— Получите,—сказала пѣвица и вышла напѣвая:

«Вотъ любовь, что Богъ мнѣ далъ»...

— Ого! она показала *ля!*—сказалъ при этомъ таинственный незнакомецъ, сидѣвшій за однимъ столомъ съ Шонаромъ и полу-прикрытый барьеромъ изъ поставленной на столъ книги.

— Она его *показала?*—сказалъ Шонаръ,—я скорѣй думаю, что она его *спрятала*!... Она ничего не понимаетъ въ пѣніи,—сказавъ это, Шонаръ указалъ пальцемъ на тарелку, гдѣ «Лючія де-Ламмермуръ» ѣла свои артишоки,—послѣдній свой фальцетикъ маринуетъ въ уксусѣ.

— Дѣйствительно, это жестокая кислота,—прибавилъ начавшій разговоръ господинъ.—Это произведеніе Орлеана, и по справедливости пользуется большою извѣстностью.

Шонаръ внимательно разглядывалъ незнакомца, закидывавшаго ему удочки, чтобы начать разговоръ.

Пристальный взглядъ большихъ голубыхъ глазъ придавалъ его физіономіи выраженіе невозмутимаго спокойствія, замѣчаемаго у богослововъ. Лицо его

имѣло тонъ старой пожелтѣвшей слоновой кости, за исключеніемъ щекъ, которыя были какъ-бы присыпаны толченымъ кирпичемъ. Его ротъ былъ точно нарисованъ ученикомъ приготовительнаго класса, котораго при этомъ еще подтолкнули подъ локоть. Губы, немного по африкански вздернутыя, дозволяли видѣть зубы охотничьей собаки, а подбородокъ ложился двумя складками на бѣлый галстухъ, одинъ конецъ котораго стремился къ звѣздамъ, тогда какъ другой смотрѣлъ въ землю. Изъ подъ вытертой шляпы съ широчайшими полями каскадами выбивались бѣлокурые волосы. Одѣтъ онъ былъ въ пальто съ пелериной орѣховаго цвѣта; матерія пальто была шероховата, какъ терка, а оттопырившіеся карманы были переполнены свертками бумагъ и брошюрами.

Нисколько не стѣсняясь внимательными наблюденіями, которыхъ онъ былъ предметомъ, онъ лакомился приприправленной капустой, вслухъ выражая свое удовольствіе.

Во время ѣды онъ читалъ поставленную передъ нимъ книжку и дѣлалъ въ ней время отъ времени отмѣтки карандашемъ, засунутымъ за ухо.

— Ну что же!—вскричалъ вдругъ Шонаръ, стуча ножемъ по стакану,—когда же подадутъ мнѣ фрикасе изъ кроликовъ?

— Извините, — отвѣтила дѣвушка, пришедшая съ тарелкой въ рукахъ,—фрикасе больше не осталось. Вотъ послѣдняя порція, но она раньше заказана этимъ господиномъ,—прибавила она и поставила тарелку передъ господиномъ съ книжками.

— Ахъ, чортъ возьми!—вскричалъ Шонаръ.

Въ этомъ восклицаніи было столько разочарованія и грусти, что человѣкъ съ книгами былъ тронутъ до глубины души.

Онъ отодвинулъ загородку изъ книгъ, которая была между нимъ и Шонаромъ и, поставивъ тарелку съ фрикасе посрединѣ, сказалъ самымъ задушевнымъ голосомъ:

— Monsieur, осмѣлюсь предложить вамъ раздѣлить это блюдо со мною?

— Monsieur,—отвѣтилъ Шонаръ,—я не хочу васъ лишать его.

— Вы меня лишите удовольствія сдѣлать вамъ пріятное.

— Если это такъ, monsieur...—И Шонаръ выдвинулъ впередъ свою тарелку.

— Позвольте мнѣ не класть вамъ головку,—сказалъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, почему-же?—воскликнулъ Шонаръ,—это уже слишкомъ любезно...

Но, придвинувъ свою тарелку къ себѣ, онъ увидѣлъ, что незнакомецъ положилъ ему какъ разъ тотъ кусокъ, который онъ хотѣлъ оставить себѣ.

— Ну, ну! такъ вотъ она какова его любезность!—проворчалъ Шонаръ про себя.

— Если голова самая благородная часть тѣла у человѣка, - сказалъ незнакомецъ,—то въ кушаньѣ изъ кролика она самая непріятная. Очень много людей ее выносить не могутъ, но я, я ее обожаю!

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Шонаръ,—мнѣ очень прискорбно, что вы лишились ея изъ-за меня.

— Какъ?... извините, — сказалъ человѣкъ съ книгами, — головку я оставилъ себѣ. И я даже имѣлъ честь обратить ваше вниманіе на...

— Позвольте-же,—сказалъ Шонаръ, поднося свою тарелку подъ самый носъ, незнакомца,—по вашему, какой это кусокъ?

— Праведное небо! Что я вижу! боги!... Вторая головка!

— Этотъ кроликъ — бицефалъ!—вскричалъ незнакомецъ.

— Бице?...—переспросилъ Шонаръ.

— ... *фалъ*! *) Это съ греческаго. Дѣйствительно, Бюффонъ, (который носилъ манжеты) приводитъ примѣры такой игры природы. Ну что-жь! по

*) Двухголовый.

чести, я очень доволенъ, что ѣлъ чудо природы!...

Благодаря такому случаю, между ними завязался разговоръ. Шонаръ, который не хотѣлъ отстать въ любезности, потребовалъ добавочный литръ вина. Человѣкъ съ книжками потребовалъ второй. Шонаръ предложилъ салату, человѣкъ съ книжками—дессертъ.

Въ восемь часовъ вечера у нихъ стояло уже шесть выпитыхъ литровъ на столѣ. Разговаривая и потягивая бѣлое вино, они дошли до такой откровенности, что разсказали другъ другу свои біографіи и уже знали другъ друга такъ хорошо, какъ будто никогда не разставались.

Человѣкъ съ книжками, выслушавъ исповѣдь Шонара, сообщилъ ему, что его зовутъ Густавомъ Коллиномъ, что онъ занимается философіей и получаетъ средства, давая уроки математики, схоластики, ботаники и другихъ многихъ наукъ, оканчивающихся на «*ика*».

Небольшія деньги, какія онъ заработывалъ, бѣгая по урокамъ, Коллинъ тратилъ на покупку книгъ. Его пальто орѣховаго цвѣта было извѣстно всѣмъ книжникамъ и букинистамъ набережной отъ моста Согласія до моста Святого Михаила.

Что̀ онъ дѣлалъ со всѣми этими книгами, столь многочисленными, что одинъ человѣкъ во всю жизнь не могъ-бы ихъ прочесть, — не зналъ никто, а самъ онъ менѣе всѣхъ!

Эта слабость дошла у него до степени страсти и, если онъ, возвратившись домой, не приносилъ новой книжки, онъ, давая свой смыслъ извѣстной фразѣ Тита, говорилъ: «Я потерялъ мой день».

Его мягкія манеры и разговоръ, представлявшій смѣсь всѣхъ стилей и невозможные каламбуры, какими онъ уснащалъ свою рѣчь, до такой степени прельстили Шонара, что онъ тутъ же предложилъ Коллину прибавить его имя къ именамъ, внесеннымъ въ знаменитый списокъ, о которомъ мы уже говорили.

Они вышли отъ «Тетушки Каде» въ девять часовъ вечера, оба порядочно выпивши и пошатываясь, какъ люди, побесѣдовавшіе съ бутылками.

Коллинъ предложилъ Шонару кофе, а этотъ согласился подъ условіемъ, что возьметъ на себя доставить хмѣльное.

Они вошли въ кафе на улицѣ Сенъ-Жерменъ-Л'Оксеруа, носившее названіе «Момусъ», богъ Игръ и Смѣховъ.

Когда они входили въ кофейную, между двоими постоянными посѣтителями ея происходилъ жаркій споръ.

Одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ, фигура котораго была скрыта огромной разноцвѣтной бородой. Какъ противоположность этому обилію волосъ на подбородкѣ, преждевременная плѣшь оголила его голову какъ колѣно, и клочечки волосъ, столь рѣдкихъ, что ихъ можно было сосчитать, тщетно пытались прикрыть ея наготу.

Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ, вытертый на локтяхъ, и позволявшій видѣть, когда тотъ поднималъ руки, вентиляторы подъ мышками. Панталоны его были когда-то черными, но сапоги, которые никогда, казалось, не были новы, выглядѣли такъ, какъ будто бы они совершили нѣсколько разъ путешествіе пѣшкомъ вокругъ свѣта на ногахъ Вѣчнаго Жида.

Шонаръ замѣтилъ, что его новый другъ Коллинъ и молодой человѣкъ съ длинной бородой раскланялись.

— Вы знаете этого господина?— обратился онъ къ философу.

— Не совсѣмъ—отвѣтилъ тотъ, — я его встрѣчалъ нѣсколько разъ въ библіотекѣ. Я думаю, что это писатель.

— По крайней мѣрѣ онъ такъ одѣтъ,—прибавилъ Шонаръ.

Особа, съ которою спорилъ молодой человѣкъ, представляла изъ себя индивидуума лѣтъ сорока, обреченнаго умереть отъ апоплексическаго удара,

что доказывала его большая голова, посаженная безъ шеи прямо на плечи.

Идіотизмъ былъ написанъ крупными буквами на его вдавленномъ лбѣ, покрытомъ черной шапочкой. Онъ назывался г. Мутонъ и служилъ въ мэріи IV округа, гдѣ онъ велъ списки умершихъ.

— Господинъ Родольфъ,—кричалъ онъ голосомъ евнуха, тряся молодого человѣка, котораго онъ схватилъ за пуговицу сюртука,—хотите, чтобъ я вамъ высказалъ свое мнѣніе? Ну такъ вотъ, — всѣ газеты никуда не годятся. Слушайте, предположеніе: я отецъ семейства, не такъ-ли?.. хорошо... Я хочу сыграть въ кафе въ домино. Вы слѣдите за моей мыслью?..

— Дальше, дальше,—говорилъ Родольфъ.

— Ну такъ вотъ,—продолжалъ Мутонъ, отмѣчая каждую свою фразу ударами кулака по столу, такъ что дрожали кружки и стаканы на немъ.— Ну такъ вотъ! я заговорилъ о газетахъ... хорошо... Что я тутъ вижу? Одинъ говоритъ—бѣлое, другой говоритъ — черное, Та-ра-ра-та-ра!.. Что мнѣ отъ этого? Я хорошій отецъ семейства, который хочетъ...

— Сыграть въ домино, — сказалъ Родольфъ.

— И каждый вечеръ,—продолжалъ г. Мутонъ, — теперь предположеніе... вы понимаете?..

— Очень хорошо, — сказалъ Родольфъ.

— Я читаю статью, которая говоритъ противъ моихъ убѣжденій. Это меня бѣситъ, и я порчу себѣ кровь, потому что, видите ли, господинъ Родольфъ, всѣ газеты — это однѣ враки! Да, враки!—кричалъ онъ тонкимъ фальцетомъ, а журналисты — разбойники, пасквилянты!..

— Однако, господинъ Мутонъ...

— Да, разбойники, — продолжалъ чиновникъ.—Это отъ нихъ всѣ несчастія въ мірѣ! Отъ нихъ возникаютъ революціи, и они же дѣлаютъ фальшивыя ассигнаціи; доказательство— Мюратъ!

— Извините,—перебилъ Родольфъ, —вы хотѣли сказать Маратъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Мюратъ, такъ какъ я видѣлъ его похороны,—когда былъ маленькимъ...

— Я васъ увѣряю...

— Въ циркѣ даже и піеса такая есть!.. Вотъ!

— Ну хорошо, вѣрно,—сказалъ Родольфъ,—Мюратъ.

— Такъ о чемъ же я вамъ вдалбливаю цѣлый часъ?—кричалъ упрямый Мутонъ,—Мюратъ, который работалъ въ погребѣ. Ну, предположеніе. Развѣ Бурбоны не хорошо сдѣлали, что гильотинировали его, потому что онъ измѣнилъ.

— Кого?.. гильотинировали, измѣнилъ... Кто?—кричалъ Родольфъ, трясь въ свою очередь Мутона за пуговицу.

— Да Маратъ!

— Да нѣтъ же, нѣтъ, господинъ Мутонъ, Мюратъ!... Выслушаемъ же другъ друга, чортъ возьми!

— Конечно! Маратъ — мерзавецъ! Онъ измѣнилъ императору въ 1815 г. Вотъ почему я и говорю, что и всѣ газеты таковы же, — продолжалъ г. Мутонъ, возвращаясь къ старому.— Знаете-ли, чего бы я желалъ, господинъ Родольфъ? Вотъ предположеніе: я хотѣлъ бы хорошую газету... Такъ небольшую... Хорошо!.. И чтобы эта газета была безъ фразъ... Вотъ!

— Вы слишкомъ требовательны,— прервалъ Родольфъ, — журналъ безъ фразъ!

— Ну да! слѣдите за моей мыслью.

— Стараюсь.

— Газета, которая просто говорила бы о здоровьи короля и о происшествіяхъ въ мірѣ. Потому что въ чему же служатъ всѣ эти газеты, въ которыхъ ничего не поймешь? Предположеніе: я служу въ мэріи, не такъ ли? Я веду свои списки, прекрасно! Ну и вдругъ кто нибудь пришелъ бы

ко мнѣ и сказалъ бы: „господинъ Мутонъ, вы записываете умершихъ, ну такъ вотъ сдѣлайте то, сдѣлайте это!.. Ну что такое *это*? ну что такое *это*?.. Вотъ таковы-то и всѣ ваши газеты,— прибавилъ онъ въ заключеніе.

— Очевидно такъ!—сказалъ одинъ изъ сосѣдей, понявшій доводы г. Мутона.

И г. Мутонъ, получивъ сочувственные отзывы отъ нѣсколькихъ завсегдатаевъ, раздѣлявшихъ его мнѣнія, снова принялся за домино.

— Я ему указалъ его мѣсто,—сказалъ онъ, указывая на Родольфа, который повернулся, чтобы сѣсть за тотъ же столъ, гдѣ сидѣли Шонаръ и Коллинъ.

— Эдакій сычъ!—сказалъ Родольфъ, указавъ на чиновника.

— У него прекрасная голова съ вѣками въ родѣ кабріолетнаго верха и глазами, точно шарики отъ лото,—замѣтилъ Шонаръ, вынимая пенковую трубочку, великолѣпно обкуренную.

— Чортъ возьми, шонаръ,—сказалъ Родольфъ,—какая у васъ прелестная трубочка!

— У меня есть еще лучше, когда я хожу въ гости, въ свѣтъ,—отвѣтилъ небрежно Шонаръ,—дайте-ка мнѣ табаку, Коллинъ.

— Да у меня больше не осталось,— вскричалъ онъ.

— Позвольте вамъ предложить,— сказалъ Родольфъ, вынимая изъ кармана пачку съ табакомъ и кладя ее на столъ.

За эту любезность Коллинъ счелъ себя обязаннымъ потребовать все-что для всѣхъ.

Родольфъ согласился. Разговоръ перешелъ на литературу.

Родольфъ, профессія котораго была уже обнаружена его костюмомъ, признался, что онъ бесѣдуетъ съ музами и потребовалъ еще порцію угощенія на столъ.

Когда слуга налилъ стаканы, хотѣлъ унести бутылку обратно, онъ велѣлъ ему оставить ее на столѣ. Онъ услышалъ въ одномъ изъ кармановъ Коллина сребрезвучный дуэтъ двухъ пятифранковыхъ монетъ.

Родольфъ очень скоро дошелъ до той же степени возбужденія какъ два друга, и въ свою очередь тоже разсказалъ имъ все про себя.

Они просидѣли бы всю ночь въ кабачкѣ, если бы ихъ не попросили о выходѣ.

На улицѣ, чтобы сдѣлать только десять шаговъ, они употребили цѣлыхъ четверть часа, и вдругъ ихъ засталъ проливной дождь.

Коллинъ и Родольфъ жили на двухъ противоположныхъ окраинахъ Парижа, одинъ въ Иль-Сенъ-Луи, другой на Монмартрѣ.

Шонаръ, совершенно забывшій, что онъ остался безъ квартиры, предложилъ имъ зайти къ нему.

— Пойдемте ко мнѣ, я живу здѣсь близко, и мы прободтаемъ всю ночь о литературѣ и искусствѣ.

— Ты намъ сыграешь что нибудь, а Родольфъ будетъ декламировать свои стихи,—сказалъ Коллинъ.

— Ну, конечно! — прибавилъ Шонаръ, — надо веселиться, мы живемъ только одинъ разъ!

Подойдя къ своему дому, который Шонаръ узналъ не безъ труда, они присѣлъ на тумбу въ ожиданіи Коллина и Родольфа, зашедшихъ въ открытую еще винную лавочку, чтобы купить что нибудь къ ужину.

Когда тѣ пришли, Шонаръ постучалъ нѣсколько разъ въ дверь, смутно припоминая, что привратникъ всегда заставлялъ его ждать.

Дверь открылась, наконецъ, а Дюранъ, еще неочнувшійся отъ первыхъ сладкаго сна, забывъ, что Шонаръ уже не состоитъ его жильцомъ, нисколько не обеспокоился, когда тотъ сказалъ свое имя въ форточку.

Подъемъ на лѣстницу былъ очень долгъ и мученъ для друзей. Шонаръ, шедшій впереди, вскрикнулъ отъ боли

ленія, найдя въ своей двери засунутый ключъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ Родольфъ.

— Я тутъ ничего не понимаю, — бормоталъ Шонаръ,—ключъ отъ двери я унесъ сегодня утромъ съ собой, а онъ теперь торчитъ въ двери! Ну, да это мы сейчасъ увидимъ. Я его положилъ въ карманъ. Вотъ онъ! — вскричалъ Шонаръ,—показывая ключъ.

— Это—просто магія.

— Фантасмагорія, — сказалъ Коллинъ.

— Фантазія,—прибавилъ Родольфъ.

— Но,—снова началъ Шонаръ, и въ голосѣ его послышался ужасъ, — слышите вы?..

— Что?..

— Что такое?...

— Мое пьянино, оно само играетъ *до*, *ля*, *ми*, *ре*, *до*, *ля*, *си*, *соль*, *ре*... Проклятое *ре!* вѣчно будетъ врать!...

— Но это, конечно, не у васъ, — сказалъ Родольфъ, грузно навалившись на Шонара.

— Я тоже думаю. Во-первыхъ, это не пьянино, это флейта!

— Ну, вы выпили, мой другъ! — отвѣтилъ поэтъ философу, усѣвшемуся на площадкѣ лѣстницы, — это скрипка!...

— Скри!... Скажите, пожалуйста!... Шонаръ!—съ трудомъ выговаривалъ Коллинъ, хватая своего друга за ноги, — это хорошо! это очаровательно!... Онъ говоритъ, что это скри...

— Чортъ же побери, наконецъ! — вскричалъ Шонаръ, окончательно испуганный, — піанино все играетъ и играетъ! Это колдовство!...

— Фантасма....горія,—ворчалъ Коллинъ, роняя бутылку изъ рукъ.

— Фантазія,—блеялъ въ свою очередь Родольфъ.

Во время этой суматохи дверь комнаты неожиданно отворилась, и на порогѣ ея показалась фигура человѣка, держащаго въ рукѣ канделябръ о трехъ розовыхъ свѣчахъ.

— Что вамъ угодно, господа? — спросилъ онъ, вѣжливо кланяясь троимъ друзьямъ.

— Ахъ, Боже мой! что я сдѣлалъ?— вскричалъ Шонаръ, — я ошибся, это не здѣсь моя квартира!

— Monsieur, — обратились вмѣстѣ Коллинъ и Родольфъ къ человѣку, отворившему дверь,—извините великодушно нашего друга, онъ пьянъ до третьяго взвода.

Вдругъ проблескъ сознанія явился къ Шонару, онъ прочелъ на двери строчку, написанную мѣломъ:

«*Я была у васъ три раза за моимъ новогоднимъ подаркомъ.*

Феми».

— Вотъ, вотъ! дѣйствительно я пришелъ въ себя! — вскричалъ Шонаръ, — вотъ и визитная карточка Феми, которая приходила ко мнѣ въ новый годъ! Это моя дверь!

— Боже мой!—сказалъ Родольфъ,— я совершенно сконфуженъ.

— Повѣрьте, monsieur,—прибавилъ Коллинъ, — я совершенно раздѣляю смущеніе моего друга.

Молодой человѣкъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Не желаете-ли зайти ко мнѣ на минуту,—сказалъ онъ,—безъ сомнѣнія, вашъ другъ сознаетъ свою ошибку, когда увидитъ комнату.

— Охотно!

Поэтъ и философъ, взявши Шонара подъ руки, ввели его въ комнату, или вѣрнѣе во дворецъ Марселя, который, безъ сомнѣнія, читатель уже узналъ.

— Это удивительно, какъ украсилось мое обиталище!

— Ну, убѣдился ты теперь?—спросилъ его Коллинъ.

Но Шонаръ, увидя свое піанино, подошелъ къ нему и бралъ гаммы.

— Эй, вы! слушайте-ка!—говорилъ онъ, беря аккорды.

— Такъ! такъ! скотина узнала своего хозяина!.. *си*, *ля*, *соль*, *фа*, *ми*, *ре*!.. Чортово *ре*! ты вѣчно останешься

такимъ! Я-же вамъ говорилъ, что это мой инструментъ.

— Онъ настаиваетъ!—сказалъ Коллинъ Родольфу.

— Онъ настаиваетъ! — повторилъ Родольфъ Марселю.

— А вотъ это,—прибавилъ Шонаръ, указывая на юбку, усѣянную звѣздами, лежавшую на стулѣ,—можетъ быть, и это не мое украшеніе? А?..

И онъ посмотрѣлъ на Марселя, подойдя къ самому носу.

— А это?—продолжалъ онъ, снимая со стѣны повѣстку судебнаго пристава о выселеніи, о которой было говорено выше.

И онъ началъ читать:

«Вслѣдствіе вышеписаннаго, господинъ Шонаръ обязанъ очистить квартиру и сдать ее въ полной исправности восьмаго апрѣля до полудня. Объявляю ему это настоящей бумагой, пошлинъ пять франковъ».

— Ха, ха, ха! Такъ Шонаръ—это не я! Это не меня выселили черезъ пристава и взыскали пять франковъ гербовыхъ пошлинъ?..

— А вотъ это еще,—продолжалъ онъ, узнавши свои туфли на ногахъ Марселя,—это, конечно, не мои шлепанцы, работа дорогихъ для меня ручекъ на память?..

— Теперь ваша очередь, monsieur,—приступилъ онъ къ Марселю,—какъ вы объясните свое присутствіе у моихъ домашнихъ божествъ?..

— Господа! — обратился Марсель особо къ Коллину и Родольфу,—господинъ этотъ,—и онъ указалъ на Шонара,—господинъ этотъ у себя, я сознаюсь.

— А!—воскликнулъ Шонаръ,—наконецъ-то!..

— Но,—продолжалъ Марсель, — я тоже у себя!..

— Однако, monsieur,—прервалъ Родольфъ,—если нашъ другъ узнаетъ...

— Да! — продолжалъ Коллинъ,—если нашъ другъ?..

— И если вы, съ вашей стороны, припоминаете,—прибавилъ Родольфъ,—то какъ-же это случилось?..

— Да,—повторилъ Коллинъ,—какъ это... какъ это случилось?..

— Присядьте, пожалуйста, господа,—отвѣчалъ Марсель,—я вамъ разъясню эту тайну.

— А если мы немножко спрыснемъ это объясненіе?—спросилъ Коллинъ.

— И при этомъ закусимъ?—прибавилъ Родольфъ.

Четверо молодыхъ людей присѣли къ столу и аттаковали кусокъ холодной телятины, проданный имъ виноторговцемъ.

Марсель разсказалъ имъ, что произошло утромъ между нимъ и домохозяиномъ, когда онъ въѣзжалъ на квартиру.

— Ну тогда,—сказалъ Родольфъ,—этотъ господинъ совершенно правъ,—мы очутились у него.

— Вы находитесь у себя,—сказалъ вѣжливо Марсель.

Но, чтобы разъяснить Шонару все происшедшее, потребовались огромныя усилія. Смѣшной случай еще больше запуталъ положеніе.

Шонаръ, ища чего-то въ шкафу, нашелъ тамъ сдачу съ билета въ пятьсотъ франковъ, размѣненнаго Марселемъ утромъ у г. Бернара.

— Ну да! Я былъ въ этомъ совершенно увѣренъ!—вскричалъ онъ,—что случай меня не броситъ. Я припоминаю теперь... Я вышелъ сегодня утромъ, чтобы его поймать. Случай пришелъ ко мнѣ, когда меня не было дома. Мы съ нимъ разошлись, вотъ и все! Какъ я хорошо сдѣлалъ, что оставилъ въ шкафу ключъ.

— Пріятное заблужденіе! — бормоталъ Родольфъ, смотря, какъ Шонаръ укладывалъ монеты въ ровные столбики.

— Сновидѣніе! Обманъ! Вотъ какова жизнь!—прибавилъ философъ.

Марсель смѣялся.

Черезъ часъ они спали всѣ четверо.

На другой день въ полдень они про-

нулись и были сначала крайне удивлены, увидѣвъ себя вмѣстѣ.

Шонаръ, Коллинъ и Родольфъ не знавали другъ друга и обращались другъ къ другу на «вы». Понадобилось, чтобы Марсель напомнилъ имъ, что они пришли вчера всѣ вмѣстѣ.

Въ это время Дюранъ вошелъ въ комнату.

— Monsieur,—сказалъ онъ Марселю,—сегодня девятое апрѣля, тысяча восемьсотъ сорокового... на улицахъ грязь и его величество Людовикъ-Филиппъ по прежнему король Франціи и Наварры...Позвольте-ка!—воскликнулъ онъ, увидавъ своего стараго жильца,—господинъ Шонаръ! Какимъ образомъ вы прошли сюда?..

— По телеграфу, — отвѣчалъ Шонаръ.

— А скажите-ка вы,—снова началъ привратникъ,—вы еще и шутникъ!..

— Дюранъ,—сказалъ Марсель,—я не люблю, чтобы лакеи вмѣшивались въ мой разговоръ. Ступайте въ сосѣдній ресторанъ и велите принести сюда завтракъ на четыре персоны. Вотъ вамъ карточка, — прибавилъ онъ, подавая клочекъ бумаги съ обозначенными купаньями. —Ступайте!

— Господа,—обратился Марсель къ троимъ молодымъ людямъ,—вчера вы мнѣ предложили поужинать, позвольте мнѣ сегодня предложить вамъ завтракъ, не у меня, а *у васъ*,—прибавилъ онъ, указывая на Шонара.

Передъ окончаніемъ завтрака Родольфъ попросилъ слова.

— Господа, — сказалъ онъ, — позвольте мнѣ васъ покинуть.

— Ахъ, нѣтъ!—сказалъ разнѣжившись Шонаръ,—не будемъ разставаться никогда.

— Правда! Здѣсь очень хорошо!—прибавилъ Коллинъ.

— Покинуть васъ не на долго, — продолжалъ Родольфъ, — завтра долженъ выйти нумеръ «Повязки Ириды», моднаго журнала, главнымъ редакторомъ котораго я состою. Мнѣ надо прокорректировать оттиски, и черезъ часъ я возвращусь.

— Ахъ,чортъ!—сказалъКоллинъ,—это мнѣ напомнило, что и я долженъ идти давать урокъ индійскому принцу, пріѣхавшему въ Парижъ изучать арабскій языкъ!

— Вы завтра пойдете, — сказалъ Марсель.

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтилъ философъ,—принцъ долженъ платить мнѣ сегодня. И потомъ я вамъ признаюсь, что сегодняшній прекрасный день будетъ испорченъ для меня, если я не пройдусь немножко по рынку букинистовъ.

— Но, ты воротишься?—спросилъ Шонаръ.

— Съ быстротою стрѣлы, пущенной искусной рукою,—отвѣтилъ философъ, любившій вычурныя сравненія.

И онъ вышелъ съ Родольфомъ.

— Да что-жь я?—сказалъ Шонаръ, оставшись одинъ съ Марселемъ,—вмѣсто того, чтобы нѣжиться на подушкѣ бездѣлія, если-бъ я пошелъ поискать немного золота, чтобы удовлетворить алчности г. Бернара?

— Однако, — сказалъ Марсель съ безпокойствомъ, — вы всетаки хотите выѣзжать?

— Такъ какъ же,—отвѣтилъ Шонаръ, — поневолѣ приходится, когда выселенъ черезъ пристава и пять франковъ пошлины.

— Но, — продолжалъ Марсель, — если вы переѣдете, вы и мебель увезете?

— Имѣю такое намѣреніе: я не оставлю ни волоска, какъ говоритъ г. Бернаръ.

— Ахъ, чортъ! Это для меня неудобно,—сказалъ Марсель,—я нанялъ вашу комнату съ мебелью.

— Да, это дѣйствительно вѣрно,—отвѣчалъ Шонаръ.—Да вѣдь что-жь?—прибавилъ онъ меланхолически,—ничто не доказываетъ, чтобы я нашелъ семьдесятъ пять франковъ сегодня или завтра, или когда тамъ.

— А подождите-ка, — воскликнулъ Марсель,—у меня явилась мысль.

— Излагайте,—сказалъ Шонаръ.

— Положеніе вещей таково: по закону квартира принадлежитъ мнѣ, такъ какъ я заплатилъ за мѣсяцъ впередъ.

— Квартира—да; но мебель, если я заплачу, я возьму тоже по закону; и, если-бъ только могъ, я взялъ бы мебель экстра-законно!—сказалъ Шонаръ.

— Такъ что, — продолжалъ Марсель,—у васъ есть мебель безъ квартиры, а у меня—квартира безъ мебели.

— Именно!—сказалъ Шонаръ.

— А мнѣ эта квартира нравится,—прибавилъ Марсель.

— И мнѣ эта квартира нравится дальше-больше.

— Какъ вы сказали?

— Дальше-больше нравится. Я знаю, что говорю.

— Такъ мы это дѣло можемъ устроить, снова—началъ Марсель, — оставайтесь у меня; моя будетъ квартира, а ваша мебель.

— А прожитые мѣсяцы?—спросилъ Шонаръ.

— Такъ какъ теперь у меня есть деньги, то я за нихъ заплачу, слѣдующій разъ будетъ ваша очередь платить. Подумайте.

— Я никогда не думаю, въ особенности принимая пріятное предложеніе, я принимаю его сразу! По правдѣ сказать, живопись и музыка—сестры.

— Двоюродныя, — прибавилъ Марсель.

Въ это время возвратились Коллинъ и Родольфъ, встрѣтившіеся на дорогѣ.

Марсель и Шонаръ разсказали имъ о своей ассоціаціи.

— Господа!—воскликнулъ Родольфъ звеня карманомъ,— я предлагаю всей компаніи обѣдать.

— Какъ разъ это-же самое и я хотѣлъ имѣть честь предложить,—сказалъ Коллинъ, вынимая изъ кармана золотую монету и вставляя ее въ глазъ, какъ моноль.—Мой принцъ далъ мнѣ это, чтобы купить ему индо-арабскую грамматику, за которую я заплатилъ шесть су наличными.

—А я,—сказалъ Родольфъ,—я взялъ авансомъ у кассира «Повязки Ириды» тридцать франковъ, подъ предлогомъ, что мнѣ надо прививать себѣ оспу.

— Эге! такъ сегодня у васъ день сбора податей,—воскликнулъ Шонаръ, — только я при пиковомъ интересѣ, это грустно!

— Въ ожиданіи этого,—продолжалъ Родольфъ,—я поддерживаю мое предложеніе обѣда.

— И я также,—сказалъ Коллинъ.

— Ну такъ мы рѣшимъ это орлянкой,—догадался Родольфъ,—чей будетъ орелъ, тотъ и заплатитъ за обѣдъ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ Шонаръ,— я нашелъ лучшее, безконечно лучшее предложеніе, чтобы вывести васъ изъ затрудненій.

— Посмотримъ!

— Родольфъ заплатитъ за обѣдъ, а Коллинъ за ужинъ.

— Вотъ, что называется правосудіемъ Соломона!—сказалъ философъ.

— Это хуже, чѣмъ на свадьбѣ Гамаша,—добавилъ Марсель.

Обѣдъ состоялся въ провансальскомъ ресторанѣ улицы Дофина, знаменитомъ своими литературными слугами и своимъ *ayoli*. Такъ какъ надо было оставить мѣсто и для ужина, то пили и ѣли умѣренно.

Вчерашнее поверхностное знакомство между Коллиномъ и Шонаромъ, а потомъ съ Марселемъ стало короче; каждый изъ четверыхъ молодыхъ людей высказался подробно о своихъ взглядахъ на искусство, всѣ четверо увидали, что они люди одного духа и питаютъ одинаковыя надежды. Разговаривая и споря, они убѣдились, что у нихъ общія симпатіи, что всѣ они способны ловко отражать нападеніе шуткой, веселой безъ обиды, и что всѣ прекрасныя качества юности присущи ихъ сердцамъ, способнымъ приходить въ восторгъ, видя прекрасное или слыша о немъ.

Всѣ четверо войдя въ жизнь въ одно время, чтобы достигнуть одной цѣли, думали, что ихъ знакомство есть нѣчто большее, чѣмъ банальная случайность, и что оно могло быть направлено Провидѣніемъ, естественнымъ покровителемъ одинокихъ, которое соединило ихъ руки въ дружескомъ пожатіи и шепнуло имъ на ухо евангельское изреченіе, долженствующее стать закономъ для человѣчества: «Поддерживайте и любите другъ друга».

Подъ конецъ обѣда разговоръ принялъ тонъ по серьезнѣе.

Родольфъ всталъ, чтобы провозгласить тостъ за будущее, а Коллинъ ему отвѣтилъ маленькой рѣчью, которая не была заимствована ни изъ одной книги, совсѣмъ не блистала отдѣлкою и стилемъ, но говорила тою доброю путаницею наивности, что такъ хорошо понятна, несмотря на неискусство говорящаго.

— Ну ужь этотъ философъ!—ворчалъ Шонаръ, клюя носомъ въ стаканъ,—онъ меня заставляетъ разбавлять мое вино водою!..

Послѣ обѣда пошли пить кофе въ «Момусъ», гдѣ они провели вечеръ наканунѣ.

Съ этого дня кабачекъ сталъ необитаемъ для другихъ завсегдатаевъ.

Послѣ кофе и ликеровъ, союзъ богемы, окончательно заключенный, возвратился на квартиру Марселя, получившую названіе „*Элизіума* Шонара".

Пока Коллинъ заказывалъ обѣщанный ужинъ, другіе достали хлопушекъ, ракетъ и другихъ пиротехническихъ штукъ, и, прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, они пустили изъ окна великолѣпный фейерверкъ, переполошившій весь домъ, во время котораго они пѣли во все горло:

Прославимъ, прославимъ, прославимъ этотъ день!..

На другое утро они снова очутились вмѣстѣ, но на этотъ разъ уже не удивились.

Передъ тѣмъ, какъ разойтись каждому по своимъ дѣламъ, они сходились компаніей хорошенько позавтракать въ «Момусъ», гдѣ они сговаривались сходиться по вечерамъ, и гдѣ ихъ видѣли въ теченіе долгаго времени аккуратно приходившими ежедневно.

Таковы главныя лица, которыя будутъ появляться въ небольшихъ разсказахъ, составляющихъ эту книгу.

Это не романъ и не имѣетъ претензій больше, чѣмъ поставлено въ заглавіи, потому что «Сцены изъ жизни богемы» суть только этюды нравовъ въ дѣйствительности; герои этихъ разсказовъ принадлежатъ къ классу, о которомъ судятъ слишкомъ несправедливо и худо; ихъ самый большой недостатокъ—это безпорядокъ, но нельзя-ли сказать въ извиненіе этого безпорядка, что сама жизнь принуждаетъ ихъ къ тому.

II.

Посланный Провидѣніемъ.

Шонаръ и Марсель, съ утра принявшіеся усердно за работу, вдругъ прекратили ее.

— Чортъ возьми, какъ голодно!—сказалъ Шонаръ и прибавилъ небрежно,—а развѣ сегодня не завтракаютъ?

Марсель былъ очень удивленъ такимъ вопросомъ, болѣе чѣмъ когда-либо несвоевременнымъ.

— Съ котораго это времени завтракаютъ два дня подрядъ?—спросилъ онъ.—Вчера только былъ четвергъ.

И онъ дополнилъ свои слова, написавъ муштабелемъ церковное правило: «Въ пятницу мяса не ѣсть, равно, какъ и ничего другого».

Шонаръ не нашелся ничего отвѣтить на это и принялся за свою картину, изображавшую долину съ двумя деревьями, краснымъ и голубымъ, протягивавшими другъ къ другу свои вѣтви. Прозрачный намекъ на сладость

дружбы, во всякомъ случаѣ очень философичный.

Въ это время привратникъ постучалъ въ дверь. Онъ принесъ письмо Марселю.

— Это стоитъ три су, — сказалъ онъ.

— Да? вы въ этомъ увѣрены? — спросилъ Марселъ, — хорошо! вы самъ будете въ долгу.

И онъ заперъ дверь у него передъ носомъ.

Марсель распечаталъ письмо. Съ первыхъ же строкъ онъ началъ прыгать, какъ акробатъ, по матерски, во всю голову подпѣвая слѣдующій знаменитый романсъ, который онъ всегда пѣлъ въ высшихъ степеняхъ радости:

[illegible]
[illegible]
[illegible]
Рыдь, рыдь, рыдь...

— Ну, конечно, — сказалъ Шонаръ, продолжая.

[illegible]

— [illegible]

[illegible]

[illegible]

— [illegible], — сказалъ Шонаръ, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [

— Вотъ все, что я могъ найти,— сказалъ онъ печально.

— За этимъ не стоило и бѣгать,— сказалъ Шонаръ,—у насъ есть бумага, изъ которой можно надѣлать ихъ дюжину.

— Но,—воскликнулъ Марсель, хватая себя за волосы, — должны же у насъ быть какія нибудь вещи, что за чортъ!

И онъ принялся за тщательныя изысканія во всѣхъ углахъ двухъ комнатъ.

Черезъ часъ розыскавъ, онъ реализировалъ костюмъ слѣдующаго состава:

Шотландскіе панталоны.

Сѣрая шляпа.

Красный галстухъ.

Одна перчатка, когда-то бѣлая.

Одна перчатка черная.

— Перчатки, по нуждѣ, обѣ сойдутъ за черныя, — сказалъ Шонаръ. Но когда ты въ это одѣнешься, ты будешь похожъ на солнечный спектръ... Ну, да вѣдь ты—колористъ!

Въ это время Марсель примѣрялъ сапоги.

Неумолимая судьба! оба были на одну ногу!

Обезнадеженный артистъ увидалъ тогда въ углу старый сапогъ, въ который бросали пустые пузырьки отъ красокъ.

Онъ имъ воспользовался.

— Какъ Гаррикъ въ комической роли,—замѣтилъ сожитель-ироническъ,— одинъ сапогъ съ острымъ носкомъ, другой съ угловатымъ!

— Это не будетъ замѣтно, я ихъ покрою лакомъ.

— Идея! теперь тебѣ только не хватаетъ приличнаго чернаго сюртука.

— О!—сказалъ Марсель, кусая руки, — за одинъ сюртукъ я отдалъ-бы десять лѣтъ жизни и правую руку!...

Въ дверь снова послышался стукъ. Марсель открылъ.

— Здѣсь господинъ Шонаръ? — спросилъ незнакомецъ, остановясь на порогѣ.

— Это я, — отвѣчалъ художникъ, прося его войти.

— Господинъ Шонаръ, — сказалъ незнакомецъ, почтенная фигура типичнаго провинціала,—мой кузенъ мнѣ много говорилъ о вашемъ талантѣ въ портретной живописи. Такъ какъ я долженъ скоро уѣхать въ колоніи, куда я назначенъ делегатомъ отъ сахарныхъ заводчиковъ въ Нантѣ, то я хотѣлъ-бы оставить память обо мнѣ моей семьѣ. Вотъ почему я къ вамъ и пришелъ.

— О, святое Провидѣніе!—прошепталъ Шонаръ, — Марсель, дай стулъ господину.

— Я Бланшеронъ,—рекомендовался незнакомецъ,—Бланшеронъ изъ Нанта, делегатъ отъ сахарной промышленности, бывшій мэръ въ В..., капитанъ національной гвардіи и авторъ брошюры о сахарномъ вопросѣ.

— Я очень польщенъ, что вашъ выборъ упалъ на меня,—говорилъ артистъ, раскланиваясь передъ делегатомъ отъ сахарозаводчиковъ.—Какой портретъ вы желаете?

— Миніатюрный, вотъ какъ этотъ,— отвѣчалъ г. Бланшеронъ, указывая на одинъ изъ масляныхъ портретовъ, — потому что для уполномоченныхъ, какъ и для многихъ другихъ, все, что не стѣнная живопись, то и миніатюра; середины нѣтъ.

Эта наивность сразу показала Шонару, съ какимъ простакомъ онъ имѣетъ дѣло, особенно, когда тотъ еще прибавилъ, что желалъ-бы портретъ, написанный самыми лучшими красками.

— Я дешевыхъ красокъ никогда не употребляю,—сказалъ Шонаръ,— въ какую величину желаете вы портретъ?

— Да вотъ такой,— отвѣтилъ господинъ Бланшеронъ, показывая.—И сколько это будетъ стоить?

— Отъ пятидесяти до шестидесяти франковъ; пятьдесятъ безъ рукъ, шестьдесятъ съ руками.

— А мой кузенъ говорилъ, что тридцать франковъ!

— Это, смотря по сезону, — отвѣчалъ художникъ, — краски въ иное время страшно дорожаютъ.

— Значитъ, все одно, какъ сахаръ?

— Совершенно также!

— Такъ идетъ за пятьдесятъ франковъ, — сказалъ г. Бланшеронъ.

— Вы ошибаетесь, за десять лишнихъ франковъ у васъ будутъ руки, въ которыхъ я напишу вашу брошюру о сахарномъ вопросѣ; это будетъ важнѣе.

— Вы совершенно правы.

— Чортъ возьми, — сказалъ про себя Шонаръ, — если онъ будетъ еще продолжать, я лопну отъ смѣха и обижу его.

— Ты замѣтилъ — шепнулъ ему на ухо Марсель.

— Что?

— Онъ въ черномъ сюртукѣ.

— Понялъ и соображаю, что предпринять. Дай мнѣ дѣйствовать.

— Ну такъ когда-же мы начнемъ — спросилъ делегатъ, — медлить нельзя, такъ какъ я скоро уѣзжаю.

— Мнѣ тоже предстоитъ небольшая поѣздка; послѣ завтра я уѣзжаю изъ Парижа. Такъ, что мы можемъ, если вы желаете, начать сейчасъ-же. Хорошій сеансъ подвинетъ работу.

— Но вѣдь скоро уже и стемнѣетъ, замѣтилъ г. Бланшеронъ, а при огнѣ писать нельзя.

— Моя мастерская такъ устроена, что въ ней можно работать во всякое время, — отвѣчалъ художникъ. — Если бы вы сняли вашъ сюртукъ и сѣли въ позу, мы сейчасъ начнемъ.

— Снять сюртукъ? Зачѣмъ это?

— Вѣдь вы мнѣ сказали, что предназначаете этотъ портретъ для вашего семейства?

— Конечно.

— Тогда вы должны быть изображены въ вашемъ домашнемъ костюмѣ, въ халатѣ. Это всеобщій обычай.

— Но у меня нѣтъ здѣсь халата.

— У меня есть халатъ. Это у меня предусмотрѣно, — сказалъ Шонаръ, — подавая своей «натурѣ» какое-то лохмотье, испачканное масляными красками, заставившее почтеннаго провинціала поколебаться взять его.

— Вотъ странная одежда! — сказалъ онъ.

— Это очень дорогая вещь, — отвѣчалъ художникъ, — эту вещь одинъ турецкій визирь подарилъ Орасу Верне, который подарилъ ее мнѣ. Я ученикъ его.

— Вы ученикъ Ораса Верне? - переспросилъ г. Бланшеронъ.

— Да, monsieur, и я этимъ горжусь... Ужасъ! — пробормоталъ онъ про себя, — я дѣлаюсь вѣроотступникомъ!

— И есть чѣмъ гордиться, молодой человѣкъ! — отвѣчалъ делегатъ, надѣвая халатъ, имѣвшій такое высокое происхожденіе.

— Повѣсь сюртукъ въ платяной шкафъ! — сказалъ Шонаръ другу, выразительно подмигнувъ.

— Слушай, — пробормоталъ тихо Марсель, бросаясь на добычу, — онъ очень добръ; если-бъ ты отъ него урвалъ кое-что?

— Постараюсь, но теперь не то; одѣвайся живѣе и уходи. Приходи въ десять часовъ, я его задержу до тѣхъ поръ. Въ особенности, принеси мнѣ что нибудь поѣсть.

— Я тебѣ принесу ананасъ, — сказалъ Марсель.

Онъ быстро одѣлся, сюртукъ сидѣлъ на немъ очень хорошо; потомъ онъ ушелъ черезъ вторую дверь.

Шонаръ принялся за работу. Скоро и стемнѣло; г. Бланшеронъ услышалъ, какъ било шесть часовъ и вспомнилъ, что онъ еще не обѣдалъ. Онъ сказалъ объ этомъ художнику.

— Я нахожусь въ совершенно такомъ же положеніи, но, чтобы угодить вамъ, я готовъ сегодня обойтись безъ него, хотя я и былъ приглашенъ на обѣдъ въ предмѣстьи Сенъ-Жерменъ, — сказалъ Шонаръ. — Мы не должны пре-

рывать теперь работу, потому что это повредитъ сходству.

И онъ снова принялся за дѣло.

— А теперь,—сказалъ онъ вдругъ,— мы можемъ безъ вреда и пообѣдать. Внизу тутъ есть превосходный ресторанъ, откуда намъ пришлютъ все, что мы пожелаемъ.

И Шонаръ услыхалъ тріо въ желудкѣ.

— Я раздѣляю вашу идею,—отвѣчалъ г. Бланшеронъ,—и за вашу любезность я надѣюсь, что вы сдѣлаете мнѣ честь составить мнѣ компанію за обѣдомъ.

Шонаръ поклонился.

— Вотъ, — сказалъ Шонаръ про себя,—это добрый человѣкъ, настоящій посланецъ Провидѣнія!.. Изволите сами заказать обѣдъ? — обратился онъ къ своему амфитріону.

— Вы меня очень обяжете, если возьмете эту заботу на себя,—отвѣтилъ тотъ вѣжливо.

— Ты въ этомъ раскаешься!—подпѣвалъ художникъ, сбѣгая съ лѣстницы черезъ четыре ступеньки.

Онъ вошелъ къ ресторатору, всталъ къ конторкѣ и написалъ меню, которое заставило поблѣднѣть Вателя изъ лавочки.

— И бордо, по обыкновенію.

— А кто же заплатитъ?

— По всѣмъ вѣроятіямъ не я, — отвѣчалъ Шонаръ,—но мой дядя, котораго вы увидите у меня на верху. Тонкій гастрономъ!.. Такъ что вы постарайтесь ему угодить, и чтобы все было готово черезъ полчаса и подано непремѣнно на фарфорѣ.

. . . . . .

Въ восемь часовъ г. Бланшеронъ почувствовалъ уже необходимость излить дружеской душѣ свои мысли о сахарномъ производствѣ и прочелъ Шонару брошюру, которую онъ написалъ.

Шонаръ аккомпанировалъ этому чтенію на піанино.

Въ десять часовъ г. Бланшеронъ и его другъ плясали галопъ и обращались другъ къ другу на «ты».

Въ одиннадцать часовъ они рѣшили никогда другъ съ другомъ не разставаться и сдѣлали каждый по завѣщанію, гдѣ отказали взаимно другъ другу все свое имущество.

Въ полночь Марсель воротился и нашелъ ихъ въ объятіяхъ другъ друга. Они плакали навзрыдъ и въ мастерской натекло воды на полдюйма.

Марсель наткнулся на столъ и увидалъ великолѣпныя развалины роскошнаго пира; онъ заглянулъ въ бутылки — онѣ были совершенно пусты.

Онъ хотѣлъ разбудить Шонара, но тотъ погрозилъ убить его, если онъ захочетъ похитить отъ него г. Бланшерона, на котораго улегся, какъ на подушку.

— Неблагодарный!—сказалъ Марсель, вынувъ изъ кармана сюртука горсть орѣховъ, -- а я еще принесъ тебѣ обѣдать!..

III.

Любовь въ посту.

Вечеромъ въ посту Родольфъ воротился домой пораньше, съ намѣреніемъ поработать. Но едва только онъ усѣлся за столъ и опустилъ перо въ чернильницу, какъ былъ отвлеченъ, странными звуками, и, приложивъ ухо къ тонкой перегородкѣ, раздѣлявшей его комнату отъ сосѣдней, онъ услыхалъ и явственно понялъ разговоръ, прерываемый поцѣлуями и другими страстными звуками.

— Ахъ, чортъ! — подумалъ Родольфъ, посмотрѣвъ на часы,—еще не поздно... а моя сосѣдка такая Джульетта, которая отпускаетъ отъ себя своего Ромео гораздо позже пѣнія пѣтуховъ. Сегодня мнѣ не дадутъ работать.

И, взявъ свою шляпу, онъ ушелъ.

Когда онъ хотѣлъ повѣсить ключъ отъ комнаты у привратника, то не-

ожиданно засталъ жену привратника въ объятіяхъ какого-то любезника. Бѣдная женщина такъ была сконфужена, что цѣлыхъ пять минутъ не была въ состояніи отворить двери.

— Бываютъ, значитъ, минуты,— подумалъ Родольфъ,—когда и привратницы снова становятся женщинами.

Отворивъ дверь, онъ нашелъ въ уголку пожарнаго и кухарку, пожимавшихъ другъ другу руки и увѣрявшихъ во взаимной любви.

— Ишь ихъ!—сказалъ Родольфъ о солдатѣ и его плотной подругѣ,—вотъ еретики, вовсе не думающіе, что у насъ постъ.

Онъ пошелъ къ пріятелю, жившему неподалеко.

— Если Марсель дома, — говорилъ онъ самъ себѣ,—мы проведемъ вечеръ, злословя про Коллина. Надо-же что нибудь дѣлать.

Онъ сильно постучалъ въ дверь, которая только полуотворилась, и молодой человѣкъ, чрезвычайно легко одѣтый только въ рубашку и съ лорнетомъ въ глазу, выглянулъ изъ нея.

— Я не могу тебя принять,—сказалъ онъ Родольфу.

— Почему?—спросилъ этотъ.

— Смотри!—сказалъ Марсель, указывая на появившуюся на занавѣскѣ тѣнь женской головы, — вотъ мой отвѣтъ!

— Некрасивый отвѣтъ!—отвѣчалъ Родольфъ, передъ носомъ котораго дверь захлопнулась.

— Такъ какъ-же? — сказалъ Родольфъ про себя, когда очутился на улицѣ,—что-же предпринять?.. Еслибы я пошелъ къ Коллину? мы-бы позлословили о Марселѣ!

Переходя Западную улицу, обыкновенно темную и безлюдную, Родольфъ разглядѣлъ тѣнь, меланхолически прогуливающуюся и бормочущую про себя стихи.

— Хе, хе! — сказалъ Родольфъ,— это еще что за поэтъ, ломающій себѣ ноги въ ожиданіи?.. Ба! это Коллинъ!

— Ба! это Родольфъ! Куда ты идешь?

— Къ тебѣ.

— Ты меня не застанешь дома.

— Что-же ты здѣсь дѣлаешь?

— Жду.

— И чего ты здѣсь ждешь?

— Ахъ! — сказалъ Коллинъ съ комическимъ одушевленіемъ, — кого ждутъ, будучи двадцатилѣтнимъ юношей, когда свѣтятъ звѣзды на небѣ, и слышатся пѣсни въ воздухѣ!

— Говори прозой.

— Я жду женщину.

— Ну такъ добраго вечера!—сказалъ Родольфъ.

Онъ продолжалъ свою дорогу, разговаривалъ самъ съ собою.

— Что за штука? не праздникъ-ли Купидона сегодня? Нельзя сдѣлать шагу, чтобы не наткнуться на влюбленныхъ! Это безнравственно и скандально! Чего смотритъ полиція?

Люксембургъ былъ еще открытъ, и Родольфъ вошелъ въ него, чтобы сократить себѣ дорогу.

На пустынныхъ аллеяхъ онъ часто замѣчалъ таинственныя парочки, испуганныя звукомъ его шаговъ и искавшія, по словамъ поэта, двойной прелести тишины и мрака.

— Вотъ вечеръ, — сказалъ Родольфъ, — точно скопированный изъ романа!

Однако, противъ своей воли, и самъ онъ вдругъ былъ проникнутъ какой-то сладкой истомой. Онъ сѣлъ на скамейку и устремилъ сантиментальный взоръ на луну.

Черезъ нѣсколько времени имъ вполнѣ овладѣла какая-то лихорадка, полная видѣній.

Ему показалось, что всѣ мраморные боги и герои, поставленные въ саду, сошли съ своихъ пьедесталовъ, чтобы поухаживать за сосѣдними богинями и героинями.

Онъ очень ясно разслышалъ огромнаго Геркулеса, декламировавшаго мадригалъ Велледѣ, туника которой по-

казалась Родольфу сильно укороченной.

Со скамейки, гдѣ онъ сидѣлъ, онъ увидѣлъ, какъ лебедь въ бассейнѣ сталъ подплывать къ одной изъ нимфъ.

— Прекрасно!—сказалъ Родольфъ, вѣрившій во всю эту миѳологію,—вотъ и Юпитеръ отправился на свиданіе съ Ледой. Только ихъ не поймалъ бы садовый сторожъ!

Онъ склонилъ голову на руки и замечтался еще больше, но въ этотъ очаровательный моментъ грезъ былъ неожиданно разбуженъ сторожемъ, трясшимъ его за плечо.

— Пора выходить, господинъ,—говорилъ онъ.

— Это хорошо, — подумалъ Родольфъ.—Еслибъ я остался здѣсь еще на пять минутъ, въ моемъ сердцѣ было бы болѣе «*фергисс-мейнъ-нихтовъ*», чѣмъ на всемъ Рейнѣ или въ романахъ Альфонса Карра.

Вставъ, онъ поспѣшно вышелъ изъ сада, напѣвая про себя сантиментальный романсъ, бывшій для него Марсельезой любви.

Черезъ полчаса, — я не знаю уже, какъ,—онъ очутился на *Прадо* сидѣвшимъ за столикомъ передъ пуншемъ и разговаривавшимъ съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, отличавшимся большимъ носомъ, который имѣлъ странное свойство выглядѣть орлинымъ въ профиль и вздернутымъ, если смотрѣть прямо.

Это былъ важный носъ, не безъ ума, и имѣвшій достаточно любовныхъ приключеній, чтобы умѣть дать по этой части хорошій совѣтъ и быть полезнымъ другу.

— Итакъ, — говорилъ Александръ Шонаръ, человѣкъ съ замѣчательнымъ носомъ,—вы влюблены.

— Да, мой другъ... это со мной только сейчасъ произошло, неожиданно, точно какъ въ сердцѣ у меня жестоко заболѣли зубы!..

— Передайте мнѣ табакъ,—сказалъ Александръ.

— Вообразите, — продолжалъ Родольфъ,—цѣлые два часа я встрѣчаю только влюбленныхъ, мужчинъ и женщинъ, все парами. Мнѣ вздумалось зайти въ Люксембургскій садъ, гдѣ мнѣ привидились разныя фантасмагоріи; это необыкновенно взволновало мнѣ сердце. Въ головѣ толпятся элегіи, я блею и воркую, я превращаюсь на половину въ ягненочка, на половину въ голубка. Посмотрите пожалуйста, не выросло ли на мнѣ шерсти и перьевъ?

— Чего вы такого выпили?—сказалъ Александръ нетерпѣливо, — вы напускаете на себя.

— Увѣряю васъ, что я совершенно спокоенъ,—отвѣчалъ Родольфъ,—то-есть... нѣтъ... Мы обойдемъ кругомъ танцовальной залы, и къ той, на которую я укажу, вы идите и скажите, что я ее люблю.

— А почему же это вы сами не хотите сказать ей это?—спросилъ онъ своимъ носовымъ басомъ.

— Ахъ, мой другъ,—отвѣчалъ Родольфъ,—увѣряю васъ, что я совершенно забылъ.

— Ахъ,—отвѣчалъ Родольфъ,—я хотѣлъ бы, чтобъ у нея были бѣлыя перчатки и голубые глаза.

— Ахъ, чортъ!.. Голубые глаза еще, пожалуй, есть... а вотъ бѣлыя перчатки... Вы знаете, что нельзя всего имѣть сразу... Однако, пойдемъ въ отдѣленіе аристократіи.

— Посмотрите,—сказалъ Родольфъ, войдя въ залу, гдѣ находились мѣстныя красавицы,—вотъ одна, мнѣ кажется, недурна...—и онъ указалъ на молодую дѣвушку, довольно мило одѣтую, сидѣвшую въ уголку.

— Хорошо,—отвѣчалъ Александръ, —подождите немного.

Въ теченіе десяти минутъ Александръ разговаривалъ съ дѣвушкой, которая время отъ времени покатывалась со смѣху.

— Ахъ, Боже мой!—начала молодая дѣвушка, когда Родольфъ сѣлъ возлѣ

нея, — какой этотъ вашъ пріятель смѣшной! У него голосъ, точно охотничій рогъ.

— Это потому, что онъ музыкантъ,— отвѣчалъ Родольфъ.

Два часа спустя Родольфъ и его собесѣдница остановились передъ домомъ на улицѣ Сенъ-Дени.

— Вотъ здѣсь я живу,—сказала молодая дѣвушка.

— Такъ когда-же, милая Луиза, и гдѣ мы снова увидимся?

— У васъ, завтра вечеромъ, въ восемь часовъ.

— Правда?

— Вотъ мое ручательство—отвѣтила Луиза, приближая свои свѣженькія щечки къ Родольфу, который даже укусилъ слегка это молодое и крѣпенькое яблочко.

Родольфъ возвратился къ себѣ точно пьяный или помѣшанный.

— О!—восклицалъ онъ ходя большими шагами по комнатѣ.—Это такъ пройти не можетъ! я долженъ написать стихи!

На другое утро его привратникъ нашелъ въ комнатѣ десятка три листковъ бумаги, на которыхъ въ заголовкѣ величественно красовался этотъ единственный александрійскій стихъ:

„О Амуръ! о, Амуръ! повелитель юныхъ!..

На другой день Родольфъ, противъ обыкновенія, проснулся очень рано и, несмотря на то, что мало спалъ, всталъ тотчасъ-же.

— Ахъ,—воскликнулъ онъ,—такъ это сегодня великій день!..

Но двѣнадцать часовъ ожиданія!.. Чѣмъ я наполню эти двѣнадцать вѣчностей?..

Его взглядъ упалъ на письменный столъ; ему показалось, что его перо трепещетъ какъ бы говоря: «Работай!»..

— Еще-бы! да! работай!.. прозаическая труха!... Я не могу оставаться даже здѣсь,—здѣсь чернилами воняетъ!..

Онъ пошелъ въ такое кафе, гдѣ былъ увѣренъ, что не встрѣтитъ никого изъ знакомыхъ.

— Они замѣтятъ, что я влюбленъ,— думалъ онъ,—и раньше распишутъ мнѣ мой идеалъ.

Пообѣдавъ очень легко, онъ побѣжалъ на желѣзную дорогу и сѣлъ въ вагонъ.

Черезъ полъ часа онъ былъ въ лѣсу Виль-д'Авре.

Родольфъ прогуливался цѣлый день, отдавшись возрождающейся природѣ, и воротился въ Парижъ только въ сумерки.

Прибравши хорошенько храмъ, въ которомъ онъ долженъ былъ принять свое божество, Родольфъ одѣлся прилично случаю и очень жалѣлъ, что не могъ одѣться во все бѣлое.

Потомъ, по своей привычкѣ, онъ размечтался уже о глубокой страсти, о любви въ десяти томахъ, о настоящей лирической поэмѣ съ луннымъ свѣтомъ, солнечными закатами, свиданіями подъ ивами, ревностями, вздохами и всѣмъ остальнымъ.

Съ нимъ приключалось это каждый разъ, какъ случай сближалъ его съ женщиной, и ни одна не оставила его, не бывъ награжденной ореоломъ на челѣ и ожерельемъ изъ слезъ на шеѣ.

— Имъ больше нравилась-бы шляпка или ботинки! говорили ему друзья.

Но Родольфъ не соглашался съ этимъ, и до сихъ поръ многочисленные уроки, данные ему, не вылѣчили его.

Онъ всегда ожидалъ женщину, готовый возвести ее въ божество, какъ ангела въ атласной юбкѣ, которому онъ можетъ посвящать сонеты, писанные на ивовыхъ листочкахъ.

Наконецъ Родольфъ услышалъ, какъ бьетъ «часъ», и когда послѣдній ударъ еще не замолкъ въ часахъ, въ тотъ же моментъ въ дверь два раза робко стукнули.

Родольфъ отперъ, это была Луиза.

. . . . . .

Нѣсколько дней спустя, Родольфъ встрѣтилъ на улицѣ одного изъ своихъ друзей.

— Что ты, однако, дѣлаешь? —

спросилъ пріятель,—тебя нигдѣ не видать...

— Я поэтизирую на интимныя темы,—отвѣчалъ Родольфъ.

Несчастный говорилъ правду. Онъ требовалъ отъ Луизы больше, чѣмъ она могла дать. Простушка, она вовсе не была поэтична. Она говорила, такъ сказать, простымъ языкомъ банальной моды, тогда какъ Родольфъ непремѣнно хотѣлъ высокаго стиля поэзіи въ любви.

Изъ-за этого они вовсе не понимали другъ друга...

Недѣлю спустя, на томъ же самомъ публичномъ балу, гдѣ она нашла Родольфа... Луиза встрѣтила бѣлокураго молодого человѣка, пригласившаго ее нѣсколько разъ на танцы и въ концѣ вечера увезшаго ее къ себѣ.

Луиза попросила у него бумаги и чернилъ, и написала Родольфу слѣдующее письмо:

«Не расщитывай на меня вовсѣ, я целую тебя въ последней разъ. Прощай.

Луиза».

Родольфъ прочелъ это письмо вечеромъ, воротясь домой; свѣчка его вдругъ погасла.

— Постой-ка!—сказалъ Родольфъ задумчиво,—это та самая свѣчка, что я зажегъ въ тотъ вечеръ, какъ Луиза пришла ко мнѣ въ первый разъ; она погасла вмѣстѣ съ нашей любовью. Если-бъ я это зналъ, то выбралъ-бы свѣчку подлиннѣе,—прибавилъ онъ полудосадливо, полусожалительно, — и спряталъ письмо своей подруги въ ящикъ, который онъ называлъ иногда усыпальницею своихъ страстей.

Однажды, будучи у Марселя, Родольфъ поднялъ съ земли, чтобы закурить трубку, лоскутокъ бумаги, на которомъ онъ узналъ почеркъ и правописаніе Луизы.

— У меня тоже есть,—сказалъ онъ другу,—автографъ этой особы; только въ моемъ на двѣ ошибки менѣе, чѣмъ въ твоемъ. Не доказываетъ ли это, что меня она больше любила, чѣмъ тебя?..

— Это доказываетъ, что ты простофиля,—отвѣчалъ ему Марсель,—бѣленькія плечики и хорошенькія ручки не имѣютъ надобности знать грамматику!..

IV.

Али-Родольфъ или турокъ по неволѣ.

Потерпѣвъ изгнаніе отъ негостепріимнаго хозяина, Родольфъ велъ жизнь болѣе скитальческую, чѣмъ тучки небесныя, усердно совершенствуясь въ искусствѣ спать не ужинавши и ужинать не спавши. Его поваръ именовался «Случаемъ», и онъ часто ночевалъ въ обширной гостинницѣ «Прекрасной Звѣзды».

Однако, были двѣ вещи, не покидавшія Родольфа во время его трудныхъ странствованій,—это были его беззаботность и рукопись «Мстителя», драмы, полежавшей во всѣхъ пріютахъ драматическаго искусства въ Парижѣ.

Однажды Родольфъ былъ отведенъ подъ арестъ за слишкомъ свободные танцы и встрѣтился въ полиціи носъ къ носу со своимъ дядей Монетти, по ремеслу печникомъ, служившимъ сержантомъ національной гвардіи, и котораго Родольфъ не видалъ цѣлую вѣчность.

Тронутый несчастіями своего племянника, дядя Монетти обѣщалъ улучшить его положеніе, и мы увидимъ, какимъ образомъ, если читатель не испугается восхожденія на шестой этажъ.

Возьмемтесь же за перила и будемъ подниматься по лѣстницѣ. Уфъ! Сто двадцать пять ступеней. Мы пришли.

Одинъ шагъ впередъ — и мы въ комнатѣ; еще одинъ шагъ—и мы уже не будемъ въ ней. Это тѣсно; но это высоко; въ концѣ-концовъ — чистый воздухъ и прекрасный видъ!..

Обстановка состоитъ изъ нѣсколькихъ прусскихъ каминовъ, двухъ печей, экономическихъ плитъ, особенно

экономичныхъ, когда въ нихъ не разводить огня, дюжины трубъ изъ красной глины и толя и кучи принадлежностей отопленія.

Упомянемъ еще, чтобы закончить перечисленіе инвентаря, гамакъ, повѣшенный на гвоздяхъ въ стѣнѣ, садовый стулъ безъ ножки, подсвѣчникъ, и другія разныя художественныя и затѣйливыя вещи.

Другая комната—балконъ; два чахлыхъ кипариса въ горшкахъ лѣтомъ превращаютъ его въ паркъ.

Въ моментъ, когда мы входимъ, обитатель комнаты, молодой человѣкъ, одѣтый туркомъ изъ оперетки, кончаетъ обѣдъ, которымъ нахально оскорбляетъ законъ пророка, такъ какъ въ немъ замѣчается голая кость отъ окорока и пустая винная бутылка.

Окончивъ обѣдъ, турокъ по восточному располагается на полу, съ видомъ нѣги закуриваетъ наргиле съ маркою «I. G». Весь отдаваясь сладкому азіатскому отдыху, онъ время отъ времени гладитъ рукой по спинѣ великолѣпнаго сенбернарда, который, безъ сомнѣнія, отвѣтилъ бы на ласки, еслибъ не былъ сдѣланъ изъ глины.

Вдругъ звукъ шаговъ слышится въ корридорѣ, и дверь въ комнату отворяется, пропуская человѣка, который, не говоря ни слова, идетъ прямо къ печкѣ, служащей конторкой, отворяетъ дверцу, вытаскиваетъ оттуда свертокъ бумагъ и разсматриваетъ ихъ со вниманіемъ.

— Какъ?—воскликнулъ вновь вошедшій съ сильнымъ пьемонтскимъ акцентомъ,—ты еще не окончилъ главу о *душникахъ?*

— Позвольте дядюшка,—отвѣчалъ турокъ, — глава о душникахъ самая интересная въ вашей книгѣ и требуетъ внимательнаго изученія. Я изучаю этотъ вопросъ.

— Но ты, несчастный, постоянно говоришь мнѣ одно и тоже! А глава о калориферахъ? гдѣ она?

— Калориферы скоро будутъ. Но, дядюшка, кстати: было бы не дурно, еслибъ вы могли дать мнѣ немного дровъ! Здѣсь просто маленькая Сибирь. Мнѣ такъ холодно, что отъ одного моего взгляда термометръ падаетъ ниже нуля.

— Какъ? ты уже успѣлъ сжечь вязанку хворосту?

— Позвольте, дядюшка, есть вязанка и вязанка, а ваша была очень маленькая.

— Я пришлю тебѣ экономическое полѣно,—оно сохраняетъ тепло.

— Потому, навѣрное, оно и не даетъ его.

— Ну, хорошо, — сказалъ пьемонтецъ, уходя,—я пришлю тебѣ небольшую вязанку дровъ. Но я хочу, чтобы моя глава о калориферахъ была готова завтра.

— Когда у меня затопится печка, это меня вдохновитъ,—сказалъ турокъ, котораго снова заперли на замокъ.

Еслибъ мы писали трагедію, то вотъ моментъ, чтобы явиться наперснику. Онъ назывался бы Нуреддиномъ или Османомъ, приблизился бы къ нашему герою съ скромнымъ и вмѣстѣ покровительственнымъ видомъ и прочелъ бы ему стихи въ родѣ слѣдующихъ:

Печаль жестокая объяла васъ, владыка,
И блѣдность разлилась на царственномъ челѣ.
Противится-ль Аллахъ намѣреніямъ вашимъ,
Иль грозный тотъ Али подвигнутъ высшей волей,
На дальніе брега, моленьямъ не внимая,
Унесъ красавицу, что страстно вы любили...

Но мы не пишемъ трагедіи и, не смотря на то, что намъ наперсникъ былъ бы нуженъ, мы обойдемся безъ него.

Нашъ герой вовсе не то, чѣмъ онъ кажется: чалма еще не дѣлаетъ туркомъ. Этотъ молодой человѣкъ—нашъ другъ Родольфъ, подобранный съ улицы дядею, для котораго онъ составляетъ теперь руководство «*Совершенный печникъ*».

Въ дѣйствительности, г. Монетти, страстный любитель своего искусства, посвятилъ свою жизнь дѣланію печей.

Этотъ достойный пьемонтецъ передѣлалъ по своему изреченіе Цицерона и въ моменты энтузіазма восклицалъ:

«Nascuntur poê .. liers!» (Печникомъ надо родиться!).

Однажды, на пользу будущихъ поколѣній, онъ задумалъ составить теоретическій сводъ основаній того искусства, въ которомъ онъ отличался, и выбралъ, какъ мы видѣли, своего племянника, чтобы отдѣлать и изложить свои идеи въ формѣ, доступной для пониманія.

Родольфъ получалъ обѣдъ, квартиру и... по окончаніи *руководства* ему обѣщана была награда въ сто экю.

На первыхъ дняхъ, чтобы поощрить племянника къ труду, Монетти великодушно далъ ему авансомъ пятьдесятъ франковъ.

Родольфъ, *не видавшій* даже почти годъ такую сумму на рукахъ, ушелъ изъ дому наполовину сумасшедшимъ въ сопровожденіи своихъ экю, пропадалъ три дня, а на четвертый воротился уже *одинъ!*...

Монетти, торопившійся окончить свое руководство, такъ какъ онъ хотѣлъ получить привилегію, испугался новыхъ выходокъ своего племянника и, чтобы заставить его работать, не позволяя ему уйти, онъ отнялъ у него платье и далъ тотъ нарядъ, въ которомъ мы его и видѣли.

Тѣмъ не менѣе знаменитое руководство все-таки не двигалось впередъ *piano, piano*, такъ какъ у Родольфа рѣшительно не хватало способности къ такого рода литературѣ.

Въ отместку за такое лѣнивое равнодушіе къ печамъ дядя подвергалъ своего племянника разнымъ лишеніямъ. Иногда онъ давалъ ему меньше ѣсть и часто оставлялъ безъ табаку.

Въ одно изъ воскресеній, послѣ тягостнаго корпѣнія надъ знаменитой главой о душникахъ, Родольфъ сломалъ перо, которое жгло ему пальцы, и вышелъ прогуляться въ свой паркъ.

И какъ будто нарочно для того, чтобы раздразнить его и усилить желаніе покурить, онъ не могъ никуда посмотрѣть, чтобы не видѣть во всѣхъ окнахъ курящихъ.

На золоченомъ балконѣ новаго дома франтъ въ халатѣ мялъ въ зубахъ аристократическую „панателлу“.

Этажемъ выше артистъ окружалъ себя ароматными облаками левантскаго табаку изъ трубки душистаго дерева. Въ окнѣ пивной толстый нѣмецъ пѣнилъ пиво и съ механической точностью выпускалъ опаловые клубы дыма изъ гудмеровской трубки. Съ другой стороны группы рабочихъ, направляясь въ кабачки, шли распѣвая и съ носогрѣйками въ зубахъ. Наконецъ, всѣ шедшіе по улицѣ, курили!

— Увы!—сказалъ Родольфъ съ завистью, — все въ природѣ дымитъ теперь, кромѣ меня и каминовъ моего дяди!...

И Родольфъ, склонясь лбомъ на перила балкона, размышлялъ о томъ, сколь жизнь человѣческая горька.

Вдругъ взрывъ звонкаго и продолжительнаго смѣха послышался ниже его. Родольфъ наклонился немного впередъ, чтобы видѣть, откуда раздаются такіе звуки веселья, и увидѣлъ, что онъ былъ подсмотрѣнъ жилицей нижняго этажа, мадмуазелью Сидоніей, актрисой Люксембургскаго театра.

Мадмуазель Сидони вышла на террасу, крутя между пальцами съ испанской ловкостью папиросную бумажку, наполненную свѣтлымъ табакомъ, который она брала изъ бархатнаго вышитаго мѣшечка.

— Какая прекрасная табачница,— пробормоталъ Родольфъ въ мечтательномъ восторгѣ.

— Что это за «Али-Баба»?—думала съ своей стороны мадмуазель Сидони.

И она обдумывала предлогъ, чтобы

начать разговоръ съ Родольфомъ, который съ своей стороны искалъ средства сдѣлать тоже.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнула Сидони, какъ бы говоря сама съ собой, — какъ это досадно, что у меня нѣтъ спичекъ!

— Мадмуазель, позвольте мнѣ предложить ихъ вамъ,—сказалъ Родольфъ, кидая на балконъ нѣсколько спичекъ, завернутыхъ въ бумажку.

— Тысяча благодарностей,—поблагодарила Сидони, закуривая папироску.

— Послушайте, мадмуазель,—продолжалъ Родольфъ, — въ обмѣнъ за маленькую услугу, какую мнѣ мой добрый геній позволилъ вамъ оказать, не осмѣлюсь-ли я попросить у васъ?..

— Ого! онъ уже и проситъ!—подумала Сидони, разглядывая Родольфа внимательнѣе.—Ахъ, эти турки! ихъ считаютъ легкомысленными, но они—ничего себѣ... Говорите, monsieur,—сказала она, поднимая голову къ Родольфу,—что вы желаете?

— Боже мой, mademoiselle, я попросилъ-бы у васъ, какъ милости, немножко табаку. Вотъ уже два дня, какъ я не курилъ... только на одну трубочку.

— Съ удовольствіемъ, monsieur... но какъ это сдѣлать? Не сойдете-ли вы ко мнѣ?

— Увы! Это для меня совершенно невозможно. Я здѣсь запертъ... но у меня есть очень простой способъ,—сказалъ Родольфъ.

Онъ привязалъ свою трубку на веревочку и спустилъ ее на террасу, гдѣ Сидони собственноручно и туго набила трубочку. Родольфъ медленно и осторожно началъ поднимать ее и исполнилъ это съ успѣхомъ.

— Ахъ, мадмуазель,—сказалъ онъ Сидони,—эта трубочка показалась-бы мнѣ гораздо пріятнѣе, если-бъ я могъ закурить ее отъ огня вашихъ глазокъ!

Эта любезная шуточка, хотя и была уже сильно затрепана, но тѣмъ не менѣе показалась Сидони превосходною.

— Вы мнѣ льстите, — сочла нужнымъ отвѣтить она.

— Ахъ, мадмуазель, увѣряю васъ, что вы мнѣ кажетесь прекрасны, какъ всѣ три граціи.

— Положительно, этотъ «*Али-Баба*» очень милъ, — подумала Сидони...

— А вы и въ самомъ дѣлѣ турокъ?—спросила она Родольфа.

— Ничуть не по желанію, а противъ воли, отвѣтилъ онъ,—я—драматическій авторъ.

— А я—артистка, — отвѣтила Сидони.

Потомъ она прибавила:

— Господинъ сосѣдъ! не окажете-ли вы мнѣ честь придти пообѣдать и провести вечерокъ со мною?

— Ахъ, сударыня! Это предложеніе открываетъ предо мною небо, но мнѣ рѣшительно невозможно его принять! Я уже имѣлъ честь сообщить вамъ, что я запертъ моимъ дядею, господиномъ Монетти, печникомъ, у котораго я состою въ настоящее время секретаремъ.

— И всетаки-же вы пообѣдаете со мной!—отвѣчала Сидони, — слушайте внимательно: я изъ своей комнаты постучу вамъ въ потолокъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ раздастся стукъ, вы присмотритесь хорошенько и найдете слѣды окошечка, которое когда-то существовало и теперь заколочено. Найдите способъ откупорить это отверстіе, и мы, хотя и каждый въ своей комнатѣ, но будемъ почти вмѣстѣ.

Родольфъ тотчасъ-же принялся за дѣло. Черезъ пять минутъ работы сообщеніе между обѣими комнатами было устроено.

— Ахъ!—воскликнулъ Родольфъ,—отверстіе очень невелико, но въ немъ всегда найдется достаточно мѣста, чтобы я могъ передать вамъ мое сердце!..

— Теперь мы будемъ обѣдать,—сказала Сидони, — накрывайте у себя столъ, я буду передавать вамъ кушанья.

Родольфъ спустилъ въ нижнюю комнату свою чалму на веревочкѣ и поднялъ ее съ кушаньемъ; поэтъ и артистка принялись вмѣстѣ за обѣдъ каждый въ своей комнатѣ. Зубами Родольфъ уничтожалъ кушанья, а глазами пожиралъ молодую дѣвушку.

— Увы, мадмуазель,—сказалъ Родольфъ, когда они кончили свой обѣдъ, —по вашей милости я насытилъ свой желудокъ; не насытите ли вы также и голодъ моего сердца, которое уже долго постится!..

— Бѣдный мальчикъ,—сказала Сидони.

Подставивъ какую-то мебель и взлѣзши на нее, она протянула руку къ губамъ Родольфа, и онъ покрылъ ее поцѣлуями.

— Ахъ, какое несчастіе,—воскликнулъ молодой человѣкъ,—что вы не можете сдѣлать, какъ святой Денисъ, который могъ держать свою голову въ рукахъ.

Послѣ обѣда завязался любовно-литературный разговоръ.

Родольфъ разсказалъ про своего «Мстителя» и Сидони потребовала чтенія этой пьесы.

Склонившись надъ отверстіемъ въ полу, Родольфъ началъ декламировать свою драму актрисѣ, которая, чтобы лучше слышать, усѣлась на кресло, поставленное на комодъ.

Mademoiselle Сидони объявила, что «Мститель» это—*шедевръ*, великое произведеніе, и такъ какъ она была немножко близка къ заправиламъ въ своемъ театрѣ, то и обѣщала Родольфу, что его драму примутъ тамъ.

Въ самый нѣжный моментъ ихъ разговора, въ корридорѣ послышалась легкая, какъ шаги *Командора*, поступь дяди Монетти. Родольфъ, едва успѣлъ закрыть потайное окошечко.

— Слушай,—сказалъ Монетти своему племяннику,—вотъ письмо, которое уже мѣсяцъ, какъ ищетъ тебя.

— Посмотримъ,—сказалъ Родольфъ.

— Ахъ, дядюшка! — воскликнулъ онъ, —дядюшка! Я богатъ!.. Въ этомъ письмѣ мнѣ объявляютъ, что я получилъ премію въ триста франковъ отъ «Академіи цвѣточныхъ игръ!..» Живо мой рединготъ и вещи!—Я иду пожинать мои лавры, меня ждутъ въ Капитоліи!..

— А моя глава о душникахъ?— холодно спросилъ Монетти.

— Эхъ, дядюшка! мнѣ не до вашихъ душниковъ! Отдайте мнѣ мои вещи, я не хочу выдти въ такомъ нарядѣ...

— Ты не выйдешь отсюда до тѣхъ поръ, пока мое «руководство» не будетъ готово,—сказалъ дядя, снова запирая Родольфа на два поворота ключа.

Оставшись одинъ, Родольфъ недолго думалъ, что ему предпринять. Онъ крѣпко привязалъ къ балкону разорванное на полосы и связанное одѣяло и не боясь опасности своего предпріятія спустился по этой импровизированной лѣстницѣ на террасу мадмуазель Сидони.

— Кто тамъ?—вскричала она, услыхавъ стукъ Родольфа въ стекло.

— Тише!—отвѣтилъ онъ, — отворите...

— Что вамъ угодно? Кто вы такой?

— И вы можете еще объ этомъ спрашивать? Я авторъ «Мстителя» и пришелъ за моимъ сердцемъ, которое я обронилъ въ вашу комнату черезъ окошечко на верху.

— Несчастный молодой человѣкъ,— воскликнула она,—да вѣдь вы могли убиться!

— Слушайте, Сидони,—продолжалъ Родольфъ, показывая полученное сейчасъ письмо,—счастье и слава начинаютъ мнѣ улыбаться... Пусть и любовь сдѣлаетъ тоже . . . . . .

. . . . . .

На другое утро, переодѣвшись въ принесенный дѣвушкою мужской костюмъ, Родольфъ могъ удрать изъ дома своего дяди.

Онъ побѣжалъ къ корреспонденту академіи «цвѣточныхъ игръ», чтобы

получить свой золотой цвѣтокъ въ сто экю, которыя продержались въ его рукахъ не долѣе, чѣмъ цвѣтутъ розы.

Черезъ мѣсяцъ г. Монетти былъ приглашенъ своимъ племянникомъ присутствовать на первомъ представленіи «Мстителя». Благодаря таланту Сидони, пьеса имѣла семнадцать представленій и принесла своему автору сорокъ франковъ...

Нѣсколько времени спустя, — это было лѣтомъ, Родольфъ имѣлъ квартиру на аллеѣ Сенъ-Клу, третье дерево на лѣво, идя отъ Булонскаго лѣса, на пятой вѣтви...

V.

Монета Карла Великаго.

Въ концѣ декабря мѣсяца разсыльнымъ конторы Бидо было поручено разнести около ста пригласительныхъ билетовъ, и вотъ ихъ копія, которую мы свидѣтельствуемъ, какъ точную и полную:

«М. Г.

«Господа Родольфъ и Марсель покорнѣйше просятъ Васъ пожаловать къ нимъ на вечеръ, въ будущую субботу, наканунѣ Рождества.

«Будетъ много смѣха!

«*P. S.* Мы живемъ только разъ!..

Программа празднества:

«Въ 7 часовъ открытіе салоновъ; живой и веселый разговоръ.

«Въ 8 часовъ выходъ и прогулка по салонамъ просвѣщенныхъ авторовъ «Рождающей горы», комедіи, непринятой на театръ «Одеонъ».

«Въ 8½ часовъ г. Александръ Шонаръ, извѣстный артистъ, исполнитъ на піанино «Вліяніе синяго цвѣта на искусства», подражательную симфонію.

«Въ 9 часовъ первое чтеніе мемуара объ отмѣнѣ наказанія за трагедіи.

«Въ 9½ часовъ г. Густавъ Коллинъ, гиперфизическій философъ и г. Шонаръ будутъ вести преніе о философіи, въ сравненіи съ метаполитикою. Чтобы предупредить всякое столкновеніе между антагонистами, оба они будутъ привязаны.

«Въ 10 часовъ г. Тристанъ, писатель, разскажетъ о своей первой любви. Г. Александръ Шонаръ будетъ аккомпанировать ему на піанино.

«Въ 10½ часовъ второе чтеніе мемуара объ отмѣнѣ наказанія за трагедіи.

«Въ 11 часовъ разсказъ иностраннаго принца объ охотѣ на казуара.

Отдѣленіе второе.

«Въ полночь г. Марсель, историческій художникъ, велитъ завязать себѣ глаза и съимпровизируетъ бѣлымъ карандашемъ сцену свиданія Наполеона съ Вольтеромъ въ Елисейскихъ поляхъ.

«Г. Родольфъ также будетъ импровизировать параллель между авторомъ «Заиры» и авторомъ Аустерлицкаго сраженія.

«Въ 12½ часовъ г. Густавъ Коллинъ, скромно полураздѣтый, будетъ подражать атлетическимъ играмъ 4-й олимпіады.

«Въ часъ утра третье чтеніе мемуара объ отмѣнѣ наказанія за трагедіи и тарелочный сборъ въ пользу авторовъ трагедій, которые окажутся безъ занятій.

«Въ 2 часа начало игръ и составленіе кадрилей, которыя протянутся до утра.

«Въ 6 часовъ восходъ солнца и финальный хоръ.

«Въ продолженіе всего празднества вентиляторы будутъ открыты.

«*N. B.* Всякій и всякая, кто захочетъ прочесть что нибудь или сказать стихи, будетъ немедленно выведенъ изъ салоновъ и преданъ въ руки полиціи. Просятъ также не уносить съ собою свѣчныхъ огарковъ».

Два дня спустя эти пригласительные

билеты уже циркулировали въ нижнихъ этажахъ литературы и искусствъ и производили глубокую и всеобщую сенсацію.

Между приглашенными находились, однако, такіе, которые подвергали большому сомнѣнію всѣ великолѣпія, обѣщанныя двоими друзьями.

— Я очень остерегаюсь,—говорилъ одинъ изъ такихъ скептиковъ,—я бывалъ иногда «на средахъ» у Родольфа въ улицѣ Туръ-д'Оверн; сѣсть тамъ можно было только мысленно, а выпить можно было только водицы, настоянной на добрыхъ намѣреніяхъ.

— На этотъ разъ,—отвѣчалъ ему другой,—затѣвается очень серьезное. Марсель сообщилъ мнѣ планъ празднества; — оно обѣщаетъ волшебный эффектъ!

— А женщины у васъ тамъ будутъ?

— О, да! Феми—красильщица просила быть царицею бала, а Шонаръ долженъ привести свѣтскихъ дамъ.

Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ происхожденіе этого праздника, производившаго такое удивленное остолбенѣніе въ мірѣ богемы, ютившейся въ зарѣчныхъ частяхъ Парижа. Уже почти годъ, какъ Марсель и Родольфъ объявили этотъ великолѣпный парадный вечеръ, который долженъ былъ состояться въ *слѣдующую субботу*. Однако, трудныя обстоятельства заставили ихъ откладывать свое обѣщаніе пятьдесятъ двѣ недѣли, такъ что друзья дожили до того, что не могли сдѣлать шага, не услышавъ какой нибудь насмѣшечки своихъ пріятелей; нѣкоторые изъ нихъ, по нескромности, выражали даже свое порицаніе довольно энергично.

Дѣло начало принимать характеръ скандала, и друзья, чтобы прекратить это, рѣшили, наконецъ, расквитаться за свои обѣщанія. Такимъ образомъ были разосланы вышеприведенныя приглашенія.

— Теперь,—сказалъ Родольфъ,—отступать некуда, мы сожгли свои корабли; намъ остается впереди восемь дней, чтобы найти сто франковъ, необходимыхъ для устройства всего, что надо въ лучшемъ видѣ.

— Была-бы бѣда,—деньги будутъ! —отвѣтилъ Марсель.

И оба друга съ безшабашною увѣренностью въ случай—помощникъ успокоились въ сознаніи, что ихъ сто франковъ уже идутъ къ нимъ, хотя-бы это было и невозможно.

Однако, за два дня до назначеннаго праздника, видя, что къ нимъ ничего не приходитъ, Родольфъ сталъ думать, что не будетъ-ли вѣрнѣе помочь случаю, дабы не посрамиться передъ всѣми въ тотъ часъ, когда надо будетъ зажигать люстры.

Чтобы облегчить свою задачу, друзья стали постепенно измѣнять роскошную программу предположеннаго праздника.

Измѣненіе за измѣненіемъ, подвергнувъ силѣ разрушенія отдѣленіе пироговъ, старательно просмотрѣвъ и сокративъ отдѣленіе прохладительныхъ напитковъ, они увидѣли, что общій итогъ ихъ расходовъ спустился до пятнадцати франковъ.

Рѣшеніе было облегчено, но выводъ изъ него еще не сдѣланъ.

— Ого, го!—сказалъ Родольфъ,—теперь мы должны работать изо всѣхъ силъ, безъ отдыха, медлить нельзя!

— Невозможно даже, — отвѣтилъ Марсель.

— Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ разсказъ о сраженіи при Студянкѣ?

— Почти два мѣсяца.

— Два мѣсяца. Хорошо, это промежутокъ добросовѣстный, дядя не будетъ жаловаться. Завтра я иду слушать про сраженіе при Студянкѣ, это мнѣ дастъ пять франковъ навѣрняка.

— А я,—сказалъ Марсель, — продамъ *„Заброшенный замокъ“* старику Медичису. Это тоже принесетъ пять франковъ. Если-же я успѣю приписать еще три башенки и мельни-

цу, то можетъ сойти и за десять франковъ. Вотъ нашъ бюджетъ и полонъ!

И оба друга заснули, видя во снѣ, что княгиня Бельджойозо уже проситъ ихъ перемѣнить ихъ пріемный день, чтобы не отвлечь отъ нея ея завсегдатаевъ.

Проснувшись очень рано, Марсель взялъ полотно и живо началъ конструктировать *Заброшенный замокъ*, картину, которая была особенно въ спросѣ у старьевщика на площади Карусель. Родольфъ, съ своей стороны, пошелъ сдѣлать визитъ къ дядюшкѣ Монетти, превосходно разсказывавшему про отступленіе французовъ изъ Россіи, у котораго Родольфъ пять или шесть разъ въ годъ, въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ вознагражденіе за слушаніе разсказовъ о его походахъ раздобывался заимообразно коекакими деньжонками. Ветеранъ-печникъ не особенно спорилъ противъ этого, когда слушатель умѣлъ показать достаточно восхищенія и вниманія къ его разсказамъ.

Къ двумъ часамъ Марсель съ опущенной головой, неся подъ мышкой полотно, встрѣтился на площади Карусель съ Родольфомъ, возвращавшимся отъ дяди; его видъ не обѣщалъ никакихъ хорошихъ вѣстей.

— Ну?—спросилъ Марсель, — удалось?

— Дядя пошелъ осматривать Версальскій музей... А ты?

— Этотъ скотина Медичисъ не беретъ больше «*Заброшенныхъ замковъ*!..» Теперь ему требуется «*Бомбардированіе Танжера...*»

— Мы будемъ осрамлены въ конецъ, если не дадимъ нашего праздника, — бормоталъ Родольфъ.—Что объ этомъ подумаетъ нашъ другъ, вліятельный критикъ, если я его попусту заставлю надѣть бѣлый галстухъ и натянуть желтыя перчатки!..

И оба они воротились въ свою мастерскую въ сильномъ безпокойствѣ.

Въ это время пробило четыре на часахъ... ихъ сосѣда.

— Только три часа намъ осталось,— сказалъ Родольфъ.

— Но ты увѣренъ, — воскликнулъ Марсель, приблизившись къ своему другу, — ты совершенно, вполнѣ увѣренъ, что здѣсь намъ не осталось никакой надежды на деньги?.. Ну?..

— Ни внутри, ни снаружи. Откуда взяться такой рѣдкости?..

— А если мы поищемъ подъ мебелью... въ креслахъ?.. Говорятъ, что во времена Робеспьера эмигранты прятали такимъ образомъ свои сокровища... Кто знаетъ!.. Наше кресло принадлежало, можетъ быть, эмигранту... и потомъ, оно такъ жестко, что мнѣ часто приходило на мысль, не набито ли оно металломъ?.. Не сдѣлать ли ему вскрытіе?..

— Водевильныя бредни!—отвѣчалъ Родольфъ тономъ, гдѣ строгость была смѣшана съ снисхожденіемъ.

Вдругъ Марсель, шарившій по всѣмъ угламъ мастерской, испустилъ крикъ торжества.

— Мы спасены!—восклицалъ онъ,— я былъ твердо увѣренъ, что у насъ есть кое-что цѣнное!.. Вотъ, смотри!..

И онъ показалъ Родольфу монету величиною съ экю, на половину съѣденную ржавчиной и позеленѣвшую.

Это была монета Карловинговъ небольшой художественной цѣнности. На ея надписи, по счастью сохранившейся, можно было прочесть годъ царствованія Карла Великаго.

— Это?.. за это дадутъ тридцать су,—сказалъ Родольфъ, бросивъ презрительный взглядъ на находку своего друга.

— На тридцать су, если ихъ хорошо распредѣлить, можно много сдѣлать,—отвѣчалъ Марсель.—Съ двѣнадцатью сотнями войска Наполеонъ заставилъ положить оружіе десятитысячную армію австрійцевъ. Снаровка не меньше, чѣмъ большое количество. Я пойду размѣняю эту монету Карла

Великаго къ старику Медичису. Нѣтъ ли еще чего здѣсь, чтобы продать?.. Стой! снесу-ка я и вправду этотъ гипсовый слѣпокъ съ берцовой кости Яковоскаго, русскаго тамбуръ-мажора!.. Это кое-что прибавитъ...

— Что жь, снеси берцовую кость... Но это жалко, у насъ тогда не останется никакой художественной вещи здѣсь...

Во время отсутствія Марселя, Родольфъ, рѣшившійся во чтобы то ни стало дать вечеръ, пошелъ къ своему другу Коллину, гиперфизическому философу, жившему въ двухъ шагахъ отъ нихъ.

— Я пришелъ тебя просить,—сказалъ онъ,—оказать мнѣ услугу. Такъ какъ я хозяинъ дома, то мнѣ необходимо имѣть черный фракъ, а у меня его нѣтъ... Одолжи мнѣ свой фракъ...

— Но,—отвѣчалъ Коллинъ, колеблясь,—я, вѣдь, приглашенъ къ вамъ, и въ качествѣ гостя, мнѣ самому фракъ необходимъ.

— Я тебѣ позволю придти въ рединготѣ.

— У меня никогда не было рединготa. Ты это хорошо знаешь.

— Ну, такъ слушай, можно это иначе устроить. Въ крайнемъ случаѣ ты можешь и не приходить къ намъ на вечеръ, а мнѣ отдать свой черный фракъ.

— Все это очень непріятно... мое имя стоитъ на вашей программѣ, и я не могу не явиться на вечеръ.

— О! много чего *не явится* изъ затѣяннаго,—сказалъ Родольфъ.—Дай мнѣ свой черный фракъ, а самъ можешь придти, въ чемъ хочешь... ну хоть въ одномъ жилетѣ... сойдешь за одного изъ преданныхъ слугъ...

— Ну нѣтъ! — сказалъ Коллинъ, покраснѣвъ,—я лучше надѣну свое орѣховое пальто!.. Какъ это непріятно, наконецъ!..

— Да ты подожди хотя,—воскликнулъ онъ, увидя, что Родольфъ уже схватилъ его знаменитый черный фракъ,—въ немъ есть кое-какія мелочи!..

Фракъ Коллина заслуживаетъ вниманія.

Во-первыхъ, эта одежда была совершенно синяго цвѣта, и Коллинъ только по привычкѣ называлъ ее черною.

Такъ какъ только онъ одинъ изъ всей компаніи обладалъ фракомъ, то и друзья его привыкли, говоря объ оффиціальномъ костюмѣ философа, называть его: «черный фракъ Коллина». Сверхъ того, эта знаменитая одежда имѣла необычайный и невиданный странный покрой: въ очень короткой таліи были пришиты очень длинныя фалды съ карманами, истинными пропастями. Въ нихъ Коллинъ имѣлъ привычку помѣщать десятка три книгъ, которыя онъ постоянно носилъ съ собою, что давало случай его друзьямъ говорить, что, когда библіотеки бываютъ закрыты, ученые и писатели могутъ дѣлать справки въ фалдахъ Коллина, вѣчно открытой библіотекѣ для чтенія.

Въ этотъ день, по необычайному случаю, во фракѣ Коллина находилось только: одинъ томъ Бейля in quarto, трактатъ о гиперфизическихъ свойствахъ, въ трехъ томахъ, томъ Кондильяка, два тома Сведенборга и «Опытъ о человѣкѣ» Попа. Когда его библіотека была выгружена, онъ позволилъ Родольфу надѣть его на себя.

— Погоди-ка,—сказалъ Родольфъ,—лѣвый карманъ очень оттягиваетъ, ты тамъ оставилъ кое-что.

— А! — отвѣтилъ Коллинъ, — это правда, я забылъ очистить карманъ иностранныхъ языковъ.

И онъ вытащилъ оттуда двѣ арабскихъ грамматики, малайскій словарь и «Совершеннаго волопаса» на китайскомъ языкѣ, его любимое чтеніе.

Когда Родольфъ воротился къ себѣ, онъ нашелъ Марселя подбрасывавшимъ пятифранковыя монеты въ количествѣ трехъ штукъ. Въ первый моментъ

Родольфъ даже не принялъ протянутой ему руки друга, подозрѣвая здѣсь нечистое дѣло.

— Поторопимся, поторопимся,—говорилъ Марсель.—Вотъ они, требовавшіеся пятнадцать франковъ! Слушай, какъ это случилось: я встрѣтилъ у Медичиса антикварія: когда онъ увидалъ мою монету, онъ чуть не упалъ въ обморокъ!

Это была единственная, какой недоставало въ его коллекціи. Онъ наводилъ о ней справки во всѣхъ странахъ, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, и уже отчаялся найти ее. Такимъ образомъ, внимательно осмотрѣвши мою монету Карла Великаго, онъ не колебался ни минуты предложить мнѣ за нее пять франковъ. Медичисъ толкнулъ меня подъ локоть, и взглядъ его дополнилъ остальное, онъ хотѣлъ сказать: «Барыши пополамъ, а я буду набивать цѣну!»

Мы доторговались до тридцати франковъ, половину я отдалъ жиду, а остальное вотъ!.. Теперь наши гости могутъ приходить, мы въ состояніи ослѣпить ихъ роскошью!—Ба! да на тебѣ черный фракъ?..

— Да,—сказалъ Родольфъ,—фракъ Коллина.

Онъ началъ шарить въ карманахъ, чтобы достать носовой платокъ, и вдругъ выронилъ небольшой томъ на манджурскомъ языкѣ, забытый въ карманѣ иностранныхъ литературъ.

Тотчасъ-же два друга принялись за приготовленія.

Мастерскую прибрали, затопили каминъ; къ потолку подвѣсили въ качествѣ люстры подрамокъ изъ-подъ холста съ воткнутыми свѣчами. По срединѣ мастерской поставили конторку вмѣсто трибуны для ораторовъ: передъ нею единственное кресло, предназначенное для вліятельнаго критика, на столъ выложили всѣ книги, романы, поэмы и фельетоны, авторы которыхъ почтятъ вечеръ своимъ присутствіемъ. Чтобы избѣжать всякаго столкновенія между писателями разныхъ убѣжденій, мастерская была, сверхъ всего, раздѣлена на четыре отдѣленія, при входѣ въ которыя виднѣлись тотчасъ же сфабрикованныя надписи:

Сторона поэтовъ. *Романтики.*
Сторона прозаиковъ. *Классики.*

Дамы должны были занять пространство въ центрѣ.

— А вотъ еще! у насъ нѣтъ стульевъ,—сказалъ Родольфъ.

— О!—отвѣчалъ Марсель,—ихъ нѣсколько на площадкахъ лѣстницы приколочено къ стѣнамъ. Если-бы ихъ содрать?..

— Конечно-же ихъ надо унести!—согласился Родольфъ, уходя обобрать стулья, принадлежавшіе сосѣдямъ.

Пробило шесть часовъ; друзья сбѣгали пообѣдать наскоро и воротились, чтобы освѣтить салоны.

Они сами были ослѣплены роскошью.

Въ семь часовъ пришелъ Шонаръ въ сопровожденіи трехъ дамъ, забывшихъ захватить свои бриллiанты и шляпки. Одна изъ дамъ была въ красной съ черными пятнами шали. Шонаръ отрекомендовалъ эту Родольфу въ особенности.

— Это очень порядочная женщина, сказалъ онъ.—Англичанка, которая по случаю паденія Стюартовъ была выслана, она живетъ скромно, давая уроки англійскаго языка. Ея отецъ былъ канцлеромъ при Кромвелѣ, какъ она разсказываетъ,—надобно съ нею быть повѣжливѣе, не слишкомъ обращайся съ нею на *ты*!

На лѣстницѣ послышались многочисленные шаги,—это подходили гости, они были удивлены, увидавъ въ каминѣ огонь.

Черный фракъ Родольфа встрѣчалъ дамъ и цѣловалъ имъ ручки съ совершенно придворной ловкостью.

Когда набралось человѣкъ съ двадцать, Шонаръ спросилъ, не обнесутъ-ли компанію чѣмъ нибудь?

— Сейчасъ будетъ,—сказалъ Мар-

сель,—мы ждемъ только прихода вліятельнаго критика, чтобы зажечь пуншъ!

Въ восемь часовъ всѣ приглашенные были въ сборѣ и начали исполнять нумера программы.

Черезъ каждое отдѣленіе гостей обносили разными угощеніями, но какими,—никто не могъ узнать.

Къ десяти часамъ показался бѣлый жилетъ вліятельнаго критика, онъ пробылъ только часъ и былъ очень умѣренъ въ ѣдѣ и питьѣ.

Около полночи, по случаю нехватки дровъ и большого холода, гости стали бросать жребій, кому отправлять свой стулъ въ печку.

Въ часъ ночи всѣ гости уже были на ногахъ.

Привѣтливая веселость ни на минуту не оставляла гостей. Не случилось никакого прискорбнаго недоразумѣнія, если не считать вырваннаго клочка въ карманѣ иностранныхъ языковъ Коллина, да пощечины, данной Шонаромъ дочери канцлера при Кромвелѣ.

Этотъ достопамятный вечеръ цѣлую недѣлю служилъ предметомъ разговоровъ въ околоткѣ, и Феми-красильщица, бывшая царицею бала, говорила своимъ товаркамъ:

— Это было важнецки-хорошо! были даже зажжены свѣчи, моя милая!..

VI.

Мадмуазель Волынка.

Мадмуазель Волынка была хорошенькая дѣвушка двадцати лѣтъ, которая вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Парижъ сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ дѣлаются хорошенькія дѣвушки, если обладаютъ стройной таліей, большимъ кокетствомъ, малымъ самолюбіемъ и вовсе не обладаютъ правописаніемъ.

Долгое время она была украшеніемъ пирушекъ Латинскаго квартала, гдѣ она пѣла своимъ всегда свѣжимъ, если и не очень вѣрнымъ, голоскомъ массу деревенскихъ пѣсенокъ, заслужившихъ ей ея прозвище, подъ которымъ ее усердно воспѣвали въ стихахъ всѣ лучшіе нанизыватели рифмъ. Вдругъ неожиданно Волынка покинула улицу Лагарпъ, чтобы поселиться на цитерейскихъ высотахъ квартала Бреда.

Она не замедлила сдѣлаться одной изъ львицъ аристократіи утѣхъ и стала понемного пріобрѣтать знаменитость, заключающуюся въ томъ, чтобы о ней упоминали въ мелкихъ извѣстіяхъ листковъ и выставляли ея портретъ у торговцевъ эстампами.

Однако, мадмуазель Волынка была исключеніемъ среди женщинъ, между которыми вращалась. Отъ природы изящная и поэтическая натура, она, какъ всѣ истинныя женщины, любила роскошь и всѣ удовольствія, какія она доставляетъ.

Ея кокетливость страстно жаждала всего, что прекрасно и цѣнно; вышедши изъ народа, она все-таки не потерялась среди чуждой ей обстановки излишествъ роскоши, почти царской.

Она геройски отказалась однажды отъ великолѣпныхъ предложеній старика, настолько богатаго, что его называли «Золотыя розсыпи» Шоссе-Д'Антена и который повергалъ къ ногамъ капризной Волынки горы золота.

Развитая и умненькая, она ненавидѣла также дураковъ и разгильдяевъ, хотя-бы они были и молоды, и богаты, и знатны. Волынка была славная дѣвушка.

По ея собственнымъ словамъ, Волынка требовала, чтобы ея искренности платили тою же монетою. Но если ея фантазіи были порывисты и искренни, то никогда не продолжались настолько долго, чтобы возвыситься до истинной страсти. Чрезвычайное непостоянство ея капризовъ и малая забота о карманѣ и крѣпости сапогъ тѣхъ, кто напѣвалъ ей любовныя пѣсенки, дѣлали ея существованіе крайне подвижнымъ и летучимъ; оно было непрерыв-

ною смѣною колясокъ на омнибусы, антресолей на пятые этажи, шелковыхъ платьевъ на платья изъ дешевенькаго ситца.

О, прелестная дѣвушка! Живая поэма юности съ звонкимъ смѣхомъ и веселою пѣсенкою! сердечко, бьющееся подъ полураскрытой косыночкой добротою ко всѣмъ, о, мадмуазель Волынка, родная сестра Бернеретты и Мими Пинсанъ! Надо перо Альфреда Мюссе, чтобы достойно описать твои безпечныя скитанія по цвѣтущей тропинкѣ юности! И, конечно, онъ захотѣлъ-бы прославить и тебя, еслибы, какъ я, онъ услышалъ, какъ ты распѣваешь своимъ хорошенькимъ фальшивымъ голоскомъ этотъ твой любимый деревенскій романсикъ:

Въ веселый день весенній
Я полюбилъ брюнетку,
Брюнеточку—кокетку.
Корнетка на головкѣ,
Красива и легка,
Повязана преловко,
Какъ крылья мотылька!..

Исторія, которую мы хотимъ разсказать, представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ милыхъ эпизодовъ въ жизни этой милой авантюристки, смѣло бросавшейся во всякое приключеніе.

Когда она жила съ молодымъ виднымъ чиновникомъ, отдавшимъ въ ея распоряженіе свое состояніе, мадмуазель Волынка имѣла обыкновеніе давать разъ въ недѣлю вечера въ своемъ хорошенькомъ маленькомъ салонѣ, въ улицѣ Лябрюйеръ.

Ея вечера были похожи на большинство парижскихъ вечеровъ съ тою только разницею, что на нихъ не скучали; когда для гостей не хватало мѣста, они садились другъ къ другу на колѣни, и нерѣдко случалось, что одинъ стаканъ служилъ на двоихъ.

Родольфъ, который былъ другомъ Волынки, попросилъ у нея позволенія привести къ ней своего пріятеля, художника Марселя. Талантливый малый,—прибавилъ онъ,—будущее его навѣрное уже вышиваетъ ему золотомъ парадный мундиръ академика!

— Приводите,—сказала Волынка.

Вечеромъ, когда они должны были идти вмѣстѣ къ Волынкѣ, Родольфъ поднялся къ Марселю, чтобы захватить его. Артистъ въ это время одѣвался.

— Какъ?—сказалъ Родольфъ,—ты хочешь идти въ гости въ цвѣтной рубашкѣ?

— А развѣ это оскорбляетъ приличіе,—спросилъ спокойно Марсель.

— Оскорбляетъ-ли приличія?.. Глубочайшимъ образомъ оскорбляетъ ихъ, несчастный!

— Ахъ, чортъ!—сказалъ Марсель, разглядывая свою рубашку, на которой по синему фону были изображены бѣгущіе кабаны, гонимые сворами собакъ,—но у меня нѣтъ другой здѣсь... Да вотъ что: я пристегну бѣлый воротничекъ, и такъ какъ мой *Маѳусаилъ* застегивается до самой шеи, то и не будетъ видно цвѣта моей рубашки.

— Неужели, — спросилъ съ безпокойствомъ Родольфъ, — ты еще надѣваешь своего *Маѳусаила*?

— Что дѣлать? — отвѣчалъ Марсель, — такъ угодно судьбѣ и моему портному. Однако, къ нему пришиты новыя пуговицы, и я недавно выкрасилъ его въ персиковый черный цвѣтъ.

«Маѳусаилъ» это былъ попросту сюртукъ Марселя; онъ называлъ его такъ потому, что эта одежда была старѣйшею въ его гардеробѣ. «Маѳусаилъ» былъ очень модная вещь года четыре тому назадъ, и къ тому-же онъ былъ нестерпимо зеленаго цвѣта; но Марсель утверждалъ, что при вечернемъ освѣщеніи онъ отлично вдаетъ въ черный цвѣтъ.

Черезъ пять минутъ Марсель былъ одѣтъ въ самомъ совершенномъ дурномъ вкусѣ; онъ выглядѣлъ, малярнымъ ученикомъ, собравшимся въ большой свѣтъ.

Г. Казиміръ Бонжуръ никогда такъ не удивится, услыхавъ о своемъ из-

браніи въ Институтъ, какъ удивились Марсель и Родольфъ подойдя къ дому мадмуазель Волынки. Вотъ причина ихъ удивленія: Волынка нѣсколько времени какъ поссорилась со своимъ совѣтникомъ министерства, и онъ бросилъ ее въ самую трудную минуту. По требованію кредиторовъ и домовладѣльца мебель ея была описана и вынесена на дворъ, чтобы завтра быть проданной съ молотка.

Несмотря на такое приключеніе, мадмуазель Волынка ни на минуту не подумала разстроить компанію своихъ гостей и не отмѣнила вечера.

Она съ совершенно серьезнымъ видомъ превратила дворъ въ гостиную, постлала коверъ на мостовую, установила все, какъ слѣдуетъ, одѣлась для пріема гостей и пригласила всѣхъ жильцовъ дома на свой маленькій праздникъ, для увеличенія пышности котораго добрый Богъ позаботился и объ иллюминаціи.

Эта выходка имѣла огромный успѣхъ; никогда вечера Волынки не были такъ шумны и веселы: гости пѣли и плясали еще, когда пришли пристава продавать мебель, ковры и диваны, и только силой компанію заставили разойтись.

Волынка провожала своихъ гостей пѣсенкой:

И долго будутъ говорить, ла-ри-ра
Говорить про мой четвергъ,
Долго будутъ говорить,
ла-ри-ри!..

Марсель и Родольфъ остались одни съ Волынкой и ушли въ комнату, гдѣ уже ничего не было, кромѣ одной кровати.

— Однако, — сказала Волынка, — мое приключеніе совсѣмъ не такъ весело. Мнѣ приходится переселяться въ гостинницу «Подъ Ясной Звѣздой»; я знаю эту гостинницу, въ ней ужасные сквозняки.

— Ахъ, сударыня,—сказалъ Марсель,—еслибъ я обладалъ богатствами Плутуса, я предложилъ бы вамъ храмъ великолѣпнѣе Соломонова, но...

— Но вы не Плутусъ, мой другъ! Это все равно, я цѣню уже одно желаніе ваше... Э! да что!—прибавила она обводя взглядомъ комнату, — я здѣсь скучала, да и мебель была уже стара. Вотъ уже полгода, какъ она у меня стояла... Но это еще не все: послѣ бала ужинаютъ, я думаю...

— И будьте сыты этой прекрасной думой, — сказалъ Марсель, — имѣвшій страсть къ каламбурамъ, особенно по утрамъ, когда они были неудачны.

Родольфъ выигралъ на вечерѣ кое какія деньги въ ландскнехтъ и повелъ Волынку и Марселя въ одинъ изъ только что открывшихся ресторановъ.

Послѣ завтрака всѣ трое, такъ какъ никому не хотѣлось спать, — сговорились провести день за городомъ.

Желѣзная дорога была недалеко,— и они сѣли въ первый отходившій поѣздъ, который и привезъ ихъ въ Сенъ-Жерменъ.

Весь день они бѣгали по лѣсу и воротились въ Парижъ только въ семь часовъ вечера, да и то послѣ спора съ Марселемъ, который увѣрялъ, что не должно быть болѣе половины перваго и что, если темнѣетъ, такъ единственно по причинѣ пасмурной погоды.

Въ теченіе всей ночи праздника и всего дня, Марсель, обладавшій воспламенявшимся, какъ селитра, отъ всякаго взгляда сердцемъ, былъ влюбленъ въ Волынку и ухаживалъ за ней «живописно», какъ онъ выразился Родольфу. Онъ дошелъ даже до того, что предложилъ красавицѣ купить ей обстановку гораздо лучше той, какая у ней была, когда онъ продастъ свою знаменитую картину «Переходъ черезъ Красное море».

Поэтому артистъ съ сожалѣніемъ видѣлъ, какъ приближается время разстаться съ Волынкой, которая позволяла цѣловать себѣ ручки и шейку.

По пріѣздѣ въ Парижъ Родольфъ отпустилъ своего друга идти съ молодой дѣвушкой, которая просила артиста проводить ее до дверей.

— Позвольте мнѣ бывать у васъ,— просилъ Марсель, — я буду писать вашъ портретъ.

— Другъ мой,—сказала дѣвушка,— я не могу теперь дать вамъ своего адреса, потому что, можетъ быть, не буду здѣсь завтра. Но я приду къ вамъ, и починю вашъ сюртукъ, на немъ такая дыра, что можно спокойно выѣхать съ квартиры черезъ нее и даже не заплативши денегъ.

— Я васъ буду ждать, какъ Мессію,—сказалъ Марсель.

— Ну не такъ долго подождете,— отвѣчала она, смѣясь.

— Что за прелестная дѣвушка!— разсуждалъ Марсель, медленными шагами удаляясь,—это богиня веселости!.. Я нарочно сдѣлаю двѣ дыры на сюртукѣ.

Онъ еще не сдѣлалъ и тридцати шаговъ, какъ почувствовалъ, что его ударили по плечу; это была Волынка.

— Милый господинъ Марсель,— сказала ему она,—вы вѣдь рыцарь душою?

— Совершенный рыцарь! Рубенсъ и дама моего сердца, вотъ мой девизъ!..

— Ну такъ смотрите на мое горе и сочувствуйте ему, благородный рыцарь,—сказала Волынка, кое-что почитывавшая, но слабая въ грамматикѣ,— хозяинъ заперъ мою комнату и унесъ ключъ, а теперь одиннадцать часовъ вечера, поняли вы?

— Понимаю, — отвѣчалъ Марсель, давая руку Волынкѣ.

Онъ увелъ ее въ свою мастерскую на Цвѣточной набережной.

Волынка просто падала отъ усталости и желанія спать, однако, она еще имѣла достаточно силы сказать Марселю, пожимая ему руку:

— Припомните, что вы мнѣ обѣщали.

— О, Волыночка! Прелесть моя!— воскликнулъ артистъ немного взволнованнымъ голосомъ,—вы здѣсь, какъ у себя дома, спите спокойно, а я ухожу.

На другое утро въ восемь часовъ Марсель воротился къ себѣ, неся цвѣтокъ въ горшкѣ, купленный имъ на рынкѣ.

Онъ нашелъ Волынку на своей постели совсѣмъ одѣтою, она спала еще. Отъ произведеннаго имъ шума она проснулась и протянула руку къ Марселю.

— Добрый малый,—сказала она ему.

— Добрый малый?—повторилъ Марсель,—не значитъ-ли это, что я глупый малый?..

— О!—сказала Волынка,—зачѣмъ вы говорите мнѣ это? это нелюбезно, вмѣсто того, чтобы говорить мнѣ непріятности, подарите мнѣ лучше этотъ прелестный цвѣточекъ.

— Для этого я и принесъ его сюда,—отвѣчалъ Марсель,—возьмите же его, а за мое гостепріимство спойте мнѣ хорошенькую пѣсенку. Можетъ быть, эхо моего чердачка сохранитъ частицу вашего голоска, и я буду слышать васъ и тогда, когда вы уйдете отсюда.

— Ага! Такъ вы меня хотите выгнать? —сказала Волынка.—Ну а если я не хочу уходить отсюда? Слушайте, Марсель, я не полѣзу на чердакъ попусту. Вы мнѣ нравитесь, и я вамъ нравлюсь. Это, конечно, не любовь, но это, можетъ быть, зернышко любви. Рѣшено: я не ухожу, я остаюсь здѣсь и останусь до тѣхъ поръ, пока не завянутъ вотъ эти цвѣты, что вы мнѣ дали.

— Ахъ!—воскликнулъ Марсель,— но они завянутъ черезъ два дня! Если-бъ, я это зналъ раньше, я купилъ-бы безсмертниковъ!..

. . . . . .

Уже двѣ недѣли Волынка и Марсель жили вмѣстѣ и чувствовали себя, несмотря на то, что у нихъ часто

не бывало денегъ, на верху блаженства. Волынка питала къ артисту чувство, не имѣвшее ничего общаго съ ея прежними страстями, а Марсель начиналъ уже опасаться, что онъ серьезно влюбится въ свою подругу.

Не зная, что и сама она боится слишкомъ привязаться къ нему, онъ каждое утро осматривалъ, въ какомъ состояніи находятся цвѣты, гибель которыхъ должна повести къ разрыву ихъ связи, и каждый разъ съ недоумѣніемъ видѣлъ, что цвѣты дѣлаются все свѣжѣе.

Но онъ скоро разгадалъ эту тайну: однажды, проснувшись ночью, онъ не нашелъ Волынки около себя.

Онъ всталъ, вошелъ въ комнату и увидѣлъ, что его подруга пользовалась его сномъ каждую ночь и поливала цвѣты, чтобы они не такъ скоро завяли...

VII.

Волны Пактола.

Это было 19-го марта... Рядольеръ никогда не забудетъ этого числа, потому что въ этотъ самый день, на память святого Іосифа, въ три часа пополудни нашъ другъ выходилъ отъ банкира, гдѣ онъ получилъ сумму въ пятьсотъ франковъ звонкою и ходячею монетою.

Первое употребленіе, какое сдѣлалъ Родольфъ изъ этой частицы золотыхъ пріисковъ Перу, упавшей въ его карманъ,—было отнюдь не уплачивать долговъ, такъ какъ онъ поклялся самому себѣ жить экономно и не позволять себѣ ничего лишняго. Впрочемъ, онъ имѣлъ на этотъ предметъ чрезвычайно твердо установившіеся взгляды и говорилъ, что прежде, чѣмъ думать объ излишествахъ, надо позаботиться о необходимомъ; и вотъ почему онъ не заплатилъ своихъ долговъ, а купилъ турецкую трубку, на которую уже давно точилъ зубы.

Снабженный этой покупкой, онъ направился къ жилищу своего друга Марселя, у котораго съ нѣкотораго времени помѣщался и самъ. Когда Родольфъ входилъ въ мастерскую артиста, его карманы звенѣли какъ деревенская колокольня въ день великаго праздника.

Услыхавъ такіе непривычные звуки, Марсель подумалъ, что это его сосѣдъ, страстный биржевой игрокъ, считаетъ свои барыши и пробормоталъ:

— Опять этотъ бездѣльникъ съ боку начинаетъ свои насмѣшки надо мной. Если это будетъ такъ продолжаться,— я выѣду. Невозможно работать при такомъ шумѣ. Тутъ поневолѣ захочешь промѣнять состояніе бѣднаго артиста, и сдѣлаться мазурикомъ!..

И ничуть не подозрѣвая, что этотъ другъ Родольфъ вдругъ превратился въ Креза, Марсель снова принялся за свою картину «*Переходъ черезъ Красное море*», которая стояла на его мольбертѣ уже около трехъ лѣтъ.

Родольфъ, не сказавшій еще ни слова, обдумывалъ про себя испытаніе, какое онъ сдѣлаетъ своему другу, и говорилъ самъ себѣ:

— Вотъ мы сейчасъ ужь посмѣемся! Ахъ, какъ это будетъ весело, Богъ мой!

И онъ уронилъ пятифранковую монету на полъ.

Марсель поднялъ глаза и посмотрѣлъ на Родольфа, который былъ серьезенъ, какъ статья изъ «*Revue des deux Mondes*».

Артистъ съ очень довольнымъ видомъ подобралъ монету и принялъ ее очень вѣжливо, потому что, несмотря на то, что былъ безвѣстный живописецъ, онъ зналъ обхожденіе и умѣлъ обойтись съ гостями.

Зная, наконецъ, что Родольфъ пошелъ добывать денегъ и видя, что его другъ успѣлъ въ своихъ исканіяхъ, Марсель ограничился разсматриваніемъ результата, не спрашивая, какими путями тотъ его достигъ.

Онъ принялся снова за работу, не говоря ни слова, и окончательно потопилъ одного египтянина въ волнахъ Краснаго моря.

Когда это душегубство было окончено, Родольфъ уронилъ на полъ другую пятифранковую монету.

Наблюдая, какую физіономію скорчитъ художникъ при этомъ, онъ смѣялся себѣ въ бороду, которая, какъ всякій знаетъ, была трехъ цвѣтовъ.

При звонѣ металла Марсель вскочилъ, какъ отъ электрическаго удара, и воскликнулъ:

— Какъ? у этого стихотворенія есть и второй куплетъ?

Третья монета покатилась на полъ, потомъ еще и еще; монеты затанцовали по полу.

Марсель началъ показывать признаки помѣшательства, а Родольфъ хохоталъ, какъ зрители партера во «Французскомъ театрѣ» на первомъ представленіи *«Іоанны Фландрской»*. Вдругъ безъ всякой бережливости Родольфъ запустилъ руки въ карманы, и серебряныя монеты заскакали по полу, точно на сказочной гонкѣ.

Ручей Пактолъ вышелъ изъ береговъ; это—Юпитеръ, ниспадающій на Данаю дождемъ золота!

Марсель былъ неподвиженъ и нѣмъ съ уставившимися въ одну точку глазами; чрезмѣрное удивленіе дѣлало съ нимъ ту же метаморфозу, какая постигла жену Лота, и когда Родольфъ выкинулъ на полъ послѣдній свертокъ во сто франковъ, артистъ чувствовалъ половину своего тѣла превратившеюся въ соляной столбъ.

Родольфъ хохоталъ, и въ сравненіи съ этой бурной веселостью Саксовскіе оркестры показались бы вздохами грудного ребенка.

Ослѣпленный, задохшійся, обезумѣвшій отъ удивленія, Марсель подумалъ, что онъ бредитъ и, чтобы прогнать кошмаръ, онъ укусилъ свой палецъ до крови и чуть не крикнулъ отъ жестокой боли.

Тогда онъ убѣдился, что онъ не спитъ и видя, что онъ попираетъ золото ногами, вскричалъ, какъ бы въ трагедіяхъ:

— Повѣрю-ль я своимъ глазамъ?..

Потомъ онъ прибавилъ, взявъ руку Родольфа въ свою:

— Объясни мнѣ эту тайну.

— Если я тебѣ ее объясню, она не будетъ тайной.

— Что еще?

— Это золото — есть плодъ моихъ трудовъ,—сказалъ Родольфъ, подбирая деньги и укладывая ихъ на столъ; потомъ отойдя на нѣсколько шаговъ, онъ сталъ созерцать съ почтеніемъ эти пятьсотъ франковъ, установленные въ столбики и думалъ про себя:

— Наконецъ-то теперь я осуществлю свои мечты!

— Здѣсь должно быть около шести тысячъ франковъ,—думалъ Марсель, тоже созерцая монеты, дрожавшія на столѣ.—Мнѣ пришла мысль: я продамъ Родольфу мой «Переходъ черезъ Красное море».

Вдругъ Родольфъ принялъ театральную позу и съ большой торжественностью въ жестахъ и голосѣ началъ говорить артисту:

— Слушай меня, Марсель, деньги, которыя сверкаютъ передъ твоими глазами не добыты дурнымъ путемъ; я не продавалъ своего пера; я богатъ, но я честенъ; это золото мнѣ дано великодушною рукою, и я поклялся при помощи этихъ денегъ пріобрѣсти трудомъ серьезное положеніе, достойное честнаго человѣка. Работа—нашъ самый священный долгъ!..

— А лошадь — самое благородное животное! сказалъ Марсель, перебивъ Родольфа. —И вправду,—прибавилъ онъ,—что означаетъ эта твоя рѣчь и откуда ты набрался такой прозы? изъ каменоломень здраваго смысла, безъ сомнѣнія?

— Не перебивай меня и прекрати твои насмѣшки,—сказалъ Родольфъ,—твои остроты притупятся о броню

непоколебимой воли, каковою я одѣлся съ этихъ поръ.

— Ну, да ладно, довольно этихъ предисловій. Что ты хочешь сказать?

— Вотъ каковы мои проекты: освобожденный отъ матеріальныхъ недостатковъ въ жизни, я буду серьезно работать; я окончу мое большое твореніе и твердо установлю свою литературную репутацію. Прежде всего я покончиваю съ Богемой; одѣваюсь, какъ всѣ, въ черный фракъ и буду посѣщать салоны. Если ты хочешь идти по моимъ стопамъ, мы будемъ жить вмѣстѣ, но надобно принять мою программу. Самая строгая экономія— первое условіе нашей жизни. Устроивши все хорошо, мы будемъ имѣть возможность проработать три мѣсяца безъ всякихъ заботъ, но надо экономить!..

— Другъ мой,—сказалъ Марсель,— экономія — это такая наука, которую могутъ постигнуть только богатые, а это значитъ, что мы съ тобой не знаемъ въ ней ни аза. Однако, вынувъ изъ фондовъ шесть франковъ, мы купимъ сочиненіе Жана-Батиста-Сэя, очень извѣстнаго экономиста, и онъ научитъ насъ, можетъ быть, этому искусству... Что это? у тебя турецкая трубка?..

— Да,—отвѣчалъ Родольфъ,—я купилъ ее за двадцать пять франковъ.

— Какъ? ты тратишь двадцать пять франковъ на трубку и говоришь объ экономіи?..

— И это, конечно, экономія и есть, —сказалъ Родольфъ,—я билъ каждый день по трубкѣ въ два су, къ концу года это составляло гораздо большій расходъ, чѣмъ тотъ, какой я теперь сдѣлалъ. Въ дѣйствительности — это экономія.

— Дѣйствительно, — сказалъ Марсель,—ты правъ, я-бы не сообразилъ этого.

На сосѣдскихъ часахъ пробило въ это время шесть часовъ.

— Пойдемъ скорѣй обѣдать,—сказалъ Родольфъ,—я хочу съ этого-же вечера приводить свой планъ въ исполненіе. Вотъ, напримѣръ, обѣды— я разсудилъ такъ: каждый день мы теряемъ драгоцѣнное время на приготовленіе себѣ обѣда, время есть богатство работника и потому надо его беречь. Съ сегодняшняго дня мы будемъ обѣдать въ городѣ.

— Да,—согласился Марсель, — въ двадцати шагахъ отсюда есть превосходный ресторанъ, онъ немножко дорогъ, но такъ какъ онъ близко къ намъ, то намъ не такъ долго идти, и мы наверстаемъ это на времени.

— Сегодня мы сходимъ,—сказалъ Родольфъ, — но завтра или попозже мы примемъ еще болѣе экономичныя мѣры. Вмѣсто того, чтобы ходить въ ресторанъ, мы возьмемъ кухарку.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прервалъ Марсель,—мы возьмемъ лучше слугу, который будетъ въ тоже время и нашъ поваръ. Ты только посмотри, какія огромныя выгоды это намъ принесетъ. Прежде всего все у насъ будетъ въ порядкѣ: онъ будетъ чистить намъ сапоги, мыть мои кисти, исполнять наши порученія. Я постараюсь даже развить въ немъ вкусъ къ изящнымъ искусствамъ, и сдѣлаю своимъ ученикомъ. Такимъ образомъ на двоихъ мы съэкономимъ по крайней мѣрѣ шесть часовъ въ сутки и такихъ заботъ, которыя очень непріятны въ нашей работѣ.

— Ахъ, — сказалъ Родольфъ, — у меня есть другая мысль... но пойдемъ обѣдать.

Черезъ пять минутъ двое друзей сидѣли въ кабинетѣ сосѣдняго ресторана и продолжали разсуждать объ экономіи.

— Вотъ какова моя мысль: еслибъ, вмѣсто того, чтобы брать слугу, мы завели любовницу? — спросилъ Родольфъ.

— Одна любовница на двоихъ?— воскликнулъ Марсель въ ужасѣ,—это уже будетъ скупость, доведенная до

расточительности! Мы истратимъ наши экономіи на покупку ножей, чтобы убить другъ друга. Я предпочитаю слугу; прежде всего это придаетъ важности.

— Дѣйствительно,—согласился Родольфъ,—мы раздобудемъ себѣ малаго поумнѣе и, если онъ кое-что будетъ смыслить въ правописаніи, я его научу переписывать.

— Да, и это ему будетъ подъ старость хлѣбъ,—сказалъ Марсель, уплачивая счетъ, дошедшій до пятнадцати франковъ.

— Ого! здѣсь довольно дороговато! Обыкновенно, мы обѣдаемъ на тридцать су за двоихъ.

— Да,—отвѣчалъ Родольфъ, — но мы обѣдали плохо и должны были ужинать. Если все взять во вниманіе, то это—экономія.

— Ты сильнѣе меня въ разсужденіяхъ,—пробормоталъ артистъ, убѣжденный этой логикой,—ты постоянно правъ. А будемъ мы сегодня вечеромъ работать?

— О, нѣтъ! Я поѣду навѣстить моего дядю,—сказалъ Родольфъ, — это хорошій человѣкъ, я ему сообщу о моемъ новомъ положеніи, и онъ мнѣ дастъ хорошіе совѣты. А ты, ты куда пойдешь Марсель?..

— Я пойду къ старику Медичису спросить, нѣтъ ли у него картинъ для реставраціи. Кстати, дай-ка мнѣ пять франковъ.

— На что тебѣ?

— Чтобы пройти мостъ Искусствъ.

— Ну вотъ это расходъ безполезный! Хотя онъ и не великъ, но это противно нашимъ принципамъ.

— И вправду это нехорошо,—согласился Марсель, — я пройду черезъ Новый мостъ... Но я тогда возьму кабріолетъ.

И двое друзей разошлись въ разныя стороны, но по странному случаю очутились въ одномъ мѣстѣ, гдѣ и встрѣтились.

— Какъ? ты развѣ не засталъ дядю?—спросилъ Марсель.

— А ты не засталъ Медичиса?—спросилъ Родольфъ.

И оба покатились со смѣху.

Однако, они воротилось домой очень рано... на другой день.

Черезъ два дня Родольфъ и Марсель совершенно преобразились. Одѣтые точно богатые новобрачные, они были такъ красивы, такъ блестящи, такъ элегантны, что, встрѣчаясь на улицѣ, колебались даже узнать другъ друга.

Ихъ экономическая система была въ полномъ ходу, но установиться съ работою имъ было очень трудно. Они взяли слугу. Это былъ длинный малый лѣтъ тридцати четырехъ; швейцарецъ по происхожденію, онъ умомъ напоминалъ Жокриса. Ко всему, онъ и не былъ рожденъ, чтобы быть слугою: если кто-нибудь изъ его хозяевъ давалъ ему отнести свертокъ нѣсколько большой по объему, Батистъ краснѣлъ отъ досады и передавалъ его посыльному. Однако, Батистъ имѣлъ и хорошія качества: такъ, если ему давали зайца, онъ могъ сдѣлать изъ него по нуждѣ и рагу. Кромѣ того, такъ какъ онъ былъ прежде своего лакейства аптекаремъ, и сохранилъ большую любовь къ своему искусству, то и похищалъ много времени, принадлежавшаго его хозяевамъ, на отыскиваніе новаго чудо-цѣлебнаго средства, которое онъ хотѣлъ окрестить своимъ именемъ; онъ работалъ такимъ образомъ надъ орѣховой шелухой.

Но гдѣ Батистъ не имѣлъ себѣ подобныхъ, такъ это въ искусствѣ курить сигары Марселя и закуривать ихъ рукописями Родольфа.

Однажды Марсель захотѣлъ, чтобы Батистъ позировалъ передъ нимъ, въ костюмѣ фараона для его картины «*Переходъ черезъ Красное море*». На это предложеніе Батистъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и попросилъ разсчета.

— Хорошо, — сказалъ Марсель, — я васъ разсчитаю сегодня вечеромъ.

Когда воротился Родольфъ, его другъ

объявилъ ему, что надо отпустить Батиста.

— Онъ намъ рѣшительно ни на что не нуженъ,—сказалъ онъ.

— Это правда! Живая художественная вещь.

— Дуракъ, какихъ мало.

— Лѣнивецъ.

— Его надо прогнать.

— Прогонимъ.

— Однако, у него есть кой-какія достоинства. Онъ очень хорошо приготовляетъ рагу изъ зайца.

— И орѣховую скорлупу также. Это Рафаель орѣховой скорлупы.

— Да, но онъ только на это и способенъ, а этого намъ недостаточно. Мы все свое время проводимъ въ спорахъ съ нимъ.

— Онъ намъ мѣшаетъ работать.

— По его милости я не могу окончить моего «*Перехода черезъ Красное море*» въ выставкѣ. Онъ отказался позировать для Фараона.

— А я по его же милости не могу окончить заказанной работы. Онъ не захотѣлъ идти въ Публичную библіотеку и сдѣлать нужныя мнѣ справки.

— Онъ насъ просто раззоряетъ.

— Конечно, мы не въ состояніи его держать.

— Откажемъ ему... Но мы должны заплатить ему.

— Заплатимъ, только бы онъ уходилъ! Дай мнѣ денегъ, и я его разсчитаю.

— Какихъ денегъ? да вѣдь не я кассой завѣдую, а ты!

— Вовсе не я, а ты. Тебѣ поручено общее управленіе дѣлами, — сказалъ Родольфъ.

— Но я тебя увѣряю, что у меня нѣтъ денегъ!—воскликнулъ Марсель.

— Да развѣ-жь ихъ больше нѣтъ? Не можетъ быть! Невозможно истратить пятьсотъ франковъ въ недѣлю, особенно, когда живутъ такъ, какъ мы жили,— абсолютно экономно, когда ограничиваются строго необходимымъ (безобразно излишествуютъ, долженъ бы онъ сказать). Надо провѣрить счета,— сказалъ Родольфъ,—мы отыщемъ, гдѣ ошибка?

— Да,—сказалъ Марсель,—но мы не найдемъ денегъ. Все равно, просмотримъ книгу расходовъ.

Вотъ образчикъ этого счетоводства, которое было начато подъ покровительствомъ святой экономіи:

— 19-го марта. Въ приходѣ:—500 франковъ. Въ расходѣ: турецкая трубка—25 франковъ, обѣдъ—15 франковъ, разные расходы—10 франковъ.

— Что это такое за *разные расходы?* — спросилъ Родольфъ Марселя, который читалъ.

— Ты хорошо знаешь,—отвѣчалъ тотъ,—это вечеръ, когда мы воротились домой только утромъ. Тутъ мы съэкономили на дровахъ и на свѣчкахъ.

— Дальше? Продолжай.

— 20-го марта. Завтракъ — 1 фр. 50 сантимовъ, табакъ—20 сантимовъ, обѣдъ — 2 франка, лорнетъ — 2 фр. 50 сант... О! — сказалъ Марсель, — лорнетъ, это уже твой расходъ! И на что тебѣ понадобился лорнетъ? Ты и такъ прекрасно видишь.

— Ты очень хорошо знаешь, что я долженъ былъ писать отчетъ о художественной выставкѣ для «Перевязи Ириды»; невозможно же писать художественныя критики безъ лорнета. Это былъ вполнѣ законный расходъ. Дальше?

— Камышевая тросточка...

— Ага! вотъ это твой расходъ? — прицѣпился Родольфъ, — ты тоже не имѣлъ нужды въ тросточкѣ!..

— 20-го больше расходовъ нѣтъ,— сказалъ Марсель,—не отвѣчая на замѣчаніе.

— 21-го мы завтракали въ городѣ и обѣдали тамъ же, и ужинали тамъ же.

— Въ этотъ день мы не должны были много истратить.

— И дѣйствительно очень мало... едва тридцать франковъ.

— Ну, а на что, однако?

— Не знаю хорошо, — отвѣчалъ

Марсель,—это обозначено въ статьѣ: «Разные расходы».

— Темная и коварная статья! — замѣтилъ Родольфъ.

— 22-е. Въ этотъ день къ намъ поступилъ Батистъ; въ счетъ жалованья мы ему дали — 5 франковъ, шарманщику—50 сантимовъ, на выкупъ четырехъ маленькихъ китайскихъ дѣтей, обреченныхъ невѣроятно варварскими родителями на потопленіе въ Желтой рѣкѣ—2 фр. 40 сант.

— Постой,—прервалъ Родольфъ,— объясни мнѣ пожалуйста противорѣчіе въ этой статьѣ. Если ты даешь шарманщику, то почему ты оскорбляешь варварскихъ родителей *)? И наконецъ, какая нужда была намъ выкупать китайскихъ дѣтей?

— Я родился великодушнымъ,— отвѣчалъ Марсель, — продолжаю. До сихъ поръ мы еще не очень удалились отъ принциповъ экономіи.

— 23-го — ничего не записано, 24-го — также. Вотъ два хорошихъ дня! 25-го дано Батисту въ счетъ жалованья—3 франка.

— Мнѣ кажется, что ему уже слишкомъ часто даютъ деньги,—сказалъ Марсель въ видѣ примѣчанія.

— Будемъ меньше должны,—отвѣчалъ Родольфъ.—Продолжай.

— 26-го марта. Расходы разные и полезные съ точки зрѣнія искусства— 36 фр. 40 сантимовъ.

— Чего это такого полезнаго мы накупили? — спросилъ Родольфъ, — что-то я не припомню. 36 франковъ и 40 сантимовъ! Что бы это такое могло быть?

— Какъ? Ты не припоминаешь?.. А въ этотъ день мы поднимались на башни собора Парижской Богоматери, чтобы видѣть Парижъ съ птичьяго полета.

— Но чтобы подняться на башни— стоитъ всего восемь су,—замѣтилъ Родольфъ.

— Да, но спустившись мы обѣдали въ Сенъ-Жерменѣ.

— Ну, эта запись грѣшитъ противъ ясности.

— 27-го—ничего не записано.

— Прекрасно! Вотъ настоящая экономія.

— 28-го дано Батисту въ счетъ жалованья—6 франковъ.

— Ахъ! Послѣ этого я увѣренъ, что мы ничего больше не должны Батисту. Можетъ быть, еще онъ намъ долженъ...

Надо просмотрѣть.

29-го... Стой! Двадцать девятое даже и не поставлено,—вмѣсто числа началась нравоописательная статья.

— 30-е. Ага! У насъ обѣдали гости, большіе расходы: 30 франковъ 55 сантимовъ.

31-е—сегодня, мы еще ничего не израсходовали. Ты видишь,—сказалъ Марсель, закрывая книгу,—что счеты были ведены очень аккуратно. Итогъ не составляетъ пятисотъ франковъ.

— Тогда должны еще остаться деньги въ кассѣ.

— Посмотримъ,—сказалъ Марсель открывая ящикъ.

— Ничего больше нѣтъ, одинъ только паукъ.

— Паукъ утромъ—къ печали,— замѣтилъ Родольфъ.

— Да куда же къ чорту ушла такая уйма денегъ? — воскликнулъ Марсель, пораженный видомъ пустой кассы.

— Увы! Это очень просто, — сказалъ Родольфъ,—мы все отдали Батисту.

— Погоди-ка! — сказалъ Марсель, шаря въ ящикѣ, гдѣ онъ увидалъ бумагу. Квитанція за послѣдній срокъ!— вскричалъ онъ.

— Ну?—удивился Родольфъ,—какъ она туда попала?

— И съ роспиской въ полученіи,— прибавилъ Марсель, — такъ это ты заплатилъ домохозяину?

---

*) Не переводимая игра словъ. Шарманка по французски называется „orgue de barbarie".

— Вотъ еще!—сказалъ Родольфъ.
— Однако, что это значитъ...
— Но увѣряю тебя...

„Что-же значитъ эта тайна?"

запѣли они оба на мотивъ финала изъ «Бѣлой Дамы».

Любившій музыку Батистъ тотчасъ же пришелъ.

Марсель показалъ ему квитанцію.

— Ахъ, да,—сказалъ Батистъ небрежно,—я и забылъ вамъ про это сказать; сегодня утромъ, когда васъ не было дома, приходилъ хозяинъ. Я заплатилъ, чтобы не утруждать его приходомъ въ другой разъ.

— А гдѣ вы взяли денегъ?

— Ахъ, monsieur,—отвѣтилъ Батистъ,—я ихъ взялъ въ незапертомъ ящикѣ; я даже думалъ, что вы именно для этого и оставили его открытымъ, и сказалъ себѣ: «Мои господа забыли мнѣ сказать, уходя: «Батистъ, хозяинъ придетъ за квартирными деньгами, такъ надо ему заплатить». И я сдѣлалъ такъ, какъ бы мнѣ приказывали... хотя мнѣ и не приказывали.

— Батистъ!—вскричалъ Марсель, побѣлѣвши отъ злости, — вы превышаете свои полномочія! Съ сегодняшняго дня вы у насъ не служите! Возвратите вашу ливрею, Батистъ!

Батистъ снялъ фуражку изъ вощенаго холста, составлявшую всю его ливрею, и отдалъ ее Марселю.

— Хорошо! теперь вы можете уходить.

— А мое жалованье?

Что вы еще такое тутъ говорите? Вы получили больше, чѣмъ слѣдовало. Я вамъ далъ 14 франковъ почти въ двѣ недѣли. Развѣ вы столько заслужили? Не содержите-ли вы танцовщицу?

— По канату,—прибавилъ Родольфъ.

— Такъ я долженъ теперь остаться безпомощнымъ,—заговорилъ несчастный слуга,—безъ пристанища, съ непокрытой головой.

— Возьмите вашу ливрею,—сказалъ Марсель, тронутый по неволѣ.

И онъ возвратилъ фуражку Батисту.

— Такъ вотъ это кто, этотъ несчастный расхитилъ наше состояніе,—сказалъ Родольфъ, глядя въ слѣдъ удалявшемуся Батисту.

— Гдѣ-жь мы сегодня пообѣдаемъ?

— А это мы узнаемъ завтра,—отвѣчалъ Марсель.

VIII.

Чего стоитъ монета въ пять франковъ.

Однажды въ субботу, когда еще онъ не жилъ съ Мими, которая скоро появится, Родольфъ познакомился за обѣдомъ съ торговкой нарядами по имени Лаурой. Узнавши, что Родольфъ состоитъ редакторомъ «Перевязи Ириды» и «Кастора», двухъ модныхъ журналовъ, модистка, въ надеждѣ на рекламы для своихъ издѣлій, дѣлала ему кучу разныхъ намековъ. На эти вызовы Родольфъ отвѣчалъ цѣлымъ фейерверкомъ мадригаловъ, коимъ позавидовали-бы Бенсерадъ, Вуатюръ и всѣ Руджіери любовнаго стиля. Подъ конецъ обѣда Лаура, узнавъ, что Родольфъ былъ поэтъ, ясно дала ему понять, что она не прочь была-бы сдѣлать его своимъ Петраркою.

Она ему назначила даже безъ дальнихъ разговоровъ свиданіе на другой день.

— Вотъ дѣйствительно любезная особа,—говорилъ самъ себѣ Родольфъ, провожая Лауру.—Она, мнѣ кажется, и образована и имѣетъ довольно богатый гардеробъ. Я готовъ сдѣлать ее счастливой.

Подойдя къ двери своего дома, Лаура оставила руку Родольфа, благодаря его за труды провожанья ее въ такой отдаленный кварталъ.

— О, сударыня, — отвѣчалъ Родольфъ, низко кланяясь,—я хотѣлъ-бы, чтобъ вы жили въ Москвѣ или на Зондскихъ островахъ, тогда я

имѣлъ-бы удовольствіе долѣе быть вашимъ кавалеромъ.

— Это немножко далеко,—сказала Лаура, жеманясь.

— Мы пошли-бы бульварами, сударыня, — острилъ Родольфъ. — Позвольте мнѣ поцѣловать вашу ручку вмѣсто вашей щечки, — продолжалъ онъ, цѣлуя свою спутницу прямо въ губы, прежде, чѣмъ Лаура успѣла уклониться.

— О, monsieur, вы слишкомъ скоры, —воскликнула она.

— Это, чтобы придти раньше, — отвѣчалъ Родольфъ.

— Чудакъ,—думала модистка, возвращаясь къ себѣ.

— Прелестная особа!—говорилъ Родольфъ, удаляясь.

Возвратившись домой, онъ тотчасъ же легъ и видѣлъ самые сладкіе сны. Онъ видѣлъ, что съ нимъ подъ руку на балахъ, въ театрахъ и на гуляньяхъ ходитъ Лаура, одѣтая въ платья болѣе роскошныя, чѣмъ тѣ, что прославлены кокетствомъ «Ослиной кожи».

На другое утро Родольфъ, по своему обыкновенію, всталъ въ одиннадцать часовъ. Первая его мысль была о Лаурѣ.

— Это очень порядочная женщина— бормоталъ онъ,—я увѣренъ, что она воспитывалась въ Сенъ-Дени. Наконецъ-то я испытаю счастіе имѣть любовницу не рябую и забитую. Конечно, я для нея не поскуплюсь, я пойду взять денегъ въ «Перевязь Ириды», куплю перчатки и поведу Лауру обѣдать въ ресторанъ, гдѣ подаютъ салфетки... Костюмъ-то у меня не важенъ,—замѣтилъ онъ, одѣваясь...—но чтожь дѣлать? черное всетаки прилично!

И онъ отправился въ контору «Перевязи Ириды».

Переходя улицу, онъ встрѣтилъ омнибусъ на стѣнкахъ котораго была наклеена афиша съ надписью:

„Сегодня въ воскресенье пущены всѣ фонтаны въ Версали“.

Громовой ударъ, разразившійся около самыхъ ногъ Родольфа, не болѣе поразилъ бы его, какъ эта афиша.

— Сегодня воскресенье, а я и забылъ!—воскликнулъ онъ,—мнѣ не достать денегъ. Сегодня воскресенье!.. Всѣ деньги, какія есть въ Парижѣ, отправились теперь въ Версаль.

Однако подтолкнутый послѣднею надеждою, на которую человѣкъ всегда полагается, Родольфъ пошелъ въ свой журналъ, разсчитывая, что по счастливому случаю кассиръ можетъ придти.

Г. Бонифасъ дѣйствительно приходилъ, но на минуту, и уже ушелъ.

— Онъ поѣхалъ въ Версаль,—сказалъ Родольфу конторскій мальчикъ.

— Вотъ тебѣ разъ, — сказалъ Родольфъ,—кончено!... Да вотъ что, подумалъ онъ,—свиданіе назначено вечеромъ. Теперь полдень, у меня еще пять часовъ, чтобы достать пять франковъ,— двадцать су за часъ, какъ нанимаютъ лошадей въ Булонскомъ лѣсу. Въ дорогу!

Такъ какъ онъ находился близко отъ того мѣста, гдѣ жилъ журналистъ, котораго онъ называлъ *вліятельнымъ критикомъ*, то Родольфъ и рѣшилъ сдѣлать покушеніе на него.

— Я увѣренъ, что его найду, говорилъ онъ себѣ, подымаясь по лѣстницѣ. —Сегодня онъ долженъ писать фельетонъ и никуда не уйдетъ. Я займу у него пять франковъ.

— Какъ! это вы? — сказалъ литераторъ, увидя Родольфа,—вы пришли очень кстати: я хочу попросить васъ оказать мнѣ маленькую услугу.

— Само бѣжитъ!—подумалъ редакторъ «Перевязи Ириды».

— Были вы вчера въ Одеонѣ?

— Я постоянно бываю въ Одеонѣ.

— Тогда, значитъ, вы видѣли новую пьесу?

— Видѣлъ-ли я ее? Публика Одеона—это я!

— Это вѣрно,—сказалъ критикъ,— вы одна изъ каріатидъ этого театра, говорятъ даже, что вы поддерживаете

его денежною помощью. Ну такъ вотъ что, я хочу попросить у васъ: отчетъ о новой пьесѣ.

— Это легко, у меня память точно у кредитора.

— Чья эта пьеса?— спросилъ критикъ Родольфа, пока онъ писалъ.

— Одного тутъ господина...

— Не сильная, должно быть, вещь.

— Слабѣе турка, конечно.

— Ну такъ плоха. Турки, видители, пользуются незаслуженной репутаціей сильныхъ людей, тогда какъ они не могли бы быть и савоярами.

— А чтобы такое помѣшало быть ими?

— Потому, что всѣ савояры изъ Оверни, а всѣ оверньяты—носильщики. Да турокъ и нѣтъ больше, кромѣ, какъ на плохихъ маскарадахъ и въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ они торгуютъ финиками. Турокъ — это одинъ предразсудокъ. Одинъ изъ моихъ друзей, который изучилъ Востокъ, увѣрялъ меня, что всѣ восточные люди рождаются въ улицѣ Кокнаръ.

— Это мило, все, что вы разсказываете,—сказалъ Родольфъ.

— Вы находите? — спросилъ критикъ.—Я помѣщу это въ мой фельетонъ.

— Вотъ мой отчетъ, написано опредѣленно,—сказалъ Родольфъ.

— Да, но это коротко.

— Разставивши тире и развивъ ваше критическое мнѣніе,—это займетъ порядочно мѣста.

— У меня совсѣмъ нѣтъ времени, мой милый и, наконецъ, мое критическое мнѣніе не займетъ столько мѣста.

— Такъ вы поставьте черезъ каждыя три слова по прилагательному.

— Не можете ли вы мнѣ тутъ втиснуть въ вашъ отчетъ маленькую или лучше большую оцѣнку пьесы, а? — спросилъ критикъ.

— Видите ли,—отвѣчалъ Родольфъ, —у меня есть свои мнѣнія о трагедіи, но я васъ предупреждаю, что я уже ихъ три раза печаталъ въ «Касторѣ» и «Перевязи Ириды».

— Это все равно. Сколько строкъ составляютъ ваши мнѣнія?

— Сорокъ строкъ.

— Однако, большія же у васъ идеи! Ну, да ладно, одолжите мнѣ ваши сорокъ строкъ.

— Хорошо,—подумалъ Родольфъ,— если я ему перепишу стараго на двадцать франковъ, то онъ не сможетъ мнѣ отказать въ пяти. Я долженъ васъ предупредить,—сказалъ онъ критику, —что мои идеи не очень новы. Онѣ уже довольно поношены. Прежде, чѣмъ ихъ напечатать, я распространялся о нихъ во всѣхъ кафе Парижа. Нѣтъ ни одного гарсона, который бы не зналъ ихъ наизусть.

— Ахъ! что мнѣ до этого за дѣло!.. Вы меня, значитъ, не знаете. Что такое есть въ мірѣ новаго, исключая невинности?

— Ну, вотъ! — сказалъ Родольфъ, окончивъ.

— Громъ и молнія! Не хватаетъ еще двухъ столбцовъ!.. Чѣмъ я наполню эту пропасть?—вскричалъ критикъ. — Ну, да такъ какъ вы еще здѣсь, снабдите меня кое-какими парадоксами.

— У меня ихъ нѣтъ съ собою, — отвѣчалъ Родольфъ,—но я могу вамъ ссудить кое-какіе, только они не мои, - прибавилъ онъ,—я купилъ ихъ у одного пріятеля за пятьдесятъ сантимовъ, когда ему нужны были деньги. Они подержаны очень немного.

— Очень хорошо,—сказалъ критикъ.

— Ага,—подумалъ Родольфъ, снова садясь писать,—теперь я у него спрошу десять франковъ; въ это время парадоксы дороги, точно куропатки.

И онъ написалъ строкъ съ тридцать, гдѣ была болтовня о піанино, о золотыхъ рыбкахъ, о школѣ здраваго смысла, о рейнскомъ винѣ, которое было названо туалетнымъ виномъ.

— Очень мило,—сказалъ критикъ,— окажите мнѣ дружбу прибавить еще, что каторга есть такое мѣсто въ мірѣ, гдѣ всего больше можно найти честныхъ людей.

— Позвольте, для чего это?

— Чтобы добавить еще двѣ строки,— отвѣчалъ онъ. — Хорошо! Теперь все кончено, — сказалъ вліятельный критикъ, призывая своего слугу, чтобы онъ отнесъ его фельетонъ въ типографію.

— А теперь и приступимъ къ нему,— подумалъ Родольфъ.

И онъ изложилъ передъ нимъ свою просьбу.

— Ахъ, милый мой,—сказалъ критикъ,—здѣсь у меня нѣтъ ни одного су. Лолотта меня раззоряетъ на помаду и вотъ сейчасъ только ограбила меня до послѣдняго мѣдяка, чтобы ѣхать въ Версаль смотрѣть на Нереидъ и на бронзовыя чудовища, изрыгающія воду.

— Въ Версаль?—сказалъ Родольфъ. —Да это просто эпидемія!

— А зачѣмъ вамъ нужны деньги?

— Видите ли, въ чемъ штука, — отвѣчалъ Родольфъ.—У меня сегодня въ пять часовъ вечера назначено свиданіе съ одной свѣтской женщиной, очень приличной особой, которая не выѣзжаетъ иначе, какъ постоянно въ омнибусѣ. Я хотѣлъ бы соединить свою судьбу съ ея судьбою на нѣсколько дней и мнѣ кажется приличнымъ доставить ей всѣ удовольствія жизни: обѣдъ, балъ, прогулки и прочее, и прочее. Мнѣ необходимы пять франковъ; если я ихъ не найду, — французская литература будетъ обезчещена въ моемъ лицѣ.

— А почему же вы не займете эту сумму у этой самой дамы?—воскликнулъ критикъ.

— На первый разъ это совершенно невозможно. Только вы и можете выручить меня изъ этого положенія.

— Клянусь всѣми муміями Египта, даю вамъ самое честное слово, что у меня не на что купить трубку въ одно су. Вотъ у меня есть нѣсколько книжекъ, которыя вы можете спустить.

— Сегодня воскресенье, невозможно. Тетка Мансю, Лебигръ и всѣ лавченки на набережной и въ улицѣ Сенъ-Жакъ заперты. Да и что у васъ за книжки? Стихотворенія съ портретами авторовъ въ очкахъ? Эти вещи совсѣмъ не покупаютъ.

— Если только они не осуждены и не изъяты изъ продажи,—сказалъ критикъ. — Подождите-ка, вотъ нѣсколько романсовъ еще и билеты на концертъ. Половчѣе за это взявшись, вы, можетъ быть, и добудете деньжонокъ...

— Мнѣ бы лучше что нибудь другое, панталоны, напримѣръ.

— Ну, вотъ,—сказалъ критикъ,— возьмите еще этого Боссюэта и гипсоваго Одиллона Барро; честное слово, это уже лепта вдовицы!

— Я вижу, что вы это даете съ охотою,—сказалъ Родольфъ.—Я уношу эти сокровища, но если мнѣ удастся выручить за все тридцать су, я сочту это за тринадцатый изъ подвиговъ Геркулеса.

Обѣгавши нѣсколько верстъ, Родольфъ, при помощи краснорѣчія, какимъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ въ трудныя минуты, достигъ, что ему дала взаймы два франка его прачка, взявъ на сохраненіе книжки стихотвореній, романсы и портретъ г. Барро.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—переходя мосты, соусъ есть, надо найти рагу. Если бы я сходилъ къ дядѣ?

Черезъ полчаса онъ былъ у своего дяди Монетти, который сразу прочелъ на физіономіи племянника, о чемъ будетъ рѣчь. Поэтому онъ приготовился и предупредилъ всякую просьбу цѣлымъ рядомъ жалобъ, въ родѣ подобныхъ:

— Времена трудныя, хлѣбъ дорогъ, должники не платятъ, за помѣщеніе надо платить, торговля въ застоѣ,—и такъ далѣе, и такъ далѣе, всѣ лицемѣрныя причитанія лавочниковъ. — Повѣришь ли ты, — сказалъ дядя,— что я былъ принужденъ занять у своего лавочнаго мальчика, чтобы заплатить по счету.

— Вамъ надо было послать ко мнѣ,—

сказалъ Родольфъ.—Я бы вамъ ссудилъ денегъ; три дня тому назадъ я получилъ двѣсти франковъ.

— Спасибо, мой мальчикъ,—поблагодарилъ дядя,—но тебѣ самому нужно... Ахъ, пока ты здѣсь, ты долженъ мнѣ, такъ какъ у тебя прекрасный почеркъ, переписать вотъ эти счета, по которымъ я пошлю за получкой.

— Вотъ пять франковъ, которые будутъ мнѣ дорого стоить!—подумалъ Родольфъ, садясь за переписку, которую онъ кончилъ скоро.

— Мой милый дядя,—сказалъ онъ Монетти,—я знаю, что вы очень любите музыку, я вамъ принесъ билеты на концертъ.

— Ты очень любезенъ, мой мальчикъ. Не хочешь ли пообѣдать со мною?

— Благодарю васъ, дядюшка, меня ждутъ къ обѣду въ предмѣстьи Сенъ-Жерменъ; я даже въ затрудненіи, потому что мнѣ нѣкогда зайти домой и взять денегъ, чтобы купить перчатки.

— У тебя нѣтъ перчатокъ? не хочешь ли, я тебѣ дамъ свои,—предложилъ дядя.

— Благодарю, но у насъ разныя руки... вы не одолжите ли мнѣ...

— Двадцать девять су, чтобы ихъ купить? Конечно же, мой мальчикъ, изволь, вотъ они. Когда посѣщаютъ большой свѣтъ, надо быть хорошо одѣтымъ. Лучше возбуждать зависть, чѣмъ жалость, говорила твоя тетка... Вотъ, вотъ, я вижу, что ты выходишь въ люди, тѣмъ лучше... Я бы тебѣ далъ и больше, но это все, что у меня есть въ конторкѣ; надобно подыматься наверхъ, а я не могу оставить лавочку пустую, каждую минуту ходятъ покупатели.

— А вы говорили, что торговля совсѣмъ не идетъ?

Дядя Монетти сдѣлалъ видъ, какъ будто не слыхалъ этихъ словъ, и сказалъ своему племяннику, прятавшему двадцать девять су:

— Ты не торопись отдавать мнѣ ихъ.

— Эдакая скряга! — ворчалъ Родольфъ уходя.—Теперь мнѣ не хватаетъ еще тридцати одного су. Гдѣ ихъ найти? Но я подумаю, пойдемъ на «перекрестокъ Провидѣнія».

Родольфъ называлъ такъ самое центральное мѣсто Парижа, т. е. Пале-Рояль. Это мѣсто, гдѣ почти невозможно пробыть десять минутъ, не встрѣтившись съ десятерыми знакомыми, особенно съ заимодавцами. Родольфъ сталъ на часы на подъѣздѣ Пале-Рояля. На этотъ разъ «Провидѣніе» долго не показывалось. Наконецъ Родольфъ увидѣлъ его. Оно было одѣто въ бѣлую шляпу, зеленое пальто и съ тросточкой съ золотымъ набалдашникомъ... Провидѣніе очень хорошо одѣтое.

Это былъ молодой человѣкъ, богатый и обязательный, хотя и фаланстеристъ.

— Я очень радъ васъ видѣть,—сказалъ онъ Родольфу,—пройдемтесь со мною немного, поболтаемъ.

— Вотъ, когда я буду терпѣть мученіе фаланстера!—бормоталъ Родольфъ, позволяя увести себя бѣлой шляпой, которая и дѣйствительно жестоко *отфаланстерировала* его.

Когда они приблизились къ мосту Искусствъ, Родольфъ сказалъ своему спутнику:

— Я оставлю васъ, у меня нечѣмъ заплатить здѣсь налогъ.

— Да пойдемте,—сказалъ тотъ,—удерживая Родольфа и бросая два су инвалиду.

— Вотъ когда пришло время, думалъ редакторъ «Перевязи Ириды», переходя мостъ, и когда они дошли до конца къ часамъ института, Родольфъ вдругъ остановился, показалъ на циферблатъ жестомъ отчаянія и воскликнулъ:

— Чортъ возьми! безъ четверти пять! я погибъ!

— Что такое? удивился тотъ.

— А то, что по вашей милости, потому вы меня затащили сюда про-

тивъ моей воли, я опоздалъ на свиданіе.

— Важное?

— Еще-бы! Я долженъ былъ получить деньги въ пять часовъ въ Батиньолѣ... Никакъ туда не поспѣть... Какъ быть, чортъ возьми!..

— Что-же такое?—сказалъ фаланстеристъ,—это очень просто: пойдемте ко мнѣ и я вамъ дамъ денегъ.

— Невозможно! Вы живете въ Монружѣ, а у меня дѣло въ шесть часовъ на Шоссэ-Д'Антенъ... Чортъ побери!..

— Со мною есть кое-что,—сказало робко Провидѣніе,—но очень мало.

— Если-бъ у меня было на что нанять кабріолетъ, можетъ быть, я и поспѣлъ-бы во время въ Батиньоль.

— Вотъ все, что у меня есть въ кошелькѣ, мой милый, — тридцать одно су.

— Давайте скорѣй! давайте, чтобъ я спасся, — говорилъ Родольфъ, слушая, какъ бьетъ пять часовъ, и бѣгомъ отправился на мѣсто свиданія.

— Однако, трудно ихъ было вытеребить,—говорилъ онъ, считая деньги,—сто су, сполна! Наконецъ, я готовъ, и Лаура увидитъ, что она имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, умѣющимъ жить. Я не хочу сегодня вечеромъ принести домой ни одного су.

Надобно возвысить литераторовъ въ общественномъ мнѣніи и доказать, что имъ только не хватаетъ денегъ, чтобы быть богатыми.

Родольфъ нашелъ Лауру на мѣстѣ свиданія.

— Превосходно! — сказалъ онъ,— по точности эта женщина—брегетъ!..

Онъ провелъ весь вечеръ съ нею и храбро расплавилъ свои пять франковъ въ тиглѣ расточительности.

Мадмуазель Лаура была въ восторгѣ отъ его обращенія и захотѣла, чтобы Родольфъ проводилъ ее домой только до тѣхъ поръ, пока введетъ ее въ его комнату.

— Я дѣлаю ошибку, — говорила она,—не заставьте меня раскаиваться отъ вашей неблагодарности; она есть свойство вашего пола.

— Сударыня!—увѣрялъ Родольфъ,— я извѣстенъ своимъ постоянствомъ. Всѣ мои друзья удивляются моей вѣрности, и прозвали меня генераломъ Бертраномъ въ любви!..

IX.

Полярныя фіалки.

Въ это самое время Родольфъ былъ очень влюбленъ въ свою кузину Анжель, которая его терпѣть не могла, и термометръ инженера Шевалье показывалъ двѣнадцать градусовъ ниже нуля.

Мадмуазель Анжель была дочь г. Монетти, печника, о которомъ мы уже имѣли случай говорить. Ей было восемнадцать лѣтъ и она пріѣхала изъ Бургундіи, гдѣ прожила пять лѣтъ у своей родственницы, которая должна была оставить ей свое состояніе послѣ смерти. Эта родственница, старая женщина, не бывшая никогда ни молодою, ни красивою, вѣчно злилась, несмотря на то, что была (или потому, что была) ханжою.

Анжель, бывшая при своемъ отъѣздѣ хорошенькимъ ребенкомъ, отрочество котораго уже обѣщало красивую юность, воротилась черезъ пять лѣтъ настоящею красавицею, но холодною, сухою и равнодушною. Замкнутая жизнь въ провинціи, набожность до ханжества и воспитаніе въ скряжническомъ духѣ, какое она получила, наполнило ея умъ глупыми и грубыми предразсудками, съузило ея воображеніе и сдѣлало изъ ея сердца родъ органа, который ограничивался только своею ролью распредѣлителя крови.

Въ жилахъ Анжели текла, такъ сказать, святая вода вмѣсто крови. Возвратившись, она приняла своего кузена съ ледяной сдержанностью, и онъ терялъ понапрасну время каждый разъ, какъ пытался расшевелить въ ней нѣжныя струны воспоминаній, воспо-

минаній того золотого времени, когда они, какъ Поль и Виргинія, питали другъ къ другу любовь, столь обыкновенную между кузиною и кузеномъ.

Тѣмъ не менѣе Родольфъ былъ очень влюбленъ въ кузину Анжель, которая не могла его терпѣть; и, узнавъ, что молодая дѣвушка поѣдетъ въ скоромъ времени на свадьбу одной изъ своихъ подругъ, онъ осмѣлился до того, что предложилъ Анжели букетъ фіалокъ, чтобы ѣхать на этотъ балъ.

Спросивши позволенія у отца, Анжель приняла эту любезность своего кузена, настаивая, чтобы фіялки были непремѣнно бѣлыя.

Родольфъ, совершенно счастливый отъ любезности своей кузины, прыгалъ и пѣлъ, возвращаясь къ себѣ, на *гору Сенъ-Бернаръ*; такъ онъ называлъ свое обиталище. Почему, узнаютъ скоро.

Онъ проходилъ черезъ Пале-Рояль и въ лавочкѣ мадамъ Право, знаменитой цвѣточницы, увидѣлъ на выставкѣ бѣлыя фіалки; изъ любопытства онъ зашелъ справиться о цѣнѣ. Хорошенькій букетъ стоилъ не менѣе десяти франковъ, хотя были и другіе, гораздо дороже.

—Ахъ, чортъ!—сказалъ Родольфъ,—десять франковъ, — и только недѣля, чтобы достать этотъ милліонъ! Будетъ съ этимъ возни, но все равно; кузина получитъ свой букетъ. У меня есть мысль.

Это происшествіе случилось еще тогда, когда Родольфъ только что выступалъ на литературное поприще. У него тогда не было другихъ средствъ, кромѣ пенсіона въ пятнадцать франковъ, который ему давалъ одинъ изъ его друзей, великій поэтъ, сдѣлавшійся, при помощи протекціи, послѣ долгаго жительства въ Парижѣ, учителемъ въ деревнѣ.

Родольфъ, котораго крестила сама расточительность, растрачивалъ свой пенсіонъ въ четыре дня, и такъ какъ не хотѣлъ бросить святое, но малодоходное призваніе элегическаго поэта, то и жилъ все остальное время случайною манною, изрѣдка и необильно падающею изъ корзинъ Провидѣнія. Такой постъ не пугалъ его, онъ претерпѣвалъ его весело, благодаря своей стоической воздержности и богатству фантазіи, которое онъ расходовалъ каждый день, въ ожиданіи 1-го числа, этой Пасхи, заканчивавшей его голодные дни.

Въ это время Родольфъ жилъ на улицѣ Контрескарпъ-Сенъ-Марсель, въ огромномъ домѣ, называвшемся прежде домомъ «*Судой Эминенціи*», потому что, какъ говорили, здѣсь жилъ отецъ Жозефъ, проклятый наушникъ герцога Ришелье. Родольфъ занималъ самую вышку этого самаго высокаго дома въ Парижѣ. Комната его была расположена въ видѣ бельведера и была прелестнымъ жильемъ во время лѣта, но съ октября по апрѣль она представляла маленькую Камчатку. Всѣ четыре главныхъ вѣтра, проникавшіе въ окна, сдѣланныя во всѣхъ четырехъ стѣнахъ, всю зиму исполняли здѣсь ужасные квартеты. И еще, какъ бы въ насмѣшку, въ одной стѣнѣ былъ большой каминъ, казавшійся почетнымъ подъѣздомъ для Борея и его свиты. При первыхъ жестокостяхъ мороза Родольфъ прибѣгнулъ къ особенной системѣ отопленія: онъ распилилъ на ровненькія полѣнца всю небольшую мебель, какая у него была, и въ недѣлю она сильно убавилась. У него осталась только кровать и два стула, но, сказать правду, эта оставшаяся мебель была изъ желѣза, такъ что самою природою была застрахована отъ пожара.

Родольфъ называлъ этотъ способъ отопленія «переѣздкой черезъ печку».

Дѣло было въ январѣ мѣсяцѣ, и термометръ, показывавшій на набережной Люнеттъ двѣнадцать градусовъ, показывалъ два или три градуса ниже въ бельведерѣ Родольфа, который прозвалъ его *горою Сенъ-Бернардомъ*, *Шпицбергеномъ*, *Сибирью*.

Вечеромъ въ тотъ день, когда онъ обѣщалъ бѣлыя фіалки кузинѣ, Родольфъ былъ очень разсерженъ возвратившись къ себѣ: четыре главныхъ вѣтра, разыгравшись въ четырехъ углахъ его комнаты, разбили стекло.

Это была третья порча въ такомъ родѣ въ теченіе двухъ недѣль, и Родольфъ разразился яростными проклятіями противъ Эола и его всеразрушающаго семейства. Заткнувши новую дыру портретомъ одного изъ своихъ друзей, Родольфъ легъ спать, совсѣмъ одѣтый, на доски, которыя онъ называлъ своимъ матрасомъ, и всю ночь видѣлъ во снѣ бѣлыя фіалки.

Черезъ пять дней Родольфъ не нашелъ еще никакого способа помочь осуществленію своего сна, а послѣ завтра онъ уже долженъ былъ доставить букетъ кузинѣ.

Все это время термометръ падалъ ниже и ниже, и несчастный поэтъ отчаивался, что фіалки подымутся въ цѣнѣ.

Наконецъ Провидѣніе сжалилось надъ нимъ, и вотъ какимъ образомъ оно пришло къ нему на помощь.

Утромъ Родольфъ пошелъ на удалую попросить завтрака къ своему другу, художнику Марселю, и нашелъ его въ разговорѣ съ дамою въ траурѣ. Это была вдова, жившая по сосѣдству; она недавно потеряла мужа и пришла справиться, сколько съ нея возьмутъ за написаніе на воздвигнутой ею могилѣ надъ мужемъ *мужской руки*, ниже которой надо было сдѣлать надпись:

«Я жду тебя, дорогая супруга!»

Чтобы заплатить за работу подешевле, она даже поставила артисту на видъ, что, когда Господь пошлетъ ее соединиться съ мужемъ, то онъ будетъ писать и вторую руку, ея руку, украшенную браслетомъ, съ новою надписью, которая будетъ такова:

«Наконецъ мы соединены!»

— Я помѣщу этотъ пунктъ даже въ своемъ завѣщаніи,—говорила вдова,—и настою на томъ, чтобы эта работа была отдана именно вамъ.

— Ну, если это будетъ такъ, — отвѣтилъ артистъ,—я принимаю цѣну, которую вы мнѣ предлагаете... но это въ надеждѣ именно на *пожатіе руки*. Не забудьте меня въ вашемъ завѣщаніи.

— Я хотѣла бы, чтобы вы сдѣлали это какъ можно скорѣе,—сказала вдова,—тѣмъ не менѣе я вамъ даю времени, сколько нужно. Не забудьте нарисовать рубецъ на большомъ пальцѣ; я хочу, чтобъ рука была какъ живая.

— Рука чуть не говорить будетъ, сударыня, будьте спокойны,—говорилъ Марсель, провожая вдову, которая при самомъ выходѣ вдругъ воротилась назадъ.

— Я еще хочу у васъ спросить, господинъ художникъ; я хотѣла бы написать на могилѣ моего мужа такую штуку въ стихахъ, гдѣ бы было сказано о его хорошей жизни и о послѣднихъ словахъ, сказанныхъ имъ на смертномъ одрѣ. Хорошо ли это?

— Это очень прилично! это называется эпитафіею; очень хорошо!

— Не знаете-ли вы кого нибудь, кто-бы мнѣ это сдѣлалъ за недорогую цѣну? У меня ѣстъ сосѣдъ, г. Геренъ, публичный писецъ, но онъ спрашиваетъ безобразную цѣну.

Здѣсь Родольфъ бросилъ Марселю взглядъ, который тотъ понялъ.

— Сударыня, — сказалъ артистъ, указывая на Родольфа, — счастливый случай привелъ сюда человѣка, который можетъ быть вамъ полезенъ въ этомъ грустномъ обстоятельствѣ. Этотъ господинъ—извѣстный поэтъ, и вы не найдете ничего лучше.

— Я особенно хочу, чтобы это было печально,—говорила вдова,—и чтобы правописаніе было порядочное.

— Сударыня,—отвѣчалъ Марсель,— мой другъ знаетъ правописаніе на-

изусть! Въ школѣ онъ получалъ всѣ награды.

— Что-жь, — сказала вдова, — мой племянникъ также получилъ награду, однако, ему еще только семь лѣтъ.

— Очень развитой мальчикъ,—похвалилъ Марсель.

— Однако, — настаивала вдова, — этотъ господинъ умѣетъ-ли писать грустные стихи?

— Лучше, чѣмъ кто другой, сударыня, — потому что онъ въ жизни имѣлъ много огорченій. Мой другъ отличается въ печальныхъ стихахъ; за это его даже постоянно упрекаютъ въ журналахъ.

— Какъ! — воскликнула вдова, — объ немъ даже въ журналахъ говорятъ? значитъ, онъ не меньше ученъ, чѣмъ г. Геренъ, публичный писецъ?

— О, гораздо больше, сударыня! Обратитесь къ нему и вы не раскаетесь въ этомъ.

Объяснивши поэту смыслъ надписи въ стихахъ, которую она хотѣла сдѣлать на могилѣ мужа, вдова согласилась дать десять франковъ Родольфу, если она останется довольна, главнымъ образомъ она хотѣла, чтобы стихи были написаны очень скоро. Поэтъ обѣщалъ ей послать ихъ завтра-же со своимъ другомъ.

— О, добрая фея Артемиза! — воскликнулъ Родольфъ, когда вдова ушла, — я обѣщаю, что ты будешь довольна, я тебя хорошо почту погребальнымъ лиризмомъ, а объ ореографіи позабочусь точно о принцессѣ. О, добрая старушка! пусть въ награду тебѣ небеса дадутъ жить сто семь лѣтъ, какъ хорошей старой водкѣ!

— Я протестую! — воскликнулъ Марсель.

— Ахъ, да, вѣрно,—опомнился Родольфъ, — я и забылъ, что тебѣ еще писать руку послѣ ея смерти, и такая долговѣчность отнимаетъ у тебя деньги.

И онъ поднялъ руки, говоря:— Небо!—не принимай моей молитвы!.. Ахъ, какъ я счастливо попалъ къ тебѣ!—прибавилъ онъ.

— И вправду, что тебѣ отъ меня надо?—спросилъ Марсель.

— Теперь, когда я долженъ провести ночь за этими стихами, я хочу у тебя попросить: 1-е пообѣдать, 2-е табаку и кусокъ свѣчки и 3-е твой костюмъ бѣлаго медвѣдя.

— Развѣ ты идешь въ маскарадъ? И вправду, сегодня вечеромъ первый въ году.

— Нѣтъ, но таковъ, какимъ ты меня видишь, я мерзну, какъ великая армія во время отступленія изъ Россіи.

— Конечно, мое пальто изъ зеленаго ластинга и панталоны изъ шотландскаго мериноса очень красивы, но они слишкомъ весенни и годятся, когда живутъ подъ экваторомъ. Но когда живутъ на полюсѣ, какъ я, то костюмъ бѣлаго медвѣдя болѣе подходитъ, я бы сказалъ даже больше: это вынужденный костюмъ.

— Возьми Михайла Иваныча, — сказалъ Марсель,—это идея; онъ тепелъ, точно грѣлка, и ты будешь въ немъ точно булка въ печи.

Родольфъ уже одѣлся въ шкуру животнаго.

— Теперь,—сказалъ онъ,—термометръ будетъ жестоко обезкураженъ.

— Неужели ты такъ и пойдешь въ этомъ?—спросилъ Марсель, когда они кончили какой-то неопредѣленный обѣдъ изъ дешевой посудины.

— Еще бы!—отвѣчалъ Родольфъ, буду я смотрѣть на то, что объ этомъ подумаютъ! да наконецъ сегодня начинается карнавалъ.

И онъ прошелъ черезъ весь Парижъ съ важной осанкой того четвероногаго, въ шкурѣ котораго находился. Проходя передъ термометромъ инженера Шевалье, Родольфъ сдѣлалъ ему носъ.

Возвратившись къ себѣ, не безъ того, чтобы не напугать своего привратника, поэтъ зажегъ свѣчку, старательно загородилъ ее прозрачной

бумагой отъ злыхъ шутокъ аквилоновъ и тотчасъ же сѣлъ за работу.

Однако онъ скоро увидѣлъ, что если самъ онъ былъ защищенъ отъ холода, то пальцы его оставались открыты; не успѣлъ онъ написать и двухъ стиховъ эпитафіи, какъ жестокій ознобъ схватилъ его пальцы и они выпустили перо.

— Самый храбрый человѣкъ не можетъ бороться противъ стихій,—сказалъ Родольфъ, падая въ безсиліи на стулъ,—Цезарь перешелъ Рубиконъ, но онъ не смогъ-бы перейти черезъ Березину.

Вдругъ поэтъ испустилъ крикъ радости изъ глубины своей медвѣжьей груди и такъ быстро вскочилъ, что пролилъ чернила на бѣлизну мѣха, ему пришла мысль, подновленная изъ Чаттертона. Родольфъ вытащилъ изъ подъ кровати большой свертокъ бумагъ, между которыми находилось съ десятокъ огромныхъ рукописей его знаменитой драмы «Мститель». Эта драма, надъ которой онъ работалъ два года, была писана, переписана, передѣлана столько разъ, что списки ея, собранные вмѣстѣ, вѣсили семь килограммовъ.

Родольфъ отложилъ въ сторону самую послѣднюю рукопись, а остальныя снесъ къ камину.

— Я былъ увѣренъ, что найду ей помѣщеніе,—воскликнулъ онъ, подождавши!..—Вотъ, дѣйствительно, хорошая вязанка прозы! Ахъ, еслибъ я предвидѣлъ, что такъ случится, я написалъ-бы еще прологъ, и сегодня у меня было-бы больше топлива. Но, что-же дѣлать! всего предвидѣть нельзя.

И онъ зажегъ въ каминѣ нѣсколько листковъ рукописи, на огнѣ которыхъ онъ отогрѣлъ руки.

Черезъ пять минутъ первый актъ «Мстителя» былъ *разыгранъ*, а Родольфъ написалъ три стиха эпитафіи.

Ничто въ мірѣ не можетъ сравниться съ удивленіемъ четырехъ главныхъ вѣтровъ, когда они увидѣли огонь въ каминѣ Родольфа!

— Это—обманъ зрѣнія,—дулъ сѣверный вѣтеръ, забавлявшійся взлохмачиваньемъ шерсти на Родольфѣ.

— А если мы подуемъ въ трубу,—отвѣтилъ другой вѣтеръ,—тогда каминъ у него задымитъ.

Но только что они хотѣли начать безпокоить бѣднаго Родольфа, какъ южный вѣтеръ увидалъ Араго въ окнѣ обсерваторіи, гдѣ ученый грозилъ пальцемъ квартету аквилоновъ. Увидавъ это, южный вѣтеръ закричалъ своимъ братьямъ:

— Спасайтесь скорѣе!—календарь показываетъ тихую погоду въ эту ночь! мы находимся въ противорѣчіи съ обсерваторіей, и если мы не утихнемъ къ полночи, господинъ Араго насъ арестуетъ.

Въ это время второй актъ «Мстителя» горѣлъ съ огромнымъ успѣхомъ. Родольфъ написалъ десять стиховъ. Но онъ не могъ написать больше двухъ стиховъ въ продолженіе третьяго акта.

— Я всегда думалъ, что этотъ актъ слишкомъ коротокъ, — ворчалъ Родольфъ,—но только во время представленія можно увидать недостатки. По счастью, этотъ актъ протянется дольше, тутъ двадцать три сцены, изъ которыхъ сцена передъ трономъ, которая должна быть трономъ моей славы...

Послѣдняя тирада сцены передъ трономъ улетала огоньками въ трубу, когда Родольфу оставалось еще писать стиховъ шесть.

— Перейдемъ къ четвертому акту,—сказалъ онъ, согрѣвшись.—Онъ протянется вѣрныхъ пять минутъ, тутъ все монологи.

Онъ дошелъ до развязки пьесы, которая только вспыхнула и погасла. Въ этотъ моментъ Родольфъ украшалъ великолѣпнымъ порывомъ лиризма послѣднія слова покойнаго, въ честь котораго работалъ...

— Останется еще и на второе пред-

ставленіе, — сказалъ онъ, запихивая подъ кровать остальныя рукописи. .

. . . . . .

На другой день въ восемь часовъ вечера мадмуазель Анжель входила въ бальную залу, имѣя въ рукѣ великолѣпный букетъ бѣлыхъ фіалокъ, посреди которыхъ распускались двѣ, тоже бѣлыя, розы. Въ теченіе всего бала букетъ этотъ вызывалъ похвалы женщинъ и мадригалы мужчинъ.

Такимъ образомъ Анжель была немножко благодарна своему кузену, доставившему ей эти маленькія торжества самолюбія и она, можетъ быть, подумала бы о немъ лучше, еслибъ за нею не ухаживалъ родственникъ новобрачной, танцовавшій съ нею нѣсколько разъ.

Это былъ бѣлокурый молодой человѣкъ, имѣвшій великолѣпную пару усовъ, закрученныхъ кверху, пару крючковъ, на которые легко зацѣпляются неопытныя сердечки.

Молодой человѣкъ уже попросилъ Анжель отдать ему двѣ бѣлыхъ розы, оставшихся отъ ея букета, разобраннаго по цвѣточку всѣми... Но Анжель отказала, чтобы въ концѣ бала забыть оба цвѣтка на скамейкѣ, откуда молодой человѣкъ поспѣшилъ ихъ взять...

Въ это время было четырнадцать градусовъ морозу въ бельведерѣ Родольфа; онъ, прислонившись къ окну, глядѣлъ въ сторону Мэнской заставы на огоньки бальной залы, гдѣ танцовала его кузина Анжель, которая его терпѣть не могла.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСЕСВѢТНОЕ ОСТРОУМІЕ.

Анекдоты и изрѣченія.

Профессоръ Парижскаго университета, извѣстный болѣе своими долгами, чѣмъ лекціями, и имѣвшій болѣе кредиторовъ, чѣмъ учениковъ, спросилъ студента на экзаменѣ:

— Разскажите мнѣ все, что знаете, о заемномъ письмѣ.

— Я... ничего не знаю,—отвѣтилъ сконфуженный студентъ.

— Какъ вы счастливы!—сказалъ съ глубокимъ вздохомъ профессоръ.

* * *

Одинъ подсудимый былъ очень недоволенъ рѣчью своего адвоката-защитника, которая была дѣйствительно плоха.

— Подсудимый! что вы имѣете еще сказать въ свою пользу?—обратился къ нему предсѣдатель за послѣднимъ словомъ.

— Для себя — ничего, но... я просилъ-бы снисхожденія суда къ моему адвокату...

* * *

Путешествуя по Швейцаріи, знаменитый французскій художникъ Орасъ Верне писалъ этюды.

Однажды онъ сидѣлъ на берегу озера и писалъ.

Недалеко отъ него сидѣли и тоже писали этюды двѣ англичанки. Одна изъ нихъ подошла къ художнику и начала дѣлать замѣчанія на счетъ его работы; Орасъ Верне соглашался.

Тогда она пошла дальше и указала кое-что измѣнить; великій художникъ измѣнилъ, какъ она указывала, и въ заключеніе разсыпался въ благодарностяхъ за указанія.

На другой день онъ садился на пароходъ, чтобы ѣхать въ Лозанну, и встрѣтилъ тамъ англичанокъ.

Его маленькая учительница подошла къ нему и сказала:

— По всему видно, что вы—французъ и притомъ художникъ; вы непремѣнно должны знать Ораса Верне. Онъ, какъ я слышала, теперь въ Швейцаріи,—будьте добры указать мнѣ его.

— А вы очень хотите видѣть его?

— Ахъ! очень! Я хочу поступить къ нему въ ученицы.

— Какъ?.. Но Орасъ Верне только вчера имѣлъ удовольствіе получить отъ васъ урокъ живописи!—отвѣтилъ галантно маэстро.

Можно себѣ представить, въ какой отчаянный конфузъ пришла молоденькая англичанка.

АФРИКАНСКАЯ ФЕРМА.

Повѣсть Ральфа Айрона.

Съ англійскаго перевод Е. Г. Бекетовой.

Часть вторая.

...«И все это случилось нечаянно, и неизвѣстно для чего онъ на свѣтѣ жилъ и трудился. Сколько усилій, сколько стараній, и все ни къ чему».

ГЛАВА I *).

Времена переходчивы.

Вальдо лежалъ ничкомъ на пескѣ. Три года прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ громко молился и призывалъ Бога, запертый въ дровяномъ чуланѣ.

Говорятъ, что на томъ свѣтѣ время не измѣряется ни мѣсяцами, ни годами. Но вѣдь и здѣсь на землѣ бываетъ тоже самое. Душевная жизнь управляется своими особыми законами: у ней свои періоды, не занесенные ни въ какіе календари; свои сроки, къ которымъ года и мѣсяцы непримѣнимы, но которые также рѣзко и опредѣленно отдѣлены другъ отъ друга, какъ и тѣ времена года, что опредѣляются вращеніемъ земли вокругъ солнца.

Со стороны глядя, такія раздѣленія, пожалуй, и незамѣтны; но каждый изъ насъ, оглянувшись на свое прошлое, озаренное собственнымъ сознаніемъ, ясно можетъ различить, что жизнь его раздѣлена на участки, знаменующіе собою извѣстное состояніе духа.

На сколько одинъ человѣкъ отличается отъ другого, на столько же различны между собою и эти душевные періоды. Безъ нихъ не обходится ни одна человѣческая жизнь, какъ бы

---

*) Продолженіе. См. „Вѣст. Ин. Лит." № 9.

ни была она матеріальна; что же касается наиболѣе духовно-развитыхъ натуръ, то вся ихъ исторія исчерпывается этими періодами. И очень возможно, что инымъ людямъ, заглядывающимъ въ свое прошлое, оно представляется примѣрно въ такомъ видѣ.

I.

Изъ тусклой дали младенчества возникаютъ сначала разрозненныя картины, поразительно ярко окрашенныя и неистребимо врѣзавшіяся въ память. Многія представленія послѣдующаго времени блекнутъ и стираются; но тѣ младенческіе образы никогда не утрачиваютъ живости своихъ красокъ.

Возникаетъ передъ нами, напримѣръ, теплый лѣтній вечеръ; мы сидимъ на порогѣ своего жилища; во рту еще остался вкусъ хлѣба съ молокомъ, и лучи заходящаго солнца отражаются въ чашкѣ, которую мы держимъ.

Потомъ припоминается темная ночь: просыпаешься съ мыслью, что въ комнатѣ есть кто-то большой и страшный, въ ужасѣ сползаешь со своей кроватки и бѣжишь къ другой: тутъ плотно прижимаешься къ какому-то взрослому существу, оно утѣшаетъ тебя и успокоиваетъ.

Затѣмъ ясно представляется намъ то горделивое чувство, съ которымъ мы, сидя высоко на чьемъ-то плечѣ и обхвативъ кого-то обѣими рученками за голову, ѣдемъ смотрѣть новорожденныхъ поросятокъ, маленькихъ звѣрковъ съ тонкими рыльцами и закрученными хвостиками; мы любуемся ими и дивимся, откуда они взялись?

Потомъ идетъ рядъ разрозненныхъ, но сильныхъ ощущеній: восхищеніе отъ запаха и вкуса апельсина, который мы видимъ въ первый разъ въ жизни; печаль, заставляющую насъ надуть губы и хныкать, по поводу того, что капли росы, которую мы хотѣли собрать, никакъ не даются въ руки и только смачиваютъ намъ пальцы; и наше горе, и отчаянныя горькія слезы въ тотъ разъ, какъ зайдя за ограду краваля, мы потеряли изъ глазъ свой домъ и вообразили, что никогда больше не увидимъ его.

И вотъ, наконецъ, картина яснѣе и ярче другихъ выступающая на фонѣ позабытаго младенчества.

Была сильная гроза: вся земля, насколько хватаетъ взоръ, густо усыпана бѣлымъ градомъ; облака разсѣялись и небеса сіяютъ вверху глубокой синевой; далеко, далеко надъ бѣлой землей показалась широкая радуга. Мы стоимъ на подокон-

никѣ, доставая головой только до третьяго стекла, ощущаемъ прелесть свѣжаго вѣтра, дующаго извнѣ, и мало по малу на насъ находитъ странное, тоскливое чувство, какой-то неопредѣленный и стремительный порывъ. Мы смотримъ на побѣлѣвшую землю, на радугу, на синее небо, смотримъ и жадно томительно чего-то желаемъ. Мы плачемъ такъ горько, какъ будто сердце хочетъ разорваться. Кто-то беретъ насъ съ подоконника, спрашиваетъ „объ чемъ?" Но мы и сами не знаемъ о чемъ, и вскорѣ бѣжимъ опять играть въ свои игрушки.

Такъ проходитъ первый періодъ.

II.

Но вотъ картины становятся менѣе отрывочны. Вещественный міръ все еще преобладаетъ, но духовный и умственный постепенно вступаютъ въ свои права.

Когда по ночамъ темно и страшно, мы зажмуриваемся и произносимъ молитвы. Крѣпко надавивъ пальцами на глаза, мы видимъ темныя и свѣтовыя пятна, которыя быстро вращаются и смѣняютъ другъ друга, и мы знаемъ, что это головки и крылья ангеловъ-хранителей, присланныхъ съ небесъ оберегать насъ, и вотъ мы видимъ, какъ они летаютъ вокругъ кроватки. Эта мысль очень утѣшительна.

Днемъ насъ учатъ читать и мы никакъ не можемъ взять въ толкъ, почему изъ буквъ выходятъ слова, и отчего если написано пе-эсъ-а-эль-о-эмъ-эръ — то произносятъ псаломъ. Намъ говорятъ, что такъ ужь нужно и нечего объ этомъ разсуждать; но мы не удовлетворяемся и ученье намъ совсѣмъ не нравится; гораздо веселѣе строить домики изъ камней: тутъ по крайней мѣрѣ разставляешь камешки какъ хочешь и самъ знаешь для чего.

Но у насъ бываютъ и другія радости, доставляющія намъ гораздо больше удовольствія, нежели постройка домиковъ.

Какимъ восторгомъ переполняется наше сердце, когда бродя по красному песку мы вдругъ находимъ одинъ изъ тѣхъ бѣлыхъ восковыхъ цвѣточковъ, которые покоятся на парѣ своихъ распластанныхъ зеленыхъ листовъ. Сначала мы не смѣемъ до нихъ дотронуться, но насъ какъ будто что-то подталкиваетъ сорвать цвѣтокъ: мы его срываемъ и нюхаемъ безъ конца, такъ что наслажденіе переходитъ почти въ страданіе; потомъ срываемъ зеленые листья и осторожно расщипавъ ихъ на мелкія волокна любуемся шелковистыми нитями, составляющими ихъ ткань.

Въ купеновомъ ростутъ небольшіе бѣдно-зеленые кустики съ мохнатыми листьями. Но мы сами еще такъ малы, что и эти кустики выше насъ. Мы сидимъ подъ ихъ тѣнью, глядимъ ихъ, думаемъ, что и они отстаиваютъ на нашемъ дворѣ и считаемъ, что они тоже живые.

И могъ однажды, сидя среди кустовъ и глядя то на голубое небо, то на свои собственные толстые дѣтскіе ноги, мы внезапно поражаемся вопросомъ: а что же я такой или кто я? Мы пытаемся углубиться въ свое существо, понять себя: но это не удается. Страхъ нападаетъ на насъ: мы возвращаемся и что есть силы бѣжимъ домой. Мы совершенно не можемъ опредѣлить, чего мы испугались. Но съ этихъ поръ „самосознаніе" никогда уже не покидаетъ насъ.

II

Наступаетъ другой періодъ. Какъ минуло семь лѣтъ, мы научились читать и читаемъ Библію. Больше всего нравится мнѣ исторія Иліи въ пещерѣ горы Хорива и бесѣдующій съ нимъ тихій голосъ.

Въ одинъ достопамятный день, сидя на куренѣ и читая священную книгу, мы нападаемъ на пятую главу отъ Матѳея и прочитываемъ ее отъ начала до конца. Для насъ это цѣлое новооткрытое сокровище. Засунуть Библію подъ мышку, мы со всѣхъ ногъ бѣжимъ домой. У насъ такъ не нравится, что грѣхъ относится даже отдаленную вещь, что грѣхъ сумѣться съ ближнимъ, грѣхъ... Едва переводя духъ мы врываемся въ комнату и сообщаемъ свое открытіе: есть такая глава, въ которой вотъ что говорится, и еще вотъ что, а они и не знали! Но старшіе, умные люди отвѣчаютъ намъ, что все это къ лицемѣрію и ничего особеннаго не имѣетъ въ нашей школѣ. Для насъ же это цѣлое откровеніе. Всѣ листы вышитой мы тоже знаемъ и довольно насмѣялись о нихъ: но онѣ не приносятъ на насъ никакого впечатлѣнія, между тѣмъ какъ сравнительное чтеніе пронизываетъ насъ всю душу. Начинаются полныя добровольнаго самоистязанія. Какъ ужасно кривится человѣка, которую мы сами смастерили пальцами же ея воспитательскимъ дѣтямъ. Ребятишки жмурятъ въ насъ пригоршнями песку, а мы въ нихъ не жмуримъ, сидимъ сидя и ощущаемъ отъ этого несказанное счастіе. За завтракомъ мы беремъ себѣ тарелку съ трещиной, а изъ котелка выбираемъ ту, которая пригорѣла. Мы вошли свои карманные ножи и всѣ выбираемъ три пояса, потушаемъ на нихъ зѣвки и ко-

римъ той самой готтентоткѣ, которая насъ всегда ругаетъ. Словомъ, цѣлый день мы предаемся неумѣренной добродѣтели, а по ночамъ занимаемся религіозными вопросами. Даже въ тиканьѣ часовъ намъ слышатся слова: вѣчность, вѣчность! Адъ адъ! А тишина говоритъ намъ о Богѣ и о будущей жизни.

Иногда, впрочемъ, намъ слышатся и непріятные вопросы, задаваемые какимъ-то хитрымъ существомъ, какъ будто сидящимъ у насъ за спиною. Впослѣдствіи мы съ нимъ вступаемъ въ ближайшее знакомство; но теперь пока еще пристаемъ съ его вопросами къ старшимъ и отъ нихъ получаемъ отвѣты и разъясненія, которые насъ до нѣкоторой степени удовлетворяютъ. Старшіе вѣдь умные люди, и они говорятъ намъ, что Богъ по благости своей создалъ адъ, что Онъ изъ любви къ людямъ ссылаетъ ихъ туда; да притомъ иначе и невозможно. А такъ какъ съ нашей точки зрѣнія всѣ „большіе" должны быть очень премудры, то мы и вѣримъ имъ на слово... болѣе или менѣе.

IV.

Наступаетъ новый періодъ: онъ характеризуется главнымъ образомъ тѣмъ, что помянутые затруднительные вопросы слышатся все громче и настоятельнѣе. Мы обращаемся съ ними къ старшимъ; намъ отвѣчаютъ, но мы больше не удовлетворяемся.

И вотъ между нами и милымъ фактическимъ міромъ встаетъ новый, духовный міръ: сначала онъ еще слабо проступаетъ то тамъ, то сямъ, но вскорѣ совсѣмъ заволакиваетъ и омрачаетъ наше бытіе. Теперь намъ не до цвѣтовъ! Что такое цвѣты? Горючій матеріалъ, ожидающій великаго всесожженія. Мы глядимъ на стѣны дома, на знакомыя ограды овечьихъ загоновъ, обдаваемыя веселыми лучами солнца; глядимъ — и ничего не видимъ. Но чудится намъ колоссальный, бѣлоснѣжный престолъ и Богъ, на Немъ возсѣдающій. Вокругъ Него неисчислимыя толпы небожителей, и тысячи тысячъ милліоновъ ангеловъ съ златострунными арфами, поющихъ и славословящихъ. О, какъ бѣлы ихъ ризы, омытыя кровью Агнца! А пѣснь все ростетъ, расширяется, потрясая сводъ небесный своею неизреченною сладостью. Лишь по временамъ, когда мелодія затихаетъ, замирая на низкихъ тонахъ, намъ слышатся вопли и стоны осужденныхъ, страждущихъ въ преисподней. И дрожь пробираетъ насъ, даромъ что горячее солнце сіяетъ надъ нами.

„Мука вѣчная",—говоритъ Джерими Тэйлеръ, проповѣди

которого очень читать нашъ вслухъ на сонъ грядущій.— „Мужъ личныя подразумѣваетъ только не существенныя личности, сколько есть въ человѣческомъ мірѣ мужей, женщинъ и т. д. и происходитъ онъ отъ неопредѣленнаго корня измѣнъ, въ значеніи съ которымъ былъ временный отдѣлъ чего въ родѣ какого рисунка. И какое же тяготѣніе, подобно хотя бы хотяю лить, или же безпрестанно оставаться въ одномъ измѣнѣ до вѣки вѣчные, покуда длится могущество Божіе!"

И мы идутъ тоже было дни, припоминаемъ ихъ слова. Кто-то просилъ мою спрашивать, въ чемъ мы тяжущіеся и такъ печально начнемъ головой. Да, ведь никому не видно того, что мы видимъ:

Въ очи мои глядя и плачутъ
Посѣдшіе на видѣній тонъ.
Но мы не плачемъ, но мы ждемъ
Тѣхъ цѣлей чаемъ мы сонмъ...

Такъ говорится въ вечерницкомъ гимнѣ, который мы поемъ каждый вечеръ. Послѣ того не все ли равно, въ какомъ родѣ то насъ окружаетъ: что нами, а дѣло до конца, до земли, до людей, до всѣхъ.

„Но, что мы видимъ—временное: только невидимое вѣчно. Хвалю быть оно-то и есть для насъ самое главное.

Мы постоянно носимъ въ собой и такой Библію. Въ отдѣленномъ мы читаемъ и такія страницы изучаемъ наизусть. И сколько часъ проникаемъ въ при этомъ! Потому что днемъ и ночью, утромъ и вечеромъ въ полѣ и домѣ, читаніе не отстаетъ отъ насъ. Онъ представляется нашъ существенно какъ какой человѣкъ въ видно-зрѣлыхъ лѣтахъ, голову держитъ немного на бокъ, лобъ сморщенный, и все задаетъ вопросы. Онъ легче бы перенесъ три тяжкія болѣзни, нежели отсутствіе. Онъ никогда не умолкаетъ и преслѣдуетъ насъ неустанно. Хотя бы жаждущіе всегда духовъ, они все будутъ выслушивать свои вопросы. Мы его любимыя дѣти, и онъ тихонько подкрадется и говоритъ: „Не умаяли Вотъ отъ бодрости моей хождаетъ тревогу отнюдь? Разве добро—тамъ устроить, чтобы никому не было тяжелѣе, нежели если Христосъ положитъ за насъ жизнь свою?"

И отойдетъ, предоставивъ нашъ волчитаю отъ тучи, вдалекѣ вопросами. Но онъ не надолго уходитъ, хотя часъ опять тутъ и спрашиваетъ:

— А вы Его любимы—и подождавъ немного повторяетъ

— Любишь-ли ты Его? Вѣдь если не любишь, то нѣтъ тебѣ спасенія.

Мы отвѣчаемъ, что стараемся, по мѣрѣ силъ...

— А на дѣлѣ-то, любишь-ли?—И опять отойдетъ на минуту.

Что ему за дѣло, что мы съ ума сходимъ отъ ужаса, сознавая свою грѣховность: онъ все пристаетъ со своими вопросами, и ему все равно, что ни спрашивать. Намъ хочется съ кѣмъ-нибудь подѣлиться своимъ горемъ, кому-нибудь разсказать. Мы еще не знаемъ, что чаша страданій такъ ужь устроена, что единовременно можетъ изъ нея пить только одинъ человѣкъ и что для каждаго человѣка приспособлена своя особая чаша.

Но вотъ, наконецъ, собравшись съ духомъ, мы повѣдали свое горе. Мудрая голова выразительно качается и намъ торжественно говорятъ, что это грѣхъ, большой грѣхъ: такихъ мыслей никогда не слѣдуетъ имѣть; Богъ добрый, очень добрый; а мы злые, очень злые. Вотъ и все утѣшеніе, какого мы добились. Грѣхъ? О, Господи! Да развѣ мы сами этого не знаемъ? Что же, какъ не жестокое сознаніе своей великой грѣховности изсушаетъ наше юное сердце, наполняя его пескомъ и превращая нашу жизнь въ какой-то пыльный грибъ?

Мы злые; и это мы знаемъ, и чувствуемъ, что недостойны ни жить, ни умереть, недостойны пресмыкаться по землѣ Богомъ созданной, имѣть общеніе съ вѣрующими, Его людьми. Для того, кто ненавидитъ своего Создателя, только и есть одно пригодное мѣсто—адъ; а туда намъ не хочется. Иныхъ утѣшеній старшіе намъ не предлагаютъ.

Въ другой разъ, когда мы пытаемся искать сочувствія у существа болѣе къ намъ подходящаго по лѣтамъ, большіе глаза вперяются на насъ съ удивленіемъ и хорошенькія губки произносятъ:

— Коли тебѣ такъ тяжело думать объ этихъ вещахъ, ты брось это и думай о чемъ нибудь другомъ. А то позабудь.

Позабудь!.. Отвернувшись мы съеживаемся и замыкаемся въ своемъ внутреннемъ міркѣ. Позабудь... думай о чемъ нибудь другомъ... О, Господи! Какъ же они не понимаютъ, что этотъ нашъ земной вещественный міръ не болѣе какъ паръ, туманъ, сквозь щели котораго отовсюду глядитъ на насъ страшный духъ Господній? И замкнувшись въ себѣ мы стараемся держаться какъ можно дальше отъ людей.

Въ одну ясную лунную ночь мы стоимъ на колѣняхъ на подоконникѣ; все въ домѣ давно спитъ, а мы стоимъ на колѣ-

няхъ и читаемъ при лунномъ свѣтѣ. Передъ нами глава изъ Книги Пророковъ, повѣствующая о томъ, какъ избранный Богомъ народъ будетъ вынесенъ на плечахъ язычниковъ. Сатанѣ кажется не къ чему прицѣпиться и на этотъ разъ могъ-бы онъ оставить насъ въ покоѣ. Но нѣтъ, вотъ онъ подошелъ и шепчетъ:

— А это развѣ справедливо, что только одинъ народъ у Бога любимый? Онъ всѣхъ равно создалъ, отчего-же не всѣ одинаково ему дороги?

Что можемъ мы отвѣтить на это? До той минуты мы чувствовали себя такими добренькими, все шло хорошо, и вдругъ... Положивъ голову на Библію, мы орошаемъ ее слезами; крѣпко сжавъ руки надъ головой, мы молимся, молимся стиснувъ зубы. О, если бы изъ того духовнаго міра, который такъ тѣсно и безмолвно окружаетъ насъ, раздалось хоть одно слово, одинъ руководящій намёкъ! Но нѣтъ, мы одни съ сатаною, а Богъ ничего не нашептываетъ намъ. Мы схватываемъ Библію, вертимся съ нею и говоримъ себѣ задыхаясь:

— Загадаю, и пусть это будетъ намъ отвѣтомъ отъ Господа: примемъ это за Его собственный голосъ.

Намъ такъ страстно хочется получить хоть какой нибудь знакъ изъ глубины неумолимаго безмолвія!

Раскрывъ книгу наугадъ, мы кладемъ палецъ на страницу склонившись надъ ней читаемъ при свѣтѣ луны. Богъ отвѣтилъ намъ... Мы трепещемъ.

ти „Четырнадцать лѣтъ спустя я снова отправился въ Іерусалимъ съ Варнавою, и Тита взялъ съ собою.“

Наше воображеніе ухватывается за эти строки: мы всячески ихъ обдумываемъ, переворачиваемъ, пытаясь найти въ нихъ аллегорическій смыслъ. Четырнадцать лѣтъ... это значитъ четырнадцать мѣсяцевъ; я—это Павелъ, а сатана—это Варнава, а Титъ, это... И вдругъ мы проникаемся глубочайшимъ отвращеніемъ къ своему гаданью: къ чему вся эта ложь, къ чему такое лицемѣріе, зачѣмъ себя обманывать? Что намъ за дѣло до Павла, до Іерусалима? Кто такіе Варнава и Титъ? Мы ихъ не знаемъ совсѣмъ. И не помня себя мы хватаемъ Библію и изо-всѣхъ силъ швыряемъ ее въ дальній уголъ комнаты. Потомъ мы снова кладемъ голову на подоконникъ и горько плачемъ.

Есть-ли на свѣтѣ слезы тяжелѣе тѣхъ, что проливаетъ юность и невѣдѣніе? Кажется, что не слезами плачешь, а кровью, тяжелыми каплями истекающими изъ-подъ вѣкъ. Ничто не можетъ сравниться съ этими слезами. Наконецъ, мы осла-

бѣли отъ слезъ и затихли, прислонившись головой къ косяку. Случайно мы задѣваемъ за деревянную планку, которая придерживаетъ въ оконной рамѣ разбитое стекло: планка отскочила и стекло выпало. Въ наболѣвшее, заплаканное лицо повѣяло вдругъ ночною прохладой. Мы поднимаемъ голову и опухшими глазами созерцаемъ тишину внѣшняго міра, между тѣмъ какъ свѣжій ночной вѣтеръ ласково обвѣваетъ насъ, будто нѣжное дуновеніе изъ устъ самого божества. Глубокій миръ нисходитъ въ душу, тихая спокойная радость; и слезы потекли тихія, легкія. О, неизреченная благодать! Наконецъ-то мы нашли ее! „Миръ съ Богомъ. Чувство освобожденія отъ грѣховъ". Нѣтъ болѣе сомнѣній, вотъ онъ, голосъ божій въ душѣ нашей, мы преисполнены святого духа. Мы его чувствуемъ, чувствуемъ! О, Господи Іисусе, чрезъ Тебя намъ эта дивная радость! Прижавъ руки къ груди, мы смотримъ на небо, упоенные благодарностью и обожаніемъ. Все наше существо проникается блаженствомъ.

„Миръ съ Богомъ. Чувство освобожденія отъ грѣховъ." Это выдумали методисты, а міръ насмѣшливо выпятивъ губы проходитъ мимо и съ улыбкою пренебреженія говоритъ: лицемѣры!

На свѣтѣ гораздо больше глупцовъ и гораздо меньше лицемѣровъ, чѣмъ вообще принято думать. Настоящій лицемѣръ такая-же рѣдкость, какъ ледники подъ тропиками; а глупыхъ людей также много, какъ желтыхъ курослѣповъ весной у болота: куда ни обернись, они всюду попадаются подъ ноги. И самъ-то боишься посмотрѣться въ воду, чтобы не увидѣть въ ней отраженія глупца.

Нѣтъ такой избитой, обветшалой фразы, которая въ свое время не имѣла бы вполнѣ живого смысла; и каждая изъ нихъ знаменуетъ собою дѣйствительное душевное или физическое состояніе, чрезъ которое проходили люди.

Послѣ долгихъ часовъ и ночей, проведенныхъ въ ужасѣ и въ безумной жаждѣ умилостивить страшныя силы небесныя, послѣ того, какъ каждый нервъ былъ напряженъ до послѣдней степени и все тѣло мучительно содрогалось, природа не выдержала такой усиленной работы и натянутыя струны лопаются. Измученные, мы падаемъ на землю и вдругъ ощущаемъ восхитительное успокоеніе, овладѣвающее всѣмъ существомъ нашимъ.

„Я уничтожилъ, какъ дымъ, грѣхи твои, какъ тучу разсѣялъ твои прегрѣшенія и на вѣки изгладилъ ихъ изъ памяти."

И тихій, сладкій восторгъ исторгаетъ у насъ новыя слезы.

Не многимъ удается испытать это, хотя многіе воображаютъ, что испытываютъ и даже пускаются на этотъ счетъ въ лживыя росказни. Вообще полагаютъ, что слова „Миръ съ Богомъ; чувство обсвобожденія отъ грѣховъ" выражаютъ извѣстную реакцію тѣла и духа. Но это несправедливо и ихъ испытываетъ только тотъ, кто дѣйствительно прошелъ черезъ все предыдущее.

А мы въ ту лунную ночь, лежа головой на подоконникѣ, шептали:

— Боже мой! Какое счастье, какое блаженство! Господи, отнынѣ я навсегда дитя Твое. Благодарю Тебя, Господи! — И незамѣтно, крѣпко засыпаемъ.

На утро мы цѣлуемъ Библію. Мы теперь божьи дѣти. Уходимъ на работу и проводимъ счастливо весь день, даже всю ночь. Но на слѣдующій день уже все не то, намъ какъ-то не по себѣ, а ночью приходитъ сатана и вопрошаетъ:

— Гдѣ-же твой Святой Духъ?

И мы не знаемъ что сказать.

И такъ опять идетъ время, мѣсяцы проходятъ, зима смѣняетъ лѣто, и наша жизнь протекаетъ по прежнему: читаемъ, молимся, плачемъ, опять молимся. Намъ говорятъ, что мы совсѣмъ одурѣли. И это правда, мы сами это чувствуемъ. Мы позабываемъ даже таблицу умноженія, которую такъ старательно выучили. Вещественный міръ отступаетъ отъ насъ все дальше и дальше. По истинѣ мы не возлюбили міра и всѣхъ дѣлъ его. Горе преслѣдуетъ насъ даже во снѣ. Просыпаясь среди ночи мы или сидимъ на постели и горько плачемъ, или очутимся на дворѣ, совсѣмъ одѣтые, сами не помнимъ какъ это случилось и бродимъ взадъ и впередъ при лунномъ свѣтѣ, ломая себѣ руки. Такъ проходятъ еще года два — по человѣческому лѣтосчисленію.

V.

Наступаетъ опять новый періодъ.

Намъ представлялось три выхода изъ невозможнаго положенія: сойти съ ума, умереть или заснуть.

Мы избираемъ послѣднее; правильнѣе сказать, что сама природа дѣлаетъ за насъ этотъ выборъ.

Все въ мірѣ ищетъ успокоенія во снѣ: звѣри, птицы, даже цвѣты смыкаютъ глаза, даже рѣки зимою останавливаютъ свое теченіе; они отдыхаютъ; отчего-бы и человѣческому уму не искать такого-же отдыха? И вотъ вопрошающій демонъ тоже засыпаетъ и пока мы спимъ, грезится намъ прелестный сонъ.

Если перебрать всѣ сны, которые грезятся людямъ, и тогда не найти сновидѣнія лучше нашего. А намъ вотъ что приснилось:

Въ центрѣ всего міра обитаетъ Могучее Сердце, создавшее все въ мірѣ и потому любящее свои созданія. Призвавъ ихъ къ жизни, оно бьется живѣйшею любовью къ нимъ: нѣтъ смерти для его возлюбленныхъ насѣкомыхъ, нѣтъ ада для возлюбленныхъ человѣковъ, нѣтъ огненной геенны для міра; все его, его любимое, имъ самимъ сотворенное. Въ концѣ концовъ все придетъ къ совершенству, и все будетъ отлично. Не спрашивайте какъ мы примѣряемъ свой сонъ съ окружающими фактами; въ томъ-то и прелесть сна, что онъ фактовъ знать не хочетъ, либо создаетъ свои собственные. Довольно и того, что по милости этого сна намъ посчастливилось не сойти съ ума. Чего-же больше?

Но главная его прелесть не въ томъ. Когда любовь Могучаго Сердца усилилась до крайнихъ предѣловъ выраженія, она нашла себѣ исходъ въ сладчайшемъ цвѣткѣ небесномъ, въ появленіи Богочеловѣка.

Іисусъ Христосъ нашихъ грезъ! Какъ мы Тебя любили! Въ Писаніи не сказано и въ половину того, что мы сами о Тебѣ знали. Твои милосердныя руки крѣпко держали насъ за руки, Твой кроткій голосъ постоянно говорилъ: „Я здѣсь, мой любимый, здѣсь, близко къ тебѣ; обними меня и держись за меня“.

Въ тѣ дни Онъ повсюду былъ съ нами. Когда усталый ягненокъ отставалъ отъ нашего стада и съ трудомъ волочилъ ноги, мы брали его на руки, прижимали его голову къ своей щекѣ и нѣжно несли его домой. Вѣдь это Его овечка! Все равно, что Самъ онъ попалъ къ намъ на руки.

Когда пьяный кафръ валялся у дороги и солнце припекало его, мы прикрывали его голову простыней, устраивали надъ нимъ шатеръ изъ зеленаго молочайника. Вѣдь это Его кафръ, какъ же можно допустить, чтобы солнце его безпокоило?

По вечерамъ, когда тучи разступаются какъ врата и багряные лучи ихъ окрашиваютъ, мы плачемъ отъ умиленія; ибо чрезъ такія врата вступитъ Онъ во славѣ Своей и наши руки, тоскующія по Немъ, обнимутъ Его, и мы воочію увидимъ и чудные волосы, и дивные глаза нашего Бога. „Отверзайтесь, врата; поднимайтесь вѣчныя двери и пропустите Царя нашего грядущаго во славѣ своей!“

Въ красныхъ цвѣтахъ, даже въ мелкихъ цвѣточкахъ намъ чудятся глаза Его и Онъ ими на насъ смотритъ. Мы ихъ цѣлуемъ и преклонивъ колѣни въ пустынѣ радуемся на нихъ. И

вся пустыня радуется съ нами, одинокая равнина расцвѣтаетъ какъ роза.

Если случается, что въ такія минуты умиленія и блаженныхъ слезъ бѣдный полумертвый дьяволъ приподниметъ голову и раскроетъ свои сонные глаза, мы только смѣемся надъ нимъ. Не до него намъ теперь!

— А что, если всетаки существуетъ геенна-то огненная!— бормочетъ онъ: — Коли окажется, что Богъ-то жестокъ? Или вовсе нѣтъ никакого Бога? Коли все это ты только воображаешь себѣ? Что если...

Но мы только смѣемся надъ нимъ. Когда человѣкъ сидитъ на припекѣ и грѣется на солнцѣ, попробуйте потребовать у него доказательствъ существованія солнца. Вѣдь онъ его чувствуетъ, чего же больше? Такъ и мы чувствуемъ и больше намъ ничего не надо. Къ чему намъ доказывать существованіе Бога, когда мы его такъ живо чувствуемъ?

Мы не потому вѣримъ въ Бога, что Библія учитъ насъ этому. Но мы потому вѣримъ въ Библію, что Онъ говоритъ о ней. А Его мы чувствуемъ; чувствуемъ, да и все тутъ. Бѣдный дьяволъ, до половины затонувшій въ болотѣ, лѣниво бормочетъ:

— А ну, какъ придетъ такой день, когда ты перестанешь Его чувствовать?

Мы смѣемся и кричимъ на него:—никогда, никогда не будетъ такого дня!—И бѣдный сатана поджавъ хвостъ снова засыпаетъ. Что подѣлаешь противъ многократно-повторяемаго, энергически выраженнаго увѣренія? Одно время можетъ отдѣлить правду отъ лжи. И мы продолжаемъ грезить.

Какъ-то разъ отецъ взялъ насъ съ собою въ городъ и повелъ въ церковь. Мимо насъ идутъ горожанки въ шумящихъ шелковыхъ платьяхъ, горожане въ блестящихъ суконныхъ парахъ; они усаживаются на скамьи и сквозь высокія окна солнце освѣщаетъ искусственные цвѣты на женскихъ шляпкахъ. Мы испытываемъ такое же непріятное чувство, какое на насъ находитъ въ магазинѣ, когда тамъ всѣ приказчики щегольски одѣты. Мы сожалѣемъ, что отецъ взялъ насъ съ собою въ городъ и желали бы поскорѣе опять очутиться въ своей пустынѣ. Но вотъ на кафедру входитъ пасторъ и начинается проповѣдь. Текстомъ онъ избираетъ изреченіе: „Кто не вѣруетъ, тотъ будетъ проклятъ".

Какъ разъ наканунѣ случилось, что писарь мѣстнаго суда, извѣстный безбожникъ, умеръ среди улицы, пораженный молніей.

Пасторъ не называетъ его по имени и пускается въ раз-

сужденія какъ бы отвлеченныя, однако упоминаетъ о „десницѣ Божіей, покаравшей одного изъ насъ“. Онъ разсказываетъ, что когда громовая стрѣла упала и поразила человѣка, душа его, лишившаяся своей земной оболочки, обнаженная и трепещущая полетѣла въ горніе чертоги и припала къ подножію престола Божія, какъ Господь Всемогущій, бытіе Коего она отрицала, излилъ на нее потоки своего гнѣва и какъ она въ ужасѣ полетѣла въ преисподнюю, въ царство вѣчнаго мрака.

Слушая все это, мы не можемъ оставаться покойны: кровь бросается намъ въ голову и намъ хочется закричать: — Онъ лжетъ, онъ все вретъ, неправду говоритъ этотъ проповѣдникъ! Неужели никто не остановитъ его! Неужели никто изъ присутствующихъ не слыхалъ, не знаетъ, что бѣдная темная душа наша, навѣки закрывая глаза въ здѣшней жизни, раскрываетъ ихъ снова въ тихомъ сіяніи небесъ; что тамъ, гдѣ Господь обитаетъ, нѣтъ мѣста гнѣву и проклятіямъ, что разъ приблизившись къ подножію престола Божія душа обрѣтаетъ вѣчный миръ, подобный тихой прохладѣ ранняго утра. Когда душа этого безбожника въ изумленіи и страхѣ явилась передъ престоломъ всевышняго, Богъ склонился надъ нею и сказалъ:— „Дитя мое, я здѣсь; Я, котораго ты не зналъ, въ котораго ты не вѣрилъ, вотъ Я здѣсь. Это Я послалъ за тобою молнію и призвалъ тебя къ Себѣ. Ибо здѣсь Я“.

Тогда бѣдная душа обратилась къ свѣту и всѣ ея немощи и печали навѣки ее покинули.

Неужели они не слыхивали, не знаютъ, Кто управляетъ міромъ?

„Лишь на малое время отвратилъ Я отъ тебя лицо Свое, но вотъ Милосердіе Мое сжалилось надъ тобою и Я навѣки простру на тебя благость свою“, сказалъ Господь, твой Искупитель.

Мы возбужденно сидимъ и бормочемъ все это себѣ подъ носъ, покуда насъ не дергаютъ за рукавъ и не напоминаютъ намъ, что въ церкви надо вести себя пристойно. Но мы ничего не видимъ и не слышимъ, занятые собственными мыслями.

Настала минута всеобщей молитвы. Шестьсотъ душъ единовременно должны устремить свои помыслы къ источнику вѣчнаго свѣта.

За нами сидятъ двѣ красивыя дамы и одна изъ нихъ протягиваетъ другой свой флаконъ съ благовоннымъ спиртомъ. Въ ту же минуту нарядная мамаша оправляетъ платье на своей дочкѣ. Рядомъ съ нею молодая дама роняетъ носовой платокъ, господинъ подымаетъ его и подаетъ ей; она краснѣетъ. На хо-

рахъ пѣвицы перебираютъ свои ноты и тихо шурша страницами готовятся исполнять слѣдующій номеръ какъ только кончится молитва. Можно подумать, что пѣніе занимаетъ ихъ несравненно больше, чѣмъ мысли объ Отцѣ небесномъ. О, неужели не лучше было бы, не болѣе достойно Его величія, просто сидѣть одному у насъ на равнинѣ и цѣловать красный цвѣтокъ, который Онъ создалъ? Развѣ это не насмѣшка?.. Но тутъ намъ припоминается вопросъ: „Что ты тутъ дѣлаешь Илія?" Мы судимъ другихъ, а мы развѣ лучше ихъ? Скорѣе хуже. Развѣ скажемъ въ свое оправданіе, что мы еще дѣти и насъ насильно сюда привели... Но нѣтъ, никто не имѣетъ права становиться между Богомъ и душою, имъ же данною. Зачѣмъ мы пришли въ это мѣсто, гдѣ что ни слово, то ложь произносится на нашего всеобщаго Отца? Ужасъ охватываетъ насъ и мы бѣжимъ вонъ изъ храма. Стоя на улицѣ, мы топаемъ о мостовую и въ своей дѣтской душѣ даемъ клятву никогда не ходить въ тѣ мѣста, куда люди собираются сообща читать молитвы и распѣвать гимны. Дома насъ потомъ приводятъ къ допросу, спрашиваютъ, съ чего мы вдругъ ушли изъ церкви.

Какъ объяснить это? Мы стоимъ и молчимъ. Къ намъ продолжаютъ приставать и мы, наконецъ, пробуемъ растолковать, что съ нами произошло. Но на всѣ наши рѣчи старшіе только укоризненно качаютъ головами и объявляютъ что нельзя думать будто не хорошо посѣщать храмъ божій, что это все пустыя выдумки, лѣнность или капризъ. Пора бы намъ серьезно подумать о своей душѣ, пора любить ходить въ церковь. Грѣшно, очень грѣшно то, что мы сказали. Ай, какой злой мальчикъ! И вотъ мы убѣгаемъ прочь и наединѣ съ своей грѣшной душою разражаемся слезами. Что же это, неужели всегда такъ будетъ? Что ни дѣлай, что ни чувствуй, ненавидишь ли, и сомнѣваешься, или вѣришь и любишь, наши домашніе, ближайшіе наши друзья и родные только и говорятъ, что мы злые и грѣшные.

Мы еще не знаемъ въ то время, что для души, жаждущей правды, горьше всего то, что нельзя скрыть отъ постороннихъ глазъ своихъ стараній и поисковъ: рано или поздно наши сокровеннѣйшія мысли проскакиваютъ невольно; онѣ неминуемо облекаются въ извѣстныя формы и становятся между нами и тѣми, кого мы любимъ. Ничто на свѣтѣ не дается даромъ, а за истину мы платимъ всего дороже: нерѣдко приходится изъ-за нея лишаться любви и сочувствія своихъ ближнихъ. Говорятъ, что путь къ славѣ усыпанъ терніями; за то на пути къ истинѣ почти на каждомъ шагу топчешь свое собственное сердце.

VI.

Затѣмъ наступаетъ новый періодъ—періодъ пробужденія: короткій, рѣзкій и непріятный, какъ часто бываетъ въ тотъ моментъ, когда просыпаешься.

Сны и грезы только тогда и возможны, когда никто и ничто не мѣшаетъ спать.

И вотъ жизнь захватываетъ насъ въ лапы, поднимаетъ на воздухъ, немилосердно трясетъ, такъ что того и гляди отвалится голова, потомъ грубо кидаетъ на землю и мы, очнувшись избитые, искалѣченные, широко-раскрытыми глазами взираемъ на міръ.

Во дни блаженныхъ сновидѣній мы порѣшили, что „Несправедливость и Зло только кажущіяся явленія, страданія также призрачны; одинъ Богъ нашъ поистинѣ существуетъ и Онъ есть Любовь".

Но теперь сама жизнь хватаетъ насъ за шиворотъ и показываетъ намъ нѣкоторые виды, какъ напримѣръ: свѣжія могилы, надъ которыми скоро ужь крутится и нагромождается красный песокъ; глаза человѣка, котораго мы любимъ, поѣдаемые червями; злыхъ и порочныхъ людей преуспѣвающими на свѣтѣ, и мало-ли еще какихъ страшныхъ загадокъ и путаницы, то есть именно того, что называется жизнью; и насъ спрашиваютъ: что ты объ этомъ думаешь? Мы бы и хотѣли отвѣтить „Ничего!"—да не смѣемъ.

Слишкомъ ужь все это реально и слишкомъ для насъ чувствительно. Но мы озираемся вокругъ и ощупью ищемъ того, другого, что еще такъ недавно мы считали своимъ.

Темною ночью, въ дровяномъ чуланѣ мы взываемъ къ прекрасному Богу своихъ грезъ:—О, допусти меня къ Себѣ, возьми меня и дай прильнуть головой къ ногамъ Твоимъ! Не покидай меня въ этотъ горькій часъ моей скорби!

Но Онъ не приходитъ; Онъ ушелъ прочь. А старый вопрошающій сатана тутъ какъ тутъ.

Рано или поздно должно было наступить пробужденіе. Воображеніе не можетъ же вѣчно торжествовать надъ дѣйствительностью и то, чего хочется, еще не есть правда. Надо было проснуться. Правда, разбудили насъ нѣсколько рѣзко, но что дѣлать! Это было необходимо и вотъ мы окончательно очнулись отъ сновидѣній.

VII.

Начинается новая жизнь, новое время; холодное и суровое, какъ вершина какого нибудь ледника, на которую попалъ-бы человѣкъ и только и видѣлъ вокругъ себя одни льды да снѣговыя громады. Прежняя жизнь кажется ему теперь сплошнымъ горячешнымъ бредомъ, длиннымъ рядомъ фантастическихъ грезъ. Зато въ новой жизни ему очень холодно.

Бога нѣтъ больше. Прежде было ихъ два: древній, изстари перешедшій къ намъ отъ предковъ и который намъ никогда не нравился; и новѣйшій, котораго мы сами создали и любили; но онъ улетѣлъ отъ насъ и мы теперь убѣдились, что это была лишь тѣнь нашего собственнаго, высшаго идеала, которую мы возвели на престолъ и вѣнчали на царство. Бога у насъ нѣтъ больше.

„И сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога". Это можетъ быть и такъ; но вѣдь все, что было высказано и написано на этомъ свѣтѣ, исходило большею частію отъ безумцевъ.

Вѣрнѣе было бы сказать, что тотъ безумецъ, кто сталъ-бы утверждать, что ни одинъ человѣкъ въ сердцѣ своемъ не отрицалъ Бога.

Сколько тысячъ разъ человѣческія сердца отрицали Его, съ глубокою горестью и съ искреннимъ стремленіемъ увѣровать.

Мы больше не рыдаемъ, не проливаемъ слезъ. Съ сухими глазами, холодно и безучастно смотримъ мы на міръ. И не то чтобы мы чувствовали себя несчастными. Съ чего намъ быть несчастными, когда мы пьемъ, ѣдимъ, спимъ по ночамъ? Но равнодушны мы, какъ мертвецы.

Съ полнымъ спокойствіемъ, безъ вздоховъ, мы говоримъ: Да, теперь для насъ ясно что Бога нѣтъ.

И потомъ, еще равнодушнѣе, прибавляемъ: Справедливость не существуетъ. Волъ околѣваетъ подъ ярмомъ, осыпаемый ударами хозяйскаго кнута; онъ обращаетъ измученные глаза къ солнцу, но ни откуда не видитъ обѣщанія награды. Чернокожаго раба разстрѣливаютъ какъ собаку и убившій его владѣлецъ процвѣтаетъ. Невинные несутъ тяжелую кару, а обвинители торжествуютъ.

Съ виду все гладко, а попробуй поцарапать эту гладкую поверхность, непремѣнно наткнешься на какое нибудь одушевленное существо, безсильно изнывающее подъ гнетомъ незаслуженнаго страданія.

Немного погодя наши сердца окоченѣли какъ у мертвецовъ и мы говоримъ:—Никакихъ законовъ въ природѣ нѣтъ: всему виною слѣпой случай.

Нельзя сразу отдѣлаться отъ тѣхъ понятій, которыя душа воспринимала вмѣстѣ съ молокомъ матери. Съ самаго ранняго младенчества намъ внушали, что наши мысли и чувства, также какъ образованіе дождевыхъ тучъ, и количество шерсти, выростающей на спинахъ у овецъ, и продолжительность засухи, и степень урожайности хлѣбовъ, зависятъ вовсе не отъ міровыхъ законовъ, незыблимо присущихъ всему творенію, но единственно отъ воли измѣнчиваго и всемогущаго существа, котораго можно преклонить молитвою въ ту или другую сторону. Природа представлялась намъ мягкою какъ воскъ и такою податливой, что ее можно перевертывать какъ угодно, сообразно тому, угодилъ-ли человѣкъ своему божеству или не угодилъ; аккуратно-ли онъ ходилъ въ церковь или нѣтъ; такъ-ли молится Богу, или иначе; позволяетъ-ли себѣ пускаться въ дорогу по воскресеньямъ, или не позволяетъ. Поэтому неудивительно, что мы не вдругъ выучились разсматривать природу съ настоящей точки зрѣнія, то есть видѣть въ ней развѣвающійся покровъ незыблемой дѣйствительности.

Когда душа освобождается изъ тисковъ предразсудка, въ ней еще надолго остаются обломки его когтей и немало нужно времени, покуда вытащишь дотла всѣ занозы.

Съ той минуты, какъ мы утратили вѣру въ человѣко-подобнаго руководителя и распорядителя нашихъ судебъ, жизнь теряетъ для насъ всякій интересъ и мы равнодушно разсматриваемъ ее какъ безцѣльное и случайное колебаніе водяной поверхности. Намъ кажется, что во всемъ этомъ неустойчивомъ и безпорядочномъ мірѣ не найдется мѣстечка въ ладонь величиною, на которое можно-бы ступить съ увѣренностью, что не провалишься.

Вѣритъ-ли человѣкъ въ божество себѣ подобное, или не вѣритъ, это еще не такъ важно. Но если онъ, изучая міръ нравственный и вещественный, не можетъ уловить соотношенія между ними, не видитъ ни причинной связи ихъ, ни законовъ ими управляющихъ, и во всемъ усматриваетъ лишь игру случайностей, это такой фактъ, важнѣе котораго не бываетъ въ умственной жизни. Перерѣзать горло такому человѣку было-бы пожалуй высшимъ для него благодѣяніемъ... въ томъ случаѣ, если онъ самъ не позаботится объ этомъ.

Мы, однакоже, и не думаемъ перерѣзывать себѣ горло. По-

ступивъ такъ, мы бы доказали, что у насъ еще оставались какія нибудь чувства и желанія, между тѣмъ какъ ни чувствъ, ни желаній у насъ нѣтъ, и ничего нѣтъ, кромѣ холоднаго равнодушія. Намъ ни жить не хочется, ни умирать. Въ одинъ прекрасный день вкругъ тѣла женщины — негритянки — обвилась ядовитая змѣя: мы хватаемъ ее за хвостъ, быстро мотаемъ ею въ воздухѣ, ударяемъ головой о-земь и кидаемъ мертвою. Присутствующіе взираютъ на насъ съ благоговѣніемъ, а намъ почти смѣшно: какая-же заслуга рисковать тѣмъ, чѣмъ нисколько не дорожишь?

Намъ въ сущности ни до чего дѣла нѣтъ. Этотъ грязный и спутанный міровъ, въ которомъ мы живемъ, не стоитъ вниманія, а голубая тряпка, называемая небомъ, виситъ такъ низко, что ее можно рукой достать.

Жизнь—это кипящій котелъ, а судьба сидитъ да мѣшаетъ его ложкой и ей все равно, что выворачивается на поверхность, а что валится на дно; она только посмѣивается, когда вскакивающіе пузыри лопаются. И намъ тоже все равно, пусть себѣ кипитъ; намъ-то какая забота? Иное дѣло — физическія ощущенія, онѣ реальны.

Голодъ мучителенъ, жажда тоже; поэтому мы ѣдимъ и пьемъ. Бездѣйствіе также наводитъ тоску, а потому мы работаемъ какъ каторжники. Никто насъ не заставляетъ, но мы сами, по собственному почину, предпринимаемъ постройку изъ краснаго песчаника большой плотины тамъ, за могилами. Мы принимаемся за работу еще до зари, когда и овецъ не выгоняли въ поле; и работаемъ цѣлые дни, не взирая на палящій зной, все время, покуда вокругъ насъ пасутся ввѣренные намъ выводки молодыхъ страусовъ. Люди удивляются, съ чего на насъ напало такое усердіе: они не знаютъ, что этотъ трудъ для насъ нуженъ какъ воздухъ. Мы таскаемъ на спинѣ громадные камни и ощущаемъ живѣйшую радость, когда спотыкаемся подъ ихъ тяжестью и чувствуемъ въ груди странную колючую боль. Даже съѣдая свой обѣдъ, мы продолжаемъ таскать корзины съ землею, точно самъ дьяволъ подгоняетъ насъ. Чернокожая прислуга ужь сочинила легенду о томъ, какъ по ночамъ къ намъ приходитъ на помощь колдунья съ двумя бѣлыми волами. Иначе, говорятъ они, одному человѣку ни за что не выстроить въ короткое время такую высокую стѣну.

По вечерамъ, сидя въ одиночку въ своей каморкѣ, мы больше не мечтаемъ, сидя передъ огнемъ. О чемъ мечтать, когда кругомъ все такъ пусто? Вмѣсто того мы достаемъ свою ста-

рую „ариѳметику"; когда-то мы учили таблицу умноженія съ великимъ трудомъ и она вскорѣ послѣ того до-чиста вылетѣла изъ нашей памяти; теперь мы ее заучиваемъ въ нѣсколько часовъ и никогда больше не забываемъ. Мы находимъ странное удовольствіе въ рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ и въ самомъ разгарѣ своей постройки иногда останавливаемся и съ увлеченіемъ исписываемъ камни цифрами и вычисленіями. Мы копимъ деньги на покупку латинской грамматики и алгебры, всюду съ собой таскаемъ въ карманахъ эти книги и также пристально зачитываемся ими, какъ въ прежніе годы зачитывались Библіей. Мы думали, что лишены отъ природы и памяти, и всякихъ способностей къ наукамъ; а на повѣрку выходитъ, что намъ все очень легко дается. Наше умственное состояніе до того измѣнилось, что кажется будто въ наше прежнее тѣло вложили новую душу. Это очень удивляетъ насъ; мы еще не догадались, что у человѣка, тратящаго всѣ свои силы на религіозные экстазы, на пламенныя молитвы, ничего не остается на пріобрѣтеніе знаній. Плачемъ-ли мы или просто волнуемся, или создаемъ нѣчто прекрасное, за каждое такое дѣяніе неминуемо должна поплатиться другая, практическая сторона нашей природы. Человѣческія силы имѣютъ предѣлъ: если онѣ чрезмѣрно напряжены въ одну сторону, другая сторона должна оставаться бездѣятельной.

И вотъ, наконецъ, мы обращаемся къ природѣ. Столько лѣтъ проживъ съ нею рядомъ мы ее не видѣли, но теперь глаза наши открылись и мы смотримъ на нее.

До сихъ поръ камни представлялись намъ просто массами бураго цвѣта, теперь-же разсматривая ихъ мы находимъ, что это многоцвѣтные, правильно расположенные предметы разнообразной формы. Они состоятъ то изъ кристалловъ, окрашенныхъ всѣми цвѣтами радуги, и на половину сплавленныхъ между собою; то изъ сѣрыхъ и красныхъ слоевъ, тщательно чередующихся. Вотъ камень, покрытый серебристымъ налетомъ, жилками какого-то металла, образующими изящный рисунокъ въ родѣ вѣтокъ и листьевъ; а здѣсь, на большомъ плоскомъ камнѣ, гдѣ мы такъ часто сиживали въ слезахъ и молитвахъ, оказались отпечатки лапъ какихъ-то громадныхъ допотопныхъ птицъ и цѣлый рыбій скелетъ. Сколько разъ мы пытались вообразить себѣ, на что должны быть похожи окаменѣлые остатки допотопныхъ существъ, и намъ въ голову не приходило, что мы на нихъ сидимъ. Ослѣпленные своими думами и чувствами, мы совсѣмъ не видали окружающаго міра.

Плоская равнина представлялась намъ лишь однообразнымъ пространствомъ краснаго цвѣта: глядя на нее теперь, мы замѣчаемъ, что каждая пригоршня песку кишитъ жизнью. Сначала мы знакомимся съ интереснѣйшимъ народомъ—муравьями: наблюдаемъ, какъ они воюютъ, заключаютъ миръ, какъ работаютъ, веселятся, какъ строятъ свои обширныя палаты. Потомъ мы узнаемъ еще болѣе мелкихъ тварей, живущихъ въ цвѣтахъ. Цвѣтокъ б и т т о, напримѣръ, который казался намъ просто пятномъ желтаго цвѣта, оказался состоящимъ изъ сотни правильныхъ цвѣточковъ, обитаемыхъ крохотными черными существами съ красными полосками, которыя очень дѣятельно копошатся въ своемъ желтомъ городкѣ. Въ каждомъ синемъ колокольчикѣ живетъ кто нибудь. Съ каждымъ днемъ пустыня карро открываетъ намъ новыя чудеса, сокрытыя въ ея горячемъ лонѣ. Идя на работу, мы невольно останавливаемся посмотрѣть, какъ земляной паукъ выкапываетъ западню, самъ зарывается въ песокъ и оттуда высматриваетъ гибель своего врага. Вонъ ползетъ рогатый жукъ, а рядомъ съ нимъ внезапно раскрывается дверь паука, который осторожно выглядываетъ оттуда и быстро захлопываетъ ее. На кустѣ карро сидитъ зеленая муха и кладетъ свои серебряныя яички. Мы отламываемъ вѣточку, уносимъ ее домой и наблюдаемъ, какъ оболочки лопаются, оттуда вылѣзаютъ пятнистыя личинки, превращаются въ зеленыхъ мухъ и улетаютъ прочь. Мы не довольствуемся тѣмъ, что природа намъ показываетъ и хотимъ сами управлять своими наблюденіями. Взявъ дюжину яицъ, мы подкладываемъ ихъ подъ бѣлую курицу и каждый день разбивая по одному яйцу смотримъ, какъ первоначальное бѣлое пятнышко зародыша превращается въ цыпленка. Все это не особенно возбуждаетъ насъ, не приводитъ въ восхищеніе; но если человѣкъ не хочетъ перерѣзывать себѣ горла, надо-же ему хоть думать о чемъ нибудь. И вотъ на валу своей плотины мы сѣемъ рядами сѣмена и каждый день вырывая по одному наблюдаемъ, что съ ними творится. Алладинъ закопалъ въ землю чудесный камень и изъ земли выросъ диковинный дворецъ изъ чистаго золота; а у насъ выходитъ еще лучше того.

Мы зарываемъ въ землю коричневое сѣмячко и изъ него выростаетъ живое существо: оно ростетъ вверхъ, отчего — это намъ не лучше извѣстно, чѣмъ Алладину; ростетъ и поднимается все выше, наконецъ становится гораздо выше насъ, по утрамъ сверкаетъ бриллiантовыми росинками, покрывается желтыми цвѣтами, которые въ свою очередь производятъ коричневыя сѣ-

мечки съ зачатками жизненныхъ силъ, и сбрасываютъ ихъ на землю. Мы серьезными глазами наблюдаемъ весь процессъ, съ той минуты, какъ растеніе чуть выглядываетъ изъ почвы парой зеленыхъ листочковъ съ мягкимъ бѣлымъ корешкомъ, до тѣхъ поръ, покуда намъ приходится закидывать голову кверху, чтобы видѣть его; но причины этого явленія мы не знаемъ.

Мы заглядываемъ въ нутро мертвыхъ утокъ и барановъ. Когда околѣетъ та или другая тварь, мы тащимъ ее вечеромъ домой, кладемъ на разостланныя по полу старыя газеты и до полуночи возимся съ трупомъ. Съ изумленіемъ, къ которому примѣшивается нѣкоторое подобіе восторга, мы вскрываемъ кусокъ мяса, называемый сердцемъ, и находимъ внутри его маленькіе заслонки и снурочки. Мы ощупываемъ ихъ и бережно откладываемъ сердце въ сторону; потомъ нѣсколько разъ возвращаемся къ нему и съ интересомъ снова перебираемъ. Отчего оно такъ нравится намъ—мы не можемъ объяснить.

Въ прудѣ за нашей плотиной утонулъ гусь. Мы его вытаскиваемъ изъ воды, тутъ-же на валу разрѣзываемъ и стоя на колѣняхъ разсматриваемъ. Сверху расположены органы, отдѣленные другъ отъ друга нѣжными тканями; подъ ними кишки, искусно свернутыя спиралью, каждый рядъ которой покрытъ тонкою сѣтью кровяныхъ сосудовъ, рисующихся краснымъ цвѣтомъ по блѣдно-голубому фону. Каждый участокъ кровяного сосуда состоитъ изъ ствола, двояко и трояко-развѣтвленнаго на тончайшія нити въ волосокъ толщиною, расположенныя симметрично. Насъ поражаетъ своеобразная красота этого рисунка; мало по малу отъ колѣнопреклоненнаго положенія мы переходимъ къ сидячему и соображаемъ, что точно такую форму принимаетъ зимою терновникъ, когда листья его опадутъ и онъ рисуется на фонѣ блѣднаго зимняго неба; такой-же рисунокъ замѣчали мы на камняхъ, тамъ, гдѣ проступаютъ металлическія жилки; точно такія-же линіи образуетъ вода, когда мы не прорывая канавы пропускаемъ ее для поливки изъ пруда; такой-же формы щупальцы у рогатаго жука. Какое-же соотношеніе имѣютъ между собою всѣ эти предметы, одаренные такимъ поразительнымъ сходствомъ облика? Случай-ли это? Или всѣ они суть развѣтвленія одного общаго ствола, питающаго всѣхъ насъ своими соками? Это могло-бы объяснить многое. И сидя надъ гусиными потрохами мы утвердительно покачиваемъ головою.

А то, что мы зовемъ существованіемъ, не есть-ли это нѣчто такое, что коренится въ темной глубинѣ преисподней, а вѣтви свои посылаетъ въ необъятную высь, которую мы, копошащіеся

среди вѣтвей, ни видѣть, ни постигнуть не можемъ? Нѣтъ, тутъ не слѣпой случай, а живое начало... Единое. Этотъ выводъ доставляетъ намъ глубокое удовлетвореніе, но почему—мы не въ состояніи объяснить.

Мы долго качаемъ головой, потомъ вдругъ вскакиваемъ, взглядываемъ на синее небо, бросаемъ гуся со всѣми потрохами въ прудъ и принимаемся за работу.

И вотъ, мало по малу міръ перестаетъ быть въ нашихъ глазахъ кипящимъ котломъ, въ которомъ безъ толку варится всякая дрянь. Расхаживая по величавымъ палатамъ бытія, мы поглядываемъ вверхъ и относимся къ окружающему почтительно. Ничто болѣе не возбуждаетъ нашего презрѣнія; во всемъ есть смыслъ; и ничто не мелко, потому что каждая подробность есть часть цѣлаго, ни начало, ни конецъ котораго намъ неизвѣстны. Жизнь, бьющаяся въ нашихъ жилахъ, есть также отголосокъ міровой жизни. Прежде мы думали, что это начало слишкомъ мелко для нашего пониманія, теперь мы видимъ, что оно оттого и непостижимо для насъ, что слишкомъ крупно и могуче.

Еще не такъ давно небо казалось намъ синей тряпкой, висѣвшей такъ низко, что можно было достать ее руками, и оно давило насъ; и вдругъ оно поднялось, раскинулось надъ нашими головами необъятнымъ лазурнымъ сводомъ и мы, вздохнувъ полною грудью, начинаемъ жить съизнова.

ГЛАВА II.

Въ гостяхъ у Вальдо.

Вальдо лежалъ ничкомъ, растянувшись на красномъ пескѣ. Вокругъ него тихо расхаживали маленькіе страусы и клевали то накрошенный кормъ, то мелкія гальки и сухія палки, валявшіяся на землѣ. Справа были могилы, слѣва новая плотина; въ рукахъ у Вальдо былъ порядочныхъ размѣровъ деревянный столбъ, покрытый рѣзьбой; онъ и теперь надъ нимъ трудился. Передъ нимъ лежалъ Доссъ, грѣясь на зимнемъ солнцѣ и по временамъ зорко взглядывая на уголъ ближайшаго загона. Жесткіе терновники, подъ которыми они лежали, уже облетѣли и не давали ни малѣйшей тѣни; но въ ней и нужды не было въ эти чудесные іюньскіе дни, когда солнце даже въ самую жаркую пору дня не палитъ, а только разливаетъ пріятную теплоту. Мальчикъ, занятый своей рѣзьбой, не поднималъ головы; но все таки наслаждался и спокойствіемъ обнаженной земли, и синевой глубокаго неба.

Изъ-за угла ближайшаго загона появилась Эмма: въ одной рукѣ она несла блюдо съ крышкой, въ другой кувшинъ, увѣнчанный чашкой. Ей только что минуло шестнадцать лѣтъ; она преждевременно раздалась въ ширину и сдѣлалась похожа на маленькую толстенькую старушку. Поставивъ кувшинъ и блюдо на землю передъ собакой и ея хозяиномъ, она и сама тяжело опустилась рядомъ съ ними, слегка запыхавшись и отдуваясь.

— Вальдо, когда я шла полемъ мимо ограды, я встрѣтила человѣка верхомъ на лошади; должно быть это и есть новый жилецъ, котораго мы ждемъ.

Новый жилецъ былъ англичанинъ, которому голландка сдала въ аренду половину фермы.

— Гм!—промычалъ Вальдо.

— Онъ совсѣмъ молодой, — продолжала Эмма, держась за бокъ,—у него черные волосы, кудрявая борода и такіе темные, синіе глаза. И знаешь, мнѣ было такъ стыдно! Я было обернулась, еще разъ посмотрѣть на него, а онъ въ ту же минуту также обернулся, и смотритъ. И оба мы въ упоръ глядѣли другъ другу въ лицо. Онъ покраснѣлъ, и я покраснѣла, я думаю онъ и есть новый жилецъ.

— Такъ,—сказалъ Вальдо.

— Я пойду. Можетъ быть онъ привезъ намъ съ почты письма отъ Линдель. Теперь, знаешь, ей ужь не долго осталось жить въ пансіонѣ, она скоро воротится домой. А новаго жильца мы должны держать, покуда не отстроится его новый домъ. Такъ надо ему комнату приготовить. До свиданія!

Она поплелась обратно на ферму, а Вальдо продолжалъ заниматься рѣзьбой. Доссъ легъ поближе къ покрытому блюду и поминутно прикладываясь къ нему носомъ чувствовалъ, что сегодня дома напекли превкусныхъ сдобныхъ лепешекъ. Оба такъ пристально занялись своимъ дѣломъ, что не слыхали, какъ подъѣхалъ всадникъ, и только тогда обратили на него вниманіе, когда онъ вдругъ поровнявшись съ ними остановилъ коня.

Это былъ очевидно не тотъ всадникъ, котораго описывала Эмма. На видъ ему было лѣтъ двадцать восемь; брюнетъ французскаго типа, небольшого роста, наклонный къ полнотѣ; глаза съ поволокой, взглядъ какъ будто отуманенный, и остроконечные, длинные усы. Лошадь у него была красивая, горячая, изящно осѣдланная; сбоку при сѣдлѣ висѣла сумка превосходной работы, а руки у всадника были въ перчаткахъ и вообще онъ имѣлъ видъ, — очень рѣдкій въ здѣшнихъ мѣстахъ,—видъ джентльмена, хорошо одѣтаго.

Чрезвычайно мелодическимъ голосомъ онъ освѣдомился, нельзя-ли ему отдохнуть здѣсь часокъ? Вальдо указалъ ему какъ проѣхать на ферму, но проѣзжій отказался отъ этого: онъ желалъ только отдохнуть тутъ, подъ деревомъ и напоить свою лошадь. Онъ разсѣдлалъ ее, и Вальдо повелъ ее къ пруду. Когда онъ воротился, гость уже расположился подъ деревьями, прислонясь къ своему сѣдлу. Мальчикъ предложилъ ему сдобныхъ лепешекъ; гость и отъ этого отказался, но изъ кувшина отхлебнулъ немного. Вальдо улегся опять тутъ-же и снова принялся за рѣзьбу. Если на его работу и взглянутъ чужіе безучастные глаза, что за бѣда? Это не то, что его прежняя машина для стрижки овецъ. Съ такими исключительными страстями къ неодушевленнымъ предметамъ бываетъ тоже, что и съ любовью: только разъ въ жизни человѣкъ привязывается до безумія, переживаетъ болѣзненный кризисъ и излѣчивается навсегда. Дважды въ жизни такихъ восторговъ не бываетъ. Теперешнюю свою работу онъ тоже самъ изобрѣлъ, много потрудился надъ ней, она ему нравилась, но—и только. Это было далеко не то, что машина!

Проѣзжій протянулся на пескѣ, упираясь головой въ сѣдло, и зѣвнулъ. Было жарко и ему непріятно было странствовать по такимъ глухимъ мѣстамъ. Онъ любилъ страны благоустроенныя, гдѣ въ каждую данную минуту человѣкъ могъ бы разсчитывать на стаканъ вина, на мягкое кресло, на газету; гдѣ на ночь можно запереться въ своей комнатѣ, взять нѣсколько книгъ, графинъ водки, и наслаждаться физически и умственно. Въ свѣтѣ утверждали,— въ томъ самомъ всезнающемъ и всемогущемъ свѣтѣ, отъ котораго никуда не уйдешь и который, подобно кошачьей породѣ, всего лучше видитъ въ темнотѣ, — и такъ, свѣтъ утверждалъ, что онъ водку предпочиталъ книгамъ, а еще выше чѣмъ книги и водку ставилъ то, съ чѣмъ бы ему лучше вовсе не знаться. Онъ же ни въ грошъ не ставилъ мнѣнія свѣта и въ отвѣтъ на его нападки только улыбался снисходительно. Жизнь — это сонъ; если съ помощью вина, философіи и женщинъ возможно избѣжать того, чтобы этотъ сонъ превратился въ кошмаръ — тѣмъ лучше. Онѣ для того и созданы и ни на что иное не годятся. Впрочемъ, въ его жизни и въ складѣ его ума была еще и другая сторона, о которой свѣтъ не упоминалъ, потому что не имѣлъ о ней ни малѣйшаго понятія, что нерѣдко случается съ этимъ премудрымъ свѣтомъ.

Чужестранецъ сонными глазами смотрѣлъ вдаль на бурую землю, обдаваемую іюньскимъ солнцемъ и все таки красивую

не взирая на однообразіе; смотрѣлъ на могилы, на остроконечные выступы кровли на фермѣ, виднѣвшіеся изъ-за каменныхъ оградъ; потомъ взглянулъ на неуклюжаго парня, распростертаго у его ногъ, и зѣвнулъ. Однако, онъ пилъ чай изъ его кувшина и потому счелъ себя обязаннымъ побесѣдовать.

— Это имѣніе вашего отца, я полагаю?—промолвилъ онъ лѣнивымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я здѣсь въ услуженіи.

— У голландцевъ?

— Да.

— И вы довольны такой жизнью?

Мальчикъ замялся.

— Да... Въ такіе дни, какъ сегодня.

— Почему-же именно сегодня?

Вальдо помолчалъ и произнесъ тихо:

— Красиво очень.

Чужестранецъ посмотрѣлъ на него и удивился: темные глаза мальчика загорѣлись вдругъ глубокой радостью, онъ метнулъ взоръ въ сторону, вдаль; потомъ снова обратился къ своей работѣ.

Что ему за дѣло, этому неуклюжему существу въ лохмотьяхъ, до красоты, до тонкихъ радостей такой погоды? Иное дѣло онъ самъ, проѣзжій: у него руки такія бѣлыя, организація тонкая, и неудивительно, что трепетаніе солнечныхъ лучей на просторѣ одинокой пустыни затрогиваетъ въ его душѣ нѣкоторыя чувствительныя струны; но этотъ увалень! Неужели въ его тяжеловѣсной особѣ обитаетъ тонкій слухъ, способный уловить столь деликатные звуки?

Спустя нѣкоторое время проѣзжій снова заговорилъ съ нимъ.

— Позвольте мнѣ посмотрѣть вашу работу?

Увалень подалъ ему свой деревянный столбъ. Нельзя сказать, чтобы это была красивая вещица. Изображенія людей и птицъ были похожи на каррикатуры, но работа была самая тщательная и видно было, что композиція строго обдумана. Проѣзжій положилъ столбъ къ себѣ на колѣни и перевертывая его разсматривалъ.

— Гдѣ вы учились рѣзьбѣ?—спросилъ онъ.

— Я... самоучкой.

— А эти ломаныя линіи, что изображаютъ?

— Горы.

Проѣзжій продолжалъ разсматривать.

— Тутъ есть какой-то общій смыслъ, не правда-ли?

— Такъ... кое-что,—пробормоталъ мальчикъ сконфуженно.

Собесѣдникъ взглянулъ на него пристальнѣе: странное существо! Какая крупная, сильная фигура; судя по росту совсѣмъ взрослый, а черты лица мелкія и волосы вьются, какъ у ребенка... Ему стало не по себѣ: этотъ мальчикъ и привлекалъ его, и тревожилъ; онъ къ нему чувствовалъ не то жалость, не то симпатію.

— Давно-ли вы трудитесь надъ этой штукой?

— Девять мѣсяцевъ.

Проѣзжій вынулъ изъ кармана бумажникъ, думая про себя, что сначала можно какъ нибудь привязать этотъ столбъ къ сѣдлу, а потомъ, отъѣхавъ подальше, бросить его середи поля и оставить въ пескѣ.

— Хотите продать мнѣ свою работу вотъ за это?

Мальчикъ мелькомъ взглянулъ на пяти-фунтовую бумажку и мотнулъ головой.

— Нѣтъ, нельзя.

— Вы думаете она дороже стоитъ?—спросилъ проѣзжій съ легкою насмѣшкой.

Мальчикъ указалъ пальцемъ на одну изъ могилъ и сказалъ:

— Нѣтъ; это я для него дѣлаю.

— Кто-же тутъ похороненъ?—спросилъ чужестранецъ.

— Мой отецъ.

Проѣзжій молча положилъ бумажку обратно въ карманъ и возвратилъ столбъ его владѣльцу; потомъ надвинулъ шляпу на глаза и улегся спать. Но уснуть ему не удавалось: черезъ нѣсколько минутъ онъ привсталъ и глядя черезъ плечо мальчика наблюдалъ его работу. Въ эту минуту Вальдо выводилъ буквы на обратной сторонѣ столба.

— Если... — заговорилъ незнакомецъ мелодическимъ голосомъ, отличавшимся дивною мягкостью, которой вовсе не было въ его глазахъ; и достойно замѣчанія, что у людей, утратившихъ мягкость во взглядѣ, она можетъ еще очень долго оставаться присущей голосу.

— Если эта вещь предназначается для могилы, зачѣмъ же вы дѣлаете такую надпись?

Мальчикъ оглянулся на него, но не отвѣтилъ. Онъ едва-ли не забылъ, что тутъ былъ чужой.

— Вы вѣроятно полагаете, — продолжалъ незнакомецъ,— что когда-нибудь настанетъ день, когда всѣ эти голландскіе дяденьки и тетеньки возстанутъ изъ гробовъ и пойдутъ гулять по красному песку тѣми самыми мясистыми ногами, съ кото-

рыми они скончались. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же писать „Онъ уснулъ на вѣки?“ Вѣдь вы вѣрите, что онъ воскреснетъ?

— А вы вѣрите? — спросилъ вдругъ мальчикъ, уставившись на него тяжелымъ взглядомъ своихъ печальныхъ глазъ.

Незнакомецъ отъ неожиданности даже разсмѣялся. Это все равно какъ если бы ему вздумалось въ увеличительное стекло разсмотрѣть какого-нибудь головастика, а эта тварь вдругъ встала бы на хвостъ и начала задавать ему вопросы.

— Я-то? Нѣтъ.—И онъ усмѣхнулся короткимъ, густымъ смѣхомъ.—Я ни во что не вѣрю, ни на что не надѣюсь, ничего не боюсь, ничего не чувствую. Но я не полюдски думаю и вамъ нечего брать съ меня примѣръ: онъ не годится для васъ, живущихъ по кустамъ со своими страусами.

Къ еще большему удивленію проѣзжаго, неуклюжій парень вдругъ придвинулся къ самымъ его ногамъ и черезъ минуту положилъ ему на колѣни свою работу.

— Вотъ, я вамъ разскажу,—пробормоталъ онъ,—разскажу все, что это значитъ.

О, какой приливъ горячей любви почувствовалъ онъ къ этому человѣку, который ни во что не вѣритъ, ни на что не надѣется, ничего не боится и ничего не чувствуетъ! Вальдо положилъ палецъ на смѣшную деревянную фигуру въ самой нижней части столба и, постепенно поводя пальцемъ вверхъ, сталъ объяснять значеніе всей композиціи, указывая поочередно, то на фантастическія фигуры, то на горы, вплоть до верхней части столба, увѣнчанной птицею, изъ крыла которой выпадало перо. Подъ конецъ рѣчь его стала отрывиста: въ волненіи онъ коротко и вѣско произносилъ слова, какъ будто сообщалъ нѣчто въ высшей степени важное.

Незнакомецъ больше смотрѣлъ на его лицо чѣмъ на рѣзьбу и пока онъ слушалъ, бѣлые зубы не разъ сверкали изъ подъ его усовъ.

— Я думаю,—сказалъ онъ мягко, когда мальчикъ замолчалъ,—я думаю, что понимаю васъ... отчасти. Попробую изложить, какъ именно я это понялъ. (Тутъ онъ улыбнулся). Въ одной горной странѣ жилъ былъ охотникъ. (При этихъ словахъ онъ указалъ на фигурку внизу столба). Каждый день онъ отправлялся въ лѣса и охотился за дичью. И случилось, что однажды онъ пришелъ на берегъ обширнаго озера. Пока онъ стоялъ среди камышей и ждалъ прилета птицъ, на него нашла вдругъ большая тѣнь и въ водѣ онъ увидѣлъ отраженіе. Онъ поднялъ глаза къ небу, но видѣніе исчезло. Тогда имъ овла-

дѣло пламенное желаніе еще хоть разъ увидѣть снова на водѣ тоже отраженіе и онъ цѣлый день стоялъ тутъ и ждалъ; но настала ночь, а видѣніе не повторялось. Онъ пошелъ домой молчаливый, печальный и съ пустой сумкой. Товарищи стали разспрашивать, что съ нимъ случилось, но онъ имъ ничего не сказалъ. Тогда пришелъ къ нему другъ, и другу онъ все повѣдалъ.

— Я сегодня видѣлъ нѣчто такое,—говорилъ онъ, чего никогда не видывалъ: то была громадная бѣлая птица съ распростертыми серебряными крыльями, парившая въ синевѣ небесной. Съ той поры въ моей груди зажглось какъ бы страстное пламя. Я видѣлъ лишь тѣнь, лишь отблескъ и отраженіе въ водѣ, но теперь я ничего въ мірѣ такъ не желаю, какъ овладѣть ею.

Другъ разсмѣялся надъ нимъ.

— Это просто солнечный лучъ игралъ на водѣ, либо тѣнь отъ твоей собственной головы. Завтра, авось, ты забудешь ее!— сказалъ онъ.

Но насталъ завтрашній день, потомъ другой, третій, а охотникъ бродилъ все одинъ. Онъ искалъ по рощамъ и лѣсамъ, у озеръ и въ камышахъ, но не находилъ ее нигдѣ. Онъ пересталъ стрѣлять дичь: что ему въ ней?

— Что съ нимъ подѣлалось? дивились его товарищи.

— Съ ума сошелъ?—предположилъ одинъ.

— Нѣтъ, хуже — сказалъ другой: — ему привидѣлось нѣчто такое, чего никто изъ насъ не видалъ; вотъ онъ и важничаетъ.

— Такъ перестанемъ съ нимъ водить компанію,—согласились всѣ остальные.

И охотникъ остался въ полномъ одиночествѣ.

Одинъ разъ вечеромъ бродилъ онъ въ темнотѣ и плакалъ отъ тоски, какъ вдругъ передъ нимъ явился величавый старецъ, ростомъ выше и осанкою важнѣе обыкновенныхъ смертныхъ.

— Кто ты?—вопросилъ его охотникъ.

— Я—Мудрость, отвѣчалъ старецъ: иные зовутъ меня Знаніемъ. Я всю жизнь прожилъ въ этихъ долинахъ, но ни одинъ человѣкъ не можетъ увидѣть меня до тѣхъ поръ, пока не испытаетъ сильнаго горя. Только омытые слезами глаза могутъ созерцать меня; и судя потому, сколько человѣкъ пострадалъ, столько и я съ нимъ бесѣдую.

Тогда охотникъ воскликнулъ:

— О, ты, который такъ давно здѣсь живешь, скажи мнѣ, что за птица та громадная, бѣлая, которую я видѣлъ парящею

въ синевѣ небесной? Меня хотятъ увѣрить, что это былъ сонъ или что я видѣлъ на водѣ тѣнь отъ своей головы.

Старецъ улыбнулся.

— Ее зовутъ Истиной. Кто разъ ее видѣлъ, тотъ не можетъ больше успокоиться и до самой смерти стремится къ ней.

Охотникъ взмолился:

— О, скажи мнѣ, гдѣ мнѣ ее найти?

Но старецъ отвѣчалъ: — Нѣтъ, ты еще недостаточно страдалъ!—И скрылся.

Тогда охотникъ вынулъ изъ-за пазухи челночекъ Воображенія, намоталъ на него золотыя нити своихъ Желаній и просидѣлъ всю ночь за работой: онъ соткалъ сѣть.

Поутру онъ разостлалъ свою золотую сѣтку по землѣ и разсыпалъ по ней нѣсколько зеренъ Легковѣрія, которыя отецъ оставилъ ему въ наслѣдство, а онъ хранилъ ихъ въ боковомъ карманѣ. Зерна были похожи на бѣлые пузыри: если наступить на нихъ, оттуда вылетала бурая пыль. Охотникъ усѣлся невдалекѣ и сталъ ждать, что будетъ. Сначала въ сѣть прилетѣла птичка бѣлая какъ снѣгъ, съ глазами горлинки, и запѣла: „Бого-человѣкъ! Бого-человѣкъ! Бого-человѣкъ!“. Потомъ прилетѣла другая, таинственнаго вида, чернаго цвѣта: глаза у ней были темные, глубоко проникающіе въ душу, и она напѣвала только одно слово: „Безсмертіе!“

Охотникъ обѣихъ заключилъ въ свои объятія, говоря себѣ:

— Навѣрное обѣ принадлежатъ къ прелестному семейству Истины.

Потомъ прилетѣла еще птица, зеленая съ золотомъ, и запѣла пронзительнымъ голосомъ, какъ торговки кричатъ на рынкахъ:

„Награда за гробомъ! Награда за гробомъ!“

Охотникъ сказалъ:—Ты не такъ хороша, но все же красива, и взялъ ее также.

Прилетѣли еще другія, разныхъ яркихъ цвѣтовъ, и пѣли пріятныя пѣсни до тѣхъ поръ, пока не склевали всѣ зерна. Охотникъ всѣхъ ихъ собралъ, построилъ крѣпкую желѣзную клѣтку, названную „Новой Вѣрой“ и всѣхъ птицъ посадилъ въ нее.

Къ клѣткѣ начали приходить люди, стали пѣть и плясать, восклицая:—О, счастливый охотникъ! Удивительный человѣкъ! Чудныя птицы! Восхитительныя пѣсни!

Никто не полюбопытствовалъ узнать, откуда взялись птицы и какъ онѣ были пойманы; но люди все время плясали и пѣли передъ ними; да и охотникъ радовался, потому что думалъ:

— Навѣрное, Истина тоже тутъ. Со временемъ, когда она начнетъ линять, обнаружится ея снѣжная бѣлизна и я ее увижу.

Но время шло, народъ продолжалъ пѣть и плясать, а у охотника опять стало тяжело на сердцѣ. Опять онъ сталъ удаляться отъ всѣхъ и плакать: страстное желаніе пробудилось въ его груди съ новой силой. Однажды, когда онъ сидѣлъ одинъ и плакалъ, случилось, что Мудрость опять проходила мимо. И онъ разсказалъ старцу все, что было.

Старецъ печально улыбнулся.

— Много разъ уже—сказалъ онъ—люди пытались разставлять сѣти, чтобы уловить Истину, но имъ никогда еще не удавалось поймать ее.

Зернами Легковѣрія она не питается, въ сѣткѣ Желаній ее не удержишь, да и воздухомъ этихъ долинъ она дышать не можетъ. Всѣ пойманныя тобою птицы порождены Ложью. Онѣ красивы, пріятны, но ложны. Ничего общаго съ Истиной онѣ не имѣютъ.

Съ горечью въ душѣ охотникъ воскликнулъ:

— Такъ неужели я долженъ спокойно сидѣть на мѣстѣ и ждать, пока великое пламя, во мнѣ горящее, сожретъ меня?

Старецъ сказалъ:

— Слушай; за то, что ты такъ много страдалъ и выплакалъ столько слезъ, я скажу тебѣ все, что знаю. Кто разъ рѣшился пуститься въ поиски за Истиной, тотъ долженъ на вѣки распроститься съ этими долинами предразсудковъ и ничего не брать съ собою отсюда, ни одной нитки. Онъ долженъ идти одинъ, спуститься въ область Полнаго Отрицанія и Самоотреченія и тамъ оставаться; онъ долженъ противустоять всякимъ искушеніямъ; когда займется заря, онъ долженъ встать и послѣдовать за солнцемъ, въ страну Непрестаннаго Свѣта. На пути ему встрѣтятся горы Суровой Дѣйствительности: на нихъ и надо лѣзть, ибо за ними обитаетъ Истина.

— И ее можно будетъ взять! Захватить въ свои руки!— воскликнулъ охотникъ.

Но мудрый старецъ покачалъ головой отрицательно.

— Никогда онъ ее не увидитъ, никогда не прикоснется къ ней. Не пришло еще къ тому время.

— Стало быть на это нѣтъ никакой надежды? воскликнулъ охотникъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ,—отвѣчала Мудрость:—были люди, которымъ удавалось влѣзть на эти горы: они одолѣвали пооче-

редно одну обнаженную стремнину за другой; и наконецъ бродя въ этихъ высокихъ предѣлахъ, нѣкоторымъ изъ нихъ посчастливилось поднять съ земли по одному серебряному перу, упавшему изъ бѣлаго крыла Истины. И вотъ что должно случиться,—продолжалъ старецъ, въ пророческомъ вдохновеніи выпрямляясь и указывая на небо:—когда руками человѣческими будетъ набрано много такихъ серебряныхъ перьевъ, изъ нихъ совьютъ веревку, а изъ веревки сплетутъ сѣть, и этою сѣтью можно будетъ уловить Истину. Только Истиной можно удержать Истину.

Охотникъ всталъ.—Такъ я пойду,—сказалъ онъ.

Старецъ пытался остановить его.

— Помни, сказалъ онъ,—что кто покидаетъ эти долины, тотъ никогда болѣе не возвращается въ нихъ. Если и захочешь, то хоть семь дней и семь ночей проливай кровавыя слезы у ихъ предѣловъ, никогда нога твоя не переступитъ ихъ. Покинувъ ихъ однажды, ты разстаешься съ ними навсегда. На пути, по которому ты пойдешь, никакой награды не полагается. Кто вступаетъ на него, тотъ долженъ сдѣлать это добровольно, единственно ради великой любви своей. Самый трудъ будетъ ему наградой.

— Я пойду,—сказалъ охотникъ:—но когда достигну горъ, скажи мнѣ, въ какую сторону лучше направиться?

— Я потомокъ Накопленія-Знаній-Многихъ-Вѣковъ,—отвѣчалъ старецъ:—и мнѣ извѣстны только тѣ стези, которыя проложены множествомъ людей. Но по тѣмъ горамъ ходили не многіе и каждый, кто побывалъ тамъ, самъ пробивалъ себѣ дорогу, шелъ самъ по себѣ; мой голосъ туда не достигаетъ. Я могу послѣдовать за тѣмъ, кто туда пойдетъ, но указывать ему дорогу не мое дѣло.

И Знаніе исчезло.

Охотникъ пошелъ къ клѣткѣ, которую самъ построилъ, и собственными руками сталъ выламывать желѣзные прутья, такъ что обломанными концами ихъ изодралъ себѣ всѣ руки. Иногда легче бываетъ созидать нежели разрушать.

Одну за другою вынималъ онъ изъ клѣтки своихъ птицъ и выпускалъ ихъ на волю. Но когда очередь дошла до черноперой птицы, онъ удержалъ ее въ рукахъ, взглянулъ въ ея чудные, таинственные глаза и она своимъ низкимъ, густымъ голосомъ молвила: „Безсмертіе!“

Онъ сказалъ тогда:—Не могу я разстаться съ тобою! Нести тебя не тяжело, пищи ты не просишь; я спрячу тебя на груди своей и унесу съ собою.

И спрятавъ ее на груди онъ прикрылъ ее своимъ плащемъ.

Но птица становилась все тяжелѣе, тяжелѣе, и наконецъ надавила ему грудь точно свинцомъ. Онъ не могъ двигаться подъ этой тяжестью, не могъ выйти изъ долины вмѣстѣ съ нею. Тогда онъ вынулъ ее изъ-за пазухи, сталъ любоваться ею и воскликнулъ:

— О, моя прелесть, сокровище моего сердца! Неужели нельзя мнѣ удержать тебя?

Онъ печально разжалъ руки.

— Лети!—сказалъ онъ,—быть можетъ въ пѣсняхъ, которыя поетъ Истина, есть хоть одинъ звукъ, похожій на твою; но я его никогда не услышу!

Печально разжалъ онъ руки и птица улетѣла онъ него на вѣки.

Онъ вынулъ свой челночекъ Воображенія, смоталъ съ него всѣ нити желаній и бросилъ ихъ на землю, а пустой челночекъ спряталъ къ себѣ за пазуху, потому, что онъ ему достался изъ невѣдомой страны, а нити были спрядены въ здѣшней долинѣ. Онъ собирался уйти совсѣмъ, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ сбѣжались люди и съ громкими криками напали на него.

— Ахъ, ты глупецъ, собака, съумасшедшій безумецъ!—кричали они:—Какъ смѣлъ ты сломать клѣтку и выпустить птицъ на волю?

Охотникъ пытался отвѣчать имъ, но они и слушать не хотѣли.

— Истина? Да, что такое Истина? Развѣ ее можно ѣсть? Или пить? Кто когда видѣлъ ее? Иное дѣло—птицы: онѣ были настоящія, всѣмъ было слышно, когда онѣ пѣли! О, глупецъ! О, подлая гадина! Безбожникъ! ты заражаешь воздухъ своимъ присутствіемъ!—кричали они.

— Ну-ка, давайте набирать камней и побьемъ его каменьями!—предложили нѣкоторые.

— Намъ-то какое дѣло?—говорили другіе:—Пусть себѣ убирается вонъ этотъ дуракъ!—И пошли прочь. Остальные-же набрали камней и грязи и стали швырять въ него. Избитый, израненый, охотникъ насилу доползъ до лѣсу и скрылся въ немъ. А была уже темная ночь.

Съ каждой фразой, произнесенной чужестранцемъ, глаза Вальдо загорались отвѣтнымъ огнемъ, какъ будто хотѣли сказать:—Да! Да! именно такъ!—Чужестранецъ улыбнулся и подумалъ:—Да, пожалуй стоитъ побезпокоить себя даже и въ такую жаркую погоду, чтобы посмотрѣть, какъ сверкаютъ эти страстные глаза; въ нихъ чуть-ли не больше жажды и тоски, чѣмъ въ глазахъ влюбленной женщины!—И онъ продолжалъ разсказывать.

— Охотникъ шелъ все дальше и дальше, ночныя тѣни вокругъ него все сгущались и онъ достигъ предѣловъ той страны, гдѣ никогда не разсвѣтаетъ. Когда онъ вступилъ въ нее, все было черно и нигдѣ не видать было ни малѣйшаго просвѣта. Онъ пошелъ ощупью, натыкался на вѣтки, но когда хватался за нихъ, онѣ ломались и вся почва была покрыта золой. Ноги его проваливались на каждомъ шагу, съ земли подымалось тонкое облако легчайшаго пепла, обдававшаго ему лицо; и тьма царила повсюду. Онъ сѣлъ на камень, закрылъ лицо руками и затихнувъ сталъ ждать въ области полнаго отрицанія и самоотреченія, когда займется заря.

И въ сердцѣ его было также темно.

Тогда справа и слѣва, съ болотъ поползли вверхъ холодные туманы и вскорѣ сомкнулись надъ нимъ. Мелкій, едва-уловимый дождикъ моросилъ въ темнотѣ и скоплялся крупными каплями на его волосахъ и одеждѣ. Сердце его билось медленно и по всѣмъ членамъ разливалась дремота. Какъ вдругъ, взглянувъ вверхъ, онъ увидѣлъ два блудящихъ огонька, весело летѣвшихъ ему на встрѣчу. Онъ поднялъ голову и сталъ любоваться ими. Все ближе, ближе подлетали они, разгораясь какъ ясныя звѣздочки, сверкая тепломъ и свѣтомъ, и остановились передъ нимъ. Изъ средины одной изъ этихъ звѣздъ выглядывало среди лучистаго пламени смѣющееся лицо прелестной женщины съ ямочками на щекахъ, съ распущенными золотистыми волосами. Въ центрѣ другой звѣзды веселыми струйками переливалась блестящая жидкость, точно пѣнистое вино въ стаканѣ. Остановившись передъ нимъ, онѣ смѣялись и сверкали.

— Кто вы, посѣтившія меня, одинокого, въ непроглядной тьмѣ?—спросилъ охотникъ.

— Мы близнецы Чувственности,—воскликнули онѣ.—Нашего отца зовутъ Излишествомъ, а мать Человѣческой-Натурой. Мы также стары, какъ горы и рѣки, какъ первый человѣкъ на землѣ; но мы никогда не умираемъ!—прибавили онѣ со смѣхомъ.

— О, дай мнѣ обнять тебя!—воскликнула одна.—Въ моихъ объятіяхъ тепло и мягко. Твое сердце окоченѣло, а я заставлю его биться сильнѣе. О, приди ко мнѣ!

— Я волью горячую жизнь въ твои жилы!—сказала другая,—твой умъ замеръ и члены твои онѣмѣли, но со мной они проснутся къ новой, вольной жизни. О, дай мнѣ оживить тебя!

— Послѣдуй за нами, останься съ нами!—говорили онѣ:—И другія души, еще болѣе твоей возвышенныя, бывали здѣсь и

также, какъ ты сидѣли во тьмѣ ожидая свѣта, и устремились къ намъ, когда мы явились передъ ними, и никогда, никогда не покинули насъ. Все въ мірѣ обманъ и греза, мы однѣ реальны, однѣ мы дѣйствительны; Истина—призракъ; долины суевѣрія—злая насмѣшка, земля—одинъ пепелъ, деревья—гниль; а мы... ты прикоснись къ намъ, мы живыя! Въ насъ нельзя усомниться; попробуй, какъ мы согрѣваемъ... О, поди къ намъ, поди!

Трепетно летая надъ его головой, онѣ спускались все ниже, и холодныя капли на его челѣ таяли, исчезали. Яркій свѣтъ ослѣплялъ его, застывшая кровь начинала быстрѣе обращаться въ его жилахъ. И онъ сказалъ:

— Да; зачѣмъ же мнѣ оставаться въ этой тьмѣ и умирать отъ холода? Онѣ грѣютъ, онѣ оживляютъ мою остывшую кровь!— И онъ простеръ къ нимъ руки.

Но въ туже минуту передъ нимъ всталъ образъ того, что онъ любилъ и руки его безсильно опустились.

— О, поди къ намъ!—звали онѣ.

Онъ-же закрылъ лицо руками.

— Вы ослѣпляете меня своимъ блескомъ! — воскликнулъ онъ:—вы отогрѣли мое сердце; но нѣтъ, вы не въ силахъ дать мнѣ то, чего я жажду. Я останусь здѣсь и буду ждать, ждать до самой смерти. Идите прочь!

Закрывъ лицо руками, онъ не захотѣлъ больше слушать ихъ и когда, отнявъ руки, снова взглянулъ вверхъ, то увидѣлъ вдали лишь двѣ мелькающія звѣздочки, которыя вскорѣ совсѣмъ скрылись изъ вида.

А темная ночь все длилась, длилась безъ конца.

Всѣ, покидающіе долину Суевѣрія, проходятъ черезъ эту мрачную область; но одни проходятъ черезъ нее въ нѣсколько дней, другіе проводятъ въ ней мѣсяцы, годы, иные и умираютъ тутъ.

Вальдо подползъ еще ближе къ чужестранцу, который чувствовалъ на своей рукѣ его горячее дыханіе; мистическій восторгъ отражался въ его глазахъ.

— И вотъ наконецъ охотникъ увидѣлъ слабый свѣтъ на горизонтѣ. Онъ тотчасъ всталъ и пошелъ за нимъ; шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока не достигъ области Непрестаннаго Свѣта. Онъ вступилъ въ нее и очутился въ полномъ блескѣ яркаго солнца, а передъ нимъ воздымались мощныя горы Фактовъ и Дѣйствительности. Снизу онѣ были сильно освѣщены, а вершины ихъ терялись въ облакахъ. У подошвы горъ было много тропинокъ. Восторженный крикъ вырвался изъ груди охотника. Онъ

выбралъ ту тропинку, которая была всѣхъ прямѣе и полѣзъ на верхъ, а скалы и утесы вторили звукамъ его пѣсенъ. Какъ преувеличенны были эти слухи! Горы вовсе не особенно высоки, да и совсѣмъ не такъ ужь круты! Пройдетъ нѣсколько дней, или недѣль, или даже мѣсяцевъ, и онъ достигнетъ вершины! И не одно перышко выпадетъ на его долю: нѣтъ, онъ соберетъ всѣ тѣ, которыя находили другіе, всѣ соберетъ, совьетъ веревку, свяжетъ сѣть, изловитъ Истину, возьметъ ее въ руки, крѣпко прижметъ къ своей груди!

Онъ смѣялся и громко распѣвалъ въ сіяніи радостнаго солнца. Побѣда близка!.. Однако-же тропинка становилась все круче. Черезъ нѣкоторое время дыханіе его сдѣлалось тяжело и прерывисто и пѣсня замолкла. Со всѣхъ сторонъ его обступали громадныя скалы, лишенныя растительности: ни моха, ни лишайника на нихъ не было, почва была подобна застывшей лавѣ, изборожденной глубокими трещинами и провалами. Тамъ и сямъ на пути бѣлѣли человѣческія кости. Тропинка дѣлалась все менѣе явственна; мало по малу она превратилась въ едва замѣтный слѣдъ, потомъ лишь изрѣдка можно было уловить слѣды человѣческой ноги, и наконецъ они исчезли.

Охотникъ пересталъ пѣть и началъ самъ пробивать себѣ путь впередъ. Онъ дошелъ до громадной отвѣсной скалы, которая безъ всякаго выступа и перерыва высилась во всѣ стороны на необозримое пространство.—Я построю себѣ лѣстницу и приставлю ее къ этой стѣнѣ: когда я туда влѣзу, дѣло будетъ почти окончено,—сказалъ онъ себѣ и бодро принялся за работу. Онъ вынулъ изъ-за пазухи челночекъ Воображенія и сталъ имъ выкапывать камни для постройки лѣстницы; но камни были неровные, большею частію не приходились другъ къ другу и послѣ двухнедѣльнаго труда вдругъ все обваливалось, изъ-за того, что основаніе было непрочно. Но охотникъ не смущался этимъ и продолжалъ работать, говоря себѣ:—лишь бы одолѣть эту стѣну а тамъ все пойдетъ легче и великое дѣло будетъ сдѣлано!

Наконецъ онъ достигъ вершины стѣны и остановился оглядѣться. Далеко внизу бѣлые туманы клубились надъ долинами Суевѣрія, а передъ нимъ воздымались громады высочайшихъ горъ. Снизу онѣ казались ему не такъ высоки, но теперь онъ увидѣлъ, что онѣ тянутся вверхъ на неизмѣримую высоту, снизу до верху окруженныя рядами гигантскихъ скалъ, идущихъ кругообразно. Надъ ними сіяло вѣчное солнце. Онъ испустилъ дикій вопль и припалъ головою къ землѣ. Когда онъ всталъ, лицо его покрылось мертвенной блѣдностью. Въ полной тишинѣ

пошелъ онъ дальше, не говоря больше ни слова. Въ этихъ высокихъ горныхъ предѣлахъ воздухъ очень разрѣженъ и трудно имъ дышать человѣку, рожденному въ низменныхъ долинахъ. Каждый вздохъ доставлялъ ему страданіе и кровь сочилась изъ подъ его ногтей. Придя къ подножію слѣдующаго отвѣснаго склона, онъ тотчасъ принялся за работу; вышина его казалась необъятною, и охотникъ ничего не говорилъ. День и ночь раздавался стукъ челночка, которымъ онъ долбилъ крѣпкія скалы, стараясь выдолбить себѣ ступени. Годы проходили, онъ все трудился, а громадная стѣна все стояла передъ нимъ, упираясь въ небо. По временамъ онъ молился, чтобы на этихъ обнаженныхъ утесахъ появился хоть мохъ или лишайникъ, чтобы ему не чувствовать себя такимъ одинокимъ. Но ничто не выростало кругомъ.

Чужестранецъ съ интересомъ наблюдалъ лицо мальчика.

— Годы шли: онъ могъ счесть ихъ по числу ступеней, потому что въ цѣлый годъ ему удавалось выдолбить ихъ немного, очень немного.

Онъ не пѣлъ, не говорилъ больше „я сдѣлаю то, или это", а только работалъ. А по ночамъ, когда наступалъ блѣдный сумракъ, изъ глубины горныхъ трещинъ на него выглядывали странные, дикіе образы.

— Остановись, одинокій человѣкъ, поговори съ нами!— взывали они.

— Въ трудѣ мое спасеніе! — отвѣчалъ онъ: — Если я остановлюсь хотя на минуту, вы одолѣете меня.

Дикіе образы еще больше высунули впередъ свои длинныя шеи и говорили ему:

— Взгляни въ трещину у твоихъ ногъ, видишь ли ты эти побѣлѣвшія кости? Здѣсь уже былъ человѣкъ такой же сильный и бодрый какъ ты; и онъ взошелъ на этотъ утесъ, но взглянулъ вверхъ и увидѣлъ, что его старанія напрасны, что никогда ему не уловить Истину, никогда не видать ее, никогда не найти. Тогда онъ легъ тутъ, очень усталый, и уснулъ на всегда. Онъ самъ захотѣлъ уснуть. Во снѣ такой покой! И когда спишь, не чувствуешь ни своего одиночества, ни боли въ рукахъ, ни тоски въ сердцѣ.

Но охотникъ разсмѣялся себѣ въ бороду.

— Я оторвалъ отъ своего сердца все, что ему было дорого, одинъ прошелъ черезъ область вѣчнаго мрака; противустоялъ искушеніямъ; добровольно поселился въ странѣ, гдѣ никогда не слыхать голоса мнѣ подобныхъ; столько лѣтъ трудился одинъ,

и неужели все это затѣмъ только, чтобы лечь тутъ и отдаться вамъ на растерзаніе, лютыя змѣи?

Онъ громко разсмѣялся и Отголоски Отчаянія въ ужасѣ уползли прочь, потому что бодрый смѣхъ отважнаго духа для нихъ погибель.

Однако черезъ нѣкоторое время они опять стали выглядывать изъ щелей, смотрѣли на него и говорили.

— Знаешь ли ты, что твои волосы посѣдѣли? Что руки твои дрожатъ какъ у малаго ребенка? Замѣтилъ ли ты, что у твоего челночка конецъ притупился, да и самъ онъ треснулъ? Если ты когда нибудь и одолѣешь эту стѣну, дальше не пойдешь. Это будетъ твой послѣдній переходъ.

Онъ отвѣчалъ:—Знаю!—и продолжалъ работу.

Старыя, изсохшія руки плохо справлялись съ камнями, ступени были кривы и шероховаты, потому что пальцы его успѣли искривиться и гнулись съ трудомъ. Онъ потратилъ всѣ свои силы и всю свою мужественную красоту.

Наконецъ надъ вершиною стѣны показалось старое, изсохшее, изборожденное морщинами лицо: охотникъ достигъ своего, увидѣлъ вѣчныя горы воздымавшіяся къ бѣлымъ облакамъ и зналъ, что его трудъ оконченъ.

Онъ сложилъ свои усталыя руки и легъ на краю пропасти, надъ которой проработалъ всю жизнь. Настало время отдохнуть. Внизу подъ нимъ бѣлые туманы клубились надъ долинами; въ одномъ мѣстѣ туманъ разступился и онъ увидѣлъ потухающими глазами поля и деревья своего младенчества. Издали до него доносились крики его дикихъ птицъ и пѣсни и пляски людскія. Прислушиваясь къ нимъ, ему показалось, что онъ различаетъ голоса своихъ товарищей; а тамъ, далеко, далеко солнце освѣщало кровлю его родного дома. Крупныя слезы закапали изъ глазъ стараго охотника.

— Ахъ, тѣ, что тамъ умираютъ, не одиноки въ часъ смертный!—воскликнулъ онъ.

Туманъ сомкнулся, видѣнія исчезли и онъ отвелъ глаза въ сторону.

— Я искалъ,—сказалъ онъ:—въ теченіе долгихъ лѣтъ я трудился, и не нашелъ ее. Безъ отдыха, безъ жалобы я стремился впередъ и не видѣлъ ее; и вотъ теперь всѣ мои силы потрачены. Но на томъ мѣстѣ, гдѣ лежу я, измученный и старый, со временемъ встанутъ другіе, молодые и съ свѣжими силами. По тѣмъ ступенямъ, которыя мною выдолблены, они полѣзутъ, по тѣмъ лѣстницамъ, что я построилъ, они взойдутъ. Они не будутъ

знать имени, того, кто проложилъ имъ путь: надъ грубостью моей работы они посмѣются; когда камни будутъ осыпаться подъ ихъ ногами, они проклянутъ меня. Но они все таки взойдутъ, и этимъ будутъ обязаны моему труду; поднимутся по моимъ ступенямъ! И они обрѣтутъ ее, благодаря мнѣ. Ни одинъ человѣкъ не долженъ жить для одного себя, и умереть ради одного себя не долженъ!

Слезы текли изъ-подъ сморщенныхъ вѣкъ его. Если бы сама Истина появилась теперь изъ за-облаковъ, онъ-бы не увидѣлъ ее, потому что смертный туманъ уже заволакивалъ его глаза.

— Слышу въ душѣ моей радостный отголосокъ ихъ шаговъ,—сказалъ онъ:—они идутъ! Идутъ вслѣдъ за мною!—Онъ поднесъ къ глазамъ свою изсохшую руку.

Тогда изъ глубины небесъ въ тихомъ воздухѣ заколебалось что-то бѣлое: оно летѣло внизъ, внизъ, и съ мягкимъ трепетомъ упало на грудь умирающаго. Онъ ощупалъ руками: то было перо. И держа его въ объятіяхъ онъ умеръ.

Вальдо заслонилъ глаза рукой. Крупныя слезы падали на рѣзной столбъ. Незнакомцу оставалось или посмѣяться надъ нимъ, или промолчать. Онъ молчалъ.

— Какъ вы узнали все это?—прошепталъ мальчикъ спустя нѣкоторое время.—Вѣдь тутъ... на столбѣ... ничего такого не написано. Какъ же вы догадались?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ проѣзжій,—тутъ не все такъ написано, но намеки на это есть. Таково общее свойство, присущее всякому истинному искусству: оно выражаетъ больше, чѣмъ высказываетъ, заставляя насъ отвлекаться отъ самого себя. Искусство—это маленькая лазейка въ пространные чертоги, гдѣ можешь найти все, что хочешь. Иногда, желая побранить художественное произведеніе, люди говорятъ, что мы отыскиваемъ въ томъ или другомъ изъ нихъ гораздо больше того, что подразумѣвалъ самъ авторъ;—и не замѣчаютъ, что это-то и есть самая высшая похвала. Если находятъ одинъ только палецъ съ ногтемъ отъ настоящаго человѣка, то возстановляютъ по этому всю его особу, отъ головы до ногъ, и могутъ разсказать о немъ цѣлую исторію. Если же мы найдемъ хоть половину дикарскаго идола, мы никакъ не можемъ составить себѣ понятія о томъ, что онъ изъ себя представлялъ въ цѣломъ. Мы можемъ судить только о томъ, что видимъ, а остальное для насъ остается непонятнымъ. Ничто такъ не общедоступно, ничто не общепонятно, какъ Истина. Въ ней

тысяча различныхъ смысловъ и еще столько-же она подразумѣваетъ.—Проѣзжій сталъ вертѣть въ рукахъ рѣзной столбъ и глядя на него продолжалъ:—Какъ-бы ни была не искусна рука, стремящаяся дать ей вещественное выраженіе, всегда найдется кто нибудь, кто съумѣетъ истолковать его значеніе. Изъ самыхъ грубыхъ волоконъ можетъ проглядывать горячая душа человѣческая. Если бы кому удалось въ точности изобразить жизнь и смерть малѣйшаго цвѣточка, какъ онъ зарождается, какъ всасываетъ свое питаніе, какъ воспроизводитъ себѣ подобныхъ, увядаетъ, исчезаетъ,—тотъ изобразилъ бы, собственно говоря, исторію всякаго бытія. Всѣ дѣйствительные факты, въ природѣ ли они, или въ душѣ человѣка, цѣпляются другъ за друга. Ваша рѣзьба представляетъ нѣсколько фактовъ духовной жизни въ ихъ настоящемъ свѣтѣ; поэтому, разсматривая ее, можно построить на ней полсотни различныхъ, но строго правдивыхъ исторій. Въ вашей работѣ есть правда, но нѣтъ внѣшней красоты, которая составляетъ остальную половину искусства.—Чужестранецъ почти съ нѣжностью наклонился къ мальчику и прибавилъ:—И умѣнье современемъ можетъ придти, только для этого нужно много работать. Вкусъ и стремленіе къ красотѣ бываютъ врожденные, но умѣнье создавать красоту пріобрѣтается впослѣдствіи и на это нужно положить много труда.

— Всю жизнь я мечталъ встрѣтиться съ вами, — сказалъ мальчикъ.

Незнакомецъ отломилъ кончикъ сигары и закурилъ. Вальдо снялъ съ его колѣнъ тяжелый рѣзной столбъ и приникъ къ его ногамъ. Онъ ластился къ нему какъ собака и это могло-бы показаться смѣшно; но проѣзжій взглянулъ на дѣло съ иной точки зрѣнія. Спокойно покуривая сигару, онъ сказалъ:

— Сдѣлайте что нибудь для меня.

Мальчикъ вскочилъ на ноги.

— Да нѣтъ, оставайтесь тутъ. Мнѣ не нужно, чтобы вы уходили; мнѣ хочется, чтобы вы мнѣ разсказали что нибудь. Вотъ, напримѣръ, скажите, что вы дѣлали всю жизнь.

Мальчикъ снова прилегъ на землю. Ахъ, кабы этотъ человѣкъ велѣлъ ему вырвать съ корнемъ кусты, чтобы покормить ими лошадь, или послалъ-бы его въ дальній конецъ равнины набрать окаменѣлостей, или нарвать цвѣтовъ, что ростутъ на томъ краю поля,—съ какой радостью Вальдо исполнилъ-бы все это и мигомъ вернулся назадъ! А теперь...

— Я никогда ничего не дѣлалъ,—молвилъ онъ.

— Ну, все равно, про это разскажите. Мнѣ всегда интересно узнавать, какъ проводятъ жизнь люди, которымъ можно вѣрить на слово. Припомните, чего вамъ прежде всего и сильнѣе всего захотѣлось?

Мальчикъ помолчалъ, собираясь съ мыслями, потомъ заговорилъ несмѣло; но вскорѣ рѣчь его полилась свободнымъ потокомъ. Какъ бы ни было коротко и мелко прошедшее человѣка, онъ всегда найдетъ въ немъ неистощимый предметъ для обсужденія; стоитъ лишь порыться въ своей памяти.

Повѣсть была безпорядочная, сбивчивая; мелочи возводились въ серьезные факты, важныя стороны жизни причислялись къ мелочамъ и внутренній смыслъ событій постоянно ускользалъ изъ вида. Даже и для очень проницательныхъ глазъ прошедшее только тогда распадается на правильныя картины, когда оно достаточно удалено отъ насъ. Нужно, чтобы то Я, о которомъ мы повѣствуемъ, перестало быть настоящимъ нашимъ Я и отошло въ область объективныхъ представленій: только тогда оно можетъ занять въ картинѣ надлежащее мѣсто. Настоящее и недавно прошедшее образуютъ путаницу, смыслъ которой начинаетъ выясняться передъ нами по мѣрѣ того, какъ она отходитъ на дальній планъ.

Проѣзжій закурилъ другую сигару объ конецъ первой и слушая съ полузакрытыми глазами продолжалъ курить.

— Я могу еще что нибудь припомнить и разсказать, если вамъ угодно,—сказалъ мальчикъ.

Онъ говорилъ съ той чрезвычайной серьезностью, которая свойственна очень молодымъ людямъ, когда они глубоко чувствуютъ. Только къ двадцати годамъ мы выучиваемся смѣяться, когда на сердцѣ кошки скребутъ. Проѣзжій кивалъ головою и мальчикъ припоминалъ и разсказывалъ еще новый эпизодъ своей жизни. Ему хотѣлось все разсказать этому чудному человѣку, рѣшительно все, что онъ зналъ, о чемъ думалъ, что перечувствовалъ, всѣ свои самыя сокровенныя и наболѣвшія мысли. Какъ вдругъ незнакомецъ взглянулъ на него и сказалъ:

— Ну, мальчикъ, счастье ваше, что вы живете тутъ.

Вальдо съ удивленіемъ посмотрѣлъ на собесѣдника. Можетъ ли быть, чтобы онъ—этотъ чудный человѣкъ—насмѣхался надъ нимъ? Какъ, — это счастье, жить на этой бурой землѣ, среди чуть замѣтныхъ холмовъ, тогда какъ за предѣлами ихъ простирается весь дивный, прелестный міръ? И это счастье?

Незнакомецъ угадалъ его мысли.

— Да, да!—сказалъ онъ.—Тутъ, среди кустовъ карро, на

этомъ самомъ красномъ пескѣ. Для всѣхъ, рожденныхъ подъ сѣнью старой вѣры, неминуемо настаетъ опасная пора, когда старое ускользаетъ отъ насъ, а новаго еще нѣтъ подъ ногами. Голосъ съ Синайской горы не гремитъ намъ больше своихъ велѣній, а тихій голосъ разума намъ еще не слышенъ.

Мы испытали обманчивость той религіи, которую воспринимали вмѣстѣ съ материнскимъ молокомъ; въ смятеніи мы не видимъ, чѣмъ же намъ руководствоваться на каждый день, а между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ и какое-нибудь руководство необходимо.

Незнакомецъ подался впередъ и заговорилъ болѣе оживленно.

— Насъ никогда не учили, ни словомъ, ни дѣломъ, отличать религію отъ нравственныхъ законовъ, къ которымъ она искусно прицѣпилась и вытянула изъ нихъ все, что въ ней самой есть жизненнаго. Когда мы очищаемъ крѣпкую стѣну отъ сорной травы, ползучихъ и чужеядныхъ растеній и видимъ, что это все гниль, мы обыкновенно воображаемъ, что и самая стѣна тоже гнилая. Тогда мы признаемъ ее прочною и крѣпкой, когда ударяемся объ нее головой. Намъ внушали, что добро и зло происходятъ отъ воли самостоятельнаго, не отвѣтственнаго существа; не мало нужно времени, чтобы убѣдить насъ, что духъ неумолимыхъ заповѣдей коренится въ самой природѣ вещей. Вотъ это-то переходное время и бываетъ опасно.

Темные, задумчивые глаза вперились въ глаза мальчика.

— Въ концѣ-концовъ опытъ неизбѣжно покажетъ намъ, что законы, на которыхъ зиждется разумное и благородное существованіе, коренятся не въ единичной волѣ какого-нибудь существа, божескаго или человѣческаго, но въ глубинѣ самой природы человѣка. Опытъ убѣдитъ насъ, что если человѣкъ прольетъ кровь ближняго, то хотя бы собственную его кровь никто не проливалъ, и никто не отмстилъ ему за это, и въ будущемъ не ожидала его геенна огненная, но каждая капля пролитой крови огненнымъ пятномъ забрыжжетъ его душу и будетъ разъѣдать ее во имя убитаго. Если кто вкуситъ сладость любви, по закону не ему принадлежащей, тотъ срываетъ цвѣтокъ съ ядовитыми лепестками; если кто мститъ врагу своему, тотъ играетъ мечомъ обоюдуострымъ: одной стороной поражаетъ онъ противника, другой—себя самого. Кто живетъ только для себя—тотъ уже мертвецъ, хотя и не засыпанъ землей; кто обидитъ ближняго—тотъ омрачаетъ собственное солнце; и кто втайнѣ согрѣшитъ—того обвинитъ и осудитъ единствен-

ный неподкупный судія, котораго нельзя обмануть: его собственная, всевѣдущая совѣсть.

— Всему такому научаетъ насъ опытъ, а разумъ покажетъ причины, почему это такъ и должно быть. Но въ началѣ все путается у насъ въ глазахъ, мы стоимъ ошеломленные и никто не крикнетъ намъ:—Сюда идите, вотъ настоящая дорога! Да, счастье ваше, что вы тутъ, мальчикъ! Когда сомнѣніе мучитъ васъ, вы облегчаете себѣ душу тѣмъ, что строите каменныя стѣны и копаете землю. А были и другіе въ такомъ же состояніи ума, и чувствовали все тоже, что и вы чувствуете, но имъ были предложены другія утѣшенія, и они воспользовались ими...

Когда же настало имъ время увидать тотъ путь, по которому слѣдовало имъ идти, они уже не имѣли силы повернуть въ ту сторону. У нихъ образовались привычки, отъ которыхъ только смерть можетъ освободить ихъ; привычки, которыя въѣдаются въ ихъ натуру, подтачивая умъ, энергію, творческія способности, все что возвышаетъ человѣка надъ звѣремъ, и оставляя имъ лишь настолько силы, чтобы тосковать о непоправимомъ, мучиться безплодными сожалѣніями и падать все ниже.

— Да, мальчикъ,—прибавилъ онъ, и лицо его было теперь не менѣе проникнуто серьезнымъ чувствомъ, чѣмъ у его слушателя,—счастье ваше, что вамъ суждено быть здѣсь. Оставайтесь тутъ и если можете молиться, произносите лишь одну старую молитву: „Не введи насъ во искушеніе". Живите съ миромъ. Быть можетъ, настанетъ время, когда изъ васъ выйдетъ то самое, чѣмъ другіе мечтали сдѣлаться, но не сдѣлались... И теперь ужъ не будутъ никогда.

Проѣзжій всталъ, стряхнулъ пыль съ рукава и стыдясь собственной горячности сталъ искать глазами свою лошадь, зашедшую за кусты.

— Намъ бы давно слѣдовало быть въ дорогѣ, — сказалъ онъ:—Придется сегодня довольно долго ѣхать ночью.

Вальдо бросился за лошадью, поймалъ ее, но привелъ замедляя шагъ. Чѣмъ скорѣе онъ приведетъ коня, тѣмъ скорѣе разстанется съ чужестранцемъ.

Проѣзжій между тѣмъ разстегнулъ сумку, въ которой оказались новый французскій романъ въ желтой обложкѣ и старая переплетеная книга, побурѣвшая отъ времени. Онъ взялъ послѣднюю и отдалъ ее мальчику.

— Она вамъ можетъ пригодиться,— сказалъ онъ, — когда эта книга попалась мнѣ въ первый разъ, я думалъ, что это

цѣлое откровеніе. Не ждите отъ нея слишкомъ многого, но все таки она дастъ вамъ точку опоры, вокругъ которой вы можете группировать свои мысли; а то онѣ у васъ такъ разбросаны и перепутаны, что голова кружится. Людямъ нашего поколѣнія уже не дано просто ѣсть и насыщаться, какъ дѣлали наши предки; мы должны быть довольны и тѣмъ, что чувствуемъ голодъ.

Онъ улыбнулся своей безжизненной улыбкой и застегнулъ сумку. Вальдо сунулъ книгу себѣ за пазуху и пока онъ сѣдлалъ коня, проѣзжій разспрашивалъ его, далеко-ли до слѣдующей фермы и какъ туда попасть.

Осѣдлавъ лошадь и подвязавъ сумки, Вальдо поднялъ рѣзной столбъ своей работы и сталъ прикрѣплять его къ сѣдлу, снявъ для этого голубой бумажный платокъ со своей шеи. Незнакомецъ молча наблюдалъ за нимъ. Покончивъ укладку, Вальдо взялъ въ руку стремя, чтобы помочь ему сѣсть на лошадь.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ незнакомецъ вскочивъ на сѣдло и снимая перчатку съ правой руки.

Мальчикъ сказалъ.

— Спасибо. Рано или поздно я еще надѣюсь встрѣтиться съ вами. Онъ подалъ ему руку и крѣпко пожалъ; потомъ надѣлъ перчатку, тронулъ коня и медленно поѣхалъ прочь. Мальчикъ смотрѣлъ ему въ слѣдъ.

Проѣхавъ около половины равнины, чужестранецъ оглянулся.

— Бѣдный малый! — молвилъ онъ улыбаясь и поглаживая усы. Потомъ нагнулся посмотрѣть, крѣпко-ли завязаны углы голубаго платочка, и повторилъ:—бѣдняга!

Онъ улыбнулся и вздохнулъ; глубоко, тяжело вздохнулъ.

А Вальдо стоялъ на мѣстѣ и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока всадникъ не исчезъ съ горизонта. Тогда онъ бросился на землю и страстно поцѣловалъ слѣдъ подковы на пескѣ. Потомъ загналъ свое стадо, взялъ книгу подъ мышку и пошелъ домой вдоль стѣнки крааля. Закатъ солнца въ тотъ вечеръ показался ему дивной красоты.

ГЛАВА III.

Грегори Розъ встрѣчаетъ родную душу.

Новый жилецъ, Грегори Розъ, сидѣлъ у дверей своей хижины; скрестивъ руки, положивъ ногу на ногу, онъ смотрѣлъ вдаль и лицо его выражало глубокую меланхолію. Его жилище состояло изъ квадратнаго плетня, обмазаннаго глиной, поста-

вленнаго мили за двѣ отъ фермы, среди кустовъ карро. Снаружи оно было покрыто слоемъ бурой замазки, съ двумя маленькими отверстіями вмѣсто оконъ. За хижиной тянулись овечьи загоны, справа былъ большой прудъ, въ которомъ, впрочемъ, вмѣсто воды была теперь только засохшая тина. Вдали виднѣлся курганъ, совершенно скрывавшій видъ на ферму, и самъ отсюда такъ мало замѣтный, что ничто не нарушало скучнаго однообразія пейзажа.

Передъ дверью на складномъ стулѣ сидѣлъ Грегори Розъ, безъ сюртука и въ глубокой задумчивости. По временамъ онъ тяжко вздыхалъ. Въ выраженіи его лица было нѣчто такое, чего нельзя было объяснить даже скукою его обстановки. Онъ поглядывалъ, то на курганъ, то на молочное ведро, стоявшее у его ногъ, то на бураго пони, пасшагося неподалеку среди кустовъ; смотрѣлъ и вздыхалъ.

Наконецъ онъ всталъ и пошелъ въ хижину. У него была всего одна небольшая комната съ выбѣленными стѣнами, изобильно украшенная картинками, вырѣзанными изъ „Лондонскаго Живописнаго Обозрѣнія“: преобладающимъ мотивомъ всѣхъ картинокъ были женскія фигуры и головки. Одна стѣна комнаты была вплотную занята постелью; у противуположной стѣны, ради разнообразія, помѣщалась вѣшалка для ружья и небольшое туалетное зеркальце, а среди комнаты стояли столъ и стулъ. Все содержалось въ величайшемъ порядкѣ и чистотѣ: въ углу выдвижного стола Грегори держалъ даже пыльное полотенце, аккуратно складывая его каждый разъ послѣ употребленія, какъ дѣлала его мамаша. Всякій день возставъ отъ сна онъ читалъ молитвы, потомъ оправлялъ свою постель и шелъ стирать пыль со стола, со стульевъ, обтиралъ даже ихъ ножки, и картинки на стѣнахъ, и вѣшалку съ ружьемъ.

Въ этотъ жаркій день онъ прошелъ прямо къ кровати, вытащилъ изъ-подъ подушки чехолъ для часовъ, связанный ему въ подарокъ сестрой Джемимой, вынулъ изъ него часы и посмотрѣлъ.

Только половина пятаго! Съ тихимъ стономъ онъ сунулъ часы обратно и присѣлъ къ столу. Половина пятаго! Надо-же однако встряхнуться. Не написать-ли письма къ сестрѣ Джемимѣ? Онъ всегда писалъ къ ней, когда ему бывало скучно; она служила ему спасительнымъ клапаномъ. Въ свои счастливыя минуты онъ даже не вспоминалъ о ней, но когда ему почему нибудь бывало плохо, онъ пускалъ въ ходъ свои братскія чувства.

Онъ вынулъ чернильницу, перо и бумагу. На заголовкахъ бумаги отпечатанъ былъ фамильный гербъ съ девизомъ, потому что члены семейства Розъ, съ тѣхъ поръ, какъ выселились изъ Англіи, считали себя потомками знатнаго рода. Самъ старикъ Розъ, простой честный фермеръ, и понятія не имѣлъ о благородствѣ своего происхожденія, но его жена и дочь очень много этимъ занимались, въ особенности дочь. Извѣстно, что въ Англіи есть знатная фамилія Розъ, ведущая свой родъ отъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя и владѣющая великолѣпнымъ паркомъ; на этомъ основаніи и въ память знаменитыхъ предковъ, они назвали свою ферму въ Капской колоніи „Розъ-Мэноръ" и такимъ образомъ установили свои права на дворянство... по крайней мѣрѣ въ собственномъ мнѣніи.

Грегори взялъ сначала бѣлую почтовую бумагу съ гербомъ, но по зрѣломъ размышленіи отложилъ ее въ сторону и выбралъ другую, розовую, которая показалась ему болѣе подходящею къ теперешнему настроенію его чувствъ; и началъ писать:

„За Курганомъ. Понедѣльникъ, вечеромъ.

„Дорогая Джемима..."

Тутъ онъ взглянулъ въ зеркало, висѣвшее напротивъ. Оно отражало очень юную физіономію съ курчавой темной бородкой и вьющимися волосами; но въ синихъ глазахъ была такая тоскливая истома, что онъ расчувствовался. Обмакнувъ перо, онъ сталъ писать:

„Глядя въ зеркало, висящее передо мной, я невольно спрашиваю себя: неужели это лицо, такое печальное и перемѣнившееся..."

Онъ остановился и призадумался. Не покажется-ли имъ черезчуръ суетнымъ или недовольно мужественнымъ съ его стороны, что онъ сидитъ и смотрится въ зеркало? Нѣтъ, это не годится. Онъ взялъ другую розовую бумажку и началъ письмо съизнова:

„За Курганомъ. Въ понедѣльникъ, вечеромъ.

Милая сестра!

„Не прошло еще шести мѣсяцевъ съ того дня какъ мы разстались, но если бы ты могла видѣть меня въ эту минуту, я знаю, что бы ты сказала, знаю, что и мамаша скажетъ. Неужели это нашъ Грегъ, этотъ молодой человѣкъ, съ такой странной печалью на глазахъ?

„Да, Джемима, это я, вашъ Грегъ; а перемѣна, происшедшая во мнѣ, началась съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я сюда пріхалъ; но она еще усилилась со вчерашняго дня. Ты, знаешь,

Джемима, сколько горя я испыталъ въ жизни; знаешь, какъ несправедливо относились ко мнѣ въ школѣ; какъ учителя всегда старались затереть меня и называли меня болваномъ, даромъ что сами признавали, что ни одинъ изъ товарищей не былъ одаренъ лучшею памятью, и что я зналъ наизусть отъ начала до конца цѣлыя книжки. Знаешь также, какъ жестоко обращался со мною отецъ, не иначе звавшій меня какъ разиней и размазней, и все потому, что онъ не понималъ, какая у меня утонченная натура. Тебѣ извѣстно, что онъ непремѣнно захотѣлъ сдѣлать изъ меня сельскаго хозяина, а не пастора, какъ бы слѣдовало по настоящему. Ты все знаешь, Джемима, знаешь также и то, какъ я переносилъ всѣ мои невзгоды: не пищалъ, не жаловался, какъ женщина, которую нельзя пальцемъ тронуть, а молчалъ, какъ подобаетъ мужчинѣ.

„Но есть вещи или лучше сказать есть одна такая вещь, о которой душа жаждетъ поговорить съ сочувственной душой.

„Милая сестра, испытала-ли ты, что значитъ постоянно стремиться напечатлѣть поцѣлуй на извѣстныя уста, и не мочь этого сдѣлать; хотѣть пожать извѣстную ручку — и знать, что этого нельзя?... Я влюбленъ, Джемима.

„У той старой голландки, у которой я арендую землю, есть падчерица... Ея имя начинается съ буквы Э.

„Она англичанка. Не могу понять, какъ могъ ея отецъ жениться на голландкѣ! Я испытываю престранное чувство, когда пишу букву Э... Я полюбилъ ее съ той минуты, какъ пріѣхалъ сюда. Вотъ уже нѣсколько недѣль, что я не могу ни пить, ни ѣсть; даже курительный табакъ потерялъ для меня всякій вкусъ. Больше пяти минутъ я не въ силахъ оставаться на мѣстѣ и мнѣ кажется иногда, что я въ самомъ дѣлѣ схожу съ ума.

„Каждый вечеръ я хожу къ нимъ на ферму за молокомъ. Вчера она предложила мнѣ чашку кофе. Ложечка упала на полъ. Она наклонилась поднять ее и, передавая мнѣ ложку, коснулась пальчикомъ до моей руки. Джемима... я не знаю, можетъ быть мнѣ такъ только показалось, — но я вздрогнулъ, вспыхнулъ, и она тоже вздрогнула. Я подумалъ: хорошо, она будетъ моею; значитъ, она любитъ меня! Какъ вдругъ, Джемима, вошелъ въ ту-же комнату какой-то рослый, неуклюжій парень, нѣмецъ при томъ-же, пресмѣшной, съ волосами чуть не до плечъ, словомъ—смотрѣть противно. Онъ просто работникъ на фермѣ, человѣкъ низкаго происхожденія, необразованный, вульгарный, даже въ пансіонѣ никогда не обучался. Его

посылали на сосѣднюю ферму за овцами. Какъ только онъ пришелъ, она обернулась къ нему, говоритъ:

— Здравствуй, Вальдо. Хочешь кофею? — И прямо, взяла да и поцѣловалась съ нимъ.

„Всю ночь послѣ этого въ моихъ ушахъ звенѣли слова: „хочешь кофею? хочешь кофею?“ Едва я начиналъ дремать, какъ мнѣ казалось, что ея пальчикъ нажимаетъ мнѣ руку; я вздрагивалъ, просыпался и тотчасъ опять слышалъ, какъ она говоритъ: „Здравствуй Вальдо, хочешь кофею?...“

„Развѣ это не безуміе?

„Сегодня я во весь день не съѣлъ ни кусочка. Вечеромъ пойду туда и предложу ей свою руку. Если она откажетъ, то завтра-же я наложу на себя руки. Тутъ-же, недалеко, есть прудъ. Правда, овцы выпили изъ него почти всю воду; но все таки мѣстами еще довольно есть воды, чтобы утопиться, особенно если навязать себѣ на шею камень.

„Да, приходится выбирать между сумасшествіемъ и самоубійствомъ. Дольше выносить я не въ состояніи. Если случится, что это письмо мое къ тебѣ будетъ послѣднимъ въ жизни, вспоминай обо мнѣ съ нѣжностью и прости меня. Безъ нея жизнь была-бы дикою пустыней, продолжительнымъ мученіемъ. Она предназначена мнѣ свыше; она единственная любовь моей юности, моего зрѣлаго возраста и всей моей жизни; мое солнце, цвѣтокъ, посылаемый мнѣ Богомъ.

«Тотъ не любилъ, кто хочетъ насъ увѣрить,
Что, полюбивъ, любить онъ пересталъ:
Иль самъ съ собой онъ можетъ лицемѣрить,
Иль охладѣвъ онъ хладнымъ трупомъ сталъ!»...

„Твой неутѣшный братъ, пишущій къ тебѣ, по всей вѣроятности, въ послѣдній вечеръ своей горькой жизни.

„Грегори Назіанзенъ Розъ.

„P. S. Попроси мамашу поберечь мои жемчужныя запонки. Онѣ остались въ выдвижномъ ящикѣ умывальнаго стола. Какъ-бы дѣти не растащили.

„P. P. S. Я захвачу это письмо съ собою на ферму. Если одинъ уголокъ будетъ загнутъ, это будетъ знакомъ, что мое предложеніе принято; если-же нѣтъ, то знай, что все кончено и сердце твоего злополучнаго брата перестало биться.

Г. Н. Р“.

Дописавъ письмо, Грегори съ большимъ удовольствіемъ перечиталъ его, потомъ вложилъ въ конвертъ, надписалъ адресъ

и продолжалъ сидѣть, устремивъ взоръ на чернильницу и чувствуя, что на душѣ у него стало полегче.

Послѣ жаркаго дня вечеръ выдался довольно холодный и поднялся сильный вѣтеръ. Подъѣзжая верхомъ на буромъ пони къ фермѣ, Грегори еще издали могъ различить женскую фигурку въ красной накидкѣ, стоявшую у двери коровьяго хлѣва. Облокотившись на жерди, которыми загороженъ былъ входъ въ хлѣвъ, Эмма наблюдала, какъ молоко, слегка вспѣниваясь и шурша, струилось между пальцевъ чернокожаго пастуха, между тѣмъ какъ коровы, привязанныя рогами къ столбамъ, мотали головами, силясь освободиться. Эмма съ головой укуталась въ свою накидку, придерживая ее пальчиками у подбородка, чтобы не надуло въ уши, а вѣтеръ игриво развѣвалъ ее, въ тоже время ударяя ей въ глаза выбившеюся прядью ея золотистыхъ волосъ.

— Не холодно-ли вамъ стоять здѣсь? — сказалъ Грегори, тихо подходя и становясь съ ней рядомъ.

— О, нѣтъ, мнѣ такъ хорошо. Я всегда прихожу смотрѣть, какъ доятъ коровъ. Вотъ эта рыжая, съ короткими рогами, знаете, вѣдь она выкормила теленка отъ бѣлой коровы, которая околѣла. И она такъ любитъ его, такъ любитъ, какъ будто онъ ей родной. Премило смотрѣть, какъ она вылизываетъ ему уши. Вы взгляните сюда!

— Все небо обложило черными тучами. Я думаю сегодня ночью будетъ дождикъ,—сказалъ Грегори.

— Да-а,—отвѣчала Эмма, глядя на него снизу вверхъ, насколько позволяла непослушная прядь волосъ, развѣваемая вѣтромъ.

— Но вы навѣрное озябли,—настаивалъ Грегори, засунувъ руку подъ накидку и разыскавъ тамъ маленькій, нѣжный и совсѣмъ горячій кулачекъ. Онъ взялъ его и зажалъ въ своей рукѣ.

— О, Эмма, я люблю васъ больше всего на свѣтѣ! Скажите, что и вы тоже меня любите... хоть немножко?

— Да, пожалуй...—сказала Эмма съ запинкой,—стараясь высвободить свой кулакъ.

— Больше всего въ мірѣ? Больше чѣмъ кого либо другого, моя дорогая?—говорилъ Грегори наклонясь къ ней такъ близко, что прядь ея волосъ попала и ему въ глаза.

— Не знаю,—отвѣчала она серьезно,—я васъ очень люблю, но я тоже очень люблю мою кузину, которая теперь учится въ городѣ, и Вальдо. Но вѣдь это оттого, что я ихъ такъ давно знаю.

— О, Эмма, не будьте такъ холодны со мной, — воскликнулъ Грегори, хватая ее за руку, опиравшуюся на загородку, и сжимая такъ крѣпко, что она немного испугалась. Тѣмъ временемъ пастухъ съ подойникомъ отошелъ на другой конецъ крааля, а коровы занялись своими телятами и не обращали никакого вниманія на разыгравшуюся передъ ними человѣческую комедію.—Эмма, если вы не будете говорить со мной иначе, я сойду съума! Вы должны полюбить меня, и любить больше всего въ мірѣ! Вы должны быть моею. Я полюбилъ васъ съ той минуты, какъ увидѣлъ, какъ вы шли мимо стѣнки съ кувшиномъ въ рукахъ. Вы мнѣ предназначены свыше, созданы для меня! Я буду васъ любить, покуда я живу на свѣтѣ, о, Эмма! Не будьте же со мной такъ холодны, такъ жестокосерды!

Онъ такъ крѣпко держалъ ее за руку повыше локтя, что она невольно разжала пальцы и выпустила изъ рукъ накидку, которая свалилась на землю и вѣтеръ сталъ пуще прежняго трепать волосы на ея маленькой русой головкѣ.

— Я васъ очень люблю,—сказала она,—но еще не знаю, захочу ли выйти за васъ замужъ. Я больше люблю васъ, чѣмъ Вальдо, но насчетъ кузины Линдель не знаю какъ сказать. Подождите еще недѣлю, тогда можетъ быть я узнаю и скажу вамъ.

Грегори поднялъ накидку и надѣлъ на нее.

— Если бы вы могли полюбить меня такъ, какъ я васъ люблю!—сказалъ онъ,—но нѣтъ, ни одна женщина не умѣетъ любить такъ какъ мужчина. Я подожду до субботы; до тѣхъ поръ ни разу не подойду къ вамъ. Прощайте. О, Эмма!—прибавилъ онъ вдругъ, снова оборачиваясь къ ней, обвивъ рукою ея талію и напечатлѣвъ на ея губахъ неожиданный поцѣлуй; если вы не согласитесь быть моей женой, не жилецъ я на бѣломъ свѣтѣ. Я никогда еще не любилъ ни одной женщины и никогда больше не полюблю. Никогда!

— Вы меня совсѣмъ испугали,—сказала Эмма.—Пойдемте лучше, я наполню ваше ведро.

— Не хочу я молока сегодня! Прощайте. Больше вы меня не увидите до субботы.

Въ тотъ же день поздно вечеромъ, когда всѣ улеглись спать, маленькая женщина съ свѣтлорусой головкой стояла середи кухни. Она пришла налить воды въ котелъ для кофе къ завтрашнему утру и задумалась, стоя передъ печкой. Тлѣющіе уголья обдавали теплымъ свѣтомъ ея степенное, старообразое личико, на которомъ лежалъ теперь отпечатокъ нѣкоторой торжественности.

— Больше всего на свѣтѣ; больше чѣмъ кого либо другого; вотъ какъ онъ меня любитъ! — произнесла она вслухъ, какъ будто такъ легче было повѣрить истинности такихъ словъ. Во всю свою короткую жизнь она щедрою рукой раздавала свою привязанность, но не привыкла, чтобы ей за это платили, да еще съ лихвою. И вдругъ нашелся человѣкъ, который самъ сказалъ, что любитъ ее больше чѣмъ кого либо въ мірѣ; значитъ, больше чѣмъ она его любитъ. Вотъ богатство-то привалило! Она то сжимала, то разжимала свои пальцы. Такъ долженъ чувствовать себя нищій, который уснулъ на мостовой голодный и промокшій, а просыпается въ великолѣпномъ дворцѣ и видитъ вокругъ себя яркое освѣщеніе, вкусную ѣду и толпу слугъ, ожидающихъ его приказаній. Но для нищаго это конечно только сонъ и когда онъ дѣйствительно проснется, ничего этого не будетъ; между тѣмъ какъ у ней вѣдь сущая правда.

Грегори говорилъ: „Я буду васъ любить, покуда я живу на свѣтѣ“.

Она повторяла себѣ эти слова на всѣ лады какъ въ пѣснѣ.

— Завтра же пошлю за нимъ и скажу ему, что и я его люблю также,—рѣшила она.

Но посылать не пришлось. Возвратившись домой наканунѣ, Грегори вспомнилъ, что письмо къ Джемимѣ пролежало у него въ карманѣ; а потому какъ ни противно ему было выказаться передъ ней безхарактернымъ или малодушнымъ, онъ принужденъ былъ еще до свѣту явиться на ферму, чтобы положить письмо въ почтовую сумку.

— Если я ее увижу, то поклонюсь только издали,—подумалъ Грегори,—пусть она увидитъ, что я не такой человѣкъ, который не держитъ даннаго слова.

Что же касается до письма къ Джемимѣ, онъ загнулъ у него одинъ уголъ, но потомъ расправилъ, начертивъ на немъ только глубокую складку. Это должно было означать, что ему не то, чтобы отказали, но и не совсѣмъ еще приняли его предложеніе, словомъ ни то, ни сё. Но онъ находилъ, что гораздо поэтичнѣе выразить это такимъ способомъ, чѣмъ просто на словахъ.

Грегори едва поспѣлъ во время со своимъ письмомъ, потому что Вальдо уже отъѣзжалъ отъ крыльца, когда онъ подъѣхалъ, а Эмма, стоя у порога, провожала его. Отдавъ письмо и дождавшись, пока Вальдо уѣхалъ, Грегори церемонно поклонился Эммѣ и собирался съ своей стороны влѣзть на своего пони, но что-то замѣшкался. Было еще очень рано и никого

изъ прислуги не видать было на фермѣ. Эмма подошла къ нему, покуда онъ возился около своей лошади, и тихо положила ему руку на плечо.

— Я люблю васъ больше всѣхъ на свѣтѣ,—сказала она, и нисколько не испугалась, когда онъ началъ ее цѣловать. — Я бы желала быть красивой и статной,—прибавила она, глядя ему въ глаза, когда онъ прижалъ ее къ своей груди.

— Мое сокровище! вы для меня красивѣйшая женщина въ мірѣ, и притомъ дороже всего, что ни есть на свѣтѣ. Если бы вы попали въ адъ, я бы и туда пошелъ за вами. Если бы вы умерли, а я остался бы живъ, все равно моя душа жила бы съ вами подъ землею. Всякая жизнь будетъ мнѣ сладка, лишь бы вы были со мной. Наша жизнь пройдетъ какъ... какъ одинъ солнечный лучъ.

А Эмма, глядя на него снизу вверхъ, думала: какой онъ красивый и величественный! Она тихонько подняла руку и погладила его по лбу.

— Какъ ты молчалива, какъ холодна, моя Эмма!—воскликнулъ онъ:—неужели тебѣ нечего сказать мнѣ?

Легкое недоумѣніе выразилось въ ея глазахъ.

— Я буду дѣлать все, что вы захотите,—сказала она.

Что же еще могла она сказать? Въ ея глазахъ любовь означала подчиненность, услуженіе.

— Ну, такъ вотъ что, моя безцѣнная: обѣщай мнѣ, что никогда больше не будешь цѣловать этого Вальдо. Для меня невыносимо думать, чтобы ты любила кого-нибудь кромѣ меня. Этого нельзя! Я не позволю! Да если бы хоть завтра же перемерли всѣ мои родные, лишь бы ты была со мной, и мнѣ горя мало! Моя милая, дорогая моя, отчего ты такъ холодна? Обѣщай мнѣ, что не будешь его любить. Знаешь, еслибы ты меня попросила, я бы все, все сдѣлалъ для тебя, хотя бы это стоило мнѣ жизни!

Эмма серьезно обняла его рукою за шею.

— Никогда не буду его цѣловать,—сказала она, — и постараюсь никого больше не любить. Только не знаю, съумѣю-ли; вѣдь это очень трудно.

— О, моя прелесть! А я-то объ тебѣ думаю день и ночь! И ни о чемъ больше не думаю, ни о чемъ!—говорилъ онъ, обнимая ее.

Эммѣ стало очень совѣстно: она еще сегодня утромъ разсчитывала, что ея кузинѣ осталось пробыть въ школѣ ровно шесть мѣсяцевъ, да нашла время и на то, чтобы напомнить

Вальдо непремѣнно купить себѣ въ городѣ лепешекъ отъ кашля; и это случилось какъ разъ въ ту минуту, когда Грегори подъѣзжалъ къ дому.

— Ужь не знаю отчего это, — сказала она смиренно, ласкаясь къ нему,—только я кажется не съумѣю любить такъ, какъ вы меня любите. Можетъ быть это потому, что я женщина. Но я васъ люблю изо всѣхъ силъ.

Замѣтивъ, что изъ хижинъ стали выходить чернокожія работницы, Грегори поспѣшилъ еще разъ расцѣловать ея глаза, губы, руки и уѣхалъ домой.

Тетка Санни была очень довольна, когда узнала о помолвкѣ. Она и сама собиралась въ этомъ году выйти замужъ за котораго нибудь изъ своихъ многочисленныхъ вздыхателей, и тотчасъ подала мысль устроить обѣ свадьбы въ одинъ день.

Эмма дѣятельно принялась за свое приданое, заготовляла бѣлье для будущаго хозяйства и шила себѣ подвѣнечный нарядъ. Грегори пріѣзжалъ каждый день, почти все время проводя съ невѣстой, такъ что всѣ шесть мѣсяцевъ передъ возвращеніемъ Линдель на ферму миновали, по счастливому выраженію жениха, „какъ лѣтняя ночь, проведенная въ мечтахъ о любимой женщинѣ".

Одинъ разъ вечеромъ Грегори сидѣлъ возлѣ своей воркующей голубки и вертѣлъ рукоятку швейной машины, а она только вправляла въ нее работу. Они говорили о томъ, какъ они устроятся, когда тетка Санни выйдетъ замужъ и они останутся одни на фермѣ; какъ съ этой стороны они пристроятъ еще комнату, а тамъ поставятъ новый крааль. Довольно долго они болтали на эту тему, какъ вдругъ Грегори выпустилъ изъ рукъ рукоятку и напечатлѣлъ пламенный поцѣлуй на толстенькой ручкѣ, державшей полотно.

— Какъ ты хороша, Эмма!—промолвилъ онъ восторженно.— Меня иногда точно варомъ обдаетъ, такъ я тебя люблю.

Эмма улыбнулась.

— Тетя Санни говоритъ, что когда я доживу до ея теперешнихъ лѣтъ, на меня никто и глядѣть не захочетъ; и это правда. Руки у меня широкія, короткія, точно утиныя лапы; лобъ низкій, а о носѣ и говорить нечего. Чтожь во мнѣ красиваго!

И она разсмѣялась тихимъ, счастливымъ смѣхомъ: ей было ужасно пріятно, что онъ можетъ быть такъ слѣпъ.

— Вотъ завтра, когда моя кузина пріѣдетъ, вы увидите настоящую красавицу!—продолжала она. — Линдель точно коро-

лева какая нибудь: плечи держитъ прямо, а головка у ней такая, что хоть сейчасъ на нее корону надѣвай. Приходите завтра пораньше, Грегори, чтобы увидѣть ее тотчасъ, какъ только она пріѣдетъ. Я увѣрена, что вы ее будете любить.

— Разумѣется, приду и познакомлюсь, потому что она ваша кузина; но неужели вы думаете, что я способенъ считать кого бы то ни было красивѣе васъ?

Онъ вперилъ на свою невѣсту страстный взглядъ.

— Ну ужъ этого не можетъ быть, чтобы она не показалась вамъ красивѣе меня,—сказала Эмма, взявъ его за руку,— но полюбить ее такъ, какъ меня, вы, конечно, не можете.

Немного позже, распрощавшись на ночь со своимъ женихомъ, она стояла на крылечкѣ, посылая ему вслѣдъ разныя привѣтствія и по обыкновенію до тѣхъ поръ не уходила въ домъ, пока топотъ его лошади не замеръ окончательно по ту сторону кургана.

Тогда она пошла черезъ спальню тетки Санни, давно храпѣвшей на своей кровати, чрезъ другую комнатку, всю увѣшанную бѣлыми драпировками въ ожиданіи своей хозяйки, и оттуда прошла въ свою собственную спальню.

Тутъ она подошла къ комоду, чтобы спрятать только что оконченное шитье и выдвинувъ самый нижній ящикъ сѣла на полъ передъ нимъ. Въ этомъ ящикѣ лежали вещи, заготовляемыя ей въ приданое: груды полотнянаго бѣлья, передники, стеганыя одѣяла. Въ одномъ углу, въ особомъ картонѣ, хранилась вѣтка искусственныхъ померанцевыхъ цвѣтовъ, купленная на ярмаркѣ. Тутъ же лежало колечко, которое подарилъ ей Грегори, длинный вуаль, присланный въ подарокъ его сестрою, и свертокъ вышитаго батиста, подаренный ей Траною. И ткань и вышивка были такъ тонки и хороши, что даже для жены Грегори казались ей слишкомъ великолѣпными: она подумала, что это матеріалъ, какъ разъ пригодный для какого нибудь нѣжнаго и крошечнаго существа... и рѣшилась приберечь свертокъ. Она улыбаясь потрогала его, посмотрѣла, покраснѣла и запрятала его на дно ящика, подъ всѣ остальныя связки.

Она наизусть знала до малѣйшихъ подробностей все, что лежало въ ящикѣ, однакожь, принялась разсматривать вещи, какъ будто видѣла ихъ въ первый разъ, вынимая одну за другою и потомъ снова все укладывая какъ можно глаже, чтобы нигдѣ не было ни морщинки, ни складки. Прибравъ все какъ нельзя лучше, она усѣлась поудобнѣе и стала любоваться.

Завтра, когда пріѣдетъ Линдель, она приведетъ ее вечеромъ

сюда и станетъ ей все показывать. Линдель навѣрное будетъ рада, когда увидитъ вѣнокъ изъ флердоранжей, и кольцо, и бѣлый вуаль. Вотъ будетъ чудесно! И Эмма погрузилась въ мечты.

Линдель, конечно, поселится съ ними и будетъ жить у нихъ до тѣхъ поръ, покуда тоже не выйдетъ замужъ.

А Грегори, всякій день возвращаясь съ работы усталый, войдетъ, оглянется и скажетъ: „Гдѣ же моя жена? Не видалъ ли кто, куда моя жена пошла? Жена, дай-ка мнѣ кофею!“ И она будетъ наливать ему въ чашку.

Личико Эммы становилось все серьезнѣе; наконецъ она встала на колѣни и простерла сложенныя руки надъ выдвинутымъ ящикомъ.

— О, Господи!—сказала она,—какъ я счастлива! Да что же я сдѣлала, чтобы заслужить такую радость? Благодарю Тебя, Господи!

ГЛАВА IV.

Линдель.

Она была очень похожа на принцессу, и даже гораздо больше похожа чѣмъ та великолѣпная дама, портретъ которой все еще висѣлъ на стѣнѣ въ спальнѣ тетки Санни. Такъ, по крайней мѣрѣ, думала Эмма. А Линдель въ это время сидѣла въ креслѣ, одѣтая въ сѣрый капотъ, и расчесывала свои длинные волосы, которые падали до полу. Сидя передъ ней, Эмма смотрѣла на нее съ благоговѣйнымъ восхищеніемъ.

Линдель устала съ дороги и рано ушла въ свою комнату. Она окинула взглядомъ знакомую обстановку. Послѣ четырехлѣтняго отсутствія ей казалось страннымъ, что тѣнь отъ подсвѣчника, стоящаго на туалетѣ, все также какъ и прежде имѣетъ сходство съ головой старухи и падаетъ въ тотъ же самый уголъ за вѣшалкой. Удивительное дѣло: даже тѣнь оказывается прочнѣе человѣка! Озираясь вокругъ, она видѣла все старые, давно извѣстные предметы, но сама она была совсѣмъ не та что прежде.

— Ты на что смотришь?—спросила Эмма.

— На все, и ни на что въ особенности. Мнѣ казалось, что окна здѣсь были выше. Будь я на твоемъ мѣстѣ, когда ты станешь здѣсь полной хозяйкой, я бы непремѣнно все перестроила и подняла-бы стѣны повыше. Здѣсь совсѣмъ дышать нечѣмъ; просто задыхаешься.

— Грегори замышляетъ много разныхъ перемѣнъ,—сказала Эмма, и подсѣвъ поближе къ сѣрому капоту, почтительно спросила:—Линдель, нравится онъ тебѣ? Неправда-ли, какой онъ красивый?

— Да; когда онъ былъ ребенкомъ, то навѣрное былъ прехорошенькій,—отвѣчала Линдель, глядя на бѣлыя канифасныя занавѣски у окна.

Эмма съ недоумѣніемъ смотрѣла на нее.

— Знаешь, бываютъ такіе мужчины, о которыхъ трудно повѣрить, чтобы они когда-нибудь были дѣтьми; а о другихъ съ перваго раза думаешь, что они навѣрное были очень милы, когда ходили въ сафьянныхъ башмачкахъ и въ красномъ поясѣ.

Эмма промолчала, но черезъ минуту промолвила съ достоинствомъ:

— Когда ты узнаешь его короче, то полюбишь, какъ и я. Когда я сравниваю его съ другими людьми, всѣ мнѣ кажутся такіе мелкіе, слабые; и сердца у насъ какія-то холодныя; ко всѣмъ нашимъ привязанностямъ примѣшивается много чего другого; а онъ... Его любовь такъ хороша, что никто недостоинъ ея. И я недостойна его любви: она такая великая, чистая...

— Ну, на этотъ счетъ не мучь себя понапрасну, моя милая,—сказала Линдель,—не безпокойся о томъ, что слабо отвѣчаешь на его любовь. Мужская любовь похожа на горящее оливковое дерево; оно разгорается необыкновенно жарко, трещитъ, пылаетъ, того и гляди опалитъ тебя со всѣхъ сторонъ и сожжетъ до тла; а ты стоишь какъ льдинка среди этого пламени и упрекаешь себя, зачѣмъ ты такая холодная, да безотвѣтная. А на другой день захочешь объ него руки погрѣть, глядь—одна зола осталась. Значитъ, съ одной стороны любовь спокойная и долгая, а съ другой горячая и короткая. Мужчинамъ-то, по крайней мѣрѣ, не на что пожаловаться.

— Ты оттого такъ говоришь, что не знаешь мужчинъ,—сказала Эмма, тотчасъ впадая въ покровительственный тонъ, свойственный всѣмъ помолвленнымъ и замужнимъ женщинамъ по отношенію къ своимъ еще свободнымъ товаркамъ, какъ только рѣчь заходитъ о мужчинахъ.

— Когда-нибудь и ты узнаешь ихъ, и тогда будешь говорить иначе,—продолжала Эмма снисходительно, въ сознаніи своей высокой опытности не желая обидѣть невѣжественную кузину.

Нижняя губка Линдель задрожала отъ сдержаннаго смѣха. Она теребила лѣвой рукой массивное кольцо, надѣтое на указательный палецъ ея правой руки, очень замѣчательное кольцо, состоявшее изъ бриллiантоваго крестика, оправленнаго въ золото, съ награвированнымъ вензелемъ „Р. Р.", фасонъ его напоминалъ скорѣе мужскiя, чѣмъ дамскiя кольца.

— Ахъ, Линдель,—воскликнула Эмма,—да ты вѣрно сама помолвлена! Оттого ты и смѣешься. Ну да, да, теперь я вижу что такъ. Покажи-ка мнѣ колечко!

Линдель быстро отдернула руку.

— Ну нѣтъ, я не спѣшу подкладывать свою шею подъ мужской ваблукъ, да притомъ перспектива возни съ ребятишками вовсе не привлекаетъ меня,—отвѣчала Линдель, утомленнымъ движенiемъ откидываясь на спинку кресла и закрывая глаза.—И безъ меня найдется довольно женщинъ, охотно идущихъ на такую жизнь.

Эмма сконфузилась и замолчала. Послѣ этого нечего и думать приглашать Линдель подсѣсть на полъ къ комоду и вмѣстѣ съ ней разсматривать новое бѣлье, подвѣнечные цвѣты и свернутую вышивку. Эмма посидѣла молча, потомъ стала говорить о Транѣ, о старыхъ слугахъ на фермѣ, но вскорѣ замѣтила, что ея собесѣдница очень устала. Тогда она простилась съ ней и ушла къ себѣ.

По уходѣ ея Линдель продолжала сидѣть, уставившись глазами въ уголъ, гдѣ ей чудилась тѣнь старушечьей головы; и въ глазахъ ея было такое утомленiе, какъ будто цѣлый мiръ заботъ лежалъ на ея хрупкихъ плечикахъ.

На другое утро Вальдо, не дожидаясь завтрака, взвалилъ себѣ на плечо мѣшокъ съ толченой кукурузой и пошелъ кормить страусовъ; какъ вдругъ онъ услышалъ за собой легкiе шаги.

— Подожди меня, я пойду съ тобой! — говорила Линдель и догнавъ его продолжала:—А вчера-то, еслибы я сама не пошла тебя розыскивать, ты бы до сихъ поръ не поздоровался со мной. Должно быть ты совсѣмъ разлюбилъ меня, Вальдо.

— Нѣтъ... но... ты совсѣмъ другая стала.

Все та же прежняя, неуклюжая рѣчь, съ запинкой!

— Ага, въ длинныхъ-то передникахъ я тебѣ больше нравилась?—подхватила она. На ней было простенькое платье изъ бумажной матерiи, но изящно сшитое по модѣ, и бѣлая шляпка съ широкими полями. Вальдо показалось, что она разодѣта въ пухъ и прахъ, и она тотчасъ угадала въ чемъ дѣло.—Въ моей одеждѣ произошли перемѣны,—сказала она,—да и во мнѣ самой

тоже; но относительно тебя я нисколько не измѣнилась. Перекинь-ка мѣшокъ на другое плечо, чтобы твое лицо мнѣ было видно. Ты такъ скупъ на слова, что если на тебя не смотрѣть, то и не поймешь, что ты за птица такая.

Вальдо перекинулъ мѣшокъ и они пошли рядомъ.

— А ты похорошѣлъ,—сказала она:—знаешь, иногда мнѣ ужасно хотѣлось тебя видѣть; не часто, но все-таки иногда хотѣлось.

Они подошли къ калиткѣ перваго загона. Вальдо разсыпалъ кормъ и они отправились дальше по росистой землѣ.

— Много ты училась?— спросилъ онъ просто, вспоминая, какъ она говорила передъ отъѣздомъ: „въ слѣдующій разъ когда я сюда пріѣду, я ужь буду знать все, что только можетъ узнать человѣкъ".

Она разсмѣялась.

— Ты вѣрно вспомнилъ мою тогдашнюю похвальбу? Да, научилась кое-чему; хотя надо признаться, что далеко не такъ много; а главное вовсе не тому, чего ожидала. Во-первыхъ, я узнала, что въ числѣ моихъ предковъ былъ какой нибудь особенно глупый человѣкъ, потому что говорятъ, будто каждое наше качество мы получаемъ въ наслѣдство отъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Во-вторыхъ, узнала я, что изо всѣхъ проклятыхъ мѣстъ, въ которыхъ души, жаждущія знанія, ищутъ чѣмъ бы поживиться, нѣтъ мѣста хуже пансіона для дѣвицъ. Они называются „окончательными заведеніями", и это названіе вполнѣ для нихъ подходящее: изъ нихъ окончательно ничего не пріобрѣтаешь, кромѣ тупоумія и малодушія, которыя тамъ лелѣютъ и развиваютъ. Это такія заведенія, въ которыхъ посредствомъ опытовъ разрѣшается вопросъ, до какихъ минимальныхъ размѣровъ можно стиснуть и высушить человѣческую душу? Я видала тамъ такія души, которыя свободно умѣстились бы въ самомъ маленькомъ наперсткѣ, да еще находили бы, что тамъ очень просторно. Если много лѣтъ кряду прожить въ этомъ мѣстѣ, оно накладываетъ на женщину такой отпечатокъ скотскаго безсмыслія, отъ котораго она во вѣкъ не отдѣлается; хотя, впрочемъ, впослѣдствіи, когда выпустятъ ее на чистый воздухъ, она еще можетъ отдышаться и развиться до нѣкоторой степени.

— Ты была очень несчастна?—спросилъ онъ, всматриваясь въ нее съ тревогой.

— Я-то? Нѣтъ. Я не бываю ни счастлива, ни несчастлива. И даже жалѣю объ этомъ. Но если бы меня заставили жить тамъ наряду со всѣми прочими, я бы на четвертый день сбѣ-

жала, нанялась бы въ первой попавшейся голландкѣ, на какую нибудь ферму, стала бы топить печку въ прачешной, или тамъ не знаю что... Можешь ты себѣ представить такое положеніе, Вальдо: запрутъ тебя въ четырехъ стѣнахъ съ болтливыми старухами, которыя жизни совсѣмъ не знаютъ, въ изяществѣ ничего не смыслятъ, ни сильнаго характера, никакихъ правъ на вліяніе не имѣютъ, и поручаютъ имъ развивать тебя, воспитывать твою душу? Даже дышать-то съ ними однимъ воздухомъ тяжело, того и гляди задохнешься! Но я ихъ заставила обходиться со мною иначе. Я имъ прямо объявила, что сбѣгу, а они вѣдь знали, что я помѣстилась въ пансіонъ по собственному желанію. Вотъ они и дали мнѣ отдѣльную комнату и не навязывали ни одну изъ тѣхъ товарокъ, надъ которыми продѣлывали свои педагогическіе опыты, постепенно выжимая мозги изъ ихъ головъ. Музыкѣ я не училась, потому что у меня не оказалось музыкальныхъ способностей; а покуда вся компанія занималась выдѣлываніемъ искусственныхъ цвѣтовъ, надъ которыми живыя розы померли бы со смѣху, и вышивали тамъ различныя подушки, да скамеечки, надъ которыми трудились по шести недѣль, тогда какъ машиной можно ихъ сдѣлать на фабрикѣ въ пять минутъ, и притомъ гораздо лучше, я просто уходила въ свою комнату. Не тратя денегъ на подобныя работы, я употребляла ихъ на покупки книгъ, журналовъ и по вечерамъ долго читала. Потомъ я дѣлала извлеченія изъ того, что прочитывала, а впослѣдствіи нашла время написать нѣсколько театральныхъ пьесъ; и тутъ я узнала, какъ трудно изложить на бумагѣ свои мысли такъ, чтобы онѣ не казались ужасно глупыми. На праздникахъ я пріобрѣтала еще больше свѣдѣній. Для этого я заводила знакомства, ѣздила въ нѣкоторыя мѣста, видала множество народа и замѣчала, какъ живутъ люди разныхъ слоевъ общества, что научаетъ многому такому, чего не найдешь ни въ одной книгѣ. Не могу сказать, чтобы эти четыре года прошли для меня совсѣмъ безслѣдно или безполезно: правда, я училась не тому, чего ожидала, но все-таки кое-чему научилась, кое-что узнала. А ты что же тутъ дѣлалъ?

— Ничего.

— Не можетъ быть. Да вотъ погоди, я сама до всего доберусь.

Они продолжали идти рядомъ среди кустарника, окропленнаго росой, какъ вдругъ она повернулась къ нему лицомъ и спросила:

— Вальдо, хотѣлъ бы ты быть женщиной?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ безъ запинки.

Она разсмѣялась.

— Я такъ и думала. Даже и у тебя хватило житейской мудрости отказаться отъ такой чести. Я еще не встрѣчала мужчины, который отвѣтилъ бы иначе. Посмотри, какое красивое кольцо, — сказала она вытянувъ руку такъ, чтобы утреннее солнце, ударяя въ бриллiанты, заставило ихъ сверкать.—По крайней мѣрѣ пятьдесятъ фунтовъ стоитъ. Но я согласна подарить его первому мужчинѣ, который мнѣ скажетъ, что желалъ бы быть женщиной. На островѣ Роббинъ *), можетъ быть, и найдется такой удалецъ, да и то врядъ-ли. Да, быть женщиной—это восхитительно; но нѣтъ того мужчины, который денно и нощно не благодарилъ бы Господа Бога за то, что съ нимъ этого не случилось.

Она повернула свою шляпку совсѣмъ на бекрень, чтобы защититься отъ солнца, начинавшаго припекать сбоку. Вальдо такъ засмотрѣлся на нее, что чуть не упалъ, спотыкаясь о кусты. Неужели это та самая маленькая Линдель, которая ходила въ клѣтчатыхъ передникахъ? Да, теперь онъ ее узналъ и шелъ уже съ ней рядомъ совсѣмъ близко. Они дошли до другого загона.

— Постоимъ здѣсь, я хочу посмотрѣть на птицъ,—сказала она, глядя на самку страуса, которая, распустивъ свои бархатныя крылья, бѣжала имъ на встрѣчу, между тѣмъ какъ самецъ, сидѣвшiй на яйцахъ, вытягивалъ шею изъ за-кустовъ.

Линдель облокотилась на перекладину загородки, а Вальдо, перекинувъ пустой мѣшокъ черезъ стѣнку, положилъ на него локти и сталъ съ нею рядомъ.

— Я люблю страусовъ,—сказала она,—они раздѣляютъ между собою свой трудъ и живутъ по товарищески. Вальдо, интересуешься ты положенiемъ женщинъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ и есть. Ими никто не интересуется, исключая тѣхъ, кому нужно найти предметъ для зубоскальства. Что до тебя касается, то я вѣдь знаю, что ты обращаешь вниманiе только на то, что отъ тебя не ближе нѣсколькихъ миллiоновъ миль, да еще въ добавокъ опутано таинственностью. Еслибы женщины жили на Юпитерѣ, о которомъ ты зналъ-бы кое-что

---

*) На мысѣ Доброй Надежды всѣхъ помѣшанныхъ содержатъ на островѣ Роббинъ. *Прим. авт.*

по слухамъ, ты-бы день и ночь размышлялъ о нашемъ положеніи, а такъ какъ мы ходимъ передъ самымъ твоимъ носомъ, ты на насъ и не взглянешь. Тебѣ, напримѣръ, совершенно все равно, что на тебѣ такое плохое, изодранное платье,—прибавила она, положивъ пальчикъ на его рукавъ,—но ты изо-всѣхъ силъ стараешься, чтобы фантастическій листокъ, который ты вырѣзываешь на старой палкѣ, вышелъ какъ можно красивѣе.

Какъ жаль, что положеніе женщинъ не интересуетъ тебя; мнѣ бы хотѣлось, чтобы мы съ тобой были друзьями, а это единственная вещь въ мірѣ, о которой я много думаю и чувствую... если только справедливо, что я способна на какое-нибудь чувство,—добавила она мимоходомъ, перекладывая свои красивыя ручки въ болѣе удобную позу.—Должно быть, когда я была младенцемъ, родители какъ нибудь позабыли меня ночью на морозѣ и у меня тогда внутри все вымерзло; я чувствую нѣчто въ этомъ родѣ.

— У меня мысли все старыя, и ихъ немного,—сказалъ онъ,—и я все думаю объ одномъ. Изо дня въ день начинаю съизнова пережевывать одно и тоже, и дальше не иду. Даже надоѣло мнѣ это.

— Точно старая курица, которая сидитъ на яйцахъ нѣсколько мѣсяцевъ кряду и у ней ничего не вылупляется!—подхватила она.—А у меня, напротивъ, все новыя мысли, и такъ быстро онѣ меня осаждаютъ, что я принуждена силой прогонять ихъ, чтобы не давили одна другую. Даже голова кружится отъ нихъ. Но одна мысль преслѣдуетъ меня неотступно, и это—что еслибы я могла родиться попозже? Можетъ быть современемъ настанетъ такая пора, когда родиться женщиной не будетъ равносильно появленію на свѣтъ заклейменной.

Вальдо съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее: шутитъ она или серьезно говоритъ? Трудно рѣшить.

— Я знаю, что это глупо,—продолжала она,—что пользы биться головой объ стѣну! Но вѣдь мы прокляты, Вальдо; съ той минуты, какъ родимся на свѣтъ и до тѣхъ поръ, какъ насъ зашьютъ въ саванъ, проклятіе тяготѣетъ надъ нами. Ты не думай, что я вздоръ говорю. У всякой вещи бываютъ двѣ стороны: снаружи смѣшно, а внутри... ой какъ серьезно.

— Я не смѣюсь,—сказалъ мальчикъ степенно,—но въ чемъ-же проклятіе?

Онъ думалъ, что отвѣта не будетъ, такъ долго она молчала.

— Обиднѣе всего не то, какъ съ нами обращаются, а то,

что изъ насъ дѣлаютъ,—произнесла она наконецъ.—Настоящая обида человѣку только въ томъ, что извращаетъ его природу. Всѣ мы являемся на свѣтъ крошечными, мягкими существами, съ извѣстнымъ запасомъ прирожденной силы, но безъ всякихъ задатковъ; а свѣтъ распредѣляетъ наши роли и формируетъ. Вамъ говорятъ: трудись; а намъ—изворачивайся... Тебѣ говорятъ: насколько ты съумѣешь приблизиться къ идеалу божественнаго совершенства, насколько воспользуешься данными тебѣ силами, знаніями, способностью къ труду, настолько отпустится тебѣ и благъ земныхъ. А намъ проповѣдуютъ: ни силой, ни знаніемъ, ни трудомъ ты ничего не возьмешь. Блага земныя и для тебя тѣже что для мужчины, но ты должна добиваться ихъ совсѣмъ другими средствами. Такъ и устанавливается на свѣтѣ судьба мужчинъ и женщинъ.

— Вальдо, обрати вниманіе на мой подбородокъ, видишь ты эту ямочку на немъ? Вѣдь это не болѣе какъ мелкая подробность моей особы? а между тѣмъ, ни глубочайшая въ мірѣ ученость, ни способность къ разумному ея примѣненію, ни добрѣйшее сердце, ни ангельскій характеръ, ничто не могло бы принести мнѣ въ жизни столько выгодъ, сколько мой подбородокъ съ ямочкой. Съ его помощью я могу пріобрѣсть и власть, и богатство, и любовь, и славу. Къ чему мнѣ знаніе? Чѣмъ пустѣе женская голова, тѣмъ легче съ ней подыматься въ гору. Одинъ старикъ выразилъ при мнѣ такое мнѣніе, что хорошенькая ножка для женщины гораздо важнѣе развитого ума, и это правда. Насъ начинаютъ подготовлять къ нашей проклятой роли, пока мы еще совсѣмъ крошки, едва вышедшія изъ пеленокъ. Сидитъ такая малютка на подоконникѣ, поджавъ подъ себя ножки, и видитъ, что на дворѣ играютъ мальчики и имъ очень весело. Хочется и ей съ ними поиграть. Но любящая рука останавливаетъ ее и нѣжный голосъ внушаетъ: „Никакъ нельзя, душечка: ты испортишь себѣ цвѣтъ лица и запачкаешь свое хорошенькое бѣлое платьице“. И это говорится такъ ласково, что ребенокъ поневолѣ вѣритъ, что это для ея же добра; но она не понимаетъ, къ чему это нужно, и стоя на колѣняхъ на подоконникѣ печально выглядываетъ на улицу, прижавшись щекой къ стеклу. Немного позже она нанижетъ на нитку голубыхъ бусъ, сдѣлаетъ себѣ изъ нихъ ожерелье и идетъ посмотрѣться въ зеркало. Въ немъ она видитъ отраженіе того бѣлорозоваго лица, цвѣтъ котораго требуетъ такой заботливой охраны, и бѣлаго платья, и своихъ собственныхъ большихъ глазъ. Тутъ-то проклятіе и начинаетъ дѣйствовать; дѣло его

[illegible] обыкновенные. Когда мальчик [illegible] во [illegible] [illegible] что [illegible] [illegible] по [illegible] [illegible] Обыкновенно доходит до своей [illegible]. Мы пре- [illegible] [illegible] [illegible]

карьерѣ: вѣдь это кажется пустякомъ, а между тѣмъ въ этомъ самомъ духѣ пойдетъ и дальше, и такъ до конца. Мы съ тобой были равноправны въ то время, какъ родились и лежали на рукахъ кормилицы, и еще разъ будемъ равноправны, когда намъ подвяжутъ челюсти передъ тѣмъ какъ хоронить.

Вальдо изумленными глазами смотрѣлъ на ея дрожавшее личико, на которомъ онъ читалъ цѣлый міръ чувствъ и страстей, вполнѣ новыхъ и неожиданныхъ для него.

— И замѣть еще,—продолжала она, — какое мы имѣемъ надъ вами преимущество: мы можемъ во всякое время сразу достигнуть комфорта и довольства, тогда какъ ты долженъ добиваться его трудомъ и терпѣніемъ. Стоитъ поплакать немножко, да постараться хорошенько, да унизиться до нѣкоторой степени, да умненько распорядиться своими средствами, и всегда найдется мужчина, который придетъ и скажетъ: „Будьте моей женой!“ При молодости и красотѣ не трудно выйти замужъ. Мужчинъ на свѣтѣ довольно. Но женщина, которая продаетъ себя хотя бы только за обручальное колечко, да за новую фамилію, ужь не имѣетъ права важничать ни передъ какой уличной потаскушкой. Обѣ заработываютъ себѣ хлѣбъ одинаковымъ способомъ. Бракъ по любви есть прелестнѣйшій внѣшній символъ духовнаго союза; но бракъ безъ любви... это самая гнусная торговля, позорящая міръ.—Она порывистымъ движеніемъ провела пальчикомъ по верхней перекладинѣ калитки и стряхнула съ нея послѣднія капли росы.—А еще насъ утѣшаютъ тѣмъ, что мужчины относятся къ намъ по рыцарски!—воскликнула она. — Когда мы просимъ, чтобы насъ допустили быть врачами, адвокатами, депутатами, вообще чѣмъ нибудь такимъ, что оплачивалось бы не жалкими грошами; намъ говорятъ: нѣтъ, этого нельзя; но вѣдь мужчины питаютъ къ вамъ рыцарскія чувства, такъ чего же вамъ еще нужно? И что бы вы стали дѣлать безъ этого?

Она разсмѣялась своимъ серебристымъ смѣхомъ—какъ давно онъ не раздавался среди этихъ кустовъ! но въ немъ было не веселье, а горечь. Она стиснула зубки и продолжала:

— Третьяго дня ѣхала я въ дилижансѣ Кобба и К°. Мы остановились у станціонной гостинницы и оттуда должны были пересѣсть изъ большой почтовой кареты въ другую, не такую просторную. Насъ было десять человѣкъ пассажировъ, восемь мужчинъ и двѣ женщины. Пока я сидѣла въ гостинницѣ, джентльмены пришли и говорятъ мнѣ потихоньку, чтобы я скорѣе садилась въ карету, потому что тамъ тѣсно и на всѣхъ

не хватитъ мѣста. Мы поспѣшили занять мѣста и мнѣ они дали самое лучшее, заботливо укутавъ меня пледами, потому что шелъ мелкій дождь. Только что мы усѣлись — изъ отеля бѣжитъ послѣдняя пассажирка, старуха, въ какой-то удивительной шляпкѣ и въ черной шали, заколотой желтой булавкой.

„— Больше нѣтъ мѣста,—говорятъ ей пассажиры, — вамъ придется подождать слѣдующаго дилижанса: онъ пойдетъ на той недѣлѣ.

„Но она влѣзла на подножку, ухватилась обѣими руками за окно, и держится, не отстаетъ.

„— Мой зять боленъ, — говоритъ она,—мнѣ непремѣнно нужно ѣхать къ нему.

„— Что же дѣлать, матушка,—отзывается одинъ изъ моихъ спутниковъ,—мнѣ очень жаль, право, что зять вашъ нездоровъ, но вѣдь мѣста-то нѣтъ рѣшительно.

„— Вы-бы слѣзли, сударыня, а то какъ бы не попасть подъ колесо!—вмѣшивается другой.

Тогда я встаю и уступаю ей свое мѣсто.

„— О, нѣтъ, нѣтъ!—кричатъ они,—этого мы не допустимъ.

„— Я лучше на колѣняхъ проѣду!—восклицаетъ одинъ и преклоняетъ колѣна у моихъ ногъ. Тогда старуха влѣзла и усѣлась.

„Насъ было девять человѣкъ въ каретѣ, изъ нихъ выказалъ рыцарскія чувства только одинъ, да и то была я; стало быть, женщина-же и обошлась по рыцарски съ женщиной.

„Когда нибудь и я состарѣюсь и подурнѣю, и если въ ту пору обращусь къ мужчинамъ за рыцарскою помощью, они мнѣ ее не окажутъ.

„Пчелы ужасно внимательны къ цвѣтамъ, пока собираютъ съ нихъ медъ, а когда меду нѣтъ больше, онѣ летятъ мимо. Я не знаю, чувствуютъ-ли цвѣты благодарность къ пчеламъ; а если чувствуютъ, то это значитъ, что онѣ очень глупы".

— Однако есть-же женщины властныя,—промолвилъ вдругъ Вальдо, какъ будто эти слова невольно сорвались съ его устъ,— бываетъ и у женщины сила!

Она подняла на него свои прелестные глаза.

— Сила? А ты слыхалъ когда нибудь, чтобы люди оспаривали другъ у друга право на силу? Это прирожденное право! Можно насыпать плотину, помѣшать источнику разливаться ручьемъ и превратить его въ стоячее болото, или, напротивъ, дать ему свободное теченіе и только направить на полезное дѣло. Но уничтожить его нельзя: это не зависитъ отъ нашей

воли и разъ что источникъ существуетъ, онъ и будетъ существовать и дѣйствовать; если не дашь ему протекать открыто и приносить пользу, онъ втайнѣ будетъ сочиться и вредить, но бездѣятельнымъ не останется. Еслибы Гёте въ дѣтствѣ былъ украденъ разбойниками и провелъ жизнь съ шайкой по дремучимъ лѣсамъ, какъ ты думаешь, далъ-бы онъ міру Фауста, Ифигенію? А все-таки онъ былъ бы Гёте, то есть существо сильное, умное, головой выше своихъ товарищей. По ночамъ, у сторожеваго костра, онъ слагалъ-бы имъ дикія пѣсни, воспѣвая рѣзню, грабежъ и насиліе и расшевеливая отвагу на лицахъ своихъ мрачныхъ сподвижниковъ. Его пѣсни переходили бы изъ устъ въ уста, передавались-бы отъ отца къ сыну и вдохновляли-бы ихъ сердца и руки на кровавыя дѣла. Если бы Наполеонъ родился женщиной, ты думаешь, онъ довольствовался-бы чаепитіемъ и мелкими сплетнями? Нѣтъ, онъ-бы все таки властвовалъ; но міръ зналъ бы его не какъ великаго человѣка, крупнаго царственнаго дѣятеля, хотя и великаго грѣшника; онъ оставилъ бы по себѣ одно изъ тѣхъ именъ, которыя пятнаютъ исторію; имя женщины, имѣющей силу, но безъ права проявлять ее открыто, а потому дѣйствующей тайкомъ, изподтишка, чрезъ мужчинъ, которыхъ страстямъ она потворствуетъ и на плечахъ которыхъ возвышается.

— Сила! — повторила она вдругъ, стукнувъ кулачкомъ о перекладину. — Да, сила-то у насъ есть, несомнѣнно; и такъ какъ намъ не даютъ тратить ее ни на пробуравливаніе туннелей, ни на врачеваніе недуговъ, ни на составленіе законовъ, ни на наживаніе денегъ, и вообще ни на какія потребности внѣшняго міра, то мы ее тратимъ только на васъ. Вы нашъ единственный товаръ, наше добро; вы тотъ матеріалъ, изъ котораго намъ дозволяется нѣчто строить; и вотъ мы васъ продаемъ и покупаемъ, водимъ васъ за носъ, разыгрываемъ относительно васъ роль стараго шекспировскаго жида, и любуемся, какъ человѣкъ по шести за разъ пресмыкаются у нашихъ ногъ, добиваясь чести прикоснуться къ нашей ручкѣ. И справедливо говорятъ, что когда у васъ бываютъ печали, страданія или разбитыя сердца, то всему виною женщина. Намъ нельзя изучать право, заниматься науками, искусствами? Хорошо, мы будемъ васъ изучать. И это знаніе мы довели до такой тонкости, что нѣтъ той мелочи въ вашей натурѣ, которой бы мы не знали. Въ одной рукѣ держишь васъ шестерыхъ, и всѣ пляшутъ на ладони (тутъ она граціознымъ жестомъ вытянула руку, поводя ею въ воздухѣ, какъ будто перекатывая въ горсти что-

то мелкое), потомъ отбросишь васъ прочь и вы летите къ чорту.—Она скрестила руки на груди и продолжала спокойно:—Когда мужчинѣ случается замолвить одно словечко за женщину, онъ спѣшитъ сказать два словечка за мужчину, да три за остальное человѣчество.

Она продолжала смотрѣть на страуса, который доклевывалъ послѣднія зерна кукурузы; но Вальдо смотрѣлъ только на нее. Когда она снова заговорила, голосъ ея звучалъ мѣрно и разсудительно.

— Когда мы требуемъ для женщинъ полной свободы и равноправности,—сказала она,—намъ выставляютъ цѣлый рядъ вѣскихъ аргументовъ, но стоитъ только разсмотрѣть ихъ поближе и убѣдиться, что они въ родѣ выдолбленныхъ тыквъ со свѣчками внутри, которыми пугаютъ ребятъ: сразу пожалуй испугаешься, а на повѣрку выходитъ пустая штука, которая не можетъ укусить. Увѣряютъ, напримѣръ, что женщины вовсе не желаютъ выходить изъ своей сферы, не стремятся къ свободѣ и не стали бы ею пользоваться.

„Если птица такъ ужь любитъ свою клѣтку и ей нравится, что ее кормятъ сахаромъ, зачѣмъ же такъ крѣпко запираютъ дверку? Отчего не оставлять ее открытой, или хоть немножко не пріотворять? Извѣстно ли имъ, что не мало есть такихъ птицъ, которыя не станутъ попусту биться о прутья клѣтки, но только отвори ее—и онѣ улетятъ съ радостью!“

Она нахмурила брови и снова облокотилась на перекладину.

— И еще говорятъ, что коли дать женщинѣ свободу, она очутится въ такомъ положеніи, для котораго она не приспособлена отъ природы. Ну, а если двое мужчинъ полѣзутъ на одну лѣстницу, развѣ тотъ изъ нихъ, который слабѣе, не очутится внизу, тогда какъ другой будетъ ужь наверху? Успѣхъ есть лучшее доказательство пригодности. Слабые успѣваютъ только тамъ, гдѣ требуется легковѣсность. Природа, предоставленная собственнымъ силамъ, дастъ каждому человѣку ровнстолько работы, сколько онъ способенъ исполнить, и также аккуратно соблюдетъ малѣйшіе оттѣнки, какъ она соблюдаете ихъ, напримѣръ, при раскрашиваніи птичьей шейки. Если мы неспособны, то и право на трудъ останется для насъ мертвою буквой; и дѣло само собой перейдетъ въ руки тѣхъ, кто поумнѣе.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, рѣчь ея становилась все быстрѣе и послѣдовательнѣе, какъ бываетъ, когда человѣкъ

долго вдумывался въ предметъ и принимаетъ его очень близко къ сердцу.

Вальдо не спускалъ съ нея глазъ.

— А еще говорятъ, что женщинамъ предоставлено одно великое и благородное дѣло и онѣ дурно выполняютъ его. Это вѣрно; прескверно выполняютъ. Но вѣдь дѣло-то это такое, которое требуетъ наивысшаго образованія, а намъ и нисшаго не даютъ. Какой-нибудь юристъ можетъ ничего не читать, кромѣ юридическихъ книгъ, или химикъ знать одну свою лабораторію, и очень исправно дѣлать свое дѣло. А женщинѣ, для правильнаго веденія своего женскаго дѣла, требуется всестороннее развитіе множества отраслей ума. Ей должна быть извѣстна человѣческая жизнь во всю высь и во всю ширь ея проявленій; она должна знать человѣческую природу во всѣхъ видахъ, обладать громадною симпатіей, широкими взглядами, тою силой, которая зависитъ отъ глубокаго знанія, и тѣмъ великодушіемъ, которое коренится въ сознаніи своей силы. Мы носимъ въ своихъ нѣдрахъ цѣлые міры, отъ насъ все зависитъ. Души дѣтей безконечно нѣжны и впечатлительны: на нихъ отпечатывается тѣнь перваго предмета, съ которымъ онѣ имѣютъ дѣло, а это бываетъ мать, или вообще какая либо женщина. У каждаго великаго человѣка была замѣчательная мать, и это вовсе не преувеличеніе. Шесть первыхъ лѣтъ нашей жизни опредѣляетъ то, что изъ насъ выйдетъ впослѣдствіи, все позднѣйшее есть только лакировка и до сущности не касается. А между тѣмъ, многіе думаютъ, что если женщина умѣетъ сготовить обѣдъ, да еще одѣться къ лицу, то этого за-глаза довольно и никакой дальнѣйшей культуры отъ нея не требуется.

„Да, важнѣйшая и высшая изъ человѣческихъ задачъ намъ предоставлена и мы ее выполняемъ дурно. Пошлите-ка матроса поработать въ мастерской художника и посмотрите, что изъ этого будетъ! Но, слава Богу, что у насъ есть хоть это дѣло!—прибавила она поспѣшно,—это единственное окошко, чрезъ которое и мы взираемъ на широкое поле серьезнаго труда. Обыкновеннѣйшая дѣвчонка, которая только и умѣетъ, что танцовать да наряжаться, превращается въ нѣчто высшее и болѣе благородное съ той минуты, какъ ея дѣти заглядываютъ ей въ глаза и начинаютъ задавать вопросы. Въ этомъ наше единственное настоящее воспитаніе и хорошо, что его нельзя у насъ отнять“.

Она слегка улыбнулась.

— Говорятъ, будто мы напрасно жалуемся на то, что женщины принуждены смотрѣть на замужество, какъ на профессію, и ставятъ намъ на видъ, что насъ никто не неволитъ выходить замужъ и кто захочетъ—можетъ оставаться незамужнею.

„Это все равно, что посадить кошку въ деревянную шайку и пустить ее на воду: если ей не нравится мочить себѣ ноги, отъ нея зависитъ не вылѣзать изъ шайки и околѣвать въ ней съ голоду; а тонущій человѣкъ и подавно воленъ хвататься или не хвататься за соломину. Хороша свобода выбора! Да подумайте хоть пять минутъ о томъ, что значитъ для женщины остаться старой дѣвой, и замолчите. Развѣ легко всю жизнь носить кличку, равносильную званію неудачницы, и притомъ оставаться—какъ то бываетъ въ девяти случаяхъ изъ десяти—подъ началомъ у другой женщины? Легко-ли напередъ знать, что готовишь себѣ старость безъ почета, безъ награды за полезный трудъ, безъ любви? Врядъ-ли найдется много мужчинъ, которые, ради идеальнаго поклоненія чистотѣ, согласились бы пожертвовать всѣмъ, что есть дорогого въ жизни“.

Она разсмѣялась короткимъ, непріятнымъ смѣхомъ.—А когда истощаются всѣ аргументы противъ женщинъ, имъ говорятъ: ну, хорошо, пусть женщины будутъ таковы, какъ вы желаете, и дѣти ихъ унаслѣдуютъ ихъ культурныя качества, тогда вѣдь скоро и міру конецъ! Чрезмѣрное развитіе умственныхъ сторонъ погаситъ страсти и родъ человѣческій прекратится. Какова глупость!

Она сдѣлала презрительную гримасу. — Сидитъ готтентотъ у дороги, нашелъ гнилую кость и гложетъ ее, потомъ достаетъ фляжку со своей капской водкой и напивается пьянъ, и хрюкаетъ отъ удовольствія, а культурный человѣкъ девятнадцатаго вѣка сидитъ на мягкомъ креслѣ, смакуетъ тонкія вина съ видомъ знатока и ѣстъ тонкія кушанья съ такимъ наслажденіемъ, о которомъ готтентотъ и понятія не имѣетъ. И выпяченная челюсть, и откинутый лобъ измѣнились, по мѣрѣ того, какъ развивался умъ, но животные аппетиты всѣ остались на мѣстѣ: они утончены, прихотливы, разборчивы, но за то и усилены до громадныхъ размѣровъ. Глупцы! А въ ту пору, когда люди еще не умѣли ни прощать, ни поклоняться божествамъ, пока они еще не твердо держались на заднихъ ногахъ, развѣ они не ѣли, не пили, не дрались изъ-за женъ? Когда исчезнутъ всѣ людскія свойства, нажитыя послѣдующими

поколѣніями, эти-то останутся при насъ, потому что онѣ основныя, присущія намъ.

Она помолчала съ минуту и потомъ продолжала задумчиво, какъ бы разсуждая сама съ собою:

— Они спрашиваютъ: что же вы выигрываете, въ случаѣ если родъ человѣческій не прекратится? Когда водворятся на землѣ равенство и справедливость, любовь вѣдь исчезнетъ? Ставъ равнымъ другъ другу, мужчины и женщины перестанутъ любить. Ваши высоко-развитыя женщины потеряютъ свою привлекательность и сами утратятъ способность любить.

„Неужели-же они ничего не видятъ, ничего не понимаютъ! Вѣдь только такія женщины, какъ тетя Санни, хоронятъ мужей да приговариваютъ: Господь далъ, Господь и взялъ; да будетъ благословенно имя Господне! И тотчасъ пріискиваютъ слѣдующаго. А мыслитель, интеллектуально развитый человѣкъ, потерявъ жену, съ которой онъ вмѣстѣ работалъ и думалъ, мѣста себѣ не находитъ съ тоски и до тѣхъ поръ горюетъ на ея могилѣ, покуда и самъ не уберется вслѣдъ за ней.

„Великая душа и привлекаетъ къ себѣ, и сама привязывается несравненно сильнѣе мелкой. Насколько человѣкъ выростаетъ интеллектуально, настолько же и любовь его коренится глубже и забираетъ шире. Ради такой-то любви, больше чѣмъ ради чего другого, я и желала бы жить въ будущія времена. Она прилегла головкой къ каменной стѣнѣ и печальными, кроткими глазами слѣдила за удалявшимся страусомъ.

— И когда они настанутъ, — молвила она тихо, — когда любовь не будетъ ни предметомъ торговли, ни средствомъ для добыванія насущнаго хлѣба, а жизнь каждой женщины будетъ наполнена серьезнымъ самостоятельнымъ трудомъ, вотъ тогда любовь сама придетъ къ ней, сладкая, чарующая, и страннымъ, внезапнымъ свѣтомъ обдастъ ея суровую, рабочую жизнь. Тогда это будетъ возможно, а теперь...

Вальдо ждалъ, чтобы она договорила начатую фразу, но она замолкла, какъ будто позабыла ее окончить.

Онъ неожиданно положилъ ей руку на плечо, такъ что она вздрогнула, и сказалъ:

— Линдель, если ты думаешь, что это новое время будетъ такъ хорошо, такъ благотворно, и ты такъ легко говоришь о немъ...

— Легко говоришь! — перебила она, — говорить-то не трудно, а каково молчать?

— Такъ отчего-же ты не попытаешься приблизить къ

намъ это время? сказалъ онъ съ жалкимъ простодушіемъ.— Когда ты говоришь, я всему вѣрю; также и другіе повѣрятъ.

— Ну, это еще вопросъ,—сказала она съ улыбкой.

И вдругъ на ея лицѣ отразилось то самое утомленіе, которое было на немъ наканунѣ вечеромъ, пока она смотрѣла на тѣнь въ углу своей спальни. О, какая усталость была въ этомъ взглядѣ!

— Я-то, Вальдо, я?—сказала она.—Нѣтъ, я ничего хорошаго не сдѣлаю ни для себя, ни для другихъ, пока кто нибудь не разбудитъ меня. Я погружена въ какой-то сонъ, въ оцѣпенѣніе, замкнута въ самой себѣ. И пока меня не извлекутъ изъ этого состоянія, и я никого не избавлю.

Онъ съ удивленіемъ продолжалъ смотрѣть на нее, но она его не видѣла.

— Когда знаешь, что такое добро и красота, но не имѣешь силы проводить ихъ въ жизнь,—сказала она,—то понимаешь, что долженъ былъ чувствовать Моисей, стоя на горѣ въ виду земли обѣтованной: она разстилалась у ногъ его, а онъ не могъ въ нее войти. Ужь лучше-бы не видать вовсе!.. Пойдемъ,—молвила она, взглянувъ ему въ лицо и видя, что онъ не понимаетъ,—пора домой, смотри какъ поздно. Да и Доссъ успѣлъ проголодаться,— прибавила она обернувшись и стала звать собаку, которая тѣмъ временемъ усердно старалась выкопать изъ земли крота. Впрочемъ, она предавалась этому занятію съ трехмѣсячнаго возраста, и не взирая на всѣ усилія ни разу не успѣла въ своемъ предпріятіи.

Вальдо вскинулъ мѣшокъ на плечо, Линдель молча пошла впереди, а собака съ нею рядомъ. Быть можетъ, она размышляла о томъ, въ какихъ тѣсныхъ предѣлахъ человѣческая душа можетъ бесѣдовать съ другой душой и какъ рѣдко одна понимаетъ другую, хотя-бы обѣ были въ тѣснѣйшемъ родствѣ по духу; и какъ скоро ей приходится замкнуться въ своей личной индивидуальности, гдѣ никому, кромѣ ея самой, нѣтъ мѣста. Но ей недолго пришлось углубляться въ свои думы: Вальдо подошелъ совсѣмъ близко и ставъ передъ ней неловко вытащилъ изъ кармана небольшую шкатулку изъ рѣзнаго дерева.

— Это я для тебя сдѣлалъ,—сказалъ онъ, подавая ей свое издѣліе.

— Мнѣ очень нравится,—сказала она, внимательно ее разсматривая.

Работа была получше нежели рѣзьба надгробнаго столба: цвѣты и листья отдѣланы очень тонко и мѣстами посреди ихъ

пущены маленькія коническія возвышенія. Линдель переверты-вала вещицу, глядя на нее критически, а Вальдо наклонился надъ ней съ любовью.

— Вотъ какая странность,—сказалъ онъ возбужденно, указывая пальцемъ на одну изъ крошечныхъ пирамидокъ,—сначала у меня этихъ штучекъ не было и мнѣ все казалось, что чего-то недостаетъ; я пробовалъ всячески мѣнять рисунокъ, наконецъ ввелъ эти шишечки—и вышло хорошо. Отчего-бы это? Вѣдь онѣ сами по себѣ совсѣмъ не красивы.

— Прерываютъ однообразіе гладкихъ листьевъ, я думаю.

Онъ отрицательно покачалъ головой съ такимъ видомъ, точно предметъ былъ очень важный и нельзя рѣшить его сплеча.

— Небо, когда оно безоблачно, тоже однообразно, однако-же красиво,—сказалъ онъ.—Я не мало объ этомъ думалъ; да нѣтъ, красота не въ однообразіи, и не въ разнообразіи тоже. Въ чемъ-же она? И въ небѣ, и на твоемъ лицѣ, и на этой шкатулкѣ она есть, только въ небѣ и на твоемъ лицѣ, конечно, въ большей степени. Отчего это?

Она улыбнулась.

— А ты, я вижу, все по прежнему возишься съ вопросами, отчего, отчего, да почему? Съ меня довольно и того, что я умѣю отличить, что красиво и что безобразно, гдѣ правда и гдѣ неправда; а почему это такъ, и вообще о причинѣ всѣхъ причинъ, я не безпокоюсь. Положимъ, она должна существовать, но мнѣ до нея дѣла нѣтъ. Сколько-бы я ни хлопотала объ этомъ, вѣдь мнѣ до ея сущности не дойти, и притомъ, если-бы даже возможно было дойти, развѣ отъ этого было-бы легче? Но вы, нѣмцы, такой ужь народъ, вамъ непремѣнно нужно до всего докапываться, углубляться; вы не можете удержаться отъ этого, и все стараетесь чутьемъ угадать первичныя причины, вонъ какъ собака чутьемъ ловитъ крота. Она знаетъ, что не доберется до него во вѣки вѣковъ, но все-таки роется и всегда будетъ рыться.

— А можетъ быть и дороется,—сказалъ Вальдо.

— Отчего-же „можетъ быть", коли этого никогда не случалось? Жизнь слишкомъ коротка, нельзя ее тратить на однѣ предположенія. Гораздо интереснѣе то, чего можно навѣрное добиться.

Она взяла шкатулку подъ мышку и хотѣла идти дальше, но въ эту минуту мимо ихъ лихо проскакалъ Грегори Розъ, блистая шпорами, со страусовымъ перомъ на шляпѣ и съ хлыстикомъ

въ серебряной оправѣ. Онъ любезно раскланялся, а они подождали, покуда уляжется пыль, поднятая копытами его коня.

— Вотъ чисто-женская натура, — сказала Линдель, — онъ рожденъ для той самой женской доли, которую инымъ женщинамъ приходится выполнять, хотя онѣ и не созданы для нея. Какъ-бы онъ былъ счастливъ, если-бы ему суждено было обшивать оборочками платья своей дочки, и какъ мило онъ сидѣлъ-бы въ гостиной и скромничалъ, покуда какой-нибудь грубый мужчина приставалъ-бы къ нему со своею любовью! Не правда-ли, Вальдо?

— Я здѣсь не стану жить, когда онъ будетъ хозяиномъ на фермѣ,—отвѣчалъ Вальдо, въ воображеніи котораго понятія о красотѣ вовсе не уживались съ особою Грегори Розъ.

— Еще-бы!—сказала Линдель.—Коли женщина—хозяйка умѣетъ пилить подначальнаго человѣка, то женственный мужчина и подавно въ порошокъ сотретъ. Куда-же ты дѣнешься?

— Куда нибудь.

— А что же ты будешь дѣлать?

— Смотрѣть; все хочу видѣть, все.

— Разочаруешься!

— А ты развѣ разочаровалась?

— До нѣкоторой степени и я; но съ тобой хуже будетъ. Изъ того, что могутъ дать свѣтъ и люди, мнѣ многое нужно, а тебѣ ни къ чему. Было бы у тебя нѣсколько саженъ земли, да клочекъ синяго неба надъ головой, да возможность мечтать о чемъ нибудь такомъ, чего нельзя видѣть, вотъ ты и доволенъ; это такое хозяйство, въ которомъ ты съумѣешь разобраться. А для меня живые люди нужны. И какъ бы они ни были плохи и непріятны, все-же я гораздо больше интересуюсь ими, чѣмъ цвѣтами, деревьями, звѣздами и прочими вещами. Иногда—продолжала она, отряхая на ходу пыль со своихъ юбокъ,—въ свободное время, т. е. когда я не озабочена новой прической или соображеніями, какъ бы поднять волосы повыше, чтобы виднѣе была моя стройная шейка, меня очень забавляетъ сравнивать людей и находить въ нихъ общія черты. Напримѣръ, что можетъ быть различнѣе меня и тети Санни, тебя и Бонапарта, Симеона Столпника и Римскаго императора, который лакомится языками жаворонковъ, а вѣдь всѣ мы сдѣланы изъ однихъ и тѣхъ же матеріаловъ, только смѣшанныхъ въ разной пропорціи. То, что въ одномъ человѣкѣ едва разсмотришь въ микроскопъ, у другого развито въ широкихъ размѣрахъ; что у одного въ зачаточномъ состояніи, у другого превратилось въ

дѣятельный органъ; но во всѣхъ все есть, и каждая душа можетъ служить образцомъ для всѣхъ остальныхъ. Разъ, что разберешь подробно и внимательно, разсмотришь единственное существо, которое мы можемъ дѣйствительно узнать (т. е. самого себя), ничего новаго для насъ въ человѣческой природѣ ужь не будетъ. Сегодня утромъ, когда я была еще въ постели, негритянка-горничная принесла горячій кофе и брызнула мнѣ имъ на руку. Мнѣ было очень непріятно, но я промолчала. Тетя Санни на моемъ мѣстѣ швырнула-бы ей въ лицо весь кувшинъ и ругалась-бы цѣлый часъ; но чувства наши были бы одинаковы въ этомъ случаѣ, обѣимъ непріятно и обѣ разсердились. Съ другой стороны, возьмемъ хоть-бы такой ходячій желудокъ, какъ нашъ Бонапартъ; если бы нашелся микроскопъ для души, навѣрное и въ немъ можно бы выслѣдить зачатокъ какой-нибудь мускульной складки, изъ которой могло бы выработаться сердце, а кое-какія вздутія могли бы современемъ превратиться въ совѣсть, въ искренность. Дай-ка мнѣ руку, Вальдо. Ай, какъ ты вымазался въ мукѣ! Ничего, это не пристаетъ; я потомъ щеткой вычищусь. И еще, знаешь, что ужасно интересно? Еще интереснѣе прослѣдить сходство между постепеннымъ развитіемъ отдѣльной личности и цѣлаго народа; или опять, между цѣлымъ народомъ и всѣмъ человѣчествомъ. Смотришь, смотришь, и вдругъ тебѣ ясно станетъ, что это тоже самое, только написано большими буквами. Такія открытія очень занимательны. Странно также когда убѣдишься, что всѣ мелкія заблужденія и добродѣтели, и поступательныя движенія, и обратныя, и все что намъ открываютъ страницы міровой исторіи, все тоже совершается и въ нашемъ внутреннемъ міркѣ. Такія наблюденія имѣютъ для меня безконечный интересъ; но какъ женщинѣ, мнѣ, разумѣется, недосугъ часто предаваться такимъ забавамъ. Профессіональныя обязанности, понятно, выше всего. Не повѣришь, сколько времени уходитъ на то, чтобы всегда казаться вполнѣ изящной; это и для хорошенькой женщины нелегкая задача. А что, Вальдо, старая телѣжка еще цѣла?

— Телѣжка-то цѣла, да вся упряжь порвана.

— Пожалуйста, зачини какъ нибудь. И выучи меня править. Надо же чему нибудь выучиться, пока я здѣсь. Готтентотка ужь сегодня показывала мнѣ, какъ приготовлять „сарсарти“ *), а тетя Санни обѣщала научить меня шить шляпки.

*) Мѣстное кушанье.

Вечеромъ я приду съ тобой посидѣть, пока ты будешь чинить сбрую.

— Вотъ спасибо!

— Не стоитъ благодарности, я для собственнаго удовольствія. Для меня такая рѣдкость найти кого нибудь, съ кѣмъ можно поговорить! Съ женщинами скучно, а съ мужчинами извѣстно какіе разговоры:—„Будете сегодня на балѣ?—Какая хорошенькая у васъ собачка.—Ушки у ней очень милы.— А по мнѣ лягавые щенки лучше всего".—И за такіе разговоры меня считаютъ очаровательной! Мужчины представляютъ изъ себя земной шаръ, а мы—луну: мы всегда поворачиваемся къ нимъ только одной стороной, и они думаютъ, что другихъ сторонъ и нѣтъ совсѣмъ, потому что они ихъ не видятъ. Но онѣ есть!

Они подошли къ дому.

— Скажи мнѣ, когда будешь приниматься за починку,— сказала она и пошла къ двери.

Вальдо, стоя на мѣстѣ, смотрѣлъ ей вслѣдъ, а Доссъ, приподнявъ одну лапу, остановился въ тягостной нерѣшимости, бѣжать ему за ней или оставаться при хозяинѣ? Онъ смотрѣлъ то на фигурку въ широкополой соломенной шляпѣ, подвигавшуюся къ крыльцу, то на хозяина; потомъ вдругъ опустилъ лапу и побѣжалъ за ней. Вальдо подождалъ, покуда они скрылись за дверью, и пошелъ одинъ. Хоть собака-то его при ней, и то хорошо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОСЕНЬ ЖЕНЩИНЫ*).

Марселя Прево.

(Романъ въ трехъ частяхъ).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Съ наступленіемъ осени городъ полонъ такой тонкой прелести, чисто парижскаго осенняго сезона, что съ перваго-же взгляда заставляетъ забыть пріѣзжаго все, что онъ видѣлъ въ другихъ мѣстахъ и втягиваетъ его во вкусъ лихорадочной жизни Парижа. Это ясныя утра съ веселой озабоченностью прохожихъ и экипажей въ залитыхъ матовымъ свѣтомъ улицахъ; слегка влажные дни, когда чуть замѣтный вѣтерокъ не отрывая колышетъ послѣднюю листву городскихъ деревьевъ. Но особенно хороши вечера, красноватые сумерки, медленно спускающіеся съ неба, даже послѣ того, какъ замигаютъ газовые рожки, еще не освѣщая тротуаровъ.

Въ такой свѣтлый, медленный вечеръ карета увозила со станціи Сѣверной желѣзной дороги на Ваграмскую площадь m-me Сюржеръ и Жана Эскье, выѣхавшаго ее встрѣтить. Когда Жюли замѣтила за баллюстрадой платформы высокую фигуру банкира и не увидала около него Клары, неопредѣленное спокойствіе, не покидавшее ее, помимо ея воли, послѣ клятвы Мориса, сразу разсѣялось. Первая фраза, которую она произнесла, пожимая руку Эскье, была:

---

*) Продолженіе. См. „Вѣстн. Ин. Лит.“ № 9.

— А Клара? Почему ее нѣтъ здѣсь?

Эскье съ грустью разсказалъ, что съ нѣкоторыхъ поръ тревожное настроеніе, недомоганіе и раздраженіе, въ которыя Клара впала послѣ отъѣзда Жюли, повидимому усилились.

— Она почти не спитъ, нервы разстроены... по временамъ я замѣчаю слезы, которыя она хочетъ отъ меня скрыть. Ахъ, у меня много горя, другъ мой!

Жюли ничего не отвѣтила. Что сказать? Едва она разсталась съ Морисомъ и вотъ снова непріятности посыпались на нее... Она не хотѣла слушать голоса своей совѣсти, но онъ упорно нашептывалъ ей укоры: „Если Клара больна, если Эскье страдаетъ, то это изъ-за тебя!“

— Кто ее лѣчитъ?—произнесла она.

— Домье, понятно, бываетъ каждый день... И потомъ, у насъ въ домѣ нѣтъ недостатка въ докторахъ. Сейчасъ будетъ консиліумъ объ Антуанѣ... Домье пригласилъ Родена и Фредера.

Антуанъ! Это правда, она забыла его, этого умирающаго, къ которому пріѣхала.

— Вы съ трудомъ узнаете его,—сказалъ Эскье,—до такой степени его измѣнила болѣзнь. У него совсѣмъ сѣдые волосы, болѣе сѣдые, чѣмъ у меня. Онъ имѣетъ видъ восьмидесятилѣтняго старика.

Жюли, покачиваясь отъ движенія кареты, безшумно катившейся теперь мимо бульвара Малербъ, какъ въ туманѣ слышала слова Эскье. Она остановилась мыслью на мужѣ.

„Антуанъ умираетъ... Почему я не чувствую огорченія? Онъ никогда не относился ко мнѣ дурно. Уже очень давно я не была несчастна черезъ него“. Но тотчасъ-же въ ней воскресло воспоминаніе прошлаго. „Онъ женился на мнѣ, вотъ зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ“...

Эти воспоминанія надрывали ей душу; она чувствовала, что несмотря на все, несмотря на свою волю, несмотря на жалость къ умирающему, въ ней жило что-то такое, что никогда не можетъ простить ея мужу, никогда, никогда!..

Она пожелала узнать подробности о томъ, какъ его перевезли въ Парижъ.

— Мы получили телеграмму третьяго дня вечеромъ,—

отвѣтилъ Эскье; она ничего не объясняла, какъ та, которую я вамъ тотчасъ-же послалъ; въ ней говорилось только, что такъ какъ больного еще можно перевести, то думаютъ отправить его въ Парижъ, къ его женѣ. Антуанъ пріѣхалъ въ четвергъ, въ десять часовъ утра, съ Хело и молодымъ докторомъ люксембургцемъ, который немедленно уѣхалъ обратно.

— Замѣтилъ-ли онъ мое отсутствіе?

— Я думаю, что онъ не замѣтилъ даже нашего присутствія, ни своего путешествія, ни пріѣзда въ Парижъ. Вооружитесь храбростью, вы скоро увидите передъ собой по истинѣ грустное зрѣлище.

Жюли перевела разговоръ.

— А Клара,—спросила она,—что говоритъ о ней Домье?

— О, Клара даже не лежитъ.... она, вѣроятно, выйдетъ на крыльцо дома, чтобъ встрѣтить васъ. Ея болѣзнь не принадлежитъ къ извѣстному разряду болѣзней, ей нѣтъ названья и потому еще труднѣе найти лѣкарство. „Деревня, свѣжій воздухъ, упражненія", говоритъ Роденъ. А Домье говоритъ: „замужество". Они оба правы. Но Клара не хочетъ оставлять Парижа; съ ней дѣлаются нервные припадки, когда касаются этого вопроса... А замужество...

Онъ умолкъ. Жюли спросила съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ:

— Развѣ м. де-Ріё?...

— Да, онъ тутъ, каждый день.... Онъ превосходно относится къ намъ. Вы понимаете, что одинъ дома, съ умирающимъ и съ больной, я бы не справился... Онъ приходилъ и утромъ, и вечеромъ... Онъ самъ ѣздилъ къ Родену, который не всякаго возьмется лѣчить. Повѣрите-ли, что третьяго дня онъ всю ночь продежурилъ около Антуана?

— Это чудное сердце,—прошептала m-me Сюржеръ.—Надо бы поторопить этотъ бракъ.

Она не могла удержаться отъ дрожи, произнося эти слова. Преданная нѣжность этой бѣдной женщины дѣлала ее эгоисткой въ эту минуту, у нея не хватало храбрости даже на эгоизмъ.

— Я думаю,—сказалъ Эскье,—что этотъ бракъ никогда не состоится.

Жюли опустила голову. Она услышала свои собственныя

мысли изъ устъ Эскье. „Никогда... этотъ бракъ никогда не состоится... Въ такомъ случаѣ, за кого-же она выйдетъ?...“ Она не смѣла произнести имени, стоявшаго въ ея умѣ, также какъ и въ умѣ банкира. „Нѣтъ, нѣтъ! думала она. — Я не хочу, я не хочу!“ Весь оставшійся въ ней запасъ энергіи поднялся въ ней для самозащиты. „Я буду бороться; я хочу его сохранить... Я хочу, чтобъ онъ былъ счастливъ со мной“.

Эскье молчалъ; его высокая фигура согнулась, его профиль рисовался на стеклѣ кареты, покраснѣвшемъ отъ сумерекъ... Жюли чувствовала, что среди этого молчанія углубляется ровъ, отдѣляющій ее отъ ея стараго друга.

Но экипажъ остановился. На порогѣ отеля ждала Тоня.

— Гдѣ-же Клара?—прошептала Жюли.

— Я не знаю, моя Йю... Вѣроятно, въ моховой гостиной. Ты то, по крайней мѣрѣ, хорошо ли путешествовала?

Жюли ничего не отвѣтила. Она прошла мимо старухи и торопливо стала подыматься по лѣстницѣ.

Она жаждала видѣть Клару.

Въ полутьмѣ моховой гостиной она увидала ее лежащей на кушеткѣ. Дѣйствительно ли она задремала или притворилась проснувшейся? Жюли увидѣла ее такой блѣдной, такой худой, такой слабой, что она тотчасъ же снова стала для нея любящей жалостливой матерью.

— Мнѣ говорятъ, что ты нездорова, дорогая?..

Она протянула ей объятія... Клара какъ-то неуловимо колебалась, но потомъ дала себя обнять и поцѣловать. M-me Сюржеръ почувствовала волненіе этого слабаго тѣла при ея объятіи и замѣтила, какъ быстро дѣвушка отвернула голову. Эскье вошелъ сюда и разсѣянно перелистывалъ какую-то партитуру у рояля.

Клара спросила:

— Вы здоровы?

— Да, я совсѣмъ хорошо себя чувствую,—отвѣтила Жюли, нѣсколько смущенная пристальнымъ взглядомъ черныхъ глазъ молодой дѣвушки. — Но это ты, моя маленькая, нездорова, какъ я слышу?..

— О, нѣтъ! я совсѣмъ здорова, у меня ровно ничего нѣтъ, ровно ничего нѣтъ, увѣряю васъ...

Она полуобернула голову и откинула впередъ руки, какъ бы для того, чтобы отдалить сразу и любопытство и сожалѣніе. Жюли поняла, что не имѣла никакого права бороться и утѣшать это невинное горе, причиною котораго была она. Въ ней снова пробудилось сознаніе, что окончились дни молчаливаго безпокойства, что начинается мучительный кризисъ, послѣ котораго ея любовь восторжествуетъ или умретъ.

Наступило тягостное для всѣхъ троихъ молчаніе. Эскье произнесъ, чтобы прервать его:

— Вы хотите сейчасъ же подняться къ Антуану?

— Нѣтъ, — отвѣтила Жюли. — Я хочу пройти въ мою комнату и переодѣться. Я страшно устала. Какъ только я буду готова, я присоединюсь къ вамъ. Этотъ консиліумъ скоро начнется?

— Какъ только пріѣдутъ Роденъ и Фредеръ. Но подождите... Вотъ одинъ изъ нихъ...

Дѣйствительно, въ это время раздался звонокъ. Минуту спустя сѣдая голова Фредера показалась на поворотѣ лѣстницы. Роденъ шелъ за нимъ, они встрѣтились у дверей отеля, такъ какъ ихъ профессія пріучила ихъ къ точности.

Они поклонились Жюли. Эскье представилъ Фредера.

— А, madame Сюржеръ, — произнесъ хирургъ. — Я никогда не ожидалъ, что у нашего паціента такая молодая и прелестная подруга жизни.

Онъ наклонился съ увядшей граціей послѣдней четверти вѣка, какъ человѣкъ, которому приходилось въ теченіе двадцати лѣтъ имѣть дѣло съ придворными въ Компьенѣ и Тюльери. Жюли, равнодушно пропустивъ это мимо ушей, ничего не отвѣтила.

— Ну, что же, — сказалъ Эскье, — спустимся? Вы присоединитесь къ намъ, мой дорогой другъ?

— Да... Черезъ нѣсколько минутъ я буду готова. Сколько времени продлится консиліумъ?

Эскье бросилъ вопрошающій взглядъ на обоихъ докторовъ.

— О!.. — произнесъ Роденъ, — четверть часа, полчаса самое большое, если всѣ наблюденія были сдѣланы старательно. Нашъ коллега тамъ?

— Домье? Онъ помѣстился въ рабочемъ кабинетѣ и сдѣлалъ себѣ изъ него маленькую лабораторію.

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, намъ вполнѣ довольно четверти часа.

Они поклонились Жюли и стали спускаться въ сопровожденіи Эскье. Жюли хотѣла, послѣ этого перваго свиданія съ Кларой, услышать отъ нея слово прощенія. Она вошла въ моховую гостиную. Молодая дѣвушка продолжала лежать на кушеткѣ. Она вытянула руки на колѣни и казалось была погружена въ глубокую грезу.

„Во мнѣ нѣтъ ни капли ненависти къ ней,—подумала Жюли. — Я хотѣла бы, чтобы она забыла, чтобъ она была счастлива... и я не въ состояніи буду изъ-за нея чувствовать себя вполнѣ счастливой, если даже...“

Она не окончила своей мысли. Клара, замѣтивъ ее, подняла къ ней свое грустное лицо.

— Клара, маленькая моя, почему вы не хотите сказать мнѣ, что у васъ болитъ?

Ей такъ хотѣлось довѣрія и откровенности дѣвушки, искренняго признанія, довѣрчивыхъ слезъ. При всей своей непріязни къ ней, Клара почувствовала, что для нея открыта эта душа.

Она тихо отвѣтила:

— Увѣряю васъ, что я совсѣмъ здорова... По крайней мѣрѣ, я не съумѣла-бы объяснить, что со мною... Это легкое нездоровье, грусть, мнѣ просто надо взять себя въ руки и со временемъ это пройдетъ...

— Вы не видали сегодня де-Ріё?—спросила Жюли.

Но при этомъ имени, съ которымъ были соединены воспоминанія о настоящемъ, лицо Клары снова приняло равнодушное выраженіе.

— Нѣтъ,—отвѣтила она и перевела взглядъ.

Жюли уступила, видя ея враждебное отношеніе къ себѣ. Она медленно вышла изъ комнаты, полная грусти и упрековъ. „Это кончено,—подумала она,—я ничего не могу здѣсь сдѣлать. Она ненавидитъ меня“. И, несмотря на грусть и угрызенія совѣсти, она возмущалась противъ несправедливой ненависти Клары. „Она не имѣетъ права такъ ненавидѣть

меня. Развѣ Морисъ принадлежитъ ей? Положимъ, она его любитъ. Но кто его любитъ сильнѣе, она или я?" И она отвѣтила себѣ съ побѣдоносной увѣренностью: „Я!"

Мари ждала ее въ ея комнатѣ. Она на-скоро освѣжилась, перемѣнила запыленный дорожный костюмъ. Когда Мари раздѣвала ее, Жюли увидала свое отраженіе въ тройномъ стеклѣ зеркала и припомнила вечеръ, когда она смотрѣла на себя такимъ-же образомъ и, быть можетъ, въ первый разъ любовалась своимъ тѣломъ, въ первый разъ испытывала желаніе быть красивой... Это былъ ноябрьскій вечеръ... она вернулась изъ капеллы въ улицѣ Туринъ... Морисъ былъ тамъ, внизу, въ моховой гостиной, гдѣ теперь сокрушается Клара... О, это дорогое, мучительное время, съ какимъ удовольствіемъ вспоминала она теперь о немъ! Страдать, бороться, противъ своего желанія принадлежать Морису, что была эта борьба и эти страданія въ сравненіи съ настоящимъ горемъ?

„Вотъ въ эту минуту я мучилась боязнью дурного поступка, я опиралась на религію... Все это покинуло меня: и религія, и стыдъ; по крайней мѣрѣ, это не защитило меня отъ меня самой... Самая вѣрная защита—это было-бы знаніе будущаго и того, до чего доведутъ насъ наши поступки. Тогда-бы должна была найтись сила для сопротивленія, а не теперь..."

И тотчасъ-же эта мысль показалась ей какъ-бы поруганіемъ надъ своей любовью и надъ отсутствующимъ Морисомъ. Это поруганіе и ложь...

„Если-бы я и знала будущее, то поступила-бы точно такъ-же. Все, что я выстрадала и что выстрадаю впередъ, не искупаетъ моего грѣха. О, Богъ мой, смилосердись надо мною!"

Кто-то постучалъ въ дверь изъ корридора. Мари пошла отворить и вернулась, говоря:

— Г-нъ Эскье предупреждаетъ барыню, что консиліумъ оконченъ и проситъ ее сойти, если она желаетъ повидаться съ докторами до ихъ отъѣзда.

Жюли заторопилась, но ее ужасала эта свѣтская комедія, которую ей придется сейчасъ разыгрывать. Обѣщаніе

Мориса преслѣдовало ее. „Если вы овдовѣете, я женюсь на васъ!..“ Это вдовство было ея самой завѣтной мечтою. И надо было притворяться встревоженной, огорченной. Изъ какой ужасной сѣти обмановъ соткано прелюбодѣяніе!

Проходя мимо рабочаго кабинета, находившагося передъ комнатой Антуана Сюржеръ, она услышала голоса, перешептывавшіеся за дверью. Чтобы хоть немного отдалить отъ себя испытаніе, она вошла туда. Она застала Фредера за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукахъ, передъ листкомъ бѣлой бумаги; Эскье, Роденъ, Домье, баронъ де-Ріё стояли около камина. Всѣ смолкли, увидѣвъ ее. Фредеръ всталъ.

— Не безпокойтесь, пожалуйста,—произнесла она вполголоса.

Она пожала руки Домье и де-Ріё и съ ними отдалилась отъ группы.

— Что сказали доктора?

Домье въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ развитіе болѣзни. Параличъ распространялся и достигъ мозга.

— Мы сейчасъ думали, что онъ заговоритъ.

— Въ общемъ,—сказалъ Ріё,—конецъ наступитъ не раньше нѣсколькихъ недѣль.

Смерть!.. Освобожденіе!.. Жюли уѣдетъ за границу съ Морисомъ и опять начнутся счастливые дни, какъ первые дни въ Кронбергѣ; Клара, баронесса Ріё будетъ разыгрывать въ отелѣ на Ваграмской площади роль свѣтской, красивой женщины; говорятъ, что это необходимо для процвѣтанія банка. И все это счастье покупалось цѣною смерти, приближавшейся медленными, но вѣрными шагами...

Но Фредеръ подошелъ, считая необходимымъ сказать молодой женщинѣ нѣсколько успокоительныхъ словъ.

— Увы, сударыня, мы слишкомъ уважаемъ науку, чтобы вводить васъ въ заблужденіе въ такомъ серьезномъ случаѣ. Мы встрѣтили такой случай, гдѣ наше знаніе неприложимо... Жизнь парализована въ самомъ источникѣ мысли и дѣятельности. Существованіе нервозное... разрушающееся... подтачиваемое тайнымъ недугомъ...

Онъ смотрѣлъ на Жюли; повидимому это спокойное выраженіе лица смущало его; онъ ждалъ слезъ, которыми обык-

новенно сопровождалась его резолюція. Но слезы не катились по щекамъ m-me Сюржеръ. Она съ твердостью спросила:

— Значитъ, нѣтъ никакой надежды его спасти?

Этотъ прямой вопросъ смутилъ стараго хирурга. Онъ повторилъ:

— Боже мой, конечно... наука...

И обернувшись къ Роденъ, глядѣвшему на него своимъ хитрымъ, недоброжелательнымъ взглядомъ, онъ сказалъ:

— Не правда-ли, вы со мной согласны, докторъ Роденъ?

Роденъ поклонился.

— Медицина, дѣйствительно, безполезна здѣсь,—сказалъ онъ,—покрайней мѣрѣ, для того, чтобъ вылѣчить. У изголовья г-на Сюржеръ ей остается только наблюдать и облегчать, по возможности, страданья. Поэтому я прошу у васъ позволенья пройти еще разъ.

— Взгляните на Фредера,—шепталъ Домье на ухо де-Ріё:—онъ внѣ себя отъ идеи Родена, онъ разбитъ; онъ не съумѣлъ сдѣлать видъ, что интересуется „наукой".

Жюли слегка поклонилась обоимъ авгурамъ и направилась къ комнатѣ больного. Эскье послѣдовалъ за нею.

Она чувствовала теперь въ себѣ больше силъ, шла съ большей увѣренностью взглянуть на того, кто, такъ сказать, уже не существовалъ больше.

Запахъ хлороформа, смѣшанный съ запахомъ духовъ, которыми только что накурили въ комнатѣ, захватилъ ей дыханье. Такъ какъ заходящее солнце било въ окно, то передъ консиліумомъ спустили жалюзи. Было почти совсѣмъ темно.

— Принесите лампу, Хело,—сказалъ Эскье сидѣлкѣ.

— Ну вотъ!—произнесъ онъ, когда дѣвушка вышла.— Вы видите, что осталось отъ Антуана.

Сквозь темноту, Жюли различала кровать, прямо у боковой стѣны и что-то вродѣ массы, положенной на ней. Эта масса была неподвижна. Мало по малу глаза m-me Сюржеръ привыкли къ темнотѣ и разглядѣли тѣло, приподнятое въ вышину подушекъ; она увидѣла скрючившіеся члены и неподвижную голову, слегка склонившуюся на лѣвый бокъ. Лампа,

принесенная Хело, освѣтила остальныя подробности этой безформенной массы...

М-me Сюржеръ подошла къ изголовью; эта масса смущала ее; въ больницѣ она прошла-бы мимо постели своего мужа, не узнавъ его. Вдругъ вѣки приподнялись и глаза устремились на нее: взглядъ медленно двигался въ то время, какъ голова оставалась наклоненной.

Жюли отступила; ея пальцы судорожно ухватились за руку Эскье.

— Онъ узнаетъ васъ,—сказалъ банкиръ.

Жюли смотрѣла, загипнотизированная этими устремленными на нее глазами. Лѣвый изъ нихъ уже казался пораженнымъ, почти мертвымъ или, по крайней мѣрѣ, въ немъ уже не было чувствительности зрѣнія. Другой-же несомнѣнно видѣлъ; въ немъ сосредоточилась вся жизнь этого мертвѣющаго, неподвижнаго тѣла.

— Не хотите-ли дать ему руку?—шепнулъ Эскье.

Она приблизилась къ кровати и взяла руку больного. Но, пожавъ ее, она почувствовала, что она совсѣмъ мягкая, какъ будто пустая, нѣчто въ родѣ перчатки, наложенной ватой, размягчающейся подъ пожатьемъ. Она вскрикнула. Эскье бросился къ ней.

— Прошу васъ, уйдемъ отсюда,—прошептала она.

Ухватившись за руку банкира, она вернулась въ рабочій кабинетъ. Роденъ и Фредеръ уѣхали. Домье и баронъ де-Ріё разговаривали еще около окна, въ полнѣйшей темнотѣ. Она была очень довольна этой темнотой, позволявшей ей броситься въ кресло и медленно приходить въ себя, не привлекая вниманія.

Она шепнула Эскье:

— Разговаривайте... Пусть на меня не обращаютъ вниманія, мнѣ ужь лучше...

Эскье присоединился къ молодымъ людямъ. Сквозь туманное забытье, въ которое она впала отъ слабости, она слышала, что Домье говорилъ уже не объ Антуанѣ Сюржеръ, а о Кларѣ.

Онъ говорилъ:

— Я не хочу возбуждать въ тебѣ безпокойства, мой ста-

рый другъ, но дѣйствительно, будь остороженъ. Воспользуйся твоимъ авторитетомъ на дочь, чтобы заставить ее уѣхать изъ Парижа: найди ей компаньонку ея возраста; пошли ее на югъ, словомъ, развлеки ее, помѣшай ей быть одной и вѣчно думать... безъ этого я за нее не отвѣчаю.

Эскье спросилъ послѣ минутнаго молчанія:

— Вы остаетесь обѣдать, Домье? И вы также, Ріё?

Домье согласился. Ріё сначала извинился, но потомъ кончилъ тѣмъ, что принялъ приглашеніе. Какъ разъ въ эту минуту слуга отворилъ дверь и доложилъ m-me Сюржеръ, что обѣдъ поданъ. Когда всѣ четверо спускались въ столовую, Жюли встревоженная послѣдними словами Домье, остановила его.

— Васъ дѣйствительно безпокоитъ Клара? — спросила она.

— Да. Очень, очень!

Онъ объяснилъ, что въ январѣ мѣсяцѣ этого же года ему пришлось лѣчить подобную же болѣзнь; молодая дѣвушка, простая портниха, ходившая на поденную работу въ городъ, безъ всякихъ органическихъ недостатковъ, вдругъ впала въ состояніе такой слабости и нервности, что ей пришлось прекратить работу.

— Вмѣсто того, чтобъ пичкать ее лѣкарствами,—продолжалъ докторъ,—я принялся исповѣдывать больную, разузнавать образъ ея жизни. Я кончилъ тѣмъ, что узналъ, что въ одномъ изъ тѣхъ семействъ, гдѣ она работала днемъ, она влюбилась въ сына хозяина дома, очень молодого офицера, только что вышедшаго изъ Сенъ—Сирской школы. Она не смѣла признаться въ этомъ чувствѣ и медленно таяла.

— Что же вы сдѣлали?—спросила Жюли.

— О, я розыскалъ офицера и разсказалъ ему о положеніи вещей. Молодая дѣвушка была ни дурна, ни хороша собою; но ей было двадцать лѣтъ и потомъ въ арміяхъ не слишкомъ разборчивы. Недѣлю спустя моя больная каталась на каруселяхъ на ярмаркѣ въ Нельи.

За столомъ Клара сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, между Ріё и отцемъ. О, какимъ живымъ укоромъ для бѣдной Жюли была эта блѣдная, похудѣвшая, почти прозрач-

ная фигура! Какимъ упрекомъ была для нея грусть Эскье! До конца обѣда молодая дѣвушка ушла въ свою комнату. Нѣсколько минутъ спустя, полная тревоги, Жюли вышла изъ-за стола въ свою очередь. Ее ничто не удерживало здѣсь; надо было еще разъ попытаться войти въ довѣріе къ дѣвушкѣ, получить право на откровенный разговоръ... Мысль объ отреченіи приходила ей въ голову; она чувствовала себя готовой на все, чтобъ загладить зло, которое она сдѣлала.

Комната освѣщалась только одной свѣчей, стоявшей на каминѣ. Жюли подошла къ кровати, наклонилась... Клара тотчасъ же обернулась, показавъ озабоченное лицо, все въ слезахъ, которое она закрыла руками, узнавъ m-me Сюржеръ.

— Клара, дорогая моя... — пролепетала Жюли. — Ты плачешь, тебѣ не хорошо. Почему ты ничего не хочешь мнѣ сказать? Развѣ ты уже не довѣряешь твоему старому другу?

Молодая дѣвушка быстрымъ движеніемъ вытерла глаза и произнесла:

— Нѣтъ... Я совсѣмъ здорова, совсѣмъ...

— Но если ты страдаешь, — возразила Жюли, стараясь удержать ея руки въ своихъ рукахъ, — то напрасно ты не хочешь довѣриться мнѣ, злая дѣвочка! Все, что я могла бы сдѣлать для того, чтобы тебѣ утѣшить, я сдѣлала бы!

Еслибъ въ эту минуту Клара во всемъ призналась, еслибъ она бросилась въ эти открытыя ей материнскія объятія, то Жюли, измученная борьбою, быть можетъ не въ силахъ была бы сопротивляться, быть можетъ въ пылу одного изъ этихъ великодушныхъ порывовъ, такъ свойственныхъ высокимъ сердцамъ, она воскликнула бы: „Ну, чтожь! люби его! пусть онъ тебя любитъ... будь его женой... Но не плачь... не страдай... но живи!“

Увы! молодая дѣвушка рѣшительно закрыла свое сердце для этого порыва самоотреченія, ея руки старались высвободиться изъ рукъ Жюли... Жюли повторяла склонившись надъ нею:

— Клара, я тебя прошу, скажи мнѣ... Я сдѣлаю, что ты хочешь... Слышишь? все, что ты хочешь!..

Она чувствовала, что теряетъ подъ собой почву, что ей безумно жаль самое себя... Пусть самоотреченіе жертвы возбуждало ее. „Все, что ты хочешь, понимаешь?“ Да, она отдала бы все за то, чтобъ руки Клары обвились вокругъ ея шеи и чтобы услышать: „Благодарю“, которое успокоило бы угрызенія ея совѣсти. Но когда она ждала этой благодарности, молодая дѣвушка почти рѣзко вырвалась отъ нея.

— Оставьте меня!—сказала она.

Это было ужь слишкомъ. Въ Жюли возмутилась вся гордость, вложенная любовью въ ея душу.

— Хорошо,—сказала она.—Я уйду.

Она вышла изъ комнаты Клары, вошла въ свою и заперлась въ ней. Ея жертва отреченія была отвергнута и ея бѣдное сердце, разбитое угрызеніями и презрѣніемъ, снова вернулось къ любви; вспомнивъ о мучительныхъ, но полныхъ прелести дняхъ, проведенныхъ въ Кронбергѣ, она все забыла и находила еще прекрасной ту долю, которую оставила ей судьба. Въ этой комнатѣ, гдѣ она была совсѣмъ одна, она громко разговаривала съ отсутствующимъ, говорила ему, что она его любитъ, его одного. Какъ девотка своего любимаго святого, такъ и она просила, чтобы онъ простилъ ей этотъ день, когда ея сердце поддалось инымъ чувствамъ, кромѣ нѣжности къ нему. Она обѣщала ему и самой себѣ не допускать себя поддаваться постороннимъ мыслямъ и ради него быть безчувственной эгоисткой.

II.

Въ эти осенніе дни, листъ за листомъ, обнажался большой садъ отеля Сюржеръ. Передъ павильономъ, гдѣ жилъ Эскье, и чти вся зелень пожелтѣла и свернулась; но до двадцати тоновъ, начиная отъ темно-зеленаго и кончая ярко-краснымъ, переливалось на этой готовой осыпаться листвѣ. Тамъ, гдѣ аллеи огибали павильонъ, два куста пурпуровыхъ азалій казались какими-то деревьями изъ фееріи, рядомъ съ обнаженными сиренями. Глубина сада осталась удивительно зеленой, такъ какъ тамъ были большія деревья съ твердой листвой: платаны, лавры, кедры, а около маленькаго бассейна другъ противъ друга стояли столѣтняя бузина и фи-

говое дерево. Въ этомъ уголку, смежномъ съ сосѣдними садами, цѣлый день свѣтило солнышко, не защищенное заборами, и свѣжесть воды оживляла корни.

Такъ какъ октябрь былъ теплый, ясный, похожій на сѣверное лѣто, то Клара почти каждый день приходила съ книгой или съ работой посидѣть подъ бузиной и фиговымъ деревомъ, сплетавшимися другъ съ другомъ вѣтвями; она просиживала здѣсь цѣлые часы, наслаждаясь уединеніемъ, вдали отъ любопытныхъ взглядовъ окружающихъ.

Со времени своего возвращенія Жюли два или три раза приходила за ней; несмотря на все, она очень тревожилась о молодой дѣвушкѣ и была полна жалости къ ней.

— Не хочешь-ли ты выѣхать со мной, моя маленькая. Докторъ настаиваетъ на этомъ.

Клара отвѣчала „нѣтъ“ такимъ полнымъ ненависти голосомъ, что Жюли съ грустью отказывалась убѣдить ее. „Она меня презираетъ, она меня ненавидитъ“, подумала она. И, дѣйствительно, не отдавая себѣ въ этомъ вполнѣ яснаго отчета, именно эти чувства испытывала молодая дѣвушка въ долгіе часы уединенія. Съ того утра, когда она застала любовниковъ, въ любовномъ экстазѣ проходящихъ по залѣ, въ ней возникла мысль: „Морисъ принадлежитъ мнѣ и его украла у меня Жюли“. Она страдала, она плакала; но тѣмъ не менѣе она сохранила надежду, почти тождественную съ надеждой Мориса: „Настанетъ день, когда я возьму его обратно... да, настанетъ день... несомнѣнно“.

День! Какое дѣло молодости до времени? Развѣ въ этомъ долгомъ, долгомъ будущемъ мало дней, чтобы все устроить?.. И вотъ годы прошли: они не устроили дѣйствительность согласно мечтамъ, они только приблизили часъ неминуемаго кризиса, часъ, когда уже нельзя себѣ сказать: до завтра... Но въ этотъ наступившій часъ Клара увѣреннѣе, чѣмъ когда-либо, говорила себѣ: „Морисъ меня любитъ“. Вернувшись изъ монастыря, она замѣтила нѣжное безпокойство и мрачную грусть молодого человѣка. Да и самъ онъ не признался-ли, что ее любитъ, въ тотъ день, когда слушалъ мелодію Бетховена?

Когда она, нѣсколько времени спустя, сказала ему:

Де-Ріё хочетъ жениться на мнѣ", она не сомнѣвалась, что Морисъ ей отвѣтитъ: „Нѣтъ!.. это я васъ люблю! Это я буду вашимъ мужемъ". Но что-то сжало имъ губы: они не повѣрили другъ другу своей тайны; когда они разстались, то казалось, что вся ихъ общая надежда на будущее разлетѣлась, какъ дымъ. И все-таки, въ то время, какъ Морисъ странствовалъ по Германіи, полный воспоминаній и страсти, Клара не падала духомъ: тотъ-же знакомый голосъ нашептывалъ ей: „Онъ уѣхалъ... Онъ тебя покинулъ. Но онъ тебя любитъ и, несомнѣнно, онъ вернется къ тебѣ".

Только когда m-me Сюржеръ уѣхала въ свою очередь, когда Клара догадалась, что ее вызывалъ Морисъ, она въ первый разъ потеряла храбрость. Ея прямое и простое сердце не могло допустить страшной истины, что Морисъ, любя ее, могъ желать имѣть около себя любовницу. Она сознавала себя побѣжденной; она испытала муки ревности.

Сколько разъ мечтала она объ этомъ путешествіи съ Морисомъ въ далекую страну! Они были обвѣнчаны; они прощались въ Парижѣ съ близкими, но ненужными имъ теперь людьми; она стремилась въ его объятьяхъ къ будущему! Увы! эту счастливую поѣздку съ Морисомъ совершала другая. Другая свободно владѣла имъ вдали отъ любопытныхъ взглядовъ. Она возненавидѣла Жюли за то, что та украла у нея это счастье; она стала презирать ее. Она не вполнѣ ясно представляла себѣ, какого рода связь существовала между любовниками въ Парижѣ. Конечно, они видались наединѣ, у нихъ были ежедневныя свиданія; правильные выѣзды Жюли доказывали это. Но все таки Жюли жила отдѣльно отъ Мориса; встрѣчаясь въ свѣтѣ, они принимали видъ равнодушныхъ другъ къ другу людей. Но тамъ они жили вмѣстѣ, они открыто показывались подъ руку другъ съ другомъ, они спали подъ одной крышей!.. И Жюли, замужняя женщина, соглашалась на это! Она осуждала ее со строгостью совѣсти, которая никогда не грѣшила, которая не знаетъ даже, какъ грѣшать.

Ахъ, эти еще дорогія воспоминанія дѣтской близости, застѣнчивыя ласки, позволенныя или взятыя съ бою, тамъ, въ виллѣ des Oeillets, какъ молодая дѣвушка цѣнила теперь

все это и какъ она сожалѣла объ этомъ! „Если я и позволяла ему что нибудь,—думала она,—то только потому, что я была увѣрена, что рано или поздно я буду его женой!..“ Она никогда не будетъ его женой... Она прекрасно знала, что почти противъ воли, выйдя замужъ за другого, она не найдетъ счастья; даже отдыхъ, спокойствіе совѣсти, казались ей невозможными; какъ могла она съ такими воспоминаніями соединиться не съ Морисомъ, а съ другимъ человѣкомъ?

— M-lle Клара, г-нъ баронъ.

Шаги заскрипѣли на пескѣ аллеи; сквозь обнаженныя вѣтви сирени Клара Эскье увидала бѣлый передникъ Мари. Теперь горничная стояла передъ ней въ ожиданіи приказаній. Клара размышляла. Нужно ли принять этого добраго, преданнаго молодого человѣка, котораго она полюбила, но огорчала противъ желанія?

— Куда вы его провели?

— Въ гостиную, барышня.

— Скажите, что я сейчасъ приду.

Затѣмъ, подумавъ, когда Мари удалялась, она сказала:

— Нѣтъ... Лучше попросите его сюда.

Она подумала, что окончательное и откровенное признаніе спокойнѣе и удобнѣе будетъ сдѣлать въ этомъ уединенномъ уголку, куда даже Жюли заходила рѣдко. Еще нѣсколько минутъ и Рiё подошелъ. Онъ былъ блѣденъ; его лобъ былъ нахмуренъ, и когда молодая дѣвушка попросила его сѣсть на соломенный стулъ подлѣ нея, онъ не сразу овладѣлъ собою.

Онъ смотрѣлъ, какъ она наклонилась надъ своей канвой, какъ дрожали ея пальцы и быстро моргали рѣсницы. Эти слишкомъ большіе и слишкомъ черные глаза, слишкомъ бѣлые зубы, слишкомъ тонкая кожа, то блѣдная отъ волненія какъ листокъ камеліи, то вспыхивающая, этотъ рѣзкій контрастъ между прозрачной блѣдностью лица и черными локонами, худоба этихъ рукъ, пальцы которыхъ были такъ слабы, что какъ будто готовы были хрустнуть какъ стеклянныя палочки,—все говорило въ молодой дѣвушкѣ о внутреннемъ волненіи, о приближеніи минуты, когда душевное пламя прорвется наружу.

Видя ее такой изнуренной, имъ овладѣло такое горе, что онъ подумалъ: „Все легче перенести, чѣмъ ея горе... Пусть лучше я страдаю, чѣмъ видѣть, что она страдаетъ изъ-за меня... Изъ двухъ мукъ: страдать, теряя ее, и страдать, видя ее страдающей",—первая ему дѣйствительно казалась болѣе сносной.

Они молчали отъ безпокойныхъ, мучившихъ ихъ мыслей. Присутствіе де-Ріё ставило Клару лицомъ къ лицу съ проблемой, которую надо рѣшить: бракъ, то есть прощанье съ затаенной мечтой, отреченіе. Что дѣлать? Пришло время рѣшить. Эта необходимость показалась молодой дѣвушкѣ такой тяжелой, что, несмотря на усиліе побороть себя, отчаяніе отразилось на ея лицѣ.

Ріё схватилъ ея руки.

— Вы страдаете! вы страдаете! Что съ вами? Скажите мнѣ.

Она сдѣлала отрицательный жестъ головою, но ея блѣдныя щеки, дрожащія губы, мертвенность взгляда, безсильно опущенные члены,—все выдавало ея душевную муку.

— Прошу васъ,—умолялъ Ріё,—отвѣтьте мнѣ! Скажите мнѣ, что вы хотите, чтобъ я сдѣлалъ и я сдѣлаю... Не оттого ли вамъ тяжело, что я здѣсь? Я такъ хотѣлъ бы, чтобы вы были счастливы! Я хотѣлъ бы быть только путеводителемъ въ вашей жизни... Скажите, Клара... Поговорите со мной! вы не подружески относитесь ко мнѣ...

Онъ склонился надъ нею. Она сидѣла откинувшись на спинку кресла, какъ полумертвая, и видя ее такою, въ немъ разсѣевалась даже тѣнь страстнаго чувства къ ней; онъ относился къ ней съ безграничнымъ обожаніемъ, съ безумной жалостью, съ потребностью жертвовать собою, чтобы вернуть ее къ жизни.

Онъ также въ эти минуты испыталъ муки распинаемаго человѣка.

— Послушайте, Клара, — сказалъ онъ серьезно, какъ произносятъ желаніе, которое свяжетъ всю жизнь.—Я не знаю, страдаете ли вы оттого, что я здѣсь, или оттого, что другой далеко, но прошу васъ, помните твердо, что я не хочу разбивать ваши даже самыя неопредѣленныя надежды. Все,

что было рѣшено между нами, всѣ обѣщанія, если вы не хотите ихъ исполнить, то онѣ не существуютъ, онѣ идутъ не въ счетъ... Вы свободны...

И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, онъ съ ужасомъ замѣчалъ, что его слова были пріятны молодой дѣвушкѣ, что она дѣйствительно оживлялась. Она открыла глаза, она смотрѣла на него съ спокойной нѣжностью, легкій румянецъ выступилъ на ея щекахъ... А между тѣмъ ей стало стыдно принять эту жертву.

— Я исполню то, что я вамъ обѣщала,—прошептала она.—Если я медлила сказать вамъ объ этомъ, то это потому, что я нездорова, вы видите... Но дайте мнѣ время... время поправиться... Я ничего не забыла. Я исполню свое обѣщаніе.

Ріё опустилъ голову.

— Вы ничего не обѣщали или, вѣрнѣе, когда вы обѣщали, вы не знали самое себя, вы не знали, что вы... Я не хочу пользоваться случайностью, да я и не стою этого. Я дѣлаю то, что я долженъ сдѣлать.

И помолчавъ немного онъ прибавилъ:

— И это самое разумное, что я могу сдѣлать для себя самого.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, потомъ вернулся. Ихъ взгляды встрѣтились.

— Вы огорчены?—грустно сказала молодая дѣвушка.

Ріё отвѣтилъ:

— Да, очень огорченъ. Но, что-жь вы хотите?

Въ первый разъ онъ понималъ, что судьба выбрасываетъ его изъ свѣтской жизни, разрушаетъ сердечныя дѣла, составляющія счастье другихъ мужчинъ.

— Я не могу допустить, чтобъ вы страдали по моей винѣ,—прошептала Клара.—Вы всегда были такъ добры ко мнѣ. Я очень расположена къ вамъ.

— Правда?—спросилъ Ріё, стараясь удержать слезы, выступившія на его глаза.

— О, да! истинная правда...

Онъ взялъ ея обѣ руки.

— Сохраните въ себѣ это расположеніе ко мнѣ, потому

что думая о васъ потомъ, я буду чувствовать, что я еще вашъ должникъ... Я не знаю, какъ сложится моя жизнь. Какъ бы она ни повернулась, мысль о томъ, что вы съ теплотою вспоминаете обо мнѣ, всегда будетъ меня поддерживать...

Они долго не говоря ни слова смотрѣли другъ на друга; слишкомъ тяжелыя мысли роились въ ихъ головѣ, никакія слова не въ силахъ были бы ихъ передать. Клара думала: „почему во мнѣ живетъ какая-то невѣдомая сила, которая сильнѣе, чѣмъ моя воля и умъ? Этотъ человѣкъ любитъ меня, я знаю; въ немъ нѣтъ ничего, что можетъ не нравиться, онъ добръ, онъ уменъ и я заставляю его страдать ради другого, который его не стоитъ, который меня не любитъ!"

Одну минуту она готова была взять себя въ руки, сказать ему:

„Да, я принимаю ваше предложеніе, я ваша жена". Въ такія минуты достаточно легкаго толчка, чтобъ поколебать наши рѣшенія. Такимъ толчкомъ было для нея воспоминаніе, кольнувшее ее въ самое сердце; вчера она застала Жюли, читающей въ моховой гостиной письмо, въ которомъ она узнала почеркъ Мориса. Инстинктъ пробудившагося соперничества восторжествовалъ. Она хранила молчаніе.

— Прощайте,—просто сказалъ Ріё.

Клара спросила:

— Вы уходите? Останьтесь еще немножко со мною.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Я не хочу оставаться. Позвольте мнѣ уйти, не видѣть васъ больше въ теченіе нѣкотораго времени. Если я останусь здѣсь, силы измѣнятъ мнѣ... Прощайте.

— Какъ вы страдаете!—прошептала она.

Онъ отвѣтилъ:

— Да. Очень.

— Такъ вы не хотите меня?

— Нѣтъ. Прощайте.

Необдуманнымъ движеніемъ она подставила ему свой лобъ. Онъ прикоснулся къ нему губами. Потомъ, не оглядываясь назадъ, онъ оставилъ ее, прошелъ садъ и скрылся.

Молчаливая безнадежность овладѣвала имъ, медленно про-

низывала его, какъ страшный холодъ, заледенила всѣ его члены. „Я зналъ, что это кончено... я давно зналъ... Да. Но теперь я ее больше не увижу“.

Его несчастье казалось ему уже невѣроятнымъ; онъ видѣлъ его какъ-то внѣ жизни, въ грезѣ. Реальные предметы, окружавшіе его, дома, деревья, экипажи мигали мимо его глазъ какъ-то неопредѣленно, словно въ туманѣ...

— Здравствуйте, г. депутатъ!

До него долетѣла эта фраза какъ будто издалека; чья-то рука скользнула подъ его руку.

— А, что это? Мы мечтаемъ?

Это былъ Домье. Рiё былъ радъ этой встрѣчѣ, радъ прицѣпиться къ живому существу.

— Это вы, докторъ... Извините меня... Я нѣсколько сбитъ съ толку.

— Я это вижу,—сказалъ Домье.—Что съ вами? M-lle Эскье не приняла васъ?

— Нѣтъ, приняла... Только, другъ мой, вся моя мечта разлетелась въ прахъ.

— Она отказалась выйти за васъ?

— Она отказалась выйти за меня.

— Бѣдный мальчикъ!

Они шли нѣкоторое время молча по асфальту аллеи; сухіе листья, срываемые вѣтромъ, хрустѣли у нихъ подъ ногами.

— Что-же вы думаете дѣлать?—спросилъ докторъ.

— Я ничего не знаю. Мнѣ кажется, что моя жизнь не имѣетъ больше цѣли... Вамъ случалось видѣть въ Монте-Карло игроковъ, которые шатаясь спускаются со ступенекъ казино, гдѣ они потеряли все свое состояніе. Ну вотъ я поставилъ на карту все мое счастье на „полный номеръ“, который не вышелъ. Вотъ что. Не дадите-ли вы мнѣ добрый совѣтъ?

— Совѣтъ? Я бы уже давно далъ его вамъ, если-бъ вы его исполнили. Въ двухъ словахъ, вотъ мой діагнозъ о васъ. Вы чужой въ свѣтѣ, котораго вы не понимаете, и который не понимаетъ васъ. Зачѣмъ вы въ немъ остаетесь?

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, мой милый, что я нахожу васъ исключительнымъ существомъ. Вы вошли въ жизнь съ свѣтлой и чистой душой. Вы тотчасъ-же отдались идеямъ, людямъ, исчезнувшимъ королямъ, религіи, рабочему классу, ваше самопожертвованіе стало для васъ карьерой. Конечно, вы сдѣлали ее успѣшно, но то, что кажется другимъ вашимъ личнымъ успѣхомъ, въ дѣйствительности, совершилось помимо васъ; вы не искали личнаго счастья. Только разъ въ жизни вамъ пришла въ голову мысль сдѣлать что нибудь для себя самого. Влюбившись въ молодую дѣвушку, вы хотѣли на ней жениться... Это значило идти противъ вашей судьбы, мой милый, и вамъ это не удалось. Постарайтесь поскорѣе забыть о себѣ. Вернитесь къ вашему природному призванію, къ самоотреченію. Вотъ мое мнѣніе.

Послѣ нѣкотораго молчанья Ріё отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что вы правы. Но, видите-ли, я до такой степени сбитъ съ толку, что у меня право не хватаетъ храбрости собрать обрывки моихъ мыслей въ одно цѣлое...

Домье взялъ его за обѣ руки и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Слушайте! Я сейчасъ еще яснѣе выскажу вамъ свою мысль. Вы нѣчто въ родѣ священника, заблудившагося въ свѣтѣ; вы имѣете счастье обладать религіозной вѣрой, то есть вы вѣрите слѣпо, что, въ сущности, гораздо лучше всѣхъ нашихъ разсужденій. Оставьте-же какъ можно скорѣе свѣтъ, потому что онъ васъ отбрасываетъ отъ себя; поступайте въ священники, другъ мой!

Шагъ за шагомъ Домье довелъ Ріё до отеля Сюржеръ: баронъ поблѣднѣлъ еще больше. Это призваніе священства, столько разъ приходившее ему въ голову и выраженное теперь этимъ невѣрующимъ докторомъ, казалось ему необыкновенно отраднымъ, но мысль о разставаніи со свѣтомъ огорчала его, какъ того евангельскаго юношу, который плакалъ, когда Спаситель повелѣлъ ему слѣдовать за Собою.

Домье сказалъ ему тихо:

— Я долженъ васъ покинуть. Я дошелъ до моей цѣли и меня ждутъ къ Сюржеру.

Это имя заставило молодого человѣка поднять глаза. Онъ

увидалъ двери отеля, верхушки деревьевъ; онъ съ особенной ясностью припомнилъ послѣднія слова Клары.

— Хорошо,—сказалъ онъ.—Я оставлю Парижъ сегодня же вечеромъ. Въ уединеніи у меня, быть можетъ, достанетъ храбрости исполнить то, что вы мнѣ совѣтуете... Что бы ни случилось, благодарю васъ.

Въ эту минуту они чувствовали, что они нѣчто большее, чѣмъ два друга; они испытывали ту близость человѣческой любви, которая озаряетъ насъ на мгновеніе, когда мы открываемъ другъ передъ другомъ всю бездну нашихъ душъ.

Ріё повторилъ:

— Благодарю васъ!.. Не говорите „ей"...

— Нѣтъ,—сказалъ Домье,—обѣщаю вамъ.

Онъ видѣлъ, какъ Ріё удалялся, шелъ по аллеѣ уже болѣе твердымъ шагомъ. Онъ въ задумчивости вошелъ въ отель.

„Какой странный инструментъ наша совѣсть,—думалъ онъ.—Я самъ ни во что не вѣрю, а вотъ, быть можетъ, сейчасъ „сдѣлалъ священника", какъ говорятъ добрыя женщины въ Бретани".

Въ это самое время,—около четырехъ часовъ пополудни,—фіакръ привезъ Жюли Сюржеръ на уголъ улицы Chambiges. Она торопливо вышла изъ него и скользнула въ одинъ изъ домовъ, похожихъ на всѣ остальные дома этой улицы. Они были такъ неудачно расположены, что солнце не проникало вполнѣ на улицу ни въ одинъ часъ дня. Теперь здѣсь было почти темно, несмотря на ясный день. Жюли вошла на крыльцо, отперла направо дверь изъ свѣтлаго дуба, толкнула ее, заперла на задвижку лихорадочнымъ движеніемъ и съ замирающимъ сердцемъ остановилась, прислонясь къ стѣнѣ узкой передней... Несмотря на то, что со времени своего возвращенія въ Парижъ она каждый день пріѣзжала провести часокъ въ этой квартирѣ, но она еще не умѣла сладить со своими нервами, и каждый разъ чувствовала ту же тревогу входя и то же горе—войдя.

Дѣло въ томъ, что здѣсь уже не было дорогого друга подстерегающаго за дверью ея звонокъ, чтобы въ ту же минуту сжать любовницу въ своихъ объятіяхъ. Квартира была

пуста. Большая темная комната, окна которой едва пропускали внутрь лучи осенняго дня, была полна вывѣтривающимся запахомъ человѣческаго присутствія. Съ прошлой зимы здѣсь не разводили огня; сырость уже чувствовалась въ воздухѣ. Войдя сюда, Жюли вздрогнула.

Послѣ виллы въ Кронбергѣ, гдѣ Морисъ больше чѣмъ гдѣ-либо, принадлежалъ ей, Жюли любила эту опустѣлую, холодную, темную комнату. Ни одна женщина, кромѣ нея, не проникала сюда съ тѣхъ поръ, какъ Морисъ здѣсь устроился; она была полна только ихъ воспоминаніями; Жюли была здѣсь больше „у себя дома", чѣмъ въ отелѣ Сюржеръ. Она забывала здѣсь на минуту внѣшній міръ, долгъ и угрызенія совѣсти; тутъ она могла громко произносить слова, которыя она такъ часто произносила около Мориса: „Здѣсь я счастлива!"

Теперь квартира была пуста. Жюли не могла уже больше разговаривать съ своимъ возлюбленнымъ, или даже не разговаривая смотрѣть, какъ онъ ходитъ по комнатѣ, пишетъ письмо, разрѣзаетъ книгу. Она не могла уже помогать ему одѣваться, когда онъ собирался на вечеръ или иногда прикрѣпить ему пуговку, зачинить что-нибудь. Она уже не могла подставлять губы или щеки подъ медленные, крѣпкіе поцѣлуи Мориса, въ которыхъ она нерѣдко искала подтвержденія въ его любви...

Теперь она одиноко шла изъ этой комнаты въ будуаръ, въ переднюю, въ другую маленькую комнатку, гдѣ Морисъ вѣшалъ свои платья; она садилась въ кресло, гдѣ онъ работалъ. Она знала исторію каждой вещи на этомъ столѣ. Многія изъ нихъ были ея подарки, другія были куплены вмѣстѣ съ ней, по ея совѣту. Она перелистывала записную книжку въ зеленомъ сафьяновомъ переплетѣ, которую Морисъ привезъ изъ Лондона. Между іероглифами, фантастическими надписями, силуэтами, нарисованными перомъ, она находила числа, которыя сама хорошо помнила. Она тысячу разъ встрѣчала здѣсь свое имя: „Жюли!" И еще чаще нѣжную монограмму: „Йю"!.. Ахъ! ей не надо было иного занятія, кромѣ воспоминаній и грезъ; когда порою она открывала одну изъ книгъ, оставленныхъ Морисомъ на письмен-

номъ столѣ, она ее не читала, она не съумѣла-бы даже сказать ея заглавія, когда, торопясь домой, клала ее обратно.

Кромѣ воспоминаній, ее влекло сюда еще и иное обстоятельство. Разставаясь, они рѣшили съ Морисомъ, что онъ будетъ адресовать ей въ улицу Chambiges письма или по-крайней мѣрѣ телеграммы, съ увѣдомленіемъ, что онъ здоровъ и гдѣ находится. До сихъ поръ телеграммы получались чаще, а письма были очень коротки, настолько коротки, что наблюдатель болѣе внимательный, чѣмъ Жюли, съумѣлъ бы прочесть въ нихъ тревогу этой души, которая имѣла силы желать чего нибудь, но, разъ добившись желаемаго, не могла удержаться отъ сожалѣній. Но Жюли умѣла понимать Мориса только тогда, когда онъ былъ съ нею, въ письмѣ-же она не могла предъугадать его мыслей. Она довольствовалась небольшими записками, въ которыхъ онъ только писалъ ей, гдѣ находится въ данное время, въ двухъ-трехъ нѣжныхъ фразахъ.

Сегодня она получила отъ него небольшой картонный билетикъ въ конвертѣ, и видя, что ея дорогой, отсутствующій другъ, вмѣсто того, чтобы просто послать телеграмму написалъ ей, она была счастлива и полна благодарнаго чувства къ нему. Она поцѣловала конвертъ съ буквами этого имени, которое, быть можетъ, когда нибудь будетъ дѣйствительно ея именемъ, передъ людьми:—M-me Морисъ Артуа. Потомъ она подошла къ одному изъ оконъ, чтобы лучше разсмотрѣть. Обѣ стороны карточки были исписаны неразборчивымъ почеркомъ Мориса, который она читала съ большимъ удовольствіемъ. Морисъ увѣдомлялъ, что оставилъ Франкфуртъ и объѣзжаетъ Турингію, что имѣетъ намѣреніе побывать въ Берлинѣ, Гамбургѣ, Дрезденѣ, Прагѣ. Онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго намека на скорое возвращеніе или на обстоятельства, которыя могли-бы способствовать этому возвращенью. Но что до этого Жюли? Все время, пока она сидѣла въ квартирѣ въ улицы Chambiges, она читала и перечитывала письмо своего любовника.

Она видѣла его передъ собою, въ ея воображеніи возставала картина, когда онъ сидитъ за столомъ въ гостинницѣ и пишетъ эти слова: „Моя дорогая, горячо-любимая...“ или фразы, банальность которыхъ она не замѣчала: „Мое

одиночество тяготитъ меня. Какъ жаль, что вы не со мною!..“ И потомъ, почти неизмѣнную фразу прощанія: „Цѣлую ваши губы, моя возлюбленная...“ Она громко повторяла эти слова среди полнѣйшей тишины: „Цѣлую ваши губы, моя возлюбленная! Моя возлюбленная!..“ И она всѣми силами своей души стремилась къ отсутствующему. Она посылала ему воображаемые поцѣлуи: „Я тебя люблю, мое сокровище...“ говорила она и снова осыпала поцѣлуями бумагу. Этотъ билетикъ былъ частицей самого Мориса. Его рука касалась до него, его вчерашняя мысль была вылита въ этомъ почеркѣ. Дорогая бумага! Дорогія буквы!.. Она уже ихъ не различала, потому что спускалась ночь. Но теперь она знала письмо наизусть и даже въ этой темной комнатѣ, гдѣ уже сливались всѣ предметы, она могла-бы различить слова. Ея мысль непрестанно витала около отсутствующаго. Она была съ нимъ. Онъ былъ подлѣ нея...

Она была выведена изъ своего нѣжнаго экстаза яркимъ свѣтомъ, оживившимъ вдругъ всю обстановку комнаты. Это зажгли газовый рожокъ передъ окнами квартиры. Каждый день, со времени своего возвращенія, этотъ свѣтъ былъ для нея сигналомъ, что пора уходить. Она надѣла шляпу, манто и, бросивъ прощальный взглядъ на всѣ эти предметы, которые, казалось, раздѣляли ея любовь, она ушла.

III.

Повертывая на Ваграмскую площадь, Жюли увидала Тоню у открытыхъ дверей отеля. Что случилось? Она представила себѣ всевозможные ужасы, но прежде всего возвращеніе Мориса; она поняла, что не настолько желала этого пріѣзда, насколько боялась. Но, завидя ее, Тоня крикнула ей:

— Барышня Клара больна, она лежитъ безъ чувствъ.

— Какъ больна? Что съ нею?

— Съ ней сдѣлалось дурно,—отвѣтила старушка, задвинувъ тяжелый засовъ двери и подымаясь по лѣстницѣ за своей барыней.—Г-нъ баронъ де-Ріё былъ здѣсь; онъ разговаривалъ съ ней въ саду довольно долго. Когда онъ ушелъ, барышня вошла въ домъ, поднялась... Іоакимъ нашелъ ее въ маленькой гостиной, она во весь ростъ лежала на полу.

Жюли больше не слушала, она ускорила шагъ и въ одну минуту поднялась по лѣстницѣ. Въ моховой гостиной она застала Эскье; онъ стоялъ у кресла, въ которомъ лежала молодая дѣвушка, откинувъ голову на высокія подушки. Домье, стоя около нея на колѣняхъ, считалъ біеніе пульса. Но что особенно поразило Жюли—это открытые, неподвижные глаза, словно въ летаргическомъ снѣ, устремленные на нее и потомъ блюдце изъ японскаго фарфора, служившее обыкновенно для визитныхъ карточекъ, теперь было полно крови.

— Это блюдце схватили второпяхъ, — сказалъ Эскье,— отвѣчая на нѣмой, вопрошающій взглядъ Жюли. — Когда Клара стала приходить въ себя, у ней сдѣлалось страшное кровотеченіе. Къ счастью, Домье былъ здѣсь. Онъ оказалъ ей необходимую медицинскую помощь.

M-me Сюржеръ склонилась надъ молодой дѣвушкой. Но Клара рефлективнымъ движеніемъ вытянула руки и отвернула голову, какъ бы желая защититься.

— Будьте осторожны,—шепнулъ Домье на ухо Жюли;— если вы останетесь около нея, то все придется начинать съизнова.

Жюли машинально, не сознавая что дѣлаетъ, вошла въ большую гостиную. Темнота хорошо на нее подѣйствовала. Ей хотѣлось бы, чтобъ было еще темнѣе, чтобъ она могла спрятаться отъ стыда и скрыть свою безнадежность.

„Это я, это я виновница всего этого!..“

Она представляла себѣ всѣхъ троихъ: ослабѣвшую больную, огорченнаго Эскье, доктора, пользовавшагося своимъ авторитетомъ, чтобъ выгнать ее... Она чувствовала, что всѣ ее осуждали и что это такъ и должно быть: она причина всего несчастія. Она чувствовала себя не въ силахъ бороться противъ этого заговора на ея любовь; но она сознавала въ то же время, что ея любовь не уступила бы ни угрызеніямъ совѣсти, ни даже самой смерти. Въ такомъ случаѣ на что же она идетъ? Къ какой окончательной катастрофѣ, къ какому хаосу разбитыхъ жизней стремится она? Она не смѣла думать объ этомъ. Она только застѣнчиво, униженно молила Господа, устроителя человѣческихъ судебъ: „Боже мой! Боже мой! спаси меня!“

Вдругъ она очнулась. Домье и Эскье были подлѣ нея, гостиная ярко освѣщалась электричествомъ.

Она собрала свои силы, свои мысли; она заставила себя спросить мужчинъ:

— Ну, что, какъ здоровье дѣвочки?

— Лучше,—сказалъ Эскье. — Ее только что перенесли въ ея комнату и уложили въ кровать.

— Но вѣдь это не серьезно.

И ея взглядъ, устремленный на Эскье, молилъ отвѣтить ей, что, дѣйствительно, въ этомъ нѣтъ ничего серьезнаго, что это случай, которому не были причиной сердечныя муки.

Домье отвѣтилъ:

— Никогда нельзя терять надежды, когда ни одинъ органъ не поврежденъ и когда больной не исполнилось и двадцати лѣтъ. Только что же можетъ быть серьезнѣе, какъ не разстройство внутренней жизни вмѣстѣ съ головнымъ потрясеніемъ? Клара больна, серьезно больна, потому что это состояніе слабости можетъ довести ее до самыхъ плачевныхъ результатовъ. Конечно, разсуждая à priori, нѣтъ близкой связи между сердечнымъ волненіемъ и кровотеченіемъ, которое мы сейчасъ остановили съ такимъ трудомъ, а между тѣмъ одно есть слѣдствіе другого...

Эскье взглянулъ на Жюли; она отвела глаза.

— На этотъ разъ,—продолжалъ докторъ,—дѣло ограничится только слабостью... Но это не должно повторяться.

И послѣ короткаго молчанія онъ прибавилъ:

— Ну, теперь я васъ оставлю. Мнѣ надо еще навѣстить одного больного передъ обѣдомъ. Прощайте. Успокойтесь,—сказалъ онъ, пожимая руку Эскье,—я вполнѣ искренно утверждаю, что нѣтъ близкой опасности.

Онъ поцѣловалъ руку Жюли и ушелъ. Эскье сѣлъ передъ столомъ, съ разложенными на немъ книгами; онъ взялъ одну изъ нихъ и сталъ разсѣянно перелистывать. Жюли наблюдала за нимъ. Его большая фигура сгорбилась, какъ подъ непосильной тяжестью. На лицѣ видны были морщины, волосы были почти совсѣмъ сѣды, вся его осанка говорила объ утомленіи и приближающейся старости.

„Какъ я виновата,—думала m-me Сюржеръ,—передъ этимъ превосходнымъ человѣкомъ, который всегда такъ нѣжно поддерживалъ меня во всѣхъ несчастіяхъ моей жизни! Вмѣсто благодарности, я ему отплачиваю зломъ! Вмѣстѣ съ нимъ я заставляю страдать существо, которое ему дороже всего на свѣтѣ".

И ей хотѣлось упасть къ его ногамъ и крикнуть: „Простите, простите!"

Тишина этой большой, слишкомъ ярко освѣщенной комнаты стала ей невыносима. Она ощущала потребность слышать слова Эскье, даже его упреки. Она прошептала:

— Жанъ!

Эскье оттолкнулъ книгу, бывшую у него подъ руками.

— Что?—сказалъ онъ.

Она взяла его руку и въ ласковомъ пожатіи старалась выразить все горе, всѣ угрызенія совѣсти, которыми было переполнено ея сердце.

— Бѣдный другъ мой!

Она притянула его къ себѣ; она не хотѣла позволить ему уйти прежде чѣмъ онъ не проститъ ее.

— Да,—произнесъ онъ вполголоса,—я очень тревожусь.

Жюли стала подъискивать утѣшенія; обычныя слова готовы были сорваться съ ея губъ: „Клара не серьезно больна, она поправится". Но она не осмѣлилась произнести ихъ передъ этимъ страшнымъ горемъ. Снова наступило тягостное молчаніе; Жюли предчувствовала, что на этотъ разъ надо, наконецъ, объясниться и что она сама готова выйти на жестокій поединокъ, чтобы защитить свою любовь.

Она набралась храбрости:

— О, Жанъ, я знаю, что вы думаете; я вижу, что вы меня разлюбили. Скоро вы будете ненавидѣть меня... За что? За что это? Вы думаете, что это я виновата въ болѣзни Клары!.. Но я ничего не сдѣлала противъ Клары! Я не отняла у нея кого-нибудь, кого она любитъ. Подумайте, что вотъ уже три года, больше трехъ лѣтъ, какъ Морисъ... (Она не нашла словъ, чтобы окончить свою фразу). Все уже существовало давнымъ давно, когда Клара вышла изъ монастыря, когда она стала жить здѣсь...

Эскье прервалъ ее:

— Прошу васъ, — сказалъ онъ, — сжальтесь надъ моей маленькой Кларой...

Ихъ взгляды встрѣтились; Эскье почувствовалъ, что взглядъ Жюли, такъ сказать, заслонился стѣной отъ его взгляда. Онъ все таки попробовалъ проникнуть въ эту замкнутую душу.

— Сжальтесь надъ нами... Вы видите, какъ она страдаетъ, бѣдная дѣвочка!.. Она ничего не говоритъ, она никого не обвиняетъ, но она можетъ умереть, вотъ что!..

— Не говорите этого! — вскричала Жюли, пряча свое лицо.—Это не правда! Это не болѣе какъ припадокъ... Она не умретъ. Она забудетъ.

— Она умретъ. Вы слышали, что говорилъ сейчасъ Домье? Я былъ тамъ, когда въ первыя минуты, застигнутый врасплохъ, онъ не скрывалъ выраженія своего лица и не взвѣшивалъ словъ. Я понялъ. Бѣдная дѣвочка уже близка къ концу. Нуженъ еще одинъ ударъ въ родѣ того, какой она получила сегодня... и...

Все, что было эгоистичнаго въ этой возвышенной душѣ, вдругъ поднялось при мысли о своемъ несчастіи.

— Что станется со мною, если Клары не будетъ? Въ моей жизни не останется ничего, ровно ничего...

Жюли молчала. Она страшно страдала. Она испытывала ощущенье кошмара, когда человѣкъ, какъ бы впавшій въ летаргію, напрасно старается, двинуть членами. Въ ней что-то уже готово было уступить мольбамъ Эскье, но она ясно сознавала, что въ ней нѣтъ этого подъема духа, что она не произнесетъ это слово, потому что издалека Морисъ манитъ ее къ себѣ.

Эскье окинулъ ее безнадежнымъ взглядомъ.

— Значитъ, вы не хотите?—произнесъ онъ.

Она отвѣтила:

— Я не хочу.

Когда онъ съ сомнѣніемъ покачалъ головою, она повторила:

— Я не хочу... Увѣряю васъ, Жанъ... Ахъ, если-бъ я могла исчезнуть, умереть, не быть для Мориса ничѣмъ, даже воспоминаніемъ! Но жить около него, около Клары и ви-

дѣть ихъ мужемъ и женой!... Нѣтъ, клянусь вамъ, этого нельзя отъ меня требовать!.. Это кажется мнѣ невѣроятнымъ, преступнымъ... Я не могу сдѣлать это также какъ... (она подъискивала сравненія)... какъ если бы мнѣ велѣли убить человѣка, даже заслуживающаго смерти... Зачѣмъ вы качаете головой? — продолжала она, желая оправдаться и побѣдить недовѣріе Эскье къ этому чувству, которое она, несмотря на все, считала благороднымъ.—Клянусь вамъ Богомъ, что я не знаю, въ чемъ заключается мой долгъ!

Эскье возразилъ:

— Это, другъ мой, судьба всѣхъ жертвъ. Намъ всегда кажется, что мы обязаны тѣмъ, кого мы любимъ. Мы чувствуемъ такой ужасъ при мысли объ измѣнѣ... какъ если бы намъ пришлось лишить себя жизни. А между тѣмъ самопожертвованіе и долгъ существуютъ, какъ видите. Всѣ доводы нашего эгоизма никогда не устоятъ противъ этого.

Жюли встала, она поправляла правой рукой вышивку кресла.

— Нѣтъ! — вскричала она. — Это неправда то, что вы говорите, я чувствую, что это неправда! Любить того, кто васъ любитъ, это своего рода бракъ, который нельзя разрушать подобнымъ образомъ... Развѣ причины, которыя вы мнѣ ставите для того, чтобы разлучить меня съ Морисомъ, я не могла бы повернуть ихъ для моей защиты? Развѣ только я одна должна жертвовать собою?

— Какъ вы его любите!—грустно произнесъ Эскье.

Она отвѣтила глухимъ голосомъ:

— Да... я его обожаю. Видите-ли, онъ во мнѣ, какъ моя собственная кровь... и если его отнимутъ у меня, я умру.

— Если его отнимутъ, да. Но, нѣтъ, если вы сами откажетесь отъ него, другъ мой.

— Отказаться отъ него? Ахъ! вы совсѣмъ не понимаете сердечныхъ дѣлъ. Вы не знаете ихъ... Еслибъ вы знали только, что значитъ любить безнадежною любовью, какъ я люблю Мориса! Но вы не знаете этого! вы не знаете этого! Ваша жизнь была совсѣмъ простая... о, она была безукоризненна, но въ ней не было приключеній... Да, я знаю,

вначалѣ трауръ... Но вы не любили вашу жену такъ, какъ я люблю Мориса... Вы никогда не испытали, что значитъ всецѣло слиться мысленно съ другимъ существомъ и говорить себѣ, что у васъ могутъ его отнять и что придется жить послѣ этого несчастья! Вы не знаете этого!

Эскье смотрѣлъ ей прямо въ лицо.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я это знаю.

Жюли спросила съ удивленіемъ:

— Что вы хотите сказать?

— Я говорю, что я любилъ кого-то въ жизни помыслами ума и сердца и я говорю это не о моей женѣ. Этого никогда не знали... никто, никто. И однако я жилъ. Вотъ видите.

„Разъ онъ это говоритъ, то это правда,—подумала Жюли.— Но кто эта женщина? Вѣдь я уже почти двадцать лѣтъ знаю его...“

Она спросила:

— Я знала эту женщину?

— Не будемъ говорить о ней,—отвѣтилъ Эскье.—Клянусь вамъ, что я хотѣлъ умереть прежде, чѣмъ она узнаетъ объ этомъ... потому что она никогда ни о чемъ не догадывалась... Не будемъ говорить о ней, прошу васъ.

Его голосъ прервался отъ внутренняго рыданія. Онъ отодвинулся, чтобъ дать себѣ время прійти въ себя. Машинально онъ нажалъ пуговку электричества. Двѣ лампы по угламъ комнаты погасли. Мягкая полутьма разлилась по комнатѣ, гдѣ они находились.

Но онъ почувствовалъ обвивающія его руки. Голова Жюли склонилась на его плечо.

— Жанъ!..—пролепетала она,—простите меня! Насколько вы достойнѣе меня!.. Какъ! вы уже страдали... изъ-за меня?

— О!—произнесъ онъ. — Теперь, вы видите, все это умерло въ прошломъ, и если я еще и грущу, то я уже не страдаю. Я искалеченный жизнью человѣкъ, но не больной... Знайте только, что если я сейчасъ просилъ у васъ большой жертвы, то я зналъ цѣну того, чего просилъ.

— Жанъ!

— Успокойтесь. Я вамъ больше ничего не скажу. Я васъ больше ни о чемъ не попрошу. То, въ чемъ я признался вамъ, отнимаетъ у меня право на это. Теперь этотъ вопросъ поставленъ между вами и вашей совѣстью. Если хотите,— просто прибавилъ онъ,—то мы будемъ обѣдать врозь сегодня вечеромъ.

— Да,—произнесла Жюли.

На площадкѣ они разстались; ихъ взгляды избѣгали другъ друга.

— До завтра, мой другъ.

— До завтра!

IV.

Когда Жюли оставила Мориса во Франкфуртѣ, когда поѣздъ сталъ удаляться, молодой человѣкъ чувствовалъ выступившія на его глаза слезы; онъ былъ грустенъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Но это была пріятная грусть, полезныя слезы, при сознаніи своей нѣжности и любви... Въ тотъ же вечеръ онъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ; онъ присутствовалъ на представленіи Фауста; болѣе освоившись съ языкомъ, онъ уже испытывалъ то особое удовольствіе, которое свойственно развитымъ путешественникамъ за границей: что-то въ родѣ обновленія своей личности, встряхиванія отъ скуки, овладѣвающей нами въ нашей странѣ. Опера окончилась около десяти часовъ, онъ прошелся немножко по пустѣющимъ улицамъ и вернулся въ гостинницу. Пробило одиннадцать.

„Жюли теперь въ Парижѣ,—думалъ онъ.—Дорогая бѣдняжка! Какое утомительное путешествіе она предприняла ради меня! Какъ она меня любитъ!“

Онъ тотчасъ же написалъ ей нѣсколько ласковыхъ строкъ. Запечатавъ письмо и отдавъ его слугѣ, онъ потушилъ лампы, легъ, и сталъ размышлять, съ удивившимъ его спокойствіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ обѣщалъ Жюли жениться на ней, если она овдовѣетъ, его тоска улеглась. Значитъ, увѣренность въ потерѣ Клары подѣйствовала на него успокоительно! Почему? „Это потому, что нѣтъ больше неопредѣленности, — сказалъ онъ себѣ;—и потомъ я исполнилъ мой долгъ, жертва всегда пріятна“.

Онъ не пробовалъ проникать въ глубь своего сердца. Дѣйствительно, его успокоивало, что прекратилась борьба съ самимъ собою. Еслибъ онъ спросилъ себя, еслибъ онъ отвѣтилъ себѣ съ большей искренностью, то признался бы себѣ, что не вѣритъ больше въ замужество Клары. Разъ уже длилось нарушенное равновѣсіе, есть шансы, что оно продлится и еще: это разсужденіе, не выдерживающее критики само по себѣ, почти всегда подтверждается фактами. „Еслибъ Клара дѣйствительно хотѣла выйти за Ріё, то свадьба уже состоялась бы... Она не хочетъ, она ждетъ". Онъ допускалъ, что молодая дѣвушка соединяетъ съ нимъ свою будущность. Развѣ я не соединяю также мою съ нею..."

Надежда на сдѣлку съ судьбой успокоивала его: онъ согласился бы на жизнь среди Жюли и Клары, подъ одной крышей. „Мы вѣдь прекрасно жили такъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и опять будемъ жить, только безъ этого надоѣдливаго Ріё"... Какой-то темный голосъ, какъ эхо физическаго эгоизма, прибавлялъ: „А потомъ, кто знаетъ, что можетъ случиться? Женщина, которая васъ любитъ, которая живетъ около васъ, даже если она сопротивляется, то развѣ нѣтъ возможности?.."

Такимъ образомъ, день за день, это пріятная сонливость мысли до такой степени овладѣвала имъ, что онъ начиналъ входить во вкусъ путешествія. Онъ былъ въ положеніи больного, которому предстояло вынести страшную, рискованную операцію и которому вдругъ объявили, что можно обойтись и безъ нея, что ея, быть можетъ, никогда не сдѣлаютъ. Этотъ отдыхъ сердца не лишенъ былъ прелести, но онъ длился не долго. Еслибъ онъ продлился, то, кто знаетъ, быть можетъ, время принесло бы съ собою выздоровленіе и забвеніе, если бы онъ порвалъ всѣ отношенія съ Парижемъ. Но въ Лейпцигѣ, въ Берлинѣ, до самыхъ границъ Германіи, Клара, Жюли, не покидали его, потому что онъ ежедневно получалъ письма отъ своей любовницы. Это были повидимому малозначущія письма, въ нихъ не сообщалось фактовъ, но они были полны глубокой нѣжности; черезъ нихъ онъ могъ слѣдить за перипетіями драмы, разъигрывающейся въ Парижѣ.

Онъ узналъ, что конецъ Антуана Сюржера приближается, что здоровье Клары заставляетъ отложить ея свадьбу. Изъ этихъ двухъ происшествій, свадьбы Клары и смерти Антуана, которое случится раньше? Онъ представилъ себѣ свое положеніе, если ему придется жениться на Жюли, когда Клара еще будетъ свободна... Это зависитъ отъ катастрофъ, которыя готовятся тамъ безъ него, помимо него.

Онъ старался бороться съ возрождающеюся тоскою, онъ защищалъ свое равнодушіе къ отъѣзду Жюли, какъ защищаютъ свой сонъ отъ окружающаго шума. Онъ продолжалъ свое путешествіе, стараясь посѣтить города, которые онъ осматривалъ съ любопытствомъ профессіональнаго туриста. Франція, Парижъ были еще слишкомъ близко отъ него. Онъ отдалился на сѣверъ до Ганновера и Гамбурга. Передъ набережными Альстера качались круглыя кормы большихъ кораблей, звонилъ колоколъ, спускали канатъ. Сколько разъ видя передъ собою эти отплывающіе въ далекія моря корабли, изгнанникомъ овладѣвало страстное желаніе независимости. Ахъ, уѣхать бы ни на одну ночь, ни на два дня разстоянія отъ Парижа, но дѣйствительно далеко, въ невѣдомыя страны, гдѣ онъ будетъ совсѣмъ одинъ. Убѣжать, какъ злодѣю, какъ вору, спрятаться и тамъ, рѣшительно заглушивъ голосъ своей совѣсти, начать новую жизнь съ новыми проэктами, съ новыми силами, съ новой любовью!..

Паръ со свистомъ валилъ изъ трубы, какъ бы посылая послѣднее прости. Снимали мостки; большой корабль медленно удалялся на буксирѣ, колыхался, выплывалъ на просторъ... „Другіе на моемъ мѣстѣ имѣли бы храбрость на это", думалъ Морисъ, глядя вслѣдъ кораблю. И онъ еще лишній разъ убѣждался въ суетности своихъ мечтаній, въ безсиліи своей воли.

Разъ, вечеромъ, въ Прагѣ, выходя изъ Богемскаго театра, онъ нечаянно толкнулъ очень молоденькую, очень оригинальную женщину; она была недурна собой, съ бѣлокурыми волосами, съ бѣлымъ, румянымъ лицомъ, одѣта въ англійскій дорожный костюмъ. Онъ извинился по нѣмецки; путешественница отвѣтила по французски и съ недурнымъ акцентомъ:

— Это ничего, m-sieur.

Она была одна; они разговорились, отправились выпить чашку шоколаду въ одномъ изъ кафэ Кенигштрассе. Морисъ проводилъ ее до дверей ея гостинницы, попросивъ позволенія зайти къ ней на другой день. Въ этотъ вечеръ, онъ уже въ болѣе веселомъ настроеніи вернулся къ себѣ; ему казалось, что онъ мститъ судьбѣ; ему доставляло удовольствіе слегка измѣнить тѣмъ, кого онъ любилъ.

О, какъ загадочны и мятежны даже самыя искреннія человѣческія сердца!

Они видались каждый день, вмѣстѣ выѣхали изъ Праги. Она разсказала ему свою исторію, которая, быть можетъ, и была справедлива: она развелась съ мужемъ, жила и путешествовала одна. Морисъ ухаживалъ за ней, на что она отвѣчала улыбкой, ничего не позволяя, но и не отказывая. Они вмѣстѣ пріѣхали въ Нюренбергъ. Морисъ, въ нерѣшительности, спросилъ ее:

— Какъ намъ устроиться въ гостинницѣ?

Она отвѣтила, не задумываясь.

— Возьмите квартиру въ двѣ комнаты на имя М. и М-me Артуа.

„Это-ли лѣкарство? Это-ли забвенье?"—спрашивалъ себя молодой человѣкъ, слегка волнуясь отъ этого приключенія... Матильда Симпсонъ была свѣжа и превлекательна, и кромѣ того, кротка, весела, ей нравилась ея роль подруги путешественника. „Это-ли забвенье? Это-ли лѣкарство?" думалъ онъ, глядя, какъ она въ ресторанѣ обѣдала рядомъ съ нимъ, слушая ея граціозную болтовню. „Случайная любовь, это лѣкарство, которое прописываютъ доктора страдающимъ сердечной болѣзнью".

Когда онъ уже хладнокровно смотрѣлъ на эту женщину, подобранную имъ на большой дорогѣ Германіи, онъ переживалъ грустныя и отвратительныя минуты. Тотъ, кто не отдалъ цѣлые годы своей жизни истинной и единственной нѣжности, тотъ не знаетъ страшныхъ угрызеній совѣсти, подымающихся въ душѣ человѣка, какъ наказанье за совершенную измѣну. Въ радостяхъ, въ страданіяхъ истинной страсти самое побужденіе любви очищается. Человѣкъ, который извѣстное время своей жизни на одну женщину смо-

трѣлъ какъ на храмъ, не можетъ безъ отвращенія сойтись съ другой, не можетъ не смотрѣть на нее.

Въ ту минуту, какъ въ Морисѣ замирало удовлетворенное желаніе, въ немъ поднялась злоба на свою подругу по приключеніямъ; ему хотѣлось бы уйти тайкомъ изъ этой комнаты, какъ изъ какого-нибудь дурного мѣста. Любезныя отношенія, которыя онъ долженъ былъ сохранить съ нею, приводили его въ отчаяніе. Она замѣтила это, она, очевидно, страдала отъ этого; но ей нравился этотъ безпокойный, красивый французъ, у котораго въ душѣ была какая-то грустная серьезная тайна, и она молчала.

Мало-по-малу Морисомъ овладѣло презрѣніе къ самому себѣ, не покидавшее его въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ забывался только въ минуты страстныхъ порывовъ. Онъ сталъ мечтать объ уединеніи съ тою-же горячностью, съ какой прежде его ненавидѣлъ. Но какая-то непонятная застѣнчивость, неспособность управлять собственной жизнью, не позволяли ему рѣшиться на что либо. Матильда рѣшилась первая. Разъ, вечеромъ, когда онъ вернулся въ гостинницу, гдѣ она осталась подъ предлогомъ мигрени, онъ нашелъ комнаты пустыми. Она уѣхала, захвативъ съ собою кое-что изъ принадлежащихъ ему вещей. На видномъ мѣстѣ стола лежалъ конвертъ, онъ распечаталъ его и прочелъ:

„Другъ мой, вы страдаете и я вамъ надоѣла. Я уѣзжаю. Я не попросила бы ничего кромѣ позволенія любить васъ... Но вамъ скучно со мной. Не ищите меня, не пишите мнѣ. Забудьте меня... Матильда“.

Морисъ вертѣлъ нѣкоторое время письмо въ рукахъ. Онъ уже не зналъ, доволенъ ли онъ или огорченъ этимъ отъѣздомъ.

„Бѣдная малютка... Я считалъ ее авантюристкой низшаго разбора. А вотъ она уѣхала, ничего у меня не попросивъ, я не успѣлъ даже подарить ей какую нибудь драгоцѣнность... Неужели она меня любила? Если да, то она прекрасно сдѣлала, что уѣхала, потому что... я не могъ бы ее любить... У меня уже никогда въ жизни не будетъ любовницъ, никогда...“

Онъ обѣдалъ одинъ, спокойно и вмѣстѣ грустно. Послѣ

обѣда онъ вышелъ изъ города, дошелъ до укрѣпленій. Луна освѣщала красивыя оригинальныя башни, ворота и подъемные мосты. Онъ медленнымъ шагомъ двигался по дорогѣ, тянущейся вдоль городского вала. „Люди жили здѣсь еще до постройки этихъ декоративныхъ укрѣпленій; простые солдаты, буржуа, капитаны. Они любили и ихъ любили, они испытали ожиданіе обладанія, острую радость, затѣмъ смерть. Теперь они превратились въ этотъ черноземъ, который я попираю ногами, въ почву для этихъ дубовъ, окружающихъ дорогу... Ахъ,—думалъ Морисъ,—они любили, какъ любимъ мы, даже самые ничтожные изъ насъ...“

Ему захотѣлось избавиться отъ этой жизни, которая протекаетъ такъ скоро, какъ вода между пальцевъ. И снова ему стало страшно своего одиночества; онъ торопливо вошелъ въ крѣпостныя ворота, вернулся въ гостинницу и легъ спать.

Но сонъ не шелъ къ нему на помощь. Онъ и не старался уснуть. Онъ снова, во время безсонницы сталъ вызывать опасныя и сладкія грезы, возбуждавшія его какъ уколъ морфія въ Гомбургѣ... Онъ сталъ мечтать о Кларѣ.

„Что она теперь дѣлаетъ? Только что пробило одиннадцать часовъ: она легла, она скоро заснетъ“.

Онъ разжигалъ свою страсть, онъ представлялъ себѣ невинную кровать молодой дѣвушки. Да, она спала, какъ когда-то онъ засталъ ее въ Каннѣ, склонившись на край подушки; ему казалось, что онъ видитъ передъ собой блескъ ея слишкомъ черныхъ волосъ, ея слишкомъ бѣлые зубы, обоняетъ ароматъ ея тонкой кожи. Онъ прошепталъ вслухъ: „Зубы Клары... губы Клары... глаза Клары...“ и слова какъ бы одушевлялись, ихъ звукъ и значеніе сводили его съума. „Я хочу тебя! я хочу тебя!..“—шепталъ онъ.

Еще разъ онъ былъ побѣжденъ. Представившійся ему призракъ преслѣдовалъ его, завладѣлъ имъ и крѣпко держалъ; ни присутствіе дорогой любовницы, ни страстныя ласки мимолетной любви, ни уединенье,—не спасали его. Онъ понялъ свое пораженіе, онъ видѣлъ его неминуемымъ и допустилъ себя до того, о чемъ не смѣлъ и думать послѣ своей клятвы Жюли: „хорошо, я больше не буду бороться“. Онъ весь задрожалъ отъ этого радостнаго рѣшенія, онъ испыты-

валъ подлое довольство плѣненнаго офицера, который даетъ клятву не бѣжать.

Но это удовольствіе длилось недолго. Другія мысли стали безпокоить его.

„А Жюли? А мое обѣщаніе жениться на ней, если она овдовѣетъ? Какъ могъ я дать такое обѣщаніе?..“

Оно казалось ему чудовищнымъ, неисполнимымъ, даже въ томъ случаѣ, если ему суждено разстаться съ Кларой и снова отдаться любовницѣ. „Ничего, что бы ни случилось, буду ли я около Клары или далеко отъ нея, ничто не помѣшаетъ мнѣ ее любить... Къ чему обманывать себя самого?..

Когда онъ заглядывалъ въ глубь своего сердца, то его пугала теперь буря, которую онъ находилъ тамъ. Какъ онъ любитъ эту дѣвушку! Сказать только, что онъ думалъ, что у него нѣтъ къ ней страсти, что онъ видитъ въ ней просто бракъ, семью, обновленную будущность! Теперь ужь онъ не понималъ, какъ могъ онъ разстаться съ нею, какъ могъ онъ рѣшиться не чувствовать около себя, по крайней мѣрѣ, хоть ея ободряющее присутствіе.

Онъ сталъ стремиться на родину, въ Парижъ, въ тотъ уголокъ, гдѣ она жила; онъ сталъ стремиться туда всѣми своими помыслами, всѣмъ своимъ измученнымъ сердцемъ... Въ сущности, кто мѣшалъ ему вернуться и поддаться волѣ судьбы? Развѣ существа, страдавшія изъ-за него издалека, меньше страдали?.. Вернуться! Увы, на этотъ рѣшительный шагъ у него недоставало храбрости. Онъ пошелъ на сдѣлку съ своимъ желаніемъ; онъ пересталъ отдаляться; вмѣсто того, чтобъ отправиться на западъ, онъ сталъ понемного приближаться къ родной землѣ, на которую не дерзалъ ступить.

О, грустный пилигримъ, избороздившій Германію и шагъ за шагомъ приближающійся къ границѣ! Онъ знаетъ, что не переступитъ ея, но она все-таки его гипнотизируетъ, тянетъ къ себѣ. Онъ идетъ впередъ словно на встрѣчу пропасти. Онъ положился на волю судьбы; онъ не болѣе какъ вещь, двигающаяся по волѣ случая. Въ его жизни нѣтъ больше исхода... Что въ томъ? Онъ идетъ, идетъ, опустивъ глаза въ землю, не видя передъ собой дороги.

Насталъ часъ искупленія. Онъ наказываетъ преступленіе, состоящее въ томъ, что онъ, молодой человѣкъ, не съумѣлъ отнестись съ уваженіемъ къ человѣческой любви, которая должна быть религіей для тѣхъ, кто не имѣетъ иной. Онъ игралъ съ женскими чувствами, какъ съ игрушками, которыя можно бросить или сломать. Нѣкоторыя безшумно сломались, другія забыли. Но къ двумъ изъ этихъ чувствъ онъ неосторожно привязался душою. Молодая дѣвушка и женщина, пригрѣтыя имъ теперь, получили свое возмездіе; онѣ крѣпко держатъ его и та, и другая, настолько крѣпко, что онъ не можетъ вырваться отъ нихъ, даже цѣною своей плоти и крови. Онъ страдаетъ, онъ раскаивается.

И онъ продолжалъ свое путешествіе, тотчасъ-же забывая мѣста, почти не осматривая города, равнодушно прогуливаясь по музеямъ. Онъ былъ въ Ульмѣ, въ Штутгардтѣ, въ Людвигсбургѣ. Что видѣлъ онъ изъ всей этой Германіи? Ничего. Онъ только перевозилъ съ мѣста на мѣсто усиливающуюся болѣзнь. Она осложнялась, доходила до агоніи; онъ былъ въ положеніи умирающаго, который теряетъ сознаніе, и до него долетаютъ, какъ отдаленный шепотъ, слова окружающихъ его лицъ.

Морисъ уже былъ совсѣмъ близко отъ Франціи; онъ кочевалъ по прирейнской равнинѣ, населенной двумя народностями. Но, какъ раненый голубь, которому подстрѣленное крыло позволяло только долетѣть до своей голубятни,— онъ такъ ослабѣлъ, что готовъ былъ пасть бездыханнымъ, достигнувъ родной земли...

Эта ночь въ Гейдельбергѣ, съ массою звѣздъ на темномъ небосклонѣ, должна была оставить неизгладимое воспоминаніе въ его памяти, неизгладимое потому, что, по какому-то таинственному порядку вещей, онъ, самъ того не сознавая, опредѣлилъ свою судьбу.

Онъ пріѣхалъ въ часъ пополуночи изъ Карльсруэ. Ночь была темная, хоть и звѣздная и довольно теплая, несмотря на позднее время года. Мягкость воздуха, запахъ осени, большой паркъ съ разсѣянными тамъ и сямъ виллами, возбуждали въ немъ только желанье уединенія, тишины, покоя. Носильщикъ, держа въ рукахъ его чемоданъ, велъ его че-

резъ темный кустарникъ и, наконецъ, остановился передъ нарядной, тѣнистой виллой. Это была гостинница. Здѣсь пахло цвѣтами; всюду была безукоризненная чистота. Горничная была внимательна и красива; она отворила передъ путешественникомъ просторную, уютную комнату, залитую электрическимъ свѣтомъ.

Въ то время, какъ Морисъ разстегивалъ ремни своего чемодана, горничная вернулась и подала ему на серебряномъ подносѣ два письма изъ Парижа. Одно было отъ Жюли; онъ прочелъ его. Неискусныя, простыя фразы дышали такой глубокой любовью, что это даже взволновало его. Въ порывѣ благодарности, онъ прижалъ губы къ тому мѣсту письма, гдѣ рука его бѣдной подруги написала „Йю".

Другое письмо онъ прочелъ не сейчасъ, потому что онъ былъ въ томъ состояніи слабости, когда отступаютъ передъ неожиданнымъ. Онъ распечаталъ его, только когда легъ въ кровать; почеркъ былъ незнакомъ ему. Онъ торопливо взглянулъ на подпись.. Домье!.. Письмо отъ доктора! „Ужь не умеръ ли Антуанъ Сюржеръ!.."—подумалъ онъ.

Онъ почувствовалъ холодъ, охватившій его до мозга костей, при мысли, что наступаетъ необходимость выполнить свое обѣщаніе... Но постъ-скриптумъ тотчасъ же успокоилъ его: „Антуанъ очень плохъ, но можетъ еще долго прожить въ такомъ состояніи..." Онъ былъ до того взволнованъ, что дрожаніе вѣкъ и рѣсницъ мѣшало ему смотрѣть; онъ долженъ былъ откинуться въ изнеможеніи на подушку, чтобъ набраться силъ прочесть.

Вотъ что говорилось въ письмѣ:

„Мой дорогой Морисъ!

„Вы, вѣроятно, не знаете, что происходитъ въ Парижѣ въ то время, какъ вы путешествуете по Германіи. Клара Эскье умираетъ у насъ на глазахъ. Отъ чего? Мы говоримъ отъ невростеніи, потому что мы боимся выказать себя невѣждами и простаками, если мы скажемъ: отъ любви. Я докторъ и не могу ее вылѣчить; но я знаю, что вы можете спасти ее однимъ вашимъ словомъ: неопредѣленность и ожиданіе убиваютъ ее.

„Имѣете ли вы право произнести это слово? Я думаю,

что да; это дѣло вашей совѣсти. Во всякомъ случаѣ, я васъ предупреждаю: мои обязанности побуждаютъ меня на это.

„Прощайте. Докторъ Домье".

„Она меня любитъ; она любитъ меня до того, что готова умереть изъ-за меня!"

Эгоистическій голосъ прошепталъ эти слова въ сердцѣ Мориса. Иныхъ размышленій не было. Онъ сознавалъ фатализмъ въ любви, онъ чувствовалъ, что судьба толкаетъ ихъ другъ къ другу. И эта вѣра въ неизбѣжность ободрила его: „Она не умретъ. Она будетъ моей женой, несмотря на все. Это только проходящее испытаніе".

Часы шли; онъ забывалъ; онъ всецѣло поддавался этой медленной сладкой увѣренности. Въ пылу этого нѣжнаго волненія онъ уже готовъ былъ отвѣтить просто: „Не страдайте больше, я возвращаюсь, я возвращаюсь къ вамъ", какъ вдругъ необходимость встать для того, чтобы написать эти строки, привела его въ себя. Вернуться! но онъ не можетъ. Если онъ вернется, то это Жюли ждать будетъ его; это Жюли невѣста, которую онъ себѣ выбралъ. Письмо Домье и болѣзнь Клары ничего не измѣнили. Никогда еще жестокая дѣйствительность не вставала такъ ясно передъ нимъ. Онъ снова бросился на кровать и провелъ ночь въ слезахъ, мучимый кошмаромъ и безнадежностью При пробужденіи если можно назвать пробужденіемъ это отвращеніе, которое овладѣваетъ вами при сознаніи, что надо вернуться къ жизни, онъ взялъ перо, оставленное имъ вчера, и написалъ:

„Клара, мнѣ говорятъ, что вы страдаете изъ-за меня, оттого, что я далеко отъ васъ и оттого, что вы меня любите. Знайте же, что я также люблю васъ. Насколько можетъ быть сердце мужчины во власти женщины, мое въ вашей власти. Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать, но удерживался въ эти послѣднія недѣли... Къ чему теперь эта скрытность? Наша жизнь испорчена по моей винѣ. Я хочу открыть передъ вами мою совѣсть. Я былъ виноватъ. Я необдуманно сдѣлалъ зло и вотъ я теперь терплю наказаніе. Къ несчастію, я не сдѣлалъ зла только себѣ одному. Переступивъ долгъ сердца, я заслужилъ только то, что теперь я не знаю, въ чемъ состоитъ мой долгъ. Я больше ни на что не надѣюсь, мнѣ хочется бѣжать, исчезнуть...

„И вотъ, прежде чѣмъ исчезнуть безслѣдно, я хочу чтобъ вы, по крайней мѣрѣ, знали, что я люблю только васъ, другъ мой. Когда я оставилъ васъ, я не зналъ этого и можетъ быть этого и не было, но вы завладѣли мною во время моего отсутствія. Вы во мнѣ; я страдаю отъ этого и вѣчно буду страдать, потому что, увы! слишкомъ поздно любить васъ передъ лицомъ свѣта.

„Есть вещь, которой вы не знаете, а именно, что я передъ моей совѣстью мужъ Жюли. Я далъ ей обѣщаніе жениться на ней, какъ только она овдовѣетъ... Не думайте, что я исполню это обѣщаніе. Я никогда не женюсь на этой бѣдной женщинѣ, которую я не люблю больше, но любилъ въ прошломъ. Мнѣ васъ нужно было въ подруги жизни, такъ какъ вы меня любите, то мнѣ хочется, чтобъ эта мысль заставила васъ ожить; вы были моей настоящей невѣстой, любовь, которой я искалъ на сторонѣ, была сосредоточена на васъ, теперь я это понялъ!

„Прощайте, мой другъ. Среди моихъ мучительныхъ часовъ я обязанъ вамъ такими чудными минутами, которыхъ не изгладитъ ничто, ни даже мое теперешнее горе... Помните ли вы дорогу въ Saint-Jean, окаймленную голубой линіей моря? Помните ли вы виллу des Oeillets? Вспоминаете ли вы „Lebewohl“ Бетховена? Какъ все это далеко и вмѣстѣ близко! Прощайте. Когда вы прочтете это письмо, я буду уже далеко. Помните, что я васъ люблю, что я васъ теряю и дѣйствительно умираю отъ горя. Прощайте!“

Онъ вложилъ это письмо въ конвертъ и присоединилъ туда же нѣсколько строчекъ къ Домье:

„Докторъ, ваше письмо добиваетъ меня. Я не могу вернуться, вы узнаете почему, когда прочтете мое письмо къ Кларѣ, которое вы передадите ей, если считаете это возможнымъ... Если у меня не хватаетъ храбрости умереть, то во всякомъ случаѣ я снова уѣду и такъ далеко, что меня никто не найдетъ. А пока я останусь на три дня въ Гейдельбергѣ, чтобы дать вамъ время отвѣтить мнѣ и дать мнѣ мудрый совѣтъ“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КАРМОЗИНА.

ДРАМА АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЭ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Донъ-Педро Арагонскій, король Сициліи.
Королева Констанца, супруга короля.
Синьоръ Бернардо, докторъ.
Синьора Паскуа, жена синьора Бернардо.
Кармозина, ихъ дочь.
Миннуччьо, трубадуръ.
Перильо, молодой адвокатъ.
Сэръ Веспасьяно, рыцарь-авантюристъ.
Дворцовый офицеръ.
Микэль, слуга синьора Бернардо.
Пажи, оруженосцы, придворныя дамы, прислужницы королевы и т. д.

Дѣйствіе происходитъ въ Палермо.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Зала въ домѣ синьора Бернардо).

СЦЕНА I.

Синьоръ Бернардо и синьора Паскуа.

Синьора Паскуа. Сдѣлайте одолженіе, оставьте ваше лѣкарство и послушайте, что я вамъ скажу.

Синьоръ Бернардо. Сдѣлайте милость не говорите ничего, это будетъ самое лучшее.

Синьора Паскуа. Какъ вамъ угодно. Занимайтесь вашими проклятыми травами. Единственнымъ результатомъ вашего упрямства будетъ то, что вы увидите, какъ она умретъ на вашихъ рукахъ!

Синьоръ Бернардо. Если мои лѣкарства ни къ чему не ведутъ, то къ чему-же ведетъ ваша болтовня? Вы вѣдь только и дѣлаете, что душите насъ вашими пустыми рѣчами. О, терпѣнье великая добродѣтель!

Синьора Паскуа. Если-бы вы любили вашу бѣдную дочь, она-бы давно выздоровѣла.

Синьоръ Бернардо. Къ чему вы это говорите? съ ума вы сошли? Или вы не видите, чѣмъ я занимаюсь съ утра до вечера? Бѣдная моя крошка! дорогое мое сокровище! Скажите пожалуйста, не довольно-ли мнѣ видѣть, какъ страдаетъ мое дитя? а вы еще тутъ суетесь съ вашими вѣчными упреками! Послушать васъ, такъ скажутъ, что я причина всѣхъ бѣдъ. Кто пойметъ ту печаль, которая ее убиваетъ. Чертъ-бы побралъ всѣ эти турниры и королевскіе праздники!

Синьора Паскуа. Опять вы толкуете свое!

Синьоръ Бернардо. Да, никто не выбьетъ у меня изъ головы, что она заболѣла въ то воскресенье, когда вернулась съ турнира. Я какъ теперь вижу, какъ она сидитъ вотъ на этомъ стулѣ. Какъ она была блѣдна и задумчива! Какъ печально смотрѣла на свои маленькія ножки, покрытыя пылью. Во весь день она не сказала ни слова, и ужинъ прошелъ безъ нея.

Синьора Паскуа. Ахъ вы, старый мечтатель! Да знаете-ли вы съ вашей

сѣдой бородой, что лучшимъ лѣкарствомъ былъ-бы для нея красивый малый и золотое колечко?

Синьоръ Бернардо. Если-бы это было такъ, то отчего-же она отказывается отъ всѣхъ партій, какія ей представляются? Отчего она не хочетъ слышать даже о Перильо, который былъ другомъ ея дѣтства?

Синьора Паскуа. Много она объ немъ думаетъ! Предоставьте-ка все это мнѣ. Ей предложатъ кого-нибудь такого, кому ужь она не откажетъ.

Синьоръ Бернардо. Я знаю, что вы хотите сказать, но только на этотъ разъ я ужь самъ откажу. Не знаю, что нашли вы въ этомъ болванѣ!

Синьора Паскуа. Сами увидите, что изъ этого выйдетъ.

Синьоръ Бернардо. Что изъ этого выйдетъ? Но, сударыня, вѣдь есть-же на свѣтѣ вещи, которыя слѣдуетъ принимать въ разсчетъ. Я человѣкъ не знатный, но все-же я честный докторъ, и докторъ довольно богатый, даже очень богатый для нашего города; у меня въ сундукѣ не одинъ мѣшокъ съ крѣпкой печатью. Я не отдамъ свою дочь даромъ, да и продавать ее не хочу, понимаете-ли вы это?

Синьора Паскуа. Вотъ и прекрасно: ваша дочь умретъ отъ вашей мудрости, если она не умретъ отъ вашихъ лѣкарствъ. Сдѣлайте милость оставьте эту стклянку и не отравляйте бѣдную дѣвочку. Развѣ вы не видите, что вотъ уже два мѣсяца, какъ ваши лѣкарства ни къ чему не ведутъ? Ваша дочь больна отъ любви, это одно, что я знаю! Она любитъ сэра Веспасьяно, и никакія лѣкарства тутъ ни къ чему не поведутъ!

Синьоръ Бернардо. Моя дочь не дура, а сэръ Веспасьяно дуракъ. Ну что станетъ дѣлать оселъ съ розой?

Синьора Паскуа. Не вамъ выходить за него замужъ. Постарайтесь разсудить здраво. Не сами-ли вы говорите, что ваша дочь заболѣла, возвращаясь съ празднествъ въ честь королевы? Вѣдь вы замѣчали, что она безпрестанно объ нихъ говоритъ и вѣчно наводитъ разговоръ на эту тему: то говоритъ объ искусствѣ всадниковъ, то о подвигахъ того, то объ ловкости другого? Что-же тутъ страннаго, если бы неопытная дѣвушка почувствовала, что сердце ея забилось сильнѣе при видѣ всего этого блестящаго оружія, лошадей и знаменъ, при звукахъ трубъ и при бряцаніи шпагъ? А я-то въ ея годы!...

Синьоръ Бернардо. Мнѣ кажется, сударыня, что въ ея годы вы вышли за меня замужъ и никакихъ тутъ не было трубъ!

Синьора Паскуа. Ну да, я знаю, а всетаки она моя кровь. Я спрашиваю васъ, кѣмъ могла она интересоваться во время этихъ празднествъ? Кого могла она искать въ толпѣ, какъ ни тѣхъ, кого она знаетъ? и кого-же изъ нашихъ друзей, если не красиваго, любезнаго, непобѣдимаго сэра Веспасьяно?

Синьоръ Бернардо. Который при первомъ ударѣ копья полетѣлъ вверхъ ногами!

Синьора Паскуа. Быть можетъ его лошадь оступилась и копье его не туда попало, этого я не отрицаю, могло случиться, что онъ и упалъ.

Синьоръ Бернардо. Это дѣйствительно могло случиться, онъ перевернулся въ воздухѣ, какъ воланъ, и, клянусь вамъ, упалъ такъ несомнѣнно, какъ это только возможно.

Синьора Паскуа. Но съ какимъ видомъ онъ всталъ!..

Синьоръ Бернардо. Да, съ видомъ человѣка, который не забылъ еще своего обѣда и очень хотѣлъ-бы остаться на мѣстѣ. Если моя дочь заболѣла при этомъ зрѣлищѣ, то повѣрьте, что это не отъ любви. Дайте-ка я снесу ей вотъ это.

Синьора Паскуа. Дѣлайте, что хотите. Предупреждаю васъ, что я пригласила этого рыцаря ужинать. Захочетъ ваша дочь ѣсть или нѣтъ, а ужь она придетъ, и вы сами увидите, что происходитъ въ ея сердцѣ.

Синьоръ Бернардо. Такъ отчего-же она ничего не говоритъ, если вы правы? Или я по вашему тиранъ? Развѣ я отказывалъ хоть въ чемъ-нибудь моей дочкѣ, моему единственному сокровищу? Да можетъ-ли упасть изъ глазъ ея хоть одна слеза, чтобы все мое сердце... Боже мой! да чѣмъ видѣть, какъ она гаснетъ, не говоря ни слова, не хотѣлъ-бы я развѣ... нѣтъ! вы сведете меня съ ума! (Оба уходятъ въ разныя стороны).

СЦЕНА II.

Перильо (одинъ, входя). Никого! А мнѣ казалось, что я слышу голоса въ этой комнатѣ. Двери заперты. Домъ пустой. Отчего это? Когда я шелъ по двору, у меня явилось предчувствіе... ничто такъ не сходно съ несчастьемъ, какъ одиночество... Я едва смѣю войти. Я пришелъ издалека одинъ и почти наудачу; я писалъ, но я вижу, меня не ждали. Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ эти мѣста! Шесть лѣтъ! узнаетъ-ли она меня? Боже мой, какъ бьется сердце! Въ этомъ домѣ, гдѣ протекло наше дѣтство, на каждомъ шагу останавливаютъ меня воспоминанія. Эта зала, мебель и самыя стѣны все мнѣ знакомо, все было когда-то такъ дорого! Отчего-же при видѣ ихъ ощущаю я радость, смѣшанную съ тревогой и полный восторга вмѣстѣ съ тѣмъ содрогаюсь? Вотъ эта дверь въ садъ, а эта!...: Много прошелъ я прежде, чѣмъ въ нее постучаться, а теперь въ раздумьи стою на порогѣ. Тамъ за ней моя судьба, цѣль моей жизни, цѣна моей работы и самая дорогая надежда! Какъ приметъ она меня? Что она скажетъ? Забыла она меня или все еще помнитъ? Вотъ отчего я дрожу... все въ этихъ двухъ словахъ: любовь или забвенье. Ну что-же? Конечно, она тамъ. Я ее увижу, она протянетъ мнѣ руку: развѣ она не моя невѣста? развѣ отецъ ея не далъ мнѣ слова? вѣдь только съ тѣмъ я и уѣхалъ, а развѣ я не сдержалъ своего? возможно-ли?... нѣтъ, мои сомнѣнія несправедливы, она не можетъ измѣнить прошлому. Въ ея благородномъ сердцѣ столько-же чести, сколько красоты въ ея прекрасномъ лицѣ. Какъ знать? быть можетъ, она меня ждетъ и вотъ сейчасъ... О, Кармозина!

СЦЕНА III.

Перильо и Бернардо.

Синьоръ Бернардо. Тише! она спитъ. Нѣсколько часовъ крѣпкаго сна, и она будетъ спасена.

Перильо. Кто она?

Синьоръ Бернардо. Да, спасена, я думаю, что такъ.

Перильо. Но кто?

Синьоръ Бернардо. Это ты, Перильо? моя бѣдная дочка очень больна.

Перильо. Кармозина? Какая у нея болѣзнь?

Синьоръ Бернардо. Я не знаю. Итакъ, мой мальчикъ, ты вернулся изъ Падуи. Я получилъ твое письмо. Ты кончилъ ученье и выдержалъ экзамены. Теперь ты докторъ правъ, ты получишь и будешь съ честью носить четырехъугольную шляпу. Ты сдержалъ свое слово, мой другъ: уѣхалъ отсюда школьникомъ и вернулся ученымъ. Да, да; у тебя впереди прекрасная карьера. Моя бѣдная дочка очень больна.

Перильо. Но ради Бога, что съ ней?

Синьоръ Бернардо. Я говорю тебѣ, что я не знаю. Я радъ тебя видѣть, мой милый Антоніо, но радость моя печальна. Зачѣмъ ты пришелъ? Мы рѣшили съ твоимъ отцомъ, что ты женишься на моей дочери, какъ только пріобрѣтешь себѣ независимое положеніе. Ты много работалъ, не правда-ли? твое сердце не измѣнилось, я въ этомъ увѣренъ, мое также, и вотъ... О, Боже мой, за что ты ее наказываешь?

Перильо. Ваши слова меня пугаютъ. Неужели ея жизнь въ опасности?

Синьоръ Бернардо. Ты хочешь уморить меня самого, заставляя повторять тебѣ сорокъ разъ, что я ничего

не знаю. Она больна, Перильо, очень больна!

Перильо. Возможно-ли, чтобы такой искусный и опытный человѣкъ, какъ вы...

Синьоръ Бернардо. Искусный, опытный! Всѣ говорятъ одно и то-же. Можно подумать, что у меня въ лавкѣ всемірная панацея и что смерть не смѣетъ входить въ дома докторовъ. Я не вѣрилъ себѣ, я призвалъ на помощь все, что я знаю, всѣхъ докторовъ, ученыхъ и даже лѣкарей, которыхъ я могъ найти и совѣтовался съ ними разъ десять. Пустое искусство и рутинная опытность! Подтачивающая и разрушающая природа бываетъ непроницаема, когда она этого захочетъ. Мы очень учены, если передъ нами открытая рана или лихорадка, такъ-какъ тысячу разъ видали такія вещи и по привычкѣ даемъ лѣкарство; но если причина болѣзни скрыта, мы напрасно вопрошаемъ руку, глаза, сердце и всю тѣлесную оболочку; если восемнадцатилѣтняя дѣвушка, прекрасная, какъ солнце, и свѣжая, какъ цвѣтокъ, внезапно блѣднѣетъ, шатается и на вопросъ, что она чувствуетъ, отвѣчаетъ только: «я умираю»... О, Антоніо! Сколько разъ искалъ я жаднымъ взоромъ разгадку ея страданій въ этомъ самомъ страданьи! Ничто мнѣ не отвѣчало, ни одинъ ясный видимый признакъ, ничто кромѣ безмолвной муки; бѣдное дитя никогда не жалуется! а я съ разбитымъ сердцемъ, полный сознанія своего безсилія, смотрю на пыльныя полки, гдѣ накоплены годами жалкіе плоды науки, быть можетъ, говорю я себѣ, здѣсь есть лѣкарство, которое могло-бы ее спасти, капля жидкости или цѣлебная трава? Но какая? Какъ угадать?

Перильо (въ сторону). Значитъ предчувствія меня не обманули, вотъ, для чего я пришелъ. (Громко). То, что вы говорите, ужасно. Можно мнѣ будетъ видѣть Кармозину?

Синьоръ Бернардо. Конечно, когда она проснется. Но она очень слаба, Перильо. Можетъ быть придется ее приготовить къ свиданью съ тобой, такъ какъ малѣйшее волненье ее утомляетъ, и этого бываетъ иногда достаточно, чтобы она лишилась чувствъ. Она тебя любила и теперь еще любитъ, ты долженъ былъ на ней жениться... ты меня понимаешь.

Перильо. Я сдѣлаю все, что вы хотите. Нужно-ли мнѣ удалиться на нѣсколько дней или на еще болѣе долгій срокъ? Говорите, отецъ, я исполню вашу волю!

Синьоръ Бернардо. Нѣтъ, другъ мой, останься. Развѣ ты не принадлежишь къ семьѣ?

Перильо. Я дѣйствительно надѣялся къ ней принадлежать и надѣялся звать васъ отцемъ, какъ вы позволяли мнѣ иногда въ прежніе годы.

Синьоръ Бернардо. Называй всегда, ты больше не разстанешься съ нами.

Перильо. Но вѣдь вы говорите, что мое присутствіе можетъ быть для нея вредно и тяжело? Если видъ мой можетъ причинить ей хотя-бы минутное страданіе или волненіе или вызоветъ хотя-бы легкую блѣдность на ея дорогое лицо. Боже мой! да лучше снова начать мое долгое странствіе, лучше на вѣкъ удалиться въ Падую, чѣмъ заставить ее пролить хотя-бы одну слезинку!

Синьоръ Бернардо. Не бойся, я все устрою.

Перильо. Не лучше-ли мнѣ поселиться въ другой части города? Я могу отыскать какой-нибудь домъ въ предмѣстьи (у меня вѣдь. былъ домъ, при жизни отца). Я буду запираться на цѣлый день, чтобы она не знала, что я вернулся; только вечеромъ или рано утромъ я буду приходить къ вашей двери и спрашивать объ ея здоровьи, вѣдь вы понимаете, что безъ этого я не въ состояніи буду... Она очень страдаетъ?

Синьоръ Бернардо. Ты плачешь, мой мальчикъ? слушай, мы еще не должны отчаяваться. Это непонятная

болѣзнь еще не сказала своего послѣдняго слова. Въ эту минуту она спитъ, и я уже говорилъ тебѣ, что это хорошій признакъ. Какъ знать? Нужно принять предосторожности. Главное нужно избѣгать слишкомъ скораго свиданія. При теперешнемъ ея состояніи ни за что не могу ручаться...

СЦЕНА IV.

Тѣ-же и синьора Паскуа.

Синьора Паскуа. Ваша дочь проснулась, она желаетъ... А, это вы, синьоръ Перильо? очень рада васъ видѣть. (Перильо кланяется).

Синьора Паскуа (въ сторону). Еще одинъ несчастный вздыхатель! Мы-бы отлично обошлись безъ его посѣщенія... (Громко мужу). Ваша дочь желаетъ сойти въ садъ.

Синьоръ Бернардо. Что вы говорите? Можетъ-ли это быть? Послѣдніе три дня она едва держалась на ногахъ.

Синьора Паскуа. Она встала и чувствуетъ себя гораздо лучше, сонъ принесъ ей большую пользу. Она хочетъ походить и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Синьоръ Бернардо. Въ самомъ дѣлѣ? (Обращаясь къ Перильо). Ты видишь, мой милый, что я не совсѣмъ ошибался. Вотъ уже перемѣна и хорошая перемѣна. Она сейчасъ придетъ, удались на минутку.

Перильо. Она придетъ, а я долженъ уйти! Могу я попросить у васъ одну вещь?

Синьоръ Бернардо. Что такое?

Перильо. Позвольте мнѣ на нее посмотрѣть. Я спрячусь за занавѣску, только на минутку, посмотрѣть, какъ она пройдетъ.

Синьоръ Бернардо. Хорошо, только не показывайся прежде, чѣмъ я тебя позову. Я постараюсь сдѣлать для тебя все, что можно,—а вы, сударыня, пожалуйста не говорите ни слова.

Синьора Паскуа. Про ваши-то дѣла? я вовсе не спѣшу; я не люблю нелѣпыхъ порученій. Вотъ ваша дочь; я пойду въ садъ и принесу къ фонтану свое большое кресло. (Перильо прячется за занавѣску).

СЦЕНА V.

Синьоръ Бернардо, Перильо спрятанный и Кармозина.

Кармозина. Ну что, отецъ, вы безпокоитесь и смотрите на меня съ удивленьемъ? Не правда-ли, вѣдь вы не ждали, что я встану и пойду, какъ большая дѣвочка? А вѣдь это я. (Цѣлуетъ его). Вы меня узнаете?

Синьоръ Бернардо. Я радуюсь и вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь. Увѣрена-ли ты, что не слишкомъ много на себя взяла?

Кармозина. О, я хотѣла еще больше васъ удивить, но вижу, что меня уже выдали. Я хотѣла пойти въ садъ одна и послать вамъ сказать по секрету, что васъ спрашиваетъ какая-то знатная дама. Вы сейчасъ-бы надѣли свое нарядное платье изъ чернаго бархата и новую шляпу, а такъ какъ я была въ маскѣ... Ну что-бы вы сказали?

Синьоръ Бернардо. Что нѣтъ ничего прелестнѣе тебя, и значитъ твоя хитрость была-бы напрасна. Дорогая моя дочка, какъ давно не видѣлъ я твоей улыбки!

Кармозина. Мнѣ такъ легко, такъ весело, сама не знаю почему... Да, я видѣла сонъ. Вы помните Перильо?

Синьоръ Бернардо. Конечно. Что ты хочешь сказать? (въ сторону). Какъ странно; никогда она объ немъ не говорила.

Кармозина. Мнѣ снилось, что я на порогѣ нашего дома. Былъ большой праздникъ. Мимо меня проходили горожане въ нарядныхъ платьяхъ, знатныя дамы, кавалеры. Нѣтъ, не такъ, это были такіе-же люди, какъ мы, сначала наши друзья и сосѣди, потомъ цѣлая толпа, громадная толпа, которая шла по улицѣ и все росла; чѣмъ больше проходило людей, тѣмъ больше ихъ прибывало, и всѣ они шли къ церкви, которая сіяла огнями. Я слышала издали звуки органа, цер-

ковное пѣнье и небесную музыку съ переливами арфъ и такими сладкими голосами, какихъ я не слышала никогда въ жизни. Толпа нетерпѣливо стремилась къ церкви, точно тамъ совершалась какая-то великая тайна, которую можно видѣть только разъ въ жизни. Я смотрѣла на все это, и мной овладѣвало странное безпокойство, но мнѣ не хотѣлось идти за толпой. На краю горизонта въ долинѣ, окруженной горами, видѣла я путника, который съ трудомъ шелъ по пыльной дорогѣ. Онъ торопился изо всѣхъ силъ, но подвигался съ большимъ трудомъ, и я видѣла ясно, что онъ хочетъ придти ко мнѣ. Я тоже ждала его; мнѣ казалось, что онъ долженъ вести меня на праздникъ. Я чувствовала его желанье и раздѣляла его. Я не знаю, какія препятствія его останавливали, но въ мысляхъ своихъ я напрягала свои силы вмѣстѣ съ нимъ. Мое сердце отчаянно билось, но я была неподвижна и не могла сдѣлать ни шага. Я не знаю, какъ долго длилось это видѣнье, быть можетъ одну минуту, но во снѣ это были годы. Наконецъ онъ приблизился и взялъ мою руку, тогда непреодолимая сила, которая приковывала меня къ мѣсту, вдругъ исчезла, и я пошла. Я почувствовала невыразимую радость; цѣпи мои порвались, я была свободна. Въ ту минуту, какъ я помчалась стрѣлой вмѣстѣ съ моимъ видѣньемъ, я обернулась къ нему и узнала Перильо.

Синьоръ Бернардо. И это причина твоей внезапной веселости?

Кармозина. Конечно. Представьте мое удивленье, когда я вдругъ проснулась и почувствовала, что сонъ мой осуществился въ томъ, что было въ немъ для меня счастливаго, т. е. что я могла встать и ходить безъ труда. Моей первой мыслью было сейчасъ-же пойти и броситься вамъ на шею, потомъ я хотѣла схитрить, но мнѣ это не удалось.

Синьоръ Бернардо. Ну, моя дорогая, если этотъ сонъ привелъ тебя въ такое хорошее расположеніе духа и осуществился въ одномъ отношеніи, то узнай, что онъ осуществился и въ другомъ. Я не смѣлъ говорить съ тобой объ этомъ, но теперь я больше не боюсь: Перильо въ городѣ.

Кармозина. Въ самомъ дѣлѣ? давно?

Синьоръ Бернардо. Съ сегодняшняго утра. Ты увидишь его, когда захочешь. Бѣдный малый будетъ очень счастливъ, онъ любитъ тебя больше, чѣмъ когда-либо. Скажи слово, и онъ будетъ здѣсь.

Кармозина. Вы меня пугаете!.. можетъ быть, онъ уже здѣсь!

Синьоръ Бернардо. Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ еще, нѣтъ; онъ придетъ только, когда ему скажутъ. Развѣ тебѣ не хотѣлось-бы его видѣть? Онъ не былъ тебѣ противенъ во снѣ да и прежде тоже. Теперь онъ докторъ правъ; мальчикъ, съ которымъ ты играла въ прятки, теперь важная особа; онъ учился для тебя, вѣдь ты знаешь, что я ему обѣщалъ. Я не хотѣлъ съ тобой говорить объ этомъ, но теперь благодаря Бога...

Кармозина. Нѣтъ! нѣтъ! никогда!

Синьоръ Бернардо. Какъ? неужели? ты не хочешь видѣть товарища твоего дѣтства, этого славнаго мальчика, единственнаго сына моего лучшаго друга? Что онъ сдѣлалъ, чтобы его ненавидѣть?

Кармозина. Ничего, нѣтъ... ничего; я его не ненавижу, пусть, онъ придетъ, если вы хотите... Ахъ, я умираю!..

Синьоръ Бернардо. Успокойся; вѣдь ничего не сдѣлаютъ противъ твоей воли. Развѣ ты не знаешь, что я позволилъ тебѣ располагать собой, какъ тебѣ угодно. То, что я говорилъ, не серьезно, я хотѣлъ только знать, чтобы ты сказала въ томъ случаѣ, если... Но его нѣтъ здѣсь, онъ не вернулся и никогда не вернется (въ сторону). Боже мой, что я надѣлалъ!

Кармозина. Я чувствую страшную слабость. (Садится).

Синьоръ Бернардо. Боже мой,

только что передъ тѣмъ ты чувствовала себя такъ хорошо, твои силы окрѣпли. И я самъ все испортилъ, т. е. мой глупый языкъ, который я не съумѣлъ удержать! Могъ-ли я думать, что это такъ огорчитъ тебя? Пришелъ этотъ бѣдный Перильо... т. е. я хотѣлъ сказать... ну, наконецъ, ты сама первая начала объ немъ говорить.

Кармозина. Довольно, ради Бога довольно! вы не виноваты, вы не знали... вы не могли знать... Этотъ сонъ, который казался мнѣ такимъ счастливымъ, теперь я его понимаю... онъ внушаетъ мнѣ ужасъ!

Синьоръ Бернардо. Кармозина, дорогая моя, какой непонятный случай! (Перильо раздвигаетъ занавѣску незамѣтно для Кармозины, дѣлаетъ прощальный знакъ Бернардо и неслышно уходитъ).

Кармозина. Отецъ, на что вы смотрите?

Синьоръ Бернардо. Но что съ тобой? ты блѣднѣешь, дрожишь. Что ты чувствуешь? Слушай: у тебя на душѣ есть тайна, которая заставляетъ тебя страдать и которую я не знаю; я не хотѣлъ-бы объ этомъ разспрашивать, но пока я ее не узнаю, я не могу тебя вылѣчить, а не могу-же я дать тебѣ умереть? Скажи, что у тебя на сердцѣ? откройся!

Кармозина. Мнѣ очень больно, когда вы такъ со мной говорите.

Синьоръ Бернардо. Что дѣлать! повторяю тебѣ, я не могу дать тебѣ умереть. Ты такъ молода, такъ сильна, такъ прекрасна! Или ты сомнѣваешься въ отцѣ? неужели ты ничего не скажешь и такъ и уйдешь отъ меня? Вѣдь мы богаты, моя дорогая... если у тебя есть какое-нибудь желанье... дѣвушки бываютъ иногда очень глупы, но что-жь такое? тебѣ стоитъ сказать одно слово, не больше, одно словечко мнѣ на ухо. Твоя болѣзнь непонятна: то вдругъ ты чувствуешь себя совсѣмъ хорошо, то опять заставляешь насъ страшно бояться; эти необъяснимыя противорѣчія просто пытка. Дитя мое, ты умираешь... я сойду съ ума. Или ты хочешь, чтобы умеръ съ горя твой бѣдный старый отецъ, который тебя умоляетъ? (становится на колѣни).

Кармозина. Вы разбиваете мое сердце.

Синьоръ Бернардо. Я не могу больше молчать, ты должна это знать. Твоя мать говоритъ, что ты больна отъ любви... она даже назвала одно имя...

Кармозина. Пожалѣйте меня! (Лишается чувствъ).

Синьоръ Бернардо. Негодяй, ты убиваешь свою дочь. Палачъ! что ты сдѣлалъ? Эй, Микэлы! жена! Она умираетъ! я ее убилъ! моя дочь умерла!

СЦЕНА VI.

Тѣ-же и синьора Паскуа.

Синьора Паскуа. Что вамъ нужно? Что случилось?

Синьоръ Бернардо. Скорѣе уксусу, спирту, вонъ тотъ пузырекъ на столѣ!

Синьора Паскуа (подавая пузырекъ). Я знала, что вашъ Перильо не принесетъ добра.

Синьоръ Бернардо. Молчите, ради спасенія вашей души! Она открываетъ глаза.

Синьора Паскуа. Ну, что мой бѣдный ангелокъ, моя дорогая Кармозина, какъ ты себя теперь чувствуешь?

Кармозина. Очень хорошо. Куда вы, отецъ, не уходите!

Синьоръ Бернардо. Оставьте меня, оставьте!

Синьора Паскуа. Чего ты хочешь?

Кармозина. Я ничего не хочу, отчего отецъ уходитъ?

Синьоръ Бернардо. Отчего? отчего? оттого, что все пропало. Богъ мнѣ судья!

Кармозина. Останьтесь, отецъ, не безпокойтесь; все это скоро кончится.

Синьора Паскуа. Сэръ Веспасьяно придетъ къ намъ ужинать; довольно-ли ты сильна, чтобы сѣсть съ нами за столъ?

Кармозина. Конечно, я попробую.

Синьора Паскуа (мужу). Вы видите: она согласна.

Синьоръ Бернардо (женѣ). Чортъ васъ возьми съ вашимъ дуракомъ, вы ровно ничего не понимаете!

Кармозина. Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо. Ужинъ готовъ? Подите сюда отецъ, дайте мнѣ руку, мы спустимся вмѣстѣ.

Синьора Паскуа. Я велѣла принести столъ сюда, не безпокойся, не пробуй ходить. Вотъ и синьоръ Веспасьяно.

Синьоръ Бернардо (въ сторону). Провалиться-бы тебѣ, несносное чучело.

СЦЕНА VII.

Тѣ-же и сэръ Веспасьяно.

Сэръ Веспасьяно. Здравствуйте, дорогая синьора... Привѣтъ вамъ, синьоръ Бернардо!

Синьоръ Бернардо. Здравствуйте! Не говорите такъ громко.

Сэръ Веспасьяно. Что я вижу? Жемчужина души моей почти безъ чувствъ! Лазурныя очи ея полузакрыты, и розы ланитъ превратились въ лиліи!

Синьора Паскуа. Это третій припадокъ въ теченіе двухъ дней.

Сэръ Веспасьяно. Несчастный отецъ! Нѣжнѣйшая мать! Какъ я сочувствую вашему горю!

Кармозина (Бернардо, который хочетъ уйти). Отецъ, не уходите!

Сэръ Веспасьяно (обращаясь къ Бернардо). Ваша прелестная дочь зоветъ васъ, синьоръ Бернардо.

Синьоръ Бернардо. Идите вы къ чорту и оставьте насъ въ покоѣ! (Приносятъ ужинъ).

Кармозина (отцу). Не печальтесь; сядьте рядомъ со мной, я налью вамъ стаканъ вина.

Синьоръ Бернардо (садясь рядомъ съ ней). Дочка моя, если-бъ могъ я отдать тебѣ также, какъ это вино, ту кровь, которая осталась еще въ моихъ жилахъ, чтобы прибавить хоть день къ твоей жизни! (Пьетъ).

Сэръ Веспасьяно (садясь рядомъ съ синьорой Паскуа). Я не знаю, можно-ли мнѣ оставаться послѣ того, что сказалъ мнѣ вашъ мужъ.

Синьора Паскуа. Вы шутите? Развѣ человѣкъ вашего званія обращаетъ вниманіе на такія вещи?

Сэръ Веспасьяно. Да, правда, какое чудесное жаркое!

Кармозина (отцу). Посовѣтуйте, что мнѣ ѣсть, скажите ваше мнѣніе.

Синьоръ Бернардо. Этого не надо, дорогая, возьми лучше это, кажется такъ будетъ хорошо... впрочемъ, я не знаю!

Сэръ Веспасьяно (синьорѣ Паскуа). Она отворачивается, когда я на нее смотрю. Думаете вы, что мнѣ все таки удастся?

Синьора Паскуа. Можно-ли устоять передъ вами?

Сэръ Веспасьяно. Если-бы можно было разсѣчь мое сердце на двое вотъ этимъ кинжаломъ и предложить половину его одной уважаемой мною особѣ... Я не смѣю выразиться яснѣе.

Синьора Паскуа. А мнѣ запрещается васъ понимать. (За окномъ слышно пѣніе).

Кармозина. Это кажется голосъ Минуччьо?

Сэръ Веспасьяно. Да, царица моего сердца. Это самъ Минуччьо д'Ареццо. Онъ танцуетъ подъ окнами съ гитарой въ рукахъ.

Кармозина. Попросите его придти къ намъ, отецъ; онъ развеселитъ насъ за ужиномъ.

Синьоръ Бернардо (у окна). Эй, Минуччьо, другъ мой! иди сюда ужинать. Онъ идетъ, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ головой!

Сэръ Веспасьяно. Это замѣчательный музыкантъ, онъ прекрасно поетъ и играетъ на инструментахъ. Король охотно его слушаетъ, и онъ съумѣлъ своими пѣснями расположить къ себѣ придворныхъ. Недавно онъ очень нѣжно игралъ намъ на гитарѣ и пѣлъ такія граціозныя любовныя пѣсенки. При дворѣ найдется съ пол-

дюжины такихъ, какъ я, оказывающихъ ему протекцію.

Синьоръ Бернардо. Въ самомъ дѣлѣ! А по моему такъ это наименьшее изъ его достоинствъ. Не то, чтобы я не любилъ пѣсенъ, по моему нѣтъ ничего болѣе кстати за столомъ со стаканомъ вина; но прежде, чѣмъ быть ученымъ музыкантомъ и трубадуромъ, какъ его называютъ, Минуччьо для меня просто честный человѣкъ и добрый, вѣрный другъ, несмотря на его кажущуюся молодость и безпечность; другъ, преданный нашей семьѣ, можетъ быть, лучшій изъ всѣхъ, кто остался у насъ послѣ смерти отца Антоніо. Вотъ что я въ немъ цѣню, и его сердце для меня лучше его музыки.

СЦЕНА VIII.

Тѣ-же и Минуччьо.

Кармозина. Здравствуй, Минуччьо. Ты поешь для мимолетнаго вѣтра, такъ не хочешь-ли спѣть и для насъ?

Минуччьо. Прекрасная Кармозина, я только что пѣлъ, а теперь мнѣ хочется плакать.

Кармозина. Откуда пришла къ тебѣ эта печаль?

Минуччьо. Изъ вашихъ глазъ, Кармозина. Какъ смѣетъ веселость оставаться на моемъ бѣдномъ лицѣ, когда она гаснетъ и умираетъ въ лонѣ цвѣтка, который долженъ ею благоухать?

Кармозина. Какой-же это волшебный цвѣтокъ?

Минуччьо. Красота. Богъ создалъ ее съ тремя прекрасными цѣлями: вопервыхъ, чтобы насъ радовать; вовторыхъ, чтобы насъ утѣшать и въ третьихъ для ея собственнаго счастья. Таковъ законъ природы и отступать отъ него грѣшно.

Кармозина. Ты думаешь?

Минуччьо. Стоитъ только взглянуть кругомъ. Что же есть на землѣ веселѣе и милѣе улыбки, когда улыбается прекрасная дѣвушка? Какое горе устоитъ передъ этимъ? Дайте мнѣ игрока безъ денегъ, недовольнаго сановника, несчастнаго любовника, обѣднѣвшаго рыцаря, угрюмаго политика, несчастнѣйшихъ людей въ мірѣ: Антонія послѣ Акціума или Брута послѣ Филиппъ; хуже того: сбира, охраняющаго бумаги или инквизитора безъ дѣла; покажите этимъ людямъ нѣжную щечку персиковаго цвѣта, приподнятую уголкомъ пурпуровой губки, гдѣ межъ двумя рядами перловъ порхаетъ улыбка,—и никто изъ нихъ не устоитъ передъ ней, или я сочту его недостойнымъ жалости, такъ какъ несчастье его заключается въ томъ, что онъ глупъ.

Сэръ Веспасьяно (синьорѣ Паскуа). Ничего, онъ недурно говоритъ; видно, что онъ потерся между нами.

Минуччьо. Если же это нѣчто, которое еще легче мухи, неуловимѣе вѣтра, нѣжнѣе пыли на крыльяхъ бабочки, если это нѣчто, чему названье прекрасная женщина, всѣхъ радуетъ и утѣшаетъ, то несправедливо-ли, чтобы и красота была счастлива, такъ какъ отъ нея идетъ наше счастье? Обладатель величайшаго сокровища можетъ быть бѣденъ, если онъ зароетъ свои дукаты въ землю, не давая ничего ни себѣ, ни другимъ; но красота не можетъ быть скупой. Едва показавшись, она уже даритъ, никогда не теряя; при малѣйшемъ движеніи, словѣ или шагѣ ея богатство исходитъ изъ нея и порхаетъ вокругъ незамѣтно для нея въ ея граціи подобно благоуханію, въ ея голосѣ подобно музыкѣ, въ ея взглядѣ подобно солнечному лучу. Должна же та, которая даетъ такъ много, быть милосерда и къ себѣ самой, какъ говоритъ пословица, должна же она имѣть долю въ счастьи, причиной котораго она... А потому, Кармозина, улыбнитесь.

Кармозина. Твое безумное краснорѣчіе, безспорно, стоитъ этой платы. Но ты самъ счастливъ, Минуччьо. Драгоцѣнное сокровище, о которомъ ты говоришь, въ твоемъ веселомъ умѣ. Сочинилъ ты намъ какой нибудь но-

вый романсъ? (Подаетъ ему стаканъ и наливаетъ вина).

Сэръ Веспасьяно. Да, да, пріятель, спой-ка намъ ту пѣсню, которую ты пѣлъ намъ тамъ, ты знаешь.

Минуччьо. Гдѣ именно, добрѣйшій господинъ?

Сэръ Веспасьяно. Ахъ, Боже мой, въ королевскомъ дворцѣ.

Минуччьо. Мнѣ кажется, храбрый рыцарь, что король былъ тамъ не съ нами, а выше.

Сэръ Веспасьяно. Какъ такъ, хитрецъ?

Минуччьо. Видали вы когда нибудь кукольный театръ? Всѣ знаютъ, что тотъ, кто держитъ шнурки, всегда стоитъ выше маріонетокъ. Онъ дергаетъ за шнурокъ и на сцену выходятъ куклы: сначала толстые бароны въ латахъ и прекрасныя дамы въ горностаевыхъ мантіяхъ, затѣмъ придворные въ бархатныхъ камзолахъ, потомъ толпа праздныхъ людей, которые всегда больше всѣхъ торопятся... и, наконецъ, искатели приключеній изъ тѣхъ рыцарей, у которыхъ копья шатаются въ рукояткахъ, а ноги путаются въ стременахъ...

Сэръ Веспасьяно. Ты, кажется, любишь перечисленья, но ты забылъ поэтовъ и странствующихъ трубадуровъ.

Минуччьо. Вы прекрасно знаете, непобѣдимый рыцарь, что этихъ людей ни за что не считаютъ и они приходятъ только къ дессерту. Паразиты являются раньше ихъ.

Синьора Паскуа (сэру Веспасьяно). Вашъ отвѣтъ задѣлъ его за живое.

Сэръ Веспасьяно. Онъ былъ справедливъ, но немного рѣзокъ. Не слѣдуетъ-ли мнѣ пойти еще дальше?

Синьора Паскуа. Помилуйте! Что-жь тутъ обиднаго?

Сэръ Веспасьяно. Онъ говорилъ объ некрѣпкихъ стремянахъ и плохо вставленныхъ копьяхъ; это какъ будто намекъ.

Синьора Паскуа. На ваше паденіе на турнирѣ? Но вѣдь это была случайность.

Сэръ Веспасьяно. Вы правы. Я умираю отъ жажды. (Пьетъ).

Слуга (входя). Сейчасъ принесли письмо. (Кладетъ письмо передъ синьоромъ Бернардо и уходитъ).

Кармозина. Отецъ, о чемъ вы думаете?

Синьоръ Бернардо. О чемъ я думаю?.. Чего отъ меня хотятъ?

Синьора Паскуа (беря письмо). Это посланіе отъ вашего дорогого Антоніо.

Синьоръ Бернардо. Дайте сюда. Провалиться бы этимъ женщинамъ съ ихъ вѣчной болтовней!

Кармозина. Если это письмо...

Синьоръ Бернардо. Это пустяки, моя милая. Письмо отъ нашего мессинскаго друга Марка-Антонія. Твоя мать ошиблась изъ-за сходства именъ.

Кармозина. Если это письмо отъ Перильо, прочтите мнѣ его, пожалуйста.

Синьоръ Бернардо. Успокойся, говорю тебѣ...

Кармозина. Я очень спокойна. Дайте его мнѣ. Здѣсь нѣтъ никого лишняго. (Читаетъ). «Моему второму отцу, синьору Бернардо. Я скоро оставлю Палермо. Благодарю Бога за то, что мнѣ пришлось увидѣть еще разъ мѣста, гдѣ началась моя жизнь и гдѣ я оставляю всю свою душу. Шесть лѣтъ я жилъ дорогой надеждой и старался заслужить моей скромной работой то, что могло меня сдѣлать достойнымъ обѣщанія, даннаго мнѣ вами. Простите меня! Я видѣлъ ваше горе и слышалъ, какъ Кармозина...» О, Боже!

Синьоръ Бернардо. Прошу тебя, дай мнѣ эту бумагу.

Кармозина. Оставьте, я хочу прочесть до конца. (Продолжаетъ). «И слышалъ, какъ Кармозина сказала, что моя любовь наводитъ на нее ужасъ. Я давно уже думалъ, что усилія моего бѣднаго разума надъ сухой наукой не принесутъ настоящихъ плодовъ. Не бойтесь, ни единымъ

словомъ не напомню я больше о прошломъ, пытаясь воскресить воспоминанія объ единственной сладкой мечтѣ, которая у меня была и будетъ еще на землѣ. Она была слишкомъ прекрасна, чтобы осуществиться. Шесть лѣтъ жилъ я ею, почерпая въ ней все мое мужество. Теперь я вижу передъ собой несчастье. Ему я принадлежалъ и теперь оно будетъ моимъ властелиномъ. Я привѣтствую его и иду за нимъ! Не думайте больше обо мнѣ; вы свободны отъ вашего обѣщанія». (Молчаніе). Если можно, отецъ, я попрошу у васъ объ одной милости.

Синьоръ Бернардо. Все, что хочешь, дитя мое. Что тебѣ нужно?

Кармозина. Чтобы вы позволили мнѣ остаться на минуту одной съ Минуччьо, если онъ на это согласенъ; мнѣ нужно сказать ему нѣсколько словъ, потомъ я отошлю его къ вамъ въ садъ.

Синьоръ Бернардо. Съ большимъ удовольствіемъ! (Въ сторону). А что если она довѣрится ему больше, чѣмъ мнѣ? Дай Богъ! потому, что онъ, конечно, мнѣ все разскажетъ. Ну-ка, синьора Паскуа, идите сюда.

Кармозина. Сэръ Веспасьяно, я читала при васъ письмо, которое вы только что слышали, для того, чтобы вы знали, что я не скрываю моего намѣренія не выходить замужъ, и чтобы показать вамъ въ то-же время, что ни обѣщанія, ни личныя достоинства не могутъ измѣнить моего рѣшенія. А теперь вы меня извините.

СЦЕНА IX.

Минуччьо и Кармозина.

Минуччьо. Вы взволнованы, Кармозина, это письмо васъ смутило.

Кармозина. Да, я чувствую себя слабой... Слушай внимательно, я не могу говорить долго... Минуччьо, я выбрала тебя, чтобы довѣрить тебѣ одну тайну. Прежде всего я надѣюсь, что ты не скажешь ее никому въ мірѣ, кромѣ того, кому я позволю; а потомъ вѣдь ты мнѣ поможешь насколько это возможно? Не такъ-ли, Минуччьо? Я очень тебя прошу... Ты вѣдь помнишь, мой другъ, тотъ день, когда нашъ король донъ-Педро устроилъ большой праздникъ? Я видѣла его на турнирѣ верхомъ и почувствовала къ нему любовь, которая довела меня до того состоянія, въ какомъ я теперь... Я знаю, что мнѣ не подобаетъ любить короля, и старалась отъ этого излѣчиться, но такъ-какъ я ничего не могла сдѣлать, то рѣшилась умереть отъ любви для того, чтобы меньше страдать, и я это сдѣлаю. Но если онъ этого не узнаетъ, мнѣ будетъ слишкомъ тяжело умирать; не зная, какъ лучше открыть ему мое намѣреніе, я умоляю тебя сказать ему объ этомъ, Минуччьо, ты вѣдь часто его видишь. Когда это будетъ сдѣлано, ты мнѣ объ этомъ скажешь, и я умру не такой несчастной.

Минуччьо. Кармозина, даю вамъ мое слово, будьте увѣрены, что оно васъ никогда не обманетъ. Я уважаю васъ за любовь къ такому славному королю. Предлагаю вамъ мою помощь и надѣюсь, если вы только хотите быть мужественной, что черезъ три дня я принесу вамъ вѣсти, которыя будутъ вамъ безконечно дороги. Чтобы не терять времени, я начну съ сегодняшняго-же дня.

Кармозина. Я еще разъ тебя умоляю!

Минуччьо. Клянитесь, что вы будете мужественны!

Кармозина. Клянусь тебѣ. Иди съ Богомъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

(Зала въ королевскомъ дворцѣ.—Въ глубинѣ сцены галлереи).

СЦЕНА I.

Перильо и дворцовый офицеръ.

Перильо. Можно здѣсь подождать?

Офицеръ. Да, пожалуйста. Когда король придетъ, онъ остановится въ этой галлереѣ и всѣ, кто тамъ будетъ,

могутъ подходить къ его величеству. (Уходитъ).

Перильо (одинъ). Меня не обманули. Донъ-Педро сохранилъ здѣсь благородный обычай, котораго держался во Франціи Людовикъ Святой, не скрывать особу короля и считать ее доступной для всѣхъ. Я буду съ нимъ говорить и одно его слово можетъ измѣнить весь ходъ моей жизни. Вчера я-бы вѣроятно колебался и былъ-бы очень смущенъ, сознавая, что я при дворѣ этого короля-завоевателя, котораго не меньше боятся, чѣмъ любятъ. Сегодня-же я ко всему равнодушенъ. Этотъ дворецъ, гдѣ обитаетъ могущество, гдѣ царствуютъ страсти, тщеславіе и ненависть, для меня безлюднѣй пустыни. Чего мнѣ бояться послѣ того, что я вынесъ? отчаяніе живетъ только одной мыслью и поглощаетъ все остальное.

СЦЕНА II.

Перильо и Минуччьо.

Минуччьо (ходя большими шагами).

Открой, любовь, души моей мученье,
И если въ немъ...

Нѣтъ, не такъ я началъ. Иначе.

Перильо (въ сторону). Должно быть этотъ человѣкъ очень занятъ, онъ, кажется, меня не замѣчаетъ.

Минуччьо (продолжая). Вотъ это интересно! Какъ только я сочинилъ конецъ, я забылъ первыя строки. Неужели нужно будетъ передѣлать начало? Но въ это время я пожалуй забуду конецъ и буду продолжать такъ до безконечности, переливая кастальскія воды въ бочку Данаидъ. И ни карандаша, ни чернилъ! Посмотримъ-ка, что сочинилъ этотъ педантъ... Э, чортъ возьми! куда я ихъ дѣлъ? (Шаритъ въ карманахъ и достаетъ оттуда бумагу).

Перильо (въ сторону). Да я какъ будто знаю этого человѣка. Что это: долгое отсутствіе или горе такъ помутило мою память? Мнѣ кажется, я видѣлъ его въ дѣтствѣ. Какъ странно, я забылъ имя этого человѣка, а между тѣмъ я помню, что я его любилъ.

Минуччьо (разговаривая самъ съ собой). Это никуда не годится, ни одного путнаго слова! Нѣтъ, я не знаю на свѣтѣ ничего несноснѣе, глупѣе, противнѣе, пустѣе и безсмысленѣе, чѣмъ дуракъ, который ставитъ вамъ слово на мѣсто мысли, пишетъ какъ разъ не то, что хочетъ сказать, и дѣлаетъ изъ Пегаса деревяннаго коня съ бѣговъ на призы, стараясь изо всѣхъ силъ нанизывать риѳмы. И что у меня было въ головѣ, когда я вздумалъ просить у этого Чиполлы сочинить мнѣ пѣсню на думы влюбленной дѣвушки? Вложить духъ ангела въ мозгъ дурака! Боже мой, ни карандаша, ни бумаги! А, у этого юноши есть чернильница. (Подходитъ къ Перильо). Извините пожалуйста, могу я у васъ попросить?.. Мнѣ нужно написать нѣсколько словъ, и я не знаю, какъ...

Перильо (подавая ему чернильницу, висящую на его поясѣ). Съ большимъ удовольствіемъ. Могу-ли я въ свою очередь предложить вамъ одинъ вопросъ? осмѣлюсь спросить васъ, кто вы такой.

Минуччьо (пишетъ). Я поэтъ и сочиняю стихи, въ эту минуту я совершенно взбѣшенъ.

Перильо. Если я васъ безпокою...

Минуччьо. Нисколько, я долженъ передѣлать одну пѣсню, потому что мнѣ испортилъ ее шарлатанъ. Обыкновенно я забочусь только о музыкѣ, такъ какъ я музыкантъ, милостивый государь: играю на гитарѣ и на другихъ инструментахъ; вы кажется новичекъ при дворѣ, и вѣрно я буду вамъ нуженъ. Собственно говоря, ремесло мое— открывать сердца, я поставляю букеты и серенады и держу магазинъ пламенныхъ вздоховъ, упоеній и восторговъ, стрѣлъ и кинжаловъ и другихъ атрибутовъ любви, и все это на различные мотивы; у меня большой запасъ томныхъ вздоховъ, нѣжныхъ упрековъ и милыхъ капризовъ, судя по обстоятельствамъ и по желанію дамъ;

есть у меня также цѣлый томъ ссоръ, которыя улаживаются безъ меня, но больше всего у меня обѣщаній, они тянутся на цѣлое лье по бѣлому пергаменту съ раскрашенными заглавными буквами и золотыми птицами, однимъ словомъ никто здѣсь не любитъ безъ моего содѣйствія, я не говорю ужь о свадьбахъ, нѣтъ того шаловливаго рѣзваго школьника, нѣтъ того знатнаго, тяжеловѣснаго дворянина, который-бы не прибѣгалъ къ моей гитарѣ; входитъ-ли любовь при звукахъ музыки по мраморнымъ ступенямъ дворца или взбирается по обрывку веревки на чердакъ жалкой лачуги, внизу лѣстницы сидитъ притаившись моя муза.

Перильо. Ты Минуччьо д'Ареццо.

Минуччьо. Точно такъ, такъ вы меня знаете?

Перильо. Да развѣ ты меня не знаешь? ты тоже забылъ Перильо?

Минуччьо. Антоніо! Боже мой! какъ справедливо говорятъ, что во время работы поэтъ забываетъ имя своего лучшаго друга. Я, случайно принявшись за риѳмы, не вспомнилъ твоего имени. (Обнимаетъ его). Съ какихъ поръ ты здѣсь?

Перильо. Недавно и ненадолго.

Минуччьо. Какъ такъ? Я думалъ, что ты скажешь мнѣ навсегда. Развѣ ты не изъ Падуи?

Перильо. Оставимъ это. А ты бываешь при дворѣ?

Минуччьо (въ сторону). Ахъ я дуракъ! я и забылъ про письмо, которое читала намъ Кармозина. О чемъ я мечтаю? Положительно разумъ мой отсутствуетъ; я и не думалъ, что я такой поэтъ. Бѣдный мальчикъ! навѣрно онъ очень груститъ, я просто не знаю, что ему сказать. (Громко). Да, мой милый, король позволяетъ мнѣ приходить сюда время отъ времени, почему и думаютъ, что я здѣсь что-нибудь значу, но вся привилегія моя заключается въ томъ, что я прогуливаюсь взадъ и впередъ. Меня считаютъ другомъ короля, тогда какъ я не болѣе, какъ его мебель до тѣхъ поръ, покуда его величеству ни заблагоразсудится сказать мнѣ, выходя изъ-за стола: «спой-ка мнѣ что-нибудь, я посплю»... Но что приводитъ въ эту обитель тебя?

Перильо. Хочу попробовать, чтобы меня взяли въ войско, идущее въ походъ на Неаполь.

Минуччьо. Что за вздоръ? ты хочешь сдѣлаться солдатомъ, выйдя изъ школы правъ? Да ты шутишь?

Перильо. Повѣрь, что я не шучу, Минуччьо.

Минуччьо (въ сторону). Его хладнокровіе меня пугаетъ. Это спокойствіе отчаянія. Что дѣлать? онъ любитъ, а она его не любитъ (Громко). Но, другъ, обдумалъ-ли ты свое рѣшеніе? Подумалъ-ли ты о своей наукѣ, о той карьерѣ, которая передъ тобой открывается? думалъ-ли ты о будущемъ?

Перильо. Да, въ немъ вѣрно только одно: это смерть.

Минуччьо. У тебя на душѣ горе... Я не спрашиваю тебя о причинахъ и не стараюсь въ нихъ проникнуть, но или я очень ошибаюсь, или ты дѣйствуешь въ эту минуту подъ вліяніемъ своего злого генія... Повѣрь мнѣ, надо подождать нѣсколько дней прежде, чѣмъ принять рѣшеніе.

Перильо. Зачѣмъ ждать тому, кому нечего бояться и не на что надѣяться!

Минуччьо. Но если-бы я попросилъ у тебя, какъ милости, не торопиться съ этимъ рѣшеніемъ?

Перильо. Зачѣмъ тебѣ?

Минуччьо. Ты меня оскорбляешь. Мнѣ казалось, что ты только что принялъ меня за друга. Послушай, время идетъ, сейчасъ придетъ король. Я не могу объяснить тебѣ вполнѣ ясно то, что я думаю. Но повторяю, не дѣлай ничего сегодня. Развѣ ужь такъ трудно подождать до завтра?

Перильо. Сегодня, или завтра, или въ другой день, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать, если хочешь, мнѣ все равно, я пересталъ считать часы.

Минуччьо. Ахъ, Боже мой! я скоро разсержусь! Такъ значитъ я, который

качалъ тебя, когда ты былъ еще маленькимъ мальчикомъ, долженъ смотрѣть сложа руки, какъ ты идешь на свою погибель, теперь, когда ты сдѣлался юношей, а я мужчиной? И я ничего не могу добиться? Ну что ты будешь дѣлать? У тебя какая-то рана на сердцѣ, у кого ея нѣтъ? Я не говорю, что ты долженъ бороться съ твоимъ горемъ, но не надо къ нему привязываться, потому что придетъ время, когда оно пройдетъ. Я знаю, ты не можешь этому вѣрить, но все-же запомни то, что я тебѣ скажу: теперь ты можешь страдать и плакать, не стыдясь своихъ слезъ, пусть будешь ты несчастнѣйшимъ изъ людей, не подавляй своей печали, разорви свою грудь, чтобы открыть выходъ скорби, пусть изливается она въ рыданіяхъ, жалобахъ, молитвахъ и угрозахъ, но только не связывай себя въ будущемъ. Уважай то время, которое ты больше не хочешь считать, оно знаетъ больше насъ, и ради преходящаго страданья не приготовляй себѣ самое прочное изъ всѣхъ страданій: сожалѣнье, которое оживляетъ забытое горе и отравляетъ воспоминанья!

Перильо. Быть можетъ, ты и правъ. Скажи мнѣ, ты видишься когда-нибудь съ синьоромъ Бернардо?

Минуччьо. Ну да, конечно, также какъ прежде.

Перильо. Когда ты его увидишь, Минуччьо, скажи ему...

СЦЕНА III.

Тѣ-же и сэръ Веспасьяно.

Сэръ Веспасьяно (входя). Хорошо, хорошо, я подожду! Милостивые государи, скоро прибудетъ король? (Обращаясь къ Минуччьо). А, это ты, перелетная птица? Вчера за ужиномъ я обошелся съ тобой немного круто, но мнѣ-бы не хотѣлось, чтобъ ты на меня сердился. Хорошъ и ты: напалъ на меня въ присутствіи красоты!

Минуччьо. О, я ни мало не въ претензіи; увѣряю васъ, что если-бы вы меня разсердили, вы бы это сейчасъ-же замѣтили.

Сэръ Веспасьяно. Я такъ и думалъ; всему свое мѣсто. Если-бы ты попробовалъ подразнить во дворцѣ такого человѣка, какъ я, тебѣ-бы это не прошло даромъ, но ты понимаешь, что я немного спускаюсь внизъ, когда хожу къ Кармозинѣ и не держусь тамъ на высотѣ своего положенія.

Минуччьо. Вы очень добры, что спускаетесь внизъ, если-бы дѣло было только въ этомъ...

Сэръ Веспасьяно. Не сердись, я тебя прощаю. Со вчерашняго дня мнѣ совсѣмъ не везетъ. Вотъ послушай, я тебѣ разскажу.

Перильо (въ сторону). Что это за человѣкъ? Онъ говорилъ о Кармозинѣ.

Сэръ Веспасьяно. Я говорилъ тебѣ, какъ мнѣ хотѣлось имѣть земли Чеффалу и Калатабеллоту; ты вѣдь знаешь, гдѣ онѣ находятся?

Минуччьо. Прошу извиненія, ваша свѣтлость...

Сэръ Веспасьяно. Это прекрасныя земли около моихъ пастбищъ.

Минуччьо. Но гдѣ-же ваши пастбища?

Сэръ Веспасьяно. А, чортъ возьми! да около Чеффалу и Калата...

Минуччьо. Я слышу, но когда я тамъ былъ, то, насколько я помню, тамъ не было ничего, кромѣ камней и кустиковъ.

Сэръ Веспасьяно. Калатабеллотта земля плодородная.

Минуччьо. Да, но вокругъ этой плодородной земли одни только...

Сэръ Веспасьяно. Ты шутникъ. Я хотѣлъ имѣть эти земли не изъ-за тѣхъ доходовъ, которые онѣ приносятъ, но только для того, чтобы округлить мое помѣстье, это было-бы прекрасно. Король, которому принадлежатъ эти земли, не хотѣлъ мнѣ ихъ уступать, намѣреваясь, какъ онъ говоритъ, подарить мнѣ ихъ въ день моей свадьбы. Очень любезная мысль. Вчера, изъ того, что сказала мнѣ эта добрая синьора Паскуа...

Перильо. Неужели?..

Сэръ Веспасьяно. Вы ее знаете? Это простые, но добрые люди, къ которымъ я хожу по вечерамъ немного развлечься и освѣжить воображеніе. У дочери красивые глаза и въ этомъ все дѣло, такъ какъ если-бы не это...

Минуччьо. А приданое?

Сэръ Веспасьяно. Ну, конечно, и приданое тоже. Эти простые люди умѣютъ копить, но я не объ этомъ забочусь. Достаточно того, что мнѣ нравится дѣвочка. Я шепнулъ объ этомъ два слова матери, и она была на седьмомъ небѣ. Вчера меня пригласили ужинать и я ожидалъ, что все будетъ уже слажено... Понялъ-ли ты теперь, въ чемъ дѣло, прекрасный мой трубадуръ?

Минуччьо. Немного меньше, чѣмъ до вашего разсказа.

Сэръ Веспасьяно. Этотъ шутъ вѣчно балагуритъ. А, чортъ возьми! вмѣсто праздника и веселой невѣсты я встрѣчаю заплаканныя лица и полубезчувственную особу и меня угощаютъ письмомъ...

Минуччьо (тихо сэру Веспасьяно). Молчите ради Бога!

Сэръ Веспасьяно. Зачѣмъ-же дѣлать изъ этого тайну, когда дѣвочка сказала мнѣ сама, что она этого не хочетъ? Боже мой, что за посланіе! Четыре страницы причитаній...

Минуччьо (тихо). Вы забываете, что я былъ тамъ и знаю не меньше васъ.

Сэръ Веспасьяно. Да вовсе нѣтъ, ты ничего не знаешь, всего интереснѣе то, что я объявилъ королю о моей женитьбѣ.

Минуччьо. И вы разсчитывали на Чеффалу?

Сэръ Веспасьяно. И Калатабеллотту, ну, конечно. И что-же я теперь скажу, когда король закричитъ мнѣ со своего коня: «ну, что ваша женитьба, рыцарь Веспасьяно?» Это будетъ очень неловко. Ты скажешь мнѣ, что въ концѣ-концовъ красавица отъ меня не уйдетъ, я это знаю, но зачѣмъ дѣлать затрудненія? всѣ эти капризы обидны и вовсе не кстати, когда я на все согласенъ.

Перильо (тихо Минуччьо). Что это значитъ, Минуччьо?

Минуччьо (тихо). Развѣ ты не видишь, что это за птица?

Сэръ Веспасьяно. Впрочемъ, я виню въ этомъ не Кармозину, а ея глупыхъ родителей, что касается до нея, то ея намѣреніе было довольно ясно, когда она читала мнѣ письмо отвергнутаго соперника.

Минуччьо. Ея намѣреніе было дѣйствительно ясно, она вамъ сказала, что хочетъ остаться дѣвицей...

Сэръ Веспасьяно. Ну, да! это все уловки и милое кокетство, которыми нельзя обмануть любовь. Когда красавица говоритъ вамъ, что никто ей не по вкусу, это значитъ: «Мнѣ нравитесь только вы».

Перильо. Смѣю спросить, кто писалъ то письмо, о которомъ вы говорите.

Сэръ Веспасьяно. Не знаю, какой-то Антоніо, кажется, клеркъ, изъ крючкотворовъ...

Перильо. Я имѣю честь къ нимъ принадлежать и попрошу васъ выражаться иначе.

Сэръ Веспасьяно. Я дворянинъ и рыцарь... Сами выражайтесь вы иначе!

Минуччьо (сэру Веспасьяно). А я вамъ совѣтую замолчать. (Обращаясь къ Перильо). Съ ума ты сошелъ, Перильо? дразнить дурака!

Перильо (въ то время какъ сэръ Веспасьяно отходитъ). О, Минуччьо! мое бѣдное письмо! мой бѣдный прощальный привѣтъ, написанный со слезами, завѣтный стонъ моего сердца, самая святая вещь въ мірѣ, послѣднее рукопожатіе уходящаго друга,—и она выставила все это напоказъ передъ этимъ жалкимъ шутомъ! О, неблагодарная, недобрая дѣвушка! она осквернила печать дружбы, она обезчестила мои страданія. О, Боже! я говорилъ тебѣ сейчасъ, что не могу

уже больше страдать, но я не думалъ объ этомъ.

Минуччьо. Обѣщай мнѣ по крайней мѣрѣ...

Перильо. Не бойся! Я забылся только на минуту; но теперь все кончено, я спокоенъ. (Смотря на Веспасьяно, который ходитъ по сценѣ). Къ чему мнѣ сердиться на этого человѣка, на этого смѣшного автомата, поставленнаго Богомъ на моемъ пути? Не все-ли равно мнѣ, тотъ или этотъ? Я вижу въ немъ только слѣпое орудіе судьбы; такъ и должно было быть. Да, это въ порядкѣ вещей. Когда искренній честный человѣкъ пострадалъ въ томъ, что для него всего дороже, когда непоправимое несчастье сламываетъ его силы и убиваетъ его надежды, когда всѣ его обманули, обидѣли и оттолкнули, то почти всегда, замѣть это, почти всегда ему наноситъ послѣдній ударъ какой-нибудь дуракъ, который, встрѣтивъ человѣка, лежащаго на землѣ, нечаянно наступаетъ на кинжалъ, который у того въ сердцѣ.

Минуччьо. Мнѣ нужно съ тобой поговорить, пойдемъ со мной, ты долженъ отказаться отъ своего плана...

Перильо. Теперь ужь слишкомъ поздно.

СЦЕНА IV.

Тѣ-же и **дворцовый офицеръ.** (Зала наполняется народомъ).

Офицеръ. Разступитесь, отойдите.

Сэръ Веспасьяно (обращаясь къ Минуччьо). Такъ ты особенно близокъ съ этимъ молодымъ человѣкомъ? Скажи мнѣ, какъ ты думаешь, долженъ-ли я считать себя обиженнымъ?

Минуччьо. Вы, достойнѣйшій рыцарь?

Сэръ Веспасьяно. Онъ хотѣлъ, чтобы я замолчалъ.

Минуччьо. Развѣ вы этого не исполнили?

Сэръ Веспасьяно. Да, правда. А вотъ и ихъ величества. Кажется, король немного разсерженъ; но все таки я долженъ говорить съ нимъ во что-бы то ни стало, ты понимаешь, что мнѣ не слѣдуетъ ждать того, что онъ самъ вызоветъ меня на объясненіе.

Минуччьо. Насчетъ чего?

Сэръ Веспасьяно. Насчетъ моей женитьбы.

СЦЕНА V.

Тѣ-же, **король и королева.**

Король. Чтобы я больше объ этомъ не слыхалъ! Или это несчастное королевство проклято Богомъ, или оно врагъ собственнаго спокойствія, что не можетъ сохранить внутренняго мира, въ то время, какъ я воюю за его предѣлами! Какъ, мы едва успѣли изгнать враговъ, они еще показываются у нашихъ береговъ, я рискую для васъ своей жизнью вмѣстѣ съ инфантомъ и, возвращаясь сюда, сейчасъ-же долженъ разбирать ваши ссоры?

Королева. Простите имъ ради вашей славы и новаго успѣха вашего оружія.

Король. Нѣтъ, клянусь небомъ! Именно они-то и заставятъ меня потерять плоды этихъ битвъ своими постыдными распрями и мужичьими ссорами! Этотъ хлопочетъ изъ гордости, тотъ изъ скупости. Дерутся изъ-за привилегій, изъ ревности, изъ-за обидъ; въ то время, какъ вся Сицилія требуетъ помощи нашихъ мечей, здѣсь выхватываютъ ножи изъ-за пшеничнаго поля. Развѣ для того льется французская кровь со дня Сицилійскихъ вечерень? Какой былъ тогда вашъ военный кличъ? Свобода и отечество! не такъ-ли? И власть этихъ словъ такова, что они сдѣлали месть священной. Но какое право имѣли вы мстить, если вы безчестите побѣду? Зачѣмъ свергнули вы короля, если не умѣете быть народомъ?

Королева. Развѣ они это заслужили?

Король. Они заслужили больше, какъ всѣ, кто нарушаетъ миръ государства, не зная или не желая знать,

что когда народъ возстанетъ въ ненависти и въ гнѣвѣ, онъ долженъ улечься спокойно и величаво, какъ левъ.

Королева (присутствующимъ въ полголоса). Не бойтесь, добрые люди. Вы знаете, какъ онъ васъ любитъ.

Король. Мы всѣ единодушны, мы всѣ отвѣчаемъ за жертву Пасхальнаго дня! Будемъ друзьями, иначе мы будемъ преступны. Я пришелъ къ вамъ не для того, чтобы подобрать подъ плахой корону Конрадина, но чтобы присоединить мою корону къ обновленной Сициліи. Повторяю вамъ, будьте за одно! соперничество и вражда должны исчезнуть и у знатныхъ, и у простыхъ людей; а если вы этого не хотите и вмѣсто того, чтобы помогать другъ другу, какъ велитъ самъ Богъ, вы не будете уважать собственныхъ законовъ, клянусь святымъ крестомъ, я вамъ напомню эти законы и первому, кто перелѣзетъ черезъ заборъ сосѣда, чтобы украсть у него клокъ соломы, я заставлю отрубить голову на той самой межѣ, которая служитъ границей его поля. Джеронимо, сними съ меня шпагу. (Толпа уходитъ).

Королева. Позвольте мнѣ вамъ помочь.

Король. Вы, милая? Какъ можно! Эта работа слишкомъ груба для вашихъ нѣжныхъ рукъ.

Королева. О, я сильна, когда вы побѣдитель. Да ваша шпага легче моей трости, донъ-Педро. Такъ Салернскій принцъ у васъ въ плѣну?

Король. Да, и монсиньоръ Анжуйскій долженъ будетъ дать большой выкупъ за этого безобразнаго хромого. Отчего эти люди уходятъ? (Садится).

Королева. Потому что вы ихъ разбранили.

Король. Да, я великій варваръ и ужасный тиранъ. Не такъ-ли, моя дорогая Констанца?

Королева. Они знаютъ, что нѣтъ.

Король. Еще-бы, вы всегда успокоиваете ихъ какъ разъ въ то время, когда я сердитъ.

Королева. А развѣ вы хотите, чтобы они васъ ненавидѣли? Вамъ не легко это сдѣлать. Посмотрите, они всѣ разбѣжались; вы должны быть довольны. Въ галлереѣ остался только одинъ юноша, который ходитъ съ очень печальнымъ и скромнымъ видомъ и время отъ времени бросаетъ на насъ взглядъ, который какъ будто хочетъ сказать: «Когда-бъ я смѣлъ!» Навѣрно онъ желаетъ сказать вамъ что-нибудь очень таинственное и интересное. Смотрите, какъ онъ почтительно и робко смотритъ; я увѣрена, что у этого нѣтъ ссоръ съ сосѣдями... вотъ онъ уходитъ. Не нужно-ли его позвать?

Король. Если это вамъ нравится.

(Королева дѣлаетъ знакъ дворцовому офицеру, который говоритъ съ Перильо, тотъ подходитъ къ королю и преклоняетъ колѣно. Королева садится въ нѣкоторомъ отдаленіи).

Король. Что ты имѣешь мнѣ сказать?

Перильо. Я боюсь, государь, что меня обманули.

Король. Какъ обманули?

Перильо. Мнѣ сказали, что король позволяетъ малѣйшему изъ своихъ подданныхъ приближаться къ его священной особѣ и излагать ему...

Король. Чего ты просишь?

Перильо. Мѣста въ вашемъ войскѣ.

Король. Обратись къ моимъ офицерамъ. (Перильо встаетъ и кланяется). Отчего ты пришелъ ко мнѣ?

Перильо. Та просьба, которой я осмѣлился васъ безпокоить, государь, можетъ измѣнить весь ходъ моей жизни. Намъ недоступно лицо Провидѣнія, но власть королей на него походитъ, они ближе насъ къ Богу.

Король. Ты хорошо сдѣлалъ, но платье твое не идетъ къ латамъ.

Перильо. Я учился, чтобъ быть адвокатомъ, но теперь у меня другія намѣренія.

Король. Почему такъ?

Перильо. Я сицильянецъ, а ваше величество только что изволили говорить...

Король. Правовѣдъ можетъ служить своей родинѣ также хорошо, какъ и воинъ. Ты хочешь мнѣ польстить... Твоя причина другая.

Перильо. Простите, государь...

Король. Ну, будь-же откровененъ; ты проигрался или у тебя умерла любовница?

Перильо. Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь, государь.

Король. Я хочу знать причину, которая тебя привела.

Королева. Но, государь, если онъ не хочетъ ее сказать?

Перильо. Королева, если-бы у меня была тайна, я бы хотѣлъ, чтобы она принадлежала мнѣ одному и стоила того, чтобы сказать ее вамъ.

Королева. Если она тебѣ не принадлежитъ, сохрани ее. Это родъ мужества, который не часто встрѣчается.

Король. Хорошо. Ты умѣешь ѣздить верхомъ?

Перильо. Я научусь, государь.

Король. Ты думаешь? Хороши были-бы такіе неопытные всадники! отправившись со мной въ Палестину, они полетѣли-бы на землю при первомъ ударѣ копья также, какъ бѣдный Веспасьяно!

Королева. Но, государь, развѣ это такъ трудно? Я, женщина, научилась этому очень скоро и теперь не испугалась-бы вашего боевого коня.

Король. Въ самомъ дѣлѣ! (Обращаясь къ Перильо). Какъ тебя зовутъ?

Перильо. Перильо, государь.

Король. Приди сюда, Перильо, ты нашелъ свою счастливую звѣзду. Ты видишь, что за тебя королева. Поблагодари ее, а потомъ продавай адвокатскую шляпу и покупай себѣ шлемъ.

(Перильо преклоняетъ колѣно передъ королевой, которая даетъ ему поцѣловать свою руку).

Королева. Ты правъ, Перильо, выбирая себѣ ремесло солдата. Предоставь другимъ искать счастья посредствомъ длинныхъ рѣчей. Первая причина твоей удачи, запомни это, была та скромность, которую ты проявилъ. Воспользуйся моимъ совѣтомъ, я женщина и любопытна и могу сказать тебѣ, что любопытнѣйшая женщина забавляется съ тѣмъ, кто говоритъ, но уважаетъ того, кто молчитъ.

Король. У него навѣрно несчастная любовь, а это на войнѣ не годится.

Перильо. Отчего, государь?

Король. Потому что влюбленные дерутся всегда или слишкомъ много, или слишкомъ мало, судя по тому, велитъ-ли имъ взоръ ихъ красавицы искать или избѣгать смерти.

Перильо. Тотъ, кто ищетъ смерти, можетъ также ее давать.

Король. Начни съ этого, это будетъ всего умнѣе.

СЦЕНА VI.

Король, королева, Минуччьо, сэръ Веспасьяно, придворныя дамы, паши и друг.

(Перильо, уходя, встрѣчаетъ Минуччьо и говоритъ съ нимъ нѣсколько словъ).

Король. Кто тамъ идетъ? да это кажется Минуччьо съ цѣлой стаей юныхъ дѣвицъ?

Королева. Да, это онъ, и съ нимъ мои фрейлины, онѣ вѣрно пристаютъ къ нему, чтобъ онъ пѣлъ. Позовите его! прошу васъ: я его такъ люблю! никто при дворѣ не нравится мнѣ больше его; онъ сочиняетъ такія милыя пѣсни!

Король. Я тоже люблю его, но не такъ горячо... Эй, Минуччьо! Поди-ка сюда! да пускай принесутъ ему кубокъ кипрскаго вина, чтобы прочистить ему горло. Онъ разскажетъ намъ что-нибудь, какъ онъ умѣетъ.

Минуччьо (сэру Веспасьяно). Уходите, король меня позвалъ.

Сэръ Веспасьяно. Хорошо, хорошо, королева мнѣ сдѣлала знакъ.

Минуччьо (въ сторону). Я никогда отъ него не отдѣлаюсь. Онъ виноватъ въ томъ, что Перильо ушелъ отъ меня въ толпу.

(Лакей приноситъ вино; въ тоже время офицеръ подаетъ королю пись-

мо, которое онъ читаетъ, отойдя въ сторону).

Королева. Ну, что мои вѣтренницы, мои маленькія болтуньи, вы опять тормошите этого бѣднаго Минуччьо?

Первая дама. Мы хотимъ, чтобъ онъ спѣлъ намъ романсъ.

Вторая дама. И куплеты.

Третья дама. И устроилъ-бы игру въ вопросы.

Королева (Минуччьо). Знаешь-ли ты, что я буду на тебя жаловаться! Тебя только тогда и видно, когда пріѣзжаетъ король, когда-же я одна, ты больше не показываешься.

Сэръ Веспасьяно (выступая впередъ). Вы очень ошибаетесь, ваше величество. Не проходитъ дня, чтобы меня не видѣли при дворѣ.

Королева. Здравствуй, Веспасьяно, здравствуй.

Минуччьо (въ сторону). Что съ нимъ будетъ теперь? онъ солдатъ и долженъ идти въ походъ.

Король (читая съ разсѣяннымъ видомъ и обращаясь къ Минуччьо). Я очень радъ тебя видѣть. Ты разскажешь мнѣ разныя новости. Выпей стаканъ вина.

Сэръ Веспасьяно (пьетъ вино). Вы, очень добры, ваше величество. Моя женитьба еще не устроена.

Король. Это ты, Веспасьяно? Ну, что-же! въ другой разъ!..

Сэръ Веспасьяно. Конечно, конечно, государь. (Въ сторону). Онъ ничего не говоритъ о Калатабеллоттѣ. (Обращаясь къ придворнымъ дамамъ). Чего вы всѣ смѣетесь?

Первая дама. Скажите пожалуйста.

Сэръ Веспасьяно. Да, конечно. Король меня спрашиваетъ, а я отвѣчаю. Чего-же тутъ смѣшного?

Вторая дама. Какъ поживаетъ ваша лошадь съ тѣхъ поръ, какъ мы не видали васъ, благородный рыцарь?

Третья дама. Мы за нее очень боялись.

Первая дама. А вамъ шлемъ?

Вторая дама. А ваше копье?

Третья дама. Починили вы ихъ?

Сэръ Веспасьяно. Мнѣ нѣтъ дѣла до женскихъ насмѣшекъ.

Первая дама. Мы васъ спрашиваемъ, отвѣчайте, а не то мы скажемъ, что вы не лучше умѣете отвѣчать...

Сэръ Веспасьяно. Ну!

Вторая дама. Чѣмъ отклонять удары копья.

Сэръ Веспасьяно (въ сторону). Ахъ, вы несносныя сороки!

Королева. Минуччьо такъ озабоченъ, что не слышитъ, что вокругъ него говорятъ.

Минуччьо. Это правда, я смиренно прошу прощенія у вашего величества, но со вчерашняго дня я только и думаю, что объ этой бѣдной дѣвушкѣ, т. е. я хотѣлъ сказать объ этомъ бѣдномъ юношѣ... нѣтъ, я ошибся, я просто старался вспомнить одинъ романсъ.

Королева. Романсъ? ты сейчасъ намъ его споешь. Мои милыя подруги хотятъ играть въ вопросы и отвѣты. Задай имъ нѣсколько вопросовъ, чтобы ихъ позабавить... Сэръ Веспасьяно!

Сэръ Веспасьяно. Ваше величество?!

Королева. Умѣете вы находить подходящіе отвѣты?

Сэръ Веспасьяно (въ сторону). Опять та-же шутка! (Громко). Я право не виноватъ, это случилось не по моей винѣ!

Королева. О чемъ вы говорите?

Сэръ Веспасьяно. О моей женитьбѣ. Клянусь вамъ, она разстроилась не по моей винѣ.

Королева. Ну, ничего, потомъ устроится.

Сэръ Веспасьяно. Вы будете довольны, ваше величество. (Въ сторону). Король сказалъ «въ другой разъ», королева прибавила «потомъ», когда я имъ кланялся, оба говорили мнѣ «ты», это значитъ я въ большой милости, а кромѣ того у меня съ сердца свалилась страшная тяжесть. Какъ только можно будетъ уйти, я полечу къ моей красавицѣ.

Король (продолжая читать). Вотъ

это хорошо. Карлъ хромоногій кричитъ съ одной стороны, а Карлъ Анжуйскій съ другой... Вы, кажется, хотѣли играть въ вопросы и отвѣты?

Королева. Да, государь, если вы прикажете...

Король. Вы знаете, что я ничего въ этомъ не смыслю, но все равно. Ну-ка, Минуччьо, заставь поболтать этихъ дѣвицъ. (Всѣ садятся въ кругъ).

Минуччьо. Что лучше: надѣяться или обладать?

Сэръ Веспасьяно. Конечно, лучше обладать.

Минуччьо. Отчего такъ, благородный рыцарь?

Сэръ Веспасьяно. Да потому, что... это бросается въ глаза.

Первая дама. А если приходится обладать пустымъ кошелькомъ, слишкомъ длиннымъ носомъ и ударомъ шпаги?

Сэръ Веспасьяно. Ну, тогда предпочтительнѣе надежда.

Вторая дама. А если надѣются получить руку дѣвушки, которой вы не нравитесь и которая надъ вами смѣется?

Сэръ Веспасьяно. Ну, въ такомъ случаѣ, я не знаю...

Первая дама. Надо обладать большимъ терпѣньемъ.

Вторая дама. И очень мало надѣяться.

Минуччьо (третьей дамѣ). А вы что-же ничего не говорите?

Третья дама. Вашъ вопросъ безполезенъ, вѣдь говорятъ, что надежда единственное сокровище, которымъ стоитъ обладать.

Королева. Сэръ Веспасьяно побѣжденъ. Еще одинъ вопросъ Минуччьо.

Минуччьо. Что лучше: любовникъ, умирающій отъ тоски въ разлукѣ съ милою или любовникъ, умирающій отъ счастья свиданія съ нею?

Дамы (всѣ вмѣстѣ). Тотъ, что умираетъ, тотъ, что умираетъ!

Сэръ Веспасьяно. Но если оба умираютъ.

Дамы. Тотъ, что умираетъ! тотъ, что умираетъ!

Сэръ Веспасьяно. Но вѣдь вамъ говорятъ, васъ спрашиваютъ...

Первая дама. Мы любимъ только такихъ, которые умираютъ отъ любви!

Сэръ Веспасьяно. Но вѣдь тутъ два случая...

Вторая дама. Только эти истинно любятъ.

Сэръ Веспасьяно. Но однако...

Третья дама. У насъ только такіе и будутъ.

Король. Что лучше: разумныя сдержанныя и тихія дѣвушки или маленькія вѣтренницы, которыя кричатъ и мѣшаютъ мнѣ читать? Ну-ка, Минуччьо, гдѣ твоя гитара?

Минуччьо. Позвольте мнѣ обойтись безъ нея, государь! Я не сочинилъ еще музыку къ новому романсу и знаю только слова.

Король. Ну, хорошо. А вы дѣвицы...

Первая дама. Мы будемъ нѣмы, государь.

Сэръ Веспасьяно (въ сторону). Что касается до меня, то съ меня довольно сонетовъ и куплетовъ. Ихъ величества велѣли мнѣ торопиться со свадьбой... Что-же можетъ мнѣ теперь помѣшать? И такъ я исчезну и полечу къ моей красавицѣ.

СЦЕНА VII.

Тѣ-же, кромѣ сэра Веспасьяно.

Королева (обращаясь къ Минуччьо). Ты самъ сочинялъ слова?

Минуччьо. Нѣтъ, ваше величество.

Королева. Такъ значитъ Чиполла?

Минуччьо. Еще того менѣе.

Король. Ну все таки начни. Послѣ битвы пѣсня для меня еще лучше, чѣмъ послѣ пира и чѣмъ спокойнѣе и нѣжнѣе ея поэзія, тѣмъ пріятнѣе отдыхъ усталому уху; вѣдь битва это страшный шумъ и громъ и когда раздается хорошій ударъ сѣкиры по головѣ... (Дамы вскрикиваютъ). Тише! Скажи сначала пѣсню, а потомъ мы скажемъ, кто авторъ. Такъ лучше можно судить.

Минуччьо. Вы смѣетесь надъ правилами, государь. Что сталось-бы съ

литературнымъ судомъ, если-бы ему надѣли повязку, какъ богинѣ правосудія? Авторъ моего романса—молодая дѣвушка.

Королева. Въ самомъ дѣлѣ?

Минуччьо. Да. Прелестная дѣвушка, которая красива, умна, скромна и любезна, и мой романсъ любовная жалоба.

Королева. Такъ неужели ее не любятъ?

Минуччьо. Нѣтъ, королева, и она умираетъ отъ любви. Богъ далъ ей все, чтобы нравиться и быть счастливой, ея отецъ, богатый и ученый человѣкъ, любитъ ее всей душой или вѣрнѣе боготворитъ, онъ готовъ отдать все свое богатство, чтобы удовлетворить ея малѣйшему желанію, стоитъ ей сказать слово, и у ногъ ея будетъ толпа поклонниковъ изъ людей молодыхъ, красивыхъ, блестящихъ, даже изъ дворянъ, хотя она не дворянскаго рода. Но до восемнадцати лѣтъ ея сердце молчало. Изъ всѣхъ, кого привлекала ея красота, не былъ отвергнутъ только сынъ стараго друга. Надѣясь составить себѣ состояніе и получить награду за свои труды, онъ добровольно удалился и много лѣтъ посвятилъ ученью, желая сдѣлаться адвокатомъ.

Король. Еще одинъ адвокатъ!

Минуччьо. Да, государь, и вотъ онъ возвращается еще болѣе счастливый, чѣмъ гордый тѣмъ, что добился своего новаго званія, онъ разсчитываетъ на слово отца, и проситъ вмѣсто всякой награды только того, чтобы ему позволено было надѣяться, но увы! во время его отсутствія равнодушная и жестокая красавица встрѣтила того, кто долженъ былъ отомстить за любовь. Однажды сидя у окна съ подругами, она увидала всадника, ѣдущаго мимо на праздникъ, даваемый въ честь королевы. Она послѣдовала за нимъ и увидала его побѣдителемъ на турнирѣ. Одинъ взглядъ рѣшилъ ея участь.

Король. Вотъ удивительный романъ!

Минуччьо. Съ этого дня она впала въ глубокую меланхолію, такъ-какъ тотъ, кого она любила, не можетъ ей принадлежать. Онъ женатъ на женщинѣ, быть можетъ, самой прекрасной, доброй и очаровательной во всемъ королевствѣ. И находитъ любовницу въ вѣрной супругѣ. Бѣдняжка не обманываетъ себя, она знаетъ, что ея безумная страсть должна быть погребена въ ея сердцѣ. Она старается, чтобы никто не проникъ въ ея тайну, избѣгаетъ случаевъ видѣть предметъ своей любви и даже не позволяетъ себѣ произносить его имя, несчастная лишилась сна, ея разумъ слабѣетъ, она теряетъ силы и блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ. Не желая говорить о томъ, кого любитъ, она не можетъ думать ни о чемъ другомъ; отказывается отъ утѣшеній и развлеченій, отталкиваетъ лѣкарства, которыя предлагаетъ ей огорченный отецъ, она умираетъ, гаснетъ и таетъ, какъ снѣгъ на солнцѣ. Наконецъ, на краю могилы страданье заставляетъ ее говорить. Ея милый ее не знаетъ, онъ никогда не сказалъ ей ни слова, быть можетъ, даже никогда ее не видалъ; но она не хочетъ умереть, не открывъ ему причину своей смерти, и рѣшается писать ему такъ: (читаетъ).

Открой, Любовь, души моей мученье.
Скажи ему, что смерть моя близка,
И если въ немъ проснется сожалѣнье
Мнѣ будетъ смерть жестокая легка!

Тебя, Любовь, смиренно умоляю:
Иди туда, гдѣ милый мой живетъ,
Скажи ему, что плачу и рыдаю
И такъ скорблю, что смерть уже идетъ,
Но вся въ огнѣ, не знаю я мгновенья,
Когда прервется милое мученье.

Смерть ждетъ меня и если изъ могилы
Я не вернусь и не возстану вновь,
Тамъ буду спать съ моей мечтою милой,—
Но мой недугъ открой ему, Любовь.

Онъ мнѣ предсталъ, побѣдою блистая,
И ты, Любовь, велѣла мнѣ любить.
Съ тѣхъ поръ мечту пугливую скрывая,
Ее въ душѣ стараясь подавить,
Томлюся я, но все-же умирая,
Свою тоску боюсь ему открыть.
А можетъ быть, внушилъ-бы состраданье
Мой блѣдный ликъ съ печатью горькихъ мукъ..

Не знаю я... страшитъ меня признанье,
Но ты, Любовь, повѣдай мой недугъ.

Увы, Любовь, когда ты въ утѣшенье
Моей тоскѣ то счастье не дала,
Чтобъ онъ читалъ души моей мученье,
Чтобъ видѣлъ онъ какъ слезы я лила!..
Скажи-жь ему, услышь мое моленье:
Когда-бъ не онъ, теперь-бы я жила.
Пусть помнитъ онъ на родинѣ далекой,
Что разъ въ бою онъ храбро побѣдилъ
Въ странѣ чужой, а я въ тоскѣ жестокой
Умру затѣмъ, что доблесть онъ явилъ.

Королева. Ты говоришь, что этотъ романсъ сочинила молодая дѣвушка?

Минуччьо. Да, королева.

Королева. Если это правда, ты скажешь ей, что у нея есть другъ, и дашь ей вотъ это кольцо. (Снимаетъ съ руки кольцо).

Король. Но къ кому относится эта пѣсня? Судя по послѣднимъ словамъ, можно думать, что говорится объ иностранцѣ. Ты его знаешь? Какъ его зовутъ?

Минуччьо. Я могу вамъ сказать это, государь, но только одному вамъ.

Король. Ну, что за тайны!

Минуччьо. Я связанъ словомъ, государь!

Король. Въ такомъ случаѣ удалитесь, дѣвицы, я хочу знать эту тайну. Что-же касается до королевы, то ты знаешь, что я одинъ, если со мной только она. (Дамы уходятъ въ глубину сцены).

Минуччьо. Я знаю, государь, и я готовъ...

Королева. Нѣтъ, Минуччьо. Благодарю тебя за то, что ты уважаешь меня настолько, что довѣряешь мнѣ свою честь; но, разъ, что ты связанъ словомъ, я перестаю быть королевой, я просто женщина, которая не хочетъ, чтобы честный человѣкъ могъ въ чемъ-либо себя упрекнуть. (Уходитъ).

Король. Къ кому же относятся эти стихи?

Минуччьо. Или вы забыли, государь, кто былъ побѣдителемъ на послѣднемъ турнирѣ?

Король. Ахъ, Боже мой! да это я самъ.

Минуччьо. Такъ къ вамъ и относятся эти стихи.

Король. Ты говоришь—ко мнѣ?

Минуччьо. Да, государь. Все, что я разсказалъ, была сущая правда. Эта дѣвушка, которую я описалъ молодой, прекрасной и умирающей отъ любви, существуетъ, она живетъ здѣсь, близко отъ вашего дворца; пускай пойдетъ со мной кто-нибудь изъ вашихъ офицеровъ и разскажетъ вамъ то, что увидитъ. Это бѣдное дитя ждетъ смерти, и я говорю съ вами по ея просьбѣ. Ея красота, страданья и покорность также истинны, какъ и ея любовь. Ее зовутъ Кармозина.

Король. Это странно.

Минуччьо. А молодой человѣкъ, который отправился въ Падую и надѣялся жениться на ней по возвращеніи, былъ сегодня утромъ во дворцѣ. Это онъ просилъ у васъ мѣста въ рядахъ Неаполитанской арміи. Этотъ также умретъ и даже скорѣе ея, потому что будетъ искать смерти.

Король. Я такъ и думалъ. Но, нѣтъ, этого не будетъ. Я хочу видѣть эту дѣвушку.

Минуччьо. Ея крайняя слабость...

Король. Я пойду. Тебѣ это, кажется, не нравится?

Минуччьо. Государь, я боюсь, что ваше присутствіе...

Король. Не сказалъ-ли ты сейчасъ, что согласенъ говорить при королевѣ?

Минуччьо. Да, государь.

Король. Пойдемъ-же къ ней со мной.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Садъ. — Налѣво фонтанъ съ нѣсколькими стульями и скамейкой.—Направо домъ синьора Бернардо.—Въ глубинѣ сцены терасса и рѣшетка).

СЦЕНА I.

Кармозина сидитъ на скамейкѣ, рядомъ съ ней Перильо и синьоръ Бернардо, Минуччьо сидитъ на краю фонтана съ гитарой въ рукахъ.

Кармозина. «Открой, Любовь, души моей мученье». Какъ мнѣ нравится эта пѣсня, Минуччьо!

Минуччьо. Хотите, я начну ее снова? Мы оба къ вашимъ услугамъ. (Показываетъ на гитару).

Кармозина. Не будь такъ услужливъ, не то я заставлю тебя повторить ее сто разъ и буду слушать еще и еще до тѣхъ поръ, пока мое вниманіе и мои силы истощатся, и я умру, мечтая о ней! Какъ ты находишь ее, Перильо?

Перильо. Прелестной, когда вы сами ее говорите.

Синьоръ Бернардо. Слишкомъ мрачно. Я не знаю, къ чему печальныя пѣсни. Мнѣ кажется, что вообще поютъ только тогда, когда весело, по крайней мѣрѣ такъ бываетъ со мной... но со мной больше этого не бываетъ..

Кармозина. Отчего-же? что вамъ не нравится въ этомъ романсѣ? Правда, онъ не такъ игривъ, какъ застольныя пѣсни, но что-жь такое? развѣ только то и хорошо. Въ ней говорится о любви, но развѣ вы не знаете, что это необходимая форма и что нельзя быть поэтомъ, не притворившись влюбленнымъ? Въ ней говорится также объ страданьи и тоскѣ, но кто-же не знаетъ, что въ стихахъ влюбленные всегда самые счастливые или самые несчастные люди въ мірѣ? «Открой, Любовь, души моей мученье...» А что говорится дальше?

Синьоръ Бернардо. Ничего хорошаго, мнѣ это не нравится.

Кармозина. Это испанскій романсъ и онъ очень нравится королю донъ-Педро. Не правда-ли, Минуччьо?

Минуччьо. Онъ такъ сказалъ; королевѣ тоже онъ очень понравился.

Синьоръ Бернардо. И на здоровье! погребальная пѣсня!

Кармозина. Ты ничего не говоришь, Перильо, но можетъ быть ты думаешь тоже самое, я вижу, что ты грустенъ.

Перильо. Я? право, нѣтъ.

Кармозина. Это было-бы очень нехорошо, я могла-бы подумать, что ты еще не совсѣмъ меня простилъ.

Перильо. Неужели вы это думаете?

Кармозина. Я надѣюсь, что нѣтъ; но я чувствую себя очень виноватой. Я была очень глупа и неблагодарна; вѣдь ты, бѣдняжка, пришелъ издалека, тебя такъ долго здѣсь не было! но, что-же дѣлать? мнѣ было вчера нехорошо.

Синьоръ Бернардо. А теперь?

Кармозина. Не бойтесь; на этотъ разъ мои страданья скоро кончатся.

Синьоръ Бернардо. Вчера ты говорила то-же самое.

Кармозина. О, сегодня я въ этомъ увѣрена. Вчера мнѣ было хорошо, потомъ дурно... Не будемъ говорить о вчерашнемъ днѣ, я согласна слушать только Перильо, если онъ будетъ говорить, что забылъ, что было вчера.

Перильо. Могу-ли я думать о себѣ, когда вижу, что вы возвращаетесь къ жизни? Мое горе не существуетъ, если вы улыбаетесь.

Кармозина. Ну и забудь свое горе, какъ я забыла свою печаль. Минуччьо, я хотѣла тебя спросить...

Минуччьо. Что вы ищете?

Кармозина. Гдѣ твой романсъ? Мнѣ кажется, я забыла одно слово. (Минуччьо даетъ ей написанный романсъ, она читаетъ его про себя).

СЦЕНА II.

Тѣ-же, сэръ Веспасьяно и синьора Паскуа выходятъ изъ дому.

Сэръ Веспасьяно (синьорѣ Паскуа). Ну что я вамъ сказалъ? такъ и должно было случиться. Смотрите, какая семейная картина!

Синьора Паскуа. Какъ вы умѣете все устроить!

Сэръ Веспасьяно. Это сущіе пустяки, сударыня, довольно было одного слова, я только повторилъ вашей прелестной дочкѣ слово въ слово то, что сказали мнѣ ихъ величества.

Синьора Паскуа. И она согласилась?

Сэръ Веспасьяно. Не то, чтобы совсѣмъ... вы знаете дѣвическую скромность...

Кармозина (вставая). Сэръ Веспасьяно!

Сэръ Веспасьяно. Моя царица?

Кармозина. Если-бы вы ни ухаживали за моей матерью, я-бы попросила вашу руку.

Сэръ Веспасьяно. Моя рука и моя шпага къ вашимъ услугамъ.

Кармозина. Нѣтъ, я не хочу вамъ мѣшать. Перильо, доведи меня до терассы. (Уходитъ съ Перильо).

Сэръ Веспасьяно (синьорѣ Паскуа). Вы видите, какіе она бросаетъ на меня взгляды? Но что за птица этотъ Перильо? Признаться, мнѣ не нравится его присутствіе, онъ притворяется влюбленнымъ и если-бы не мое уваженіе къ вамъ, я не знаю, чѣмъ-бы это кончилось.

Синьора Паскуа. Да что вы? неужели онъ посмѣетъ?... вы слишкомъ вспыльчивы, рыцарь!

Сэръ Веспасьяно. Да, правда. Такъ вы говорили, что приданое... (Уходятъ, гуляя по саду).

СЦЕНА III.

Минуччьо и синьоръ Бернардо.

Синьоръ Бернардо. Ты всему этому вѣришь, Минуччьо?

Минуччьо. Да, я ее слушаю, наблюдаю за ней, и мнѣ кажется, все идетъ хорошо.

Синьоръ Бернардо. Ты вѣришь этой веселости? Но самъ-то ты развѣ откровененъ? Отчего ты не хочешь сказать мнѣ, что она говорила тебѣ вчера наединѣ?

Минуччьо. Я вамъ уже сказалъ, что мнѣ нечего вамъ отвѣчать. Она поручала мнѣ, какъ вы видите, привести ей Перильо; какъ только надѣли на сокола шлемъ, такъ онъ и вернулся и домой.

Синьоръ Бернардо. Все это странно и темно. А эта пѣсня, которая сдѣлана для того, чтобы поддерживать ее печаль?

Минуччьо. Вы видите, что печаль ея отъ этого разсѣялась. Или вы думаете, что я хочу портить дѣло?

Синьоръ Бернардо. Конечно, нѣтъ, но я не могу отдѣлаться...

Минуччьо. Ну, успокойтесь, подождите до вечерни.

Синьоръ Бернардо. Почему именно до этого часа? вотъ ужь третій разъ ты говоришь то-же самое и не хочешь объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло.

Минуччьо. Да что-же я вамъ скажу, если я самъ ничего не знаю? Самая красивая дѣвушка даетъ только то, что у нея есть, и самый преданный другъ молчитъ о томъ, чего онъ не знаетъ.

Синьоръ Бернардо. Чортъ побери твои тайны! Ну что такое готовится къ этому времени? Какое должно произойти событіе? Ужь не пожалуетъ-ли къ намъ самъ король своей особой?

Минуччьо (въ сторону). Онъ не подозрѣваетъ, какъ онъ близокъ къ правдѣ. (Громко). Дорогой другъ мой, надѣйтесь. Если все не кончится къ общему удовольствію, то я сломаю свою гитару.

Синьоръ Бернардо. Велика выгода! Ну, хорошо, посмотримъ, если ужь нужно непремѣнно ждать. Но только я никогда не прощу тебѣ всѣхъ этихъ глупостей.

Минуччьо. Ну, это когда-нибудь придетъ, я надѣюсь. Или вы во мнѣ сомнѣваетесь?

Синьоръ Бернардо. Да нѣтъ же, бѣшеный ты человѣкъ! пошелъ ты съ твоей несносной скромностью! Ну, слушай! Надо ужь тебѣ все сказать, хоть ты и не хочешь мнѣ ничего говорить. Есть одна вещь, которая заставляетъ меня не только сомнѣваться, но трепетать, понимаешь? Эту ночь я очень безпокоился и тихонько подошелъ къ двери Кармозины, чтобы послушать, какъ она спитъ; я увидалъ въ замочную скважину, что она сидитъ на постели, и около нея стоитъ свѣтильникъ. Она писала и время отъ времени глубоко задумывалась, а потомъ со страшной живостью бралась за перо, точно будто повинуясь внезапному влеченію. Когда я ее увидалъ, мое волненье и любопытство были

слишкомъ сильны. Я вошелъ, и въ ту-же минуту ея свѣтильникъ погасъ и я услышалъ шелестъ бумаги, которую она клала подъ подушку.

Минуччьо. Это былъ, вѣроятно, прощальный привѣтъ бѣдному Антоніо, который сдѣлался солдатомъ, какъ онъ это думаетъ.

Синьоръ Бернардо. Вѣдь она этого не знала.

Минуччьо. Какъ-бы не такъ! Развѣ влюбленные уходятъ, молча? Даже если-бы онъ вздумалъ топиться, онъ-бы не умолчалъ объ этомъ.

Синьоръ Бернардо. Я ничего не знаю, но мнѣ кажется... Ну, вотъ этотъ болванъ возвращается вмѣстѣ съ моей женой.... Пойдемъ въ домъ; я хочу, чтобы ты узналъ обо всемъ.

Минуччьо. Вѣдь ваша дочь сама захотѣла позвать этого господина. Вы видите, что она только и думаетъ о томъ, какъ-бы посмѣяться. (Уходятъ въ домъ).

СЦЕНА IV.

Сэръ Веспасьяно и синьора Паскуа выходятъ изъ глубины сада.

Сэръ Веспасьяно. Что касается до приданаго, то я доволенъ. Я оставляю васъ, чтобы устроить это дѣло и ускорить заключенье контракта.

Синьора Паскуа. Я въ восторгѣ, рыцарь, что вы на все согласны.

Сэръ Веспасьяно. Помилуйте: почтенное приданое, честная дѣвушка... моя главная цѣль породниться съ вашимъ семействомъ.

Синьора Паскуа. Мой мужъ будетъ дѣлать затрудненья. Между нами, это слабая голова, человѣкъ мелочной, разсчетливый.

Сэръ Веспасьяно. Ужь это мое дѣло! Повѣрьте, что свадьба выйдетъ великолѣпная. Самъ король на ней будетъ.

Синьора Паскуа. Неужели?

Сэръ Веспасьяно. Онъ будетъ танцовать у насъ на свадьбѣ, клянусь Богомъ, да еще съ вами, синьора Паскуа. Вы будете царицей бала!

Синьора Паскуа. О, эти радости не для меня!

Сэръ Веспасьяно. Вы увидите, какъ онѣ оживутъ подъ вашими стопами. И такъ я лечу устраивать контрактъ.

СЦЕНА V.

Кармозина и Перильо выходятъ изъ глубины сцены.

Кармозина: Обѣщайте мнѣ это, Антоніо. Подумайте, что будетъ съ моимъ отцомъ, если меня не будетъ на свѣтѣ.

Перильо. Откуда эти ужасныя мысли? вѣдь вы сейчасъ говорили другое.

Кармозина. Подумайте, что онъ любитъ меня больше всего на свѣтѣ, я почти единственная его радость. Если онъ меня потеряетъ, я не знаю, какъ вынесетъ онъ это горе. Вашъ отецъ былъ его лучшимъ другомъ; вы помните, что, когда вы осиротѣли, нашъ домъ сдѣлался вашимъ. Глядя на насъ съ вами, сосѣди говорили, что у синьора Бернардо двое дѣтей. Если у него будетъ теперь только одинъ...

Перильо. Но вѣдь вы говорили, чтобы мы надѣялись?..

Кармозина. Да, мой другъ, но надо обѣщать мнѣ, что вы будете объ немъ заботиться, что вы его не оставите... Я знаю, что вы хотите покинуть Палермо.. Но слушайте, вы еще можете... Мнѣ кажется, я слышала шумъ.

Перильо. Нѣтъ, никого не видно.

Кармозина. Вы можете еще измѣнить ваше рѣшенье... я увѣрена въ этомъ, я это знаю. Я не говорю вамъ объ этомъ шагѣ и о причинѣ, которая вами руководила; но если правда, что вы меня любили, вы заступите мое мѣсто послѣ меня.

Перильо. Послѣ васъ? ни за что!

Кармозина. Да, вы заступите это мѣсто, если вы честный человѣкъ... я завѣщаю вамъ моего отца.

Перильо. Кармозина! Вы говорите такъ, какъ будто вы уже стоите

одной ногой въ могилѣ. Этотъ романсъ, который вамъ такъ нравилось повторять, навѣрно написанъ для васъ, это ваша исторія, ваша тайна, вы хотите умереть?

Кармозина. Тише! не говорите такъ громко.

Перильо. Пусть меня слышатъ, если это правда! Если у васъ есть въ душѣ эта ужасная мысль добровольно разстаться съ жизнью и скрывать отъ насъ ваши страданья до тѣхъ поръ, пока смерть не возьметъ васъ внезапно отъ насъ... Что я говорю! Великій Боже, какое страшное подозрѣнье! Что, если вы, измученная страданьемъ, вѣрная только своей ужасной тайнѣ... Вы поручали меня отцу.. Неужели вы хотите убить его дочь?

Кармозина. Не стоитъ того, мой другъ: смерти нужно такъ мало, чтобы покончить съ моимъ слабымъ тѣломъ.

Перильо. Такъ развѣ вы хотите, чтобы она пришла? Зачѣмъ вы обманываете отца? Зачѣмъ притворяетесь такой спокойной и веселой и выражаете радость, которая такъ далека отъ васъ?

Кармозина. Не такъ далека, какъ ты думаешь. Знаешь-ли ты, что когда Богъ зоветъ насъ къ себѣ, онъ посылаетъ намъ тайныхъ гонцовъ, которые насъ предупреждаютъ? Я сдѣлала не много добра, но зла я дѣлала также мало. Меня никогда не пугала мысль предстать передъ вѣчнымъ судьей: онъ знаетъ все, я ему сказала. Онъ меня прощаетъ и одобряетъ. Я надѣюсь, надѣюсь быть счастливой. Мнѣ предсказано это такъ чудно!

Перильо. Вы очень его любите, Кармозина?

Кармозина. О комъ ты говоришь?

Перильо. Я не знаю, но смерть не можетъ быть такъ мила.

Кармозина. Послушай, не дѣлай пустыхъ догадокъ и не пытайся проникнуть тайну, которая никому не можетъ принести пользы; ты узнаешь ее, когда меня не будетъ. Ты спрашиваешь меня, зачѣмъ я обманываю отца? Затѣмъ, что, открывшись ему, я сдѣлала-бы жестокую и ненужную вещь. Я не говорила-бы съ тобой объ этомъ, если-бы не считала это своимъ долгомъ. Я прошу тебя не выдавать меня, Перильо.

Перильо. Не бойтесь, но обѣщайте мнѣ по крайней мѣрѣ...

Кармозина. Довольно. Вспомни, другъ, что есть болѣзни, которыя нельзя излѣчить. Теперь ты пойдешь въ мою комнату. Вотъ тебѣ ключъ, ты откроешь сундукъ, стоящій за изголовьемъ моей кровати, и найдешь тамъ праздничное платье; я больше никогда его не надѣну, оно было на мнѣ въ день празднества въ честь королевы, когда я въ первый разъ... Сверху положена исписанная бумага, которую ты возьмешь и сохранишь; я довѣряю ее тебѣ... тебѣ одному, не такъ-ли?

Перильо. Это ваше завѣщаніе, Кармозина?

Кармозина. О, это не стоитъ такого названія. Чѣмъ могу я располагать на свѣтѣ? Это такіе пустяки всѣ эти прощальныя слова, которыя оставляютъ, разставаясь съ жизнью и называя ихъ послѣдней волей. Тамъ будетъ и твоя доля, Перильо.

Перильо. Моя доля! О, Боже мой, какой ужасъ!.. и вы думаете, что я могу...

Кармозина. Пощади меня. Мы будемъ говорить объ этомъ сейчасъ въ моей комнатѣ, я скоро приду въ домъ, становится поздно, теперь уже часъ вечерни.

СЦЕНА VI.

Кармозина (одна). Твоя доля, бѣдное золотое сердце!—она была-бы слаще и достойнѣе тебя, если-бы неумолимый случай не заставилъ меня встрѣтить... Боже Великій! Какое богохульство произносятъ мои уста! О, мое мученье! мое милое мученье! Я смѣла на тебя жаловаться. Ты мое единственное сокровище, моя жизнь и смерть, и онъ знаетъ теперь про тебя.... О, милый Минуччьо! благородный и вѣрный другъ! онъ слушалъ тебя, ты

сказалъ ему все, онъ улыбнулся, былъ тронутъ, онъ послалъ мнѣ кольцо... (Цѣлуетъ кольцо). Ты ляжешь со мной въ могилу! О, какое счастье, какую радость почувствовала я утромъ, когда услыхала эти слова: «Онъ знаетъ!» Что теперь мои слезы, страданья, мои предсмертныя муки! Онъ знаетъ, что я плачу, что я страдаю! Да, Перильо правъ: эта радость въ присутствіи отца была жестокой, но могла-ли я ее удержать? Когда я смотрю на Минуччьо, у меня такъ бьется сердце!... онъ видѣлъ его, говорилъ съ нимъ! О, моя любовь! О, дивное очарованье! О, сладостное мученье! Я умираю спокойно, желанья мои исполнились. Понялъ-ли онъ это, посылая мнѣ кольцо? Почувствовалъ-ли онъ, что сказавши, что я люблю, я сказала, что умираю? Да, онъ меня понялъ и угадалъ. Онъ надѣлъ мнѣ на палецъ это кольцо, которое останется въ моей могилѣ, когда я сама превращусь уже въ прахъ... Благодарю Тебя, Боже! теперь я умру и могу умереть! (Слышенъ звонокъ у садовой рѣшетки). Кажется, звонятъ у рѣшетки?... Микэль! Никого нѣтъ! Какъ это меня оставили одну? (Подходитъ къ дому). Они всѣ тамъ въ нижней залѣ что-то внимательно читаютъ, разговаривая между собой. Минуччьо ихъ какъ будто удерживаетъ... Неужели Перильо меня выдалъ? (Звонятъ во второй разъ). Звонятъ двѣ дамы въ вуаляхъ. Микэль, гдѣ ты? открой-же!

СЦЕНА VII.

Кармозина, королева, Микэль открываетъ рѣшетку. (Женщина, сопровождающая королеву, остается въ глубинѣ сцены).

Королева. Не здѣсь-ли живетъ докторъ синьоръ Бернардо?

Микэль. Да, сударыня.

Королева. Могу я съ нимъ говорить?

Микэль. Я сейчасъ ему скажу.

Королева. Постой. Кто эта молодая дѣвушка?

Микэль. Это синьорина Кармозина.

Королева. Дочь твоего господина?

Микэль. Да, сударыня.

Королева. Хорошо, мнѣ нужно ее.

СЦЕНА VIII.

Кармозина и королева.

Королева. Извините, пожалуйста... (Въ сторону) Какая хорошенькая. (Громко). Вы дочь синьора Бернардо?

Кармозина. Да, сударыня.

Королева. Могу я попросить васъ удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ? (Кармозина приглашаетъ ее знакомъ садиться). Вы меня не знаете?

Кармозина. Я, право, не знаю, сударыня...

Королева (садится). Я дальняя родственница одного молодого человѣка, который, кажется, здѣсь живетъ, его зовутъ Перильо.

Кармозина. Онъ теперь дома, если вы желаете его видѣть...

Королева. Еще минутку, если позволите. Я иностранка и занимаю довольно важное положеніе при испанскомъ дворѣ. Я принимаю большое участіе въ этомъ юношѣ, и очень возможно, что когда-нибудь мое вліяніе можетъ быть полезно для его карьеры.

Кармозина. Онъ этого вполнѣ достоинъ. (Синьоръ Бернардо и Минуччьо показываются на порогѣ дома).

Синьоръ Бернардо (тихо Минуччьо). Кто это съ моей дочерью?

Минуччьо. Не говорите ни слова, пойдемте. (Уводитъ его).

Королева. Вотъ объ этомъ-то я и хотѣла узнать, еще разъ прошу у васъ извиненія за то, что можетъ быть страннаго въ моемъ поступкѣ.

Кармозина. Я не вижу въ немъ ничего страннаго, сударыня. Но только отецъ мой могъ-бы вамъ отвѣтить лучше меня; если вамъ угодно, я пойду...

Королева. Нѣтъ, прошу васъ, если только я васъ не безпокою. Мнѣ сказали, что вы больны.

Кармозина. Да, немного, сударыня.

Королева. Этого нельзя-бы было подумать.

Кармозина. Болѣзнь, которой я страдаю, не всегда замѣтна, но она никогда меня не покидаетъ.

Королева. Она не можетъ быть очень серьезной въ ваши годы.

Кармозина. Богъ можетъ сдѣлать во всякое время то, что Онъ хочетъ.

Королева. Я увѣрена, что Онъ не хочетъ вамъ сдѣлать большаго вреда. Но я боюсь васъ утомить, и это вынуждаетъ меня говорить яснѣе. Не буду скрывать, что только отъ васъ желалабы я получить отвѣтъ и увѣрена, что онъ будетъ искрененъ, если вы не откажетесь мнѣ отвѣтить. Васъ воспитали вмѣстѣ съ этимъ юношей, вы знаете его съ дѣтства. Можно-ли назвать его честнымъ и благороднымъ человѣкомъ?

Кармозина. Я думаю, что такъ, но могу-ли я объ этомъ судить?

Королева. Я вполнѣ полагаюсь на васъ.

Кармозина. Но откуда такая честь? Я, право, не понимаю, какъ, не зная меня...

Королева. Я знаю васъ лучше, чѣмъ вы думаете, и доказательствомъ моего довѣрія къ вамъ будетъ вопросъ, который я вамъ предложу, прося меня извинить, но отвѣтить откровенно. Вы молоды, красивы и, говорятъ, богаты. Если-бы тотъ юноша, о которомъ мы говоримъ, просилъ-бы вашей руки, вы-бы вышли за него замужъ?

Кармозина. Но, сударыня...

Королева. Конечно, предположивъ, что ваша сердце свободно и что васъ не связываетъ никакое слово.

Кармозина. Но съ какой цѣлью вы меня это спрашиваете?

Королева. Вотъ видите, у меня есть другъ: дѣвушка вашихъ лѣтъ, тоже красивая и немного больная. Она страдаетъ меланхоліей или, быть можетъ, ее снѣдаетъ какое-нибудь тайное горе, которое она скрываетъ; я хорошенько не знаю, но у меня есть планъ: я хотѣла-бы выдать ее замужъ, если это возможно, и взять ее ко двору, чтобы немного разсѣять, она живетъ въ уединеніи, а вы знаете, какъ это опасно для молодой восторженной головки, которая питается иллюзіями и желаніями, принимаетъ за надежду малѣйшій призракъ, за будущее то, что неуловимо, привязывается къ мечтѣ, изъ которой созидаетъ себѣ цѣлый міръ, дѣлая все это невинно, не разсуждая, по естественному влеченію сердца, и часто проходитъ мимо счастья, ища невозможнаго.

Кармозина. Это жестоко.

Королева. О, болѣе жестоко, чѣмъ можно выразить словами. Сколько видѣла я самыхъ красивыхъ, благородныхъ и умныхъ дѣвушекъ, которыя теряли свою молодость, иногда жизнь, сохраняя подобныя тайны.

Кармозина. Такъ отъ этого можно умереть?

Королева. Да, можно, и тѣ, кто это отрицаетъ или надъ этимъ смѣется, никогда не знали, что такое любовь ни въ мечтахъ, ни на дѣлѣ. Мужчина, конечно, можетъ съ этимъ бороться. Его долженъ спасать разсудокъ, мужество, сила, привычка къ дѣятельности и главное военное ремесло. Но женщина? Въ чемъ ея поддержка, если она лишена того, что любитъ? Если у нея есть мужество, гдѣ ея сила? Если есть ремесло, даже самое трудное, требующее большаго прилежанія, кто скажетъ, гдѣ блуждаетъ ея мысль въ то время, какъ глаза ея слѣдятъ за иглой или нога вертитъ колесо прялки?

Кармозина. Съ какимъ восхищеніемъ я отъ васъ это слышу!

Королева. Я говорю то, что думаю. Нашимъ страданьямъ не вѣрятъ обыкновенно потому, что боятся, какъ-бы не пришлось имъ сочувствовать. Они истинны и особенно глубоки потому, что тѣ, кто надъ ними смѣется, заставляютъ насъ ихъ скрывать; наше смиренье происходитъ отъ стыдливости, мы не хотимъ, чтобы прикасались къ этому покрывалу, мы предпочитаемъ быть погребенными въ немъ; день ото дня привыкаемъ мы къ сво-

ему страданію, отдаемся ему, начинаемъ къ нему привязываться, начинаемъ любить и его, и самую смерть... Вотъ почему я хотѣла-бы предохранить отъ него мою юную подругу.

Кармозина. И вы хотите выдать ее замужъ; она любитъ Перильо?

Королева. Нѣтъ, дитя мое, не его. Но если онъ такой, какъ мнѣ сказали: добрый, честный, храбрый, даже ученый, хотя это неважно, развѣ его жена не можетъ быть счастлива?

Кармозина. Счастлива, когда она любитъ другого?

Королева. Вы не отвѣчаете на мой первый вопросъ. Я просила васъ мнѣ сказать, можетъ-ли Перильо, по вашему мнѣнію, составить счастье женщины? Умоляю васъ, отвѣчайте!

Кармозина. Но если она любитъ другого, ей значитъ надо будетъ забыть?

Королева (въ сторону). Я больше ничего отъ нея не добьюсь. (Громко). Зачѣмъ забыть? Кто проситъ ее объ этомъ?

Кармозина. Разъ что она выходитъ замужъ, мнѣ кажется...

Королева. Кончайте вашу мысль.

Кармозина. Развѣ она не совершаетъ преступленія, не отдавая все свое сердце, всю душу...

Королева. Я не все вамъ сказала, но я боюсь...

Кармозина. Пожалуйста, говорите, я слушаю; я очень интересуюсь вашей подругой.

Королева. Предположите, что тотъ, кого она любитъ или думаетъ любить, не можетъ принадлежать ей,— предположите, что онъ женатъ.

Кармозина. Что вы говорите?

Королева. Предположите еще больше. Представьте себѣ, что это очень высокая особа, что самое его положеніе, самое имя, которое онъ носитъ, ставятъ между нею и имъ непреодолимую преграду... Представьте себѣ, что это король.

Кармозина. О, Боже мой! Кто вы, сударыня?

Королева. Представьте себѣ, что сестра этого короля, или жена его, если хотите, узнала объ этой любви, которая была тайной моей подруги, и, не думая чувствовать къ ней ни отвращенья, ни ревности, захотѣла ее утѣшить, уговорить, быть ея поддержкой, вызвать ее изъ ея одиночества и дать ей мѣсто около себя во дворцѣ своего супруга. Она находитъ вполнѣ естественнымъ, что ея побѣдоносный супругъ, самый доблестный рыцарь во всемъ королевствѣ, внушилъ чувство, которое всякій легко пойметъ, она нисколько не боится своей молодой соперницы не потому, чтобы она не признавала ея красоты, но потому, что вѣритъ въ ея честность; предположите, наконецъ, что она хочетъ, чтобы эта дѣвочка, которая осмѣлилась полюбить такого великаго государя, моглабы въ этомъ признаться для того, чтобы любовь ея, печально скрытая въ одиночествѣ, просвѣтлѣла, показавшись при сіяніи дня, и облагородилась по самому своему существу.

Кармозина (преклоняя колѣни). Королева!..

Королева. Теперь вы видите, дитя, что я не требую, чтобы вы забыли Донъ-Педро!

Кармозина. Я забуду его, не сомнѣвайтесь въ этомъ, если только смерть можетъ заставить забыть. Ваша доброта такъ велика, что вы похожи на Бога. Она наполняетъ мою душу восторгомъ, благоговѣніемъ и благодарностію; но она меня подавляетъ и угнетаетъ. Я слишкомъ живо чувствую, какъ мало ея достойна... Простите меня, я не могу этого выразить!.. Позвольте мнѣ уйти и спрятаться отъ всѣхъ, отъ всѣхъ.

Королева. Придите въ себя, успокойтесь, моя красавица, чѣмъ могла я васъ испугать?

Кармозина. Нѣтъ, это не страхъ! Но, Боже мой, вы здѣсь! Королева... Какъ могли вы узнать?.. Мануччьо меня обманулъ... Какъ можете вы на меня смотрѣть?... Вы протягиваете мнѣ

руку! Не думаете-ли вы, что я сумасшедшая?.. Я, дочь синьора Бернардо, осмѣлилась поднять глаза... развѣ вы не видите, что моя смѣлость—преступленіе и что вы должны за это меня наказать?.. Да, конечно, вы это видите; но вы сжалились надъ несчастной, у которой помутился разумъ, и не хотите, чтобы бѣдную сумасшедшую бросили въ тюрьму или отдали на всеобщее поруганіе!

Королева. Боже мой, что вы говорите!

Кармозина. О, я заслужила-бы такого обращенія, если-бы я себя обманывала, если-бы въ любви моей было что нибудь кромѣ страданья! Богъ мнѣ свидѣтель, Онъ, который видитъ все, что въ ту самую минуту, какъ я полюбила, я помнила, что онъ король. Богъ знаетъ также и то, что я испробовала все, чтобы избавиться отъ моей слабости и изгнать изъ своей памяти то, что мнѣ дороже жизни! Вы знаете, конечно, королева, что никто на землѣ не отвѣчаетъ за свое сердцѣ и не выбираетъ того, что онъ любитъ. Но умоляю васъ, вѣрьте мнѣ; и если вы ужь знаете мою тайну, узнайте ее до конца. О, вѣрьте, мнѣ, королева, я молю васъ на колѣняхъ, вѣрьте, что въ моей душѣ не было ни надежды, ни гордости, ни самообольщенія. Несмотря на всѣ мои усилія, на весь мой разумъ и гордость, я была безжалостно, недостойно подавлена непобѣдимой силой, которая сдѣлала изъ меня свою игрушку и жертву. Никто не считалъ моихъ безсонныхъ ночей, никто, даже отецъ не видѣлъ моихъ слезъ. О, я не думала, что мнѣ придется говорить объ этомъ самой. Правда, что, почувствовавъ близкую смерть, я не хотѣла уйти изъ этого міра безъ прощальнаго привѣта. Я не имѣла силы унести въ могилу эту тайну, которая меня пожирала. Въ этой тайнѣ была моя жизнь, которую я ему отдала. Вотъ вся моя исторія, я хотѣла, чтобы онъ ее узналъ, а потомъ умереть...

Королева. И онъ ее знаетъ, дитя мое, вѣдь онъ-же самъ мнѣ ее разсказалъ. Минуччьо не обманулъ васъ.

Кармозина. Какъ! Самъ король?..

Королева. Да, онъ мнѣ все разсказалъ. Ваша благодарность ко мнѣ была слишкомъ велика. Это король желаетъ, чтобы вы ободрились, выздоровѣли и были-бы счастливы. Я просила васъ только быть моимъ другомъ.

Кармозина (слабымъ голосомъ). Онъ желаетъ, чтобы я ободрилась?

Королева. Да, я повторяю вамъ его собственныя слова.

Кармозина. Его собственныя слова? И чтобы я была здорова?

Королева. Онъ этого желаетъ.

Кармозина. Онъ такъ желаетъ? и чтобы я была счастлива, не правда-ли?

Королева. Да, если мы можемъ что-нибудь для этого сдѣлать.

Кармозина. И чтобы я вышла замужъ за Перильо? Вы мнѣ предлагали это сейчасъ... теперь я все понимаю... вашъ другъ—это была я.

Королева. Да, это были вы и подъ этимъ именемъ я послала вамъ кольцо. Развѣ Минуччьо вамъ не сказалъ этого?

Кармозина. Это были вы?.. благодарю васъ, я готова на все. (Падаетъ на скамейку).

Королева. Что съ вами, дитя мое? Какая страшная блѣдность! Боже мой, вы мнѣ не отвѣчаете! я кого-нибудь позову.

Кармозина. Нѣтъ, прошу васъ! это ничего; простите меня.

Королева. Я васъ огорчила? Вы заставляете меня думать, что я напрасно сюда пришла и говорила съ вами такъ, какъ я говорила!

Кармозина (поднимаясь). Напрасно пришли? Развѣ я это сказала? Я до сихъ поръ еще силюсь понять, какъ могла человѣческая доброта внушить такое великодушіе! Напрасно пришли, вы, моя повелительница! Когда я должна была-бы говорить съ вами, стоя на колѣняхъ и, видя васъ передъ собой, спрашиваю себя, не сонъ-ли это? О, королева, я была бы чудовище, если-

бы не чувствовала великой благодарности. Что могу я сдѣлать, чтобы достойно васъ отблагодарить! Я могу только одно—повиноваться. Онъ хочетъ, чтобы я его забыла?.. Скажите ему, что я его забуду.

Королева. Или вы меня очень плохо поняли, или я очень плохо выразилась. Правда, я ваша королева, но если-бы я хотѣла только повиновенія, то я-бы не пришла къ вамъ, неразумное дитя. Хотите вы выслушать меня въ послѣдній разъ?

Кармозина. Да, королева, я вижу теперь, что тайна, въ которой было мое мученье и мое единственное сокровище, извѣстна теперь всѣмъ. Король меня презираетъ, я знала, что это должно быть такъ, но я не была въ этомъ увѣрена. Мою печальную исторію онъ разсказалъ, мой романсъ поютъ за столомъ передъ всѣми его рыцарями и баронами. Это кольцо не отъ него, тогда—какъ Минуччьо заставилъ меня думать другое. Теперь у меня больше ничего не остается. Даже мое страданіе не принадлежитъ мнѣ. Приказывайте, королева, я могу сказать вамъ одно: я готова повиноваться или умереть!

Королева. Это то самое, чего мы не хотимъ, я скажу вамъ сейчасъ, чего мы хотимъ. Послушайте меня: да, это самъ король желаетъ, чтобы вы были здоровы и вернулись къ жизни, онъ находитъ, что было-бы очень жаль, если-бы такое прекрасное созданіе погибло отъ такой доблестной любви. Это его собственныя слова! Развѣ это называется презрѣніемъ? А я хочу васъ увести, чтобы вы остались со мной и заняли мѣсто между моими придворными дамами, которыя всѣ мои добрые друзья, я хочу, чтобы вы нетолько не забывали донъ-Педро, но могли-бы видѣть его каждый день и вмѣсто того, чтобы бороться со склонностью, которой нечего бояться, уступили свободному влеченію вашей души ко всему, что прекрасно, благородно и великодушно, такъ-какъ отъ такой любви человѣкъ становится лучше; это я хочу показать вамъ, Кармозина, что можно любить безъ страданія, когда любятъ не краснѣя, что только стыдъ и угрызенія совѣсти должны заставлять страдать, такъ какъ бываютъ у виновныхъ, а ваши мысли, конечно, невинны.

Кармозина. Милосердный Богъ!

Королева. И я же хочу того, чтобы достойный васъ супругъ благородный, честный и храбрый протянулъ вамъ руку, чтобы ввести васъ ко мнѣ; пусть онъ знаетъ также, какъ я и какъ всѣ другіе, исторію вашихъ прежнихъ страданій, пусть вѣритъ онъ вашей вѣрности, полагаясь на мое слово, чтобы я вѣрила въ ваше счастье, полагаясь на него, и чтобы ваше сердце излѣчилось такимъ образомъ дружбой вашей королевы и уваженіемъ вашего супруга... Прислушайтесь, вѣдь это звуки трубъ?

Кармозина. Это король выходитъ изъ дворца.

Королева. Вы это знаете?

Кармозина. Да, мы такъ близко живемъ, мы привыкли къ этимъ звукамъ.

Королева. Да, это король; онъ идетъ сюда.

Кармозина. Неужели это возможно?

Королева. Онъ идетъ, чтобы видѣть насъ съ вами. Вы слышите колокола?

Кармозина. Да и я вижу за рѣшеткой огромную толпу, идущую въ церковь. Сегодня... я вспомнила... сегодня праздникъ? Какъ они бѣгутъ со всѣхъ сторонъ! Мой сонъ... и я вижу мой сонъ!

Королева. Это часъ благословенья.

Кармозина. Да, въ эту минуту священникъ въ алтарѣ и всѣ передъ нимъ преклоняются. Онъ обращается къ толпѣ, держа въ рукахъ образъ Спасителя, онъ поднимаетъ его... простите меня! (Становится на колѣни).

Королева. Помолимся вмѣстѣ, дитя мое, спросимъ у Бога, какой отвѣтъ дадите вы вашему королю. (Снова слышатся звуки трубъ. Оруженосцы и

брабанты становятся у рѣшетки, вскорѣ показывается король).

СЦЕНА VIII.

Тѣ-же, король, рядомъ съ нимъ Перилье, синьоръ Бернардо, синьора Кассиа, сэръ Веспасьяно и Минуччьо.

Король. Какой у васъ большой садъ, это удобно и пріятно!

Синьоръ Бернардо. Да, государь, это удобно и дѣйствительно...

Король. Гдѣ ваша дочь?

Синьоръ Бернардо. Вотъ, государь, она передъ вами, ваше величество.

Король. Она замужемъ?

Синьоръ Бернардо. Нѣтъ еще, государь, т. е. если ваше величество...

Король (Кармозинѣ). Такъ это вы, прекрасная дѣвица, такъ опасно больны, какъ мнѣ сказали? По вашему лицу этого не видно.

Синьоръ Бернардо. Государь, она и теперь еще серьезно больна. Правда, что съ сегодняшняго утра ей значительно лучше.

Король. Я этому радъ. Право, былобы жаль, если-бы свѣтъ такъ рано лишился такого прекраснаго созданья! (Кармозинѣ). Прошу васъ, приблизьтесь.

Сэръ Веспасьяно (Минуччьо.). Что я вамъ говорилъ? онъ устроитъ все дѣло. Калатабелотта моя.

Минуччьо. Совсѣмъ нѣтъ, это просто особый способъ лѣченья. Испанцы взяли это у арабовъ. Король великій врачъ, это метода Альбу-Кассиза.

Король. (Кармозинѣ). Вы, кажется, дрожите? Развѣ вы меня боитесь?

Кармозина. Нѣтъ, государь.

Король. Ну, такъ дайте мнѣ руку. Что это значитъ, красавица? Вы молоды и созданы для того, чтобы радовать сердца другихъ, и позволяете себѣ грустить. Мы просимъ васъ, ради любви вашей къ намъ, не угодно-ли вамъ ободриться и быть здоровой.

Кармозина. Государь, я больна оттого, что у меня не достало силы нести такое тяжкое горе. Но вы удостоили меня пожалѣть и я надѣюсь, что Богъ избавитъ меня отъ болѣзни.

Король. Вотъ это хорошо, но это еще не все. Надо повиноваться мнѣ также въ другомъ. Говорили-ли вамъ объ этомъ?

Кармозина. Государь, мнѣ говорили про великую доброту и жалость, которой меня удостоили.

Король. И ничего другого? (королевѣ). Это правда, Констанца?

Королева. Не совсѣмъ.

Король. Прекрасная Кармозина, я буду говорить, какъ король и какъ другъ. Великая любовь, которой вы насъ подарили, доставила вамъ почетное мѣсто рядомъ съ нами, взамѣнъ же этого мы желаемъ передать вамъ изъ нашихъ рукъ, прося васъ принять его, супруга, котораго мы вамъ избрали. (Дѣлая знакъ Перилью, который подходитъ и наклоняется). Послѣ чего мы желаемъ всегда называться вашимъ рыцаремъ и носить на турнирахъ вашъ девизъ и ваши цвѣта, прося у васъ за это обѣщаніе только одинъ поцѣлуй.

Королева (Кармозинѣ). Ты можешь его дать, дитя мое, я не ревную.

Кармозина (даетъ свой лобъ королю для поцѣлуя). Государь, королева отвѣтила за меня.

КОНЕЦЪ.

ШАРЛЬ ДЕМАЛЬИ.

Романъ братьевъ Гонкуръ *).

LXXI.

Ледяная холодность установилась между Шарлемъ и Мартой. Они жили одинъ подлѣ другого, раздѣляя между собою только обѣды и завтраки и говоря другъ съ другомъ только за столомъ, чтобъ предложить, принять или отказаться. Разговоръ понемного изсякалъ и свелся на обмѣнъ односложныхъ словъ.

Такъ что Шарль былъ удивленъ, когда однажды Марта, опрокинувъ голову на кушетку, и протягивая ноги къ огню, заговорила:

— Замѣтили-ли вы мой другъ, какъ иногда измѣняешь своимъ первымъ впечатлѣніямъ? Начинаешь дурно относиться, а потомъ мало по малу, невольно, незамѣтно антипатія исчезаетъ и является мало по малу симпатія. Съ вами это случалось?

— Очень рѣдко.

— Со мной также... Но когда я думаю, какъ я прежде судила о немъ... потому что я дурно судила о немъ... я себѣ вообразила... Онъ совсѣмъ не такой человѣкъ, какимъ я его представляла...

— О комъ вы говорите, скажите пожалуйста?

— О Нашетѣ.

— А! о Нашетѣ... Это тѣмъ похвальнѣе съ вашей стороны, что вы начали не со снисходительности... Вы правы, Нашетъ очень любезенъ... Я также измѣнилъ мнѣніе насчетъ его...

— Вотъ видите!

---

*) Окончаніе. См. „Вѣстн. Ин. Лит.", кн. 9.

— Онъ меня удивилъ своимъ терпѣніемъ... Право, я видѣлъ, какъ онъ переносилъ отъ васъ всѣ ваши насмѣшки... Увѣряю васъ, что на его-бы мѣстѣ...

— Да,—продолжала Марта, слѣдуя за своею мыслью,— это очень странно!... И даже то, что мнѣ не нравилось... этотъ взглядъ, котораго я боялась, эта голова, казавшаяся мнѣ такой злой, его рѣзкія манеры, этотъ дикій видъ, словомъ, все, что отвращало меня... Повѣрите-ли, Шарль, теперь я не обращаю на это никакого вниманія? Точно я смотрю другими глазами... Я увѣрена теперь, что у него прекрасная натура.

— Милая моя, вы, какъ всѣ женщины... Если вы создаете себѣ что нибудь, то у васъ нѣтъ середины... Ваше сужденіе переходитъ отъ однѣхъ крайностей къ другимъ... Нашетъ просто на-просто...

— О! Вы до сихъ поръ сердитесь на него за его статью.

Шарль пожалъ плечами.

— Женщины, женщины,—продолжала Марта,—вы можете говорить что угодно, онѣ еще менѣе ошибаются въ людяхъ, чѣмъ вы: вы судите, мы угадываемъ... И такъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ я вижу горячку, гнѣвъ, нетерпѣніе... однимъ словомъ, въ немъ есть страсть... которая заставляетъ меня любить его... Я убѣждена, что этотъ человѣкъ способенъ на большое самопожертвованіе, на истинную любовь... А минутами, у него, такого грубого, является предупредительность, вниманіе, заботы, такое нѣжное обращеніе, такія...

— Ахъ, прошу васъ, Марта, будьте осторожнѣе... вы мнѣ разсказываете, что онъ влюбленъ въ васъ, и что вы почти влюблены въ него...

— Ну чтожь! Да, я говорю это вамъ, другъ мой,—сказала Марта, принимая тонъ невиннаго ребенка.

— Вы согласитесь со мной, что для мужа, по меньшей мѣрѣ, странно слышать такія сообщенія.

Тогда Марта, съ видомъ серьезно взволнованнымъ, проникнутымъ голосомъ, медленно опираясь на каждый слогъ, произнесла:

— Простите, другъ мой, предположимъ, что я вамъ ничего не говорила... Я довѣрилась... Я шла къ вамъ... Я хотѣла сказать вамъ, какъ честная женщина честному человѣку: я боюсь себя... я чувствую себя слабой... силы меня оставляютъ... пропасть близко... помогите мнѣ... спасите меня. Вы моя помощь, моя опора... мой мужъ!

— Благодарю васъ за эту мысль, — сказалъ холодно Шарль,—благодарю васъ, Марта... Но я думаю, что вы слишкомъ преувеличиваете: пропасть не такъ близка. Вы много времени проводите вмѣстѣ... не знаю, право, зачѣмъ, если это не для того, чтобы жаловаться на меня и имѣть эхо подъ рукою... Видите-ли, я не угадываю... но я чувствую, я чувствую эти вещи... И никогда не ошибаюсь... Что касается любви, вы не любите ни тотъ, ни другой... Что онъ для васъ? Для васъ, говорю я, онъ,—пара ушей... и еще—игрушка вашего каприза... и можетъ быть, еще пугало ревности для меня... Что же касается его, что можете вы быть для него, напримѣръ... я затрудняюсь... Но, несчастная! Что я сдѣлалъ вамъ, что вы меня такъ мучаете? Какая страсть выискивать для меня терзанія! Ахъ, довольно ихъ у меня и безъ васъ... Я боленъ, очень боленъ!.. Дайте мнѣ отдыхъ... Дайте мнѣ умереть спокойно, по крайней мѣрѣ!

— Вотъ вы всѣ таковы мужья... а потомъ, когда...

При этомъ словѣ Шарль въ первый разъ отбросилъ обращеніе и тонъ свѣтскаго человѣка.

— Ты комедіантка... всегда! Ты лжешь своимъ сердцемъ, какъ ты лжешь своимъ ртомъ! Ты говоришь о любви!.. Но ты рождена во лжи!.. Твои слова лгутъ, твой голосъ обманываетъ, твоя улыбка фальшива, твои слезы поддѣльны!.. Въ тебѣ все то, что лжетъ людямъ... и все, что лжетъ Богу!

— Сударь, въ первый разъ вы себѣ позволяете... и это будетъ въ послѣдній...

— Куда вы идете?—спросилъ Шарль, когда она надѣвала шляпу.

— Къ Нашету,—сказала Марта, какъ только можно драматичнѣе.

— Идите, моя милая.

LXXII.

На другой день Шарль получилъ письмо отъ Марты. Она удалилась къ своей матери и просила его черезъ посыльнаго прислать ей мебель изъ ея комнаты. Шарль отвѣтилъ черезъ посыльнаго, что она получитъ ее сегодня. Но часъ спустя Марта была у своего мужа. Она бросилась на шею Шарля, плакала, выразила такое раскаяніе, что оно не давало мѣста упрекамъ, размышленію, второму движенію. Она говорила ему, что она сумасшедшая, что въ ней сидитъ бѣсъ, что Шарль слишкомъ былъ добръ, перенося ее,

что она никогда себѣ не проститъ, что она хочетъ любить его за все то зло, которое она ему сдѣлала... И слезы, обѣщанія, увѣренія прерывались поцѣлуями и улыбками, похожими на солнечные лучи во время дождя.

Марта въ продолженіе часа играла эту очаровательную комедію влюбленнаго раскаянія. Цѣлый часъ она была великой актрисой; она была кошечкой, она была женщиной. Затѣмъ, когда она увидѣла, что воля Шарля таяла подъ ея ласками, ея сожалѣніями и униженіемъ, слезы, которыя обезоруживаютъ, замѣнилъ смѣхъ, который заставляетъ забывать. Она смѣялась—и такъ мило—надъ самой собой, надъ ними обоими, надъ ихъ глупостью, особенно надъ своей; они создаютъ себѣ муки, страданья, заставляютъ оплакивать свою любовь, когда у нихъ есть все, чтобы быть счастливыми: молодость, свобода, будущее... Какъ это вышло? Кто ее толкалъ? Потому что это была ея вина. Она была злая, капризная, взбалмошная; онъ былъ слишкомъ добръ, слишкомъ слабъ; онъ долженъ былъ-бы наказать ее, какъ ребенка, которымъ она была... И потокъ этихъ очаровательныхъ словъ женщины, которая строитъ изъ себя маленькую дѣвочку и проситъ, чтобы ее бранили, когда она непослушна, былъ неистощимъ. Ихъ прекрасная жизнь возобновилась, ихъ прошлое вернулось. Вся забота Марты состояла въ томъ, чтобы понравиться Шарлю. Она прилагала всѣ свои старанія и средства, чтобы быть ему пріятной. Кокетство ея исчезло. Она только и смотрѣла, только и думала о немъ. Она вспомнила прежніе утренніе праздники, эти пробужденія, которыя своими сумасшедшими объятіями подымали Шарля. Ни на минуту ею не овладѣвало прежнее настроеніе. Она представляла его въ карикатурѣ, такъ комично преувеличивая его, что Шарль говорилъ ей, обнимая ее:

— Наше счастье излѣчено теперь!

LXXIII.

Къ концу двухъ недѣль,—такъ какъ это продолжалось двѣ недѣли,—однажды вечеромъ Марта задумалась.

— Что съ тобой, моя маленькая Марта?—спросилъ ее Шарль.

— Со мной?.. Ничего.

— Ничего? Правда?.. Ровно ничего, Марта?

— Ничего, увѣряю тебя, ничего.

— Я вѣрю тебѣ... Что-же это?

— А если я не хочу сказать.

— Маленькая Марта!..

— Ну хорошо, я хочу, но...

— Но?

— Ты видишь это не я... Я ни о чемъ не говорила... Это ты... Я скажу тебѣ завтра... обѣщаю тебѣ.

— Нѣтъ сейчасъ.

— А, ты упрямъ... Ну хорошо, съ условіемъ.

— Ого!

— Дай мнѣ слово, что ты исполнишь то, что я попрошу.

— Но подумай, дорогая, ты можешь у меня попросить... я не знаю... прядь волосъ Сильвіо Пеллико, напримѣръ!.. Я не могу ручаться...

— Ты не хочешь, хорошо.

— Марта!

— Нѣтъ!

— Значитъ это серьезно?

— Не знаю.

— Однако, дорогая моя...

— Ну, хорошо, я хочу снова получить мою роль... вотъ.

— Моя маленькая Марта, подумай-же... Мнѣ бы тоже очень хотѣлось... Еще если-бы ты сказала это раньше, но теперь... Будь разсудительна, дорогая моя, осталось всего нѣсколько репетицій...

— Какъ хочешь.

— И потомъ, хочешь я скажу тебѣ правду?.. Я боюсь теперь, я сомнѣваюсь, да... Можетъ быть, это усталость отъ репетицій? Но мнѣ кажется, что я составилъ себѣ иллюзіи насчетъ моей пьесы, и твоя роль... Я тебѣ сдѣлаю другую, гораздо лучше, ты увидишь, обѣщаю тебѣ...

— Значитъ, нѣтъ?.. Хорошо. Одиль будетъ играть мою роль... Одиль будетъ имѣть успѣхъ... Она займетъ мое положеніе въ театрѣ, она уничтожитъ меня, она...

— Полно, дитя мое, ты себѣ вообразила... Ты придаешь черезчуръ большую важность моей пьесѣ... Самое большее, что она составитъ, это—маленькое имя ея автору.

— Ты не хочешь, не правда-ли, ты не хочешь?—повторила Марта и вдругъ, принявъ сухой, ироническій видъ и острый, свѣтлый, какъ лезвее ножа, взглядъ, проговорила:

— Ну чтожь, мой милый, ты можетъ быть правъ... Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, я бы сдѣлала также... Къ тому-же еще ты любишь меня, а я тебя не люблю...

— Марта,—сказалъ Шарль.

— Ахъ!.. Чего-же ты хочешь? Я тебя никогда не любила... Я вышла замужъ за тебя потому, что я была комедіантка... Я хотѣла настоящаго мужа... а потомъ, выйдя замужъ, я пожалѣла... Я бы могла выйти за болѣе богатаго, или... я не знаю... Словомъ я пожертвовала тебѣ своимъ будущимъ... Ты знаешь, тотъ день, когда ты вернулся изъ Ба-Медона? Я солгала тебѣ... помнишь, о займѣ у мадамъ Вудене... я разсказала тебѣ, что мнѣ пришла идея представиться несчастной женщиной, что я хотѣла заинтересовать собой... Это было не то, это было...

— Это было?

Тонъ Шарля прервалъ фразу Марты, которая продолжала:

— Ты сказалъ, что это было для того, чтобы тебя лишить уваженія... что я хотѣла обезчестить тебя... Ну что-же! Можетъ быть, было и это...

— Молчи!.. Вѣдь ты клялась... Ты, безумная, молчи!

— Подожди!.. Я также сказала, что ты заложилъ всѣ мои бриллiанты...

— Ты сказала это? — сказалъ Шарль, схвативъ ее за руки.

— Оставь меня... Оставь-же!

И она пробовала освободиться отъ него, затѣмъ произнесла презрительнымъ тономъ:

— Не тебѣ бить женщину!

— Ты сказала, что я билъ тебя?.. Ты могла это сказать, не такъ-ли?

— Я сказала это.

Шарль упалъ на стулъ, почти безъ сознанія, со слезами на глазахъ:

— Поплачь, поплачь немного! Это тебѣ принесетъ пользу... Я никогда еще не видѣла тебя плачущимъ... О! какое смѣшное лицо!..

Шарль вскочилъ, бросился къ ней, потомъ въ отчаяніи внезапно ударился головой въ стѣну, чтобы разбить себѣ черепъ...

Шарль поднялся и провелъ рукой по лбу.

— Что? Осѣкся?—сказала Марта.

Шарль схватилъ ее и понесъ... окно было открыто... Но онъ почувствовалъ мертвое тѣло въ своихъ рукахъ: Марта упала въ обморокъ передъ взглядомъ своего мужа. Она была спасена, Шарль бросилъ ее на землю и кинулся съ лѣстницы.

LXXIV.

Шарль шелъ по улицамъ, было поздно. Отблескъ газа игралъ на окнахъ закрытыхъ лавокъ на пустынныхъ тротуарахъ, на мостовой, по которой вдали катился послѣдній омнибусъ. Шарль шелъ, преслѣдуемый маленькимъ сухимъ шумомъ, чѣмъ-то въ родѣ ударовъ крюка тряпичника по его корзинѣ.

Онъ шелъ изъ улицы въ улицу; наконецъ пришелъ на бульваръ.

Шарль шелъ какъ пьяный. Ноги его сгибались и уносили его. Смутная, безличная, механическая воля толкала куда-то. Все въ немъ умерло. Онъ ничего не помнилъ, не думалъ. Онъ только чувствовалъ пустоту въ головѣ и дрожь въ тѣлѣ. То онъ торопился, то бродилъ безъ цѣли.

Свѣтъ фонарей, освѣщеніе въ кафе, въ клубахъ казалось ему померкшимъ. Онъ толкалъ прохожихъ, чтобы подойти къ фонарю табачной лавки, спѣшилъ къ другой, ударяясь плечемъ о ставни лавокъ. То, вдругъ, остановившись передъ чѣмъ нибудь, онъ глядѣлъ ничего не видя. Онъ пристально смотрѣлъ въ окно магазина, гдѣ приказчики закрывали товаръ полотномъ, или на канавку у края тротуара, которая вела въ сточной трубѣ, или въ маленькую лавочку съ ячменнымъ сахаромъ, которую стерегла старушка, сидящая на корточкахъ и дремлющая согнувшись вдвое. На Монмартрскомъ бульварѣ онъ остановился передъ картиной, нарисованной красками и изображающей послѣднюю сцену изъ Тридцати Лѣтъ или Жизни Игрока...

Время отъ времени острое страданіе, какъ молнія, мелькало въ его мозгу; затѣмъ тотчасъ-же завѣса падала, голова переставала работать и онъ шелъ далѣе... Онъ прошелъ Gymnase, бульваръ Бонъ-Нувель, то останавливаясь, то снова принимаясь идти, дойдя до воротъ Сенъ-Дени, онъ пошелъ вдоль стѣны, которая поворачивала и выходила на улицу Сенъ-Дени... Все спало. Только въ колбасныхъ коптили свинину, да въ лавкахъ каштановъ свѣтились красныя печи и бѣлыя лампы.

Бѣлая блуза толкнула Шарля, женщина остановила его и говорила ему что-то, онъ слушалъ ее, но не слыхалъ. Онъ почувствовалъ какой-то холодъ въ ногахъ: это были помои отъ винныхъ лавокъ, которыя ему мели подъ-ноги. Тогда вдругъ его плѣнила тьма, какъ раньше плѣнялъ свѣтъ. Онъ бросился въ черный переулокъ, въ глубинѣ котораго дрожалъ красный свѣтъ. Онъ пошелъ вдоль обвалившихся тумбъ, закрытыхъ ставней, мимо воротъ сіяющихъ, какъ печныя горла. Ноги его попадали въ грязь, въ обрѣзки, скользили по узкому скату, заключенному между двумя канавами. Взглядъ его блуждалъ и останавливался на подозрительномъ свѣтѣ, сквозящемъ черезъ сальныя занавѣски, или на лампѣ, дымящейся въ глубинѣ узкаго прохода; наконецъ онъ остановился передъ краснымъ фонаремъ и принялся складывать одну за другой черныя буквы: „Меблированныя комнаты и кабинеты помѣсячно и въ сутки"... Шарль пошелъ дальше, гдѣ дорога тонула въ грязныхъ потемкахъ и нищетѣ, машинально и съ ожесточеніемъ стремясь заблудиться, заворачивая тысячу разъ въ переулки, которые ведутъ отъ улицы Сенъ-Дени къ рынку, спѣша, все спѣша, лихорадочно стуча ногами, спотыкаясь и будя эхо этого лабиринта безъименныхъ домовъ, кривыхъ отелей и разбитыхъ фонарей. Наконецъ, онъ вздохнулъ легче и ему показалось, что грудь его расширялась: онъ былъ на рынкѣ.

Затѣмъ онъ пошелъ дальше, открылъ дверь какого-то кабачка, сѣлъ передъ столомъ, накрытымъ полотномъ поверхъ ящика, полнаго салфетокъ, запачканныхъ яичнымъ желткомъ, не могъ вспомнить чего онъ хотѣлъ, и охваченный страхомъ ушелъ... Наконецъ, ноги донесли его до своей двери. Онъ ничего не видѣлъ, кромѣ тѣни отъ лампы на потолкѣ комнаты безъ занавѣсей во второмъ этажѣ, Шарль вошелъ въ комнату своей жены: онъ нашелъ Марту въ постели.

— А, вы легли?.. Вы спали, быть можетъ?.. Вставайте и убирайтесь вонъ... Вы зашли слишкомъ далеко... На этотъ разъ кончено, навсегда кончено... У меня никогда не являлось желанія поднять руку на женщину, но... ничего не извѣстно, я могъ васъ убить.

Марта поднялась. Она медленно одѣвалась съ красивымъ безстыдствомъ и кокетствомъ куртизанки. Шарль ходилъ большими шагами не глядя на нее. Марта смотрѣла на него; и судя по ея странному взгляду умоляющему и укрощенному,

можно было сказать, что эта грубость, къ которой она не считала способнымъ своего мужа, эта смерть, которая прошла такъ близко отъ нея, холодъ, который она почувствовала, этотъ ужасный гнѣвъ, наконецъ, этотъ человѣкъ, близкій къ преступленью, внушилъ ей развратную покорность женщины, которая боится своего любовника...

— Такъ это вправду кончено, Шарль?.. Конечно навсегда.

Шарль отвѣчалъ кивкомъ головы.

— Ничего, мой милый,—сказала ему Марта въ дверяхъ,— я ношу твое имя, это тоже самое.

И она убѣжала.

LXXV.

Уже три недѣли какъ репетировали Очарованную Ноту, пьесу Шарля. Шла предпослѣдняя репетиція, послѣ которой оставалась еще одна передъ генеральной репетиціей.

Въ полутемной залѣ, завѣшанной чехлами, широкая полоса свѣта прорывается изъ окошка райка и косыми лучами освѣщаетъ часть сидящей налѣво публики. Наружный свѣтъ ударяетъ въ красныя занавѣси ложъ и дѣлаетъ ихъ огненно прозрачными. Посреди этихъ сумерекъ, темная люстра сверкаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, гдѣ въ призмахъ играютъ сапфировые и рубиновые огни. Въ оркестрѣ, въ залѣ, на балконахъ авансцены, разсѣяны тутъ и тамъ черныя пятна— это публика; человѣкъ двадцать зрителей. На сценѣ рампа опущена; а въ антрактахъ во время перемѣны декорацій, между плафономъ, который медленно спускается и декораціями, на которыхъ онъ будетъ покоиться, видны лѣса синѣющихъ декорацій. Любовникъ весь закутанъ въ кашне. Актеры только дѣлаютъ жестъ, будто снимаютъ шляпу и оставляютъ ее на головѣ.

Что-то ночное, молчаливое, призрачное, таинственное блуждаетъ всюду вокругъ простуженныхъ актеровъ.

— Вы вѣрите въ успѣхъ?

Это было сказано одной тѣнью другой, сидящей въ ложѣ на авансценѣ.

— И даже въ большой успѣхъ, да,—отвѣчалъ голосъ Нашета Мартѣ.—Послѣ этой первой сцены онъ овладѣваетъ публикой... Между нами, машина отлично построена... Я никогда бы не подумалъ... И потомъ его поддержатъ... Если вы его освищете, вы заставите его вызывать... За вами бу-

дутъ ложи, но не зала... А фельетоны! У него есть истинные друзья... которые подогрѣютъ успѣхъ... Но она великолѣпна, эта маленькая Одиль... Есть женщины, на которыхъ никогда не смотришь... Я ее никогда не видѣлъ, честное слово... Говоря правду, знаете ли, она съиграла съ вами хорошую штуку, взявъ вашу роль? Это ее выдвинетъ... Очень хорошо, право, очень хорошо... Она способна сѣсть вамъ на голову, эта дѣвочка...

— У васъ злость... ваша собственная, милый мой... Что это за женщина на той сторонѣ балкона?..

— Конечно... да, Греси... Вы не знаете, она влюблена въ вашего мужа... Вы ее знали? Ахъ, онъ ея капризъ, помѣшательство! Смѣшны эти женщины! Любовь овладѣваетъ ими... какъ и другими...

Марта прервала:

— Друзья Шарля, это Ламперьеръ, Франшемонъ, Ремонвиль, Буароже, Лалиганъ, не такъ ли?..

— Да.

— И вы положительно думаете объ успѣхѣ, Нашетъ?

— Посмотрите на нее... нѣтъ, вы посмотрите на нее, у ней такое личико, у этой Одиль... Что вы говорили? Успѣхъ, но онъ ясенъ какъ день. Постойте, слышите, смѣются?

Марта не произнесла ни слова.

— Что съ вами?—спросилъ ее Нашетъ.

— Я думаю.

— О чемъ?

— Ни о чемъ.

По окончаніи репетиціи Нашетъ проводилъ Марту домой. Съ тѣхъ поръ, какъ она покинула своего мужа, Нашетъ сдѣлался ея рыцаремъ. Онъ сопровождалъ ее всюду, онъ составлялъ ей компанію дома. Болтуны приняли его сначала за любовника Марты; но нѣкоторыя слова, нѣкоторыя злыя насмѣшки Марты, которыя никогда не срываются съ любящихъ устъ, разувѣрили наблюдателей, которые порѣшили считать Нашета козломъ отпущенія, patito капризовъ этой женщины, замѣстителемъ мужа въ роли предмета мученія. Нашетъ позволялъ говорить, что угодно, и казался совершенно довольнымъ тѣмъ, что обманываетъ публику и считается у дураковъ за любовника этой элегантной и красивой женщины, всегда появляющейся объ руку съ нимъ.

Придя въ комнату и бросивъ шляпу и шаль, Марта взяла

маленькую шкатулочку, отперла замокъ и вытащила оттуда письма. Нашетъ глядѣлъ на нее, стараясь угадать и не угадывая, видя только злую улыбку, играющую на губахъ Марты.

— Что это такое?

— Письмо,—сказала Марта.

— Я это вижу.

— Ахъ! Онъ учень уменъ...

— Кто?

— Мой мужъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвался... Далѣе?

— Ахъ, мой милый,—воскликнула Марта, все улыбаясь и опрокидываясь на кресло съ демоническимъ видомъ,—еслибъ я захотѣла!.. Какъ зовутъ его друзей, которые поддержатъ пьесу?

— Вы ихъ знаете: Франшемонъ, Ламперьеръ... и другіе, вы ихъ только что называли...

— Еслибъ я захотѣла!..—повторила Марта пробѣгая письма.—Слушайте,—и она прочла Нашету дюжину строкъ, гдѣ самыя тайныя желанія, иллюзіи и утопіи Ламперьера были осмѣяны и пародированы очень ѣдко.

Эти письма были письма Шарля, которыя онъ писалъ Мартѣ до своей женитьбы въ Брюссель. Шарль, влюбленный, боясь быть забытымъ, напоминалъ о себѣ Мартѣ каждое утро, чѣмъ-то въ родѣ маленькой газеты, которую онъ старался сдѣлать забавной, и вложить въ нее какъ можно болѣе соли и веселости, чтобъ не очень надоѣдать актрисѣ приторностью своихъ нѣжностей и монотонностью своей любви. Онъ представлялъ все въ смѣшномъ видѣ, чтобъ заставить ее смѣяться, Парижъ, своихъ друзей, самого себя; это были маленькія насмѣшки по поводу всѣхъ, попадавшихся ему подъ перо; сердце его въ нихъ не участвовало, но къ несчастью онѣ почти всегда касались чувствительнаго мѣста каждаго, единственнаго смѣшного, къ которому даже самые не мнительные относятся съ особенной деликатностью, дѣлая изъ него вопросъ чести, той незамѣтной точки, маленькой особенности характера, ума или физическаго качества, которая составляетъ у каждаго уязвимое мѣсто его тщеславія. Зло было бы еще не такъ велико, если бы Шарль касался только таланта людей; но онъ касался банта ихъ галстуха, формы ихъ ногтей, и эти нескромности, которыя, брошенныя въ разговоръ, были бы забыты и прощены, эти нескромности напечатанныя, опубликованныя, должны были

сдѣлать изъ его друзей злѣйшихъ и безжалостныхъ враговъ.

— А! Вотъ и Франшемонъ... и Марта прочла мѣста, гдѣ говорилось о Франшемонѣ.

Потомъ дошла очередь до Ремонвиля, Лалигана и Буароже.

— Но это посылаетъ вамъ Провидѣніе,—сказалъ серьезно Нашетъ.

— О,—сказала Марта, опуская письма,—вы могли подумать?.. Вы понимаете, что я никогда этимъ не воспользуюсь...

— Да, это правда... вы не можете ими воспользоваться... Ну, что же!.. Демальи будетъ имѣть огромный успѣхъ... Одиль помѣшаетъ возобновленію вашего ангажемента въ Gymnase... А вы знаете, что такое успѣхъ?.. Онъ побѣждаетъ все! Симпатіи, уваженіе, состраданіе... все! На другой день представленія Демальи будетъ хорошимъ мужемъ... Теперь общественное мнѣніе за васъ, тогда оно будетъ противъ васъ... Ему достанется лучшая роль; вамъ...

— Это дурно, что вы мнѣ совѣтуете...

— Я? Я ничего не совѣтую... который часъ? Я ѣду обѣдать...

— Послушайте еще насчетъ Ламперьера... и она прочла. Ну, что?

— А то, что вамъ надо оказать услугу... и однимъ движеніемъ руки Нашетъ выхватилъ у ней пачку писемъ, — чтобы помѣшать вашему мужу играть лучшую роль!..

— Нашетъ! Нашетъ! Послушайте, мои письма! Отдайте мои письма!.. Это невозможно... Это было бы отвратительно...

— Не надо ребячиться, моя милая... Вы только что переѣхали, переѣзды существуютъ для потерь корреспонденцій...

— Боже мой, но... Нашетъ! Что вы хотите съ ними сдѣлать?

— Я скажу вамъ въ воскресенье, и Нашетъ, быстро взявъ шляпу, исчезъ, не давая Мартѣ времени опомниться.

LXXVI.

— Улица Шильдбертъ, номеръ четвертый! живо!—крикнулъ Нашетъ, бросаясь въ карету. По дорогѣ онъ прочелъ письма, и отчеркнулъ карандашемъ около двадцати мѣстъ,

которыя онъ переписалъ въ памятную книжку. Работа его была окончена, когда карета остановилась. Онъ бросился по сырой грязной лѣстницѣ, поднялся въ третій этажъ и дернулъ за колокольчикъ, сдѣланный изъ желѣзной проволоки съ деревянной палочкой на концѣ.

— Ключъ въ двери,—проворчалъ голосъ извнутри.

Нашетъ вошелъ въ комнату, заваленную бумагами. Въ углу кровать, выкрашенная по старинному въ бѣлый цвѣтъ со свѣтло-зелеными полосами, сдѣлалась сѣрой и грязной, а рваныя простыни открывали внутренность несдѣланной постели. Пакеты негодныхъ старыхъ бумагъ валялись на полкахъ. На каминѣ стояли бюсты Вольтера и Руссо, двухъ боговъ автографа. Около сидѣлъ человѣкъ, красный, съ лоснящимися щеками, почти синими отъ крови, какъ у нѣкоторыхъ стариковъ, ноги его были обуты на босу ногу въ туфли съ каемочками и протянуты къ потухшей печкѣ, гдѣ стоялъ стаканъ вина на двѣ трети наполненный водкой.

— Господинъ Ганьеръ? — сказалъ иронически Нашетъ, низко кланяясь.

— Надѣнь свою шляпу, твои вши могутъ простудиться.

— Ты все такой-же, старый плутъ,—сказалъ Нашетъ, одѣвая шляпу.

— Не стѣсняйся со своимъ пріемнымъ отцомъ, который тебя направилъ въ Парижъ, неблагодарный... Но ты кажется довольно прилично одѣтъ?

— А коммерція?

— Пустяшная коммерція... Ахъ! Если-бы господинъ королевскій прокуроръ захотѣлъ позволить мнѣ продолжать мою старую коммерцію!.. она шла довольно хорошо... Школьники и старики проглатываютъ эти книги какъ ангелы...

— Сократили тебя... Я знаю твое горе.

— Да... Видишь-ли, великіе люди, это менѣе серьезно, чѣмъ рента... Нѣтъ-ли у тебя кого-нибудь, у тебя теперь есть знакомства, который купилъ-бы у меня коллекцію писемъ гильотинированныхъ іюльской династіей? У меня есть очень полная... Однако, что тебѣ надо?.. Чѣмъ можно служить тебѣ; и не дѣлай пожалуйста quoniam bonus...

— Это что такое?

— Письма.

— Хорошо.. Дальше?

— Надо сдѣлать выписки изъ этихъ писемъ; я тебѣ ихъ

отмѣтилъ подъ рубрикой: „Продажа интересной коллекціи автографовъ“...

— А другія?

— Какія другія?

— Другія письма... Ты хочешь чтобы я устроилъ ихъ продажу?.. И притомъ имя, котораго я не знаю.

— Ты прибавишь къ нимъ тѣ, которыя ты у меня выманилъ... Ты вѣдь взялъ ихъ у меня массу... Ты прибавишь къ нимъ нѣсколько благодѣтелей человѣчества и твоихъ гильотинированныхъ... такъ какъ дѣло идетъ не о продажѣ.

— А! Дѣло идетъ не о продажѣ... Тогда, что ты платишь?

— Пять луидоровъ, это все что у меня есть!—сказалъ Нашетъ, выворачивая четыре подкладки двухъ жилетныхъ кармановъ и двухъ кармановъ своихъ панталонъ, — и еще десять въ субботу послѣ полученія корректурнаго листа.

— Не жирно, милѣйшій.

— Кромѣ того, обѣщаю тебѣ корреспонденцію Дежазе... пресмѣшную... она есть у одного изъ моихъ друзей и онъ обѣщалъ мнѣ дать ее. Говори послѣ этого, что тебя забываютъ, старый злодѣй!.. Потомъ у меня скоро будетъ масса автографовъ, какъ у редактора большой газеты... Быть можетъ, и для тебя будетъ довѣренная должность въ объявленіяхъ.

— Болтунъ!.. Что-жь, надо что нибудь сдѣлать для дѣтей, у которыхъ въ виду... А какой рискъ.

— Никакого... Продаетъ законный владѣлецъ... И такъ, изъ пачки ты составишь съ тѣмъ, что прибавишь, около листа... На воскресенье мнѣ необходима корректура, понимаешь?.. Ты ихъ распредѣлишь, затѣмъ черезъ недѣлю я заставлю тебя объявить, что продажи не будетъ... богатый любитель иностранецъ купилъ ихъ оптомъ... Ты принесешь мнѣ письма вмѣстѣ съ корректурой.

— Нѣтъ, я сохраню ихъ... Быть можетъ, авторъ захочетъ ихъ выкупить?.. У меня издержки, ихъ надо покрыть.

— Какъ хочешь... мнѣ все равно... тебѣ будетъ заплачено, чтобы ты меня не называлъ... Самое позднее въ воскресенье, а? Мнѣ нуженъ каталогъ въ воскресенье утромъ... Ахъ! Тамъ стоитъ вездѣ моя милая... уничтожь моя милая... Это безполезно.

— Понимаю! Публикѣ не должно быть извѣстно, что это адресовано къ дамѣ... Честь женщинъ!

— Ты угадалъ.

И Нашетъ направился къ двери.

— Ты уходишь?.. Останься-же на минуту... Идетъ проливной дождь... Мы поболтаемъ маленько.

— У меня карета, я спѣшу.

И Нашетъ пошелъ.

— Скажите пожалуйста,—сказалъ насмѣшливо Ганьеръ глядя ему въ затылокъ,—знаешь-ли ты, что Господь Богъ оказалъ тебѣ великую милость! Онъ хотѣлъ тебя сжечь... и сдѣлалъ только рыжимъ.

LXXVII.

— Отлично все устроено,—сказалъ Нашетъ, садясь въ карету,—что могутъ мнѣ сказать? Ничего. Я только повторяю каталогъ, напечатанный въ четырехстахъ экземплярахъ. Мой отвѣтъ простъ: вотъ каталогъ, вотъ онъ... вотъ онъ!

Онъ посмотрѣлъ на часы:

— Восемь часовъ!... Чортъ возьми! Я сегодня не буду обѣдать... Скорѣе, кучеръ!... Мнѣ еще надо время, чтобы переодѣться...

— Заплатите за карету,—сказалъ онъ консьержу, который поклонился и шепнулъ ему на ухо.

— На верху васъ ждетъ маленькая дамочка.

— Какъ? Вы пускаете... Когда меня нѣтъ дома?

— Я думалъ, что это прежняя любовница господина.

— Во первыхъ никогда не впускаютъ прежнихъ любовницъ, слышите-ли?

— А! Это вы, Марта,—сказалъ Нашетъ,—входя къ себѣ.

— Да, милый Нашетъ... Я обдумала... Это невозможно... Серьезно, это было-бы отвратительно!... Вы хотѣли оказать мнѣ услугу... Но, право... отдайте мнѣ мои письма... пожалуйста!

— Я въ отчаяньи, милая Марта... Революція говоритъ на это одно слово: слишкомъ поздно!

— Не говорите этого, Нашетъ...

— Нѣтъ, вы не хотѣли-бы...

— Я ничего не знаю,—сказалъ Нашетъ,—холодно глядя на нее.

— Ну полно... вы меня вѣдь любите... немного. И Марта призвала на помощь все свое кокетство, всю ласковость.

— Я?

И Нашетъ покатился со смѣху, отъ котораго задребезжали стекла.

— О!... Я боюсь васъ... Прошу васъ... Поспѣшите... Нашетъ, отдайте письма...

Вдругъ глаза Нашета загорѣлись; такой блескъ бываетъ у дикихъ звѣрей.

— Такъ вы значитъ не понимаете, что я смѣялся надъ вами?

И онъ снова захохоталъ; его глухой голосъ дрожалъ.

— Вы значитъ не поняли, что дрянная обезьяна вошла въ вашу жизнь не для того, чтобы обожать васъ, но зачѣмъ-то другимъ? Васъ любить, васъ?... Да развѣ у васъ есть сердца хоть на два су?... Женщина, которая находила удовольствіе попирать ногами любовь человѣка, которая заставила и общество попрать его!... Вашъ корсетъ? Ахъ, чортъ возьми! Извѣстно, что подъ нимъ: мясо на камнѣ!... Однако, вамъ повезло!... Найти дурака съ сердцемъ, который вамъ поклонялся; вамъ, комедіанткѣ, которой всякій встрѣчный говоритъ „ты“ и можетъ взять за талію!... Онъ сдѣлалъ вамъ честь, женившись на васъ передъ настоящимъ меромъ... Ему пришла идея вложить въ ваши уста то, что у него было въ головѣ, чтобы раздѣлить съ вами свои мысли, свой успѣхъ... И вы думаете, что найдется два такихъ идіота?... Я? Но вы значитъ не чувствовали, что вы орудіе въ моихъ рукахъ, вещь, ведущая меня къ цѣли?... Вы не посмотрѣли на меня? Вы не видѣли значитъ, что счастье Шарля обдавало меня грязью?... Что я завидовалъ, да, завидовалъ! Завидовалъ его богатству, которое дѣлало его хозяиномъ себя и свободнымъ отъ работы, которая убиваетъ; завидовалъ его домашней жизни, которая коробила меня; завидовалъ друзьямъ, которые у него были; его имени, его лицу, его книгѣ... всему, да! Вы меня не поняли, не изслѣдовали, не угадали?... Какъ вы глупы!

— Сударь...

— Да, я вошелъ въ ваше жилище, чтобы опрокинуть лампу, и заставить васъ пройти то, что съѣдало, разрывало меня... Теперь вы поняли?... Васъ любить... Ахъ, вы вообразили себѣ!... У меня нѣтъ времени, моя милая!... Но еслибы даже мнѣ и пришла фантазія... Потому что, иногда... отчего-же? У васъ нѣтъ таланта; ваши гримасы ingénue начинаютъ увядать, красота ваша дурного качества... Вы полетите изъ театра и такъ низко, что въ одинъ прекрасный вечеръ... когда я хорошо пообѣдаю...

— Сударь!..—воскликнула Марта.

— Мы поговоримъ о разныхъ вещахъ... о хорошенькомъ салонѣ вашего мужа... о дѣтяхъ, которыхъ вы могли-бы имѣть... Говорятъ, что материнство связь, которая не обрывается у женщины: мы увидимъ!... Тысяча извиненій, я васъ не удерживаю...

И принимая ужасную интонацію Бильбоке:

— Я занятъ своимъ туалетомъ!

И онъ снялъ свой галстухъ. Когда Марта вышла:

— Это облегчаетъ,—сказалъ Нашетъ передъ зеркаломъ, крѣпко проводя щеткой по своимъ зубамъ.—Отлично, дѣло идетъ на ладъ... Я увѣренъ въ Пюизинье, и... кстати, на сегодня кажется приглашеніе Кутюра?

И онъ перечелъ письмо:

„Старикъ, я при деньгахъ. Твой приборъ поставленъ въ пятницу 18-го, съ девяти часовъ вечера до слѣдующаго дня. Празднество будетъ въ мастерской Жиру, который отправился покупать зеленые абажуры въ своей странѣ. Будетъ Марія и другой ангелъ.

Твой Кутюра".

LXXVIII.

Не было и половины десятаго, когда Нашетъ вошелъ въ мастерскую Жиру.

— Какова?—сказалъ Кутюра, показывая ему глазами на женщину, сопровождавшую Марію.

— Къ птицамъ!—отвѣчалъ Нашетъ, употребляя одинъ изъ парижскихъ идіотизмовъ, которые производятъ впечатлѣніе жабы, выходящей изъ человѣческихъ устъ.

— До-чь моя,—сказалъ Кутюра женщинѣ похваленной такимъ образомъ Нашетомъ, безъ волненій и любезностей.—Этотъ господинъ—директоръ Délass! Com!...

— Господинъ директоръ?...

И бѣдная дѣвушка посмотрѣла на Нашета, какъ нищета глядитъ на мѣнялу.

— Онъ самый!—отвѣчалъ Нашетъ, уловивъ подмигиванье Кутюра и прекрасно войдя въ свою роль.—Да, моя милая, отъ меня зависятъ ангажементы.

Сѣли вокругъ стола, Кутюра около Маріи, Нашетъ около Германсъ, такъ звали спутницу Маріи.

— Есть категоріи актрисъ,—говорилъ Нашетъ, — какъ есть сорта мяса... Не надо скрывать этого отъ васъ... У

насъ есть женщины, которыя платятъ въ театръ, чтобы играть... это не въ вашемъ родѣ, отлично... У насъ есть женщины, получившія ангажементъ, который онѣ могутъ показать... вы понимаете... но мы имъ не платимъ... Это все еще не то, не правда-ли?.. Наконецъ, у насъ есть перваго качества... настоящіе ангажементы... и подлинные какъ книжка сберегательной кассы!

Германсъ спросила:

— А что надо для того, чтобы...

— Что надо?.. Надо все: волосы, глаза, зубы, ляжки! Все, что у васъ есть... Если кромѣ того вы обладаете талантомъ госпожи Марсъ или Альфонсины, талантъ не вредитъ. Вы не говорите въ носъ, это уже кое-что, и съ протекціей...

— Но я никого не знаю...

— А директора, моя милая,—сказалъ Нашетъ, сдѣлавшись любезнымъ.

Мужчины и женщины пили и ѣли.

Нашетъ, которому Кутюра подливалъ, не оставляя пустымъ его стакана, пилъ болѣе всѣхъ, и сонъ Аталіи, который декламировала Германса, дѣлая ударенія на полустишіяхъ и окончаніяхъ, разнѣживалъ его, что скорѣе дѣлало честь вину Кутюра, чѣмъ таланту Германсы. Марія въ свою очередь начала пѣть простонародную пѣсню подъ акомпаниментъ ножей по стаканамъ, какъ вдругъ прервала себя:

— Скажи пожалуйста, Кутюра, что это за глупости?

И она показала на стѣну, гдѣ висѣла масса маленькихъ башмачковъ изъ бѣлаго шелка, съ бантиками и розетками.

— Башмачки испанскихъ танцовщицъ, которые мы привезли изъ нашихъ путешествій... Башмачки-автографы.—Марія вскочила на табуретъ, взяла одинъ башмакъ съ краснымъ бантомъ, такой маленькій, что китайская мать не рискнула бы его примѣрить своей дочери; поднеся его къ носу Кутюра, она спросила:

— И на кончикѣ этого была женщина?

— Почти!—отвѣчалъ Кутюра.

Мужчины курили. Женщины напѣвали куплеты или чистили фрукты.

— Однако, очень неудобно сидѣть на твоихъ креслахъ,— сказала Марія.

— Идея!—сказалъ Кутюра.—Что если мы снимемъ козлы со стола?

Положили на землю столъ, который служилъ для людской, и каждый усѣлся или улегся вокругъ въ интимныхъ позахъ Ланкре и со свободой, которая является въ концѣ ужина. Нашетъ на животѣ съ турецкой трубкой въ зубахъ, окруженный табачнымъ дымомъ, разсказывалъ Германсѣ, положившей голову на подушку, пьесу, въ которой онъ заставитъ ее дебютировать, и костюмъ, который она должна была надѣть. Кутюра, сидя по турецки, скрестивъ ноги и, прислонившись къ стѣнѣ, подставилъ свое плечо дремавшей Маріи; по временамъ онъ смотрѣлъ на булевскіе часы, стрѣлка которыхъ подвигалась къ четыремъ часамъ утра.

На столѣ въ безпорядкѣ стоятъ стаканы; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ налита вода, которую женщины пили, чтобы не очень опьянѣть. Стаканъ съ рейнвейномъ наполовину полонъ, и бѣлое вино въ зеленоватомъ стеклѣ кажется топазомъ, упавшимъ въ море. Свѣтло-розовые остатки шампанскаго пѣнятся въ бокалахъ, стоящихъ на столѣ какъ хрустальные фонтаны. Китайскія дессертныя тарелки сдвинуты, указывая на фамильярность, какъ кресла послѣ вечера; косточки; кожа отъ фруктъ, кусочки сахара, лежащіе на нихъ закрываютъ ихъ цвѣты и узоры. Посреди стола разсыпавшаяся пирамида изъ грушъ; нѣсколько обсахаренныхъ вишенъ забыты на кружевной бумажкѣ. Персики одинъ на другомъ, двѣ кисти винограда валяются на сухихъ скоробленныхъ листьяхъ. Тутъ и тамъ маленькіе хлѣбцы, выщипанные посрединѣ ноготками, хлѣбный шарикъ, который скатала Германса въ началѣ ужина.

Освѣщенная свѣчами на столѣ, венеціанская люстра бросаетъ на потолокъ огромную тѣнь съ тысячью лапъ, похожая на насѣкомое въ микроскопѣ. Уже пять часовъ. Вдругъ раздался звонокъ.

— Ахъ,—сказалъ Кутюра,—я и забылъ... извините меня господа, такъ какъ я дерусь сегодня утромъ... и подойдя къ Германсѣ, шепнулъ ей:

— Помни, я не знаю, что ты любовница Пюизинье...— и онъ положилъ ея голову на грудь Нашета.

Молодой человѣкъ, введенный Кутюра, былъ закутанъ въ большой плащъ, который справа расширялся подъ пистолетнымъ ящикомъ, а сзади подымался отъ двухъ шпагъ.

— Господа, баронъ де-Пюизинье... Благодарю, ты аку-

ратенъ... Да, мой милый, я приготовлялся къ смерти въ семьѣ, какъ видишь...

Пюизинье увидѣлъ Германсу, увидѣлъ Нашета. Онъ бросилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые хотятъ убить; произнесъ:—А!—и сѣлъ.

Нашетъ, у котораго еще было настолько сознанія, чтобы узнать Пюизинье, сконфузившись и чтобы что-нибудь сказать, спросилъ Кутюра.

— Какъ?.. Что это за фарсъ?.. Ты дерешься?

— Да... глупое дѣло... глупое!.. Толчекъ, который окончился пощечиной... моя рука оказалась на щекѣ англичанина... насъ розняли... англичанинъ кричитъ мнѣ: „послѣзавтра, Сенъ-Жерменская терасса, семь часовъ!“ И онъ бросаетъ мнѣ свою визитную карточку, я кладу ее въ карманъ, прихожу домой, смотрю и читаю: Лон-донъ, Пиккадилли... Я попалъ на англичанина, живущаго въ Лондонѣ, единственнаго англичанина, который не живетъ въ Неаполѣ или въ отелѣ Виндзоръ!.. Ты понимаешь, невозможно было нашимъ секундантамъ свидѣться... Они переговорятъ на мѣстѣ дуэли... Я разсчитывалъ на тебя и Пюизинье... но ты кажется нѣсколько взволнованъ... Да, ты взволнованъ... я зайду по дорогѣ за Бурнишемъ.

И видя Пюизинье неподвижно стоящаго въ гнѣвной позѣ.

— У тебя видъ горя мраморнаго сердца, мой милый, или ограбленнаго человѣка... Что ты потерялъ, а? А ты тоже, что съ тобой дѣлается,—спросилъ Кутюра Германсу.— Германса у васъ видъ слишкомъ невинный для того, чтобы не имѣть грѣховъ.

И обращаясь къ Пюизинье:

— Это вѣрно, да?.. Ахъ, мой милый, что ты хочешь?.. Несчастье: я въ отчаяньи... но это случается со всѣми и съ твоей стороны будетъ также глупо сердиться на Нашета какъ на слѣпого, который отдавилъ тебѣ мозоль... Что за чортъ! Онъ не могъ угадать... Ахъ, вотъ неудобство скрывать отъ своихъ друзей своихъ любовницъ... Но безъ шутокъ... мы опоздаемъ... Дай руку Маріи, Пюизинье... тебѣ, Нашетъ, дружескій совѣтъ: иди ложись на кровать Жиру, ты передашь ключъ... Идемъ!

И взявъ подъ руку Германсу:

— Ни слова,—сказалъ Кутюра,—онъ вернется къ тебѣ... и еще любезнѣе, чѣмъ прежде... Твой ангажементъ въ ходу... а ты знаешь, что я держу свое слово женщинамъ.

Женщинъ проводили. Затѣмъ разбудили Бурниша, который полетѣлъ на дѣло Кутюра, какъ жукъ на фонарь. Онъ разсыпался въ вопросахъ и восклицаніяхъ до самаго Сенъ-Жермена; онъ видѣлъ этого англичанина, онъ былъ увѣренъ, что встрѣчалъ его; онъ разсказывалъ себѣ происшествіе, переспрашивалъ Кутюра, представлялъ себѣ секундантовъ, которыхъ они должны были встрѣтить, высовывался изъ кареты, думая увидѣть бакенбарды англичанина и ничего не видя, возвращался къ Кутюра, который посылалъ его прогуляться.

Пріѣхавъ въ Сенъ-Жерменъ, онъ прошелъ всю террассу; никого. Прошелъ часъ; ничего. Кутюра послалъ Бурниша справиться въ павильонѣ Генриха IV и въ ближайшихъ отеляхъ: никакой англичанинъ не появлялся тамъ. Въ десять часовъ Бурнишъ объявилъ, что ему надо быть въ Парижѣ къ двѣнадцати часамъ. Кутюра вспомнилъ, что знаетъ одного офицера въ гарнизонѣ Сенъ-Жермена, который не откажетъ ему быть его секундантомъ; и отправляя Бурниша, онъ объявилъ. что самъ будетъ ждать цѣлый день, „по примѣру испанцевъ". Оставшись одинъ съ Пюизинье, Кутюра сталъ прогуливаться съ нимъ въ лѣсу; и тамъ, въ этой таинственной атмосферѣ, въ этомъ воздухѣ, который раскрываетъ сердце и душу, пользуясь мѣстомъ и обстоятельствами, Кутюра, принявъ тонъ человѣка, готоваго умереть и довѣряющагося другу, отбросилъ вдругъ свои насмѣшки, свое шутовство; тотъ самый Кутюра, котораго такъ хорошо зналъ Пюизинье. Голосъ его сдѣлался ласкающимъ, выраженіе печальнымъ; онъ сочувствовалъ горю Пюизинье, слушалъ его, обнималъ, отнесся къ нему со вниманіемъ и главное съ уваженіемъ, и не сталъ утѣшать его. Онъ только жалѣлъ вмѣстѣ съ нимъ, оплакивалъ его обманутую любовь, сказалъ ему, что и онъ также былъ когда-то обманутъ, и—это было шедевромъ Кутюра—разсказалъ ему о своей первой любви, объ этомъ первомъ обманѣ, который сдѣлалъ его, какъ онъ признавался, дурнымъ и насмѣшливымъ. Онъ завладѣлъ барономъ въ продолженіе цѣлаго дня, льстя ему, пробуя играть на его чувствительности, усыпляя его недовѣрчивость, залѣзая ему въ душу, какъ-бы отдаваясь ему, изливая свою откровенность безъ всякаго ложнаго стыда, овладѣвая имъ посредствомъ его еще горячей страсти и первыхъ слезъ его иллюзій... Когда они воротились въ шесть часовъ вечера въ Парижъ, Пюизинье и Кутюра были друзьями, будто оба были обмануты одной и той-же женщиной.

LXXIX.

Въ шесть съ половиной часовъ Кутюра и Пюизинье подъ руку входили на бульвары, болтая о близкой смерти тетки Пюизинье, къ которой баронъ зашелъ съ желѣзной дороги, и которой оставалось „тянуть" не болѣе двухъ, трехъ дней. Они говорили о будущемъ, о наслѣдствѣ, о томъ, что могъ бы Пюизинье предпринять на тѣ средства, которыя будутъ у него въ рукахъ, о положеніи, которое онъ займетъ въ публицистикѣ, когда вдругъ они повстрѣчались съ Монбальяромъ, фланировавшимъ заложивъ руки въ карманы.

— Откуда, чортъ возьми, вы вылѣзли,—произнесъ Монбальяръ,—вы грязны какъ проселочная дорога... Кстати, что у тебя вышло съ Нашетомъ?.. Онъ страшно золъ на тебя!.. Онъ разсказываетъ въ кафе шаржъ, который напишетъ на тебя и на твою сегодняшнюю дуэль... Это правда, что ты дрался?..

— Нѣтъ, мой противникъ не пришелъ... А ты, что ты подѣлываешь?

— Я, мой милый, скучаю... я думаю, что становлюсь слишкомъ старъ для ремесла... Парижъ смердитъ... Я-бы далъ десять су, чтобы быть теперь въ деревнѣ... Я возвращаюсь къ Petite Fadette, не шутя!.. Мнѣ хочется видѣть барашковъ...

— Подстригать!—сказалъ Кутюра.

— Шути, — дружески ударяя его кулакомъ, сказалъ Монбальяръ, — увидишь, какъ поживешь сорокъ лѣтъ въ этомъ дрянномъ Парижѣ... Я мечтаю о старости Одри: умереть въ Курбвуа... Довольно мнѣ ломать голову... и заниматься этой лавочкой! Всѣ эти хитрости... и потомъ эта ломка, дуэли... тюрьмы... это мило, пока молоды... Но видишь-ли, въ концѣ концовъ, такая жизнь... одна насмѣшка!

— Послушай Монбальяръ, ты краснорѣчивъ сегодня какъ человѣкъ, который хочетъ сдѣлать дѣло.

— Какъ онъ проницателенъ, эта собака Кутюра!.. Ну что же! Да милый, я хочу продать мою газету. Нашетъ ко мнѣ подъѣзжаетъ. Но онъ скрываетъ своего капиталиста... и если я буду обманутъ Нашетомъ, ты понимаешь... Нѣтъ болѣе дѣтей! И потомъ я тебя больше люблю... нѣтъ, честное слово, я хочу сказать тебѣ... Нельзя бросить газету, какъ рубашку; это какъ дитя; и я думаю, что съ тобой она пойдетъ, онъ будетъ жить мой „Скандалъ"... Ты мечтаешь о

конкуренціи, о большой маленькой ежедневной газетѣ, съ корреспонденціями и еще чортъ знаетъ съ чѣмъ... Знаешь ли ты лучшій способъ? Купи у меня его... У тебя, во первыхъ, будутъ подписчики, тебѣ не придется населять новый домъ. Ахъ! Если бы ты зналъ количество газетъ, которыя погибли у меня до этого!.. Что тебѣ мѣшаетъ купить?

— Деньги.

— Деньги! Съ такимъ дворяниномъ, какъ этотъ господинъ,—сказалъ Монбальяръ, указывая на барона.—Во первыхъ, пустяшныя деньги! Что я прошу? Восемьдесятъ тысячъ франковъ... А ты знаешь, что съ объявленіями онъ имѣетъ дохода тридцать тысячъ... Найдите-ка мнѣ лучшее помѣщеніе капитала... Ну что! Что вы скажете?

— Мы покупаемъ!—смѣло сказалъ Кутюра, разсчитывая на слабость Пюизинье, вперивъ свой взоръ въ барона и внушая ему свою волю,—неправда ли, Пюизинье?—И не давая времени ему отвѣтить, обратился къ Монбальяру,—Пюизинье покупаетъ у тебя, но у него нѣтъ денегъ... онѣ у него будутъ завтра, или черезъ два, черезъ три дня.

Монбальяръ, который казалось все отлично зналъ, не сказалъ ни слова. Кутюра продолжалъ:

— Ты понимаешь, онъ покупаетъ у тебя; но ему надо время, чтобы собрать свою рухлядь; онъ покупаетъ за восемьдесятъ тысячъ франковъ... сорокъ тысячъ заплатитъ въ шесть мѣсяцевъ, проценты считая съ сегодняшняго дня; что касается остальныхъ сорока тысячъ, онъ будетъ въ состояніи заплатить ихъ тебѣ въ шесть мѣсяцевъ послѣ перваго платежа, пять процентовъ... или заплатить тебѣ разомъ восемьдесятъ тысячъ.

— Но тогда,—сказалъ Пюизинье,—я заплачу проценты только за шесть мѣсяцевъ.

— Понятно... и такъ, безъ лишнихъ разговоровъ! Сорокъ тысячъ франковъ въ шесть мѣсяцевъ... Однако, молодой человѣкъ, вы не надуете съ вашимъ богатствомъ? Ваша тетушка не выдумка? — спросилъ Монбальяръ съ такимъ коректированнымъ сомнѣніемъ и недовѣріемъ, что Кутюра тотчасъ же понялъ, что это было разъиграно.—А другіе, другіе сорокъ тысячъ, шесть мѣсяцевъ спустя, или въ одно время... Ну что-жь, ударимъ по рукамъ, вы владѣлецъ „Скандала"... Ахъ! Я вамъ оставляю въ наслѣдство отличный номеръ! Этотъ плутъ Нашетъ выкопалъ напечатанныя не знаю гдѣ письма Демальи... Буароже, Франшемонъ, Ремонвиль и

вся компанія тамъ жестоко осмѣяны! Хорошіе глаза сдѣлаютъ они, прочтя это отъ интимнаго друга... Только Нашетъ способенъ на такія штуки!.. Но ты меня не слушаешь? Монбальяръ ошибался, Кутюра слушалъ во всѣ уши, но онъ глядѣлъ передъ собою, какъ человѣкъ, углубленный въ размышленія.

— Я... А?.. О чемъ ты говорилъ?... А, ты говорилъ о номерѣ... Мы беремъ газету въ свое владѣніе тотчасъ же, знаешь?

— О, вы оставите мнѣ завтрашній номеръ... напослѣдокъ.

— Проценты идутъ съ сегодняшняго дня, мой милый... и потомъ, это ребячество; но Пюизинье и я сейчасъ же хотимъ завладѣть твоимъ зеленымъ кресломъ директора. Послѣ обѣда мы напишемъ маленькое условіе между нами, проектъ, если хочешь, всего, о чемъ нужно сказать послѣ того, какъ тетка уложитъ свои пожитки... Условія редакціи уничтожаются съ перемѣной дирекціи?

— Да.

— Очень хорошо! И такъ, въ восемь часовъ... ты введешь насъ.

— Ну хорошо... только для васъ... я вамъ передамъ сегодня вечеромъ обстановку „Скандала“... это рѣшено, я распространю новость.

— Нѣтъ... не говори ничего... Я хочу, чтобъ это удивило.

Когда Монбальяръ оставилъ ихъ, Кутюра обратился къ барону:

— Мой милый, ты поблагодаришь меня... У Германсы только одна мечта: ангажементъ... Я ее знаю... Она любитъ тебя, честное слово! Но видишь-ли! Шутникъ, который пообѣщаетъ ей попасть въ Folies-Dramatiques... Что ты хочешь? Это у ней idée-fixe... Имѣя „Скандалъ“ въ рукахъ, въ двѣ недѣли ты можешь потребовать ангажемента, и тогда... Тогда ты ее держишь... и крѣпко! Ты внушишь ей страхъ газетой, какъ мужъ внушаетъ страхъ уголовнымъ судомъ... Время отъ времени ее можно поцарапать, чтобы удержать на хорошей дорогѣ... и клянусь тебѣ, она больше не спотыкнется!

Въ пять минутъ пообѣдали у Пюизинье, котораго Кутюра заставилъ помириться съ Германсой. Кутюра проскользнулъ въ переднюю и шепнулъ ей на ухо:

— Дѣло сдѣлано... ты получишь ангажементъ... Теперь какъ можно больше любви этому ребенку и погорячѣе! Для тебя будетъ хорошій клочекъ ренты...

— Нельзя-ли тебѣ дать довѣренность, — сказалъ Пюизинье, протягиваясь въ креслѣ.

— Невозможно!.. Дѣло прежде любви... Я увожу тебя, надо, чтобы ты былъ тамъ... Скажутъ, мы тебя принудили... Вѣдь это ты покупаешь... Я ничего болѣе... какъ твой главный редакторъ... ты назначишь жалованье... жалованье, какое ты захочешь... Если ты хочешь сдѣлать меня участникомъ въ доходахъ...

Они входили въ редакцію, когда одна изъ современныхъ знаменитостей, попробовавшая завести газету подъ своимъ именемъ, прошла у нихъ подъ носомъ.

— Постой,—вскрикнулъ Кутюра, толкнувъ локтемъ Пюизинье, и бросился навстрѣчу знаменитости:—мой милый, у васъ счастливая рука; въ вашей газетѣ есть малый... не знаю его имени, но онъ даетъ жизнь вашей газетѣ... вчера въ кафе Ришъ только объ этомъ и говорили... Прелестныя статьи!

— Мелинъ, не такъ-ли... Да, у него талантъ... Читалъ ты мою статью вчера?

— Нѣтъ,— сказалъ Кутюра.

— Вотъ именно, Мелинъ... Держите этого мальчика въ хлопкѣ, это счастье вашего журнала.

— Зачѣмъ ты ему это сказалъ?—спросилъ Пюизинье,— у него сдѣлался безпокойный видъ.

— Зачѣмъ? Ты увидишь завтра... У тебя, вѣроятно, нѣтъ желанья оставить Нашета?

Пюизинье сдѣлалъ движенье.

— Ну вотъ тебѣ Нашетъ и замѣщенъ.

— Какъ, замѣщенъ!

— Этотъ великій человѣкъ, какъ онъ ни будь великъ— все-же писатель... Если будутъ говорить немного объ одномъ изъ его редакторовъ, не будутъ говорить только о немъ... Мелинъ будетъ выброшенъ за дверь завтра утромъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, и онъ будетъ нашъ.

Монбальяръ ждалъ ихъ, прогуливаясь взадъ и впередъ по конторѣ газеты.

— Ты аккуратенъ,—сказалъ ему Кутюра.

— Какъ солнечное затменіе, дѣти мои... Все готово, вотъ проектъ условія.

Кутюра взялъ его изъ рукъ Монбальяра и передалъ Пюизинье, затѣмъ взялъ его обратно и внимательно перечелъ.

— Отлично!—сказалъ онъ послѣ чтенія.—Пюизинье и вы перепишите его въ двухъ экземплярахъ на гербовой бумагѣ... А я посмотрю условія относительно редакціи...

И въ то время какъ они переписывали, Кутюра, просматривая корректуры, пробѣжалъ глазами статью Нашета.

— Такъ! Подпишемъ!.. Перо Фонтенебло, господа! — сказалъ Монбальяръ.

Они подписали.

— Господа, домъ вашъ... онъ очень хорошъ... Чортъ возьми!.. Я старался... И забирая все, что было въ кассѣ, продолжалъ:

— Вотъ ключъ, который запиралъ не однѣ только желѣзныя перья!.. А теперь, когда все справлено, имѣю честь... я пойду выпью что нибудь... Ахъ, скажи пожалуйста, хочешь видѣть рукописи, раньше, чѣмъ онѣ пойдутъ въ печать?

— Зачѣмъ?—сказалъ Кутюра.—Нѣтъ, отдай ихъ въ наборъ...

И когда Монбальяръ подходилъ къ двери:

— А то, не трудись.. Мнѣ надо обойти типографію, я ихъ отдамъ.

Монбальяръ вышелъ.

— Я тебѣ больше не нуженъ?—спросилъ Пюизинье.

— Нѣтъ, нуженъ,—сказалъ Кутюра. — Поспи немного на этомъ диванѣ, тутъ очень хорошо.

Кутюра снова взялъ корректуры и погрузился въ продолженіе двухъ часовъ въ чтеніе многочисленныхъ столбцовъ.

Внутренній его монологъ былъ слѣдующій:

— Каталогъ писемъ, гдѣ даютъ отрывки писемъ такой знаменитости, каковъ Демальи, это хитрость... Отрывки, которые оскорбляютъ только и непремѣнно Франшемона, Ремонвиля, Ламперьера и другихъ, это черезчуръ вѣрно прицѣлено, это злость слишкомъ литературная для торговца автографами... Я чувствую ложь во всемъ этомъ...

— Ахъ, еслибъ можно было угадать, кому адресованы письма, это можетъ быть меня вывело бы на дорогу... Посмотримъ... Гм... манера слишкомъ откровенная, для писемъ, писанныхъ къ мужчинѣ... Мы обыкновенно болѣе осторожны, чѣмъ тутъ... Ага, это къ женщинѣ... они не подумали объ этомъ окончаніи, дураки! Вотъ окончаніе слова, которое разрѣшаетъ

вопросъ... Хорошо, это къ женщинѣ... Да, но далѣе... Перечтемъ... Въ нихъ слышится особенно почтительный тонъ, который можетъ быть обращенъ къ женщинѣ... какъ къ законной женѣ... И потомъ, каталогъ печатаетъ его письма, подписанныя его именемъ... Какъ я глупъ! Это письма Демальи къ его женѣ... Нашетъ, который вертится около нея вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, имѣлъ въ рукахъ эти письма, а каталогъ это выдумка... Нѣтъ, Нашетъ умнѣе этого... Подлость до такой степени глупая выше его... Тутъ была продажа...

И Кутюра углубился въ свои размышленія.

— Очень хорошо,—продолжалъ онъ выходя изъ нихъ;— теперь я знаю... Ганьеръ, это каналья, котораго я видѣлъ два три раза бродящимъ въ конторѣ... Это подобіе продажи, устроенное между Нашетомъ и имъ... покрывало, довольно хорошо придуманное!

Онъ положилъ корректуры на бюро, взялъ большой листъ бѣлой бумаги и проработалъ всю ночь надъ программой новой редакціи; онъ начиналъ ее два или три раза, чтобы сдержать обѣщаніе въ каждомъ словѣ, и устроить приманку въ каждой фразѣ. Затѣмъ онъ дождался дня, пробѣгая списки абонентовъ.

Пюизинье, утомленный прогулкой цѣлаго дня, спокойно спалъ на диванѣ, какъ-бы онъ спалъ въ своей кровати.

Вдругъ сильно застучали въ дверь.

— Извините, господинъ! — сказалъ мальчикъ изъ типографіи,—мнѣ велѣли посмотрѣть, есть-ли кто въ редакціи... Вчера вечеромъ не отдали корректуръ... Произойдетъ задержка...

— Ахъ, чортъ возьми!.. А я-то забылъ прочитать ихъ... Это ничего, бери... пусть наберутъ сейчасъ-же... Безъ корректуръ... поправокъ не будетъ.

— Скажи пожалуйста, зачѣмъ ты меня держалъ?—сказалъ Пюизинье, подымаясь.

— Погоди-же!

И Кутюра принялся прогуливаться по конторѣ, Пюизинье опять заснулъ. Черезъ часъ онъ былъ разбуженъ Кутюра.

— Ты спустишься въ типографію... ты поторопишь печатанье... Погляди, какъ печатаютъ... Ты никогда не видѣлъ... это поучительно... Когда будетъ около пятидесяти экземпляровъ, возьми одинъ... т. е. ты возьмешь два, одинъ, ко-

торый увидятъ, какъ ты берешь, другой возьмешь такъ, чтобы не видѣли... и принеси мнѣ ихъ.

Пюизинье вернулся съ двумя экземплярами.

— Очень хорошо! Возьми одинъ... скорѣе-же!.. Напиши: Господину Шарлю Демальи... Садись въ карету... Поѣзжай по его адресу и пошли это въ его квартиру.

— Я не понимаю...—сказалъ Пюизинье.

— Ты сейчасъ поймешь... иди!

Кутюра тотчасъ-же спустился въ типографію съ газетой въ рукахъ. Слухъ о его новомъ положеніи окружилъ его почтеніемъ со стороны наборщиковъ.

— Остановите печатаніе!—закричалъ Кутюра,—сейчасъ-же!.. Гдѣ всѣ напечатанные экземпляры? Всѣ, чтобы ни одного не затерялось!.. Мишель, возьмите пакетъ... Вы сожжете это въ каминѣ сейчасъ-же. Я не хочу такихъ вещей въ газетѣ...—И Кутюра показалъ пальцемъ на статью Нашета.—Шутки, хороши! Но это черезчуръ... Монбальяръ могъ ничего тутъ не видѣть... Пусть разберутъ весь нумеръ.

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія:

— Однако, газета должна же выходить... тамъ наверху нѣтъ никакой рукописи... Оставьте наборъ... Пусть разберутъ только четвертую страницу объявленій изъ Жизни Марселя.

— Но, господинъ Кутюра,—сказалъ Мальграсъ, который снова спустился изъ конторы, чтобы отправить газету,—это объявленіе болѣе чѣмъ въ двѣсти франковъ, и мы ихъ потеряемъ! Вотъ уже три недѣли, какъ оно отдано...

— Пусть его разберутъ... Видите-ли, господинъ Мальграсъ, я далъ-бы тысячу франковъ, чтобы не имѣть этого проклятаго номера на совѣсти... и мой первый номеръ! Пусть подождутъ теперь!.. Мы появимся сегодня! Завтра или послѣ завтра!

Пюизинье ждалъ Кутюра въ конторѣ.

— Дѣло сдѣлано.

— Хорошо.

— Что ты задумалъ?

— Я ничего не знаю... Только есть человѣкъ... ты знаешь, о комъ я говорю... Онъ два или три раза становился на моей дорогѣ... Я просто хочу его выбросить за дверь... такъ, чтобы онъ сломалъ себѣ ноги!

— А средство?

— Я ищу его... я жду чего нибудь... случая... Прови-

дѣніе... всего, что ты хочешь... чего нибудь... или кого нибудь... Но я думаю, что произойдетъ кое-что отъ бомбы, которую я кинулъ въ чашку съ кофеемъ Демальи... Теперь мой маленькій Пюизинье, еслибы ты пошелъ поцѣловать Германсу?.. Мнѣ надо быть одному.

LXXX.

Кутюра ждалъ въ продолженіе двухъ часовъ, прислушиваясь къ шуму просыпавшагося Парижа.

Изъ передней послышался голосъ.

— Кто тамъ, Мишель? — спросилъ Кутюра входившаго конторскаго мальчика.

— Какой-то господинъ спрашиваетъ адресъ г. Нашетъ.

— Ты сказалъ ему?

— Нѣтъ, я не зналъ... Онъ сказалъ, что подождетъ.

— Каковъ собой этотъ господинъ?

— Маленькій, толстый... смотритъ провинціаломъ... сердитъ какъ...

— Попроси войти.

— Что вамъ угодно?—холодно произнесъ Кутюра, вставая на встрѣчу входившаго.

— Милостивый государь, — произнесъ толстякъ, какъ вихрь, влетая въ комнату, — я спрашиваю адресъ негодяя, по имени Нашетъ... и я не думаю, чтобы мнѣ отказали... Кутюра съ достоинствомъ улыбнулся:—Извините, милостивый государь, но позвольте замѣтить вамъ, что вы, повидимому, совершенно незнакомы съ обычаями газеты... причины... общественнаго благосостоянія, вы меня понимаете!.. обыкновенно заставляютъ хранить въ тайнѣ жилище писателя... отъ кредиторовъ... Но для васъ, руководимаго, какъ мнѣ кажется, инымъ мотивомъ...

— Я пришелъ, чтобы запечатлѣть на его щекахъ негодованіе честнаго человѣка... я пришелъ избить его... да, избить.

— Избить?.. Вы, кажется, слишкомъ взволнованы.

— Ахъ, я не знаю, взволнованъ-ли я!.. но нужно не имѣть крови въ жилахъ... Помилуйте! Негодяй укралъ письма у женщины!.. Вѣдь это раззоритъ, убьетъ ея мужа!.. Его мысли, милостивый государь, его сокровенныя мысли будутъ преданы публично!.. Ахъ! я кажусь вамъ взволнованнымъ! Подумайте, выдать то, что онъ говорилъ по секрету, на ухо, впечатлѣнія дня, минуты... его исповѣдь... нѣтъ, даже шпіонъ не совершилъ бы такой подлости.

— И такъ вы говорите...

— Я говорю, что этотъ господинъ укралъ письма Шарля къ женѣ... укралъ!.. и...

— Я слышалъ это, милостивый государь.... но не будете-ли вы такъ добры объяснить мнѣ, какимъ образомъ г. Демальи могъ узнать о номерѣ журнала, не появившемся въ свѣтъ.

— Не появившемся!.. Если бы вы побывали въ моей шкурѣ въ продолженіе одного часа, вы бы видѣли, какъ онъ не появился!.. Вы бы видѣли, прочелъ-ли его Шарль, вашъ непоявившійся номеръ! Онъ упалъ плашмя на паркетъ... словно сраженный молніей... Побѣжали за докторомъ... я не знаю, живъ-ли онъ, или умеръ... Онъ мнѣ дорогъ, какъ родной сынъ... Если я рѣшился, не умѣя держать шпаги въ рукахъ...

— Я говорю вамъ, что я дамъ этому господину пощечину!

— Вы не умѣете владѣть шпагой?.. Это большое несчастіе, Нашетъ искусный противникъ!.. Гдѣ-то, кажется въ Нантѣ, онъ имѣлъ неловкость убить кого-то... О! Конечно, въ этихъ дѣлахъ играетъ роль случай...

Продолжая слѣдить взглядомъ за собесѣдникомъ, выказывавшимъ свою горячую и добрую натуру, свой сангвиническій темпераментъ, подчинявшійся первому движенію и противопоставляя взамѣнъ всему этому съ холодной вѣжливостью практическую сторону дѣла, Кутюра замѣтилъ, какъ мало по малу къ тому вернулось размышленіе, какъ въ немъ заговорили годы и жизненный опытъ, явилось воспоминаніе о хорошенькихъ дѣтяхъ, оставленныхъ имъ тамъ. дома... и понемногу начало смягчать его...

Наступило молчаніе, которое Кутюра нарочно продолжилъ, чтобы дать слабымъ, человѣческимъ чувствамъ укрѣпиться въ другѣ Шарля; наконецъ, онъ увидѣлъ, какъ тотъ понемного блѣднѣлъ, словно смерть заглянула ему къ лицо.

Тогда Кутюра продолжалъ:

— Какова-бы ни была ваша преданность къ г-ну Демальи, преданность, которую я уважаю, милостивый государь, какъ-бы ни было велико ваше презрѣніе къ шансамъ противника, вы позволите мнѣ выразить мое сожалѣніе, что вы заступаете мѣсто друга, который гораздо моложе васъ... болѣзни котораго не повѣрятъ... я знаю нашу публику... и наконецъ,—продолжалъ Кутюра, наблюдавшій за собесѣдни-

комъ,—если васъ проколятъ шпагой, какую услугу окажете вы этимъ г-ну Демальи?.. Слушайте,—воскликнулъ Кутюра внезапно, оставляя тонъ главнаго редактора и впадая въ добродушный тонъ обыкновеннаго смертнаго,—знаете-ли вы, что сдѣлалъ разговаривающій съ вами въ настоящую минуту? Знаете-ли, что сдѣлалъ я? Не зная, подложны-ли эти письма или нѣтъ, откуда онѣ явились, какимъ образомъ ими заручились и о чемъ въ нихъ говорилось, по одному подозрѣнію, что онѣ заключаютъ въ себѣ подобное тому, о чемъ вы только что говорили мнѣ, я остановилъ печатаніе номера... Да, милостивый государь, даже рискуя опозданіемъ... Я отказался отъ одного объявленія въ полторасто строкъ, доходъ съ котораго я потеряю... Я велѣлъ собрать всѣ отпечатанные номера и вотъ пепелъ отъ нихъ въ каминѣ... Номеръ, полученный вашимъ другомъ, для меня загадка... если только Нашетъ ранѣе меня не побывалъ въ типографіи... единственно этимъ можно объяснить... Словомъ, въ настоящую минуту я ищу отвѣтъ, который дастъ наглядно понять, что долженъ думать всякій честный человѣкъ о статьѣ Нашета... Сообщить объ этомъ черезъ недѣлю было-бы слишкомъ поздно, я хотѣлъ-бы вмѣстѣ съ выпускомъ сегодняшняго номера выбросить за дверь эту личность... Послушайте, вы крѣпкаго сложенія... у васъ хорошіе мускулы и кулаки... Вы питаете къ Демальи такую дружбу, о которой мы не имѣемъ понятія; всего этого вполнѣ достаточно!.. Вы мигомъ слетаете въ улицу Шильдеберъ, 4... тамъ вы найдете нѣкоего Ганьера, труса, негодяя и пьяницу... теперь одиннадцать часовъ, онъ будетъ пьянъ... вы пригрозите, что задушите его... вы даже его подушите немного, покуда онъ не дастъ вамъ удостовѣренія въ томъ, что письма были ему вручены Нашетомъ... Это все, что намъ нужно... Не бойтесь вцѣпиться въ него! Вы должны имѣть видъ человѣка, пришедшаго съ тѣмъ, чтобы убить... Поѣзжайте! Внизу есть карета... Двадцать минутъ ѣзды туда, двадцать обратно, десять, чтобы разыграть сцену... менѣе чѣмъ черезъ часъ вы будете здѣсь.

Спустя три четверти часа толстякъ вернулся весь въ поту, вытирая себѣ лицо и торжествующе махая въ воздухѣ своей широкой рукой.

— Трудненько было... однако, вотъ!

И Кутюра прочелъ:

„Я заявляю, что продажа, назначенная на 24 января, подъ заглавіемъ: „Продажа хорошенькой коллекціи совре-

менныхъ автографовъ" была фиктивной. Я заявляю, что письма г-на Демальи, упомянутыя въ каталогѣ, были переданы мнѣ господиномъ Нашетомъ; утверждаю, кромѣ того, что я дѣйствовалъ, не сознавая серьезнаго значенія всего этого. Ганьеръ".

— Позвольте выразить вамъ мое уваженіе,—сказалъ Кутюра, глаза котораго заблестѣли.

И, бросившись къ своей конторкѣ, онъ однимъ духомъ настрочилъ строкъ пятьдесятъ.

— Мишель! Сейчасъ-же въ наборъ, въ концѣ статьи г-на Нашета... и чтобы немедленно печатали!

— Сударь,—сказалъ Мишель,—тамъ кто-то желаетъ говорить съ вами... какой-то г-нъ Милленъ или Мелленъ...

— Невозможно!.. Скажите ему, что я назначаю ему свиданье на завтра, въ десять часовъ... Ахъ, пошлите ко мнѣ г-на Мальграса... Г-нъ Мальграсъ,—сказалъ Кутюра,—ваша программа измѣняется... Вычеркните имя Нашета... и на его мѣсто поставьте имя Меллера... и дайте печатать.

Толстякъ хотѣлъ встать.

— Не уходите,—сказалъ ему Кутюра,—мы посмѣемся!

LXXXI.

Нашетъ въ передней столкнулся съ Мальграсомъ.

— Я не знаю, останетесь-ли вы, мой милый Нашетъ,—сказалъ ему Мальграсъ, показывая его вычеркнутое имя.

— Всегда съ хорошими новостями этотъ Мальграсъ!.. настоящій воронъ!

И Нашетъ вошелъ въ контору.

— Объясни пожалуйста, что такое говорятъ,—сказалъ онъ, блѣдный отъ гнѣва, наступая на Кутюра, — что такое говорятъ, что моя статья помѣшала газетѣ выйти? Я нахожу ее хорошей... Въ чемъ-же дѣло? а?

— Ни въ чемъ... твоя статья прошла.

— А мое имя, вычеркнутое на твоей программѣ... Мальграсъ мнѣ показалъ... что это значитъ?

— Это значитъ, что появился новый директоръ и что прежніе договоры съ Монбальяромъ теряютъ свою силу вслѣдствіе перемѣны состава редакціи... Ты можешь пройти въ кассу и разсчитаться за авансы, которые тебѣ давала газета...

— Послушай, Кутюра, ты говоришь это мнѣ въ пику... Ты не можешь прогнать меня такимъ образомъ... какъ какую-

нибудь собаку... изъ-за пустяковъ... изъ-за твоей дружбы къ г-ну. Демальи.

И Нашетъ иронически улыбнулся.

— Почему нѣтъ? Я могъ смѣяться надъ нимъ, но...

— Слушай, Кутюра, ты напрасно играешь со мной въ эту игру...

Рука Нашета нервно сжимала набалдашникъ трости. Кутюра, слѣдившій за нимъ глазами, небрежно игралъ желѣзной линейкой.

Нашетъ продолжалъ, стараясь понизить голосъ:

— Такъ ты не желаешь, чтобы смѣялись надъ этимъ милымъ Демальи?.. Я не настаиваю на томъ, если это причиняетъ тебѣ непріятность... Я, я даже готовъ находить въ немъ талантъ, геній, все что ты пожелаешь! Я скажу, что онъ образецъ мужей... оставленныхъ... Я напечатаю въ газетѣ его каламбуры на твой счетъ... Ты видишь, мой дорогой патронъ, что я по прежнему достоинъ подписываться въ „Скандалѣ"... и ты, конечно, оставляешь меня.

— Невозможно, мой милый... Новая дирекція журнала не желаетъ имѣть въ числѣ своихъ сотрудниковъ господина, пишущаго статьи при помощи писемъ, украденныхъ у женщины...

И желѣзная линейка, бывшая въ рукахъ у Кутюра, словно нечаянно повернулась въ сторону Нашета.

— Ты лжешь!

— Вамъ хорошо извѣстно, Нашетъ, что я нѣсколько разъ дрался на дуэли... и посерьезнѣе чѣмъ вчера... —проговорилъ Кутюра, подчеркивая послѣднюю фразу насмѣшливой улыбкой.

— Это жена Демальи тебѣ сказала...

— Нѣтъ, это Ганьеръ... Ты знаешь Ганьера... а вотъ этотъ господинъ принесъ заявленіе Ганьера... заявленіе, которое... Да, вотъ, читай!

И Кутюра протянулъ Нашету газету, которую въ эту минуту принесъ Мишель. Нашетъ пробѣжалъ глазами замѣтку Кутюра и поблѣднѣлъ какъ полотно. Онъ бросилъ газету и проговорилъ, опираясь на свою трость:

— Ты скоро обо мнѣ услышишь.

— Я тебя не провожаю...—сказалъ спокойно Кутюра.

Когда Нашетъ захлопнулъ за собой дверь, онъ обратился къ совершенно взволнованному толстяку, — если я заявляю вамъ здѣсь о своемъ уваженіи къ характеру и таланту Де-

мальи, то дѣлаю это въ сознаніи, что вы мнѣ повѣрите... Вашъ другъ стоитъ насъ всѣхъ, я это знаю и говорю вамъ... Но что вы хотите? Зло было сдѣлано. Я ничего не могъ, кромѣ того, что я сдѣлалъ; моя совѣсть говоритъ мнѣ, что, поступивъ такъ, я предоставилъ Демальи единственное удовлетвореніе, которое я могъ...

LXXXII.

При этихъ словахъ дверь стремительно открылась и въ комнату вбѣжалъ Шарль Демальи, съ перекошеннымъ лицомъ и совершенно растерзаннымъ видомъ.

— Вы здѣсь! Шаваннъ!—увидѣвъ толстяка, воскликнулъ онъ.—Оставьте, это касается меня одного... я только что отъ Нашета, котораго не было дома...

И Шарль бросилъ вызывающій взглядъ на Кутюра.

— Ты сошелъ съ ума!—сказалъ ему Шаваннъ, видѣвшій его взглядъ и боявшійся чего нибудь худшаго.—Этотъ господинъ дерется изъ-за тебя съ Нашетомъ...

— Демальи не будетъ мнѣ обязанъ этой услугой,—сказалъ кланяясь ему Кутюра, не могшій, несмотря на весь свой загаръ, скрыть волненіе, которое ему причинило появленіе Шарля, походившаго на привидѣніе.—Нѣтъ... Завтра Нашетъ не найдетъ на всемъ пространствѣ Парижа двухъ людей, которые-бы захотѣли пойти къ нему въ секунданты... Есть люди, которые всегда найдутъ двухъ секундантовъ, но онъ задѣлъ всѣхъ... Вы увидите, какъ всѣ разбѣгутся отъ него... Завтра у него не останется двухъ друзей; послѣ завтра не будетъ и одного, а черезъ недѣлю онъ не въ одной газетѣ не найдетъ мѣста, чтобы помѣстить свой отвѣтъ... О! Въ нашемъ обществѣ безпощадны къ подлостямъ, неловко сдѣланнымъ... Это какъ въ другомъ къ раззорившимся плутамъ... Я приношу мое искреннее сожалѣніе въ томъ, что меня не было, когда принесли статью...

И, на минуту забывшись, Кутюра произнесъ послѣднюю фразу искренно.

— Все-же такой человѣкъ отрадно дѣйствуетъ на душу!—сказалъ Шаваннъ вмѣстѣ съ Шарлемъ спускаясь съ лѣстницы.

Шарль взглянулъ на него и одну минуту съ языка его готово было сорваться все, что онъ угадалъ; но онъ промолчалъ.

— Какая неосторожность выйти!... Какъ ты себя чувствуешь?

— Благодарю!... лучше... Ноги у меня горятъ... это горчишники, о которыхъ я забылъ... Кажется, докторъ сказалъ, что это нервный ударъ... Фу! во рту я чувствую эѳиръ... а голова, странно, словно въ туманѣ...

— Ты очень страдалъ?

— Ужасно... Я не знаю, что тамъ происходило. — И Шарль показалъ на голову. —Я только помню, что въ минуту самыхъ сильныхъ страданій мнѣ вспомнилась одна фраза... которую я, не знаю гдѣ, прочелъ, кажется, въ одной медицинской книгѣ... что молодые осужденные чувствуютъ, какъ въ головѣ у нихъ что-то твердѣетъ... Мнѣ казалось, что я тоже ощущаю это отвердѣніе... отвердѣніе... ну, я забылъ названіе.

— Что за мысль!... отвердѣніе подкостной плевы...

— Да, кажется, такъ... Ахъ! мой бѣдный Шаваннъ, и я заставилъ васъ пріѣхать смотрѣть мою пьесу! оторвалъ васъ отъ домашняго очага, заставилъ покинуть все, что вы любите... стоило того!... Видно было суждено, чтобы вы уѣхали ни съ чѣмъ...

— Вотъ такъ разъ!... Какая-же причина, чтобы твоя пьеса не шла завтра?

— Какъ! Играть мою пьесу!... мою пьесу, которую я ненавижу, которая внушаетъ мнѣ страхъ!.. Она мнѣ стоитъ дружбы и уваженія людей, которыхъ я самъ любилъ и уважалъ! Она стоитъ мнѣ еще большаго... вы знаете... Нѣтъ, довольно, кончено... я питаю ужасъ къ театру, ужасъ къ литературѣ... Эта жизнь ужасна! Я умру отъ нея и не желаю выносить ее долѣе!... Клочокъ славы, купленный мученіями... О! если-бъ только знали, какими мученіями!... Нѣтъ въ концѣ концовъ, это слишкомъ глупая сдѣлка!... Довольно съ меня книгъ, журналовъ, кинкетовъ, Парижа... Довольно... довольно!.. Войдемъ въ театръ...

Шарль нашелъ директора, до котораго дошли отголоски всего происшедшаго, порядочно охладѣвшимъ къ пьесѣ и къ автору. Шарль объявилъ, что беретъ обратно свою пьесу. Директоръ настаивалъ изъ вѣжливости и въ душѣ обрадованный, что избавился отъ перваго произведенія автора, неизвѣстнаго въ театральномъ мірѣ и вызвавшаго такую бурю негодованія, онъ позволилъ отмѣнить пьесу.

Шаваннъ нѣсколько дней пробылъ съ Шарлемъ. Онъ удивился, что тотъ не говоритъ ни объ Нашетѣ, ни о шумѣ, по поводу отмѣны его пьесы, ни о всемъ томъ, что въ преж-

нее время составляло его жизнь, предметъ его разговора, наполняло его мысли. Ему даже показалось, что тотъ слишкомъ часто спрашивалъ, когда онъ уѣдетъ, тѣмъ болѣе, что онъ оставался въ Парижѣ единственно ради Шарля, чтобы ухаживать за нимъ. Когда онъ уѣзжалъ, Шарль проводилъ его на желѣзную дорогу и обѣщалъ, въ отвѣтъ на предложеніе Шаванна увезти его съ собой, что онъ вскорѣ навѣститъ его, тотчасъ-же, какъ устроитъ нѣкоторыя свои дѣла въ Парижѣ.

LXXXIII.

Когда Шарль снова сѣлъ въ карету, привезшую его и Шаванна на желѣзную дорогу, кучеръ спросилъ, куда его везти теперь.

— Куда хотите,—отвѣчалъ тотъ.

— Вы шутите?

— Нисколько... везите куда хотите... катайте меня.

Кучеръ усѣлся на козлахъ и поѣхалъ вдоль бульваровъ.

— Сударь, мы у Бастиліи...

Шарль не отвѣчалъ.

Кучеръ равнодушно свернулъ въ улицу св. Антонія, и очутился на набережной, время отъ времени онъ полуоборачивался и искоса, съ безпокойствомъ, поглядывалъ на страннаго сѣдока, неподвижно сидѣвшаго, со скрещенными на груди руками, въ углу кареты. Набережныя тянулись безконечно. Экипажъ продолжалъ катиться. Наконецъ кучеръ слѣзъ съ козелъ и отворилъ дверцы:

— Нѣтъ, я не сплю,—сказалъ Шарль, не перемѣняя положенія.—Я нанялъ васъ по часамъ, поѣзжайте.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, сударь, мои лошади съ утра не получали кормъ.

— Гдѣ мы?

— Въ началѣ улицы Львовъ св. Павла.

— Что это тамъ виднѣется надъ дверью? Объявленіе объ отдачѣ квартиры?

— Да.

— Получите ваши деньги.

Шарль вошелъ въ привратницѣ. На дворѣ была ночь.

— У васъ отдается помѣщеніе?

— Точно такъ, сударь,—отвѣчала привратница,—но...

— Но что?

— Вы должны знать, сударь, что послѣ семи часовъ квартиры не показываются.

— Покажите ее мнѣ, — и Шарль положилъ на столъ монету въ десять франковъ.

Привратница пошла впередъ по большой каменной лѣстницѣ съ деревянной балюстрадой, открыла дверь во второмъ этажѣ и при свѣтѣ свѣчи показала ему квартиру, состоящую изъ четырехъ или пяти большихъ комнатъ, очень высокихъ и съ большими окнами, — бывшее помѣщеніе...

— Какая цѣна?—спросилъ Шарль.

— Я бы должна сказать вамъ тысячу; но такъ какъ сейчасъ видно, съ какимъ человѣкомъ имѣешь дѣло, то окончательная цѣна будетъ восемьсотъ.

— Вотъ вамъ за первую треть и двадцать франковъ задатку. Принесите мнѣ пачку свѣчей и стулъ.

— Но вамъ не на чѣмъ будетъ спать, сударь...

— Дайте мнѣ пачку свѣчей и стулъ,—повторилъ Шарль.

Привратница возвратилась со свѣчами и съ кресломъ.

— Вамъ ничего болѣе не угодно, сударь?

— Ахъ! да, еще ведро воды.

Шарль всю ночь проходилъ по комнатамъ, время отъ времени, погружая руки въ холодную воду и прикладывая ихъ ко лбу.

На утро онъ вышелъ и отправился къ себѣ. Слуга отперъ ему дверь.— Ахъ! это вы, сударь... Мы съ женой всю ночь не ложились... но какъ вы блѣдны, вы нездоровы, сударь?

— Приготовьте вашъ счетъ.

— Вы недовольны нами?

— Вашъ счетъ!.. Потомъ отправьтесь къ какому нибудь мебельному торговцу и тотчасъ-же приведите его сюда.

Торговецъ пришелъ:

— Сколько за все?—сказалъ Шарль, жестомъ указывая на все, онъ оставлялъ за собой только свою прежнюю холостую обстановку.

Торговецъ, несмотря на всю свою привычку къ продажамъ такого рода, широко открылъ глаза:—Все?.. не исключая постели покойницы?

Шарль сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. — Все, кромѣ этой комнаты.

Торговецъ назначилъ цѣну.

Шарль согласился. Онъ разсчитался съ прислугой, по-

ручилъ привратнику взять оставшуюся мебель и доставить ее ему въ теченіе дня и сѣлъ въ привезенный экипажъ. Но въ ту минуту, когда онъ собирался захлопнуть дверцу, въ нее проскользнула какая-то женщина и сѣла нерѣшительно, словно боясь быть отвергнутой, на кончикъ передней скамейки.

— Ахъ! это ты, Франсуаза?.. хорошо! садись, если хочешь быть со мной...

Это была воспитавшая его старуха, съ которой онъ разстался со времени своей женитьбы, боясь обыкновенныхъ несогласій и затрудненій между старой служанкой и молодой женой. Шарль положилъ ей маленькую пенсію, за которой она приходила каждый мѣсяцъ. Попавъ въ разгаръ этой непонятной для нея продажи и взглянувъ на разстроенный видъ Шарля, Франсуаза поняла, что за этимъ взрослымъ человѣкомъ ей придется еще ухаживать какъ за ребенкомъ, и съ самоотверженностью, свойственной простому крестьянскому сердцу, она оставила все и сѣла за нимъ въ карету, увозившую Шарля въ улицу Львовъ св. Павла.

LXXXIV.

Когда Шарль подошелъ къ окну, первое, что ему бросилось въ глаза, это большія четырехугольныя ворота, съ нарисованными надъ ними черными подковами, выдѣлявшимися на бѣлой стѣнѣ; толстая дверь, украшенная огромными гвоздями, головки которыхъ расположены рисунками въ родѣ крестовъ; надъ воротной аркой, въ темномъ углубленіи ложи привратника блестятъ какіе-то изразцы, и подъ оконцами маленькой полуотворенной двери колыхалась занавѣска изъ голубаго тика; въ уступѣ, образуемомъ дворомъ, направо чернѣетъ кузница; передъ ней стояла бѣлая лошадь, наполовину скрытая тѣнью отъ сарая, наполовину облитая солнцемъ; согнутая нога лошади лежала на колѣнѣ человѣка съ засученными рукавами рубашки, копыто лошади дымилось, и бѣлый дымъ поднимался струйкой въ голубомъ воздухѣ, подъ навѣсомъ сарая, въ ногахъ лошади и вокругъ расхаживали пѣтухи, время отъ времени быстро хлопая крыльями, куры клевали зерна, попадавшіяся въ соломѣ, и все это птичье царство прыгало, летѣло и клохтало; сарай сверху былъ забранъ старыми досками, грубо сколоченными и заплатанными маленькими дощечками, образующими наверху вмѣстѣ съ выступомъ бревенъ нѣчто въ родѣ деревенскаго

голубятника, населеннаго шумной стаей пернатыхъ, откуда неслось постоянное воркованіе бѣлаго голубя; въ глубинѣ двора куча старой мебели на половину загораживала площадку широкой каменной лѣстницы; далѣе навалены были ручныя телѣжки разносчиковъ, по которымъ порхали, лазали и присаживались домашнія животныя: голуби, кошки, куры налѣво, тощіе изъѣденные виноградные кусты ползли по стѣнѣ, между большими окнами rez-de-chaussée, словно букеты изъ лозъ; стекла этихъ оконъ бутылочнаго цвѣта, мѣстами разбитыя, были замѣнены деревянными досками, сдѣлавшимися сѣрыми отъ старости; у стараго колодца, обложеннаго голымъ истертымъ камнемъ, прохаживалась мотая головой бѣлая козочка, стараясь найти шероховатый выступъ, чтобы потереться объ него. И во всемъ этомъ хаосѣ жизни послѣдовало такое смѣшеніе красокъ, о которомъ можно имѣть понятіе только по эскизамъ, набросаннымъ кистью Фрагонара въ какое нибудь свѣтлое, радостное утро, тутъ и бѣлыя крылья, и красные гребешки и киноварь, и лазурь и серебро и все это было залитое потокомъ свѣта.

LXXXV.

Нѣсколько дней прошло въ устройствѣ новаго жилища. Шарлю, казалось, нравился этотъ домъ. Снаружи Шарль остался такимъ-же, и въ жизни его незамѣтно было никакой перемѣны. Онъ, какъ во время своихъ прежнихъ работъ, любилъ подолго сидѣть въ своей комнатѣ. Выходилъ онъ только въ ясную погоду и то, если Франсуаза понуждала его къ этому. Онъ спалъ, ѣлъ и Франсуаза, видя это, совершенно успокоилась на его счетъ: по мнѣнію простого народа больной человѣкъ не можетъ ѣсть. Шарль казался сосредоточеннымъ, тревожнымъ, онъ едва отвѣчалъ на ея вопросы, но Франсуаза знала его такимъ во время разгара работы, и не безпокоилась объ этомъ. Всего болѣе ее удивляло, что Шарль, въ теченіе недѣли своего пребыванія здѣсь, ни разу не открылъ фортепіано. Но однажды вечеромъ онъ открылъ его. Сначала онъ перебиралъ одну мелодію за другой; потомъ ему пришелъ на память одинъ мотивъ. На этотъ разъ изъ-подъ его пальцевъ полились звуки, воскрешавшіе въ его памяти одинъ день изъ его путешествія, въ который онъ увидѣлъ спускавшійся на встрѣчу съ горы свадебный поѣздъ; онъ вспомнилъ идущимъ впереди скрипача и другого музыканта, игравшаго на цитрѣ, вспомнилъ лицо мо-

лодой и ея взглядъ и статнаго молодого въ обтянутыхъ гетрахъ и панталонахъ, и пары гостей, раскачивавшихся подъ тактъ вальса, наигрываемаго въ два голоса скрипкой и цитрой. Онъ игрой и голосомъ сталъ подражать пѣсни эхо, издававшему ласкающіе и грустные звуки ля, ля, ля, у! и спѣлъ всю свадебную пѣснь до послѣдней ноты, на которой старый скрипачъ обрывалъ мелодію, заканчивая ее взрывомъ хохота. Шарль придавалъ этой послѣдней нотѣ все болѣе усиливающійся оттѣнокъ ироніи и отчаянія...

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, съ утра до вечера онъ наигрывалъ одну и ту-же арію, и пѣлъ все ту-же безумную мелодію. Наконецъ слышалась только одна трель дьявольскаго смѣха; потомъ голосъ совсѣмъ умолкъ, и онъ продолжалъ наигрывать арію, но вскорѣ оставилъ ее и однимъ пальцемъ, безъ конца, ударялъ одну и ту-же ноту, издававшую звукъ: ля, ля...

— Ахъ, сударь, что это за скверная музыка!—сказала Франсуаза Шарлю, который совершенно погрузился въ безконечные звуки,—словно мертвыхъ хоронятъ... Вы бы лучше прошлись... Посмотрите, какая чудесная погода...

— Нѣтъ, я усталъ... мои ноги словно свинцомъ налиты... Я пойду... я пойду завтра.

Фортепьяно осталось открытымъ, но Шарль не дотронулся до него больше. Онъ погрузился въ свое кресло у камина, безъ словъ, безъ признака мысли, прячась отъ дневного свѣта, ища тѣни и встрѣчая сумерки, все въ томъ-же положеніи. Съ наступленіемъ ночи онъ готовъ былъ лечь, какъ онъ былъ, не раздѣваясь, въ постель: Франсуазѣ приходилось раздѣвать его.

Апатія Шарля, его бездѣйствіе по цѣлымъ днямъ, полнѣйшее равнодушіе ко всему, это состояніе сна съ открытыми глазами, опечалило старую служанку. Замѣтивъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ впалъ въ это состояніе, онъ безпрекословно слушается ее во всемъ и машинально подчиняется тому, что она отъ него хочетъ, Франсуаза однажды, когда Шарль сидѣлъ неподвижно у огня въ своемъ кабинетѣ, подошла къ нему и, подавая ему шляпу и перчатки, проговорила:

— Однако, сударь, надо вамъ прогуляться, надо развлечься!..

— Да,—повторилъ Шарль,—надо развлечься...—и продолжалъ сидѣть. Но Франсуаза настояла на своемъ. Шарль

долженъ былъ встать, долженъ былъ выйти. Съ этихъ поръ онъ началъ выходить ежедневно. Онъ шелъ все прямо по печальной набережной Арсенала, вдоль мертваго и холоднаго бульвара, мимо медленно текущей рѣки. Блуждающей рукой онъ задѣвалъ полированный край перилъ; прохаживаясь взадъ и впередъ, онъ иногда останавливался у ларя букиниста, открывалъ первую попавшуюся книжку и часами простаивалъ, читая, но не поворачивая страницы.

Когда букинистъ, видя, что онъ не покупаетъ, заставлялъ его, наконецъ, отойти, то наступая ему на ноги, то толкая его, Шарль прислонялся къ дереву и смотрѣлъ на ученье солдатъ на посту возлѣ моста; кругомъ его, на животахъ, лежали уличные мальчишки, упершись локтями въ землю, положивъ подбородокъ на руки и слѣдя глазами за заряжаніемъ на двѣнадцать темповъ. Вскорѣ мальчишки признали Шарля и безжалостно подсмѣивались надъ дурачиной, какъ они его прозвали.

Старая Франсуаза, удивленная его постояннымъ молчаніемъ о томъ, кого онъ видѣлъ, что онъ дѣлалъ во время своихъ отлучекъ, словомъ, о всѣхъ его прежнихъ впечатлѣніяхъ, повѣренной которыхъ она являлась, захотѣла узнать, куда онъ ходитъ и прослѣдила его. Она видѣла, какъ грубо оттолкнулъ его одинъ изъ букинистовъ, видѣла, какъ цѣлая банда мальчишекъ, становившаяся все смѣлѣе, преслѣдовала его насмѣшками.

За обѣдомъ она сказала ему:

— Почему, сударь, вы не навѣщаете своихъ прежнихъ друзей? Вы, видно, хотите умереть съ тоски? И развѣ у васъ не хватитъ денегъ, чтобы купить всю лавчонку этого торгаша на набережной?.. А для шалуновъ, которые смѣются надъ вами, развѣ у васъ нѣтъ палки?

— Да, правда... у меня есть друзья... у меня есть деньги... у меня есть палка!—сказалъ Шарль, возвысивъ голосъ. Потомъ, понижая голосъ и опуская глаза, онъ прибавилъ:— правда... правда...

LXXXVI.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе нарушался его душевный покой, обусловливаемый въ человѣкѣ сознаніемъ разума. Между нимъ и его чувствами мало по малу порывалась связующая ихъ нить, и вкрадывалось нѣчто постороннее и мертвое, нѣчто такое, что ощущала одна безумная мать

между своими губами и щекой ребенка, когда она его цѣловала. Въ немъ медленно происходила глухая работа разрушающагося существованія, въ которомъ вслѣдствіе неуловимаго измѣненія жизненнаго состава и разъединенія органовъ, всякое чувство, всякая составная часть личнаго „я", отдѣленная и изолированная отъ цѣлаго, словно теряла способность соотвѣтствовать одна другой и воздѣйствовать одна на другую. Онъ чувствовалъ, какъ въ немъ происходилъ разладъ между двигателями разума и тѣлесными органами. Онъ чувствовалъ на всей поверхности своего тѣла то уменьшеніе чувствительности, то притупленіе чувства мѣры, которыми начинается порча организма, и, по какой-то непонятной странности, дѣйствія и отправленія его тѣла казались ему лишенными свойственныхъ имъ ощущеній и удовольствій, происходящихъ отъ сознанія этихъ ощущеній.

Печальная тайна: сумасшествіе почти никогда не бываетъ полнымъ затменіемъ мыслей, оно не переноситъ сознаніе всецѣло въ міръ видѣній, который вырвалъ-бы у безумца всякое воспоминаніе о его духовномъ отечествѣ, о его потерянномъ разумѣ! По временамъ въ погруженныхъ въ галлюцинацію чувствъ, въ окаменѣломъ мозгу бываютъ свѣтлые дни, проблески сознанія; у нѣкоторыхъ является даже увѣренность, ужасная увѣренность, что какая-то злая сила завладѣла ихъ разумомъ и руководитъ ихъ дѣйствіями и все, что они думаютъ, что слышатъ, къ чему прикасаются, что ѣдятъ, все это жестокая, обманчивая шутка!

Эта увѣренность встрѣчается при самыхъ сильныхъ сумасшествіяхъ; примѣромъ тому могутъ служить тѣ безумцы, которые, видя смѣхъ посѣтителей, желаютъ имъ никогда не сходить съ ума! Но прежде этого, прежде чѣмъ болѣзнь сдѣлается неизлѣчимой, въ то время, когда только начинается безуміе, и покуда оно какъ-бы испытываетъ намѣченный имъ разсудокъ и щекочетъ мозги, еще не скованные его желѣзной рукой,—кто съумѣетъ выразить порывы, страданія и отчаянную борьбу, такъ сказать, поединокъ колеблющейся и чувствующей свою шаткость мысли, которая наконецъ падаетъ, словно опьяненная атмосферой пропасти, все еще продолжая бороться и цѣпляясь за свои послѣдніе здоровые проблески, какъ человѣкъ, падающій въ бездну, цѣпляется за кустарникъ? Кто опишетъ это униженіе всѣхъ человѣческихъ правъ на гордость и пытку этого сознанія?

И теперь, представьте себѣ, что подобныя муки разди-

раютъ человѣка, всѣ свои надежды возложившаго именно на этотъ разумъ, человѣка, который надѣялся управлять его страстями и извлечь изъ него славу своего имени и безсмертіе своихъ идей, и который чувствуетъ, какъ между нимъ и всѣмъ, что онъ задумалъ исполнить, сгущается мракъ; чувствуетъ, какъ ускользаетъ отъ него прошлое и будущее его мыслей; чувствуетъ, какъ мало по малу исчезаетъ главный двигатель его существованія, и нарушается порядокъ представленія идей,—и вы будете имѣть картину страданій Шарля. Онъ тоже пробовалъ бороться.

И однажды, собравъ всѣ силы и всю энергію, онъ попробовалъ въ послѣдній разъ сразиться на знакомой ему почвѣ. Онъ бросился къ письменному столу и ожесточенно принялся работать, онъ писалъ, писалъ, быстро исписывая цѣлыя страницы и вслухъ произнося безсвязныя слова. Потомъ онъ бросилъ перо и удрученный, словно побѣжденный, усѣлся въ кресло, передъ каминомъ и болѣе уже не покидалъ его.

LXXXVII.

Вотъ одна изъ написанныхъ имъ страницъ:

„...Я находился въ огромной прачешной. То, что ее освѣщало, походило на яшму, прозрачную какъ хрусталь. Вода въ лоханкѣ издавала пріятный запахъ. Вокругъ блѣдные и бѣлые ангелы, озаренные тихимъ свѣтомъ, напоминавшимъ зимнее солнце, одѣтые въ бѣлыя, розовыя или блѣдно-голубыя одежды, стоя на колѣняхъ, подобно прачкамъ у рѣки, мыли души. Валекъ въ ихъ божественныхъ рукахъ звучалъ какъ нѣжная арфа и въ видѣ припѣва слышалось: Аминь! Аллилуйя! Другіе ангелы, тянувшись, вынимали изъ корзинъ болѣе или менѣе грязныя души; нѣкоторыя, впрочемъ, были невинны и почти совсѣмъ бѣлы, другія грязныя и почернѣвшія отъ жизни, какъ почернѣлъ злой духъ, сожженный факеломъ святого Георгія. Нѣсколько ангеловъ стояло у двери, съ лиліями, крестомъ или зеленой вѣтвью въ рукахъ и съ улыбкой безконечнаго милосердія въ глазахъ, принимали свертки душъ, держа, вмѣсто бѣльевой книги, лазуревую книгу жизни. До самаго свода поднимались бѣлыя лѣстницы, гдѣ младшіе ангелы, съ вѣнками изъ маргаритокъ на головахъ, летали и сушили вымытыя души, висѣвшія какъ пары чулокъ“...

Здѣсь мысль его прерывалась и до самаго низу стра-

ницы, онъ большими буквами множество разъ написалъ Шарль Демальи, Шарль Демальи, Шарль Демальи,—словно боясь, чтобы его имя не ускользнуло изъ его памяти!

LXXXVIII.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней старая Франсуаза наблюдала, какъ Шарль дѣлалъ безпокойные знаки. Онъ нетерпѣливо отталкивалъ отъ себя и точно старался прогнать что-то, невидѣнное имъ. Онъ шевелился въ креслѣ и постоянно прикладывалъ руку къ уху. Франсуаза, не смѣя заговорить, молча наблюдала за нимъ, какъ вдругъ онъ произнесъ:—Это невыносимо!.. невыносимо!

— Вы говорите со мной?—спросила Франсуаза.

Шарль не отвѣтилъ; но немного спустя заговорилъ опять:—Это неправда, я вамъ говорю, что это неправда... вы лжете!.. О! этотъ женскій голосъ... всегда!.. Ты лжешь!.. Ты лжешь!.. Да замолчи же! замолчи!.. Ты меня убиваешь...

— Кому это вы, сударь?

— Шш!.. Слышишь ты ихъ?.. слышишь?

— Да это, сударь, огонь въ каминѣ.

— Вотъ! слышала теперь?

— Это вѣтеръ на дворѣ, сударь.

— О! Ты оглохла, моя бѣдная старушка... Слушай хорошенько... ты услышишь женскій голосъ... насмѣшливый голосъ, повторяющій мнѣ постоянно: сумасшедшій! сумасшедшій! сумасшедшій!

— Это ваше воображеніе, сударь... вѣдь вы же видите... здѣсь никого нѣтъ, кромѣ васъ и меня...

— Молчи!—вотъ они всѣ... всѣ болтуны здѣсь: два мужскихъ голоса, и третій... На этотъ разъ ты не можешь сказать... Ты ихъ слышишь, неправда-ли?

— Да, сударь,—сказала бѣдная женщина, испугавшаяся состоянія своего хозяина, — я открою имъ окно и, всякій разъ, когда они появятся, вамъ стоитъ только позвонить меня, я ихъ прогоню.

Она помогла ему раздѣться и прилегла на креслѣ возлѣ его постели. На утро, видя, что онъ спитъ спокойно, она побѣжала за докторомъ, указаннымъ привратницей, и привела его.

Шарль, увидя входившаго доктора, бросилъ вопросительный взглядъ на Франсуазу, которая поспѣшила сказать ему:

— Г-нъ Шарль, я привела доктора потому, что у васъ ночью была лихорадка...

— Милостивый государь,—сказалъ Шарль,—я не нуждаюсь ни въ докторѣ, ни въ... шпіонѣ.

— Я вижу, сударь,—отвѣчалъ докторъ,—ваша служанка напрасно встревожилась... Позвольте вашъ пульсъ... превосходенъ!.. Вы совершенно не нуждаетесь во мнѣ. Честь имѣю кланяться.

Если книга, брошенная въ свѣтъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, наудачу попавшая въ эту толпу, называемую публикой, возбуждаетъ много зависти, вражды, много скрытой злобы, то нерѣдко она приноситъ своему автору и большую, въ высшей степени отрадную, но часто невѣдомую имъ, награду, состоящую въ томъ общеніи мыслей, той симпатіи къ его уму, которыя возникаютъ въ сердцѣ его читателя, иногда вдали отъ него, а подчасъ со всѣмъ близко, въ то время, какъ онъ и не подозрѣваетъ этой близости; подобная дружба драгоцѣнна; сознаніе и предчувствіе ея даетъ бодрость всякому, кто сѣетъ свою мысль въ толпѣ; для того, чтобы эта скрытая преданность заявила о себѣ, нуженъ предлогъ, какая нибудь встрѣча, какой нибудь случай. Книгѣ Шарля посчастливилось въ этомъ отношеніи. Позванный Франсуазой докторъ былъ одинъ изъ его скрытыхъ друзей.

На другой день, узнавъ отъ старой служанки всѣ признаки болѣзни Шарля, онъ снова пришелъ навѣстить его, но тотчасъ поспѣшилъ увѣрить Шарля, что не пришелъ узнать объ его здоровьѣ, такъ какъ онъ увѣренъ, что оно въ превосходномъ состояніи, но просто желалъ засвидѣтельствовать ему свое удовольствіе по поводу знакомства съ человѣкомъ, котораго онъ полюбилъ не зная лично; и онъ принялся говорить о его книгѣ, въ качествѣ читателя, не разъ перечитавшаго ее.

— Ахъ! да!—сказалъ Шарль, — „Буржуазія“... да, я написалъ это, будучи слишкомъ молодымъ... Если-бы вы прочли то, что я хотѣлъ написать...

— Одна вещь,—прервалъ его докторъ,—удивляетъ меня въ этой книгѣ: всѣ ваши типы словно списаны съ натуры, и, какъ бы ни были вы наблюдательны, мнѣ кажется чрезвычайно трудно...

— Ахъ! видите-ли, въ то время я владѣлъ необыкновенной проницательностью, это было нѣчто въ родѣ откровенія.

— Похожаго на голосъ, не правда-ли?—сказалъ докторъ, дѣлая удареніе на словѣ „голосъ",—который какъ-бы диктовалъ разсудку...

— Да, да голосъ, именно голосъ... но внутренній голосъ, слышимый разсудкомъ, какъ вы говорите, но не тотъ, что я слышу послѣднее время... ушами.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы слышите голоса?.. Ахъ! это очень интересно... воображаемые голоса?

— Нѣтъ, дѣйствительные.

— Голоса, принадлежащіе какимъ нибудь лицамъ?

— Нѣтъ, лицъ я не вижу... не знаю.

— Это очень странно... И вы вполнѣ увѣрены въ этомъ?

— Подождите... вотъ! слушайте хорошенько: три голоса, одинъ, нервный, гнѣвный голосъ молодого человѣка... одинъ тонкій голосокъ женщины... и наконецъ третій, грубый, насмѣшливый. Они не всегда говорятъ... и не всѣ заразъ, но голосокъ женщины — постоянно. Я говорю съ ними, прошу ихъ уйти, предлагаю имъ денегъ: болтуны не унимаются!..

— Боже мой, я охотно признаю, что въ вашемъ мірѣ есть превосходные мистификаторы, но, право, съ вашей стороны не хорошо дѣлать такого старика, какъ я, мишенью подобныхъ шутокъ...—и желая затронуть самолюбіе Шарля, чтобы въ спорѣ вызвать полное признаніе относительно его иллюзій, докторъ продолжалъ: —Вы вѣдь отлично сознаете, что то, что вы мнѣ разсказываете, невозможно... Голоса!.. Какъ вы хотите...

— Невозможно?.. Ничего нѣтъ невозможнаго для науки, въ наши дни: всѣ открытія невозможны: дагеротипъ, электрическій телеграфъ... все!.. И потомъ, еслибы я себѣ это воображалъ, еслибъ это не были настоящіе голоса... вы бы могли назвать меня, какъ зовутъ меня болтуны!

— А какъ они васъ зовутъ?

— Это не ваше дѣло!.. — И тотчасъ понижая голосъ, Шарль продолжалъ:—Они меня зовутъ... Это не правда милостивый государь!.. Что со мной? У меня болитъ голова, потому что со мной случилось... много несчастій... Но вы можете спросить у женщины, живущей у меня... Она вамъ скажетъ... я спокоенъ... я не дѣлаю ничего безразсуднаго.. Я немного сбитъ съ толку, да, чуть-чуть... иногда мнѣ трудно собраться съ мыслями... но это проходитъ... и я не знаю, почему голоса называютъ меня сумасшедшимъ... я не сумасшедшій... Неправда ли, вѣдь я не сумасшедшій?

LXXXIX.

Докторъ, позванный къ Шарлю, принадлежалъ къ тому, уже многочисленному разряду врачей, которые къ болѣзнямъ духа примѣняютъ и лѣченіе духовное. Побѣдить болѣзнь при помощи довѣрія и кротости, дружескимъ и снисходительнымъ убѣжденіемъ, не препятствуя въ началѣ больному предаваться своимъ иллюзіямъ, не задѣвая его самолюбія, стараться вернуть и собрать въ немъ мало по малу остатки самосознанія, яснаго сужденія, еще непоколебленныхъ болѣзнью истинъ, здоровыхъ проблесковъ мысли, затронуть и пробудить въ немъ всѣ самолюбивыя чувства, отвѣчающія разуму и заставляющія его бодрствовать; стараться дать больному почувствовать собственное безуміе и, если возможно, отдать себѣ въ немъ отчетъ, дѣйствовать въ физическомъ отношеніи осторожнымъ лѣченіемъ, какъ напримѣръ теплыя. ванны, горчичники, въ случаѣ надобности піявки. Такова была система этого доктора, таково же было и его лѣченіе. Собственно говоря, въ этой иллюзіи слуха, иллюзіи сумасшествія самой обыкновенной, но далеко не самой серьезной, онъ видѣлъ только временное помѣшательство, затменіе умственныхъ способностей какъ вслѣдствіе сильнаго нравственнаго потрясенія, отъ которыхъ время, возвращеніе къ обыденной жизни и прежнимъ привычкамъ и перемѣна мѣста, могутъ вылѣчить больного, не оставивъ въ немъ никакого слѣда. Поэтому, окруживъ Шарля своими заботами, тихонько убаюкивая его разными проектами, онъ старался склонить его къ большому путешествію по Италіи, ища уже между своими помощниками по больницѣ самаго веселаго и кроткаго спутника, для бѣднаго больного. Шарлю было лучше. Но эта ужасная болѣзнь, болѣзнь сумасшествія, сама словно безумная. Она не подчиняется правильному ходу. Случайно увидѣнное лицо, воспоминаніе, вызванное неизвѣстно чѣмъ, физическое разстройство, какое нибудь измѣненіе во времени, наконецъ просто что-то необъяснимое, неуловимое для науки, какъ напримѣръ, атмосферическія вліянія, подобныя тѣмъ, которыя въ іюлѣ 1848 г. взволновали всѣхъ больныхъ въ Бисетрѣ, словомъ, тысяча неизвѣстныхъ причинъ дѣйствуютъ на нее и ожесточаютъ ее. Внезапно, безъ всякой видимой причины, улучшеніе въ состояніи Шарля усложнилось къ худшему. Онъ началъ снова слышать голоса еще болѣе настойчивые и надоѣдливые. Онъ не хотѣлъ болѣе отвѣ-

чать на вопросы окружающихъ. Только мгновенныя измѣненія въ лицѣ свидѣтельствовали о его пониманіи того, что ему говорилъ докторъ и Франсуаза. Онъ вглядывался въ даль широко раскрытыми отъ ужаса глазами. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ, облокотившись, сжимая одной рукой грудь, а другой поддерживая слегка запрокинутую голову, дрожа при малѣйшемъ шумѣ, неподвижный и боязливый, онъ напоминалъ собой скорбную статую страха...

Увы! онъ достигъ того печальнаго періода такого помѣшательства, когда безсознательная воля, охваченная отчаяніемъ, уступаетъ суровому выводу ложной идеи: онъ началъ страдать маніей самоубійства!

Уже нѣсколько разъ, созерцая проносившіяся бѣлыя облака въ голубомъ небѣ, онъ вдругъ начиналъ звать ихъ, прося взять его къ себѣ и уже заносилъ ногу за окно; его во время останавливали. Но за этими порывами, за инстинктивными призывами смерти и покушеніями при удобномъ случаѣ, вскорѣ наступали созрѣвшіе и опредѣленные планы самоубійства, составленіе которыхъ не ускользнуло отъ врача.

XC.

Предупредили жену Шарля. Шаваннъ, вызванный въ Парижъ, примчался. Семейный совѣтъ учредилъ надъ Шарлемъ опеку, и больной былъ перевезенъ въ Шарантонъ. Тамъ ему дали отдѣльную комнату, особаго слугу, самое дорогое содержаніе, словомъ, окружили Шарля роскошью и комфортомъ, какимъ только можетъ располагать болѣзнь, не знающая нужды.

Первое впечатлѣніе, которое испытываетъ больной, перевезенный въ сумасшедшій домъ, съ рѣшеткой у камина, съ рѣшеткой у оконъ, со множествомъ незнакомыхъ лицъ, въ новую и сомнительную для него обстановку, перенесенный внезапно съ театра своего безумія — изъ своего жилища, освобожденный отъ выраженія скорби окружающихъ, встрѣчая заботы и снисхожденіе тамъ, гдѣ боялся найти что-то неизвѣстное, но страшное для него, это первое впечатлѣніе есть чувство полнаго удивленія, дѣлающаго поворотъ въ состояніи больного.

Вмѣстѣ съ тѣмъ является и смутное чувство страха, которое, умѣряя нервное возбужденіе, успокоиваетъ больного и располагаетъ его къ пассивности, къ послушанію, къ исполненію предписаній доктора. Случается, что въ первое

время сумасшедшій, въ виду этого надзора, который онъ чувствуетъ повсюду за собой, отступаетъ отъ всякой попытки къ самоубійству, заранѣе увѣренный въ ея безполезности.

Осунувшійся, съ желтымъ лицомъ, сухими, воспаленными губами и безпокойнымъ взоромъ, Шарль оставался неподвиженъ въ своемъ новомъ жилищѣ. Онъ отрывисто отвѣчалъ на вопросы, по временамъ тяжело вздыхая и вскрикивалъ: „я хочу уйти отсюда!.. я хочу знать!..". Онъ трясся, вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ, приходилъ въ отчаяніе въ тишинѣ, постоянно мѣняясь въ лицѣ, на которомъ то появлялось выраженіе жалости, то выраженіе ужаса и отчаянія; но онъ, казалось, оставилъ всякую мысль о самоубійствѣ и, хотя съ большимъ трудомъ, однако добились того, чтобы онъ принималъ пищу.

Система главнаго доктора относительно спеціально меланхоликовъ была та-же, что и у перваго доктора Шарля. Онъ былъ сторонникомъ духовнаго лѣченія, если не исключительно, то въ главныхъ чертахъ; но изученіемъ этой болѣзни по опытамъ, онъ пришелъ къ заключенію о необходимости ввести въ лѣченіе чувство боли, не какъ физическое наказаніе, а какъ нравственный двигатель. Мысленно приравнивая сумасшедшихъ къ дѣтямъ, онъ думалъ, что наказанія, столь необходимыя въ дѣтскомъ возрастѣ, и такъ благотворно дѣйствующія въ первые годы жизни человѣка, должны быть примѣнимы къ сумасшествію, этому дѣтству разсудка, который слѣдовало вернуть къ его прежнему состоянію возмужалости посредствомъ суроваго обузданія. Желая дать Шарлю время вернуться къ своимъ привычкамъ, желая также заставить его ожидать своего посѣщенія, расположить его къ признанію надъ собой той власти, которая составляетъ главное оружіе доктора противъ болѣзней этого рода, онъ думалъ дождаться конца недѣли, чтобы отправиться навѣстить больного, когда ему пришли сказать, что г-нъ Демальи рѣшительно отказывается отъ принятія пищи. Докторъ быстро вошелъ въ комнату Шарля, взялъ чашку бульона и подалъ ему. Взмахомъ руки Шарль отбросилъ ее на середину комнаты. Докторъ ничего не сказалъ Шарлю, спросилъ другую чашку и спокойно протянулъ ее Шарлю. Шарль рѣшительно отвернулся.

— Я въ отчаяніи,—сказалъ ему докторъ,—что вы заставляете меня прибѣгнуть къ подобной крайности... Но,

такъ какъ вы не хотите быть благоразумнымъ, мнѣ придется употребить силу...

— Какъ... силу?.. О!

И глаза Шарля угрожающе сверкнули.

— Зондъ!—приказалъ докторъ. Трое человѣкъ схватили больного, закинули ему голову и вставили зондъ... Но Шарль съ энергіей и ожесточеннымъ усиліемъ воли, являющейся у всѣхъ меланхоликовъ, желающихъ умереть съ голоду, постепенно выплевывалъ бульонъ. Между нимъ и тремя людьми шла борьба. Зондъ становился опасенъ.

— Есть въ резервуарѣ ледъ?— сказалъ докторъ.— Снесите больного въ залу.

Шарля положили въ ванну, подъ кранъ самаго сильнаго душа; началось холодное обливаніе.

Страданія Шарля должны были быть ужасны; онъ страшно поблѣднѣлъ, но не раскрывалъ рта. Докторъ спросилъ, будетъ-ли онъ ѣсть. Шарль былъ нѣмъ. Онъ молчалъ минуту... другую... Наконецъ, при продолжающемся душѣ, онъ залился слезами и разразился криками и прерывающимся голосомъ заговорилъ:

— Зачѣмъ вы заставляете меня такъ страдать?.. Зачѣмъ?.. Что я вамъ сдѣлалъ?.. Ахъ! я знаю, кто вы такой!.. Я самъ читалъ медицинскія книги, когда я началъ бояться за себя... Вы докторъ Хемротъ! варваръ Хемротъ!.. и вы всѣ тоже нѣмецкіе палачи!.. Я васъ отлично понимаю! Для васъ сумасшествіе это болѣзнь души, грѣховной души... Да, это ты проповѣдуешь, что для сумасшедшихъ нужны наказанія... ты говорилъ о грѣхѣ! ты говорилъ о наказаніи! Да, да, я отлично помню... и ты говоришь, что это потому, что люди забываютъ Бога, не имѣютъ его всю жизнь передъ собой... но я не забывалъ, я всегда помнилъ образъ... Бога... всегда!.. Я не хочу, чтобъ мнѣ лили на голову, довольно!.. Я никогда не дѣлалъ ничего дурного, честное слово, никогда!.. Это голоса, которые меня преслѣдуютъ... Нѣтъ, вы не Хемротъ... и вы не друзья Хемрота... нѣтъ, добрые господа... я васъ прошу... вѣдь я-же вамъ обѣщаю... я буду ѣсть, слушайте, я буду ѣсть!..

Когда Шарль вышелъ изъ ванны, ему принесли бульонъ. Онъ сперва отказался; но при угрозѣ повторить душъ, онъ рѣшился проглотить его. Новыя сопротивленія съ его стороны вызывали то-же наказаніе; и Шарль кончилъ тѣмъ, что сталъ принимать пищу.

XCI.

Онъ былъ въ ваннѣ подъ ужаснымъ душемъ.

Докторъ говорилъ ему:

— Нѣтъ ни одного слова правды въ томъ, что вы мнѣ разсказываете... За это вы и посажены сюда и вы не выйдете отсюда, пока вы не опомнитесь и не сознаетесь въ этомъ самому себѣ...

— Вы хотите, чтобы я не слышалъ того, что я слышу?— тихо отвѣчалъ Шарль.—Очень хорошо... Я-то хорошо знаю, что я слышу; но вы не хотите, чтобы я объ этомъ говорилъ... такъ какъ, по вашему, это неправда... я постараюсь, я не буду больше говорить... но не слышать я не могу.

— Вы должны постараться не слышать.

И душъ продолжался.

XCII.

Заботы, строгій режимъ, искусное пользованіе, быть можетъ, даже эти грустныя исправительныя средства, это усиленіе страданія, употребляемое въ разсчетѣ на ослабленіе воображенія, мало по малу, все это рѣшительно, хотя и медленно, восторжествовало надъ болѣзнью Шарля. Въ своихъ бесѣдахъ съ докторомъ, обратившихся въ пріятные разговоры, Шарль, если и упоминалъ объ „докучливыхъ голосахъ", то только какъ о слышанномъ ему шумѣ.

Это уже не было положительное утвержденіе, но послѣднее, застѣнчивое, стыдливое сомнѣніе, съ которымъ доктору легко было покончить. Жизнь и тепло, день за днемъ, возвращались въ это жалкое, похудѣвшее, разрушенное тѣло. Одновременно съ этимъ физическимъ возстановленіемъ, его, до сихъ поръ порабощенная, воля, освобождалась отъ порабощенія и отъ захвата всѣхъ своихъ способностей, получала вновь свои силы и свою личную жизнь, и начала дѣйствовать сознательно.

И морально, и физически Шарль освобождался отъ апатіи, неподвижности, безсознательности и смерти. Упражненія вернули ему аппетитъ; всякая боязнь брюшныхъ заболѣваній исчезла, и полное выздоровленіе было уже въ мысляхъ и надеждахъ доктора лишь вопросомъ времени; онъ видѣлъ, какъ больной уже началъ подсмѣиваться надъ голосами и какъ на губахъ его при этомъ появлялось что-то въ родѣ улыбки, онъ сталъ проявлять интересъ къ вещамъ, не имѣв-

шимъ отношенія къ его болѣзни, и принялся читать, не испытывая этого утомительнаго явленія зрѣнія, которое при чтеніи громоздитъ одну букву на другую.

Шарлю, надо сказать правду, помогали и двигали его на пути къ выздоровленію вниманіе и предупредительность всѣхъ окружающихъ. Его окружали одной симпатіей. Всѣ, даже самые закаленные, въ этомъ домѣ, привыкшемъ къ несчастью, отнеслись сочувственно къ несчастью молодого человѣка.

Его помѣшательство, въ началѣ такое бурное, а теперь тихое и серьезное, его молодость, его ласковая благодарность, его исторія, дошедшая сюда, хотя и не въ полномъ видѣ, располагавшая къ нему всякаго человѣка съ сердцемъ, также какъ и его имя, которое было знакомо нѣкоторымъ, благодаря его книгѣ, все это завоевало ему расположеніе, дружеское сожалѣніе и милосердіе окружающихъ, возникающія въ подобномъ положеніи вокругъ несчастной жертвы. Весь этотъ сонмъ желаній и заботъ объ его выздоровленіи, столько рукъ, которыя, казалось, поддерживали и несли его по пути къ здоровью, преданныя и нѣжныя заботы всего медицинскаго персонала, который, быть можетъ, самъ того не сознавая вкладывалъ въ это лѣченіе, помимо профессіональнаго самолюбія, большую долю человѣколюбія, все это играло немаловажную роль въ борьбѣ Шарля съ самимъ собой противъ иллюзій и отчаянія.

Шаваннъ, пріѣхавшій навѣстить его въ концѣ зимы, нашелъ его настолько поправившимся, что хотѣлъ увезти его къ себѣ. Но докторъ, знавшій по горькому опыту опасность возвратныхъ заболѣваній, и желая вернуть Шарля къ полной свободѣ совершенно здоровымъ, посовѣтовалъ Шаванну обождать весны, настоящаго времени для деревенской жизни, и наиболѣе благопріятствующаго счастливому окончанію психическихъ болѣзней. Пока-же онъ освободилъ Шарля отъ всякаго присмотра и почти отъ всякаго режима. Шарль велъ приблизительно образъ жизни политическаго заключеннаго въ больницѣ; и, соглашаясь самъ съ опасеніями врача, онъ ожидалъ назначеннаго срока съ благоразуміемъ вполнѣ здороваго существа.

Улучшеніе прогрессировало; помощникъ главнаго доктора, привязавшійся къ Шарлю, получилъ позволеніе брать его иногда съ собой въ Парижъ, гулять съ нимъ и развлекать его, чтобы, такъ сказать, приготовить его и ввести на путь къ свободѣ.

Однажды вечеромъ они обѣдали у Бонвале; докторъ говорилъ ему, что нѣтъ болѣе причинъ держать его, что конецъ зимы очень хорошъ и онъ можетъ, безъ затрудненія, отправиться къ своему другу; болтая, они очутились передъ маленькимъ, освѣщеннымъ театромъ на бульварѣ Тампля и докторъ прочелъ въ глазахъ Шарля такое сильное желаніе войти, что онъ взялъ ложу и они вошли. Они усѣлись вдвоемъ; взглянувъ на Шарля, докторъ въ первый разъ увидѣлъ на лицѣ Шарля оживленіе и возбужденіе того человѣка, какимъ былъ когда-то Демальи.

— Я вамъ очень благодаренъ, докторъ... Право, это прошло, совершенно прошло, я чувствую... У меня давно было это желаніе, но я не смѣлъ сказать вамъ объ немъ... Ахъ, какъ я счастливъ!—И въ глазахъ Шарля показались слезы.

— Я зналъ, что это прошло... Успокойтесь-же, мой другъ...

Но Шарль плакалъ, закрывъ лицо платкомъ, и эти слезы были ему такъ пріятны, что онъ долго не глядѣлъ на сцену. Когда онъ, наконецъ, поднялъ глаза, на сценѣ была женщина; между ней и молодымъ человѣкомъ происходило объясненіе въ любви, довольно рискованное... Въ одну секунду кровь бросилась Шарлю въ голову, глаза его страшно раскрылись, губы задрожали... Докторъ хотѣлъ увести его.

— Нѣтъ, докторъ, вѣдь я не сумасшедшій больше, клянусь вамъ, я не сумасшедшій!

Страшная дрожь потрясла все его тѣло... Докторъ хотѣлъ взять его на руки и унести; но Шарль уцѣпился руками за скамейку и могучимъ усиліемъ плечъ освободившись отъ объятій доктора и выпрямляясь во весь ростъ, почти высунувшись изъ ложи, при всеобщемъ удивленіи, онъ крикнулъ, указывая пальцемъ на актрису:

— Голосъ... голосъ измѣнницы!..

XCIII.

Когда Шарля схватили, докторъ услышалъ позади себя:— смотрите! это бѣдный Демальи! — Говорили, что онъ выздоровѣлъ... Онъ, вѣроятно, не зналъ, что его жена спустилась, изъ театра Gymnase, сюда? Пришлось унести Шарля на рукахъ. Онъ защищался ногами, руками и зубами, рвался, кусался и бился. Въ каретѣ принуждены были его связать. Когда пріѣхали въ Шарантонъ, никакія самыя сильныя средства, начиная съ кровопусканія и кончая ужасной полосой до красна накаленнаго желѣза, прикладываемаго къ

затылку, не помогли противъ овладѣвшаго имъ приступа бѣшенства, противъ жажды разрушенія, заставлявшей его обращать въ мелкіе куски все, что попадалось подъ руку.

За этимъ долгимъ и ужаснымъ припадкомъ послѣдовалъ полный упадокъ силъ. И несмотря на страшную слабость и истощеніе безумца, по временамъ у него все еще вырывались крики бѣшенства. Наконецъ, Шарль былъ не въ состояніи произнести ни одного слова. Онъ не могъ сдѣлать движенія, по которому можно было-бы заключить, что онъ понимаетъ слова другихъ. Лицо его подергивалось судорогой, глаза были устремлены въ одну точку и ничего не выражали, все тѣло было покрыто ссадинами; пульсъ слабый и медленный. Начиналась предсмертная дремота. Шарль Демальи умиралъ, освобождался отъ мученій!.. Но случилось чудо, чудо, заключавшееся въ томъ, что онъ вдругъ проснулся отъ своего сна и проснулся живой, онъ почувствовалъ жажду... Несчастный! онъ забылъ слова, которыми выражаютъ желаніе!

XCIV.

Онъ остался живъ. Онъ живетъ, какъ будто ему было предназначено до дна испить чашу искупленія, испытавъ весь ужасъ униженія человѣческой мысли. Онъ живетъ, представляя собой ужасный примѣръ крайности нашихъ печалей и отрицанія нашей гордости... Все, даже названія предметовъ первой жизненной необходимости, на человѣческомъ языкѣ, все улетучилось изъ его памяти. У него нѣтъ прошлаго, нѣтъ воспоминаній, нѣтъ времени, нѣтъ мысли! Нѣтъ ничего, что пережило-бы тѣло; это бездушная масса, откуда изрѣдка слышатся выкрикиванія, нечленораздѣльные звуки, плачъ, смѣхъ, выраженіе, ни на чемъ неоснованной, идіотской радости! Ничто не напоминаетъ въ немъ человѣка, кромѣ этого тѣла, живущаго однимъ пищевареніемъ! тѣла, прикованнаго къ креслу, бормочащаго дѣтскимъ лепетомъ отдѣльные слоги и безпрестаннымъ движеніемъ вздергивающаго и опускающаго плечи, и при видѣ солнца кричащаго по звѣриному: кок... кок..., открывающаго ротъ, когда ему приносятъ пищу и благодарно, по животному, ласкающагося къ человѣку, кормящему его.

КОНЕЦЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ, РАЗСКАЗЫ и АНЕКДОТЫ.

Марія-Антуанетта и графъ Ферзенъ.

Романъ французской королевы Маріи-Антуанетты и графа Ферзена есть своего рода трагедія у ступеней трона, тѣсно связанная съ роковыми событіями французской революціи. Впервые онъ освѣщенъ во всѣхъ своихъ перепетіяхъ въ книгѣ французскаго историка Поля Гуло „Un ami de la Reine", которая составлена на основаніи недавно изданной въ Швеціи переписки графа Ферзена и нѣкоторыхъ новыхъ документовъ изъ французскихъ архивовъ. Образъ Маріи-Антуанетты выступаетъ здѣсь въ совершенно новомъ свѣтѣ и книга Гуло знакомитъ во всей полнотѣ съ горемъ, постигшимъ эту мученицу на тронѣ.

1.

До 1774 года, когда Маріи-Антуанеттѣ былъ представленъ шведскимъ посланникомъ при французскомъ дворѣ одинъ изъ его соотечественниковъ, Ферзенъ, совершавшій по Европѣ образовательное путешествіе, она уже четыре года вела монотонную жизнь будущей королевы при Дворѣ, гдѣ царила m-me дю-Барри и хирѣлъ скучавшій Людовикъ XV. Обстановка, окружавшая молодую супругу дофина, была не изъ завидныхъ.

Дофинъ, впослѣдствіи Людовикъ XVI, неособенно одаренный умственно, обладалъ лишь способностью къ физическимъ упражненіямъ. Онъ отличался въ ручныхъ работахъ и преимущественно въ самыхъ грубыхъ. Любимымъ его занятіемъ было кузнечное мастерство. Не сдѣлайся онъ, на свое несчастіе, королемъ, изъ него, пожалуй, вышелъ бы лучшій рабочій въ королевствѣ. Впрочемъ, онъ любилъ также охоту и съ удовольствіемъ предавался этому болѣе возвы-

шенному упражненію. Но, затрачивая силы на эти мускульныя удовольствія, онъ быстро и съ избыткомъ возстановлялъ ихъ, обладая поразительнымъ аппетитомъ, который онъ съумѣлъ сохранить и ублаготворять въ самые печальные дни своего существованія.

У него были исключительно пассивныя привычки; во всякомъ случаѣ онъ умѣлъ быть добрымъ, хотя и не всегда сознательно поступалъ въ этомъ смыслѣ. Быть можетъ, воспитаніе выработало бы изъ него государя, болѣе достойнаго занимать французскій престолъ, а главное—болѣе способнаго вести себя, какъ приличествовало его сану, во время волненій, вспыхнувшихъ въ его царствованіе. Но тутъ онъ дѣйствительно былъ крайне несчастливъ; руководителемъ его юности оказался самый недальновидный, самый неудалый изъ наставниковъ. То былъ герцогъ де-ла-Вогюйонъ—личность настолько же тщеславная, насколько и титулованная, столь же самодовольная, насколько и пустоголовая, вдававшаяся въ набожность самаго дурного пошиба. Всего единственный разъ въ своей жизни проявилъ онъ нѣкоторую смѣтливость. Движимый самолюбіемъ и желаніемъ добиться высокаго положенія, которое удовлетворяло бы гордость его въ ея вожделѣніяхъ,—онъ подружился съ однимъ изъ камеръ-лакеевъ дофина. „Этотъ лакей передавалъ ему ежедневно заглавіе послѣдней книги, которую король читалъ. Де-ла-Вогюйонъ доставалъ себѣ эту книгу, поглощалъ ее, удерживалъ въ памяти то, что считалъ соотвѣтствующимъ нравственному, политическому и религіозному направленію августѣйшей особы. Затѣмъ ловко наводилъ разговоръ на тему, трактовавшуюся въ той книгѣ, и такимъ образомъ заставлялъ вѣрить въ свою обширную и необычайную эрудицію. Вскорѣ король сталъ смотрѣть на него, какъ на человѣка, наиболѣе пригоднаго занять мѣсто воспитателя при его сынѣ“.

Все, что могло развить и образовать умъ и сердце царственнаго юноши, было строго изъято изъ этой странной программы воспитанія. Но кровь Генриха IV и Людовика XV, очевидно, текла уже не такой животворной и благородной струей въ венахъ ихъ потомка, и потому дала всѣ тѣ результаты, какихъ можно было опасаться. Подъ вліяніемъ мягкой и пассивной своей натуры герцогъ Беррійскій вполнѣ усвоилъ навязанное ему воспитаніе.

У воспитанника не проявилось даже ни малѣйшей по-

пытки къ протесту. Застѣнчивость въ манерахъ, благочестивое чтеніе, строгая дисциплина такъ хорошо сдѣлали свое дѣло, что когда вздумали молодого принца женить, онъ оказался такимъ же негоднымъ мужемъ, какъ и королемъ.

И все еще де-ла-Вогюйонъ не былъ вполнѣ спокоенъ, все еще не вѣрилъ въ такой полный успѣхъ своей педагогической системы. Въ первые годы супружества дофина воспитатель удесятерилъ самыя курьезныя предосторожности съ цѣлью разъединять молодыхъ супруговъ и вступилъ даже въ соглашеніе съ архитекторами, чтобы устроить мужу и женѣ отдѣльные аппартаменты. Когда же ему приходилось, по неволѣ, оставлять ихъ наединѣ, — что случалось очень рѣдко,—онъ унижался до роли шпіона, не задумываясь прикладывать ухо къ дверямъ, чтобы подслушать разговоры своего питомца въ tête-à-tête съ супругой, и рискуя, въ свою очередь, быть настигнутымъ въ этомъ двусмысленномъ положеніи, что и случилось, впрочемъ, однажды, къ великому конфузу всѣхъ троихъ.

Тщетныя старанія и излишнія предосторожности! Дофинъ ничуть и не помышлялъ преступать правила болѣе чѣмъ строгой морали, внушенной ему герцогомъ де-ла-Вогюйонъ,— и онъ сдѣлался королемъ Франціи гораздо раньше того, чѣмъ сталъ мужемъ своей жены.

Каковы же должны быть ощущенія бѣдной, юной четырнадцатилѣтней принцессы, похищенной отъ матери, увезенной изъ родной страны, когда она увидѣла себя супругой; живая, веселая, смѣшливая, какъ ребенокъ, какимъ она и была еще,—Марія-Антуанетта очутилась въ этой скучной и угрюмой обстановкѣ. Несвѣдующая, неопытная, довѣрчивая, попала она ко Двору, относившемуся къ ней непріязненно, въ кругъ людей, неособенно-то склонныхъ расточать любезности. Единственнымъ покровителемъ ея могъ быть ея мужъ. Но, втайнѣ предубѣжденный противъ брака, устроеннаго Шуазелемъ, и, несмотря ни на что, сохранявшій извѣстное недовѣріе къ этой австрійской принцессѣ, король не желалъ, да и не былъ способенъ къ той роли, какая ему выпала на долю.

Притомъ же, Марія-Антуанетта, воспитанная французомъ, аббатомъ де-Вермонъ, способнымъ научить всему, только не благочестію, не имѣла ничего общаго съ воспитанникомъ герцога де-ла-Вогюйонъ. Удивительно ли, что она, не имѣя ни руководителя, ни опоры, надѣлала если не ошибокъ, то неосторожностей.

За ея естественное желаніе развлекаться одни страшно ее порицали, другіе горячо защищали. Хулители называли ее Мессалиной, панегиристы возводили въ святыя. Такимъ образомъ являлось преувеличеніе съ обѣихъ сторонъ: Марія-Антуанетта не была ни той, ни другой. Женщина въ полномъ смыслѣ этого слова, она проявляла иногда кокетство, иногда чувствительность. Въ лучшіе дни свои она отличалась легкомысліемъ и граціей, которыя приличествовали ея полу; въ дни несчастія она проявила покорность и величіе души, приличествующія ея сану. Изъ всѣхъ особъ королевской фамиліи образъ ея представляется лучезарнымъ и сіяетъ блескомъ, который ничто не можетъ затмить, такъ какъ она является передъ нами увѣнчанной двойнымъ вѣнцомъ, дающимся красотой, связанной съ несчастіемъ.

Прошло около четырехъ лѣтъ, какъ Марія-Антуанетта была супругой дофина. Время ея протекало въ существованіи, суетливомъ съ внѣшней стороны и глубоко однообразномъ съ внутренней, въ качествѣ будущей королевы. Вдругъ на одномъ балу, дававшемся ею 10-го января 1774 года, шведскій посланникъ представилъ супругѣ дофина графа Акселя Ферзена. Дочь Маріи-Терезіи, конечно, не преминула оказать хорошій пріемъ этому иностранцу, присутствіе котораго должно было разсѣять однообразіе ея собраній, обязательныхъ по этикету, тѣмъ болѣе, что этотъ иностранецъ, носитель славнаго имени, извѣстность котораго достигла и до Франціи, личными своими достоинствами оправдывалъ оказанное ему вниманіе.

2.

Ферзену только что минуло 19 лѣтъ. Онъ отличался мужественной своей красотой и пріятной наружностью, несмотря на нѣкоторую холодность въ ея выраженіи. По замѣчанію Тилли, бываютъ такія холодныя физіономіи, „отъ которыхъ женщины не отворачиваются, разъ является надежда воспламенить ихъ“. Физіономія молодого шведа была именно изъ числа такихъ.

У него были большіе, ясные глаза, осѣненные густыми бровями, съ спокойнымъ взглядомъ сѣверянъ, въ которомъ отражалась внѣшняя меланхолія его родины, хотя грусть эта не мѣшала-таки сквозить въ его взглядѣ горячности великодушной и способной на страсть. Ротъ съ выразительными губами, очень маленькій, прямой носъ, тонкія ноздри, слу-

жащія иногда признакомъ скромности,—во всякомъ случаѣ, сдержанности и осторожности. Манеры его отличались благородствомъ и простотой. Вся его внѣшность во всѣхъ отношеніяхъ изобличала въ немъ настоящаго аристократа.

Ферзенъ былъ почти ровесникъ Маріи-Антуанеттѣ—онъ родился 4-го сентября 1755 года, а супруга дофина 2-го ноября того же года. Оба они казались еще очень юными въ моментъ первой своей встрѣчи и впечатлѣніе отъ нея оказалось неизгладимымъ, какъ обыкновенно бываетъ съ ощущеніями въ подобномъ возрастѣ.

Во всякомъ случаѣ Ферзенъ былъ польщенъ оказаннымъ ему пріемомъ и обвороженъ граціей и красотой будущей французской королевы. Балъ начался въ пять часовъ и продолжался до половины десятаго, Ферзенъ уѣхалъ однимъ изъ послѣднихъ.

Нѣсколько дней спустя, 30 января, для него представился случай новой встрѣчи, менѣе банальной, чѣмъ первая. Кромѣ того, шаловливая выходка молодой принцессы придала этой встрѣчѣ большую пикантность.

Это было на балу въ оперномъ театрѣ. Шведскій аристократъ расхаживалъ взадъ и впередъ посреди масокъ, разглядывая ихъ, любуясь ими. Вдругъ къ нему подошло домино и стало его интриговать. Манеры домино отличались изяществомъ, голосъ былъ очаровательный. Онъ охотно откликнулся на подвернувшуюся ему интригу, которую, быть можетъ, и самъ искалъ. Хотя вообще разговоръ былъ не изъ оживленныхъ, но на этотъ разъ, надо полагать, отвѣты его выходили удачными, такъ какъ прекрасная маска бесѣдовала съ нимъ довольно долго.

Вокругъ нихъ перешептывались. Кто же такая была его незнакомка? Въ концѣ концевъ, все обнаружилось. Каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что то была сама супруга дофина, которая теперь съ такимъ же удовольствіемъ назвала себя, съ какимъ старалась сохранить свое инкогнито. Къ несчастью, толпа также узнала Марію-Антуанетту, сплотилась вокругъ нихъ съ той назойливостью дурного тона, какая вызывается любопытствомъ, скорѣе стѣсняющимъ, нежели стѣсняющимся, и супругѣ дофина пришлось спастись отъ этого любопытства бѣгствомъ въ свою ложу, гдѣ ее ожидали дофинъ и графъ Прованскій, братъ дофина, сопровождавшіе ее въ этотъ вечеръ. Ферзенъ покинулъ балъ въ три часа утра, унося съ собой отъ этой второй встрѣчи болѣе

живое и глубокое воспоминаніе, чѣмъ отъ первой. Въ душѣ его начала уже зарождаться тайная симпатія, которая влекла его къ веселой принцессѣ.

Быть можетъ, благосклонность Маріи - Антуанетты къ Ферзену произвела на него еще большее впечатлѣніе, нежели высота ея имени и личныя ея достоинства. Его приглашали всюду, причемъ явное покровительство графа Крейтца, посланника Густава III при французскомъ дворѣ, открывало ему также и салоны иностранцевъ.

Ферзенъ бывалъ также часто въ Версалѣ, какъ и въ Парижѣ, въ томъ Версалѣ, гдѣ, начиная съ Людовика XIV, французская королевская власть свила себѣ гнѣздо и гдѣ она царила вдали отъ настоящаго народа, посреди придворныхъ. Празднества слѣдовали тамъ одни за другими. Онъ имѣлъ удовольствіе еще разъ видѣть Марію-Антуанетту 15 февраля.

Въ этотъ день на балъ съѣзжались самыя высокопоставленныя лица, за исключеніемъ короля, который, несмотря на свою старость и изношенность, предпочиталъ tête-à-tête съ m-me дю-Барри. Принцесса присутствовала на этомъ балу вмѣстѣ съ обѣими ея невѣстками, графинями де-Провансъ и д'Артуа. Здѣсь же находилась молодая вдова, до такой степени очаровавшая своей красотой Людовика XV, что одно время нѣкоторые вѣрили, а другіе боялись, чтобы онъ на ней не женился. То была принцесса Ламбалль. Изъ мужчинъ тамъ были: дофинъ, графъ Прованскій, графъ д'Артуа, де-Сегюръ, де-Казаньи, „всѣ въ костюмахъ Генриха IV".

Молодой шведъ замѣтилъ, что дофинъ танцовалъ плохо, также какъ и братъ его, графъ Прованскій. Другіе болѣе искусно справлялись съ своей задачей, а нѣкоторые были вполнѣ хорошими танцорами. Общій видъ бала былъ прелестный. И въ данномъ случаѣ ему можно повѣрить на-слово. Въ лицѣ графини де-Провансъ, высокой брюнетки, съ черными дугообразными бровями, было что-то черствое и надменное въ манерѣ держать себя. Графиня д'Артуа, отличавшаяся очень маленькимъ ростомъ, едва выкупала страшно длинный носъ красотой своего цвѣта лица и миловидной наружностью. За то m-me де-Ламбалль привлекала къ себѣ взоры кроткимъ выраженіемъ ангельскаго своего личика и нѣсколько болѣзненной прелестью всего своего существа.

Но среди всѣхъ самымъ яркимъ свѣтомъ блистала супруга дофина. Предназначенная судьбою въ королевы, въ силу сво-

его замужества, она царила уже своей красотой. „Представьте себѣ цвѣтъ лица ослѣпительной бѣлизны, на которомъ смѣшивались краски, по свѣжести не уступавшія весенней розѣ; большіе лазоревые глаза на выкатѣ; лобъ, увѣнчанный цѣлымъ лѣсомъ бѣлокурыхъ волосъ, на которомъ царственность смѣшивалась съ непорочностью и который придавалъ ея лицу благороднѣйшее выраженіе, чему также способствовала форма носа. Единственнымъ недостаткомъ прелестной принцессы была нѣсколько впередъ выпятившаяся нижняя губа. Но то былъ характерный признакъ австрійскаго дома, изобличавшій въ ней дочь Маріи-Терезіи. Довольно высокій для ея лѣтъ, хорошо сложенный бюстъ. Шея, грудь у нея были идеальны, прелестная рука и нога—достойны Венеры Медичейской. Движенія ея полны граціи и легкости, и вообще во всемъ ея существѣ сказывалась гармонія, приводившая въ восхищеніе. И дѣйствительно, видя ее, нельзя было не обожать ее, такъ какъ въ ней жило желаніе нравиться всѣмъ, съ кѣмъ ей приходилось встрѣчаться".

Но если деталями подтверждаются эти похвалы, то весь ансамбль, по словамъ современниковъ, заслуживалъ еще большаго восторга. Всѣ говорили о ней въ выраженіяхъ самаго пламеннаго преклоненія. Отзывъ Тилли, состоявшаго однимъ изъ ея пажей, вполнѣ резюмируетъ общее впечатлѣніе:

„У нея было нѣчто такое, что имѣло большее значеніе для трона, нежели идеальная красота—осанка французской королевы, даже въ такія минуты, когда она больше всего старалась быть исключительно хорошенькой женщиной... У нея было двѣ походки: одна твердая, нѣсколько торопливая и всегда благородная, другая — болѣе мягкая и болѣе развалистая, почти ласкающая, но тѣмъ не менѣе, не позволяющая забыть къ ней уваженіе. Никто никогда не дѣлалъ реверанса граціознѣе ея. Привѣтствуя десятерыхъ, она кланялась всего одинъ разъ, посылая головой и глазами каждому то, что ему полагалось... Словомъ, если я не ошибаюсь, то подобно тому, какъ другимъ женщинамъ подставляютъ стулъ, такъ ей почти всегда хотѣлось придвинуть ея тронъ"...

Несмотря на любезное вниманіе принцессы, несмотря на дружеское отношеніе къ нему на пріемахъ, графъ Ферзенъ сохранялъ неукоснительную сдержанность гранссиньора, никогда не забывающаго, что дѣло государей приближать къ себѣ низшихъ себя, а не то, чтобы послѣдніе

старались возвыситься до государей. Это не мѣшало ему испытывать чувство горячаго поклоненія къ юной принцессѣ, и можно утверждать, что уѣзжая, онъ увезъ уже въ душѣ своей сѣмена той глубокой привязанности, которая должна была сдѣлать изъ него самаго пламеннаго защитника королевы и самаго преданнаго слугу женщины. А между тѣмъ ему пришлось скоро уѣхать. Въ программу его путешествія входило обязательное посѣщеніе Лондона, и, несмотря на всѣ приковывавшія его чары,—онъ вынужденъ былъ повиноваться отцовскимъ инструкціямъ. Ферзенъ покинулъ Парижъ 12 мая.

Нѣсколько дней спустя послѣ его отъѣзда, графъ Крейтцъ отправилъ шведскому королю Густаву III слѣдующую телеграмму: „Молодой графъ Ферзенъ только что уѣхалъ въ Лондонъ. Изъ всѣхъ шведовъ, за мое пребываніе посѣтившихъ Францію, онъ лучше всѣхъ былъ принятъ въ высшемъ свѣтѣ. Королевская фамилія относилась къ нему съ крайней благосклонностью. Нельзя было бы держать себя умнѣе и скромнѣе, чѣмъ онъ. Обладая красивой наружностью и умомъ, онъ долженъ былъ имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, и онъ имѣлъ его вполнѣ. Ваше величество будете, навѣрное, имъ довольны. Но что особенно дѣлаетъ Ферзена достойнымъ вашихъ милостей,—это его благородный и необыкновенно возвышенный образъ мыслей".

3.

Въ отсутствіе Ферзена произошли важныя событія. Одно царствованіе смѣнилось другимъ, дофинъ именовался теперь Людовикомъ XVI, а домино, такъ сильно интриговавшее его на балу въ оперѣ, занимало постъ французской королевы.

Ферзенъ вернулся во Францію въ серединѣ августа 1778 года. Три года онъ провелъ вдали отъ Версальскаго двора. Хотя онъ и надѣялся, что не совсѣмъ забытъ, но ужь, конечно, не разсчитывалъ на тотъ пріемъ, какой ему былъ оказанъ при этомъ Дворѣ. Онъ отправился въ Версаль и представился королевской семьѣ, точно онъ являлся въ первый разъ ко Двору. При видѣ его раздался чей-то голосъ:

— Да это старый знакомый!

Марія-Антуанетта узнала его.

Можно себѣ представить, какое счастье для Ферзена заключалось въ такомъ доказательствѣ симпатіи къ нему королевы. Для поклонника это было бы настоящимъ торжествомъ—человѣка же съ сердцемъ это не могло не тронуть до глубины души.

Королевѣ точно доставляло удовольствіе давать ему каждый день новыя доказательства своихъ чувствъ къ нему. Онъ сообщаетъ объ этомъ отцу: „Королева, самая красивая, самая прелестная принцесса, какую только я знаю,—пишетъ онъ 8 сентября,—она настолько добра, что нѣсколько разъ справлялась обо мнѣ, спрашивала Крейтца, отчего я не бываю на ея игрѣ по воскресеньямъ и узнавъ, что я былъ именно въ тотъ разъ, когда игра была отмѣнена, она обратилась ко мнѣ какъ бы съ извиненіемъ".

Отношенія уже были не тѣ, что въ первое пребываніе: изъ благосклонныхъ, съ оттѣнкомъ фамиліарности, въ день бала въ оперѣ, онѣ становятся, такъ сказать, интимными. Начинаются частыя свиданія.

Королева Франціи, та, которую m-me дю-Барри называла „la petite rousse", утрачиваетъ свою прежнюю застѣнчивость. Она уже менѣе сдержанна въ поведеніи и въ рѣчахъ, она уже не скрываетъ своего желанія веселиться, и, рискуя скандализировать графиню де-Ноайль, въ шутку прозванную ею „Madame l'Etiquette", она поддается желанію наслаждаться жизнью и мечтать только о жизни простой смертной, подальше отъ всѣхъ требованій Двора и отъ тоски, связанной съ ея исключительнымъ положеніемъ.

Теперь это для нея болѣе возможно, у нея есть убѣжище, гдѣ она можетъ сложить съ себя свое величіе, спастись отъ скучныхъ людей. Самъ король, неумѣло-любезный и своеобразно-добродушный, однажды, въ 1774 году, преподнесъ ей этотъ подарокъ.

— Вы любите цвѣты?—спросилъ онъ удивленную королеву.—Въ такомъ случаѣ могу вамъ поднести букетъ: маленькій Тріанонъ.

Привыкнувъ къ обществу изъ людей по собственному выбору, Марія-Антуанетта мало по малу начинаетъ позволять себѣ всякія фантазіи, весьма естественныя въ молодой женщинѣ, но которыя не могли не подвергаться критикѣ въ королевѣ Франціи.

Даже легкій доступъ иностранцевъ ко Двору шокировалъ, подчасъ, представителей старинныхъ французскихъ фамилій; но не все-ли равно? Такъ пріятно быть окруженной друзьями, а не царедворцами, или по крайней мѣрѣ царедворцами, которыхъ она считала за друзей, такъ какъ она была не въ состояніи судить о разницѣ между ними.

Въ этомъ ограниченномъ, близкомъ кружкѣ Ферзену оказывается особое предпочтеніе.

Поощряемый самою Маріею-Антуанеттою, „самою прелестною принцессою, какую онъ зналъ", онъ часто появляется на ея играхъ, ухаживаетъ за нею; она всегда замѣчаетъ его, всегда чрезвычайно любезно, милостиво разговариваетъ съ нимъ, чѣмъ трогаетъ его до глубины души.

Въ Тріанонѣ бывали интимные вечера и если m-me Ламбалль или m-me Полиньякъ устраиваютъ какой-нибудь праздникъ въ честь королевы, Ферзенъ непремѣнно тутъ какъ тутъ.

Незамѣтно близость между нимъ и Маріею-Антуанеттою устанавливается все больше и больше. Несмотря на его сдержанность, на кажущуюся холодность его натуры, становится ясно, что поклоненіе смѣняется болѣе нѣжнымъ чувствомъ. И то, что должно было неизбѣжно случиться,—случилось: Ферзенъ безумно влюбился въ королеву. Та, которая воспламенила его сердце, ничуть не испугалась этого, не удивилась.

Она съ удовольствіемъ видится съ молодымъ шведомъ, она съ удовольствіемъ убѣждается въ его любви. Даже болѣе, она тронута чувствомъ, которое сама породила, она готова заплатить за него взаимностью. Какъ не быть тронутою такой глубокой страстью, въ которой столько уваженія, столько сдержанности. Ея сердце растрогалось и тысяча признаковъ, замѣтныхъ для зоркихъ глазъ окружающихъ, выдали начинающееся чувство молодой женщины къ ея вѣрному поклоннику, не рѣшавшемуся признаться ей въ своей любви.

Однажды она сидѣла за клавикордами и пѣла. Ферзенъ былъ около нея. Музыка подсказываетъ ей признаніе, пѣніе дѣлаетъ его болѣе удобнымъ и, передавая страстные куплеты какой-то модной оперы, она ищетъ глазами Ферзена, ея смущеніе, котораго она не въ силахъ скрыть, подчеркиваетъ весьма ясно намекъ на ея личное чувство...

А между тѣмъ, всѣ такъ хорошо помнили, какъ въ день свадьбы, дофинъ кушалъ за ужиномъ по обыкновенію съ большимъ аппетитомъ, и какъ Людовикъ XV сказалъ ему:

— Не набивайте себѣ такъ животъ на эту ночь, — и улыбка, съ которой сопровождался этотъ совѣтъ, подчеркнула его тайный смыслъ.

На это дофинъ отвѣтилъ съ наивною увѣренностью:

— Отчего же нѣтъ? Я всегда лучше сплю, когда плотнѣе поужинаю.

И дѣйствительно, послѣ ужина, воспитанникъ герцога де-ла-Вогюйонъ, взявъ за руку свою молодую супругу, проводилъ ее до дверей ея комнаты, самымъ церемоннымъ образомъ пожелавъ ей доброй ночи.

— Надѣюсь, вы хорошо спали?—спросилъ онъ ее на другой день за завтракомъ.

— Прекрасно, такъ какъ не кому было мнѣ мѣшать,— отвѣтила на это молодая женщина.

Утромъ, принцесса де-Гемене, управлявшая тогда дворцомъ, рано вошла въ комнату Маріи-Антуанетты. Дофина не было; его супруга была одна.

— Богъ мой! Неужели онъ всталъ такъ же рано, какъ всегда?

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросила ее Марія-Антуанетта.—Я много слышала объ учтивости французовъ, но, мнѣ кажется, я вышла замужъ за самаго учтиваго изъ цѣлой націи.

— Неужели онъ всталъ! — повторяла де-Гемене, не понимая, въ чемъ дѣло.

— Да нѣтъ же,—воскликнула Марія-Антуанетта,—какъ могъ онъ встать здѣсь, когда онъ совсѣмъ здѣсь и не спалъ, онъ довелъ меня до дверей этой комнаты, со шляпою въ рукѣ, и поспѣшно покинулъ меня, точно моя особа стѣсняла его.

Эта сцена, быстро сдѣлавшаяся извѣстной, добавленная всевозможными уморительными комментаріями, изобразила молодого супруга въ самомъ смѣшномъ свѣтѣ, тѣмъ болѣе, что его чрезмѣрная сдержанность не приписывалась чрезмѣрной застѣнчивости.

Марія-Антуанетта была оскорблена въ своей женской гордости и съ этого дня у нея сложилось нелестное понятіе о характерѣ и способностяхъ ея супруга.

Австрійскій посланникъ при французскомъ дворѣ Мерси, передавая объ этомъ впечатлѣніи супруги дофина своей императрицѣ Маріи-Терезіи, писалъ, что, по его мнѣнію, это „слишкомъ нелестное понятіе; почемъ знать, не былъ-ли бы и онъ одного мнѣнія съ молодою женщиною, если бы видѣлъ этого супруга при другихъ условіяхъ, чѣмъ при тѣхъ, когда король принималъ своего австрійскаго посланника?

Жаль, что ему не пришлось заглянуть въ дневникъ того, котораго Марія-Антуанетта называетъ „pauvre homme“. Онъ, вѣроятно, призналъ бы эту слишкомъ строгую оцѣнку въ сущности за весьма справедливую.

Что можно думать о принцѣ, который именно въ мѣсяцъ своей свадьбы записываетъ только слѣдующія замѣтки:

„Воскресенье 13. Отъѣздъ изъ Версаля. Ужиналъ и ночевалъ въ Компьень де-Сенъ-Флорантэнъ.

„Понедѣльникъ 14. Свиданіе съ madame la Dauphine.

„Вторникъ 15. Ужиналъ въ la Muette, ночевалъ въ Версали.

„Среда 16. Свадьба. Аппартаментъ въ галлереи. Королевскій пиръ въ залѣ „Opéra".

„Пятница 18. Охота на оленя. Большая свора въ Belle Image. Убитъ одинъ.

„Суббота 19. Парадный балъ въ залѣ „Opéra". Фейерверкъ".

И чтобы закончить съ честью, въ четвергъ 31, единственное изреченіе:

„У меня разстройство желудка".

И въ теченіе семи лѣтъ Марія-Антуанетта не имѣла никакихъ другихъ преимуществъ отъ своего положенія супруги, кромѣ удовольствія видѣть воочію, какъ ея добродушный супругъ пьетъ, кушаетъ, охотится и занимается кузнечнымъ мастерствомъ. Всякій пойметъ, что оскорбленная до глубины души такимъ необычайнымъ къ себѣ равнодушіемъ, она порою теряла терпѣніе и что у нея невольно иногда вырывались слова, полныя горечи или сарказма, какъ это было, напримѣръ, однажды, когда одна изъ ея приближенныхъ дамъ стала уговаривать ее не ѣздить верхомъ.

— Оставьте меня, Бога ради, въ покоѣ,—воскликнула она,—и знайте, что я не рискую жизнью никакого наслѣдника!

Результатомъ подобнаго положенія вещей явилось то, что когда подъ вліяніемъ внушеній своего зятя, германскаго императора, Людовикъ XVI понялъ, что онъ обязанъ дать Франціи наслѣдника престола, и сдѣлался мужемъ своей жены—было уже поздно. Ея тѣло принадлежало ему, но не ея сердце. Сердце было свободно и Ферзенъ овладѣлъ имъ.

Но именно въ то время, когда Ферзенъ являлся счастливымъ побѣдителемъ женщины и королевы, около которой было столько поклонниковъ, безъ сомнѣнія, болѣе смѣлыхъ и менѣе почтительныхъ, чѣмъ этотъ молодой шведскій офицеръ, онъ тутъ-то и доказалъ на дѣлѣ всю свою преданность и самоотверженность, доказалъ, насколько онъ былъ достоинъ ея любви.

Клевета уже коснулась своимъ змѣиномъ жаломъ Маріи-Антуанетты. Ея положеніе заброшенной супруги, ея свободныя манеры, ея независимость, ея пребываніе въ Тріанонѣ—все это способствовало распространенію навѣтовъ. И потому легко себѣ представить, съ какою радостью враги королевы, которые до этихъ поръ пробавлялись неопредѣленными

предположеніями, воспользовались существованіемъ дѣйствительныхъ фактовъ, чтобы накинуться на несчастную женщину.

Тысяча глазъ, особенно зоркихъ подъ вліяніемъ любопытства, зависти или ненависти, слѣдила за нею,—отъ нихъ не могла укрыться ея тайна, и ея предпочтеніе къ благородному иностранцу, подъ вліяніемъ скандальной хроники, сдѣлалось скоро добычею злыхъ языковъ.

При такихъ условіяхъ стало извѣстно, что королева беременна. Даже ея беременность была новымъ поводомъ для самыхъ коварныхъ инсинуацій. Интрига, пущенная въ ходъ графомъ Прованскимъ, который ненавидѣлъ свою невѣстку ненавистью брата, приняла еще большіе размѣры. Да и было отъ чего. Развѣ онъ не оказалъ свое высокое покровительство клеветѣ, онъ, наслѣдникъ, опора трона, позволилъ себѣ во время крестинъ, въ церкви Notre-Dame, наполненной народомъ, въ присутствіи императрицы Маріи-Терезіи, бросить въ лицо молодой матери, съ ироніею дѣланнаго уваженія, самое оскорбительное обвиненіе! На крестинахъ онъ долженъ былъ замѣнять Испанскаго короля, оффиціальнаго воспріемника отъ купели. Когда священникъ обратился къ нему съ вопросомъ, какое имя будетъ наречено новорожденному:

— Не съ этого начинаютъ,—отвѣтилъ онъ,—прежде всего слѣдуетъ узнать, кто отецъ и мать новорожденнаго.

Язвительность, съ какою были сказаны эти слова, слишкомъ ясно свидѣтельствовала о намѣреніи и, конечно, была всѣми замѣчена, къ тому же эти слова упали на такую подготовленную почву!

Ферзенъ былъ слишкомъ наблюдателенъ, чтобы не замѣтить, что происходило вокругъ него, слишкомъ чутокъ, чтобы не почувствовать, какой вредъ приноситъ его присутствіе королевѣ.

Чтобы спасти ее, онъ проявилъ себя настоящимъ рыцаремъ, героемъ, способнымъ на самую тяжкую жертву. Чтобы заставить замолчать злые языки, приходилось покинуть королеву, Дворъ, Версаль, Францію. И для того, чтобы самый отъѣздъ не послужилъ новымъ поводомъ для сплетенъ, надо было, чтобы онъ былъ вызванъ какой-нибудь серьезною причиною, дѣлающей его неизбѣжнымъ, безотлагательнымъ.

Ферзенъ заявилъ о своемъ отъѣздѣ въ Америку и сталъ хлопотать о назначеніи его въ одинъ изъ отрядовъ, которые формировались Лафайеттомъ и Рошамбо.

Отважное рѣшеніе, которое тоже имѣло свою опасную

сторону—слишкомъ высоко ставило личность человѣка, способнаго на немъ остановиться. И дѣйствительно, Марія-Антуанетта, тронутая такою жертвою, также мало съумѣла скрыть свою печаль, какъ и раньше свои чувства. Ни то, ни другое не ускользнуло отъ ея окружающихъ.

Въ то время какъ они радовались, что этотъ отъѣздъ избавлялъ ихъ отъ предмета ихъ зависти, королева не въ силахъ была заставить себя относиться равнодушно къ потери друга, котораго она лишалась, быть можетъ, навсегда, и ея искреняя, глубокая печаль, подчасъ, помимо ея воли, разражалась слезами.

Непреклонный въ своемъ намѣреніи, Ферзенъ стремился къ осуществленію его; наконецъ, насталъ моментъ его отъѣзда изъ Парижа, онъ долженъ былъ отправиться въ Брестъ, чтобы поступить въ отрядъ, куда былъ зачисленъ.

Онъ не могъ уѣхать, не предупредивъ о своемъ назначеніи отца и короля: объ этомъ они узнали отъ него, но настоящую причину его отъѣзда — отъ другихъ. Письмо посланника, сохранившееся въ бумагахъ Густава III, въ упсальскомъ архивѣ, повѣдало тайну женскаго сердца. Впрочемъ, въ этой тайнѣ нѣтъ ничего для него постыднаго.

10-го апрѣля 1779 года графъ Крейтцъ отправилъ слѣдующее посланіе королю шведскому:

„Я долженъ сообщить вашему величеству, что молодой графъ Ферзенъ пользовался такимъ вниманіемъ королевы, что это породило неудовольствіе со стороны многихъ лицъ. Признаюсь, мое личное мнѣніе таково, что она была къ нему неравнодушна, я видѣлъ несомнѣнныя тому доказательства.

„Молодой графъ Ферзенъ велъ себя безукоризненно, чрезвычайно скромно, сдержанно, и въ концѣ-концовъ принялъ рѣшеніе уѣхать въ Америку. Своимъ отъѣздомъ онъ отстранялъ всѣ опасности, но надо сознаться, что для того, чтобы преодолѣть такое искушеніе, нужна была твердость не его лѣтъ.

„Королева не сводила съ него глазъ послѣдніе дни, глядя на него, они были полны слезъ. Умоляю, ваше величество, сохранить это втайнѣ ради нея и сенатора Ферзена. Когда узнали объ отъѣздѣ графа, всѣ фавориты были въ восторгѣ. Герцогиня Фицъ-Джемсъ сказала ему:

„— Какъ, графъ, вы такъ легко покидаете вашу побѣду?

„— Если бы я ее одержалъ, то, конечно, я бы не покинулъ ее,—отвѣтилъ онъ,—я уѣзжаю свободный, и къ несчастію не оставлю сожалѣній о себѣ.

„Ваше величество, согласитесь, что отвѣтъ этотъ по мудрости и благоразумію поразителенъ въ его годы.

„Въ настоящее время королева ведетъ себя гораздо болѣе сдержанно и болѣе благоразумно, чѣмъ прежде. Король не только вполнѣ подчиняется ея волѣ, но даже раздѣляетъ ея вкусы и удовольствія“.

Въ это же время проектируется женитьба Іоанна Ферзена на m-lle де-Лейаль, дочери шведскаго дворянина, принявшаго англійское подданство, и постоянно жившаго въ Лондонѣ. Партія была блестящая, такъ какъ молодая дѣвушка была наслѣдницею двухъ дядей, членовъ индійской компаніи.

Хотя Ферзенъ говорилъ съ отцомъ объ этомъ проектѣ, и хотя отецъ его относился къ нему съ сочувствіемъ, но тѣмъ не менѣе изъ этого ничего не вышло. Ферзенъ не дѣйствовалъ рѣшительно, и видно было только, что въ общемъ онъ ничего не имѣетъ противъ женитьбы, но не желалъ связать себя обѣщаніемъ. Онъ уѣхалъ ни на чемъ не порѣшивъ. Въ его отсутствіе Лейаль вышла замужъ за одного изъ своихъ соотечественниковъ.

Проектъ этотъ сталъ извѣстенъ изъ переписки Ферзена, и въ то время о немъ, повидимому, ничего не знали во Франціи. Во всякомъ случаѣ о немъ не было ни разговоровъ, ни сожалѣній.

4.

Только въ 1783 году графъ Ферзенъ возвратился въ Парижъ, блистая той славой, какая дается молодымъ сердцамъ первой побѣдой. Къ личнымъ его достоинствамъ прибавился теперь ореолъ счастливыхъ подвиговъ. И ореолъ этотъ сіялъ тѣмъ ярче, что военные свои успѣхи онъ стяжалъ на войнѣ популярной и происходившей въ далекихъ краяхъ.

Шведскій король гордился своимъ подданнымъ и нашелъ подходящимъ случай устроить для него въ французской арміи положеніе аналогичное съ тѣмъ, какое онъ занималъ въ шведской арміи. Въ началѣ сентября 1783 года онъ выразилъ французскому королю свое желаніе по этому поводу.

Имѣя въ виду рельефнѣе подчеркнуть, что рекомендація его была неподдѣльнымъ выраженіемъ его уваженія къ графу, онъ немедленно назначилъ его полковникомъ въ своей арміи и кавалеромъ ордена Шпаги.

Впрочемъ, при французскомъ дворѣ всѣмъ были извѣстны какъ достоинства Ферзена, такъ и оказанныя имъ услуги.

Въ протекціи ему не было недостатка, въ особенности въ высшихъ сферахъ. Въ бытность его въ Америкѣ о немъ не позабыли въ Версали, а по возвращеніи его встрѣтили, какъ друга. Назначенный передъ тѣмъ кавалеромъ ордена за военныя заслуги, Ферзенъ былъ пожалованъ полковникомъ королевскаго шведскаго полка, стоявшаго гарнизономъ въ Валансьенѣ.

Занимаемое имъ положеніе, всѣ эти милости, благосклонность, какою онъ пользовался со стороны Людовика XVI и Маріи-Антуанетты, все это легко могло снова возбудить тѣ толки, ради прекращенія которыхъ состоялся его отъѣздъ въ Америку. Съ этой точки зрѣнія, возвращеніе его, дѣйствительно, было неосторожностью. Владѣя собой и своей страстью, въ моментъ охватившаго его героизма, онъ, конечно, могъ остановиться на самомъ великодушномъ и на самомъ жестокомъ изъ рѣшеній. Но всякому геройству есть предѣлы и, быть можетъ, онъ полагалъ, что тремя годами разлуки онъ купилъ себѣ право видѣть ту, образъ которой никогда не выходилъ изъ его сердца,—право ближе посвятить себя ей.

Онъ могъ бы разсѣять, или, по крайней мѣрѣ, сбить съ толку большинство подозрѣній, если бы въ частной своей жизни афишировалъ какую нибудь любовницу или отвлекъ вниманіе отъ предмета своихъ мечтаній какими нибудь громкими увлеченіями. Красавецъ, окруженный ореоломъ героя, повсюду встрѣчая почетный пріемъ, почему же не пользовался онъ всѣми этими преимуществами, чтобы стяжать себѣ завиднѣйшіе лавры? Что же мѣшало ему подражать его современникамъ и сдѣлаться Ришелье, Лозеномъ, Тилли? Ничего, кромѣ него самого: онъ предпочелъ уважать свою любовь, какъ уважалъ ея предметъ, и оставаться Ферзеномъ.

Къ этому времени относится проектъ брака Ферзена съ дочерью Неккера, впослѣдствіи г-жей де-Сталь, и графъ не противился ему открыто, чтобъ не давать новой пищи прежнимъ толкамъ. Но королева рекомендовала Неккеру другого кандидата для его дочери, и послѣдняя вышла замужъ за него.

5.

Между тѣмъ, близились времена, когда ошибки, накопившіяся въ предшествовавшія царствованія, и послѣдовательная бездарность министровъ Людовика XVI довели положеніе вещей до того, что дальше идти было невозможно.

Реформы сдѣлались необходимыми. Для распознанія ре-

зонности претензій народа нуженъ былъ возвышенный умъ, а для возведенія въ законъ справедливой и доброй стороны этихъ претензій — энергическая воля. А между тѣмъ во главѣ находился лишь Людовикъ XVI.

Марія-Антуанетта стояла выше своего супруга, въ смыслѣ мужества, умственнаго и нравственнаго достоинства, но она не была женщиной-политикомъ, способной, вмѣсто короля, взять въ свои руки веденіе дѣлъ.

Уже съ давнихъ поръ французскія королевы предпочитали оставаться въ тѣни. Правда, Анна Австрійская играла болѣе дѣятельную роль. Но въ ней за королевой скрывалась женщина, и, защищая министра своего, Мазарини, она отстаивала своего любовника.

Впрочемъ, еслибы даже Марія-Антуанетта и обладала необходимыми способностями для возмѣщенія бездарности своего супруга, насколько трудно бы ей было выдвинуться впередъ! Нѣсколько попытокъ въ такомъ родѣ, навѣянныхъ на нее неразсудительными друзьями, вмѣсто успѣха, привели лишь къ слѣдующему энергическому, язвительному заявленію Мирабо: „Въ королевствѣ существуетъ всего одно величество и я нахожу непочтительнымъ произносить слово „королева“ въ монархіи, гдѣ королевы никогда не могутъ сдѣлаться королями. Нашъ король, почтенный по своимъ намѣреніямъ, интересный своими несчастіями, лично пользующійся общественнымъ довѣріемъ, не нуждается ни въ какихъ поручительствахъ. Королева, августѣйшая его супруга, имѣетъ назначеніемъ успокоивать его отъ державныхъ заботъ, но никоимъ образомъ не должна вмѣшиваться въ государственныя дѣла. Пожелавъ, чтобы лучшее изъ искусствъ изобразило ее увѣнчанной всѣми ея прелестями, всѣми ея правами,—она приказала написать себя окруженной своими дѣтьми, а никакъ не съ глобусомъ въ рукахъ или съ картой Франціи передъ глазами“.

Хорошіе дни Маріи-Антуанетты приближались къ концу. Правду сказать, королева никогда не была особенно популярной. Казалось, злой рокъ преслѣдовалъ ее. Суевѣрные люди, конечно, приписывали эту незадачу несчастной случайности, въ силу которой она родилась въ день траура для всего христіанскаго міра,— 2 ноября, день покойниковъ, въ день страшнаго бѣдствія для одного изъ прекраснѣйшихъ городовъ въ мірѣ,—день землетрясенія въ Лиссабонѣ.

Было бы наивно вѣрить въ подобныя бредни. Тѣмъ

не менѣе историкъ обязанъ ихъ отмѣтить, не для того, чтобы указать значеніе, какого онѣ имѣть не могутъ, а для того, чтобы освѣтить то время и умы того періода.

Несомнѣнно, что все болѣе или менѣе обратилось противъ нея: ея происхожденіе, фамилія, вкусы, красота, кругъ ея друзей.

Ея происхожденіе: Марія - Антуанетта была австріячка. Назначая ее въ королевы Франціи, Шуазель льстилъ себя надеждой создать этимъ союзомъ узы мира между двумя вѣковыми врагами, — Австрійскимъ и Французскимъ домами. Но недовѣріе осталось, и королева считалась шпіонкой своего народа, въ пользу своей родины.

Ея фамилія: у нея было двое братьевъ,—одинъ архіепископъ и великій курфюрстъ кёльнскій по имени Максимиліанъ, человѣкъ недалекаго ума. Это онъ, при посѣщеніи своемъ Jardin des Plantes въ Парижѣ, отвѣтилъ Бюффону, предложившему ему экземпляръ своихъ сочиненій:

— Очень вамъ благодаренъ, monsieur! Крайне огорченъ, что лишу васъ ихъ.

Другой былъ Леопольдъ, императоръ, человѣкъ высокаго ума. Онъ, напротивъ, обратился къ Бюффону съ слѣдующими словами:

— Я пришелъ сюда за книгой, забытой моимъ братомъ.

Въ силу того-же противорѣчиваго рока, глупость перваго и умъ второго были приняты одинаково дурно. Надъ однимъ смѣялись, другого боялись, и въ народѣ возникли самыя нелѣпыя розсказни. Стали распространяться слухи, будто-бы сестра посылала своему брату цѣлые милліоны. Сплетни ходили даже въ самыхъ низшихъ слояхъ.

Нѣкая Рене Мильо, встрѣтивъ однажды графа де-Куаньи и, ободренная любезной добротой его, важно его спросила:

— Неужели-же императоръ никогда не прекратитъ войнъ съ Турціей? Ахъ, Боже мой, да вѣдь это раззоритъ Францію въ виду массы денегъ, съ этой цѣлью пересылаемыхъ королевой своему брату; сумма этихъ денегъ въ данное время, говорятъ, достигла уже по крайней мѣрѣ двухсотъ милліоновъ.

И Куаньи далъ себѣ волю потѣшиться отвѣтомъ и съ важностью сказалъ:

— Ты не ошибаешься. Да, эта война стоитъ уже намъ 200.000.000 слишкомъ и мы еще не довели ее до конца!

И этотъ разговоръ, удержавшійся въ глупой башкѣ Рене Мильо, явился въ видѣ свидѣтельскаго показанія передъ революціоннымъ трибуналомъ во время процесса королевы.

Ея вкусы и красота: молодая, обожаемая,—что тутъ удивительнаго, если она искала въ развлеченіяхъ забвенія отъ той скуки, какую на нее нагоняли этикетъ, политика, ея мужъ, „этотъ толстый, плохо воспитанный гарсонъ", какъ называла его m-me дю-Барри? Конечно, ее нельзя было осуждать за ея страсть къ игрѣ, но она была не права, увлекаясь азартной игрой и просиживая за ландскнехтомъ дни и ночи, какъ, напримѣръ, случилось однажды въ день Всѣхъ Святыхъ, когда игра длилась 36 часовъ.

Склонность ея къ parties de plaisir въ каретѣ, саняхъ, къ баламъ въ Оперѣ,—все это еще не бѣда. Но она переступала за предѣлы приличія, проводя на этихъ прогулкахъ цѣлые дни и бѣгая повсюду, увлекаясь театромъ, интригуя иностранцевъ въ Оперѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти развлеченія представлялись для нея настоящими удовольствіями именно тогда, когда король не участвовалъ въ нихъ,—а это ни для кого не было тайной.

Ривароль резюмировалъ впечатлѣніе, какое она производила, слѣдующей остротой: „Всегда больше женщина, чѣмъ королева, она забывала, что рождена была, чтобы жить и умереть на настоящемъ тронѣ и черезчуръ гналась за тѣмъ, чтобы наслаждаться этимъ фиктивнымъ и временнымъ властительствомъ, какое дается красотой самымъ обыкновеннымъ женщинамъ и дѣлаетъ ихъ королевами на мгновеніе".

Наконецъ, что касается ея друзей и приближенныхъ, то Марія-Антуанетта не могла ими гордиться. Г-жа Полиньякъ, которую королева осыпала всевозможными милостями, измѣнила своей царственной подругѣ. Въ мужскомъ персоналѣ, за исключеніемъ Ферзена, выборъ приближенныхъ также не былъ удачнымъ.

6.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что благосклонность къ однимъ, осуждавшаяся завистью или озлобленіемъ другихъ, давала матеріалъ для многихъ коментаріевъ по поводу Маріи-Антуанетты. И все таки всѣ эти сплетни и клеветы должны стушевываться передъ дѣломъ о кольѣ.

Исторія этого колье извѣстна. Всѣ знаютъ, какъ кардиналъ де-Роганъ, безумно влюбленный въ королеву и поощренный интригами г-жи де-ла-Моттъ, правнучки одного незаконнорожденнаго сына Генриха III, вообразилъ, что цар-

скимъ подаркомъ, въ видѣ колье въ 1.600.000 ливровъ, ему удастся расположить къ нему сердце любимой имъ августѣйшей особы. Чтобы убѣдить его, г-жа де-ла-Моттъ разыграла съ нимъ комедію и, что всего удивительнѣе, нахальство ея вполнѣ удалось. Среди женщинъ легкихъ нравовъ она отыскала нѣкую дѣвушку д'Эссиньи, обладавшую поразительнымъ сходствомъ съ королевой. Ловко перерядивъ ее, она довершила иллюзію и въ такомъ видѣ свела эту дѣвушку въ рощу Версальскаго парка. Предупрежденный о томъ заблаговременно, влюбленный кардиналъ, въ свою очередь, явился туда же. И онъ, дѣйствительно, повѣрилъ, что то была сама Марія-Антуанетта, которая, уронивъ розу къ его ногамъ, шепнула ему:

— Прошлое забыто.

Эта сцена окончательно опьянила прелата. Онъ купилъ пресловутое колье. Но вручить его г-жѣ де-ла-Моттъ для передачи королевѣ оказалось легче, нежели расплачиваться съ золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Послѣдній сталъ требовать колье обратно и вышелъ скандалъ, который дошелъ до Маріи-Антуанетты, помимо своей воли запутавшейся въ этихъ двусмысленныхъ интригахъ.

Клевета, повидимому, восторжествовала на нѣкоторое время. Королевѣ угрожала опасность быть подавленной энергической настойчивостью отвратительной де-ла-Моттъ, которая утверждала, что дѣйствовала исключительно по распоряженіямъ Маріи-Антуанетты, въ то время какъ кардиналъ, столько же по легковѣрію, какъ и ради предосторожности, подтверждалъ ея обвинительныя рѣчи противъ королевы.

Какая же это женщина, если то не была королева, говорила съ нимъ во время ночной сцены въ Версальскомъ паркѣ?

Необыкновенная случайность разрушила планъ аттаки г-жи де-ла-Моттъ и счастливо разбила ея обвиненія.

Процессъ уже начался. Вдругъ въ одинъ прекрасный день францисканскій монахъ Лотъ явился къ генералъ-прокурору и пожелалъ ему сдѣлать полныя признанія, какой бы срамъ ни призвали они на его голову, къ тому его обязывали долгъ вѣрности и справедливости къ его государямъ. Онъ былъ принятъ, его выслушали. Онъ разсказалъ, что, желая сдѣлаться придворнымъ проповѣдникомъ, онъ старался добиться мѣста у всемогущаго духовника Франціи— кардинала де-Роганъ. Но, не будучи съ нимъ знакомъ, онъ не зналъ, какъ ему до него добраться. Въ это время онъ

услыхалъ о большомъ довѣріи, какимъ пользовалась у него г-жа де-ла-Моттъ. Съ этой стороны подобраться было легче. Онъ не замедлилъ попасть въ число ея близкихъ друзей и въ качествѣ таковаго видѣлъ и слышалъ многое, что не всегда понималъ, но что могло имѣть нѣкоторое отношеніе къ данному процессу, а именно, — что разъ вечеромъ онъ видѣлъ дѣвицу Оливу (имя, на этотъ случай данное дѣвицѣ д'Эссиньи), одѣтую, или вѣрнѣе переодѣтую г-жей де-ла-Моттъ, и что сходство этой дѣвушки съ королевой настолько поразило его, что онъ обратилъ на то вниманіе. Онъ зналъ, что въ тотъ же вечеръ д'Эссиньи повезли въ Версаль.

Въ качествѣ соумышленника въ этомъ дѣлѣ онъ назвалъ также нѣкоего Рето де-Виллеттъ, бѣжавшаго во время процесса. Словомъ, онъ направилъ судъ на слѣдъ истины. Рето, нашедшій убѣжище въ Швейцаріи, и дѣвица Олива, также скрывшаяся въ укромное мѣсто, были арестованы. И обѣ эти личности признались въ той долѣ участія, какая имъ была отведена въ гнусной интригѣ, причемъ оказалось, что въ Версальскомъ саду королеву изображала дѣйствительно дѣвица Олива, а Рето сфабриковалъ двѣ записки, подписанныя „Marie-Antoinette de France", посланныя кардиналу, и которыя, несмотря на подобную странную подпись, ввели-таки въ заблужденіе кардинала.

По собраніи такихъ свидѣтельскихъ показаній, дѣло предстало въ иномъ видѣ. Процессъ состоялся и истина обнаружилась. Но, признавъ невинность кардинала, которому было оказано снисхожденіе, обвинивъ г-жу де-ла-Моттъ, судебный приговоръ тѣмъ не менѣе не потушилъ ни скандала, ни его послѣдствій. Затѣмъ надо отмѣтить также, что общественное мнѣніе, враждебно настроенное противъ королевы, искало не столько настоящихъ обвиненій, сколько повода для того, чтобы обрушиться на несчастную женщину. Въ массѣ публики никто не желалъ признать ея невинность, вполнѣ, однако, доказанную, и ея виновность утвердилась въ убѣжденіи народа.

Уже много лѣтъ, какъ клевета принимала тысячу разныхъ формъ, памфлетовъ, брошюръ, газетъ. На этотъ разъ она оказалась еще изобрѣтательнѣе. Нѣсколько времени спустя послѣ дѣла о кольѣ пущена была въ обращеніе масса луидоровъ, на которыхъ голова Людовика XVI изображена была съ рогомъ, весьма ловко и очень замѣтно вправленнымъ въ его шевелюрѣ. Эти монеты, прозванныя „Страсбург-

скими луидорами", такъ какъ онѣ были вычеканены на монетномъ дворѣ въ этомъ городѣ, вызвали въ Версалѣ тѣмъ болѣе сильное негодованіе, что этотъ маневръ считали дѣломъ рукъ графа Прованскаго.

Фактъ этотъ нисколько не представляется невозможнымъ, напротивъ, кажется вполнѣ соотвѣтствующимъ общему образу дѣйствій графа. Эта мелочная низость со стороны младшаго брата короля была довольно правдоподобна. Онъ никакъ не могъ простить своей невѣсткѣ, что она сдѣлалась матерью и, какъ доказалъ это при рожденіи Маріи-Терезіи, находилъ удовольствіе въ набрасываніи тѣни сомнѣнія на тѣхъ потомковъ, которые заграждали ему путь къ трону. Онъ энергично открещивается отъ этого вѣроломства и, быть можетъ, онъ тутъ и ни причемъ. Быть можетъ, дѣйствительно, на этотъ разъ его напрасно обвинили въ проступкѣ противъ своихъ. За то несомнѣнно онъ, а не кто другой, далъ женѣ своего брата, французской королевѣ, прозвище „madame Deficit". Это ужасное прозвище проникло въ народъ и было усвоено ненавистью. Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, Марія-Антуанетта несла на себѣ отвѣтственность за дѣла, въ которыхъ повинна была лишь въ самой минимальной дозѣ.

Правда, она позволяла себѣ огромные расходы для украшенія „Petit Trianon". Правда, во многихъ случаяхъ она была безразсудно расточительной, осыпая золотомъ и награждая доходными мѣстами своихъ креатуръ, въ родѣ г-жи Полиньякъ. Но, во всякомъ случаѣ, дефицитъ, существовавшій въ королевскихъ финансахъ съ давнихъ поръ и доставшійся въ наслѣдство отъ перваго министерства Неккера, — ничуть не былъ дѣломъ ея рукъ. Для ея оправданія достаточно назвать имя Колонна, этого государственнаго контролера Франціи, который въ финансовыхъ дѣлахъ проповѣдывалъ ту аксіому, что можно найти деньги только тогда, когда бываешь богатъ, а за богача прослывешь, если швыряешь деньгами.

За годъ до взрыва революціи Ферзенъ получилъ отъ своего короля тайную миссію въ Парижѣ. Онъ долженъ былъ слѣдить тамъ за ходомъ событій и посылать королю отчеты о нихъ. Изъ писемъ Ферзена въ Стокгольмъ явствуетъ, что онъ чутко относился къ возбужденію, овладѣвшему тогда всѣми умами во Франціи. Разумѣется, онъ принадлежалъ и къ интимному кругу Версаля и Тріанона. Именно въ то время королева подарила ему свой миніатюрный портретъ и запис-

ную книжку, въ которой на первомъ листкѣ написала стихи такого содержанія: „Что вы напишете на этихъ листкахъ? Какія тайны вы ввѣрите имъ? Ахъ, безъ сомнѣнія, они предназначены для воспоминаній самыхъ сладостныхъ! Въ ожиданіи того, что этотъ сувениръ получитъ такое употребленіе, да позволено будетъ дружбѣ заполнить первую страницу".

Но вовсе не „сладостныя воспоминанія" сулили Ферзену и Маріи-Антуанеттѣ наступавшіе мрачные дни революціи.

Ѳ. Булгаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Банкирская Контора
АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА.
С.-Петербургъ, Невскій, 29 — 31, рядомъ съ Думой.
= ОТДѢЛЕНІЕ: Садовая, № 32. =
Продаетъ билеты всѣхъ выигрышныхъ займовъ и
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ СЪ ПРАВОМЪ ВЫКУПА ПО ЧАСТЯМЪ
Подъ билеты I-го займа . . . . . по 220 р.
» » II-го » . . . . . » 205 »
» » дворянскаго займа, сполна оплачени. . . . » 180 »
Подъ другія процентныя бумаги 10 проц. ниже бирж. цѣны,
ВЗИМАЯ 6 ПРОЦЕНТОВЪ ГОДОВЫХЪ.
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ ДО ВОСТРЕБОВАНІЯ (ON CALL), ПОДЪ ПРОЦЕНТНЫЯ БУМАГИ
ПОКУПАЕТЪ и ПРОДАЕТЪ ПРОЦЕНТНЫЯ БУМАГИ, русское золото и серебро, иностранныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, золотѣ и серебрѣ.
ВПРЕДЬ ДО ИЗМѢНЕНІЯ ПЛАТИТЪ:
по вкладамъ на годъ и болѣе по соглашенію.
» » » 6 мѣсяцевъ . 5½% | по вкладамъ до востребованія 4½%
» » » 3 мѣсяца . . 5% | по текущему счету 4%
Принимаетъ страхованія билетовъ I и II займа по 75 коп.
Исполняетъ биржевыя и многор. порученія въ точности.
Телефонъ № 1808.
Телефонъ № 1808.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.
Фирма премирована на европейскихъ выставкахъ десятью золотыми медалями и высшими знаками.
МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО
Приготовл. лаборат. А. ЭНГЛУНДЪ.
Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость; употребляется какъ мыло. Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересыл. 6-ти кусковъ 2 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно въ Высочайше утвержденномъ русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская, 12 и во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ торговляхъ Россійской Имперіи. — Главный складъ для всей Россіи А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Бассейная ул., д. № 2.

АНГЛІЙСКІЙ МАГАЗИНЪ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
Р. НЕШЕЛЬ.
Спб. Вознесенскій пр., № 10, между Больш. и Мал. Морской.
КРАСКИ для всякаго рода живописи. Альбуминныя для фотографій, гобеленовыя, темпера-краски и проч. НОВОСТИ
Чернила ДІАМАНТЪ для нѣтки и гравированія по стеклу простыхъ перомъ.
Большой выборъ рисунковъ, поздравительныхъ карточекъ и меню.—Переводныя картины обыкновенныя и для фарфора, рельефныя картины, фотографіи, олеографіи и проч.—Портреты ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и Наслѣдника Цесаревича.
ТЕРРАКОТА новѣйшихъ рисунковъ для раскрашиванія эмалевыми красками.—Статуэтки, бюсты и проч. настоящей красной терракоты.
Стальныя перья и проч. Ф. ЗЕННЕКЕНА.—Рамы готовыя и на заказъ.
Полировка крашенныхъ и выжженныхъ деревянныхъ вещей.

Изъ общественной и литературной хроники Запада.

Изъ семейныхъ воспоминаній о графѣ Л. Н. Толстомъ.—Предки и родственники Л. Н. Толстого, въ его произведеніяхъ.—Изъ дѣтства и военной службы его.—Гр. Л. Н. Толстой, какъ семьянинъ.—Какъ подготовлялся романъ „Война и Миръ".—О воспитаніи дѣтей Л. Н. Толстого и о жизни его въ „Ясной Полянѣ".—Умѣнье его во все вложить душу.—Вліяніе Ж.-Ж. Руссо на идеи Толстого.—Простота образа жизни графа.—Ненависть его къ желѣзнымъ дорогамъ.—Мнѣніе о докторахъ.—Левъ Толстой, какъ педагогъ.—Проектъ его народной семинаріи.—Періодъ его религіозности.—Пушкинъ и Левъ Толстой.—Дѣйствіе музыки на Л. Н.—О портретѣ его, писанномъ Крамскимъ.—Страсть Толстого къ охотѣ.—Несчастныя приключенія съ нимъ на охотѣ.—Историческія работы его о Петрѣ Великомъ и декабристахъ.—Изученіе Бородинскаго поля.—Увлеченіе античными классиками.—Англійскій „Институтъ журналистовъ".—Вліяніе прессы въ Англіи.—Организація англійскихъ газетъ.—Чудеса прессы.—Нравственная отвѣтственность ежедневной печати и уваженіе къ ней англичанъ.—О національномъ эгоизмѣ англичанъ.—Значеніе „Athenaeum'a".—Англійскіе „reviews" и „magazines".—Книжное дѣло въ Англіи.—Дешевыя изданія классиковъ.—Подвижныя и безплатныя библіотеки.—Ихъ вліяніе на образованіе и культуру народа.

Подъ заглавіемъ „La vie de famille du comte Tolstoi par son beau frère" въ двухъ сентябрьскихъ выпускахъ „Nouvelle Revue" появились воспоминанія о графѣ Л. Н. Толстомъ, записанныя шуриномъ его С. А. Берсомъ (братомъ графини С. А. Толстой), который проводилъ съ нашимъ великимъ писателемъ всѣ вакаціи съ 1866 г. по 1878 г., причемъ сопровождалъ его въ поѣздкахъ, на охотѣ и прогулкахъ. Авторъ воспоминаній съ восторгомъ отзывается о благородствѣ и добротѣ сердца гр. Л. Н., его умѣньи привлечь къ себѣ всякаго своимъ тактомъ, деликатностью, всѣми особенными дарами несравненной натуры, и на ряду съ тѣмъ, что уже извѣстно о высокоблагородной личности Л. Н. изъ другихъ источниковъ, впервые отмѣчаетъ не мало интимныхъ эпизодовъ и характерныхъ чертъ изъ жизни его.

Небезъизвѣстно, что графскій титулъ Л. Н. достался отъ его предка Петра Андреевича Толстого, современника и друга Петра Великаго, который пожаловалъ ему этотъ титулъ. Петръ Андреевичъ занималъ постъ посланника въ Турціи и

не разъ былъ заключаемъ султаномъ въ семибашенный замокъ въ Константинополѣ. Этимъ объясняется, что въ гербѣ гр. Л. Н. изображенъ этотъ замокъ. Мать графа—рожденная княжна Волконская. Черты Л. Н. напоминаютъ дѣда его по матери, князя Николая Андреевича Волконскаго. Въ „Ясной Полянѣ", тульскомъ имѣніи графа, имѣется картина, на которой изображенъ родоначальникъ фамиліи Волконскихъ св. Михаилъ Черниговскій держащимъ въ рукѣ фамильное родословное древо.

Отецъ графа—Николай Ильичъ Толстой—служилъ въ Павлоградскихъ гусарахъ и былъ взятъ въ плѣнъ французами въ 1812 г. Онъ изображенъ въ романѣ „Война и Миръ" подъ именемъ Николая Ильича Ростова, а его плѣненіе въ томъ-же романѣ перенесено на Пьера Безухова. Но въ главѣ „Дѣтство" — „Кто былъ мой отецъ?" — описанъ дѣдъ по матери автора воспоминаній—А. М. Исленьевъ. Изъ другихъ родственниковъ Л. Н., послужившихъ ему прототипами для его литературныхъ произведеній, слѣдуетъ упомянуть, что подъ именами князя Николая Андреевича и графа Ильи Андреевича Ростова въ „Войнѣ и Мирѣ" изображены предки: князь Волконскій и графъ Толстой.

Юшкова, тетка гр. Л. Н., разсказывала автору воспоминаній, что въ дѣтствѣ ея племянникъ былъ большой проказникъ, и что въ юности онъ отличался оригинальностью и неожиданностью своихъ поступковъ или живостью характера и добротой сердца. Отъ своей матери г. Берсъ узналъ, что Л. Н., описывая свою первую страсть въ „Дѣтствѣ", не упомянулъ, какъ онъ изъ ревности сбросилъ съ балкона предметъ своей любви, которымъ была разсказчица, тогда 9-ти-лѣтняя дѣвочка. Графъ сдѣлалъ это, чтобъ наказать ее за разговоръ съ другимъ мальчикомъ.

О своей молодости Л. Н. всегда отзывался съ меланхоліей, ибо она для него была рядомъ разочарованій. Въ бытность свою въ Казанскомъ университетѣ онъ слушалъ лекціи по факультетамъ математическому, юридическому, медицинскому и восточныхъ языковъ, но курса не окончилъ. Неуспѣшность мучила его. Тѣмъ не менѣе онъ старался совершенствоваться, работалъ неустанно и всѣми силами души стремился къ добру, чистотѣ нравственной, воздержанности. „И онъ боролся, тѣмъ болѣе, что обладалъ натурой пылкой и страстной".

Изъ періода военной службы Л. Н. на Кавказѣ небезъинтересно упомянуть, что онъ тогда страстно желалъ полу-

чить Георгіевскій крестъ. Онъ имѣлъ право на него, но не могъ добиться ордена вслѣдствіе личной неблагосклонности одного изъ начальниковъ. Эта неудача огорчила его и съ тѣхъ поръ онъ измѣнилъ свое мнѣніе о героизмѣ. Онъ пересталъ удивляться тѣмъ, кто бросается въ стычку, чтобъ получать ордена. Хладнокровная рѣшимость подвергаться опасности стала для него идеаломъ истиннаго мужества.

Послѣ Крымской войны, когда Л. Н. сражался подъ стѣнами Силистріи, потомъ въ Севастополѣ, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ артиллеріи. Въ промежуткѣ времени между этимъ періодомъ и годомъ его женитьбы (1862 г.) онъ побывалъ въ Петербургѣ, ѣздилъ за границу, лѣчился кумысомъ въ Башкирскихъ степяхъ. Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ полгода—не понравился ему. За границей интересовали его всего болѣе школы и народное образованіе. Всегда питая предпочтеніе къ деревенской жизни передъ городской, онъ проводилъ большую часть своего времени въ имѣніи, занимаясь литературою и своей народной школой въ „Ясной Полянѣ".

* * *

Въ воспоминаніяхъ г. Берса особенно интересна глава, въ которой нашъ великій писатель охарактеризованъ, какъ семьянинъ. Эта глава приводится ниже почти цѣликомъ, лишь съ нѣкоторыми незначительными сокращеніями.

„Достаточно,—пишетъ г. Берсъ,—прочитать произведенія графа Льва Толстого, чтобы убѣдиться въ склонности его къ семейной жизни. Онъ самъ говоритъ, что мечталъ о ней, будучи еще юношей и молодымъ человѣкомъ. Онъ женился 23 сентября 1862 года, 34-хъ лѣтъ. Женѣ его, моей сестрѣ, было тогда всего 18 лѣтъ.

„Наша семья была ему не чужая: онъ зналъ мою мать съ дѣтства. Мой покойный отецъ былъ врагъ всякихъ пансіоновъ, институтовъ и гимназій для воспитанія въ нихъ молодыхъ дѣвушекъ. Благодаря этому, жена графа Льва Толстого получила воспитаніе и образованіе въ родительскомъ домѣ. Впрочемъ, она выдержала экзаменъ при Московскомъ университетѣ и получила оттуда дипломъ наставницы. Еще молодой дѣвушкой она вела дневникъ, пробовала писать повѣсти и обладала талантомъ къ живописи. Объясненіе графа съ моей сестрой слово въ слово воспроизведено въ романѣ „Анна Каренина" въ видѣ объясненія Левина съ Китти. Они произнесли лишь первые звуки тѣхъ словъ, какія хотѣли сказать другъ другу.

„Быть можетъ, я былъ самымъ близкимъ свидѣтелемъ семейной жизни графа Толстого въ „Ясной Полянѣ". Я всегда смотрѣлъ на взаимную любовь сестры и шурина, какъ на идеалъ супружескаго счастія. Сто разъ слышалъ я, какъ родители мои, говоря о моей сестрѣ, повторяли: „Мы не могли бы пожелать Софи лучшей доли".

„Съ своей стороны, графъ Левъ Толстой говоритъ, что нашелъ полное счастіе въ своей женѣ, не только любящей женѣ и прекрасной матери, но еще интеллигентной и преданной помощницѣ въ его литературныхъ работахъ. Онъ дѣлится съ ней всѣми своими мыслями, повѣряетъ ей всѣ свои чувства, сообщаетъ обо всѣхъ литературныхъ проектахъ. И оба они достигли того, что читаютъ въ сердцахъ одинъ у другого.

„Графиня Софья Толстая ни на одинъ день не переставала слѣдить за своимъ мужемъ и за его работами. Въ силу беззаботности, присущей всѣмъ геніальнымъ людямъ, задача моей сестры временами бывала весьма сложная. Приведу о томъ всего одинъ примѣръ. Романъ „Война и Миръ" былъ начатъ немедленно послѣ свадьбы графа, который писалъ его 8 лѣтъ. Въ теченіе этого періода графиня исполняла всѣ обязанности матери по отношенію къ четверымъ своимъ дѣтямъ, обязанности хозяйки дома и трижды переписала этотъ шеститомный романъ.

„Одна только графиня умѣетъ собирать и приводить въ порядокъ клочки бумаги, на которыхъ начертаны драгоцѣнныя строки, имѣющія назначеніемъ составить цѣлое. Она одна обладаетъ искусствомъ разбирать неразборчивую руку графа и возстановлять слова, которыя должны выражать то, что думалъ и хотѣлъ сказать ея мужъ, изъ набросанныхъ имъ наскоро, въ сокращенномъ видѣ черточекъ и строкъ. Самого графа искусство это приводитъ въ изумленіе. Неся на себѣ весь трудъ и тысячу заботъ хозяйки дома, которой приходится слѣдить за всѣмъ вплоть до кропотливыхъ мелочей по кухнѣ,—сестра моя находила еще время сама выкармливать своихъ дѣтей, давать имъ уроки и шить имъ платье до десятилѣтняго возраста.

„Въ настоящее время у Льва Толстого 9 человѣкъ дѣтей, въ томъ числѣ 6 сыновей. Старшему 28 лѣтъ, а младшему 3 года.

„Графиня выкормила сама всѣхъ своихъ дѣтей, за исклю-

ченіемъ второй дочери. Такимъ образомъ, гораздо ранѣе, чѣмъ графъ формулировалъ свою доктрину, ни единаго изъ его дѣтей не кормила наемная кормилица.

„Я помню, что послѣ рожденія дочери графиня заболѣла вслѣдствіе неосторожности ухаживавшихъ за нею и была при смерти. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ кормить этого ребенка докторъ обязалъ ее отказаться отъ того. Увидя свою дочь у груди кормилицы, она расплакалась, потребовала, чтобы отказали этой бабѣ и вскормила ребенка на рожкѣ. Графъ нашелъ эту ревность вполнѣ естественной и приходилъ въ восторгъ отъ материнскихъ чувствъ своей жены.

„Скажу нѣсколько словъ о воспитаніи, какое графъ Левъ Толстой давалъ своимъ дѣтямъ еще до написанія своихъ наставленій. Въ этомъ случаѣ вся иниціатива и все направленіе исходило отъ него. Жена его была послушной и вѣрной исполнительницей его инструкцій.

„Взгляды его на воспитаніе имѣли много общаго со взглядами Жанъ-Жака Руссо. Если онъ и не могъ воспользоваться всѣми наставленіями, содержащимися въ „Эмилѣ", то это потому, что его жена не имѣла времени привести ихъ въ исполненіе, самъ же онъ былъ поглощенъ своими сочиненіями. Но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя изъ идей Руссо были таки проведены. Онъ совѣтуетъ матерямъ вскармливать своихъ дѣтей, что графиня и исполнила съ удовольствіемъ. Игрушки были изгнаны изъ ихъ комнаты. Первенца пробовали воспитывать безъ няни. Впослѣдствіи, въ виду требованій, предъявлявшихся ихъ положеніемъ, графъ и графиня довѣрили своихъ дѣтей хорошимъ гувернанткамъ и т. д., но родители всегда продолжали строго слѣдить за дѣтьми и за тѣми лицами, которымъ они были довѣрены.

„Всѣмъ воспитательницамъ вмѣнялось въ обязанность и выставлялось правиломъ при обращеніи ихъ съ дѣтьми,—предоставлять дѣтямъ возможно большую свободу и не употреблять надъ ними никакого насилія. Графъ находилъ, что шире всего примѣняются принципы Руссо въ Англіи, а потому своихъ дѣтей отъ 3 лѣтъ до 8 или 9 онъ довѣрялъ молодымъ гувернанткамъ, которыхъ прямо выписывалъ изъ Англіи. Первый опытъ оказался весьма удаченъ. Первая англичанка провела въ домѣ 6 лѣтъ и, выйдя замужъ, осталась по прежнему дружна съ семьей.

„Графъ и графиня Толстые всегда задавались цѣлью при-

вести дѣтей въ общеніе съ природой, внушить имъ не страхъ, а любовь къ явленіямъ природы, животнымъ и насѣкомымъ.

„Отецъ любилъ фактически убѣждать ребенка въ его безпомощности передъ силами природы и въ зависимости его отъ взрослыхъ. Дѣлалось это не для того, чтобы застращать его, а для того, чтобы убѣдить въ истинѣ. Урокъ почти всегда давался въ формѣ шутки. Дѣти не смѣли иначе выражать требованія какой-нибудь услуги отъ домашней прислуги, какъ въ формѣ просьбы. Чтобы показать имъ въ томъ примѣръ, родители и другіе члены семейства поступали точно также. Имъ старались внушить любовь къ ближнему. Ложь вызывала наказаніе, представлявшееся жестокимъ, ибо это наказаніе заключалось обыкновенно въ холодности, которую родители проявляли по отношенію къ провинившемуся. Вообще же наказанію подвергались только малолѣтнія. Виновный получалъ прощеніе немедленно, какъ только проявлялъ раскаяніе. Ни просьба о прощеніи въ содѣянной ошибкѣ, ни обѣщанія не провиняться въ ней впредь отъ дѣтей не требовалось. Наказанія налагались только родителями.

„Старшему персоналу „Ясной Поляны“ было внушено помнить, что дѣти подражаютъ всему тому, что видятъ и повторяютъ все то, что слышатъ. Вотъ почему, послѣ 8 часовъ вечера, когда дѣти уходили, графъ часто говорилъ: „Теперь мы свободнѣе“.

„Воспитаніе старшихъ совершалось дома на моихъ глазахъ. Мать сообщала имъ первыя познанія въ русскомъ языкѣ и въ музыкѣ, отецъ давалъ уроки математики.

„Для изученія иностранныхъ языковъ, въ мое время, не считая англичановъ, тамъ были: швейцарецъ, французъ, нѣмецъ и швейцарка. Остальные уроки преподавались учителями и студентами, изъ которыхъ всѣ жили въ „Ясной Полянѣ“. Учитель музыки былъ изъ Тулы. Послѣ неизбѣжныхъ упражненій для развитія пальцевъ, графъ настаивалъ, чтобы его дѣтей учили серьезной и классической музыкѣ. Оперную музыку онъ не считалъ такою. Рисованію учились только тѣ дѣти, которыя проявляли къ тому способность. За то съ юныхъ лѣтъ старались имъ внушить любовь къ живописи.

„Что касается принципа, формулированнаго графомъ въ педагогическихъ его статьяхъ, возбраняющаго всякое принудительное занятіе и предоставляющаго ребенку свободный выборъ своихъ занятій, этому принципу самъ онъ слѣдовалъ

лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Осуждая наши современныя программы, графъ, однако, не считалъ себя въ правѣ лишать своихъ дѣтей возможности слѣдить за университетскимъ курсомъ и примѣняться къ программамъ нашихъ гимназій. Въ мое время старшій сынъ графа успѣшно выдерживалъ ежегодно экзаменъ при Тульской классической гимназіи. Такимъ образомъ, несмотря на домашнее образованіе, онъ могъ поступить въ университетъ 18 лѣтъ.

„Наказанія для малоуспѣвавшихъ не существовало, но большіе успѣхи вознаграждались. Въ виду требованій современнаго общества, къ которому ему предстояло приготовить своихъ дѣтей, графъ допустилъ со стороны воспитателей и преподавателей нѣкоторое нарушеніе исповѣдуемыхъ имъ принциповъ.

„Въ самый день своей свадьбы графъ Левъ Толстой отправился съ своей женой въ „Ясную Поляну", гдѣ они прожили почти безвыѣздно до 1880 г.; только два лѣта они провели въ своемъ Самарскомъ имѣніи и часть одной зимы въ Москвѣ, гдѣ моя семья жила постоянно.

„Вся жизнь графа была жизнью труда. Почти во всѣхъ своихъ письмахъ сестра моя повторяла: „Мы очень заняты. Зимой—у насъ страдная пора".

„Левъ Толстой писалъ преимущественно зимой въ теченіе дня, а иногда и до очень поздней ночи. Онъ садился за свой столъ каждое утро и принимался за работу, къ которой готовился, изучая историческіе документы и собирая матеріалы, какіе ему требовались. Даже лѣтомъ, когда дѣти пользовались вакаціями, лишь изрѣдка поддавался онъ на уговоръ жены, которая упрашивала его отдохнуть и отложить работу. Самый добросовѣстный работникъ никогда не осуждалъ праздности съ такой строгостью, какъ это дѣлалъ графъ Левъ Толстой. По утрамъ онъ приходилъ одѣваться въ свой кабинетъ, гдѣ я обыкновенно спалъ. Мнѣ стлали постель подъ рѣзнымъ портретомъ знаменитаго философа Шопенгауэра. До кофе мы ходили гулять или отправлялись верхомъ, чтобы выкупаться въ рѣкѣ. Утренній кофе въ „Ясной Полянѣ" былъ, пожалуй, самымъ веселымъ часомъ изо всего дня. Вся семья находилась тогда въ сборѣ. Бесѣда, оживленная шутками графа и проектами на остальную часть дня, длилась до того момента, когда онъ поднимался съ своего мѣста, приговаривая: „Пора приняться за дѣло!" И онъ уходилъ въ свою комнату со стаканомъ чая въ рукахъ.

„Никто не смѣлъ входить къ нему, когда онъ работалъ. Даже жена его никогда этого не дѣлала. Одна только старшая дочь его, бывшая еще ребенкомъ, пользовалась этой привилегіей.

„Въ мое время въ „Ясную Поляну“ пріѣзжало мало постороннихъ. Изъ родственниковъ младшая моя сестра съ своими дѣтьми проживала тамъ обыкновенно все лѣто. Эта сестра, изображенная въ „Войнѣ и Мирѣ“, подъ именемъ Наташи Ростовой,—всю свою юность провела въ „Ясной Полянѣ“. Каждое лѣто она живетъ съ своими дѣтьми въ одномъ изъ флигелей усадьбы. Мы видѣлись исключительно съ Н. Страховымъ,—поклонникомъ всѣхъ произведеній графа, поэтомъ А. Фетомъ, съ однимъ сосѣдомъ М. Д. Дьяковымъ, другомъ дѣтства, и математикомъ—княземъ Урусовымъ. Это были приблизительно, единственные друзья графа Толстого.

„Поглощенный громадной и постоянной работой, графъ Толстой любилъ собирать вокругъ себя исключительно многочисленную свою родню.

„Лѣтомъ мы пріѣзжали всѣ. Нельзя описать оживленія и прелестнаго настроенія духа, царившаго въ „Ясной Полянѣ“, вдохновителемъ котораго былъ самъ графъ. Трактовалъ ли онъ объ отвлеченныхъ предметахъ, говорилъ ли о воспитаніи дѣтей или о внѣшнихъ событіяхъ,—всегда сужденіе его было безподобно. Во время игры въ крокетъ, на прогулкѣ, онъ веселилъ все общество своимъ юморомъ и дѣятельнымъ участіемъ, какое принималъ въ каждомъ дѣлѣ, интересуясь той игрой, въ какую играли, прогулкой, какую совершали. Онъ обладалъ искусствомъ вкладывать душу въ самую простую мысль, въ самое ординарное дѣло, извлекая изъ всего источникъ удовольствія для всѣхъ его окружавшихъ. Въ крокетѣ участвовали всѣ—и старые, и малые. Игра начиналась послѣ обѣда и оканчивалась при зажженныхъ свѣчахъ. Я всегда игралъ въ партіи съ графомъ. Если нашему противнику или кому нибудь изъ партіи удавалось сдѣлать ловкій ударъ, одобреніе графа и его замѣчанія радовали игрока и возбуждали энергію его противниковъ. Въ случаѣ промаха, веселость и добродушіе его шутокъ утѣшали въ неудачномъ ударѣ. Одно простое слово, сказанное кстати, въ особенности въ силу тона, какимъ оно говорилось, сообщало ту увлекательность, которая придавала интересъ не только тому, что и само по себѣ было интересно, но и тому, что безъ графа вызвало бы одну скуку.

„Дѣти добивались преимущества быть его партнерами въ начинавшейся игрѣ. Увлеченные его вліяніемъ и примѣромъ, они дѣлали съ нимъ большія прогулки, ходили пѣшкомъ въ Тулу, отстоявшую отъ насъ почти на 15 верстъ. Маленькіе мальчики съ восторгомъ сопровождали своего отца на охоту. Всѣ дѣти бѣжали на его зовъ участвовать въ шведской гимнастикѣ, бѣгать и прыгать, что онъ самъ продѣлывалъ съ увлеченіемъ и весельемъ, заражая тѣмъ же самымъ и другихъ. Зимою онъ катался на конькахъ. Но еще большее удовольствіе доставляло имъ сметать снѣгъ, покрывавшій ледъ, ибо иниціатива этого исходила отъ графа. За то въ грибныхъ сборахъ, — любимое удовольствіе обитателей „Ясной Поляны",—самъ онъ никогда не участвовалъ, хотя всегда поощрялъ къ нимъ всѣхъ домашнихъ. Со мной онъ косилъ, вѣялъ, дѣлалъ гимнастику и т. п.

„Я уступалъ ему въ физической силѣ, такъ какъ онъ поднималъ одной рукой грузъ въ двѣсти фунтовъ. Но я легко опережалъ его въ бѣгѣ, что, впрочемъ, рѣдко мнѣ удавалось, ибо мною овладѣвалъ почти всегда безумный смѣхъ, когда я состязался съ нимъ. Подобное настроеніе духа сопровождало всѣ наши упражненія. Если намъ случалось проходить мимо косцовъ, — онъ подходилъ къ нимъ, бралъ косу изъ рукъ того, который казался наиболѣе усталымъ, и продолжалъ начатую работу. Я спѣшилъ послѣдовать его примѣру. Тогда онъ мнѣ объяснялъ, почему, при всемъ нормальномъ развитіи нашихъ мускуловъ, мы не были бы въ силахъ косить цѣлую недѣлю сряду, тогда какъ крестьянинъ достигаетъ этого, хотя спитъ на влажной землѣ и питается однимъ черствымъ хлѣбомъ. Уходя съ луга, онъ бралъ изъ стога клочокъ сѣна и съ наслажденіемъ вдыхалъ его ароматъ.

„Часто графъ читалъ намъ вслухъ. Никогда не забуду комическаго таланта, какой онъ вложилъ въ чтеніе „Капитана Копейкина" Гоголя.

„Послѣ 1878 года изъ писемъ сестры и подроставшихъ ея дѣтей я зналъ, что кругъ ихъ знакомства все болѣе и болѣе расширялся. Начиная съ 1880 года вся семья проводила зимы въ Москвѣ.

„Графъ Левъ Толстой не любилъ разставаться съ своими даже на короткій срокъ. Когда ему бывало необходимо ѣхать въ Москву для печатанія своихъ произведеній или же для подысканія преподавателя для своихъ дѣтей,—онъ начиналъ

тужить объ этой необходимости за долго до своего отъѣзда. Приближаясь къ своему дому, при возвращеніи изъ путешествія или съ охоты,—онъ выражалъ свою тревогу восклицаніемъ: „Только бы мнѣ застать всѣхъ въ добромъ здоровьѣ!“ Но разъ онъ попадалъ домой, то развеселялъ всѣхъ насъ, подробно разсказывая намъ о своихъ впечатлѣніяхъ“.

* * *

Въ дальнѣйшихъ воспоминаніяхъ г. Берсъ, разсказывая, какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н., чѣмъ интересовался онъ въ разное время, даетъ тутъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи идей нашего писателя. Прежде всего Ж.-Ж. Руссо увлекъ его. Л. Н. Толстой, съ теченіемъ времени расширивъ идеи этого философа, остался вѣренъ сущности ихъ на всю жизнь.

„Ж.-Ж. Руссо,—пишетъ г. Берсъ, — несомнѣнно имѣлъ огромное вліяніе на произведенія графа Толстого. Склонность къ природѣ и простотѣ, антипатія къ цивилизаціи—были общей чертой характера обоихъ этихъ геніальныхъ людей, на разстояніи вѣка жившихъ одинъ отъ другого.

„Замѣчая красоты природы, мы не любуемся ею постоянно, тогда какъ графъ Толстой безпрестанно восхваляетъ ея красоту, ежеминутно повторяя: „Сколько богатствъ въ рукахъ Создателя! Какое разнообразіе ниспосылаетъ Онъ каждому изъ своихъ дней!“

„Въ своихъ сочиненіяхъ графъ утверждаетъ, что одни только земледѣльцы и охотники знаютъ природу. Самъ онъ прежде былъ охотникомъ и до сихъ поръ остался земледѣльцемъ. Ни разу гроза не удержала его отъ его ежедневной прогулки. Онъ любилъ всякіе моціоны,—ѣзду верхомъ, гимнастику, но, по преимуществу, предпочиталъ ходьбу пѣшкомъ. Онъ уходилъ изъ своего рабочаго кабинета, лишь только встрѣчалъ какое-нибудь затрудненіе или когда хотѣлъ отвлечься отъ какой-нибудь досаждавшей его непріятности. Онъ могъ безъ устали ходить цѣлый день. Мы часто ѣздили вмѣстѣ верхомъ въ теченіе десяти-двѣнадцати часовъ подрядъ.

„Антипатія его къ цивилизаціи выражалась главнымъ образомъ въ порицаніи городовъ и той жизни, какая тамъ ведется. Если онъ и живалъ иногда въ городахъ, то лишь по необходимости или желая сдѣлать угодное семьѣ. Встрѣчаясь съ нимъ въ городѣ, я находилъ его угнетеннымъ, взволнованнымъ и даже раздражительнымъ.

„Какъ врагъ роскоши, онъ отрицалъ наслажденіе ком-

фортомъ, вліяніе котораго, по его словамъ, растлѣваетъ душу и организмъ человѣка. Образъ жизни въ „Ясной Полянѣ“ отличался большой простотой.

„Графъ Толстой никогда не былъ ни капризенъ, ни прихотливъ въ выборѣ пищи. Онъ не любитель мягкихъ пуховиковъ и долгое время спалъ на кожаной подушкѣ.

„Онъ не носитъ дома ни крахмальнаго бѣлья, ни такъ называемаго европейскаго платья. Зимой онъ надѣваетъ фланелевую блузу, а лѣтомъ—такую же блузу изъ небѣленаго полотна, сшитую особеннымъ фасономъ. Платье шьетъ ему старая Варвара,—служанка въ „Ясной Полянѣ“,—въ ея-то блузѣ и изображенъ онъ на портретахъ, писанныхъ съ него Крамскимъ и Рѣпинымъ. Пальто онъ замѣняетъ кафтанами и русскими шубами изъ простой матеріи. Покрой ихъ не представляетъ ничего элегантнаго, но приноровленъ къ требованіямъ того или другого времени года.

„Крамской написалъ его на лошади, закутавшагося въ свой кафтанъ. И несмотря на все это, графъ Толстой имѣетъ сановитый видъ.

„Знаменитый писатель всегда ненавидѣлъ желѣзныя дороги и часто выражалъ это отвращеніе въ своихъ произведеніяхъ. Послѣ путешествія по желѣзной дорогѣ, онъ всегда жаловался на дурное чувство, испытываемое имъ въ дорогѣ. Возвратившись съ вокзала домой, онъ часто сравнивалъ желѣзнодорожное путешествіе съ шоссейнымъ, которое совершается на лошадяхъ, и отдавалъ преимущество послѣднему. Онъ, въ принципѣ, отрицалъ полезность желѣзной дороги, въ особенности для народа, критиковалъ утрированную вѣжливость кондукторовъ и пасмурную несближаемость путешественниковъ. Вотъ почему онъ пренебрегалъ первыми и вторыми классами и часто садился въ третій, выбирая вагонъ, исключительно занятый простонародьемъ.

„Сходство его идей съ идеями Руссо повторяется еще въ мнѣніи графа о докторахъ и медицинѣ. Въ „Войнѣ и Мирѣ“, также какъ и въ „Аннѣ Карениной“, онъ сильно нападаетъ на эскулаповъ, призванныхъ пользовать Наташу Ростову и Китти Щербатскую, и утверждаетъ, что доктора вообще ничего не смыслятъ въ болѣзняхъ. Графъ Толстой, подобно Руссо, желалъ-бы, чтобы медицина не была достояніемъ одного только класса докторовъ, но чтобы она сдѣлалась общимъ источникомъ для всѣхъ людей. Этимъ объяс-

няется его предпочтеніе народныхъ средствъ и лѣченія знахарками. Тѣмъ не менѣе онъ обращался къ профессору Захарьину и исполнялъ его предписанія. Въ моемъ присутствіи онъ пилъ даже минеральныя воды въ „Ясной Полянѣ".

„Наконецъ, подобно Руссо, графъ Толстой стяжалъ себѣ славу знаменитаго педагога. Я самъ испыталъ на себѣ его геній, какъ воспитателя. Помню, съ какимъ добродушнымъ снисхожденіемъ, несмотря на юный мой возрастъ, разбиралъ онъ со мной всевозможные научные и философскіе вопросы, какіе только мнѣ приходило въ голову предлагать ему. На все отвѣчалъ онъ просто и ясно, не задумываясь сказать, что то или другое казалось ему непонятнымъ. Нашъ разговоръ часто принималъ характеръ спора, хотя я отлично понималъ громадное разстояніе, раздѣлявшее насъ, и потому мнѣ было легко и пріятно согласиться съ нимъ, слѣпо вѣря всему, что онъ мнѣ говорилъ.

„Графъ Толстой всегда любилъ дѣтей. Онъ обладалъ даромъ располагать ихъ къ себѣ. Можно было-бы подумать, что онъ владѣетъ ключемъ отъ ихъ сердецъ,—столь легко онъ проникаетъ туда. Обыкновенно, не знаешь, какъ подступиться къ незнакомому ребенку. Графъ Толстой съ перваго слова умѣетъ преодолѣть застѣнчивость ребенка и заставить его свободно бесѣдовать съ нимъ. Даже болѣе того,—какъ тонкій психологъ, онъ чудесно отгадываетъ мысли дѣтей. Собственныя его дѣти часто прибѣгали къ нему, объявляя ему, что у нихъ есть секретъ. Когда они отказывались добровольно подѣлиться съ нимъ этимъ секретомъ, отецъ, наклонившись, шепталъ кому-нибудь изъ нихъ на ушко нѣсколько словъ, причемъ изумленный ребенокъ немедленно восклицалъ: „Ахъ этотъ папа! какъ это онъ отгадалъ"!

„Въ статьяхъ, написанныхъ въ 1862 году, онъ повсюду нападаетъ на систему обязательнаго обученія. Кто читалъ статью: „Школа въ „Ясной Полянѣ" въ ноябрѣ и декабрѣ 1862 года", тотъ можетъ убѣдиться, что принципъ свободнаго обученія всецѣло былъ проведенъ тамъ. Достаточно припомнить, что въ этой школѣ крестьянскія дѣти, едва начавшія писать, сочиняли уже повѣсти. Кто-же, кромѣ опытнаго педагога, съумѣлъ-бы вызвать изъ глубины ихъ души такое проявленіе?

„Когда настала пора учить собственныхъ дѣтей, графъ Толстой почувствовалъ въ себѣ пробужденіе педагогической дѣятель-

ности. Онъ только что окончилъ романъ „Война и Миръ". Тогда онъ написалъ „Азбуку", „Разсказы для дѣтей" и „Ариѳметику".

„Занятія его педагогикой были тѣсно связаны съ сношеніями его съ народомъ, который искренно любимъ графомъ Толстымъ. Родители его и самъ онъ славились сердобольствомъ, съ какимъ они относились къ своимъ крѣпостнымъ. Нечего и прибавлять, что никогда никакое насиліе не было попускаемо противъ крестьянъ. Я слышалъ подтвержденіе этого отъ всѣхъ стариковъ „Ясной Поляны". Еще до манифеста объ эмансипаціи графъ Толстой отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ. Впослѣдствіи, въ качествѣ мироваго посредника, онъ предсѣдательствовалъ при введеніи Положенія 19-го февраля 1861 года, и продолжая писательскую и философскую свою дѣятельность, постоянно занимался народнымъ обученіемъ. Когда они проводили зимы въ деревнѣ, а не въ городѣ, то дѣти его, начиная съ десятилѣтняго возраста,—давали уроки грамоты мѣстнымъ крестьянскимъ дѣтямъ.

„Неоднократно выражалъ онъ мнѣніе, что интеллегентные люди не въ состояніи заниматься народнымъ образованіемъ, видя благо народа исключительно въ прогрессѣ и образованіи. Вотъ почему онъ составилъ проектъ образовать для сельскихъ школъ наставниковъ, взятыхъ изъ самой народной среды. Съ этой цѣлью онъ составилъ планъ семинаріи, которую предполагалъ основать въ „Ясной Полянѣ", чтобы самому имѣть возможность слѣдить за ея развитіемъ. Въ сущности, то былъ лишь опытъ, который онъ надѣялся организовать затѣмъ при участіи земства, симпатизировавшаго его проекту. Онъ постоянно отказывался отъ участія въ выборахъ и отъ обязанностей, сопряженныхъ съ ними. Тѣмъ не менѣе онъ балотировался и былъ единогласно избранъ членомъ совѣта народнаго образованія. Но его проектъ о семинаріи былъ отвергнутъ въ Петербургѣ. Къ сожалѣнію, я совсѣмъ не знакомъ ни съ этимъ проектомъ, ни съ тѣми мотивами, въ силу которыхъ онъ не прошелъ; помню только одно, что главною цѣлью графа Толстого было дать крестьянамъ наставника изъ той среды, въ которой они живутъ, чтобы воспитаніе развило въ нихъ потребности души, а не потребности внѣшнихъ предметовъ. Въ это именно время и по этому-то поводу и писала мнѣ моя сестра, 20 ноября 1874 года въ письмѣ, помѣченномъ „Ясная Поляна":

„...Зимняя жизнь наша устроена! Левъ поглощенъ народнымъ образованіемъ, школы, учительскія семинаріи, т. е. учрежденія, гдѣ должны готовиться учителя народныхъ школъ,— все это занимаетъ его съ утра до вечера. Наблюдаю за нимъ съ тревогой; сожалѣю, что онъ тратитъ свои силы на эту работу, вмѣсто того, чтобы писать свой романъ. Не понимаю полезности дѣла, ибо вся эта дѣятельность принесетъ пользу лишь маленькому уголку Россіи—Крапивенскому уѣзду...“

* * *

Что касается религіознаго настроенія графа Л. Н. въ періодъ предшествовавшій его женитьбѣ, то, по словамъ г. Берса, графъ описалъ въ романѣ „Анна Каренина“ исповѣдь Левина по образцу той, какую совершилъ самъ въ сентябрѣ 1862 года.

„Не лишенъ интереса и слѣдующій эпизодъ. Въ возрастѣ 15—17 лѣтъ религіозная экзальтація пробудила въ одномъ изъ моихъ товарищей и во мнѣ желаніе поступить въ монастырь. Графъ Л. Толстой съ изумительной осторожностью относился ко всему, что касалось этого моего увлеченія. Часто задавалъ я ему вопросы и излагалъ ему мои сомнѣнія. Онъ неопредѣленно отвѣчалъ мнѣ, зная о томъ громадномъ вліяніи, какое имѣлъ на меня, призывая мою собственную проницательность и предоставляя мнѣ полную свободу рѣшенія. Какъ-то разъ, однако, онъ не выдержалъ. Мы проѣзжали верхами мимо Яснополянской церкви, гдѣ погребены его родители. По обыкновенію, я задалъ ему вопросъ:

„— Какъ можно спокойно жить безъ надежды на будущую жизнь?

„Онъ отвѣтилъ мнѣ:

„— Ты видишь, какъ лошадь щиплетъ траву?

„— Я говорю о душевной жизни, а не объ этой.

„— Я о той ничего не знаю,—сказалъ онъ.

„Нѣсколько родственниковъ графа Толстого, между прочимъ, тетка его Юшкова,—окончили дни свои въ монастырѣ.

„Религіозный періодъ жизни начался у графа Толстого въ 1876 г. Онъ сталъ ходить въ церковь и по утрамъ и по вечерамъ запирался въ своемъ кабинетѣ для молитвы. Нѣсколько разъ ходилъ онъ пѣшкомъ на богомолье въ Оптинскую пустынь. Веселость его мало по малу исчезла, уступивъ мѣсто кротости и смиренію. Въ такомъ именно фазисѣ религіозныхъ убѣжденій находился графъ, когда я раз-

стался съ нимъ въ сентябрѣ 1878 г. Впослѣдствіи сестра моя писала мнѣ на Кавказъ, что мужъ ея обратился въ истиннаго христіанина.

„Одновременно съ возвращеніемъ къ религіознымъ вѣрованіямъ своихъ предковъ онъ съ благочестивой заботливостью хлопоталъ объ ихъ могилахъ, занимался ихъ портретами, фамильными гербами, печатями. Гармонировало-ли это съ христіанскимъ смиреніемъ? спрашиваю я.

„При мнѣ признавался онъ, что его обуяли тщеславіе и гордость. Онъ былъ аристократомъ въ душѣ и, любя народъ, онъ предпочиталъ ему аристократію. Но третье сословіе ему было антипатично. Когда, послѣ пережитыхъ имъ разочарованій въ молодости, онъ достигъ высокой славы знаменитаго писателя—эта слава составила его радость и счастье. По собственнымъ его словамъ, онъ испытывалъ пріятное чувство, говоря себѣ, что былъ одновременно писателемъ и аристократомъ.

„Слыша, какъ кто-нибудь изъ прежнихъ товарищей его по службѣ, или кто-нибудь изъ его знакомыхъ достигалъ высокаго поста, онъ напоминалъ своими разсужденіями по этому поводу разсужденія маршала Суворова. Иногда онъ шутя говорилъ, что, если и не достигъ чина генерала отъ артиллеріи, за то завоевалъ себѣ генеральскій чинъ отъ литературы.

„Какъ-то на охотѣ разсказалъ я ему, что въ училищѣ Правовѣдѣнія всѣ его произведенія, въ особенности „Война и Миръ", читаются съ жадностью и предпочитаются сочиненіямъ другихъ авторовъ. Со слезами радости на глазахъ отвѣтилъ онъ мнѣ, что его самолюбіе польщено тѣмъ болѣе, что молодежь лучше, чѣмъ кто-либо, цѣнитъ красоту и поэзію. Тогда онъ объяснилъ мнѣ разницу между произведеніями Пушкина и его: „Лучшія страницы Пушкина,—сказалъ онъ мнѣ,—написаны прозой. Мы отличаемся одинъ отъ другого тѣмъ, что Пушкинъ, описывая какую нибудь художественную подробность, набрасываетъ ее слегка, не придавая ей той рельефности, которая сдѣлала-бы ее понятной читателямъ. Тогда какъ я разъясняю читателю все, что въ этой подробности имѣется художественнаго, чтобы она ясно была понята".

„Въ Левинѣ несомнѣнно хотѣлъ онъ изобразить самого себя. Но портретъ вышелъ похожимъ лишь отчасти,—въ Левинѣ всего нѣсколько чертъ Толстого. Онъ самъ говоритъ, что придалъ Левину нѣсколько утрированную простоту, желая такимъ образомъ показать разницу между бла-

горазумной жизнью и безпорядочной и свѣтской жизнью, какая ведется въ столицахъ.

„Будучи большимъ знатокомъ музыки, графъ предпочиталъ классическія произведенія. Часто передъ писаніемъ садился онъ за рояль, по всей вѣроятности, имѣя цѣлью пробудить въ себѣ вдохновеніе. Онъ акомпанировалъ младшей моей сестрѣ, голосъ которой ему нравился, и нашимъ хорамъ. Я замѣтилъ, что подъ впечатлѣніемъ музыки онъ блѣднѣлъ, а иногда черты его лица принимали даже легкое выраженіе ужаса.

„Онъ ненавидѣлъ фотографіи и рѣдко соглашался сниматься. Когда-же это случалось, то самъ уничтожалъ негативы. Графъ предпочиталъ самаго посредственнаго живописца самому лучшему фотографу.

„Если я не ошибаюсь, Крамской получилъ отъ Третьякова заказъ написать для него портретъ графа Толстого. Знаменитый художникъ тщетно розыскивалъ фотографіи Толстого. Скромность не позволяла ему рѣшиться попросить у графа сеанса, и потому онъ поселился въ пяти верстахъ отъ „Ясной Поляны“ въ маленькомъ наемномъ домикѣ, мимо котораго графъ проѣзжалъ верхомъ всякій разъ, когда отправлялся на почту. Увидя его, Крамской задумалъ сдѣлать его портретъ верхомъ на лошади, закутаннымъ въ кафтанъ. Вскорѣ намѣреніе Крамского просить о снисходительномъ предоставленіи ему нѣсколькихъ сеансовъ—дошло до графа. Его любезно пригласили въ „Ясную Поляну“, гдѣ онъ написалъ два масляныхъ совершенно одинаковыхъ портрета, изъ которыхъ одинъ остался въ семьѣ.

„Когда наступила мода на спиритизмъ, графъ посѣтилъ покойнаго профессора химіи Бутлерова и былъ крайне удивленъ, увидѣвъ, что тотъ вѣрилъ въ духовъ. Повидимому, здѣсь и почерпнулъ онъ идею своей комедіи „Плоды просвѣщенія“. Въ романѣ „Анна Каренина“ Левинъ осуждаетъ спиритизмъ въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ, какія употреблялъ графъ Толстой.

„Аристократъ безъ денегъ есть не что иное, какъ пролетарій,—говорятъ англичане. Эта поговорка, по словамъ самого графа, побудила его увеличить свое состояніе, чтобы оградить дѣтей своихъ отъ нужды. Онъ прибѣгалъ къ самымъ широкимъ и наиболѣе энергичнымъ средствамъ для удобренія своихъ земель. Купилъ прекрасную породу скота, насадилъ очень много лѣса, фруктовыхъ деревьевъ и т. п.

Нѣкоторое время онъ ревностно занимался пчеловодствомъ. Самъ онъ преимущественно управлялъ „Ясной Поляной", поручивъ другія имѣнія управляющимъ.

„Одной изъ особенностей жизни графа была страсть его къ охотѣ, которой онъ увлекался всю свою жизнь, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ. Въ каждомъ изъ его произведеній есть описаніе охоты. Въ „Дѣтствѣ" есть разсказъ о первой его охотѣ. Въ „Разсказахъ для дѣтей" онъ передаетъ исторію своихъ собакъ, называя ихъ настоящими ихъ именами: Булька и Мильтонъ. Во время пребыванія его на Кавказѣ, помимо охоты на кабановъ, козулей, фазановъ и др., онъ увлекался еще столь оригинальной охотой на маленькую дрохву. Въ половинѣ августа, передъ отлетомъ на югъ, дрохва собирается въ огромномъ количествѣ. Бдительность ея такова, что она не подпускаетъ къ себѣ ни экипажа, ни всадника на разстояніе, меньшее 200 метровъ. Графъ Толстой отправлялся въ степь на лошади, спеціально выдрессированной для этой охоты. Онъ начиналъ съ того, что шагомъ дѣлалъ большой объѣздъ вокругъ стаи, затѣмъ постепенно съуживалъ этотъ кругъ. Доведя его до 200 метровъ, онъ пускалъ свою лошадь по направленію къ дичи во весь духъ, держа свое ружье на-готовѣ. Когда дрохва поднималась съ его приближеніемъ, онъ бросалъ поводья на шею лошади, которая мгновенно останавливалась, какъ вкопанная, предоставляя охотнику возможность стрѣлять.

„За свою страсть къ охотѣ, графъ поплатился двумя несчастными приключеніями. Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ „Охота пуще неволи" онъ описываетъ одно изъ этихъ приключеній, случившееся до его женитьбы. Сбитый на землю медвѣдемъ, который держалъ его въ своихъ лапахъ, графъ былъ спасенъ однимъ крестьяниномъ, убившимъ дикаго звѣря на самомъ тѣлѣ охотника. На лбу графа сохранились слѣды его борьбы, въ видѣ рубца. Шкура этого медвѣдя хранится въ „Ясной Полянѣ". Женившись, графъ Толстой отказался отъ охоты на медвѣдя. Другое не менѣе несчастное приключеніе случилось съ нимъ три года спустя послѣ его женитьбы. Онъ охотился за зайцемъ, верхомъ на чистокровной лошади. Перескакивая черезъ ровъ, она оступилась и скатилась въ ровъ вмѣстѣ съ всадникомъ. Въ результатѣ оказались вывихнутая рука и сломанная кость. Случилось это за нѣсколько верстъ отъ дому. Графъ пустился въ путь пѣш-

комъ, затѣмъ упалъ, изнемогая отъ боли и съ трудомъ доползъ до большой дороги, гдѣ проходившій крестьянинъ поднялъ его и отвезъ домой. Это случилось 16 октября, когда земля была покрыта снѣгомъ. Мѣстные врачи такъ неловко вправили ему руку, что операцію пришлось передѣлывать еще разъ въ Москвѣ, что и состоялось у насъ въ домѣ.

„Несмотря на хлороформъ, четверо сильныхъ мужчинъ не могли удержать его въ неподвижномъ положеніи, такъ что его пришлось привязать къ столу. Послѣ того на рукѣ его не осталось никакихъ слѣдовъ.

„Съ весьма тонкимъ тактомъ, съ крайней деликатностью графъ соединяетъ мягкость въ обхожденіи въ обыденной жизни. Слуги его любятъ, уважаютъ и притомъ боятся; послѣднее, собственно, неизвѣстно почему. Хотя онъ и страстный охотникъ, тѣмъ не менѣе я никогда не видалъ, чтобы онъ билъ собаку или лошадь".

* * *

Въ воспоминаніяхъ г. Берса нельзя миновать повѣданнаго имъ о двухъ попыткахъ графа въ области историческихъ работъ.

„Работы эти относились къ эпохѣ Петра Великаго и къ декабристамъ. Сестра моя въ трехъ письмахъ упоминаетъ о первомъ опытѣ. 19 ноября 1872 года она писала мнѣ: „Мы проводимъ время самымъ серьезнымъ образомъ, занятые весь день. Левъ сидитъ, зарывшись въ массѣ книгъ, портретовъ, гравюръ; съ насупленными бровями, онъ читаетъ, дѣлаетъ справки, записываетъ. По вечерамъ, когда дѣти улягутся спать, онъ сообщаетъ мнѣ свои планы о томъ, что намѣревается написать, временами бываетъ разочарованъ, приходитъ въ отчаяніе, вообразивъ себѣ, что ничто ему не удается. А иногда готовъ работать съ увлеченіемъ. Но въ настоящее время нельзя было-бы еще сказать, что онъ пишетъ,—нѣтъ,—онъ только готовится къ тому. Онъ выбралъ эпоху Петра Великаго..."

„По этому-же поводу сестра писала мнѣ еще второе письмо изъ „Ясной Поляны", отъ 19 декабря 1872 года: „Левъ продолжаетъ читать историческія сочиненія, касающіяся царствованія Петра Великаго, и интересующія его безконечно. Онъ описываетъ разные характеры, нравы, образъ жизни народа и бояръ, плодотворную дѣятельность Петра I и т. п. Онъ самъ еще не знаетъ, что выйдетъ изъ его труда, но мнѣ кажется, что онъ опять напишетъ

поэму въ прозѣ, въ родѣ „Войны и Мира“, только относящуюся къ эпохѣ Петра Великаго“.

„Въ третьемъ письмѣ изъ „Ясной Поляны“, помѣченномъ 23 февраля 1873 года, сестра снова говоритъ о своемъ мужѣ: „Левъ все читаетъ, пытается писать и жалуется на недостатокъ вдохновенія. Или говоритъ, что недостаточно еще подготовился, и продолжаетъ читать и перечитывать матеріалы, касающіеся жизни Петра Великаго“.

„Лѣтомъ 1873 года графъ Толстой бросилъ заниматься изученіемъ этой эпохи. Онъ говорилъ, что взглядъ его на личность Петра I былъ діаметрально противоположенъ тому, который царитъ повсюду и не укладывается въ его умѣ.

„Работы его по этой эпохѣ тщательно собраны графиней. Ни самъ графъ, и никто изъ членовъ его семьи не могли бы сказать, что тамъ есть нѣчто цѣлое относительно этого періода Россійской Имперіи. Одна только сестра моя владѣетъ этой тайной.

„Графъ изучалъ декабристовъ при лучшихъ условіяхъ, черпая свой матеріалъ не только изъ напечатаннаго о нихъ, но также изъ массы документовъ, фамильныхъ мемуаровъ, писемъ, которые ему довѣрялись подъ секретомъ.

„Относительно этой эпохи графъ Толстой также пережилъ разочарованіе. Онъ утверждалъ, что декабристы явились исключительно продуктомъ вліянія французской аристократіи, эмигрировавшей въ Россію послѣ революціи 1793 г. Масса эмигрантовъ размѣстилась, въ качествѣ воспитателей, въ семьяхъ и воспитывали русскую аристократію,—чѣмъ и объясняется такое множество католиковъ среди декабристовъ. Легко понять, что, какъ только исторія декабристовъ представилась ему въ видѣ искусственнаго эпизода русской исторіи, то онъ пересталъ интересоваться ею.

„Притомъ же онъ былъ увлеченъ другимъ интересомъ—религіей, которую изучалъ съ особымъ вниманіемъ, бросивъ свою работу о декабристахъ, въ видѣ отдѣльныхъ набросковъ.

* * *

„Осенью 1866 года графъ Толстой пріѣхалъ въ Москву съ цѣлью посѣщенія и изученія Бородинскаго Поля, гдѣ произошла знаменитая битва 1812 года. Онъ пріѣхалъ одинъ и остановился у насъ. Онъ обратился къ моимъ родителямъ съ просьбой позволить мнѣ сопровождать его. Согласіе было дано, и радость моя по этому поводу не поддается никакимъ описаніямъ. Мнѣ было тогда 11 лѣтъ. Верхомъ на

почтовыхъ лошадяхъ доскакали мы туда въ одинъ день и остановились близь Поля сраженія, въ монастырѣ, основанномъ въ память войны.

„Два дня колесилъ графъ пѣшкомъ и въ каретѣ по этимъ мѣстамъ, гдѣ почти полвѣка тому назадъ погибло слишкомъ 100.000 человѣкъ и гдѣ теперь возвышается великолѣпный памятникъ съ золотыми надписями. Онъ собиралъ свѣдѣнія и рисовалъ планъ сраженія, напечатанный впослѣдствіи въ его романѣ „Война и Миръ".

„Помню, что въ этихъ мѣстахъ и по дорогѣ мы разыскивали стариковъ, современниковъ эпохи этой войны въ Россіи, которые могли быть свидѣтелями сраженія. Намъ тогда сказали, что сторожъ Бородинскаго памятника участвовалъ въ сраженіи и, въ качествѣ ветерана, получилъ это мѣсто. Но старикъ скончался за нѣсколько мѣсяцевъ до нашего пріѣзда. Графъ былъ въ отчаяніи. Вообще поиски были безуспѣшны.

„Зимою 1869—70 годовъ, окончивъ свой романъ „Война и Миръ", шуринъ мой вздумалъ изучать греческій языкъ, чтобы полнѣе познакомиться съ классиками. И я могу утверждать, что въ три мѣсяца онъ настолько изучилъ греческій языкъ, что могъ свободно читать Геродота, ни слова не зная по гречески до тѣхъ поръ. Во время пребыванія своего въ Москвѣ онъ былъ у Леонтьева, покойнаго профессора Катковскаго лицея,—и сталъ говорить ему о томъ впечатлѣніи, какое производила на него древняя греческая литература. Леонтьевъ отказался вѣрить, чтобы графъ въ такое короткое время могъ усвоить себѣ мертвый языкъ и предложилъ ему прочесть что-нибудь à livre ouvert. Въ трехъ различныхъ мѣстахъ они разошлись на счетъ смысла перевода. Но послѣ преній профессоръ вынужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ графа Толстого.

„Если „Война и Миръ" даетъ правильное и ясное понятіе о нашей національной войнѣ, то это потому, что авторъ этой эпопеи обладалъ даромъ самоотождествленія съ фактами прошлаго. Быть можетъ, та же способность самоотождествленія была причиной безграничной грусти графа, когда, подъ вліяніемъ изученія классической литературы, онъ не миновалъ увлеченія античной жизнью.

„Встревоженная такимъ болѣзненнымъ состояніемъ, графиня стала горячо убѣждать мужа предпринять что нибудь такое, что разсѣяло бы его отъ этой меланхоліи.

„Мало по малу увлеченіе его классиками остыло, но апатія ко всему вообще и его меланхолія вызвали большую слабость, которая, въ свою очередь, повлекла за собой изнурительную лихорадку. Тогда именно убѣдили его начать пользоваться кумысомъ.

„Въ началѣ лѣта 1870 года, мы оба отправились съ нимъ къ башкирцамъ, въ деревню Караликъ, на берегъ рѣки того же имени, въ Николаевскій уѣздъ, Самарской губерніи. Туда мы ѣхали въ третьемъ классѣ, а обратно въ первомъ, какъ по желѣзной дорогѣ до Нижняго-Новгорода, такъ и на пароходѣ по Волгѣ до Самары. Отъ Самары мы проѣхали 120 верстъ на лошадяхъ.

„Образъ жизни различныхъ народностей, населяющихъ берегъ Волги, живо интересовалъ графа во время нашего переѣзда на пароходѣ въ третьемъ классѣ.

„Графъ Левъ Толстой обладаетъ замѣчательной способностью сходиться съ пассажирами всѣхъ классовъ. Нѣкоторые изъ нихъ оказывались людьми мало сообщительными, но онъ не стѣснялся этимъ и все таки заговаривалъ съ ними. И послѣ нѣсколькихъ попытокъ заставлялъ ихъ разговориться. Его доброе сердце и психологическій талантъ подсказывали ему способъ привлеченія къ себѣ незнакомцевъ тѣмъ интересомъ, съ какимъ онъ къ нимъ относился. Къ концу вторыхъ сутокъ онъ завязалъ знакомство со всѣми пассажирами на палубѣ, не исключая и матросовъ.

„При лѣченіи кумысомъ, необходимо, подобно башкирцамъ, питаться исключительно этимъ напиткомъ, не употребляя ни овощей, ни соли, ничего мучного, а только мясо. Графъ Толстой строго соблюдалъ этотъ режимъ, и кумысъ принесъ ему большую пользу. Онъ находилъ много поэзіи въ кочевой и безпечной жизни башкирцевъ".

Возвращаясь въ „Ясную Поляну", г. Берсъ съ торжествомъ везъ толстые греческіе лексиконы, между страницами которыхъ сушились ароматные цвѣты самарскихъ степей,—обстоятельство, свидѣтельствовавшее, что это было единственное употребленіе, какое Л. Н. сдѣлалъ изъ этихъ ученыхъ книгъ. Съ тѣхъ поръ классики утратили интересъ для графа Толстого.

* * *

Въ Лондонѣ надняхъ происходили засѣданія англійскаго „Института журналистовъ" — учрежденія единственнаго въ своемъ родѣ. Мысль объ этомъ учрежденіи возникла лѣтъ

десять назадъ въ Манчестерѣ и тогда уже организовалась „Національная ассоціація журналистовъ“ для совмѣстнаго содѣйствія интересамъ англійскихъ журналистовъ. Уже два года спустя составъ ассоціаціи разросся на нѣсколько сотъ новыхъ членовъ и образовалась настоящая корпорація журнальной профессіи. Въ 1888 г. ассоціація переименована въ „Институтъ журналистовъ“, а съ 1890 г. за ней офиціально признаны корпоративныя права. Состоять членомъ „Института“ считается честью. Инициалы „M. I. J.“ (Member of the Institute of Journalists) означаютъ, что носитель ихъ принадлежитъ къ почтенному рангу журналистовъ. Изъ устава „Института“ видно, что онъ имѣетъ въ виду полное преобразованіе журнальной профессіи изъ нынѣшней разъединенности въ сословіе, хорошо сгруппированное, съ особыми обычаями и правилами. Цѣль „Института“, сверхъ того, возвысить профессію журналиста, установить дружескія сношенія между журналистами, оберегать матеріальные интересы ихъ, издавать особый органъ „Института“, завести библіотеку и помѣщеніе для собраній, открыть кассу для престарѣлыхъ и немощныхъ его членовъ. Эта корпорація распространила кругъ своихъ дѣйствій на всю Англію. Засѣданія „Института“ въ нынѣшнемъ году, въ которыхъ принимали участіе и писатели иностранные, въ томъ числѣ Эмиль Зола, державшій рѣчь объ анонимности въ печати, возбудили живѣйшій интересъ къ англійской журналистикѣ, которая, дѣйствительно, добилась могущественнаго развитія и вліянія на общественное мнѣніе своей родины. Но въ данномъ случаѣ факты— краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій, и весьма кстати по этому предмету въ „Revue bleue“ появился этюдъ Макса Леклерка, гдѣ собраны обстоятельныя и характерныя свѣдѣнія о государственномъ и общественномъ значеніи англійской журналистики.

Уже болѣе столѣтія, какъ пресса въ Англіи составляетъ существенную часть общественнаго и политическаго организма: она сама есть особое учрежденіе и наиболѣе вѣрная гарантія всѣхъ остальныхъ учрежденій. Въ цѣломъ мірѣ не существуетъ такой страны, гдѣ бы вся нація сплошь, начиная отъ высшихъ слоевъ общества и кончая низшими, читала больше газетъ, всякихъ журналовъ и книгъ, чѣмъ это наблюдается въ Англіи. Англійская пресса отличается наибольшей полнотой свѣдѣній, наибольшей правдивостью и

добросовѣстностью. Во всѣхъ слояхъ и во всѣ возрасты газета и книга являются тамъ наиболѣе могущественными воспитательными орудіями. Англичанинъ читаетъ всю свою жизнь, и не только ради развлеченія, но и для того, чтобы извлечь изъ чтенія какія-нибудь познанія,—даже и по завершеніи установленныхъ курсовъ обученія, ибо онъ естественно проникнутъ той мыслью, что человѣкъ никогда не кончаетъ учиться.

Вліяніе прессы на англичанъ въ теченіе текущаго столѣтія было громадно и благотворно. Уже въ 1831 г. лордъ Линдгорстъ говорилъ Гревиллю: „Конечно, Бэрнсъ могущественнѣйшій человѣкъ въ королевствѣ!"—Бэрнсъ редактировалъ въ то время „Times". Имѣется свидѣтельство авторитетнаго критика о томъ положеніи, какое занимала вся англійская пресса въ ту эпоху. „Тенденціи ея,—говорится въ „Westminster Review",—направлены были за добро и къ добру, и вліяніе ея было въ распоряженіи мудрости, добродѣтели и истины".

Спустя шестьдесятъ лѣтъ англійская пресса получила не менѣе лестный отзывъ отъ человѣка, въ рѣзкой и разумной прямотѣ котораго нельзя сомнѣваться.

„Пресса этой страны,—сказалъ лордъ Розберри на прошлогоднемъ банкетѣ „Института журналистовъ",—является руководительницей нашихъ государственныхъ дѣятелей и служитъ выраженіемъ идей націи. Не выполняя двухъ этихъ великихъ функцій, она совершенно не заслуживала-бы того уваженія, съ какимъ мы къ ней относимся. Девизомъ нашихъ журналистовъ можно бы выставить: „Будь справедливъ, ничего не страшись", ибо британская пресса заняла первое мѣсто среди прессы всего міра именно въ силу своей правдивости и неустрашимости".

Если Бэрнсъ уже въ 1831 году считался могущественнѣйшимъ человѣкомъ въ королевствѣ, то что же можно сказать въ настоящее время о редакторахъ пяти-шести большихъ лондонскихъ газетъ?

Прежнія весьма тяжкія стѣсненія мало-по-малу исчезли. Средства для дѣятельности разрослись до безконечности. Всѣ источники ума и богатства пущены въ дѣло, такъ что въ настоящее время о „Times" въ 3 пенса или газетѣ въ одинъ пенни, какъ бы тамъ ни звалась она „Standard", „Daily News" или какъ нибудь иначе, можно справедливо сказать, что это

совершеннѣйшій, необычайнѣйшій продуктъ человѣческой изобрѣтательности, резюмирующій всякій прогрессъ и, до извѣстной степени, являющійся составной силой всѣхъ открытій.

Въ 1846 году стала выходить первая большая газета въ одинъ пенни: то была лондонская „Daily News". Отсюда начинается эра дешевыхъ газетъ. Въ настоящее время существуетъ полдюжины большихъ утреннихъ газетъ, печатаемыхъ въ Лондонѣ и читаемыхъ во всей Англіи. Матеріальная ихъ организація представляетъ громадный капиталъ; онѣ могутъ выдержать любую конкурренцію. Бюджетъ каждой изъ главныхъ газетъ Лондона можно считать приблизительно такимъ: годовой расходъ среднимъ числомъ отъ 2.600.000 до 2.700.000 рублей; чистая прибыль въ годъ отъ 500 до 600 тысячъ рублей, что, въ виду 313 рабочихъ дней въ Англіи, составитъ въ день расходовъ $8^1/_2$ тысячъ рублей, прибыли 2 тысячи.

За одинъ пенни крестьянинъ и чиновникъ средняго класса получаютъ каждое утро 8 большихъ печатныхъ страницъ убористаго, яснаго и отчетливаго шрифта, на хорошей бумагѣ, гдѣ имѣются новости со всего міра, сообщенныя по телеграфу въ теченіе послѣднихъ сутокъ: политическія, литературныя, коммерческія, финансовыя, промышленныя, морскія, колоніальныя, — отличающіяся обиліемъ, точностью, классифицированныя, распредѣленныя по рубрикамъ, а въ случаѣ необходимости, и комментированныя. Даже умноживъ это читательское пенни на 300.000, какъ напримѣръ въ „Standard", этой суммой немыслимо покрыть всѣ безчисленные расходы по изданію. Не говоря о содержаніи редакціи, чего стоютъ бумага и типографскія чернила, отличающіяся доброкачественностью, крайне внимательное составленіе, разсылка; а экстренные поѣзда, въ 4 часа утра развозящіе совсѣмъ еще свѣжія газеты по всѣмъ направленіямъ.

Вся система тутъ зиждется на объявленіяхъ. Новости, статьи представляютъ собой плодовую косточку, окруженную толстой корой: четыре страницы объявленій окружаютъ четыре страницы „leaders" (руководящихъ статей) и телеграммъ. Объявленія о новорожденныхъ, о свадьбахъ, смертяхъ, отдающихся квартирахъ, выставкахъ, путешествіяхъ, театрахъ, спортахъ, отплытіи пароходовъ, о лошадяхъ и каретахъ, объ учебныхъ заведеніяхъ, казенныя объявленія, библіотечные, всевозможные коммерческіе анонсы, о банкахъ, страховыхъ обществахъ, о помѣщеніи и ссудахъ денегъ, о предложеніяхъ и требова-

ніяхъ работы, объ аукціонахъ и т. п. Это цѣлый міръ громаднаго рынка, гдѣ ищутъ все и все находятъ, такъ какъ здѣсь всему отведено опредѣленное мѣсто.

Средства этихъ крупныхъ предпріятій вполнѣ ясны. Гласность ихъ представляетъ товаръ, обложенный тарифомъ, и на него есть спросъ. Все значеніе ихъ гласности зависитъ отъ кліентуры читателей, которую, благодаря ихъ предпріимчивости и солидной репутаціи, удается собрать этимъ газетамъ. Изъ прибыли, которая получается съ объявленій, онѣ дорого платятъ за быстрое и вѣрное доставленіе извѣстій, удерживая и увеличивая свою кліентуру большими затратами своихъ барышей на постоянное изысканіе лучшихъ средствъ, въ видахъ удовлетворенія желанія читателя получать быстрыя и подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что случается на бѣломъ свѣтѣ. Объявленіями оплачиваются извѣстія, которыя удерживаютъ кліентовъ, печатающихъ тамъ свои объявленія.

Въ исторіи англійской печати есть факты, доказывающіе, что забота объ увеличеніи цифры прибылей не измѣняетъ понятій издателей объ ихъ обязанностяхъ относительно своихъ читателей. Въ 1845 г. желѣзнодорожная спекуляція въ Англіи приняла ужасающіе размѣры. Анонсы и рекламы новыхъ компаній наводняли столбцы „Times'a"; это одно давало ему въ недѣлю по 120.000 руб. Предвидя опасности, какія могла породить эта разнузданная спекуляція, а равно и кризисъ финансовый и промышленный, Джонъ Вальтеръ, наслѣдовавшій своему отцу въ издательствѣ „Times", не задумался предпринять рѣшительную кампанію противъ этихъ заманчивыхъ анонсовъ, которые приносили золото въ его кассу. Пригласивъ самыхъ независимыхъ публицистовъ и наиболѣе осторожныхъ финансистовъ, онъ печаталъ изо дня въ день статьи, въ которыхъ, горячо нападая на коноводовъ этой спекуляціи, разоблачалъ риски, какимъ могло подвергаться общественное сбереженіе, и немногія гарантіи, представлявшіяся этими импровизированными компаніями, ажіотажъ акцій, скорое крушеніе разныхъ проектовъ. „Times" лишился тутъ эфемернаго источника дохода, но вмѣстѣ съ значительной кліентурой читателей и подписчиковъ выигралъ въ общественномъ уваженіи.

Образцомъ англійской прессы можетъ служить „Times". Открывая номеръ „Times'a", выходящаго изъ печати въ 4 часа утра, просто поражаешься при мысли, что 24 часа

тому назадъ изъ всего находящагося на этихъ 16 страницахъ, прекрасно напечатанныхъ на превосходной бумагѣ,— ничего не было еще ни написано, ни сочинено, и даже не существовало въ зародышѣ; что въ 11 часовъ наканунѣ, въ палатахъ въ Манчестерѣ или въ Эдинбургѣ, быть можетъ, не было еще ни слова произнесено изъ всѣхъ этихъ громадныхъ рѣчей, протелеграфированныхъ и воспроизведенныхъ in extenso. Это исторія послѣднихъ сутокъ цѣлаго міра, въ сжатой передачѣ и превосходно классифицированная. Начиная съ 1870 года, когда удивительный Арчибальдъ протелеграфировалъ часъ за часомъ животрепещущую исторію франко-прусской войны, — электрическая проволока произвела революцію въ обычаяхъ англійской прессы и публики. Все, что пережило уже сутки,—считается старымъ и не заслуживающимъ мѣста на столбцахъ газеты. Всѣ большія лондонскія газеты имѣютъ въ европейскихъ столицахъ собственныхъ корреспондентовъ, получающихъ министерское содержаніе, которые каждый вечеръ телеграфируютъ сотни и тысячи словъ. „Times“ первый рѣшился на такіе громадные расходы, и всѣ послѣдовали его примѣру.

Въ рѣчи, произнесенной въ январѣ нынѣшняго года Присомъ, главнымъ инженеромъ почтоваго вѣдомства, отмѣчены слѣдующія данныя, свидѣтельствующія объ огромной работѣ, какую пресса задаетъ администраціи телеграфовъ Великобританіи: въ 1871 году для прессы телеграфировали 21 милліонъ словъ, въ 1891 г.—600 милліоновъ, т. е. около 2 милліоновъ въ день. Когда Гладстонъ произнесъ въ 1892 г. большую рѣчь въ Національной федераціи, въ Ньюкестлѣ, 390.778 словъ были переданы по телеграфу во всѣ части королевства.

Два факта ясно показываютъ, какъ англійскія газеты пользуются силой капитала и чего онѣ этимъ достигаютъ: Гладстонъ, первый министръ, собирался напечатать въ октябрскомъ номерѣ 1892 г. „North American Review“ статью по ирландскому вопросу. Это представляло литературный интересъ и являлось политическимъ событіемъ. Извѣстна горячая кампанія „Times'а“ противъ Гладстона и его плана „Home rule“. И вотъ эта газета добилась отъ редактора помянутаго „Review“ право воспроизвести зъ статьи 2.500 словъ, а всего ихъ было въ ней 4.583. „Times'у“ была протелеграфирована вся статья цѣликомъ изъ Нью-Іорка. Напечатавъ изъ нея около 2.000 словъ, онъ коментировалъ ее такъ, какъ будто

статья только что появилась въ Лондонѣ. Другой примѣръ. Въ періодъ послѣдняго экономическаго, финансоваго и политическаго кризиса въ Буэносъ-Айресѣ, сопровождавшагося столь гибельными послѣдствіями для англійскихъ капиталистовъ, „Times" отправилъ въ Аргентину превосходнаго корреспондента, который ежедневно, часъ за часомъ, сообщалъ по телеграфу всѣ подробности этого кризиса. Никакое правительство, никакой банкъ, несмотря на самое видное положеніе, не могли себѣ позволить подобной роскоши. Въ теченіе двухъ дней „Times" истратилъ на это до 15.000 руб. Но, благодаря ему, европейскіе капиталисты, на цѣлые милліарды заинтересованные въ дѣлахъ Южной Америки, на три недѣли раньше узнали о событіяхъ, для нихъ крайне важныхъ.

Въ провинціи имѣются свои газеты, располагающія почти такимъ же могуществомъ навѣрняка, не менѣе предпріимчивыя и не хуже, а подчасъ и лучше обезпеченныя извѣстіями, нежели лондонскія газеты. Столичная пресса имѣетъ въ нихъ сильныхъ, а нерѣдко и счастливыхъ конкуррентовъ. Назовемъ хотя бы „Manchester Guardian", „Liverpool Courier", „Birmingham Daily Post", „Leeds Mercury", — всѣ они сдѣлали бы честь любой столицѣ въ мірѣ. Въ Парижѣ нѣтъ газеты, располагающей столь блестящими средствами, какъ напримѣръ „Manchester Guardian", которая имѣетъ отдѣльныхъ корреспондентовъ въ главныхъ европейскихъ странахъ, бюро въ Парижѣ, собственныя телеграфныя проволоки съ Лондономъ и центральное агентство въ Лондонѣ. Эта газета столь же „полна", почти также обильно снабжена извѣстіями со всѣхъ частей земного шара, какъ и старшія ея столичныя сестры. По части собиранія свѣдѣній объ экономическомъ и коммерческомъ положеніи каждой области, о которой въ ней трактуется,—она не имѣетъ себѣ соперницъ.

Большія англійскія газеты, какъ лондонскія, такъ и провинціальныя, невѣроятнымъ духомъ предпріимчивости, громадными капиталами, дѣятельностью и умомъ своихъ администраторовъ осуществляютъ половину девиза, предложеннаго имъ лордомъ Розберри,—онѣ доказываютъ свое безстрашіе. Что касается второй части девиза—справедливости, то она точно соблюдается въ тонѣ газеты.

* * *

Англійская газета есть большое промышленное предпріятіе, заправилы котораго признаютъ себя отвѣтственными по

отношенію къ своимъ уполномоченнымъ и публикѣ. Ихъ товарищеская фирма, имя газеты, завоевавшей себѣ почтенную репутацію представляетъ драгоцѣнное сокровище, которое должно оберегаться съ той же сыновней любовью, какая воодушевляетъ заправилъ большихъ, солидныхъ и почтенныхъ торговыхъ домовъ города Лондона, Манчестера или Ливерпуля. Имъ не надо стремиться не только къ тому, что бы сдѣлать честь коммерческой своей фирмѣ, хорошо вести дѣла. На нихъ лежитъ нравственная отвѣтственность, тѣмъ болѣе тяжкая, чѣмъ болѣе процвѣтаетъ ихъ газета, чѣмъ болѣе она вліятельна. Они сознаютъ всю тяготу этой отвѣтственности и несутъ ее достойнымъ образомъ, въ высокой степени проникнутые чувствомъ высшаго интереса страны, чести англійскаго имени, уваженіемъ къ честному имени, частной жизни и интересамъ частныхъ людей.

Передовыя статьи не подписываются, являясь выразителями мнѣнія всей газеты. Мелочные вопросы самолюбія, личная полемика, даже полемика газетъ между собою исчезли. „Это болѣе не въ нравахъ. Вотъ уже полвѣка, какъ англичане поняли, что отдѣльныя лица ничто и что имѣютъ значеніе только идеи. Они вполнѣ основательно излѣчились отъ личностей". Чемберленъ, извѣстный парламентскій дѣятель, бывавшій въ самыхъ жаркихъ политическихъ схваткахъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ Бирмингамскомъ клубѣ прессы, свидѣтельствуетъ, что „вообще англійская пресса выказываетъ относительно своихъ политическихъ противниковъ столько справедливости, великодушія, безпристрастія, насколько умѣстно ожидать ихъ отъ человѣчества несовершеннаго и анонимнаго. Я многимъ обязанъ прессѣ, которая часто бичевала меня". Изъ воздѣйствія публики на газету и обратнаго воздѣйствія газеты на публику мало по малу и съ давнихъ поръ установилось такое мнѣніе, которое осуждаетъ и дѣлаетъ невозможнымъ это ребячество или эти выходки, отъ какихъ приходится страдать въ другихъ странахъ. Пресса естественно заняла положеніе особаго учрежденія, такъ какъ она черпаетъ свою силу исключительно въ томъ уваженіи, какимъ ее окружаютъ и какого она заслуживаетъ.

Публикѣ необходимо уступить ея долю. Она желаетъ обо всякомъ вопросѣ составить собственное мнѣніе, желаетъ знать все, что *за* и *противъ*, желаетъ выслушать всѣ стороны, заинтересованныя въ дѣлѣ, — касается-ли это

парламентскихъ дебатовъ, гражданскаго или уголовнаго процесса, или же какого-нибудь спора, сдѣлавшагося общественнымъ. Явленіе это не ново и служитъ извѣстнымъ доказательствомъ того, что общественные нравы могутъ считаться неповрежденными. Только руководящая статья въ газетѣ носитъ на себѣ печать той партіи, къ которой принадлежитъ газета. Все остальное чисто документальнаго характера: это отчеты. Какой-бы партіи газета ни держалась, она печатаетъ безпристрастный разборъ парламентскихъ дебатовъ, безъ всякихъ разсужденій или измѣненій.

То-же самое можно сказать о судебныхъ преніяхъ. Репортеромъ нерѣдко является достопочтенный юрисконсультъ, слишкомъ уважающій человѣческую свободу, чтобы считать виновнымъ обвиняемаго, заслуживающаго всяческой пощады, разъ онъ еще не осужденъ.

„Leaders", руководящія статьи, помѣщенныя въ центрѣ и составляющія ядро газеты, окружены компактной массой документовъ, точныхъ фактовъ. „Издатель", являющійся отвѣтственнымъ за мнѣнія и веденіе газеты, наблюдаетъ за всѣмъ. Ему все извѣстно, онъ слѣдитъ за всѣми вопросами, такъ какъ изображаетъ изъ себя самодержавнаго властителя, рѣшающаго, на какія тэмы и въ какомъ духѣ будутъ написаны „leaders" его сотрудниками. Нѣкоторыя „leaders" суть статьи, сочиненныя на-скоро, между 11 часами и половиной перваго пополуночи, по поводу какого-нибудь важнаго событія, сообщеннаго за послѣдній часъ, по поводу рѣчи, произнесенной въ тотъ-же вечеръ на другомъ концѣ Англіи или Европы. Другія — представляютъ собой то, что именуется хрониками или фельетонами, написанными болѣе свободно, на тэму менѣе животрепещущаго, современнаго интереса: въ родѣ географическаго открытія, вопросовъ соціальной экономіи, дипломатическихъ вопросовъ, сенсаціонныхъ процессовъ. Затѣмъ періодически являются—длинные столбцы съ жалобами на „fog",—ужасный туманъ, каждую зиму все сильнѣе и сильнѣе сжимающій свои тиски на горлѣ несчастныхъ лондонскихъ жителей. Эти статьи, обыкновенно, отличаются спокойнымъ и вѣжливымъ тономъ. „Это народная мудрость, это античный хоръ, бесѣдующій о событіяхъ дня", говоритъ одинъ писатель, спеціально изучающій Англію и ея нравы. Но случается, — все можетъ случиться,—что и мудрѣйшіе теряютъ голову: можно было видѣть, какъ изъ-за

этого несчастнаго ирландскаго вопроса,—всегда пребывавшаго прискорбнымъ и неразрѣшимымъ,—недавно почтеннѣйшія газеты прибѣгли къ самымъ дурнымъ средствамъ послѣдняго низменнаго партійнаго духа и допустили самую невѣроятную невоздержанность въ выраженіяхъ. Тѣмъ не менѣе, остается фактомъ, что вотъ уже тридцать - сорокъ лѣтъ, какъ тонъ англійской прессы,—даже въ самыхъ страстныхъ полемикахъ,—замѣтно исправился. Редакціи заполнились людьми съ образованіемъ и, благодаря имъ, общія идеи нашли въ повседневной прессѣ достойныхъ истолкователей и стали проникать въ массу публики.

Надо, однако, сдѣлать оговорку на счетъ всего, что касается внѣшней политики Англіи и сношеній ея съ иностранными державами. Въ этой области политическая, религіозная и національная партійность выступаетъ со всей своей силой и, лукавствомъ. На это имѣются два резона: незнакомство съ условіями чужой жизни, совокупный эгоизмъ или національная гордость. Самый даровитый англичанинъ, если только онъ истый англичанинъ, воспитанный въ англійскомъ духѣ, совершенно неспособенъ настолько отрѣшиться отъ себя, чтобы вполнѣ понять другой какой нибудь народъ, и, слѣдовательно, не можетъ отнестись къ послѣднему справедливо.

Врожденное чувство, укоренившееся убѣжденіе въ превосходствѣ англійской націи препятствуютъ борьбѣ его противъ этого безсилія отрѣшиться отъ самого себя, парализуютъ въ немъ чувство симпатіи и маскируютъ его собственную несправедливость. Эта несправедливость англійской націи по отношенію къ иноземцамъ является одновременно доказательствомъ ея силы и вмѣстѣ съ тѣмъ это недостатокъ, присущій расовой энергіи англичанъ.

* * *

За ежедневными газетами слѣдуютъ воскресныя газеты и еженедѣльныя изданія. Первыя, какъ „Lloyd's Newspaper", „Reynold's", „People" и другія, печатаютъ на потребу народа и мелкой буржуазіи резюме событій всей недѣли, сдобренное какимъ нибудь большимъ драматическимъ романомъ, читаемымъ въ теченіе безконечнаго воскреснаго дня. Вторые—журналы, стоющіе 6 пенсовъ—коментируютъ недѣльную лѣтопись критически, какъ напримѣръ „Truth". Для капиталистовъ имѣется „Economist" и „Statist", для духовенства—„Guardian", для спортсмэновъ—„Field", а для всеобщаго поль-

зованія—„Speaker", „Spectator" или „Saturday Review". Кромѣ этихъ, существуютъ еще десятки такихъ изданій, но два изъ нихъ заслуживаютъ отдѣльнаго упоминанія: „Academy"—почти исключительно научный журналъ, и „Athenaeum", представляющій собой неподражаемый образецъ критическаго журнала.

„Athenaeum" даетъ еженедѣльный обзоръ литературнаго, артистическаго и художественнаго движенія, совершающагося во всей британской имперіи и въ цѣломъ мірѣ. Въ Лондонѣ не появляется ни единой книги, о которой, по крайней мѣрѣ, не упомянули бы на его столбцахъ. Всякое сочиненіе, вносящее что либо новое, разбирается тамъ, reviewed, какъ говорятъ англичане.

Въ литературной области повторилось то же самое, что и въ политикѣ. Англійская публика пожелала получать литературныя свѣдѣнія, пожелала быть au-courant явленій литературы и искусства, быть независимой отъ какихъ-то иксовъ и зетовъ, надѣляющихъ одобреніемъ или порицаніемъ, преподносящихъ лесть или насмѣшку, смотря по настроенію, въ зависимости отъ требованій, лицепріязни или великодушія издателя. „Athenaeum" существуетъ болѣе ста лѣтъ и, начиная съ середины нашего столѣтія, благодаря общественной поддержкѣ, онъ восторжествовалъ надъ „рекламой и взяточничествомъ, царившими прежде". По его примѣру, большія провинціальныя газеты также предоставили читателю возможность быть au-courant всего, что печатается и достойно прочтенія, такъ что въ настоящее время „reviewers" „Manchester'a" или „Scotsman'a" являются почти авторитетами.

Далѣе идутъ ежемѣсячные журналы, а затѣмъ въ резервѣ и какъ бы въ центрѣ находится внушительное количество „Quarterlies" (выходящіе черезъ каждые 3 мѣсяца). Мѣсячные журналы дѣлятся на двѣ группы: „Reviews" и „Magazines". „Reviews" („Contemporary", „Fortnightly", „Westminster", „National", „Nineteenth Century") представляютъ собой серьезные сборники, занимающіеся исключительно соціальными и политическими вопросами. Каждый изъ нихъ является выразителемъ мнѣнія или оттѣнка мнѣнія политическаго и философскаго. Одни соблюдаютъ обычай анонимности, другіе отрѣшились отъ него. Первостепенные англійскіе писатели, свѣтскіе люди, дѣльцы, всевозможные спеціалисты—поочередно высказываются на этихъ столбцахъ по поводу интересующихъ ихъ вопросовъ или же отстаиваютъ

какое-нибудь положеніе по поводу текущихъ интересовъ. Всякій „честный человѣкъ", имѣя что-нибудь сказать, что заслуживаетъ быть сказаннымъ, всегда увѣренъ, что найдетъ себѣ мѣсто въ этихъ большихъ домахъ.

„Review" обращается къ такой публикѣ, которая мыслитъ и дѣйствуетъ; возвышенной своей цѣной она возбраняетъ себѣ путь въ болѣе скромные кружки. „Magazine" же обращается къ тѣмъ, кто желаетъ, чтобы ихъ кое-чему поучили, а главное развлекли. Стоитъ онъ всего 1 шиллингъ. Здѣсь отводится мѣсто фантастическимъ произведеніямъ и разсказамъ о путешествіяхъ. Таковы: „Blackwoods", „Macmillan's" „Cornhill", „Longman's", „Temple Bar", „Time", „Gentleman's Magazine" и многіе другіе. Не всѣ они и не всегда печатаютъ особенно избранныя произведенія, но они добросовѣстно развлекаютъ безчисленную свою публику.

Наконецъ, вотъ еще почтенные трехмѣсячные журналы „Edinburg Review" и „Quarterly Review". Оба они существуютъ по сто лѣтъ слишкомъ, и лишь издали слѣдятъ за современностью и колебаніями мнѣнія. Они удалились въ болѣе спокойныя области критики и исторіи.

* * *

Поглотивъ эту страшную массу печатнаго матеріала, выходящаго въ опредѣленный часъ, англійская публика, казалось-бы, не должна была болѣе располагать ни временемъ, ни силами для прочтенія того, что написано для чтенія, а не для бѣглаго просмотра, т. е. книги. Казалось-бы, что передъ этимъ наводненіемъ газетъ и періодическихъ изданій, книга должна-бы стушеваться и затѣмъ исчезнуть. Ничуть не бывало. Новыя книги въ Англіи многочисленнѣе и читаются болѣе, чѣмъ когда-либо.

„Times" объявляетъ ежедневно о выходѣ въ свѣтъ такого количества новыхъ книгъ, какое въ газетахъ другихъ странъ не отмѣчается и за недѣлю—до 25 новыхъ книгъ въ день. Большинство англійскихъ издательскихъ фирмъ насчитываетъ слишкомъ сто лѣтъ своего существованія и зиждется на непоколебимыхъ основахъ. Довѣріе и извѣстность „Murray'я", „Macmillan'а", „Longmans'а" вошли въ поговорку. Книга бываетъ или дорога или крайне дешева,—средины нѣтъ. Англійскій издатель никогда не согласился-бы поставить свое имя на первой страницѣ книги,—будь она дорогая или дешевая,—если она не отпечатана вполнѣ ясно и чисто

и на хорошей бумагѣ. Первое изданіе книги почти всегда дорого и почти всегда расходится. Въ случаѣ большого успѣха книги, шесть мѣсяцевъ спустя или черезъ годъ, она выходитъ популярнымъ изданіемъ. Съ другой стороны, въ публикѣ весьма распространены дешевыя и притомъ превосходныя изданія древнихъ и классическихъ авторовъ.

„Вы можете пріобрѣсти себѣ половину литературныхъ шедевровъ по 3 пенса за томъ,—говорилъ недавно лордъ Розберри въ одной народной аудиторіи.—Вы будете имѣть всего Шекспира за 9 пенсовъ; всѣ поэмы Мильтона за ту же цѣну; почти всего Диккенса по $4^1/_2$ пенса за томъ. Вѣдь это невѣроятно получить Пиквикскій клубъ за $4^1/_2$ пенса!.. А между тѣмъ,—это истинный фактъ. На стоимость шляпы вы можете пріобрѣсти себѣ такую библіотеку, какой никогда не собрать было всѣмъ средневѣковымъ торговымъ принцамъ ни Фуджерамъ, ни Медичисамъ, даже если-бы они вздумали расплатиться за то всей своей кровью“...

Всякій можетъ, конечно, купить книгу, стоющую 4—9 пенсовъ. А кто же будетъ платить по 9—12 шиллинговъ за самый маленькій, только что изданный томикъ? Какъ эти новыя и столь дорогія книги находятъ кліентуру—вотъ вопросъ. А также, какъ могутъ существовать эти безчисленныя „Reviews“ и „Magazines“? И тутъ точно также принимаетъ участіе духъ ассосіаціи, столь могущественный и столь благотворный для англійскаго общества. Обезпеченной кліентурой издателей и періодическихъ изданій являются: „подвижныя библіотеки“, публичныя библіотеки, народные, буржуазные и аристократическіе клубы.

* * *

Въ самыхъ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, точно также какъ и въ Лондонѣ, на газеты, журналы, новыя и классическія произведенія существуетъ абонементъ у книгопродавцевъ за самую минимальную плату. Благодаря такой системѣ, всѣ семьи, за малыми исключеніями, еженедѣльно собираютъ обильную жатву съ книгъ и журналовъ, въ которыхъ для каждаго находится матеріалъ, согласно съ его вкусами и потребностями. Одинъ англичанинъ отлично понялъ эту жажду знанія, снѣдающую его соотечественниковъ. Онъ обладалъ организаторскимъ геніемъ. Имя его прославилось, какъ имя великаго изобрѣтателя. То былъ Мьюди, онъ создалъ въ Лондонѣ громадное центральное агентство,

нѣчто въ родѣ всасывающаго и нагнетательнаго насоса, собирающее по выходѣ изъ станковъ печатный матеріалъ, и немедленно распредѣляющее его между абонентами, по всѣмъ концамъ королевства и даже всей британской имперіи. Онъ изобрѣлъ „подвижную библіотеку". Заплативъ 4 пенса въ годъ, абоненты получаютъ еженедѣльно цѣлую кипу вновь вышедшихъ и ими избранныхъ книгъ, которыя они возвращаютъ по прочтеніи. У Мьюди такая значительная кліентура, что онъ нерѣдко беретъ на себя одно или нѣсколько изданій какой-нибудь новой книги, на которую, по его мнѣнію, долженъ быть большой спросъ. На интелектуальный налогъ, въ видѣ абонемента у Мьюди или у какого-нибудь мѣстнаго книгопродавца,—не согласится рѣдкій глава семейства. Самъ онъ найдетъ для себя все, выходящее въ свѣтъ, въ своемъ клубѣ. Но онъ желаетъ, чтобы жена и дѣти его также имѣли свою долю.

Клубы распространяются повсюду, гдѣ говорятъ на англійскомъ языкѣ, и всякій клубъ, — зовется-ли онъ „Ahtenaeum", „Carlton", „Devonshire" или это какой-нибудь просто скромный „Mechanic's Institute"—будутъ-ли членами его богатые буржуа или простые ремесленники,—абонированъ на всѣ большіе газеты и журналы. Возьмемъ для примѣра каталогъ зала періодическихъ изданій народнаго клуба „Leeds Mechanic's Institution". Мы находимъ здѣсь 22 утреннихъ газеты (по 5 экземпляровъ мѣстныхъ газетъ, 3 экземпляра „Times"а); 4 вечернихъ газеты, 74 еженедѣльныхъ періодическихъ изданій; 67 reviews и magazines, выходящихъ помѣсячно; 5 трехмѣсячныхъ журналовъ.

Рабочіе и мелкіе буржуа Leeds могутъ читать и, дѣйствительно, читаютъ все, что люди съ высшимъ образованіемъ находятъ въ „Union Club", литераторы—въ „Athenoeum'ѣ" и члены Парламента—въ „National Liberal Club" или въ „Conservative".

Самый новѣйшій и наиболѣе характеристическій симптомъ этой универсальной жажды учиться находимъ въ исторіи „Free Librairies", въ безплатныхъ библіотекахъ.

Одинъ человѣкъ, имя котораго почти позабыто, несмотря на то, что онъ оказалъ большую услугу своей родинѣ, добился въ 1850 году голосованія въ парламентѣ билля, который слѣдовало-бы назвать „Lex Ewart". Въ силу этого „акта", всякій приходъ уполномочивается устроивать и поддерживать безплатныя библіотеки, посредствомъ общественнаго налога, сумма котораго не должна превышать 1 пенни на фунтъ подоходнаго налога. Избиратели были призваны къ голосо-

ванію утвердительнымъ или отрицательнымъ отвѣтомъ на слѣдующій вопросъ: беретъ-ли на себя приходъ устройство и содержаніе безплатной библіотеки? И большинство подлежащихъ налогу (ratepayers) высказались утвердительно. Эта идея долго прокладывала себѣ дорогу. Съ 1850 по 1886 годъ, въ теченіе 36-ти-лѣтняго періода, всего 133 города или прихода воспользовались правомъ, дарованнымъ актомъ 1850 года. Но въ теченіе 4 лѣтъ, съ 1887—1890 г., законъ совершилъ 70 новыхъ пріобрѣтеній, по 17 въ годъ, вмѣсто 4. Въ особенности долго упорствовалъ Лондонъ. Въ 1885 году тамъ насчитывалось всего двѣ публичныхъ библіотеки, а въ іюнѣ 1890 года тамъ было ихъ 19.

„Помню, — говоритъ одинъ писатель,—какъ гнѣвался Густавъ Флоберъ въ негодованіи на большіе города во Франціи и главные города въ департаментахъ, гдѣ нѣтъ ни одной или имѣется всего одна книжная лавка".

Тоже самое какъ-то высказывалъ Карлейль объ Англіи. „Какъ это возможно, чтобы въ каждомъ городѣ не было своей библіотеки? Повсюду встрѣчаете вы полицію, тюрьму, висѣлицы. Почему же у васъ нѣтъ библіотекъ?" Карлейль и Флоберъ одобрили бы современную Англію. Каждый городъ стремится имѣть одну или нѣсколько безплатныхъ библіотекъ, наравнѣ съ общественными банями; какъ то, такъ и другое сдѣлалось неизбѣжнымъ. Замѣчаніе это невольно пришло на мысль Гладстону при открытіи имъ безплатной библіотеки Saint Martin's Lane 12-го февраля 1891 года, въ Лондонѣ. 1-го января 1889 года въ этомъ кварталѣ устроена была временная библіотека. Зало періодическихъ изданій посѣтило слишкомъ 400.000 человѣкъ въ теченіе перваго года. 25-го октября лордъ Розберри, въ свою очередь, открылъ безплатную библіотеку, содержаніе которой обитатели Whitechapel,—бѣднѣйшаго квартала въ Лондонѣ,—рѣшились принять на свой счетъ. Едва успѣли ее открыть, какъ въ ней уже оказалось, среднимъ числомъ, по 2.654 посѣтителей въ день.

Максъ Леклеркъ сообщаетъ слѣдующее о видѣнныхъ имъ безплатныхъ библіотекахъ въ Бирмингамѣ: „Ихъ существуетъ нѣсколько и распредѣлены онѣ въ разныхъ кварталахъ города. Какъ-то въ полдень зашелъ я въ ту, которая находится противъ ратуши. Это большое палаццо, прекрасно освѣщенное, прекрасно вентилированное и вполнѣ независимое. Въ rez-de-chaussée помѣщается громаднѣйшая

зала съ періодическими изданіями. Я увидѣлъ здѣсь разложенными въ образцовомъ порядкѣ и возбуждающими интересъ всѣ важнѣйшія газеты, провинціальныя и лондонскія, „Journal des Débats“, „National Zeitung“, литературные, спеціальные журналы, magazines—цѣлыми сотнями; „Revue des Deux Mondes“ и „Revue d'Ethnographie“. Нѣсколько сотенъ читателей, ремесленниковъ въ рабочихъ блузахъ, мелкихъ буржуа, — всѣ крайне серьезно, не теряя ни одной минуты и ни единой строки, не произнося ни слова, — были заняты чтеніемъ. Въ глубинѣ залы каталогъ книгъ развѣшанъ на большихъ колоннахъ, гдѣ каждый томъ обозначенъ подвижнымъ номеромъ. На колоннѣ съ помѣткой „Наука“ и на колоннѣ съ помѣткой „Исторія“ девять десятыхъ томовъ отмѣчены словомъ „взяты“. Въ 1885 году муниципальный совѣтъ жертвовалъ до 100.000 рублей на центральную библіотеку, которую посѣщало тогда ежедневно по 5.000 читалей, и на добавочныя библіотеки, каждая въ 10.000 томовъ, и получающія всѣ періодическія изданія. Эти библіотеки по кварталамъ имѣли 11.000 посѣтителей, доставляя публикѣ по 2.000 томовъ ежедневно. Въ народѣ замѣчается такой живой интересъ къ этимъ учрежденіямъ, что, во время выборовъ, избиратели кварталовъ, не снабженныхъ еще библіотеками, никогда не забываютъ поставить кандидатамъ слѣдующій вопросъ: „Подадите ли вы голосъ за устройство безплатной библіотеки и читальни съ газетами въ округѣ?“ Замѣтьте, что вмѣстѣ съ этимъ они требуютъ увеличенія налога“.

Гладстонъ при открытіи вышеупомянутой библіотеки въ Saint Martin's Lane, справедливо сказалъ, что „досуги ихъ (англійскихъ рабочихъ и тружениковъ), могутъ проходить въ этихъ библіотекахъ, и какое счастье видѣть, съ какимъ рвеніемъ и съ какой поспѣшностью по всей странѣ трудящееся населеніе схватилось за представившійся ему случай“.

Какъ не пожелать, чтобъ когда-нибудь вездѣ можно было повторить то, что сказалъ лордъ Розберри въ лондонскомъ кварталѣ Whitechapel о вліяніи, какое могутъ оказать хорошія дешевыя книги и безплатныя библіотеки: „человѣкъ, который читалъ Шекспира, Теннисона и сочиненія всѣхъ тѣхъ, кто читалъ и полюбилъ ихъ, находится въ общеніи со всѣми великими умами всѣхъ временъ. Это какъ-бы тѣсное франкмассонство, которое воспитываетъ самое человѣчество“.

Ѳ. Б.

Stanford University Libraries
3 6105 005 564 989

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE